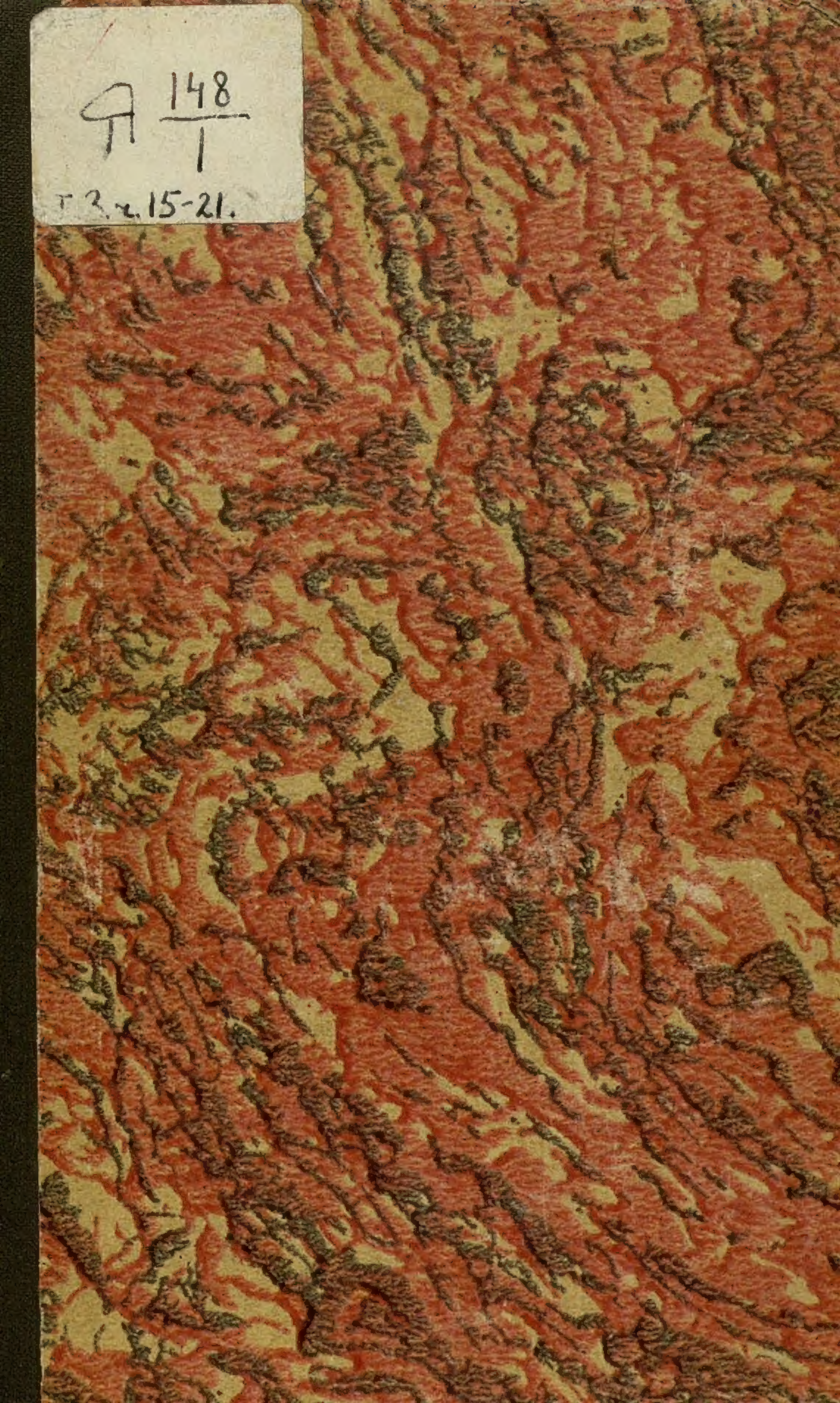


Я 148/1
т. 3, ч. 15-21.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1872 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЧАСТИ XV—XXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.
1872.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ
АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738–1793.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15, кв. № 3.
1872.

2007041915

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XV.

Сочинена въ 1807 году, а переписана 1809.

ВЪ ДВОРЯНИНОВѢ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности о бывшихъ произшествіяхъ въ нещастное время моровего повѣтрія.

1771.

(1807)

Письмо 151-е.

Любезный пріятель! Ну, мой другъ! теперь дошелъ я до того несчастнаго времени, въ которое не только мы, но все почти отечество наше поражено было неизреченнымъ смущеніемъ, горестію и печалію. Мы же всѣ, жившіе въ мѣстахъ здѣшнихъ, мучились и страдали такимъ расположеніемъ духа, которое изобразить никакое перо не можетъ; и разскажу вамъ не токмо все случившееся съ самими нами, но и то, что могли мы тогда слышать и узнать о происходившемъ и въ несчастной нашей старушкѣ-Москвѣ и въ мѣстахъ прочихъ.

Я упоминалъ вамъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, что пагубной подарокъ Оттоманской Порты, которой до того извѣстенъ намъ былъ подъ именемъ моровой язвы, а тогда въ первые чумою началъ называться, внѣдрился болѣе нежели за годъ въ южные предѣлы нашего отечества, и свирѣпствовалъ уже давно и довольно сильно въ Кіевѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ къ Молдавіи, изъ которой зло сіе преселилось къ намъ, и гдѣ подвержена была оному и вся воюющая тогда еще противъ турковъ наша армія и претерпѣвала отъ него очень много.

По неизбѣжному сообщенію оной съ Россіею и по всегдашней ѣздѣ оттуда и туда людей, не можно было никакъ не допустить того, чтобъ не вкралась она и въ наши предѣлы. Какія ни употребляемы были къ тому предосторожности и сколько ни надѣлано было вездѣ карантиновъ, но всѣми ими ничего не сдѣлано, и, можетъ быть, болѣе оттого, что какъ бѣдствіе сіе было для насъ совсѣмъ ново и очень давно въ Россіи небывалое, то и не знали еще какъ съ нимъ лучше обходиться и какъ предпринимать противъ его надежнѣйшія мѣры. А самое сіе распространило зло сіе далѣе и допустило достигнуть ему до Москвы самой.

О сей упоминалъ уже я вамъ, что зло сіе оказалось въ ней еще въ ноябрѣ минувшаго 1770 года, и какъ нигдѣ не могло оно быть такъ бѣдственно и опасно, какъ въ семъ столичномъ великомъ городѣ, простирающимъ коммуникацію свою всюду и всюду и имѣющимъ непосредственное сообщеніе со всѣми краями государства, то удивительно-ли, что изъ ней распространилось зло сіе чрезъ нѣсколько времени и по разнымъ другимъ не

только городамъ, но и селеніямъ самымъ.

Поспѣшествовало весьма много къ тому и то, что, по новости сего бѣдствія и по неопытности еще совершенной, сначала менѣе оное уважали, сколько-бъ надобно, и по неблаговременной политикѣ долѣе оное утаеваемо было, нежели сколько-бъ надлежало; а потому, хотя и принимали нѣкоторыя мѣры къ утушенію сего зла и къ недопущенію его распространиться, но мѣры сіи были слишкомъ еще слабы и далеко къ тому недостаточны; а оттого и произошло, что зло сіе, внѣдрившись однажды, не только не утихло, но часъ отъ часу въ Москвѣ увеличивалось болѣе, какъ о томъ и упоминалъ я, говоря о фабрикѣ суконной, о которой носилась молва, что оная еще зимою вся вымерла.

Но какъ, несмотря на то, долгое время еще не былъ возбраненъ ни въѣздъ въ Москву, ни выѣздъ изъ оной, а всѣ, имѣющіе надобности въ оной, во всю весну и лѣто невозбранно въ нее ѣзжали, а изъ ней не только они, но и всѣ, коимъ только ни хотѣлось быть въ Москвѣ, безъ всякой остановки изъ оной выѣзжали и всюду, и всюду разъѣзжались; то натурально многіе изъ сихъ разъѣзжавшихся, когда не сами выѣзжали уже заразившимися, такъ вывозили съ собою многія вещи, зараженныя симъ ядомъ, и такія, отъ которыхъ могли заражаться въ уѣздахъ и въ другихъ мѣстахъ и самые люди. И Москву не прежде вздумали запереть, какъ тогда, когда было уже слишкомъ поздно и когда зло сіе сдѣлалось въ Москвѣ повсемѣстнымъ и начало свирѣпствовать уже въ полной мѣрѣ; а когда ядъ сей развезенъ уже былъ всюду и всюду, тогда начали употреблять хотя уже и строгость и подѣлали множество вездѣ заставъ и карантиновъ, но все то помогало уже мало.

Сія важная и непростительная проступка тогдашняго правительства нашего и произвела то, что всѣ, живущіе въ деревняхъ и уѣздахъ, во всю сію весну и лѣто жили спустя рукава, и до самаго сентября мѣсяца всего меньше о благовременномъ предприниманіи всѣхъ нужныхъ предосторожностей помышляли, а чрезъ самое то допустили внѣдриться сему злу отъ приходящихъ и пріѣзжающихъ съ Москвы и въ селеніяхъ многихъ.

Все сіе разсказываю я вамъ изъ собственной опытности, ибо и о самихъ себѣ могу сказать то же самое, что говорилъ теперь о другихъ. До насъ хотя и доходили отъ времени до времени слухи о увеличивающейся въ Москвѣ заразѣ, но какъ, по пословицѣ говоря, рубили тогда еще не нашу тысячу, то и не было намъ дальнаго горя, и болѣе потому, что почитали себя отъ Москвы слишкомъ отдаленными, и увидѣвъ, что зло сіе не такъ-то скоро распространяется, какъ мы сначала себѣ воображали, думали, что къ намъ оно и вовсе не дойдетъ.

Далѣе полагали и не одинъ разъ говаривали мы, что ежели-бъ зло сіе и начало къ намъ приближаться, такъ успѣть можно куда-нибудь и уѣхать далѣе; напримѣръ: если нельзя будетъ въ которую-нибудь изъ ближнихъ деревень, такъ хотя-бъ и въ самую степную козловскую или шадскую.

Таковыми-то помышленіями занимались и симъ-то образомъ старались мы сами себя ободрять и утѣшать во всю послѣднюю половину августа мѣсяца, въ которую слухи о Москвѣ стали становиться часъ отъ часу страшнѣе и ужаснѣе. Но, какъ у насъ не только вблизи, но и въ самомъ Серпуховѣ зла сего еще не было, то все-таки жили мы себѣ въ прежнемъ спокойствіи духа и продолжали прежніе свои разъѣзды и свиданія другъ съ другомъ.

Но не успѣлъ наступить сентябрь мѣсяцъ, какъ вдругъ однимъ утромъ пораженъ и въ неописанной страхъ и ужасъ приведенъ я былъ извѣстіемъ, что моръ едва-ли не внѣдрился въ самое наше Тулеино. Мнѣ сказывали, что въ сей деревнѣ, отстоящей отъ насъ только версты за четыре, одинъ мужикъ, принадлежащій князю Горчакову, скоропостижно умеръ, а другой, пришедшій изъ Москвы, при смерти боленъ.

Господи! какъ вострепетало тогда во мнѣ сердце, какъ я сіе услышалъ, и какъ поразительно было намъ всѣмъ извѣстіе о столь близкой уже къ намъ опасности, а особливо, что чума завелась уже въ такой деревнѣ, съ которою имѣли мы необходимое всякой день сообщеніе и откуда къ намъ, и отъ насъ туда всякій день, и денно и нощно ходили и ѣзжали люди. Мы не инако тогда думали и полагали, что Тулеино наше въ немногіе дни вымретъ все, до единаго человѣка, а между тѣмъ, того и смотри, что дѣло дойдетъ до насъ и мы такому-жъ бѣдствію подвергнемся.

Все сіе сгоняло насъ то и дѣло въ кучки и побуждало къ совѣщаніямъ о томъ, чтó намъ при такихъ опасныхъ обстоятельствахъ дѣлать, какъ себя спасать, и какія брать предосторожности? И тогда не одинъ разъ приходила мысль, чтобъ не совершилось и вправду того, о чемъ мы шутя говорили, и чтобъ не заставила неволя насъ и дѣйствительно оставить домъ и все милое и немилое, и бѣжать куда зря, для спасенія своей жизни!

Словомъ, мысли о семъ не выходили у насъ у всѣхъ ни на минуту изъ головы, и мы погрузились въ такое уныніе и смущеніе, какого изобразить не можно, и надобно признаться, что дружной переходъ изъ прежняго спокойнаго въ такое неизреченно смутное расположеніе духа было для насъ очень трудно. Всѣ наши дѣла и обыкновенныя занятія сдѣлались намъ вдругъ немилы, ничего не хотѣлось дѣлать и ни о чемъ даже и мыслить.

Самые сады мои лишились въ глазахъ моихъ всѣхъ своихъ прелестей и меня по прежнему утѣшать не хотѣли. У меня начали-было заниматься въ нихъ опять осенними работами и продолжать обрабатывать нижній мой садъ уступами и сходами. И я и понынѣ забыть того не могу, какъ, вышедши тогда для смотрѣнія сихъ работъ и сѣвши на краю одного уступа, подлѣ прекрасной моей березы на горѣ, стоящей предъ самыми окнами, и пригорюнившись, самъ себѣ, вздыхая, говорилъ:

«Ахъ! ужъ продолжать ли мнѣ сіи дѣла? и есть-ли для кого и для чего предпринимать всѣ оныя и такъ много хлопотать и трудиться? Чрезъ нѣсколько недѣль, но что я говорю, можетъ быть чрезъ немногіе только дни опустѣетъ все наше селеніе, и проклятая чума, внѣдрившись и къ намъ, перегубитъ и здѣсь всѣхъ жителей отъ мала до велика и не останется никого изъ всѣхъ нынѣ живущихъ здѣсь. И тогда что будетъ не только съ садомъ, но и со всѣмъ селеніемъ и домомъ симъ? Не должны ли будутъ всѣ сіи мѣста на нѣсколько лѣтъ запустѣть и всѣ мои заведенія и труды уничтожиться и погибнуть?

«Можетъ быть и послѣ многіе годы не захочетъ никто на сихъ несчастныхъ и опасныхъ мѣстахъ жить, и они впадутъ въ самое запустѣніе и останутся одни только сіи бугорки и уступы признаками бывшихъ тутъ нѣкогда украшеній; да и кому достанется все сіе, и кто мѣстами сими владѣть будетъ, о томъ единому Богу только извѣстно!

«Кто знаетъ, что съ самими нами произойдетъ? Мы такіе-же люди, какъ и прочіе, и такимъ-же образомъ заразиться и помереть всѣ безъ остатка можемъ, какъ бывало то и, можетъ быть, не одинъ разъ въ старину при случаѣ моровыхъ бывшихъ у насъ повѣтрій.

«Ахъ! не будутъ ли нѣкогда потомки наши и на сіи мѣста и всѣ здѣшнія земляныя мои работы и подѣланные уступы съ такими-жъ чувствіями смотрѣть, съ какими смотримъ мы въ пустошахъ нашихъ на видимые еще и по нынѣ остатки плотинъ отъ бывшихъ въ селеніяхъ прудовъ и самыя даже гряды, бывшія на огородахъ и овинныя и погребныя ямы жителей, нѣкогда тутъ жившихъ и войнами и повѣтріями истребленныхъ. Не легко ли то же и съ симъ мѣстомъ и селеніемъ случиться можетъ? И почему знать, можетъ быть время сіе гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ и воображаемъ? Заразиться и умереть очень недолго, и тогда прости все и все. Не

взмилится и самое лучшее и драгоцѣннѣйшее».

Сими и подобными сему горестными и почти отчаянными размышленіями занимался я дѣйствительно не только въ тотъ день, но не одинъ разъ и въ послѣдующій за симъ.

О чумѣ всѣ мы имѣли тогда еще очень темное и несовсѣмъ правильное понятіе, и воображали ее себѣ несравненно опаснѣйшею, нежели какова была она въ самомъ дѣлѣ. Мы не инако думали, что вездѣ, гдѣ она ни заведется, не оставитъ она въ живыхъ ни одного уже человѣка, ибо такое мнѣніе имѣли всѣ о повѣтріяхъ моровыхъ, бывшихъ въ древнія времена въ Россіи; а сіе болѣе всего насъ изумляло, устрашало и приводило въ отчаяніе.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ни перепуганы были помянутымъ извѣстіемъ, но въ тотъ день мы ничего еще особливаго не предпринимали, и я имѣлъ еще столько духа, чтобъ въ ободреніе другихъ сказать: что, Богъ знаетъ, правда-ли еще то, и такъ-ли подлинно все намъ говорятъ; а надобно напередъ хорошенько распровѣдать о томъ.

И, дѣйствительно, наутріе послали въ деревню сію нарочнаго и велѣли обо всемъ порядочно распросить и развѣдать въ подробность; и какое неописанное удовольствіе возчувствовали и какъ обрадованы были всѣ мы, какъ посыланной, возвратившись, засвято увѣрялъ насъ, что изъ всего того, что мы слышали, и половина неправда, и что чумы тамъ вовсе еще нѣтъ, а случившееся далеко не таково страшно и опасно.

Онъ разсказывалъ намъ, что мужикъ хотя и умеръ дѣйствительно скоропостижно, но онъ былъ больной и дряхлой и давно уже не работалъ; а другой больной мужикъ вовсе и въ Москвѣ не бывалъ, а былъ только въ подмосковной, и боленъ ногами, и неопасною болѣзнію.

— Вотъ, сударыни! воскликнулъ я, прибѣжавши къ своимъ домашнимъ и сказывая имъ сіе радостное извѣстіе: не правда-ли моя, что можетъ быть все дѣло и не такъ, какъ теперь и оказалось. Народъ нашъ любитъ ко всему прилыгать и прибавливать.

Но не успѣли мы, такъ сказать, перевести духъ и успокоиться опять нѣсколько, какъ въ тотъ же еще самый день поражаетъ меня другое, и того еще страшнѣйшее извѣстіе. Сказываютъ мнѣ, что моръ есть уже и въ Нижней-Городнѣ и что мужикъ, да двѣ бабы, ни горя, ни боля, въ ней померли.

Какъ ни страшно и ни поразительно было для насъ сіе новое извѣстіе, но мы испужались уже гораздо меньше и тотчасъ сказали: «но, Богъ знаетъ, правда-ли и точно-ли такъ? не прибавляютъ ли и тутъ что-нибудь, какъ по тулеинскому дѣлу?—Надобно и о семъ узнать короче и распровѣдать».

А по самому сему слухъ сей и не въ состояніи былъ насъ остановить въ предпринимаемой въ сей день ѣздѣ, ибо госпожи наши расположились въ сей день ѣхать въ село Савинское, гдѣ поднимали тогда на церковь крестъ, и имъ сію церемонію видѣть хотѣлось; а я, съ Михаиломъ Матвѣевичемъ, расположился съѣздить къ другу моему, господину Полонскому, у котораго мы тогда и были. А по возвращеніи оттуда, имѣлъ я удовольствіе узнать, что и послѣднее извѣстіе о Городнѣ не совсѣмъ было справедливо; но произшествіи, случившіяся тамъ, были такого рода, что опасности никакой отъ того не предвидѣлось. Все сіе случилось 3-го и 4-го числа сентября мѣсяца.

Успокоившись отъ сего испуга и напраснаго еще страха, принялись мы за прежнія дѣла и упражненія; и какъ около сего времени поспѣли и всѣ яблоки въ садахъ, и симъ былъ отмѣнно хорошій родъ въ сіе лѣто, то приступилъ я съ спокойнымъ духомъ къ снимапію оныхъ съ деревъ и убиранію къ мѣсту. А кончивъ сіе дѣло, съѣздилъ я съ родными своими въ Калединку для празднованія тамъ праздника ихъ, Рождества Богородицы, въ которомъ празднованіи и разъѣздахъ тамъ по разнымъ гостямъ и провели мы нѣсколько дней

и не прежде домой возвратились, какъ 11-го числа; да и къ сему принудило меня то, что я, будучи въ Калединкѣ, нѣсколько позанемогъ, а пріѣхавши въ домъ, совсѣмъ-было разнемогся; но, по счастію, жаръ и все прочее прошло очень скоро.

Съ сего времени по самый почти конецъ сего мѣсяца не произошло собственно у насъ ничего почти особливаго; и хотя слухи о распространяющемся часъ отъ часу болѣе моровомъ повѣтріи продолжались, но мы, будучи помянутыми двумя произшествіями нѣсколько подкрѣпляемы, не такъ много ихъ уважали и не слишкомъ давали имъ себя смущать, но продолжали разъѣзжать, какъ и въ спокойныя времена, почти ежедневно по гостямъ, или угощать у себя къ намъ пріѣзжающихъ.

Но, при случаѣ одного такого выѣзда, перетрощены мы были однажды чрезвычайно, а именно, въ одинъ день пріѣзжаетъ къ намъ гость, нѣкто г. Карповъ, и пробывши у насъ сутки, расположился съѣздить отъ меня къ господину Полонскому и подговорилъ съѣздить туда же вмѣстѣ съ нимъ и мою тещу.

Но, что-жъ! случись въ самое то время, какъ они были у господина Полонскаго, пріѣзжаетъ къ нему прямо изъ Москвы и уже изъ зараженнаго чумою дома его теща, ускакавшая безъ памяти изъ сего города. Наши крайне были тѣмъ перепуганы, ибо въ тогдашнее время всѣ пріѣзжіе съ Москвы были для всѣхъ крайне опасны, и будучи не ради, что туда заѣхали, спѣшили, какъ возможно скорѣе, оттуда уѣхать.

Признаюсь, что непріятно было и мнѣ, что имъ и людямъ нашимъ случилось вмѣстѣ быть съ пріѣзжими изъ Москвы. Но какъ испужался я, когда на другой день послѣ того, проводивъ отъ себя господина Карпова, услышалъ я, что теща моя стала жаловаться, что у ней вдругъ заболѣла очень нога, покраснѣла, горѣла и сдѣлалась на ней страшная инфламація. — «Ахъ, батюшки! возопилъ я самъ въ себѣ, будучи въ душѣ своей крайне симъ встревоженъ. Уже не моровая-ли это язва и не смертоносной-ли нарывъ хочетъ это дѣлаться? Уже не захватила-ль она подарка сего въ Зыбинкѣ отъ ускакавшей изъ Москвы тещи г. Полонскаго? Уже не сидѣла-ли она подлѣ сей пріѣзжей и, можетъ быть, уже заразившейся чумою, и не пристала ли она къ ней уже отъ сей гостьи? — О, Господи! что тогда съ нами бѣдными будетъ, вѣдь и мы всѣ заразимся отъ ней и погибнуть будемъ должны.»

Словомъ, я перетревоженъ былъ тѣмъ неизобразимымъ образомъ, и хотя принявъ наружной спокойной видъ, я и ободрялъ ее, говоря, что это ничего не значитъ и что, конечно, она ногу свою какъ-нибудь простудила и хочетъ быть это рожа; но на умѣ у меня было совсѣмъ не то, а трепетали во мнѣ даже всѣ члены.

Къ вящему-жъ смятенію моему пришли къ намъ въ самый тотъ-же день съ повѣсткой изъ города и съ строгимъ приказаніемъ, чтобъ вездѣ въ деревняхъ, на всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ становили заставы и брали возможнѣйшія предосторожности отъ размножающейся повсюду моровой язвы.

Посыланные сіи сказывали намъ, что всѣ уѣзды раздѣлены на многіе участки, и что въ участки сіи опредѣлены изъ живущихъ въ нихъ дворянъ, такъ-называемые, частные смотрители, и имъ накрѣпко приказано за всѣми селеніями, въ ихъ частяхъ находящимися, имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе и всегда ихъ осматривать; а въ случаѣ несчастія употреблять всѣ предосторожности и принимать нужныя мѣры, и что поводъ къ сдѣланію всѣхъ таковыхъ распоряженій подало то, что въ Москвѣ, за выѣздомъ изъ ней всѣхъ знатныхъ и самого главнаго начальника, господствуетъ почти совершенное безначаліе, и что народъ разбѣгается въ разныя стороны и разноситъ съ собою уже страшнымъ образомъ увеличившуюся язву, отъ которой всякой день помираетъ многое множество народа. И такъ-де нужно, чтобъ сихъ разбѣгающихся всюду и всюду людей никуда

не пускали или, хватая, запирали въ особыя мѣста и держали ихъ, какъ въ карантинахъ.

Теперь представьте себѣ, любезный пріятель, каково было мнѣ, встревоженному и безъ того болѣзнію моей тещи, слышать все вышеупомянутое. Признаюсь, что минуты сіи были для меня тяжелы очень и день сей преисполненъ множествомъ трудовъ, заботъ, смущеній и безпокойствъ; ибо какъ опасность сдѣлалась тогда уже достовѣрною, то нечего было долго думать, а надобно было и для собственной своей безопасности поспѣшить исполненіемъ повелѣваемаго.

Итакъ я, созвавши своихъ деревенскихъ сосѣдей, ну-ка вмѣстѣ съ ними самъ ходить по всѣмъ въѣздамъ и выѣздамъ въ нашемъ селеніи, и одни, при себѣ, заставливать наглухо, загораживать и заглушать, а на необходимѣйшихъ становить изъ людей и крестьянъ нашихъ заставы и учреждать строгіе караулы съ неугасимыми огнями, и приказывать накрѣпко никакихъ постороннихъ и незнакомыхъ людей въ селеніе не впускать, а изъ знакомыхъ проѣзжихъ окуривать и не давать имъ воли останавливаться, а провожать ихъ поскорѣе изъ селенія вонъ.

Не успѣли мы все сіе кончить, какъ вдругъ, 21 числа сего мѣсяца, поражены неописаннымъ образомъ всѣ мы были страшнымъ извѣстіемъ о случившемся въ Москвѣ великомъ несчастіи, и бывшемъ въ оной страшномъ мятежѣ, возмущеніи и убивствѣ архіерея московскаго.

Господи! какъ перетревожилъ и смутилъ всѣхъ насъ тогда слухъ о семъ печальномъ происшествіи! Намъ случилось тогда быть всѣмъ вмѣстѣ, какъ мы сіе извѣстіе услышали и насъ оно такъ всѣхъ поразило, что мы остолбенѣли и не могли долго ни одного слова промолвить, а только другъ на друга взглядывали, и насилу-насилу собрались съ духомъ и начали разсуждать и говорить о семъ предметѣ. И чего, и чего не придумали мы тогда о могущихъ произойти оттого печальныхъ и бѣдственныхъ слѣдствіяхъ!

Поводомъ къ несчастному происшествію сему и обстоятельствы онаго были, сколько намъ тогда по разносившимся слухамъ и по письму одного самовидца, имѣвшаго въ семъ бѣдствіи личное соучастіе, было извѣстно — слѣдующія:

Какъ скоро язва въ Москвѣ такъ сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее въ предѣлахъ, какія предосторожности и старанія къ тому употребляемы ни были, и чума взяла верхъ надъ всѣми полагаемыми ей препонами; то сіе такъ всѣхъ живущихъ въ ней устрашило, что всякій, кто только могъ, сталъ помышлять о спасеніи себя бѣгствомъ и дѣйствительно уѣзжалъ и уходилъ изъ сего несчастнаго города, а особливо, узнавъ, что не было къ тому и дальнаго препятствія. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ строгія заставы, невыпускавшія никого изъ Москвы; но сіе продолжалось только до того времени, покуда имѣлъ самъ главнокомандующій тогда Москвою, старичокъ фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ въ ней свое пребываніе, и находились также и всѣ военныя команды въ городѣ.

Но, какъ для увеличивающейся съ каждымъ днемъ опасности принуждены были и всѣ почти послѣднія вывесть изъ города въ лагерь, да и самъ главнокомандующій уѣхалъ въ свою подмосковную деревню; — то ослабѣла сама по себѣ какъ полиція, такъ и прочія власти, и Москва поверглась въ такое состояніе, которое походило почти на безначаліе, и очумленная общимъ и повсемѣстнымъ несчастіемъ, глупая чернь дѣлала что хотѣла, ибо ни смотрѣть за нею, ни дѣйствія ея наблюдать было некому, а всякому нужно было только о самомъ себѣ помышлять.

При таковомъ критическомъ положеніи, когда изъ господъ и дворянъ никого почти въ Москвѣ не было и въ домахъ ихъ находились оставшіе только холопи, и тѣ голодные; раскольники же и чернь негодовали на учрежденіе карантиновъ, запечатаніе торговыхъ бань,

непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія коммиссіею учрежденныя распоряженія, которыя были не по ихъ глупому вкусу.

Не оставили и попы съ своей стороны дѣлать злу сему возможнѣйшее споспѣшествованіе, будучи движимы корыстолюбіемъ и желая отъ народа обогатиться. Нимало не изъ благочестія и истиннаго усердія, а единственно изъ корысти учреждали они по приходамъ своимъ ежедневные крестные ходы, и сдѣлали сіе безъ всякаго отъ начальства своего дозволенія. Но какъ народъ отъ сихъ скопищъ при ходахъ еще пуще заражался, ибо мѣшались тутъ больные, и зараженные и здоровые, то попы, увидѣвъ, наконецъ, что они отъ доходовъ при сихъ богомоліяхъ, заражаясь отъ другихъ, и сами стали помирать, какъ то имъ отъ архіерея было предсказано, сіи хожденія со крестами бросили.

Но праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Надобно было бездѣльникамъ, выдумать чудо и распустить по всей Москвѣ слухъ, что не вся надежда еще потеряна, а есть еще способъ избавиться отъ чумы чрезъ поклоненіе одной иконѣ.

Орудіемъ къ тому были двое: одинъ гвардейскаго Семеновскаго полку солдатъ, Савелій Бяковъ, а другой фабричной Илья Аѳанасьевъ.

Бездѣльники сіи, при вспоможеніи однаго попа отъ церкви Всѣхъ Святыхъ что на Кулишкѣ, выдумали чудо, которое, хотя ни съ величествомъ божіимъ, ни съ вѣрою здравою, ниже съ разумомъ было согласно, но которому однако, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, глупая, безразсудная и легковѣрная чернь въ состояніи была повѣрить. А именно, на Варварскихъ воротахъ, въ Китаѣ-городѣ, стоялъ издревле большой образъ Богоматери, называемой «Боголюбской»; и помянутой попъ разгласилъ вездѣ, будтобы оной фабричной пересказывалъ ему, что онъ видѣлъ во снѣ сію Богоматерь, вѣщающую ему такъ:

«Тридцать лѣтъ прошло, какъ у ея образа, на Варварскихъ воротахъ, не только никто и никогда не пѣлъ молебна, но ниже предъ образомъ поставлена была свѣча; то за сіе хотѣлъ Христосъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упросила, чтобъ вмѣсто онаго быть только трехмѣсячному мору».

Какъ ни груба и ни глупа была сія баснь, и какъ ни легко можно было всякому усмотрѣть, что выдумана она самымъ невѣждою и глупцомъ; однако не только чернь, но и купцы тому повѣрили, а особливо женщины, по извѣстному и отмѣнному ихъ усердію къ Богоматери и приверженности ко всѣмъ суевѣріямъ, слушали съ отмѣннымъ благоговѣніемъ разсказы фабричнаго, сидящаго у Варварскихъ воротъ и обирающаго деньги съ провозглашеніемъ: «Порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу»! и взапуски другъ предъ другомъ старались изъявить свою набожность служеніемъ сему образу молебновъ и всеночныхъ; и сіе дѣлала не только чернь, но и самое купечество.

А жадные къ корысти попы, оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались туда съ налоями и производили сущее торжище, а не богомоліе; ибо всякой, для спасенія живота своего, не жалѣлъ ничего, а давалъ все, что могъ, добиваясь только службы, или подавалъ подаяніе. Отсего, натурально, долженствовало произойти то слѣдствіе, что во всѣ часы дня и ночи подлѣ воротъ сихъ находилась превеликая толпа народа; а денежныхъ приношеній накидано было отъ него цѣлый сундукъ, тутъ же подлѣ образа стоявшій.

А какъ ничто тогда не было такъ вредно и опасно, какъ таковыя скопища народныя, поелику чрезъ самое то и отъ прикосновенія людей другъ къ другу чума наиболѣе и размножалась; то полиція московская, какъ ни слаба была уже тогда въ своемъ дѣйствіи, и какъ много ни занималась единымъ только вывалакиваніемъ крючьями изъ домовъ зачумѣлыхъ и погибшихъ отъ заразы, вываживаніемъ ихъ за городъ и зарываніемъ въ большія ямы

но не упустила и помянутаго стеченія народнаго у Варварскихъ воротъ изъ вида, но сначала всячески старалась разгонять народъ. Но какъ мало въ томъ успѣвала по чрезмѣрной и даже слѣпой приверженности народа къ образу и возлаганія имъ на него всей надежды, то разсудила дать о томъ знать бывшему тогда въ Москвѣ архіерею и предложить ему, чтобъ онъ поспѣшествовалъ къ тому съ своей стороны снятіемъ съ воротъ и удаленіемъ куда-нибудь помянутаго образа.

Первенствующимъ архіереемъ былъ тогда въ Москвѣ Амвросій, мужъ отличныхъ достоинствъ, обширныхъ знаній и житія добродѣтельнаго. Сей, по причинѣ оказавшейся въ Чудовѣ монастырѣ (гдѣ онъ имѣлъ обыкновенное свое пребываніе) заразы, высылая больныхъ вонъ, сидѣлъ самъ тогда изъ предосторожности въ заперти; но, узнавъ о помянутомъ вредномъ стеченіи народа у Варварскихъ воротъ, долгомъ своимъ почелъ пресѣчь сіе позорище.

Намѣреніе его было удалить оттуда служащихъ молебны и всеночныя поповъ, а образъ Богоматери перенесть во вновь построенную тутъ же у воротъ императрицею церковь Кира Іоанна, потому что по причинѣ приставленной къ образу лѣстницы и множества превеликаго молящихся, не было въ Варварскія ворота ни прохода, ни проѣзда; а собранныя тутъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательной домъ, въ коемъ былъ онъ опекуномъ.

Вслѣдствіе чего и посланы были люди для призыва тѣхъ поповъ въ консисторію; но они, разлакомившись прибытками и узнавъ, зачѣмъ ихъ призываютъ, не только отреклись туда иттить, но еще угрожали присланнымъ побить ихъ каменьями. Сіе хотя и раздражило архіерея, но онъ, какъ благоразумный мужъ, укротивъ свой гнѣвъ, за лучшее призналъ посовѣтовать о томъ, какъ бы поступить лучше въ такомъ щекотливомъ случаѣ, съ нѣкоторымъ начальникомъ воинскихъ командъ и испросить у него для вспоможенія себѣ небольшую воинскую команду.

Опасеніе, чтобъ не обратить на себя простолюдиновъ и глупую чернь, произвело у нихъ такое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени снятіе и перенесеніе иконы, а къ собраннымъ у Варварскихъ воротъ деньгамъ, дабы онѣ фабричными не были расхищены, приложить только консисторскую печать; а дабы учинить сіе безопаснѣе, то и дано было обѣщаніе прислать на вспоможеніе небольшую воинскую команду изъ Великолуцкаго полку.

Итакъ, 15 сентября, въ 5 часовъ пополудни, пришла въ Чудовъ монастырь помянутая команда, состоящая въ шести солдатахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ. И какъ наступилъ вечеръ, то, въ надѣяніи, что народъ разошелся уже по домамъ,— и отправилась оная команда съ двумя консисторскими подьячими и консисторскою печатью, взявъ съ собою и того самаго попа, разглашателя о чудѣ и которой въ тотъ день допрашиванъ былъ по сему предмету въ консисторіи.

Но прежде, нежели команда сія пришла къ воротамъ Варварскимъ, городской плацъ-маіоръ былъ о томъ уже, и какъ видно отъ самаго сего попа, съ которымъ онъ дѣлился сборами денежными, предувѣдомленъ. И сей бездѣльникъ, зараженный корыстолюбіемъ, жалѣя собранныя деньги, поспѣшилъ, до прихода еще ихъ, приложить самъ печать свою къ сундуку съ деньгами, а народу разгласилъ, что ввечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону и захватитъ себѣ всѣ собранныя деньги.

Симъ произвелъ онъ во всѣхъ тутъ бывшихъ для богомолія многихъ людяхъ великій ропотъ и негодованіе, и, видя ихъ наклонность къ недопущенію до того, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ у Варварскихъ воротъ, въ ихъ кузняхъ находившихся, и ожидалъ съ ними и другими людьми уже въ готовности вступить съ посыльными въ самый бой.

Итакъ, когда пришла команда консисторская, то нашла она тутъ уже пре-

великую толпу вооруженнаго всякою всячиною народа, и консисторскій подъячій едва только хотѣлъ приложить печать къ сундукамъ, какъ вдругъ нѣкто закричалъ: «бейте ихъ»! и вмѣстѣ съ симъ словомъ бросилось на команду множество людей и начали бить и солдатъ, и подъячихъ. И какъ сіи, натурально, стали обороняться, то и произошла отъ сего въ одинъ мигъ страшная драка, соединенная съ воплемъ и крикомъ превеликимъ: что «грабятъ икону Богоматери и бьютъ защищающихъ ее»; а сіе и воспламенило въ одинъ мигъ все пламя мятежа и народнаго возмущенія.

Вопль и крикъ разливался по всѣмъ улицамъ, какъ вода; во всѣхъ ближнихъ приходскихъ церквахъ ударили въ колокола въ набатъ, а потомъ на Спасскихъ воротахъ, и, наконецъ, и по всѣмъ приходскимъ церквамъ и во всемъ городѣ; а сіе и произвело всеобщую тревогу и возмущеніе всего народа, которой со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, кольями, топорами и другими орудіями.

Таковое смятеніе, натурально, нагнало на всѣхъ людей, составляющихъ лучшую и умнѣйшую часть народа, страхъ и ужасъ; но никто такъ тѣмъ перетревоженъ не былъ, какъ помянутой архіерей. Сей, какъ предчувствуя приближающуюся къ нему его страдальческую кончину, толико пораженъ былъ извѣстіемъ, полученнымъ о семъ мятежѣ, что отъ смущенія не зналъ что дѣлать.

Нѣкто изъ консисторскихъ чиновниковъ, бывшій тогда съ нимъ вмѣстѣ и все несчастное произшествіе съ нимъ видѣвшій, и самъ въ ономъ нѣкоторое участіе имѣвшій, описываетъ оное въ письмѣ къ пріятелю своему слѣдующими словами:

«О таковомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыко немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ, къ Михайлу Григорьевичу Собакину, въ надеждѣ тамъ переночевать, яко у холостого человѣка. Мы застали его больного въ постелѣ и отъ набатовъ въ великой страхъ пришедшаго.

«Мы принуждены были его оставить. Совѣтъ положили оттуда ѣхать къ господину Еропкину; но какъ только выѣхали мы со двора отъ господина Собакина, то приказалъ онъ мнѣ везти себя въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то-есть въ Донской монастырь, не ѣхать.

«Ѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Народъ бѣжалъ повсюду толпами и кричалъ только: «грабятъ Боголюбскую Богоматерь!» — всѣ, даже до ребенка, были вооружены! Всѣ, какъ сумасшедшіе, въ чемъ стояли, въ томъ и бѣжали, куда стремленіе къ убивству и грабительству влекло ихъ.

«Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь. Въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію, я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе. Но владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ; нравъ народа былъ ему извѣстенъ.

«Въ тотъ же вечеръ, обратившаяся отъ Варварскихъ воротъ, чернь устремилась ночью на Чудовъ монастырь и, разломавъ ворота, искала вездѣ архіерея, грозя убить его.

«Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, было похищаемо, разоряемо и до основанія истребляемо. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи, тѣ, гдѣ я съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и консисторскія, и всѣ монашескія кельи и казенная палата, со всѣмъ, что въ оной ни было, были разграблены.

«Окны, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, и даже въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самой антиминсъ въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны были отъ такого народа, которой по усердію будто за икону вооружался. Тому же жребію подвержены были наши библіотеки и бумаги».

«Въ то время жилъ въ Чудовѣ, для излеченія болѣзни, пріѣхавшій архимандритъ Воскресенскаго монастыря, Никонъ, меньшой братъ архіерея. Чернь,

нашедъ его и почитая архіереемъ, не только совсѣмъ ограбила, и хотя до смерти не убила, но такъ настращала, что онъ отъ страха въ умѣ помѣшался и вскорѣ умеръ.

«Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были чудовскіе погреба, въ наемъ Птицыну и другимъ отдаваемыя, съ французской водкой, разными винами и аглинскимъ пивомъ. Не только мужчины, но и женщины приходили тутъ пить и грабить.

«Однимъ словомъ, цѣлыя сутки грабленъ и расхищаемъ былъ Чудовъ монастырь и никто никакой помощи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолуцкой для защищенія оставленной города? Гдѣ, напослѣдокъ, градодержатели?

«Изъ чего заключить можно, что городъ оставленъ и брошенъ былъ безъ всякаго призрѣнія. Изъ знатныхъ бояръ находился одинъ только Еропкинъ въ городѣ, и того убійцы искали, чтобъ умертвить. Прочіе же разъѣхались всѣ по деревнямъ.

«Ѳедоръ Ивановичъ Мамоновъ, пріѣхавъ на гауптвахту, просилъ хотя десяти солдатъ, съ коими могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова, но капитанъ отозвался неимѣніемъ на то указа. Итакъ, до тѣхъ поръ дрался въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибитъ былъ каменьемъ.

«О семъ произшествіи свѣдали мы на другой день, то-есть 16-го числа, чрезъ посланнаго въ Чудовъ одного служителя изъ Донского монастыря.

«Въ таковомъ случаѣ не оставалось намъ иного дѣлать, какъ поскорѣй удалиться изъ города. Мы бы тотчасъ уѣхали, но безъ билета никто изъ города выпускаемъ не былъ.

«Владыко приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ, письменно, господину Еропкину съ такимъ представленіемъ: что, посыланная, съ общаго ихъ согласія, къ Варварскимъ воротамъ, для извѣстнаго дѣла, команда отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіонныхъ солдатъ разбита; что, устремившаяся ночью на Чудовъ, чернь все разбила и одни только остались стѣны; что оная же чернь, хотя вездѣ искала его убить, но особливымъ Божіимъ Провидѣніемъ онъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсвирѣпѣвшей черни принуждаютъ его искать убѣжища внѣ города.

«Окончаніе письма состояло въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободнаго изъ города выпуску; чтобы Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшею братіею принялъ онъ въ свое призрѣніе, и чтобъ о таковомъ плачевномъ состояніи благоволилъ въ Санктпетербургъ представить.

«Вмѣсто билета присланъ былъ отъ господина Еропкина конной гвардіи офицеръ съ приказаніемъ, чтобъ владыко поскорѣй выѣхалъ изъ Донского монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали.

«Сказавъ сіе, офицеръ побѣжалъ отъ насъ давъ знать, что онъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкого и оттуда велитъ проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыко уѣхать.

«Между тѣмъ, какъ владыко переодѣвался и покуда сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленія, услышали мы шумъ, крикъ и пальбу около Донского монастыря. Чернь, отбивъ карантины и Даниловъ монастырь и другіе карантинные дома, спѣшила къ Донскому монастырю.

«Какимъ образомъ свѣдала она о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, о томъ неизвѣстно и по сіе время. Ни то посланный поутру въ Чудовъ монастырь, для развѣдыванія, служитель разгласилъ неосторожно; ни то монастырскіе слуги донскіе разсказали; послѣднее вѣроятнѣе.

«Уже была подвезена кибитка, въ которую лишь только владыко, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и поѣхать съ монастыря (успѣлъ), какъ вдругъ начали убійцы ломать монастырскія, со всѣхъ сторонъ, вороты. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигло.

«Всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, иска

ли себѣ спасенія. Владыко съ никольскимъ архимандритомъ Епифаніемъ пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли обѣдню; разсѣявшаяся по монастырю чернь, состоявшая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины и топоры и всякія убивственныя орудія, искали архіерея и всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь узнать, гдѣ скрылся архіерей.

«Что владыко со мною и въ моей каретѣ изъ Чудова уѣхалъ, сіе видѣли многіе, а тутъ увидѣли ее на дворѣ Донского монастыря и узнали. Одинъ изъ подъячихъ архіерейской канцеляріи, тутъ же бывшій, объявилъ о моей каретѣ. Кучеръ и лакеи никакъ не сказали, хотя ихъ смертно били, чтобъ они объ архіереѣ и обо мнѣ объявили.

«Наконецъ свѣдали они, что архіерей въ церкви, а я скрылся въ банѣ, ибо мой малый, посадя меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворамъ въ руки; а при мнѣ въ то время сидѣли въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили баню.

«Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни. Страдалецъ изъ олтаря увидѣлъ, что народъ съ оружіемъ и дрекольми вошелъ въ церковь, и узнавъ, что его ищутъ, исповѣдался у служившаго священника и приобщился св. тайнъ, а потомъ пошелъ на хоры, позади иконостаса.

«Между тѣмъ, какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ олтарь и искали тамъ владыку, одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой! въ какомъ тогда находился я отчаяніи жизни моей! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мнѣ тогда находившимися.

«Просилъ я ихъ о нечиненіи мнѣ зла. Вдвое того просили, не знаю еще какіе сторонніе, называя меня по имени и приписывая мнѣ имя добраго и честнаго человѣка, въ числѣ коихъ былъ и помянутой подьячій нашъ, Красной.

«Меня потащили изъ бани, и встрѣтившаяся другая злодѣйская партія лишила бы меня жизни, хотя двѣ и получилъ отъ нихъ контузіи, еслибъ первые мои злодѣи не приняли меня подъ свое покровительство и защищеніе. Таково-то дѣйствіе золота и серебра.

«Едва взошелъ я съ ними на церковную паперть, какъ вдругъ воспослѣдовала съ нами, провожаемая изъ церкви съ крикомъ и шумомъ радостнымъ, покойнаго страдальца роковая встрѣча.

«Злодѣи мои, закричавъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» бросили меня полумертваго. Представь себѣ, л. д., что со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходило!

«Сидя еще въ банѣ, приуготовлялъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцовъ, радуяся, что достигну мученическаго вѣнца; а тутъ уповалъ, что неминуемо потащатъ меня вмѣстѣ со владыкою изъ монастыря. Но божеское Провидѣніе сохранило меня цѣла и невредима.

«Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ винныхъ и порочнѣйшихъ людей. Въ нынѣшнее же время архіерей и пастырь вытащенъ былъ отъ своихъ овецъ на убіеніе! Вотъ плоды просвѣщеннаго вѣка.

«Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію той жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыко убитъ до смерти.

«Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія вороты, гдѣ колокольня, и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мученическимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа.

«Спустя четверть часа и скончался новой московской мученикъ, и тѣло, избитое и обагренное кровію, лежало на распутіи день и ночь цѣлую, пока синодальной конторы члены, чрезъ полицейскую команду, заблагоразсудили поднять.

«Вотъ точная трагедія, коей былъ я самъ зрителемъ.

«Проливъ неповинную кровь, убійцы, изъ коихъ, какъ наиглавнѣйшій, былъ

дворовой человѣкъ полковника Александра Раевскаго, по имени Василій Андреевъ, и цѣловальникъ, московской купецъ Иванъ Дмитріевъ (кои оба потомъ, на томъ же мѣстѣ, казнены висѣлицею), со многими другими побѣжали въ городъ производить дальнѣйшія неистовствы; а я, чрезъ часъ послѣ убивства владыки, уѣхалъ въ Черную Грязь къ князю Матвѣю Дмитріевичу Кантемиру, гдѣ и братъ мой находился».

Сіи были точныя слова сего свидѣтеля и очевидца сей трагедіи. Какой, собственно, былъ онъ человѣкъ и къ кому сіе писалъ, до свѣдѣнія моего не дошло. Почему, оставя сіе, буду продолжать исторію московскаго мятежа далѣе такъ, какъ носившаяся тогда молва о томъ повѣствовала.

Помянутымъ тираническимъ убивствомъ совсѣмъ невиннаго святителя, все богомерзкое скопище злодѣевъ сихъ нимало не удовольствовалось и не усмирилось; но, остервенившись однажды уже, разсѣялось оно толпами по всѣмъ улицамъ городскимъ и начали грабить и производить всякаго рода наглости и буянствы.

Они провели весь тотъ день въ сихъ безчиніяхъ мерзкихъ и безчеловѣчныхъ. Самая наступившая потомъ ночь не могла укротить ихъ бѣшенства и звѣрства; но злодѣйскія скопища ихъ умыслили звѣрство свое и буянство простирать на утріе далѣе: перебить всѣхъ докторовъ и лекарей и всѣхъ, какіе были еще, начальниковъ, а потомъ разграбить Кремль и все въ немъ находящееся; а особливо расхитить сокровища, которыя они въ Успенскомъ и другихъ соборахъ найтить надѣялись.

Соблазняло и поджигало къ тому ихъ наиболѣе то извѣстное имъ обстоятельство, что Москва находилась тогда въ совершенномъ почти безначаліи. Главные командиры всѣ разъѣхались по подмосковнымъ своимъ деревнямъ; а и самыхъ воинскихъ командъ было очень мало, ибо всѣ прочія выведены были за городъ, въ лагерь, для безопасности.

Что-жъ касается до полицейской команды, то они ее, для малочисленности оной, не уважали и думали, что ей со всѣмъ ихъ великимъ множествомъ никакъ сладить не можно. А по всему сему и возмечтали звѣрскіе злодѣи сіи, что имъ ничто не въ состояніи будетъ воспрепятствовать произвесть злодѣйское свое намѣреніе въ дѣйство.

Въ семъ расположеніи злодѣйскихъ своихъ сердецъ и умовъ, сговорились они на утріе сбѣжаться со всѣхъ сторонъ на большую торговую площадь, между Кремлемъ и рядами находящуюся. И не успѣло наступить утро послѣдующаго бѣдственнаго и кровопролитнаго дня, какъ и повалили со всѣхъ сторонъ превеликія толпы бѣснующаго народа въ Китай-городъ.

Уже наполнилась вся площадь и всѣ улицы между рядами безчисленнымъ множествомъ онаго; уже многія сотни или паче тысячи бездѣльниковъ сихъ бѣгали и бродили по Кремлю самому и допивали остаточныя вины, отыскиваемыя въ погребахъ, тамъ находящихся; уже всѣ храмы и ряды, съ безчисленными сокровищами и товаровъ несмѣтнымъ множествомъ, подвержены были явной и ежеминутной опасности отъ расхищенія, и наивеличайшее бѣдствіе висѣло уже власно, какъ на волосѣ, надъ всею Москвою; какъ невидимая десница Всемогущаго удержала еще бѣдственной и роковой ударъ сей и, по безконечной благости своей, пощадила еще сію древнюю столицу обладателей нашихъ, употребивъ къ отвращенію того совсѣмъ неожидаемое и, повидимому, ничего почти незначущее, но такое средство, которое возъимѣло тогда успѣхъ, превзошедшій всякое чаяніе и ожиданіе.

Сыскался въ нѣдрахъ Москвы одинъ усердный россіянинъ и истинный сынъ отечества своего, восхотѣвшій жертвовать всѣми силами и самою даже жизнію своею для спасенія великаго города сего отъ бѣдствія величайшаго.

Былъ то отставной и никакой уже должности на себѣ неимѣвшій, престарѣлый и мало до того народу извѣстный, а того менѣе славный генералъ, по фамиліи

Еропкинъ, а по имени, достойному вѣчнаго незабвенія, Петръ Дмитріевичъ.

Благодѣтельствующій еще Москвѣ Промыслъ Господень удержалъ его, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, на сіе время, и власно какъ нарочно для прославленія его, въ Москвѣ и не допустилъ его выѣхать изъ ней вмѣстѣ съ прочими.

Сей не успѣлъ услышать о происшедшемъ мятежѣ подлѣ Варварскихъ воротъ и потомъ о убіеніи архіерея, какъ, вѣдая, что нѣтъ никого изъ начальниковъ московскихъ, кому-бъ о усмиреніи мятежа стараніе приложить было можно, и предусматривая, что остервенившійся народъ при одномъ томъ не останется, а простретъ наглости свои далѣе, рѣшился вступить самопроизвольно, хотя совсѣмъ не въ свое, но крайне нужное тогда дѣло, и принять главное начальство надъ всѣми находившимися въ Москвѣ немногими военными командами, и неусыпно трудился во всю ночь не только собраніемъ всѣхъ ихъ, колико ему то учинить было возможно, въ Кремль, но желая хотя сей спасти отъ наглости и расхищенія народнаго, успѣлъ сдѣлать и всѣ нужныя распоряженія къ недопущенію народа ворваться въ оный.

Четыре входа было тогда въ сію древнюю цитадель и извѣстны подъ четырьмя воротами: Спасскими, Никольскими, Вознесенскими и Боровицкими; но изъ всѣхъ одни только Вознесенскія оказались способными къ загражденію оныхъ затворами и желѣзными опускными рѣшетками; прочія-же долговременная безопасность, въ коей сія столица находилась, сдѣлала къ тому неспособными.

Итакъ, по сдѣланному господиномъ Еропкинымъ распоряженію, помянутыя Вознесенскія вороты тотчасъ были наглухо заперты и заграждены; а во всѣхъ прочихъ, кои запереть не было возможности, поставлены были пушки со многочисленными командами людей военныхъ, собранныхъ имъ кое-какъ и призванныхъ изъ-за города.

Симъ нетолько возбраненъ былъ входъ внѣ Кремля находящимся мятежникамъ, но и всѣ случившіеся внутри Кремля злодѣи захвачены и переловлены.

По учиненіи сего, престарѣлый генералъ, увидѣвъ страшное множество скопившагося на торговой площади народа, и слыша крикъ и вопль ихъ, чтобъ иттить на проломъ въ Кремль для расхищенія онаго, отважился выѣхать верхомъ къ нимъ, и разъѣзжая между ними, усовѣщивать и всячески уговаривать народъ, чтобъ онъ успокоился и не простиралъ безчинія своего далѣе.

«Полно, полно, друзья мои! говорилъ онъ имъ: что это вы затѣяли? Опомнитесь, пожалуйте, и подумайте, такое ли время теперь, чтобъ помышлять о такихъ наглостяхъ и безчиніяхъ. Смерть и безъ того у насъ у всѣхъ передъ глазами, и гнѣвъ Господень и безъ того насъ поражаетъ, и надобно-ли гнѣвить его еще болѣе злодѣяніями такими». *

Но всѣ сіи и множество другихъ убѣжденій, которыми онъ бунтующую чернь уговорить и укротить старался, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Множайшіе не хотѣли нимало внимать убѣжденіямъ и словамъ его, и злѣйшіе изъ мятежниковъ кричали только ему:

«Убирайся-ка, убирайся, старикъ, самъ скорѣе прочь отсюда, а то и самого тебя стащимъ съ лошади. Слышишь! не твое дѣло, и ты ступай прочь отсюда».

Нечего было тогда дѣлать сему престарѣлому мужу, какъ дѣйствительно удалиться опять въ Кремль къ своимъ командамъ; но, по достиженіи до оныхъ, не оставилъ онъ еще кричать и убѣждать ихъ всячески, говоря, чтобъ они отходили прочь и не отваживались никакъ ломиться къ воротамъ, сказывая имъ прямо, что буде не послушаются, то онъ по дуракамъ велитъ стрѣлять.

Но они не хотѣли тому никакъ вѣрить. И какъ по приближавшимся къ Спасскимъ воротамъ велѣлъ онъ выстрѣлить, для единаго устрашенія, одними пыжами и направивъ выше головъ и они увидѣли, что никто изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ, то возмечтавъ себѣ, что не беретъ ихъ никакая пуля и пушка и

что сама Богоматерь защищаетъ и охраняетъ ихъ, съ великимъ воплемъ бросились и повалили прямо къ воротамъ.

Но, несчастные того не знали, что тутъ готовы были уже иныя пушки, заряженныя ядрами и картечами; и какъ изъ сихъ посыпались на нихъ сіи послѣднія, а первыя цѣлыя улицы между ими дѣлать начали, перехватывая кого надвое, кого поперегъ, и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая, то увидѣли, но уже поздно, что съ ними никакъ шутить были ненамѣрены.

И какъ таковая неожидаемая встрѣча была имъ весьма непріятна и всѣ злѣйшіе заводчики, бѣжавшіе впереди, почти наповалъ были побиты и ядры, попадая въ стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, однимъ выстрѣломъ по нѣскольку десятковъ умерщвляли; то сіе бывшихъ назади такъ устрашило, что всѣ бросились назадъ и разбѣжались въ разныя стороны, кто куда скорѣй успѣть могъ.

А сіе самое по особливому счастію и положило конецъ всей этой трагической сценѣ; ибо, не успѣли всѣ находившіеся предъ прочими воротами толпы услышать пальбу и вопли раненыхъ и увидѣть бѣгущій прочь народъ, какъ и сами начали разбѣгаться врознь, и въ короткое время не видно было нигдѣ во всей Москвѣ ни малѣйшей кучки и скопища народнаго, и полиціи оставалось только ловить и вытаскивать изъ винныхъ погребовъ тѣхъ, кои въ нихъ пьющіе были заперты.

О семъ-то страшномъ произшествіи достигъ до насъ помянутой, 21-го числа сентября, первой слухъ, поразившій всѣхъ насъ неизреченнымъ образомъ.

Но какъ письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и кончить оное увѣреніемъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 23 дня 1807 года).

Письмо 152-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ послѣднемъ предъ симъ письмѣ московской бунтъ и возмущеніе, въ дополненіе къ тому скажу теперь, что хотя собственно мятежъ помянутымъ насильственнымъ средствомъ и совершенно былъ разрушенъ и прекращенъ, но язва тѣмъ нимало не прекратилась, но продолжала по прежнему или еще болѣе свирѣпствовать надъ несчастною Москвою и повергла оную въ положеніе, достойное величайшаго сожалѣнія. Превеликое множество жителей похищаемо было ею ежедневно и доходило до того, что не доставало силъ къ вытаскиванію изъ домовъ и вывалакиванію оныхъ за городъ и зарыванію.

Люди употребляемы были къ тому изъ колодниковъ и назначенныхъ къ отсылкѣ на каторгу; и всѣ они обшиты были кругомъ въ черное смоляное и особое одѣяніе, въ которомъ прорѣзаны были только отверстія для глазъ, рта и ноздрей и отъ самаго того, несмотря, хотя имѣли они ежедневно дѣло съ умирающими чумою, многіе дѣйствительно спаслись отъ оной и остались живы.

Что-жъ касается до прочихъ, заражающихся язвою людей, то немногимъ только удавалось спастись отъ смерти; но множайшіе въ самое короткое время погибали и превеликое множество домовъ опустѣло совершенно, потому что всѣ, бывшіе въ нихъ люди, вымерли до единаго.

И особливая еще милость Господня была та, что чума сія не составляла собственнаго и такого моровового повѣтрія, которымъ зараженъ бы былъ самой воздухъ и былъ губителенъ для всѣхъ, но размножалась наиболѣе отъ прикосновенія до тѣлъ, до платья и до другихъ вещей, бывшихъ на зараженныхъ и умершихъ чумою; а потому и заражались наиболѣе отъ небреженія и упущенія нужныхъ предосторожностей и излишней неблаговременной отваги. Изъ тѣхъ же, которые употребляли всѣ нужныя предосторожности и береглись отъ всякаго къ сумнительнымъ вещамъ прикосновенія, очень немногіе заражались, а множайшіе оставались цѣлыми и невредимыми.

Но жаль, что въ истинѣ сей и возможности спасаться тѣмъ отъ чумы, простой народъ не скоро могъ удостовѣриться и до тѣхъ поръ наиболѣе и заражался, покуда не пересталъ имѣть небреженіе и сталъ болѣе употреблять предосторожностей.

Совсѣмъ тѣмъ, чума продолжалась и послѣ помянутаго несчастнаго происшествія нарочито еще долго, и народу въ Москвѣ погибло очень много.

Господинъ Еропкинъ награжденъ былъ тотчасъ за ревность и усердіе свое отъ монархини. Она, какъ скоро услышала о дѣяніяхъ его, какъ изъ признательности почтила его первѣйшимъ россійскимъ орденомъ.

Впрочемъ, примѣръ его побудилъ и другихъ изъ нашихъ первѣйшихъ вельможъ къ послѣдованію оному. Отобралось ихъ нѣсколько человѣкъ и въ числѣ ихъ самъ ближайшій фаворитъ и тогдашній любимецъ ея графъ Орловъ, и предложили монархинѣ, что они хотятъ ѣхать въ Москву и, подвергая жизнь свою опасности, употреблять тамъ стараніе и все, что только могутъ, къ прерванію чумы, къ остановленію дѣйствій ея и къ сохраненію оставшаго народа.

Императрица охотно и дозволила имъ сіе и довольна была очень, что изъ самыхъ близкихъ къ ней людей сыскались такіе патріоты.

Они и дѣйствительно пріѣхали въ Москву, жили въ ней нѣсколько времени, употребляли все, что только было имъ возможно. Жили въ императорскомъ, огромномъ Головинскомъ дворцѣ, бывшемъ за Нѣмецкою слободою, и имѣли несчастіе видѣть оной при себѣ, отъ топленія камина, загорѣвшійся и весь оной въ немногіе часы превратившійся въ пепелъ.

Но, помогли-ль они чѣмъ-нибудь несчастной Москвѣ и поспѣшествовали-ль съ своей стороны чѣмъ къ прерванію чумы, о томъ какъ-то ничего не было слышно; а начала она уже сама собою, при наступленіи зимы, сперва мало-по-малу утихать, а потомъ вдругъ, къ неописанному обрадованію всѣхъ, пресѣклась.

Между тѣмъ, какъ все сіе въ столицѣ нашей происходило, мы, въ деревняхъ своихъ, жили по прежнему въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, и во весь помянутой сентябрь мѣсяцъ не преставали разъѣзжать другъ къ другу по гостямъ и заниматься обыкновенными своими упражненіями. Ибо, доходящіе до насъ о Москвѣ слухи, хотя и часто нагоняли на насъ страхъ и ужасъ и немало насъ озабочивали; но великая разность была между слухами о происходившемъ вдали и происшествіями близкими. Сія не прежде начали насъ прямо тревожить, какъ спачала мѣсяца октября.

Первѣйшее, весьма насъ поразившее извѣстіе услышали мы еще 27 сентября отъ нашего молодого приходскаго тогда попа Евграфа, приходившаго къ намъ дѣлать извѣтъ на товарища своего, престарѣлаго попа Ивана, и сказывалъ, что въ Злобинѣ, убѣжавшая отъ чумы и съѣхавшая съ Москвы, племянница князя Горчакова, занемогши очень скоро и сомнительно, умерла; и что помянутой товарищъ его не только ходилъ причащать ее, но и похоронилъ при церкви тайно и такъ, что никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ и что, по всему видимому, умерла она чумою.

Господи! какъ поразились мы всѣ симъ нечаяннымъ и страшнымъ извѣстіемъ. Деревня сія была подъ бокомъ у насъ и тулеинскимъ моимъ всякой день мимо ей на работу ко мнѣ ходить надлежало. И такъ, не долженствовало-ли страшиться, что зло сіе тамъ распространится и дойдетъ скоро до насъ. А не менѣе нагонялъ на насъ страхъ уже и погостъ самой.

Не могу изобразить, какъ досадовалъ я тогда на старика попа нашего и проклиналъ ненасытную алчность къ корысти сего негоднаго человѣка. Натурально должно было заключать, что похоронилъ онъ чумою умершую княжую племянницу неинако, какъ за великую плату. Итакъ, корыстолюбію своему жертвовалъ не только собственною своею жизнію, но и благомъ всего своего прихода; ибо чрезъ самое то язва могла всего

скорѣе и удобнѣе распространиться по всѣмъ окружнымъ селеніямъ.

Я послалъ къ нему тотчасъ сказать, чтобъ онъ пересталъ бездѣльничать и умирающихъ чумою таскать къ церкви и хоронить на погостѣ, какъ то и запрещено уже было и отъ начальства; и что, въ случаѣ, ежели не уймется, я донесу о томъ архіерею и онъ за то пострадаетъ.

Но попъ и не подумалъ уважать сіи угрозы, но продолжалъ и далѣе свое пагубное ремесло и, къ превеликому удивленію, спасся отъ чумы, несмотря, что со многими чумными имѣлъ дѣло и не только внося въ церковь, ихъ отпѣвалъ, но и погребалъ лично.

Сіе насъ такъ настращало, что мы на праздникъ Покрова не осмѣлились ѣхать къ обѣдни къ своей церкви, боясь и близко быть къ тому мѣсту, гдѣ погребены были чумные; а не велѣли и людямъ своимъ никому ходить туда, а ѣздили къ обѣдни уже въ Ченцово. А на заставахъ своихъ велѣли наистрожайшимъ образомъ, чтобъ куреніе было безпрерывное и чтобъ всѣ, входящіе въ деревню, были наитщательнѣйшимъ образомъ окуриваны. А чрезъ день послѣ того, съ общаго согласія, рѣшились, поднявъ образа, обойтить съ ними и со всѣми жителями всю нашу деревню и помолиться хорошенько Богу о томъ, чтобъ онъ насъ помиловалъ и деревню нашу сохранилъ отъ заразы; что и учинили мы октября 3-го числа.

Произшествіе сіе было трогательное и чувствительное. За образами послано было нѣсколько людей. По приближеніи же къ селенію, встрѣчены они были нами со всѣми обоего пола жителями, отъ мала до велика, и всѣ мы провожали ихъ при обходѣ съ ними вокругъ всего нашего селенія.

При концѣ-же обхода сего остановились мы на току гумна брата моего Михаила Матвѣевича, на томъ почти мѣстѣ, гдѣ оной и нынѣ у сына его, подлѣ пруда. Тутъ молебствовали мы и по водосвятіи приносили съ колѣнопреклоненіемъ наитеплѣйшія моленія наши ко Всевышнему, и я не думаю, чтобъ когда-нибудь маливались мы съ такимъ искреннымъ усердіемъ, какъ въ тогдашнее время.

По окончаніи сего, и поставивъ образа въ домѣ у брата, зазвалъ я всѣхъ къ себѣ и угостилъ обѣдомъ, а потомъ проводили мы святые образа такимъ же образомъ изъ деревни.

Не успѣли мы сего священнодѣйствія кончить, какъ на другой день, при случаѣ поминокъ братнина тестя, г. Стахѣева, перетревожены мы были въ прахъ извѣстіемъ, что чума окружила насъ уже со всѣхъ почти сторонъ и въ самой близости, а именно, что была она уже въ Липецахъ, во Дворикахъ, въ Якшинѣ, въ Городнѣ, въ Злобинѣ и на заводѣ Ведминскомъ. Все сіе услышали мы вдругъ и однимъ разомъ, и я не въ силахъ изобразить, какъ много устрашило насъ сіе извѣстіе.

Ужасъ проникъ всѣ наши кости и устрашеніе было такъ велико, что не взмилился намъ ни домъ, ни все прочее, и мы, поговоря съ семействомъ своимъ, положили, не долго думая, оставя все, ускакать въ Алексинскую свою деревню, въ село Коростино, въ которой сторонѣ не было еще ничего и о чумѣ было еще не слышно.

Намѣреніе сіе было такъ твердо, что мы, въ послѣдующій за симъ день, начали къ отъѣзду своему туда дѣйствительно собираться и укладывать на воза провизію и прочее, что намъ взять съ собою необходимо было нужно.

Но что-жъ воспослѣдовало? — Уже укладены были всѣ повозки и уже положили мы на утріе, съ свѣтомъ, вдругъ въ сіе путешествіе и бѣгство пуститься и разстаться съ своимъ домомъ; какъ вдругъ, въ тотъ же день ввечеру пріѣзжаетъ къ намъ изъ Коростина человѣкъ и сказываетъ, что тамъ, у самихъ насъ, умеръ одинъ старикъ скоропостижно, и что чума и въ тамошнихъ окрестностяхъ и неподалеку отъ насъ оказывается, въ особливости же, что оказалась она въ Малаховѣ, откуда къ сосѣду моему, госпо-

дину Колюбакину, ежедневно ходятъ люди на работу.

Извѣстіе сіе поразило насъ какъ громовымъ ударомъ. Мы всѣ онѣмѣли оное услышавъ, стали въ пень и не знали что дѣлать, и ѣхать-ли туда уже, или не ѣздить; ибо боялись, чтобъ бѣжавши отъ волка не попасть на медвѣдя.

Въ сей нерѣшимости и недоумѣніи собрались мы поутру въ слѣдующій день и, учинивъ общій совѣтъ, рѣшились, возложивъ всю свою надежду и упованіе на Господа, остаться въ своемъ домѣ и никуда не воспринимать бѣгства; ибо заключали, что отъ руки его не можемъ нигдѣ скрыться и убѣжать, если ему угодно будетъ излить на насъ гнѣвъ свой.

Не успѣли мы сего намѣренія воспріять и приказать выбирать опять все изъ повозокъ, какъ увидѣли идущаго къ намъ неожидаемаго гостя.

Былъ то неподалеку отъ насъ живущій дворянинъ, господинъ Постельниковъ, ѣхавшій тогда изъ Коширы. Онъ привезъ ко мнѣ отъ воеводы нашего бывшую у него книжку и еще пакетъ изъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Я думалъ, что была то книжка; но, вмѣсто того, распечатавши, нашелъ, что былъ то ящичекъ съ медалью, съ письмомъ ко мнѣ отъ Общества, которымъ благодарило оно меня за сообщенное имъ сочиненіе мое о раздѣленіи полей; увѣдомляло, что комитетомъ удостоено оно печати и что, по силѣ устава, посылаетъ ко мнѣ въ награжденіе за то медаль.

Сія была точно такая-жъ, какъ и прежняя, но только серебряная и цѣны очень небольшой и неважной, а потому и былъ я оною не весьма обрадованъ; а признаюсь, что дожидался-было за труды мои какого-нибудь лучшаго и существительнѣйшаго награжденія.

Но сего было еще недовольно; но Общество возлагало еще на меня въ томъ же письмѣ коммиссію, которую не такъ-то легко можно было выполнить, а именно: чтобъ я сочинилъ одно сочиненіе для отсылки въ Академію, а отъ ней въ иностранное государство къ сочинителямъ и издателямъ энциклопедіи, въ которомъ содержалось бы всеобщее описаніе россійскаго хлѣбопашества и всего хозяйства, о чемъ помянутые издатели нашу Академію, а сія наше Общество просила; и какъ сіе не нашло никого кромѣ меня къ тому способнѣйшаго, то и возлагало оно на меня сей трудъ и предписывало еще и самые предѣлы и величину сему сочиненію.

Признаюсь, что препорученіе сіе, при таковомъ маломъ и ничего незначущемъ награжденіи за прежнее мое сочиненіе, было мнѣ весьма непріятно. Для препоручаемаго сочиненія потребно было не только множество труда, но нужно было и гораздо обширнѣйшее обо всемъ свѣдѣніе, нежели какое имѣлъ я о домоводствѣ и хлѣбопашествѣ во всемъ государствѣ. Дальней-же побудительной причины къ принятію на себя такъ великаго и важнаго труда никакой не было и оно, кромѣ ничего незначущей благодарности, ничего не обѣщавало.

Итакъ, вмѣсто удовольствія о присылкѣ медали, чувствовалъ я только досаду, и находился въ нерѣшимости что дѣлать.

Сперва, въ досадѣ, вздумалъ-было я, подъ предлогомъ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, да и незнанія своего обо всемъ государствѣ, отъ сего дѣла отказаться; но подумавъ поболѣе и поразсудивъ, находилъ я, что будетъ сіе для меня дурно и непохвально; а потому и положилъ еще разъ пожертвовать Обществу своими трудами и посмотрѣть что будетъ, всходствіе того на досугѣ приняться за сіе дѣло.

А въ послѣдующій за симъ день рожденія моего и приступилъ дѣйствительно къ сей работѣ, которую, какъ ни была она для меня трудна и велика, и какъ духъ мой въ тогдашнее время ни былъ то и дѣло смущаемъ и обезпокоиванъ слухами о размножающемся часъ отъ часу болѣе вездѣ и вездѣ моровомъ повѣтріи, но въ теченіи двухъ недѣль совершенно кончилъ, и переписавъ набѣло, отправилъ по почтѣ въ Петербургъ въ Общество.

Но трудъ сей былъ совсѣмъ тщетный и я не получилъ за него не только никакого награжденія, но ниже благодарности, и не имѣлъ даже удовольствія видѣть его напечатаннымъ; да и не знаю совершенно и по нынѣ, что съ сочиненіемъ моимъ воспослѣдовало.

Съ сего времени по самый день моихъ имянинъ просидѣли мы, отъ страха окружающей насъ со всѣхъ сторонъ чумы, дома и никуда не ѣздили. И вся достопамятность, случившаяся въ теченіи сего времени была та, что меньшой мой двоюродной братъ Гаврила Матвѣевичъ, нестолько служившій, какъ болѣе только слонявшійся въ гвардейской службѣ, получивъ прапорщичій чинъ, пріѣхалъ въ отставку и съ сего времени сталъ уже жить всегда въ деревнѣ.

Ѣдучи изъ Петербурга, объѣхалъ онъ Москву въ дальнемъ разстояніи, а безъ того настращалъ бы и онъ насъ своимъ пріѣздомъ.

Всѣ наши разъѣзды сдѣлались около сего времени уже очень опасными, ибо вездѣ легко можно было повстрѣчаться съ какими-нибудь зачумѣвшими людьми, или наѣхать на дорогѣ что-нибудь съ умыслу брошенное и лежащее отъ людей зачумленныхъ и опасныхъ; ибо въ черной народъ внѣдрилось тогда самое адское суевѣріе и предразсудокъ пагубной: что, если хотятъ, чтобъ чума гдѣ пресѣклась, то надобно что-нибудь зачумѣлое кинуть на дорогѣ и тогда, если кто подниметъ и принесетъ домой, то тамъ и сдѣлается вновь чума, а въ прежнемъ мѣстѣ пресѣчется.

А сіе дѣйствительно многіе и дѣлали и намъ самимъ неоднократно случалось наѣзжать лежащую на дорогѣ либо шапку, либо шляпу, либо иныя какія вещи изъ одежды, но отъ которыхъ мы, какъ отъ огня, уже бѣгали и всегда объѣзжать подалѣе ихъ старались.

Но сколь ни опасно было въ сіе время разъѣзжать, но я столько любимъ и уважаемъ былъ моими родными, друзьями и сосѣдями, что ко дню моихъ имянинъ, несмотря на всю опасность, съѣхалось ко мнѣ таки-довольно гостей, и я день сей, противъ чаянія, провелъ съ милыми и любезными людьми въ удовольствіи совершенномъ.

Былъ у меня почтенной старичокъ, дѣдъ жены моей, была тетка ея съ дѣтьми своими, былъ другъ мой г. Полонскій съ женою, былъ родственникъ мой Дмитрій Максимовичъ Бакѣевъ, былъ г. Ладыженскій съ женою, былъ г. Рудневъ и, наконецъ, наши деревенскіе сосѣди.

Угощеніе сіе было тѣмъ для меня пріятнѣйшимъ, что я не зналъ и вьявъ всѣмъ говорилъ, что не въ послѣдній-ли разъ ихъ угощаю, и велитъ-ли Богъ кому дожить до сего дня въ будущій годъ.

Гости мои не только пробыли у меня до самаго вечера, но всѣ и ночевали, а нѣкоторые не прежде, какъ на третій день, послѣ обѣда, отъ насъ разъѣхались.

Такимъ образомъ пошелъ мнѣ 34-й годъ отъ моего рожденія, о которомъ я всего меньше тогда зналъ, проживу-ли весь оный и не похититъ-ли меня чума на ряду съ прочими.

Мы остались тогда по разъѣздѣ гостей въ совершенномъ страхѣ и отчаяніи, ибо услышали, что и кромѣ вышеупомянутыхъ селеній, оказалась чума и въ другихъ мѣстахъ. Намъ сказали, что зачумѣло уже и Тешилово, Шепилово, Коптево, другая Городня, Карцово, Шебачеево и нѣкоторыя другія, также очень близкія къ намъ селенія.

О Злобинѣ же сдѣлалось извѣстно, что и кромѣ умершей княжой племянницы, померли и всѣ женщины, ходившія за нею и многіе другіе люди, и что жители сего селенія всѣхъ зачумѣвшихъ согнали въ избу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни, подлѣ мельницы находившуюся, и тамъ всѣхъ ихъ для умиранія заперли и что старичишка, негодяй попъ нашъ, хоронилъ при церкви и тамъ умиравшихъ.

Все сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ они перемерли, и какъ здоровые жители были такъ благоразумны, что

помянутую избу потомъ сожгли со всѣмъ оставшимъ послѣ умершихъ платьемъ, то тѣмъ самымъ и избавились отъ смерти и чума въ селеніи ихъ не распространилась далѣе.

О достальной половинѣ сего мѣсяца замѣчу я только то, что мы всю ее провели въ величайшемъ отъ чумы страхѣ и опасеніи и никуда почти не ѣздили, кромѣ того, что съѣздили однажды въ Калединку и тамъ, у тетки, въ первый разъ гостили въ ея новыхъ хоромахъ, поспѣвшихъ уже къ сему времени и построенныхъ по моему плану; и что 28 числа, у сосѣда моего, Матвѣя Никитича, умеръ сынъ его Степанъ, мальчикъ бывшій уже по третьему году, которой былъ въ фамиліи пашей важнѣе, нежели мы тогда воображали; да и можно-ли было намъ воображать, что онъ былъ послѣдній въ родѣ сего дома, и что съ нимъ пресѣчется все мужеское поколѣніе онаго, и помѣстье сіе перейдетъ въ чужую и другую фамилію.

И самый ноябрь мѣсяцъ провели мы такимъ же почти образомъ, сидючи наиболѣе дома и находясь въ такомъ же почти страхѣ и опасеніи отъ чумы, а хотя коекуда и ѣздили, но очень рѣдко.

Съ яблоками своими, которыхъ, какъ я упоминалъ, родилось въ сей годъ много, не зналъ я что дѣлать. О посылкѣ ихъ для продажи въ Москву и помыслить было не можно. Еслибъ покупали тамъ и по рублю яблоко, такъ не можно-бъ было на то отважиться.

А какъ деньги, а особливо мѣдныя всѣхъ прочихъ вещей были тогда опаснѣе, то для самаго того не отваживались мы никакъ посылать ихъ и по деревнямъ для продажи. Дома же у насъ никто не покупалъ. Итакъ, принуждены мы были сберегать ихъ кое-какъ уже дома, а изъ слабыхъ испытывали дѣлать сидръ, но успѣхъ въ томъ имѣли невеликой.

Впрочемъ, какъ мѣсяцъ сей былъ осенній и такой, въ которомъ не было уже никакихъ садовыхъ надворныхъ работъ, и принужденъ я былъ болѣе сидѣть въ теплѣ и искать домашнихъ упражненій: издавна-же наилучшимъ упражненіемъ въ сіе скучное время было у меня писаніе и сочиненіе чего-нибудь;—то и въ сей годъ въ особливости занимался я въ сіе время онымъ и успѣлъ написать много кой-чего въ теченіи сего мѣсяца. А именно, разохотившись писать въ Общество Экономическое, заготовилъ я для отсылки туда цѣлыхъ три пьесы.

Первая была вообще «О садахъ и заведеніи оныхъ», а особливо о посадкѣ деревъ. Другое было небольшое, «О истребленіи костеря изъ пшеницы», а третье и значенитѣйшее изъ всѣхъ,—о новомъ своемъ «хмѣлеводствѣ», съ рисунками, которое вылилось такъ велико, что я принужденъ былъ разорвать его на-трое. Кромѣ того, занимался я продолженіемъ сочиненія давно уже начатой второй части «Дѣтской философіи», и успѣлъ сію часть кончить и начать переписывать.

Всѣми сими сочиненіями занимался я обыкновенно только въ утреннее время, вставая задолго до свѣта и продолжая дѣло сіе до обѣда и покуда еще голоденъ, а послѣ обѣда занимался я болѣе чтеніемъ историческихъ, экономическихъ и духовныхъ книгъ; а по вечерамъ опять либо писалъ, либо что-нибудь читывалъ, а особливо въ тѣ дни, когда случалось у насъ бывать старичку, дѣду жены моей, для котораго наилучшая была у насъ забава, когда читывалъ я ему что-нибудь хорошенькое и полезное.

Кромѣ сего достопамятно, что и въ теченіи сего мѣсяца, по неотступной и нѣсколько разъ повторяемой просьбѣ господина Щербинина, принужденъ я былъ принять деревню его Якшино въ свое смотрѣніе и въ оную, несмотря на всю опасность, ѣздить выбирать тамъ прикащика и старосту и дѣлать разныя распоряженія.

Наконецъ, памятенъ мнѣ сей мѣсяцъ однимъ смѣшнымъ и вкупѣ крайне досаднымъ произшествіемъ, случившимся въ нашей фамиліи.

Случилось сіе въ самую середину сего мѣсяца, какъ, сидючи однажды подъ окномъ своимъ, увидѣлъ я бѣгущую къ себѣ

дворомъ тещу брата моего Михаила Матвѣевича, и по прибѣжаніи ко мнѣ въ кабинетъ, упавшую къ моимъ ногамъ и на полу растянувшуюся.

Поразился я таковымъ явленіемъ и, не зная чтобъ это значило, поднимая, спрашивалъ ее о причинѣ; но она только вопіяла:

— «Помилуй, батюшка, защити бѣдную меня отъ зятя. Бестія, прибилъ моего слугу и меня самую со двора гонитъ!»....

Удивился я сему случаю и тотчасъ догадавшись, что всему тому была причиною излишняя рюмка, выпитая моимъ братцемъ, а можетъ быть и самою сею его малорослою тещею, до чего была она также, по подьяческой своей природѣ, охотница, побѣжалъ тотчасъ къ нему, и нашедъ тамъ превеличайшую сумятицу и ссору совершенную, не только братца своего началъ всячески тазать и бранить, но и развелъ ихъ, уведя боярынь къ себѣ въ домъ и оставивъ его одного пьянаго колобродить.

Наутріе, приходивши опять къ нему, до того довелъ я его своими уговариваніями и даже просьбами, со слезами, о томъ, чтобъ онъ употреблялъ менѣе горячихъ напитковъ, что онъ далъ мнѣ въ томъ клятвенное обѣщаніе и пришелъ ко мнѣ просить у тещи и жены своей прощенія; что и преподало мнѣ способъ къ прекращенію между ими ссоры и къ возстановленію въ семействѣ ихъ опять спокойствія.

Между тѣмъ, въ концѣ сего мѣсяца обрадованы мы были до безконечности извѣстіемъ, что въ Москвѣ повѣтріе начинало мало-по малу ослабѣвать и утихало уже примѣтнымъ образомъ.

Нашлись также тогда вездѣ списки о умершихъ въ ней, во всѣ лѣтніе мѣсяцы, чумою, и по онымъ—погубила она въ мѣсяцѣ апрѣлѣ 744, въ маѣ—857, въ іюнѣ—1,099, въ іюлѣ—1,708, въ августѣ—7,268, въ сентябрѣ—21,401, въ октябрѣ—17,561. Всего по ноябрь мѣсяцъ 50,632 человѣка. А деревень, въ одномъ московскомъ уѣздѣ, заразилось 216, умалчивая о прочихъ уѣздахъ и провинціяхъ. А сколько народу померло въ Москвѣ въ ноябрѣ и всего всѣхъ вездѣ, было намъ неизвѣстно, а думать надобно, что чума въ сей разъ похитила у насъ около ста тысячъ человѣкъ, когда не болѣе.

Начало декабря ознаменовалось двумя особенными, относящимися до меня происшествіями: во-первыхъ, тѣмъ, что я крайне обрадованъ былъ извѣстіемъ, что въ частные смотрители выбранъ не я, а сосѣдъ мой г. Ладыженскій и г. Пущинъ; ибо, признаться надобно, что я очень боялся, чтобъ въ хлопотливую и, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, крайне опасную должность, не выбрали меня. Во-вторыхъ, что я въ одинъ день былъ до чрезвычайности испуганъ однимъ происшествіемъ. Случилось сіе въ 4-й день мѣсяца декабря.

У сосѣда моего, господина Ладыженскаго, была въ сей день дочь его Варвара имянинницею и онъ звалъ насъ къ себѣ обѣдать. Какъ за чумою мы давно уже никуда не ѣздили и засидѣлись дома, то, хотя и опасно еще нѣсколько было ѣхать мимо зачумленной деревни Злобиной, но мы, предпріявъ оную кругомъ объѣхать полями, рѣшились въ Сенино съѣздить.

Въ Злобинѣ хотя и неслышно было ничего съ того времени, какъ они сожгли избу со всѣми зачумѣлыми вещами у мельницы однако, какъ извѣстно было намъ, что, тогда было обыкновеніе тамъ, гдѣ была чума, стараться ее скрывать и утаевать, а тамъ, гдѣ ея не было, на себя ее склёпывать и прилыгать, дабы тѣмъ отогнать постороннихъ, которые всѣ тогда были опасны и сумнительны, отъ проѣзжанія чрезъ деревни, то и не знали мы, и въ Злобинѣ завѣрное пресѣклась-ли въ немъ чума или еще продолжалась; а потому и не преминули употребить всѣхъ нужныхъ предосторожностей и какъ сами у себя и у людей, ѣхавшихъ съ нами, всѣ наружные и обнаженные наши члены вытерли уксусомъ, такъ и на дорогу взяли съ собою уксуса для нюханія. При подъѣзжаніи же къ Злобину, велѣли взять гораздо далѣе вправо и объѣзжать вдали вокругъ сію деревню. По счастію было поле сіе

тогда подъ озимями и, по положенію мѣста объѣздъ сей учинить было можно. Но не успѣли мы при семъ объѣздѣ поровняться съ деревнею сею, какъ глядимъ бѣгутъ изъ деревни два мужика и прямо къ намъ.

Господи! какъ мы перетревожились всѣ тогда при приближеніи оныхъ. Я велѣлъ людямъ кричать и махать руками, чтобъ они къ намъ не приближались, а кучера то и дѣло понукалъ ѣхать скорѣе, чтобъ удалиться отъ бѣгущихъ; но сего учинить мы никакъ не могли.

Они бѣжали къ намъ на перехватъ и мы неинако заключили, что они хотятъ насъ ругать и браниться, для чего мы по зеленямъ ихъ ѣздимъ, и принялись за нюханье своего уксуса и, стараясь выѣхать изъ-подъ вѣтра, готовились слушать ихъ брани; но вмѣсто того, какъ стали мы самихъ ругать и бранить, услышавъ отъ нихъ, что они были опредѣленные караульщики и для самаго того къ намъ бѣжали, дабы сказать, чтобъ мы и близко къ ихъ деревнѣ не подъѣзжали, а объѣзжали-бы оную далѣе.

«Да развѣ вы слѣпы? кричали мы, что мы то и дѣлаемъ, и зачѣмъ васъ несла нелегкая къ намъ? Ступайте-ка и убирайтесь прочь отъ насъ и оставьте насъ съ покоемъ!»

Между тѣмъ, какъ люди наши симъ образомъ съ ними, не далѣе какъ только шаговъ на десять отъ насъ стоявшими, говорили, сердце у насъ у всѣхъ было совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, а такъ отъ страха трепетало, что хотѣло выскочить. И не могу безъ смѣха теперь вспомнить о томъ, какъ мы, сидючи тогда въ каретѣ, обтирали у себя и лицо и руки уксусомъ и укрывались всячески въ каретѣ, чтобъ чума не могла нанесена быть отъ нихъ на насъ вѣтромъ.

Но какъ бы то ни было, но мы проѣхали, прогостили весь тотъ день въ Сеннѣ и возвратились тѣмъ же путемъ и домой благополучно.

Но не успѣли мы пріѣхать, какъ вдругъ сдѣлалось мнѣ дурно, и такъ дурно и не по себѣ, какъ никогда почти со мною не бывало. Послѣ чего, вскорѣ почувствовалъ я въ себѣ ознобъ, а потомъ ужасный жаръ.

Неожидаемость сія въ прахъ меня напугала, ибо, какъ извѣстно было намъ что и съ заражающимися чумою сначала такія же произшествія бываютъ, то что иное оставалось тогда заключать, какъ не то, что конечно и ко мнѣ чума отъ помянутыхъ мужиковъ, какимъ-нибудь образомъ, прильнула; и какъ я въ томъ почти уже и не сомнѣвался, то посудите, каково мнѣ тогда было.

Одна мысль о томъ поражала меня неописаннымъ образомъ! Словомъ, я впалъ въ такое смущеніе духа и дружное изнеможеніе тѣлесное, что не въ силахъ былъ итти за столъ ужинать; а какъ спать стали ложиться, то безъ дальнихъ околичностей женѣ своей сказалъ, чтобъ она въ сей день со мною не ложилась, но оставила меня одного, ибо еще неизвѣстно, чѣмъ болѣзнь моя откроется и не чума ли еще самая. Итакъ, въ семъ случаѣ мнѣ не хочется, чтобъ и они отъ меня заразились.

Что было тогда ей дѣлать? Она хотя говорила, что тому статься не можно, чтобъ я зачумѣлъ, и что я напрасно сіе думаю; однако я настоялъ, чтобъ она для всякаго случая и изъ одной предосторожности оставила меня одного.

И она принуждена была сіе сдѣлать. А я ну-ка приниматься за свое обыкновенное въ такихъ случаяхъ лекарство, ну-ка принуждать себя, то и дѣло, къ чиханію и симъ, въ немногія минуты, такъ жаръ въ себѣ уменьшилъ, что могъ уже спокойно заснуть; а наутріе, кромѣ оставшейся слабости въ членахъ и сдѣлавшагося, можетъ быть, отъ поврежденія желудка, превеликаго поноса, совсѣмъ опять по прежнему здоровъ сдѣлался, что успокоило духъ во мнѣ и во всѣхъ моихъ родныхъ, не менѣе моего симъ случаемъ перестращенныхъ.

Такимъ образомъ удостовѣрившись, что то была не чума, и слыша притомъ со всѣхъ сторонъ увѣренія, что въ Злобинѣ давно уже нѣтъ никакихъ больныхъ, да

и во всѣхъ окрестностяхъ нашихъ чума утихла и пресѣклась, могли мы отважиться наступающій въ самое сіе время нашъ годовой праздникъ праздновать по прежнему обыкновенію.

Мы осмѣлились быть у обѣдни уже въ своей церкви и, какъ во всѣхъ нашихъ трехъ домахъ много было пріѣзжихъ родныхъ и пріятелей и мы изъ дома въ домъ со всѣми гостьми переѣзжали и взаимно всѣхъ угощать старались, то и пропраздновали мы нѣсколько дней сряду и провели оные, а особливо вечера, въ разныхъ играхъ очень весело.

При чемъ нѣкотораго замѣчанія достойно, что я въ самое сіе время изобрѣлъ простое и самое удобное средство, никому еще до того неизвѣстное, къ составленію такъ-называемаго картезіанскаго чертёнка изъ воска, которымъ физическимъ экспериментомъ въ послѣдующее время я такъ много веселился, а иногда употреблялъ его и въ пользу, и что самая фигурка сія подала намъ тогда поводъ къ особливому смѣху.

Случилось сіе утромъ одного изъ тогдашнихъ праздничныхъ дней, при случаѣ пришедшихъ ко мнѣ на поклонъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ духовенства отъ нашей церкви и другихъ сосѣдственныхъ. Были въ числѣ ихъ и попы, и дьяконы, и дьячки, были люди умные, были и со всякою всячинкою. Какъ всѣ они, дожидаясь угощенія водкою, у меня сидѣли, то приди мнѣ охота порѣзвиться и удивить ихъ своею нововыдуманною фигуркою. Итакъ, важнымъ и нешуточнымъ тономъ говорю я имъ:

— «А со мною, отцы святые, какая случись диковинка. На сихъ дняхъ ловили у меня въ прудахъ подо льдомъ рыбъ къ празднику, и какъ вытащили неводъ, то увидѣли между рыбою нѣчто чернѣющееся и ворочующееся. Они почли сперва водянымъ тараканомъ, но скоро, увидя, что былъ то совсѣмъ не тараканъ, а нѣкая чудная, необыкновенная и удивительная вещица, имѣющая точное подобіе маленькаго чернаго человѣчка, или паче чертёнка съ страшными глазами и превеликими горбами спереди и сзади, всѣ мы удивились и не знали, что это такое и что съ нимъ дѣлать. Накопецъ, рѣшился я посадить его скорѣй опять въ воду въ ведро, а изъ него въ стеклянную банку, наполненную водою и, чтобъ не ушелъ, завязалъ сверху накрѣпко пузыремъ. Онъ и теперь у меня цѣлъ и живъ, и поглядите какой!»

Сказавъ сіе, пошелъ я въ свой кабинетъ, вынесъ банку мою съ фигуркою и, показывая ее всѣмъ имъ, съ крайнимъ любопытствомъ на нее смотрящимъ, спросилъ: «Ну, видите?»

— «Видимъ! видимъ! отвѣтствовали,— живой, истинно, съ ногами, и движится!»

Тогда, восхотѣвъ ихъ еще болѣе удивить, сказалъ я: «Да, посмотрите-ка, какой еще послушливой, что прикажешь, то и дѣлаетъ!» Послѣ сего началъ я будто фигуркѣ говорить и приказывать: «Ну, чертёнокъ, ступай книзу... ниже... ниже... на самое дно... стань на колѣни... ну, стой такъ;... ну, пошелъ опять кверху;... ну, остановись въ срединѣ;... ну, далѣе кверху;... ну, опять внизъ!»

Какъ фигурка все то и дѣлала, что̀ я говорилъ, то зрители мои смотрѣли на все сіе разинувши ротъ и не знали, что имъ обо всемъ томъ думать, а только твердили «Господи помилуй!» А были изъ нихъ нѣкоторые такіе, которые, какъ мнѣ послѣ сами признавались, сочли его дѣйствительно чертёнкомъ и читали «Да воскреснетъ Богъ» и прочія молитвы, кои почитали они удобными къ прогнанію бѣсовъ и дивились, что онъ нимало ихъ заклинаній не боялся. А то, что происходило все сіе отъ единаго только непримѣтнаго давленія моею ладонью пузыря, которымъ горло банки было завязано, никому изъ нихъ и въ мысль не приходило. Я не могъ довольно нахохотаться тогдашнему ихъ изумленію; но не менѣе удивлялъ и увеселялъ фигуркою сею и другихъ многихъ.

Вскорѣ за симъ надобно мнѣ было съѣздить самому въ городъ Алексинъ, гдѣ въ сей годъ производился наборъ рекрутской, ибо въ Москвѣ и въ Тулѣ, за чумою, дѣла сего производить было не можно. Итакъ

всѣ мы отдавали рекрутовъ своихъ въ Алексинѣ, которой городокъ отъ самаго того и началъ поправляться.

Въ сію ѣзду имѣлъ я случай многихъ изъ алексинскихъ дворянъ видѣть, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и познакомиться. Въ особливости же доволенъ я былъ спознакомившись съ однимъ алексинскимъ старичкомъ дворяниномъ, съ которымъ мнѣ уже давно спознакомиться хотѣлось. Былъ то г. Змѣевъ, Александръ Аврамовичъ, принадлежавшій къ числу, хотя оригинальныхъ, но такихъ людей, которые славились умомъ и ученостью. Словомъ, онъ почитался тогда умнѣйшимъ, любопытнѣйшимъ и ученѣйшимъ человѣкомъ, хотя все сіе было и весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ.

По какъ бы то ни было, но онъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ, когда я нарочно къ нему заѣхалъ, и какъ онъ, имѣвъ случай читать нѣкоторыя мои сочиненія, самъ возжелѣлъ давно со мною познакомиться, то, сдружась съ нимъ въ одинъ мигъ, и не могли мы съ нимъ довольно наговориться, и тѣ сутки, которыя пробылъ я у него, были для меня очень веселы.

Онъ былъ также охотникъ писать и велъ всему, происходившему съ нимъ, домашній историческій журналъ, хотя далеко не такой обстоятельной, какой былъ у меня въ тогдашнее время; но онъ и лѣтами былъ меня гораздо старѣе и притомъ и здоровьемъ уже слабъ.

Къ празднику Рожеству Христову хотя и хотѣлось мнѣ возвратиться домой, но никакъ было не можно, а принужденъ былъ провесть его и первые дни святокъ въ Калединкѣ и въ разъѣздахъ по гостямъ въ мѣстахъ тамошнихъ, а въ Дворяниново свое не прежде возвратился, какъ предъ наступленіемъ новаго года.

Тутъ, пріѣхавши, нашелъ я опять присланный ко мнѣ изъ Петербурга пакетъ съ книгою изъ Экономическаго Общества. Это была уже XVII часть «Трудовъ» онаго, въ которой напечатана была мнѣ похвала и первое отдѣленіе сочиненія моего о раздѣленіи полей.

Сіе меня опять сколько-нибудь порадовало, хотя къ таковымъ, ничего незначущимъ благоволеніямъ я уже и попривыкъ и онѣ много уже потеряли цѣны своей. Однако, все мнѣ было не противно, что меня Общество не забываетъ и я прихожу у него часъ отъ часу въ множайшее уваженіе.

Послѣдніе дни сего года провели мы весело, въ безпрерывныхъ почти сообществахъ съ своими ближними сосѣдями и занимаясь съ ними въ обыкновенныхъ нашихъ сельскихъ увеселеніяхъ.

Симъ образомъ провели мы, по многимъ отношеніямъ, достопамятнѣйшій на свѣтѣ и незабвенный 1771 годъ и благодарили Бога, что, по благости его, остались живы и здоровы и не претерпѣли даже никакого вреда и убытка.

Симъ окончу я мое письмо и въ заключеніе скажу, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 30, 1807).

1772.

Письмо 153-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать произшествія, случившіяся со мною въ теченіе 1772 года, начну сообщеніемъ вамъ тѣхъ чувствованій, съ какими началъ я провождать сей новой годъ, и разскажу объ нихъ самыми тѣми словами, какими записалъ я ихъ тогда въ журналѣ сего года. Онѣ были слѣдующія:

«Чтобъ записать, въ какомъ состояніи были мы при началѣ сего года, то скажу, что, по благости всемогущаго Творца, былъ я со всею своею семьею совершенно здоровъ и всѣмъ доволенъ. Въ благополучіи, которымъ я, живучи въ деревнѣ, столь многіе годы наслаждаюсь, не претерпѣлъ я въ минувшемъ году никакой перемѣны. Отъ самой наиужасной опасности, въ которой находились мы по случаю бывшаго моровою повѣтрія, всемогущая Десница сохранила насъ со всѣми нашими людьми цѣлыми и невредимыми, а впрочемъ не знаю, чего-бъ мнѣ не доставало.

«Здоровъ я былъ во весь годъ, платья

имѣлъ съ ношу, а хлѣба съ душу, люди добрые знали; а что всего лучше, то не имѣлъ я ни съ кѣмъ ссоры и вражды, не нажилъ ни одного себѣ непріятеля. Пріятелей же и знакомыхъ число приумножилось. Всѣ, знающіе меня, любили я, по милости Создателя моего ко мнѣ, носилъ я повсюду имя добраго человѣка. Итакъ, чего хотѣть мнѣ было болѣе? Умалчивая о томъ, что, по сочиненіямъ моимъ, имя мое и во всемъ государствѣ дѣлалось часъ отъ часу знакомѣе и, ежели осмѣлюсь сказать, славнѣе.

«Въ сихъ утѣшительныхъ помышленіяхъ начиная и сей годъ, предаю себя совершенно во власть моего Господа и не забочусь о томъ, что со мною въ наступающій годъ воспослѣдуетъ. Онъ пускай управляетъ всѣмъ и будетъ распорядителемъ моихъ дѣлъ, обстоятельствъ и приключеній.

«Дѣти мои часъ отъ часу поднимались. Дочь Елисавета у меня уже все порядочно говорила и былъ такой ребенокъ, которымъ были мы очень довольны, потому что былъ ребенокъ смирной, послушной и понятливостію своею подающій о себѣ хорошую надежду.

«Сынъ Степанъ научился также говорить, хотя еще несовершенно; сей ростъ какъ-то тихъ, угрюмъ и невеселъ. Напротивъ того маленькой Павелъ съ самаго младенчества былъ веселъ и рѣзовъ, и хотя ему нѣтъ еще года, но имъ мы веселимся. Но всѣ они состоятъ въ руцѣ Господней, Онъ и твори съ ними, что Ему угодно».

Вотъ съ какими мыслями и въ какомъ расположеніи духа началъ я провождать сей годъ, и въ самой первой день онаго имѣлъ удовольствіе, чрезъ присланныхъ отъ племянницъ моихъ, изъ Кашина людей, что и они тамъ всѣ отъ чумы спаслись благополучно.

Впрочемъ, достопамятно было намъ начало сего года и тѣмъ, что къ намъ въ первой еще разъ пришелъ превеликой обозъ съ наилучшимъ хлѣбомъ изъ нашей шадской деревни. Но мы находились въ превеликомъ недоумѣніи, не зная что съ нимъ дѣлать; ибо чума въ Москвѣ, гдѣ надлежало его продавать, хотя и утихла, но все посылать туда обозъ было опасно.

Но, какъ бы то ни было, но мы наконецъ рѣшились пуститься на божью волю и отважились послать оной въ Москву; но какъ обозные возвратились и привезли къ намъ кучу мѣдныхъ денегъ, то какихъ и какихъ предосторожностей ни употребляли мы съ оными!

Истинно, съ цѣлой возъ сожгли мы можжевельника, окуривая и перекуривая всѣхъ мужиковъ и людей, ѣздившихъ съ онымъ, а деньги, ну-ка ихъ мыть сперва въ водѣ, а потомъ въ уксусѣ; но по счастію не произошло уже отъ нихъ никакого бѣдствія.

Впрочемъ, во весь первый мѣсяцъ сего года не произошло ничего особливаго. Мы провели его по прежнему отчасти въ разныхъ разъѣздахъ по гостямъ и угащиваніи оныхъ у себя, а отчасти въ домашнихъ упражненіяхъ.

Я занимался во весь оной рисованіемъ особаго рода. Мнѣ восхотѣлось обить всю столовую или паче жилую свою комнату холстинными рисованными обоями и раскрасить оныя новымъ маперомъ, по самому тонкому левкасу, жидкими и набольшую часть прозрачными красками, и имѣлъ въ томъ успѣхъ довольной. Обои сіи и понынѣ еще цѣлы и самыя тѣ, коими обита внутренность храма нагорнаго въ саду.

Занимаясь симъ веселымъ и для меня и въ особливости пріятнымъ упражненіемъ въ дневные часы, не давалъ я и ночнымъ пролетать праздно; но какъ были тогда самые длинные вечера, то во всѣ оные, равно какъ и въ ранніе утренніе часы занимался я продолженіемъ сочиняемой мною «Дѣтской философіи» и писалъ въ сіе время третью часть оной, а вторую переписывалъ.

Кромѣ сего написалъ еще и экономическое сочиненіе «О навозѣ», для отсылки въ Общество. Далѣе произошло около сего времени изъ небытія въ бытіе начало того моего сочиненія, которое изъ всѣхъ моихъ можно почесть найважнѣйшимъ и

полезнѣйшимъ, а именно той книги, которая послѣ напечатана подъ заглавіемъ «Путеводителя къ истинному счастію».

Въ разсужденіи сей книги особливаго замѣчанія достойно то, что произошла она на свѣтъ совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ: не дѣлано было мною къ тому никакихъ предварительныхъ приуготовленій и плановъ; не сочиняемо никакихъ эскизовъ; не помышляемо собственно нимало о томъ, какою ей и сколь великою быть. Но мнѣ такъ въ одинъ день и ненарочно вздумалось написать что-нибудь о счастіи,— я сѣлъ и намахалъ первое и начальное разсужденіе.

Оно мнѣ понравилось; а какъ на ту пору случилось пріѣхать къ намъ и у насъ нѣсколько дней пробыть дѣду жены моей, Аврааму Семеновичу, то, какъ теперь помню, однимъ утромъ сидючи съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, читалъ я ему сіе сочиненьице, желая видѣть, каково оно ему покажется. И какъ оное и ему полюбилось, то сіе и побудило меня продолжать сіе дѣло и изображать на бумагѣ дальнѣйшія мои мысли о семъ предметѣ. Однако и тогда еще никакъ я себѣ не воображалъ, чтобъ отъ сего малаго и ничего незначущаго начала произошла такая большая книга, и чтобъ отъ сего сѣмячка, посѣяннаго безъ дальняго замысла и почти ненарочно, произросло со временемъ большое и прекрасное дерево, приносящее весьма многіе и полезные плоды.

А таковыя, ненарочныя и безъ всякаго предварительнаго обдумыванія и приуготовленія предпринимаемыя дѣла, сколько мнѣ замѣтить случилось, и всегда удавались мнѣ несравненно лучше и были успѣшнѣе тѣхъ, которыя предпринималъ я по сдѣланному напередъ плану и по обдуманнымъ прожектамъ, изъ коихъ большая часть оставались безъ всякаго выполненія; и сіе было нѣчто особливое и необыкновенное въ разсужденіи меня и дѣлъ мною производимыхъ.

Мѣсяцъ февраль достопамятенъ былъ только тѣмъ, что мы проводили любезнаго нашего старичка Авраама Семеновича, дѣда жены моей, отъѣзжающаго опять восвояси.

Всѣ мы какъ ни уговаривали его остаться и кончить дни свои въ нашихъ предѣлахъ, посреди ближнихъ, прямо любящихъ и почитающихъ его родныхъ, и какъ ни представляли ему, что здѣсь и спокойнѣе, и беззаботнѣе, и пріятнѣе будетъ ему проживать поздніе сумерки дней своихъ, но онъ никакъ на то не согласился; но, привыкнувъ къ житью въ своихъ низовыхъ мѣстахъ, восхотѣлъ неотмѣнно опять туда ѣхать и тамъ кончить свои дни, преисполненные безчисленными горестями и печалями.

Итакъ, 29 числа сего мѣсяца распрощались мы съ симъ любезнымъ, добрымъ и почтеннымъ старичкомъ. И какъ всѣ мы ни мало въ томъ не сомнѣвались, что мы его болѣе никогда уже не увидимъ и тогда въ послѣдній разъ съ нимъ говорили, то сцена, бывшая при нашемъ съ нимъ прощаніи, была прямо жалкая и такая, которую я описать никакъ не могу. Никого изъ всѣхъ насъ, его родныхъ, не было, кто не обливался бы слезами. Я самъ, какъ ни крѣпокъ въ такихъ случаяхъ, но не могъ никакъ унять слезъ, текущихъ изъ глазъ моихъ.

А мартъ мѣсяцъ содѣлался только тѣмъ нѣсколько достопамятенъ, что въ началѣ онаго, а именно 4-го числа, родилась у брата моего, Михаила Матвѣевича, та дочь его Александра, которая осталась въ живыхъ для игранія роли своей на театрѣ свѣта, но которая игра не принесла ни ей, ни роднымъ ея ни малѣйшей чести и не одинъ разъ подавала поводъ сожалѣть о томъ, что она и существуетъ въ свѣтѣ; но по счастію помрачилась ею фамилія не наша, а Бѣгичевыхъ.

Что касается до меня, то я въ послѣдніе зимніе дни кончилъ третью часть экономическихъ моихъ записокъ, собранныхъ и переплетенныхъ подъ заглавіемъ «Плоды празднаго времени», но которыя сею частію тогда и кончились.

Начало наступившей въ концѣ марта мѣсяца у насъ весны ознаменовали мы раздѣломъ между собою нашего Удере-

ва. Ближній сей и подлѣ самой деревни нашей находившійся лѣсокъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не совсѣмъ еще раздѣленъ и нужно было еще раздѣлить въ немъ нѣкоторыя мѣста.

И какъ мнѣ за свою часть хотѣлось приняться и всю ее почистить и оправить, то и убѣдилъ я сосѣдей своихъ къ окончательному его раздѣленію; что и произвели мы 30 числа сего мѣсяца, и я, кончивъ оной и сочинивъ планъ, и принялся за свою часть такъ прилежно, что препроводилъ тамъ нѣсколько дней безвыходно, со всѣми своими дворовыми людьми, и надѣялся произвесть тѣмъ себѣ невѣдомо сколько пользы; но послѣдствіе времени доказало, что не все то совершается, что мы себѣ иногда навѣрное воображаемъ и нерѣдко происходитъ противное ожиданіямъ нашимъ.

Пасха была у насъ въ сей годъ въ половинѣ апрѣля, и оная достопамятна сдѣлалась досадою и неудовольствіемъ, которое я имѣлъ въ первой самой день сихъ праздниковъ на меньшого своего двоюроднаго брата Гаврилу Матвѣевича, разсердившаго меня на себя чувствительнымъ образомъ.

Въ семъ молодомъ человѣкѣ, на котораго сначала я всѣхъ болѣе надѣялся, ибо онъ казался сколько-нибудь поумнѣе прочихъ, къ особливому сожалѣнію моему, характеръ открывался часъ отъ часу худшій, и чѣмъ болѣе онъ возрасталъ, тѣмъ становился дурнѣйшимъ.

Будучи съ самаго малолѣтства воспитанъ съ великимъ небреженіемъ и очень худо, и привыкнувъ смаленьку допивать остатки изъ рюмочекъ, наслѣдовалъ онъ отъ отца своего все дурное въ немъ бывшее, а изъ хорошихъ его свойствъ ничего. А какъ и гвардія, въ которой онъ служилъ, нимало его не поправила, а испортила еще болѣе, то не успѣлъ онъ начать приходить въ лѣта, какъ и оказались въ немъ свойства завистливаго, своенравнаго, вздорнаго, вспыльчиваго, упрямаго, лукаваго, ненавистнаго, корыстолюбиваго, враждебнаго и такого человѣка, съ которымъ трудно было ладить.

Покуда онъ былъ молодъ, до тѣхъ поръ имѣлъ онъ ко мнѣ должное почтеніе и уваженіе, и я имъ былъ доволенъ, и онъ слѣдовалъ во всемъ моимъ совѣтамъ. Но какъ сіе людямъ его, находящимъ въ томъ свои интересы, когда господа между собою ссорятся, было непріятно, а они охотнѣе хотѣли видѣть его самовластнымъ и ни отъ кого ни въ чемъ независимымъ, дабы самимъ имъ управлять имъ было можно; то не успѣлъ онъ подняться на ноги, какъ и начали они мало по малу его къ тому приготовлять и всякими бездѣльническими выдумками и клеветами вливать въ него на меня злобу; и вскорѣ дѣйствительно до того довели, что онъ со мною разсорился.

Я, не зная всего, а примѣчая только за нѣсколько времени нѣкоторую отмѣну въ поведеніи сего молодого человѣка противъ меня, дивился только тому и, вѣдая, что я не подалъ и не подавалъ къ досадѣ на себя ни малѣйшей причины, не понималъ, за чтó-бы онъ повидимому на меня дулся; но въ помянутой праздникъ доказалъ онъ всѣмъ себя прямо.

Случилось сіе при разговорѣ о пастухахъ и дѣло стало за нихъ. Ему, по заведенной давно уже очереди, слѣдовало въ сей годъ становить опять своихъ пастуховъ; но онъ вдругъ и несправедливѣйшимъ образомъ запировалъ, и не только не хотѣлъ ставить оныхъ, но будучи всѣхъ насъ моложе и прямо еще молокососомъ, вздумалъ всѣми нами играть, надъ нами насмѣхаться, насъ нимало не уважать, а становить самого себя изъ всѣхъ первымъ и все сіе сопрягать съ невѣжливостью и такою грубостью, какой всѣ мы отъ него нимало не ожидали.

Не могу изобразить, какъ мнѣ все сіе было досадно, а особливо, когда изъ нѣсколькихъ словъ, проговоренныхъ имъ въ неистовствѣ, я могъ заключить, что я кѣмъ-то ему былъ оклеветанъ и ему то обо мнѣ внушено, чего у меня никогда и на умѣ не было.

Словомъ, я такъ былъ имъ въ сей день раздраженъ, что не хотѣлъ впредь съ нимъ, какъ съ негоднымъ и неблагодар-

нѣйшимъ человѣкомъ, имѣть никакого дѣла, а презрѣвши, оставить его собственному произволу, хотя то было мнѣ очень больно.

Но, по счастію, ссоришка сія продлилась не долго, но на той же недѣлѣ кончилась. Не успѣла сойтить съ него дурь, какъ увидѣлъ онъ, что поступилъ противъ меня и противъ всѣхъ крайне дурно и глупо, и началъ самъ уже къ намъ забѣгать и стараться опять съ нами поладить; на что мы хотя тотчасъ и согласились, но худое мнѣніе, вперенное (въ) насъ о себѣ, не могъ уже онъ истребить изъ насъ до самаго конца своей жизни.

Не успѣла вскрыться весна и настать май мѣсяцъ, какъ принялся я за снимание на планъ нашего Шаховскаго лѣса, которымъ положили мы учинить начало нашему раздѣленію лѣсовъ. И какъ нужно было съ согласія всѣхъ назначить лѣсу сему границы, то сотоварищевовалъ мнѣ въ семъ дѣлѣ и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ, какъ имѣющій величайшее въ немъ соучастіе; а въ послѣдующій за симъ іюнь мѣсяцъ, мы лѣсъ сей и раздѣлили.

О которомъ раздѣлѣ замѣчу я только то, что хотя бы мнѣ за труды и хлопоты мои и можно-бъ было требовать того преимущества, чтобъ взять на свою часть гдѣ мнѣ лучше разсудится; но я того никакъ не сдѣлалъ, но, снявъ лѣсъ на планъ и разбивъ его съ одного назначеннаго въ срединѣ пункта въ треугольники, и вычисливъ всѣ оные аккуратнѣйшимъ образомъ и назначивъ одно мѣсто, съ котораго бы начать дѣлить, предложилъ, чтобъ всѣмъ намъ кинуть жеребій и чтобъ назначилъ намъ оной, кому изъ насъ намѣривать первую, слѣдующую ему по препорціи четвертной его дачи часть, кому подлѣ его другому, кому третьему и такъ далѣе, дабы дѣло сіе было самое безгрѣшное и никто не могъ имѣть на другого ни малѣйшаго неудовольствія.

А сіе мы и учинили дѣйствительно. И какъ первый жеребій выскочилъ мой, то я первой самъ себѣ, несмотря, что было то въ самомъ худшемъ мѣстѣ, и намѣрилъ, а послѣ отрѣзалъ при всѣхъ и въ натурѣ, которой раздѣлъ между нами существуетъ и донынѣ.

Кромѣ сего услужилъ я въ сію весну брату Михаилу Матвѣевичу разбитіемъ ему его нижняго нагорнаго сада предъ хоромами, которой онъ въ ту же весну по назначеннымъ мною чертамъ и засадилъ.

Впрочемъ въ концѣ мая удивлены мы были полученнымъ изъ шадской нашей деревни, чрезъ нарочнаго ходока, извѣстіемъ, что г. Пашковъ хочетъ межеваться и отхватить себѣ всю тамошнюю степь, называя ее своею. Сіе впервые мы тогда еще услышали и не понимали, по какому праву онъ присвоивалъ себѣ такое великое пространство дикой казенной земли.

Мѣсяцъ іюнь ознаменовался, кромѣ того, новымъ знакомствомъ, сведеннымъ съ господиномъ Темешовымъ, Алексѣемъ Іоновичемъ. Онъ былъ тогда еще малой молодой и холостой, и ему съ братомъ досталось по родству, какимъ-то образомъ, сосѣдственная и самая ближная ко мнѣ деревня Котово во владѣніе. И какъ онъ тутъ въ сію весну жилъ, то сей случай и познакомилъ насъ съ нимъ и я его ласкою и пріязнію къ себѣ былъ очень доволенъ.

Въ концѣ же сего мѣсяца ѣздилъ я въ одни дальнія гости. Теща моя имѣла одного недальнаго родственника, живущаго въ Коломенскомъ уѣздѣ и далеко за Серпуховымъ. И какъ ей хотѣлось его видѣть, а и мнѣ съ нимъ познакомиться, то и согласились мы туда вмѣстѣ съ нею и Иваномъ Аѳанасьевичемъ Арцыбышевымъ съѣздить.

Итакъ, побывавъ въ Серпуховѣ и у сего послѣдняго въ Воскресенкахъ, и ѣздили мы въ деревню къ помянутому знаменитому нашему родственнику, по имени Николаю Леонтьевичу Воронину и были ласкою и угощеніемъ его очень довольны. Мы взяли у него и самой праздникъ Петровъ день, и онъ такъ мнѣ всѣмъ своимъ поведеніемъ и качествами полюбился, что я сожалѣлъ, что жилъ онъ отъ насъ

такъ далеко и что неможно было съ нимъ видѣться часто.

Въ половинѣ іюля, по долговременномъ ожиданіи, встревожены мы были, наконецъ, повѣсткою отъ межевщика, чтобъ пріѣзжать къ нему для миротворенія съ волостными.

Онъ стоялъ въ сіе время въ селѣ Яковлевѣ, которое было отъ насъ хотя неблизко, но мы не преминули къ нему съ сосѣдями ѣхать. Однако въ сей разъ ѣзда наша была еще тщетная. Дѣла никакого не было и мы возвратились съ тѣмъ же, съ чѣмъ поѣхали.

Кромѣ сего, ничего въ теченіи сего мѣсяца не происходило. Я провелъ его въ разныхъ домашнихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, изъ коихъ достопамятнѣйшимъ было нарисованіе портрета Петра Великаго, съ Минервою, корпусными красками, украшающаго и понынѣ мои стѣны, и сдѣланіе на горѣ, пониже плотины сажелочной, колокольной водяной игры, собственнаго своего и довольно замысловатаго изобрѣтенія, которая насъ нѣсколько лѣтъ веселила. А, наконецъ, занимался я нѣсколько дней сниманіемъ на планъ луговъ нашихъ для предпринимаемаго раздѣла оныхъ.

Напротивъ того мѣсяцъ августъ ознаменовался уже кой-какими особенными произшествіями, изъ которыхъ первое было то, что сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ обрадованъ былъ полученіемъ прапорщичьяго чина.

Извѣстіе о томъ получилъ онъ, будучи у меня, и въ самое то время, когда увеселялъ я его новою своею колокольною игрою и пальбою изъ маленькихъ, придѣланныхъ къ ней, пушечекъ. А на другой день происходила въ домѣ у меня помолвка сосѣда и новаго знакомца моего, господина Темешова.

Сей молодой человѣкъ сватался тогда на одной дворянской, живущей въ Каширскомъ уѣздѣ, дѣвушкѣ, госпожѣ Срезневой; и съ обѣихъ сторонъ условленось было, чтобъ съѣхаться имъ ко мнѣ въ домъ и посмотрѣть другъ друга, и потомъ помолвить.

Итакъ, 3-го числа августа госпожа Срезнева и пріѣхала къ намъ съ своею дочерью, сыномъ и двоюроднымъ своимъ братомъ, Андреемъ Ивановичемъ Щепотевымъ.

Мнѣ они хотя и не были до того времени знакомы, но я съ удовольствіемъ ихъ принялъ и далъ тотчасъ знать о томъ г. Темешову, которой и не преминулъ тотчасъ пріѣхать ко мнѣ съ дядею своимъ, князь Петромъ Ивановичемъ Горчаковымъ.

Они, посидѣвъ, посмотрѣвъ и поговоривъ нѣсколько между собою, поручили мнѣ коммиссію, спросить въ другой комнатѣ невѣстину мать о ея мнѣніи.

Я нашелъ госпожу Срезневу въ превеликомъ замѣшательствѣ, недоумѣніи и нерѣшимости. Женихъ какъ-то ей и всѣмъ имъ несовсѣмъ нравился, и она долго не знала что дѣлать. Наконецъ, по увѣщанію г. Щепотева, положилась она на власть Божію и велѣла мнѣ сказать, чтобъ они начинали, по обыкновенію, говорить о своемъ желаніи.

Но чтожъ произошло! Между тѣмъ, какъ я пошелъ къ нимъ и всѣ мы начали между собою втайнѣ, и также въ другой комнатѣ, говорить о томъ какъ быть сей церемоніи, взбунтовался сынъ госпожи Срезневой и сталъ дѣлать матери противорѣчія. Меня вызвали тогда въ лакейскую съ извѣщеніемъ о томъ, и я, побѣжавъ къ нимъ, нашелъ всѣхъ, бывшихъ съ невѣстиной стороны, въ превеликомъ безпорядкѣ, разстройкѣ и несогласіи. Досадуя на сіе, принужденъ я былъ вмѣшаться въ ихъ разговоръ, и часа черезъ два насилу уговорилъ ихъ, чтобы приступить къ дѣлу.

Итакъ, подъ вечеръ уже началось у насъ дѣло. Князь Горчаковъ началъ говорить г. Щепотеву, а тотъ г-жѣ Срезневой, и началось дѣло и воспослѣдовала такъ-называемая помолвка и обыкновенныя поздравленія, а потомъ переговоры о томъ, когда быть формальному сговору и свадьбѣ.

Все сіе продлилось очень долго, но было какъ-то все не очень ладно и согласно.

Наконецъ, по назначеніи, чтобъ сговору быть чрезъ три недѣли, послѣ того разъѣхались мои гости: женихъ поѣхалъ въ Котово, а г-жа Срезнева съ своими также домой, ибо, какъ я ни унималъ остаться у себя ночевать, но она не согласилась.

Но не успѣлъ я ихъ проводить и выттить прогуляться въ садъ, какъ гляжу, бѣжитъ ко мнѣ человѣкъ Настасьи Григорьевны Срезневой, вернувшійся съ дороги, съ просьбою отъ ней ко мнѣ, чтобъ я попросилъ г. Темешова пріѣхать къ ней чрезъ день послѣ того, со мною, и не отъѣзжалъ бы по намѣренію своему въ путь.

— «Хорошо, мой другъ!» сказалъ я,— «я пошлю сей же часъ къ Алексѣю Ивановичу съ письмецомъ о томъ».

Но какъ сей на мою цидулку отписалъ, что ему никакъ учинить того не можно, а онъ согласенъ не въ воскресенье, а наутріе со мною къ ней съѣздить; то за необходимое я почелъ по утру, на другой день, ранехонько, съ предварительнымъ извѣстіемъ о томъ отправить нарочнаго. Но чтожъ воспослѣдовало?

Не успѣлъ послѣдующій день настать и сосѣдъ мой ко мнѣ пріѣхать, какъ и полетѣли мы съ нимъ въ деревню г-жи Срезневой, которая была отъ насъ таки-неблизко; и какъ удивились мы, какъ подъѣзжая къ ея дому, увидѣли карету г-жи Срезневой, ѣдущую къ намъ навстрѣчу.

«Что за диковинка! и что это значитъ?» говорили мы между собою. «Уже не хотѣла ли она куда-нибудь дать тягу?» Но какъ нельзя было ей, увидѣвъ насъ, не остановиться и вмѣстѣ съ нами не возвратиться въ домъ, то приняла она насъ какъ надобно. Но какъ мы, посидѣвъ, начали говорить, то услышали неожидаемое и такое, чему мы еще болѣе удивились, а именно: что она срокъ сговора перемѣняетъ и дѣлаетъ его неопредѣленнымъ, предлагая что ей необходимо надобно еще съѣздить повидаться и посовѣтовать съ какими-то родственниками, и что тогда уже она дастъ знать.

Услышавъ сіе, я тотчасъ догадался, что это былъ формальной отказъ, а г. Темешовъ, какъ былъ ни прытокъ, но того не понялъ; но вздумалъ самъ политическимъ образомъ отказывать, а чрезъ то, противъ всякаго чаянія, и расплылось все наше дѣло.

Возвращаясь къ себѣ въ домъ, проговорили мы съ нимъ во всю дорогу о семъ дѣлѣ и я довелъ товарища своего до того, что онъ мнѣ во всемъ открылся и наговорилъ о себѣ столько, что я ажно содрогался.

Узнавъ, что былъ онъ человѣкъ совсѣмъ особаго и такого рода, съ которымъ связываться ни одному человѣку не можно, а потому и почиталъ г-жу Срезневу счастливою, что она не попала за сего человѣка, ибо дѣвушка сія была очень хорошая, и онъ по характеру своему казался совсѣмъ нестоющій такой невѣсты.

Вскорѣ послѣ сего получилъ я изъ чернской своей деревнишки съ нарочнымъ увѣдомленіе, что туда пріѣхалъ межевщикъ, на сосѣдственную къ намъ дикую казенную землю, и что мнѣ неотмѣнно туда пріѣхать надобно. И обстоятельствы были таковы, что я принужденъ былъ, бросивъ все, скакать туда вмѣстѣ съ сосѣдями моими, гг. Молчановыми, имѣвшими въ тамошней деревнѣ равное со мною во владѣніи соучастіе.

Итакъ, согласившись ѣхать вмѣстѣ 12-го августа, отправились мы въ сей путь, и не успѣли нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъѣхать, какъ въ тотъ же еще день случилось съ нами одно смѣшное, особое и такое произшествіе, которое достойно нѣкотораго замѣчанія. Оно было слѣдующее:

Подъѣзжая къ Тулицѣ, встрѣтилось съ нами нѣсколько телѣгъ, набитыхъ пьяными мужиками, похожими на бурлаковъ. Они орали пѣсни во все горло, кричали и скакали, сколько было у лошадей силы, и мимо насъ проѣхали.

Мы, сидючи съ г. Молчановымъ въ одной коляскѣ, подивились еще и не понимали, какіе бы это люди были: не то

купцы, не то—мужики, не то—разбойники. Всѣ были велички и толстяки, всѣ въ кожанахъ, въ красныхъ рубахахъ и всѣ съ виду, какъ бурлаки.

Я, смотря на нихъ, и подумалъ еще: «ахти! уже не воры-ли это какіе?» Однако, какъ не до насъ было дѣло, то повстрѣчавшись съ ними, и проѣхали мы мимо и продолжали путь свой.

Но не успѣли мы, проѣхавъ Тулицу, миновать стоявшую тутъ тогда заставу, какъ увидѣли бѣгущаго за нами съ заставы солдата и кричащаго, чтобъ мы остановились.

Удивились мы сему и хотя не знали, чтобъ это значило, но велѣли остановиться и его подождать. Солдатъ, добѣжавъ, просилъ насъ именемъ поручика, чтобъ мы немного погодили, говоря, что какой-то купецъ ѣхалъ и обронилъ деньги, а другой какой-то человѣкъ ѣхалъ верхомъ и оныя деньги поднялъ и отдалъ нашимъ людямъ.

Странно намъ сіе показалось и тѣмъ паче, что мы, ѣдучи впереди, ничего того не видали и, не понимая, чтб-бъ это значило, спрашивали у людей; но они говорили, что ничего этого не знаютъ. Однако, согласились мы обождать и солдатъ побѣжалъ назадъ.

Между тѣмъ, приставалъ я къ своимъ людямъ и принуждалъ сказать, не было-ли въ самомъ дѣлѣ какого произшествія? И, къ удивленію своему, скоро открылось, что въ самомъ дѣлѣ было, а именно: что за нами случилось ѣхать человѣку, знакомому нашимъ людямъ и неподалеку отъ того мѣста живущаго дворянина, г. Хвощинскаго, человѣку, которой, поднявъ оброненныя купцомъ деньги, кинулъ нашимъ людямъ по знакомству, и они ихъ приняли и спрятали, и у одного изъ нихъ были они въ карманѣ. Я велѣлъ ихъ себѣ показать и увидѣлъ кожаной кошелекъ, набитой серебряными деньгами, которыхъ повидимому было рублей до пятидесяти.

Тогда начали мы совѣтовать, что съ ними дѣлать?—Людцы наши всѣ единогласно говорили, что намъ не для чего ждать, а должно ѣхать. Г. Молчановъ былъ того же мнѣнія и принуждалъ деньги схоронить подъ хомутъ, завернувъ во что-нибудь. По мнѣ одному казалось это дѣло безчестнымъ и подлымъ, и что долгъ христіанскій повелѣваетъ возвратить сіи деньги хозяину; почему и сталъ я въ томъ такъ твердо, что всѣ, сколько ни говорили, но не могли меня въ томъ переспорить.

Между тѣмъ увидѣли мы идущую къ намъ цѣлую толпу народа. Былъ то поручикъ и превеликое множество народа, окружающаго того верхового человѣка, которой, по отдачи нашимъ денегъ, нарочно отъ насъ отсталъ.

Вопль, крикъ и превеликой шумъ слышанъ былъ уже издалека, и вся эта шайка шла на насъ; а человѣкъ г. Хвощинскаго, притворясь, будто совсѣмъ насъ не знаетъ, кричалъ уже издалека:

— «Милостивые господа! Вотъ пристаютъ ко мнѣ, не знаю, не вѣдаю изъ чего. Говорятъ, будто-бы я поднялъ сколько-то денегъ и отдалъ вашимъ людямъ, а я не знаю ничего, не вѣдаю, ни васъ, ни людей вашихъ не знаю и никакихъ денегъ не подпималъ и не отдавалъ».

На сіе, понимая что это значитъ, отвѣтствовалъ я молчаніемъ, покуда пришелъ поручикъ. Сей, приступивъ тотчасъ къ намъ и разсказавъ все слышанное, сталъ учтивымъ образомъ просить насъ, чтобы мы это дѣло изслѣдовали.

И тогда обступило насъ множество народа, ибо обронили деньги самые тѣ бурлаки и люди, о которыхъ упоминалъ я выше, и которые, побросавъ свои телѣги, вернулись верхами и, валяясь въ ногахъ, то Молчанова, то меня просили оказать имъ милость.

Я, опасаясь, чтобъ не произошло какого худого слѣдствія, не открывая имъ, что мнѣ все дѣло уже извѣстно, говорилъ человѣку Хвощинскаго, чтобъ онъ признался, буде поднялъ и сказалъ бы, которому изъ людей нашихъ онъ ихъ отдалъ. Но какъ онъ твердо въ томъ стоялъ, что не поднималъ, а тѣ бѣдняки не могли именно показать, которому изъ

людей нашихъ онъ отдалъ, а обыскивать насъ было не можно, то легко могли-бъ деньги сіи пропасть, если-бъ я захотѣлъ; но то-то было и дѣло, что мнѣ того и чужой грѣхъ на душу взять не хотѣлось.

Долго это продлилось и нельзя было никакъ не умилосердиться и не сжалиться на ихъ просьбы. Съ нихъ соскочилъ тогда и хмѣль весь. Однако, чтобъ отвести отъ себя подозрѣніе, уговаривалъ я человѣка, чтобъ сказалъ правду и доволенъ бы былъ пятью рублями, которые даютъ они ему охотно сами. И насилу, насилу могъ его уговорить! Итакъ, взялъ онъ тайкомъ отъ моего человѣка деньги и, спросивъ сколько ихъ было и, условившись о переймѣ, отдалъ ихъ.

Денегъ по счету оказалось 38 рублей, и они сами ему дали 5 рублей, чѣмъ дѣло сіе и кончилось. Люди мои получили отъ человѣка одинъ рубль, а и онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему 4 рубля Богъ далъ.

Кромѣ сего во все путешествіе сіе ничего съ нами не случилось особливаго. Мы доѣхали до деревни своей благополучно, и какъ межевщика еще не было, то принялся я тотчасъ за снятіе на планъ всей нашей тамошней дачи и по исчисленію узнавъ, что въ ней было около 125 десятинъ недостатка, нетерпѣливо хотѣлъ видѣть межевщика, которой, наконецъ, къ намъ и пріѣзжалъ.

Но какъ онъ присыланъ былъ только для измѣренія одной, недалеко отъ насъ находящейся казенной земли, а до насъ ему дѣла не было, то, поговоривъ съ нимъ, другого намъ не оставалось, какъ ѣхать обратно домой, куда, чрезъ нѣсколько дней, и возвратились мы благополучно.

Вскорѣ послѣ сего произшествія имѣли мы нѣкоторую непріятность въ домѣ, по случаю тяжкихъ, удивительныхъ и почти ненатуральныхъ болѣзней многихъ людей, и какъ тому же злу подверглась кормилица меньшого моего сына, то принуждены мы были его отъ ней отнять. А вскорѣ за симъ имѣли мы неожидаемое удовольствіе видѣть у себя обѣихъ племянницъ моихъ, Надежду и Анну Андреевенъ, пріѣхавшихъ къ намъ изъ Кашина для свиданія.

Въ первыхъ числахъ сентября, по случаю великаго урожая въ сей годъ орѣховъ, пришла мнѣ мысль завесть у себя, за вершиною, на клину регулярной садъ, составленной изъ одного орѣшника, на тотъ конецъ, чтобъ тутъ можно было орѣхамъ до тѣхъ поръ давать вызрѣвать, покуда они сами начали бы вываливаться.

И какъ я во всѣхъ такихъ случаяхъ бывалъ очень нетерпѣливъ, то не успѣлъ сего вздумать, какъ захотѣлось мнѣ затѣю сію и выполнить. Я тотчасъ началъ все сіе мѣсто, измѣривъ, разбивать, по тогдашней склонности и охотѣ къ регулярнымъ садамъ, на разныя косыя и прямыя куртины и назначать, гдѣ быть алейкамъ и дорожкамъ, коихъ назначилъ я превеликое множество. А по учиненіи сего тотчасъ и велѣлъ все сіе мѣсто окапывать рвомъ, чрезъ что и получилъ тогда з а о в р а ж н о й мой садъ первое свое основаніе.

Но все мое тогдашнее предпріятіе было неудачно и вышло, наконецъ, изъ сего мѣста совсѣмъ иное, нежели я тогда себѣ воображалъ.

Я хотя и засадилъ его въ ту же осень сплошнымъ почти орѣшникомъ, употребивъ къ тому нѣсколько тысячъ кустовъ, но какъ кустарникъ сей очень непріимчивъ, а я пожалѣлъ его весь по корень срѣзать, то онъ весь почти у меня на другой же годъ засохъ и не уцѣлѣло изъ нихъ и ста кустовъ; почему мѣсто сіе было опять предано на многіе годы запустѣнію и заросло березами и всякою дрянью, покуда, наконецъ, многіе годы спустя, принявшись опять за оное, мало по малу основалъ я тутъ плодовитой садъ, оставивъ нѣкоторыя части въ натуральной дикости, въ какомъ состояніи находится онъ и понынѣ; и изъ посаженныхъ тогда орѣховыхъ кустовъ не осталось и нѣсколькихъ десятковъ, а мѣсто ихъ заступили яблони и вишни, полюбившія отмѣнно сіе мѣсто. Совсѣмъ тѣмъ

все оное и понынѣ еще не доведено до желаемаго совершенства

Племянницы мои прогостили тогда у насъ только двѣ недѣли, и въ половинѣ сентября опять отъ насъ поѣхали и оставили меня въ превеликихъ хлопотахъ и разстройкѣ мыслей; ибо въ самое сіе время получилъ я изъ шадской своей деревни досаднѣйшее извѣстіе, что межевщикъ въ тамошнія мѣста дѣйствительно пріѣхалъ и межевать собирается.

Я хотя не зналъ, какой бы это былъ межевщикъ—казенной-ли, или своекоштной, но какъ всякой былъ мнѣ важенъ, вразсужденіи покупной моей тамъ земли и мнѣ необходимо при семъ случаѣ быть тамъ было надобно, то поелику и здѣсь межевыя дѣла были еще не окончены, а сверхъ того и другія многія были нужды и обстоятельства, удерживающія меня дома, то горевалъ я о томъ, какъ быть и не зналъ что дѣлать.

Но какъ безъ ѣзды туда никакъ обойтиться было не можно и надлежало еще всячески спѣшить, то желалъ я, что хотя-бъ поѣхали со мною туда братья мои и мнѣ бы не такъ было скучно. Но я долженъ былъ и съ сей стороны имѣть досаду. При предложеніи о томъ, одинъ изъ нихъ напрямки сказалъ, что у него строеніе и ему ѣхать нельзя, а другой хотя-было и согласился и далъ слово, но умницѣ женѣ его не захотѣлось съ нимъ разстаться. Итакъ, послушавшись ея, прислалъ и тотъ съ отказомъ, несмотря, что обоимъ имъ была такая-жъ нужда, какъ и мнѣ, ибо у нихъ была также покупная земля.

Итакъ, и съ сей стороны была только одна досада; но какъ перемѣнить было нечѣмъ, то, снявъ скорѣе съ садовъ своихъ послѣдніе яблоки и давъ лежебокамъ сосѣдямъ моимъ нужныя наставленія, что имъ, въ случаѣ размежевки пустошей нашихъ дѣлать и какія брать предосторожности, и проводивъ племянницъ своихъ, отъѣзжавшихъ въ самое сіе время, въ сей вторичной путь въ тамбовскіе предѣлы 13 сентября и отправился.

Но какъ письмо мое уже увеличилось, то дозвольте мнѣ на семъ пунктѣ теперь остановиться и описаніе сего вторичнаго путешествія моего предоставить письму будущему, а между тѣмъ сказать вамъ, что я есмь и прочая.

(Генваря 22 дня 1808 года).

ВТОРИЧНАЯ ѢЗДА МОЯ ВЪ ШАДСКЪ.

Письмо 154-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ описать теперь вторичное мое путешествіе въ шадскую мою деревню, скажу, что сія ѣзда моя далеко не была такъ достопамятна, какъ прочія, въ разныя времена туда предпринимаемыя; но не только длилась не долго, но и не сопряжена была ни съ какими особливыми и важными обстоятельствами и произшествіями.

Совсѣмъ тѣмъ найдется и въ ней что-нибудь занимательное. Я опишу вамъ ее такъ, какъ описывалъ я ее тогда въ письмахъ къ моей тещѣ, сокративъ только нѣкоторыя мѣста изъ оныхъ.

«Вы знаете, писалъ я къ ней по пріѣздѣ своемъ въ Тулу 14 сентября, что я для дурной дороги и грязи отмѣнилъ ѣхать прямою дорогою на Корники, а рѣшился ѣхать чрезъ Тулу. Итакъ, въ семъ городѣ и пишу я и вамъ сіе, гдѣ насилу могъ отбиться и отдѣлаться отъ извѣстныхъ тульскихъ кузнецовъ, шлесарей и ружейныхъ мастеровъ.

«Не успѣлъ, истинно, пріѣхавъ сегодня поутру, вытти изъ коляски и стать на постояломъ дворѣ, какъ цѣлая толпа ихъ, равно какъ дожидавшаяся, окружила меня и всю избу наполнила. У иного набита была пазуха полна всякими бездѣлушками; у другого былъ цѣлый кулёкъ съ ними подъ мышкою; иной спрашивалъ, не изволю-ли я того, другой не изволю-ли купить другого, и такъ далѣе. И я не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать.

Въ одинъ мигъ превратилась квартира моя въ настоящую лавку. Весь столъ и часть лавокъ укладена уже была разными желѣзными товарами и блестящими бездѣлушками. Индѣ раскладены были

пистолеты, индѣ кортики, индѣ разноманерные замки, чернильницы, выдвижные безмѣны, ружейныя мѣрки, щипцы, ногторѣзы, ножички и прочій такой вздоръ. Словомъ, никогда я такого множества разныхъ мелочей вдругъ не видывалъ, какъ въ сей разъ, и повѣрите-ли? хотя не намѣренъ былъ ничего купить, но не могъ никакъ отъ нихъ отдѣлаться. Многія вещи прельстили меня и я принужденъ былъ купить маленькой пистолетъ, перникъ, чернильницу и замочекъ и за все заплатилъ 2 рубля; но насилу, насилу сжилъ ихъ съ своихъ рукъ.

«Теперь, слава Богу, всѣ они ушли; но не думаю, чтобъ они оставили меня съ покоемъ. Вѣрно знаю, что побываютъ еще нѣсколько человѣкъ; однако болѣе меня не обманутъ: несмотря ничего, буду отказывать.

«Теперь разскажу вамъ о своемъ вчерашнемъ путешествіи. Распрощавшись съ вами и отправившись въ путь, имѣлъ я первую встрѣчу, не доѣхавъ до Ченцова. Нѣмка Яковлевна, идущая къ намъ, завидѣвъ меня и узнавъ, по усердію своему къ нашему дому, не могла утерпѣть, чтобъ со мною не проститься и перешла даже по водѣ, чрезъ рѣку, къ намъ, чтобъ распрощаться.

«Ѣзда наша въ сей день была благополучна, коляска моя оказалась спокойнѣйшею, нежели я думалъ. Таково ажно хорошо и покойно въ ней ѣхать! Одинъ тотъ только недостатокъ, что коротенька, а то лучше желать не можно. Но и этотъ недостатокъ былъ сносной, хотя правда не однажды я желалъ, чтобъ ноги мои были на вершокъ короче,—но такъ уже и быть!

«Другое безпокойство имѣли мы отъ преужасной пыли, несомой прямо къ намъ навстрѣчу. Закрывшись сидѣть было душно, а раскрывшись—пыль набивалась въ ротъ и въ глаза, и скоро дошло до того, что у меня даже глаза заболѣли, а о людяхъ нашихъ и говорить уже нечего.

«О! желалъ-бы я, чтобъ вы видѣли вчера, каковъ былъ нашъ Тимоѳей! Истинно не лучше арапа. Таки-такъ черенъ отъ пыли, что одни зубы только бѣлѣлись. Уже онъ бѣднякъ совался, совался, но нигдѣ не находилъ лучшаго мѣста. Садился напереди, садился назади, но вездѣ было равно и вездѣ худо.

«Впрочемъ дорога была намъ очень не скучна... Ѣхала насъ изрядная ватага; было четыре повозки и семь человѣкъ, кромѣ насъ. Ежеминутно встрѣчалось съ нами превеликое множество жнецовъ и бабъ, идущихъ обратно изъ степей большими ватагами и поющихъ пѣсни, а по счастію угомонились нѣсколько и больные мои зубы.

«Александръ Андреичъ, мой дорожной товарищъ, помогалъ мнѣ прогонять скуку и я радъ, что его взялъ съ собою, все-таки не таково скучно! Что-нибудь молвишь, и то давай сюда!

«Въ разсужденіе его не позабылъ я употребить предосторожность, чтобъ ему не быть безъ дѣла. Для него взялъ я съ собою «Жилблаза» и заставилъ его дорогою читать вслухъ. Хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ, прочитавъ всю сію книгу, научился читать проворнѣе и лучше и помнить, что читаетъ. Для сего и заставливалъ я его, прочитавши каждый періодъ, мнѣ матерію на короткихъ словахъ пересказывать.

«Но тутъ-то не могъ довольно надивиться тупости его разума: такъ тупъ, такъ тупъ, что больше быть не можно. Повѣрите-ли, что не успѣвалъ трехъ строкъ прочесть, какъ уже и забывалъ, что въ нихъ содержалось. Я сердечно сожалѣлъ о семъ непроворствѣ его разума и помогалъ ему, сколько можно въ томъ, и, можетъ быть, дальнѣйшее упражненіе поможетъ нѣсколько и онъ будетъ попроворнѣе.

«Симъ образомъ провождая время, пріѣхали мы уже въ сумерки ночевать въ Сулему. Но думали-ль бы вы, чтобъ я въ сей деревнишкѣ могъ препроводить сей вечеръ въ пріятной компаніи съ однимъ гостемъ, знакомымъ мнѣ человѣкомъ?

«Въѣзжая въ деревню, увидѣли мы стоящую на выѣздѣ коляску, и я удивился, что Тимоѳей мой, подошедши къ

ней, кланялся, какъ знакомымъ людямъ. «Кто-бъ такой это былъ?» думалъ я; но скоро узналъ, что былъ то г. Казариновъ.

«Обрадовался я сей встрѣчѣ и тотчасъ пошелъ къ нему, а онъ ко мнѣ. Итакъ, мы съ нимъ очень долго и весь вечеръ просидѣли и проговорили.

«Онъ насказалъ мнѣ множество новыхъ вѣстей и на большую часть непріятныхъ. Всѣ носившіеся слухи о разрывѣ мирнаго конгреса и о новой войнѣ съ шведами были основательны, и онъ спрашивалъ меня, есть ли у меня готовые рекруты? Но всего болѣе смутило и перетревожило меня то, что въ Воронежѣ едва-ли нѣтъ еще моровового повѣтрія, а мнѣ въ самую ту сторону надобно ѣхать. Но воля Господня да будетъ съ нами!

«Распрощавшись съ г. Казариновымъ, расположился я спать для опыта въ своей коляскѣ и къ удовольствію своему проспалъ безъ дальней нужды и безпокойства. Сегодня встали мы ранехонько и пріѣхали въ Тулу вмѣстѣ почти съ солнцемъ. Теперь завтракаемъ мы здѣсь и всѣмъ нужнымъ запасаемся».

15-го числа писалъ я къ ней: «Слава Богу, теперь пишу я къ вамъ уже изъ епифанской своей деревни, въ которую мы сей только часъ пріѣхали и гдѣ мы кормимъ лошадей, отдыхаемъ и запасаемся провизіею и фуражемъ.

«Но прежде описанія ѣзды своей до сего мѣста, скажу вамъ, что прежде отъѣзда изъ Тулы случилось съ нами два произшествія, одно пріятное и веселое, а другое крайне досадное. Пріятное состояло въ томъ, что противъ всякаго моего чаянія, посланной на рынокъ человѣкъ притащилъ съ собою пойманнаго имъ бѣглеца нашего, Степана Лахмыта.

«Удивился я, его увидѣвъ, и закричалъ: «Что это братъ? отчего ты отъ насъ ушелъ? и какая тебѣ была изгона?»—Что сударь! Котовскіе сказали мнѣ, что вы хотите отдать меня на поселеніе, а я, испужавшись того, и ушелъ и ждалъ, покуда ушлютъ поселенныхъ, тогда хотѣлъ самъ приттить.

«Что мнѣ съ симъ бездѣльникомъ было дѣлать! драться не хотѣлось; другого не оставалось, какъ обстригши для безопасности, чтобъ опять не ушелъ, взять его съ собою.

«Какъ вздумано, такъ и сдѣлано. Я, доставъ ножницы, ну его стричь, и голову, и бороду, крестъ на крестъ. Но сей бездѣльникъ вздумалъ еще со мною договариваться, чтобъ я не бралъ его съ собою въ Шадскъ, что онъ туда отнюдь не хочетъ, а радъ умереть въ Дворяниновѣ; однако было-бы смѣшно, если бы я его послушалъ.

«Что касается до другого и досаднаго произшествія, то состояло оно въ неумѣренномъ, безстыдномъ и безсовѣстномъ требованіи хозяйки нашей за пребываніе въ домѣ ея нѣсколькихъ часовъ.

«Требованіе ея было такъ велико, что она вздурила даже меня, каковъ я ни терпѣливъ, и я неинако, какъ съ превеликою досадою разстался съ нею, заклявшись впредь не становиться на квартиры не договорившись напередъ о заплатѣ за постой.

«Но досада сія была не одна въ этотъ день. Ввечеру имѣлъ я опять новую: застигла насъ ночь на степи и въ безводномъ совсѣмъ мѣстѣ. Сдѣлалось вдругъ такъ темно, что ни зги было не видно и мы принуждены были почти ощупью тащиться и спѣшить доѣхать до какой-нибудь деревни, гдѣ бы намъ ночевать было можно; но никакая не попадалась намъ на глаза.

«Мы спрашивали у всѣхъ, съ кѣмъ ни встрѣчались, далеко-ли село; но сіи ровно какъ сговорились увеличивать мою досаду и сказывали все разное. Одинъ сказалъ: верстъ съ 8, а другой, съ которымъ повстрѣчались мы отъѣхавъ еще нѣсколько, сказалъ, что съ 15 верстъ.

«Тьфу, какая пропасть!» въ досадѣ говорилъ я, «чѣмъ бы уменьшаться, а вопреки тому все прибавляется», и повѣрите-ли, человѣкъ двадцать мы спрашивали и ни одинъ не сказалъ правды.

«Наконецъ, въѣхали мы въ какую-то рѣку и стали въ пень, ибо за темнотою не видно было нигдѣ въѣзда,—и насилу, насилу, наконецъ доѣхали мы до села Каменки и тутъ ночевали, давъ въ сей день лошадямъ своимъ добрый трезвонъ, и бѣдныя принуждены были цѣлыхъ 50 верстъ бѣжать безъ отдыха. А сегодня, продолжая свой путь, имѣли опять приключеніе непріятное.

«Надобно намъ было переѣзжать одну нарочитой величины рѣку по мосту, но мостъ такъ былъ узокъ, что одно колесо коляски моей хорошохонько съ него сползло и коляска, повиснувъ на бокъ, чуть-было чуть не полетѣла совсѣмъ въ рѣку.

«Не могу изобразить, какъ настращалъ меня сей случай. До сего боялся я мостовъ, а теперь еще болѣе бояться ихъ буду. Я, не вспомнивъ самъ себя и выскочивъ безъ памяти, кричалъ, чтобъ выпрягли скорѣе лошадей и перетаскивали коляску на себѣ черезъ сей проклятой мостъ, и насилу, насилу мы перебрались чрезъ оной».

16-го числа писалъ я слѣдующее: «Выкормивши лошадей въ епифанской своей деревни и запасшись курицами, овсомъ и всѣмъ нужнымъ, спѣшили мы ѣхать далѣе. Въ тотъ же еще день добрались до города Епифани, но и въ сей разъ не обошлось безъ досаднаго произшествія.

«Зашаталась у насъ вдругъ одна изъ коренныхъ лошадей въ коляскѣ и чуть-было не упала совсѣмъ. Мы вправхъ перепугались и не знали, что дѣлать и рады невѣдомо какъ были, что она, отдохнувъ нѣсколько минутъ, поопранилась и насъ кое-какъ довезла до Епифани.

«Въ семъ степномъ городкѣ хотѣлось-было мнѣ кое-что купить, но ничего не нашли, а съ нуждою отыскали купить нѣсколько меду и чесноку, которой нуженъ намъ былъ для леченія ящера у лошадей нашихъ.

«Переночевавши въ семъ городѣ, поѣхали мы изъ него до свѣта и очень рано. Но не успѣли выѣхать, какъ въ темнотѣ ошиблись дорогою и поскакали по Скопинской, и не прежде схватились и ошибку свою узнали, какъ отъѣхавъ уже верстъ съ восемь.

«По счастію, повстрѣчался съ нами одинъ мужикъ и сей вразумилъ уже насъ, что мы ѣдемъ не туда и далеко сбились влѣво. Что было тогда дѣлать?.. Принуждены были его нанимать, чтобъ онъ провелъ уже насъ кой-какими дорожками до села Богучалокъ, чрезъ которое намъ ѣхать надлежало.

«Большое село сіе сидитъ на рѣкѣ Таболѣ, и я, пріѣхавъ въ него, не могъ довольно налюбоваться красотою положенія онаго и всего мѣста. Оно принадлежитъ князьямъ Прозоровскимъ, имѣетъ въ себѣ господской домъ, церковь, множество прудовъ и хорошіе мосты.

«Однако, мы тутъ не остановились, а доѣхали до села Молоденокъ, принадлежащаго графамъ Разумовскимъ, и тутъ, переправившись съ трудомъ черезъ рѣчку по скверному мосту, кормили лошадей.

«Тутъ видѣлъ я одну, достойную замѣчанія, вещицу: на хозяинѣ были лапти, какихъ я никогда еще не видывалъ, сдѣланныя не изъ лыкъ, а изъ дерева. Выдумка сія мнѣ полюбилась и тѣмъ паче, что онъ носилъ ихъ болѣе года. Онѣ сдѣланы были осиновыя и головашка выдолблена съ бока и дира послѣ задѣлана.

«Выѣхавши изъ села сего, нашелъ я на дорогѣ двѣ, примѣчанія достойныя, вещи: прекрасную и превеликой обширности дубовую рощу, молодую, подчищенную, частую, прямую и столь прелестную, что я не могъ ею довольно налюбоваться и ѣхалъ чрезъ нее съ особымъ удовольствіемъ. Она могла почесться сущею рѣдкостью въ степныхъ тамошнихъ мѣстахъ и казалась быть сѣянною. Во-вторыхъ, наѣхали мы цѣлое поле, засѣянное коноплею, что было для насъ также зрѣлищемъ необыкновеннымъ.

«Ночевать пріѣхали мы въ село Змѣево и уже въ сумерки. Село сіе было нарочито велико, принадлежитъ разнымъ господамъ и имѣетъ въ себѣ хотя обширной, но наполненной столь скверною водою прудъ, что людямъ нашимъ, напившимся оной, служила она сущимъ рвот-

нымъ. Дурнота оной происходила болѣе оттого, что прудъ сей запруженъ былъ однимъ навозомъ.

«Совсѣмъ тѣмъ, ночлегъ сей былъ намъ, противъ чаянія, довольно веселъ. Не успѣли мы остановиться, какъ показался на той сторонѣ, за прудомъ, превеликой хоръ крестьянокъ, идущій изъ дворовъ къ стоящимъ на улицѣ просторной круглымъ качелямъ.

«Шли онѣ, предводимыя дочерью одного тутошняго владѣльца и при громѣ воспѣвающихъ веселыхъ пѣсней. Вскорѣ за ними вышелъ и отецъ ея, и вокальная музыка сія и качаніе на качеляхъ продолжалась до самой глубокой ночи.

«Съ другой стороны забавлялъ насъ цѣловальникъ, сидѣвшій въ прескверномъ кабачишкѣ, противъ насъ стоявшемъ. Сей, сидючи въ пустой хижинѣ своей, во всю почти ночь проооралъ фабричныя пѣсни и, наконецъ, до того дошло, что я уже и не радъ былъ его усердію, ибо за пѣснями его не могли мы и заснуть скоро.

«Въ семъ мѣстѣ напало на меня небольшое горе. У товарища моего заболѣла отчего-то голова и я боялся, чтобъ онъ у меня не занемогъ; но, по счастію, припадокъ сей миновался скоро. Впрочемъ, сообществомъ его былъ я часъ отъ часу довольнѣе и онъ «Жилблаза» моего такъ полюбилъ, что читалъ его съ охотою, и не успѣемъ гдѣ остановиться, какъ гребется онъ самъ за книгу и говоритъ: «что-то нашъ Жилблазъ дѣлаетъ, пора мнѣ съ нимъ повидаться».

17-го числа писалъ я: «На утріе, вставъ рано и проѣхавъ еще ночью Рановы-Верхи и славное и любимое мною село Муравеино, пріѣхали мы кормить лошадей и обѣдать въ село Никольское, находящееся уже недалеко отъ Ранебурга, или, по тамошнему нарѣчію, Анбура.

«Тутъ ненарочно остановились мы подлѣ двора священника сего села, человѣка добраго и на нашу руку. Я тотчасъ съ нимъ спознакомился и рюмка водки свела у насъ съ нимъ въ одинъ мигъ дружбу. Попъ мой сдѣлался тотчасъ разсыпнымъ, несетъ ко мнѣ и хлѣбъ, и квасъ и тарелку яблокъ, а всего лучше, досталъ мнѣ къ чаю молоко.

«Я потчивалъ его чашкою пунша и попъ мой былъ тѣмъ крайне доволенъ; звалъ меня погулять въ свой садъ, которой былъ у него изрядной, и какъ на одной яблони были еще прекрасныя зимовыя яблоки, то стресъ ихъ для меня нѣсколько. Словомъ, не попъ, а другъ задушевной; а мнѣ такой другъ на дорогѣ былъ и надобенъ. Теперь отдыхаетъ онъ отъ излишней рюмочки, а безъ того не имѣлъ бы я времени сего написать. Не знаю, увидимся-ли мы съ нимъ, или нѣтъ».

18-го сентября писалъ я слѣдующее: «Знаете ли откуда я сіе пишу? За 20 верстъ уже отъ Козлова, сидючи въ харчевнѣ довольно изрядной и называемой Хоботъ. Тутъ кормимъ мы лошадей и я теперь только съ товарищемъ моимъ пообѣдалъ.

«Обѣдъ у насъ былъ въ сей разъ нимало не похожій на дорожной: горячая ветчина, яйцы въ смятку, окрошка, щи бѣлыя съ говядиною и цыпленкомъ и такіе, какихъ лучше требовать не можно, а наконецъ, битое говяжье мясо на сковородѣ съ укусомъ. Не довольно-ли кушанья? Право, хоть бы и дѣткамъ нашимъ! а особливо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, кромѣ одной избы, ничего нѣтъ. По по счастію такъ случилось, что харчевня сія все имѣла. Мы могли достать и къ чаю молоко и все прочее, а для десерта была у насъ спѣлая брусника, куманика и хорошій арбузъ. Вотъ, какъ мы прохладно ѣдемъ.

«Но и въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что по сіе время дорога намъ была очень весела; не знаю, какова впредь будетъ. Я опишу вамъ всѣ произшествія.

«Встаемъ мы очень рано, и я, не просыпаясь и не вставая, такъ и ѣду, покуда разсвѣнетъ; развѣ когда прошибутся дорогою, такъ проспешься посмѣяться надъ дуракомъ нашимъ проводникомъ. То-то сущій фалалей и годился-бы по нуждѣ въ шуты и дураки.

«Какъ разсвѣнетъ, беру я книгу и читаю себѣ дорогою, лежа въ коляскѣ. По

счастію читать безъ нужды можно; остановившись кормить, одѣваемся, и Тимоѳей нашъ проворитъ тотчасъ чаемъ. Не было еще дня, чтобъ я онаго до сыта съ сливками не напивался и табаку не накурился. Комаренокъ принимается тотчасъ за таганъ, варитъ похлебку изъ курицы, которыми не позабыли запастись мы изъ Епифани, также яйцы и прочее.

«Между тѣмъ, какъ варятъ и приуготовляютъ намъ обѣдъ, принимаюсь я за свою дорожную канцелярію. Чернильница у меня при боцѣ и весь приборъ письменной. Чернильницу повѣшу за рукоятку въ коляскѣ, самъ сяду, опустя ноги въ дверцы, подушки на колѣни и на нихъ «Китайскую исторію», и начинаю тотчасъ записывать въ журналъ свое путешествіе, и записавъ, продолжаю переводить «Китайскую исторію».

«Какъ поспѣетъ обѣдъ, садимся мы съ товарищемъ своимъ на цыновкѣ и наѣдаемся до сыта; послѣ того напиваемся квасу и, полакомившись чѣмъ-нибудь, продолжаю я писать, а товарищъ мой читать своего «Жилблаза», до тѣхъ поръ, покуда запрягутъ лошадей. Тогда канцелярія моя опять прячется, я сажусь въ коляску и беру въ руки читать книгу.

«Дорогою провождаемъ мы время въ чтеніи, въ разговорахъ и въ лакомствѣ арбузами, орѣхами и кренделями, а когда устанемъ сидѣть, то попройдемся. Пріѣхавши на ночлегъ, становимся опять подлѣ двора и Комаренокъ принимается за прежнее свое дѣло, — варитъ намъ похлебку и прочее, а я, ежели свѣтло, опять за канцелярію.

«Отужинавъ, ложимся мы спать, и какъ рано я засыпать не привыкъ, то подаютъ мнѣ въ коляску свѣчку и я разговариваю часа полтора съ книгою, покуда поужинаютъ люди и станутъ спать ложиться. Тогда возьмутъ отъ меня свѣчку и мы засыпаемъ и спимъ, покуда часовой намъ не закричитъ и не предвозвѣститъ, что приближается утро.

«Знаете-ли, о какомъ часовомъ я говорю? Изъ взятыхъ въ Епифани живыхъ пѣтуховъ, одинъ повадился кричать. Мы тѣмъ очень довольны и нарочно его не бьемъ. Какъ скоро онъ закричитъ, то встаютъ люди и мы запрягаемъ лошадей и продолжаемъ путь свой.

«Вотъ краткое описаніе нашего путешествія. Не довольно-ли оно пріятно? А прекраснѣйшая погода и гладчайшая дорога придавала ему еще болѣе пріятности.

«О самой же ѣздѣ нашей отъ Никольскаго до сего мѣста скажу только, что мы вчера въ Ранибургъ пріѣхали еще довольно рано и искупивъ все нужное, хотѣли-было ѣхать далѣе, но раздумали; а переѣхавъ тутъ рѣку Рясу, остановились ночевать, а сегодня ранехонько уже встали и продолжали до сего мѣста свой путь наипрекраснѣйшею дорогою, обсаженною по обѣимъ сторонамъ молодыми деревцами, оплетенными плетешками. Сіе случалось мнѣ еще впервые видѣть и я не могъ тѣмъ довольно налюбоваться и желалъ, чтобъ деревцы сіи всѣ принялись и уцѣлѣли, но къ чему была худая надежда».

19-го сентабря писалъ я изъ Лысыхъ-горъ: «Вотъ мы уже и въ славномъ однодворческомъ селѣ Лысыхъ-горахъ, и переѣхали уже половину той большой и окомъ необозрѣваемой степи, которая находится между Козловомъ и Тамбовомъ.

«Отправившись вчера изъ Хобота, пріѣхали мы въ Козловъ такъ рано, что мнѣ не хотѣлось тутъ ночевать; а полюбовавшись вновь строющимися тутъ каменными церквами и домами, пустились мы далѣе и успѣли еще пріѣхать ночевать на польный Воронежъ, гдѣ, вмѣсто прежней пустоты, нашли уже селеніе нарочито увеличившееся, а сегодня поспѣли сюда кормить лошадей еще довольно рано и не было на семъ пути съ нами ничего особливаго».

20-го числа писалъ я уже изъ своей шадской деревни слѣдующее: «Слава Богу! Вотъ пишу сіе къ вамъ сидючи за столомъ и въ своей шадской деревнѣ. По благости Господней, часа за два до сего пріѣхали мы уже сюда благопо-

лучно. Но прежде повѣствованія о здѣшнемъ пребываніи, разскажу напередъ достальное о путешествіи нашемъ.

«Вчера выкормивши лошадей въ селѣ Лысыхъ-горахъ, выѣхали мы изъ него довольно рано. Какъ подлѣ самаго его надлежало въѣзжать на превысокую гору, то взошелъ я на нее пѣшкомъ и, окинувъ съ ней окомъ все сіе огромное село, сидящее внизу вдоль рѣки, сквозь его текущей, не могъ я смотрѣть безъ досады на глупое строеніе живущихъ въ немъ однодворцевъ.

«Представьте себѣ селеніе, состоящее изъ 4 тысячъ душъ и имѣющее въ себѣ 4 церкви. Всѣ домы въ нихъ крыты дранью, жители всѣ вольные, никакой работы господской неотправляющіе, владѣющіе многими тысячами десятинъ земли и живущіе въ совершенной свободѣ. Не остается-ли по сему всему заключить, что селу сему надобно быть прекраснѣйшему и походить болѣе на городокъ, нежели на деревню; но вмѣсто того оно ни къ чему годное, и нѣтъ въ немъ ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенькаго.

«Правда, мѣсто занимаетъ оно собою весьма обширное и дворовъ бездна; но какъ бы вы думали сидѣли дворы сіи, и каковы бы они были? Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ. Тѣ туда глядятъ, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ, иной исковерканной стоитъ и ни одного изъ нихъ живого нѣтъ. Избушка стоитъ, какъ балдырь, правда, покрыта дранью, но только и всего.

«Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами. Обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного почти сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни—иной исковерканной, иной на боку, иной избоченялся стоитъ, и такъ далѣе.

«Взирая на все сіе и крайне негодуя, самъ себѣ я говорилъ: «О талалаи! талалаи негодные! Некому васъ перепороть, чтобъ вы были умнѣе, и строились и жили бы порядочнѣе. Хлѣба стоитъ у васъ скирдовъ цѣлыя тысячи, а живете вы такъ худо, такъ бѣдно, такъ безпорядочно! Вотъ слѣдствія и плоды безначалія, мнимаго блаженства и драгоцѣнной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиковъ наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству одинъ только стыдъ вы собою причиняете».

«Въ Тамбовъ пріѣхали мы еще довольно рано и искупивъ нужное, пустились далѣе и поѣхали уже не чрезъ Пески и Расказы, а большою дорогою, вдоль рѣки Цны, на Коптево, и въ сумерки пріѣхали ночевать въ большое однодворческое село Кузменки.

«Тутъ опять имѣли мы съ сими талалаями досаду. Ничего у нихъ недостанешь; живутъ не люди, а Богъ знаетъ что,—только занимаютъ лучшія мѣста въ государствѣ.

«Сегодня встали мы хотя до свѣту, но переѣздъ утренній былъ невеликъ; надлежало перебираться чрезъ множество мостовъ и переправъ, и въ одномъ мѣстѣ сидѣть бы намъ въ грязи, еслибъ одинъ мужикъ насъ не избавилъ.

«Мы наѣхали сего бѣдняка, сидящаго въ грязи совсѣмъ съ телѣгою и ожидающаго свѣта. Онъ говорилъ намъ: «Пожалуйте, не ѣздите, будете и вы также сидѣть, а объѣзжайте; вонъ тамъ есть мостъ». Итакъ, мы благополучно топь сію и объѣхали.

«Кормить и обѣдать остановились мы въ однодворческомъ селѣ Коптевѣ, послѣднемъ уже селеніи къ нашей деревнѣ, и насилу-насилу выпросились къ одному однодворцу въ избу погрѣться, ибо утро было очень холодно. Одинъ не пустилъ на дворъ сказавъ, что онъ со двора идетъ, другой также закарячился-было, но какъ-то, наконецъ, согласился; но за то и получили мы квартиру добрую.

«Однодворецъ сей жилъ какъ маленькой дворянчикъ. Свѣтличка была у него бѣленькая и самъ въ синемъ суконномъ тулупѣ. Я тотчасъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и какой нечаянной и благополучной случай привелъ меня на сей дворъ. Однодворецъ былъ человѣкъ надоб-

ной, грамотникъ и дѣлецъ по тамошнему селу. Я ему тотчасъ рюмку водки, поить его своимъ пуншемъ, сажать съ собою за столъ. Однодворецъ мой растаялъ, другъ сердечной. Я заводить рѣчь стороною о здѣшнихъ обстоятельствахъ. Онъ все знаетъ, всѣ здѣшнія мѣста ему извѣстны; разсказываетъ мнѣ то, болтаетъ другое; я, вывѣдывая, не открываюсь: онъ съ дуру, что съ дубу говоритъ, что отъ роду помнитъ, и насказалъ мнѣ много такого, чего-бъ мнѣ искомъ не доискаться; нетолько о многихъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, но и о самыхъ пустыхъ и порожнихъ земляхъ и межеваньѣ.

«Разставшись съ нимъ въ превеликомъ удовольствіи поѣхали мы далѣе, и перебравшись чрезъ нашу огромную и окомъ необозрѣваемую степь, пріѣхали мы въ свою деревню часа еще за три до вечера и не нашли никого дома. Всѣ были на полѣ—и прикащикъ и староста; ибо въ самое сіе время молотили горохъ на пашняхъ».

Вотъ описаніе моего путешествія въ шадскую мою деревню; а теперь извлеку изъ ежедневнаго журнала моего все, относящееся до моего тамошняго пребыванія. Я писалъ оной также образомъ писемъ къ моей тещи, — и вотъ первое, написанное въ тотъ же еще вечеръ:

«Покуда прикащикъ и староста придетъ, вечеркомъ теперь не имѣя никакого дѣла, начну по крайней мѣрѣ что-нибудь врать.

«Въѣхавши давича въ деревню и прежде всего въ новую мою слободу, населенную переведенцами изъ другихъ деревень: Бурцовой, епифанской и козловской, которую я еще не видалъ, повеселился я, увидѣвъ ее въ нарочитомъ уже порядкѣ. Деревня моя стала какъ иная и получила гораздо лучшій видъ передъ прежнимъ. Самая избушка, въ которой мнѣ надлежало жить, была уже иная и съ красненькимъ окошечкомъ, но правду сказать, немногимъ чѣмъ прежней лучше. По несчастію, встрѣтила она насъ дымомъ. Прикащица надымила ее, грѣвъ на что-то воду; но мы ради были, добравшись до покоя.

«Хороша, хороша дорога, но одна пыль памъ надоѣла. Надобно-жъ было случиться такъ, что во всю дорогу вѣтеръ былъ одинъ и несъ ее прямо въ глаза наши. Всѣ перечернились и всѣ перепачкались, и сколь ни малый я охотникъ ходить въ баню, но теперь сходилъ-бы, еслибъ была хорошенькая.

«Какъ въ избу за дымомъ войтить было не можно, а дѣлать другого было нечего, то пошелъ я на гумно и порадовался, нашедъ его набитое все хлѣбомъ. Богъ пожаловалъ урожай хорошій и хлѣба всякаго было много; и можно было сказать, что дворъ мой господской не красенъ былъ углами, а красенъ пирогами.

«Оттуда пошли мы съ товарищемъ моимъ по дворамъ крестьянскимъ и всѣ ихъ осмотрѣли. Переведенцы поставили домики себѣ изрядные и дворы ихъ были несравненно лучше старинныхъ степныхъ нашихъ олуховъ. Но вотъ пришелъ прикащикъ и надобно заняться съ нимъ разговорами».

21 сентября поутру.

«Вчера съ прикащикомъ проговорилъ я до полуночи, слѣдственно писать было некогда; а теперь, какъ опять свободной промежутокъ времени случился, то опять принимаюсь за перо.

«Ну, матушка! поѣздка моя сюда чуть-ли не выливается по пустому, и чуть-ли не струсилъ мой трусъ прикащикъ и не проволочилъ меня понапрасну. Межевщика нѣтъ здѣсь еще и въ поминѣ, да такъ хорошо, что никто точно и не знаетъ, гдѣ онъ находится. Говорятъ только, что не очень далеко и верстъ за 30 стоитъ отсюда. Но какой онъ? зачѣмъ? и по какому случаю, и будетъ ли къ намъ? обо всемъ томъ никто и ничего не знаетъ.

«Рахмановъ межеваньемъ грозилъ напрасно; ничего не бывало! Гдѣ ему межеваться?—хотятъ всѣ своровать и утаить степь,—такъ до межеванья ли? Вмѣсто того говорятъ, что вчера хотѣлъ ѣхать обратно къ Москвѣ и въ свои деревни. Для меня извѣстіе сіе было очень досадно. Съ нимъ-то и хотѣлось повидать-

ся, а теперь безъ него что можно сдѣлать?»

«О Пашковѣ также нѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, а здѣшніе дворянчики не знаютъ, что и дѣлать. Всѣ только условились и говорятъ, что дикой степи здѣсь и небывало.

«Вотъ всѣ обстоятельства. Я не знаю, что дѣлать и предпринимать; однако послалъ провѣдать, не здѣсь-ли еще Рахмановъ; а еще хочу послать искать межевщика и повидаюсь по крайней мѣрѣ съ нимъ и узнаю обстоятельства, а потому стану помышлять какія брать мѣры. Также хочется мнѣ повидаться и съ тамбовскимъ межевщикомъ и узнать подробнѣе о дикой степи».

Въ тотъ же день ввечеру.

«Сегодняшній день провелъ я тамъ, гдѣ не думалъ и съ тѣмъ, съ кѣмъ нимало не помышлялъ. Давича не успѣлъ я перестать писать, какъ посыланной къ Рахманову въ двери и сказываетъ, что Рахмановъ еще не уѣхалъ, а здѣсь, и велѣлъ мнѣ кланяться, а что ѣдетъ сегодня и ему готовятъ уже лошадей.

«Обрадовался я сіе услышавъ. «Скорѣй, скорѣй вели готовить ѣсть и приготовлять коляску и лошадей, а мнѣ убирайте-ка скорѣй волосы и давайте одѣваться, надобно спѣшить и заставать какъ можно».

«Какъ вздумано такъ и сдѣлано. Тотчасъ вскипѣлъ обѣдъ, тотчасъ подвиты волосы и напудрена голова. Скакать я къ Рахманову, скакать и на дорогѣ думать, что мнѣ съ нимъ говорить.

«Взялъ съ собою про запасъ инструкцію межевую, въ которой давича поутру нашелъ неизвѣстное мнѣ до того и нѣкоторымъ образомъ полезное для здѣшняго мѣста узаконеніе и обстоятельство, которое я тотчасъ поймалъ и оно показало мнѣ слѣдъ, какъ съ здѣшнею землею мнѣ сдѣлаться.

«Подъѣзжая къ Рахманову, вижу, что коляска у дверей; но, по счастію, еще не запряжена. Гости, заѣхавшіе, его остановили. Рахмановъ вышелъ меня встрѣчать, обходится великою лисою, ласково, снисходительно, дружески; но въ самомъ дѣлѣ съ скрываемымъ, но мною проницаемымъ лукавствомъ. Но какъ я удивился, вошедъ въ горницу и увидѣвъ, что они хотѣли-было только садиться за столъ обѣдать и что кушанье уже поставлено.

«Рахмановъ изъявляетъ свою радость, что я пріѣхалъ къ обѣду. Добро! думаю я, есть у меня и свой кусокъ. — Обѣдалъ-де, государь, обѣдалъ! — «Эхъ, братецъ, какъ ты такой, для чего не ко мнѣ пріѣхалъ обѣдать?»—Такъ тому и быть!—отвѣтствую; но принужденъ былъ сѣсть съ ними за столъ.

«Во время стола вижу, что Рахмановъ былъ уже нѣсколько подгулёхомъ. Гости у него были друзья его задушевные: расказовской монастырской управитель съ подъячимъ, его единомышленниками, съ которыми вмѣстѣ воруетъ или обижаетъ онъ людей добрыхъ.

«Такимъ образомъ сѣли мы за столъ и они начали ѣсть, а я смотрѣть, сидя молча; но не думайте, что мнѣ это молчаніе было скучно. Не за столомъ я сидѣлъ, а въ комедіи и смотрѣлъ на театръ дурачествъ. То-то бы хотѣлъ, еслибъ можно было описать, или изобразить на картинѣ все то, что я видѣлъ.

«За столомъ сидѣло насъ 9 человѣкъ: въ большомъ мѣстѣ самъ хозяинъ, въ пышномъ калмыцкомъ бѣломъ и голомъ тулупѣ, разворотя толстое брюхо, съ растрепанными волосами и съ раздувшеюся немного, какъ видно, отъ излишнихъ рюмокъ рожею.

«Подлѣ его по лѣвую руку—я; а по правую монастырской управитель въ аломъ китайскомъ тулупѣ и въ черномъ бархатномъ камзолѣ, на которомъ были стеклянныя пуговочки, столько-жъ блистающія, сколь блистательны были славныя его дѣла при управленіи огромными монастырскими селами и деревнями.

— «Хорошъ ты гусь, думалъ я, по какого-то мнѣнія мужички о тебѣ? а съ виду кажешься дѣтина изрядной.

«Подлѣ его сидѣлъ человѣкъ, которой, по наружному виду и платью походилъ на него и также на дворянина въ байковомъ камзолѣ и вмѣсто халата (?) въ

синей епанчѣ. Волоски были также у него растрепаны, какъ у перваго, и оба они съ Рахмановымъ обходились очень фамильярно и дружески; почему, не зная сперва, кто они, подумалъ я, что были это какіе-нибудь сосѣди, его пріятели. Но какъ удивился узнавъ послѣ, что другой-то человѣкъ былъ управительской подъячій.

— Ну! — сказалъ я тогда, — видно по всему, что эти собачки одну сметану лижутъ, — не даромъ такъ за панибрата обходятся!

«Но я заговорился, описывая сего; надобно описать еще прочихъ, честную нашу компанію составлявшихъ.

«Подлѣ его сидѣлъ какой-то старичишка съ превеликими взлизами на головѣ, въ набойчетомъ замаранномъ холадишкѣ и подпоясанной подпояскою. Сказывали мнѣ, что это какой-то тутошній житель, надъ которымъ г. Рахмановъ подшучиваетъ. Однако тутъ онъ не шутилъ и во весь обѣдъ промолчалъ.

«Подѣ сего старичишка сидѣлъ какой-то еще рыжій мужичина, ни дворянинъ, ни однодворецъ, но Богъ знаетъ что̀, пріѣхавшій съ управителемъ и похожій на сторожа его. Эта также была безгласная особа.

«Вотъ три бока стола я описалъ, теперь остался четвертой. За нимъ сидѣло трое: два однодворца матарыги, скверназцы, шуты и Богъ знаетъ что̀, фавориты и наперсники г. Рахманова. Оба они мнѣ были извѣстныя особы и я упоминалъ объ нихъ при описаніи моей первой поѣздки. Одинъ назывался Кутуковъ, а другой какой-то Юдушка матарыга; одинъ въ овчинной замаранной и скверной шубейкѣ, въ маркитантской рубахѣ, и самой скверназецъ, а другой въ красненькомъ балахончикѣ. Наконецъ, третій и послѣдній человѣкъ былъ попъ его села и дѣтинка молоденькой. Вотъ всѣ особы, сидѣвшія за столомъ.

«Господинъ хозяинъ взялъ на себя трудъ раздавать кушанье и я имѣлъ счастіе видѣть тутъ новую моду раздавать рыбу руками, вмѣсто вилокъ. Только-что пыхтѣлъ, засучивалъ рукава тулупа и каждой кусокъ благословлялъ такимъ благословеніемъ, которое пересказать благопристойность запрещаетъ; ибо надобно знать, что хозяинъ мой великой охотникъ до сквернословія и видно, что онъ сей риторикѣ гораздо поученъ. Уже и управитель говорилъ ему: — «знать, вы очень поучены этой грамоткѣ». Таки со всякимъ словомъ тожъ, да тожъ опять; ажно съ стороны дурно.

«Между тѣмъ, какъ онъ раздавалъ, между тѣмъ какъ то и дѣло подчивалъ управителя и выхвалялъ свою рыбу, которую я однако не отвѣдывалъ; между тѣмъ, покуда самъ всякаго кушанья съ чеснокомъ до поту лица объѣдался, были любимцы его не безъ дѣла.

«Они изволили говорить и шутить другъ съ другомъ, но какъ же? Только что врали самую наинегоднѣйшую скверность и такую несли блажь, что достойны были выгнаты быть изъ-за стола. Совсѣмъ тѣмъ г. Рахманову было то пріятно и они его тѣмъ веселили.

«Насилу, насилу дождался я, покуда всѣ они наѣлись и встали. Послѣ обѣда ищу я случая зачать съ Рахмановымъ говорить о землѣ, но по несчастію зашли бабы просить о невѣстахъ своимъ дѣтямъ. Онъ принялся разбирать письмы и стряпчему своему велѣлъ записывать кого за кого отдавать. Въ этомъ прошло много времени.

«Потомъ началъ онъ драть черныя письмы. Истинно передралъ онъ болѣе двухъ дестей и весь полъ бумагами усыпалъ. Это было опять для меня новое зрѣлище. Наконецъ окончилось сіе и уѣхалъ управитель, и я остался одинъ. Понемногу, понемногу доводить я разговоръ о землѣ, отбирать отъ него изподтиха и высматривать его мысли, и вотъ что узналъ:

«Пашковъ межевщика дѣйствительно поднялъ, то-есть взялъ на свой коштъ; но межевать ему нынѣшнею осенью не можно. Другой также сосѣдъ, г. Коновницынъ, взялъ того же межевщика

Заборовскаго, и что сей скоро межеваться будетъ. Что самъ онъ, Рахмановъ, степь хочетъ утаивать и утверждать, что ей нѣтъ, и сказывалъ, что онъ, по незнанію, и самъ подалъ доношеніе и объ ней объявивъ, хотѣлъ купить; но послѣ, какъ стали требовать деньги, то ему не захотѣлось заплатить и онъ одумался и подалъ доношеніе, будто прежде показалъ ошибкою и что эта земля не казенная пустая, а дачная; слѣдовательно ему теперь никакъ уже не можно называть ее казенною, а онъ долженъ ее иначе называть, какъ дачною.

«Далѣе говорилъ онъ мнѣ, что я пропаду, ежели назову дикою степью, — а я самъ себѣ на умѣ: «Добро! Эти грозы слышали мы давно», а ему говорю: «не лучше-ль бы было и всѣмъ назвать дикою землею», и доказываю ему сіе резонами.

«Такъ случилось, что сіи резоны были ему неизвѣстны. Хвать онъ себя за бороду и говоритъ: — «Ну, жаль-же мнѣ, что я это сдѣлалъ, а впрямъ-бы лучше было показать ее дикою степью; но теперь перемѣнить нечѣмъ». Такимъ образомъ, какъ онъ сперва ни пыхтѣлъ, но послѣ смирнѣе сталъ говорить. Наконецъ, надобно было ему уже ѣхать. Я, видя, что у насъ съ нимъ будетъ большое дѣло, и что намъ съ нимъ добромъ не развестись, распрощался съ нимъ и поѣхалъ.

«На дорогѣ заѣхалъ я къ г. Соймонову, чтобы господамъ симъ вложить въ голову мои резоны, по которымъ для всѣхъ ихъ лучше было объявить дикую степь. Соймоновъ мнѣ радъ и я нашелъ въ немъ все, что хотѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ радостную вѣсть, что не только онъ, но и многіе другіе въ томъ согласны, чтобъ показать дикую степь, а мнѣ сіе всего лучше и надобнѣе.

«Между тѣмъ, какъ я туда ѣздилъ, пріѣзжалъ ко мнѣ сосѣдъ мой, но не засталъ дома. Какъ ѣхалъ я въ сумерки домой, гляжу, — выслалъ онъ человѣка звать меня къ себѣ; но я, досадуя на сего бездѣльнаго и негоднаго сосѣда, за его обиды, отказалъ и не поѣхалъ за позднимъ временемъ».

22-го сентября ввечеру.

«Въ сегодняшній день думалъ я пробыть дома, но не такъ сдѣлалось. Напившись чаю, отправлялъ я обыкновенную свою аудіенцію, то-есть, говорилъ съ приходящими ко мнѣ на поклонъ съ яйцами, своими и чужими мужиками. Не успѣлъ я ихъ отправить, какъ шлетъ г. Тараковскій звать меня къ себѣ обѣдать. Не хотѣлось-было мнѣ очень къ нему ѣхать, а лучше-бъ гораздо я отобѣдалъ дома, но не могъ отговориться. Однако велѣлъ подать жареную яичную кишку и кусокъ ветчины и перехватилъ нѣсколько, вѣдая, что тамъ не скоро дождешься обѣда.

«Позавтракавши, пошли мы съ моимъ товарищемъ туда. Г. Тараковскій радъ. Я на него досадую, но притворяюсь. Хотѣлось мнѣ распровѣдать о его мысляхъ и посмотрѣть у него выпись, съ которой копію позабылъ я дома. Ну ему точить пѣшки! ну говорить о межеваньѣ, ну, сказывать примѣры! Сбилъ совсѣмъ съ пути, привелъ въ нестроеніе и довелъ до того, что и сей талалай едва-ли уже и самъ не перемѣнилъ мыслей и не хочетъ назвать степь дикою землею. Все сіе происходило до обѣда. Обѣдъ былъ по обыкновенію поздной, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ хуже. Правда, наѣлся я до сыта, но не гораздо съ аппетитомъ, ибо не было ничего хорошаго, а все изготовлено дурно.

«Послѣ обѣда продолжали говорить о землѣ и дѣлали примѣрное исчисленіе, сколько-бъ, напримѣръ, у всей нашей Пандинской округи было примѣрной земли, и нашли бездѣлицу—51 тысячу десятинъ, и все сіе ужасное множество распашной земли хотятъ сіи молодцы украсть и утаить у государя.

«Вотъ каковы здѣшніе жители; но вѣдь всего этого мало, а надобно еще столько-жъ дѣйствительно дикой степи и пустой земли прихватить и назвать своею! Не знаю истинно, чѣмъ все это дѣло кончится! . . . .

«Просидѣвъ у него почти до вечера,

пришли мы домой. Я ждалъ, ждалъ, чтобъ напоилъ онъ насъ чаемъ, но какъ не дождался, то сказалъ своему товарищу, пришедши: «Семъ-ко, братъ, Александръ Андреевичъ, сами своего напьемся; а напередъ съѣздимъ на поле и посмотримъ землю»; откуда мы сей только часъ возвратились.

«Я ажно ахнулъ увидѣвъ, сколько земли было здѣшними жителями, послѣ перваго моего сюда пріѣзда, распахано. Куда дѣвалась вся ближняя наша степь и кавыльная земля? Изъ всего, очерченнаго мною, весьма обширнаго, кавыломъ поросшаго мѣста, не осталось уже ни клочка; а все для насъ алчныхъ и ненасытныхъ людей земли было мало!»

Сентября 23-го ввечеру.

«Вчера ввечеру, послѣ написанія вышеписаннаго, такъ-было я занемогъ, что и самъ испужался и всѣхъ перестращалъ. Вдругъ заболѣлъ у меня, не знаю, не вѣдаю отчего, животъ, и заболѣлъ такъ, какъ никогда не болѣлъ. Такой рѣзъ и такое сдѣлалось ворчанье, что изобразить не можно. Всѣ наши перетрусились до крайности и не знали, что дѣлать.

«Умница прикащикъ мой говорилъ, что это чемеръ и училъ меня ломать спину на палкѣ. Я слѣдую его совѣту, но не помогаетъ. Настилаютъ на столъ ужинать; но мнѣ не ѣда на умъ идетъ, а оханье. Наконецъ, какимъ-то образомъ вспомнилъ я объ уксусѣ и ну-ка его пить, смѣшавши пополамъ съ водою, и насилу, насилу животъ мой угомонился и я заснулъ.

«Сегодня, какъ въ воскресной день, расположился я ѣхать къ обѣдни въ здѣшнюю церковь, гдѣ надѣялся увидѣть здѣшнихъ господъ дворянъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться, въ чемъ и не обманулся. Я увидѣлъ гг. Дурова, Колемина, Левашева и съ ними ознакомился и сдружился.

«Какъ главная моя цѣль была растолковать имъ о землѣ, то старался я довести рѣчь до оной. Спасибо, они сами скоро довели до ней рѣчь. Итакъ, мы говорить о томъ еще въ церкви. Господа сіи, бывшіе зараженными противными мнѣніями, и имѣя головы свои набитыя дачною землею, разинули ротъ, какъ я началъ говорить и имъ толковать. Всѣ они ко мнѣ пристали. Я дѣлаю нарочно видъ, будто спѣшу домой. Они унимаютъ меня еще, чтобъ поговорить.

«Г. Колеминъ, тутошній житель, зоветъ меня и прочихъ къ себѣ. Я будто нехотя соглашаюсь, заѣзжаю, продолжаю говорить, растверживаю глупцамъ, что они на свою голову хотятъ врать нелѣпицу. Изображаю имъ, какъ это всѣмъ полезно будетъ, если они станутъ согласно со мною говорить и всю нашу округу обведутъ дикою землею.

«Олухи мои растаяли; признаваясь, говорятъ: «такъ! истинно такъ! нельзя быть того лучше» и перемѣняютъ свое мнѣніе, и, видя опасность, въ какую бы они себя ввергли, соглашаются на мое предложеніе и стоятъ уже въ томъ твердо. Радъ я былъ, что заставилъ всѣхъ ихъ плясать по своей дудкѣ. Разстаюсь съ ними. Всѣ зовутъ меня къ себѣ; но я ѣду домой, надѣясь сытнѣй наѣсться. И подлинно, обѣдаю дома спокойнѣе и лучше.

«Послѣ обѣда приходитъ ко мнѣ одинъ изъ нашихъ приходскихъ поповъ. Я, вѣдая, какое вліяніе имѣютъ здѣшніе попы на жителей тутошнихъ, постарался вперить и въ него такія же мысли. Попъ мой понимаетъ еще лучше ихъ все дѣло, хочетъ растолковать и раствердить имъ оное и сожалѣлъ, что уѣхалъ Сабуровъ и со мною не видался.

«Вечеръ проводилъ я въ разговорахъ со своими мужиками о томъ, какъ бы отводить лучше намъ землю и показывать границы дикой земли. Итакъ, хотя я проѣздилъ сюда и тщетно, но по крайней мѣрѣ удалось мнѣ сдѣлать то, что я перемѣнилъ у всѣхъ мысли и дѣло свое поставилъ на лучшей ногѣ.

«Завтра хочется мнѣ пригласить къ себѣ нѣсколькихъ изъ наилучшихъ однодворцевъ и, растолковавъ имъ то же, преклонить на свою сторону, а особливо обиженныхъ отъ Рахманова.

«Впрочемъ мнѣ захотѣлось уже и домой; и думаю дней черезъ пять, ежели

исправлюсь, отсюда выѣхать, ибо дѣлать нечего и жить попустому не хочется».

Сентября 26 дня, вечеромъ.

«Разныя обстоятельствы не допустили меня во всѣ сіи три дни приняться за перо; но теперь разскажу я вдругъ о всѣхъ произшествіяхъ, случившихся въ оные.

«Въ понедѣльникъ съ утра разослалъ я людей искать и звать къ себѣ однодворцовъ и между тѣмъ поджидалъ посланнаго искать межевщика, которой, возвратясь, привезъ мнѣ неожидаемое извѣстіе, что онъ межевщика нашелъ и что оной велѣлъ меня звать къ себѣ во вторникъ поутру и обѣщалъ меня дожидаться. Обрадовавшись сему случаю, перестаіъ я помышлять о домашней поѣздкѣ. Не знаю, что-то скажетъ межевщикъ и не принуждено-ли будетъ остаться тутъ на всю осень.

«Однодворцовъ своихъ сколько я ни ждалъ, но не могъ никакъ къ обѣду дождаться; а послѣ обѣда притащили ко мнѣ двухъ. Я принялся за ту-же пѣсню и равномѣрно и ихъ убаилъ и согласилъ на свою сторону.

«Немного погодя, смотрю, ѣдетъ ко мнѣ Иванъ Силичъ, г. Тараковской, и засталъ у меня однодворцовъ. Мы съ нимъ сидѣть, пить чай, говорить о землѣ, о другомъ, — и Силичъ мой на все согласенъ. Между тѣмъ, присылаетъ Соймоновъ человѣка звать меня къ себѣ. Я отказываю, но вдругъ перемѣняю мысли. Восхотѣлось мнѣ помирить съ нимъ Силича и прекратить ихъ самую пустую ссору. Съ согласія Тараковскаго, ѣду къ нему верхомъ; говорю съ нимъ обо всемъ; заѣзжаю отъ него къ Силичу, нахожу его болѣе виноватымъ, нежели Соймонова, но его-жъ упружнѣйшимъ и несклоннѣйшимъ къ миру. Итакъ, не сдѣлавъ ничего и плюнувъ, возвращаюсь домой.

«Наутріе, позавтракавъ, отправляюсь я къ межевщику, отысканному за рѣкою Вороною. Ѣхали, ѣхали и ошиблись дорогою, заѣхали въ такой лѣсъ, что ни взадъ, ни впередъ. Насилу, насилу выдрались, насилу переѣхали кое-какъ Ворону, по узкой плотинѣ одной преогромной мельницы. Наконецъ, пріѣзжаемъ къ межевщику—его нѣтъ дома. Сказываютъ намъ, что уѣхалъ съ Сатинымъ на охоту.

«Господи! какъ мнѣ было сіе досадно! Нечего дѣлать! Говорю: «становись на дворъ къ мужику; станемъ стоять и дожидаться возвращенія, а того не знаемъ, что межевщикъ совсѣмъ на охоту не ѣздилъ, а меня дожидается у Сатина въ домѣ. И то-то, что я послалъ туда провѣдать. Гляжу, притащили ко мнѣ межевщика. Межевщикъ мнѣ радъ;—человѣкъ очень изрядной, по фамиліи г. Нестеровъ. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разговоръ. Сказываетъ мнѣ, что ему прежде половины будущаго лѣта не можно никоимъ образомъ къ намъ быть межевать, и что я пріѣхалъ попустому. Впрочемъ узналъ я, что наше дѣло не таково опасно, какъ я думалъ.

«Будучи симъ доволенъ, думаю: «теперь нѣчего мнѣ жить — ступай домой»! Ѣду въ свою деревню уже ночью, заѣзжаю въ гости къ господину Дурову въ Лопатинѣ. Дуровъ человѣкъ изрядной, радъ мнѣ былъ чрезвычайно. Мы условились съ нимъ обо всемъ и разстались дружески; и я возвращаюсь домой».

Сентября 28 дня.

«Знаете-ли? Я пишу сіе, собираясь уже совсѣмъ ѣхать домой, къ вамъ, моимъ роднымъ! Нѣтъ! полно здѣсь жить; скучно стало! и сегодня выѣду непремѣнно. Оба послѣдніе предъ симъ дни провелъ я въ хозяйственныхъ хлопотахъ, разбирательствахъ, распоряженіяхъ, счетахъ, и пр. пр. Я иду заниматься тѣмъ же и теперь, между тѣмъ какъ уже укладываютъ всѣ повозки и хотятъ запрягать лошадей».

Симъ образомъ кончилось мое въ сей разъ въ шадской моей деревнѣ пребываніе. Я дѣйствительно въ тотъ же день выѣхалъ; но о семъ обратномъ путешествіи я не буду занимать васъ подробнымъ повѣствованіемъ, а скажу только

вкратцѣ, что поѣхали мы уже чрезъ Расказы и Тамбовъ, а изъ Козлова заѣзжали въ свою козловскую деревню, гдѣ отдохнувъ, и безъ всякихъ дальнихъ приключеній и безпокойствъ 5-го числа октября возвратились благополучно въ любезное свое Дворяниново. А симъ окончивъ и сіе, слишкомъ увеличившееся письмо, остаюсь, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 4 дня 1808 года).

Письмо 155-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, препроводивъ болѣе трехъ недѣль въ своемъ путешествіи и отлучкѣ отъ дома, возвратился я опять въ любезное свое жилище октября 5-го дня ввечеру. Я нашелъ домашнихъ своихъ всѣхъ здоровыми, и какъ они столь скоро возвращенія моего никакъ не ожидали, то нечаянной пріѣздъ мой обрадовалъ ихъ чрезвычайно и тѣмъ паче, что безъ меня и около самаго сего времени присланъ былъ къ намъ новой межевщикъ для повѣрки нашихъ дачъ и окончанія недоконченнаго.

Пріѣздъ его перетревожилъ на смерть моихъ сосѣдей и они, по малознанію своему въ межевыхъ дѣлахъ, не знали что дѣлать, и перетрусились до безконечности. По счастію, нѣкоторыя домашнія его обстоятельствы воспрепятствовали ему, ровно какъ нарочно, до пріѣзда моего межевать и они только въ первой разъ выѣхали въ тотъ день, какъ я пріѣхалъ. Братъ Михайло Матвѣевичъ былъ у него вожатымъ, у котораго онъ сталъ и на квартиру. Я не преминулъ съ нимъ того-жъ вечера видѣться и обо всемъ переговорить, или, по крайней мѣрѣ, съ нимъ познакомиться.

Онъ былъ господинъ Чаплинъ и человѣкъ совсѣмъ мнѣ незнакомый; однако я надѣялся, что буду имѣть его на своей рукѣ, по причинѣ, что былъ онъ зять знакомцу и пріятелю моему и родственнику Матвѣя Никитича, Василья Панфиловича Хвощинскаго. Совсѣмъ тѣмъ въ сей первой разъ показался онъ мнѣ что-то угрюмымъ и мѣшковатымъ.

Не могу изобразить, какъ обрадовались оба сосѣда мои столь благовременному и всего меньше ими ожидаемому возвращенію моему. Они прыгали почти отъ радости и тотчасъ свалили на меня всѣ хлопоты, такъ что я не имѣлъ времени и отдохнуть съ дороги; но принужденъ былъ на другой же день ѣхать съ межевщикомъ на межу.

Планъ нашимъ дачамъ что-то не сходился и ему велѣно было повѣрить всѣ линіи, и онъ шелъ по всѣмъ межникамъ противными румбами и повѣрялъ въ сей день безспорной рубежъ между Домнинскою дачею и Матюшинскою.

Межевщикъ и во весь сей день казался мнѣ угрюмымъ и нахмуреннымъ; но какъ онъ работалъ только сіе утро, а послѣ обѣда поѣхалъ къ роднѣ своему г. Хвощинскому, то я, разставшись съ нимъ, принялся тотчасъ за скопировку своего плана, чтобъ на немъ разрѣзать самому всѣ наши пустоши и просить потомъ межевщика о размежеваніи оныхъ.

Въ послѣдующій день вдругъ занемогла у насъ мать жены моей и перетревожила насъ ужаснымъ образомъ. Сдѣлался ужасный жаръ и мы боялись, чтобъ не сдѣлалась горячка. Къ вящему смущенію пріѣзжали къ намъ въ сей день разные гости и насказали множество новыхъ вѣстей и на большую часть непріятныхъ.

Болѣе всего перетревожилъ меня слухъ, что спрашиваютъ будто-бы всѣхъ отставныхъ опять въ службу и что будетъ съ 50 душъ рекрутъ. «Сохрани Господи»! думалъ я самъ себѣ, «ежели дойдетъ до того, чтобъ мнѣ опять служить въ военной службѣ»! Я такъ уже отъ ней отвыкъ и такъ привыкъ къ мирной, спокойной и блаженной деревенской жизни, что ни для чего не хотѣлъ-бы съ нею опять разстаться. Случилось сіе въ самый день моего рожденія.

На другой день послѣ сего возвратился нашъ межевщикъ и тотчасъ насъ вытурилъ на межу. Мы повѣряли въ сей день прикосновенность нашу къ Домнинскимъ

дачамъ и прошли отъ Матюшина до Болотова.

На утріе, что было 9-го октября, были мы опять на межѣ и дошли до самаго того мѣста, гдѣ прикоснулась къ намъ волостная земля и гдѣ началось прежнее межеванье. Тутъ межевщикъ мой какъ-то перемѣнился и сдѣлался изряднымъ человѣкомъ и совсѣмъ на нашу руку. Я тому обрадовался невѣдомо какъ, и онъ былъ ко мнѣ такъ благосклоненъ, что далъ мнѣ, на весь послѣдующій день, время для предварительнаго и приватнаго назначенія всѣхъ межъ между нашими пустошами и такъ, какъ мнѣ заблагоразсудится, обѣщавъ пройтить потомъ по всѣмъ мѣстамъ формальною межею.

Одолженіе сіе было для меня весьма чувствительно. Я соотвѣтствовалъ тому достодолжною благодарностію и употребилъ весь послѣдующій день на сіе важное и нужное дѣло, не жалѣя своихъ трудовъ и безпокойствъ, съ тѣмъ сопряженныхъ. Я пробродилъ съ повѣренными и отводчиками нашими весь тотъ день по лѣсамъ и по буеракамъ, и на смерть перемучился и перезябъ, и принужденъ былъ обѣдать въ Болотовѣ у мужика своего, Евтея и насилу-насилу все сдѣлалъ, что было надобно; а ввечеру не успѣлъ пріѣхать домой, какъ прислали за мной, чтобъ я шелъ къ Михайлѣ Матвѣевичу, ибо туда пріѣхалъ новой волостной межевщикъ, г. Золотухинъ.

Итакъ, вмѣсто отдохновенія, ходилъ я еще туда и успѣлъ съ симъ новымъ и незнакомымъ мнѣ человѣкомъ познакомиться. Онъ показался мнѣ очень добрымъ и я имѣлъ счастіе ему полюбиться и пріобрѣсть къ себѣ его нелицемѣрную дружбу. Съ нимъ былъ тутъ и волостной повѣренной, Никаноръ Пестовъ, половины Льва Александровича Нарышкина и самой тотъ, съ которымъ поданы были отъ насъ прежнему межевщику Лыкову полюбовныя мировыя сказки.

Наконецъ насталъ тотъ достопамятный и съ толикимъ вожделѣніемъ, столь давно уже ожидаемый день, въ которой надлежало рѣшиться судьбѣ пустошей нанихъ и быть имъ другъ отъ друга отрѣзаннымъ. Было сіе въ 11-й день октября 1772 года.

Межевщикъ, по любви и дружбѣ своей ко мнѣ, сдѣлалъ намъ все, что хотѣлось и отмежевалъ нашу Шаховскую и соединенную съ нею Воронцовскую пустошь, по собственному моему назначенію, безспорно, кругомъ формальною межею. Во мнѣ трепетала душа, чтобъ во время сей отмежевки не помѣшали намъ волостные, а особливо Ченцовской половины своимъ споромъ и объявленіемъ, что мы въ оныя излишнюю землю перепускаемъ, какъ то и дѣйствительно было. Но по особливому нашему счастію, повѣренныхъ ихъ въ сей день на межѣ не было и мы безъ нихъ, что хотѣли, то и дѣлали,—и мнѣ удалось десятинъ со ста спрятать въ карманъ изъ нашего примѣра, или перепустить ихъ въ сію пустошь.

Не могу изобразить, какъ обрадованъ я былъ симъ неожидаемымъ хорошимъ успѣхомъ и какъ много всѣ мы дивились тому, что волостныхъ повѣренныхъ при томъ не было. Но скоро узнали, что причиною тому было то, что до Пестова, какъ помирившагося съ нами, дѣло сіе уже не касалось, а у Ченцовскихъ въ самое въ сіе время былъ праздникъ и они всѣ пьянствовали и пили.

Узнавъ сіе и видя благосклонность къ себѣ нашего межевщика, просили мы его, чтобъ поспѣшилъ онъ разрѣзаніемъ и достальныхъ нашихъ пустошей и постарался ковать желѣзо покуда оно непростыло, или воспользовался пьянствомъ и бражничествомъ волостныхъ повѣренныхъ.

Онъ учинилъ и въ семъ случаѣ возможнѣйшее намъ удовольствіе, а дабы одолженіе его было намъ прочнѣе и мы могли обезопасены быть впередъ отъ оглядокъ и претензій волостныхъ, для чего безъ ихъ повѣренныхъ межевали, поступилъ онъ далѣе, и въ наступившій другой день сдѣлалъ и для собственнаго своего оправданія и для пользы нашей, въ силу закона, волостнымъ повѣреннымъ формальную о явкѣ на межу не только одну, но

троекратную повѣстку. По повѣстки сіи сдѣланы были такъ поздно и такъ скоро одна послѣ другой, что пьянствующимъ волостнымъ ченцовскимъ повѣреннымъ никакъ не можно было успѣть явиться въ надлежащее время на межу.

А какъ въ силу законовъ, въ случаѣ неявки ихъ по трикратной повѣсткѣ можно было межевать и безъ нихъ, то мы не упустили воспользоваться симъ случаемъ; и не только въ безсомнѣнной надеждѣ, что они не будутъ, выѣхали на межу очень рано, но начавъ межевать, не межевали, а свойственнѣе сказать летали всѣ на лошадяхъ по межамъ.

Я не преминулъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, и всѣ они произведены были съ такою точностію и съ такимъ отъ всѣхъ проворствомъ и исправностію, что мы въ одинъ сей день сработали съ межевщикомъ столько, сколько при обыкновенномъ межеваньѣ не могли-бъ исполнить въ цѣлые три дни.

Словомъ, мы обмежевать успѣли не только пустошь Щиголеву и Голенинку и всю Болотовскую дачу формальною вокругъ межою, но отрѣзать и самую Гвоздевскую, споромъ съ волостною землею связанную пустошь отъ Болотовской и Дворяниновской, и я смастерилъ такъ хорошо, что въ обѣихъ смежныхъ съ волостною землею нашихъ дачахъ осталось только полное и слѣдующее въ нихъ по писцовымъ книгамъ число земли, а вся наша примѣрная земля благополучно и невозвратно улетѣла въ заднія наши пустоши.

Таковой неожидаемой и удачной успѣхъ преисполнялъ всѣхъ насъ неизобразимою радостію. Со всѣхъ насъ свалила ровно какъ гора съ плечъ превеликая, и для насъ не были уже тогда страшны споры волостные, а особливо ченцовской половины. Пьяные повѣренные ихъ хотя и явились на межу, но тогда, когда мы уже совершенно все кончили и дѣлать имъ и говорить было нечего, ибо они и не видали гдѣ мы клали межи, да и не могли проникнуть самаго дѣла.

Итакъ, въ разсужденіи ихъ не могли мы уже опасаться ничего и уже смѣялись ихъ спору и тому, что они не умѣли брать когда давали имъ тридцать десятинъ. Что касается до обѣщанныхъ другихъ 30-ти десятинъ на половину Льва Александровича, то хотя тогда намъ уже и оныхъ очень жаль было; но какъ подана была объ нихъ уже полюбовная сказка, то казалось, что пособить тому не было возможности; но когда пойдетъ все на удачу, такъ удается и совсѣмъ почти неожидаемое.

Какимъ-то нечаяннымъ случаемъ чрезъ подьячаго межевщикова узнали мы, что сказка сія находится между бумагами, сданными имъ отъ Лыкова; и какъ сданы были имъ всѣ дѣла и бумаги безъ описи, то была еще возможность и выручить намъ ее для уничтоженія, ежели мы попроворимъ.

Сіе мы и учинить не преминули, нимало въ томъ не совѣстясь и не поставляя то себѣ въ грѣхъ въ разсужденіи, что тѣмъ мы не иное что сдѣлали, какъ уничтожили дѣло, произведенное волостными наихитрѣйшимъ и бездѣльническимъ обманомъ, и мы ничего иного не сдѣлали, какъ спасли свою землю, неправильно и плутовски-было отъ насъ похищенную. Ибо по неосторожности межевщика Лыкова, проболтавшагося при отъѣздѣ своемъ въ одномъ постороннемъ, къ намъ дружескомъ домѣ, узнали мы, что въ возданіе всѣхъ нашихъ ласкъ и услугъ, оказыванныхъ сему человѣку, онъ поступилъ съ нами наибезсовѣстнѣйшимъ образомъ и сокрылъ отъ насъ тайну, извѣстную одному только ему, да волостнымъ повѣреннымъ. А именно: что въ писцовыхъ ихъ книгахъ, въ валовомъ перечнѣ всѣхъ ихъ дачъ сдѣлана ужасная ошибка, и что ежели всѣ ихъ разныя пустоши и дачи счислить по одиночкѣ, то выходило совсѣмъ не то число, сколько въ валовомъ перечнѣ или итогѣ показано, но гораздо меньше, и такъ, что у нихъ въ волости, вмѣсто объявляемаго великаго недостатка, былъ еще страшный и до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ простирающійся примѣръ; а посему всѣ ихъ споры были не дѣльные и

для самихъ ихъ еще бѣдственные и опасные.

Не могу изобразить, какъ чувствительно мнѣ было криводушіе Лыкова, когда узналъ я сіе обстоятельство и какъ досадовалъ я на сего лицемѣра. Но какъ получилъ я вышеупомянутой успѣхъ въ размежеваніи пустошей и уничтоженіи самой сказки, которую мы, доставъ въ свои руки, въ тысячу клочковъ разорвали, то отлегнуло у меня на сердцѣ и я радовался, что могъ отсмѣять имъ сію насмѣшку надо мною; ибо Лыковъ, пересказывая о томъ, издѣвался, что онъ провелъ меня со всею моею мнимою мудростію.

Но я возвращусь къ своему повѣствованію. Удачное окончаніе нашего межеванья и оказанное мною при томъ проворство и расторопность удивило всѣхъ моихъ сосѣдей, участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ, и произвела то, что приносили они мнѣ за то тысячу благодареній, а всѣ мы изъявляли такія же господину Чаплину, оказавшему намъ въ семъ случаѣ такое одолженіе, какого только отъ родного ожидать можно было.

Во весь послѣдующій за обоими помянутыми, крайне для насъ достопамятными днями, провелъ я время свое, вмѣсто отдохновенія, въ переписываніи набѣло сочиненія моего «о хмѣлеводствѣ», для отсылки въ Экономическое Общество; а на другой день послѣ сего пригласилъ къ себѣ обоихъ межевщиковъ, и Золотухина и Чаплина обѣдать, и угостилъ ихъ какъ можно лучше. Отъ меня пошли мы всѣ къ Михаилу Матвѣевичу и у него проведя весь вечеръ, ужинали. Сей день познакомилъ и сдружилъ меня еще болѣе съ обоими межевщиками. Оба они полюбили меня искренно и обѣщали служить намъ всѣми образами и помирить насъ съ волостными.

Вскорѣ за симъ насталъ день моихъ имянинъ. Я праздновалъ его по обыкновенію и спокойнѣйшимъ духомъ, и одолженъ былъ пріѣздомъ къ себѣ многихъ изъ своихъ родныхъ, друзей и сосѣдей. Мнѣ пошелъ съ сего времени 35-й годъ моей жизни.

Чрезъ три дни послѣ сего пріѣхалъ въ Котово другъ нашъ г. Темешовъ и тотчасъ прислалъ звать меня къ себѣ. У него продолжалось все еще сватовство за госпожу Срезневу и доходило дѣло уже и до сговору. Онъ, ласкаясь по обыкновенію своему ко мнѣ, убѣждалъ меня просьбою, чтобъ ѣхать съ нимъ на сговоръ сей, на что принужденъ я былъ почти противъ хотѣнія и согласиться.

Вѣтренность, непостоянство и чудной характеръ сего человѣка не подавалъ охоты ввязываться въ его дѣла и сплетни; но, по счастію и противъ всякаго чаянія, избавился я отъ сей поѣздки;—дѣло обошлось и безъ меня.

Къ нему пріѣхали родные, князья Мосальскіе и другіе, и я сдѣлался излишнимъ, и онъ такъ былъ безсовѣстенъ, что несмотря на всѣ свои просьбы и убѣжденія, уѣхалъ на сговоръ, совсѣмъ мнѣ несказавшись, чѣмъ меня онъ удивилъ до чрезвычайности; но я, вмѣсто досады за то, только смѣялся, и радъ еще былъ, что отъ того избавился; а послѣдствіе и доказало, что для меня было сіе еще и хорошо. Ибо не успѣло пройтить нѣсколько дней послѣ сговора, какъ молодецъ нашъ, заставлявшій насъ всѣми поступками и дѣяніями своими всегда хохотать и ему, какъ нѣкакому шутнику, смѣяться, опять надѣлавши какихъ-то проказъ, съ невѣстою своею разладилъ и дѣло у нихъ скоро послѣ того и разошлось навсегда и онъ женился черезъ нѣсколько времени совсѣмъ на другой дѣвушкѣ за Тулою, а потому и радъ я былъ, что тогда на сговорѣ не былъ.

Вскорѣ за симъ болѣзнь жены моей, страдавшей уже давно отъ истерики и матки, побудила насъ, по совѣту тетки ея, г-жи Арцыбышевой, съѣздить въ Тулу полечиться у лекаря, ей знакомаго. Итакъ, мы туда вмѣстѣ съ нею ѣздили, спознакомились съ г. Ульманомъ, — такъ сей лекарь прозывался, и онъ снабдилъ жену мою нѣсколькими лекарствами, отъ которыхъ и было ей нѣсколько легче.

Было сіе въ концѣ уже октября мѣсяца.

Мѣсяцъ ноябрь ознаменовался нѣсколькими достопамятными происшествіями. Первые дни онаго провели мы въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по гостямъ, роднымъ и друзьямъ нашимъ, а не успѣли возвратиться домой, какъ прислалъ ко мнѣ межевщикъ съ извѣстіемъ, что онъ отъѣзжаетъ уже совсѣмъ въ Серпуховъ, въ межевую контору.

Мы распрощались съ симъ добродушнымъ человѣкомъ и въ благодарность за всѣ его одолженія подарили его изрядною лошадкою, а подъячихъ его деньгами. За нимъ присыланъ былъ изъ конторы поручикъ Степанъ Степановичъ Волковъ, съ которымъ я при семъ случаѣ познакомился, и которой былъ послѣ мнѣ хорошимъ пріятелемъ.

8-е число сего мѣсяца праздновали мы на имянинахъ у Михаила Матвѣевича, у котораго было множество гостей, изъ коихъ многіе, и въ числѣ ихъ другъ мой, г. Полонской, ночевалъ у меня. А 10-е число сего мѣсяца въ особливости достопамятно было тѣмъ, что во мнѣ родилась вдругъ охота продолжать давно начатое мною философическое и нравоучительное сочиненіе «О благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ пріобрѣтенію онаго»; и я такъ къ сочиненію сему прилѣпился, что провелъ въ ономъ все праздное время сего мѣсяца, какое только оставалось отъ разъѣздовъ по гостямъ, и трудился въ томъ столь прилежно, что въ 20 дней, препровожденныхъ прямо въ философическихъ занятіяхъ, несмотря на всю величину сей книги, я ее къ декабрю всю кончилъ.

Она была впослѣдствіи времени напечатана подъ именемъ «Путеводителя къ счастію», и какъ сдѣлалась она чрезъ то многимъ людямъ существительно полезною, то и можно почесть сей мѣсяцъ, въ отношеніи ко мнѣ, прямо философическимъ и наидостопамятнѣйшимъ въ моей жизни.

Напротивъ того, въ декабрѣ не произошло почти ничего въ особливости замѣчательнаго, кромѣ того, что я въ первыхъ числахъ онаго по особливому случаю принужденъ былъ съ племянникомъ своимъ Травинымъ ѣздить въ Коширу.

По нѣкоторому вексельному дѣлу отца его, вознадобилось правительству взять съ него, какъ съ малолѣтнаго, сказку, о чемъ писано было изъ Кашина въ Коширу, а въ сію и требованъ онъ былъ отъ меня. Итакъ, мы съ нимъ туда ѣздили и дѣло сіе сдѣлали, а я имѣлъ случай при томъ быть нѣсколько разъ у благопріятствующаго мнѣ воеводы г. Посевьева и дружескимъ его со мною обхожденіемъ воспользоваться.

Впрочемъ не преминулъ я и въ сей мѣсяцъ, какъ въ зимній и для студированія удобнѣйшій, заниматься по привычкѣ своей литературой или чтеніемъ книгъ, также и сочиненіемъ новой книжки, въ пользу молодыхъ дѣтей назначенной.

Обѣ дѣвушки, дочери тетки нашей, госпожи Арцыбышевой, гостили въ сіе время у насъ, и я, пользуясь симъ случаемъ, училъ обѣихъ ихъ арихметикѣ. Въ праздное же время занимался переписываніемъ набѣло вновь сочиненную мною книгу «О благополучіи человѣческомъ».

Симъ окончу я сіе письмо и сказавъ, что желаю вамъ всѣхъ благъ, остаюсь вашъ и проч.

(Декабря 4 дня 1808 года).

1773.

Письмо 156-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ дожилъ я до 1773 года, который былъ для меня по многимъ отношеніямъ весьма достопамятнымъ.

Но прежде описанія происшествій, въ теченіи онаго бывшихъ, надобно мнѣ упомянуть вамъ въ короткихъ словахъ о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ находился я при началѣ сего года, что и учиню почти тѣми самыми словами, какими записано было то въ тогдашнихъ моихъ записках.

Находился я въ сіе время въ своей деревнѣ, въ любезномъ своемъ Дворяниновѣ,

гдѣ по милости Господней продолжалъ я препровождать благополучнѣйшую жизнь въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ таковою почитать ее имѣлъ я причину.

Правда, благополучіе мое далеко не въ томъ состояло, въ чемъ большая часть людей его полагаетъ; но не я уже тому виноватъ, что люди въ томъ обманываются и въ томъ его ищутъ и полагаютъ, въ чемъ оно никогда состоять не можетъ. Что касается до моего благополучія, то я потому себя благополучнымъ почиталъ, что, во-первыхъ, по милости Создателя своего, находился я въ совершенномъ здоровьѣ, не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, былъ сытъ, одѣтъ, тепелъ, веселъ и любимъ многими. Чего мнѣ хотѣть было больше?

Правда, достатокъ мой былъ не такъ великъ, чтобъ могъ я почитать себя богатымъ, и волѣ Господа моего угодно было надѣлить меня весьма-весьма умѣреннымъ; но по счастію, я желаніемъ множайшаго достатка никогда не мучился, а былъ жребіемъ своимъ совершенно доволенъ, а потому и былъ довольно и предовольно богатъ уже для себя.

По крайней мѣрѣ зналъ и всегда помнилъ я, что есть многіе милліоны людей, во всемъ подобныхъ мнѣ созданій, несравненно меня убожѣе и недостаточнѣе и предъ которыми, еслибъ хотѣлъ, могъ бы я почитать себя великимъ богачемъ. Безъ мала 600 человѣкъ обоего пола равныхъ мнѣ тварей состояло въ моихъ повелѣніяхъ: всѣ они на меня работали, и трудами своими и потомъ меня кормить, поить, одѣвать, обогрѣвать, успокоивать и тысячу увеселеній мнѣ приносить старались. Не великая ли то была для меня выгода и не долженъ ли я былъ благодарить за то Бога?

Денегъ хотя и не лежало у меня нѣсколько сотъ или тысячъ, но по крайней мѣрѣ не имѣлъ я въ нихъ и недостатка, и никогда еще не тужилъ, что ихъ у меня мало: съ нужду мою всегда становилось ихъ еще слишкомъ. По крайней мѣрѣ имѣлъ я то утѣшеніе, что никому не былъ долженъ и не мучился совѣстью, что онѣ снисканы неправдою.

Жилъ я хотя и не въ великолѣпномъ замкѣ и не въ каменныхъ палатахъ, но по крайней мѣрѣ не мучился и не безпокоился мыслями о томъ, для чего у меня такого нѣтъ, и радовался, и увеселялся еще тѣмъ, что по благости Господней имѣлъ хотя простой, но изрядной деревенской и всѣми нужными спокойствами снабденной домикъ, въ которомъ стужа никогда еще насъ не обезпокоивала, а изъ комнатъ стояло всегда нѣсколько и излишнихъ и порожнихъ.

Кабинета моего, въ которомъ наиболѣе я жилъ, не можно было покойнѣе быть и въ наилучшемъ замкѣ. Печка у меня была такая тепленькая и хотя кирпичная, но собственными трудами прекрасно и со вкусомъ росписанная; свѣта довольно, сидѣть было на чемъ и по крайней мѣрѣ не мучился я угаромъ и освобожденъ былъ отъ досады, для чего топили не по термометру. Сверхъ того имѣлъ я въ немъ множество вещей, приносящихъ мнѣ увеселеніе.

Садъ былъ у меня изрядной и для меня наипріятнѣйшій. Положеніе мѣстъ, жилище мое окружающихъ, наипрекраснѣйшее, и прочее, и прочее.

Слугъ, лакеевъ, камердинеровъ, офиціантовъ, управителей и дворецкихъ хотя у меня не было многочисленныхъ, но по крайней мѣрѣ въ нужныхъ услужникахъ не было недостатка: было кому подать, было кому принять, было кого послать, было кому сшить, сковать, ѣсть сварить и сдѣлать что надобно, и въ люди посылать не доходило почти никогда нужды. Чего хотѣть болѣе?

Цуковъ и экипажей драгоцѣнныхъ, также гайдуковъ, гусаровъ и скороходовъ хотя у меня не было, но, по крайней мѣрѣ, никогда не хаживалъ я отъ нужды пѣшкомъ, а было на чемъ и въ чемъ всюду выѣхать; и хотя выѣзды мои и экипажи и не такъ были великолѣпны, какъ у прочихъ, но я въ тѣ же ворота всюду ѣзживалъ и меня не хуже людей принимали.

Знатнымъ достоинствомъ, чинами и титлами хотя и не могъ я величаться, но, спасибо, тѣмъ никогда и не прельщался, да и не искалъ того. По крайней мѣрѣ, по милости Господней имѣлъ также чинъ, съ которымъ не стыдно было мнѣ никуда показаться: что нужды было въ томъ, что я не генералъ и не превосходительной! По крайней мѣрѣ былъ я хотя маленькимъ человѣкомъ, капитаномъ, но то зналъ, что меня почитали честнымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, а сего званія для меня не было пріятнѣе. Сверхъ того пользовался я еще тѣмъ особливымъ счастіемъ, что меня всѣ знакомые любили, и хвалили и знакомые, и незнакомые. По милости Бога моего имя мое и безъ моего исканія сдѣлалось многимъ извѣстно и были люди, желавшіе усердно меня видѣть и узнать.

Платье носилъ я хотя не драгоцѣнное, не блисталъ хотя золотомъ и серебромъ и не ослѣплялъ людей алмазами, но они мнѣ были и ненадобны. По крайней мѣрѣ не выѣзжалъ никуда въ заплатахъ, а каково мое платье ни было, но вездѣ принимали меня ласково и пріятно и никто еще меня за платье не презиралъ, а и дома никогда еще я босымъ и нагимъ не ходилъ. Чего мнѣ было хотѣть болѣе?

Всегдашнихъ компаній я хотя и не имѣлъ, на балы, оперы, комедіи и маскарады ѣздить и ими забавляться хотя и не имѣлъ случая, но по счастію могъ я спокойно и весело и безъ нихъ провождать свое время. По милости Господней имѣлъ я дома семейство такое, которымъ я доволенъ былъ: жена, милыя дѣти, теща, которую я за мать себѣ почиталъ, племянникъ, у меня живущій, могли уже всегда помогать мнѣ провождать время.

Сосѣдей, хотя не много, но по крайней мѣрѣ они были и всѣ насъ любившіе. Друзей и пріятелей также было нѣсколько, съ которыми могъ я съѣзжаться и веселиться; а сверхъ того, любезная библіотека могла во всякое время избавлять меня отъ скуки, а бумага и перо быть во всякое время наилучшими моими собесѣдниками; а когда не зналъ я совсѣмъ скуки, то чего мнѣ было хотѣть болѣе?

Наконецъ, и что всего дороже, наслаждался я наидрагоцѣннѣйшею свободою, вставалъ когда хотѣлъ, дѣлалъ что угодно и ложился спать, когда хотѣлось. Кромѣ того, не имѣлъ я нужды ни къ кому ѣздить или ходить на поклонъ, ни рабо-лѣпствовать, ни лукавить и не лицемѣрить. Однимъ словомъ, жилъ на волѣ› былъ господиномъ собственныхъ своихъ поступковъ и боялся только Бога да моего государя.

А что всего для меня было пріятнѣе, то не имѣлъ никакихъ себѣ извѣстныхъ недруговъ и злодѣевъ. Ни съ кѣмъ не находился я въ ссорѣ и враждѣ, но со всѣми жилъ мирно и согласно, а потому не имѣлъ причины бояться тайныхъ своихъ злодѣевъ и непріятелей, тѣмъ наипаче, что всегда полагался на власть моего Бога и на его обо мнѣ попеченіе искренно, а не одними словами.

Вотъ краткое изображеніе того благополучія, которымъ я при наступленіи сего достопамятнаго года наслаждался. Что-жъ касается до ближайшихъ и подробнѣйшихъ обстоятельствъ, то онѣ состояли въ слѣдующемъ:

Семейство мое въ сіе время состояло въ слѣдующихъ, милыхъ мнѣ особахъ: во-первыхъ, матери жены моей, которую почиталъ я вкупѣ и своею и имѣлъ къ тому причину; во-вторыхъ, жены моей,— далѣе дочери Елизаветы, которой шелъ уже шестой годъ и которую начинали мы уже учить грамотѣ. Она была рабенокъ, такой которой не только намъ, но и всѣмъ знакомымъ былъ любезенъ. Она находилась еще въ самой начинающейся только развертываться и разцвѣтать юности и подавала о себѣ великую надежду.

Въ-четвертыхъ,—сынѣ большомъ, Степанѣ, которому пошелъ пятой годъ, мальчикѣ, хотя нравомъ и свойствами своими весьма отмѣнномъ отъ сестры и нѣсколько угрюмымъ и нелюдимымъ, но подававшемъ о себѣ также не худую надежду.

Въ пятыхъ,—въ сынѣ моемъ меньшомъ

Павлѣ. Сему шелъ только другой годъ и потому еще онъ валялся въ колыбели и не умѣлъ еще говорить. Совсѣмъ тѣмъ рабенокъ былъ милой и любезной.

Шестымъ сотоварищемъ нашимъ былъ племянникъ мой Травинъ, сынъ покойной сестры моей. Онъ жилъ у меня по сиротству и малолѣтству, и кой-чему учился.

Что касается до прочихъ и не столь близкихъ моихъ родственниковъ, то были они слѣдующіе: во-первыхъ, два брата моихъ двоюродныхъ, Михаилѣ и Гавріилѣ Матвѣевичѣ Болотовыхъ. Оба они жили со мною въ одной деревнѣ и оба меня любили. Послѣдній хотя въ минувшемъ году мнѣ и досадилъ, но я отпустилъ ему то въ разсужденіи молодости и возстановилъ опять пресѣкшееся-было дружество. Сей былъ еще холостъ, а первой женатъ. Сообществомъ съ ними не могъ я много пользоваться: оба они были люди простые, оба неучи, и болѣе объ нихъ сказать мнѣ нечего.

Въ-третьихъ, родная тетка жены моей, Матрена Васильевна Арцыбышева, живущая отъ насъ верстъ за 30. Сей домъ считали мы себѣ ближнимъ и всѣхъ прочихъ дружественнѣйшимъ, и ласки и дружество ея было намъ и выгодно и полезно. У ней росли двѣ дочери, бывшія уже дѣвочками изрядными, и которыя нерѣдко гащивали у насъ по нѣскольку недѣль сряду; сынъ же ея былъ еще не великъ.

Въ-четвертыхъ, родственникъ мой Матвѣй Никитичъ Болотовъ, жившій въ одной со мною деревнѣ. Сего по ласкѣ и дружествѣ его ко мнѣ считалъ я ближайшимъ своимъ родственникомъ; но жалѣлъ, что былъ онъ нѣсколько особливаго и нелюдимаго нрава и характера, не любилъ выѣзжать, но въ сосѣдствѣ былъ я имъ очень доволенъ.

Вотъ вся почти моя ближняя родня; а впрочемъ, хотя я и имѣлъ родственниковъ, но живущихъ далеко, какъ-то племянника во Псковѣ, трехъ племянницъ въ Кашинѣ, тетку подъ Коширою, другую на Пратвѣ, или паче въ Москвѣ, дѣда жены моей съ дѣтьми его въ Цивильскѣ, дядю ея въ Козловѣ и нѣкоторые другіе.

Что касается до прочихъ обстоятельствъ, то приказныхъ дѣлъ никакихъ я не имѣлъ, кромѣ межевого дѣла съ волостными, которое все еще меня нѣсколько безпокоило. Кромѣ сего смущало меня то, что жена моя съ нѣкотораго времени сдѣлалась больна маткою и ею очень страдала.

Что касается до моихъ упражненій, то, привыкнувъ издавна къ трудолюбію, безпрерывно занимался я литературою и науками, но не столько упражнялся въ чтеніи книгъ, какъ въ письмѣ и сочиненіяхъ. Новой годъ засталъ меня въ слѣдующихъ работахъ: 1-е, старался я оканчивать переводъ «Китайской исторіи» или Нейгофово путешествіе въ сіе государство. Книгу сію началъ я давно переводить и въ сіе время трудъ сей приходилъ къ окончанію, хотя къ сожалѣнію остался онъ совсѣмъ тщетнымъ.

Во-вторыхъ, продолжалъ я сочинять начатую недавно полезную книжку, неимѣвшую еще титула и долженствовавшую содержать въ себѣ краткое руководство ко всѣмъ нужнѣйшимъ знаніямъ. Книга такая, которую давно собирался я сочинить; но предъ окончаніемъ минувшаго года нечаянной случай подалъ мнѣ поводъ къ начатію оной.

Тетка жены моей, г-жа Арцыбышева, отъѣзжая въ степную свою деревню и оставивъ обѣихъ своихъ дочерей у насъ, просила меня, чтобъ я подалъ имъ хотя малое понятіе о законѣ. Я, согласясь съ охотою на то, хотѣлъ-было сперва растолковывать имъ Платоновъ катихизисъ, какъ единственную, имѣющуюся у насъ богословическую книгу о законѣ; но не успѣлъ начать, какъ нашелъ въ томъ великія неудобствы.

Я находилъ тутъ многія пропущенныя вещи, о которыхъ человѣку молодому необходимо знать нужно, а сіе и побудило меня приступить къ другому роду истолкованія. Я положилъ пересказать имъ на словахъ всѣ нужнѣйшія вещи,

что имъ о Богѣ, о свѣтѣ и о человѣкѣ знать надобно, и пошелъ своимъ порядкомъ. Сдѣланной опытъ и мнѣ и имъ полюбился. Я продолжалъ всякой день ввечеру имъ кое-что сказывать и сдѣлалъ, такъ сказать, у себя маленькую аудиторію и слушателями моими были помянутыя обѣ дѣвушки и мой племянникъ.

Но какъ матеріи накопилось уже нарочито много, то, опасаясь, чтобъ они не позабыли, вздумалъ я сдѣлать для нихъ небольшую книжку, расположенную вопросами и отвѣтами, въ которой бы все то означено и вкратцѣ изъяснено было, что я имъ разсказывалъ.

Но не успѣлъ я сей трудъ начать, какъ по примѣру нечаянныхъ предпріятій, началъ онъ удаваться гораздо лучше, нежели я думалъ, и побудилъ меня приложить къ сочиненію сей книжки прилежнѣйшее стараніе и сдѣлать изъ ней что-нибудь нужное и совершенное. Сію-то книжку, начатую около 15-го декабря 1772-го года, которую назвалъ я послѣ «Кунсткаморою душевною», продолжалъ я сочинять по утрамъ до свѣта, какъ въ праздное и тихое время и при началѣ сего года, и писалъ уже о устроеніи животныхъ.

Въ-третьихъ, занимался я обученіемъ помянутыхъ дѣвушекъ арихметикѣ, которой долгъ и услугу хотѣлъ я имъ также оказать. Что касается до моего племянника, то онъ вмѣстѣ съ сыномъ г. Ладыженскаго, проживавшемъ также у меня, чертилъ геометрію.

Сіи были главныя мои занятія. Что касается до прочихъ начатыхъ дѣлъ, то было ихъ много. Во-первыхъ, начато переписываніе набѣло сочиненной недавно мною книги «О благополучіи человѣческомъ», о которой не за излишнее нахожу, какъ нѣчто въ особливости достопамятное замѣтить, что при сочиненіи оной часто рождались сами собою въ головѣ моей такія мысли, какихъ до того никакъ я не имѣлъ, и что нерѣдко приводило самого меня въ превеликое удивленіе. Впрочемъ книгу сію можно почесть плодомъ кёнигсбергскаго ученія моего философіи крузіанской, которую и полагалъ я ей въ основаніе; многое-же писалъ изъ собственной своей опытности.

Во-вторыхъ, начата была перепискою набѣло вторая часть моей «Дѣтской философіи». Въ-третьихъ учинено начало переводу, или паче сочиненію второй части «Исторіи святой войны»; въ-четвертыхъ, еще нѣкоторыя другія мелочи.

Что касается до экономическихъ моихъ трудовъ и сочиненій по долгу званія моего, яко члена Экономическаго Общества, которыя сочиненія сдѣлали имя мое во всемъ государствѣ извѣстнымъ и отчасти славнымъ, то отправлено было въ Петербургъ четыре сочиненія, а именно: одно, содержащее въ себѣ описаніе нашего хлѣбопашества; второе о истребленіи костеря изъ пшеницы; третье о хмѣлеводствѣ, а четвертое, и недавно посланное, о употребленіи навоза въ степныхъ мѣстахъ. Но на всѣ сіи сочиненія не было еще получено отвѣта.

Сіи-то были обстоятельства наиглавнѣйшія, въ которыхъ застигъ меня 1773 годъ. Теперь приступлю къ описанію происшествій, случившихся въ теченіи онаго.

Первымъ, примѣчанія достойнымъ происшествіемъ почесть можно новое знакомство, начатое съ домомъ генералъ-маіора Ивана Ивановича Раевскаго, живущаго въ Любижѣ. Съ симъ человѣкомъ давно уже хотѣлось мнѣ спознаться, по причинѣ что былъ онъ мнѣ по деревнямъ сосѣдъ; но мнѣ какъ-то на поклонъ къ нему ѣхать не хотѣлось, а ему и подавно не можно было, и дѣло зависѣло оттого, что мы нигдѣ не имѣли случая съ нимъ свидѣться, а при началѣ сего года оказался къ тому наиудобнѣйшій.

У господина Руднева родилась дочь Елизавета. Я крестилъ обыкновенно у него дѣтей съ госпожею Полонскою; но какъ ея не было, то звалъ онъ въ кумы жену помянутаго генерала, Прасковью Михайловну.

Итакъ, 3-го числа января крестилъ я у него съ нею и познакомился. Видѣлъ

также и ея мать, госпожу Кропотову, мужъ-же ея находился въ Петербургѣ. Они обошлись со мною довольно хорошо и такъ, что я ласкался надеждою, что у насъ съ ними возстановится знакомство. Однако сего не воспослѣдовало: разныя обстоятельства и отлучка отъ дома причиною тому была, что намъ не удалось послѣ и видѣться, а мужъ ея и умеръ, со мною не видавшись.

Въ самое то-жъ время и поутру самаго того-жъ числа случилось еще одно произшествіе. Вдругъ сказано было мнѣ, что у меня въ домѣ появились опять горячки, повидимому прилипчивыя, и что человѣкъ пять вдругъ заболѣли и лежали оными. Сіе меня невѣдомо какъ перетревожило и тѣмъ паипаче, что всѣ больные лежали въ задней людской горницѣ и что занемогли нѣкоторыя и дѣвки, живущія у насъ въ хоромахъ. Такое близкое сосѣдство натурально привело меня въ безпокойство превеликое.

Года за два передъ симъ терпѣли мы уже сіе наказаніе, а несчастнымъ моровымъ годомъ были и того болѣе напуганы, почему необходимость заставляла стараться какъ можно скорѣе употребить всѣ предосторожности.

Итакъ, велѣлъ я того часа всѣхъ больныхъ оттуда вывесть, очистить для нихъ особую избу на скотномъ дворѣ и приставить къ нимъ въ надзиратели особаго человѣка. Заднюю же горницу, гдѣ они лежали, велѣлъ я тотчасъ перестать топить и выморозить, чтобъ перемѣнился воздухъ и вышли всѣ прилипчивые пары, а здоровыхъ людей перевесть въ другую избу, приказавъ притомъ накрѣпко всѣмъ, чтобъ съ больными не имѣть сообщенія и какъ можно ихъ убѣгать. Въ хоромахъ же тотчасъ началось куреніе уксусомъ.

Въ наступившій послѣ того день, равно какъ нарочно для умноженія опасности моей отъ прилипчивыхъ болѣзней, былъ и со мною особливой случай:

Ни то ѣздивши къ г. Рудневу въ открытыхъ саняхъ, я простудился, ни то отъ другого чего, однако заболѣла у меня голова, сталъ показываться жаръ и сильное и частое біеніе пульса. При опасеніи давничнемъ горячки трогало меня сіе очень, а особливо въ разсужденіи появившихся въ домѣ болѣзней.

Однако я недолго медлилъ, а тотчасъ приступилъ къ новому моему предохранительному въ такихъ случаяхъ средству, которымъ я уже много разъ себѣ помогалъ, а именно, сверня бумажку и щекотя ею въ носу, принудилъ себя чихнуть, и повторилъ сіе раза два. И мнѣ удалось и въ сей разъ тѣмъ себѣ помочь: удары, произведенные чханіемъ во всей крови, въ состояніи были остановить скорость ея движенія и уменьшить чрезъ то начинающійся жаръ, а чрезъ то и боль головная уничтожилась.

Такимъ образомъ имѣлъ я вновь случай удостовѣриться въ полезности сего, мною нечаянно примѣченнаго, весьма важнаго врачебнаго способа и сожалѣлъ вновь, что многіе не хотятъ и не стараются приучить себя къ такому принужденному чиханію.

Теперь надобно мнѣ замѣтить одну учиненную мною около сего времени выдумку. Печь въ моемъ кабинетѣ была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала бѣлилъ ее все мѣломъ на молокѣ и по немъ расписывалъ сперва краснымъ сандаломъ раковинами и картушами; но какъ она замаралась, то выбѣлили ее около сего времени вновь и мнѣ вздумалось расписать ее разными красками и разбросанными по всей печи цвѣточками. Чрезъ сіе получила она еще лучшій видъ; а въ сіе время нечаянно вздумалось мнѣ полощить ее зубомъ, и я увидѣлъ, что симъ средствомъ можно и на всю ея навесть лоскъ и придать ей тѣмъ красы еще больше. Она стала какъ фарфоровая и такъ хороша, что не уступала почти кафленной. Краски распускалъ я на обыкновенной камедной водѣ.

Впрочемъ, какъ около сего времени святки начали проходить, то принялись мы за прежнія упражненія и начали возобновлять малые свои философическіе разговоры, и болѣе потому, что въ сіе

время гостила у насъ дочь госпожи Іевской, Елизавета Семеновна.

Сія, наслышавшись отъ моихъ учениць о нашихъ разговорахъ, желала охотно и сама оныхъ послушать. Для меня было сіе очень пріятно и матерія въ сей вечеръ случилась по порядку очень важная. Я изъяснялъ дѣтямъ причину и намѣренія, для котораго свѣтъ созданъ и начальныя и важнѣйшія понятія о воплощеніи и искупленіи христовомъ; однако гостья наша что-то не весьма охотно слушала.

Не ходя далѣе, надобно мнѣ упомянуть слова два и о святочныхъ нашихъ въ сей годъ упражненіяхъ. Святки препроводили мы не гораздо весело. Съ деревенскими сосѣдями какъ-то рѣдко видались, а посторонныхъ никого дома не было, а въ иные домы для оспы ѣздить было не можно. Итакъ, сидѣли мы почти всѣ святки дома и играли одни только дѣти.

Что касается до меня, то поспѣшая привесть къ окончанію переводъ «Китайской исторіи», по вечерамъ и въ праздное время упражнялся въ ономъ. Однако и кромѣ того сдѣлалъ нѣчто на память симъ святкамъ, а именно: въ праздное время выдумалъ вновь нѣсколько загадокъ, свойственныхъ обыкновеннымъ святочнымъ занятіямъ. Для памяти, и что онѣ въ сіе время и въ Дворяниновѣ родились, разсудилъ я ихъ и здѣсь помѣстить. Онѣ были слѣдующія:

1. Живу я на свѣтѣ очень давно, все хожу, все брожу, никогда не устаю, и то-и-дѣло, что старѣю, да молодѣю.

2. Плоска я, пестра, собою пригожа, иныхъ увеселяю, другихъ обогащаю, а третьихъ разоряю.

3. Днемъ я дурна, ни къ чему негожусь, ночью прекрасна, алмаза яснѣй.

4. Плоска я, вонюча, въ темнотѣ люблю жить.

5. Сидѣть не умѣю, ходить не могу, а бѣгать и соваться слишкомъ остеръ.

6. Сплету себѣ кружокъ, сяду въ уголокъ, сижу посижу, гостей подожду, пожалуетъ кто, я цапъ его царапъ.

7. Къ чему я живая, и мертвая на то-жъ.

8. Чоренъ, проворенъ и очень хитеръ; лазать и прыгать я слишкомъ гораздъ; за сто шаговъ бездѣлица мнѣ, я и за тысячу своихъ разомъ сигну.

9. Состарѣться, какъ я, всякій-бы хотѣлъ, а жить сколько я, не желаетъ никто.

10. Копьями утыканъ я смѣло хожу; злодѣй нападетъ я съ мѣста нейду; тронь меня, пожалуй, самъ берегись.

11. Въ каменной одеждѣ безъ ногъ я хожу.

12. Смерть передъ нимъ—не трусить ее; чѣмъ бы бѣжать, онъ съ мѣста нейдетъ и только что ногами потаптываетъ.

13. Во все время въ году слушаюсь всѣхъ, въ одно время буяню, не гляжу на крикъ; но хвостъ подымя, сломя голову бѣгу и дѣлаю досаду и вредъ иногда.

14. Въ лѣсу живучи, на звѣря похожъ, лазять умѣю, а бѣгать не скоръ; живыми питаюсь, а живу не на землѣ; люди не любятъ, да я ихъ люблю.

15. На войнѣ не бывали, а лучше татаръ, увидѣвъ злодѣя, врознь не бѣжимъ. Хоть нечѣмъ намъ драться, такъ вдругъ закричимъ, и вмѣстѣ сбѣжавшись составимъ кружокъ. Всякъ у насъ за брата готовъ умереть и тѣмъ иногда отбиваемся.

Вотъ загадки, выдуманныя въ сіи святки. Я ласкаюсь, что онѣ имѣютъ на себѣ печать натуральности, ибо первая значитъ луну, 2—карту, 3—гнилушку, 4—клопа, 5—рыбу, 6—паука, 7 овчину, 8—блоху, 9—грибъ, 10—ежа, 11—раковину, 12—овецъ, 13—корову, 14—вошь, а 15, наконецъ, стадо свиней.

Къ Крещенью собрались мы опять всѣ, ибо наканунѣ сего дня возвратилась изъ Москвы жена моя, ѣздившая на самое короткое время въ оную для покупокъ въ сотовариществѣ Марьи Семеновны, сестры госпожи Іевской.

Ввечеру сего дня видѣлся я съ сосѣдомъ своимъ Матвѣемъ Никитичемъ и поразился, увидѣвъ его въ прежалкомъ положеніи и въ великой перемѣнѣ состоянія его здоровья. Уже за нѣсколько времени до сего началъ онъ что-то хирѣть и все жаловаться на нездоровье. Болѣзнь, состоящая, какъ казалось, въ из-

мождающей лихорадкѣ, такъ его и довольно скоро изнурила, что остались только кости да кожа, и жизнь его висѣла какъ на ниточкѣ.

Безпутная въ молодости жизнь, а особливо во время гвардейской его въ Петербургѣ службы, а потомъ проклятые мужицкіе долги, въ которые онъ по неумѣренности расходовъ запутался, и наконецъ самое непреодолимое упрямство ввергнуло его въ сію болѣзнь; а говорили, что много поспѣшествовало къ тому и то, что онъ, просясь въ отставку и желая показать на себѣ видъ больного человѣка, выпилъ по совѣту какого-то бездѣльника великое количество масла конопнаго, ибо съ самаго того времени онъ и началъ уже хирѣть и чувствовать себя нездоровымъ. Я взиралъ на него съ чувствительнымъ сожалѣніемъ и чудился, что онъ, при всей своей немощи, затѣвалъ еще ѣхать въ Москву для продажи двора своего. Я не зналъ, какъ онъ въ состояніи будетъ ѣхать и ему того не совѣтовалъ.

На другой день послѣ Крещенья встревожены мы были опять новымъ подтвержденіемъ, чтобъ имѣть опасность и повсюду возжечь огни и поставить караулы. Оказавшаяся гдѣ-то въ Воронежской губерніи и въ низовыхъ городахъ язва была тому причиною. А къ вящему устрашенію услышали мы, что въ лежащей верстъ за 30 отсюда деревнѣ Селюмѣ, на большой дорогѣ къ Тулѣ, трое изъ проходящихъ лопатниковъ скоропостижно умерли, и что для самаго сего деревня сія тотчасъ была заметана, да и мы принуждены были поставить вновь караулы.

Въ тотъ же день случилось у насъ въ домѣ одно странное происшествіе. Водка, которую обыкновенно предъ обѣдомъ пивала теща моя, будучи чистою, вдругъ сдѣлалась мутна и солона, а отчего—того найтить и открыть было не можно. Какъ въ такихъ случаяхъ человѣкъ склоненъ ко всякимъ подозрѣніямъ, то не освободились и мы отъ того: легко можно было заключить, что водкѣ самой собою соленою сдѣлаться никакъ было не можно, и надобно кому-нибудь быть, кто-бъ въ нее сію соль положилъ.

Также заключали мы, что соли сей нельзя быть простой, а какой-нибудь наговорной, или того хуже, отравленной какимъ-нибудь ядомъ. Извѣстность, что подлость наша склонна къ такимъ бездѣльничествамъ и такими наговорными вещами имѣетъ обыкновеніе людей портить, или къ милости преклонять, приводило насъ въ пущее сумнѣніе. Я самъ, каковъ ни твердъ въ такихъ случаяхъ, и какъ мало ни вѣрилъ такимъ вздорамъ, однако встревожился и тѣмъ паче, что сія соленая водка попала, мимо тещи моей, бывшей у насъ въ гостяхъ, Марьѣ Семеновнѣ Шелимовой. Она первая сіе примѣтила и приведена была тѣмъ въ превеликую трусость, даже до того, что принуждена была съѣсть ложку меду.

Я не могъ оставить сего дѣла безъ изслѣдованія и принужденъ былъ употребить при томъ даже строгость противъ тѣхъ, на которыхъ было нѣкоторое подозрѣніе; однако отыскать того никакъ не могъ, да и льститься тѣмъ было не можно, ибо кто рѣшится самъ на себя сказать и признаться въ такомъ проклятомъ дѣлѣ.

Совсѣмъ тѣмъ думали мы, что произошло это отъ проклятой въ челядинцахъ нашихъ другъ къ другу ненависти, и радовались по меньшей мѣрѣ тому, что открылось сіе зло благовременно, и что теща моя сей водки не пила. Итакъ, если подлинно скрывалось въ томъ какое зло, то благодарили Бога, отвлекшаго отъ насъ сію опасность.

Въ послѣдующій день имѣлъ я, наконецъ, давно желаемое удовольствіе видѣть переводъ «Китайской исторіи» приведенный къ окончанію. Признаюсь, что работа сія была долговременная и немалыхъ трудовъ мнѣ стоившая.

Я началъ книгу сію переводить года за три до сего времени и насилу въ сіе время ее кончилъ. Правда, хотя я и не всегда за нею сидѣлъ, и раза три, четыре работа сія на долго перерывалась, однако-жъ нельзя сказать, чтобъ и скоро

ее перевесть было можно. Книга въ самомъ дѣлѣ великовата и я дивился, что имѣлъ столько терпѣнія и могъ сіе великое предпріятіе привесть къ окончанію. Послѣ сего потребно было еще много времени къ перепискѣ ея набѣло, чтобъ можно было отдать въ печать, какъ то мнѣ сдѣлать хотѣлось; но какъ для самого себя было сіе уже слишкомъ трудно, то помышлялъ я коммиссію сію возложить на одного изъ моихъ мальчиковъ, писцовъ, хотя писали они не очень еще хорошо и исправно.

Въ сей день, продолжая обыкновенные мои съ дѣтьми вечерніе философическіе разговоры, началъ я имъ преподавать понятіе о душѣ человѣческой и о внутреннихъ въ ней произшествіяхъ, или учить излегка телематологіи, и сія матерія къ удовольствію моему казалась имъ пріятна и они ее изряднёхонько понимали.

Нимало почти неуменьшившаяся болѣзнь жены моей принудила насъ около сего времени послать нарочнаго къ лекарю опять за лекарствами; но лекарь сей, которой сначала показался намъ весьма добрымъ и честнымъ человѣкомъ, оказался наконецъ самымъ негодяемъ и безсовѣстнѣйшею тварью. Онъ старался только вытеблить отъ насъ колико можно болѣе денегъ, а женѣ моей не только лекарствами своими не произвелъ ни малѣйшей пользы, но болѣзнь ея, и едва ли не умышленно, увеличилъ еще болѣе изъ единой алчности къ корысти, и доставилъ намъ бездѣльническими поступками своими столько досадъ, что мы раскаявались въ томъ, что съ нимъ связались.

Сей случай увеличилъ во мнѣ прежнее невыгодное о лекаряхъ нашихъ мнѣніе и подалъ вновь поводъ къ жалѣнію, что въ отечествѣ нашемъ врачебная часть была въ великомъ еще несовершенствѣ и сопряжена съ великими недостатками. Въ тогдашнее время была сія часть несравненно еще въ худшемъ состояніи. Монархи наши не прилагали еще столь многаго старанія о усовершенствованіи сей части. Тогда не было и десятой доли сихъ необходимо нужныхъ людей противъ нынѣшняго.

Но, ахъ! произошла-ли какая существительная польза народу отъ того, что количество сихъ людей умножилось вдесятеро передъ прежнимъ?

Что пользы оттого, что не только столицы набиты докторами и лекарями, но нѣтъ ни одного губернскаго города, гдѣ-бъ не было и докторовъ, и лекарей, и операторовъ, и акушеровъ, и повивальныхъ бабокъ и управъ врачебныхъ, и нѣтъ ни одного уѣзднаго города, въ которомъ бы не было лекаря, и которыхъ бы всѣхъ не содержали мы на своемъ囲коштѣ и жалованьѣ,—когда и нынѣ множество больныхъ помираетъ также, какъ и прежде, безъ всякаго призора и подаванія имъ помощи отъ сихъ докторовъ и лекарей; Когда и нынѣ всѣ они, несмотря, что мы ихъ поимъ, кормимъ и содержимъ на нашихъ трудовыхъ денежкахъ, помышляютъ только о томъ, какъ бы насъ грабить и карманы свои набивать нашими деньгами, а о истинномъ помоганіи намъ всего меньше радѣютъ и помышляютъ!

Что пользы отъ всего того, когда и нынѣ, въ случаѣ постигшей какой болѣзни и самой дворянинъ не дозовется къ себѣ лекаря, не имѣя столько достатка, чтобъ ему за пріѣздъ и за самое иногда ничто́ заплатить ему рублей 10 или 25, или еще болѣе! А о подломъ народѣ и говорить уже нечего.

Когда самимъ намъ такъ отяготительны и дороги становятся ихъ пріѣзды, когда мы за каждое мановеніе рукъ ихъ должны платить рублями, а при всемъ томъ получать отъ нихъ очень-очень мало пользы, то чего можно надѣяться отъ нихъ нашей подлости и какого вспоможенія ожидать себѣ отъ сихъ корыстолюбцовъ, неимѣющихъ ни совѣсти, ни сожалѣнія, а помышляющихъ только о набиваніи достатками нашими своихъ кармановъ?

Истинно! та польза еще не велика для государства, что всѣ сіи господа уѣздные врачи рыскаютъ безпрерывно по уѣздамъ для взрѣзыванія тѣлъ убитыхъ, или опив-

шихся, или скоропостижно умершихъ несчастливцевъ.

Но съ другой стороны нельзя намъ и обвинять правительство нерадѣніемъ объ насъ. Оно съ своей стороны учинило все, что нужно, и о пользѣ нашей прилагаетъ наивозможнѣйшее стараніе; а вольно самимъ намъ перепортить сей, толико нужный намъ народъ, и изъ добрыхъ людей передѣлать всѣхъ бездѣльниками и негодяями.

Естьли-бъ сами мы были-бъ осторожнѣе, не платили-бъ имъ за сущее иногда ничто бумажками цѣлыми, не насыпали-бъ кармановъ ихъ за самой малой и ничего незначущій трудъ полными горстями денегъ, а платили-бъ умѣреннѣе и оцѣнивая дѣла, труды и старанія ихъ лучше, то не были-бы и они такъ избалованы и не сдѣлались такими алчными корыстолюбцами, каковыми они нынѣ, а получше бы исправляли свою должность. И тогда вѣрно-бы не перешло такое множество нашихъ дворянскихъ вотчинъ и деревень въ руки господъ докторовъ и медиковъ!!

Но я удалился уже отъ порядка своего дѣла и время возвратиться къ оному.

Желаніе мое издать переводъ моей «Китайской исторіи» въ печать и боязнь, чтобъ кто иной не перевелъ оную и не напечаталъ, было столь велико, что я, подумавъ-погадавъ и, не надѣясь на своихъ писцовъ, рѣшился пуститься самъ на весь трудъ, съ переписываніемъ набѣло столь огромной книги сопряженной; и желая поспѣшить симъ предпріятіемъ оставилъ даже начатое переписываніе книги своей «О благополучіи», а принялся около половины генваря за сіе многотрудное дѣло, несмотря что не имѣлъ еще тогда ни малѣйшаго понятія о всѣхъ обстоятельствахъ, сопряженныхъ съ печатаніемъ книгъ и о всѣхъ бываемыхъ при томъ разныхъ и многочисленныхъ затрудненіяхъ и забывъ совершенно, что я не имѣлъ еще къ тому ни малѣйшаго слѣда.

Но какъ бы то ни было, но я пустился на сію работу. Но увы! сколь мало знаемъ мы о распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ со всѣми нашими дѣлами и предпріятіями Промысломъ Господнимъ, и сколь часто обманываемся мы въ предполагаемыхъ надеждахъ и заключеніяхъ нашихъ! Примѣръ сей книги доказалъ мнѣ то впослѣдствіи времени довольно ясно.

Всего того не совершилось нимало, что я объ ней тогда думалъ и мечталъ. Всю ее хотя я въ разныя времена и переписалъ, хотя употребилъ къ тому трудовъ и множество, но всѣмъ имъ назначено было остаться тщетными и переводу моему не быть напечатанному, а оной, переплетенной въ трехъ частяхъ, стоитъ и теперь въ моей библіотекѣ въ манускриптѣ и истлѣваетъ покрытой пылью. Меня захватили другія дѣла и упражненія, а между тѣмъ издано въ печать другое, и гораздо новѣйшее и совершеннѣйшее описаніе Китайскаго государства, кѣмъ-то инымъ переведенное; и я, узнавъ о томъ, съ прискорбіемъ принужденъ былъ поставить свой переводъ для вѣчнаго отдохновенія въ библіотеку.

Около самаго сего-жъ времени перетревожены мы были двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, что ходилъ солдатъ съ повѣсткою, чтобъ всѣ повѣренные являлись въ Серпуховъ для прикладыванія рукъ, къ межевщику Лыкову. Сей повѣстки хотя мы и дожидались, но не отъ него, и дивились зачѣмъ спрашивалъ насъ Лыковъ, и опасались, чтобы не отданы мы были опять въ руки сему нечестивцу.

Во-вторыхъ, встревожилъ насъ слухъ, что не только въ окрестностяхъ была, но и въ самое наше селеніе вкралась уже оспа, болѣзнь, которой мы тѣмъ болѣе опасались, что всѣ дѣти мои не лежали еще опою. Кромѣ сего и преждеупомянутыя горячки въ домѣ моемъ все еще продолжались и не хотѣли никакъ пресѣчься, какъ мы о томъ ни старались. Но, по крайней мѣрѣ, радъ я тому былъ, что никто отъ нихъ не умиралъ, а всѣ опять выздоравливали.

Между тѣмъ, какъ гостьи и ученицы мои столько уже ариѳметики отъ меня научились, сколько нужно знать изъ ней женщинамъ, то, продолжая по прежнему наши философическіе разговоры, вос-

хотѣлось мнѣ старшей изъ нихъ преподать нѣкоторое понятіе и о географіи, ануки толико для всѣхъ нужной и необходимой.

Не удовольствуясь показываніемъ всего въ атласахъ, вздумалъ я, для лучшаго и удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти ея фигуръ и положенія всѣхъ земель и водъ, употребить особое средство, а именно: заставить самое ее иллюминировать всѣ четыре части свѣта на ландкартахъ русскихъ и случившихся у меня неразрисованными, а чрезъ самое то познакомить ее нѣсколько съ употребленіемъ красокъ и кистей.

И какъ успѣхъ имѣлъ я въ томъ вожделѣнной, то хотѣлось-было мнѣ и далѣе и далѣе продолжать старанія о впечатлѣніи въ младой умъ ея множайшихъ понятій и знаній, нужныхъ молодымъ людямъ; но вдругъ все наше съ толикимъ успѣхомъ начатое и продолжаемое ученіе разрушилось и пресѣклось. Получено извѣстіе, что мать ихъ возвратилась изъ степной деревни, и мы принуждены были отпустить ихъ къ ней въ присланномъ за ними возкѣ; а вслѣдъ за ними и сами въ Калединку поѣхали.

А какъ и письмо мое достигло до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ оное, перервавъ, кончить, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

(Декабря 6 дня 1808 года).

Письмо 157-е.

Любезный пріятель! По возвращеніи моемъ изъ Калединки, гдѣ я три дни пробылъ, обрадованъ я былъ полученіемъ давно уже ожидаемаго письма и книги изъ Экономическаго Общества, и какъ пакетъ былъ толстъ, то думалъ я, что съ книжкою прислана ко мнѣ медаль; однако въ томъ обманулся: была то 18-я часть «Трудовъ Общества», которая у меня пропала и о чемъ я писалъ въ общество и вмѣстѣ съ нею новая, 20-я часть.

При обѣихъ ихъ приложено было письмо отъ секретаря общества, г. Нартова, которое заставило меня нѣсколько думать. Въ ономъ увѣдомлялъ онъ меня, что сочиненіе мое «о хмѣлеводствѣ» отдано въ комитетъ на разсмотрѣніе, и что всѣ мои (?) похвальны принимаются всегда Обществомъ съ удовольствіемъ, и присовокуплялъ къ тому, что какъ онъ по должности своей имѣетъ переписку со всѣми отсутственными членами о дѣлахъ экономическихъ, то проситъ, чтобъ я впредь съ нимъ началъ переписку.

Сіе самое заставило меня думать, ибо я не зналъ, о какой онъ перепискѣ упоминаетъ: о приватной ли и пространной, или чтобъ только адресовать письма мои на его имя, а не къ собранію вообще, какъ я до того времени писалъ. Итакъ, чтобъ соотвѣтствовать его желанію, то спѣшилъ я написать хотя коротенькое какое сочиненіе и отправить оное въ Общество при письмѣ, къ нему уже адресованномъ.

Къ сему употребилъ я описаніе о выдуманной мною и той рабочей телѣжкѣ, которую я уже за нѣсколько времени до того съ отмѣнною выгодою пользовался при моихъ земляныхъ и садовыхъ работахъ, и которая оказалась такъ способна, и хороша и нужна въ домѣ, что мы съ того времени и до нынѣ все такими телѣжками пользуемся и на разныя домашнія нужды употребляемъ. Сію-то телѣжку, описавъ и приобщивъ къ описанію рисунокъ, послалъ я въ сей разъ при письмѣ къ Нартову. И съ сего времени началась у насъ съ нимъ первая переписка.

А самое сіе вскорѣ побудило меня изъ всей переписки моей съ Обществомъ составить особую книжку и вносить въ нее всѣ пересылаемыя отъ меня въ Общество и къ Нартову и отъ него ко мнѣ письма; которымъ трудомъ и занимался я въ концѣ генваря мѣсяца, которой сдѣлался нѣсколько достопамятнымъ тѣмъ, что въ самой послѣдній день сего мѣсяца родился у брата, Михаила Матвѣевича, сынъ Василій, которой остановился-было въ живыхъ и былъ уже лѣтъ 12-ти и мальчикъ добренькой, подававшій о себѣ хорошую

надежду. Но Провидѣнію не угодно было оставить его въ числѣ живущихъ: онъ умеръ, находясь у насъ въ домѣ, въ начавшихся только разцвѣтать отроческихъ лѣтахъ. Мы окропили гробъ его своими слезами и, любя его искренно и о воспитаніи и ученіи его стараясь, сожалѣли чувствительно, что злая чехотка его у насъ похитила.

Начало мѣсяца февраля было для насъ не очень весело. Множество больныхъ и часъ отъ часу умножающееся количество оныхъ нагоняло на насъ великой страхъ. Было у насъ ихъ около сего времени человѣкъ болѣе пятнадцати и двѣ избы набиты ими полны.

Я самъ того и смотрѣлъ, чтобъ не занемочь, и какъ мы не знали, чѣмъ сіе зло перервать, то воспріяли прибѣжище свое къ богомолію, поднимали образъ къ себѣ изъ Савинскаго и едва-ли когда-нибудь съ такимъ усердіемъ молились Господу всѣмъ дворомъ, какъ въ сіе время.

По отправленіи послѣдней моей пьесы въ Экономическое Общество, напала на меня охота продолжать еще далѣе свои экономическія сочиненія и я, зачавъ тотчасъ новое, занимался онымъ при началѣ февраля и было оно «О искусственномъ удобреніи земель», которое послѣ, вмѣстѣ съ прежними моими сочиненіями, и удостоено было печати.

Во второй день сего мѣсяца проводилъ я родственника и сосѣда своего Матвѣя Никитича въ Москву, изнуреннаго до того болѣзненнымъ своимъ состояніемъ, что я отчаявался уже самъ въ жизни. Будучи многимъ людямъ, хотя небольшими суммами, долженъ, хотѣлось ему со всѣми ими расплатиться и продать для сего свой московской домъ. Съ превеликимъ трудомъ отправился онъ въ путь сей и я, прощаясь съ нимъ, боялся, чтобъ не въ послѣдніе то было.

Въ послѣдующій день увеличился страхъ мой еще болѣе оттого, что въ сей день у самого меня болѣла голова чрезвычайно и я весь день немоществовалъ.

Скрывая то отъ домашнихъ, старался я всячески перемогаться, и какъ въ самый сей день была повѣстка изъ Серпухова по межевымъ дѣламъ, то сіе перетревожило меня еще болѣе.

Я, за вѣрное почти полагая, что слягу, боялся, чтобъ сіе не помѣшало мнѣ кончить межевое дѣло и чтобъ болѣзнь не случилась въ самую нужную пору, и для того положилъ ѣхать хоть чрезъ силу въ Серпуховъ и узнать тамошнія обстоятельства; но частое чиханіе помогло мнѣ и въ сей разъ, и къ вечеру сдѣлалось мнѣ гораздо лучше и свободнѣе.

Итакъ, въ послѣдующій день поѣхалъ я въ Серпуховъ къ межевщику. Онъ принялъ меня очень ласково и такъ пріятно, какъ могъ я отъ него только требовать. Я препроводилъ съ нимъ весь день въ сотоварществѣ полковника Полуектова и славнаго межевщика Ланга; а ввечеру ѣздили мы вмѣстѣ къ сему Лангу, а потомъ были у межевщика Караулова. Однимъ словомъ, весь вечеръ до полуночи провели мы въ питьѣ и гуляніи, по ихъ обыкновенію.

Я хотя мерзилъ таковыми бесѣдами, но принужденъ былъ противъ хотѣнія дѣлать имъ сколько могъ сотоварищество и получилъ чрезъ то ту пользу, что спознакомился со многими межевщиками, а особливо съ конторскимъ межевымъ секретаремъ Селижаровымъ, которой меня какъ-то отмѣнно полюбилъ.

Я имѣлъ тутъ случай говорить кое-что изъ наукъ, а самое сіе и подало всѣмъ имъ обо мнѣ хорошее мнѣніе и послужило мнѣ потомъ въ пользу, и нѣкоторые изъ нихъ, а особливо секретарь Селижаровъ и весьма мнѣ пригодился послѣ.

Межевщикъ такъ былъ мною доволенъ, что не отпустилъ меня на квартиру и я принужденъ былъ ночевать у него; а поутру говорили мы съ нимъ о межеваньѣ и я нашелъ, что дѣла наши были на хорошей ногѣ и казалось, что по дружескому обхожденію со мною межевщика, не имѣлъ я причины ни малѣйшаго зла опасаться.

Весь оставшійся еще небольшой лишекъ и примѣръ въ нашихъ дачахъ хотѣлъ онъ пустить въ неудобную землю и

сдѣлать такъ, чтобъ волостнымъ съ моей стороны совсѣмъ нечѣмъ было поживиться, и притомъ обѣщалъ уговорить ихъ, чтобъ они помирились со мною на старомъ владѣніи. Но на все сіе не могъ я еще положиться, а положилъ ожидать всего отъ времени.

Изъ Серпухова проѣхалъ я тогда прямо рѣкою за Тарусу, къ родственнику и пріятелю нашему г. Гурьеву, у котораго тогда находились мои домашніе; и какъ была у насъ около сего времени масляница, то, возвратясь оттуда, проѣздили мы всю сію недѣлю съ ними по гостямъ, по роднымъ, друзьямъ и пріятелямъ нашимъ, и насилу удалось намъ въ послѣдній день сей недѣли провесть дома.

Во все сіе время не произошло ничего чрезвычайнаго, кромѣ того, что меньшому моему двоюродному брату, Гаврилѣ Матвѣевичу, вздумалось посмотрѣть приватно внуку одного сосѣда нашего, г. Селиванова, дѣвушку Онучину; но какъ она ему не полюбилась, то и не приступилъ къ сватовству, и Промыслъ Господень, располагающій нашими жребіями, отвлекъ его отъ сей затѣваемой имъ женитьбы.

Еще было для меня то радостно, что болѣзни въ домѣ моемъ, по благости Господней, такъ вдругъ уменьшились, что не было ни одного уже болѣе больного, а приписывали то дѣйствію усердному нашему моленію Господа.

Препроводивъ первую недѣлю великаго поста въ обыкновенномъ говѣньѣ и моленьѣ, на второй имѣлъ я одно особое дѣло.

19-го числа февраля пріѣзжали ко мнѣ неожидаемые гости, дочь г. Змѣева, Александра Аврамовича, съ мужемъ своимъ, г. Лабынцовымъ.

Сего человѣка имѣлъ я тогда впервые случай видѣть и онъ мнѣ полюбился, а жена его была родная племянница сосѣдки нашей, г-жи Ладыженской, и имѣла съ нею о раздѣлѣ деревень приказное дѣло.

Въ то время, какъ была она малолѣтна, то обидѣлъ какъ-то при раздѣлѣ ее сосѣдъ мой г. Ладыженскій, а мужъ ея тетки, и захвативъ нѣсколько людей лишнихъ, владѣлъ ими болѣе десяти лѣтъ несправедливо.

Итакъ пріѣхали они просить его, чтобъ онъ съ ними развелся, а ко мнѣ заѣхали съ просьбою, чтобъ я постарался ихъ помирить, о чемъ привезли отъ старика отца ея просительное ко мнѣ письмо.

Я хотя и не надѣялся, чтобъ могъ успѣть въ своей просьбѣ и стараніи, но по долгу христіанскому охотно принялъ на себя сію коммиссію и, призвавъ Господа въ помощь, поѣхалъ съ ними на другой день къ г. Ладыженскому.

Достопамятенъ и пріятенъ былъ для меня день сей; ибо, противъ всякаго чаянія, помогъ мнѣ Богъ разными представленіями преклонить моего, много меня любящаго сосѣда къ произведенію добродѣтели.

Не могу забыть, сколь радостна была для меня минута ихъ примиренія. Слезами радости обмочилось все лицо мое и я невѣдомо какъ доволенъ былъ г. Ладыженскимъ, и могъ сказать, что въ этотъ день имѣлъ я паки случай видѣть, какое неоцѣненное, пріятное и неописанное увеселеніе приноситъ производство всякой добродѣтели.

Я благодарилъ Бога, что удостоилъ онъ меня быть маленькимъ при томъ орудіемъ и веселился духомъ, что произвелъ при помощи божеской хорошее дѣло. Но, ахъ! какъ легко можно въ людяхъ обмануться и сколь скоро могутъ произойтить совсѣмъ неожидаемыя нами слѣдствія.

Нечаянной случай не допустилъ меня дождаться окончанія сего важнаго дѣла. Въ самую нужнѣйшую пору прислали ко мнѣ вдругъ гонца съ просьбою, чтобъ я ѣхалъ скорѣе къ возвратившемуся изъ Москвы и болѣе еще ослабѣвшему родственнику моему, Матвѣю Никитичу, и спѣшилъ какъ можно, чтобъ застать его живымъ, ибо его такъ схватило, что послали уже за попомъ.

Легко можно заключить, что сіе понудило меня спѣшить начатымъ дѣломъ; но

самое сіе и помогло мнѣ скорѣе ихъ примирить: Александръ Ивановичъ согласился на все; итакъ, ударили по рукамъ, послѣ чего не сталъ я долѣе медлить, а поскакалъ въ Дворянипово.

Сосѣда моего засталъ я едва уже въ живыхъ и при самыхъ почти дверяхъ гроба. Во все сіе время онъ такъ истончалъ, что остались въ немъ однѣ кости да кожа, и немилосердая чахотка гнала его очевидно во гробъ. Однако, предъ пріѣздомъ моимъ ему нѣсколько полегчело. Онъ просилъ меня, чтобъ я сдѣлалъ милость и далъ ему совѣтъ, какъ ему поступить съ малыми и ненадежными еще дѣтьми своими и съ остающеюся послѣ его молодою женою?

Любя сію, хотѣлось ему сдѣлать ей что-нибудь въ пользу, на случай, ежели не останутся двѣ маленькія еще дочери его въ живыхъ, и чтобъ имѣніе его не досталось въ семъ случаѣ законнымъ наслѣдникамъ его, господамъ Темирязевымъ. Я не зналъ, что ему на сіе отвѣчать, ибо встрѣчались тутъ двѣ противныя другъ другу должности и мнѣ хотѣлось, чтобъ дѣло сіе меня миновало.

Не успѣлъ я возвратиться въ свой домъ, какъ по утру на другой день пріѣхали ко мнѣ опять вчерашніе гости съ неожидаемымъ увѣдомленіемъ, что миротвореніе мое опять рушилось, и что причиною тому была уже самая родная тетка гостьи моей и жена г. Ладыженскаго. Она, по отъѣздѣ моемъ, расплакалась и начала такъ тазать мужа своего за то, что онъ отдалъ мужиковъ, неправильно отнятыхъ, что онъ рушилъ данное свое слово — и дѣло не состоялось.

Прискорбенъ былъ для меня сей случай, хотя къ тому не подалъ я ни малѣйшей причины. Но что мнѣ было дѣлать? Я съ моей стороны исполнилъ долгъ и болѣе сего не можно было отъ меня ничего требовать.

Въ послѣдующій за симъ день былъ Матвѣй Никитичъ такъ слабъ, что соборовали его масломъ. Печальная сія процессія производилась при всѣхъ насъ, его родныхъ и сосѣдяхъ, и мы не могли безъ чувствительнаго сожалѣнія смотрѣть на сего, жизнь свою оканчивающаго молодого человѣка.

Онъ былъ хотя очень слабъ, но имѣлъ еще столько силы, что могъ сидѣть; но съ сего времени началъ онъ уже часъ отъ часу худѣть и къ концу своему приближаться. Я посѣщалъ его всякой день и дѣлалъ ему послѣдній долгъ въ жизни своимъ сотовариществомъ.

Между тѣмъ въ праздные часы продолжалъ я заниматься экономическими сочиненіями, и видѣвшись съ сосѣдомъ своимъ, г. Ладыженскимъ и его женою, старался-было всячески преклонить ихъ на лучшія мысли; но всѣ труды мои были тщетны. Они заупрямились, привялись тягаться и защищать свое неправое пріобрѣтеніе.

Что касается до болѣзни Матвѣя Никитича, то она часъ отъ часу усиливалась и довела его до того, что онъ такъ истончалъ, что я отъ роду моего такъ исхудѣвшаго человѣка не видывалъ. Это былъ сущій скелетъ и можно было все устроеніе костей человѣческихъ въ немъ видѣть, ибо онѣ обтянуты были одною только кожею.

Наконецъ, 28 числа февраля, случившійся тогда въ четвергъ третьей недѣли великаго поста, ввечеру, часу въ девятомъ, преселился онъ изъ сей кратковременной жизни въ вѣчную и отошелъ къ своимъ предкамъ.

Можно сказать, что сей день былъ достопамятенъ во всемъ нашемъ родѣ и фамиліи Болотовыхъ; ибо кончиною его прервалось вдругъ цѣлое поколѣніе, продолжавшееся около 200 лѣтъ, и чрезъ самое то цѣлая половина всѣхъ здѣшнихъ дачъ вышла въ другой родъ.

Прискорбенъ былъ для меня сей случай. Я видѣлся съ нимъ въ самой послѣдній день его жизни и разставался съ нимъ часа за три до кончины, прощался съ нимъ въ тѣхъ мысляхъ, что его болѣе не увижу, ибо насъ звали тогда по межевымъ дѣламъ въ Серпуховъ. Онъ былъ въ совершенной памяти и говорилъ по самую послѣднюю минуту.

Въ послѣдующій день, бывшимъ первымъ въ мартѣ, поѣхали мы съ братомъ Михаиломъ Матвѣевичемъ въ Серпуховъ къ межевщику. Сей, поймавъ насъ на дорогѣ, затащилъ къ себѣ на квартиру. Итакъ, стояли мы опять у него.

Но ѣзда наша была опять по-пустому. Изъ волостныхъ повѣренныхъ не было никого и мириться было не съ кѣмъ. Однако сказывалъ онъ мнѣ, что видѣлся съ ними въ Москвѣ и уговорилъ почти, чтобъ они съ нами помирились. Всходствіе чего и велѣлъ онъ намъ подать сказки, что мы при прежнихъ границахъ своего владѣнія остаемся; каковыя сказки въ неизвѣстности о будущемъ мы тогда и подали.

3-го числа марта происходила у насъ печальная процессія погребенія Матвѣя Никитича. Его погребли при нашей церкви снаружи, противъ олтаря, въ правую сторону сажени 3 или 4 отъ гроба Петра Даниловича Стахѣева.

Такимъ образомъ лишились и схоронили мы одного изъ нашихъ товарищей, нашего единовременника, сосѣда, родственника и пріятеля; и какъ онъ былъ послѣдній Кирилловскаго поколѣнія, то не излишнимъ я почелъ описать здѣсь вкратцѣ его кратковременную жизнь, дабы потомки нашей фамиліи, да и его собственной, прешедшей въ иной родъ, о томъ вѣдали.

Онъ родился въ 1745 году, въ то время, когда отецъ его, Никита Матвѣевичъ Болотовъ, былъ подполковникомъ въ Кіевскомъ пѣхотномъ полку и находился у ревизіи на Бѣлеозерѣ.

Съ-молоду былъ онъ рабенокъ, подающій о себѣ великую надежду. Отецъ его, не жалѣя труда и убытковъ, обучилъ его по-нѣмецки и по-французски, и будучи потомъ полковникомъ въ Троицкомъ полку, имѣлъ къ тому вожделѣнной случай.

Могу сказать, что онъ около 13-тилѣтняго возраста былъ завидной рабенокъ и я самъ, видѣвъ его около сего времени, завидовалъ, что онъ обѣими сими языками лучше говорилъ, нежели я. Со всѣмъ тѣмъ прочее воспитаніе его было не очень хорошо.

Отецъ его былъ нрава премудренаго, слишкомъ своенравенъ и характера страннаго, почему и его воспитывалъ слишкомъ строго и какъ-то не на людяхъ, отчего и сдѣлался онъ уже съ самаго младенчества дикъ. А какъ онъ удалился въ отставку и женился на другой женѣ, то и подавно воспитаніе сыну его было дурное.

Къ вящему несчастію отдалъ онъ его доучиваться въ московской университетъ и безъ всякаго за нимъ присмотра. Тутъ живучи, имѣлъ онъ случай научиться многому худому, а доброму ничего; и какъ сіе было въ самое опасное время его лѣтъ и возраста, то нравственность его получила великое себѣ поврежденіе.

Послѣ того взялъ его отецъ къ себѣ, и тутъ подержавъ нѣсколько времени въ безлюдьи и въ загнаньи, записалъ его потомъ въ гвардію, сію тогда развратницу молодыхъ людей и отправилъ его въ Петербургъ, не препоручивъ, также изъ своенравія, никому изъ своихъ пріятелей.

Мы не могли тогда довольно надивиться поступкамъ сего старика и совершенному нерадѣнію его о своемъ сынѣ, которой у него одинъ только и былъ. Онъ такъ мало объ немъ старался, какъ-бы вовсе ему отецъ не былъ.

Сіе было причиною, что онъ и въ гвардейской службѣ не имѣлъ никакого успѣха, и какъ будучи воспитанъ на безлюдьи, и тамъ отъ всѣхъ бѣгалъ и удалялся, то и былъ отъ всѣхъ презираемъ и забвенъ.

Наконецъ умеръ отецъ, и онъ сдѣлался послѣ его наслѣдникомъ. Тогда, вырвавшись, какъ птичка изъ клѣтки и получивъ достатокъ въ руки, пустился онъ во всѣ шалости. Къ вящему несчастію отпросился онъ на годъ домой.

Я старался сколько могъ тогда поставить его на путь истинной, но не имѣлъ въ томъ успѣха, и все мое благопріятство, ласки и дружество къ нему не помогло нимало. Къ несчастію, попался онъ

въ когти двумъ своимъ двоюроднымъ братцамъ, гг. Елагинымъ.

Сіи, будучи люди молодые и неслишкомъ усердные послѣдователи добродѣтелямъ, наставили его на все доброе. Первое ихъ дѣло было отвлечь его совсѣмъ отъ меня, и какъ сіе имъ удалось, то ввели они его во всѣ пороки, молодымъ людямъ свойственные. Онъ впалъ въ пьянство, мотовство и распутство и производилъ въ домѣ такія дѣла, о которыхъ я, нехотя посрамить его памяти, умолчать долженъ.

Симъ образомъ развратившись, поѣхалъ онъ опять въ Петербургъ продолжать свою прежнюю безпорядочную жизнь. Легко можно заключить, что тамъ все сіе производило худыя слѣдствія.

Онъ познакомился и сдружился съ такими-жъ негодяями, которые довели его наконецъ до совершенной пагубы. Онъ впалъ въ превеликіе долги и шалости и за все то битъ былъ не на животъ, а на смерть.

Я старался, сколько могъ, увѣщевать его письмами и, наконецъ, имѣлъ удовольствіе привесть его въ чувство; но, ахъ! сіе было уже поздно. Съ братцами своими хотя и пересталъ онъ знаться, узнавъ ихъ ложное дружество, но потеряннаго здоровья и нажитыхъ долговъ возвратить было уже не можно.

Обремененъ будучи долгами и имѣя въ тѣлѣ много поврежденія и основанія болѣзнямъ, пріѣхалъ онъ опять домой, отпросясь опять въ отпускъ. Тутъ вздумалъ онъ жениться и начать порядочную жизнь. Женитьба его была скоропостижная. Онъ выбралъ самъ себѣ невѣсту и, недолго думая, женился, равно какъ предвидя, что долгое сватовство ему не принесетъ пользы и хорошія невѣсты за него не пойдутъ. Но мы и тому были уже рады, желая только, чтобъ онъ женился.

Со времени женитьбы сдѣлался онъ ко мнѣ уже нѣсколько болѣе прилѣпленнымъ и началъ жить уже порядочно. Но какъ онъ слишкомъ уже одолжалъ, а жену взялъ ни съ чѣмъ, то не можно было ему изъ долговъ выкарабкаться и онъ запутался въ нихъ еще болѣе. Сіе привело его въ величайшую задумчивость и побудило его, наконецъ, иттить въ отставку.

Онъ отбился всякими неправдами отъ службы и, не знаю доподлинно, а сказывали, будто сдѣлалъ онъ при томъ ту великую и прежде мною упомянутую уже глупость, что, желая показаться на смотръ больнымъ, подражая глупому мужицкому обыкновенію, выпилъ цѣлой стаканъ конопнаго масла, и отъ того такъ помертвѣлъ, что можно было считать его въ тотъ часъ полумертвымъ. И отъ сего самаго дня и отъ сей-ли причины или отъ побоевъ, началъ онъ чахнуть и чахъ во все время своего въ деревнѣ, послѣ отставки, жительства; даже до того, покуда, наконецъ, прошедшею осенью подхватила его злая чахотка и довела до гроба.

Вотъ, какіе были плоды развратной и безпорядочной жизни! Примѣръ, могущій послужить въ пользу молодымъ людямъ.

Теперь опишу, каковъ онъ былъ собою. Росту былъ онъ средняго, собою худощавъ, лицо имѣлъ продолговатое, волосы русые и лобъ взлизистой, и отмѣненъ былъ отъ всѣхъ тѣмъ, что носъ имѣлъ отмѣнно великъ; говорилъ немного картаво, въ обхожденіи не очень ласковъ, но съ друзьями пріятенъ; молчаливъ, шутливъ и притомъ лукавъ. Съ чужими очень застѣнчивъ и бѣгалъ всѣхъ.

Что касается до его нравственности, то былъ онъ человѣкъ доброй души. Неправды никакой мы отъ него не видали; впрочемъ въ домѣ своеобычливъ и самонравенъ слишкомъ. Охоту имѣлъ только до лошадей, и то пустую и убыточную, а не полезную.

Книги не бралъ никогда въ руки, и всѣ употребленные къ обученію его языкамъ и прочему труды и кошты пропали тщетно, такъ какъ пропадаютъ они и въ разсужденіи многихъ другихъ, обучавшихся въ молодости.

Экономію велъ онъ мудреную и странную. Казалось, что онъ ко всему прилежалъ, но все какъ-то не шло въ тукъ: всю свою жизнь провелъ онъ въ нуждѣ

и недостаткѣ. Все ему какъ-то было тѣсно, все жался въ уголъ и ни къ кому не любилъ ѣздить.

Кто пріѣзжалъ къ нему, принималъ ласково, а самъ развѣ съ превеликою неволею куда выѣзжалъ. Однимъ словомъ, былъ сущій бирюкъ, и этотъ былъ главнѣйшій его порокъ, ибо отъ прочихъ, наконецъ, онъ отвыкъ и въ послѣдніе годы велъ порядочную жизнь. Прежнія свои шалости покинулъ, не пилъ уже ничего и не безпутствовалъ; но все сіе было уже поздно.

Со мною жилъ онъ въ послѣдніе годы очень дружно и могу сказать, что почиталъ меня себѣ истиннымъ другомъ и во всемъ меня слушался и повиновался. Почему ту честь долженъ я ему отдать, что я сосѣдомъ симъ былъ очень и очень доволенъ и имѣлъ въ немъ такого, какого лучше желать не могъ. То только было худо, что онъ рѣдко ко мнѣ хаживалъ, а въ прочемъ во всемъ, а особливо при раздѣлахъ земли былъ я имъ совершенно доволенъ.

Онъ полагался во всемъ на меня и былъ въ чистосердечіи и праводушіи моемъ такъ увѣренъ, что, за нѣсколько дней предъ концемъ жизни своей, поручилъ мнѣ жену свою и двухъ малолѣтныхъ своихъ дочерей въ опеку и просилъ быть ихъ отцомъ.

А чтобъ обезпечить и жену и дѣтей своихъ въ разсужденіи остающагося послѣ его имѣнія, то желая сдѣлать женѣ своей добро, написалъ онъ вексель въ нѣсколькихъ тысячахъ на имя серпуховскаго купца Плотникова и, вручивъ мнѣ его, просилъ, чтобъ я упросилъ помянутаго купца адресовать его на имя остающейся жены его, съ полученною якобы отъ ней уплатою и потомъ протестовалъ бы его по формѣ, но хранилъ бы у себя оной какъ священный залогъ, покуда дѣти его будутъ живы, и чтобъ не инако выдалъ его въ руки жены его, какъ въ случаѣ смерти обѣихъ дочерей его. Которое обѣщаніе я и выполнилъ совершенно.

И какъ впослѣдствіи времени ни старалась жена его у меня сей вексель вытеблить, и какъ невиннымъ совсѣмъ образомъ ни претерпѣвалъ я отъ ней за то заочно ругательство и повсемѣстныя на меня жалобы и самыя даже проклятія и нехотѣніе даже иттить на гробъ мой, когда умру, и какъ ни угрожала она меня, что будетъ на меня просить правленіе и намѣстника; но я въ совѣсти своей былъ совершенно чистъ и правъ, поелику вексель сей нимало ко мнѣ самому не шелъ и мнѣ никогда не могъ послужить въ пользу и я не инако какъ съ симъ условіемъ согласился вмѣшаться въ сіе дѣло, и потому самому не хотѣлъ никакъ принять отъ него даримой имъ мнѣ пустоши Голенинки; но не хотя обидѣть сиротъ его, совершенно отъ того отказался.

Почему и не смотрѣлъ я нимало на всѣ помянутыя ея дурачествы и женское легкомысліе, а смѣяся только ея глупостямъ, самъ дѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ и, сохраняя у себя вексель, какъ нѣкакой священной залогъ, не допустилъ мать сію, вышедшую за другого потомъ мужа, разорить и по міру пустить родную дочь свою, а сохранилъ для сей отцовское ея имѣніе, которымъ пользуется она и владѣетъ и понынѣ. Другой своей сестры лишилась она еще въ младенчествѣ, а ругавшей меня умницѣ, матушкѣ ея, не удалось наругаться надъ моимъ гробомъ, ибо я и понынѣ еще по милости Господней живъ, а она давно уже сотлѣваетъ въ нѣдрахъ земли хладной; но да почіетъ прахъ ея съ миромъ въ оной.

Вотъ краткое описаніе жизни моего родственника и сосѣда и я могу сказать, что мнѣ было его очень жаль и что не могъ я съ нимъ безъ пролитія слезъ разстаться. Въ самое теперешнее время, когда сіе пишу, возобновляющееся во мнѣ напоминаніе о томъ, какъ мы съ нимъ жили и какъ онъ ко мнѣ ласкался, меня любилъ и почиталъ, производитъ въ душѣ моей нѣкое нѣжное и прискорбное объ немъ сожалѣніе и пожеланіе, чтобъ

прахъ его почилъ съ миромъ, а духъ его былъ блаженъ въ селеніяхъ небесныхъ.

Теперь, окончивъ сіе печальное повѣствованіе, обращаюсь я къ другимъ предметамъ.

Не успѣли мы схоронить сего любезнаго моего сосѣда, какъ на третій день послѣ того, а именно 5-го числа марта встревоженъ былъ весь духъ мой полученнымъ нечаянно изъ Петербурга письмомъ отъ г. Нартова, секретаря Экономическаго Общества.

Сей незнакомой мнѣ совсѣмъ, но заочно меня полюбившій человѣкъ, увѣдомлялъ меня, что онъ имѣлъ случай рекомендовать меня князю Сергію Васильевичу Гагарину, сенатору и кавалеру и нашего Общества члену, которой также полюбивъ меня заочно, по однимъ моимъ сочиненіямъ, хотѣлъ со мною познакомиться и просилъ его, чтобъ онъ меня съ нимъ познакомилъ, обѣщая, что если со мною познакомится и я соглашусь помогать ему смотрѣніемъ моимъ надъ порученными ему отъ государыни ея волостьми, то онъ выходитъ мнѣ отъ монархини чинъ и достаточное жалованье.

Г. Нартовъ, изъ любви своей ко мнѣ, убѣждалъ меня при томъ въ письмѣ своемъ всѣми образами и просилъ, чтобъ я увѣдомилъ его какія имѣю я о томъ мысли?

Признаюсь, что письмо сіе произвело во всей душѣ моей наивеличайшую тревогу и день сей былъ весьма достопамятной въ моей жизни.

Предлагался мнѣ чинъ и жалованье, а при томъ еще рекомендація тогдашней императрицѣ нашей, слѣдовательно честь, знаменитость и богатство, до того нимало меня не прельщавшія; но требовалось, чтобъ я перемѣнилъ свое состояніе, покинулъ свой домъ и спокойную, свободную, драгоцѣнную деревенскую жизнь, какою тогда, по благости Господней, наслаждался и, лишась вольности, отдалъ себя въ неволю, запуталъ себя въ труды и должности и пошелъ опять въ пространное житейское море, оставивъ свое любезное уединеніе. Цѣна по истинѣ великая и требующая по всей справедливости великаго разсмотрѣнія!

Я не зналъ тогда, что дѣлать и находился въ великомъ замѣшательствѣ и разстройкѣ мыслей. Съ одной стороны льстилъ меня чинъ, знать и жалованье, но съ другой устрашали хлопоты, неволье и жалѣніе о тогдашнемъ драгоцѣнномъ для меня состояніи.

Я колебался мыслями и не зналъ что дѣлать, что предпріять и къ чему приступить; наконецъ, родилась во мнѣ мысль, что приходитъ сіе не случайно и не само собою, поелику я о семъ не имѣлъ даже никогда и малѣйшаго помышленія, а не только сего искалъ и домогался; а потому догадывался и не сомнѣвался въ томъ, что тутъ есть дѣйствіе Промысла и содѣйствіе Того, кому давно поручена жизнь моя въ полное владѣніе и распоряженіе, т. е. милостиваго и всещедраго моего Бога, небеснаго Отца и покровителя, оказавшаго мнѣ въ жизнь мою безчисленные опыты своего обо мнѣ попеченія и старанія.

Вспомнивъ сіе, успокоивался я духомъ и сердце мое наполнялось чувствіями живѣйшей благодарности къ нему, а посему и предавалъ я дѣло сіе на его святую волю и просилъ только, чтобъ онъ мнѣ сказалъ, куда мнѣ иттить и что дѣлать.

Но не однимъ симъ былъ день сей для меня достопамятенъ. Произошло въ оной и другое, также примѣчанія достойное произшествіе. Въ самую почти ту же минуту получилъ я извѣстіе, что пріѣхалъ въ Якшино г. Щербининъ и хотѣлъ со мною видѣться.

Такимъ образомъ ѣздилъ я въ сей день къ нему и имѣлъ случай спознакомиться съ симъ знатнымъ человѣкомъ, бывшимъ тогда губернаторомъ въ Харьковѣ и имѣлъ счастіе ему очень полюбиться. До сего времени онъ зналъ меня по одному только слуху и имени, а теперь узналъ лично и могу сказать, что я обращеніемъ его со мною и ласкою былъ чрезвычайно

доволенъ и льстился надеждою, что онъ мнѣ когда-нибудь при случаѣ сгодится.

Какъ я не зналъ въ точности обстоятельствъ и того, надъ какими волостями князю Гагарину поручено смотрѣть и гдѣ сіи лежатъ волости, а надлежало въ непродолжительномъ времени что-нибудь писать въ Петербургъ къ г. Нартову, то положилъ я въ послѣдующій день съѣздить къ другу моему г. Полонскому и съ нимъ о томъ посовѣтовать и слышать о томъ его мнѣніе.

Сей пріятель мой не успѣлъ прочесть письма, какъ пришелъ въ восторгъ съ радости, что со мною сіе совершается: Его первое слово было то, что онъ самъ молебенъ отпоетъ, если сіе сдѣлается и говорилъ мнѣ, чтобъ я отнюдь сего случая не выпускалъ изъ рукъ; что счастіе само меня ищетъ; что у князя Гагарина не имѣется никакихъ иныхъ волостей, кромѣ Богородицкой и Бобриковской, лежащихъ неподалеку за Тулою; что управительское въ сей волости мѣсто лучше всякаго воеводства и чрезвычайно выгодно.

Однимъ словомъ онъ насказалъ мнѣ столько выгодъ, что еслибъ я не философскія имѣлъ мысли, такъ бы имѣлъ причину почитать себя чрезвычайно счастливымъ. Но я только усматривалъ изъ того часъ отъ часу больше начинающуюся ко мнѣ особливую божескую милость и благодарилъ сего великаго моего благодѣтеля.

Все сіе побуждало меня часъ отъ часу охотнѣе приступить къ предлагаемому, и какъ въ самое то время и равно какъ нарочно случился у меня и человѣкъ изъ Кашина, отправляющійся въ Москву, то и не сталъ я долѣе медлить и написалъ письмо къ Нартову въ отвѣтъ. Сіе письмо удалось мнѣ написать, не знаю какъ сказать, ни то хорошо, ни то худо. Я писалъ его почти не своею головою и такъ, какъ люди не пишутъ.

Сперва благодарилъ я Нартова за его къ себѣ одолженіе, потомъ сдѣлалъ привѣтствіе князю, которые оба пункта удались мнѣ какъ лучше желать не можно. Послѣдующія за симъ строки были особаго, весьма важнаго и такого содержанія, которыя, какъ думалъ я, будутъ Нартовымъ неожидаемы. Въ нихъ, открывая ему свои мысли, писалъ я прямо, какъ практическому философу надобно. Я изображалъ ему въ короткихъ словахъ всю драгоцѣнность тогдашняго своего образа жизни, изъяснялъ сколь трудно мнѣ разстаться съ оною и, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я предлагаемую должность не инако соглашусь принять, какъ только въ такомъ случаѣ, если сія волость недалеко лежитъ отъ моей деревни, если я не принужденъ буду совсѣмъ бросить свой домъ и если мнѣ дастся хорошее жалованье, и сіе для того, чтобъ я тѣмъ меньше могъ помышлять о неправедныхъ прибыткахъ; ибо сей пунктъ былъ для меня страшенъ. Въ противномъ случаѣ, что охотнѣе хочу я остаться въ прежнемъ своемъ незнакомомъ углѣ, чинѣ и достаткѣ.

Къ сему письму приложилъ я случившіяся тогда и равно какъ нарочно къ тому переписанныя сочиненія: одно о садахъ, а другое о нѣкоторыхъ деревенскихъ лекарствахъ; также одну бездѣлушку, относящуюся до натуральныхъ рѣдкостей, которую случилось мнѣ нечаянно найтить минувшимъ лѣтомъ въ вершинѣ подлѣ своего дома; ибо сего хотѣлось г. Нартову, какъ охотнику до такихъ вещей и собирающему у себя кабинетъ натуральный.

Сіе письмо отправивъ я въ Москву съ кашинскимъ человѣкомъ, сталъ дожидаться, что оно произведетъ и что воспослѣдуетъ далѣе. Потомъ ѣздилъ я вторично къ г. Щербинину и свелъ съ нимъ болѣе дружбу. Онъ меня такъ полюбилъ, что насилу отпустилъ, продержавъ меня у себя до самаго вечера.

При такихъ многихъ и сряду другъ за другомъ въ самое короткое время случившихся происшествіяхъ, не могъ я тогдашнему періоду времени довольно надивиться и почиталъ оной въ особливости примѣчанія достойнымъ.

Сперва случилось миротвореніе г. Ла-

дыженскаго, тамъ кончина и погребеніе родственника и сосѣда моего, потомъ межевыя дѣла, тамъ помянутое письмо и важное предложеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ знакомство съ г. Щербининымъ.

Но того было еще не довольно, но къ тому присовокупилось еще, что въ послѣдующій за тѣмъ день, т.-е. 9 марта получилъ я, противъ всякаго ожиданія, отъ племянника моего родного изъ Пскова извѣстіе, что было для меня очень радостно; а 10 числа ѣздилъ въ Серпуховъ для адресованія помянутаго важнаго векселя и при семъ случаѣ свелъ дружбу съ купцомъ Плотниковымъ, которая для меня была также интересна.

Потомъ пріѣхала къ г. Щербинину его жена и мы приглашены были къ нимъ. Она не менѣе благопріятствовала моихъ домашнихъ, и какъ вскорѣ послѣ того случилось женѣ моей быть имянинницею, то одолжила насъ генеральша сія въ сей день своимъ посѣщеніемъ съ сыномъ и прочими дѣтьми своими, съ которыми мы также при семъ случаѣ спознакомились. А вслѣдъ за симъ получилъ братъ мой Гаврила Матвѣевичъ отставку и прапорщичій чинъ, и я радовался и благодарилъ Бога, что всѣ члены нашей фамиліи были уже офицерами. Итакъ, происходили одно происшествіе за другимъ и были всѣ довольно важныя.

Достальное время сего мѣсяца препроводилъ я въ переписываніи набѣло и переправливаніи книги моей «О благополучіи человѣческомъ» и въ продолженіи сочиненія другой, названной «Душевною Кунсткамерою».

День пасхи случился въ сей годъ очень рано и въ самый послѣдній день мѣсяца марта, и вкупѣ въ самую половодь и распутицу. Сіе принудило насъ во всю святую недѣлю сидѣть дома и, вмѣсто разъѣздовъ, заниматься домашними упражненіями. Мое состояло въ передѣлываніи одного разсужденія въ моей книгѣ «О благополучіи» и я въ самое сіе время писалъ матерію весьма важную, а именно о способахъ и руководствѣ къ побѣжденію страстей и исправленію нашему, и могу сказать, что мнѣ случилось въ сіе время выдумать много важнаго и полезнаго, а особливо въ разсужденіи нравоученія практическаго и сдѣлать открытія прeполезныя для рода человѣческаго, почему и считаю я періодъ сего времени или первую половину апрѣля мѣсяца весьма достопамятною въ моей жизни.

Открытіе мое состояло наиболѣе въ сравненіи порядка исправленія и побѣжденія страстей съ дѣйствительною войною, и я къ великому удовольствію и удивленію нашелъ, что всѣ обстоятельства вещественной войны могутъ весьма изрядно приравнены быть къ такимъ же обстоятельствамъ войны духовной. Словомъ, я симъ разсужденіемъ, занимающимъ почти цѣлую половину второй части сей книги, былъ самъ очень доволенъ и почиталъ ее полезнѣйшею изъ всей книги.

Какъ со вскрытіемъ весны начались и всѣ садовыя и другія домашнія необходимо нужныя работы, то перемѣнился чрезъ то во многомъ и весь порядокъ моихъ упражненій. Мнѣ не можно было уже никакъ сидѣть запершись по прежнему въ хоромахъ и заниматься одними моими книгами, перомъ и чернилами; но я большую часть времени сталъ препровождать въ моихъ любезныхъ садахъ и заниматься въ нихъ сотнями разныхъ дѣлъ вешнихъ, а особливо садкою разныхъ плодовитыхъ деревъ.

Въ сію весну въ особливости занимался я усадкою всей моей прекрасной горы разными плодовитыми деревьями и кустарниками, и придалъ ей чрезъ то гораздо лучшій видъ передъ прежнимъ. Всѣ сіи деревья украшаютъ ее и по нынѣ и утѣшаютъ меня ежегодно множествомъ разныхъ плодовъ своихъ.

Въ сихъ упражненіяхъ, обращавшихся для меня не столько въ трудъ, какъ въ увеселеніе, и не видалъ я какъ прошли двѣ первыя трети мѣсяца апрѣля; а между тѣмъ не выходили у меня изъ головы мысли о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и моемъ отзывѣ, и я со дня на день поджидалъ на письмо мое отъ г. Нартова отвѣта.

Оной и не укоснѣлъ ко мнѣ притти; но о семъ и содержаніи его перескажу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперечнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и прочая.

(Декабря 8 дня 1808 года).

Письмо 158-е.

Любезный пріятель! Двадцать первое число апрѣля былъ тотъ день, въ которой исполнилось мое нетерпѣливое желаніе и я получилъ на посланной мной въ Петербургъ отзывъ отвѣтное письмо г. Нартова. Воевода нашъ прислалъ его ко мнѣ съ нарочнымъ изъ Коширы.

Легко можно заключить, что каковъ я ни былъ, но распечатывалъ его не безъ сильныхъ душевныхъ движеній. Отъ частаго помышленія о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и о всѣхъ выгодахъ, какія я имѣть буду, если то совершится, и которыя натурально воображеніемъ были увеличиваемы, произошло то, что я началъ уже нѣкоторымъ образомъ и желать, чтобъ оно исполнилось и желалъ довольно сильно; а напротивъ того не хотѣлъ, чтобъ произошло что-либо противное моему ожиданію. Итакъ, начиналъ его читать почти со страхомъ и трепетомъ, или по крайней мѣрѣ, съ сильнымъ потрясеніемъ душевнымъ. Но скоро всѣ сумнительствы мои рушились. Содержаніе письма сего было для тайныхъ моихъ вожделѣній удовлетворительно и произвело во всей внутренности души моей удовольствіе неизобразимое.

Г. Нартовъ отвѣтствовалъ мнѣ такъ, какъ мое философическое письмо требовало и какъ надлежало. Онъ наполнилъ письмо свое ласками и изъявленіями хорошаго своего характера и принудилъ меня еще болѣе себя полюбить. О дѣлѣ же моемъ увѣдомлялъ онъ меня, что онъ съ княземъ Гагаринымъ видѣлся и обовсемъ съ нимъ говорилъ, и что князь былъ всѣмъ доволенъ и на все согласенъ, и что осталось мнѣ только съ нимъ видѣться и познакомиться лично. А поелику въ самое то время князь отправился въ Москву и повезъ съ собою письмо отъ него, Нартова, ко мнѣ, то ѣхалъ бы я въ Москву и съ нимъ тамъ повидался. О волости же, куда я назначаюсь, хотя и не упоминалъ онъ именно, а писалъ только, что она лежитъ недалеко отъ меня и что перемѣна моего состоянія меня не перетревожитъ.

Далѣе увѣдомлялъ онъ меня о посланныхъ моихъ вновь сочиненьицахъ, что онъ предложилъ ихъ публично Обществу, и буде пьесу мою о нѣкоторыхъ домашнихъ лекарствахъ общество опредѣлитъ напечатать, то онъ меня увѣдомитъ.

Что-жъ касается до посланной отъ меня къ нему бездѣлки, состоящей въ маленькомъ камушкѣ, то, недуманно-негаданно, пошелъ онъ въ честь. Г. Нартовъ былъ имъ очень доволенъ и просилъ меня, чтобъ я прислалъ ихъ болѣе и что это былъ трохитъ или колесный камень, составляющій самую рѣдкость въ натурѣ; также чтобъ я прислалъ и кремневыхъ прорастей съ хрусталями, о которыхъ упоминалъ я въ письмѣ своемъ, что у меня ихъ есть нѣсколько.

Но при семъ одномъ онъ не остался, а прислалъ еще ко мнѣ въ подарокъ перевода своего нужную мнѣ книжку, а именно «Минералогію» г. Лемана, и тѣмъ побудилъ меня еще болѣе къ собиранію рѣдкостей.

Признаюсь, что письмо сіе доставило мнѣ много удовольствія, а не менѣе радовались тому и обѣ мои семьянинки, ибо оное явно доказывало, что дѣло мое начинало клеиться понемногу.

Я не преминулъ сообщить его и другу моему г. Полонскому, и сей обрадовался тому равномѣрно и почиталъ уже опредѣленіе меня къ мѣсту несомнѣннымъ. А что назначалось мнѣ не иное какое мѣсто, чего я опасался, какъ управительское въ Богородицкѣ, то догадывались и заключали мы потому, что перепадали намъ слухи, что и тамъ какимъ-то образомъ носилась уже молва, что мнѣ быть управителемъ.

И какъ, по всему тому ѣзда въ Москву сдѣлалась уже необходимостью, то г. Полонской и всѣ друзья мои, род-

ные и пріятели, желавшіе мнѣ благополучія, и протуривали меня туда неукоснительно. Но мнѣ какъ-то нехотѣлось слишкомъ поспѣшать сею ѣздою, дабы тѣмъ не подать вида, что я самъ на то навязываюсь; а почиталъ за лучшее подождать, не будетъ ли князь Гагаринъ самъ ко мнѣ писать и не пришлетъ ли ко мнѣ письма Нартова, съ нимъ отправленнаго, или, по крайней мѣрѣ, отправиться въ Москву, отпраздновать свой деревенской вешній годовой праздникъ.

Въ семъ расположеніи мыслей и началъ я спокойнымъ образомъ продолжать прежнія свои упражненія. Садъ и кабинетъ раздѣляли все мое время и я работалъ руками и духомъ. Къ тому присовокупилось еще и третье упражненіе, а именно собираніе натуралій или рѣдкостей натуры; ибо какъ г. Нартовъ просилъ меня, чтобъ переслать къ нему болѣе полезныхъ камней, то хотѣлось мнѣ самому поискать въ нашихъ мѣстахъ, какъ ихъ, такъ и другихъ рѣдкостей натуры, и тѣмъ услужить сему моему незнакомому пріятелю и благодѣтелю.

Счастіе и поблагопріятствовало мнѣ въ семъ случаѣ и болѣе, нежели я желать могъ. Люди мои не успѣли узнать о моемъ хотѣніи, какъ наперерывъ другъ предъ другомъ старались искать всего того, что было примѣчанія достойнымъ, и приносить ко мнѣ напоказъ, желая мнѣ доставить удовольствіе; и могу сказать, что я былъ ими въ семъ случаѣ очень доволенъ. Не успѣлъ я имъ сказать, что мнѣ всякіе хорошенькіе камушки надобны, какъ отовсюду они ко мнѣ и полетѣли, и приносили ихъ ко мнѣ не только большіе, но и самые малые ребятишки, и я не однажды имѣлъ насладчайшее и невинное удовольствіе, находя между ими вещицы, особливое примѣчаніе заслуживающія.

Но ни которой день не доставилъ мнѣ такого удовольствія, какъ 30-е апрѣля. Въ сей день нашелъ я то истинное сокровище, которое послѣ сдѣлалось толико славно и обратилось въ пользу безчисленному множеству людей всякаго рода. Но тогда не имѣлъ еще я о томъ ни малѣйшаго понятія и никакъ не могъ воображать себѣ, чтобъ вышла изъ того такая важная и надобная вещь.

Были то каменья или плоскія плитки особливаго сложенія и сросшіяся, равно какъ изъ бисера или множества мельчайшихъ кругленькихъ бѣленькихъ камушковъ съ дирочками посреди; почему и прозвалъ я ихъ тогда каменьями бисерными. Такихъ же камушковъ, какой послалъ я къ Нартову, не могъ я никакъ болѣе отыскать. Онъ былъ прямо удивительной: кругленькой, продолговатой и составленной равно какъ изъ сложенныхъ другъ съ другомъ наипорядочнѣйшимъ образомъ столбочкомъ колесецъ и притомъ такъ регулярно, что казалось, что штучка сія походила болѣе на выточенную руками человѣческими, нежели на произведенную натурою.

Всѣ старанія наши къ отысканію таковыхъ-же были тщетны, а сей нашли мнѣ въ минувшемъ году нечаянно въ вершинѣ сада моего ребятишки и, вѣдая мое любопытство, ко мнѣ принесли.

Итакъ, мнѣ очень было жаль, (что) не отыскивались множайшіе; но помянутые бисерные каменья поутѣшили меня въ томъ нѣсколько. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находилъ я точно такіе же кругленькіе колесцы и камушки, какъ былъ и тотъ, но вросшіе только внутрь оныхъ, либо прямо, либо вкось и такъ, что ихъ отъ плитокъ сихъ никакъ отдѣлить было не можно.

Сіе заставило меня заключать, что плиткамъ симъ, безъ всякаго сомнѣнія, надобно быть одинакого существа и происхожденія съ помянутыми трохитами. И къ сему заключенію еще болѣе побудило меня то, что я по прилежнѣйшемъ оныхъ разсматриваніи находилъ, что и всѣ помянутые бисерники были не иное что, какъ начатки таковыхъ же колесецъ, но только очень маленькіе и сросшіеся въ общее тѣло, плитку составляющее.

Сіе возбудило любопытство во мнѣ къ узнанію, нѣтъ-ли чего писаннаго въ минералогическихъ книгахъ и въ натураль-

номъ лексиконѣ и о сихъ, равно какъ и о трохитахъ; и какое же удовольствіе было мое, когда я въ натуральномъ лексиконѣ нашелъ особую статью о трохитахъ, въ которой упоминалось, что это окаменѣлость раковичныхъ морскихъ животныхъ, и что найдены они однажды въ Италіи и узнано, что они имѣютъ способность помогать отъ камня въ почкахъ. Обо всемъ томъ упомянуто было хотя вкратцѣ и немногими словами, но для меня было и сего уже довольно.

Я воскликнулъ тогда въ превеликомъ удовольствіи душевномъ: «Ба! ба! ба! за ними еще вотъ что есть, и они не только сложеніемъ своимъ удивительны, но еще и лекарственны отъ важной болѣзни».

А удовольствіе мое еще увеличилось, когда, читая минералогію, нашелъ и удостовѣрился въ томъ, что и найденныя мною плитки точно такого же существа, составляютъ такія-же окаменѣлости и извѣстны въ минералогіи подъ именемъ энкритовъ.

По узнаніи всего того, воскипѣло во мнѣ желаніе узнать изъ опытности, дѣйствительно-ли то правда, что объ нихъ вскользь упомянуто было въ натуральномъ лексиконѣ; но какъ къ тому потребенъ былъ человѣкъ, страдавшій каменною болѣзнію, надъ которымъ бы тотъ опытъ учинить было можно, то озабочивался я тѣмъ, гдѣ бы въ деревняхъ отыскать мнѣ такого больного.

Но не прямо-ли удивительное случилось тогда со мною произшествіе и не доказываетъ-ли оно, что если Промыслу Господню угодно когда открыть что-нибудь въ особливости полезное человѣческому роду, такъ оной покажетъ къ тому и путь и распорядитъ все къ тому потребное. Ибо, какъ-бы вы, любезный пріятель, думали? Не успѣлъ я помянутымъ образомъ сіи каменья найтить, узнать о ихъ натурѣ и врачебныхъ качествахъ и вожелать сыскать больного, надъ которымъ бы желаемой мною опытъ учинить было можно, какъ въ тотъ же самой день и отыскался таковой точно.

Пріѣзжаетъ къ намъ сосѣдка, жена умершаго недавно моего родственника. Я разсказываю ей между прочимъ о своей находкѣ, показываю ей каменья и изъявляю помянутое желаніе о найденіи больного, страждущаго каменною болѣзнію; а она не успѣла о семъ услышать, какъ воскликнула:

—«Ахъ, батюшка мой, да у меня въ дому лежитъ теперь малой молодой и при самой уже смерти и точно отъ сей болѣзни; давича уже исповѣдали его и причастили. Не попробовать-ли намъ надъ нимъ и не одолжите-ли вы меня кусочкомъ сего камушка?»

Обрадовался я, сіе услышавъ, и сказалъ ей: «Хорошо, матушка, о камушкѣ ни слова, но вотъ вопросъ: какимъ образомъ лечить намъ имъ вашего больного? Въ книгѣ той, гдѣ нашелъ я объ немъ упоминаніе, не сказано о томъ ни слова, и Богъ знаетъ, какъ намъ съ нимъ поступать?»

Сіе остановило на минуту и ее и меня; однако мы стали думать о томъ и совѣтовать, и я другого не находилъ, какъ испытать не растолчется-ли онъ въ иготѣ и не можно-ли составить изъ него порошокъ, удобной къ приниманію внутрь. Сіе мы въ тотъ-же часъ испытали. Тотчасъ отколотъ былъ кусокъ отъ плитки и положенъ въ иготь, и я удивился, увидѣвъ, что толокся онъ очень хорошо, и что въ короткое время можно было чрезъ толченіе, просѣваніе и треніе въ ступкѣ, превратить его въ мельчайшій порошокъ.

Но тутъ сдѣлался опять вопросъ, сколько-бы его и въ чемъ дать больному? Подумавши о семъ, положили мы дать ему размѣшанной въ водѣ и съ добрую чайную ложечку вверхъ, или съ драхму вѣсомъ. Итакъ, снабдивъ сосѣдку мою симъ порошкомъ, просилъ я увѣдомить меня о успѣхѣ нашего опыта. И какое-же удовольствіе имѣлъ я, когда въ послѣдующее утро прислала она ко мнѣ человѣка, просящаго съ восхищеніемъ, чтобъ далъ я еще того-же лекарства и сказывающаго, что порошокъ мой произвелъ дѣйствіе

чрезвычайное, что больному полегчѣло, что не успѣлъ онъ его принять, какъ чрезъ самое короткое время выгналъ онъ съ кровью два камушка, съ горошину величиною.

Радъ я невѣдомо какъ былъ сему случаю и благодарилъ судьбу, что она доставляетъ мнѣ во всякое время случай ко многимъ полезнымъ опытамъ.

Повтореніе употребленія сего лекарства такъ хорошо дѣйствовало, что больной получилъ совершенное облегченіе и на третій день въ состояніи былъ приттить ко мнѣ для изъявленія своей благодарности, что я избавилъ его отъ неминуемой почти смерти.

Вотъ первой случай, познакомившій меня съ чрезвычайною полезностію сего цѣлебнаго камня.

Теперь было-бы слишкомъ пространно, еслибъ хотѣть мнѣ разсказывать вамъ дальнѣйшую исторію о семъ камнѣ; о всѣхъ безчисленныхъ опытахъ, имъ въ разныя времена предпринимаемыхъ; о вожделѣннѣйшемъ успѣхѣ оныхъ; о удивительныхъ и совершенно нечаянныхъ открытій многихъ и другихъ цѣлебныхъ его способностей и силахъ, а коротко скажу, что многія, не сотни, а тысячи людей получили и получаютъ и понынѣ отъ него пользу и не отъ одной каменной болѣзни, но и отъ другихъ многихъ; ибо впослѣдствіи времени открылось, что онъ также великое облегченіе производитъ отъ грыжи, отъ животныхъ болей, отъ стѣсненія въ груди, при случаѣ поднимающейся діафрагмы, отъ чувствуемой боли въ окрестностяхъ сердца, отъ простого и кроваваго поноса, отъ колики, изгаги, разныхъ кровотеченій и проче; и что, наконецъ, оказалось, что онъ и къ заживленію свѣжихъ ранъ имѣетъ чрезвычайную способность.

Словомъ, изъ безчисленныхъ опытовъ сдѣлалось вамъ извѣстно, что полезность его такъ велика, что судя по оной можно почитать его наравнѣ съ золотомъ. Наконецъ, что доставилъ онъ въ жизнь мою мнѣ безчисленное множество минутъ пріятныхъ, и я имѣлъ поводъ къ особливому благодаренію Промысла Господня за то, что одарилъ онъ здѣшнюю мою усадьбу и прекрасную гору, на которой имѣю я жительство, великимъ и такимъ множествомъ сихъ цѣлебныхъ каменьевъ, что и понынѣ не имѣемъ мы въ нихъ недостатка, хотя ежегодно расходится его у насъ порошкомъ по нѣскольку фунтовъ, раздаваемаго больнымъ отъ разныхъ болѣзней, и что святой волѣ его угодно было употребить меня орудіемъ къ открытію сего полезнаго лекарства и преподать мнѣ послѣ случай спознакомить съ симъ камнемъ и полезностію его и все любезное мое отечество, и быть тому причиною, что многіе и другіе и въ разныхъ мѣстахъ государства нашли таковые же каменья и производятъ ими пользу.

Но я заговорился уже о побочностяхъ и теперь возвращусь къ прежнему моему предмету.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ препроводилъ я всѣ достальные дни мѣсяца апрѣля и успѣлъ разныхъ окаменѣлостей набрать столько, что я въ состояніи былъ отправить ихъ послѣ цѣлый коробокъ къ г. Партову.

Съ наступленіемъ мѣсяца мая началъ я уже пристальнѣе помышлять о московской поѣздкѣ, и хотя отъ князя Гагарина не было еще никакого слуха, но я почиталъ ѣзду свою тѣмъ необходимѣйшею, что въ Москвѣ побывать мнѣ и для другихъ нуждъ было надобно.

Итакъ, предполагая отправиться въ сей путь непосредственно послѣ нашего праздника, за нужное находилъ я побывать до того времени въ Серпуховѣ и повидаться еще разъ съ межевщикомъ, узнать объ обстоятельствахъ нашего дѣла и можно-ли мнѣ будетъ отлучиться въ Москву. Къ сему побуждало меня наиболѣе то, что по слухамъ, повѣренные и управители Нарышкинской волости пріѣзжали изъ Москвы и со многими помирились, а мнѣ не давано было о томъ ничего знать, что меня не только удивляло, но нѣсколько и тревожило. Обо всемъ томъ хотѣлось мнѣ распросить и распровѣдать. Братъ Гаврила Матвѣевичъ со-

гласился съѣздить со мною въ сей разъ вмѣстѣ. Итакъ, назначили мы къ тому мая 1-е число, и туда ѣздили.

Ѣзда наша имѣла успѣхъ вожделѣнной. Мы застали межевщика нашего г. Золотухина дома, съ нимъ видѣлись и обо всемъ переговорили. Удовольствіе наше было великое, когда услышалъ я, что дѣла наши находятся въ хорошемъ положеніи, и что мнѣ отъ волостныхъ нѣтъ никакой опасности.

Они открылись уже сами межевщику, что у нихъ писцовой дачи очень мало и въ писцовыхъ книгахъ есть ошибка, и потому не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобъ они не помирились. Впрочемъ межевщикъ давалъ мнѣ волю отлучиться куда хочу и просилъ сдѣлать его своимъ прикащикомъ, или поручить ему свое дѣло.

Пріятно было мнѣ его къ себѣ благопріятство и я желалъ, чтобъ было оно нелестное. Я открылъ ему причину, для которой хочу ѣхать въ Москву и онъ совѣтовалъ не упускать сего случая. Итакъ, въ полномъ удовольствіи разстались мы съ нимъ и поѣхали домой.

Но сей день назначенъ былъ къ доставленію мнѣ и другого еще удовольствія. Не успѣли мы выѣхать изъ Серпухова, какъ повстрѣчались съ волостнымъ ченцовскимъ повѣреннымъ; былъ онъ уже не прежній беззубой Лобановъ, а другой изъ волостныхъ подьячихъ, именемъ Иванъ Александровъ.

Я остановилъ его, чтобъ поговорить съ нимъ о нашемъ мирѣ, и какъ обрадовался увидѣвъ, что онъ къ миру былъ очень склоненъ и хотѣлъ помириться съ нами на прежнихъ границахъ, а просилъ только прудовой берегъ и столько на немъ мѣста, сколько надобно было для положенія на немъ рубежа, на что и намъ склониться очень было можно. Коротко, мы условились уже съ нимъ, чтобъ въ послѣдующій день прислать повѣренныхъ и подать мировую сказку, и поѣхали домой съ полнымъ удовольствіемъ, льстясь скорымъ уже и вожделѣннымъ окончаніемъ сего толь долговременнаго, скучнаго и хлопотливаго дѣла.

По пріѣздѣ своемъ, на другой день опечаленъ я былъ нѣсколько болѣзнію моего большого сына Степана, занемогшаго горячкою, и какъ думать надобно, отъ простуды.

Между тѣмъ продолжалъ я упражняться въ прежнихъ своихъ дѣлахъ, а особливо въ перепискѣ набѣло книги моей «О благополучіи» и спѣшилъ тѣмъ всячески, чтобъ успѣть переписать первую часть до отъѣзда моего въ Москву. Однако, не такъ сдѣлалось, какъ я думалъ. Промыслу Господню угодно было призвать меня въ столицу сію гораздо прежде, нежели я думалъ, а именно:

Еще въ самую ночь подъ 3-е число мая видѣлъ я нѣкакой странной, но такой сонъ, изъ котораго могъ заключить, что въ тотъ день едвали не получу я письма какого-нибудь важнаго.

Снамъ хотя я всего меньше склоненъ былъ вѣрить, но примѣчанія достойно, что уже нѣсколько разъ сряду, въ тотъ самый день, въ которой получать мнѣ изъ Экономическаго Общества какое письмо или книгу, видалъ я особливыя и странныя сновидѣнія, по которымъ равно какъ предугадывалъ, что въ тотъ день, или вскорѣ, я что-нибудь, а вѣрно, получу. Такимъ точно образомъ видѣлъ я и въ сію ночь, не помню, что-то особливое, и проснувшись тогда же подумалъ: не получу ли я то письмо отъ Нартова, которое вручилъ онъ князю Гагарину.

Совсѣмъ тѣмъ, день прошелъ, а присылки никакой не было, почему пересталъ я о томъ почти и думать, а передъ вечеромъ только пришло мнѣ опять все сіе на мысль, и произойди какое чудное и удивительное происшествіе!

Во мнѣ родилась вдругъ мысль о томъ чрезъ кого-бы можно было князю переслать ко мнѣ письмо свое и Нартова. Не знакомъ-ли развѣ ему, говорилъ я себѣ, по какому-нибудь случаю Хитровъ. Не увидитъ-ли его онъ и не отдастъ-ли ему письма? И что-жъ? Не успѣлъ я получить сію мысль, какъ въ самую ту ми-

путу сказываютъ мнѣ, что отъ Хитрова человѣкъ пріѣхалъ и привезъ ко мнѣ письмо, адресованное на мое имя.

Поразился я чрезвычайнымъ удивленіемъ таковою нечаянностію и не зналъ, отъ кого-бы сіе письмо было. Но какъ увеличилось удивленіе мое, когда увидѣлъ я, что было оно отъ самого князя Гагарина, съ приложеніемъ письма Нартова. Легко можно заключить, что оба письма читалъ я съ великимъ любопытствомъ.

Князь писалъ ко мнѣ въ короткихъ терминахъ, что посылаетъ ко мнѣ письмо Нартова, что имѣетъ нужду со мною видѣться и проситъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ Москву, прежде половины мѣсяца мая, или-бы въ исходѣ сего мѣсяца пріѣхалъ прямо въ Бобрики, гдѣ онъ со мною о чемъ надобно переговоритъ. Напротивъ того, г. Нартовъ объяснялся уже болѣе и писалъ ко мнѣ, что князь отзывался ему, что если я соглашусь быть управителемъ, то опредѣлено будетъ мнѣ по 600 рублей жалованья, да содержаніе все государево, а сверхъ того выпроситъ онъ мнѣ и чинъ.

Легко можно заключить, что все сіе въ состояніи было меня встревожить и побудить спѣшить московскою своею ѣздою. Натурально, восхотѣлось мнѣ видѣться съ нимъ охотнѣе въ Москвѣ, нежели въ Бобрикахъ, почему все сіе убѣждало меня оставлять и праздникъ непразднованной и все, а ѣхать въ Москву.

Другъ мой г. Полонской не успѣлъ услышать о семъ, какъ убѣждалъ меня, или лучше сказать, гналъ въ Москву, и всѣ знакомые предлагали мнѣ и домы свои и кареты для услугъ, а были и такіе, которые и подольщались ко мнѣ и просили о неоставленіи ихъ, если я получу управительское мѣсто въ Бобрикахъ.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ согласиться оставить всѣ свои дѣла и упражненія и ѣхать въ Москву. Братъ Гаврила Матвѣевичъ, имѣя также нужду быть въ оной, согласился ѣхать вмѣстѣ со мною и быть моимъ товарищемъ, что для меня было и пріятно.

Мы выѣхали съ нимъ изъ дома 5-го числа послѣ обѣда и спѣшили, чтобъ намъ ночевать за Серпуховымъ.

Въ семъ городѣ зашелъ я къ купцу и новому знакомому своему Плотникову, чтобъ промѣнять мѣдныя деньги на ассигнаціи.

Избавившись отъ сего груза и выкормивъ лошадей, поѣхали мы предъ вечеромъ изъ города и успѣли пріѣхать ночевать въ Московку, гдѣ противъ всякаго чаянія встрѣтился я съ г-жею Щербининою, ѣдущею изъ Москвы въ деревню. Сія встрѣча принудила меня одѣваться, къ ней иттить и съ нею видѣться. Разспросивъ о московскихъ обстоятельствахъ и переночевавъ тутъ, пустились мы далѣе, и продолжая путь во весь послѣдующій день, пріѣхали въ Москву 7-го числа, около обѣда.

Какъ съ самаго несчастнаго времени не бывалъ я еще въ семъ столичномъ городѣ, претерпѣвшемъ толь много зла, то въѣзжая въ оной не могъ я, чтобъ не чувствовать нѣкотораго еще страха и опасенія. Многіе дома стояли еще пустыми съ разломанными между окон простѣнками, и зрѣлище сіе приводило еще всю душу мою въ содраганіе, несмотря, хотя уже не было никакой опасности отъ язвы.

Для стоянія предлагаемы мнѣ были многіе домы, но я рѣшился наконецъ для лучшей свободности стать на дворѣ брата Михайла Матвѣевича, доставшемся ему послѣ тестя, и послѣ былъ тѣмъ очень доволенъ, узнавъ, что сіе мѣсто было всѣхъ прочихъ ближе ко двору князя Гагарина.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ снабдить себя новымъ платьемъ, дабы недурно было показаться къ князю. Сосѣдъ и другъ мой г. Рудневъ, случившійся тогда въ Москвѣ, прибѣжалъ того момента къ намъ и сотовариществовалъ намъ, какъ мы собрались иттить въ ряды.

Мы искупили въ сей день все нужнѣйшее къ мундиру и экипажу и проѣхали

оттуда въ каретной рядъ и купили двѣ кареты: одну я для себя, четвероместную, какая для насъ въ деревнѣ была надобна, а другую купилъ братъ Гаврила Матвѣевичъ для себя, двумѣстную. Портной тотчасъ былъ сысканъ и велѣно было, чтобъ все поспѣло къ четвергу.

На утріе, т. е. 8-го числа, что было ввечеру и въ самой день отданія пасхи, убравшись, поѣхали мы съ братомъ къ г. Хитрову. Съ симъ сосѣдомъ и любящимъ меня пріятелемъ хотѣлось мнѣ прежде всего видѣться и распросить, какимъ образомъ дошло ко мнѣ чрезъ него письмо княжое и не знаетъ-ли онъ чего о моемъ дѣлѣ?

Онъ радъ былъ моему пріѣзду и пенялъ для чего я не у него присталъ; о письмѣ же первое его было слово. Онъ спрашивалъ, получилъ-ли я его, а я спрашивалъ, какимъ образомъ оно къ нему попало въ руки?

Тогда разсказалъ онъ мнѣ все произшествіе и я, услышавъ, дивился вновь дѣйствію Промысла Господня и напомнилъ справедливость пословицы, что когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ.

Князю Гагарину, не знаю почему, знакомъ былъ бригадиръ Николай Григорьевичъ Наумовъ, пріятель и родственникъ г. Хитрова, и какимъ-то образомъ дошелъ у нихъ разговоръ обо мнѣ. Г. Наумовъ меня однажды только видѣлъ, но зналъ довольно по Хитровѣ и по моимъ сочиненіямъ. Онъ не преминулъ сказать князю обо мнѣ хорошее словцо и князь возложилъ на него комисію, чтобъ онъ доставилъ къ нему меня и вручилъ ему ко мнѣ письмо, а Наумовъ передалъ его Хитрову и просилъ о доставленіи его ко мнѣ, колико можно скорѣе; а у Хитрова, равно какъ нарочно, случилась въ деревню его посылка, и онъ тотчасъ съ сими ѣздоками и послалъ его ко мнѣ.

— Такимъ образомъ говорилъ г. Хитровъ — надобно г. Наумову представить меня къ князю, а самъ онъ хотѣлъ меня отвезть къ Наумову.

Радъ я былъ сему случаю и благодарилъ пріятеля моего за его ко мнѣ дружбу, а Бога за снисканіе мнѣ и случая къ появленію къ столь знатному человѣку.

Хитровъ не отпустилъ меня въ тотъ день безъ того, чтобъ я у него не отобѣдалъ и брался на утріе ѣхать со мною къ г. Наумову.

Итакъ, въ послѣдующій за симъ день, что случилось на самой нашъ деревенской праздникъ, Николинъ день, ѣздилъ я и къ Наумову и къ князю, и видѣлся впервые съ симъ нашимъ вельможею. Произшествіе сего достопамятнаго дня было слѣдующее.

По утру, собравшись, поѣхалъ я прежде всего къ Хитрову. Онъ только-что всталъ какъ я пріѣхалъ; однако, тотчасъ одѣвшись, поѣхалъ со мною къ г. Наумову. Сей принялъ меня очень ласково и того момента одѣвшись, повезъ меня къ князю.

На дорогѣ сказывалъ онъ мнѣ, что князь хочетъ просить меня съѣздить съ нимъ въ Бобрики. Онъ выхваливалъ, невѣдомо какъ, предлагаемое мнѣ мѣсто и совѣтовалъ отнюдь не отбиваться, если станутъ опредѣлять меня туда въ управители. Я слушалъ его со вниманіемъ и досадовалъ крайне, что стукъ отъ кареты, ѣдущей по мостовой, мѣшалъ мнѣ разслушивать всѣ слова г. Наумова, разговаривающаго со мною очень тихо.

Пріѣхавъ въ домъ князя, нашли мы его въ саду, въ пышной и огромной галлереѣ, занимающагося отправленіемъ въ Бобрики архитектора.

Князь принялъ меня довольно пріятно и, посадивъ, спрашивалъ, получилъ-ли я письмо отъ него и отъ Нартова? Потомъ сдѣлалъ мнѣ такое предложеніе, какого я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно: не соглашусь-ли я съѣздить съ нимъ въ Бобрики и не возьму-ли на себя трудъ сочинить всей тамошней волости камеральное описаніе?

Симъ неожидаемымъ запросомъ онъ такъ меня смутилъ, что я не зналъ, что ему на оной отвѣтствовать; но скоро одумавшись и собравшись съ мыслями,

сказалъ, что для меня трудъ сей невеликъ и я готовъ услужить тѣмъ его сіятельству: хотя въ самомъ дѣлѣ у меня и такъ и сякъ на умѣ становиться стало.

Г. Наумовъ, посидѣвъ немного, поѣхалъ и оставилъ меня съ княземъ; а вскорѣ за симъ отправилъ князь и архитектора, сказывая ему, чтобъ онъ ѣхалъ и дожидался насъ тамъ, вскорѣ за нимъ вслѣдъ туда быть имѣющихъ. Послѣ того повелъ меня онъ въ свой прекрасной и по правиламъ Ленотра расположенной регулярной садъ, и тутъ-то начались у насъ съ нимъ разговоры.

Онъ испытывая разспрашивалъ меня о разныхъ экономическихъ матеріяхъ и, наконецъ, изъяснялся, что хочетъ онъ опредѣлить меня въ управители въ Богородицкую волость, если мнѣ тамошнее мѣсто полюбится и онъ узнаетъ меня короче. Сказывалъ притомъ, что тамошній управитель г. Опухтинъ просился въ отставку, и что у него человѣкъ со сто просится на его мѣсто; но ему хочется опредѣлить надежнаго и такого человѣка, которой бы ко всѣмъ экономическимъ упражненіямъ былъ охотникъ и что онъ не нашелъ уже иного средства имъ отказывать, какъ объявленіемъ, что Опухтинъ въ отставку иттить отдумалъ. А теперь подлинно и самъ онъ объ немъ въ точности не знаетъ.

Симъ хотя и успокоилъ онъ мои мысли, однако послѣднія слова оставили меня въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Симъ образомъ проходили и проговорили мы съ нимъ тутъ цѣлое утро, и по счастію никто намъ не помѣшалъ и, сколько можно было примѣтить и по его обращенію со мною заключать, былъ онъ мною доволенъ, ибо обходился со мною очень фамильярно и совсѣмъ не гордо, а просто.

Наконецъ, примѣтивъ, что ему надобно было ѣхать со двора, сталъ я откланиваться. Тогда спросилъ онъ меня: долго-ли я въ Москвѣ пробуду? и услышавъ, что не долѣе какъ до воскресенья, просилъ онъ меня, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ субботу послѣ обѣда, въ которое время онъ будетъ дома.

Симъ кончилось наше первое свиданіе съ княземъ, и я хотя узналъ, что назначаюсь я не въ другое какое мѣсто, а въ Богородицкъ, однако остался все въ несовершенной еще достовѣрности, или лучше сказать, въ неизвѣстности самой. Требовалось только, чтобъ я ѣхалъ туда и сдѣлалъ описаніе, а впрочемъ зависѣть будетъ все оттого, пойдетъ ли или не пойдетъ тамошній управитель въ отставку, что все можно было толковать двоякимъ образомъ и почесть придворною политикою.

Какъ тогда былъ уже часъ двѣнадцатой, то вздумалось мнѣ заѣхать къ старику г. Офросимову и поздравить его съ полученіемъ генеральскаго чина и повидаться съ сими любезными и намъ очень дружественными стариками. Я засталъ ихъ съѣзжающихъ почти со двора. Они, не зная о моемъ пріѣздѣ въ Москву, удивились меня увидѣвъ, были мнѣ очень ради, а услышавъ, что предлагается мнѣ богородицкое управительство, сдѣлались еще того пріятнѣе и ласковѣе. Они просили и молили Бога, чтобъ сіе совершилось и желали мнѣ тысячу благополучій.

Причиною тому было, что нѣкоторыя деревни ихъ лежали въ самомъ сосѣдствѣ съ Бобриковскою волостью, и что я могу быть имъ полезенъ по деревнямъ онымъ. Впрочемъ сожалѣли они, что необходимость заставляла ихъ ѣхать со двора и что они не могутъ угостить меня обѣдомъ. Такимъ образомъ, проводивъ ихъ со двора, поѣхалъ я домой обѣдать, и какъ послѣ обѣда нечего было дѣлать, то согласились мы съ братомъ ѣхать гулять въ Головинской дворцовой садъ, въ которомъ въ тотъ день было публичное гулянье. Въ семъ садѣ давно уже мнѣ хотѣлось быть, а сверхъ того не бывалъ я никогда на гуляньѣ московскомъ и мнѣ хотѣлось и оное видѣть.

Мы отправились туда и не зная времени, въ которое съѣзжаются, пріѣхали еще очень рано и такъ, что карета наша

была еще первая. Итакъ, имѣли мы довольно свободнаго времени выходить весь садъ и осмотрѣть всѣ мѣста въ ономъ находящіяся. Мы исходили его вдоль и поперегъ и не оставили, такъ сказать, ни одного закоулочка. Многія вещи въ немъ мнѣ весьма полюбились, а особливо еловыя высокія шпалеры и стриженныя большія и малыя пирамидки.

Наилучшимъ изъ всѣхъ мѣстъ была средняя дорога въ саду, а не менѣе прельщали меня и стриженныя липы, пруды и сажелки, которыхъ находилось въ немъ множество.

Я не могъ всѣми сими новыми для меня предметами довольно налюбоваться и, по охотѣ своей къ садамъ, не скучалъ и два и три раза побывать въ одномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ настало время съѣзда, и тогда въ одинъ почти мигъ наполнился онъ множествомъ народа. И какое видимо было тутъ великолѣпіе, какое убранство, какое щегольство и какое множество дамъ и госпожъ благородныхъ! Всѣ аллеи сдѣлались ими наполнены и можно было тутъ всю Москву разомъ видѣть. Я любовался, дивился и смѣялся нашимъ обыкновеніямъ, и все сіе было для меня новымъ и утѣшнымъ зрѣлищемъ.

Наконецъ сталъ приближаться вечеръ и я принужденъ былъ спѣшить возвращеніемъ на квартиру, которая отъ сего мѣста удалена была верстъ на семь, ибо домъ братнинъ былъ на Козьемъ-болотѣ.

Мы поѣхали; но сколько я дивился всему въ саду, но выѣхавъ, долженъ былъ удивляться еще больше; ибо хотя и безъ того было уже въ саду превеликое множество народа, но во всю дорогу встрѣчалось еще съ нами безчисленное множество каретъ, туда ѣдущихъ. Казалось, что вся Москва поднялась тогда въ Головинской садъ и я всего меньше надѣялся найтить тутъ такое великое множество благородныхъ, какое я въ сей день въ семъ столичномъ городѣ видѣлъ и какого я до того никогда не имѣлъ еще случая въ одномъ мѣстѣ видѣть.

Послѣдующій за симъ день опредѣлили мы весь препроводить въ рядахъ и искупать себѣ что было надобно, или лучше сказать платить Москвѣ пошлину. Мы поѣхали съ самаго утра въ оные и занялись покупками, такъ что и обѣдали въ трактирѣ.

Между тѣмъ искали уже меня отъ г. Офросимова звать къ нему обѣдать; но мы тогда уже отобѣдали какъ насъ нашли. Совсѣмъ тѣмъ за долгъ я себѣ почелъ у него побывать и потому, возвратившись ранѣе, нежели думалъ, на квартиру, поѣхалъ я къ нимъ и нашелъ старика въ саду въ бесѣдкѣ.

Въ сіе вешнее и наилучшее въ году время у всѣхъ московскихъ жителей наилучшее было пребываніе въ садахъ. Итакъ, все оставшее время проводилъ я у сего любезнаго и почтеннаго старика въ безпрерывныхъ разныхъ и важныхъ съ нимъ разговорахъ и спознакомился тогда съ большимъ его сыномъ, Михайломъ Аѳанасьевичемъ.

Въ семъ домѣ видѣлъ я три новыя и до того мною невиданныя вещи, а именно: новомодную карету съ круглыми стеклами, американской хлѣбъ, подобной ячменю и горизонтальные часы новаго изобрѣтенія, стоющіе 270 рублей.

Въ субботу, т.-е. 11-го числа былъ тотъ день, которой назначенъ мнѣ отъ князя быть у него послѣ обѣда; почему, съѣздивъ поутру въ ряды и купивъ еще что было надобно и между прочимъ еще себѣ маленькую карету для легкой ѣзды, поѣхалъ я послѣ обѣда къ сему знатному вельможѣ. Но мнѣ сказали, что онъ не возвратился еще изъ своей подмосковной, а будетъ развѣ къ вечеру.

Тогда не зналъ я куда мнѣ ѣхать и, подумавъ, расположился побывать у стараго моего знакомца и кёнигсбергскаго товарища Якова Демидовича Дьяконова, о которомъ зналъ я, что онъ находился тогда въ Москвѣ.

Сей человѣкъ, коего дворъ насилу я могъ отыскать, былъ мнѣ чрезвычайно радъ. Я увидѣлся съ нимъ, какъ съ роднымъ и узналъ отъ него о судьбѣ всѣхъ

прочихъ моихъ кёнигсбергскихъ знакомцовъ; друзьяхъ и товарищахъ, и порадовался услышавъ, что всѣ, находящіеся изъ нихъ въ Москвѣ, меня еще не позабыли и заочно все еще любили.

Онъ сказалъ мнѣ, гдѣ ихъ можно было и найтить, и я, просидѣвъ у него цѣлой день и переговоривъ обо всемъ, распрощался и поѣхалъ опять къ князю; но какъ и тогда еще его не было дома, то рѣшился я ѣхать искать доктора Вельяминова, одного изъ помянутыхъ знакомцовъ; но по несчастію и того не засталъ дома. Итакъ, проѣздилъ я весь день по пустому.

На утріе, т.-е. 12-го мая положилъ я ѣхать къ князю Гагарину уже поутру, не сомнѣваясь; что найду его непремѣнно дома. Онъ и подлинно былъ, но въ то время еще спалъ, какъ я пріѣхалъ. Почему рѣшился я тѣми праздными минутами покуда онъ встанетъ, воспользоваться и заѣхать къ помянутому доктору, недалеко отъ него жившему.

Петръ Дмитріевичъ, такъ назывался сей мой старинной знакомецъ, былъ мнѣ очень радъ. Я оставилъ его въ Кёнигсбергѣ еще студентомъ, учившимся въ тамошнемъ университетѣ медицинѣ, и дивился, какъ много онъ съ того времени раздородничалъ и какъ разбогатѣлъ. Онъ имѣлъ уже порядочной домъ, жилъ какъ надобно и сдѣлался уже ученымъ человѣкомъ.

Я нашелъ у него то, чего никакъ не ожидалъ, а именно: драгоцѣнное собраніе раковинъ или кокилій. Зрѣлище сіе было для меня новое и наиприятнѣйшее въ свѣтѣ. Я, взирая на толь великую многоразличность и чудное устроеніе оныхъ, не могъ утерпѣть, чтобъ не воскликнуть: «Великій Боже! коль чудны дѣла твои и коль премудро твореніе рукъ твоихъ!»

Также видѣлъ я тутъ окамѣнелой грибъ, представляющій настоящую большую сыроѣжку. Но досадно было мнѣ, что минуты были коротки и я не могъ долго любоваться симъ плѣняющимъ зрѣлищемъ, также взглянуть на его большой гербаріумъ или травникъ, которой мнѣ показать онъ собирался.

Человѣкъ, посланной къ князю, уже возвратился съ извѣстіемъ, что онъ всталъ. Почему надлежало мнѣ къ нему поспѣшать, дабы кто-нибудь не помѣшалъ намъ съ нимъ говорить о нашемъ дѣлѣ.

Итакъ, я, распрощавшись съ моимъ знакомцомъ и поѣхалъ, не воображая себѣ нимало, что я тогда разставался съ нимъ на вѣки; ибо вскорѣ послѣ того узналъ я, что онъ кончилъ жизнь свою,

Князь принялъ меня какъ уже знакомаго человѣка и довольно ласково. Я нашелъ его въ саду, гдѣ, несмотря на всю случившуюся тогда стужу, онъ гулялъ. Онъ повелъ меня опять по саду, показывалъ все, что ни имѣлъ въ ономъ такъ, какъ знающему во всемъ силу эконому. Но стужа насъ скоро прогнала въ палаты. . . . .

Тогда впервые еще я былъ у него въ оныхъ. Онѣ были княжескіе и непостыдные и все соотвѣтствовало въ нихъ знатному его достоинству и богатству. Мы продолжали тутъ прежніе свои разговоры и по счастію находились опять двое и никто намъ не мѣшалъ.

Онъ показывалъ иностранныя сѣмена травъ и дарилъ меня нѣсколькими изъ оныхъ. А мнѣ удалось прельстить его разсказываніемъ о новой моей экономіи съ хмѣлемъ и довесть до того, что онъ просилъ меня сильно о запискѣ и рисункѣ, какъ дѣлать изъ него бесѣдки. Однимъ словомъ, мы ознакомились съ нимъ уже гораздо и обходились просто, такъ что я имъ былъ очень доволенъ.

Въ разсужденіе моего опредѣленія говорено было мало, а только твержено, чтобъ мнѣ туда ѣхать и поспѣть къ 20-му числу тогдашняго-жъ мѣсяца. Наконецъ хотѣлось мнѣ еще сколько-нибудь вывѣдать и для того вздумалъ я, прощаясь съ нимъ, спросить его, долго-ли онъ меня тамъ продержитъ?

Тогда видно было, что онъ сего вопроса не ожидалъ и потому смутясь отвѣтствовалъ мнѣ, что это состоять будетъ въ моей волѣ: дней пять или шесть, гово-

рилъ онъ; но тотчасъ запнувшись повторилъ: «Да что о томъ говорить!—то-то тамъ узнаемъ пойдетъ ли Опухтинъ въ отставку, и тогда я вамъ уже и скажу».

Съ симъ разстался я тогда съ князямъ, оставшись опять въ неизвѣстности; но правду сказать, дальнѣйшаго изъясненія и требовать отъ него было не можно. Я доволенъ былъ и тѣмъ и положилъ къ 20-му числу поспѣшить въ Бобрики.

Возвратясь на квартиру и пообѣдавъ, принялся я за письмо. Не было еще отъ меня отвѣтствовано г. Нартову на оба его послѣднія письма. Я медлилъ для того, чтобъ увѣдомить его вкупѣ и о послѣдствіяхъ и успѣхѣ его рекомендаціи, почему привезъ съ собою и всѣ окаменѣлости, чтобъ отправить къ нему изъ Москвы по почтѣ.

Я написалъ къ нему длинное письмо, благодарилъ его за письмы и книжку, увѣдомлялъ о посланныхъ каменьяхъ, описывалъ цѣлебную силу бисернаго камня, котораго нѣсколько штукъ также къ нему послалъ и наконецъ увѣдомлялъ о происшествіяхъ, бывшихъ у меня съ княземъ и кончилъ препорученіемъ себя въ дальнѣйшее его благопріятство.

Что-жъ касается до каменьевъ, то послалъ я къ нему всѣ лучшенькіе, какіе у меня были, какъ кремневые проросли, такъ и прочіе, и наклалъ ими ящикъ въ цѣлой пудъ вѣсомъ.

Какъ время мнѣ еще осталось, то вздумалъ я и другое дѣло сдѣлать, а именно, написать краткую записку о хмѣлеводствѣ, желаемую княземъ и доказать ему тѣмъ мое усердіе и готовность къ услугамъ, и успѣлъ начеркать вчернѣ въ тотъ-же еще вечеръ.

По утру на другой день прежде всего принялся я за переписку набѣло моей записки; я присовокупилъ къ ней на особомъ листѣ рисунки столь хорошіе, сколько могъ безъ циркуля и линейки, а однимъ перомъ начертить ихъ вскорости.

Сію записку разсудилъ я послать съ человѣкомъ, а самъ пошелъ въ ряды искупать послѣднія покупки, потомъ отослалъ письмо на почту, а послѣ обѣда ѣздилъ къ Хитрову благодарить, но не засталъ дома.

Между тѣмъ дожидались мы изъ деревни лошадей для своей кареты, но какъ ихъ еще не было, а намъ надлежало поспѣшать, то въ прибавокъ къ своимъ наняли мы еще пару лошадей и успѣли еще въ тотъ же день изъ Москвы передъ вечеромъ выѣхать.

Симъ окончу я мое письмо, превзошедшее уже свои предѣлы и пожелавъ вамъ всего добраго, скажу, что я есмь и прочая.

(Декабря 9 дня 1808 года).

Письмо 159-е.

Любезный пріятель. Такимъ образомъ, кончивъ свои дѣла, отправились мы изъ Москвы и поѣхали опять въ свое жилище съ превеликимъ обозомъ; ибо вмѣсто прежнихъ трехъ повозокъ было съ нами три кареты, коляска и двѣ кибитки, такъ что весь нашъ кортежъ походилъ съ наружнаго вида на княжеской, а въ самомъ дѣлѣ былъ очень смѣшной. Всѣ наши кареты и коляски запряжены были попарно и на всѣхъ ихъ сидѣли только кучера, а лакеевъ позади ихъ былъ только одинъ однёхонекъ. По счастію стояла тогда сухая погода и ѣхать было намъ хорошо.

Подробнымъ описаніемъ сего нашего кратковременнаго путешествія не хочу васъ никакъ обременять, а скажу только, что никогда въ дорогѣ не чувствовалъ я столько удовольствія, какъ въ сей разъ; однако не думайте, чтобъ производило оное свиданіе и переговоры съ княземъ и лестныя какія-либо надежды. О, нѣтъ! Радоваться слишкомъ мнѣ не было еще причины, а удовольствіе доставляла мнѣ купленная мною въ сей разъ въ Москвѣ новая книга, славная поэма господина Битобе «Іосифъ».

Сію-то книгу читалъ я лежучи спокойно на перинахъ въ большой новокупленной своей каретѣ; и какъ вся она наполнена трогательными сценами, то по чувствительности своей не могъ я читать ее не

утирая множество разъ текущихъ изъ глазъ моихъ слезъ, душевнымъ удовольствіемъ производимыхъ.

Мы провели въ семъ пути не болѣе полутора сутокъ и пріѣхали 15-го числа мая около полденъ благополучно въ свое любезное Дворяниново. Тутъ, какъ легко можно заключить, всѣ домашнія мои ожидали меня съ великимъ нетерпѣніемъ и встрѣчая насъ, думали услышать отъ насъ цѣлыя горы вѣстей радостныхъ. Но узнавъ все, принуждены были и онѣ также умѣрить свои лестныя надежды и вооружиться терпѣніемъ, въ ожиданіи чтó произойдетъ отъ моей дальнѣйшей ѣзды въ Бобрики.

Я засталъ у себя дѣтей не очень здоровыхъ. Сынъ мой Степанъ, котораго я оставилъ больнымъ въ горячкѣ, выздоровѣлъ; напротивъ того дочь лежала въ сильной сыпи, а маленькой сынъ мой Павелъ былъ при смерти почти боленъ жестокимъ кашлемъ. Самый племянникъ мой былъ также нездоровъ и лежалъ сыпью боленъ.

Но меня все сіе не весьма перетревожило. Предавъ однажды всю жизнь свою и всѣ обстоятельства до ней относящіяся въ полную волю, покровительство и распоряженіе моему Богу, могъ я очень способно сохранить душевное спокойствіе, въ надеждѣ и упованіи на его покровительство и въ удостовѣреніи, что онъ ничему безъ святыхъ своихъ причинъ произойтить не попуститъ.

Поелику мнѣ, въ разсужденіи приближающагося уже срока, назначеннаго къ пріѣзду въ Бобрики, никакъ не можно было пробыть долго дома, ибо оставалось всего только пять дней; то, судя, что доведется мнѣ пробыть въ домѣ не болѣе дней двухъ или трехъ, спѣшилъ я дѣлать въ домѣ всѣ нужныя и распоряженія и приказанія на случай моей вторичной отлучки отъ дома, и думалъ воспользоваться къ тому тѣми остающимися немногими днями; но не то вышло, что я думалъ, а мнѣ предназначено было сдѣлать еще одно дѣло, отъ котораго могли проистечь небезважныя слѣдствія.

Еще въ самой тотъ же день присланъ былъ человѣкъ отъ г-жи Щербининой съ просьбою, чтобъ пріѣхать намъ къ ней на утріе обѣдать, и мнѣ какъ ни было недосужно, но не можно было ей въ томъ никакъ отказать. Итакъ, ѣздили мы къ ней и употребили цѣлой день на ѣзду сію и нашли у ней опять немалое собраніе.

У г-жи Щербининой былъ тогда зять ея, г. Наумовъ, съ дочерью и братомъ, и еще нѣкто молодой человѣкъ Коробьинъ. Былъ также тутъ и сынъ ея, Андрей Евдокимовичъ, бывшій мнѣ отчасти знакомымъ. А изъ госпожъ была наша родственница, г-жа Арцыбышева изъ Лушковъ и г-жа Ладыженская.

Съ помянутыми мужчинами скоро у насъ рѣчь зашла о наукахъ. Всѣ они случились быть люди ученые или полуученые, или такіе, которые въ состояніи были говорить о наукахъ. Они окружили меня и невѣдомо какъ любопытствовали узнать обо всемъ мои мнѣнія.

Всѣ они заражены были волтеризмомъ и Вольфіанскою философіею, которой пагубныя слѣдствія видѣлъ я паки въ примѣрѣ сына г-жи Щербининой, впадшаго въ глубочайшую ипохондрію, и произошло сіе по милости французскихъ учителей и воспитателей.

Сей достойной молодой человѣкъ былъ мнѣ крайне жалокъ. Я сожалѣлъ объ немъ какъ объ родномъ братѣ и увидѣвъ причину его несчастія, вздумалъ испытать, не могу ли я вывесть его изъ прежнихъ мыслей.

По случаю упомянулъ я о новой Крузіанской философіи и приписывалъ ей похвалы, какой она была достойна. Они всѣ и не слыхивали объ ней и были чрезвычайно любопытны узнать оную. Г. Коробьинъ только презиралъ ее, будучи слишкомъ прилѣпленъ къ волтеріанизму. Напротивъ того, г. Наумовъ былъ снисходительнѣе и всѣхъ лучше.

Мы много и долго съ ними говорили; наконецъ, несмотря на все, удалось мнѣ г. Щербинина такъ заохотить, что при отъѣздѣ просилъ онъ меня неотступно

прислать къ нему философію сію на посмотрѣніе.

Не менѣе удалось мнѣ прельстить и зятя г-жи Щербининой выдумкою своею о раздѣленіи земли на семь полей. Сей принудилъ меня обѣщать прислать къ нему экономическія книги, въ которыхъ сочиненіе мое о томъ было напечатано. Итакъ, разстались мы, сдѣлавшись довольно знакомыми.

По утру на другой день почелъ я за долгъ сдержать свое обѣщаніе и послать къ г. Щербинину на показъ весь философическій курсъ г. Крузія.

Но тѣмъ однимъ я не удовольствовался; но какъ примѣтилъ въ немъ великое желаніе узнать, какимъ образомъ можно намъ преодолѣвать свои страсти, что было лучшайшимъ пунктомъ новой философіи, и что самое убѣдило его просить меня о присылкѣ философіи, то пришло мнѣ въ голову, что философія поможетъ ему мало по причинѣ, что была слишкомъ высока и тонка и ему, не учась оной и не разумѣя въ тонкость нѣмецкаго ученаго языка, понять ее никакъ будетъ не можно; то вздумалъ я, ровно какъ чѣмъ побужденъ будучи, послать къ нему вновь сочиненную мною книгу «О благополучіи человѣческомъ», сколько ее тогда было переписано.

Зналъ я, что она тѣмъ господамъ, а можетъ быть и ему не покажется по причинѣ противныхъ ихъ системѣ мыслей, однако отважился сіе сдѣлать въ надеждѣ, что можетъ быть Всевышній тронетъ сердце сего погибающаго человѣка и книга моя приведетъ его на лучшія мысли.

Правда, я могъ опасаться, чтобъ не подняли они меня и философію мою на смѣхъ; однако разсуждая, что воля Бога моего и ему угодное дѣло важнѣе ихъ насмѣшекъ, не раздумалъ сего сдѣлать. Зятя-же г-жи Щербининой удовольствовалъ я также посланіемъ экономической своей книги. И желаніе ихъ получить сіи книги было такъ велико, что въ то время какъ я писалъ уже къ Щербинину письмо, явился отъ нихъ человѣкъ съ просьбою о выполненіи моего обѣщанія.

Не успѣлъ я помянутымъ образомъ книги мои отправить въ Якшино и, побѣжавши въ садъ, посѣять сѣмена, полученныя отъ князя, какъ пріѣхалъ къ намъ родной дядя жены моей, г. Каверинъ, случившійся тогда быть въ своей здѣшней деревнѣ.

Пріѣздъ его произвелъ мнѣ новое помѣшательство въ дѣлахъ и распоряженіяхъ домашнихъ; однако я ему былъ радъ и угостивъ его обѣдомъ, водилъ его по садамъ своимъ и по всей усадьбѣ, и утѣшилъ всѣми новыми своими выдумками, а особливо хмѣлевыми затѣями и игрушками, которыми былъ онъ чрезвычайно доволенъ и расхвалилъ оныя впрахъ. Камушекъ мой и открывшіяся отъ него другія полезности также его прельстилъ и побудилъ выпросить себѣ значокъ онаго для пріисканія ему подобныхъ.

Онъ пробылъ у насъ весь почти сей день, а какъ на утріе надлежало уже мнѣ отправляться въ свой путь, то я и сего дня почти вовсе не видалъ.

Итакъ, 18-е число мая былъ тотъ день, въ которой отправился я изъ дома своего въ Бобриковскую волость узнавать, такъ сказать, свою судьбину, или искать счастія.

Какъ въ самой тотъ же день надлежало домашнимъ моимъ ѣхать въ Калединку, то согласился я имъ сотовариществовать и заѣхать къ теткѣ.

Мы пріѣхали къ ней къ обѣду, а послѣ онаго я хотя и хотѣлъ продолжать свой путь, но меня уговорили остаться у нихъ ночевать.

Но на другой день поутру, отслушавши завтреню и распрощавшись со всѣми родными своими, желавшими мнѣ всякаго блага, отправился я въ путь.

На дорогѣ повстрѣчался я съ сестрою теткиною, г-жею Крюковою, а потомъ съ пріятелемъ моимъ, г. Товаровымъ. Они, узнавъ обовсемъ, благословляли путешествіе мое и желали мнѣ возможнѣйшаго успѣха.

Выѣхалъ я изъ Калединки такъ рано, что успѣлъ еще пріѣхать кормить лоша-

дей въ Тулу, а ночевать въ село Куракино. Въ Тулѣ случилось мнѣ въ сей разъ видѣть мѣщанское гульбище и довольно изрядное, ибо какъ былъ тогда самой Троицынъ день, то превеликое множество людей обоего пола въ лучшихъ нарядахъ собралось на берегъ обширнаго пруда въ Чулковой слободѣ и разгуливали въ рощицѣ. Тамъ поставлено было множество палатокъ и мнѣ сказывали, что гульбище бываетъ въ сей день весьма многонародное; только я не могъ безъ досады смотрѣть на вымазанныя уже слишкомъ много и размалеванныя румянами лица и испакощенныя тѣмъ изрядныя рожицы.

Переночевавъ въ селѣ Куракинѣ и вставъ до свѣта, пріѣхали мы въ послѣдующій день кормить лошадей въ большое и регулярно построенное село Каменку, принадлежащее уже къ Бобриковской волости. Не могу изобразить, съ какимъ чувствіемъ въѣзжалъ я въ предѣлы сей волости. Неизвѣстность, буду-ли я или не буду въ сихъ славныхъ волостяхъ управителемъ и увеличу-ли въ нихъ свое благополучіе или потеряю то, которымъ до того наслаждался, было причиною тому. Однако я предавалъ все на власть моего Творца и Бога, пекущагося обо мнѣ во всѣ дни живота моего и надѣялся несомнѣнно, что онъ меня не оставитъ и сдѣлаетъ то, что̀ для меня лучше и ему будетъ угоднѣе.

Остановившись въ Каменкѣ, употребилъ я небольшую политику и не велѣлъ сказывать людямъ о себѣ кто я таковъ и куда ѣду, а самъ старался кое-о-чемъ мужиковъ повыспросить. Однако важнаго ничего узнать не могъ.

О князѣ сказали мнѣ, что онъ еще не пріѣзжалъ въ Бобрики. Итакъ, отдохнувъ тутъ немного, проѣхалъ я прямо въ свою епифанскую деревнишку, верстъ за 12 оттуда отстоявшую, въ намѣреніи дожидаться тамъ прибытія княжова.

Не успѣлъ я въ помянутую деревню пріѣхать, какъ слухъ о причинѣ пріѣзда моего разнесся тотчасъ по всему тамошнему сосѣдству и многіе изъ крестьянъ, принадлежащихъ брату моему и теткѣ, г-жѣ Арсеньевой, также и изъ сосѣдственной деревни Арсеньевой начали приходить ко мнѣ и изъявлять радость свою и желаніе, чтобъ былъ я управителемъ, и ничего еще не видѣвъ, приносили ко мнѣ приносы, иной блюдо меду, иной курицу, иной блюдо яицъ.

—«Государи мои! говорилъ я имъ, удивившись:—что это вы затѣяли, я еще не управитель и не знаю еще буду-ли я имъ, или нѣтъ, и что могу я вамъ сдѣлать?»

— Нѣтъ, ничего, государь! говорили они; а только просимъ насъ не оставить, когда ты будешь онымъ.

Всему тому я смѣялся и былъ доволенъ ихъ усердіемъ, думая, что сія встрѣча была недурна для меня.

Ночевавъ въ деревнѣ своей, поутру на другой день отправилъ я человѣка въ Бобрики провѣдать о пріѣздѣ князя и чтобъ наказать о присылкѣ ко мнѣ, когда онъ пріѣдетъ. А самъ, принявшись за перо, сталъ между тѣмъ дѣлать проэктъ описанію волостей и препроводилъ въ томъ все утро.

Посланной возвратясь привезъ извѣстіе, что князь еще не бывалъ, но что его ждутъ съ часу на часъ. Итакъ, принужденъ я былъ расположиться жить и дожидаться его въ своей деревнѣ.

Весь день прошелъ, а присылки не было. Наконецъ насталъ и другой день; однако не присылали.

«Что за диковинка, что князь не ѣдетъ такъ долго?» думалъ я, и послѣ обѣда рѣшился послать опять туда нарочнаго; ибо хотя и обѣщали прислать ко мнѣ съ извѣстіемъ, но какъ не присылали, то боялся я, чтобъ не вышли тутъ какія-нибудь плутни и бездѣльничествы отъ тамошнихъ начальниковъ.

Между тѣмъ продолжалъ я жить въ черной, дымной и жаркой избѣ, наполненной милліонами мухъ. Таковая жизнь хотя бы и могла мнѣ скоро наскучить, но привычка къ упражненіямъ не допустила меня чувствовать и малѣйшей скуки. Я запасся книгами, бумагою и чернилами и было въ чемъ хотя бы цѣлой мѣсяцъ упражняться. Итакъ, занималъ я

себя литературою, и то почитаюсь книгъ, то попишусь, отвѣдывая, не можно-ли чего-нибудь напередъ заготовить, или по крайней мѣрѣ расположиться, какимъ образомъ и чѣмъ начать описаніе волостямъ и какой сдѣлать къ тому приступъ.

Но не успѣлъ я сего начать, какъ скоро оказалась сущая къ тому еще невозможность, ибо я не имѣлъ о волостяхъ сихъ ни малѣйшаго еще понятія и никакого еще свѣдѣнія, и мнѣ нужно еще было получить оное и выправиться обо всѣхъ принадлежностяхъ.

Итакъ, оставивъ сіе и находя пріятнѣйшее упражненіе въ письмѣ, принялся за другое и началъ писать четвертую часть экономическихъ своихъ записокъ подъ титуломъ «Плоды празднаго времени», которыхъ первыя три части переплели мнѣ въ послѣднюю мою въ Москвѣ бытность прекрасно и такъ, что красота самого сего переплета возбуждала во мнѣ желаніе продолжать сію книгу и тѣмъ паче, что первыя три части многимъ полюбились. И какъ взяты были со мною всѣ нужныя къ тому записки, то въ немногіе часы и написалъ я три нумера.

Между тѣмъ возвратился и посыланной изъ Бобрикъ, съ извѣстіемъ, что князь еще не бывалъ, но что ждутъ пріѣзда его съ часу на часъ, потому что прислалъ онъ уже солдата сказать о себѣ, что онъ въ тотъ день будетъ, и что солдатъ поѣхалъ уже за Опухтинымъ. Обрадовался я, сіе услышавъ и за вѣрное полагалъ, что въ послѣдующій день быть мнѣ въ Бобрикахъ.

Несмотря на то, вздумалъ я нарядить съ вечера человѣка и приказалъ въ послѣдующій день со свѣтомъ вдругъ ѣхать и провѣдить о князѣ. Самъ же, вставъ поутру, началъ совсѣмъ собираться и дожидался только посланнаго. Но посланной возвратившись сказалъ, что князь все еще не бывалъ и что Опухтинъ, пріѣзжавшій туда ночью, опять поѣхалъ назадъ въ Богородицкъ.

Удивился я этому чрезвычайно; но нечего было дѣлать, принужденъ былъ опять осѣсться, вооружиться терпѣніемъ и дожидаться присылки, которую вѣрно обѣщали.

Итакъ, принялся я опять за прежнія упражненія и написалъ еще нѣсколько статей въ свою книгу. Наконецъ насталъ обѣдъ, но присылки все еще не было. Что дѣлать? уже мнѣ и скучновато стало становиться. «Будетъ-ли, не будетъ дѣло,—думаю и говорю я самъ себѣ,—а я проживаю здѣсь по пустому время». Что касается до людей моихъ, то имъ, привыкнувшимъ также ко всегдашнему упражненію, было уже и очень скучно. Они помогали уже навозъ возить и накладывать мужикамъ и я дивился, какъ привычка можетъ сдѣлаться ко всему: привыкнувъ работать, они уже и скучали, бывъ безъ всякаго дѣла.

По счастію день и погода случилась очень хорошая и такая, что въ избѣ сидѣть очень скучно. Но куда иттить и что дѣлать?

Пошелъ ходить на рѣку, пошелъ въ садъ моего мужика — тамъ полежалъ, индѣ посидѣлъ... нѣтъ, скучно безъ дѣла. Пошелъ учить хозяина какъ хмѣль разводить; а потомъ на поле смотрѣть хлѣбовъ и дѣлать опыты унавоживанія земли пепломъ изъ овиновъ. Велѣлъ два воза при себѣ вывезть и разметать по землѣ подъ рожь и подъ гречиху.

Оттуда прошелъ смотрѣть каменьевъ, о которыхъ мнѣ сказывали, что есть въ вершинѣ превеликіе и мнѣ хотѣлось видѣть, не годны-ли они будутъ къ Бобриковскому строенію дворца на крыльцы. Въ сихъ разгуливаньяхъ проводилъ я все послѣполуденное время, и возвратясь на квартиру, испытывалъ натуру тѣхъ каменьевъ спиртами, кои со мною были и которыми дѣлалъ я тутошнимъ землямъ и глинамъ неоднократные опыты; и тѣмъ кончилъ сей день, но о князѣ не было еще никакого слуха.

Наконецъ поутру въ слѣдующій день, что было уже 24 мая, еще до вставанія моего пріѣзжалъ изъ Бобриковъ мужикъ съ извѣстіемъ, что князь пріѣхалъ и

уже ночью. Итакъ, убравшись, поѣхалъ я наконецъ въ славное село Бобрики, оставивъ багажъ у себя въ деревнѣ.

Пріѣхавъ въ Бобрики, засталъ я князя, слушающаго молебенъ при закладываніи тамошняго огромнаго дворца. Онъ принялъ меня довольно ласково и просилъ, чтобъ присутствовалъ я съ нимъ при закладкѣ дворца. Господинъ Опухтинъ находился уже тутъ и такъ, какъ управитель, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

По совершеніи водосвятія пошли мы закладывать дворецъ. Для князя высѣченъ былъ особой камень, съ надписью года, и онъ положилъ его, обмазавъ принесенною ему на блюдѣ известью. Мы всѣ архитекторомъ прошены были послѣдовать его примѣру и каждой изъ насъ принужденъ былъ положить камень и, взявъ лопаточкою известь, бросить на оной и потомъ три раза ударить молоткомъ о камень.

Какъ вышли мы изо рвовъ, то приносимы были князю поздравленія, и каменьщики и народъ прокричали три раза «ура». Послѣ того пригласилъ насъ князь въ поставленной предъ квартирою его шатеръ, гдѣ подчивалъ водкою, вишневкою и масломъ отъ голландскихъ, содержимыхъ тутъ коровъ.

Въ сіе время пріѣхалъ къ намъ нѣкто изъ тутошнихъ сосѣдственныхъ дворянъ г. Кирѣевскій, отставной маіоръ и ему незнакомой человѣкъ.

Во все время до обѣда упражнялись мы въ разныхъ разговорахъ и ходили около тѣхъ мѣстъ, гдѣ быть строенію. Потомъ угощалъ насъ всѣхъ князь обѣдомъ въ томъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, которой построенъ былъ тутъ на горѣ для жительства тутошнему управителю и архитектору, и гдѣ тогда расположился и самъ князь квартировать, а послѣ обѣда пошли мы опять прохаживаться.

Между тѣмъ примѣчалъ я всѣ поступки г-на Опухтина, дабы усмотрѣть изъ нихъ что-нибудь, могущее объяснить мнѣ, что со мною воспослѣдуетъ, и находилъ, что ни мало еще не пахло его перемѣною.

Онъ былъ человѣкъ расторопной и должность свою прямо отправляющій, такъ что князь былъ имъ не инако какъ доволенъ, а притомъ казался онъ въ наиспокойнѣйшемъ состояніи духа. Со мною, какъ съ незнакомымъ себѣ человѣкомъ, обходился онъ очень холодно и не удостоивалъ меня ни единымъ почти словомъ. Изъ всего сего не предвѣщалъ я себѣ ничего хорошаго и смотря на все сіе не весьма съ спокойнымъ духомъ, навѣрное почти заключалъ, что изъ дѣла моего ничего не выйдетъ. Однако хотѣлось мнѣ слышать, что князь говорить станетъ.

Между тѣмъ однако досадно было мнѣ, что лошади мои весь день стояли безъ корма. Князь съ десять разъ мимо ихъ прошелъ, но и не помыслилъ о томъ, чтобъ велѣть мнѣ отвесть квартиру и приказать дать лошадямъ моимъ корму, и сіе не зналъ я чему приписывать.

Князь обходился впрочемъ со мною очень ласково и благопріятно, совѣтовался обо всемъ со мною, обращался и говорилъ фамильярно, но о дѣлѣ нашемъ не упоминаемо было ни единымъ словомъ.

Послѣ обѣда звалъ онъ меня ѣхать съ нимъ прогуливаться, и кое-что осматривать, а между тѣмъ, найдя удобной случай, шепнулъ мнѣ, что онъ съ Опухтинымъ еще не говорилъ, а говорить будетъ и мнѣ скажетъ. «Хорошо!—думалъ я самъ въ себѣ; но по всему вижу, что ничему не бывать и что я проѣздилъ попустому».

Какъ жаръ понемногу посвалилъ, то поѣхали мы всѣ прогуливаться на линейкѣ Опухтина. Сперва ѣздили мы осматривать гдѣ ломали каменья, а потомъ проѣхали на славное Иванъ-озеро.

Тутъ не могъ я довольно надивиться, что сіе толь во всемъ свѣтѣ славное Иванъ-озеро составляло не иное что, какъ маленькую лужу или прудокъ съ десятину пространствомъ; но дѣланные во времена Петра Великаго изъ онаго въ обѣ стороны каналы и каменные шлю-

зы, дѣлали его уже примѣчанія достойнымъ. Я не могъ зрѣніемъ на сію древность довольно налюбоваться и для меня прогулка сія была очень весела.

Возвратившись въ Бобрики, отстоящіе отъ Иванъ-озера верстъ съ десять, собирались иттить опять гулять и ловить рыбу въ прудѣ, выкопанномъ на горѣ, а лошади мои все-таки стояли невыпряженныя и безъ корма.

Сіе привело меня въ недоумѣніе. Я не зналъ тутъ-ли мнѣ ночевать, или ѣхать назадъ въ свою деревню и ходилъ уже гулять въ мысляхъ, оставляя князя разговаривать съ Опухтинымъ о будущихъ учрежденіяхъ, съ которымъ онъ такъ говорилъ, какъ съ имѣющимъ быть еще долгое время управителемъ.

Итакъ, я уже болѣе удалялся и разговаривалъ съ Кирѣевскимъ, которой былъ человѣкъ неглупой; но зачѣмъ онъ тогда пріѣзжалъ, не знаю.

Передъ вечеромъ, наконецъ, спросилъ меня князь, долго-ли я пробуду въ своей деревнѣ и далеко-ли она? Я ему сказалъ, что собственно самъ я не имѣю никакой нужды, а пріѣхалъ къ нему по его велѣнію.

— «Очень хорошо, судырь! сказалъ онъ, такъ пожалуйте-жъ ко мнѣ въ понедѣльникъ въ Богородицкъ. Тамъ мы разсмотримъ планы, чтобъ намъ можно было сдѣлать описаніе».

Сіе предложеніе смутило меня еще болѣе. «Изрядное это и право изрядное будетъ дѣло, думалъ я; поѣзжай я въ деревню свою и живи опять два дни въ скукѣ и въ темнотѣ, а лучше я здѣсь останусь», и потому сказалъ князю, что мнѣ въ деревнѣ своей дѣлать нечего и я лучше здѣсь гдѣ-нибудь къ мужику пристану и пробуду это время.

— «Очень хорошо! сказалъ онъ, такъ пожалуйте здѣсь ночуйте». Совсѣмъ тѣмъ о лошадяхъ и о квартирѣ мнѣ опять позабыто.

«Что это за поступокъ?» думалъ я и велѣлъ слугѣ пристать гдѣ-нибудь къ мужику и купить лошадямъ корма, а другого послать за оставшимъ въ деревнѣ моей экипажемъ.

По наступленіи вечера сталъ я откланиваться, но князь удержалъ меня вмѣстѣ ужинать. «Это хорошо-таки, думалъ я, но не ночевать бы мнѣ на голой лавкѣ у мужика, это-то будетъ не слишкомъ хорошо».

Совсѣмъ тѣмъ я отужиналъ и хотѣлъ иттить, но тогда сказали мнѣ, что тутъ для меня комната сыскана и постеля приготовлена. Сіе меня нѣсколько порадовало, и такимъ образомъ расположился я тутъ ночевать. Но, о! далась мнѣ эта ночка, долго была она мнѣ памятна.

Комнатка случилась какая-то маленькая, задняя и походившая болѣе на конуру; каравать короткая, жаръ ужасной, духота несносная, мухъ съ три пропасти, а сверхъ всего того безпокойныя мысли! Но какъ бы ни было, но я ночевалъ и препроводилъ сей день въ надеждѣ и сумнѣніи. Съ одной стороны по всему сомнѣвался я въ томъ, чтобъ могло воспослѣдовать мнѣ опредѣленіе, а съ другой князь не сказывалъ еще мнѣ ничего еще рѣшительнаго и достовѣрнаго, а только передъ вечеромъ, во время прогуливанія, отведя меня къ сторонѣ и примѣтя, можетъ быть, мое неудовольствіе сказалъ:

— «Вы пожалуйте будьте увѣрены, что кромѣ васъ на семъ мѣстѣ никто не будетъ, если г. Опухтинъ пойдетъ въ отставку», что́ можно было толковать и такъ и сякъ. Однако я уже заѣхалъ и хотя тужилъ, что по пустому поѣхалъ, но дѣлать было уже нечего.

По утру на другой день пошли мы опять ходить и весь день проходили, проговорили и проѣздили опять по мѣстамъ разнымъ. Я во все сіе время примѣчалъ и разсматривалъ князя, и находилъ въ немъ чудной и странной характеръ.

Казалось мнѣ, что былъ онъ человѣкъ очень добродушной, неспѣсивой, однако не слишкомъ далекаго и остраго разума, а притомъ въ мысляхъ и предпріятіяхъ не слишкомъ основательнымъ. Сіи замѣчанія объясняли мнѣ уже очень многое и я не сталъ уже его поступкамъ удивляться.

Я обѣдалъ и ночевалъ опять у него; но и въ сей день не говорилъ онъ объ опредѣленіи меня ни слова, хотя я часъ отъ часу болѣе примѣчалъ, что у Опухтина и на умѣ не было иттить въ отставку, а неволею его столкнуть князю никоимъ образомъ было не можно, да и не было и повода и причины къ тому; ибо, во-первыхъ, оказалъ онъ ему очень многія услуги и князь былъ бы неблагодарнымъ, еслибъ восхотѣлъ ему сдѣлать нѣкое неудовольствіе; во-вторыхъ, у князя, по добротѣ его души, не было столько и отваги, чтобъ сіе сдѣлать.

Однимъ словомъ, я самъ въ мысляхъ отъ князя того не требовалъ и мнѣ досадно было-бы, еслибъ онъ для меня сдѣлалъ сему достойному человѣку какое неудовольствіе, которой несъ свою должность прямо исправно и рачительно и ничего дурного не сдѣлалъ.

Совсѣмъ тѣмъ не прошелъ и сей день безъ особливаго происшествія. Князь удивилъ меня опять невѣдомо какъ однимъ страннымъ предложеніемъ, а именно: не соглашусь ли я съ нимъ ѣхать въ деревню его Плавскую Сергіевское для компаніи?

Смѣшно мнѣ это очень показалось! «И сюда-то, государь мой, думалъ я тогда самъ въ себѣ—я попустому поѣхалъ, а туда зачѣмъ такимъ ѣхать, истинно уже не вѣдаю. И такъ я недѣли двѣ прогулялъ, а то еще недѣли три проѣздить по пустякамъ не знаю изъ какой благодати!»

Въ таковыхъ помышленіяхъ вздумалъ я отъ него отмолчаться, и спросивъ долго-ли онъ проѣздитъ, не сказалъ ни слова, и чрезъ то принудилъ догадываться, что я туда ѣхать не намѣренъ. По счастію онъ не сталъ болѣе меня къ тому принуждать, а то бы была-бы для меня новая и великая коммисія.

Въ воскресенье, т.-е. въ самые заговины поѣхали мы наконецъ въ Богородицкъ, и заѣзжали обѣдать къ Полунину, Ѳедору Ивановичу, особѣ особливаго примѣчанія достойной.

Онъ жилъ, какъ небогатой дворянинъ, въ своей изрядной деревушкѣ, почитался великимъ экономомъ; но въ самомъ дѣлѣ былъ хитрой, пронырливой, лукавой, лицемѣрной льстецъ и корыстолюбецъ, и происходя изъ низкаго рода, умѣлъ правдами и неправдами нажить себѣ имѣньицо и подбился разсказами своими князю въ любовь и благоволеніе.

Тогда пріѣзжалъ онъ нарочно въ Бобрики звать князя къ себѣ на перепутье и угощалъ его и всѣхъ насъ всячески, водилъ по своему саду и заговорилъ всѣхъ насъ своими баснями.

По пріѣздѣ въ Богородицкъ, которой мнѣ впервые тогда видѣть и узнать случилось, обходили и осмотрѣли мы также всѣ мѣста. Князю надлежало тогда и тутъ закладывать маленькой дворецъ и церковь, и онъ показывалъ мнѣ всѣ сдѣланныя къ тому приготовленія.

Симъ занялись мы почти до самаго ужина и я даже усталъ ходючи съ княземъ, и какъ уже не предусматривалъ въ замѣчаніи всего дальней надобности, то мнѣ все сіе начало уже и прискучивать, и я сталъ уже помышлять о томъ, какъ бы скорѣй убираться домой, видя что толку никакого нѣтъ и не будетъ.

Планъ волости Богородицкой, для смотрѣнія котораго я болѣе въ Богородицкъ ѣхалъ, былъ огромной и такъ великъ, что мнѣ не было и способа и мѣста его разсматривать; къ тому-жъ никто меня къ сему и не побуждалъ.

Мы видѣли его лежащимъ въ превеликомъ выдолбленномъ бревнѣ, въ магазинѣ, и князь не сказалъ мнѣ ни слова, а мнѣ и подавно не было нужды самому набиваться на трудъ, великую мнѣ задержку учинить могущій. Между тѣмъ, ждалъ я, что мнѣ князь скажетъ и готовился уже проситься домой, но по счастію князь и самъ не замедлилъ.

Въ вечеру, выждавъ свободное время, сказалъ онъ мнѣ: «Пойдемъ-ка судырь, походимъ!»

Я тотчасъ догадался зачѣмъ онъ меня зоветъ и не сомнѣвался, что хотѣлось ему со мною поговорить наединѣ, въ чемъ и не обманулся.

Онъ, отведя меня отъ дома опухтинскаго, гдѣ онъ остановился, на нѣсколько

десятковъ саженъ на лужокъ подлѣ насажденной березками главной отъ колокольни аллеи, и видя что мы были одни, началъ со мною объясняться.

— «Говорилъ я, сказалъ онъ мнѣ, съ Опухтинымъ и спрашивалъ его; но онъ отдумалъ иттить въ отставку и намѣренъ побыть еще года два при своей должности для оплаты долговъ своихъ; а вы видите сами, что мнѣ по неволѣ отставить не можно: онъ такъ много трудился въ приведеніи волостей сихъ въ порядокъ, и мнѣ совѣстно сдѣлать ему какое-либо неудовольствіе».

Кровь во мнѣ взволновалась вся при услышаніи сихъ словъ. Я хотя и предвидѣлъ все сіе и къ отказу сему готовился, однако духъ мой не могъ никакъ, чтобъ не смутиться нѣсколько въ сію рѣшительную и критическую минуту.

Совсѣмъ тѣмъ я имѣлъ столько еще надъ собою власти, что, не подавъ ему ни малѣйшаго знака неудовольствія и не сказавъ на сіе ничего, далъ ему волю продолжать далѣе свою рѣчь.

— «Совсѣмъ тѣмъ, продолжалъ онъ, будьте вы увѣрены и повѣрьте мнѣ какъ честному человѣку, что какъ скоро онъ пойдетъ въ отставку, то никого иного сюда не опредѣлю кромѣ васъ».

Услышавъ сіе, поклонился я ему и началъ объясняться, говоря, что я сего мѣста не искалъ и не просилъ и ни мало не добиваюсь того, чтобъ для меня сдѣлано было г. Опухтину какое неудовольствіе и онъ противъ хотѣнія былъ бы отрѣшенъ отъ своего мѣста.

— «Нѣтъ, ваше сіятельство! продолжалъ я, въ таковомъ бы случаѣ я и самъ не согласился бы иттить на сіе мѣсто, ибо вы могли бы то же и со мною сдѣлать; а я съ охотою возвращусь въ прежнее свое уединеніе, гдѣ до того времени былъ доволенъ своимъ жребіемъ, да и впредь надѣюсь былъ довольнымъ».

Пріятно было весьма князю сіе услышать, и сколько смущался онъ до того, по добротѣ души своей не зная какъ мнѣ сказать отказъ, о которомъ заключалъ, что будетъ мнѣ натурально непріятенъ, столько обрадовался, вдругъ услышавъ таковой мой отзывъ.

Онъ похвалилъ образъ и расположеніе моихъ мыслей и совѣстился невѣдомо какъ, что навлекъ на меня труды и хлопоты по пустому, и не находилъ довольно словъ къ изъясненію мнѣ о томъ своего сожалѣнія. Но я тотчасъ пресѣкъ сіе, сказавъ:

— «Что касается до сего, то пожалуйте, ваше сіятельство, тѣмъ не безпокойтесь; трудъ сей былъ не великъ и для меня ничего незначущій; къ тому-жъ ѣзда сія доставила мнѣ случай взглянуть на свою епифанскую деревнишку; слѣдовательно была не совсѣмъ пустая и для меня неотяготительна».

Князь былъ и симъ отзывомъ моимъ, какъ казалось, очень доволенъ, но вдругъ потомъ предложилъ мнѣ еще вопросъ, меня крайне удивившій. Онъ сказалъ, что ищетъ онъ еще купить для государыни въ степныхъ мѣстахъ деревню душъ въ тысячу. Итакъ, ежели найдетъ, то не соглашусь ли я туда ѣхать осматривать и надъ тою бы я могъ получить дирекцію.

Смутился я вновь, сіе услышавъ, и воскликнулъ въ духѣ самъ въ себѣ: «вотъ то-то право хорошо, и не горчица-ли сущая послѣ ужина?» и недолго думая, сказалъ ему на то отказъ совершенной, говоря прямо, что я нимало не намѣренъ не только по пустякамъ ѣхать осматривать, но и быть тамъ управителемъ.

Онъ удивился, услышавъ мой отказъ и спрашивалъ тому о причинѣ; и тутъ-то я имѣлъ случай объяснить ему то, какого сорта я человѣкъ и сколь мало помышлялъ о такихъ дѣлахъ и вещахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, правленіе тысячью душами было бы для меня уже слишкомъ низко и постыдно и нимало не кстати. Всѣ его убѣдительныя причины, которыми началъ-было онъ меня стараться убаивать и къ тому преклонять, опровергъ я очень скоро и не хотѣлъ о томъ и слышать. Наконецъ началъ онъ говорить о описаніи волости. Тогда предложилъ я ему, какимъ образомъ намѣренъ было я былъ оное учинить, но какъ тогда

дѣлать мнѣ уже нечего, такъ уволилъ бы онъ меня домой.

Совѣстно было уже ему, да и не можно меня удерживать и онъ принужденъ былъ на отъѣздъ мой согласиться. Совсѣмъ тѣмъ описаніе волостямъ, сочиненное мною, имѣть ему весьма хотѣлось и какъ я показалъ ему прожектъ оному, то онъ такъ имъ прельстился, что сталъ просить меня, не могу ли я оное сочинить дома и не дамъ ли ему записки о томъ, что мнѣ для объясненія всего къ тому знать потребно.

— «Хорошо! сказалъ я; ежели мнѣ когда дозволитъ время, такъ испытаю ему сдѣлать сію услугу и не премину доставить къ нему записку о томъ, что мнѣ знать для того нужно», чѣмъ онъ весьма былъ и доволенъ, хотя въ самомъ дѣлѣ на умѣ у меня было совсѣмъ не то; но я всего меньше намѣренъ былъ предпринимать сей трудъ въ пользу другихъ и по пустому. Симъ тогдашній разговоръ нашъ и кончился.

Теперь разскажу вамъ смѣшной поступокъ г. Опухтина. Сей не успѣлъ узнать, что у насъ съ княземъ было кончено, какъ тотчасъ перевернулся бѣсомъ и изъ прежняго хладнокровнаго человѣка сдѣлался ко мнѣ ласковымъ и благопріятнымъ.

До того не имѣлъ онъ объ лошадяхъ моихъ никакого попеченія, а тогда вздумалъ мнѣ выговаривать, для чего я сталъ на особую квартиру и убѣждалъ просьбою какъ гостя, чтобъ я къ нему переѣхалъ, но я не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ на то согласиться и довелъ до того, что онъ сказалъ о томъ даже князю; а тогда и князь сталъ говорить и, упустя время, вздумалъ спрашивать, не покупаю ли уже я овесъ и сѣно?

Усмѣхнулся я тогда и не сказалъ на сіе ни слова, и видно было, что князю было тогда очень совѣстно. Итакъ, принужденъ я былъ въ удовольствіе князя экипажу своему велѣть переѣхать и вмѣстѣ съ ними ужиналъ и ночевалъ.

Какъ Опухтинъ жилъ тогда въ тѣсномъ флигелѣ, то для ночлега отвели мнѣ особый маленькой покой въ новопостроенномъ только и не совсѣмъ еще отдѣланномъ домѣ.

Тутъ, лежучи въ уединеніи, имѣлъ я довольно досуга и времени размышлять обо всемъ случившемся со мною, и размышленія сіи, соединенныя съ духомъ не весьма спокойнымъ, не допустили меня долго заснуть; а поутру, проснувшись, не сталъ я уже долго медлить, но распрощавшись съ княземъ, поѣхалъ домой.

Симъ образомъ кончилось мое дѣло и я ѣздилъ, по пословицѣ говоря, прямо «за семь верстъ киселя ѣсть» и потерялъ время множество понапрасну и не сдѣлалъ ничего. Но какъ я по философическимъ своимъ тогдашнимъ мыслямъ не дѣлалъ изъ всего дѣла сего дальней важности, да и не имѣлъ слишкомъ сильнаго желанія къ сему чину и мѣсту, то снесъ я сію неудачу очень съ спокойнымъ духомъ.

У меня свалилась равно какъ превеликая гора со плечъ и я поѣхалъ назадъ еще съ спокойнѣйшимъ духомъ, нежели съ каковымъ туда ѣхалъ.

А много помогло къ тому и то, что я, будучи и въ Бобрикахъ и въ Богородицкѣ, имѣлъ случай насмотрѣться, что должность управительская тутъ была не такова спокойна, каковою я ее себѣ сначала воображалъ; но по случаю производимыхъ тутъ великихъ и многихъ строеній и другихъ обстоятельствъ, сопряжена была съ безчисленными трудами, заботами и хлопотами, кои показались мнѣ такъ велики, что я ясно видѣлъ, что въ случаѣ опредѣленія меня тогда къ сему мѣсту, вышло-бъ жалованье мнѣ прямо сокомъ и я, лишившись не только свободы, но и всѣхъ любимыхъ моихъ упражненій, скоро бы всѣмъ тѣмъ наскучилъ и легко могъ бы раскаяться, что промѣнялъ драгоцѣнную свою свободу на неволю, съ безчисленными хлопотами сопряженную. Совсѣмъ тѣмъ нельзя не признаться, что сколь я ни великодушествовалъ, но не могъ избавиться отъ нѣкоторыхъ смущающихъ временно меня мыслей.

Обстоятельство, что слухъ о поѣздкѣ моей во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ

распространился; что всѣ полагали за вѣрное, что я возвращусь не инако какъ уже управителемъ, и что пріѣхавъ ни съ чѣмъ и равно какъ осмѣяннымъ, подамъ поводъ къ разнымъ сужденіямъ и переговорамъ, а завистникамъ къ самымъ насмѣшкамъ и прочее, смущали и тревожили мысли мои еще чувствительнѣе и болѣе, нежели самая неудача. И мнѣ потребно было прямо философическое расположеніе духа къ вооруженію себя спокойно переносить всѣ такіе пересуды и толки.

Обстоятельнымъ описаніемъ моего обратнаго путешествія обременять васъ почитаю совсѣмъ за излишнее, а только вкратцѣ скажу, что, выѣхавъ изъ Богородицка, поѣхалъ я уже прямо большою дорогою чрезъ Дедиловъ въ Тулу и далѣе, и что во время сего двудневнаго путешествія не случилось со мною ничего особливаго, кромѣ того, что я во время онаго и сидючи одинъ въ своей маленькой каретѣ, имѣлъ еще болѣе времени и досугу размышлять обо всемъ происходившемъ въ послѣдніе дни и вообще обо всемъ этомъ дѣлѣ, и что чѣмъ болѣе я объ немъ помышлялъ, тѣмъ чуднѣе, удивительнѣе и непостижимѣе мнѣ все произшествіе сіе казалось.

Привыкнувъ уже издавна вѣрить и не сумнѣваться въ томъ, что все дѣлается и происходитъ съ нами по смотрѣнію, велѣнію и распоряженію Промысла Господня, хотя и не сомнѣвался я, что и тогда все сіе происходило по волѣ моего Бога; но не могъ никакъ понять, для чего бы все сіе такъ тогда случилось со мною, и не могъ всему тому довольно надивиться и не инако относилъ то, какъ къ неиспытаннымъ и неисповѣдимымъ объ насъ судьбамъ Господнимъ и утѣшалъ себя наиглавнѣйше тѣмъ, что неизвѣстно еще было, не къ пользѣ ли еще моей все такъ, а не инакъ дѣлалось, и что сего всего скорѣе отъ благости Господней ожидать надлежало.

А послѣдствія и оказали, что я въ заключеніяхъ таковыхъ нимало тогда не ошибался, ибо, ахъ! сколь мало зналъ я тогда все то, что долженствовало произойтить послѣ и чему надлежало еще предслѣдовать прежде, нежели совершится то, что Провидѣнію угодно было учинить наконецъ со мною.

Но письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ и мнѣ пора его кончить и сказать, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 10 дня 1808 года).

Письмо 160-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ обрушились вдругъ всѣ воздушные замки, строимые до того въ мысляхъ мною и всѣми родными и пріятелями моими, и исчезли какъ тѣнь всѣ наши лестныя надежды.

Я не зналъ какъ мнѣ показаться будетъ къ моимъ домашнимъ, и какъ сообщить имъ такое извѣстіе, о которомъ былъ я совершенно удостовѣренъ, что будетъ оно имъ не весьма пріятно и радостно.

Подумавши о семъ, другого не находилъ, какъ при возвращеніи принять на себя веселый видъ и обратить все дѣло въ смѣхъ и шутку. Какъ вздумалось, такъ и сдѣлалъ.

Я возвратился домой на другой день по выѣздѣ изъ Богородицка. Было сіе въ исходѣ уже мая и 28-го числа онаго. Я засталъ противъ всякаго чаянія въ домѣ у себя множество гостей и все были однѣ боярыни и между ими многія такія, которыя никогда еще у насъ до того не бывали. Сіе было для меня не весьма пріятно и тѣмъ болѣе побуждало принять на себя веселую личину.

Всѣ родныя мои, услышавъ о пріѣздѣ моемъ, выбѣжали меня встрѣчать и радость у нихъ написана была на глазахъ, когда увидѣли они, что я возвратился съ веселымъ, а не унылымъ духомъ. Но радость сія продолжалась недолго.

Не успѣли они, обступивъ меня, начать наперерывъ другъ предъ другомъ спрашивать и говорить: «ну? что? что? и смѣть-ли поздравить съ....».

— Конечно, конечно!—засмѣявшись го-

ворилъ я имъ въ отвѣтъ—съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Дворяниново!

Сіе слово составило для нихъ новую загадку. Всѣ онѣ опять воскликнули:

— «Это мы знаемъ и поздравляемъ; но тамъ-то что? Ель, или сосна?»

— Этого я уже ничего не знаю—отвѣчалъ я имъ, — но у васъ только спрошу: видали-ли вы, какъ маленькія дѣти пускаютъ на воздухъ мыльные пузыри, такіе прекрасные, разноцвѣтные и какъ на нихъ галятся и ими веселятся?

— «Какъ не видать, подхватили онѣ; но это къ чему и что за вопросъ?»

— А къ тому — сказалъ я, — что и со мною случилось нѣчто тому подобное, и я также галился и веселился, смотря на пузырекъ воздушной, а можетъ быть и вы также, и пузырекъ этотъ наконецъ треснулъ и всѣ наши прекрасные призраки исчезли.... и не осталось ничего.

Сіе слово осадило ихъ всѣхъ. Онѣ вдругъ замолкли, задумались и не знали, что говорить далѣе. Но видя, что я смѣюсь и хохочу, опять нѣсколько ободрились и спросили:

— «Ну что, право, полно шутить, а скажи-ка намъ безъ издѣвки и сущую правду и успокой наши мысли».

— Желалъ бы душевно, — сказалъ я, — но, ну, если это не можно! Ну, если я нимало не лгу и не шучу, и мнѣ много сказать вамъ нечего, кромѣ того, что ѣздилъ ни почто, привезъ ничего.

— «Какъ? какъ? воскликнули онѣ всѣ, неужели вправду ничего?»

— Конечно! — сказалъ я, — но чему тому и дивиться? Не съ тѣми ли мыслями я и поѣхалъ туда, что врядъ ли чему бывать, а это и совершилось дѣйствительно. Опухтинъ въ отставку не пошелъ и дѣло тѣмъ кончилось. Я принужденъ былъ, не солоно похлѣбавъ, ѣхать домой и питаться пустою надеждою, что вѣрно опредѣленъ буду тогда, когда ему захочется иттить въ отставку; а его, я думаю, и самъ сатана оттуда не вытуритъ никогда и чортъ ли велитъ ему разстаться добровольно съ такимъ прекраснымъ, знаменитымъ и прибыточнымъ мѣстомъ.

Услышавъ сіе всѣ ближнія мои родныя повѣсили голову, а тетка наша, г-жа Арцыбышева съ чувствительною досадою сказала:

— «Да князь-то что-жъ? зачѣмъ же онъ призывалъ-то тебя и волочилъ ни за что ни прочто въ такую даль?»

— «Лихая знать его болѣсть тамъ давила! подхватила огорченная жена моя, а убытковъ-та, убытковъ сколько намъ доставилъ? Видно, самъ онъ негодной человѣкъ!»

— Нѣтъ, матушка! не брани ты князя. Объ немъ я прямо скажу, что онъ наидобрѣйшій человѣкъ и я истинно даже полюбилъ его за его добродушіе и оказанную его ко мнѣ ласку и благопріятство.

— «Но умилосердись! подхватила тетка,— хорошъ, хорошъ, а сотворилъ такую глупость! Какъ же бы ему напередъ не узнать, пойдетъ ли Опухтинъ, или не пойдетъ въ отставку? И зачѣмъ, ни дай ни вынеси, отрывать человѣка отъ дома, волочить и въ Москву и въ такую даль, и оставить наконецъ безо всего и почти въ стыдѣ и обидѣ, и есть въ немъ только умъ и хоть на волосъ разсудка?»

— Объ этомъ я вамъ не могу ничего сказать, отвѣчалъ я: — а только знаю, что дѣло не состоялось и что вышелъ изо-всего одинъ только пустякъ совершенной. А какъ все это и по какимъ обстоятельствамъ и отчего произошло, всего того не знаю и не понимаю и всему только самъ удивляюсь; а все это знаетъ только тотъ, кто нашими жребіями и дѣлами распоряжаетъ. Но что о томъ болѣе говорить; видно, что святой его волѣ для какихъ-нибудь его святыхъ и неизвѣстныхъ намъ причинъ было неугодно, чтобъ дѣлу сему такъ кончиться, какъ намъ хотѣлось и намъ не остается въ семъ случаѣ ничего говорить. Его святая воля да буди во всемъ съ нами! А славу Богу, что вы видите меня опять здѣсь. Я истинно нимало о томъ не сокрушаюсь, а радъ еще, что избавился отъ безчисленныхъ хлопотъ и не потерялъ еще своей драгоцѣнной свободы и возвратился опять въ милое и любезное свое уединеніе. Богъ

съ ними тамъ и совсѣмъ!—А скажите-ка мнѣ лучше, что у васъ, здѣсь, все ли здорово, хорошо, и что наши маленькія дѣти?

—«Ахъ!—подхватила на сіе жена моя, и у насъ-то, батюшка, не слишкомъ хорошо. Степанъ нашъ лежитъ боленъ сыпью въ Сенинѣ, куда увезла его къ себѣ Авдотья Александровна; ты знаешь, какъ она его любитъ. А любезной твой Пай (такъ обыкновенно называли мы меньшого нашего сына) едва живъ и чуть-ли ему не отправляться на тотъ свѣтъ, къ своему старшему брату; а что того еще хуже, то проклятая воспа вошла уже и къ намъ во дворъ».

—Ну, вотъ, это-то нехорошо, и прямо нехорошо!—сказалъ я, поразившись симъ непріятнымъ извѣстіемъ. Но что-жъ!—подхватилъ я опять ободрившись,—и въ томъ да будетъ воля Господня; мы всѣ въ его власти и что̀ ему угодно, то пускай и совершается! А пойдемъ-ка мы лучше къ гостямъ нашимъ;—ибо все сіе говорили мы въ нашей столовой, куда я прошелъ, чтобъ съ дороги сколько-нибудь оправиться.

Сказавъ сіе и протуривъ ихъ къ гостямъ, сталъ я оправляться и обтираться отъ пыли, чтобъ не показаться чучелою и пошелъ потомъ вслѣдъ за ними. Но съ гостями сими едва успѣлъ я раскланяться, ибо они въ самое то время собирались уже ѣхать, чему я и весьма былъ радъ, ибо мнѣ нужно было съ дороги отдохновеніе.

Но не долго удалось мнѣ попользоваться симъ отдохновеніемъ и мѣсяцъ сей ровно какъ назначенъ былъ къ тому, чтобъ мнѣ въ оной сначала и до конца находиться въ безпрерывныхъ волокитахъ; ибо (не успѣлъ) настать послѣдующій день, какъ прислала къ намъ г-жа Щербинина сказать, что она отъѣзжаетъ въ свои псковскія деревни и желаетъ, чтобъ мы пріѣхали къ ней проститься.

Итакъ, принуждены мы были къ ней ѣхать, и я тѣмъ охотнѣе туда ѣхалъ, что желалось мнѣ узнать, что произвела моя посланная къ нимъ книга.

Мы заѣхали въ Сенино и взявъ съ собою г-жу Ладыженскую и пріѣхавъ въ Якшино, нашли тамъ многихъ и другихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ при брегахъ Оки-рѣки. Но къ сожалѣнію, самого сына г-жи Щербининой я уже не засталъ при ней.

Но какъ обрадованъ я былъ, когда она, возвращая мнѣ всѣ мои книги, вручила мнѣ отъ него письмо, въ которомъ онъ, приписывая книгѣ моей невѣдомо сколько похвалъ, увѣрялъ, что она ему такъ полюбилась, что желалъ бы даже списать для себя оную.

Легко можно заключить, что сіе было для меня очень пріятно. Это было еще въ первой разъ, что отдавалъ я книгу сію читать въ люди, и когда-бъ имѣла она и всегда такое счастіе, какъ при семъ случаѣ!

Человѣкъ, обожавшій даже Вольтера и зараженный его мыслями, ее читалъ и несмотря, что въ ней были прямо противныя вольтерскимъ мысли, такъ ее полюбилъ, что въ письмѣ своемъ признавался мнѣ, что она очень хороша, возбуждаетъ чрезвычайно любопытство и всѣ наставленія весьма полезны, и что для самаго того онъ и проситъ, чтобъ дать ему ее списать, когда кончу.

Сего было уже довольно и предовольно для меня и нѣчто такое, чего я нимало не ожидалъ, а думалъ, что гг. вольтеристы ее не инако какъ поднимутъ на смѣхъ.

Такимъ образомъ распрощались мы съ г-жею Щербининою, не воображая себѣ ни мало, что то было въ послѣдній разъ и что мы ее болѣе не увидимъ. Она поручила мнѣ многія комисіи, которыя обѣщалъ я ей выполнить. Она поѣхала тогда въ псковскія свои деревни, а мы возвратились домой.

Симъ кончился тогда нашъ май, котораго, пріятнѣйшаго мѣсяца, я въ сей годъ почти и не видалъ. Князь проволочилъ меня во весь оной и я былъ все въ ѣздѣ и въ отлучкахъ; а тогда остепенившись, опять къ удовольствію моему, въ домѣ принялся я за прежнія свои упражненія. Сады давно уже ожидали моего къ себѣ возвращенія. Тысячи дѣлъ встрѣчались

въ нихъ со мною и мнѣ оставалось только успѣвать ихъ производить и исправлять все упущенное.

Въ праздные же часы и минуты принялся я продолжать переписывать набѣло книгу мою «О благополучіи» и спѣшилъ окончить первую часть, которой оставалось уже немного.

Между тѣмъ не позабылъ я и объ обѣщаніи, данномъ князю Гагарину. Я упоминалъ уже, что ему хотя и совѣстно было навязывать на меня трудъ, къ описанію волостей потребной, однако просилъ меня убѣдительно, чтобъ я взялъ на себя сей трудъ хотя дома и прислалъ бы къ нему записку о справкахъ, какія къ тому надобны.

Сіе я ему тогда обѣщалъ, хотя не зная самъ исполню ли то, или нѣтъ; ибо у меня прошла уже охота вплетаться въ сіе дѣло и добиваться сего мѣста, которое вышло у меня совсѣмъ уже изъ головы, и нимало меня не безпокоило. Однако, думая, что князь можетъ годиться мнѣ когда-нибудь впредь и что обмануть мнѣ его дурно, рѣшился пожертвовать ему немногимъ трудомъ.

Итакъ, сѣвъ, намахалъ цѣлыхъ 96 вопросовъ или пунктовъ, на которые мнѣ нужны были объясненія и отправилъ въ Тулу, для пересылки къ нему при письмѣ, предавая впрочемъ на произволъ ихъ, станутъ-ли они объяснять мнѣ помянутые вопросы, или нѣтъ.

Теперь признаюсь, что при сочиненіи сихъ вопросовъ употребилъ я небольшую политику и расположилъ ихъ такъ, чтобъ они доставили г. Опухтину доброй кусокъ работы и навели ему столько хлопотъ и затрудненій, что потерялъ бы онъ охоту загребать жаръ чужими руками. Ибо по всей справедливости описаніе волостямъ сочинять надлежало-бъ ему, какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ и о состояніи волостей свѣдущему человѣку. Словомъ, я употребилъ хитрость противъ хитрости и она мнѣ и удалась.

Опухтинъ, какъ я послѣ узналъ, прочитавъ вопросы мои, такъ труда сопряженнаго съ объясненіемъ ихъ испужался, что и не подумалъ приступить къ оному и положилъ ихъ, несмотря на все великое желаніе князя, въ долгой ящикъ, въ которомъ они благополучно и истлѣли; а я чрезъ то избавился отъ труда превеликаго и совсѣмъ для меня безполезнаго. Не сомнѣваясь, что при читаніи оныхъ, благословлялъ онъ меня изрядными клятвами, но я съ моей стороны доволенъ былъ тѣмъ, что данное свое обѣщаніе выполнилъ, а отъ дальнѣйшаго труда удачно отдѣлался.

Теперь кстати разскажу вамъ и о истинныхъ причинахъ какъ призыва моего, такъ и тщетной волокиты и неудачи, которыя сдѣлались мнѣ послѣ и не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ извѣстными. Всему тому былъ главною и единственною причиною сей г. Опухтинъ, и вотъ какимъ образомъ все происходило.

Сей хитрой и съ одной стороны сколько умной и проворной, столько съ другой крайне любочестивой и корыстолюбивой человѣкъ, имѣлъ тогда еще очень маленькой чинъ и достатокъ небольшой, когда сдѣлался князю знакомымъ и опредѣленъ былъ къ управленію сими обширными и въ большомъ безпорядкѣ бывшими волостями, по соединеніи оныхъ вмѣстѣ и по врученіи ихъ отъ покойной императрицы въ особенное вѣдомство и дирекцію князю Гагарину.

Будучи бойкимъ, умнымъ и проворнымъ человѣкомъ умѣлъ онъ скоро подбиться князю въ милость и воспользовавшись отмѣнною добротою его сердца и слабостью прочаго его душевнаго характера, довесть до того, что князь ввѣрился ему во всемъ и былъ всѣмъ поведеніемъ его доволенъ.

И какъ обѣ волости хотѣлось князю привесть въ лучшій порядокъ и всѣмъ имъ чрезъ порядочное разселеніе придать иной лучшій и блестящій видъ, то и дѣйствительно трудился г. Опухтинъ при семъ разселеніи оныхъ и приведеніи въ лучшій порядокъ и состояніе очень много, и тѣмъ доказалъ князю и трудолюбіе свое и усердность.

Однако онъ не позабылъ при томъ и себя, и за всѣ труды и старанія свои заставлялъ князя платить себѣ очень дорого. Не удовольствуясь тѣмъ, что по хитрости своей не разоряя нимало мужиковъ и не наживаясь собственно ничѣмъ отъ нихъ, а другими и сокровенными стезями и путями,—какъ-то плутовскою отдачею въ наймы многихъ тысячъ десятинъ излишней земли, введеніемъ множества разорительныхъ кабаковъ и прочими такими тайными уловками набилъ себѣ туго карманы,—довелъ онъ слабаго и добродушнаго князя до того, что онъ, выпрашивая ему отъ императрицы чинъ за чиномъ, доставилъ ему наконецъ даже чинъ полковничій, а сверхъ того убѣдилъ его выпросить ему отъ государыни десять тысячъ рублей денегъ на десять лѣтъ взаймы безъ процентовъ, что все равно было какъ подарить оными.

Но всего того было еще для сего алчнаго честолюбца недовольно. Но какъ узналъ онъ, что императрицѣ угодно было приказать воздвигнуть въ обѣихъ волостяхъ сихъ, по собственнымъ ея планамъ, многія и важныя каменныя зданія и всѣ нужныя приуготовленія были къ тому сдѣланы; то вѣдая, сколь много князю онъ при семъ случаѣ будетъ необходимо нуженъ и надобенъ, вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ и чрезъ князя вытеблить себѣ еще какую-нибудь знаменитую выгоду.

И какъ по причинѣ недавно полученнаго чина прямо о томъ князя просить было бы ему уже совѣстно, да и слишкомъ нагло, то рѣшился онъ иттить другимъ путемъ и достигнуть до того коварствомъ, чего не можно было получить прямыми средствами.

И какъ князь находился тогда въ Петербургѣ и получалъ отъ государыни планы для помянутыхъ строеній, то въ самой сей критической пунктъ времени и отписалъ онъ къ князю, что онъ болѣе служить не намѣренъ и проситъ о увольненіи себя отъ должности, хотя въ самомъ дѣлѣ въ отставку иттить у него и на умѣ не было, а сдѣлалъ онъ сіе единственно для того, чтобъ добродушнаго князя пугнуть и побудить тѣмъ выхлопотать для себя еще либо чинъ, либо иную какую важную выгоду, ибо не сомнѣвался въ томъ, что князь будетъ его убѣждать просьбою, чтобъ онъ остался и въ подкрѣпленіе просьбы своей то неотмѣнно сдѣлаетъ.

Но не то воспослѣдовало, что онъ думалъ и чего ожидалъ. Князя сіе дѣйствительно впрахъ перетревожило и онъ не зналъ какъ быть и что дѣлать и можетъ быть и учинилъ-бы что-нибудь ему въ новую пользу, еслибъ, по несчастію Опухтина, сама судьба не привела его, въ самую сію разстройку мыслей, въ собраніе нашего Экономическаго Общества и не побудила изъявить г. Нартову и всѣмъ членамъ своего нестроенія въ разсужденіи просьбы г. Опухтина о его увольненіи. Нартовъ и всѣ члены не успѣли услышать, что онъ горюетъ и не знаетъ гдѣ-бы отыскать достойнаго и способнаго на его мѣсто человѣка, какъ всѣ начали ему предлагать и напрерывъ другъ предъ другомъ расхваливать меня. И какъ и самому князю я по сочиненіямъ моимъ былъ извѣстенъ, то и прилѣпился онъ ко мнѣ и, успокоившись мыслями, по самому тому и велѣлъ ко мнѣ писать, а Опухтину далъ знать, что онъ оставляетъ дѣло его до его пріѣзда въ Бобрики.

Вотъ причина, для которой я выписанъ былъ въ Москву. Князю хотѣлось меня видѣть и лично узнать гожусь-ли я къ сему мѣсту; и какъ онъ нашелъ во мнѣ всѣ нужныя къ тому способности, но не хотѣлось ему и съ Опухтинымъ, какъ съ опытнымъ и извѣстнымъ ему уже человѣкомъ, въ такой критической пунктъ времени разстаться, а по добротѣ сердца своего не хотѣлось Опухтина и неволею отставить и сдѣлать ему неудовольствіе; то самое сіе и побудило его велѣть мнѣ пріѣхать въ Бобрики, гдѣ не успѣлъ г. Опухтинъ увидѣть, что на его мѣсто готовъ уже и другой, ничѣмъ его не худшій, а можетъ быть еще и способнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, какъ

вдругъ перевернулся бѣсомъ и вмѣсто просьбы о увольненіи, сталъ убѣдительнѣйшимъ образомъ князя упрашивать, чтобъ онъ оставилъ его еще года на два, будто-бы для того, чтобъ успѣть ему расплатиться съ своими долгами, которыхъ на немъ и не было, или и были, но происшедшіе отъ покупки себѣ многихъ деревень. А симъ-то образомъ князь, по добротѣ души своей, его и принужденъ былъ оставить и отпустить меня ни съ чѣмъ и что исполнилъ онъ неинако, какъ съ истиннымъ сожалѣніемъ и угрызеніемъ совѣсти. И вотъ истинная всему происшествію со мною причина! Но я удалился уже отъ нити своей исторіи. Теперь возвращусь къ оной.

Такимъ образомъ осѣлся я дома и могу безпристрастно сказать, что съ удовольствіемъ; ибо какъ та святая истина была мнѣ довольно свѣдома, что никогда намъ неизвѣстно, гдѣ можно найтить и гдѣ потерять, то и немного помышлялъ я о минувшемъ дѣлѣ и очень скоро все прошедшее позабылъ и сожалѣнія не имѣлъ ни на волосъ; да и можно-ли сожалѣть о томъ, къ чему не гораздо велико было и желаніе.

Остепенившись дома, не сталъ я терять времени, но приступилъ къ столь давно уже предпринимаемому раздѣлу обмежеванной тогда уже совсѣмъ пустоши нашей Шаховой. Она была у насъ общая у всѣхъ и мы давно уже располагались раздѣлить ее по дачамъ. И какъ наступало тогда время паханія паровой земли, то и спѣшилъ я раздѣлить оную.

Работы и трудовъ имѣлъ я и при семъ случаѣ довольно, и нѣсколько дней сряду принужденъ былъ препроводить въ полѣ и всякой день работать до усталости, а сверхъ того еще по межевымъ дѣламъ и въ Серпуховъ раза два по пустому съѣздить. Наконецъ дошло дѣло до раздѣла. Сперва раздѣлили мы по особымъ спеціальнымъ и аккуратнѣйшимъ образомъ сочиненнымъ мною планамъ, и дабы не было никому предъ другимъ обидно, то положили во всемъ кидать жеребій, которой мы 12-го числа іюня и кидали, а 13-го числа разрѣзали все въ натурѣ наисправедливѣйшимъ образомъ.

Между тѣмъ и дома было у меня дѣло. Я принялся за свою сажелку на горѣ передъ домомъ и началъ ее отдѣлывать. Тутъ вздумалось мнѣ поисправить старинной колодезь и окласть его камнемъ, а сіе подало поводъ и къ обдѣланію всего этого мѣста. И могу сказать, что я веселился всякой день сею работою и находилъ въ томъ новое средство къ умноженію своего благополучія.

По раздѣленіи Шаховской пустоши убѣжденъ я былъ сосѣдями своими къ раздѣленію такимъ же образомъ и пустоши Щиголевой, которое дѣло и начали 18-го числа раздѣленіемъ напередъ земли паровой, а потомъ начали и прочее снимать на планъ; но та бѣда, что не одно было дѣло, а надобно было хлопотать по межевымъ дѣламъ въ Серпуховѣ.

Итакъ, 15-го числа ѣздилъ я опять въ Серпуховъ къ межевщику и опять по пустому: волостныхъ повѣренныхъ не было и мы проволочились понапрасну. Другое помѣшательство было то, что мнѣ необходимо надобно было побывать въ Алексинѣ, гдѣ нужно мнѣ было исправить два дѣла, и въ-первыхъ—отдать на поселеніе человѣка, а во-вторыхъ протестовать вексель покойнаго Матвѣя Никитича, хранимой мною въ залогѣ. Итакъ, проѣздилъ я и туда три дни, но 21-го числа взялъ я уже отдохновеніе. Безпрестанныя ѣзды такъ меня обезпокоили, что нужда была и въ покоѣ.

Отдохновеніе мое состояло не въ праздности, а въ письменныхъ упражненіяхъ. Это уже издавна составляло мое отдохновеніе и могу сказать, что я всегда отдыхаю, когда пишу. Работа моя тогда состояла въ началѣ переписыванія второй части сочиненія моего «О благополучіи», котораго первую половину имѣлъ я уже удовольствіе видѣть въ прекрасномъ переплетѣ, а сіе самое и побудило меня спѣшить переписываніемъ второй части.

Ввечеру сего дня получилъ я опять зазывную грамоту изъ Серпухова, т.-е. письмо отъ межевщика, чтобъ я пріѣхалъ

мириться съ волостными. Итакъ, 22-го числа полетѣлъ я опять туда и заѣхавъ къ другу моему г. Полонскому и переночевавъ у него, пріѣхалъ на утріе въ Серпуховъ.

Но ѣзда моя и въ сей разъ была по пустому. Межевщика не засталъ я дома за отъѣздомъ въ уѣздъ для межеванья, а видѣлся только съ повѣреннымъ Нарышкина, Пестовымъ.

Сей требовалъ отъ меня отдачи, въ силу поданныхъ полюбовныхъ нашихъ сказокъ, 30 десятинъ земли; но я притворился будто забылъ, какъ тамъ написано было, да и не зналъ гдѣ она, и говорилъ, чтобъ онъ отыскалъ ее; а сверхъ того намекалъ ему, что не дойдетъ-ли дѣло подать ему свѣдѣніе о земляхъ волостныхъ подробное по всѣмъ пустошамъ такъ, какъ по законамъ межевымъ слѣдуетъ. Сими словами смутилъ я его до чрезвычайности и оставилъ въ великомъ недоумѣніи.

Возвратившись домой, ополчился я на среднія липовыя шпалеры, въ верхнемъ саду моемъ находящіяся. Какъ онѣ разрослись и не пользу, а тотъ вредъ производили, что всѣ кунцы отъ сада моего по причинѣ ихъ бѣгали, то вздумалось мнѣ пособить сему злу подчисткою оныхъ снизу и вырубленіемъ изъ нихъ всѣхъ мелочей. Чрезъ самое то сдѣлалъ я ихъ прозрачными и произвелъ впервые тотъ видъ, какой дорога сія имѣетъ нынѣ.

25-го числа принялся я опять за домашнюю свою межевую работу и снималъ планъ съ нашей пустоши — Щиголевой, для предпринимаемаго раздѣла и принужденъ былъ также и за нею провесть цѣлой день въ работѣ.

Въ послѣдующій за симъ день, а именно 26-го іюня имѣли мы наконецъ столь давно вожделѣнное удовольствіе кончить наше межевое спорное дѣло съ волостными и кое уже какъ съ ними помириться. Происходило сіе въ Серпуховѣ, куда мы опять для сего ѣздили. Мы нашли тамъ повѣреннаго саламыковскаго, г. Пестова, въ превеликихъ хлопотахъ и весьма озабоченнымъ по случаю пропажи полюбовной нашей сказки. Они съ межевщикомъ съ ногъ сбились ея доискиваясь и перерыли всѣ бумаги, переходившія изъ рукъ въ руки и отъ одного межевщика къ другому и сказывали мнѣ свое о томъ удивленіе.

Я притворился, будто ничего объ ней не знаю и удивляюсь съ ними тому равномѣрно, но говорилъ, что безъ ней никакъ мириться не хочу, а по открывшимся вновь обстоятельствамъ и оказавшемся въ волостяхъ уже примѣрѣ, а не недостаткѣ, не намѣренъ уже давать ни одного шага земли своей г. Пестову.

Сперва считалъ онъ сіе издѣвкою и думалъ, что я шучу, но увидѣвъ, что я говорю то не шутя, смутился до безконечности и не зналъ наконецъ что дѣлать; а особливо когда при сдѣлавшейся у насъ съ нимъ о томъ небольшой размолвкѣ, сталъ я настоятельно требовать, чтобъ онъ подалъ свѣдѣніе о земляхъ своихъ справедливое, а не такое плутовское, какое подано отъ него прежде, и пользуясь которымъ успѣлъ онъ обидѣть толь многихъ добрыхъ людей и отнять несправедливѣйшимъ образомъ у нихъ земли, и грозилъ если онъ не помирится со мною ни на чемъ, а на старомъ владѣніи, подать о томъ извѣтъ въ межевую контору. Сіе его такъ устрашило, что сколько онъ ни прыгалъ и ни гнѣвался на то, что не является сказка и сколько ни твердилъ, что пропажа сія не можетъ остаться безъ слѣдствія, однако принужденъ былъ наконецъ остаться и при помощи межевщика меня уже наиубѣдительнѣйшимъ образомъ просить, чтобъ я когда не всѣ 30 десятинъ, на которыхъ мы было-помирились, такъ хотя-бъ сколько-нибудь ему земли далъ, дабы не было имени, что онъ помирился съ нами на старомъ владѣніи.

Убѣждалъ онъ меня къ тому наиболѣе тѣмъ, что онъ успѣлъ уже донесть Льву Александровичу о примиреніи съ нами съ нѣкоторымъ пріобрѣтеніемъ, слѣдовательно ему, какъ его подкомандующему, будетъ явная бѣда, если сдѣлается сіе инако, и чтобъ я сдѣлалъ сіе изъ единаго великодушія къ нему.

Я долго не хотѣлъ-было и на сіе согласиться, но какъ началъ онъ просить меня почти кланяясь мнѣ въ ноги, да и межевщикъ сталъ убѣждать насъ своею просьбою, то мы, смолвившись съ братьями, для скорѣйшаго окончанія всего дѣла и избѣжанія дальнѣйшихъ хлопотъ, и рѣшились пожертвовать десятью десятинами самой негоднѣйшей земли на нашихъ Воробьевыхъ-горахъ и симъ бездѣльникамъ ее бросить, чѣмъ наконецъ онъ былъ уже и доволенъ и съ превеликою радостью подписалъ вновь написанную о томъ полюбовную сказку; чѣмъ тогда все наше межевое съ нимъ дѣло и окончилось и мы всѣ съ торжествомъ возвратились восвояси.

Не успѣли мы сего кончить, какъ по пріѣздѣ своемъ домой приступили къ раздѣлу и пустоши нашей Щиголевой, и кинувъ жеребій, 28-го числа разрѣзали и оную по числу нашихъ дачъ на разныя руки и тѣмъ совершили и сіе великое дѣло.

Послѣдующій за симъ день былъ достопамятенъ тѣмъ, что противъ всякаго чаянія лишились мы въ оной одного своего и всѣми нами любимаго сосѣда, Алексѣя Ивановича Руднева, жившаго въ деревнѣ Полозовѣ. Никто не ожидалъ толь рановременной смерти сего молодого человѣка. Умеръ онъ отъ самой бездѣлицы. Ѣздивъ молиться Богу въ Троицкой Сергіевъ монастырь и будучи на-веселѣ, сталъ выходить изъ коляски и зашибъ какъ-то немного ногу, къ чему прикинулся антоновъ-огонь, а отъ него и умеръ онъ, страдавъ болѣе трехъ недѣль мучительнѣйшимъ образомъ, оставивъ по себѣ жену и малыхъ дѣтей съ долгомъ 300 рублей и прямо въ жалостнѣйшемъ положеніи. Мы узнали обо всемъ томъ вмѣстѣ съ его кончиною и сожалѣли крайне, что не знали того прежде, а то можно-бъ было чѣмъ-нибудь и помочь.

На Петровъ день положили-было мы ѣхать въ гости въ Тарусской уѣздъ къ пріятелю нашему, Осипу Васильевичу Гурьеву, подзывавшему уже насъ давно къ себѣ къ сему времени, дабы вкупѣ побывать и на ярманкѣ, въ Тарусѣ въ это время бываемой; но остановило насъ то, что надобно было побывать у пріѣхавшаго въ Котово сосѣда и пріятеля нашего, Алексѣя Іоновича Темешова съ молодою его женою; ибо онъ наконецъ женился не на Срезневой, а на г-жѣ Лопатиной, доводившейся намъ нѣсколько въ сватовствѣ, потому что родная ея сестра была за роднымъ дядею жены моей.

Итакъ, мы ѣздили послѣ обѣда къ нему, а въ Тарусу отправились мы уже въ слѣдующее послѣднее число іюня рано и успѣли пріѣхать къ г-ну Гурьеву къ обѣду. Мы взяли туда съ собою и обоихъ старшихъ дѣтей нашихъ, ибо къ сему времени выздоровѣлъ и сынъ нашъ Степанъ отъ своей сыпи и мы въ первой еще разъ повезли его съ собою въ люди; но увы! сколь мало знали мы тогда, что сіе было и впервые и впослѣдніе.

По особливому дружеству къ нашему дому, были намъ хозяева чрезвычайно ради и старались угостить насъ всевозможнѣйшимъ образомъ, и я могу сказать, что всегда ѣзжалъ и бывалъ я у нихъ съ особливымъ удовольствіемъ.

Въ сей разъ нашли мы у нихъ бригадира Рославлева и познакомились съ онымъ. Послѣ обѣда ѣздили всѣ боярыни и дѣвицы на ярманку въ Тарусу и г. Гурьевъ не отпустилъ насъ не только въ тотъ, но и во весь послѣдующій день, и мы возвратились уже домой уже не прежде, какъ 2-го числа іюля.

Совсѣмъ тѣмъ поѣздка сія была намъ не совсѣмъ счастлива и было съ нами цѣлыхъ три бѣды впродолженіи оной. Во-первыхъ, во время ѣзды барынь на ярманку въ Тарусу по одному бездѣльному случаю перестращались онѣ тамъ на смерть, и какъ жена моя была въ то время беременна, то боялся я, чтобъ не было оттого какихъ-нибудь худыхъ слѣдствій. Самъ я, будучи тамъ, занемогъ-было прежестокимъ и такимъ поносомъ, какого я никогда еще не имѣлъ и насилу освободился отъ него помощію мушкатнаго орѣха. А въ-третьихъ, и всего паче, разнемогся

бывшій съ нами сынъ нашъ Степанъ жаромъ и такъ сильно, что пріѣхавши домой, слегъ въ постелю и не вставалъ уже съ оной.

По продолжающемуся и часъ отъ часу увеличивающемуся жару скоро увидѣли мы, что и онъ заразился оспою, которая проклятая болѣзнь уже съ нѣкотораго времени свирѣпствовала въ домѣ нашемъ и двухъ ребятишекъ уже похитила. Но какъ иные и выздоравливали, то сначала мы и не весьма тѣмъ перестращались; но какъ въ третій день начала высыпать и оказалась чрезвычайно сильною, то сіе перетревожило всѣхъ насъ до крайности, а особливо какъ вскорѣ послѣ того оказались и всѣ обыкновенные признаки дурной и опасной оспы. Не могу изобразить, какъ всѣмъ намъ ребенка сего жаль было и съ какимъ чувствительнымъ состраданіемъ смотрѣли мы на него во всѣ немногіе дни наимучительнѣйшаго его страданія. Оспа сдѣлалась на немъ слитная и онъ не могъ никакъ перенести сей мучительной болѣзни. Смерть похитила у насъ и его при самомъ еще разцвѣтаніи его отроческихъ лѣтъ. Ему шелъ тогда уже пятой годъ. Мы всѣ любили его очень и оросили гробъ его горячими слезами.

Совсѣмъ тѣмъ я перенесъ сей несчастный случай мужественнѣе всѣхъ прочихъ нашихъ родныхъ и гораздо съ меньшимъ огорченіемъ, нежели всѣ прочіе. Мнѣ случилось въ самые дни его болѣзни переписывать набѣло вторую половину книги моей «О благополучіи» и писать ровно какъ нарочно самое то мѣсто, гдѣ я трактовалъ о утѣшеніяхъ въ несчастныхъ случаяхъ и средствахъ, которыми намъ свои печали и прискорбія уменьшать можно; и могу сказать, что имѣя тогда случай и производить ихъ въ самой практикѣ, воспользовался я ими очень много и они дѣйствительно помогли мнѣ перенесть сію печаль съ довольнымъ твердодушіемъ.

Схоронивъ сего милаго и любезнаго рабенка подлѣ его старшаго брата, такого же малютки, не успѣли мы еще отъ сей печали нѣсколько отдохнуть, какъ готовилась для насъ уже и другая.

На Ильинъ день восхотѣлось намъ съѣздить всѣмъ на деревенскую ярманку въ село Миротино за заводомъ. Никогда мы на сихъ ярманкахъ не бывали и боярынямъ моимъ восхотѣлось ее видѣть. Итакъ, мы поѣхали туда, взявъ съ собою и старшую дочь нашу.

Во время пребыванія нашего тамъ, застигшая прежестокая гроза съ пресильнымъ дождемъ перестращала и обезпокоила насъ чрезвычайно. Но какъ поѣхали мы домой, то воспослѣдовало еще худшее.

На дорогѣ сей занемогла такимъ же образомъ, какъ братъ, и дочь наша, такъ что мы насилу ее, бѣдняжку, привезли домой.

Сдѣлался и въ ней жаръ превеликой и какъ мы не сомнѣвались, что и она по всему видимому начинала разгораться къ оспѣ, то будучи уже настращены, вострепетали объ ней всѣ духомъ.

Сей намъ и того болѣе было жаль. Она была уже двумя годами старѣе брата и утѣшала насъ много своимъ милымъ и любезнымъ характеромъ.

Жаръ, часъ отъ часу увеличиваясь, сдѣлался такъ великъ, что бѣдняжка страдала прежестокими конвульзіями.

Мы обезпамятѣли сіе увидѣвъ, но по счастію вздумалось мнѣ броситься въ лечебныя книги и я нашелъ въ нихъ, что конвульзіи сіи неопасны и болѣе добро, нежели зло предвозвѣщаютъ. Сіе ободрило всѣхъ насъ нѣсколько.

Намъ присовѣтовали положить ее на медвѣжину, увѣряя, что сіе будто помогаетъ къ лучшему высыпанію оспы. Совсѣмъ тѣмъ во все то время, покуда не начала высыпать оспа, находились мы въ страхѣ и недоумѣніи неизобразимомъ, и не прежде нѣсколько успокоились духомъ и ободрились, какъ увидѣли, что оспа оказывалась рѣдкая и имѣющая всѣ признаки доброй. Тогда вдругъ перешли мы изъ печали въ неописанную радость и удовольствіе. Мы говорили только: «Слава, слава Богу!» и слезы радости текли у насъ у

всѣхъ, и у меня и перваго изъ глазъ. Я не могъ довольно возблагодарить за то Господа. Она дѣйствительно была противъ всякаго чаянія рѣдка и хороша. Однако, покуда не начала она подсыхать, находились мы еще все въ нѣкоторомъ опасеніи.

А не успѣла сія бѣда миновать и оспа благополучно начала съ нея сходить, какъ та же болѣзнь постигла и меньшого сына моего Павла.

Сіе ввергло опять всѣхъ насъ, а болѣе всѣхъ меня въ великое озабоченіе и безпокойство.

Малютку сего любилъ я какъ, то отмѣнно съ самаго его младенчества и онъ былъ мнѣ милъ до чрезвычайности; и потому сколько я ни философствовалъ и какъ ни старался подкрѣплять себя надеждою на Бога и предавать ему во власть сего рабенка, но мысль, что могу лишиться и сего милаго рабенка и послѣдняго сына, тревожила мой духъ и безпокоила очень. Но по счастію продлилось сіе недолго и въ первые дни его горѣнія не предвидѣли уже мы дальней опасности. А какъ стала высыпать и она оказалась не только очень рѣдкою, но и со всѣми признаками оспы хорошей и безопасной, то мы не вспомнили себя отъ радости и не знали какое благодареніе воздать Всемогущему за то, что онъ утѣшилъ всѣхъ насъ таковою легкою болѣзнію сего птенца любезнаго.

Она и подлинно была такъ легка, что онъ перенесъ ее почти играючи, катаясь по своей колыбели и твердилъ только, что это дядины гамъ (т.-е. собаки) его такъ искусали.

Все сіе продлилось долго и мы за симъ и не видали, какъ прошелъ весь іюль мѣсяцъ и почти вся первая половина августа. За болѣзнями сими дѣтей нашихъ принуждены мы были все время сіе сидѣть дома и какъ по сему случаю имѣлъ я много свободнаго времени, то успѣлъ въ оное не только кончить перепискою всю книгу мою «О благополучіи», но разохотившись въ томъ, переписать набѣло и всю третью часть моей «Дѣтской философіи», которую имѣлъ я у себя въ разныя времена сочиненную и начать самую четвертую; и занимался трудомъ симъ иногда въ хоромахъ, а иногда, отъ духоты въ нихъ, на свободномъ воздухѣ въ саду, сидючи въ тѣни и въ прохладѣ въ прекрасныхъ своихъ полубесѣдкахъ, посреди сада находившихся и изъ стриженныхъ липокъ составленныхъ; а между тѣмъ продолжались у меня кой-какія и дѣлишки въ садахъ, но немногія, по причинѣ, что время было рабочее и люди нужны были на покосѣ.

Но не успѣлъ я въ разсужденіи болѣзни дѣтей своихъ обезпечиться и, видя ихъ выздоравливающихъ, успокоиться духомъ, какъ вдругъ опять весь духъ мой встревоженъ и приведенъ былъ въ превеликое смущеніе и безпокойство.

Прискакали ко мнѣ нарочно посланные изъ шадской моей деревни съ письмами и отъ прикащика и отъ нѣкоторыхъ изъ моихъ тамошнихъ сосѣдей и знакомыхъ. Всѣ они писали ко мнѣ, что г. Пашковъ дѣйствительно уже межевщика своекоштнаго привезъ и хочетъ всю нашу обширную степь замежевать за собою, и всѣ просили Христомъ и Богомъ, чтобъ я поспѣшилъ скорѣе къ нимъ пріѣхать и помочь имъ въ семъ критическомъ дѣлѣ, за которое они по необыкновенію своему не знаютъ какъ и приняться.

Все сіе меня не только перетревожило, но и чрезвычайно удивило.

Не понималъ я, почему такому вознамѣривается Пашковъ замежевать за собою всю необъятно большую и обширную степь нашу. И какъ навѣрное заключалъ, что надобно быть тутъ какому-нибудь особому плутовству и вѣдая изъ опытности всѣ мытарствы и хитрости межевщиковъ, и что и что могутъ они сдѣлать, также и совершенную неопытность и самое даже невѣжество всѣхъ своихъ тамошнихъ сосѣдей, имѣлъ причину опасаться, чтобъ они дѣйствительно чего-нибудь тамъ не напроказили, и потому за необходимое и самъ призналъ стараться поспѣшать туда какъ можно скорѣе своимъ пріѣздомъ.

Итакъ, не долго думая, и бросивъ и сады свои и плоды въ нихъ и всѣ литературныя свои упражненія, ну-ка я скорѣе укладываться и опять въ дальній путь свой убираться.

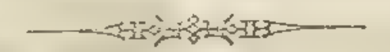
Я приглашалъ-было и обоихъ братьевъ своихъ ѣхать съ собою, какъ соучастниковъ во владѣніяхъ тамошнихъ; но какъ они полѣнились и стали то тѣмъ, то другимъ отговариваться, то, не долго думая, рѣшился я ѣхать туда одинъ и взялъ только въ сотоварищество свое опять моего племянника, Александра Андреевича Травина и, распрощавшись со своими домашними, 13-го числа августа въ сей путь и отправился.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то о сей третичной и въ особливости достопамятной своей ѣздѣ предоставляю повѣствованіе будущимъ и послѣдующимъ за симъ письмамъ; а между тѣмъ, окончивъ симъ сіе 15-е собраніе оныхъ, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ XV части.

(Декабря 11, 1808 году).

Окончена перепискою декабря 15 дня 1809 года.



ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVI.

(Сочинена въ декабрѣ 1808, перепискою начата въ концѣ 1809, а кончена февраля 8-го 1810, въ Дворяниновѣ).

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности о третичной моей ѣздѣ въ шадскую деревню и о бывшемъ тамъ первомъ межеваньѣ.

1773.

(Сочиненіемъ начата декабря 18-го 1808, перепискою декабря 15-го 1809).

Письмо 161-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію моей третьей ѣзды въ шадскую мою деревню, что нынѣ тамбовская, и достопамятнаго моего тамъ въ сей разъ пребыванія, скажу, что въ путь сей отправился я изъ дома своего 13 августа 1773 года и въ сотоварифествѣ опять одного только моего племянника, Александра Андреевича Травина.

Обстоятельнымъ описаніемъ сего путешествія моего туда не нахожу за нужное васъ обременять, ибо во все продолженіе онаго не случилось съ нами ничего особливаго и такого, о чемъ стоило бы труда разсказывать, а коротко только скажу, что ѣхали мы опять чрезъ Тулу, Епифань, Ранибургъ, Козловъ и Тамбовъ. А отъ сего города поѣхалъ я уже не на Кузменки и Коптево, а прямо чрезъ Боръ и Пески на село Разсказово, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ тамошнимъ управителемъ и поговорить съ нимъ объ общемъ нашемъ тогдашнемъ дѣлѣ и предпринимаемомъ господиномъ Пашковымъ своекоштномъ межеваньѣ. Ибо къ степи нашей, которую сей ненасытной наянъ всю себѣ присвоить и замежевать хотѣлъ, прилегали и земли помянутаго огромнаго дворцоваго села, и я надѣялся получить отъ него какое-нибудь объясненіе тому, почему такому г. Пашковъ

всю оную огромную степь себѣ присвоивалъ, поелику я еще о томъ ничего не вѣдалъ.

Но, по несчастію, господина управителя сего не нашелъ я дома. Онъ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, и потому заѣздъ мой въ сіе мѣсто былъ по-пустому.

Отужинавъ тутъ у знакомаго мнѣ подъячаго и узнавъ отъ него, хотя не что иное, какъ только то, что межеванье еще не начиналось, а скоро начнется, и переночевавъ въ семъ мѣстѣ, поспѣшалъ я въ свою деревню, куда въ слѣдующій день, случившійся въ 20-е число августа, и прибылъ.

Тутъ я нашелъ не только своихъ, но и всѣхъ сосѣдей въ превеличайшей тревогѣ, недоумѣніи и безпокойствѣ; межевщикъ дѣйствительно уже въ тамошнія мѣста пріѣхалъ и по обыкновенію собиралъ уже отъ всѣхъ сказки и повѣренныя письма. И какъ для всѣхъ тамошнихъ жителей дѣло сіе было совсѣмъ новое и они о межевыхъ дѣлахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, то всѣ они впрахъ перетрусились и, нечаянностію сею будучи впрахъ и крайне перетревожены, не знали что и дѣлать.

При таковыхъ обстоятельствахъ съ неописаннымъ вожделѣніемъ и нетерпѣливостью ожидали они меня, какъ города, ибо, будучи о свѣдѣніяхъ моихъ по межевымъ дѣламъ извѣстны, надѣялись, что я одинъ въ состояніи буду всѣхъ ихъ защитить, или, по крайней мѣрѣ, наставить ихъ во всемъ нужномъ. А потому легко можно заключить, что всѣ они, услышавъ о пріѣздѣ моемъ въ самую нужнѣйшую пору, крайне обрадовались.

Наилучшимъ, разумнѣйшимъ, добрѣйшимъ и зажиточнѣйшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ и въ сіе время въ домахъ бывшихъ сосѣдей, былъ нѣкто господинъ Сабуровъ, по имени Иванъ Яковлевичъ,—человѣкъ, котораго мнѣ еще не случилось видѣть, которой жилъ въ сосѣдственной къ намъ деревнѣ Калиновкѣ, и о которомъ насказано мнѣ было столько добра, что я съ вожделѣніемъ хотѣлъ его видѣть и съ нимъ познакомиться. И какъ сказано мнѣ было, что и онъ съ нетерпѣливостью меня и съ часу на часъ ждалъ и всякой день присылалъ обо мнѣ провѣдывать, то мое первое дѣло было послать къ нему съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ.

Господинъ Сабуровъ не успѣлъ услышать, какъ, обрадовавшись до чрезвычайности, въ тотъ-же часъ ко мнѣ прискакалъ. Я нашелъ въ немъ нарочито уже пожилого и дѣйствительно, хотя простодушнаго, но столь добраго человѣка, что мы въ одинъ мигъ другъ друга полюбили и сдѣлались добрыми пріятелями или паче друзьями.

Вскорѣ послѣ его прилетѣлъ ко мнѣ и господинъ Тараковской, а вслѣдъ за нимъ изъ Трескина господинъ Казначеевъ, а тамъ господинъ Бѣляевъ изъ Бѣляевки. Итакъ, въ одинъ почти часъ собралось насъ пять человѣкъ.

Всѣ они не успѣли со мною поздоровкаться, какъ и начали другъ предъ другомъ напрерывъ изъяснять мнѣ всю опасность тогдашняго положенія всей нашей округи и боязнь, чтобъ Пашковъ, взятымъ имъ на свой коштъ землемѣромъ, не отхватилъ и не замежевалъ за собою дѣйствительно всей тамошней степи, прилегающей бокомъ ко всей нашей округѣ, и которою всѣ селы и деревни нашей округи довольствовались, какъ распахивая оную, такъ кося на ней ковылъ для сѣна.

Я удивлялся всему тому и, ободряя ихъ, говорилъ, что сему быть не можно, ежели мы всѣ между собою будемъ согласны и употребимъ всѣ нужные къ отвращенію того способы и возьмемъ предварительно благоразумныя мѣры.

Но какимъ поразился я удивленіемъ, когда, при вопросѣ, что̀-бъ такое помышляли всѣ наши господа сосѣди при семъ дѣлать, услышалъ я, что у всѣхъ тамошнихъ жителей то только одно на умѣ, чтобъ не допускать до того насиліемъ и чтобъ, собравшись всѣмъ опять такимъ-же скопомъ и заговоромъ, какой они уже однажды противъ Пашкова съ успѣхомъ употребляли, не допускать его и въ сей разъ до наглости и своевольства.

— Помилуйте! воскликнулъ я: — развѣ хотятъ они тѣмъ не только все дѣло испортить, но и самихъ себя вплести въ безконечныя хлопоты и самыя бѣды и напасти!—Но о какомъ вы упоминаете скопѣ и заговорѣ, бывшемъ уже однажды?

—«Ахъ!—сказали они: —такъ вы поэтому еще о семъ не знаете, и вотъ мы вамъ разскажемъ о семъ славномъ дѣлѣ».

Любопытенъ я былъ очень сіе слышать и просилъ ихъ о томъ; и тогда господинъ Сабуровъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію.

— «Вы знаете, сказалъ онъ, что вся сія огромная степь издревле почиталась дикою и никому непринадлежащею; и какъ въ нее никто не вступался, то потому самому и распахивали мы и всѣ наши къ ней прикосновенные сосѣди изъ ней столько земли, сколько кто могъ; а достальной кавылъ кашивали также не только мы, но и пріѣзжающіе изъ другихъ и даже отдаленныхъ верстъ за двадцать и за тридцать мѣстъ обыватели, и всякой косилъ тамъ, гдѣ кому хотѣлось, и гдѣ удалось кому обкосить себѣ округу для косьбы сѣна».

— Это я знаю, сказалъ я,—и давно слышалъ; но что далѣе?

— «Симъ образомъ, продолжалъ господинъ Сабуровъ, пользовались всѣ близлежащіе селы и деревни этою степью издревле безданно-безпошлинно и до тѣхъ поръ, покуда не принесла нелегкая Пашкова на его маленькой и ничего незначущій хуторокъ, посреди сей степи на рѣчкѣ Ржаксѣ для скотоводства заведенный. До того времени никто объ немъ почти и не слыхивалъ, а жилъ онъ себѣ въ своей Гагаринѣ верстъ за сто отсюда, и въ хуторишкѣ его здѣшнемъ не было ни пашни и ничего, а только нѣсколько скота; а тогда, побывавши самъ на ономъ и видно прельстившись степью, вздумалъ вдругъ всю ее назвать своею».

— Это смѣшно! сказалъ я.

— «Но какъ-бы вамъ ни казалось это смѣшнымъ, —подхватилъ господинъ Сабуровъ,—но онъ не только ее назвалъ своею, но и дѣйствительно сталъ ее съ сего времени себѣ присвоивать; и не успѣло въ послѣдующій годъ настать покосное время, какъ нарядивъ множество людей казаками и снабдивъ ихъ оружіемъ, выслалъ ихъ на сію степь и велѣлъ всѣхъ косящихъ ее разныхъ селъ и деревень косцовъ гнать съ ней долой, говоря, что вся эта степь его, и что буде кто хочетъ косить на ней траву, то платили бы ему съ каждой косы по четверти рубля».

— Прекрасно! удивившись, сказалъ я. Но пожалуйте, когда это было: прежде или послѣ изданія о размежеваніи земель манифеста?

— «Гдѣ твой манифестъ! подхватилъ г. Сабуровъ; а гораздо послѣ и нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія онаго».

— И того еще лучше! сказалъ я: — но что далѣе?

— «Далѣе то, что какъ изъ всѣхъ косящихъ никто не имѣлъ на степь сію права, а особливо изъ жителей, пріѣхавшихъ издалека, то они, не долго думая, и согласились дать ему съ косы по четверти рубля, и онъ имъ сколько хотѣли косить и далъ; а смотря на нихъ, дураки и наши сосѣди то же сдѣлали и онъ со всѣхъ содралъ изрядную кожуринку».

— Это дурно! сказалъ я, и весьма жаль, что они это сдѣлали. А имъ бы совсѣмъ не то сдѣлать надлежало, а собравшись всѣмъ, заявить формально въ городѣ на него, что онъ въ противность манифеста захватываетъ то во владѣніе, чѣмъ онъ не владѣлъ до манифеста. А сего, я думаю, никто и не подумалъ сдѣлать!

— «Кому это было дѣлать и затѣвать! Всѣ разсѣялись по своимъ норамъ и довольны были, что остались съ сѣномъ. Да и никому не пришло сего и въ голову, по незнанію совсѣмъ межевыхъ законовъ».

— То-то и дѣло, сказалъ я;—но что далѣе?

— «А то, что такъ тогда этотъ годъ и прошелъ; а не успѣло наступить опять

покосное время, и вся степь по прежнему наполнилась множествомъ народа, какъ появились опять его вооруженные казаки и опять начали сгонять всѣхъ и требовать съ косы уже по полтинѣ».

— Такъ!... И вотъ послѣдствія отъ первой неосторожности. Ему нужно было разлакомиться, какъ и пошло далѣе. И диковинка еще, что онъ не болѣе требовалъ.

— «Ахъ! это и вышло дѣйствительно; ибо какъ и въ этотъ годъ всѣ косившіе сѣно ему требуемое число заплатили, поелику всѣмъ цѣна сія казалась еще сносною и всѣ хотѣли только съ нимъ развязаться и не остаться безъ сѣна, то онъ, содравъ и въ сей разъ кожуринку, еще лучше первой, и разлакомившись тѣмъ еще болѣе, на третій годъ, поступивъ такимъ же образомъ, сталъ требовать уже по рублю съ косы каждой».

— Такъ!.. онъ не дуракъ и самъ о себѣ, а на дураковъ только напалъ. Ну что-жъ, и заплатили по рублю?

— «Нечего было дѣлать, помялись, помялись, но какъ сталъ онъ дѣйствительно гнать, угрожая даже оружіемъ, ибо въ сей разъ вывезены были у него даже и пушки, то рѣшились, наконецъ, заплатить ему и по рублю, дабы только отъ него отвязаться и косить спокойно сѣно».

— Это уже совсѣмъ плохо было сдѣлано; ибо тѣмъ самимъ и дали ему поводъ къ присвоенію себѣ на вѣки этой степи и получить на нее нѣкоторое право.

— «Что дѣлать! кому было спорить и кому стоять! Весь народъ состоялъ изъ сущаго сброда и людей безъ всякаго начальства и безъ права. Совсѣмъ тѣмъ содраніе сей третьей кожурины со всѣхъ насъ и постороннихъ сдѣлалось уже всѣмъ чувствительно. Всѣ начали уже о томъ говорить и толковать и всѣ бояться, чтобъ онъ, увеличивая симъ образомъ съ года на годъ цѣну, не довелъ ее и до пяти рублей и больше».

— Они и не погрѣшали въ томъ, и это могло бы скорѣе всего случиться; но мнѣ удивительно, что я отъ своихъ о томъ ни слова не слыхалъ, и они мнѣ на сіе не жаловались.

— «Да какъ имъ и жаловаться, когда съ нихъ никогда ничего не было и требовано, и они по прежнему косили себѣ, гдѣ хотѣли, безданно-безпошлинно».

— Это удивительно! но почему же такъ?

— «Какъ почему? потому что онъ зналъ, что у васъ земля купленная, и что вы имѣете законное право ею пользоваться, а потому вашихъ онъ и не трогалъ. Онъ не дуракъ! Но самое сіе нѣкоторымъ изъ нашихъ и открыло глаза, ибо какъ они, завидуя вашимъ, о томъ имъ говорили, а ваши сказали: «Вольно-де вамъ, дуракамъ, платить. Степь казенная и вольно Пашкову ее называть своею. Никто еще не знаетъ почему онъ ее своею называетъ, а теперь сами вы подали ему на себя оселъ, и поглядите какъ онъ съ васъ драть станетъ». А сіе и наставило на умъ и взбударажило всѣхъ нашихъ.— «Въ самомъ дѣлѣ, начали они говорить: — вѣдь степь казенная, и мы еще не знаемъ почему Пашковъ ее называетъ своею, за что же намъ ему платить? съ Болотовыхъ не беретъ онъ ни копѣйки, и не требуетъ, а это и доказываетъ, что она ему не крѣпка и присвоеніе сумнительно».—А неуспѣли распространиться въ народѣ такія судаченья, какъ мало по малу смолвились и согласились всѣ въ послѣдующій годъ сдѣлать скопъ и заговоръ и не только ему не давать ничего, но ежели станетъ сгонять, то всѣмъ стать за одно грудью и гнать съ степи и самыхъ требователей; что они дѣйствительно и сдѣлали. И, смолвившись, всѣ стали грудью и, угрожая обиральщиковъ самихъ перерѣзать косами, такой на нихъ самихъ страхъ нагнали, что они принуждены были, не солоно хлѣбавъ, уѣхать, и болѣе не показывались; а весь народъ въ это лѣто и косилъ степь безданно-безпошлинно».

— Браво! и давно бы, а того лучше съ самаго начала такъ-то бы поступить надлежало. Но что-жъ послѣ?

— «А то, что и въ прочіе послѣ того немногіе годы не смѣли они уже выѣзжать,

и степью опять начали всѣ владѣть по прежнему и называть ее всѣ уже казенною».

— Но почему-жъ онъ теперь, спросилъ я далѣе, вздумалъ ее за собою отмежевывать?

— «Чортъ его знаетъ! твердитъ только, что она его. Насъ всѣхъ называетъ грачами, несмыслями и, насмѣхаясь, говоритъ: «Посмотритъ онъ, какъ они будутъ каркать и какъ не допустятъ отмежевать ему ее». Словомъ, онъ всѣхъ насъ почитаетъ ни за что и говоритъ навѣрное, что онъ всю ее отмежуетъ за собою».

— Это еще Богъ знаетъ! и каково случится карканье, не зазвенѣло-бы и у самого его оно въ ушахъ. Это еще посмотримъ.

— «О, дай Богъ, чтобъ хотя вы намъ помогли. На насъ надѣяться не можно. Мы всѣ ни уха ни рыла не знаемъ, и теперь вся у насъ надежда на васъ однихъ. Вамъ дѣла такія изъ опытности уже знакомы».

— То такъ, государи мои! я готовъ употребить все, что могу и непремину вѣрно это сдѣлать. Совсѣмъ тѣмъ не могу довольно надивиться поступкамъ господина Пашкова. Нельзя, кажется, статься, чтобъ онъ только съ дура, по одной только наглости и не имѣя никакого права и слѣда, вздумалъ степь сію не только присвоять себѣ, но и взять межевщика на свой коштъ для отмежеванья оной. Это-то меня удивляетъ и кажется совсѣмъ ненатуральнымъ дѣломъ; а надобно вѣрно чему-нибудь быть, и уже не имѣетъ-ли онъ въ самомъ дѣлѣ какого права къ называнію ее своею? Попросту нельзя ему никакъ этого дѣлать.

— «Ахъ, отецъ мой! сказалъ г. Сабуровъ:— вы чуть ли не отгадали. Скажу вамъ, что слухъ о скоромъ пріѣздѣ землемѣра побудилъ меня кое-кого разспрашивать о томъ да и полазукать по канцеляріямъ и по другимъ мѣстамъ, съ тѣмъ, не попадется-ли мнѣ гдѣ какая-нибудь бумага и не услышу-ли отъ кого чего-нибудь, относящагося до сего дѣла; и Богъ помогъ мнѣ не только узнать всю исторію о сей степи, но и достать нѣкоторыя бумаги, которыя могутъ служить къ объясненію».

— Ахъ, батюшка мой! — подхватилъ я, такъ покажите-жъ мнѣ, ради Бога, ихъ, чтобъ я судить по онымъ могъ, какъ мнѣ поступить при предстоящемъ межеваньѣ и какія принять лучшія мѣры.

— «Что, отецъ мой! я руки себѣ ажно ѣмъ, что не взялъ ихъ съ собою; но какъ пожалуете ко мнѣ, то всѣ вамъ ихъ покажу».

— Завтре-же, батюшка, явлюсь я у васъ. Я очень любопытенъ и горю нетерпѣливостью ихъ видѣть. А между тѣмъ, какъ время для насъ очень дорого и драгоцѣнна каждая минута, то для скорѣйшаго преподанія мнѣ нѣкотораго понятія, нельзя-ли вамъ и теперь, хоть по памяти, разсказать мнѣ что вы узнали?

— «Съ удовольствіемъ готовъ, отецъ мой, и вотъ что: степь сія была дѣйствительно казенная и дикая, а Пашковъ присвояетъ ее себѣ подлинно не совсѣмъ безъ причины. Отецъ его покойной—самой тотъ, которой доносилъ государю Петру I на князя Гагарина и отъ котораго сей и погибъ, получивъ въ награду за то тѣ знатныя вотчины, которыя называются и по нынѣ «Гагаринною», и гдѣ Пашковъ нынѣ живетъ,— былъ въ Воронежѣ губернаторомъ. Въ это время жилъ въ сосѣдственной со мною деревнѣ Лукинѣ однодворецъ, по имени Лука Черной. Былъ онъ изъ воровъ воръ и конокрадъ славной. Какимъ-то образомъ попадись онъ по воровскимъ дѣламъ своимъ въ воронежскую тюрьму. Сидючи въ ней долгое время, и не зная какъ отъ заслуженнаго наказанія избавиться, нашелъ онъ какъ-то слѣдъ къ губернатору и прельстилъ его обѣщаніемъ, что онъ, въ случаѣ если освободитъ его изъ тюрьмы, то продастъ онъ ему за бездѣлку нѣсколько земли въ своей отчизнѣ, а сверхъ того доставитъ ему слѣдъ къ полученію земли и гораздо болѣе. Губернаторъ далъ себя соблазнить сему бездѣльнику. Онъ выпустилъ его дѣйствительно безъ наказанія, а сей и продалъ ему нѣсколько четвертей изъ своей дачи,

а сверхъ того расхвалилъ ему всю сію степь, съ которою земля его была смежна, и поджегъ его чтобъ онъ выпросилъ изъ сей казенной земли себѣ нѣсколько. А Пашковъ и выпросилъ себѣ какъ-то дѣйствительно тысячу четвертей изъ оной. И какъ надобно было ее себѣ отказывать, то пошли онъ для сего отказа какого-то вахмистра, своего подкомандующаго, а сей, пріѣхавъ, и описалъ въ отказныхъ книгахъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ всю сію огромную и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ содержащую степь,—и что-жъ еще, отецъ мой!—пріурочь ее даже кругомъ живыми урочищами и между прочимъ по нашей побочинѣ такими, которыя и теперь отчасти въ нашихъ дачахъ. А сіе-то насъ всего болѣе и тревожитъ, и мы боимся, чтобъ онъ не только не отхватилъ по симъ урочищамъ всю степь себѣ, но и множество пахатныхъ земель нашихъ».

Нельзя изобразить съ какимъ любопытствомъ и съ разными душевными движеніями слушалъ я сію повѣсть, и какъ изумила она меня своимъ окончаніемъ. Я принужденъ былъ воскликнуть:

— Вотъ, судырь, ажно какъ это! всего этого я не зналъ и мнѣ и въ голову всего этого не приходило, а теперь вижу, что всё это не составляетъ бездѣлки, и дѣло наше не такъ-то маловажно, каковымъ я его почиталъ, а подвержено дѣйствительно великому сумнительству; самому мнѣ наведетъ оно множество хлопотъ, и при всемъ томъ боюсь, чтобы и мои всѣ старанія не были тщетны. Однако, посмотримъ! дайте-ка мнѣ все самому увидѣть и разсмотрѣть, и тогда судить можемъ уже основательнѣе и лучше. А между тѣмъ, какъ мнѣ довольно извѣстны всѣ плутни и уловки межевщиковъ и я боюсь, чтобъ межевщикъ этотъ чего бы не схитрилъ безъ насъ и прежде, нежели мы къ отпору приготовимся, то скажите мнѣ, гдѣ находится онъ и когда, и съ котораго мѣста, и гдѣ думаетъ начинать межевать?

На сей вопросъ всѣ гости мои не могли ничего иного сказать, что межевщикъ на хуторѣ Пашкова, а самъ онъ еще не пріѣзжалъ изъ Гагаринны; но когда и гдѣ онъ начнетъ межевать, о томъ они ничего навѣрное не знаютъ, и думаютъ, что очень скоро.

—Хорошо-же, государи мои, сказалъ я, что я успѣлъ подоспѣть сюда заблаговременно; но какъ намъ ни одной минуты терять не надобно, то начнемъ теперь же тѣмъ, что какъ насъ всѣхъ соучастниковъ въ этой степи и дачѣ очень много, всѣмъ же намъ нельзя никакъ быть безъ предводителя одного, которому-бы всѣ уже повиновались, то не изволите-ли съ общаго согласія кого-нибудь къ тому назначить?

Неожидаемое сіе предложеніе заставило всѣхъ думать. Они хотя и одобрили оное, но не знали кого бы лучше въ начальники назначить. И какъ мнѣ быть онымъ не хотѣлось, то, не допуская ихъ до дальнихъ размышленій, сказалъ имъ:

— Не знаю, государи мои, какъ вы, а мнѣ кажется не для чего долго думать; а вотъ Иванъ Яковлевичъ и лѣтами, и чиномъ всѣхъ насъ старѣе и достоинствами заслуживаетъ предпочтенъ быть всѣмъ прочимъ. Не согласитесь ли ему сдѣлать эту честь?

Всѣ, одобривъ сіи мысли, закричали:

— «Очень, очень хорошо! и мы всѣ на то согласны и просимъ Ивана Яковлевича принять на себя сіе начальство, а васъ, чтобъ вы были ему помощникомъ и по знанію вашему всему дѣлу производителемъ».

— Очень хорошо! сказалъ я, — ежели вамъ угодно, то я беру на себя сію комисію, и радъ во всемъ помогать Ивану Яковлевичу, и не сомнѣваюсь, что и онъ не откажется отъ предлагаемаго начальства, которое ему, какъ почтенному человѣку, приличнѣе всѣхъ прочихъ.

—«Что дѣлать, сказалъ на сіе господинъ Сабуровъ:—хоть не радъ, а готовъ. Но вы, батюшка, Андрей Тимоѳеевичъ, помогайте ужъ мнѣ. Я прямо о себѣ скажу, что ничего не знаю и не смыслю».

Итакъ, симъ выборомъ и назначеніемъ начальника, или паче диктатора, во всей

нашей республикѣ и кончился у насъ сей первой день моего приѣзда. Мы условились на утріе съѣхаться опять, какъ для совѣта, такъ и для ѣзды, буде успѣемъ, въ степь для осмотрѣнія всей оной лично.

Всходствіе чего съ самаго утра и поѣхалъ я на другой день къ г. Сабурову, и ѣдучи мимо г. Тараковскаго, заѣхалъ за нимъ. Тутъ засталъ я господъ Колемина, Левашова и Ржавитинова, а вскорѣ приѣхалъ къ намъ туда-жъ и нашъ дикташоръ, г. Сабуровъ. Мы приступили тотчасъ къ совѣщанію, и на семъ первомъ совѣтѣ положили, чтобъ для предосторожности и недопущенія межевщика что-нибудь безъ насъ сдѣлать, имѣть бы намъ въ степи всегда наблюдателемъ одного изъ нашихъ сосѣдей офицерскаго ранга и чтобъ смѣнять его всякой день другимъ; и, не долго думая, назначили быть первымъ дежурнымъ г. Колемина. И какъ онъ охотно на себя сію комисію принялъ, то въ тотъ же часъ его въ степь и отправили, препоручивъ наблюдать и примѣчать, что происходить будетъ и тотчасъ насъ увѣдомить, если какое движеніе у нашихъ непріятелей окажется.

Сдѣлавъ сіе и отложивъ собственную ѣзду свою въ степь въ сей день за холодомъ, поѣхали мы съ г. Сабуровымъ къ г. Соймонову, гдѣ нашли и его брата. Тутъ посидѣвъ и поговоривъ обо всемъ, поѣхалъ я обѣдать къ г. Сабурову и нашелъ у него изрядной домикъ и семейство, хотя небольшое, состоящее въ его женѣ и племянницѣ, но ласковое и пріятное. Всѣ они были мнѣ очень ради и старались угостить всячески. Послѣ обѣда предложилъ онъ мнѣ всѣ свои письменные документы, и я, прочитавъ оные, нашелъ ихъ столь важными, что выпросилъ ихъ съ собою домой, дабы на свободѣ получше обо всемъ подумать и собраться съ мыслями. Между тѣмъ былъ у насъ у обоихъ, какъ главныхъ начальниковъ, опять тайной совѣтъ обо всемъ, что намъ дѣлать надлежало, и какъ положили мы ждать повѣстки отъ нашего форпостнаго офицера, то, просидѣвъ у него до самаго вечера, возвратился я домой.

Тутъ принялся я тотчасъ за прилежнѣйшее разсматриваніе всѣхъ документовъ, и признаться долженъ, что они меня весьма смутили. Чѣмъ болѣе я вникалъ въ содержаніе оныхъ, тѣмъ сумнительнѣйшимъ казалось положеніе нашего дѣла. Оказывалось, что Пашковъ дѣйствительно имѣлъ право къ присвоенію себѣ всей нашей степи, и хотя отказщикомъ употреблено явное плутовство и вмѣсто 1000, данныхъ Пашкову четвертей, объѣхана, описана и живыми урочищами пріурочена имъ округа, содержащая въ себѣ до 50 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, въ 25 разъ болѣе противъ даннаго ему количества; и хотя бездѣльникъ сей въ отказныхъ своихъ книгахъ и написалъ, что онъ помянутыя 1000 четвертей измѣрилъ и въ десятины положилъ, но опровергнуть его отказъ было ничѣмъ не можно и дѣлать было нечего.

Извѣстная мнѣ важность живыхъ урочищъ, почитаемыхъ во всемъ межеваніи ненарушимою святостью, устрашала меня всего болѣе и лишали всей надежды. Холодной потъ прошибъ даже меня, когда усмотрѣлъ я всѣ сіи трудности и невозможности, и долго былъ я въ превеликомъ сумнѣніи и нерѣшимости; но наконецъ, схвативъ межевую инструкцію, ну-ка я ее читать и пріискивать всѣ мѣста, гдѣ упоминаемо было о земляхъ, даванныхъ въ прежнія времена изъ дикихъ поль, и приспособливать оныя къ нашему дѣлу. И какъ неописанно и даже до восторга обрадованъ я былъ, когда вдругъ въ ней нашелъ одинъ пунктъ, не только для меня утѣшительной, но подававшій мнѣ, такъ сказать, въ руки къ разсѣченію нашего гордіева узла или вѣрное средство къ разрушенію вышепомянутаго плутовства и къ уничтоженію всего мнимаго законнаго на всю степь права г. Пашкова.

Важный и достопамятный пунктъ сей, которой назначалъ я фундаментальнымъ основаніемъ всему предпринимаемому нами спору, и долженствовавшій помо-

гать намъ къ преоборонію Пашкова, былъ слѣдующаго содержанія:

«Всѣ произведенныя изъ дикихъ поль дачи безденежно не далѣе утверждать, какъ только тѣ, которыя даны до 1714 года, а если которыя по спорамъ окажутся произведенными послѣ онаго года по 1736 годъ, таковыя хотя и намѣривать то число, сколько именно произведено въ дачу, а если числа не написано, то по живымъ урочищамъ; а ежели ни числа, ни живыхъ урочищъ не назначено, то по препорціи ревизскихъ душъ, однако о всѣхъ таковыхъ земляхъ безъ утвержденія еще оныхъ собирая вѣдомости, представлять въ межевую экспедицію на разсмотрѣніе».

Признаюсь, что пунктъ сей былъ мнѣ до того совсѣмъ неизвѣстенъ, или мною при читаніи инструкціи не замѣченъ по достоинству, ибо не доходило до того надобности, но тогда кинулся онъ мнѣ въ глаза; и какъ изъ него усматривалъ я, что былъ нѣкогда 22-лѣтній періодъ времени, въ которой запрещено было давать изъ дикихъ поль земли, но, несмотря на то, многіе ихъ какимъ-то неправильнымъ и незаконнымъ образомъ себѣ доставали, и самое сіе плутовство симъ пунктомъ было разрушаемо, то кинулся я въ помянутые Пашковы документы для отысканія года, въ которой даны были ему помянутыя 1000 четвертей; и какое же удовольствіе мое было, когда увидѣлъ я 1732 годъ и что земля сія принадлежала точно къ числу такихъ, о какихъ упоминалось въ помянутомъ пунктѣ; я вспрыгнулъ почти отъ радости и самъ себѣ воскликнулъ:

«Слава, слава Богу! теперь не страшенъ ты мнѣ, господинъ Пашковъ, и вся дачка-то твоя сумнительна еще и тебѣ не надежна; а живыя твои урочищи, на которыя ты, какъ думать надобно, опираешься и всю свою наиглавнѣйшую надежду возлагаешь, ничего не значутъ. Сказано ясно, что они въ такомъ только случаѣ дѣйствительными быть могутъ, когда число дачи не написано, а у тебя, молодца, число сіе именно означено. Итакъ, если и дадутъ тебѣ, такъ не болѣе 2000 десятинъ, а не всю степь, и сей тебѣ, какъ своихъ ушей, не видать. Нужно только, чтобъ чрезъ споры вывесть все плутовство наружу и не допустить тебя схитрить и вновь сплутовать что-нибудь».

Словомъ, съ меня какъ превеликая гора съ плечъ тогда свалила, и обрадованіе мое было столь велико, что я почти не уснулъ во всю достальную часть ночи, или спалъ, но очень мало; и, проснувшись ранымъ-ранехонько, сталъ размышлять о томъ, какъ бы лучше расположить мнѣ это дѣло и основать сей важной споръ, отъ котораго долженствовала зависѣть судьба всей этой степи.

По всему заключалъ я, что, имѣя предъ собою противника весьма хитраго и могущественнаго по своему великому богатству, надлежало поступить не только умѣючи, но употребить и всѣ нужныя осторожности къ тому, чтобъ при произведеніи спора не связать съ нимъ и всю нашу округу, о которой по выписямъ извѣстно было, что и въ ней былъ примѣрецъ, десятинъ до нѣсколько тысячъ простирающійся, и что дачной земли и во всей нашей округѣ было только 7000, а владѣніе простиралось на нѣсколько десятковъ верстъ и, по всему вѣроятію, тысячъ до 30 или болѣе десятинъ. Итакъ, весьма нужно было, чтобъ не подвергнуть и ее никакъ измѣренію, что необходимо воспослѣдовать должно, если свяжется она споромъ съ землею казенною, или съ Пашковою. Словомъ, пунктъ сей былъ весьма щекотливой, и надобно было поступить весьма умѣючи, чтобъ степъ сдѣлать казенною, а самимъ отыграться безъ всякой опасности.

Нѣсколько часовъ занимался я о семъ размышленіемъ, а потомъ, схватя бумагу, сталъ предварительно сочинять споръ, какой бы мнѣ записать при межеванье, и занялся тѣмъ все утро 22 августа. И какъ удалось мнѣ написать объявленіе наше довольно изрядное и такое, которое, какъ казалось, для Пашкова не весьма будетъ вкусно и его гораздо и гораздо поспутаетъ, то хотѣлось мнѣ по-

видаться съ г. Сабуровымъ, сообщить ему свою радость, ободрить надеждою и показать ему написанное и посовѣтовать обо всемъ нужномъ, а всего паче о томъ, какъ бы намъ всѣмъ стать заодно, быть единодушными и единогласными и до времени молчать и никому о томъ ничего не сказывать, дабы Пашковъ намѣренія моего не узналъ и не употребилъ бы какой хитрости.

Но не успѣлъ я отобѣдать, какъ прискакалъ ко мнѣ человѣкъ отъ г. Сабурова съ увѣдомленіемъ, что дежурной сегодня офицеръ, капитанъ Ржавитиновъ, далъ ему съ учрежденнаго нами форпоста знать, что Пашковъ въ тотъ день имѣетъ прибыть съ великою свитою на свой хуторъ, и чтобъ мы высылали повѣренныхъ съ запасными на всякой случай людьми.

Сей случай произвелъ тогда первую тревогу по моемъ пріѣздѣ, а до того было ихъ уже нѣсколько, которыми всѣми тамошніе жители по необыкновенности своей настращены были чрезвычайно; но и въ сей разъ разосланы были отъ насъ обоихъ, какъ отъ главнокомандующихъ, гонцы по всѣмъ селамъ и деревнямъ, и тотчасъ началась по всюду скачка и гоньба. А какъ мнѣ кстати и безъ того ѣхать надлежало къ г. Сабурову, то я и самъ, сѣвши на лошадь и заѣхавъ за Тараковскимъ, вмѣстѣ съ нимъ въ Калиновку и пріѣхалъ.

Тутъ у всѣхъ у насъ троихъ, какъ у нѣкоего тріумвирата, держанъ былъ тотчасъ опять совѣтъ съ затворенными дверями. Я сообщилъ имъ свое открытіе, разсказалъ все дѣло и прочелъ имъ написанной прожектъ тому, какъ бы намъ удобнѣе было Пашкова отбоярить и себя защитить. Они возрадовались тому также и, одобряя въ полной мѣрѣ все мною написанное, только и твердили, что самъ ангелъ принесъ меня къ нимъ на крылушкахъ.

Послѣ того совѣтовали мы о томъ, какъ бы намъ лучше расположить свой отводъ, и поелику намъ всѣмъ точное положеніе мѣстъ вдоль всей на нѣсколько верстъ простирающейся побочины и упоминаемыя въ выписяхъ и отказныхъ книгахъ живыя урочищи не коротко, а мнѣ и совершенно были неизвѣстны, и мнѣ непремѣнно нужно было видѣть ихъ самолично, дабы сообразно съ ними расположить свои и мѣры; то условились мы на утріе ѣхать вмѣстѣ оныя осматривать, буде на межу не поѣдемъ. Симъ кончился сей день, и мы разстались съ тѣмъ, чтобъ дожидаться вторичной присылки отъ форпостнаго офицера; однако оной не было, и господинъ Пашковъ въ тотъ день еще не пріѣзжалъ.

На утріе, не имѣя никакого съ форпоста извѣстія, готовился я ѣхать въ степь, хотя съ досадою, что погода была холодная и очень дурная, но какъ перемѣнить было нечѣмъ, а требовала необходимость, то, осѣдлавъ лошадей, поѣхалъ я къ г. Сабурову; но едва отъѣхалъ съ версту, какъ увидѣлъ предъ собою толпу народа, и нашелъ цѣлое сонмище тамошняго дворянства, на дорогѣ съѣхавшагося. Иной ѣхалъ на межу, не зная не вѣдая гдѣ она, другой съ поля, иной ко мнѣ, иной къ г. Сабурову, и всѣ, съѣхавшись въ одно мѣсто, шумѣли, гомѣли и кричали.

Были тутъ гг. Дуровъ, Коленинъ, Смирновъ, Бѣляевъ, Сабуровъ и многіе другіе, мною еще впервые тогда видѣнные. Всѣ они невѣдомо какъ ради были, что я къ нимъ, какъ больше всѣхъ смыслившій, подъѣхалъ и могъ разрѣшить ихъ споры, пустыя трусости и сомнительство, а особливо преклонить на другія мысли бунтующаго нѣсколько г. Дурова. Поговоривъ тутъ съ полчаса и прозябнувъ, отложили мы ѣзду свою въ степь, а стали думать о томъ, куда бы намъ въ тепло убраться. Я звалъ всѣхъ къ себѣ, а г. Сабуровъ также, и къ сему согласились ѣхать всѣ гурьбою.

Тутъ держанъ былъ у насъ полной и большой совѣтъ, и было много говорено и толковано. Наиглавнѣйшая нужда настояла въ томъ, чтобъ быть между всѣми нами единодушію и совершенному согласію и порядку, и мнѣ удалось наконецъ

убѣдить всѣхъ къ возстановленію онаго своими представленіями.

Между тѣмъ получено было съ форпоста извѣстіе, что Пашковъ еще не пріѣзжалъ и что намъ ѣхать туда еще не зачѣмъ. Сіе побудило всѣхъ разъѣхаться опять по домамъ, но меня не отпустилъ никакъ г. Сабуровъ. Я принужденъ былъ остаться у него обѣдать, а какъ послѣ обѣда обѣщали быть къ нему и гг. Соймоновы, то дождался я и ихъ, и въ разговорахъ съ ними и съ Казначеевымъ, пріѣхавшимъ туда-жъ съ женою, препроводилъ я весь день въ пріятной компаніи и возвратился домой при захожденіи уже солнца.

Какъ и въ послѣдующій за симъ день не было никакого и ниоткуда слуха, и за случившимся ненастьемъ никуда ѣхать было не можно, то пробылъ я весь день дома безъ дѣла и занимаясь кое-чѣмъ отъ скуки. А то-же самое проливное ненастье, продолжавшееся и на другой день, удержало меня отъ ѣзды къ церкви по случаю бывшаго тогда воскреснаго дня, по о чемъ послѣ жалѣлъ, поелику тамъ было великое собраніе дворянъ, желавшихъ меня видѣть. А какъ послѣ обѣда нѣсколько поироведрилось, то ѣздилъ я къ Сомойновымъ и проводилъ тамъ съ ними и бывшими у нихъ гг. Сабуровыми остатокъ сего дня.

На другой день послѣ сего, по утру, прислалъ ко мнѣ г. Сабуровъ звать меня къ себѣ обѣдать и для слушанія новыхъ вѣстей. Я любопытенъ былъ очень оныя слышать и тотчасъ къ нему съ племянникомъ своимъ и поѣхалъ. Но вѣсти были самыя пустыя и состояли въ слухѣ, якобы г. Пашковъ уже раскаявается въ томъ, что взялъ на свой коштъ землемѣра. Но какъ онъ на хуторъ свой еще не пріѣзжалъ и не было даже и слуха, когда его пришествіе воспослѣдуетъ, то вздумали мы послѣ обѣда съѣздить на ближнюю степь посмотрѣть нѣкоторыя живыя урочищи, гдѣ затѣвали мы завесть споръ.

Поздновато уже было, какъ мы собрались, однако поѣхали. Но можно ли было въ такое короткое время такую бездну и такое пространство ужасное объѣхать? Мы не успѣли и десятой доли того объѣздить, чтò хотѣли, и обмеркли на степи. Ѣдучи мимо нашего форпоста, вздумали мы, какъ главные предводители, заѣхать оной посмотрѣть. Онъ походилъ на дѣйствительной форпостъ издали. Стояла тутъ офицерская палатка и множество народа, съ телѣгами и лошадьми, находилось подлѣ оной. Иные стояли пѣшіе, иные на лошадяхъ, иные на курганѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ находящемся. Не успѣли они насъ завидѣть, какъ и сдѣлалась у нихъ тревога, ибо имъ не видно было, кто-бъ такой это былъ, а видны только были верховыя лошади и наши дрожки съ народомъ.

Всѣ они перетрусились въ прахъ, сочтя насъ непріятелями, каковыми почитали тогда всѣхъ пашковскихъ. Иные посѣлись уже на лошадей, чтобъ искать спасенія, если что не по ихъ будетъ, или скакать къ намъ давать знать. Мила намъ была осторожность; но самого форпостнаго офицера тутъ не было. Въ сей день очередной и наряженной изволилъ облѣниться, и мы положили сдѣлать ему за то выговоръ и протурить въ послѣдующій день.

Съ форпоста проѣхали мы ко мнѣ въ деревню и пріѣхали уже въ глухую ночь. Г. Сабуровъ заѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ съ часъ времени. Послѣ его настращалъ-было меня товарищъ мой, занемогши лихорадкою и пролежавъ всю ночь въ жару. Произошло сіе оттого, что онъ похотясь ѣхать съ нами, попростудился.

27-го числа прошелъ-было слухъ, что г. Пашковъ уѣхалъ въ Воронежъ; но слухъ сей былъ пустой, ибо подъ вечеръ получили мы другое и давно уже ожидаемое извѣстіе съ форпоста, что г. Пашковъ дѣйствительно уже наконецъ на свой хуторъ прибыть изволилъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ пунктѣ остановиться и, кончивъ оное, сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

(Декабря 19 дня 1808 года).

Письмо 162-е.

Любезный пріятель! Достовѣрное извѣстіе, полученное о пріѣздѣ г. Пашкова на его хуторъ, долженствовало произвесть опять тревогу во всѣхъ селеніяхъ нашихъ. Мы разослали опять по всѣмъ мѣстамъ гонцовъ, и повсюду началась паки скачка и гоньба. Ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ г. Тараковской съ увѣдомленіемъ, что былъ у него солдатъ отъ межевщика, посланной за понятыми, и что ему велѣно было заѣхать къ намъ и сказать о пріѣздѣ Пашкова. Итакъ, начали мы съ часу на часъ ожидать повѣстки объ межеваньѣ и удвоили караулъ свой на форпостѣ для лучшей предосторожности.

28 числа по утру, когда я еще спалъ, прислалъ ко мнѣ г. Сабуровъ человѣка съ письмомъ, въ которомъ изображалъ великое сомнѣніе и незнаніе, что дѣлать. «Уже не ѣхать ли намъ самимъ къ Пашкову»—говорилъ онъ въ письмѣ своемъ, и звалъ къ себѣ для совѣта.—Охъ вы трусы, трусы! возопилъ я, и тотчасъ одѣвшись къ нему поѣхалъ. На дорогѣ видѣлъ я повсюду скачку и ристаніе сбирающихся на форпостъ разныхъ людей и дворянъ. Одинъ изъ нихъ, а именно г. Соймоновъ, завидѣвъ мою коляску, тотчасъ остановился и прислалъ ко мнѣ человѣка спрашивать, куда я ѣду? Я сказалъ ему куда, и г. Соймоновъ поѣхалъ вслѣдъ за мною.

Пріѣхавъ къ г. Сабурову, нашли мы уже присланнаго отъ межевщика солдата съ повѣсткою, что межеванье будетъ либо того-жъ числа, или 30 августа, и начнется съ рѣчки Лѣсного-Тамбова съ Разсказовскими дачами. Тогда отлегнуло у насъ немного на сердцѣ, потому что межеванье не съ того мѣста начнется, гдѣ мы опасались, а верстъ за 30 отъ насъ. А какъ при томъ сказано было, что въ тотъ день межеванья не будетъ, то отложили мы ѣхать на межу, а учинивъ трое совѣтъ, предпріяли учинить то, чего требовали тогдашнія обстоятельства.

Между прочимъ изъ совѣта сего произошла изрядная шутка, а именно: досадно было намъ, что владѣльцы и дворяне, живущіе въ отдаленнѣйшемъ въ нашей округѣ селѣ Курдюкахъ, не имѣли съ нами сообщества и до того времени глазъ своихъ не показывали. А какъ къ землямъ ихъ долженствовало дойтить прежде всѣхъ межеванье, то восхотѣлось намъ ихъ пугнуть, и мы согласились послать къ нимъ призывную грамоту. Комисія сочинить ее поручена была мнѣ. Я и подлинно намахалъ отъ всѣхъ насъ ко всѣмъ имъ письмо, могущее привесть ихъ въ превеликую трусость. Сіе письмо отправили мы со случившимся изъ сосѣдственной къ Курдюкамъ деревни прикащикомъ. Послѣ чего г. Соймоновъ, распрощавшись съ нами и пригласивъ насъ на утріе къ себѣ обѣдать для имянинъ его сына, поѣхалъ домой, а я остался обѣдать у г. Сабурова.

Мы едва встали изъ-за стола, какъ прискакала къ намъ цѣлая толпа тутошнихъ дворянъ, проѣздившая по пустому на форпостъ, и, между прочими, незнакомой мнѣ еще человѣкъ, господинъ подполковникъ Свитинъ. Съ ними проговорили мы долго и провели въ томъ весь тотъ день почти до вечера и условившись видѣться опять на утріе въ церквѣ, разъѣхались по домамъ, подтвердивъ на форпостѣ имѣть крѣпчайшее смотрѣніе.

29-го числа, какъ въ праздничной и табельной день, не можно было быть межеванью, то ѣздилъ я въ село Трескино къ обѣдни. Тамъ нашелъ я великое собраніе господъ и госпожъ, съ которыми былъ у насъ опять совѣтъ, что дѣлать и выѣзжать-ли въ сей день на ночь на межу, или нѣтъ? и положили чтобъ ѣхать, хотя и перепали слухи, что межеванья и въ послѣдующій день для праздника Александра Невскаго не будетъ. Я и многіе другіе поѣхали между тѣмъ обѣдать на имянины къ г. Соймонову.

У него было изрядное собраніе и обѣдъ сборной; а послѣ обѣда началось гулянье и, по тамошнему обыкновенію, по

собраніи дворовыхъ и крестьянскихъ бабъ въ нарядномъ убранствѣ, скачка и пляска. Сіе продлилось до самой ночи, и г. Соймоновъ такъ разгулялся, что сдѣлался неотвязчивымъ человѣкомъ.

Между тѣмъ увидѣли мы послѣ обѣда скачущихъ мимо себя многихъ дворянъ. Мы тотчасъ догадались, что были то господа курдюковскіе, ѣдущіе къ намъ по нашей призывной грамотѣ, и кликали ихъ къ себѣ. Тутъ, къ удивленію моему, увидѣлъ я, что господа сіи были люди очень изрядные, особливо маіоръ Стахановъ и поручикъ Паульской.

Сколько примѣтить было можно, то зазывная наша грамота была имъ нѣсколько чувствительна; однако я умѣлъ скоро уничтожить ихъ неудовольствіе, представивъ имъ великую необходимость ихъ пріѣзда и ту опасность, какой они себя подвергали, не приобщаясь къ нашему обществу и совѣту.

Оба помянутые господа были люди такіе, которые могли въ одинъ мигъ понять все дѣло. Итакъ, содѣлались мы тотчасъ добрыми друзьями, и они пробыли у насъ до самаго разъѣзда; а я возвратился домой уже около полуночи.

30 августа былъ, наконецъ, тотъ день, въ которой надлежало намъ собираться всѣмъ на межу. Нѣкоторые не хотѣли было ѣхать въ такую даль и на чужую землю; но я убѣдилъ всѣхъ представленіями, что какъ они межеванья никогда еще не видывали, то хотя начнутъ и не у насъ межевать, но не худо имъ посмотрѣть и познакомиться предварительно съ обрядами межеванья.

Итакъ, опредѣлили мы всѣмъ ѣхать и назначили для генеральнаго рандеву, или сборнымъ мѣстомъ одинъ, находящійся посреди степи, превеликой курганъ, называемой Краснымъ, куда послѣ полудня всѣ и со всѣхъ сторонъ и собрались. Г. Сабуровъ заѣхалъ ко мнѣ и мы поѣхали вмѣстѣ.

Пріѣхавши къ кургану, нашли мы тутъ уже великое множество народа. Большая часть дворянъ и повѣренные всѣ находились уже тутъ. Кибитокъ и повозокъ было превеликое множество. Одинъ изъ офицеровъ отправленъ былъ еще до насъ для провѣдыванія о межевщикѣ въ пашковской хуторъ; итакъ, стали мы его возвращенія дожидаться.

Какъ между тѣмъ прошло часа два времени, то провели мы ихъ въ разныхъ разговорахъ, взошли на курганъ, подчивали другъ друга водкою и ѣли арбузы, чрезъ самое сіе и сдѣлали мы сей курганъ на вѣкъ достопамятнымъ, назвавъ его «арбузнымъ».

Какъ все сіе происходило, то повстрѣчалось со мною тутъ одно досадное обстоятельство. Всѣ бывшіе тутъ въ собраніи многіе дворяне, а того множайшіе повѣренные другихъ отсутственныхъ господъ были съ мнѣніями и намѣреніями моими согласны, а колобродилъ только одинъ, а именно умной человѣкъ, или паче безсмысленный глупецъ, прикащикъ господина Рахманова, котораго самого по особливому для насъ счастью въ то время въ сихъ деревняхъ не случилось. Этотъ глупецъ, наливши себѣ лобъ, только и твердилъ, что онъ не пуститъ межевщика иттить по землѣ государя его боярина и не отступится отъ ней.

Сколько ни старался я приводить его въ разсудокъ лучшій, но все не успѣвало. Къ вящему несчастію опредѣленъ былъ на подмогу къ нему человѣкъ господина Сатина, бывавшій при межеваньѣ. Сей вздумалъ также предо мною умничать и доводить до того, чтобъ всѣ ему въ глаза смотрѣли. Оба сіи господа смущали невѣдомо какъ народъ и развращали мысли, а особливо у незнающихъ и неимѣющихъ здраваго разсудка людей. Отчего къ превеликой досадѣ моей и начинались раздоры и разныя мнѣнія и толки.

Я видѣлъ необходимость, что мнѣ надобно было ихъ усмирить и опять успокоить; но мнѣ стоило сіе толь многихъ трудовъ, что я отъ крика даже осипъ и нажилъ себѣ кашель. Но доволенъ по крайней мѣрѣ былъ тѣмъ, что нѣсколько опять ихъ разными представленіями и уговариваніями поуспокоилъ.

Между тѣмъ возвратился посыланной на хуторъ и привезъ извѣстіе, что межевщикъ совсѣмъ готовъ и ѣдетъ на межу; чего ради послали мы еще подзорщиковъ смотрѣть, какъ выѣдетъ и куда поѣдетъ. Между тѣмъ балагуря между собою, выбрали мы еще нѣсколько начальниковъ: иного пожаловали въ маіоры, иного въ адъютанты, иного въ обозные, иного въ квартермистры, иного въ сержанты и поручили каждому свойственныя должности. Обозной долженъ былъ имѣть начальство надъ обозомъ и становить его на станціяхъ вагенбургомъ. Квартермистръ долженъ былъ ассигновать и отводить подъ станъ мѣсто и стараться о снабженіи всего нашего войска провизіею и фуражемъ и всѣми нужными потребностями, и такъ далѣе.

Не успѣли мы окончить сего распоряженія, какъ прискакалъ къ намъ посыланной съ извѣстіемъ, что межевщикъ уже выѣхалъ. Тутъ тотчасъ закричали мы: лошадей! и началась великая суета. Одни ловили лошадей, другіе ихъ сѣдлали, третьи запрятали повозки и такъ далѣе. Пріятно было смотрѣть на сей безпорядокъ! все происходило такъ, какъ бы при полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля. Всякъ суетился, бѣгалъ безъ души и спѣшилъ скорѣе исправиться.

Наконецъ, тронулись и поѣхали мы съ мѣста. Человѣкъ тридцать повѣренныхъ, верхами, по четыре человѣка въ рядъ, ѣхали передъ нами впереди. За ними мы съ господиномъ Сабуровымъ, какъ главные начальники, за нами прочіе дворяне, а за ними слуги. И какой это былъ длинной рядъ колясокъ, кибитокъ и телѣгъ! Мы уже съ версту отъѣхали, а послѣдній конецъ еще подлѣ кургана находился, и казалось, что ѣдетъ народа нѣсколько сотъ человѣкъ.

Пріѣхавъ къ такъ-называемымъ Ближнимъ-озеркамъ, куда, какъ сказали намъ, поѣхалъ межевщикъ, не нашли мы онаго въ семъ мѣстѣ и услышали, что онъ проѣхалъ далѣе и будетъ дѣло свое начинать въ другомъ мѣстѣ. Тогда поскакали и мы вслѣдъ за онымъ и спѣшили тѣмъ паче, что наступалъ уже вечеръ, а ѣхать надобно было верстъ съ пятнадцать. Но какъ мы ни спѣшили, однако обмеркли на дорогѣ и принуждены были ѣхать въ темнотѣ.

Подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ расположился межевщикъ ночевать, увидѣли мы повсюду горящіе огни и шумъ отъ ночующаго разнаго народа; межевать хотѣли начинать съ рѣки Лѣсного-Тамбова и внутри самыхъ дачъ и владѣній села Разсказова, дворцоваго и села Спаскаго, монастырскаго или экономическаго вѣдомства крестьянъ. Сіи, услышавши о пріѣздѣ сихъ незванныхъ гостей въ средину владѣнія своего, собрались великими ватагами и готовились подпимать гвалтъ и бить, какъ скоро межевать станутъ, и для того ночевали въ близости съ дубьемъ и дреколіемъ и дожидались только дня.

Услышавши сіе, многіе изъ нашихъ начинали тревожиться и опасаться, чтобы при такомъ случаѣ и намъ со стороны не досталось. Но какъ мы были люди посторонніе, а притомъ и самихъ насъ была изрядная кучка и человѣкъ около двухъ сотъ, то скоро я всѣхъ успокоилъ и уговорилъ, представляя, что хотя-бъ и драка сдѣлалась, такъ намъ слѣдовало-бы не допускать до того.

Совсѣмъ тѣмъ остановились мы немного одаль и отъ межевщика, и отъ волостныхъ мужиковъ, и сдѣлавъ порядочной вагенбургъ, разбили посреди онаго палатку, привезенную съ собой, и множество расклали огней, чѣмъ всему нашему табору придали такой величественной видъ, что всѣ пріезжавшіе послѣ станъ нашъ почитали межевщиковымъ.

Расположившись симъ образомъ, согласились мы иттить къ межевщику. Мы застали его уже раздѣвавшагося и хотѣвшагося ложиться спать. Итакъ, поговоривъ немного, раскланялись мы съ нимъ и оставили его съ покоемъ.

Межевщикъ показался мнѣ изряднымъ и такимъ старичкомъ, какимъ мнѣ его описывали уже прежде. Чинъ имѣлъ онъ капитанской и звали его Иваномъ Пе-

тровичемъ Петровымъ. Экипажъ его былъ очень незнатенъ и состоялъ въ простенькой кибитчонкѣ, да и весь обозъ его былъ слишкомъ не великъ и состоялъ только въ нѣсколькихъ телѣгахъ съ межевыми столбами.

Возвратившись, нашли мы уже палатку разбитою и столъ на землѣ, покрытой и установленной множествомъ кушаньевъ. Всякой тащилъ что съ собою привезъ и становилъ на столъ или паче на распростертую по землѣ скатерть. Итакъ, хотя была тогда пятница, и день постный, но наставили рыбы и всего прочаго такое множество, что и ѣсть было некому, хотя насъ была и изрядная компанія.

Послѣ ужина напомнили мы свою военную службу и, приравнивая ее къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, сдѣлали кругомъ огонька кружокъ, какъ прежде сего на войнахъ бывало и дѣлывали, и начали разговаривать и разоврались такъ хорошо, что истинно часа два проговорили и прохохотали и никому сонъ и на умъ не шелъ. Наконецъ разошлись мы по своимъ экипажамъ, а иные въ палатку, спать. И сія была первая ночь, которую проводили мы въ полѣ.

Проснувшись по утру очень рано и подосадуя, что позабыли всѣ взять съ собою приборъ съ чаемъ, одѣлись мы и пошли всѣ къ господину землемѣру. Онъ окруженъ уже былъ множествомъ народа и разсматривалъ крѣпости разсказовскихъ и спаскихъ мужиковъ. Мы вмѣшались тотчасъ въ разговоръ, и я скоро могъ примѣтить, что межевщикъ былъ человѣкъ очень мякенькой и что слишкомъ уже явно держалъ сторону Пашкова. Но какъ не до меня было дѣло, то ничего еще не говорилъ. Послѣ чего повелъ его повѣренной господина Пашкова на начинной пунктъ и самое то мѣсто, гдѣ разграничивались владѣнія разсказовскихъ съ спаскими.

Какъ крестьяне обѣихъ казенныхъ сихъ волостей были люди межеванья никогда еще въ глаза не видавшіе и притомъ всѣ ничего незнающіе, то начался съ самаго начала превеликой уже вздоръ. Они начали спорить, но безъ толку и безъ порядка, и, по обыкновенію нашихъ крестьянъ, съ мужицкою своею надменностію, крикомъ, воплемъ и угрозами.

Мы всѣ были тогда только зрителями и толпа превеликая народа окружала землемѣра. Долго сіе продолжалось и продлилось бы еще и долѣе, еслибъ не началъ и я мало по малу вмѣшиваться въ разговоры и толковать мужикамъ дѣло. Любо было сіе межевщику и тѣмъ паче, что онъ и самъ не слишкомъ былъ далекъ и знающъ въ своей должности, а не противно также и Рыбину—такъ назывался повѣренной г. Пашкова—ибо самъ онъ не изволилъ на межу удвинуться, а поручилъ все дѣло сему своему служителю, которой былъ малой хотя не глупой, но не изъ самыхъ же прыткихъ и бойкихъ. А какъ и самой межевщиковъ подъячій былъ также не изъ далекихъ, то и не трудно было мнѣ не только вкрасться имъ въ кредитъ, но въ одинъ мигъ почти довести до того, что и межевщикъ, и Рыбинъ, и подъячій стали меня уважать и даже слушаться, и я сдѣлался первѣйшею особою, обратившею вниманіе всего народа на себя.

А неуспѣло сего воспослѣдовать, и всѣмъ присутствующимъ знаніе мое въ межевыхъ дѣлахъ сдѣлалось видимо, какъ повѣренные обѣихъ оныхъ волостей и привязались уже ко мнѣ и просили, чтобъ я ихъ, бѣдныхъ, не оставилъ и далъ наставленіе, что имъ дѣлать.

Тогда отчасти изъ сожалѣнія, отчасти съ досады на начальниковъ и управителей ихъ, оставившихъ бѣдняковъ сихъ безъ всякой защиты и предавшихъ въ руки непріятелей, а къ тому-жъ нѣкоторымъ образомъ и для собственной своей пользы, вздумалъ и рѣшился я разрушить тѣ злые ковы, которые на нихъ были кованы.

Я легко могъ видѣть, что дѣло тутъ пахло плутовствомъ и мошенничествомъ. Разсказовской управитель вмѣсто того, чтобъ быть ему самому на межѣ, и какъ заключать было можно, по согласію съ Пашковымъ, уѣхалъ нарочно въ сіе

время куда-то прочь и выбралъ къ межеванью сему двухъ совсѣмъ незнающихъ мужиковъ, и былъ даже такъ безсовѣстенъ, что и не снабдилъ ихъ полною и по обыкновенной узаконенной формѣ написанною довѣренностію, а только представилъ ихъ при сообщеніи изъ своей канцеляріи и давъ имъ приказы, нимало съ здравымъ разсудкомъ не согласные; знающаго-же грамотнаго человѣка или подъячаго ни одного къ нимъ не приставилъ. Все сіе, какъ думать надобно, на тотъ конецъ было сдѣлано, чтобъ межевщику можно было ихъ, какъ неимѣвшихъ указныхъ довѣренностей, сослать съ межи, а самому безъ нихъ отмежевать землю господину Пашкову и утвердить безспорными столбами.

Все сіе дѣйствительно-бы и воспослѣдовало, если-бъ при томъ не случилось меня и не сдѣлано-бъ было отъ меня помѣшательства. Рыбинъ сколько ни старался убѣдить къ тому межевщика и сколько сей Пашкову ни раболѣпствовалъ, однако дурно было ему такое противное законамъ дѣло сдѣлать при толь многихъ дворянахъ и штабъ-и-оберъ-офицерахъ, а особливо при мнѣ, какъ знающемъ межевыя дѣла человѣкѣ и говорившемъ вслухъ, что это дурно, нехорошо и никакъ не годится.

Итакъ, принужденъ онъ былъ почти противъ хотѣнія своего принять отъ разсказовскихъ споръ и начать писать обыкновенную полевую записку со внешеніемъ въ нее съ обѣихъ спорящихъ сторонъ объявленій. Тутъ, къ превеликому удовольствію, примѣтилъ я, что не только подъячій, но и самъ господинъ землемѣръ въ письмѣ былъ не слишкомъ расторопенъ: мякъ, мякъ, мякъ, а толку не было. Самъ Рыбинъ не слишкомъ быстёръ былъ въ сказываніи, что писать. Итакъ, не писали, а марали только бумагу и принуждено было переписывать опять все набѣло.

Но какъ-бы то ни было, однако дѣло взяло-было свое начало и пошло своимъ порядкомъ; но вдругъ гдѣ ни возьмись цѣлая толпа разсказовскихъ бородачей, пришедшихъ за тѣмъ, чтобъ взять горломъ. Въ одинъ мигъ сдѣлался тогда превеликой шумъ, всѣ ударили въ голоса, и неизвѣстно было кого слушать.

Межевщику и Рыбину то было и надобно. Онъ разсердился на нихъ и сталъ ихъ всѣхъ прогонять; велѣлъ чернить полевую записку, сердился, кричалъ и говорилъ, что онъ ихъ не принимаетъ безъ вѣрющихъ писемъ и требовалъ сказки. Но тутъ догадай нелегкая старосту разсказовскаго сказать, что у нихъ сказка есть, но онъ ему ее не подастъ.

Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ встань бѣда и не лягъ — «давай, давай скорѣй столбы! вотъ я ихъ проучу», закричалъ межевщикъ и самъ ярился и бѣсился. Всѣ тогда принуждены были отъ него разсѣяться; а разсказовскіе мужики, закусивъ губы, и прочь совсѣмъ пошли дѣйствительно въ намѣреніи приударить въ колья, какъ скоро они межевать начнутъ.

Увидѣлъ я тогда, что дѣло доходило подлинно до дурного, и какъ мнѣ не хотѣлось, чтобъ дошло до гвалта и побоища, и чтобъ не сдѣлалась тѣмъ межеванью остановка, то пошелъ я ворочать, уговаривать и увѣщевать сихъ глупцовъ безумныхъ. Но не успѣлъ шага два-три отойтить, какъ поймалъ меня Рыбинъ за полу и умиленнѣйшимъ образомъ просилъ, чтобъ я ихъ не замалъ и не училъ. «Что вамъ, судырь, дѣла!» говорилъ онъ—«не замайте, судырь, ихъ, пускай себѣ, что хотятъ, то дѣлаютъ».

Разсмѣялся я сему прошенію и тотчасъ, перевернувшись, самого его увѣрилъ, что я для его же пользы въ это дѣло мѣшаюсь, и что если не уговорить мужиковъ, то они и его, и межевщика сгонятъ съ поля и чтобъ еще не побили.

—«Мужики, говорилъ я ему—глупы; ихъ нужно разсердить, а послѣ и не уймешь. Итакъ, добраго изъ того ничего не выдетъ. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ межеванье ваше рушилось?... А когда нѣтъ, такъ надобно дураковъ какъ-нибудь убаить, и пускай они врутъ, что хотятъ, чего тебѣ ихъ спора бояться. Они хоть сто разъ называй эту землю своею, но рѣч-

ки-то и этого живого урочища не снесутъ, а оно-то и важно: по оному вы всю ее получить можете и на споры ихъ нимало не посмотрятъ».

Симъ я Рыбина не только успокоилъ, но и побудилъ еще просить меня съ поклонами, чтобъ я постарался уговорить мужиковъ. А я, догнавъ ихъ, и употребилъ дѣйствительно все, что могъ къ усмиренію его (?) и приведенію на оныя мысли.

— Дураки! говорилъ я имъ: что это вы дѣлаете и даровое ли затѣваете? Я знаю, что у васъ на умѣ и куда вы, и зачѣмъ идете; но изъ драки и битья ничего добраго не выдетъ и вы тѣмъ себѣ ничего не пособите, а все дѣло только испортите. Васъ, дураковъ, пересѣкутъ за то плетьми и кнутьями, а межевщику дадутъ изъ города команду, и тогда не посмотрятъ на васъ и отмежуютъ и вы землю потеряете.

Сіи и подобныя тому слова поостановили сихъ дураковъ.

— «Но что-жъ намъ дѣлать?» сказали они, «видишь онъ какой! ни словъ нашихъ, ни рѣчей не принимаетъ, а гонитъ только прочь и хочетъ нартомъ взять, да и не говори еще—бѣсится».

— Ну, это вы его разсердили—сказалъ я,—вамъ бы не надлежало такъ вопить и кричать. Этого при межеваньяхъ не водится, а говорить тихо, порядочно и учтиво, а стараться бы только о томъ, чтобъ приняли и записали вашъ споръ и чтобъ не бѣлые клейменые, а черные столбы становили, которые ничего еще не значутъ.

Сими словами поуспокоилъ я ихъ нѣсколько и довелъ до того, что сами они стали меня просить, чтобъ я уговорилъ межевщика принять отъ нихъ споръ и буде бы можно сдѣлать имъ милость, и помогъ имъ, незнающимъ въ этомъ случаѣ, и вмѣсто ихъ сказывалъ бы, что писать и какъ бы это сдѣлать.

— Ну, этого мнѣ нельзя сдѣлать, друзья мои! Межевщика уговорить я готовъ, но вмѣсто васъ споръ записывать и говорить, какъ можно мнѣ, постороннему человѣку?

— «Да какъ же намъ быть? а сами мы не умѣемъ и не знаемъ, какъ и приняться за это дѣло».

— Развѣ попросите, — сказалъ я, — вы сами межевщика о томъ, и онъ мнѣ, вмѣсто васъ, говорить позволитъ.

— «Хорошо, хорошо, батюшка, подхватили они: постарайтесь же объ насъ».

Итакъ, по успокоеніи сихъ, осталось мнѣ преклонить гнѣвъ одного только межевщика на милость, все еще ярящагося и вопіющаго, чтобъ давали скорѣе бѣлый столбъ и лопатки. Но и сего мнѣ не великаго труда стоило убѣдить ко всему, чего мнѣ хотѣлось. Я подбѣжалъ къ нему и самымъ дружескимъ образомъ сказалъ ему въ полголоса:

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ! что это вы хотите дѣлать и какой себя опасности подвергаете?

— «А что такое?» спросилъ онъ.

— Какъ что? У дураковъ-та непутное на умѣ: у нихъ человѣкъ съ полтораста приготовлено съ дубьёмъ и дреколіемъ, лежатъ вонъ тамъ, въ яругѣ, и они пошли за ними, чтобъ бить васъ не на животъ, а на смерть, и мнѣ истинно васъ жаль, вижу что вы очень доброй человѣкъ.

— «Что вы говорите? не въ правду ли?» воскликнулъ испужавшійся и затрепетавшій отъ страха межевщикъ.

— Ей-ей! сказалъ я: и мы сей только часъ это узнали, и я для того и поспѣшилъ вамъ это сказать.

— «Помилуетъ васъ за то! подхватилъ онъ: вы меня очень обязали. Но, охъ, какъ же быть и что мнѣ дѣлать?... какъ-нибудь надобно бы уговорить и успокоить глупцовъ этихъ. Они съ дуру, что съ глупу, готовы на все отважиться... Ужъ не можете ли вы, продолжалъ онъ, какъ-нибудь ихъ усовѣстить и усмирить? Вы бы меня тѣмъ очень одолжили».

— Я уже имъ и говорилъ—сказалъ я,—но они несутъ чертовщину и кричатъ только: «Какъ! не хочетъ отъ насъ принять спора! да мы вѣдь сами государевы!» Да и въ самомъ дѣлѣ, батюшка Иванъ Петровичъ, какъ можно вамъ не допу-

стить ихъ до спора? вѣдь они не владѣльческіе, а казенные, и присланы къ вамъ при сообщеніи.

— «Чортъ ихъ побери! подхватилъ межевщикъ: пускай себѣ спорятъ. Скажите, батюшка, имъ, что я согласенъ уже принять споръ отъ нихъ».

Съ симъ и пошелъ я опять къ мужикамъ, и поговоривъ съ ними еще нѣсколько и возвратясь опять къ межевщику, со смѣхомъ сказалъ:

— Дѣло почти сдѣлано, а стало за безделицею: нѣтъ у нихъ ни одного грамотника, а сами не умѣютъ, и не смѣшно ли? просятъ меня, чтобы я имъ сколько-нибудь въ этомъ помогъ, а мнѣ кстати ли въ чужое дѣло мѣшаться?

— «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ межевщикъ: какая нужда!... скажите, батюшка, имъ, что я и на то согласенъ. Пропади они совсѣмъ».

Какъ мнѣ сего только и хотѣлось, то, пошедши опять къ мужикамъ и поговоривъ съ ними, привелъ я съ собою повѣренныхъ и лучшихъ изъ нихъ, и помиривъ ихъ съ межевщикомъ, возстановилъ благополучно опять тишину, и начатое дѣло начало продолжаться, но съ тѣмъ уже различіемъ, что и я, какъ миротворитель, имѣлъ въ томъ соучастіе и взялъ уже вольность указывать подьячему и сказывать, что писать.

Сей, по подьяческому своему высокоумію, не хотѣлъ-было меня слушаться, а сталъ слишкомъ и не кстати умничать и городить сущій вздоръ; но я скоро до того довелъ, что самъ Рыбинъ сталъ его и межевщика просить, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ сказывать, что ему писать въ объявленіи разсказовскихъ. Да не только сіе, но самыя и свои слова инако и какъ мнѣ хотѣлось переворачивать дозволилъ.

Мило и пріятно всѣмъ нашимъ чрезвычайно сіе было, а того милѣе, какъ они увидѣли, что я самому межевщику сталъ указывать и давать совѣты, какъ лучше межевать, какіе лучше дѣлать признаки; обращался съ астролябіею, какъ знающій человѣкъ, и что межевщикъ во всемъ меня слушался. Всѣ хвалили меня и вся толпа народа обо мнѣ одномъ говорить начала и твердить, что не межевщику, а мнѣ бы межевать надлежало. Однимъ словомъ, сей одинъ часъ ввелъ меня въ превеликой кредитъ всей нашей округи и не только дворянамъ, но и крестьянамъ, и не только своимъ, но и постороннимъ. Всѣ возложили на меня надежду, всѣ твердили, что если-бъ не я, то быть бы тутъ чухѣ, и всѣ увѣрились и перестали обо мнѣ имѣть сомнительство, какое многіе, сами не зная почему, все-таки еще имѣли.

Признаюсь, что для меня сей день былъ очень пріятенъ, и ему нельзя было и не быть такимъ, потому что онъ очень много льстилъ моему самолюбію. И я надѣюсь, что мнѣ простительно будетъ, когда признаюсь въ томъ, что слуху моему было очень пріятно слышать, что самые незнающіе совсѣмъ меня посторонніе люди твердили:

«О, сѣренькій-то баринъ востёръ!» (такъ называли они меня потому, что былъ тогда на мнѣ сверхъ мундира сѣренькой сюртукъ) «нечего говорить, востёръ, всѣхъ-ста онъ ихъ востреѣ, да и самого-то межевщика умнѣй. Ну, кабы не онъ, быть бы тутъ чему-нибудь и такой каши, что и не расхлебали бы, а разсказовскимъ не видать бы, какъ ушей, своей земельки. Помилуетъ его Богъ! и самъ Христосъ его сюда принесъ!» и такъ далѣе.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, солнце продолжало свое теченіе и подвигалось уже къ полудню. Всѣмъ намъ уже и ѣсть захотѣлось. Итакъ, записавъ, какъ водится, самой простой и обыкновенной споръ, и дождавшись, какъ межевщикъ началъ уже черные столбы становить и линіи двѣ-три отошелъ, возвратились мы къ своему стану съ радостью, что помогли разсказовскимъ и заставили пашковскихъ выпрягать лошадей своихъ изъ сохъ, которыя-было они для прорѣзыванія межи совсѣмъ-было приготовили. Въ стану своемъ нашли уже мы разостланныя скатерти и множество и печенаго, и вареннаго, и жаренаго, и питейнаго, словомъ, столъ всѣмъ изобиліемъ преис-

полненной. Насъ обѣдала превеликая тогда компанія, а именно: я, г. Сабуровъ, г. Соймоновъ, г. Стахановъ, г. Паульской, г. Колеминъ, г. Ржавитиновъ, г. Тараковской, г. Смирной, г. Свитневъ, г. Бѣляевъ, г. Кордюковъ, г. Дуровъ, г. Левашовъ и многіе другіе, изъ коихъ нѣкоторые подъѣхали къ намъ уже того утра. Миръ, согласіе, единодушіе, дружба, ласковость и взаимное другъ друга подчиваніе и угощеніе господствовало тогда между нами и дѣлали намъ ѣствы еще вкуснѣйшими, и могу сказать, что было намъ тогда очень весело и нескучно.

Послѣ обѣда учинили мы общій совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать? И какъ можно было навѣрное полагать, что межа до нашихъ границъ все будетъ спорная и въ тотъ день далеко не дойдетъ, а послѣдующій день былъ воскресной, то положили мы ѣхать дóмой и, заѣхавъ опять къ межевщику посмотрѣть, какъ онъ межуетъ, собираться опять всѣмъ въ воскресенье къ вечеру на своей границѣ.

Опредѣливъ сіе, велѣли мы того же часа запрягать лошадей, и поѣхали въ путь. Межевщика нашли мы уже нѣсколько линій отошедшаго и услышали отъ него, что онъ и въ послѣдующій день послѣ обѣда межевать станетъ.

Сіе озаботило-было насъ нѣсколько, и обстоятельство сіе было тѣмъ для насъ досаднѣе, что намъ хотѣлось въ этотъ день попраздновать на имянинахъ у господина Сабурова; ибо какъ въ самое сіе воскресенье была имянинницею жена его, то звалъ онъ насъ къ себѣ. Однако, подумавъ-погадавъ и видя медлительность и нерасторопность межевщика, понадѣялись, что въ послѣдующій день межевщикъ, по непроворству своему, до нашихъ границъ, отстоящихъ оттуда болѣе нежели на десять верстъ, никакъ еще не дойдетъ, положили ѣхать домой и болѣе для того, что мнѣ хотѣлось вечеркомъ посидѣть и заготовить для будущаго спора хорошую епистолу.

У меня была уже и заготовлена изрядная пьеса для внесенія въ полевую записку, но она не годилась по той причинѣ, что я, ходючи съ межевщикомъ и обходясь съ повѣреннымъ Рыбинымъ ласково и дружелюбно, по счастью довелъ его стороною до того, что онъ проболтался и сказалъ намъ напередъ, куда онъ подлѣ нашихъ дачъ вести былъ намѣренъ, и я въ одинъ мигъ догадался, что онъ изъ слѣдуемаго ему по отказнымъ книгамъ отвода намѣренъ былъ великую часть степи выпустить. И какъ обстоятельство сіе было мною совсѣмъ неожидаемо, то сіе и заставило меня думать и помышлять о томъ, чтобъ дать спору моему совсѣмъ другой оборотъ и сообразить его съ намѣреніемъ г. Пашкова.

Такимъ образомъ поѣхали мы съ Иваномъ Яковлевичемъ и нѣкоторыми другими домой, а прочіе остались ночевать опять въ степи отчасти при межевщикѣ, отчасти на границахъ нашихъ дачъ въ новоназначенномъ отъ насъ новомъ сборномъ мѣстѣ, чему мы были и ради, ибо могли имъ поручить имѣть всѣ нужныя предосторожности и на случай какихъ-либо неожидаемостей дать имъ наставленіе, что имъ дѣлать.

Но не успѣли мы нѣсколькихъ верстъ отъѣхать, какъ я и раскаялся уже, что поѣхалъ, ибо застигла насъ на дорогѣ темная ночь, а ѣхать было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было, но мы хотя почти ощупью, но до дома часа черезъ два ночи доѣхали. Совсѣмъ тѣмъ непреминулъ я приняться тотчасъ за перо, и того-жъ момента началъ писать свою епистолію и прежде не легъ спать, покуда ее не окончилъ.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ оное на семъ мѣстѣ перервавъ, сказать вамъ что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

Письмо 163-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать нашъ славной споръ, имѣвшій столь многочисленныя и важныя

послѣдствія, за нужное нахожу сказать вамъ напередъ нѣсколько словъ о положеніи и обстоятельствахъ той обширной степи, о которой начиналось тогда спорное межевое дѣло, дабы чрезъ то могли вамъ тѣмъ понятнѣй быть тѣ мѣры, какія употреблены были тогда мною къ недопущенію г. Пашкова незаконнымъ образомъ и съ легкимъ трудомъ всѣмъ симъ обширнымъ мѣстомъ къ предосужденію моему и всѣхъ моихъ сосѣдей, имѣвшихъ въ такъ-называемой Пандинской округѣ жительство и во владѣніи землями оной общее соучастіе.

Обширная и болѣе продолговатая, нежели круглая степь сія лежала тогда между Шадскимъ и Тамбовскимъ уѣздомъ и разграничивала собою оба сіи уѣзда. Въ длину простиралась она отъ юга къ сѣверу болѣе, нежели на 40 верстъ, а въ ширину отъ востока къ западу верстъ на 25 или болѣе.

Вся она во внутренности своей была почти безводная, ибо въ срединѣ только оной протекала небольшая рѣчка Ржакса, самая та, на которой у Пашкова заведенъ былъ маленькой хуторокъ для скотоводства. Но что касается до краевъ оной, то оные не совсѣмъ были безводны, а находилось оныхъ довольно отчасти въ рѣчкахъ, протекающихъ вдоль ея предѣловъ, отчасти въ буеракахъ или, такъ тамъ называемыхъ, яругахъ, имѣющихъ истоки свои изъ внутренности оной и впадающихъ въ разныя рѣки, въ сосѣдственныхъ дачахъ находящіяся.

Что касается до сихъ сосѣдственныхъ дачъ, то съ сѣверной стороны прилегали къ ней распашныя земли огромнаго дворцоваго села Разсказова, и тутъ протекала вдоль края ея помянутая рѣчка Лѣсной-Тамбовъ; но владѣніе крестьянъ сего села простиралось гораздо далѣе за сію рѣчку во внутренность степи. А какъ Пашковъ по самую сію рѣчку хотѣлъ отмежевать себѣ степь сію, поелику она упомянута и приурочена была, то сіе и подало поводъ къ описанному мною уже спору между разсказовскими и Пашковымъ.

Съ восточной стороны прилегала къ сей степи длинною побочиною своею вся наша Пандинская округа, которое имя носила она потому, что большая часть селъ и деревень, въ ней находящихся, имѣли поселеніе свое при брегахъ нарочитой величины рѣки Панды, протекающей вдоль сей округи по самой срединѣ оной.

Тутъ, во-первыхъ, прилегали къ ней распашныя земли большой деревни Караваеной; подлѣ сихъ прилегали земли деревни Мельничнаго-Поселка, принадлежащей одному Рахманову. За сими прилегали къ ней земли нашей деревни Болотовки, совокупно съ деревнею Бѣляевкою и отчасти села Трескина, принадлежащихъ многимъ и разнымъ владѣльцамъ, а особливо Тараковскому, Молчанову, Бѣляеву, Казначеевымъ и другимъ нѣсколькимъ. А за сими прилегали къ ней земли деревни Калиновки, гдѣ жилъ помянутой г. Сабуровъ съ нѣсколькими другими владѣльцами.

Во всю сію длинную побочину не было ни одной рѣчки, текущей вдоль оной, кромѣ находящейся въ нижнемъ концѣ и называвшейся Паникою; напротивъ того, поперегъ пересѣкалась она многими буераками или яругами съ ихъ отростками, изъ которыхъ наиглавнѣйшею была рѣчка Караваенка, на устьѣ которой поселена была деревня Караваино. А напротивъ селенія нашей деревни Болотовки простиралась далеко въ степь яруга или буеракъ Ложечный съ разными его отростками или боковыми вершинами.

Съ южной стороны прилегали къ ней владѣнія разныхъ селъ и деревень того-жъ Шадскаго, а болѣе уже и Тамбовскаго уѣзда, поселившіяся на рѣчкѣ Ржаксѣ и другихъ нѣкоторыхъ. А съ западной стороны прилегала во всю ея побочину къ ней другая и такая же обширная дикая степь, Тамбовскаго уѣзда, лежащая за рѣчкою Осиновкою, и, наконецъ, владѣнія помянутаго экономическаго села Спасскаго.

Какъ точныхъ границъ ни которыя изъ смежныхъ съ сею степью владѣльческихъ дачъ не имѣли, потому что въ сихъ мѣстахъ не было въ древности никогда ни-

какихъ ни писцовъ и писцовыхъ книгъ, а земли раздаваны были разнымъ людямъ съ означеніемъ только числа четвертей и съ приурочиваніями весьма темными, необстоятельными и крайне недостаточными, то и произошло отъ того, что при размножившемся современемъ количествѣ жителей, всѣ они, не имѣя землямъ своимъ формальныхъ ограничивающихъ ихъ межей, владѣнія свои распространяли съ каждымъ годомъ отъ часу далѣе со всѣхъ сторонъ во внутренность сей степи, почитаемой тогда всѣми казенною, дико-порозжею и никому не принадлежащею землею, и ближнія мѣста въ ней распахивая и заселяя хуторами и деревнями, а дальнія захватывая подъ свои покосы.

Но ни съ которой стороны такъ много сіи владѣнія распространены въ нее не были, какъ съ стороны сѣверной разсказовскими и спасскими жителями, и съ стороны восточной жителями нашей Пандинской округи. Изъ сихъ никѣмъ такъ много земли во владѣніе подъ пашню и покосы не было захвачено, какъ господиномъ Рахмановымъ противъ деревни его Мельничнаго-поселка, лежавшей между нашею Болотовкою и деревнею Караванною, такъ что число однихъ сихъ захваченныхъ усильствомъ симъ алчнымъ и наглымъ обидчикомъ простиралось до нѣсколька тысячъ десятинъ.

Въ таковомъ положеніи находилась сія степь до самаго того времени, въ которое началось у насъ государственное межеванье; и какъ за годъ до того публикованъ былъ строгой указъ, чтобъ всѣ прикосновенные къ государственнымъ землямъ и захватившіе изъ нихъ какое-либо количество во владѣніе неотмѣнно объявляли, съ показаніемъ сколько ими завлажено и сколько они сверхъ того изъ ней себѣ купить отъ казны пожелаютъ, то множайшие изъ владѣльцевъ нашей округи, въ томъ числѣ и я, и объявили, какъ о завладѣніи изъ степи сей нѣсколькихъ сотъ десятинъ, такъ предъявили желанія свои и къ покупкѣ еще множайшаго числа, считая всю степь сію не инако, какъ казенною, ибо тогда о дачѣ, произведенной изъ ней Пашкову и плутовскомъ его отказѣ всей оной за собою никому и ничего не было извѣстно.

Но какъ изданнымъ о межеваніи манифестомъ цѣна всѣмъ завладѣннымъ и продажнымъ землямъ объявлена была противъ чаянія всѣхъ высокая, то и купили изъ ней землю только очень немногіе; множайшие же, за неимѣніемъ денегъ, или не хотя жертвовать на то многими суммами, осѣлись и, вздумавъ называть всѣ завлаженныя ими земли своими и говорить, что тутъ никакихъ пустыхъ и дико-порозжихъ земель не имѣется, продолжали не только въ противность манифеста по прежнему владѣть ими, но, несмотря на всѣ строгія запрещенія, и послѣ уже изданнаго манифеста продолжать часъ отъ часу больше оныя распахивать ежегодно; что и продолжалось до самаго того времени, какъ явился Пашковъ со взятымъ на свой коштъ землемѣромъ для отмежеванія всей оной по плутовскимъ своимъ отказнымъ книгамъ за собою.

Но какъ черта, описанная въ сихъ его отказныхъ книгахъ, обнимала не только чрезвычайную обширность и пространство мѣста, но будучи приурочена живыми урочищами, а именно: съ разсказовской стороны помянутою рѣчкою Лѣснымъ-Тамбовомъ, а съ нашей стороны самымъ верховьемъ рѣки Панды и отъ онаго на устье Вершинки, впадающей въ рѣчку Караваенку, и отъ сего мѣста прямо на верховье рѣчки Паники и оною внизъ, и по всему сему долженствовала пресѣчь и отхватить многія тысячи десятинъ, дѣйствительно распаханныхъ владѣльцами нашей округи, во владѣніе Пашкова, тогда всѣ наши владѣльцы увидѣли ясно свою ошибку и всю неправильность присвоенія себѣ земель, ими завлаженныхъ, и по справедливости стали опасаться, чтобъ не лишиться всѣхъ оныхъ при семъ межеваніи.

При таковыхъ обстоятельствахъ, по мнѣнію моему, иного средства къ спасенію оныхъ не оставалось, какъ въ разрушеніи помянутаго плутовского Паш-

ковскаго отказа объявленіемъ всей этой степи казенною землею и доведеніи чрезъ заведенной споръ сей до того, чтобъ Пашкову велѣно было въ силу помянутаго мною пункта намѣрить не болѣе, какъ только 1200 четвертей, а вся степь осталась бы казенною и всѣмъ можно-бъ было и впредь пользоваться оною, а желающимъ и купить изъ ней изъ казны сколько кому угодно.

Самое сіе и старался я всѣмъ нашимъ сосѣдямъ внушить и хотя мнѣ стоило то многаго труда, но по крайней мѣрѣ достигъ я наконецъ до желаемаго и довелъ до того, что всѣ они признали сами сущую необходимость къ названію и утвержденію всей этой степи казенною, и всходствіе того и положили всѣ стоять въ томъ и называть ее казенною всѣмъ единодушно и единогласно.

Но сего было еще не довольно, а предлежали мнѣ и кромѣ того еще два пункта, крайне меня озабочивающіе, или паче два дѣла, къ произведенію которыхъ въ дѣйство предусматривалъ я великія и почти непреоборимыя затрудненія.

Первое состояло въ томъ, что какъ къ изобличенію неправильности и плутовства отказа Пашковскаго помогло бы много и то, еслибъ повѣренной его при отводѣ надѣлалъ болтуновъ и перепутался въ живыхъ, упоминаемыхъ въ отказныхъ книгахъ, урочищахъ, то нужно бы было какимъ-нибудь образомъ завесть его въ таковой лавиринтъ и ошибки; но чего я не смѣлъ и надѣяться, ибо воображалъ, что повѣренной его неотмѣнно будетъ при отводѣ соображаться съ отказными своими книгами, и трудно будетъ его спутать.

Второе-же было и того еще важнѣе и сумнительнѣе и состояло въ томъ, что какъ всеобщая всей нашей округи польза требовала, чтобъ при семъ межеваніи не связать намъ никакъ и нашихъ земель спорами съ сею казенною землею, ибо въ семъ случаѣ подпала-бы и вся наша округа измѣренію и могла-бъ всей своей примѣрной земли, простирающейся до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, лишиться; то для избавленія себя отъ того и спасенія всей нашей примѣрной земли другого средства я не находилъ, кромѣ того, чтобъ пожертвовать всѣмъ тѣмъ и можетъ быть небольшимъ количествомъ владѣемой нами земли, которой Пашковъ захватитъ отводомъ своимъ въ свою округу, и не только всю ее называть казенною землею, но даже и свою, вплоть подлѣ его черты находящуюся, и всходствіе того говорить вездѣ, гдѣ бы онъ ни повелъ, что направѣ и налѣвѣ не наша и не его, а государева земля.

Симъ однимъ можно было намъ отбыть отъ измѣренія нашей дачи. А еслибъ послѣ и дошло до того, чтобъ велѣно было намъ показать покуда же простирается казенная земля и гдѣ границы нашей, то думалъ я, что можно тогда будетъ тутъ же и отступя хоть нѣсколько саженъ отъ черты его отвода, показать границы наши. Но какъ можно было мнѣ ласкаться надеждою уговорить всѣхъ толь многихъ соучастниковъ въ нашемъ владѣніи къ тому, чтобъ они говорили со мною за одно, отклепывались отъ своей земли и называли ее казенною, а особливо самихъ хозяевъ тѣхъ пашенъ, чрезъ которыя Пашкову повѣренному отводъ свой вести случится?

Сіе-то меня смущало и обезоруживало всего болѣе. Я никакъ не смѣлъ тѣмъ ласкаться, а паче имѣлъ причину бояться, чтобъ самые тѣ владѣльцы не надѣлали пакостей отъ неблаговременнаго жалѣнія своей земли и объявленіемъ, что она ихъ, не испортили-бъ всего дѣла.

Но противъ всякаго моего чаянія въ обоихъ сихъ важныхъ, смущавшихъ меня пунктахъ помогла мнѣ самая случайность или паче невидимое дѣйствіе Промысла Господня, опредѣлявшаго жребій симъ землямъ не по нашимъ ожиданіямъ и мыслямъ, а по судьбамъ своимъ неисповѣдимымъ.

Въ разсужденіи перваго пункта помогло мнѣ то, что нечаяннымъ образомъ, какъ я въ предслѣдующемъ письмѣ упоминалъ, проболтался мнѣ самъ Рыбинъ и сказалъ такое слово, котораго бы мнѣ ни за какія деньги не купить и которымъ

преподалъ онъ мнѣ самъ, такъ сказать, петлю для возложенія ея на него. Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Какъ я, обходясь съ нимъ умышленно очень ласково и дружелюбно и принимая видъ будто я желаю самъ имъ отмежеваться со всѣмъ успѣхомъ, спросилъ его: куда же онъ, дошедъ до верховья рѣчки Лѣсного-Тамбова, поведетъ далѣе? то сообразно съ своими отказными книгами и сказалъ онъ, что на вершины или верховье рѣки Панды. Этого я и ожидалъ. Но какимъ поразился я удивленіемъ, когда онъ вслѣдъ за симъ примолвилъ, что она-де очень отъ того мѣста близка и не болѣе-де версты или двухъ.

— «Ба, ба, ба!» воскликнулъ я самъ въ себѣ, сіе услышавъ:—«это что-то особливое и не похожее на дѣло! Верховья рѣки Панды мнѣ извѣстны, и онѣ не такъ близки, какъ онъ говоритъ, а очень далеко и не ближе верстъ двадцати отъ того мѣста. Ахъ, батюшки мои!»—продолжалъ я самъ въ себѣ помышлять: «ужъ не думаетъ-ли онъ все то ужасное количество земли, которое лежитъ между верховьями рѣчки Лѣсного-Тамбова и рѣки Панды изъ своего обвода выпустить и верховьями Панды назвать верховья рѣчки Караваенки, которая точно, по словамъ его, недалѣе отдалена отъ того мѣста, какъ версты па двѣ или на три и лежитъ прямо противъ онаго? То-то бы право хорошо! ужъ бы сѣлъ я ему тогда на шею и всего-бы удобнѣе могъ его спутать и завесть въ лавиринтъ».

Все сіе кинулось мнѣ въ ту же минуту въ мысли; почему, не сказавъ ему на то ни слова, замолчалъ и скоро послѣ того, разставшись съ нимъ, для самаго того болѣе и спѣшилъ ѣхать домой, чтобъ заготовить заблаговременно на бумагѣ то, что̀ тогда говорить, если онъ дѣйствительно сдѣлаетъ такую важную и столь для насъ полезную ошибку.

Что касается до второго несравненно важнѣйшаго, смущавшаго меня пункта, то недумано негадано помогло мнѣ много все случившееся при спорѣ съ разсказовскими; ибо какъ всѣ наши повѣренные и дворяне увидѣли мое знаніе и искусство, то, возымѣвъ весьма выгодное обо мнѣ мнѣніе, удостовѣрились въ томъ, что все, что ни буду я дѣлать, будетъ основано не на пустякахъ, а сущемъ дѣлѣ. А сіе, какъ изъ послѣдствія окажется, и помогло мнѣ убѣдить и уговорить ихъ ко всему, что мнѣ хотѣлось, и произвесть то, чего никто не могъ ожидать и что удивило самого меня до чрезвычайности.

Вотъ все, что хотѣлось мнѣ разсказать предварительно для лучшаго вамъ разумѣнія всего послѣдующаго, а теперь возвращусь къ порядку моего повѣствованія.

Возвратившись помянутымъ образомъ домой и написавъ все нужное на случай Рыбиной ошибки, поѣхалъ я на другой день, что случилось быть 12 сентября, къ г. Сабурову къ женѣ его на имянины. Онъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ, ибо могу сказать, что онъ меня очень полюбилъ и обходился со мною какъ-бы съ близкимъ своимъ родственникомъ или лучшимъ другомъ. Вскорѣ послѣ меня пріѣхали къ нему и господа Соймоновы съ женами, также и господинъ Дуровъ съ женою.

Всѣ они были уже моими пріятелями, а особливо доволенъ я былъ старшимъ братомъ господина Соймонова, Юрьемъ Ѳедоровичемъ, человѣкомъ почтеннымъ и разумнымъ. Онъ обходился со мною не какъ полковникъ, но какъ низшій меня чиномъ, чѣмъ заставливалъ меня еще болѣе себя любить и почитать.

Сему человѣку восхотѣлъ я сдѣлать учтивость и показать заготовленной мною споръ и требовалъ объ немъ его мнѣнія. Онъ расхвалилъ его вирахъ и дивился особливому туру или пути, какой я спору выбралъ, признаваясь, что онъ особаго рода и притомъ не только надежной и безсомнѣнной, но и такой, о которомъ Пашкову и въ мысль не придетъ, и что я иду противъ его такимъ путемъ, съ котораго ему сбить меня будетъ очень трудно.

Послѣ обѣда не сталъ я долго медлить, но, напившись кофея, спѣшилъ ѣхать въ

лагерь въ намѣреніи мимоѣздомъ осмотрѣть все теченіе рѣчки Караваенки и всѣ впадающія въ нее вершины, дабы тѣмъ лучше можно было расположить свой споръ и отводы.

Для самаго того, пріѣхавши домой, оставилъ я свою коляску, велѣлъ ей ѣхать за собою, а самъ, сѣвъ на лошадь верхомъ, поскакалъ съ однимъ повѣреннымъ къ Караваину. Но на ту бѣду случись подо мною лошаденка ни къ чему годная и какъ день склонялся къ вечеру, то, не доскакавъ еще до Караваина, поставилъ ее въ пень. Но тутъ по приказанію моему дожидались уже меня караваинскіе однодворцы съ перемѣнными лошадьми. Я пересѣлъ на другую и велѣлъ себя вести снизу до самаго верховья рѣчки Караваенки и показать мнѣ всѣ ея отвершки и положеніе ихъ.

Осмотрѣвъ и замѣтивъ въ мысляхъ все, что мнѣ было надобно, спѣшилъ я добираться до лагеря нашего, куда прискакавъ, нашелъ уже я превеликое собраніе господъ дворянъ. Всѣ они насъ дожидались и у нихъ были разныя мнѣнія и толки. Иные надѣялись на меня, какъ на каменную стѣну, другіе сомнѣвались, а повѣренной господина Рахманова все несъ околесную и по глупости своей помышлялъ только о дракѣ и, какъ я послѣ провѣдалъ, заготовилъ уже множество людей и возмутилъ къ тому же и многихъ однодворцевъ деревни Караваиной, до которой тогда до первой доходило дѣло.

Пріѣздъ мой оживотворилъ все общество и прогналъ всѣ ихъ недовѣрки, трусости и сомнительства. По счастію подоспѣлъ къ намъ и г. Сабуровъ. Сему, болѣе всѣхъ прочихъ усердствующему пользѣ общей, человѣку не взмилились гости и компанія: онъ оставилъ и жену, и гостей у ней, а самъ поспѣшилъ вслѣдъ за мною, вѣдая, что присутствіе наше очень нужно, ибо мы боялись, чтобъ межевщикъ не дошелъ уже до пріѣзда нашего до того мѣста, гдѣ находился нашъ лагерь. Однако мы пріѣхали благовременно и межевщикъ, по полученнымъ извѣстіямъ, находился отъ насъ еще въ нѣсколькихъ верстахъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы въ томъ сомнѣваться уже не могли, что онъ въ последующій день къ обѣду къ тому мѣсту прибудетъ, гдѣ мы расположились становъ, какъ на границахъ нашего владѣнія, и что мы должны будемъ имѣть съ нимъ первую стычку или словесное сраженіе; то заблагоразсудилъ я созвать генеральной военной совѣтъ и рѣшить наконецъ всѣ сомнительствы, объявивъ имъ весь планъ и порядокъ моего намѣренія, о которомъ я до того времени никому, кромѣ вѣрнѣйшихъ особъ, не сказывалъ, изъ опасенія, чтобъ бездѣльниками не перенесены были непріятелю слухи. Адъютантъ нашъ долженствовалъ собрать того момента всѣхъ повѣренныхъ и самыхъ владѣльцевъ въ кружокъ для выслушанія моего намѣренія и приказовъ. Смѣшно и пріятно было видѣть, какъ я стоялъ тогда, какъ главной предводитель, посреди, окруженной человѣками двадцатью дворянъ и превеликимъ множествомъ повѣренныхъ прикащиковъ, однодворцевъ и мужиковъ. Всѣ хотѣли охотно слышать о чемъ говорено будетъ; всѣ обращали свои взоры на меня и всѣ протягивали уши, чтобъ не пропустить ни одного слова. Мы смѣялись неоднократно послѣ и сравнивали весь свой походъ, которой прозвали мы Рыбинскимъ, съ войною Троянскою, а себя съ греческими царями, а повѣренныхъ съ ихъ наперсниками и лучшими—вельможами и воинами.

Господинъ Сабуровъ, представлялъ тогда особу царя Агамемнона, а я Улисса, а другіе другихъ греческихъ царей, смотря по свойству, качествамъ, лѣтамъ и достоинствамъ, ибо всѣ мы были между собою равные владѣльцы, но качествы имѣли не одинакія. Были тутъ люди острые и скоро все понять и разобрать могущіе; находились иные, которые были не столь острозрительны и понятливы, а третьи и тѣхъ простѣе. А не было и въ такихъ недостатка, которые простотою своею иногда въ досаду, а иногда въ смѣхъ насъ приводили. Къ сему роду при-

надлежали нѣсколько человѣкъ изъ старнковъ.

Но никто намъ такъ не былъ смѣшонъ, а иногда досаденъ, какъ одинъ старый мужъ, и лѣтами и чиномъ своимъ всѣхъ прочихъ превосходящій, а поступками всѣхъ смѣхотворнѣй. Былъ то господинъ надворной совѣтникъ Свитинъ, въ разсужденіи котораго никто не могъ надивиться, какъ онъ могъ, будучи нѣсколько лѣтъ воеводою, править цѣлымъ городомъ и уѣздомъ. Не могу истинно довольно насмѣяться, какъ вспомню его поступки.

Онъ былъ изъ самыхъ старинныхъ людей, не очень богатой и не тутошній житель, а живущій неподалеку отъ Пашкова и ему знакомой, туда же для межеванья пріѣхавшій, потому что онъ имѣлъ участіе въ деревнѣ Караваиной. Но характера былъ столь смѣшного, что не можно было не надсѣдаться со смѣха, слышавъ его разсужденія.

По несчастью случись, что онъ и въ самомъ жительствѣ своемъ невѣдомо сколько разъ обиженъ былъ г. Пашковымъ. А какъ онъ и тутъ отъ него же и, къ несчастью, еще первой претерпѣвать былъ долженъ зло, то не было истинно часа, чтобъ онъ его не ругалъ и не проклиналъ всѣми клятвами, какими только клясть можно, однако такъ, что самъ бы господинъ Пашковъ на то не осердился, какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ его въ глаза ругалъ, а онъ его считалъ шутикомъ и игралъ имъ, какъ дурачкомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ нельзя было и сердиться, ибо онъ былъ очень смѣшонъ, и въ одинъ мигъ у него и дружба съ нимъ, и брань, и лады, и сердце, и гнѣвъ, и опять смѣхъ. Вотъ какого разбора человѣкъ случился тогда быть въ нашемъ обществѣ; но было нѣсколько человѣкъ и другихъ, которые не многимъ чѣмъ лучше его были. Но мнѣ время возвратиться къ своему повѣствованію.

Собравъ вокругъ себя всѣхъ въ кружокъ, сдѣлалъ я всѣмъ военачальникамъ и рядовымъ напередъ изрядное предисловіе, чтобъ возбудить ихъ тѣмъ къ единодушной и мужественной противъ непріятеля оборонѣ, а особливо уговаривалъ ихъ къ тому, чтобъ они всѣ на меня положились, поручили-бъ мнѣ все дѣло, слушались-бы моихъ повелѣній и безсомнѣнны-бъ были, что я ихъ не обману, а сдѣлаю всему обществу услугу. Предуготовивъ ихъ симъ образомъ, сталъ я всѣмъ имъ вслухъ читать, что я говорить и предпринимать намѣренъ, толкуя имъ каждое слово и сказывая именно для чего что говорить и дѣлать хочу.

Всѣ выслушали намѣреніе мое и написанной споръ съ величайшимъ вниманіемъ, и по окончаніи чтенія, понимающіе начали выхвалять и благодарить меня за мое стараніе, будучи мною очень довольными. Прочіе же также хвалили и благодарили меня, хотя и половины дѣла не могли понять, а только заключали, что я, по мнѣнію ихъ, хитрое и далеко всѣ ихъ мысли превосходящее дѣло (?)...

Однимъ словомъ, предпріятіе сіе возымѣло желаемое дѣйствіе и мнѣ столь много помогло, что перемѣнило въ одинъ мигъ мнѣніе самыхъ злѣйшихъ и объ одной только дракѣ помышляющихъ противниковъ. Всѣ стали уже на меня полагаться и ввѣрять мнѣ судьбу своей округи и всѣхъ своихъ жительствъ, и оставалось мало такихъ, которые имѣли-бъ еще недовѣрку, и я радовался и благодарилъ Бога, что мнѣ вздумалось сіе сдѣлать, ибо безъ сего вылились бы превеликія бѣды и куралесица преужасная.

По распущеніи сего послѣдняго нашего военнаго совѣта, начались у военачальниковъ, поставившихъ станы свои по разнымъ мѣстамъ, подчиванья и угощенья другъ друга. Всякой звалъ другихъ къ своей коляскѣ и подчивалъ водкою и другими напитками, какіе у кого случились. Между тѣмъ приуготовляемы были у всѣхъ ужины, и на множествѣ раскладенныхъ огняхъ варены были каши и другія ѣствы. Мы разсудили за благо собрать ихъ всѣ вмѣстѣ и составить общій ужинъ или пикникъ.

И какое это пріятное собраніе сидѣло тогда кругомъ разостланныхъ на травѣ скатертей, и какой веселой, вкусной и

всѣмъ изобиліемъ преисполненной ужинъ былъ тогда у насъ! какое множество ѣствъ, какое множество напитковъ! Всего у насъ было довольно, и мы наѣлись такъ, какъ бы на сборномъ какомъ и праздничномъ ужинѣ. Звѣздами испещренный сводъ неба составлялъ тогда наши палаты, а нѣсколько возженныхъ свѣчъ освѣщали нашъ столъ. Смѣхи, шутки и невинныя издѣвки услаждали нашу пищу, а согласіе между всѣми и новая дружба дѣлали ее еще сладчайшею. Однимъ словомъ, мы сборищемъ своимъ такъ были довольны, что никому не хотѣлось расходиться и брать покой, и хотя была тогда глухая уже ночь, но мы согласились проводить еще нѣсколько времени въ продолженіи нашихъ разговоровъ, и полегшись кругомъ раскладеннаго и самими нами возжигаемаго и поправляемаго огонька, и провели время въ разговорахъ и смѣхахъ истинно до полуночи.

По счастію случился одинъ изъ нашихъ товарищей, а именно господинъ Паульской, великой шутникъ и издѣвочникъ и такой человѣкъ, которой рожденъ былъ къ тому, чтобъ увеселять компанію разными смѣшными разсказами и прибаутками, которыя къ нему чрезвычайно и пристали, хотя онъ былъ и прямо разумной человѣкъ. И какое множество не насказалъ онъ намъ тогда такого, чему мы всѣ со смѣху надсѣдались.

Наконецъ, тѣмъ не удовольствуясь, стали мы всякой поочереди говорить, и всякой долженъ былъ разсказать что-нибудь смѣшное и увеселить собраніе, что не только намъ, но и самымъ людямъ нашимъ было пріятно, которые поужинавъ вмѣстѣ со множествомъ мужиковъ и повѣренныхъ, окружили наше сборище и до тѣхъ поръ никто обо снѣ не помышлялъ, покуда не разошлись мы по своимъ походнымъ квартирамъ.

Симъ кончился сей день, а вмѣстѣ съ нимъ кончу я и письмо мое, сказавъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

СПОРЪ.

1773.

Письмо 164-е.

Любезный пріятель! По наступленіи послѣдующаго дня, начались у насъ подчиванія другъ друга чаемъ и взаимными поздравленіями съ добрымъ утромъ. Но у меня, какъ у главнаго предводителя, не то было на умѣ, а я спѣшилъ воспользоваться достальнымъ еще свободнымъ временемъ до сраженія и употребить оное на рекогносцированіе или осматриваніе еще одной вершины и нѣкоторыхъ мѣстъ, по которымъ, какъ думалъ я, поведетъ межевщика нашъ непріятель. И для того, сѣвъ на лучшую лошадь, какая могла найтиться во всемъ станѣ, и взявъ съ собою человѣкъ пять наилучшихъ повѣренныхъ, пустился въ степь для обозрѣванія мѣстъ.

Неуспѣли мы нѣсколько отъѣхать, какъ наѣхали на одного верховаго мужика. Мы тотчасъ стали подозрѣвать не изъ лазутчиковъ ли онъ Пашковыхъ, каковыхъ тогда вездѣ нѣсколько человѣкъ шаталось подъ видомъ исканія пропавшихъ лошадей, и для того поскакали тотчасъ къ нему и приказывали остановиться.

— «Что за мужикъ? закричали мы: и зачѣмъ здѣсь?» Бѣдной мужикъ такъ испужался, что не зналъ, что говорить и дѣлать.

— Я, родимой, Спаской, ищу лошадей! Пропали, кормилецъ, двѣ лошадки!

— «Нѣтъ, плутъ!» закричали мы, «не Спаской ты, а Пашкова! хочешь-ли, какъ мы въ плети?»

Мужикъ, думая, что мы его вправду бить хотимъ, задрожалъ отъ страха и клялся и божился намъ, что онъ не Пашкова, а Спаской и намъ союзникъ и просилъ помиловать.

— «Постой-же, мой другъ!» сказали мы: «когда ты Спаской, то сказывай намъ, въ какомъ мѣстѣ ты въ Спаскомъ живешь, какъ тебя и твоихъ сосѣдей зовутъ, и такъ далѣе, и сказывай скорѣе, не за-

пинаясь?» И какъ со мною были однодворцы, знающіе спаскихъ мужиковъ, то по отвѣтамъ его увѣрились мы наконецъ, что онъ дѣйствительно былъ спаской, и оставили его съ покоемъ.

Осмотрѣвши такъ-называемую Дёминскую вершину, о которой думали, что ее соперникъ нашъ станетъ называть рѣчкою Караваенкою, возвратился я въ нашъ лагерь и началъ дѣлать реестръ и списокъ всѣмъ повѣреннымъ въ ожиданіи межевщика и покуда у насъ было свободное время.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что до обѣда намъ не будетъ никакого дѣла, потому что межевщикъ ночевалъ отъ насъ еще за нѣсколько верстъ. Также всѣ мы полагали за вѣрное, что спору нашему надобно быть въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли тогда своимъ лагеремъ подлѣ озерокъ, изъ которыхъ вытекала рѣчка Лѣсной-Тамбовъ, и которыя озерки раздѣляли наше владѣніе съ разсказовскими. Однако всѣ мы въ своемъ мнѣніи сильно обманулись, и я не успѣлъ возвратиться и начать дѣлать помянутой реестръ, какъ показался намъ межевщикъ уже въ виду, и мы въ самое то время увидѣли скачущаго къ намъ на подводѣ солдата съ понятыми.

Смутился я тогда и не зналъ, что это значитъ, и какъ его тотчасъ ко мнѣ, какъ къ главному начальнику, представили, то удивился я еще болѣе услышавъ, что присланъ онъ къ намъ съ понятыми для повѣстки, чтобъ мы и повѣренной господина Рахманова тотчасъ явились, потому что пришла его владѣнія земля, а при томъ угрожаемо было, что если не явится, то безъ него межевать будутъ.

«Кой чортъ?» сказалъ я тогда самъ въ себѣ: «что это значитъ? тамъ владѣнія Рахманова еще и въ завѣтѣ не раживалось и откуда они его тамъ взяли? Да къ чему такая непомѣрная уже строгость и угрозы? вѣдь онъ не слѣпъ и насъ видитъ, къ чему посылать съ понятыми!»

Признаюсь, что досадна была мнѣ сія межевщикова поступка. Однако некогда было тогда долго раздабарывать. Я, схвативъ лошадь, какая первая попалась, и поскакалъ во всю прыть къ межевщику, боясь, чтобъ они чего не напроказничали. Прочіе господа послѣдовали за мною, и мы всѣ въ одинъ мигъ очутились у него.

Мы нашли господина землемѣра насъ уже дожидающагося и я первой, подошедъ къ нему, подалъ ему свою сказку. Онъ удивился, что я подаю сказку, хотя моя деревня отстояла еще верстъ за двадцать отъ того мѣста, и моего владѣнія тутъ и въ завѣтѣ еще не важивалось, и началъ-было барабошить. Но не тутъ-то было, чтобъ выторговать тѣмъ что-нибудь. Дѣло было напередъ смѣчено и чѣмъ убѣждать приготовлено.

Ему и повѣренному господина Пашкова и на умъ того не приходило, что мы хотимъ спорить цѣлою округою, а не поодиначкѣ, и они не инако думали, что каждой изъ насъ только за свое владѣніе отвѣтствовать будетъ, и потому надѣялись насъ сбить съ пути, думая: дураки дескать они, перепутаются и переплетутся между собой, а мы-де что хотимъ изъ нихъ и сдѣлаемъ.

Однако сей счетъ дѣлали они безъ хозяина, и смѣшно было смотрѣть, какъ межевщикъ и повѣренной остолбенѣли, увидѣвъ цѣлую толпу дворянъ и повѣренныхъ, подающихъ однимъ разомъ всѣ свои сказки, изъ которыхъ въ каждой написано было то же, что въ другой, и услышавъ отъ всѣхъ согласной крикъ, что у насъ у всѣхъ дача одна и чрезполосное владѣніе, и потому мы не по одиначкѣ, а всѣ вмѣстѣ отвѣтствовать будемъ. Такъ все отъ меня было настроено!

Въ пень сталъ тогда межевщикъ и не зналъ, что дѣлать и кому отвѣчать напередъ и у кого принимать сказки. Онъ озирался только на всѣ стороны и боялся, чтобъ его не прибили. Долго онъ сперва барабошилъ. Но статочное-ли дѣло! сколько людей, столько голосовъ и всѣ одно и то же говорили, а я всѣхъ пуще. Нечего было дѣлать, принужденъ былъ перестать умничать и принимать сказки. Сперва сталъ-было онъ ихъ читать и смотрѣть по формѣ ли онѣ написаны? Но я

ему тотчасъ сказалъ, что развѣ онъ на этомъ мѣстѣ дневать хочетъ, такъ бы читалъ и разсматривалъ, а въ противномъ случаѣ оставилъ бы лучше сей безполезной трудъ и повѣрилъ бы, что форма вѣрно наблюдена и всѣ сказки писаны, какъ надобно (ибо надобно знать, что я предварительно о томъ постарался и всѣ онѣ были у меня пересмотрѣны, и которыя не такъ были написаны—переправлены). Нечего было тогда дѣлать межевщику, принужденъ былъ принимать, не читая, и сбирать въ кучу. И смѣхъ истинно! цѣлую кипу связали изъ оныхъ и подъячій не зналъ куда съ ними и дѣваться. Долго сіе продлилось, однако наконецъ кончилось, и надобно было начинать дѣло.

— «Ну, что такое?» началъ я тогда говорить: «и зачѣмъ вы насъ сюда призвали?»

— Да вотъ, судырь, отвѣчалъ межевщикъ: — повѣренной господина Пашкова объявляетъ, что влѣвѣ начинается земля васъ, шадскихъ помѣщиковъ, и именно господина Рахманова, и что это писцовыя вершины рѣчки Лѣсного-Тамбова.

— «Вранье, батюшка!» отвѣтствовалъ я, удивившись: «владѣнія нашего тутъ еще не раживалось, да и вершины рѣчки Лѣсного-Тамбова далеко еще впереди, а не тутъ».

Совсѣмъ тѣмъ былъ для меня сей случай неожидаемой, ибо я не инако думалъ, что онъ пойдетъ до самаго верховья, а онъ, бездѣльникъ, далеко не дошедши до онаго, а пришедъ до одного отвершка, назвалъ его вершинами. Однако, не долго думая, тотчасъ я расположилъ въ мысляхъ, что дѣлать и какъ въ семъ случаѣ поступить.

Какъ владѣнія нашего тутъ въ самомъ дѣлѣ не было и продолжалось все еще разсказовское, то разсудилъ я поступить при семъ политическимъ и неутральнымъ почти образомъ. По счастію было мнѣ время выдумать порядочное объявленіе, потому что для вписыванія въ полевой журналъ однихъ именъ нашихъ и повѣренныхъ потребно было съ полчаса времени.

Приготовившись симъ образомъ, началъ я тихо, порядочно, степенно и слово за словомъ диктовать подъячему и съ такимъ порядкомъ, что самъ повѣренной Пашкова былъ тѣмъ доволенъ и хвалилъ меня, что я умно пишу и порядочно, и что ни на ту, ни на другую сторону не преклоняюсь. Но бѣдненькой не зналъ, что я его тогда только по губамъ мазалъ, и что нарочно только для того не оскорбительно для его говорилъ, чтобъ тѣмъ лучше скрыть будущее мое и прямое намѣреніе.

Объявленіе мое состояло въ немногихъ только словахъ, а именно, что верховье рѣчки Лѣсного-Тамбова еще впереди и земля налѣвѣ не наша, а владѣютъ ею разсказовскіе, а какая она и какого уѣзда и казенная ли или дачная, того будто бы не знаемъ. Сіе самое и понравилось господину Рыбину; но онъ скоро сталъ мысли свои перемѣнять, какъ я, кончивши записку, поздравилъ его, смѣючись, что онъ первой и изрядной болтунъ и ошибку сдѣлалъ. Онъ не понималъ, правда, что я подъ симъ словомъ разумѣлъ, однако начиналъ меня побаиваться. Но мы еще съ нимъ были ладны.

Какъ все сіе продлилось долго и время настало уже обѣдать, то стали мы звать межевщика къ себѣ въ гости обѣдать и тѣмъ паче, что видѣли мы, что господинъ Пашковъ морилъ его и всѣхъ голодомъ. Долго онъ отнѣкивался, боясь прогнѣвать г. Пашкова; но я скоро нашелъ средство его убѣдить, говоря ему при повѣренномъ, чтобъ онъ взялъ его съ собою, такъ не будетъ ему и сомнѣнія въ томъ, что онъ съ нами говорить будетъ. Стыдно и дурно было тогда межевщику и Рыбину; итакъ, принужденъ онъ былъ ѣхать съ нами въ нашъ лагерь.

Пріѣхавши туда, начали мы къ нему подлещаться и старались угостить его наилучшимъ образомъ; по счастію было чѣмъ поподчивать, покормить и попоить: всего было наварено и настряпано. Старичокъ нашъ былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ и обращался съ нами очень ласково, а особливо со мною. Мы разговорились съ нимъ о Богородицкѣ, которую

волость онъ межевалъ, и о князѣ Гагаринѣ и объ управителѣ г. Опухтинѣ, и свели дружбу. Однимъ словомъ, удовольствовали его, какъ надобно.

Послѣ обѣда отозвалъ онъ меня къ сторонѣ и сталъ уговаривать, чтобъ я поступилъ съ г. Пашковымъ миролюбно и развелся порядочно. Комисія была тогда для меня отъ него отдѣлаться. Будучи съ одной стороны къ миролюбію склоненъ, а съ другой предвидя сущую невозможность полюбовнаго развода, не находилъ я почти словъ къ соотвѣтствованію ему. Однако мнѣ удалось оставить его въ хорошемъ о себѣ мнѣніи и въ надеждѣ, тѣмъ наиболѣе, что я, не обѣщая ничего, твердилъ только, что посмотрю, какъ-то поведетъ Рыбинъ, и если будетъ сходно, то для чего не развестись, дѣло не уйдетъ еще, хотя и споръ будетъ.

Симъ и сему подобнымъ убаялъ я его такъ, что онъ самъ взялся и обѣщалъ склонять и уговаривать Рыбина, чтобъ онъ не таково далеко заходилъ въ наши земли; а мнѣ то-то было и надобно.

Такимъ образомъ начало дѣло понемногу клеиться. Межевщикъ, возвратившись съ нами къ астролябіи, непреминулъ отозвать Рыбина къ сторонѣ и переговорить съ нимъ наединѣ. «Хорошо!» думалъ я:—«пускай переговорятъ, авось-либо на нашей улицѣ будетъ праздникъ». Рыбинъ въ самомъ дѣлѣ повеселѣе сдѣлался. Однако сія радость его недолго продлилась. Туча висѣла уже надъ его головою, и не то бы онъ заговорилъ, если-бъ зналъ, что у меня лежитъ въ карманѣ на его шею заготовленное.

Но какъ-бы то ни было, но надлежало начинать дѣло и Рыбину начинать вести отводъ свой далѣе. Я очень любопытенъ былъ видѣть, куда онъ съ того мѣста поведетъ. И какъ мнѣ положеніе тамошнихъ мѣстъ было нѣсколько знакомо, то удивился я, что онъ поставилъ вѣху и сталъ вѣшить линію прямо степью, такъ что оною линіею ему ни на вершину Панды, и ни на рѣчку Караваенку притить было не можно.

Видѣлъ я, что онъ путался и самъ не зналъ, куда велъ, но молчу и смотрю что будетъ и куда пойдетъ далѣе. Уже идемъ мы версту, идемъ другую, а онъ все ведетъ и все молчитъ. Но, наконецъ, сталъ онъ приближаться уже и къ нашимъ дачамъ и дѣло становится не очень для насъ ладно. Время было начинать и намъ свой споръ, но я жду, чтобъ разсказовскіе окончили свое владѣніе. Но сіи глупцы всего меньше о томъ помышляли. Съ дуру, что съ дубу, ради были тому, что ихъ владѣніе влѣвѣ еще простиралось и готовы были-бъ и все называть своимъ, если-бъ только никто ничего не говорилъ.

Увидѣвъ, что они готовы были зайтить симъ образомъ и въ наши дачи, сталъ я помышлять, какъ-бы ихъ уже и остановить. И какъ опасность стала становиться часъ отъ часу болѣе, то сталъ я имъ уже тихонько говорить, что пора имъ окончить свое владѣніе. Но бѣды мои были съ ними: не слушались, окаянные! Я такъ и сякъ, но не туда ѣдутъ. Попалась дуракамъ какая-то дорожка и твердили только съ дуру: вотъ немного еще, вотъ до дорожки.

— «Дураки такіе-сякіе», говорю имъ: «что вамъ попалась за дорожка? Переставайте, я вамъ сказываю, а то бѣды себѣ надѣлаете и все дѣло испортите такъ, что и поправить будетъ не можно, но тогда и у меня уже не спрашивайтесь».

И какъ они и сего не уважали, а все шли да шли далѣе, то, подошедъ опять къ повѣренному ихъ, сказалъ: «Слышишь-ли, пошолъ останавливай межевщика и скажи, что земля ваша кончилась, а впереди отнюдь не называй нашею, а скажи не знаю какая. Слышишь-ли, пошелъ!»

— Добро, добро! инъ пора, отвѣтствуетъ мнѣ.

Но пора, пора, а самъ ни но ногу, боится и приступить къ межевщику; а цѣпь волокли да волокли, и межевщикъ подвигался да подвигался. Горе меня тогда взяло. Я моргаю, я сую разсказовскихъ повѣренныхъ, но они, по несчастію моему, случились сущіе мѣшки; и

неповоротни, таки ни маленькаго провора въ нихъ не было.

Наконецъ, не пронялся я и вздумалъ отважиться на удачу самъ остановить межевщика, и подошедши вдругъ, началъ говорить, что въ томъ мѣстѣ разсказовская земля кончилась и кликалъ разсказовскихъ, крича на нихъ, что̀ они молчатъ и зѣваютъ, а самъ трясся и боялся, чтобъ они съ дуру, окаянные, не заспорили. Но по счастію былъ я у нихъ болѣе въ кредитѣ, нежели самъ думалъ. Послушались и подтвердили, что такъ, хотя въ самомъ дѣлѣ владѣніе ихъ еще далѣе по степи простиралось, но они не погнались уже и стали въ томъ, что земля ихъ кончилась, и что начинается уже Божья да государева.

«Ладно, думалъ я:—дѣло идетъ стройно. Оканчивайте-ка, Иванъ Петровичъ, ихъ дачу и отпускайте ихъ, сказалъ я межевщику, а тамъ посмотримъ, что будетъ».

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, Рыбинъ находился впереди и метался, какъ угорѣлая кошка, устанавливая вѣхи. Онъ примѣтилъ уже самъ, что не туда и въ такую степь забрелъ, гдѣ кромѣ неба и ковыла ничего было не видно, и не зналъ какъ-бы уже пособить себѣ и податься вправо. Почему и радъ былъ, что мы остановились и начали записывать объявленіе разсказовскихъ, и, пользуясь симъ случаемъ, перенесъ вѣхи и сдѣлалъ великой поворотъ вправо, подаваясь къ рѣчкѣ Караваенкѣ.

Я тотчасъ сіе усмотрѣлъ и былъ тѣмъ доволенъ, ибо то-то было мнѣ и надобно; однако молчу и не говорю ничего, но даю время опять записать новой румбъ, чтобъ онъ у меня отъ сей новой линія не отвертѣлся и услышавъ мой споръ, не повернулъ влѣво.

Какъ разсказовское дѣло было уже кончено и надлежало намъ говорить, то спросилъ я только Рыбина, куда онъ теперь повернулъ? Онъ тотчасъ сказалъ, что ему слѣдуетъ теперь иттить на вершину Пандинскую и онъ идетъ туда.

— «Очень хорошо!» сказалъ я:—«я прошу милости записать, что онъ идетъ на вершину Пандинскую». Межевщикъ, хотя-бы и не имѣлъ права сего сдѣлать, но тотчасъ велѣлъ записать.

— «Прикажите ему подписаться», говорю я далѣе. Рыбинъ тотчасъ и подписался, не предвидя нимало, что у меня на умѣ тогда было. Но не успѣлъ онъ подписаться, какъ, обратясь къ межевщику, я сказалъ:

— «Ну, дозвольте-жъ теперь и мнѣ словца два вымолвить!»—Очень хорошо, сказалъ межевщикъ.

Тогда, обратясь ко всѣмъ своимъ товарищамъ и повѣреннымъ, закричалъ я: «Господа! Пожалуйте поприступите!»

Всѣ наши уже знали, что будетъ и ждали того, какъ невѣдомо чего, улыбаясь другъ съ другомъ, видя мои ухватки, и въ одинъ мигъ сдѣлали вокругъ межевщика и всѣхъ насъ превеликой кругъ. Тогда вытащилъ я изъ кармана свою епистолію и, сказавъ подъячему:

«Изволь-ка, батюшка, въ журналъ свой записывать все, что я ни буду тебѣ сказывать», началъ изъ ней внятно, громко и не спѣша, а слово за словомъ, читать или такъ хлестать, что въ одинъ мигъ и межевщикъ съ лица сступись, подъячій взбѣсился, а Рыбинъ помертвѣлъ почти. Да инако и нельзя было, потому что всякое слово было тутъ молоткомъ прибито и притомъ всего меньше было ими ожидаемо, ибо имъ и въ мысль того не приходило, что я стану самъ утверждать ихъ дачу, о которой по сіе время ничего еще не говорилъ, а хотя и слышали, что мы хотимъ назвать степь государевою, но думали, что мы назовемъ попросту и безъ затѣй, и потому надѣялись безъ всякаго труда побѣдить насъ своею окружною и отказами. Но сіе было у меня давно смѣчено, и дѣло расположено совсѣмъ инако и такъ, какъ имъ и въ голову не приходило, скрыто же подъ такою непроницаемою завѣсою, что они не могли ни малѣйшаго проникнуть и что̀ у меня на умѣ догадаться, и прежде не узнавали, покуда уже было въ полевую записку вписано.

Могу сказать, что сія уловка и проворство мнѣ всего болѣе и помогло. Всходствіе чего и при тогдашнемъ случаѣ я всего далѣе былъ отъ того удаленъ, чтобъ опровергать ихъ дачу и говорить, чтобъ у нихъ тутъ дачи не было, но самъ утверждалъ, что имъ дача дана и отказы были; но утвержденіе мое такъ расположилъ, что оное въ состояніи было опровергнуть всю дачу.

А именно я на первомъ семъ пунктѣ сказалъ, что земля эта дѣйствительно та, которая Пашкову отведена, но что отводъ сей былъ незаконной и несправедливой; что дача произведена ему въ запрещенное время и въ такой годъ, когда никому государственныхъ земель въ дачу производить было не велѣно; что Пашковъ былъ тогда самъ губернаторомъ; что отведена земля сія ему его подкомандующимъ, и отведено ее вдесятеро больше, нежели сколько ему дано и слѣдовало, и такъ, какъ ему, Пашкову, хотѣлось. Однимъ словомъ, что учинена была при томъ явная несправедливость въ предосужденіе казеннаго интереса.

Далѣе, что повѣренной Рыбинъ ведетъ теперь не туда, но этой земли великое еще множество упускаетъ невѣдомо для чего и наваливаетъ на насъ, а мы ею никогда не владѣли и не владѣемъ, а пользуется ею Богъ знаетъ кто; что пріѣзжаютъ на нее изъ дальнихъ мѣстъ разные люди и косятъ траву, гдѣ ни попало, и въ одинъ годъ здѣсь, а въ другой индѣ. Что г. Пашковъ этою землею до изданія высочайшаго о размежеваніи земель манифеста не владѣлъ, а послѣ манифеста насильственнымъ образомъ себѣ много присвоилъ; а нынѣ упуская множество оной земли, конечно хочетъ прихватить вмѣсто ее казенную, которая находится впереди и нами завлажена и о покупкѣ которой мы желанія свои предъявили, а нѣкоторые изъ насъ и купили изъ казны, да и прочіе купить желаютъ; и что мы, опасаясь того, о семъ объявляемъ, а послѣ покажемъ, гдѣ онъ и покуда до манифеста владѣлъ и сколько захватилъ послѣ изданія онаго въ противность самаго манифеста и не уважая высочайшаго повелѣнія, и такъ далѣе.

Какъ все сіе было ими не предвидимо, то каждое слово приводило межевщика и Рыбина въ нестроеніе и замѣшательство. Они такъ смялись, что не знали, что дѣлать. Рыбинъ то мертвѣлъ, то синѣлъ и стоялъ повѣся голову, а межевщикъ сколько ни барабошилъ и сколько ни усиливался не принимать моего спора, но нечего было ему дѣлать—не на такіе зубы напалъ!

Истинно, разъ съ десять онъ останавливался и не хотѣлъ болѣе писать, говоря, что это не слѣдуетъ писать, что это дѣло судное, и прочее. Но я на каждое его одно слово три своихъ, и представлю ему такіе резоны, что ему нельзя было не принять. А паче всего убѣждалъ я его тѣмъ, что мы споръ и все сіе объявляемъ для сохраненія казеннаго интереса и какъ вѣрноподданные, и что ему, какъ казенному чиновнику, самому есть долгъ о томъ пещися, и что по самому сему какъ можно ему объявленія нашего не принимать.

Симъ и подобнымъ сему образомъ убаиваль я его, а когда слишкомъ онъ уже забарабошивалъ, то я и самъ на него ополчался иногда съ самыми угрозами, а когда, ровно какъ на смѣхъ поднимая, восклицалъ: «Какъ это возможно, чтобъ вы у меня сего спора не приняли! развѣ вы иностранецъ какой и не такой же подданной государю, какъ мы, и нашихъ законовъ не знаете?» А симъ образомъ, употребляя когда лисій хвостъ, когда волчій ротъ, и преодолѣвалъ я все его нехотѣніе.

Наконецъ, вздумали-было они съ Рыбинымъ сказать, для чего все это одинъ только я говорю, а прочіе всѣ молчатъ и ничего не говорятъ.—«А развѣ это вамъ надобно, чтобъ они говорили?» сказалъ я и тотчасъ всѣмъ нашимъ закричалъ, чтобъ они говорили. Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ всѣ въ одинъ мигъ приударили въ голоса, всѣ завопѣли и закричали, что они всѣ то же самое гово-

рятъ и утверждаютъ и согласіемъ своимъ все и каждое мое слово подтверждаютъ.

Нечего было тогда межевщику дѣлать. Взбѣсился онъ и сердился и не понималъ, какъ это такъ у насъ согласно, и что я ни скажу, такъ всѣ за то умереть готовы и не только свои, но и посторонніе въ голоса и то же подтверждали и кричали только, чтобъ господинъ межевщикъ изволилъ приказать писать все, что я ни буду говорить.

— «Боже мой! закричалъ онъ:—что это за диковинка? можно-ль было сіе думать и сего ожидать? Да долго ли, скажите пожалуйте, этого будетъ? это цѣлая библія!»

— Какъ быть! отвѣчалъ я:—библія ли не библія, да надобна.

Что касается до пьяницы подъячаго, такъ этотъ своимъ мурчаньемъ и ворчаньемъ мнѣ, какъ горькая рѣдька, надоѣлъ. Однако я сносилъ уже сіе съ терпѣніемъ и давалъ ему волю мурчать, а только бы писалъ.

Рыбинъ же, стоя и головою только покачивая, говорилъ: «ой, ой, ой, ой, ой, ой!» Но я себѣ на умѣ: что ты ни думай, но твое до тебя доходитъ, а мы дѣлаемъ, что надобно. Да и подлинно онъ въ такое замѣшательство и нестроеніе приведенъ былъ, что на всѣ мои объявленія и слова не могъ найтить, ни одного слова, но приступалъ только къ землемѣру съ просьбою, чтобы онъ отъ меня ничего не принималъ; но я его такъ загонялъ, что онъ на него опрокидывался, говоря, что ему того не принять никакъ не можно.

Но какъ бы то ни было, однако, дѣло по желанію моему кончилось и записано было въ полевой журналъ все, что душѣ моей было угодно, хотя, правду сказать, я самъ уже усталъ сказывая, что писать. Но за то и узелъ былъ завязанъ такой, что господинъ Пашковъ не въ силахъ былъ развязать оной. А на г. Рыбина надѣта была такая уздечка, что онъ съ того времени принужденъ былъ плясать по моей дудкѣ и прыгать, какъ я велю и прикажу.

Болѣе всего смяло и нужало ихъ то, что я въ предосторожность, чтобъ не могли они шпильничать и въ полевой запискѣ чего перемѣнить, согласилъ всѣхъ своихъ товарищей приложить въ запискѣ сей лично свои руки, а потомъ заставилъ уже прикладывать повѣренныхъ, а потомъ всѣ листы мы перемѣтили и я своею рукою по листамъ скрѣпилъ.

Итакъ, кромѣ великаго числа повѣренныхъ, однихъ благородныхъ людей болѣе двадцати человѣкъ оной своими подписками утвердили. А все сіе до того землемѣра довело, что онъ тогда публично сказалъ, что нечего теперь господину Пашкову дѣлать, и что онъ счастливъ будетъ, если у него и всего не отымутъ.

Однимъ словомъ, споръ сей былъ мастерской и столь важной, что во всѣхъ нашихъ увеличилъ вдесятеро больше то хорошее мнѣніе, которое всѣ они до того времени обо мнѣ возымѣли. Уши мои не успѣвали тогда выслушивать похвалы и благодаренія, отъ всѣхъ мнѣ приносимыя. «Батюшка ты нашъ! твердили только всѣ— и самъ Богъ тебя къ намъ принесъ!» Но ни что мнѣ такъ не было чувствительно и пріятно, какъ то, что многіе, въ томъ числѣ и самые противники до того доведены были, что отъ радости плакали и твердили только: «Помилуетъ его Богъ! кабы не онъ, ну, пропали бы мы и нечего-бъ дѣлать!»

Но мнѣ время возвратиться къ продолженію повѣствованія.

Послѣ сего происшествія немного уже мы въ тотъ день межевали, ибо споръ мой и прикладываніе рукъ продолжилось такъ долго, что не успѣли мы саженъ трехъ сотъ отойтить, какъ стало смеркаться, и притомъ всходить такая туча, что всякой долженъ былъ искать себѣ убѣжища. Итакъ, спѣшили мы скорѣе окончить. И тогда въ одинъ мигъ пролился такой дождь, что не осталось на насъ сухой почти нитки и болѣе оттого, что лагерь нашъ для воды остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы прежде ночевали, и въ него не могли мы скоро доѣхать.

Къ вящему несчастію не привезена была тогда еще и палатка. Итакъ, покуда привезли ее, покуда поставили, до тѣхъ

(поръ) благополучно мы всѣ обмокли. Но какъ говорится въ пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, то и мы невзгоду сію перенесли съ терпѣніемъ и шутили только другъ надъ другомъ, а особливо будучи всѣ отъ хорошаго успѣха въ удовольствіи. Но за претерпѣніе отъ дождя отдохнули мы уже ввечеру, осушились и обогрѣлись при раскладенныхъ огняхъ и, поужинавъ опять съ удовольствіемъ, провели ночь съ покоемъ.

Что касается до межевщика, то сей бѣднякъ въ досадѣ, горести и замѣшательствѣ, вмѣстѣ съ повѣреннымъ Рыбинымъ, принуждены были отъ дождя спасенія себѣ искать у стога и провели ночь въ великомъ безпокойствѣ и сомнѣніи.

Симъ кончился сей достопамятной день, и случившаяся при началѣ сего межеванья съ нами помянутая буря съ пресильнымъ дождемъ была равно какъ предвозвѣстницею, что начатое наше дѣло съ Пашковымъ въ послѣдствіи своемъ будетъ бурное и со многими безпокойствами и съ безчисленными хлопотами сопряженное. Но тогда и на умъ не приходило намъ сіе замѣтить, а мы считали сіе случайнымъ натуральнымъ произшествіемъ.

Съ симъ окончу я и сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 21 дня 1808 года).

Письмо 165-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ первой достопамятной день нашего межеванья, пойду теперь далѣе и разскажу, что происходило во второй.

Не сомнѣвался я ни мало, что въ ночь подъ сіе число у межевщика съ Рыбинымъ происходить будутъ многія совѣщанія и разныя выдумки, и въ томъ не обманулся. Но какъ имъ будущія мои намѣренія были неизвѣстны, и оба они по счастію были люди не очень хитрые, то и не имѣлъ я причины опасаться отъ нихъ многаго. Однако, видя уже отъ нихъ злоковарной поискъ, взялъ предосторожность и взбударажилъ всѣхъ нашихъ еще до свѣта, чтобъ поспѣть на межу, какъ можно ранѣе и не дать времени межевщику что-нибудь схитрить и предосудительное сдѣлать.

Итакъ, пріѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ кончили, очень рано и прежде еще межевщика, и увидѣли Рыбина разъѣзжающаго по степи и пріискивающаго вновь мѣста, куда ему вести отводъ свой. Я безсомнѣнно думалъ, что онъ держаться будетъ вчерашняго своего намѣренія и поведетъ насъ на верховье рѣчки Караваенки и назоветъ ее вершиною Пандинскою; и догадка моя подтвердилась, когда увидѣлъ я, что онъ съ того мѣста, гдѣ мы остановились, сдѣлалъ поворотъ еще вправо, нацѣливъ на верховье рѣчки Караваенки. Почему и начали мы въ сей день межевать спокойнѣйшимъ образомъ, и я помышлялъ только о томъ, какъ бы оспорить оную рѣчку и выбрать приличное мѣсто для пріурочиванія стариннаго Сухотинскаго отвода. Въ сихъ помышленіяхъ ѣдемъ мы да ѣдемъ съ межевщикомъ и смотримъ, куда выведетъ насъ Рыбинъ. Но сколь мало я тогда зналъ, что готовился и дѣлался тогда новой злоковарной поискъ и такое новое помѣшательство, которое я всего меньше могъ предвидѣть, ибо послѣ узналъ я, что Рыбинъ съ господиномъ межевщикомъ провели минувшую ночь далеко не столь спокойно, какъ мы, и я въ прошедшій день ихъ такъ загонялъ и въ такой завелъ лавиринтъ замѣшательствъ, что они во всю ночь почти не спали, а все думали, совѣтовали и помышляли о томъ, какъ быть, что дѣлать и чѣмъ исправить и полечить испорченное мною ихъ дѣло?—Но по счастію нашему, не было изъ всѣхъ ихъ ни одного такого остряка, которой могъ бы въ семъ случаѣ сдѣлать разумной переворотъ и поправить какъ-нибудь дѣло. Результатомъ или слѣдствіемъ всѣхъ ихъ размышленій и совѣтовъ было новое, но такое предпріятіе, которое вмѣсто того, чтобъ дѣло, по ихъ мнѣнію, исправить, оное еще болѣе испортило, а именно:

Не знаю кто-то изъ нихъ присовѣто-

валъ имъ лучше уже признаться въ томъ, что они много своей дачи выпустили и не пошли на Панду, а иттить уже на рѣчку Караваенку и назвать ее Караваенкою, а не Пандою, какъ они хотѣли прежде. Ибо они могли уже предусматривать, что я не премину ихъ въ томъ оспорить, и потому, боясь, чтобъ имъ не спутаться еще болѣе, Рыбинъ, вставъ еще до свѣта, ѣздилъ осматривать рѣчку Караваенку и пріискивалъ отвершекъ при устьѣ оной, при которомъ бы перевесть ему чрезъ сію рѣчку всходствіе выписи. И дѣло было бы еще нѣсколько ладно, если-бъ не сдѣлалъ онъ и тутъ еще новой ошибки и погрѣшности. На объѣздѣ его попадись ему на глаза тутъ нѣсколько кургановъ, и нелегкая догадала его восхотѣть ими воспользоваться и привесть сперва отводъ свой на нихъ и назвать ихъ писцовыми и упомянутыми въ отказныхъ его книгахъ, а отъ нихъ уже повернуть на помянутое устье.

Всего того я не зналъ и не вѣдалъ и всего меньше подозрѣвалъ, что у него перемѣнено уже намѣреніе. Почему не могу изобразить сколь въ великую разстройку мыслей пришелъ я, какъ вдругъ линія окончилась на курганахъ и Рыбинъ сталъ записывать, что сіи четыре кургана писцовые и что онъ съ сего мѣста идетъ на рѣчку Караваенку. — «Ба! воскликнулъ я тогда: — что это такое? Это что-то новое и неожидаемое»! — Всѣ товарищи мои онѣмѣли и пришли въ великое смятеніе и трусость. Они приступали ко мнѣ, какъ къ единой своей надеждѣ и опорѣ, и шептали, спрашивая, какъ быть и что дѣлать? Но мнѣ не до того было, чтобъ имъ отвѣчать; а я занятъ былъ множествомъ мыслей, и поразившись такимъ неожидаемымъ случаемъ, не долго мѣшкалъ и давно уже помышлялъ о томъ, какъ бы изъ сего сумнительнаго обстоятельства выдраться и обратить собственное оружіе Рыбина противъ самого его и его не только болѣе еще спутать, но накинуть на него новой ѳелъ. И какъ я въ такихъ случаяхъ скоръ, то въ одинъ мигъ было у меня все придумано и расположено какъ быть и что дѣлать, и я спѣшилъ уже иттить записывать противъ Рыбина, что надобно. Чего ради, не внимая спрашивающихъ меня непрерывъ другъ предъ другомъ нашихъ союзниковъ, продирался сквозь толпу, говоря только: «Пожалуйте не безпокойтесь! все это ничего и для насъ же еще лучше»! И продравшись къ астролябіи, выслушалъ, что Рыбинъ написалъ, и потомъ далъ знакъ, чтобъ всѣ замолчали, не шумѣли и не мѣшали мнѣ говорить, что надобно. Въ мигъ тогда сдѣлалось безмолвіе и тишина совершенная. И я думаю, что ратники военоначальнику своему не бываютъ такъ послушны, какъ были тогда всѣ мои союзники. Не успѣлъ я вымолвить слова какъ всѣ онѣмѣли и въ одинъ мигъ обступили кругомъ, и, сдѣлавши опять кругъ, протянули уши слушать, что я говорить стану.

Я опровергъ тогда его показаніе и сказалъ, что курганы сіи отнюдь не писцовые, а простые, каковыми вся тамошняя степь наполнена; что отвода Сухотина никогда на сіе мѣсто не было; что Рыбинъ, видя изобличенную мною его несправедливость и упущеніе земли, теперь самъ въ томъ признается и тѣмъ справедливость нашего объявленія доказываетъ; что вчера велъ онъ сюда и называлъ находящуюся впереди рѣчку не Караваенкою, а Пандою, а теперь по нашему уже показанію называетъ ее Караваенкою, дабы тѣмъ прикрыть свою несправедливость; но что сіе уже поздно, и такъ далѣе.

Все сіе смутило вновь Рыбина и привело въ такую разстройку, что онъ не зналъ, что дѣлать и не могъ вымолвить ни слова. Онъ охалъ только и качалъ головою, видя, что ему со мною не сладить и что все имъ затѣваемое я въ одинъ (мигъ) разрушаю и обращая въ вящее зло, привожу самого его въ пущее замѣшательство. И какъ смятеніе его было слишкомъ очевидно, то нельзя довольно изобразить, какъ радовались тогда всѣ наши, и съ какимъ восхищеніемъ поднимали его на смѣхъ и приступали

къ нему, говоря: «ну-ка, ну-ка! господинъ Рыбинъ, ступай-ка, куда теперь поведешь, куда поплывешь»? и такъ далѣе... Горе тогда было бѣдному Рыбину. Онъ мялся, вертѣлся и, прикрывая стыдъ свой смѣхомъ, твердилъ только: «Что съ вами, господами, дѣлать? не дадутъ-таки на-синь порохъ опереться. Куда ни поди, такъ все не такъ»!

Между тѣмъ приступалъ къ нему межевщикъ и говорилъ, чтобы онъ продолжалъ отводъ свой и велъ далѣе. Я хотя уже предвидѣлъ, что онъ поведетъ не на верховое рѣчки Караваенки, а хватитъ влѣво, въ наши земли, и приведетъ на которой-нибудь изъ впадающихъ въ Караваенку съ лѣвой стороны отвершковъ; но какъ ихъ было много, то не зналъ на которой онъ поведетъ и боялся, чтобъ онъ, окаянной, не выбралъ къ тому самой дальнiй, и не прихватилъ бы чрезъ то въ отводъ свой множество караваенскихъ пашень. Страхъ мой былъ и не безъ основанiя. Рыбинъ въ самомъ дѣлѣ сталъ вѣшить линiю очень далеко влѣво и такъ, что я не могъ уже никакъ сомнѣваться, что онъ пойдетъ на отвершекъ дальнiй и захватитъ множество пашень, къ великому вреду и предосужденiю караваенскихъ жителей. Досадно мнѣ сiе невѣдомо какъ было и новое смущенiе на меня напало. Хотѣлось мнѣ какъ-нибудь его отъ пашень отвести, дабы чрезъ то не связать споромъ нашей дачи съ его отводомъ и чрезъ то не подвергнуть всей оной опасности, что составляло наиважнѣйшiй для меня пунктъ; но я не находилъ почти способа.

Не въ меньшее смятенiе пришли и товарищи мои, а всѣхъ болѣе караваенскiе жители. Сiи трепетали уже отъ страха, чтобъ не потерять всѣхъ своихъ пашень, и приступали ко мнѣ безъ умолку, говоря: «Куда-же онъ, батюшка, идетъ? вѣдь вотъ тутъ уже близехонько наши пашни— погубитъ онъ насъ»!

— Молчите, ради Бога, говорилъ я имъ:—дайте время, я его тотчасъ спутаю, а теперь мнѣ его унять не можно. Разберите сами, вѣдь мнѣ не сказать же ему: не ходи туда, это наши пашни! Онъ вѣдь тому и радъ будетъ и нарочно еще въ нихъ пойдетъ.—Что касается до прочихъ господъ, то сiи приступали ко мнѣ, говоря: «Пора, пора называть государевою землею»!—Досадно мнѣ тогда было, что они трусили, говорили сами не зная что, и смотрѣли только на настоящее, а предбудущее забывали.—«Пожалуйте, говорилъ я имъ:—дайте мнѣ волю, я уже знаю, когда назвать, а то не устать сказать, да послѣ будетъ хуже. Надобно всякое дѣло дѣлать съ разсмотрѣнiемъ».

Симъ отбоярилъ я ихъ и заставилъ молчать до тѣхъ поръ, покуда мы, идучи за Рыбинымъ, миновали первой и самой крайнiй отвершекъ, которой миновать мнѣ для того хотѣлось, чтобъ могъ онъ для самихъ насъ послѣ служить въ пользу, и намъ можно-бъ было на него отводъ свой вывесть, чего господа наши не предусматривали, для которой причины и далъ я ему, Рыбину, волю вести какъ онъ хочетъ. Но, чтобъ лучше предуготовить для себя что надобно, и чтобъ удобнѣе принудить Рыбина повернуть отъ пашень прочь, употребилъ я хитрость, а именно притворился будто я крайне досадую, что Рыбинъ далеко ведетъ, и въ пыхахъ подошедъ къ межевщику, сказалъ ему: «Вотъ, Иванъ Петровичъ, вы говорите и просите, чтобъ намъ развестись полюбовно, но смотрите, можно-ли съ такимъ человѣкомъ разводиться? Ну куда его дьяволъ ведетъ? и можно-ли будетъ потомъ сладить, когда онъ самъ дѣло часъ отъ часу портитъ и такъ дѣлаетъ, что нельзя будетъ послѣ и мириться».—Симъ убаялъ я межевщика и довелъ до того, что онъ самъ сталъ на Рыбина сердиться и досадовать, что онъ забираетъ далеко въ лѣвую сторону. А сiе было мнѣ и надобно, ибо я нарочно и старался клеить все дѣло такъ, чтобъ межевщикъ безпрестанно надѣялся и не сомнѣвался въ томъ, что мы помиримся, и для того самъ помогалъ-бы намъ, не знаючи, въ нашемъ дѣлѣ.—«Такъ, такъ. отвѣчалъ онъ мнѣ:—вижу я самъ, что онъ дурно дѣлаетъ, но что мнѣ съ нимъ

дѣлать? — Не слушаетъ. Вотъ и теперь вонъ гдѣ чортъ его носитъ»!

Ибо надобно знать, что Рыбинъ въ то время находился верхомъ впереди и устанавливалъ вѣхи.

Предуготовивъ симъ образомъ межевщика, и поравнявсь противъ помянутаго надобнаго мнѣ отвершка, судилъ я, что уже время начинать играть давно приготовленную нами, и межевщикомъ и Рыбинымъ всего меньше предвидѣнную и ожидаемую, комедію.—«Стой!» закричалъ я и, подбѣжавъ къ межевщику, сурьезнымъ видомъ началъ говорить: «Господинъ землемѣръ! я прошу васъ на семъ мѣстѣ остановиться и принять отъ насъ объявленіе».

Удивился тогда землемѣръ и не зналъ, что это значитъ; однако, принужденъ былъ остановиться и спрашивалъ насъ, что мы объявить хотимъ? Но я просилъ, чтобъ онъ напередъ записалъ на семъ мѣстѣ по линіи мѣру и означилъ бы сіе мѣсто въ натурѣ пунктомъ и признакомъ, а потомъ мы уже и скажемъ, что надобно. Все сіе было для него неразрѣшимою загадкою, но нечего было ему дѣлать, принужденъ былъ исполнить по нашему требованію.

И тогда, собравъ опять кругъ, началъ я говорить и вписывать въ полевую записку, «что на семъ мѣстѣ старинной отводъ Сухотина съ лѣвой стороны вышелъ и нынѣшній Рыбина несправедливой отводъ пресѣкаетъ, и что слѣдовательно на семъ мѣстѣ упускаемая имъ земля въ лѣвой сторонѣ кончилась, а впереди направѣ и налѣвѣ начинается государственная дикопорожая и за отводомъ Сухотина оставшаяся земля, которую нынѣ Рыбинъ отводомъ своимъ прихватываетъ; и потому основательность вчерашняго нашего сомнѣнія теперь оказалась сама собою».

Въ сихъ немногихъ словахъ состояло все наше объявленіе; но сколь ихъ было не много, столь напротивъ того составляли онѣ великую важность и такой завязали узелъ, которой Рыбинъ со всею своею хитростью развязать далеко былъ не въ состояніи, и которой для г. Пашкова былъ всего предосудительнѣе и вреднѣе. Межевщикъ онѣмѣлъ, сіе услышавъ; но помочь ему было не можно. Онъ кликалъ и кричалъ, чтобъ ѣхалъ скорѣй Рыбинъ, а сей, пріѣхавъ, помертвѣлъ, узнавъ о нашемъ объявленіи. Онъ такъ спутался и въ такое пришелъ смятеніе, что не зналъ, что говорить; а межевщикъ, отозвавъ его къ сторонѣ, вслухъ началъ его тазать.—«Дурно, дурно! говорилъ онъ ему:—что ты теперь надѣлалъ? куда ты забрелъ? куда занесла тебя нелегкая? чѣмъ теперь пособишь? вѣдь я тебѣ говорилъ: не захватывай много! и вотъ до чего ты теперь довелъ»! и такъ далѣе.

Сіе Рыбина еще пуще смутило, и какъ онъ въ такихъ случаяхъ былъ очень труслив и нерасторопенъ, а притомъ увидѣлъ надъ собою великую бѣду и всему дѣлу своему наивеличайшій и опаснѣйшій подрывъ, то безъ памяти схватя вѣху, жалостнымъ образомъ мнѣ сказалъ: «Ну, судырь, такъ я поверну и поведу туда, куда сами вы прикажете», — и хотѣлъ сдѣлать на самомъ томъ мѣстѣ поворотъ. «Нѣтъ, нѣтъ! закричали мы тогда всѣ:— веди, куда ты велъ и не снимай вѣхъ. Теперь тебѣ уже можно поворачивать, когда мы тебѣ сказали. Линія-то твоя записана, и ты отойди, хотя сажень, и тогда поворачивай, а теперь мы тебѣ не дадимъ». Онъ сталъ-было спорить, но я увидѣвъ, что онъ со страху хочетъ поворачивать вкрутѣ вправо и привесть на самой тотъ отвершекъ, которой я для себя назначилъ, сталъ усиливаться и довелъ до того, что онъ, отошедъ еще саженъ со сто, и тогда повернулъ уже на первой отвершекъ, какой ему тутъ вблизи первой повстрѣчался.

Симъ образомъ удалось мнѣ не допустить его до пашенъ на сей сторонѣ Караваенки находившихся, и достичь до желаемаго мною намѣренія. Онъ пришелъ къ рѣчкѣ Караваенкѣ подлѣ отвершка, но версты съ три или болѣе выше того мѣста, гдѣ я сначала думалъ и боялся,

что онъ выйдетъ. Однако я и тутъ оспорилъ и записалъ, что это не писцовое устье вершинки, впадающей въ рѣчку Караваенку, а писцовое находится еще выше и осталось у насъ позади.

Заведя его въ сіе мѣсто, не имѣлъ я уже причины опасаться, что онъ прихватитъ много нашихъ пашень за рѣчкою, потому что съ сего мѣста, идучи впередъ до самой рѣчки Паники, не долженствовало ему захватывать ни единой вершинки; а когда бы онъ захотѣлъ иттить прямо чрезъ поля, то принужденъ бы уже былъ переходить множество находящихся впереди вершинъ и буераковъ, что совсѣмъ не согласно было бы съ его отказными книгами. Итакъ, отлегнуло тогда у меня на сердцѣ, и я, смѣючись, говорилъ уже ему, чтобъ онъ велъ куда хочетъ, и хотя бы всѣ поля прихватывалъ. Но онъ самъ признавался, что ему для буераковъ и овраговъ прямо иттить нельзя, но долженъ поворачивать вкрутѣ направо и всѣ ихъ обходить.

Однако сколь много онъ ни повернулъ, но нельзя было ему миновать, чтобъ не захватить нѣсколькихъ пашень караваенскихъ и большую часть ихъ стоговъ и сѣнокосовъ. И тутъ-то смѣшно было и мило слышать, какъ самые хозяева отпирались отъ своихъ стоговъ и пашень съ хлѣбомъ. Не успѣлъ онъ перейтить рѣчку, какъ и пошли уже по пашнѣ караваенскаго однодворца, которой самъ тутъ былъ повѣреннымъ. Такъ случилось, что межевщикъ у самого его сталъ спрашивать: чье это просо? но онъ говорилъ, что не знаетъ, что земля эта казенная, а кто ее пахалъ и сѣялъ—не знаетъ, не вѣдаетъ. У другого насѣяна была рѣпа. Всѣ пошли по ней и начали дергать. Хозяинъ былъ тутъ же, вздыхалъ только и намъ шепталъ, что рѣпа его, а межевщику вслухъ и отъ пашни, и отъ рѣпы отпирался. Третьяго горохъ подверженъ былъ такому-жъ жребію, но онъ ни слова не сказалъ, но самъ еще толочилъ и рвалъ, какъ бы не свой. Вотъ какое удивительное было согласіе и сколь великое моимъ совѣтамъ послѣдованіе!

Признаюсь, что я былъ тѣмъ невѣдомо какъ доволенъ и не могъ довольно налюбоваться тому, какъ всѣ усердствовали и какъ единодушно за одно стояли и межевщику только и говорили, чтобъ онъ изволилъ у самихъ стоговъ и пашень спрашивать чьи они. Бѣсился тогда межевщикъ, а Рыбинъ, ѣдучи верхомъ, только пожималъ плечами и, охая, говорилъ: «Боже мой! кто этова чаялъ и кто могъ предвидѣть? отъ своей-ста земли отпираются! слыханная ли бѣда!»—«Но добро, другъ мой! думалъ я самъ въ себѣ тогда:—и по неволѣ волосы вянутъ, когда за нихъ тянутъ. Нужда велитъ и свое называть чужимъ, когда, малое потерявъ, большое сохранить можно».

Такимъ образомъ велъ Рыбинъ насъ не малое разстояніе, и мы твердили только одно да одно, а именно: что направѣ и налѣвѣ государева земля. Наконецъ случилось г. Рыбину, или показалось, что прихватываетъ нашихъ земель мало, и для того догадало его повернуть влѣво. Я молчалъ и далъ ему волю, а внутренно только радовался, видя что сдѣлавъ сей поворотъ зайдетъ онъ непремѣнно въ находящійся впереди буеракъ и чрезъ то попадется мнѣ въ новую петлю. Какъ я думалъ, такъ и сдѣлалось. Онъ забрелъ благополучно въ верховье одного буерака, и я, будучи тому радъ, опять закричалъ: «Стой! извольте господинъ землемѣръ записать сію вершинку, которая служитъ достовѣрнымъ и новымъ доказательствомъ, что Рыбинъ не по тому мѣсту ведетъ, гдѣ былъ отводъ Сухотина, которой никакой вершины не переходилъ». Досадно тогда невѣдомо какъ было межевщику, но нечего было дѣлать, принужденъ былъ записать и самъ признаться, что эта вершина, хотя помертвѣвшій и великую свою погрѣшность усмотрѣвшій Рыбинъ и старался всѣми образами утвердить, что это такъ, только лощинка. Но можно-ль было насъ ему переспорить? Мы въявъ уже ему хохотали и тѣмъ въ такое смятеніе и замѣшательство привели, что онъ не зналъ

что дѣлать и принужденъ былъ признаться, что ошибся.

Мы нашли на семъ мѣстѣ станъ свой уже расположенной, и для того уговорили межевщика, чтобъ на семъ мѣстѣ обѣдать. Покуда варили ѣсть, покуда приготовляли и стряпали, началась въ обществѣ нашемъ изрядная уже комедія. Старичокъ нашъ, господинъ подполковникъ Свитинъ, мало-по-малу начиналъ сердиться, для чего дозволили мы и пустили межевщика иттить чрезъ его пашни и сѣнокосъ? Смѣшно было и утѣшно смотрѣть на сего милаго старика. Тогда, когда шли ничего онъ не говорилъ, а когда миновало все, то началъ твердить и сердиться, но сердиться такъ, что всякій ему только что смѣялся. Нашлись тотчасъ скалозубы, которые начали его подтрунивать и пуще задорить. Другіе же напротивъ того увѣряли, что такъ необходимо было надобно. Сперва досадно было самому мнѣ, что онъ сердится, и для того, отозвавъ его къ сторонѣ, привелъ тотчасъ его въ разсудокъ и до того довелъ, что онъ самъ признавался, что не пустить было не можно, и благодарилъ еще меня, что такъ сдѣлалъ. Но не успѣлъ я отъ него отстать, какъ въ одинъ мигъ начиналъ онъ опять тужить и досадовать и врать такую чепуху, что со смѣху каждому надсѣдаться надлежало. — «Ну, зачѣмъ, зачѣмъ—говорилъ онъ—нелегкая его сюда занесла этого проклятаго Рыбина? Изволь себѣ смотрѣть!... Дали мошеннику волю, а онъ и чортъ знаетъ куда готовъ былъ завесть!» — «Да умилосердись, Василій Кузьмичъ! говорили мы ему: — какимъ же бы образомъ не пустить его можно было»?—«Да, да!» отвѣтствовалъ онъ отъ часу разгорячаясь болѣе: — «какимъ образомъ!... Я-бы-таки не пустилъ, не пустилъ-таки-бъ! Пошелъ прочь сказалъ бы ему: — пошелъ къ чорту! пошелъ къ сатанѣ! пошелъ къ дьяволу! пошелъ къ нелегкой болѣсти и съ бояриномъ-то своимъ, жидомъ, окаёмомъ такимъ же плутомъ, каковъ ты самъ! Вамъ мало, сказалъ бы я, съ плѣшивымъ-то бояриномъ твоимъ всего свѣта будетъ! Возьмите себѣ весь свѣтъ, возьмите солнце, возьмите мѣсяцъ, звѣзды и небеса-та себѣ во владѣніе!... А то вотъ, вотъ куда занесла ихъ сатана, куда занесла нелегкая!...» и такъ далѣе. И когда онъ симъ образомъ разгорячится, то никто уже съ нимъ не говори и не представляй никакихъ резоновъ.—«Да умилосердись, однѣ ли твои пашни?» говорили мы:—«твоихъ и двухъ десятинъ не отошло, но для чего же другіе всѣ молчатъ?»—«Да, да!» опрокидываясь онъ на насъ, подхватывалъ:—«хорошо тому молчать и хи, хи, хи, хи, хи! у кого ничего не отошло, а у меня, бѣднаго, всѣ сѣнокосы отъѣхали» (хотя въ самомъ дѣлѣ ничего не бывало, а и у него стожка два только отошло, но ему въ сердцахъ уже такъ казалось). Однимъ словомъ, нечего было намъ съ нимъ болѣе говорить. Мы со смѣху только надсѣдались его сердцу и удивительнымъ размашкамъ. Да не только мы, но и всѣ мужики смѣялись уже его глупости и безразсудку. Но что же! иногда сердится, сердится, да и самъ захохочетъ съ нами, и тогда у насъ миры и лады. Коротко, онъ сдѣлался у насъ шутикомъ и комедіантомъ, и увеселялъ чрезвычайнымъ образомъ всю нашу компанію.

По изготовленіи кушанья, непреминули мы пригласить межевщика и убѣдить опять просьбою, чтобъ онъ съ нами обѣдалъ, вѣдая, что у него кромѣ ржавой ветчины ничего иного не было. Послѣ обѣда, какъ надлежало начинать межевать, то нашли мы Рыбина въ такомъ замѣшательствѣ, что я, пользуясь симъ случаемъ, могъ изъ него то дѣлать, что мнѣ было угодно, и онъ былъ у меня какъ рыбка на удочкѣ, куда потяну туда и шелъ. Довольно-ли, что я его до того довелъ, что онъ отводъ свой располагалъ по моему хотѣнію. Скажу ему: «Слушай, Рыбинъ, вѣху ты эту не такъ поставилъ, отнеси ее вправо». Онъ, бѣднякъ, и велитъ ее перенесть. «Нѣтъ, мало!» — скажу ему — «бери еще вправо, относи далѣе!» Онъ то и дѣлаетъ, а какъ скоро начнетъ говорить, что «довольно,

сударь, довольно!» такъ тотчасъ скажу: «нѣтъ, мало! и если еще не перенесешь, такъ тебѣ же хуже будетъ, вѣдь ты вѣдаешь, что на тебѣ оселъ, такъ берегись. Я тебѣ сказываю: чѣмъ далѣе возьмешь ты влѣво, тѣмъ хуже послѣ для тебя будетъ». Симъ и подобнымъ сему приведу его въ такой страхъ, что опять послушается и перенесетъ вѣху и потомъ честью проситъ говоря, что «полно», и я послушаюсь и скажу: «Ну! ну!» Слыхано ли когда такое межеванье? Онъ спорной отводъ дѣлалъ, а я ему указывалъ.

Симъ образомъ продолжали мы иттить безъ дальнихъ остановокъ. И наше счастіе было, что никакихъ остановокъ не было и что успѣли мы симъ образомъ въ одинъ день пройтить множество верстъ и миновать почти всю нашу землю, и что Рыбинъ не имѣлъ времени видѣться со своимъ господиномъ и разсказать ему обо всемъ происходившемъ, а то бы вѣрно что-нибудь другое вышло. Всѣ небольшія остановки дѣлались только тогда, какъ случалось линіи переходить какую-нибудь дорогу и межевщику по долгу его надлежало ихъ записывать. Но тутъ опять выходило смѣшное. У кого онъ изъ нашихъ жителей ни начиналъ объ нихъ спрашивать, но никто не хотѣлъ ему сказывать: осторожность всѣхъ нашихъ такъ была велика, что они безъ меня не хотѣли ничего ему сказывать и лучше хотѣли отзываться незнаніемъ, нежели проболтаться. Межевщика сіе невѣдомо какъ бѣсило: «Боже мой!» восклицалъ только онъ: «что это за народъ, о чемъ ни спросишь, ничего не знаютъ! Ну, просите сюда Андрея Тимоѳеевича!» Но ко мнѣ и безъ его призыва во всѣхъ такихъ случаяхъ прибѣгали тотчасъ многіе и сказывали, что межевщикъ остановился и спрашиваетъ, какая дорога и что прикажу я ему сказать? Мила мнѣ была таковая всѣхъ ихъ на меня надежда, и я смѣялся, что они доводили ее уже до чрезвычайности, и, смѣючись, приказывалъ имъ сказывать какая, или самъ, подъѣхавъ и у нихъ же спросивъ, удовлетворялъ межевщика. Нѣсколько разъ случилось сіе происшествіе, и усердіе всѣхъ нашихъ было такъ велико, что во всякое время человѣкъ пять и безъ приказанія моего шли, или ѣхали подлѣ межевщика и примѣчали всѣ его движенія. И не успѣвалъ онъ гдѣ на минуту остановиться, какъ въ мигъ прибѣгали ко мнѣ, ѣдущему стороною, и сказывали: «Андрей Тимоѳеевичъ! Андрей Тимоѳеевичъ! межевщикъ остановился, извольте, сударь, посмотрѣть».

Подъ вечеръ, наконецъ, дошло дѣло и до пашень, принадлежащихъ деревнѣ нашей Болотовкѣ. Рыбинъ хотя-бы и усердно хотѣлъ ихъ обойтить, но ему нельзя было, чтобъ не перейтить нѣсколько оныхъ, ибо безъ того не можно-бъ было ему попасть на верховья рѣчки Паники. Сосѣди мои послѣдовали примѣру прочихъ и отреклись отъ своихъ; но какъ скоро дошло до моихъ собственныхъ, то я не находилъ причины отъ нихъ отрекаться, но, остановивъ межевщика, необинуяся сказалъ, что эти пашни мои, распаханныя въ прошломъ году изъ государственной проданной мнѣ земли, которая земля до того времени лежала впустѣ и не была ни у кого во владѣніи и мнѣ въ 1766 году продана, и для владѣнія оною данъ мнѣ владѣнной указъ.

Рыбинъ обрадовался-было сперва, что я назвалъ своею, но услышавъ мое объявленіе и увидя, что я самое сіе въ доказательство приводилъ, что это земля государственная и не была никогда у Пашкова во владѣніи, и что все мое объявленіе подтвердили и засвидѣтельствовали письменно всѣ наши сосѣди, и господа и повѣренные, пришелъ въ новое замѣшательство и нестроеніе, а я чрезъ то получилъ то, чего желалъ, а именно: что моя покупная земля не могла уже послѣ сего пропасть и продажа уничтожиться, и что мнѣ ею и впредь, несмотря на сіе межеванье, владѣть продолжать можно.

Послѣ сего начали мы мало по-малу приближаться къ рѣчкѣ Паникѣ, о которой я невѣдомо какъ безпокоился мыслями, ибо сколь удобно было мнѣ прочія живыя урочищы перепутать, столь не-

удобно напротивъ того спутать сію рѣчку. Уже я неоднократно объ ней размышлялъ, но предусматривалъ отъ часу болѣе путаницы и замѣшательства и не расположился еще въ мысляхъ, что съ нею подлинно сдѣлать. Я совѣтовалъ о томъ съ прочими, но никто не зналъ, что дѣлать; иной говорилъ то, иной другое, но всѣ совѣты ни къ чему не годились и приводили только меня въ вящее замѣшательство. Польза наша требовала, чтобъ ее уничтожить и сказать, что не эта рѣчка Паника. Но необходимость требовала, чтобъ была гдѣ-нибудь другая рѣчка Паника, на которую бы намъ свой отводъ привесть можно было, и чтобъ нововыдуманная нами рѣчка согласовалась съ прочими писцовыми живыми урочищами; но способной къ тому вершины нигдѣ я не находилъ. Правда, рѣчка сія раздвоилась въ своемъ верховьѣ и была въ правой сторонѣ великая вершина, впадающая въ сію рѣчку, которую по нуждѣ и думалъ я назвать ея верховьемъ; но по несчастью сіе верховье было несравненно короче настоящаго и потому отводъ нашъ могъ-бы подверженъ быть нѣкоторому сомнительству; а посему и не зналъ я что дѣлать и къ чему приступить лучше.

Въ сихъ обстоятельствахъ взошли мы линіею на курганъ, неподалеку отъ обѣихъ сихъ верховьевъ находящійся. Тутъ пришло мнѣ въ мысль испытать, не могу-ли я Рыбина соблазнить и добромъ убѣдить къ тому, чтобъ онъ шелъ на конецъ той вершины, которую я вздумалъ назвать рѣчкою Паникою; и для того, увидя, что онъ съ кургана повернулъ налѣво и на настоящую Панику, сталъ ему говорить: «Слушай Рыбинъ! хочется-ли тебѣ наконецъ бѣлые столбы ставить и чтобъ я пересталъ спорить и далъ тебѣ далѣе межевать, какъ ты хочешь формальною межою?»—«Какъ, судырь, не хотѣть! отвѣчалъ онъ: я бы молебенъ отслужилъ, еслибъ только дозволили».—«Когда такъ, сказалъ я далѣе:—такъ поди не на эту, а вонъ на ту вершину, такъ я тебѣ тамъ и дозволю поставить бѣлой столбъ, и рѣчка будетъ безспорною. А здѣсь, сказываю тебѣ напередъ, что опять будетъ споръ». Обрадовался Рыбинъ сіе услышавъ, и какъ черные столбы и безпрестанной споръ ему наскучилъ, и ему чрезвычайно хотѣлось бѣлыхъ, то задумался онъ и едва-было едва не согласился. Но какъ-то не посмѣлъ учинить сего безъ воли своего господина, и для того упросилъ межевщика, чтобъ на семъ мѣстѣ межу въ тотъ день кончить, а между тѣмъ хотѣлъ съѣздить на хуторъ къ Пашкову и спросить, и надѣялся, что онъ прикажетъ. «Очень хорошо!» сказалъ я: «такъ поѣзжай же. Не пожалуетъ-ли сюда и самъ Петръ Егоровичъ? дѣло-бы можетъ-бы лучше было».

Такимъ образомъ кончился сей достопамятной день и мы ночевали въ расположенномъ неподалеку отъ межевщика станѣ, подлѣ верховья рѣчки Паники. Тутъ между тѣмъ, покуда готовили намъ ужинъ, была у насъ опять превеликая комедія съ господиномъ Свитинымъ. Онъ во весь день не переставалъ сердиться и ворчать; и гнѣвъ, и веселье находило на него головенами. Но ввечеру скалозубы его такъ раззадорили, что гнѣвъ его былъ уже преужасный и простирался до того, что доставалось и самому мнѣ отъ него на лапу. Онъ, ругая всѣхъ, не щадилъ и меня. Да, спасибо, никто не сердился, да и сердиться на такого человѣка было не можно. Долго мы надъ нимъ хохотали; но наконецъ вздумалось мнѣ съ нимъ сыграть комедію. Я притворился будто мнѣ ворчанье его досадно и будто я разсердился. Ну-ка я давать на него окрики, а потомъ, разсердясь будто, пошелъ прочь и не хотѣлъ болѣе имѣть никакого дѣла, а говорилъ, чтобъ онъ съ сего времени самъ что зналъ, то дѣлалъ и защищалъ всѣхъ. Не успѣлъ я сего сдѣлать и отойтить, какъ приступили къ нему скалозубы: «Ну, что ты теперь, Василій Кузмичъ, надѣлалъ?» говорили они ему:—«и какихъ бѣдъ накутилъ? Ну, что намъ дѣлать, когда Андрей Тимоѳеевичъ отступится и отъ насъ уѣдетъ? пропадешь ты, а съ тобою вмѣстѣ и всѣ мы», итакъ далѣе. Сперва всё

сіе его не трогало, но ночью раскаялся нашъ старикъ и вздумалъ меня просить о прощеніи и уговаривать, чтобъ я ему вину отпустилъ и пересталъ сердиться, хотя я никогда и не начиналъ того. И то-то было смѣшно смотрѣть, какъ была у насъ мировая и какъ обрадовался онъ, услышавъ, что я его будто прощаю. Онъ обнималъ меня, цѣловалъ въ голову и въ глаза и называлъ невѣдомо чѣмъ, и давалъ клятвы и обѣщанія быть съ того времени спокойнымъ. Однако, обѣщаніе сіе не болѣе получаса продолжалось, но тотчасъ взошла на него опять ипохондрія и онъ пылалъ уже гнѣвомъ и досадою и на меня, и на всё въ свѣтѣ.

Но теперь дозвольте съ окончаніемъ повѣствованія о семъ кончить и письмо сіе, а дальнѣйшее предоставить письму послѣдующему, и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 22 дня 1808 года).

Письмо 166-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описыванію происшествій третьяго дня нашего межеванья, случившагося въ 4-е число сентября, начну тѣмъ, что мы не сомнѣвались въ томъ, что Рыбинъ уговоритъ Пашкова выѣхать къ намъ самому, или по крайней мѣрѣ велитъ вести на помянутую мною вершинку. Однако, мы въ обоихъ сихъ ожиданіяхъ обманулись. Рыбинъ, возвратившись по утру съ хутора, сказалъ намъ, что, вмѣсто всего нами ожидаемаго, бояринъ его только прибилъ за то, для чего онъ, увидѣвъ, что мы свою землю называемъ государевою, не велъ онъ своего отвода по самые дворы наши, говоря: пускай-же бы они всю свою землю называли государевою. Сего, какъ выше упомянуто, боялся я и самъ невѣдомо какъ и въ отвращеніе всего того и принужденъ былъ употреблять тогда и волчій ротъ, и лисій хвостъ, и не только дивился, но и благодарилъ Бога, что не пришло сего ни Рыбину, ни межевщику въ голову, и что бы имъ легко можно было сдѣлать. Однако дѣло сіе и вся опасность благополучно и, къ крайнему моему удовольствію, миновалась и весь гнѣвъ Пашкова былъ уже поздной и тщетной: отрѣзанной отъ хлѣба ломоть приставить было уже не можно и случай былъ упущенъ. Мы смѣялись уже тому тогда и радовались, что такъ сдѣлалось и что Рыбинъ далъ себя мнѣ поводить, какъ рыбку на удочкѣ. А то въ самомъ дѣлѣ было-бъ намъ тошно лихо, если-бы догадался онъ и повелъ далѣе влѣво къ нашимъ деревнямъ. Мы принуждены-бъ были называть и родныя наши земли государевою землею, или по крайней мѣрѣ связать свою дачу съ его споромъ, и претерпѣли-бы отъ того ужасное зло и убытокъ. А тогда удалось намъ откататься, какъ лисицѣ отъ охотниковъ и собакъ, не потерявъ болѣе 50 или 60 десятинъ пашни, но о которыхъ никто и не охнулъ. Сей случай доказалъ тогда всѣмъ нашимъ, сколь великое, хитрое и преполезное для всѣхъ дѣло я сдѣлалъ. Боже мой! сколь многія приносимы мнѣ были тогда благодаренія, и сколь многими осыпали меня всѣ похвалами! Куда и къ кому я ни обращался, всякой благословлялъ только меня и желалъ, чтобъ далъ мнѣ Богъ здоровье и прочее.

Признаюсь, что пріятно было мнѣ все сіе слышать, и что чувствовалъ я отъ того то неоцѣненное удовольствіе, которое можетъ имѣть человѣкъ, дѣлая добро людямъ.

Но я пойду далѣе. Господинъ Пашковъ, услышавъ, что всему неудачному его межеванью былъ никто иной, какъ только одинъ я причиною, досадовалъ на меня чрезвычайно и не смога въ рога, вздумалъ мнѣ мстить такою местью, которой я только смѣялся, а именно: онъ велѣлъ повѣренному своему внесть въ полевую записку возраженіе на меня, что я вышеупомянутую землю распахалъ будто бы въ его дачахъ и безъ всякаго канцелярскаго отвода. Межевщикъ по простотѣ своей за сіе и уцѣпился; но я въ одинъ мигъ всѣ ихъ замыслы въ ничто обратилъ, записавъ, что мнѣ канцелярскаго отвода было и не надобно; но что мнѣ по силѣ указа велѣно самому

взять во владѣніе и владѣть до прибытія землемѣровъ. Итакъ, возраженіе Пашкова сдѣлалось однимъ только пустословіемъ, и мы тому только смѣялись.

Поболтавши симъ образомъ немного, начали мы межевать. Рыбинъ повелъ на свою вершину и извинялся, что ему такъ неотмѣнно приказалъ господинъ его. И спасибо, что онъ не велѣлъ иттить, куда я требовалъ. Послѣ увидѣлъ я, что для меня было бы хуже, еслибъ онъ туда пошелъ. Но тогда, не предвидѣвъ будущаго, чувствовалъ я нѣкоторую досаду и положилъ, что̀ ни будетъ, а рѣчку на удачу оспорить, и помышлялъ уже о томъ, что сказать, когда придемъ къ рѣчкѣ.

Какъ разстояніе отъ кургана до верховья рѣчки Паники было не велико, то дошли мы скоро до онаго. Пришедши туда, далъ я, по обыкновенію моему, волю Рыбину говорить и называть все, какъ хочетъ, а самъ не говорилъ до времени ни одного слова. Сіе мѣсто было пограничнымъ тремъ дачамъ, то-есть, нашей, Пашковской и тамбовца Луки Чернаго, и я не сомнѣвался, что Рыбинъ, назвавъ сію рѣчку Паникою, скажетъ, что съ сего мѣста начинается направѣ и налѣвѣ земля Чернаго, и что онъ повернетъ отводъ свой вправо на Козьи-рожки, такъ какъ сказано въ отказныхъ книгахъ. Но сколь я удивился услышавъ отъ него совсѣмъ противное, а именно: онъ, назвавъ сіе мѣсто верховьемъ рѣчки Паники, объявилъ только о правой сторонѣ, что тутъ начинается земля Родивона Чернаго, но которую продалъ онъ его помѣщику, и что онъ съ сего мѣста поведетъ внизъ по рѣчкѣ Паникѣ по полюбовному съ нимъ, Чернымъ, разводу и по силѣ купчей, а влѣвѣ-де за рѣчкою земля шадскихъ помѣщиковъ. Оба сіи обстоятельства были мною непредвидимы, и я чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ, что онъ самымъ тѣмъ новой великой и для насъ весьма полезной болтунъ и погрѣшность сдѣлалъ; ибо чрезъ то подалъ мнѣ самъ на себя оружіе и легчайшій способъ связать и купленную имъ у Чернаго землю съ нашимъ споромъ, а потомъ испортить отводъ и Черновской дачи, которой меня всего болѣе безпокоилъ, ибо онъ назвалъ лѣвую сторону неправильно и, вмѣсто того, чтобъ назвать землею Чернаго, назвалъ нашею.

Послѣ Рыбина надлежало говорить самому помѣщику той земли, а именно Родивону Черному, но сего фалалея и глупца вовсе тутъ и въ завѣтѣ не важивалось. Господинъ Пашковъ, обалахтавъ сего бѣдняка и дурака безсовѣстнѣйшимъ на свѣтѣ образомъ, и имѣя намѣреніе вмѣсто купленныхъ пяти только четвертей, отрѣзать изъ его дачи нѣсколько тысячъ десятинъ, и, принудивъ его пьянаго подписать купчую, въ которой самъ онъ не зналъ, что написано, держалъ его у себя на хуторѣ подъ крылушкомъ, и боясь, чтобъ онъ чего на межѣ не наболталъ на свою шею и не вралъ, поилъ его безъ просыпу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему не можно было быть на межѣ, и чтобъ ему, Пашкову, можно было отрѣзать сколько хочетъ и тѣмъ, такъ сказать, плутовскимъ образомъ похитить множество впустѣ лежащей земли. Все сіе онъ вѣрно бы и учинилъ, еслибъ по его несчастію не было тутъ меня, какъ такого человѣка, которой могъ и на то пошелъ, чтобъ всѣ его плутовскіе замыслы разрушить.

Я въ одинъ мигъ могъ все сіе предусмотрѣть и что на умѣ было у Пашкова—догадаться. Но какъ болтунъ, учиненный Рыбинымъ, вспомоществовалъ мнѣ много къ разрушенію ихъ замысла, то хотя бы и имѣлъ я право требовать, чтобъ призванъ былъ самъ Черной, но, боясь, чтобъ онъ не опровергъ Рыбина объявленія, съ умысла ничего не говорилъ, но далъ волю межевщику дѣлать, что хочетъ. Сей же, вѣдая замыслы и намѣренія господина Пашкова, сдѣлалъ видъ будто послалъ солдата за Чернымъ, а въ полевой запискѣ велѣлъ для объявленія его оставить мѣсто и требовалъ, чтобъ мы свое объявляли.

Объявленіе наше привело межевщика и Рыбина въ новое бѣшенство. Оно состояло въ короткихъ словахъ, а именно, что это не рѣчка Паника и что земля

направѣ не Чернаго, а на лѣвѣ не шадскихъ помѣщиковъ, а по обѣимъ сторонамъ казенная дикопорозжая. Рѣчка же Паника находится въ отдаленіи, а сія вершина безъимянная, и какъ называется, не знаемъ.

Сіе незнаніе всего досаднѣе было межевщику. Онъ досадовалъ, сердился, ярился, но нечего было дѣлать. Онъ созвалъ понятыхъ, спрашивалъ у нихъ, какъ сія рѣчка называется, но, по счастію нашему, и понятые сказали, что не знаютъ, и отговорились отдаленностью своихъ жительствъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сказывали намъ, что они дѣйствительно знали, что сія вершина Паникою называется, но съ досады на Пашкова, что онъ ихъ всѣхъ поморилъ съ голоду, и не давалъ имъ ни куска хлѣба, не хотѣли въ въ угодность ему сказывать, а держали лучше нашу сторону.

Все сіе еще больше межевщика раздражило; но сколько онъ ни гнѣвался, но гнѣвъ его былъ въ рудѣ Божіей и ничего онъ имъ не сдѣлалъ, но принужденъ былъ все сіе записавъ иттить опять черными спорными столбами. Мы дали ему волю бѣситься, какъ онъ хочетъ, и дивиться сему непостижимому незнанію, и слѣдовали за нимъ, не говоря ни слова.

Но скоро сдѣлалась-было у насъ опять тревога. Отошедъ съ версту, попадись Рыбину на глаза за рѣчкою изъ нашихъ селеній какой-то мужикъ, накладывающій хлѣбъ на телѣгу: нелегкая его принесла въ самое то время туда. Мы хотя накрѣпко приказывали, чтобъ никто на полѣ не шатался, и посылали нарочныхъ сгонять работающихъ земледѣльцевъ; но сей мужикъ знать того не вѣдалъ и по незнанію пріѣхалъ. Но какъ то ни было, но Рыбинъ, усмотрѣвъ сего мужика, подступилъ къ межевщику и сталъ говорить: «Вотъ, Иванъ Петровичъ, теперь никто и ни одинъ человѣкъ не знаетъ, какъ зовутъ сію рѣчку, а ежели-бъ запросто спросить, такъ всякой скажетъ, что это Паника. Напримѣръ, вонъ изволите видѣть мужика на той сторонѣ, ежели-бъ и его приказали спросить, такъ и онъ вѣрно бы сказалъ, что это Паника». Флатирующій въявъ Пашкову, межевщикъ тотчасъ сіе слово поймалъ и сержанту закричалъ: «Слушай, сержантъ! садись скорѣй на лошадь и поѣзжай къ этому мужику и спроси его, какъ зовутъ сію рѣчку, и скажи истину. Не позабудь же спросить чей онъ, изъ какой деревни и его имя, и подай мнѣ репортъ». По счастію случилось сіе подлѣ одного пункта и мы всѣ лежали тутъ на травѣ и слышали сіе приказаніе. Меня тотчасъ сіе тронуло. Я боялся, чтобъ мужикъ въ самомъ дѣлѣ не проболтался, и досадовалъ невѣдомо какъ на межевщика, что онъ слишкомъ уже и въявъ похлебствовалъ Пашкову и, раболѣпствуя его повѣренному, хотѣлъ дѣлать то, что дѣлать и законы не велятъ. Однако далъ ему волю окончить свое приказаніе. Но какъ скоро сержантъ въ самомъ дѣлѣ сталъ садиться на лошадь, какъ, лежучи, началъ я говорить дружескимъ образомъ межевщику: «Не лучше ли это оставить, Иванъ Петровичъ! Вѣдь это пустое будетъ, и только принудитъ меня сдѣлать такое объявленіе, которое самимъ вамъ будетъ дурно и не вкусно. Я сожалѣя васъ говорю». Товарищи мои подхватили мои слова и заревѣли всѣ, что это противно законамъ... Бѣдной межевщикъ такъ тогда вструсился, что того момента отмѣнилъ свое намѣреніе и не велѣлъ ѣздить. Онъ хорошо сдѣлалъ, что и не послалъ, а то бы я того момента на самого бы его протестовалъ и ему было бы дурно.

Такимъ образомъ кончилось сіе дѣло, и господину Рыбину не удалось надъ нами подхимистить. Но я не думаю, чтобъ онъ много и успѣлъ, ибо повѣренные наши не успѣли услышать начала сего дѣла, какъ и безъ приказанія нашего спроворили дѣломъ и далеко еще прежде сержанта услали двухъ верховыхъ кругомъ къ мужику, чтобъ его остеречь. Сіи, пріѣхавши и спросивъ у мужика, какъ рѣчку зовутъ, ну-ка бѣдняка плетьми за то, за что онъ ее Паникою называетъ и зачѣмъ принесло его теперь за хлѣбомъ. Бѣдному мужику ни за что, ни про что попалось

въ спину, и онъ стремглавъ поскакалъ съ поля. Мы всего сего произшествія не знали не вѣдали, и послѣ уже узнавъ, не могли довольно всему усердію и проворству своихъ надивиться и ихъ за то расхвалить.

Отошедши двѣ версты съ половиною внизъ по рѣчкѣ и поровняясь противъ впадающей съ противной стороны въ сію рѣчку вершины, остановилъ Рыбинъ межевщика и объявилъ, что съ того мѣста въ лѣвой сторонѣ начинается земля Чернаго. Меня тотчасъ тогда остановили, бывшаго впереди, наши лазутчики, и я, прибѣжавъ и услышавъ сіе новое и мною всего меньше ожидаемое объявленіе, пришелъ въ превеликое замѣшательство и не зналъ, какъ поступить при семъ случаѣ. Но чтобъ выиграть нѣсколько времени на размышленіе, вздумалъ теперь воспользоваться отсутствіемъ Чернаго и сказалъ межевщику, что я прежде о сей землѣ ничего не скажу, покуда не явится самъ Черной, какъ объявленной помѣщикъ той земли, и не объявитъ самъ объ ней. Я удивился, увидя, что сіе межевщику было досадно. Онъ, несмотря на сіе, принуждалъ насъ объявлять и спѣшилъ иттить далѣе. Но чѣмъ больше онъ усиливался, тѣмъ болѣе сталъ и я противоборствовать, возымѣя подозрѣніе, что у нихъ кроется подъ тѣмъ какое-нибудь злое намѣреніе. Итакъ, дошло у насъ скоро дѣло до превеликаго спора. Онъ хотѣлъ иттить и иттить безъ Чернаго, а мы не хотѣли и принуждали, чтобъ онъ послалъ за нимъ. «Я уже послалъ, говорилъ онъ:—но что мнѣ дѣлать, когда онъ не ѣдетъ? Мнѣ не ждать же его здѣсь».—Конечно ждать! говорю я:—вамъ безъ него иттить не можно, если по одной повѣсткѣ не будетъ, пошлите другую съ понятыми, пошлите третью, и онъ долженъ быть.—«Но, ну, какъ боленъ! ну, какъ его дома нѣтъ!» говорилъ онъ.

— Это еще неизвѣстно, отвѣчалъ я:—можетъ быть не боленъ, можетъ быть и дома. Да хотя-бъ и боленъ, такъ повѣреннаго присылай; что онъ за бояринъ?—Видитъ межевщикъ, что дурно и что мы стоимъ крѣпко, и не зная уже чѣмъ насъ преодолѣть, сталъ говорить, что ему на межу и явиться не можно.—Да для чего-жъ такого? спросилъ я. — «Онъ подалъ мнѣ объявленіе, сказалъ межевщикъ, что на межу онъ выѣхать опасается». — Очень хорошо! сказалъ я: — это новое нѣчто и неслыханное! Да кого онъ опасается? развѣ насъ, такъ мы его не съѣдимъ. Да пожалуйте-ка покажите, что это за объявленіе? — Межевщикъ тотчасъ велѣлъ подать. Вздурился я, оное увидѣвъ и нашедъ въ немъ новое и неожидаемое шильничество, а именно, чтобъ не допустить Родивона Чернаго на межу выдумали они съ Пашковымъ вотъ какое плутовское дѣло: написали сами объявленіе, будто какой-то дьяволъ-однодворецъ сказывалъ Черному, что грозятся застрѣлить его люди Ивана Яковлевича Сабурова и господина Масалова, а потому, чтобъ не поставили ему въ вину, если онъ не скоро на межу явится, и напоивъ пьянымъ, велѣли Черному подписаться и берегли его до сего времени.—«Очень хорошо! съ превеликимъ сердцемъ началъ я говорить:—да есть-ли законъ принимать такія неосновательныя объявленія и притомъ писать ихъ самому вашему подъячему? Мнѣ кажется и закона на это нѣтъ и это уже явное мытарство! Не прогнѣвайтесь, господинъ землемѣръ! Это не годится и дурно! И теперь вижу я, что нарочно его сокрыть хотятъ!.. Такъ сказываю, что готовъ здѣсь недѣлю жить, а съ мѣста безъ Чернаго не пойду! Да къ тому-жъ и онъ въ объявленіи пишетъ, что онъ явится, но только не скоро; такъ извольте-ка послать, а мы уже возьмемъ трудъ его подождать и не поскучимъ». Нечего тогда было межевщику дѣлать, хоть не хотѣлось, но принужденъ былъ посылать солдата и остановиться на томъ мѣстѣ обѣдать. И досада его на насъ такъ была велика, что онъ не пошелъ къ намъ и обѣдать, какъ ни старались мы его уговаривать.

Какъ станъ нашъ находился отъ того мѣста съ полверсты и мы боялись, чтобъ межевщикъ безъ насъ чего не надѣлалъ,

то обѣдъ нашъ въ сей день былъ скоропостижной; однако мы пообѣдали, какъ надобно, ибо хотя случился тогда и постной день, но у насъ всего было наварено и всего настряпано довольно и рыбы великое множество. Во время обѣда имѣли мы свой послѣдній совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать. И какъ мнѣ самое то мѣсто показалось очень кстати, гдѣ Рыбинъ остановился, чтобъ назвать сіе мѣсто Долгою Яругою, то и разсудилъ я за благо въ семъ мѣстѣ споръ свой кончить и дать ему иттить далѣе бѣлыми столбами. Я представилъ причины моимъ товарищамъ, и всѣ были согласны, тѣмъ паче, что многимъ, а особливо отдаленнымъ господамъ полевая наша жизнь уже наскучила и они давно уже желали, чтобъ я развязалъ и распустилъ всѣхъ по домамъ, а особливо ихъ, не имѣющихъ дѣла.

Такимъ образомъ, съ общаго согласія положили мы на семъ мѣстѣ споръ нашъ кончить; однако, какъ мнѣ необходимо надобенъ былъ Черной, дабы онъ подтвердилъ объявленіе Рыбина, то разсудилъ я за благо скрыть сіе намѣреніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ Черной. И какъ я очень боялся, что они усилятся и шильническимъ образомъ доведутъ до того, что онъ не явится и что можно будетъ и по закону иттить и безъ него, а особливо примѣтивъ, что, при посылкѣ за Чернымъ солдата, приготовляемъ былъ уже подъячимъ репортъ отъ него для подачи по пріѣздѣ, и написано было, что онъ не засталъ его дома, то, не надѣясь силою взять, вздумалъ воспользоваться сокрытіемъ своего намѣренія и употребить вмѣсто прежняго волчьяго рта лисій хвостъ, и достичь по крайней мѣрѣ чрезъ то до своего намѣренія.

Всходствіе чего, возвратившись къ межевщику и къ астролябіи, не даю я ни мало знать, что у меня на умѣ, но вмѣсто того, подошедъ къ Рыбину, говорю: «Что-жъ Рыбинъ, Чернаго-то»?—«Да посылали, судырь, да не бывалъ еще солдатъ; да гдѣ ему быть! Я слышалъ, что онъ куда-то далеко уѣхалъ».—«Что ты ни говори, сказалъ я, но я прежде съ мѣста не пойду, покуда не пріѣдетъ Черной, и готовъ хоть цѣлую недѣлю здѣсь жить».—Между тѣмъ пырь посыланной солдатъ и, по счастію нашему, такъ, что наши прежде его увидѣли и о Черномъ спросили; и онъ не вѣдая ничего, проболтался и сказалъ, что онъ засталъ его дома, и что онъ поѣхалъ на хуторъ къ Пашкову. Мы тотчасъ сіе подхватили и разрушили коварные ихъ замыслы, ибо съ репоротмъ къ солдату хоть и бѣжали уже на встрѣчу, но всунуть ему его въ руки при нашихъ было не можно. Досадно сіе было очень межевщику; однако онъ сталъ вновь усиливаться, чтобъ не дождавшись Чернаго иттить далѣе. Вижу я, что дѣло дурно и потому тотчасъ, перемѣня голосъ, Рыбину говорю:

«Слушай Рыбинъ! хочешь-ли на этомъ мѣстѣ бѣлой столбъ поставить и чтобъ мы отъ тебя отвязались»?—«Какъ, батюшка, не хотѣть, отвѣчалъ онъ:—я-бы Ивану-великому молебенъ отслужилъ, еслли-бъ это сдѣлалось».—И началъ мнѣ кланяться: «Пожалуйте, судырь, поѣзжайте. Право пора домой вамъ; оставьте насъ однихъ».—«Ну, когда хочешь, сказалъ я, такъ сейчасъ родился бы у меня здѣсь Черной, а безъ того я не сдѣлаю».—Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ обрадовался нашъ Рыбинъ.—«Да сдержите-ли вы свое слово, судырь»?—«Конечно сдержу ужъ, и даю тебѣ вѣрное въ томъ слово»!—«Да какъ же, судырь, вы это сдѣлаете»?—«Ужъ я знаю какъ, говорю ему, не твое уже то дѣло. Я сдѣлаю и отъ моей воли зависитъ, хочу-ли я, или не хочу, чтобъ ты бѣлыми столбами отсюда пошелъ. Ежели велю, такъ будетъ, а не захочу—такъ не бывать».

Сталъ тогда въ пень Рыбинъ и не только Рыбинъ, но и самъ межевщикъ, ибо оба они намѣренія моего не могли проникнуть, которое состояло въ томъ, чтобъ ихъ польстить только, давъ поставить столба два-три бѣлыхъ, а потомъ опять испортить и довесть до того, чтобъ сіи столбы не возымѣли никакого дѣйствія. Но какъ-бы то ни было, но мнѣ удалось

чрезъ сей маневръ достичь до своего намѣренія. Межевщикъ и Рыбинъ и вѣрили мнѣ, и не вѣрили; однако принуждены были повѣрить. И тогда смѣшно было смотрѣть, какъ межевщикъ засуетился, чтобъ какъ можно скорѣй достать Чернаго. «Посылай, посылай скорѣе не только солдата, но самого сержанта». И не только сержанта, но и самого подъячаго хотѣлъ уже посылать и приказывалъ всѣми образами его искать и привесть. Вотъ какъ умѣлъ я довесть ихъ до того, что они плясали по моей дудкѣ!

Итакъ, расположились мы его дожидаться и полеглись на горкѣ на травѣ. Къ намъ подъѣхалъ тутъ сынъ господина Масалова, и всѣ мы начали другъ друга подчивать арбузами, которые за нами продавцы и возили. Истинно, арбузовъ съ пятнадцать мы тогда поѣли. Всякой хотѣлъ подчивать своимъ и купить на свой коштъ для общества, и мы весь пригорокъ усыпали сѣменами и корками.

Часа два или болѣе прождали мы тутъ и пробалагурили. Наконецъ сказали намъ, что господинъ Черной шествуетъ. Я очень любопытенъ былъ видѣть сего звѣря, виновника толь многихъ золъ.—«И подлинно Черной!» воскликнулъ я, его увидѣвъ. И не ошиблись тѣ, которые мнѣ его описывали. Мужичина превеликой, пьяной, разбрюзлой и черной, и не только не походилъ на дворянина, но ниже на однодворца. И досадовалъ я, и смѣялся, и сожалѣлъ, смотря на сего чучелу и видя предъ собою простѣйшаго и глупѣйшаго человѣка, прямо достойнаго потомка вора и плута Луки Чернаго.

Всѣ встрѣчали его разными насмѣшками и скалозубничествомъ, и толпа народа въ одинъ мигъ его окружила. Но я молчалъ и говорилъ только въ мысляхъ самому себѣ: «Боже мой! и этакому глупцу и негодяю хочется такимъ же образомъ, какъ и Пашкову, обхватить и обовладѣть нѣсколькими тысячами десятинъ въ наилучшемъ самомъ мѣстѣ изъ всей этой степи, вмѣсто даннаго конокраду и вору, предку его, самаго малаго количества, пользуясь мошенническимъ отводомъ родни его, Сухотина! и съ этакимъ мерзавцемъ имѣетъ Пашковъ дѣло и его всячески обалахтать и всею его землею завладѣть старается»! Симъ образомъ помышляя, спѣшилъ я приступить и начинать свое дѣло.

Межевщикъ тотчасъ началъ спрашивать: его-ли на лѣвой сторонѣ начинается земля и такъ-ли объявилъ Рыбинъ? Черной, не зная ни уха ни рыла, ухалъ только, мычалъ: «Што? што»? и началъ врать нелѣпую и совсѣмъ не то сказывать о чемъ его спрашивали. У него затвержена была только наизусть данная предку его отъ Сухотина такая-жъ мошенническая окружная, и онъ твердилъ только: «моя земля съ такого-то урочища по такое-то, и съ такого по такое». Рыбинъ стоялъ уже у него подъ бочкомъ и подхватывалъ каждое слово. Я вижу сіе, и какъ мнѣ хотѣлось, чтобъ Черной сказалъ точно то же, что Рыбинъ объявилъ, слѣдовательно, попались бы оба они въ петлю, то далъ я ему волю убаивать Чернаго, и самъ еще нарочно подтакивалъ. Однимъ словомъ, долго сіе продолжалось, но кончилось тѣмъ, что Черной подписался подъ такимъ же точно объявленіемъ, какое было и Рыбина; а равномѣрно вписано было и оставленное прежде въ полевой запискѣ мѣсто.

Какъ все по желанію моему кончилось, то погладилъ я старика по головкѣ и, потрепавъ по плечу, сказалъ: «Жаль мнѣ тебя, Родивонъ Лукичъ, но нечего дѣлать! не я уже тому виноватъ, а ты самъ, что далъ себя обмануть и обалахтать такимъ людямъ, которые Бога не боятся, и обалахтали тебя такъ, что пропадешь ты, какъ червь капустной. На нихъ, мой другъ, жалуйся, а не на насъ. А я уже по необходимости дѣлаю».—Каковъ ни пьянъ былъ старикъ, однако слезы покатились у него изъ глазъ при семъ моемъ словѣ, и онъ, рыдая, сказалъ: «Чуть-ли не до того доходитъ, батюшка»!

Я хотѣлъ-было болѣе поговорить, но Рыбинъ, подступя ко мнѣ, умиленнѣйшимъ образомъ говорилъ: «Чтожъ, батюшка, сдержите-ли свое слово»? —

«Изволь! сказалъ я:—я тебѣ докажу что я честной человѣкъ и какъ умѣю дѣло испортить, такъ опять и починить»! и пошелъ къ межевщику.— Весь народъ усердно хотѣлъ слышать, что я буду говорить, и въ одинъ мигъ составился превеликой кругъ окрестъ меня. Тогда я по обыкновенію моему, установившись, какъ на катедрѣ, посреди, началъ степеннѣйшимъ образомъ подъячему диктовать мое объявленіе, и какъ мнѣ нужна была лежащая на противномъ берегѣ вершина, то просилъ я межевщика, чтобъ онъ снялъ напередъ румбъ, на какой простирается оная. Межевщикъ съ охотою меня послушалъ. И тогда, записавъ румбъ, сказалъ я: «что направѣ и налѣвѣ по оную вершину казенная земля кончилась и начинается обведенная въ 1722 году тѣмъ же вахмистромъ Сухотинымъ бывшему тамбовцу Лукѣ Черному земли, которая никогда и до изданія высочайшаго о размежеваніи земель манифеста не состояла ни у его, ни у сына его Родивона Чернаго во владѣніи и нынѣ поросла ковыломъ и лежитъ впустѣ».

Легко можно всякому усмотрѣть, что все сіе короткое, но весьма важное объявленіе свинчено было на шурупахъ и составлено такъ, что хотя я и не назвалъ ее казенною, но въ одинъ мигъ можно было ее обратить и сдѣлать казенною или, лучше, что само она сама собою сдѣлается казенною по тому же пункту межевой инструкціи. Однако всего того ни межевщикъ, ни повѣренной Пашкова усмотрѣть и скрытой въ объявленіи моемъ хитрости проникнуть не могли, но были объявленіемъ моимъ чрезвычайно довольны, веселились пустяками и хваля меня, что я сдержалъ свое слово, какъ честной человѣкъ, и что имъ можно теперь тутъ бѣлой столбъ поставить.

— Становите себѣ, говорилъ я, а намъ, шадскимъ помѣщикамъ, теперь болѣе дѣлать нечего. Мы дѣло свое кончили, ибо теперь пришелъ Тамбовской уѣздъ и какъ хотятъ тамбовскіе, а намъ болѣе дѣла нѣтъ.

Симъ образомъ кончился нашъ (споръ), и мы, подписавшись, всѣ распрощались съ межевщикомъ, и я распустилъ всѣхъ своихъ до поры до времени по домамъ, приказавъ только, чтобъ были они готовыми, когда востребуются и понадобятся опять. Тутъ началось у насъ прощанье и цѣлованье: всякой приносилъ мнѣ тысячу благодареній и спѣшилъ домой. Что касается до Рыбина, то былъ онъ чрезвычайно доволенъ и прыгалъ съ радости, становя бѣлой столбъ заклейменой и выкапывая яму. А я самъ въ себѣ только думалъ: долго-ли то твоя продлится радость? и уцѣлѣютъ-ли твои столбики?

Какъ были тогда почти сумерки, то хотѣлъ-было и я ѣхать домой, но г. Масаловъ и другъ мой Иванъ Яковлевичъ Сабуровъ, имѣвшій самъ подлѣ господина Масалова въ Тамбовскомъ уѣздѣ, не подалеку оттуда деревню, убѣждали меня просьбою, чтобъ я сдѣлалъ одолженіе и поѣхалъ-бы ночевать съ ними въ оную деревню къ г. Масалову и посовѣтовалъ бы со старикомъ и далъ наставленіе, какъ имъ быть и что дѣлать, когда межевщикъ дойдетъ въ послѣдующій день до ихъ земли. Какъ мнѣ и самому хотѣлось видѣться и познакомиться съ старымъ Масаловымъ и услужить и пріятелю моему господину Сабурову, а сверхъ того въ свою деревню ѣхать было далеко, то охотно я согласился на ихъ просьбу и поѣхалъ съ ними въ Лукино (такъ называлась ихъ деревня).

У насъ начались и дорогою уже совѣты, и какъ я увидѣлъ, что г. Сабурову очень жаль было, что Пашковъ на пять четвертей отрѣзывалъ болѣе двухъ тысячъ десятинъ и онъ все еще сомнѣвался въ томъ, что опи ему, по увѣренію моему, не достанутся и что бѣлые его столбы дѣйствовать будутъ мало, потому что всѣ сіи двѣ тысячи десятинъ связаны еще съ нашимъ споромъ; то хотѣлъ я его утѣшить, и сказалъ, что ежели онъ хочетъ, то можно завтра же все дѣло испортить и заставить ихъ иттить опять черными столбами. Нужно только имъ, тамбовскимъ обывателямъ, поступить бла-

горазумно и какъ надобно. Уцѣпился тогда и г. Сабуровъ, и Масаловъ за меня: скажи я имъ, какъ бы имъ сіе дѣло сдѣлать и какъ поступить? Почему и началъ я еще дорогою вымышлять планъ сему дѣлу и придумывать все нужное.

Между тѣмъ и уже ночью пріѣхали мы къ г. Масалову. Сей почтенной и мнѣ до того еще незнакомой человѣкъ, бывшій нѣкогда тамбовскимъ воеводою, наслышавшись уже довольно обо мнѣ и желавшій нетерпѣливо меня видѣть, радъ мнѣ былъ невѣдомо какъ и старался угостить наилучшимъ образомъ. Весь вечеръ проговорили мы и просовѣтовали, и положили на томъ, чтобъ имъ по примѣру нашему собрать какъ можно скорѣй нѣсколько человѣкъ тамбовскихъ сосѣдственныхъ дворянъ и, по утру выѣхавъ къ межевщику на межу и не допуская еще до своей земли, остановить и назвать то мѣсто государевою землею, слѣдовательно дополнить то, что я въ своемъ объявленіи умышленно и для того не дополнилъ, чтобъ не привязать себя и шадскихъ помѣщиковъ къ тому дѣлу. Расположивъ все что надобно, и разославъ всюду и всюду людей для созыванія дворянъ, ужинали мы у г. Масалова и ночевали съ сыномъ его въ палаткѣ, потому что и они имѣли тутъ домъ не настоящій, а хуторной.

Въ послѣдующій день, что было пятаго сентября, написалъ я имъ по утру, что говорить на межѣ и давъ полное обо всемъ наставленіе, проводилъ ихъ до самого почти межевщика и, подъѣзжая, пустилъ однихъ воевать, а самъ кругомъ да около поѣхалъ степью домой, чтобъ не подать вида, что и сей споръ происходитъ отъ меня. Я не сомнѣвался, что все сдѣлано будетъ, какъ надобно и потому спокойно возвратился домой, и ѣдучи мимо двора господина Тараковскаго, заѣхалъ къ нему. На дорогѣ встрѣтилась со мною жена г. Сабурова, ѣдущая къ нему въ Лукино и любопытно желавшая знать, что у насъ происходило и теперь происходитъ. Я разсказалъ ей въ короткихъ словахъ, что мы по Шадскому уѣзду окончили дѣло свое очень удачно и благополучно, а теперь поѣхали спорить тамбовскіе, и что мужъ ея г. Сабуровъ, какъ уже насмотрѣвшійся на межеванье, ими тамъ предводительствуетъ и теперь споритъ, и что я надѣюсь на него, что онъ дѣла не испортитъ, поелику я далъ ему всѣ нужныя о томъ, какъ поступить, наставленія. Съ чѣмъ мы съ нею и разстались.

Не успѣлъ я, пріѣхавши домой, отобѣдать, какъ пріѣхали ко мнѣ разсказовскіе повѣренные съ просьбою о наставленіи ихъ, что имъ дѣлать. Слово за слово, и вдругъ сказываютъ они мнѣ, что они были въ сей день на межѣ. Тогда, любопытствуя очень, спрашивалъ я у нихъ, что они тамъ видѣли и не знаютъ-ли, что сдѣлалось? И какъ удивился, что спора межевщикъ не принялъ, и что они не останавливаясь пошли далѣе бѣлыми столбами. Я не понималъ, что это значило, и обезпокоившись мыслями, съ нетерпѣливостью дожидался оттуда извѣстія. Однако въ тотъ день не было оттуда ни слуха, ни духа, ни послушанія. Итакъ, пробылъ я сей день и ночевалъ дома. Въ послѣдующій день не успѣлъ я проснуться, какъ сказали мнѣ, что дожидается меня староста Ивана Яковлевича Сабурова. Я велѣлъ тотчасъ его кликнуть. И какимъ удивленіемъ поразился, когда онъ вошедъ съ превеликимъ уныніемъ сталъ говорить мнѣ слѣдующее: «Что, батюшка! безъ васъ все худо! не успѣли вы отъѣхать, какъ у насъ и пошла бириберда»! — «Что такое?» спросилъ я его съ поспѣшностью.— «Что, батюшка! сказалъ онъ: — Пашковъ-то выѣзжалъ вѣдь самъ и съ бояриномъ и Богъ знаетъ, имѣлъ какую ссору; чуть было не закололь его кортикомъ, и баринъ насилу ускакалъ. Теперь не знаетъ онъ, что и дѣлать. Послалъ къ вамъ, батюшка, просить милости, чтобъ вы къ нему пожаловали и помогли бы ему въ его нуждѣ. Они перетрусились всѣ и Богъ знаетъ какъ, и не знаютъ теперь, что и дѣлать. Но нечего говорить и сами худо надѣлали». — «Что такое? спросилъ я съ торопостью: — разскажи мнѣ для Бога,

какъ происходило все дѣло и что они тамъ надѣлали»? Тогда сей весьма неглупой и самъ при томъ бывшій мужикъ разсказалъ мнѣ все происходившее.

Но какъ любопытное повѣствованіе о томъ не такъ коротко, чтобъ могло въ предѣлы сего письма умѣститься, то дозвольте мнѣ оное предоставить письму будущему, а сіе на семъ мѣстѣ пресѣчь и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 23-го дня 1808 года).

Письмо 167-е.

Любезный пріятель! Въ предслѣдующемъ письмѣ обѣщалъ я вамъ разсказать о произшествіяхъ, случившихся на межѣ съ г. Сабуровымъ, и какъ не сомнѣваюсь, что вы столько же любопытны о томъ слышать, какъ былъ тогда и я, а сверхъ того исторія о томъ довольно занимательна и любопытна, а притомъ произвела по себѣ слѣдствія весьма важныя и всего меньше мною ожидаемыя и касающіяся до всего тогдашняго нашего межеванья, то и разскажу я вамъ ее во всей подробности.

Господинъ Сабуровъ, разставшись со мною, какъ я упомянулъ въ моемъ предыдущемъ письмѣ, поѣхалъ къ межевщику въ сотоварищесвѣ только двухъ человѣкъ тамбовскихъ дворянъ, а именно: подпоручика Давыдова и поручика Масалова, сына старикова, ибо множайшихъ въ скорости собрать было некогда. Самому же неглупому старику, отцу послѣдняго, по нѣкоторому смѣшному обстоятельству выѣхать было не можно. Будучи въ Тамбовѣ воеводою, попался онъ не знаю въ какую-то большую бѣду, отъ которой, находясь потомъ въ отставкѣ, не могъ инымъ отдѣлаться, какъ объявивъ себя умершимъ, которое обстоятельство причиною тому было, что ему нельзя было никуда показать глазъ, а особливо тогда къ межевщику, поелику дѣло сіе Пашкову было извѣстно. Такимъ образомъ, свита г. Сабурова была очень мала и, къ вящему несчастію, далеко не столь согласная и единодушная, какъ было наше общество. Правда, хотя послѣ и подъѣхали къ нему человѣка еще два, но и тѣ не лучше были первыхъ, а всѣ люди ничего незнающіе, неопытные и нужной къ спорамъ смѣлости и отваги неимѣющіе. Но какъ бы то ни было, но г. Сабуровъ засталъ межевщика еще очень благовременно и, по наставленію моему, его остановилъ и сталъ объявлять, что онъ межуетъ государеву землю, а не Чернаго, и предлагать, чтобъ онъ не утверждалъ ее Пашкову бѣлыми столбами, а принялъ бы отъ него споръ. Все сіе учинено порядочно; но чтожъ воспослѣдовало далѣе!

Межевщикъ, услышавъ такое неожидаемое объявленіе и новое себѣ препятствіе, невѣдомо какъ взбѣсился и, по обыкновенію своему, сталъ усиливаться и спора не принимать, а объявлять то, что онъ межуетъ по купчей и спора принять не хочетъ. Но можно-ль бы ему было не принять, естьлибъ поступлено было благоразумно и естьлибъ тутъ я, а не г. Сабуровъ, быть случился. Онъ бы у меня самъ напрыгался, оттого что онъ межевалъ тогда безъ самого владѣльца, Чернаго, котораго, по примѣру вчерашнему, держали на хуторѣ и поили, какъ свинью, а безъ него какъ хотѣли межевали. Во-вторыхъ, сѣлъ бы я ему на шею тѣмъ, для чего онъ тутъ межевалъ безъ призыва сосѣдственныхъ дачъ обывателей и, такъ сказать, воровски. Однимъ словомъ, я бы его, государя нашего, проучилъ, естьлибъ мнѣ при томъ быть случилось, и они бы меня не провели; но г. Сабуровъ былъ не такого характера: онъ былъ человѣкъ простой и имѣлъ самое доброе сердце и хорошую душу, но нужной остроты разума и осторожности онъ не имѣлъ и потому далъ себя симъ бездѣльникамъ въ глазахъ обмануть и на бобы провесть а именно:

Какъ межевщикъ увидѣлъ, что онъ сталъ усиливаться и продолжать спорить, то перетруснлись они съ Рыбинымъ и увидя, что дѣло дурно, стакнулись и подпустили къ нему лесть. Они начали умиленнѣйшимъ образомъ просить г. Сабурова, чтобъ онъ имъ не мѣшалъ и не спорилъ; а особливо лукавой Рыбинъ,

перевернувшись лисицею и самою сатаною, облахтывалъ его, говоря: «Помилуйте, батюшка Иванъ Яковлевичъ, не спорьте здѣсь! что вамъ, судырь? вѣдь это не ваша земля. Допустите только меня до рѣчки Ржаксы, а тамъ зачнется ваша, и я съ вами разведусь, какъ вамъ угодно, и отступлю отъ Становаго-Липяга саженъ съ двѣсти въ правую сторону, и возьмите весь его въ вашу дачу.»

Теперь надобно знать, что такое Становой-Липягъ? Это была, находящаяся впереди и лежащая за рѣчкою Ржаксою, большая вершина, поросшая лѣсомъ, и мѣсто очень удобное. До сего Липяга приурочена была дача протопоповская, въ которой вмѣстѣ съ прочими владѣльцами имѣлъ селеніе и г. Сабуровъ. И какъ мѣсто сіе было очень удобное и лежало близко подлѣ поселка Сабурова, то хотѣлось и самому ему оной къ себѣ поприбрать.

Самое сіе обстоятельство и причиною тому было, что помянутое обѣщаніе Рыбина тотчасъ поколебало твердость духа г. Сабурова. Онъ польстился на сіе лестное и ухищренное обѣщаніе и, по добродушію своему, всего меньше могъ опасаться и предусмотрѣть, что это былъ одинъ только обманъ и сплетенная сѣть на самого его. Словомъ, онъ по несчастію повѣрилъ Рыбину и межевщику, и тѣмъ паче, что сей послѣдній обѣщалъ самъ впереди о полюбовномъ разводѣ стараться и ручался въ вѣрности даннаго Рыбинымъ слова и обѣщанія. Коротко, г. Сабуровъ смутился и не зналъ, что дѣлать. Сталъ совѣтоваться съ своими товарищами, но они первые ему сказали, что они въ споръ не хотятъ мѣшаться и не подпишутся, а когда хочетъ спорить, такъ спорилъ бы одинъ. Итакъ, сталъ г. Сабуровъ, какъ ракъ на мели, что болѣе и принудило его дать себя убѣдить просьбамъ Рыбина и межевщика и самого подъячаго. Онъ сказалъ: «Ну, добро, Рыбинъ! уже для тебя и жалѣя твою старость, не буду говорить, сдержи только свое обѣщаніе». — «Изволь, батюшка, изволь! только допусти насъ до рѣчки Ржаксы».

Какъ скоро дѣло сіе кончилось, то Рыбинъ, получивъ свободу и опасаясь, чтобъ чего еще не произошло, сталъ всѣми образами спѣшить дойтить до рѣчки Ржаксы бѣлыми столбами и тѣмъ перерѣзать поперегъ весь пространной промежутокъ между рѣчками Паникою и Ржаксою безспорною линіею. Но не успѣлъ онъ дойтить до рѣчки Ржаксы и перейтить на тотъ берегъ, какъ снялъ съ себя личину и другимъ голосомъ заговорилъ. Вмѣсто того, чтобъ ему Становой-Липягъ оставить влѣвѣ, то-есть въ дачахъ г. Сабурова, и отступить отъ него по обѣщанію саженъ съ двѣсти вправо, онъ поставилъ вѣху саженъ съ двѣсти отъ Липяга влѣво и не только весь Липягъ, но десятинъ со сто и Сабуровской земли къ себѣ прихватывать началъ.

Тогда открылись очи у г. Сабурова. Но разсудите сами, каково было тогда ему, когда увидѣлъ онъ себя такимъ злодѣйскимъ образомъ обманутымъ и въ глазахъ проведеннымъ!... Смутился онъ неописаннымъ образомъ и спрашивалъ Рыбина: «Чтожъ это такое, господинъ Рыбинъ! такъ ли было твое обѣщаніе? и такъ ли ты вести хотѣлъ?» — «Мнѣ инако, сударь, не можно, — смѣючись уже и ругательскимъ образомъ отвѣтствовалъ ему Рыбинъ; — мнѣ Петръ Егоровичъ такъ приказалъ и по купчей такъ иттить слѣдуетъ, и я на волосъ нарушить ее не могу, воля ваша».

Вздурился тогда г. Сабуровъ и не зналъ, что дѣлать. Онъ къ межевщику. Межевщикъ молчитъ и говоритъ: «Я не знаю... не мое дѣло... какъ хотятъ ведутъ». Сіе еще пуще привело въ досаду г. Сабурова. И тогда увидѣлъ онъ ясно, что всѣ они были бездѣльники, а онъ обманутъ, и принужденъ былъ стыдиться всѣхъ, кто съ нимъ тогда ни былъ. Онъ встрянулся, но уже поздно, что лутче бы ему было моему совѣту слѣдовать и либо уже вовсе не спорить, либо спорить, но уже не отставать и ничего не слушать. Тогда раскаялся уже онъ, но пособить

было нечѣмъ: дѣло сдѣлано, межа сохами проѣхана и погрѣшность была уже невозвратная... Онъ досадовалъ самъ на себя, но все уже тщетно. Рыбинъ только смѣялся и радовался удачному своему бездѣльничеству и отомщалъ за поклоны свои изряднымъ образомъ.

Но какъ бы то ни было, но г. Сабуровъ принужденъ былъ проглотить сію горькую пилюлю и, позабывъ то, помышлять о предбудущемъ и думать о томъ— какъ быть, что далѣе дѣлать? Чѣмъ отгонять его отъ себя и отъ своихъ дачъ, и какъ бы не связать дачи своей споромъ съ Пашковою и тѣмъ не подвергнуть ее великой опасности, потому что онъ самъ имѣлъ дачку маленькую, а владѣлъ также земли великимъ множествомъ, которой могъ всей лишиться, какъ скоро связалась бы его дача споромъ съ Пашковою. Все сіе приводило его въ превеликое замѣшательство. Ему оставалось только два средства: либо согласиться на отводъ Рыбина и потерять Липягъ и захватываемыя десятинъ сто за Липягомъ, либо спорить. Но оба сіи средствы были неудобны: Липяга потерять не хотѣлось, а и спорить для вышеупомянутыхъ причинъ было невозможно.

Находясь въ превеликомъ недоумѣніи о томъ, вспомнилъ онъ мой совѣтъ и то, что я ему, равно какъ предугадывая сей случай, приказывалъ и именно: что естьли Рыбинъ станетъ прихватывать Липягъ и его землю, то вѣрнѣйшимъ бы и надежнѣйшимъ средствомъ было назвать какъ Липягъ, такъ и часть земли государевою землею, и тѣмъ точно такимъ же образомъ отбоярить Пашкова отъ своей дачи, какъ мы по Шадскому уѣзду его столь благополучно отбоярили. Вспомнивъ сей совѣтъ, положилъ онъ слѣдовать (ему) и, тѣмъ ободрясь, сказалъ Рыбину: «Когда такъ, то не дамъ же тебѣ надъ собою насмѣяться. Господинъ землемѣръ! онъ ведетъ неправильно. Здѣсь направѣ и налѣвѣ государева земля! Не извольте межевать»!

Сіе вновь встревожило и межевщика и Рыбина. Увидя они, что дурно и что смѣялись рановато, принуждены были говорить опять инымъ голосомъ. Тутъ проявился и у межевщика голось, и сталъ и онъ преклонять къ полюбовному разводу. Но увидя, что не соглашались, стакнувшись съ Рыбинымъ, остановился на томъ мѣстѣ обѣдать и подъ видомъ, якобы Рыбинъ самъ собою не отваживается развестись полюбовно, хотѣлъ о томъ доложить боярину и отъ него истребовать повелѣніе, отправилъ его къ Пашкову на хуторъ.

Сіе подало г. Сабурову опять нѣкоторой лучъ надежды къ полученію Липяга. Проклятой этотъ Липягъ не шелъ, по несчастію, у него изъ ума и онъ желалъ его, какъ нѣкоего непривиданнаго сокровища, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ ничего почти не стоилъ. Между тѣмъ, покуда ѣздилъ Рыбинъ, обѣдали они, и онъ, по добросердечію своему, не помня оказаннаго ему отъ межевщика зла, угощалъ еще его наилучшимъ образомъ, и обходился какъ съ честнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Но сколь худо заплатилъ онъ ему за сію хлѣбъ-соль и добросердечіе! Сколь много обманулся г. Сабуровъ въ своей надеждѣ и сколь бездѣльническимъ образомъ обманутъ былъ вновь сей честной и любезной человѣкъ.

Часа три принуждены они были ожидать возвращенія Рыбина. Наконецъ, пріѣхалъ сей бездѣльникъ и всѣ, любопытствуя, спрашивали его, какія онъ привезъ съ собою вѣсти? Онъ не сказывалъ ничего, а объявилъ только, что Петръ Егоровичъ самъ изволитъ прибыть тотчасъ на межу. Сіе извѣстіе перетревожило тогда всѣхъ, ибо это было еще въ первой разъ, что господинъ Пашковъ выѣхалъ на межу.

Тотчасъ послѣ того показался онъ дѣйствительно, съѣзжающій съ горы на великолѣпной одноколкѣ въ препровожденіи многихъ людей и случившихся также у него гостей: полковника Сухотина съ сыномъ и г. Лихарева. Пришествіе его было очень пышное и надменное. Онъ не хотѣлъ почти ни на кого смотрѣть, и межевщикъ, какъ рабъ, предъ нимъ

раболѣпствовалъ. Слово за слово, дошло дѣло скоро до разговора съ г. Сабуровымъ о землѣ. Г. Сабуровъ стоялъ въ томъ, что это государева земля, и говорилъ Пашкову, чтобы онъ шелъ вправо, вверхъ рѣчки Ржаксы, до другой вершины, гдѣ, сказывалъ онъ, лежитъ Чернаго дача. Долго они проговорили и о пустомъ проспорили, и дѣло не хотѣло клеиться. Все сіе приводило Пашкова въ великое сердце. Онъ пылалъ на г. Сабурова гнѣвомъ и кипѣлъ злобою, однако принужденъ былъ скрывать свой гнѣвъ. И какъ споръ г. Сабурова былъ ему очень опасенъ и онъ боялся, какъ огня, государевой земли, то и нехотя принужденъ былъ дѣлаться низкимъ и увидя, что горломъ не взять, употреблять ласку. Однако и сіе не хотѣло ему помогать. И когда бы, когда-бъ продлилось сіе долѣе и не поколебалась твердость г. Сабурова! Но сей день равно какъ назначенъ былъ къ тому, чтобъ сему честному человѣку быть бездѣльниками обманутымъ и попадаться въ разставленныя ему сѣти.—Сіе произошло такимъ образомъ:

Пашковъ, увидя, что дѣло не клеилось, не зналъ что дѣлать и для того, отозвавъ Рыбина къ сторонѣ, началъ съ нимъ, какъ съ вѣрнымъ и всегдашнимъ своимъ секретаремъ и наперсникомъ совѣтоваться. Сей бездѣльникъ тотчасъ шепнулъ ему, что̀ сдѣлать, и онъ, послушавши его, тотчасъ перемѣнилъ голосъ, началъ съ Сабуровымъ дружелюбно говорить и дѣлать видъ, будто хочетъ съ нимъ развестись полюбовно и скорѣе рѣшить дѣло. Онъ уступалъ ему уже всю землю по Липягъ, онъ уступалъ ему уже и половину самого Липяга; но какъ Сабуровъ на то не соглашался, то подольстись онъ и выведи его изъ ума, говоря слѣдующимъ образомъ: «Ну, Иванъ Яковлевичъ! когда уже инакъ не можно, то быть мнѣ уже иттить на другую вершинку. Но скажи-жъ мнѣ, пожалуй, когда я туда пойду, такъ какъ же ты назовешь тамъ землю на правую сторону»? Господинъ Сабуровъ тотчасъ сказалъ: «Я назову землею Луки Чернаго».—«А полевую какъ же»? спросилъ Пашковъ далѣе Тогда бы надлежало г. Сабурову остеречься и не вдругъ вѣрить миролюбивымъ словамъ Пашкова и не все болтать, что на умѣ было. Но сей простодушной и добросердечной человѣкъ всего меньше ожидалъ отъ него коварства и бездѣльничества, и, по простодушію своему, думалъ, что Пашковъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ съ нимъ разводиться и потому безъ всякаго опасенія сказалъ, что налѣвѣ пазову-де я уже своею землею. Сего самаго слова и добивался отъ него Пашковъ, и не успѣлъ онъ его выговорить, какъ кипящій злобою Пашковъ вспыхнулъ и сдѣлалъ то, чего ни одинъ честной человѣкъ не сдѣлаетъ, а именно: онъ заревѣлъ тогда и началъ межевщику на г. Сабурова являть, что онъ не честной человѣкъ, а мошенникъ, и сперва называлъ сіе мѣсто государевою землею, а теперь хочетъ называть своею, когда онъ туда пойдетъ; слѣдовательно, онъ торгуетъ государевою землею, и просилъ межевщика, чтобъ онъ записалъ сіе въ полевую записку.

Теперь посудите, каково было слышать сіе господину Сабурову, и сколь въ великое смятеніе не долженствовало ему прииттить, увидѣвши, что онъ сдѣлалъ новой и всего уже худшій поступокъ. Оное было и подлинно такъ велико, что я его описать не въ состояніи. Онъ сталъ тогда въ пень и такъ Пашковымъ смятъ былъ, что не могъ промолвить ни единаго слова себѣ въ оправданіе; но думая, что онъ попался тогда въ превеликую бѣду и напасть, не зналъ что дѣлать и говорить. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался предъ нимъ безсловесенъ, а сей, примѣтивъ его трусость, сѣлъ на немъ, такъ сказать, верхомъ и поѣхалъ. Онъ разгорячился уже невѣдомо какъ, и, думая, что тогда одержалъ уже онъ совершенную побѣду и г. Сабурову съ нимъ нечего дѣлать, до того дошелъ, что началъ его ругать всѣми негоднѣйшими бранями и оскорбительнѣйшими ругательствами и, такъ сказать, мѣшалъ какъ его, такъ и быв-

шихъ съ нимъ съ грязью и дѣлалъ негоднѣйшими людьми на свѣтѣ.

При такихъ обстоятельствахъ еще счастіе было, что не случилось тогда на господинѣ Сабуровѣ ни шпаги, ни кортика, а то бы онъ, будучи самъ вспыльчивой и горячій человѣкъ, вѣрно бы не снесъ такихъ несносныхъ ругательствъ, какими онъ тогда его, а говоря на общее лицо, и всѣхъ насъ жаловалъ, и г. Пашковъ дорого заплатилъ бы за сію свою дерзость. Но какъ онъ былъ совсѣмъ безоруженъ, а притомъ не имѣлъ никакой подпоры и подкрѣпленія и свиту очень малую и ненадежную, то нечего было ему дѣлать. Кровь хотя и въ немъ кипѣла огнемъ и пламенемъ, но онъ принужденъ былъ, закуся губы, стоять безмолвно и дать Пашкову, какъ индѣйскому пѣтуху, ерошиться и храбриться. Сей же, видя такое безмолвіе, еще болѣе пыхтѣть и храбровать началъ и даже до того дошелъ, что, называя вновь наиобиднѣйшими именованіями, сталъ звать его за кустъ на поединокъ и, хватаясь за свой кортикъ, до половины обнажалъ оной.

Вотъ какія дѣла происходили у нихъ на межѣ и вотъ какое было межеванье! Но чтожъ бы думали вы дѣлалъ тогда межевщикъ? Не думаете ли, чтобъ онъ (сталъ), по долгу своему, уговаривать ихъ и отводить отъ начинающейся ссоры?— всего меньше! Но онъ, напротивъ того, поджигалъ еще болѣе Пашкова, говоря и жалуясь на г. Сабурова, что онъ и прежде уже и давича мѣшалъ ему межевать и спорилъ. Сіе приводило Пашкова еще въ пущее бѣшенство и ярость. Онъ приказывалъ тогда записывать все сіе въ журналъ; но подъячій-мошенникъ съ межевщикомъ давно уже сплетали на Сабурова петлю и писали невѣдомо какую нелѣпицу и прибавляли то, чего Сабуровъ и неговаривалъ. Когда же увидѣли они, что дѣло доходило до худого, то, вмѣсто того, чтобы унимать, они старались только схватить съ мѣста астролябію и тѣмъ дать лучшій поводъ и свободу къ ссорѣ.

Но едва хотѣли они сіе сдѣлать, какъ образумился г. Сабуровъ изъ своего замѣшательства и смущенія, и не имѣя болѣе надежды, какъ на одну астролябію, которая, по мнѣнію его, представляла тогда зерцало и дѣлала то мѣсто присутственнымъ, въ которомъ Пашковъ не могъ съ нимъ сдѣлать ничего худого, остановилъ межевщика.—«Нѣтъ, господинъ землемѣръ», говорилъ онъ:—«не снимайте астролябіи! это негодится! вы видите, что начинается ссора!» Межевщикъ его и послушался. Но сіе не въ состояніи было остановитъ Пашкова: онъ продолжалъ ругать его болѣе и вышелъ самъ почти изъ себя. И какъ г. Сабуровъ на вызовъ его ему отвѣтствовалъ, что они тогда не въ Польшѣ, чтобъ имъ рубиться, то глупость ли не глупость Пашкова, до того въ бѣшенствѣ дойди, что закричалъ: «Когда такъ, такъ ихъ въ колья!»

Сіе слово тотчасъ всю сцену перемѣнило. Г. Сабуровъ, услышавъ сіе, испужался и сталъ опасаться, чтобъ ихъ въ самомъ дѣлѣ не прибили. Что касается до его товарищей, то они давно уже пуще зайцевъ перетруслились и не знали, что дѣлать; но вмѣсто того, чтобъ вступиться за г. Сабурова, всѣ отъ него отщетились. Ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова, но всѣ метались безъ памяти: велѣли запрягать скорѣй лошадей и подавать дрожки. Иной бѣжалъ въ кусты, иной передавался къ свитѣ Пашковой къ своимъ знакомымъ, думая тамъ найтить лучшее спасеніе, и такъ далѣе.

Вотъ какой страхъ нагналъ на нихъ взбѣсившійся тогда и прямо самъ себя непомнившій Пашковъ. Коротко, г. Сабуровъ остался одинъ и какъ ракъ на мели, и увидѣвъ, что всѣ хотятъ бѣжать, принужденъ былъ и самъ помышлять о томъ же: одному ему нечего было дѣлать. Межевщикъ сталъ-было говорить: «Постойте, постойте, подпишитесь!»—«Нечего намъ стоять», отвѣчалъ г. Сабуровъ: «не до стоянья дѣло и не до подписокъ! насъ хотятъ бить и намъ жизнь наша дороже! Дѣлайте себѣ что хотите, и межуйте, какъ вамъ угодно: вольно вамъ писать, что хотѣли. И когда вы нашего спора не принимаете, такъ слушайте

только вы, господа понятые! Мы называемъ это государевою землею и было бы вамъ сіе извѣстно; а мы отсюда бѣжимъ».

Тогда захохоталъ Пашковъ—«Ха! ха! ха! ха! Господа понятые! ужъ прямо господа!» Но г-ну Сабурову съ товарищами его не до того было, чтобъ сіе слушать. Онъ бѣжалъ уже къ отъѣзжающимъ его товарищамъ и спѣшилъ убраться съ ними. Дай-ка Богъ ноги! скачи, скачи, покуда цѣлы и пока бока не переломаны!.. И пыль поднялась отъ нихъ только столбомъ.

Не успѣли они всѣ поскакать, какъ услышали позади себя на межевомъ станѣ превеликой вопль и крикъ: «Лови! лови!» кричалъ безъ памяти Пашковъ: «бей, лови, тащи его, кривого, сюда. Арканъ ему на шею, тащи его, сюда!» Всѣ люди его бросились тогда по кустамъ; но не только они, но и самъ Пашковъ, какъ безумной, бѣжалъ въ кусты съ вооруженными своими лакеями. Наши бѣдняки неинако думали, что это за ними погоня и потому безъ памяти скакали и убирались до двора, боясь и назадъ оглянуться. Однако, страхъ ихъ былъ пустой: это была не погоня за ними, а еще того хуже. Какой-то окаянной скажи Пашкову, будто бы самъ старикъ Масаловъ, которой отъ природы былъ кривъ, находился въ кустахъ и не смѣлъ показываться, хотя ничего того не бывало, и онъ его-то велѣлъ и приказывалъ тащить къ себѣ на арканѣ. Сіе одно довольно доказываетъ, до какого безпутства доходилъ въ сердцахъ Пашковъ.

Симъ кончилось тогдашнее извѣстіе, ибо они, уѣхавши, не знали что послѣ ихъ тамъ происходило, почему и присланной мужикъ ничего о томъ не вѣдалъ, а сказывалъ только при окончаніи, что г. Сабуровъ на смерть перестращался и находится въ превеликомъ теперь замѣшательствѣ и робости, и что онъ, прискакавъ къ Масалову, того момента послалъ его старосту за мною и велѣлъ какъ можно просить меня, чтобъ я къ нимъ пріѣхалъ и, буде можно, чѣмъ-нибудь пособилъ бы.

Теперь не могу изобразить, въ какое замѣшательство привело меня сіе извѣстіе. Я нѣсколько разъ перерывалъ его повѣствованіе и сердился, и досадовалъ, и смѣялся, и дивился я всему сему происшествію: сердился на Пашкова, на Рыбина и межевщика; досадовалъ на Сабурова, что онъ былъ такъ плохъ и нерасторопенъ и не послушался моихъ совѣтовъ, и далъ себя провесть и обмануть; смѣялся всему сему происшествію и ихъ трусости непомѣрной и дивился раболѣпству межевщикову. Но какъ бы то ни было, но мнѣ некогда было долго раздабарывать. Натурально, хотѣлось мнѣ какъ можно скорѣе подать помощь утѣсненному моему пріятелю и подкрѣпить ихъ въ такой бѣдѣ и опасности. Я кричалъ, чтобъ скорѣй запрягали мнѣ лошадей въ дрожки и меня одѣвали, и того момента сталъ вымышлять средство, чѣмъ бы помочь моему другу, и какъ бы, хотя нѣсколько, полечить испорченное его дѣло. Другого я не находилъ, какъ приступить къ самой крайности и подать ему на межевщика и Пашкова челобитную съ прописаніемъ, что они межуютъ себѣ государеву землю, и тѣмъ остановить межеванье. Итакъ, покуда запрягали лошадей, покуда меня одѣвали, до тѣхъ поръ успѣлъ я намахать половину челобитной, а другую половину положилъ тамъ дописать, ибо туда надлежало мнѣ поспѣшать, и тѣмъ паче, что было уже не рано, а ѣхать было верстъ пятнадцать или болѣе.

Подъѣзжая къ окрестностямъ того мѣста, гдѣ накапунѣ того дня происходили описанныя выше сего чудеса, и которое мнѣ съ дороги было видно, съ любопытствомъ смотрѣлъ я нѣтъ ли кого тамъ и не тутъ ли межевщикъ. Однако, на томъ мѣстѣ не видно было никого, а, напротивъ того, увидѣли мы на горѣ по конецъ уже Липяга кучу народа и потому заключили, что межевщикъ уже тамъ. Сіе побудило меня поспѣшать еще болѣе.

По пріѣздѣ нашемъ въ Лукино, къ Сабурову поселку, прежде всѣхъ увидѣли мы двухъ повѣренныхъ, и именно г. Са-

бурова и Масалова, сбирающихся иттить на межу. «Что вы это? куда идете? спросилъ я.—«Да на межу, батюшка!» отвѣчали они: «была за нами посылка, мы ходили, насъ согнали опять, сказали, что не надобны; а теперь прислали другую. Солдатъ только теперь проѣхалъ къ Масалову».—«Да что вы тамъ позабыли? сказалъ я:—вчера вы были ненадобны, а сегодня понадобились».—«Да, сударь! отвѣчали они; вчера безъ насъ шли подлѣ нашей и по нашей землѣ, и мы были ненадобны, и называли ее землею Чернаго; а теперь, какъ насъ миновали, такъ стали спрашивать. Зачѣмъ намъ туда иттить: теперь пришла земля казенная, а они ее намъ жалуютъ и нашею называютъ.»—«Постойте, сказалъ я: и не ходите, а дайте мнѣ напередъ съѣздить и съ вашими господами повидаться».

Сказавъ сіе, поскакалъ я во всю прыть къ Масалову, котораго селеніе было версты двѣ отъ Сабурова поселка. Не успѣлъ я изъ поселка выѣхать, какъ увидѣлъ ѣдущаго солдата. Поровнялись съ нимъ, спрашиваю: «Куда?» — «Да вотъ, сударь, къ господину Масалову съ повѣсткою!»—«Съ какою?» спрашиваю его далѣе, совсѣмъ будто ничего не зная. Солдатъ тотчасъ мнѣ приказъ свой подалъ. Въ немъ написано было, чтобъ г. Сабуровъ самъ выѣзжалъ бы на межу, или, по крайней мѣрѣ, высылалъ бы повѣреннаго. Прочитавъ его и покачавъ головою, отдалъ я его солдату, сказавъ: «Поѣзжай, мой другъ!» Не мое дѣло, какъ хотятъ».—«Да куда это вы, ваше благородіе, изволите ѣхать?»«—Далеко, братецъ! на Ворону звали меня въ гости, такъ ѣду туда обѣдать».

Сказавъ сіе, поскакалъ я во всю пору, стараясь уѣхать изъ виду у солдата и пріѣхать прежде его къ Масалову. Подъѣзжая, соскочилъ я съ дрожекъ и велѣлъ лошадямъ и людямъ, какъ можно скорѣе, уѣзжать за дворъ, чтобъ солдатъ не примѣтилъ, что я тутъ, а самъ вбѣжавъ въ горницу, говорю: «Здравствуйте! здравствуйте! Однако, спрячьте меня, чтобъ солдатъ не видалъ», и самъ, говоря сіе, хохочу. Какъ ихъ тутъ было цѣлое сборище, а именно: г. Масаловъ съ женою и сыномъ, г. Сабуровъ съ женою, г. Давыдовъ и Мордвиновъ, то удивились они моему поступку и не знали, что это значитъ. Однако мнѣ некогда было раздобарывать съ ними, а я упросилъ ихъ, чтобъ дозволили они мнѣ войтить въ ихъ спальню и туда бъ всѣ перешли и двери затворили, говоря, что къ нимъ ѣдетъ теперь солдатъ съ повѣсткою и понятыми, и что я уже скажу имъ, что теперь сдѣлать, только не хочу, чтобъ это солдатъ видѣлъ.

Ради они мнѣ тогда и Богъ знаетъ какъ были, и тѣмъ паче, что всѣ они находились въ превеликой трусости и сомнительствахъ, не вѣдая, что дѣлать. Они стали-было мнѣ разсказывать вчерашнюю исторію, но я имъ сказалъ: «Пожалуйте не теряйте времени на пересказываніе; я все уже и безъ того знаю, а посовѣтуемъ лучше о томъ, ѣхать ли вамъ на межу, или нѣтъ. Скажите мнѣ, какія имѣете вы теперь намѣренія?»—«Что, батюшка», отвѣчали они: «мы сами не знаемъ, ни то намъ ѣхать, ни то не ѣхать на межу, а послать повѣренныхъ».—«Зачѣмъ ѣхать! сказалъ я: ни того, ни другого».—«Да какъ же, батюшка, быть?»—«Такъ и быть, отвѣтствую имъ, что надобно испорченное дѣло какъ можно лечить, а полечить инымъ нечѣмъ, какъ этотъ узелъ завязать болѣе и спутать все межеванье. Однимъ словомъ, надобно господина межевщика пугнуть и пугнуть такъ, чтобъ онъ позабылъ такія сплетни дѣлать, а посидѣлъ бы въ углу; а мы между тѣмъ имѣли бы время одуматься и что лучше предпріять получили свободу».—«Да какъ это сдѣлать, батюшка?»—«А вотъ какъ: на межу вы не ѣздите, да и повѣренныхъ не посылайте, а пошлите къ межевщику, вотъ я вамъ напишу объявленіе, такъ онъ и задумается и не будетъ знать самъ, что ему дѣлать». Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ солдатъ и пріѣхалъ. Тогда просилъ я скорѣе бумаги и чернилъ и велѣлъ солдата поудержать въ передней, покуда я напишу объявле-

ніе, и подтвердить всѣмъ, чтобъ никто обо мнѣ не сказывалъ.

Ради были невѣдомо какъ господа, что я пріѣхалъ къ нимъ благовременно. Они оживотворились моимъ присутствіемъ и начали съ солдатомъ инымъ уже голосомъ говорить. Они сказали ему, что они на межу не ѣдутъ и повѣренныхъ не посылаютъ, а для чего—о томъ пошлютъ съ нимъ теперь репортъ, потому что онъ словами пересказать не можетъ и для того подождалъ бы онъ немного.

Между тѣмъ какъ они съ нимъ въ передней раздабарывали, производилъ я, запершись въ спальнѣ, странное, совсѣмъ необыкновенное и смѣшное, затѣянное мною еще дорогою, дѣло. И именно, я пачеркалъ на межевщика протестъ или, лучше сказать, сплеталъ на него ѳелъ, ибо инымъ пугнуть его было нечѣмъ. Я написалъ отъ имени г. Сабурова не къ межевщику, а къ межевымъ дѣламъ объявленіе. И какъ сія бумажка была великой важности и тамъ послѣ произвела великой громъ, имѣла великое дѣйствіе и прославилась, то сообщу вамъ содержаніе оной отъ слова до слова.

«Къ межевымъ дѣламъ господина капитана и землемѣра Петрова отъ маіора Ивана Яковлева сына Сабурова.

Объявленіе.

«Призываюсь я сего числа чрезъ присланнаго солдата на межу; а какъ я вчерашняго числа, будучи на межѣ, чинилъ господину землемѣру вмѣстѣ съ прочими бывшими со мною господами дворянами нѣкоторыя, касающіяся до пользы высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса, объявленія, но господинъ землемѣръ оныя, дружа и наровя господину Пашкову, отъ меня не принялъ, но, напротивъ того, по призыву его, землемѣра, пріѣхавшій на межу господинъ Пашковъ самъ не только меня при немъ разругалъ всякими бранными и непотребными словами, но въ противность законамъ вызывалъ на поединокъ и хватался за кортикъ, и хотѣлъ бить кольями. А господинъ землемѣръ не только его отъ того не унималъ, но самъ еще поощрялъ къ запальчивости болѣе; что видя и опасаясь, чтобы насъ не прибили, принуждены мы были спасаться бѣгствомъ. Для которой причины я и сего дня выѣхать на межу опасаюсь, а повѣреннаго на сей часъ не имѣю, и для того не поставлено-бъ мнѣ было въ вину, что я не явлюсь на межу».

Вотъ какого содержанія была сія бумажка. Легко можно разсудить, что это былъ формальной протести, или сущій ѳелъ на господина землемѣра, которой могъ бы его погубить, естьлибъ онъ его принялъ. Но я зналъ, что онъ его не приметъ и не для того и дѣлалъ сіе, чтобъ погубить сего бѣдняка; а мнѣ хотѣлось его только постращать немножко и имъ поиграть. Короче, мнѣ хотѣлось отыграть имъ вчерашнюю шутку.

Объявленіе мое тотчасъ было переписано другою рукою и тотчасъ подписано господиномъ Сабуровымъ и втерто въ руки солдату. «Поѣзжай, голубчикъ! сказали ему всѣ:—и отдай сію бумажку господину землемѣру». Отпустя его, послали мы тотчасъ шпіона смотрѣть и примѣчать, что будетъ и что произведетъ сія бумажка, и стали сами дожидаться послѣдствія.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, межевщикъ, стоя на межѣ, нетерпѣливо дожидался г. Сабурова, ибо безъ него ему иттить далѣе было не можно. Причиною тому было то, что Черной, испужавшись сдѣлавшейся ссоры и раскаявшись, что онъ, послушавъ Пашкова, вплелся въ споръ и назвалъ Сабурову землю своею, не хотѣлъ вести далѣе, но вышедъ на находящуюся по конецъ Становаго-Липяга дорожку, отказался и сказалъ, что теперь земля его кончилась, и какая пришла—онъ не знаетъ, и уѣхалъ, а остался одинъ Рыбинъ; Рыбинъ же говорилъ, что начинается влѣвѣ земля г. Сабурова. Итакъ, надобенъ былъ Сабуровъ; почему и ждалъ онъ съ нетерпѣливостью солдата и твердилъ, что г. Сабуровъ, конечно, на него разсердился, что не ѣдетъ.

Но въ какой ужасъ и смятеніе приве-

денъ онъ былъ, какъ солдатъ, пріѣхавши, подалъ ему объявленіе. Онъ, прочитавъ оное и видя бѣду, надъ собою висящую, взбѣленился, вспрыгался и, опрокинувшись на солдата, завопилъ: «Проклятой человѣкъ! на что ты это принималъ?.. на что бралъ?.. что ты теперь сдѣлалъ?.. какихъ бѣдъ начудилъ»?—«Какъ мнѣ, сударь, не принять»? отвѣтствовалъ солдатъ: «Мнѣ дали и сказали, что это репортъ, и что я того словами пересказать не могу». — «Дьяволъ тебя побери, закричалъ опять межевщикъ: — и съ бумагою-то сею! Вѣдалъ бы ты какая бѣда тутъ написана! Съ больной-ста головы взворачиваютъ на здоровую! Я хотѣлъ имъ всѣмъ и Пашкову-то съ ними кланяться! и воленъ Богъ, да они, а мнѣ животъ мой дороже. Подавай, подавай скорѣй подводу! Поѣзжай, поѣзжай, проклятой человѣкъ, опять! Брось имъ эту окаянную бумагу! пропади она, проклятая! Возьми съ собою понятыхъ и какъ можно отдавай и назадъ не привози, прахъ ее побери!.. Экая бѣда! Экая бѣда! Вотъ какова шутка-ка»!

Прогнавъ солдата обратно, опрокинулся онъ на Рыбина. «Ну, Василій Еремеичъ, сказалъ онъ ему: — хороши вы съ бояриномъ-та! Сами попали въ петлю, да и меня туда же тащатъ!.. Что вы теперь надѣлали? Куда ты меня теперь поведешь?.. Не знаешь-ли, что я теперь въ пень совсѣмъ сталъ. И мнѣ съ мѣста иттить не можно?.. Кланяюсь я вамъ! Спасибо, спасибо!» и такъ далѣе.

Между тѣмъ дожидались мы, что будетъ и нетерпѣливо хотѣли слышать, что скажетъ и съ чѣмъ пріѣхалъ опять солдатъ. Однако, я опять не разсудилъ за благо показываться, но слушалъ изъ другого покоя. Онъ, пріѣхавши, сталъ назадъ отдавать объявленіе; но какъ тѣ, по наученію моему, не хотѣли принимать, то, не говоря ни слова, положилъ онъ бумагу на стуло. Тѣ хотѣли-было втереть ее опять ему въ руки, но онъ пятился отъ ней, какъ отъ огня и твердилъ только: «Нѣтъ, нѣтъ, милостивые государи, на мнѣ голова-то одна! Не беру, не беру, воля ваша, какъ хотите! Самъ господинъ землемѣръ ее, какъ огня, боится, воля ваша!»—Тогда велѣлъ я имъ присланнымъ понятымъ заявить, что они посылали такое-то и такое-то объявленіе и оно не принято, а они на межу сами ѣхать боятся.

Съ симъ отпустили мы солдата, довольствуясь тѣмъ, что напугали землемѣра. Сей бѣднякъ, недождавшись никого, не зналъ, что дѣлать. Пошелъ-бы онъ далѣе, но нельзя было: никто не сказывалъ, какая земля впереди, всѣ отпирались, а другіе прямо говорили: «Вить вамъ, сударь, сказано, что государева, чего вамъ больше?» А какъ самое сіе связало межевщика такъ, что онъ не могъ ни назадъ, ни впередъ иттить, то принужденъ онъ былъ стоять тутъ отъ утра до вечера и галанить, и все сіе время проводилъ въ ругательствахъ и напускахъ на Рыбина—за то, что онъ завелъ его въ сущій лавиринтъ, изъ котораго не зналъ онъ какъ и выдраться.

Между тѣмъ, находился я въ Лукинѣ и праздновалъ у господина Масалова, а потомъ поѣхали въ гости къ господину Давыдову и тамъ сидѣли и дожидались почти до сумерокъ въ ожиданіи съ межи новыхъ вѣстей. Наконецъ, пріѣхали къ намъ понятые съ извѣстіемъ, что межевщикъ, не добившись ни отъ кого о землѣ толку, и дождавшись до вечера, не зная что дѣлать, принужденъ былъ распустить понятыхъ до понедѣльника и велѣлъ имъ привозить съ собою старожиловъ, вознамѣриваясь межевать уже съ посторонними; но я смѣялся тому, вѣдая, что это вздоръ и пустое.

Симъ образомъ кончилась сія комедія, и тогда всѣ наши узнали сколь важна была моя бумажка, стали ее беречь, какъ невѣдомо какую хартію, и дивились тому, какое произвела она великое дѣйствіе и какъ въ состояніи была остановить въ одинъ мигъ межевщика. Тогда начались вновь мнѣ благодаренія и похвалы, а потомъ стали всѣ разъѣзжаться по домамъ. Я не зналъ гдѣ мнѣ ночевать, ибо домой ѣхать было уже поздно: г. Сабуровъ тащилъ меня къ себѣ, а г. Да-

выдовъ просилъ, чтобъ я ему сдѣлалъ одолженіе и ночевалъ у него. Долго о семъ продолжался споръ, но я, судя, что мнѣ покойнѣе будетъ у Давыдова, остался у него ночевать.

Въ послѣдующій день, что было въ субботу, вставши рано, заѣхалъ я къ Сабурову и спѣшилъ ѣхать домой, ибо дѣлать мнѣ было болѣе нечего. Но г. Сабуровъ не отпустилъ меня необѣдавшаго и тѣмъ паче, что послѣ обѣда хотѣлъ вмѣстѣ со мною и самъ ѣхать въ наши края и въ настоящій свой домъ, въ Калиновку. Итакъ, пообѣдавши, возвратились мы въ свои деревни и я въ свою мурью, гдѣ достальное время проводилъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ и вкупѣ въ удовольствіи, что удалось мнѣ услужить своему другу и успокоить его духъ, растревоженный-было такъ сильно господиномъ Пашковымъ.

Какъ въ наставшій за симъ воскресной день случился вкупѣ и праздникъ Рожества Богородицы, то поѣхалъ я къ обѣдни въ приходскую свою церковь село Трескино. Тутъ нашелъ я превеликое собраніе господъ и между прочимъ незнакомаго мнѣ человѣка, Ѳедора Васильевича Соймонова. Г. Сабуровъ былъ тутъ же и зазвалъ меня къ себѣ обѣдать, куда и господинъ Соймоновъ поѣхалъ. Легко можно заключить, что какъ въ церкви, такъ и тутъ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о Лукинскомъ произшествіи, ибо слухъ о томъ и о славномъ отсмѣяніи Пашкову за его озорничество и наглость чрезъ произведенную въ межеваньѣ разстройку и остановку разнесся уже повсюду.

Послѣ обѣда былъ у насъ съ г. Сабуровымъ совѣтъ о его межеваньѣ. Намъ хотѣлось очень знать, что происходитъ на хуторѣ у Пашкова. Но какъ, кого, и зачѣмъ туда послать? Это была для насъ коммисія, и мы долго о томъ думали и размышляли. Наконецъ, вздумалъ я отправить туда своего прикащика, подъ тѣмъ видомъ, будто я, ничего о происходившемъ не зная, послалъ освѣдомиться, гдѣ межа кончилась и когда начнутъ опять межевать, и сіе тотчасъ было и сдѣлано. Но сего посланнаго принуждены мы были дожидаться назадъ до самой полуночи, и я опасался уже, чтобы его тамъ не прибили. Наконецъ, онъ пріѣхалъ и привезъ извѣстіе, что онъ и межевщика, и самого Пашкова видѣлъ, но что ему ни того, ни сего не сказали; что оба они находятся въ превеликомъ сумракѣ и крайне невеселы; что Пашковъ спрашивалъ его много-ли захвачено моихъ собственныхъ пашенъ и далеко ли онѣ? что велѣлъ тотчасъ подать себѣ дрожки и куда-то поѣхалъ; а межевщикъ только сказалъ, что межа тамъ остановилась, гдѣ остановилась, и что онъ завтре межевать станетъ.

Сіе извѣстіе побудило г. Сабурова въ тотъ же еще день ѣхать опять въ свое Лукино и просить и меня, чтобъ и я поутру пріѣхалъ опять туда же къ нему, и выѣхалъ на межу, чтобъ помочь повѣренному его записать порядочнѣе споръ; ибо я разсудилъ за благо присовѣтовать ему повѣренныхъ выслать и велѣть только о государевой землѣ заспорить такимъ образомъ, какъ мы заспорили, и я принужденъ былъ дать просьбѣ моего друга себя убѣдить и на то согласиться.

Такимъ образомъ, переночевавъ дома, отправился я въ послѣдующій день, поутру какъ свѣтъ, въ Лукино, чтобъ присутствовать при спорѣ или паче, чтобъ быть оному инструментомъ. Г. Сабуровъ меня уже дожидался, и у него было уже собраніе. Господа Давыдовъ, Масаловъ и Мордвиновъ были уже тутъ и хотѣли со мною ѣхать. Мы тотчасъ отправились на межу, покинувъ г. Сабурова, какъ оглашеннаго, дома. Однако на межѣ еще никого не было, кромѣ одного солдата и сбиравшихся понятыхъ. Всѣ ждали съ часу на часъ межевщика, однако пришествія его еще не было. Мы прождали по пустому до половины дня и прозябли. Я склонилъ тогда товарищей моихъ ѣхать обѣдать и обогрѣваться къ г. Сабурову; а чтобъ намъ не прозѣвать межевщика, то разставили мы верховую почту въ виду другъ у друга, дабы въ одинъ мигъ могло до насъ долетѣть

извѣстіе. Г. Сабуровъ насъ уже дожидался съ приготовленнымъ обѣдомъ. Тутъ услышалъ я, что ко мнѣ въ деревню послалъ г. Пашковъ людей звать меня къ себѣ. «О, о! думалъ я тогда, дошла и до меня надобность! Но пускай, говорю, поѣздятъ, благо меня теперь дома нѣтъ; что я у него позабылъ, чтобы мнѣ къ нему ѣхать?»

Пообѣдавши у г. Сабурова, выѣхали мы опять въ поле; но межевщика все еще не было. Мы ждать часъ, ждать другой, но межевщика нѣтъ и не показывается. А бѣднякъ, узнавъ, что я тутъ, и вѣдая уже, каковъ я, такъ смутился, что не смѣлъ уже и глазъ показать, и совсѣмъ ѣхать раздумалъ, а мы. между тѣмъ, дрогни да дрогни. День случился быть тогда вѣтреной и холодной; впрахъ всѣ перезябли и наконецъ дошло до того, что мы принуждены были велѣть раскласть огонь и около его грѣться. Это была первая нужда да и послѣдняя! Долго не могли мы никого дождаться. Наконецъ, увидѣли мы ѣдущаго къ себѣ верхомъ Пашкова лакея. Онъ присланъ былъ ко мнѣ звать меня къ нему на хуторъ. «О, о! думалъ я:— экъ ихъ тамъ пронимаетъ, и вотъ какъ вознадобился имъ и Андрей Тимоѳеевичъ! и теперь батюшка, такой-сякой, пожалуйте». Совсѣмъ тѣмъ смутился я тогда и не зналъ, что дѣлать: ѣхать мнѣ къ нему и хотѣлось, и не хотѣлось. Однако положилъ поупрямиться и отсмѣять ему шутку, а потому и сказалъ слугѣ: «Кланяйся, мой другъ, Петру Егоровичу и скажи, что я къ нему ѣхать опасаюсь. Я слышалъ, что онъ будучи и на межѣ людей было-переколоть и перебить хотѣлъ, а сверхъ того всѣхъ насъ ругалъ всѣми ругательствами, такъ къ нему ѣхать и подавно мнѣ опасно. Тамъ вѣрно онъ прибить можетъ, да и суда не найдешь, и тѣмъ паче, что я ему можетъ быть болѣе всѣхъ надосадилъ. Нечего мнѣ у него дѣлать». Съ симъ отвѣтомъ поскакалъ слуга, какъ не солоно хлѣбавъ, и повезъ къ нему носъ въ четверти въ три за то, что онъ надъ нами изволилъ тѣшиться.

По отъѣздѣ его и услышавъ, что въ тотъ день межеванья не будетъ, не стали мы долѣе медлить, но поѣхали ночевать къ г. Сабурову. Я остался у него, а товарищъ мой г. Тараковской, пріѣзжавшій въ Лукино вмѣстѣ со мною для компаніи, поѣхалъ къ г. Давыдову.

Не успѣли мы обогрѣться, какъ сказываютъ намъ, что пріѣхалъ Рыбинъ отъ Пашкова ко мнѣ. «Во, во, во! воскликнулъ я.—Эхъ ихъ тамъ и уже не путнымъ мастерствомъ пронимаетъ. Видно, что и очень-очень оказалась нуждица въ Андреѣ Тимоѳеевичѣ! Посылай-ка его! Зачѣмъ такимъ». Рыбинъ вошелъ и съ превеликою уничиженностью сталъ мнѣ кланяться отъ Пашкова и просить, чтобъ я къ нему завтре пріѣхалъ и пожаловалъ помирилъ его съ г. Сабуровымъ, сказывая притомъ, что господинъ его отдаетъ все на мою волю, и какъ я велю, такъ и сдѣлаетъ, только-бъ сдѣлалъ одолженіе и къ нему пріѣхалъ; и увѣрялъ при томъ именемъ его, что онъ никогда меня не бранивалъ и никакъ не помышлялъ оскорбить имени моего, и такъ далѣе.

Мило мнѣ и пріятно было, что довелъ я Пашкова до такого уничиженія. И какъ мнѣ самому хотѣлось Сабурова съ нимъ, буде можно, помирить, да и г. Сабуровъ былъ къ тому согласенъ, у котораго все еще его Становой-Липягъ не выходилъ изъ головы, и онъ все еще льстился поприбрать его къ себѣ въ руки; то переговоривъ и посовѣтовавъ съ нимъ, и далъ я слово, что въ послѣдующій день къ нему буду, не преминувъ однако погонять и потазать Рыбина гораздо и гораздо за бездѣльнической поступокъ его съ господиномъ Сабуровымъ и сказать, что такъ добрые люди не дѣлаютъ, и задалъ ему изрядную потовую.

Теперь извините меня, что я перерву повѣствованіе мое опять въ любопытномъ для васъ мѣстѣ. Причиною тому то, что письмо мое превзошло уже и такъ свои предѣлы, а исторія свиданія моего съ Пашковымъ не такъ коротка, чтобъ ее на двухъ словахъ переска-

зать было можно. Итакъ, пресѣкая сіе письмо, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 24 дня 1808 года).

Письмо 168-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ въ послѣдующій день надлежало мнѣ ѣхать въ гости къ нашему общему сопернику и непріятелю, г. Пашкову, и представлять собою нѣкоторымъ образомъ видъ посла, отправляющагося на мирный конгрессъ или переговоры. Какъ послы въ такихъ случаяхъ ѣздятъ обыкновенно съ возможнымъ великолѣпіемъ, то всходствіе того помышлялъ и я о подобномъ тому, и чтобъ мнѣ было не стыдно показаться къ высокомѣрному Пашкову, и для того старался г. Сабуровъ собрать меня въ сей путь какъ можно лучше. Онъ снарядилъ свою карету цукомъ и съ двумя верховыми, а равномѣрно убрался и я, какъ можно лучше. Трое людей стояло у меня на запяткахъ; однимъ словомъ не упущено было ничего, чѣмъ только можно было придать болѣе осанки и важнаго вида.

Неуспѣлъ я выѣхать и доѣхать доСтанового-Липяга, какъ повстрѣчалась со мною межевая команда съинструментомъ, подъячимъ и ученикомъ.«Куда это?»спросилъя «Внутреннюю-де ситуацію снимать», отвѣчали мнѣ. «Съ Богомъ, съ Богомъ!» сказалъ я, и поѣхалъ далѣе. Подъѣзжая къ хутору, увидѣлъ я превеликой зеленой шатеръ, окруженной сдѣланнымъ изъ сѣна высокимъ валомъ, и стоящій какъбы посреди сѣнного редута и крѣпостцы. Въ семъ шатрѣ имѣлъ г. Пашковъ свое пребываніе. Однако тогда я его тутъ не засталъ, а сказали мнѣ, что онъ находится въ избѣ, куда, не долго думая, и велѣлъ я своей каретѣ ѣхать.

Было тогда хотя очень уже не рано, но я нашелъ тамъ господина Пашкова еще умывающагося изъ серебра и на серебрѣ. «Изрядная политика, думалъ я самъ въ себѣ,—это для того, чтобы оказать свою пышность и высокомѣріе, и меня не встрѣтить. Но хорошо, мой другъ, думалъ я далѣе:—что-то далѣе будетъ, а это мы тебѣ простимъ.» Посадивъ меня, продолжалъ онъ при мнѣ холиться и умываться. Гдѣ-то умылся, гдѣ-то вытерся, гдѣ-то плѣшь свою пудрою насыпалъ. Между тѣмъ временемъ прошло болѣе часа, въ продолженіе котораго были у насъ съ нимъ прямо министерскіе разговоры, все о постороннемъ. Онъ выражалъ все, какъ ему тутъ жить безпокойно, какъ нигдѣ; какъ женѣ его нельзя войтить въ избу для множества обитающихъ въ ней лягушекъ, которыхъ она боится; какъ надоѣла ему стужа, и такъ далѣе. А я подтакивалъ ему только и, смѣючись, дивился для чего онъ тутъ дома не строитъ, и соотвѣтствовалъ всѣмъ его словамъ, какъ надлежало. Видитъ онъ, что я не олухъ, а самъ о себѣ, и началъ мало-по-малу обходиться со мною вѣжливѣе и учтивѣе и извиняться, что онъ меня никогда не бранивалъ и ни однимъ словомъ не оскорблялъ заочно, и такъ далѣе. «Вотъ такъ-то, думалъ я: — поскладывай-ка спѣсь свою Пашковскую и говори получше». И тогда отвѣтствовалъ я ему на извиненія его героическимъ духомъ и какъ надлежало, и учтивымъ образомъ вставливалъ ему изрядныя очки за его пышность, высокомѣріе и презираніе всѣхъ насъ, и довелъ до того, что онъ мало-по-малу уже передо мною и пашевать началъ.

Въ сіе время подошелъ къ намъ межевщикъ и еще родственникъ его, г. Лихаревъ, Александръ Венедиктовичъ, нашъ каширской помѣщикъ. Сей, какъ мой землякъ, тотчасъ свелъ со мною знакомство и обошелся изрядно, а наконецъ приумножилъ наше сборище и г. Рыбинъ, какъ главная и весьма важная тутъ особа, ибо я примѣчалъ уже, что онъ былъ всѣхъ ихъ умнѣе, и болѣе всѣхъ дѣло смыслилъ. И тогда дошелъ у насъ скоро разговоръ до нашего дѣла.

Но сколь удивленіе мое было велико, когда я услышалъ, что г. Пашковъ

старался болѣе преклонить меня къ тому, чтобъ помирился съ нимъ я по нашему дѣлу, а о Сабуровѣ почти ни слова, которое однако мнѣ нужнѣй было своего. Долго у насъ съ нимъ продолжался разговоръ, и было бы слишкомъ пространно, еслибъ весь его описывать. Мы говорили, кричали, спорили, ладили, разлаживали, упрекали другъ друга, толковали инструкцію, старались одинъ другого вывести изъ ума и тому подобное, но наконецъ вылилось не на чемъ; ибо я, примѣтивъ, что у него и на умѣ не было съ Сабуровымъ мириться и, по предположенію моему, выкидывать бѣлые безъ согласія его поставленные столбы, сталъ всѣми образами стараться городить ему пѣшки объ опасностяхъ, въ какія зашелъ онъ своимъ межеваньемъ, и довелъ его до того, что онъ впалъ въ великое сомнѣніе и того болѣе сталъ усиливаться и убѣждать меня просьбою, чтобы я съ нимъ развелся. «Для чего не развестись, я всѣмъ сердцемъ готовъ, говорю ему:—но одинъ ли я? Много владѣльцевъ».—«Нѣтъ, нѣтъ, отъ одного тебя зависитъ», говорилъ онъ. А я говорю: «Никакъ, а мнѣ надобно со всѣми согласиться и имѣть къ тому время». Однимъ словомъ, какъ этотъ пунктъ былъ очень нѣжной и по существу своему крайне важной, то и отдѣлался я отъ него тѣмъ, что увѣрялъ его, что я усердно хочу помириться и буду склонять своихъ сосѣдей. «Мы напередъ, говорилъ я ему:—поѣздимъ и посмотримъ, покуда намъ взять, а между тѣмъ положилъ бы межевщикъ на планъ обойденное уже мѣсто».

Симъ образомъ отвалилъ я отъ себя сіе щекотливое дѣло и сократилъ разговоръ объ немъ колико можно, желая выграть время для миротворенія его съ Сабуровымъ. Мнѣ неотмѣнно хотѣлось, чтобъ напередъ онъ съ нимъ либо помирился, либо пошелъ далѣе межевать; а ему хотѣлось, не окончивъ тутъ, помириться напередъ съ нами, слѣдовательно насъ обмануть бы и провесть за носъ. Однако не на такого соперника онъ напалъ, а имѣлъ дѣло съ нимъ такой, которой могъ проникнуть въ дальновидность его коварныхъ замысловъ и отъ нихъ остеречься; но паче самъ его до того довелъ, что онъ дѣйствительно повѣрилъ, что я хочу съ нимъ помириться, хотя въ самомъ дѣлѣ мнѣ и на умъ того не приходило; да и какъ можно было помышлять о томъ по объявленіи столь торжественнымъ образомъ всей степи государевою; и льзя ли было имѣть дѣло съ такою алчною, ненасытною, корыстолюбивою и бездѣльническую душу имѣющею особою, каковъ былъ г. Пашковъ и какимъ себя оказалъ въявь при послѣднемъ случаѣ съ Сабуровымъ. Итакъ, условились мы съ нимъ, чтобъ дать мнѣ дни на четыре, то-есть до понедѣльника, время согласиться со своими сосѣдями, а межевщикъ до тѣхъ поръ не межевалъ бы, а тогда бы дать ему о нашемъ намѣреніи знать, хотя въ самомъ дѣлѣ на умѣ у меня было совсѣмъ не то; а мнѣ хотѣлось выграть сіе время, чтобы успѣть намъ съ сосѣдями объѣздить и осмотрѣть мѣста и согласиться между собою, гдѣ отводить намъ свой отводъ, или показать предѣлы казенной земли, ибо я навѣрное полагалъ, что скоро до того дойдетъ дѣло.

Но какъ бы то ни было, но г. Пашковъ, льстясь сею лестною для алчности своей надеждою, сталъ съ сего времени обходиться со мною очень ласково. Я хотѣлъ-было ѣхать, видя, что пріѣздъ мой былъ тщетной, но онъ меня не отпустилъ, а зазвалъ къ себѣ въ шатеръ. Тутъ увидѣлъ я его жену, которая показалась мнѣ боярыней изрядною. Тамъ посидѣвъ, сталъ-было я опять домой ѣхать подниматься, но онъ не отпустилъ, а просилъ, чтобъ я у него отобѣдалъ. Обѣдъ былъ для меня нарядной, сервизъ серебряной и музыка. «Добро! думалъ я:—всѣмъ симъ ты меня не убаишь, и какъ ты ни ласкайся, какъ ни говори, что со мною горы брилліантовыя дѣлить готовъ, однако всему тому не повѣрю и въ обманъ тебѣ истинно не дамся». За обѣдомъ говорено было и смѣшное, и шу-

точное, и мы обходились съ нимъ не какъ соперники, а какъ бы давно знакомые пріятели; чѣмъ бы мы можетъ быть съ нимъ и былъ, еслибъ не связалъ насъ споръ и межеванье, ибо я прикраился бы скоро къ его характеру.

Между прочимъ, достопамятенъ былъ одинъ случай: какъ ѣли мы жаркое и я взялъ кусокъ баранины, то извинялся онъ, что бараны нехороши, и шуткою будто сказалъ, что я и тѣхъ его лишить хочу. «Богъ знаетъ! подхватилъ я того момента, схватя въ руки ломоть чернаго хлѣба: — ни то я васъ барановъ, ни то вы сего насущнаго хлѣба насъ лишить хотите! Объ этомъ надобно судить комунибудь иному, а не намъ съ вами». Слѣдовательно, каково отъ него кликнулось, таково отъ меня и отозвалось. Въ другой разъ подлетѣлъ-было онъ ко мнѣ послѣ обѣда съ такою же шуточкою, и именно: какъ мы встали изъ-за стола, то сказалъ онъ: «Вотъ такъ-то мы теперь Андрея Тимоѳеевича накормили и напоили, и наша хлѣбъ-соль его не попуститъ»! — «Милости прошу пожаловать ко мнѣ:—подхватилъ я въ ту-жъ минуту: я человѣкъ хотя заѣзжій, но право два раза васъ накормить и напоить буду въ состояніи, и тѣмъ взаимнымъ образомъ отплатить сію хлѣбъ-соль».

Наконецъ, надобно было намъ разставаться. При окончаніи сего свиданія нашего завелъ я опять рѣчь о Сабуровѣ, но онъ опять то же, и какъ я сталъ далѣе говорить, то онъ вспыхнулъ. Досадно мнѣ невѣдомо какъ было, что онъ, будучи кругомъ виноватъ, да еще и пыхаетъ. Но какъ я не затѣмъ пріѣхалъ, чтобъ браниться, то не хотѣлъ его дразнить, и потому всякой разъ, какъ онъ вспыхнетъ, я тотчасъ съ водою и опять сіе поломя погашу, а немного погодя опять подожгу. Онъ опять вспыхнетъ, но я опять потушу. Итакъ, поигравъ-поигравъ имъ, разстался я съ нимъ, сдѣлавъ видъ будто разстаюсь съ великимъ неудовольствіемъ, и поѣхалъ къ Сабурову.

Тутъ дожидались меня всѣ, какъ города, но я привезъ имъ худое извѣстіе, а именно: что на миръ съ Пашковымъ имъ надѣяться нечего; что онаго у него и на умѣ нѣтъ; что старается онъ только провесть и обмануть; что удвоили бы они теперь свою осторожность и готовились бы дѣлать новой и порядочной споръ о государевой землѣ, подлѣ которой межа остановилась, и такъ далѣе. Симъ встревожилъ я ихъ всѣхъ. Тотчасъ учиненъ былъ у нихъ совѣтъ, наняты повѣренные, учреждены форпосты и поставлены караулы. А я, распрощавшись съ г. Сабуровымъ, поѣхалъ домой въ свою Болотовку, и тѣмъ кончился сей день.

Въ послѣдующій день дописалъ я челобитную, какую бы подать г. Сабурову въ городѣ, а потомъ хотѣлось мнѣ повидаться съ господами Соймоновыми и разсказать имъ всѣ бывшія произшествія и о ѣздѣ своей къ Пашкову. Они прислали за мною дрожки, и я поѣхалъ къ нимъ обѣдать. Будучи мнѣ очень ради, продержали они меня у себя весь день, и посмѣялись вмѣстѣ со мною нашему старику г. Свитину, которой въ сей день надсадилъ насъ со смѣху, приславъ ко мнѣ такое письмо, которое я не могъ читать, не хохотавъ до слезъ. Впрочемъ, при свиданіи семъ съ господами Соймоновыми согласились мы, чтобъ на сихъ дняхъ, пользуясь свободнымъ временемъ, ѣхать намъ вмѣстѣ для осмотра мѣстъ, гдѣ намъ свой отводъ вести. Также говорили, что не худо бы намъ повидаться съ своимъ межевщикомъ Нестеровымъ и освѣдомиться, когда онъ насъ и какимъ образомъ межевать станетъ. Мы хотѣли-было въ степь на другой же день ѣхать, но отложили потому, что г. Дуровъ случился быть имянинникомъ и всѣхъ насъ звалъ къ себѣ въ гости.

Такимъ образомъ, отправивъ 12-го числа прикащика въ степь для измѣренія шагами нѣкоторыхъ нужныхъ для меня мѣстъ, поѣхалъ я праздновать къ г. Дурову. Между тѣмъ присылалъ ко мнѣ Сабуровъ съ извѣстіемъ, что у нихъ межеванья нѣтъ, что межевщикъ уѣхалъ съ Пашковымъ въ гости къ Сухотину,

и что самъ онъ вздумалъ, пользуясь симъ случаемъ, съѣздить въ Новохоперскую крѣпость къ опекунскимъ межевщикамъ, и стараться взять находящуюся подлѣ Лукина государеву землю себѣ въ оброкъ, и спрашивалъ у меня совѣта и дозволенія. Я дозволилъ ему туда отлучиться; но не успѣлъ къ г. Дурову пріѣхать, какъ гляжу и г. Сабуровъ за нами на дворъ, пріѣхавшій съ нами лично поговорить и посовѣтовать. Хлопоты и суеты сего попечительнаго человѣка такъ изнурили, что онъ даже похудѣлъ, и его почти узнать не было возможности. Мы совѣтовали, что не худо ему съѣздить, и проводили съ Богомъ, а сами положили также непремѣнно въ слѣдующій день ѣхать въ степь, чего ради, возвратившись домой, посылали кой-куда за повѣренными и велѣли какъ свѣтъ съѣзжаться ко мнѣ.

Такимъ образомъ, 13-го сентября имѣли мы сіе путешествіе. Господа: Соймоновъ, Дуровъ, Бѣляевъ, Свитинъ, и Тараковскій пріѣхали ко мнѣ и отъ меня поѣхали въ степь. Проѣздили весь день и натыкали по стогамъ тычки, по которымъ бы намъ вести свой отводъ, когда велятъ намъ отводить казенную землю. Около обѣда наѣхали мы Пашковыхъ людей съ межевымъ, подъячимъ и командою, снимающихъ внутреннюю ситуацію съ вершинки. Они, увидѣвъ насъ цѣлую толпу, испужались, чтобъ мы не отбили у нихъ астролябіи, чего у насъ не было и на умѣ, и ударились въ бѣгство. Проѣздивъ за симъ до самой ночи, возвратились мы домой. Между тѣмъ возвратился посыланной отъ меня къ межевщику Нестерову, обмежевывающему въ тамошнихъ окрестностяхъ всѣ государственныя земли, и привезъ извѣстіе, что онъ находится не слишкомъ далеко и велѣлъ мнѣ пріѣзжать къ нему на тѣхъ дняхъ. Итакъ, положилъ я на утріе къ нему и ѣхать.

Отправившись въ сей путь, разсудилось мнѣ заѣхать къ г. Масалову въ его настоящій домъ, мимо котораго почти мнѣ ѣхать надлежало. Онъ былъ мнѣ очень радъ, не отпустилъ безъ обѣда и далъ въ проводники своего сына, чѣмъ я былъ весьма доволенъ. Съ симъ сотоварищемъ пріѣхали мы уже подъ вечеръ къ Якову Николаевичу Нестерову. Сей человѣкъ, будучи мнѣ уже знакомымъ, принялъ меня и угостилъ дружески, и мы проговорили съ нимъ до полуночи. Я разсказалъ ему обо всемъ нашемъ межеваньѣ и произшествіяхъ; и онъ всѣ мои поступки не только одобрилъ, но и расхвалилъ въ прахъ, говоря, что теперь пропалъ Пашковъ, и что ему нѣтъ никакого уже спасенія. Впрочемъ, на вопросъ о нашихъ земляхъ сказалъ, что онъ къ намъ межевать не скоро еще будетъ, да безъ особаго указа и не пойдетъ. А когда и придетъ, такъ межевать будетъ по нашему отводу казенную землю, а не по душамъ; во внутренность же нашу входить не будетъ ему никакой надобности и онъ не можетъ; итакъ, были-бъ мы только сами умны и отводили-бъ такъ, чтобъ въ нашей дачѣ не болѣе было, какъ по 15-ти десятинъ на душу.

Переговоря обо всемъ, что было надобно, и ночевавъ у него, поутру на другой день отправились мы домой. Я принужденъ былъ заѣхать опять къ Масалову, и поспѣли къ нему къ обѣду, которой не менѣе былъ мнѣ радъ, какъ и наканунѣ. Отобѣдавъ, поѣхалъ я домой и находился въ размышленіи, не зная, что съ нашимъ межеваньемъ воспослѣдуетъ далѣе, чѣмъ оно кончится и гдѣ начнетъ межевщикъ тогда межевать.

По приближеніи къ нашимъ поселкамъ, и поровнявъ противъ двора г. Сабурова, нашелъ я человѣка меня уже дожидающагося. Онъ звалъ меня къ госпожѣ Сабуровой въ гости, и я, заѣхавъ, услышалъ странное, а именно: что г. Пашковъ безъ меня на хуторъ возвратился и присылалъ ко мнѣ своего Рыбина, которой двое сутокъ меня повсюду ищетъ и не находя мечется по всѣмъ селеніямъ, какъ угорѣлая кошка. «Что я имъ такъ возпадобился? спросилъ я». — «Не знаю, отвѣчала г-жа Сабурова: — только мы всѣ сказали объ васъ, что не знаемъ»

гдѣ вы находитесь; иной сказывалъ ему, что вы поѣхали къ обѣдни, другой увѣрялъ, что вы въ ту, а третій въ иную деревню поѣхали; итакъ, онъ оба сіи дни васъ искалъ и не находилъ. Былъ у меня и спрашивалъ о Иванѣ Яковлевичѣ. Я сказала, что онъ поѣхалъ въ гости». — «О, о! удивляясь всему тому, воскликнулъ я: вотъ какъ ихъ тамъ пронимаетъ! прислали и сюда уже! Таковото мы ихъ проучили»!

Услышавъ все сіе, спѣшилъ я скорѣе домой, чтобъ болѣе о семъ разспросить моего прикащика. Но не успѣлъ поровняться противъ двора г. Таракевскаго, какъ сей мой сосѣдъ бѣжитъ ко мнѣ къ коляскѣ.—«Что, батюшка! кричитъ онъ мнѣ: — у меня сей только часъ межевщикъ былъ, ищетъ вездѣ васъ и не найдетъ, поѣхалъ теперь къ Соймонову». Сіе меня еще болѣе удивило, и я, захохотавъ, сказалъ: «Не путемъ видно уже ихъ пронимаетъ, что, не удовольствуясь присылкою повѣреннаго, уже и самого межевщика ко мнѣ протурили. Знать, что прямо нуждица до меня; но какъ же быть мнѣ? Не пожалуешь-ли ты, братецъ, мнѣ верховой лошадки, такъ бы я коляску отпустилъ домой, а самъ въ сію же минуту заѣхалъ къ Соймонову и тамъ послушалъ, что за причина и зачѣмъ такимъ присланъ межевщикъ къ намъ». — «Изволь, изволь, батюшка»! сказалъ г. Тараковской и людямъ своимъ закричалъ: «подавайте скорѣй и сѣдлайте лошадь»! Вмигъ одинъ все это поспѣло, и я, отпустивъ коляску домой, поскакалъ самъ къ Соймонову, несмотря, что были тогда уже сумерки.

Прискакавъ туда, и не заставъ межевщика, спрашиваю, гдѣ онъ? «Къ вамъ-де поѣхалъ, а здѣсь только повернулся и ничего почти не говорилъ; сердитъ чтото и сумраченъ и спросилъ только объ васъ. Мы сказали, что вы ѣздите все уговариваете дворянъ къ миру и поѣхали въ Курдюки. Что дѣлать, солгали на васъ».—«Экая бѣда! сказалъ я:—я сюда, а онъ ко мнѣ; да какъ же я не повстрѣчался съ нимъ?» Нечего было долѣе мнѣ тутъ медлить, ну-ка я опять назадъ и спѣшить домой. Но на дорогѣ услышалъ, что онъ проѣхалъ къ г. Сабурову, и удивился, что онъ туда поѣхалъ, вѣдая, что дома одна только жена. Однако, не разсудилъ вслѣдъ за нимъ ѣхать, потому что была уже ночь, а проѣхалъ домой.

По пріѣздѣ моемъ, сказывалъ мнѣ прикащикъ, что Рыбинъ пріѣзжалъ неоднократно безъ меня и ему не давалъ покоя. Все уговаривалъ, чтобъ мы помирились и именемъ господина своего сулилъ одному мнѣ 2000 десятинъ земли, если я отстану отъ прочихъ и съ нимъ помирюсь. Странное предложеніе! Не думалъли онъ и во мнѣ найтить такого же легковѣрнаго, такъ сказать, олуха, каковымъ по простодушію своему сдѣлался г. Сабуровъ на межѣ, повѣривъ словамъ сего бездѣльника, или не сочелъ-ли и меня такимъ же бездѣльникомъ, каковъ былъ самъ онъ, г. Пашковъ? Но я доволенъ былъ прикащикомъ моимъ, что онъ ему сказалъ, что я никогда мошенникомъ не бывалъ и бездѣльникомъ не захочу ни для чего на свѣтѣ сдѣлаться.

Не успѣлъ я раздѣться, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ человѣкъ отъ г-жи Сабуровой.—«Батюшка, не оставь въ нуждѣ, и пріѣзжай защищать отъ межевщика! Пріѣхалъ межевщикъ и барыня не знаетъ, что съ нимъ дѣлать и говорить». Нечего было дѣлать, принужденъ былъ одѣваться и ѣхать въ Калиновку, хотя была тогда уже глухая ночь. Прискакавши туда на присланныхъ лошадяхъ, нашелъ я г-жу Сабурову въ разговорахъ съ межевщикомъ. Была она барыня разумная и не уступала межевщику ни на волосъ, и сама, какъ надобно, защищала честь мужа своего и упрекала межевщика учиненною мужу ея обидою. Нельзя довольно изобразить, какъ рада она и межевщикъ моему пріѣзду. Тогда начали мы съ нимъ говорить полюбовную рѣчь и какъ сей случай былъ къ тому удобенъ, то на первой встрѣчѣ тотчасъ я его, друга, подцѣпилъ, и сталъ, какъ душѣ угодно, его гонять и журить за все

его несправедливыя и съ лѣтами его ни мало не сообразныя дѣла. Онъ отдувался уже, отдувался, но какъ былъ кругомъ виноватъ, то не зналъ, что дѣлать и говорить, — такъ загонялъ я сего старика. Наконецъ, началъ я его спрашивать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ и какая ему до меня нужда?—«Нужда моя та, отвѣчалъ межевщикъ:—что третьяго дня получилъ я изъ межевой канцеляріи указъ, что если у меня здѣсь дѣла нѣтъ, то ѣхалъ бы я межевать къ князю Гагарину, въ другое мѣсто. Итакъ, прислалъ меня Петръ Егоровичъ отобрать отъ васъ послѣднее мнѣніе: помиритесь ли вы съ нимъ, или нѣтъ?»—Говоря далѣе, сказывалъ онъ мнѣ, что г. Пашковъ уступаетъ намъ сколько мы хотимъ и требуетъ только того, чтобъ мы съ нимъ помирились.

Усмѣхнулся я, все сіе услышавъ, и, недолго думая, заключивъ, что все сіе явная выдумка и сущій обманъ и коварство, отвѣчалъ тотчасъ ему: «Очень хорошо! для чего не помириться и если дастъ сколько мы похотимъ и сколько отведемъ, и назоветъ это не нашею, а государевою землею, каковою она въ самомъ дѣлѣ есть, такъ мы готовы помириться».—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — а Петръ Егоровичъ требуетъ, чтобъ вы назвали своею».—«Кланяюсь! отвѣчалъ я ему: — мы не маленькіе рабята, чтобъ дали сами на себя петлю на шею наложить, снявъ напередъ ее съ него. Скажите Петру Егоровичу, что поздноде, батюшка, сіе вздумалъ, а надлежалобы вамъ поранѣе о томъ подумать и прежде начиванія всего дѣла съ нами повидаться и не съ высокомѣріемъ, а дружески обо всемъ поговорить и посовѣтовать; и тогда, можетъ быть, могло-бъ что-нибудь и иное и ему угоднѣйшее выттить. А теперь, когда дѣло зашло уже такъ далеко, когда земля сія нами торжественно при понятыхъ и столь многочисленныхъ свидѣтеляхъ объявлена казенною и засвидѣтельствована нашими подписками, то можно ли съ здравымъ разсудкомъ требовать отъ нась того, чтобъ мы всѣ съума сошли и сдѣлали то, что ни съ какимъ благоразуміемъ несходно и несогласно. Сами вы то сказать можете, ежели похотите быть безпристрастными. Итакъ, извольте сказать, сударь, Петру Егоровичу, что этому быть не можно, что мошенниками мы никогда не бывали и не будемъ и казенную землю своею никакъ не назовемъ».—«А когда такъ, сказалъ мнѣ на сіе откровенно межевщикъ:—такъ сказываю вамъ, что Петръ Егоровичъ не намѣренъ болѣе межеваться, а бросаетъ все самъ, и ѣдетъ завтреже отсюда и хочетъ дожидаться уже генеральнаго межеванья, ибо теперь будетъ ему дурной выигрышъ. Онъ тужитъ и жизнь свою проклинаетъ, что и взялъ теперь меня межевать, да и я могу и о себѣ прямо сказать, что весьма тому не радъ, и еслибъ зналъ, что здѣсь то-то будетъ, что было, то бы десяти тысячъ не взялъ, чтобъ сюда иттить межевать. Кланяюсь я вамъ. Оставайтесь, государи мои, съ Богомъ, нечего съ вами, такими тузами, дѣлать! Нашъ братъ хоть сюда и не ѣзди! видишь вы какіе».

Любо было мнѣ и пріятно сіе слышать, и я, засмѣявшись, въ превеликомъ удовольствіи сказалъ: «Когда такъ, такъ-такъ! Мы и отъ всего не прочь. Покидать, такъ покидать, зачѣмъ же стало? но скажите мнѣ, на чтожъ бы это?»—«Какъ на что̀? смѣючись, отвѣчалъ межевщикъ, полно вамъ насъ проводить. Вѣдь вы сами знаете межевую инструкцію и то, что не можно и опасно ему сдѣлать себя прикосновеннымъ къ государевой землѣ, въ которомъ случаѣ, хотябы и со всѣми полюбовно развелся, такъ прибыли будетъ мало: всю у него лишнюю отрѣжутъ и дадутъ только писцовую дачу».—«Да, сказалъ я, это такъ, но это я давно зналъ, и дивился, что г. Пашковъ давно сего не провидѣлъ. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, полезнѣе будетъ для него, когда онъ покинетъ межеваться и перестанетъ домогаться овладѣть неправильно такою великою громадою, какова степь наша».

Симъ кончилось у насъ тогда съ ме-

жевщикомъ дѣло. Онъ, отужинавъ тутъ, съ превеликимъ неудовольствіемъ поѣхалъ, распрощавшись съ нами и объявивъ, что онъ въ послѣдующій день и самъ поѣдетъ прочь, бросивъ все межеванье неоконченнымъ.

Проводивъ его, сказалъ я госпожѣ Сабуровой: «Вотъ, матушка, что произвела написанная мною въ Лукинѣ бумажка и ѣзда моя и свиданіе съ Пашковымъ! Это мои слова его на умъ и на разумъ наставили; а теперь поздравляю васъ, сударыня, съ столь неожидаемымъ скорымъ и благополучнымъ окончаніемъ дѣла и съ полученною надъ Пашковымъ совершенною побѣдою. Теперь останемся мы опять отъ него въ покоѣ и будемъ по прежнему владѣть нашими землями до поры до времени съ покоемъ». У госпожи Сабуровой ушки, такъ сказать, смѣялись и при всемъ моемъ съ межевщикомъ разговорѣ; а тогда не находила она словъ къ изъясненію своей радости и удовольствія, и проводила меня отъ себя, поѣхавшаго уже около полуночи домой, осыпая меня за все и все своими благодареніями.

На утріе пронюхивалъ я, что̀ на хуторѣ воспослѣдуетъ, и вчерашній мой съ межевщикомъ разговоръ какое произведетъ слѣдствіе. Оно было такое, какого я ожидалъ отъ онаго. Пашковъ, услышавъ, что мы мириться и вмѣстѣ съ нимъ казенную землю воровать не хотимъ, бросилъ межеванье и самъ уѣхалъ; а межевщикъ послѣдовалъ за нимъ, распустя напередъ всѣхъ понятыхъ и сказавъ, что межеванья до весны не будетъ.

Не успѣло сего воспослѣдовать, какъ слухъ о томъ возгремѣлъ въ одинъ мигъ во всѣхъ нашихъ селеніяхъ и округахъ, и начались вездѣ восклицанія радости и торжество о полученіи надъ непріятелемъ нашимъ столь славной побѣды. Всякой, радуясь и смѣючись, о Пашковѣ говорилъ: «Экъ, братъ, взялъ! экъ много намежевалъ! Убирайся-ка со стыдомъ въ Гагаршину свою, а здѣсь нѣчего выторговать!» А я едва успѣвалъ слышать отъ всѣхъ похвалы и благодаренія: всякъ превозносилъ меня похвалами и не зналъ какими словами меня благодарить. Господа Соймоновы прислали тотчасъ за мною, и мы, вмѣстѣ повеселившись съ ними, положили ждать г. Сабурова и тогда общій совѣтъ сдѣлать, что̀ намъ теперь предпринимать и какія предосторожности брать отъ г. Пашкова.

Вотъ какимъ образомъ кончилось наше тогдашнее межеванье. Признаюсь, что я всего меньше ожидалъ столь хорошаго и удачнаго успѣха и всего меньше думалъ, чтобъ сіе межеванье такъ скоро кончилось, но безсомнѣнно думалъ, что онъ станетъ-таки продолжать межевать и обойдетъ и достальную часть южнаго и весь западной длинной бокъ степи, хотя со спорными кругомъ столбами, и велитъ намъ потомъ, по обыкновенію, свой отводъ дѣлать, а тамъ либо все броситъ, либо дѣло потянетъ въ проволочку, и потому готовился уже прожить тутъ всю осень. Но тогда удовольствіе мое было неизобразимо, и тѣмъ паче, что я сдѣлался уже развязаннымъ и могъ ѣхать опять въ свое любезное Дворяниново. Оставалось только обождать возвращенія г. Сабурова и сдѣланія послѣдняго и общаго со всѣми жителями совѣта.

Какъ г. Сабуровъ не могъ еще дни чрезъ три возвратиться, то, чтобъ не потерять въ праздности напрасно времени, вздумалъ я въ сіи дни снять на планъ всю усадьбу и всѣ выгоны нашей деревни, дабы можно было послѣ, съ согласія нашихъ сосѣдей, намъ между собою поразверстаться, и трудился надъ тѣмъ дни три и къ удивленію, по исчисленію сдѣланнаго плана, нашелъ, что въ одномъ выгонѣ нашей деревни было 330 десятинъ, а она была еще самая маленькая.

Между тѣмъ, какъ я въ сей работѣ упражнялся, пріѣзжалъ ко мнѣ старичокъ нашъ, т. Свитинъ, и опять подалъ поводъ къ смѣху надъ нимъ и хохотанью. Привозилъ къ нему такой же глупецъ, Рахманова прикащикъ, свои отказныя книги и ввелъ старика ими въ новыя и без-

численныя сумнительствы, для изъясненія которыхъ онъ ко мнѣ и прилетѣлъ. Но какъ обрадовался онъ, услышавъ отъ меня, что Пашковъ уѣхалъ, и что мы побѣдили.—Ни съ другого слова, перекрестясь обѣими руками, старикъ въ землю, и потомъ ну прыгать и веселиться, а меня обнимать и цѣловать, и въ глаза, и въ лобъ, и въ щеки. «Помилуетъ тебя Богъ! только и твердилъ:—ты насъ защитилъ и помиловалъ». И не зналъ, какъ изобразить свою радость. Я уже хохоталъ, хохоталъ, да и сталъ.

Наконецъ 19-го сентября, ввечеру, возвратился и г. Сабуровъ и тотчасъ прислалъ за мною. О радости и удовольствіи сего добродушнаго человѣка, и о приносимыхъ мнѣ похвалахъ и благодареніяхъ я говорить уже оставляю: они были чрезвычайны, и тѣмъ паче, что ѣзда его въ Новохоперскую крѣпость была безуспѣшна, и онъ проѣздилъ попустому. Будучи опять въ послѣдующій день у него для угощенія меня обѣдомъ, назначили мы 22-е число сего мѣсяца для генеральнаго собранія всѣмъ дворянамъ, повѣреннымъ, старостамъ и прикащикамъ для держанія послѣдняго общаго совѣта и назначили къ тому сборнымъ мѣстомъ нашу приходскую церковь, почему отъ насъ, какъ отъ главныхъ начальниковъ, и разосланы были повсюду гонцы съ повѣстками.

Итакъ, по наступленіи назначеннаго дня, поѣхалъ я къ церкви, гдѣ и нашелъ уже превеликое собраніе дворянъ, старостъ, прикащиковъ и повѣренныхъ и народа превеликое стеченіе. Меня прежде всего встрѣтили тѣмъ, что находятся между прочимъ народомъ двое Пашковскихъ шпіоновъ, и что наши окружили ихъ кругомъ и держутъ подъ честнымъ арестомъ, чтобъ они не могли ничего слышать. Отслушавъ обѣдню и отслуживъ благодарной молебенъ, пошли мы въ находящуюся тутъ просторную богадѣльню въ тепло, и какъ сіе мѣсто подобно было канцеляріи и для такихъ сборищъ очень удобно, то, запершись въ оной и отлучивъ всѣхъ ненадобныхъ людей, и учинили мы главной и большой совѣтъ.

Оной начался принесеніемъ мнѣ отъ всѣхъ (благодареній) и просьбъ, чтобъ я, начавши сіе дѣло и производя оное съ толикимъ успѣхомъ, взялъ на себя трудъ оное и впредь продолжать и употреблять что надобно, и тѣмъ паче, что я живу въ недальнемъ отъ Москвы разстояніи. А я съ моей стороны благодарилъ всѣхъ за послушаніе и за славное единодушіе; потомъ, говоря, что на Пашковское увѣреніе, что онъ все сіе дѣло бросаетъ, совершенно положиться еще никакъ не можно, а по коварству его и бездѣльничеству опасаться должно, что онъ не преминетъ употреблять и еще какія-нибудь хитрости и пронырствы, то слѣдуетъ намъ и впредь быть отъ него осторожными, и, продолжая и впредь свое единодушіе, съ общаго согласія положить теперь на мѣрѣ, какія предосторожности предпріять намъ на всѣ непредвидимые случаи и будущее время.

Итакъ, съ общаго согласія условились всѣ мы и положили: «1) чтобъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ велъ Пашковъ свой отводъ мимо нашихъ земель, означить и замѣтить для предбудущаго неизвѣстнаго времени, и поставленные имъ черные столбы отнюдь не выкидывать; 2) чтобъ за сею чертою никому болѣе не распахивать земли, какъ названной нами казенною; 3) чтобъ покинуть нѣсколько, и хоть самое малое количество, непаханной земли и по сю сторону его отвода подъ именемъ также казенной; 4) чтобъ разводиться всѣмъ селеніямъ и деревнямъ между собою полюбовно, дабы всякое селеніе предѣлы своей земли вѣдало; 5) чтобъ мнѣ пріѣхать къ нимъ, если можно будетъ, будущею весною или лѣтомъ, и всѣ ихъ владѣнія вымѣрить и раздѣлить по препорціи душъ, ежели согласятся; 6) чтобъ на всѣ будущіе межевые, непредвидимые расходы собрать сумму денегъ, и на первой случай по 3 копѣйки съ души, и выбрать всѣмъ міромъ казначея, которой-бы деньги сіи собиралъ, записывалъ, хранилъ и потомъ въ расходъ употреблялъ; 7) чтобъ всѣмъ

помѣщикамъ дать мнѣ вѣрющее письмо, дабы можно было мнѣ въ случаѣ надобности подавать въ межевую канцелярію именемъ всѣхъ челобитную, и прочее; 8) чтобъ отправить въ тотъ же день двухъ человѣкъ дворянъ для списанія съ полевыхъ записокъ копій, и снабдить ихъ на дорогу деньгами; 9) чтобъ главнымъ начальникомъ и попечителемъ обо всѣхъ быть и впредь господину Сабурову, и всѣмъ бы его повѣсткамъ и повелѣніямъ слушаться; 10) чтобъ и впредь быть всѣмъ единодушнымъ, и въ случаѣ какихъ съ Пашковымъ споровъ, стоять всѣмъ за одно и другъ за друга крѣпко».

Сіе и подобное сему положено и опредѣлено было на семъ совѣтѣ и тотчасъ назначено кому куда ѣхать и что дѣлать. Г. Тараковской выбранъ былъ казначеемъ для сбора и расхода денегъ, а г. Левашовъ командированъ къ Пашкову для списыванія копій съ полевыхъ записокъ, и всѣ они получили отъ меня надлежащія наставленія.

По окончаніи сего важнаго и полезнаго дѣла, поѣхалъ я въ свою деревню; но г. Сабуровъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать и уговорилъ, чтобъ я и въ послѣдующій день не отправлялся бы еще въ свой предпринимаемой обратной путь въ Коширу, а подарилъ-бы симъ днемъ его, ибо онъ былъ въ оной имянинникомъ и звалъ всѣхъ своихъ друзей къ себѣ обѣдать, и чтобъ и я сдѣлалъ имъ компанію и у него сей день отпраздновалъ.

Что было дѣлать? я какъ ни поспѣшалъ уже своимъ отъѣздомъ, но принужденъ былъ на неотступныя просьбы сего любезнаго человѣка согласиться.

Такимъ образомъ препроводилъ я весь оной день у г. Сабурова на имянинахъ. Я нашелъ у него превеликое собраніе тамошнихъ дворянъ, и мы всѣ были веселы. Тутъ распрощался я со всѣми ими и, получивъ всѣми ими подписанное вѣрющее письмо, возвратился уже ночью въ свое жилище.

Сіе было послѣднее свиданіе мое со всѣми тамошними господами, ибо черезъ день послѣ того я отправился уже въ свой обратной путь, что случилось уже въ 25 день сентября мѣсяца.

Какъ во время сего обратнаго путешествія не произошло со мною ничего примѣчанія достойнаго, то и не хочу обременять васъ подробнымъ описаніемъ онаго, а въ короткихъ только словахъ скажу, что я ѣхалъ опять чрезъ Тамбовъ и Козловъ, заѣзжалъ въ свою козловскую деревню, видѣлся тамъ съ дядею жены моей, господиномъ Кавериным ъ, и потомъ продолжая путь чрезъ Ранибургъ, Епифань и Тулу, 2-го числа октября благополучно въ свое милое и любезное Дворяниново къ роднымъ своимъ и пріѣхалъ.

Симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее уже давно до своихъ предѣловъ, и пожелавъ вамъ всего добраго, остаюсь вашъ, и прочее.

(Декабря 25 дня 1808 года).

Письмо 169-е.

Любезный пріятель! Начиная сіе письмо, долженъ я предварительно васъ увѣдомить, что съ сего времени все содержащееся какъ въ семъ, такъ и послѣдующихъ письмахъ моихъ, продолженіе повѣствованія моего о всѣхъ бывшихъ со мною въ жизнь мою происшествіяхъ, не будетъ сопряжено съ такою точностью и подробностью, съ какою описывалъ я ихъ до сего въ предслѣдующихъ письмахъ. Причиною тому то, что случившійся въ 1782 году несчастной пожарной случай, лишившій меня многаго, между прочимъ, къ особливому прискорбію моему, похитилъ у меня и всѣ мои журналы и записки, относящіеся до сего промежутка времени, каковыми я до сего при описаніи моей жизни пользовался. Итакъ, при послѣдующемъ повѣствованіи по необходимости принужденъ я воспринимать прибѣжище свое къ единой своей памяти и къ малому числу оставшихся кое-какихъ бумагъ, и спасшихся отъ огня и пламени. Но какъ и первая по многопрошедшему и тридцатипятилѣтнему времени весьма уже ослабла и не въ состояніи мнѣ всего бывшаго во всей

подробности напомнить, то натурально и долженъ я буду довольствоваться тѣмъ, что могу только вспомнить, и что могъ только я отыскать въ помянутыхъ немногихъ, оставшихся отъ пожара, бумагахъ и другихъ письменныхъ документахъ, и говорить уже обо всемъ короче и безъ наблюденія иногда порядка времени въ самой точности.

Приступая теперь къ продолженію повѣствованія моего, скажу, что по пріѣздѣ моемъ домой нашелъ я всѣхъ своихъ родныхъ здоровыми и крайне обрадовавшихся нечаянному, и никакъ ими неожидаемому такъ скоро, возвращенію моему въ деревню. Онѣ не инако полагали, что я проживу тамъ всю осень и озабочивались тѣмъ не мало по причинѣ, что беременность жены моей приближалась уже къ окончанію, и она была уже на сносѣхъ. Кромѣ сего озабочены онѣ были вновь отсутствіемъ моимъ, полученіемъ изъ Петербурга ко мнѣ нѣсколькихъ пакетовъ съ письмами, и еще однимъ весьма важнымъ письмомъ отъ бригадира Наумова, которое такъ ихъ смутило, что онѣ за нужное почли отправить оное вмѣстѣ съ прочими письмами съ нарочнымъ ко мнѣ, и сей посланной чуть было со мною не разъѣхался дорогою. По счастію узнали его какъ-то мои люди, встрѣтившагося съ нами не доѣзжая Ранибурга, и его остановили.

Помянутые пакеты изъ Петербурга содержали въ себѣ дружескія письма отъ секретаря Экономическаго Общества, господина Нартова. Первое отправлено было ко мнѣ 22 іюля, но какимъ-то образомъ шло до меня очень долго и не застало меня дома. Въ ономъ письмѣ писалъ г. Нартовъ, что какъ онъ на послѣднее мое къ нему письмо не получилъ еще отвѣта, то сомнѣвается онъ въ томъ дошло-ли оное ко мнѣ, и какъ онъ не знаетъ видѣлся ли я съ княземъ Гагаринымъ и учинилъ ли онъ что въ мою пользу, то просилъ его о томъ увѣдомить; далѣе увѣряя меня, что переписка со мною будетъ для него всегда пріятна, повторялъ при семъ случаѣ просьбу о продолженіи оной, говоря, что онъ письма мои всегда встрѣчать будетъ съ отмѣннымъ желаніемъ. Далѣе упоминая, что пьесы мои Экономическимъ Обществомъ разсмотрѣны и нѣкоторыя опредѣлено напечатать, говорилъ, что труды мои, на экономическія изслѣдованія употребляемыя, дѣлаютъ мнѣ честь и по самой справедливости заслуживаютъ похвалу отъ ученыхъ людей. А о себѣ говорилъ, чтобъ я былъ увѣренъ, что онъ умѣетъ достоинствы, упражняющихся въ наукахъ людей различать и почитать оныя, и не преминетъ рекомендовать меня кому надлежитъ.

Все сіе сколько съ одной стороны льстило моему честолюбію, столько съ другой огорчало тѣмъ, что я изъ онаго видѣлъ ясно, что письма мои, отправленныя къ нему, и самая посылка съ каменьями, конечно какимъ-нибудь образомъ не дошли, что по тогдашнимъ неисправностямъ нашихъ почтъ было и не удивительно, и сожалѣлъ о томъ очень много.

Второе письмо было отъ него же и писанное въ половинѣ августа, подтверждавшее мнѣ тоже, что не имѣетъ онъ отъ меня давно никакихъ писемъ и увѣдомленій, и не знаетъ, что тому причиною. Онъ прислалъ ко мнѣ при семъ письмѣ маленькую книжку, сочиненную трудолюбивымъ сочленомъ нашимъ, генераломъ и сенаторомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Ушаковымъ, и, приписывая сему сѣдинами украшенному мужу великія похвалы, желалъ, чтобъ я сообщилъ Обществу о томъ же предметѣ мои примѣчанія. Наконецъ увѣрялъ меня опять въ своемъ дружествѣ и просилъ о себѣ увѣдомленія, говоря, что быть знакомымъ съ людьми, упражняющимися въ наукахъ, и въ отсутствіи съ ними разговаривать чрезъ письмы о полезныхъ вещахъ, есть для него не малое утѣшеніе, и потому желаетъ, чтобъ я переписывался съ нимъ чаще.

Сіе письмо увеличило сожалѣніе мое о пропавшихъ и не дошедшихъ до Нартова моихъ письмахъ и посылкѣ. Пи-

на оба сіи письма положилъ, по пріѣздѣ моемъ, ему отвѣтствовать и извиниться въ нечастомъ писаніи своею отлучкою отъ дома; также описать ему вкратцѣ и все произшествіе, бывшее со мною въ Бобрикахъ и въ Богородицкѣ вторично.

Что касается до третьяго письма, то было оно важнѣе обоихъ предслѣдующихъ, и всего меньше мною ожидаемымъ. Было оно отъ самого того почтеннаго и добродушнаго мужа, г. бригадира Наумова, которой въ послѣднюю мою въ Москвѣ бытность возилъ меня къ князю Гагарину и меня съ нимъ познакомилъ. Содержаніе письма его меня и удивило, и привело въ смущеніе. Онъ писалъ ко мнѣ отъ 14 сентября, что, при отъѣздѣ его изъ Москвы, просилъ его князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ сообщить мнѣ, что если соглашусь я взять на себя должность управительскую въ селѣ Бобрикахъ, то обѣщаетъ дать мнѣ жалованья 300 р. въ годъ, да 50 четвертей хлѣба, да чтобъ шесть моихъ собственныхъ лошадей содержать на казенномъ кормѣ, и съ тѣмъ увѣреніемъ, что если г. Опухтинъ черезъ два года пойдетъ въ отставку, то я, и никто иной, заступлю сіе мѣсто, и въ чемъ даетъ князь свое вѣрное слово. Пересказавъ сіе, просилъ меня г. Наумовъ, что если я соглашусь на то, то увѣдомилъ-бы его поскорѣе, поелику отъ него на будущей недѣли будутъ въ Москву ѣздоки, чтобъ могъ онъ князя увѣдомить. У него-де просятся на то мѣсто другіе, и онъ до полученія моего отвѣта имъ отказываетъ.

Признаюсь, что письмо сіе сначала меня весьма возмутило и привело всѣ мысли мои въ разстройку и недоумѣніе, что дѣлать. Однако сіе не долго продолжилось, но я скоро, сказавъ пословицу, что это уже послѣ ужина горчица, рѣшился отъ предложенія сего начисто отказаться. Малочисленность жалованья назначаемаго не стоило того, чтобъ, польстясь на оное, промѣнять драгоцѣнную свободу на таковую бездѣлку; сверхъ того и собственной покой мой былъ дорогъ. Въ Бобрикахъ, какъ я видѣлъ, не было и дома такого для жительства, гдѣ-бъ мнѣ можно было помѣститься и жить съ моимъ семействомъ. Но сіе все еще ничего бы не значило, но главнѣйшее обстоятельство, не допускающее меня и помышлять о томъ, было то, что надлежало мнѣ быть тутъ подъ начальствомъ г. Опухтина и во всемъ зависѣть отъ его повелѣній. Это было мнѣ всего несноснѣе. Натурально, все тягости и безчисленныя хлопоты и заботы, сопряженныя съ строеніемъ тамошняго огромнаго дворца, лежало бы на моихъ плечахъ, а Опухтинъ бы сталъ моими руками жаръ загребать, и все на все на мнѣ взыскивать. Сверхъ того, думалъ я, каково же мнѣ быть подъ командою такого человѣка, которой зналъ, что я назначенъ къ занятію его мѣста. «Не станетъ ли, говорилъ я самъ себѣ, сей человѣкъ не только смотрѣть на меня всегда косо, но и всякимъ образомъ стараться мнѣ злодѣйствовать и искать всѣмъ и всѣмъ чернить меня предъ княземъ, хотя бы я и совсѣмъ невиненъ былъ, и не подвергнусь ли я натурально чрезъ то безчисленнымъ досадамъ и неудовольствіямъ? Къ тому-жъ Богъ еще знаетъ, какъ онъ управляетъ волостями, и точно ли такъ честно и хорошо, какъ мы думаемъ, и нѣтъ ли за нимъ и всякой еще всячины? А въ такомъ случаѣ захочу-ли я быть такимъ же бездѣльникомъ? въ состояніи ли буду то терпѣть и смотрѣть на то сквозь пальцы, и не всего ли скорѣй подастъ самое сіе поводъ къ неудовольствіямъ и самымъ непріятностямъ и ссорѣ?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ поразмысливъ, тотчасъ я воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ! благодарю покорно!... Оставайтесь-ка вы со своими Бобриками съ Богомъ! занимай управительское въ нихъ мѣсто кто себѣ хочетъ и кому есть охота навалить на шею себѣ такія хлопоты! А ты, мой другъ», говорилъ я самъ себѣ: — «ступай-ка себѣ скорѣй въ свое любезное Дворяниново, и тамъ по прежнему не живи, а царствуй въ мирѣ, ти-

шинѣ, независимости ни отъ кого и свободѣ драгоцѣнной!»

Въ сихъ помышленіяхъ продолжалъ я тогда свое путешествіе. И какъ надлежало мнѣ ѣхать чрезъ Бобриковскую волость и случилось такъ, что мнѣ пришлось ночевать въ принадлежащемъ къ сей волости селѣ Каменкѣ, то похотѣлось мнѣ полюбопытствовать и разговорившись съ хозяиномъ, распросить его короче и стороною о правленіи Опухтина и обо всемъ его поведеніи. Хозяинъ, не зная совсѣмъ меня, и насказалъ мнѣ столько разныхъ вещей и дѣлъ, ни мало мною не одобряемыхъ, объ Опухтинѣ, что сіе еще болѣе отвратило помышленія мои отъ Бобриковскаго управительства и подкрѣпило намѣреніе мое начисто отъ него отказаться.

Совсѣмъ тѣмъ любо и пріятно было мнѣ, что я все еще у князя Гагарина въ памяти, и что онъ ни только меня не позабылъ, но всячески старается привязать меня къ себѣ. Я не инако заключалъ, что я ему вѣрно очень полюбился, и что предложеніе его ни отчего иного проистекло, какъ отъ доброты его душевной; а что предлагалъ онъ мнѣ столь умѣренное жалованье, въ томъ извинялъ его охотно, ибо самъ вѣдалъ довольно, что Бобриковское управительство и не заслуживало множайшаго, и какъ прежніе управители, тутъ бывшіе, не получали и трети противъ сего жалованья, то легко можно было заключить, что князь собственно только для меня оное увеличивалъ.

Итакъ, по пріѣздѣ домой, первое мое дѣло было поспѣшить отвѣтомъ моимъ къ г. Наумову, и какъ при вопросѣ домашнихъ родныхъ моихъ о томъ, что они о семъ предложеніи думаютъ, услышалъ я, что и онѣ во всемъ согласны съ моимъ мнѣніемъ и мѣсто сіе почитаютъ не только для меня безвыгоднымъ, но даже и постыднымъ, то, не долго думая, сѣлъ я и начеркалъ отвѣтъ господину Наумову.

Какъ я легко могъ заключить, что онъ въ оригиналѣ пошлетъ оной къ князю Гагарину, то расположилъ я его такъ, чтобъ отказъ мой былъ колико можно менѣе оскорбителенъ для князя. Я, изъяснивъ въ немъ наиживѣйшимъ образомъ всѣ чувствія моей благодарности за то, что князь удостоиваетъ меня не только своимъ незабвеніемъ, но и попеченіемъ о моей пользѣ, говорилъ, что домашнія мои обстоятельствы никакъ не дозволяютъ мнѣ на сей разъ согласиться на предложеніе и къ удовлетворенію желанія его сіятельства, и просилъ его, чтобъ онъ извинилъ меня въ томъ передъ княземъ; однако не преминулъ стороною и мелькомъ дать будто ему только, г. Наумову, знать, что между прочимъ и для того у меня нѣтъ дальнаго желанія опредѣлиться въ сіе мѣсто, чтобъ не могло произойтить у меня съ г. Опухтинымъ какихъ-нибудь непріятностей, могущихъ подать самому князю поводъ къ нѣкоторымъ неудовольствіямъ и досадамъ, и что я, привыкнувъ жить въ деревнѣ между друзей и со всѣми мирно и согласно, и вести спокойную честную, независимую ни отъ кого и счастливую жизнь, охотнѣе хочу остаться въ своей малой деревнишкѣ, продолжая жить по прежнему и довольствоваться тѣмъ, чѣмъ судьбѣ угодно было меня одарить.

По отправленіи сего письма къ г. Наумову, и чувствуя себя равно какъ отъ нѣкоего бремени освобожденнымъ, пересталъ я о томъ и мыслить, а приступилъ къ соотвѣтствованію на письмы г. Партова. Но какъ имѣлъ я то предубѣжденіе, что почиталъ единичныя письма, то-есть, безъ приобщенія къ нимъ какихъ-нибудь сочиненій, неловкими, что самое, а сверхъ того и неудобность къ пересылкѣ оныхъ писемъ въ Петербургъ, поелику тогда въ ближнихъ и малыхъ городахъ почтовыхъ конторъ еще не было и писемъ не принимали, а надлежало ихъ всегда пересылать при оказіяхъ въ Москву и тамъ отдавать уже на почту, а впрочемъ и самая дороговизна въ пересылкѣ оныхъ, и удерживало меня отъ частаго писанія писемъ, и принуждало

всегда не только ихъ, но и самыя сочиненія переписывать мелко, на почтовой бумагѣ, и искать и дожидаться всегда какихъ-нибудь оказій въ Москву,— то и заключалъ я, что и въ сей разъ будетъ дурно, если не пошлю я при письмѣ какого-нибудь сочиненія; почему, выбравъ одно изъ заготовленныхъ уже вчернѣ до моего отъѣзда въ шадскую деревню, и переправивъ и переписавъ вскорости оное, приобщилъ къ письму, написанному къ господину Нартову.

Что касается до сего, то, изъявивъ въ немъ чувствованія истинной благодарности за всѣ лестные его обо мнѣ отзывы и его къ себѣ благорасположеніе, увѣдомлялъ я его о всѣхъ письмахъ и посылкѣ, отправленныхъ отъ меня къ нему, и удивляясь неполученію имъ оныхъ, пересказывалъ ему вновь обо всемъ, случившемся у меня съ княземъ Гагаринымъ, и потомъ о нечаянной и долговременной моей отлучкѣ въ шадскую деревню, и заключилъ просьбою о продолженіи его къ себѣ дружества.

Отправивъ сіе письмо при случившейся въ Москву оказіи, принялся я за прежнія свои деревенскія многоразличныя занятія, и какъ тогда наступала уже глубокая осень, то спѣшилъ я воспользоваться способнымъ еще сколько-нибудь временемъ къ произведенію въ садахъ моихъ работъ и дѣлъ, нужныхъ и упущенныхъ нѣсколько чрезъ мою отлучку.

Между тѣмъ нечувствительно приближилось и 7-е число октября мѣсяца, или тотъ день, въ которой совершилось мнѣ 35 лѣтъ отъ моего рожденія. При наступленіи онаго не преминулъ я, по обыкновенію своему, и въ сей разъ обозрѣть мысленно всѣ произшествія, случившіяся въ теченіи минувшаго года; и какъ находилъ, что оной ознаменовался въ особенности многими и разными бывшими со мною произшествіями, и опять многими и явными знаками особеннаго попеченія обо мнѣ Божескаго Промысла, то благодарилъ я Всемогущаго всею душою моею и сердцемъ за его ко мнѣ милосердіе и всѣ его ко мнѣ благодѣянія и милости. Паче же всего дивился я дѣйствію Промысла Господня въ разсужденіи неудачной моей ѣзды, по приглашенію князя Гагарина, въ Богородицкую волость. Тогда казалась она мнѣ непостижимою и удивительною, а въ сей разъ усматривалъ уже я, что неудача сія случилась по устроенію судебъ для моей же истинной пользы; ибо чего и чего не упустилъ бы я, естлибъ тогда опредѣленъ былъ къ должности. Какъ бы можно было мнѣ отлучиться и для домашняго окончанія своего межеванья, и въ шадскую деревню для разрушенія коварнаго замысла и предпріятія Пашкова съ тамошнею степью, назначенною Провидѣніемъ къ доставленію мнѣ въ послѣдующія времена весьма важныхъ и существенныхъ выгодъ, какъ узнаете вы впредь въ свое время.

Чрезъ десять дней послѣ того наступилъ и день моихъ имянинъ. Я праздновалъ его по обыкновенію. Всѣ родные, друзья и пріятели мои, случившіеся тогда въ домахъ своихъ, посѣтили меня въ оной, и мы старались угостить ихъ наилучшимъ образомъ, и провели день сей съ удовольствіемъ, которое увеличилось тѣмъ, что я въ самой оной получилъ еще претолстой пакетъ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества, съ XXI-ю частью Трудовъ онаго, присланною ко мнѣ при письмѣ отъ друга моего, г. Нартова, отправленномъ ко мнѣ еще 5-го сентября, но въ которомъ ничего особливаго не содержалось.

Какъ вскорѣ послѣ сего настала весьма студеная погода, соединенная съ обыкновенными осенними ненастьями, то прогнала она меня изъ садовъ моихъ въ комнаты и принудила большую часть времени своего посвящать наукамъ, литературѣ и досужеству. Люди, непривыкнувшіе ни къ какимъ занятіямъ и упражненіямъ, скучаютъ обыкновенно осенью и жалуются на длинные скучные вечера. Но я сдѣлалъ уже издавна привычку встрѣчать осень почти съ такимъ же удовольствіемъ, какъ весну, и она для меня почти столько же пріятна какъ оная; ибо

въ сіе время, не будучи такъ много развлекаемъ наружными предметами, имѣлъ я болѣе и времени и досуга заниматься своими книгами, перомъ, кистями и разными другими любопытными и занимательными упражненіями, доставлявшими мнѣ всегда тысячи минутъ пріятныхъ. Итакъ, принялся я опять за свои книги и занятіе себя, когда чтеніемъ оныхъ, когда писаніемъ, когда переводами чего-нибудь, когда переписываніемъ набѣло, или рисованіемъ чего-нибудь, а когда то прискучитъ, то разными рукодѣліями, а особливо переплетаніемъ книгъ и оклеиваніемъ ихъ разными, самимъ мною распещряемыми бумагами, и другимъ тому подобнымъ.

Въ таковыхъ упражненіяхъ и не видалъ я, какъ прошла остальная половина октября мѣсяца, и я имѣлъ тѣмъ болѣе свободнаго времени къ тому, что мы, отчасти за дурными погодами, отчасти за тягостью жены моей, не могли почти никуда выѣзжать со двора, да и къ намъ какъ-то рѣдко пріѣзжали въ сіе время гости.

Наконецъ, насталъ часъ разрѣшенія жены моей отъ бремени, и 28 числа октября былъ тотъ день, въ которой даровалъ мнѣ Богъ еще дочь. Я обрадованъ былъ тѣмъ не меньше, какъ бы рожденіемъ и сына, ибо, будучи всегда тѣхъ мыслей, что мы нимало не знаемъ, какими изъ дѣтей нашихъ назначитъ Провидѣніе Господне намъ болѣе или менѣе веселиться, не дерзалъ никогда роптать въ такихъ случаяхъ на Промыслъ и волю Господню, и вѣдая, что рожденіе людей зависитъ не отъ насъ, а отъ таинственнаго его распоряженія всего и всего въ мірѣ, всегда бывалъ доволенъ тѣмъ, чѣмъ ни благословлялъ насъ Всемогущій.

Мы назвали новорожденную Настасьею, по имени святой, случившейся въ послѣдующій день, и чрезъ нѣсколько потомъ дней ее окрестили. И какъ въ сей разъ друга моего и прежняго кума, г. Полонскаго, не случилось дома, а онъ былъ въ Москвѣ и занимался тамъ отдѣлкою своего каменнаго дома, то воспріемникомъ отъ купели былъ ей уже родственникъ нашъ Иванъ Аѳанасьевичъ Арцыбышевъ, а воспріемницею прежняя наша кума, тетка Матрена Васильевна Арцыбышева.

Такимъ образомъ, сдѣлался я опять отцемъ трехъ дѣтей: двухъ дочерей и сына. И какъ вскорѣ послѣ того наступила у насъ въ сей годъ и настоящая зима, то и подавно нельзя было никуда выходить, а за слабостью жены моей ѣздить, и потому вдался я уже совсѣмъ въ свои ученыя упражненія, и препроводилъ наиболѣе въ нихъ не только весь скучной ноябрь, но и самой декабрь мѣсяцъ по самой праздникъ Рожества Христова, и не помню, чтобъ во все сіе время случилось со мною что-нибудь особливое. Все оно протекло нечувствительно. Мы ѣзжали хотя по наступленіи зимы койкуда въ гости, а посѣщали и насъ наши друзья и сосѣди, но это не составляетъ важности, а болѣе сидѣли дома, и я занимался писаніемъ.

Въ сіе время переписалъ я самъ набѣло третью и четвертую часть своей „Дѣтской философіи" и сочинилъ пятую часть сей книги. А сверхъ того положилъ основаніе и той книжкѣ, которая въ послѣдующее время напечатана подъ именемъ «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли», сочинивъ нѣкоторыя изъ первыхъ размышленій. Кромѣ сего занимался я переводомъ, или паче сочиненіемъ «Исторіи о святой войнѣ» и смотрѣніемъ за обоими мальчиками, переписывавшими набѣло сей трудъ мой.

Наконецъ, прошелъ почти и весь Филипповъ постъ и приближался день Рожества Христова, какъ вдругъ и противъ всякаго чаянія, обрадованы мы были пріѣздомъ къ намъ совсѣмъ неожидаемыхъ, но милыхъ и любезныхъ гостей, пріѣхавшихъ къ намъ очень издалека, а именно изъ Псковскихъ предѣловъ. Былъ то родной мой племянникъ, сынъ покойной сестры моей Прасковьи Тимоѳеевны, Михайло Васильевичъ Неклюдовъ. Сего близкаго родственника моего

не видалъ я съ самаго того времени, какъ получивъ отставку былъ я въ послѣдній разъ у нихъ въ домѣ въ Островскомъ уѣздѣ, и оставилъ его тогда еще мальчикомъ. Но въ сіе время былъ онъ достигшимъ до совершеннаго уже возраста и женатымъ уже мужемъ. Онъ, оставшись почти въ малолѣтствѣ отъ обоихъ своихъ родителей наслѣдникомъ довольно знаменитаго ихъ имѣнія, и препроводивъ нѣсколько лѣтъ въ службѣ, при помощи вступившихся въ его сиротство добрыхъ людей, пріятелей отца его, женился, хотя на небогатой, но прекрасной, разумной и достойной дѣвицѣ изъ фамиліи Елагиныхъ. И какъ получилъ онъ въ приданое за нею небольшую ярославскую деревню, то, имѣя надобность побывать въ ней, восхотѣлъ онъ повидаться и со всѣми нами, живущими въ здѣшнихъ мѣстахъ единственными его и ближними родными, и показать намъ и себя и молодую свою жену, и для того рѣшился проѣхать напередъ прямо изъ Пскова въ Москву, а изъ оной проѣхать напередъ ко мнѣ, какъ къ старѣйшему своему родственнику и дядѣ.

Не могу изобразить, какъ доволенъ я былъ его пріѣздомъ и какъ много обрадованъ былъ онымъ. Я нашелъ его уже совсѣмъ другимъ и такъ перемѣнившимся, что его и узнать бы я не могъ, естли-бъ не сказался, а молодую жену его таковою, что я не инако какъ хвалить могъ его выборъ. Оба они въ состояніи были ласками и обращеніемъ своимъ съ нами заставить насъ въ одинъ день себя полюбить искренно.

Съ сими-то любезными нашими родными разговѣлись и послѣдніе дни сего года провели мы очень пріятно, и праздникъ Рожества Христова, противъ чаянія, былъ для насъ отмѣнно веселъ.

Но какъ теперь слѣдуетъ мнѣ начать писать исторію 1774 года, то дозвольте мнѣ начать оную уже письмомъ будущимъ, а сіе симъ окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 26 дня 1808 года).

Дворяниново.

1774.

Письмо 170-е.

Любезный пріятель! Итакъ, наступилъ у насъ новой и 1774 также весьма важной и достопамятный годъ какъ для меня въ моей жизни, такъ и по многимъ другимъ важнымъ произшествіямъ случившимся въ оной. Мы начали провождать его отмѣнно весело въ сообществѣ не только новопріѣзжихъ къ намъ дорогихъ, милыхъ и любезныхъ гостей, которыхъ мы какъ возможно лучше угостить у себя старались, но и всѣхъ нашихъ здѣшнихъ ближнихъ родныхъ и лучшихъ друзей и пріятелей. Всѣ они къ намъ къ сему времени съѣхались и вмѣстѣ съ нами начали сей годъ провождать въ увеселеніяхъ всякаго рода. Не было ни одного дня во всѣ тогдашнія святки, въ которой бы домъ нашъ не наполненъ былъ множествомъ гостей, несмотря какъ ни дурна случилась быть тогда погода, и мы изобрѣтали и выдумывали все, чѣмъ бы могли сдѣлать пребываніе здѣсь дальнимъ гостямъ нашимъ пріятнѣйшимъ. Итакъ, господствовали у насъ въ сіе время однѣ только разныя игры, смѣхи, издѣвки и забавы, и какъ случилось, что и племянникъ мой былъ весьма веселаго, шутливаго и забавнаго характера, то помогалъ очень много и онъ своими шуточками и издѣвками къ увеселенію нашего общества. Словомъ, мы давно не имѣли у себя такихъ пріятныхъ и веселыхъ святокъ, и за ежедневными увеселеніями и не видали, какъ протекли тѣ десять дней, которые пробыли у насъ наши дальніе гости.

Какъ они расположились проѣхать отъ насъ въ Кашинъ къ нашимъ тамошнимъ роднымъ, то старались они преклонить и насъ къ ѣздѣ туда-же вмѣстѣ съ ними, и чтобъ проводить ихъ до жительства племянницъ моихъ Травиныхъ. А поелику и намъ давно уже хотѣлось ихъ навѣстить, то и не имѣли они въ томъ дальнаго труда, и мы согласились на то охотно.

Итакъ, распорядивъ свои домашнія дѣла, и оставивъ меньшихъ своихъ дѣтей

у тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой, и отправились мы съ ними въ Кашинъ. По пріѣздѣ нашемъ въ Москву, пристали мы въ домѣ у пріятеля моего, господина Полонскаго, на Поварской. Мы нашли его уже живущаго въ новыхъ своихъ великолѣпныхъ и со вкусомъ построенныхъ и меблированныхъ палатахъ. Онъ былъ пріѣзду нашему очень радъ, и тотчасъ для пребыванія нашего отвелъ намъ особой приворотній флигель, чѣмъ мы были въ особливости и довольны, потому что могли имѣть тамъ болѣе свободы и быть менѣе связанными.

Пребываніе наше въ сей разъ въ семъ столичномъ городѣ было не долговременное и продлилось только немногіе дни, употребляемые племянникомъ моимъ на исправленіе нѣкоторыхъ покупокъ. Что касается до меня, то я воспользовался симъ случаемъ для отданія въ переплетъ всѣхъ моихъ послѣднихъ сочиненій, а особливо своей «Дѣтской философіи». Наилучшимъ переплетчикомъ въ Москвѣ почитался тогда г. Ридигеръ, отправлявшій тогда только ремесло сіе. Они были тотчасъ ему вручены, и самой сей случай впервые тогда познакомилъ меня съ симъ человѣкомъ, съ которымъ имѣлъ я потомъ столь много дѣла и связь дружескую.

Кромѣ сего непреминулъ я повидаться съ нѣкоторыми изъ моихъ родныхъ и знакомцевъ, находившихся тогда въ Москвѣ. Помышлялъ-было я и къ старому князю Гагарину для изъявленія ему своего почтенія, но, подумавъ, и раздумалъ опять. Показалось мнѣ, что будетъ неловко показаться мнѣ къ нему послѣ сдѣланнаго отказа, и подумалось, чтобъ не возмечталъ онъ еще, что я въ томъ раскаиваюсь и къ нему подбиваюсь въ милость; итакъ, разсудилъ лучше оставить его съ покоемъ. Не удалось мнѣ также побывать и въ межевой канцеляріи и распровѣдать о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ г. Пашкова съ его брошеннымъ и неоконченнымъ межеваньемъ. Краткость времени и случившіеся праздничные дни не допустили меня до того въ тогдашній разъ. Мнѣ случилось только, и то нечаяннымъ образомъ, свидѣться съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ, пріѣхавшимъ также тогда въ Мокву для нуждъ своихъ, и крайне обрадовавшимся меня увидѣвъ, и убѣдившимъ меня неотступными просьбами побывать у него, хотя на часокъ, стоявшаго у своихъ братьевъ въ домѣ. И я дѣйствительно къ нему ѣздилъ, и былъ всячески угощенъ братьями его, людьми весьма умными и почтенными, и былъ пріемомъ и угощеніемъ ихъ весьма доволенъ. Но о дѣлѣ нашемъ съ Пашковымъ и о его намѣреніяхъ ни онъ, ни они ничего не знали и не могли ничего провѣдать, что было, и не удивительно, потому что Пашковъ, какъ мы послѣ уже о томъ узнали, всячески старался скрыть свою неудачу отъ всего свѣта; и не о продолженіи своего предпріятія, а о томъ наиглавнѣйше помышлялъ, какъ бы утаить и скрыть подъ спудъ всѣ бумаги и дѣла, писанныя во время тогдашняго его межеванья, что ему и не трудно было, по той причинѣ, что главнымъ членомъ въ межевой канцеляріи былъ тогда родственникъ его, господинъ Зинбулатовъ, которой собственно и давалъ ему тогдашняго межевщика. Но какъ онъ ни съ чѣмъ въ Москву возвратился, и ему все происходившее у насъ тамъ пересказалъ, то сей, будучи ему хотя родственникомъ и пріятелемъ, но сказалъ ему прямо, что когда такая бѣда сотворилась и вся степь наша названа государевою землею, то нечего ужъ дѣлать, и что и ему не можно уже никакъ помочь; а присовѣтовалъ ему продолжать владѣть только тѣми мѣстами, которыми онъ владѣлъ и дожидаться генеральнаго въ тѣхъ мѣстахъ межеванья; почему и взятъ былъ отъ него межевщикъ и откомандированъ въ другое мѣсто; а всѣ письменныя его дѣла положены подъ спудъ до поры до времени, ибо по желанію Пашкова совершенно ихъ уничтожить никакъ было не можно.

Впрочемъ, въ самую сію въ Москвѣ бытность узнали мы о загремѣвшемъ вездѣ слухѣ о появившемся на Яикѣ бездѣль-

никѣ бунтовщикѣ Емелькѣ Пугачовѣ, дерзнувшемъ назвать себя умершимъ бывшимъ императоромъ Петромъ Третьимъ и о безпорядкахъ и смятеніяхъ, произведенныхъ имъ въ тамошнихъ низовыхъ мѣстахъ. Всѣ смѣялись только тогда дерзновенію сего злодѣя и надѣялись, что отправленныя для усмиренія его команды скоро все сіе уничтожатъ и злодѣйствамъ его скоро конецъ сдѣлаютъ. Но какъ мало знали всѣ мы тогда что̀ воспослѣдуетъ послѣ, и какой великій пожаръ произведетъ сія искра!

Проводивъ нѣсколько дней въ Москвѣ съ нашими гостями, и побывавъ съ ними во всѣхъ соборахъ, также и въ театрѣ, отправились мы, наконецъ, въ свой дальнѣйшій путь, о которомъ скажу только то, что былъ онъ намъ очень веселъ. Ѣхали мы превеликимъ обозомъ и доброю компаніею; становились на квартирахъ вмѣстѣ, и не было ни одного ночлега, гдѣ бы мы, по веселому нраву моего племянника, не провели время своего въ смѣхахъ, шуткахъ и въ пріятныхъ и веселыхъ разговорахъ.

Какъ во все путешествіе не случилось съ нами никакихъ остановокъ и ничего особливаго, то въ немногіе дни и доѣхали мы до Кашинскаго уѣзда и до села Веденскаго, и обрадовали племянницъ своимъ пріѣздомъ. Какъ оной былъ ими совсѣмъ неожидаемъ, то не могу изобразить сколь велико было ихъ удовольствіе, когда онѣ и насъ и псковскихъ нашихъ родныхъ у себя увидѣли. Онѣ не хотѣли почти вѣрить глазамъ своимъ, а особливо старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, которой племянникъ мой былъ болѣе всѣхъ знакомъ, потому что она жила не малое время у нихъ въ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ почти воспитывалась. Слезы радости и удовольствія текли у нихъ у всѣхъ изъ глазъ, и онѣ не находили довольно словъ къ возблагодаренію всѣмъ намъ за пріѣздъ нашъ и не знали чѣмъ и какъ лучше угостить всѣхъ насъ у себя.

Какъ вмѣстѣ съ собою привезли мы къ нимъ и брата ихъ Александра Андреевича, то были онѣ и тѣмъ чрезвычайно довольными. Онѣ увидѣли его уже нѣсколько поднявшимся въ ростѣ и перемѣнившимся во многомъ съ того времени, какъ онѣ съ нимъ въ послѣдній разъ разстались, и благодарили меня за всѣ старанія, употребленныя при воспитаніи и обученіи его.

Онѣ затѣвали-было дѣлать для насъ тотчасъ праздники и пиры и сзывать къ себѣ всѣхъ своихъ сосѣдей и друзей; но мы ихъ тотчасъ въ томъ остановили, сказавъ, чтобъ онѣ отложили сіе до другого времени впередъ, и что въ сей разъ пробудетъ у нихъ Михайла Васильевичъ не долго, а поѣдетъ отъ нихъ на короткое время въ свою ярославскую деревню, съ намѣреніемъ возвратиться оттуда опять къ нимъ, и что тогда да будетъ уже ихъ въ томъ воля. Итакъ, провели мы у нихъ немногіе дни пребыванія въ сей разъ у нихъ племянника моего въ семейственномъ только сообществѣ между собою, но, несмотря на то, въ удовольствіи превеликомъ.

Проводивъ Михаила Васильевича въ Ярославль, по неотступной просьбѣ и убѣжденію хозяекъ, остались мы у нихъ на все то время, покуда проѣздятъ наши общіе гости въ Ярославль. Они обѣщали возвратиться къ намъ непремѣнно къ масляницѣ и сдержали свое слово.

Между тѣмъ провели мы все сіе время наиболѣе въ разъѣздахъ и свиданіяхъ со всѣми ихъ сосѣдями и прежними моими знакомцами и друзьями. Домы госпожи Калычовой, г. Баклановскаго, г. Коржавина и нѣкоторые другіе были тогда нами посѣщены съ нашими племянницами, и вездѣ были мы съ удовольствіемъ принимаемы и угащиваемы. Вездѣ были намъ ради, и всѣ старались къ намъ всячески ласкаться; а пріѣзжали и къ намъ многіе изъ нихъ и прочихъ ихъ сосѣдей; а за всѣмъ тѣмъ и не видали мы, какъ прошелъ весь тогдашній короткой мясоѣдъ и приближилась и самая масляница, случившаяся тогда въ исходѣ февраля мѣсяца.

При свиданіи съ знакомцемъ и пріятелемъ моимъ, господиномъ Баклановв-

скимъ, непреминули мы опять заниматься любопытными разговорами о наукахъ, книгахъ и садахъ, и не одну, а многія минуты провели съ отмѣннымъ удовольствіемъ, и не было свиданія, при которомъ бы мы не занимались съ нимъ тѣмъ по нѣскольку часовъ сряду.

Наконецъ, возвратились изъ путешествія своего и наши псковитяне, и пріѣхали дѣйствительно къ намъ при началѣ масляницы. А тогда и начались у насъ прямо ежедневные почти пиры и праздества, и вымышляемы были всѣ роды забавъ и увеселеній, свойственныхъ днямъ симъ. На дворѣ у нихъ сдѣлана была для катанья прекрасная гора. Сосѣди ихъ пріѣзжали къ намъ почти ежедневно, и не было дня, которой не провели бы мы въ смѣхахъ, играхъ и всякаго рода забавахъ и увеселеніяхъ, причемъ натурально не забываемо было и самое катанье.

Наконецъ, насталъ нашъ и великой постъ и положилъ предѣлъ всѣмъ нашимъ забавамъ и увеселеніямъ, а вкупѣ и пребыванію въ кашинскихъ предѣлахъ. Съ наступленіемъ онаго надлежало и Михайлѣ Васильевичу и намъ ѣхать во-свояси, и 3-е число марта былъ тотъ день, въ которой пролито много слезъ при общемъ нашемъ другъ съ другомъ разставаньи. Мы такъ уже всѣ свыклись между собою, что для насъ всѣхъ разставанье сіе было очень печально и горестно. Но никто съ такою чувствительностью не разставался съ нашими псковскими родными, какъ мои племянницы. Онѣ, ровно какъ предчувствуя, что разстаются съ ними на весь свой вѣкъ, и что имъ не удастся болѣе уже никогда ихъ видѣть, проливали цѣлые ручьи слезъ при разставаніи и провожаніи оныхъ. Что касается до насъ, то мы имѣли къ тому еще нѣкоторую надежду, ибо дали имъ обѣщаніе побывать и у нихъ во Псковѣ, когда не въ слѣдующій годъ, такъ въ будущій за онымъ. Но, ахъ! какъ сильно обманулись и мы въ своихъ заключеніяхъ о будущемъ времени и сколь мало знали тогда, что судьба и самому (мнѣ) не прежде дозволитъ видѣть сихъ ближнихъ родныхъ моихъ, какъ по прошествіи почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ съ того времени, а семьянинокъ моихъ лишитъ удовольствія сего даже и до теперешняго времени; и могли-ль мы тогда воображать себѣ, что онѣ видѣли ихъ тогда и въ первой и въ послѣдній разъ? Вотъ что дѣлаетъ отдаленность родныхъ другъ отъ друга!

Мы поѣхали въ самое то же время отъ нихъ и поспѣшали возвратиться въ домъ свой. По пріѣздѣ въ Москву, не стали мы долго медлить въ оной, и, остановившись опять у г. Полонскаго, пробыли не болѣе однѣхъ сутокъ въ сей столицѣ. И я успѣлъ только взять отъ Ридигера переплетенныя мои книги и забѣжать на часокъ въ нѣмецкую книжную лавку, у Воскресенскихъ воротъ, въ которой Ридигеръ сидѣлъ уже тогда сидѣльцемъ, и купить себѣ нѣсколько новыхъ нѣмецкихъ книгъ для деревни.

Впрочемъ узнали мы, что слухъ о Пугачевѣ не только не уничтожился, но увеличивался отъ часу больше. Намъ насказали уже столько о худыхъ успѣхахъ посыланныхъ для усмиренія его командъ и о всѣхъ его злодѣйскихъ дѣяніяхъ, что мы ясно видѣли, что дѣло сіе не походило уже нимало на шутку, а становилось часъ отъ часу важнѣйшимъ и сумнительнѣйшимъ, и потому поѣхали мы изъ Москвы весьма съ непріятными о семъ предметѣ мыслями.

Въ деревню свою пріѣхали мы около 11-го марта, что случилось уже быть на второй недѣли великаго поста, и, къ удовольствію своему, нашли всѣхъ дѣтей своихъ и здоровыми и благополучными. Тутъ, къ удивленію своему, нашелъ я опять два пакета, полученныхъ безъ меня ко мнѣ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества.

Я, развернувъ первой, удивился, нашедъ въ немъ письмо отъ г. Нартова, писанное еще 9-го декабря минувшаго года, слѣдовательно, шедшее ко мнѣ ровно три мѣсяца. Въ ономъ бомбандировалъ онъ меня опять просьбами о скорѣйшемъ увѣдомленіи его о себѣ и о сво-

ихъ обстоятельствахъ, и опять наполнилъ все письмо свое дружескими изъявленіями сожалѣнія своего о пресѣченіи нашей переписки и удивленіемъ, что онъ не знаетъ тому причины. Наконецъ говорилъ, что Экономическое Общество препоручило ему сообщить мнѣ пьесу о истребленіи червей на пашняхъ и желаетъ, чтобъ я по оной сдѣлалъ опыты, и прочее.

Второе-же письмо было официіальное, отъ имени всего Общества и во всей формѣ препоручительное мнѣ, или предписывающее, чтобъ я непремѣнно сдѣлалъ всѣ нужные опыты по приложенной книжкѣ и формѣ и рисунку сохи, относящіеся до истребленія сихъ червей на пашняхъ, за подписаніемъ того-жъ г. Нартова, но уже 9-го января 1774 года; и сіе шло уже два мѣсяца.

Оба сіи письма меня удивили и нѣкоторымъ образомъ сконфузили. Я не могъ опять довольно надивиться неполученію Нартовымъ моихъ писемъ и сожалѣлъ о томъ искренно. Съ другой же стороны препорученіе мнѣ Обществомъ коммисіи, относящейся до предпринимания опытовъ къ истребленію червей, было мнѣ нѣкоторымъ образомъ не только непріятно, но и отяготительно. «Чтожъ такое? думалъ и говорилъ я самъ себѣ: — господа сіи, отъ которыхъ я, какъ отъ козловъ, ни шерсти, ни молока, или никакого добра себѣ еще не видалъ, кромѣ пустыхъ и малозначущихъ похвалъ, недовольны будучи еще тѣмъ, что тружусь, пишу, хлопочу и убытчусь при отсыланіи къ нимъ своихъ писемъ и сочиненій, платя за то очень дорого, безъ всякаго за то возмездія, вздумали еще, такъ сказать, и верхомъ на мнѣ ѣздить и дѣлать мнѣ предписанія... Дѣлай-ста я въ угожденіе имъ разные опыты и по рисункамъ сохи, и лихія болѣсти, и увѣдомляй ихъ объ оныхъ. Хоть бы, право, и потише разъ!... и что право за диковинка»? и такъ далѣе. И какъ по счастію въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣхъ червей въ хлѣбахъ, о какихъ они упоминали, никогда не бывало и намъ они неизвѣстны, то положилъ я отвѣтствовать имъ коротко, что въ здѣшнихъ мѣстахъ червей такихъ нѣтъ и никогда по сіе время не бывало, и что опыты по ихъ предписанію дѣлать мнѣ не надъ чѣмъ, и тѣмъ отъ сей коммисіи отдѣлаться.

Все теченіе великаго поста препроводилъ я въ обыкновенныхъ своихъ кабинетныхъ упражненіяхъ и во все, остающееся мнѣ отъ разъѣздовъ по гостямъ и принимания ихъ у себя, время употреблялъ отчасти на чтеніе прежнихъ и вновь купленныхъ и съ собою изъ Москвы привезенныхъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ; а какъ начали дни уже гораздо увеличиваться, и компатною своею ранжереею, или горшками, коими всѣ окна въ домѣ моемъ были установлены. Неимѣніе у себя ни ранжереи, ни теплицы, ни самыхъ парниковъ, къ чему ко всему не имѣлъ я никогда дальней охоты, награждалъ я недостатокъ оныхъ ящиками и горшками, содержимыми въ комнатахъ, и при приближеніи каждой весны все нужное въ нихъ самъ садилъ, сѣялъ и возращалъ, что и доставляло мнѣ еще больше удовольствія, нежели инымъ самыя ранжереи и теплицы.

Кромѣ сего, по обыкновенію своему, занимался я при увеличившихся дняхъ и въ сей годъ опять разными родами рисованья, какъ водяными, корпусными и сухими, такъ и самыми масляными красками. и дѣлалъ сіе какъ для собственнаго своего удовольствія, такъ и для наставленія и приучиванія къ тому же обоихъ моихъ сотоварищей и учениковъ. Ибо я не только привезъ съ собою опять обратно племянника своего Травина, но по возвращеніи въ домъ свой, взялъ опять къ себѣ и старшаго сына сосѣда моего г. Ладыженскаго, Никиту Александровича. Сихъ-то обоихъ, такъ сказать, воспитанниковъ своихъ старался спознакомливать я, сколько могъ, не только съ нужнѣйшими для нихъ науками, но и съ рисованьемъ всякаго рода, а сверхъ того, какъ нерѣдко гащивали у меня и обѣ дочери тетки Матрены Васильевны Арцыбышевой, то дѣлалъ сіе нѣкоторымъ образомъ и для нихъ, дабы преподать и имъ нѣкоторое о томъ

понятіе. А все сіе и доставляло мнѣ множество минутъ пріятныхъ и помогало время сіе проводить съ удовольствіемъ.

Какъ въ числѣ купленныхъ въ Москвѣ мною нѣмецкихъ книгъ были нѣкоторыя, относящіяся и до натуральной исторіи, которыя мнѣ нужны были для почерпанія изъ нихъ нужнаго при продолжаемомъ по временамъ сочиненіи моей «Дѣтской философіи», и между ими находилась и одна ботаническая книга, а именно Рейгерово описаніе дикорастущихъ въ окрестностяхъ Данцига произрастеній, расположенное по ихъ разнымъ родамъ, отродіямъ и видамъ; то особливаго замѣчанія было достойно, что при читаніи оной не только получилъ я общее и довольно достаточное понятіе о сей части натуральной и доселѣ мнѣ незнакомой еще части натуральной исторіи, но получилъ даже и самую охоту къ ботаникѣ, и потому съ неописанною нетерпѣливостью дожидался сошествія снѣга и наступленія весны, дабы мнѣ, по руководству сей книги, тотчасъ начать спознакомливаться со всѣми растущими у насъ дикими травами и другими произрастеніями, и чрезъ разсматриваніе состава ихъ цвѣтковъ узнавать ихъ роды, отродія и имена, приданныя имъ отъ ботаниковъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ и другихъ экономическихъ любопытныхъ занятіяхъ и не видалъ почти я, какъ прошелъ и весь нашъ великой постъ; а начавшіяся тали и обнаженіе земли отъ снѣга и послѣдовавшая затѣмъ прекрасная всегда въ нашемъ селеніи половодь, подали мнѣ новые поводы къ увеселеніямъ и забавамъ душевнымъ. Признаюсь, что мнѣ всегда сіе время бывало въ особливости любезно и пріятно, и возобновляло въ душѣ моей новыя и наипріятнѣйшія чувствованія. Съ отмѣннымъ и превеликимъ удовольствіемъ сматривалъ я всегда на яркую бѣлизну, въ мартѣ, начинающихъ уже таять снѣговъ; на отмѣнную ясность солнца и свода небеснаго, на обнажающіеся кой-гдѣ первые бугорки земли; на первыя капели съ кровли и ручейки снѣжной воды и на всѣ особыя движенія всѣхъ животныхъ, и потомъ на самую половодь, меня всякой разъ отмѣнно увеселяющую; а книги, содержащія въ себѣ описанія красотъ натуры, которыя обыкновенно я въ сіи времена читывалъ, дѣлали мнѣ въ томъ великое вспомоществованіе и производили то, что всѣ, и такіе предметы, на которые смотрятъ множайшіе люди безъ всякихъ чувствій и удовольствія, производили собою въ душѣ моей наисладчайшія и пріятнѣйшія движенія оной и доставляли мнѣ тысячу минутъ пріятныхъ.

Наконецъ сошелъ у насъ снѣгъ, прошла половодь, стала наступать уже весна и началось время, удобное и способное уже къ копанію земли и первѣйшимъ садовымъ работамъ. Сего времени я уже давно съ нетерпѣливостью дожидался, ибо хотѣлось мнѣ произвести въ сію весну одно, давно уже затѣянное и нѣкоторымъ образомъ еще въ 1772 году начатое, весьма большое и важное дѣло, а именно: до сего имѣлъ я у себя хотя два или паче три нарочитой величины сада, но всѣ они далеко не въ состояніи были удовлетворить собою моей охоты къ садамъ; мнѣ казалось, что все еще ихъ было мало, и хотѣлось завести еще одинъ, гораздо всѣхъ ихъ обширнѣйшій и уже не регулярной, а единственно плодовитой и назначенной быть всегда продажнымъ и къ доставленію мнѣ собою знаменитаго прибытка. Желаніе къ сему уже давно во мнѣ возродилось, но долго я самъ съ собою не соглашался, гдѣ назначить подъ него мѣсто, ибо въ прежней усадьбѣ своей, по великой тѣснотѣ и ограниченности оной, не было нигдѣ празднаго и способнаго къ тому мѣста; а изъ полевой земли назначить къ тому оное, какъ единое остающееся мнѣ средство, мѣшало то, что ближнія пашни не всѣ были мои, но перемѣшаны чрезполосно съ сосѣдскими, и оставалось только развѣ поразмѣняться съ ними и вымѣнить хотя нѣсколько десятинъ къ одному мѣсту.

Какъ сіе наконецъ мнѣ и удалось, и я увидѣлъ цѣлыя три десятины, сряду и подлѣ самой моей усадьбы за прудами лежащія, въ моемъ собственномъ владѣніи, то не долго думая и назначилъ я всѣ ихъ подъ новозатѣваемой большой садъ. И какъ все сіе великое пространство мѣста вдругъ обнесть какою-нибудь оградою былъ я не въ состояніи, то положилъ на первой случай окопать все оное глубокимъ рвомъ и оградить земляным валомъ, что и начали мы производить въ дѣйство еще въ 1772 году и въ послѣдующій за онымъ; и какъ работа сія была уже кончена, а между тѣмъ подготовлено было у меня уже нарочитое число прививочныхъ и отводковыхъ яблонокъ, то и дожидался я сей весны для перваго посаженія всѣхъ ихъ уже въ оной и къ сдѣланію чрезъ то ему формальнаго уже основанія.

Итакъ, не успѣлъ сойтить снѣгъ и мѣсто сіе отъ него опростаться и сколько нибудь обчахнуть, какъ и приступилъ я тотчасъ къ назначенію мѣстъ въ немъ подъ деревья и къ посадкѣ оныхъ. И особливаго замѣчанія достойно, что случилось сіе въ самую великую пятницу, бывшую въ сей годъ 18 апрѣля, и я работою сею такъ занялся, что провелъ весь день съ утра до вечера въ оной не ѣвши и не пивши ничего и не чувствовавшаго даже къ тому и охоты. Совсѣмъ тѣмъ всѣхъ заготовленныхъ и поспѣвшихъ къ пересадкѣ яблонокъ далеко не достало на занятіе ими всего пространства, а всего стало только съ небольшимъ на половину онаго; а поелику заведенъ онъ на пашенной полевой землѣ, то самое сіе и подало мнѣ поводъ назвать его **полевымъ** садомъ, которой впослѣдствіи времени и былъ хотя подверженъ многимъ несчастіямъ, но, существуя и по нынѣ, приноситъ мнѣ уже доходъ довольно изрядной.

Наставшую послѣ сего Святую недѣлю провели мы по прежнему обыкновенію довольно весело, въ разныхъ свиданіяхъ съ родными своими и сосѣдями и въ забавахъ, сему времени свойственныхъ. А какъ между тѣмъ начала уже оживать и трава и показываться кой-гдѣ разные цвѣточки, то по намѣренію моему и непреминулъ я за первое въ жизни моей ботанизированіе, или при помощи книги моей разсматривать всѣ оные уже ботаническими глазами и узнавать къ какому классу, породѣ и отродію принадлежитъ то произрастеніе, и какъ которое изъ нихъ собственно называется. И Боже мой! какое неописанное удовольствіе я имѣлъ, когда первые опыты стали удаваться мнѣ наивожделѣннѣйшимъ образомъ, и когда, по ботаническимъ примѣтамъ узнавъ породу, узнавалъ вкупѣ и оффиціальныя, и ботаническія названія онымъ, и сколько пріятныхъ и неоцѣненныхъ минутъ оні мнѣ доставляли! Не успѣвалъ я узнать собственное латинское и нѣмецкое названіе какой-нибудь разсматриваемой травки, какъ благимъ матомъ хватался я за **Цынковъ** Экономическій и **Гибнеровъ** натуральной лексиконы и пріискивалъ уже въ нихъ статьи подъ сими названіями, и какъ радовался, когда находя описанія онымъ сходныя съ описаніемъ **Рейгера**, находилъ вкупѣ и упоминанія о томъ, какія которая изъ нихъ имѣла свойства и силы, и которыя изъ нихъ принадлежали къ врачебнымъ и способны были помогать отъ какихъ болѣзней. И Боже мой! какъ много увеличивалось тогда чувствуемое мною удовольствіе, когда узнавалъ я, что иная довольно намъ извѣстная и нами нимало неуважаемая травка достойна была иногда наивеличайшаго нашего, по цѣлебнымъ ея силамъ, примѣчанія и уваженія. Я прыгалъ почти иногда при такихъ случаяхъ отъ радости, и съ узнаваніемъ вновь какой-нибудь травы получалъ вновь, равно какъ нѣкоего новаго себѣ друга и знакомца, и удовольствіе мое было неизреченно.

Вотъ въ которое время стали начинаться всѣ мои ботаническія знанія, доставившія мнѣ впослѣдствіи времени случай и возможность сдѣлаться съ сей стороны полезнымъ своему отечеству и доставить безчисленному множеству соотечественниковъ моихъ не только нынѣш-

нимъ, но и самымъ потомкамъ ихъ существительную пользу, и заслужить чрезъ то несчетныя благодаренія отъ оныхъ.

Въ таковыхъ-то пріятныхъ и полезныхъ занятіяхъ, вмѣстѣ съ прочими весенними садовыми упражненіями, препроводилъ я все достальное время мѣсяца апрѣля, а тѣмъ же самымъ продолжалъ я заниматься и въ наступившій потомъ май мѣсяцъ.

Въ теченіе онаго имѣлъ я удовольствіе получить опять изъ Петербурга превеликой пакетъ изъ Экономическаго Общества; но какимъ удивленіемъ поразился я, нашедъ въономъ одну только книгу, содержащую въ себѣ XXII-ю часть Трудовъ Общества, а письма приложеннаго къ ней ни отъ кого и никакого не было. Я не зналъ и не понималъ, чтобъ такое сіе значило и подумалъ, что не разсердился-ли на меня г. Нартовъ, что не захотѣлъ удостоить меня въ сей разъ письмомъ своимъ. Но какъ увеличилось удивленіе мое, когда начавъ разсматривать сію книгу, въ которой безсомнѣнно надѣялся я найтить послѣднія свои сочиненія напечатанными, увидѣлъ, что ни одного изъ всѣхъ ихъ не было, хотя онѣ давнымъ-давно были уже отъ меня отправлены; а вся она, несмотря на всю свою толстоту и на печатаніе на прекрасной александрійской бумагѣ, содержала одно только пространное сочиненіе г. Шретера и сочиненіе самое вздорное, глупое и ни малѣйшей никому пользы принесть не могущее. «Боже мой! что-жъ такое будетъ! воскликнулъ я съ нарочито огорченнымъ духомъ:—вздоръ такой печатаютъ и занимаютъ имъ цѣлыя книги, а такія хорошія и прямо полезныя для многихъ замѣчанія и сочиненія, каковы мои, лежатъ у нихъ и прѣютъ, или, что того еще хуже, можетъ быть и совсѣмъ не напечатаются. Въ состояніи ли таковая медленность побуждать и наиусерднѣйшаго человѣка къ продолженію трудовъ своихъ и заохотить къ дальнѣйшей и многокоштной пересылкѣ къ нимъ трудовъ своихъ? Какъ давно отправилъ я уже къ нимъ всѣ послѣднія свои прекрасныя и важныя пьесы, и сколько времени жду и не могу дождаться видѣть ихъ напечатанными? И что-жъ это будетъ, и при такой удивительной медленности сколько лѣтъ къ тому будетъ потребно, чтобы успѣть имъ напечатать все то, что на умѣ и въ намѣреніи моемъ было сообщить имъ изъ всѣхъ безчисленныхъ и прямо полезныхъ вещахъ, мнѣ сдѣлавшихся извѣстными и достойныхъ преданными быть тисненію. Теперь не удивляюсь я тому, говорилъ я далѣе, что всё наше Экономическое Общество нимало ни кѣмъ не уважается, и что лишилось оно и отъ тѣхъ уваженія, которые онымъ его еще удостоивали. При такомъ порядкѣ лучшаго и ожидать не можно».

Симъ и подобнымъ сему образомъ изъявлялъ я свое неудовольствіе на оное и въ чувствуемой досадѣ полагалъ не посылать къ нимъ впредь ничего и не трудиться для нихъ попустому, покуда не увижу послѣднихъ моихъ пьесъ въ трудахъ ихъ напечатанными.

Между тѣмъ, какъ настала уже совершенная весна, то вспомнилъ я о обѣщаніи моемъ, данномъ шадскимъ моимъ сосѣдямъ, чтобъ пріѣхать къ нимъ сею весною для измѣренія всѣхъ ихъ дачъ и для разровненія ихъ по душамъ между деревнями, но не зналъ, что тогда дѣлать и предпринимать-ли мнѣ сіе путешествіе, или нѣтъ? Сколь ни горячо я тогда въ сіе дѣло вступился, и какъ ни ревностно хотѣлъ предпріять для пользы всѣхъ ихъ сей необъятно великій трудъ, но жаръ сей имѣлъ время гораздо попростыть, а здравѣйшія размышленія обо всѣхъ тамошнихъ и своихъ обстоятельствахъ и гораздо оной простудили, или паче совсѣмъ уничтожили; ибо, во-первыхъ, за бездѣйствіемъ Пашкова не находилъ я никакой дальней надобности къ поспѣшенію симъ дѣломъ; во-вторыхъ, сомнѣвался я, и не безъ основанія, что едва-ли будетъ на то и единодушное согласіе всѣхъ жителей тамошнихъ деревень, и не произойдетъ-ли тысячи препонъ и помѣшательствъ мнѣ въ

томъ дѣлѣ? Мысли объ одномъ Рахмановѣ и о нагломъ и скверномъ его характерѣ устрашали меня невѣдомо сколько. «И что-жъ будетъ, говорилъ я самъ себѣ:—если я проѣзжу туда попустому и не только изубытчусь и трудамъ подвергну себя самопроизвольно безчисленнымъ, но и въ домѣ чрезъ отлучку на все лѣто, или по меньшей мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, во всемъ сдѣлаю упущеніе, а всѣмъ тѣмъ ничего добраго не сдѣлаю и можетъ быть, что всего и вѣроятнѣе, съ одною только досадою и стыдомъ отъ тщетной и напрасной ѣзды возвратиться принужденъ буду домой».

Тако размышляя и нѣсколько разъ самъ съ собою разговаривая, я, признаться, не имѣя охоты разстаться съ своими садами и съ спокойною своею деревенскою жизнію, сказалъ я наконецъ самъ себѣ: «Нѣтъ, нѣтъ! Оставайся-ка они тамъ съ Богомъ и живи, какъ жили прежде, до поры до времени; а ты, мой другъ, Андрей Тимоѳеевичъ, на невѣрное не пускайся и безъ дальней надобности не подвергай себя безчисленнымъ трудамъ и безпокойствамъ, а оставайся-ка себѣ благополучно въ своемъ Дворяниновѣ и занимайся по прежнему своими садами и другими для тебя любезными и счастіе твоихъ дней составляющими упражненіями».

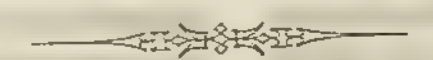
Симъ образомъ рѣшившись не ѣхать, а оставшись дома проживать по прежнему свое время въ своей деревнѣ, началъ я помышлять о томъ, въ чемъ бы и въ чемъ препроводить мнѣ тогдашнее лѣто, какія предпріять новыя въ садахъ работы, и въ чемъ, и въ чемъ заниматься мнѣ лучше и располагать въ мысляхъ все то, что предварительно къ тому было нужно.

Но, ахъ! какъ мало зналъ я тогда, что воспослѣдуетъ чрезъ немногіе послѣ того дни и часы! И могъ-ли я подумать, что тогда доживалъ я не только послѣдній годъ, но и послѣдніе дни и часы въ моей деревнѣ, и что уже давно начался тотъ мѣсяцъ, въ которой Промыслу Господню угодно было перемѣнить все мое положеніе и назначить тогдашніе дни быть послѣдними пребыванія и жительства моего въ деревнѣ, и что уже готово было совсѣмъ назначенное для меня имъ иное и новое поприще къ прохожденію въ моей жизни. Словомъ, весь помянутой счетъ мой дѣланъ былъ совсѣмъ безъ хозяина, и явившаяся вдругъ предъ крыльцомъ моимъ кибитка и вышедшій изъ ней совсѣмъ незнакомой для меня человѣкъ разрушилъ вдругъ и въ одинъ почти мигъ всѣ помянутые мои замыслы и затѣи, и заставилъ думать о иныхъ и несравненно важнѣйшихъ предметахъ.

Но о семъ начну разсказывать вамъ уже въ послѣдующемъ за симъ собраніи моихъ писемъ, а теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ XVI-й части.

(Кончена сочиненіемъ декабря 26-го дня 1808, а перепискою февраля 8-го дня 1810 года).



ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVII.

Въ Дворяниновѣ: сочинена въ началѣ 1809 года, переписана 1810 года.

Исторія моего пребыванія въ Кіясовкѣ.

1774 годъ.

Письмо 171-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ прервалъ я повѣствованіе мое тѣмъ, что вдругъ и противъ всякаго чаянія и ожиданія явилась предъ крыльцомъ дома моего кибитка, и вышедшій изъ ней совсѣмъ мнѣ незнакомой человѣкъ разрушилъ въ одинъ почти мигъ всѣ мои дальновидные замыслы и помышленія о томъ, въ чемъ и въ какихъ занятіяхъ и дѣлахъ препроводить мнѣ тогдашнее лѣто, и какъ бы расположить жизнь мою такъ, чтобъ была она для меня пріятнѣе и веселѣе, и обратилъ всѣ мысли и помышленія мои на иные предметы.

Не сомнѣваюсь, что слова сіи были тогда для васъ загадкою, и что вы съ любопытствомъ и теперь ожидаете отъ меня разрѣшенія оной. Сіе и долженъ я учинить, и вотъ слушайте что такое сіе было:

Помянутой кибиткѣ, запряженной тремя ямскими лошадьми, случилось прискакать на мой дворъ въ самое то время, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ любимомъ своемъ и спокойномъ уголкѣ и не помню что такое писалъ. Какъ она вмигъ прилетѣвъ къ крыльцу моему, находившимся подъ самымъ тѣмъ окошкомъ гдѣ я сидѣлъ, остановилась, то поразившись сею неожидаемостью смотрю я на выходящаго изъ ней и подлѣ самаго окна на крыльцо всходящаго человѣка съ любопытствомъ, и удивляюсь. Казался онъ мнѣ совсѣмъ незнакомымъ, небольшого роста, плотенъ собою и одѣтъ такъ, что я не зналъ: ни то онъ какой благородной, ни то изъ приказныхъ, ни то офицерскаго ранга, ни то иного какого.— «Господи! думалъ я тогда и въ мысляхъ говорилъ самъ съ собою: ктобы такой это былъ? не понимаю!.. и пошелъ встрѣчать его и принимать въ свою залу. Гость мой входитъ, кланяется мнѣ учтивымъ и пріятнымъ образомъ и не съ другого слова спрашиваетъ меня, я-ли Андрей Тимоѳеевичъ? — Точно я, говорю; но объ васъ смѣю спросить, съ кѣмъ имѣю я честь говорить? — «Я, судырь, Шебашевъ». — Имя ваше? — «Левъ Петровъ сынъ»! — А достоинство и чинъ вашъ? — «Секретарь, сударь», отвѣчаетъ онъ мнѣ.— Сіе меня еще болѣе удивило. «Господи! говорю я опять самъ себѣ, откуда бы такой и зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ». Однако не спрашивая еще о томъ говорю ему: «Милости прошу батюшка, пожалуйте сюда»; и зову его съ вѣжливостью и ввожу въ мою гостинную. Тутъ стараюсь я его посадить въ креслы, но онъ вмѣсто того достаетъ изъ кармана и подаетъ мнѣ письмо, запечатанное большою печатью съ изображенными на ней орденами. «Отъ кого бы это было»? думалъ я, и вдругъ развернувъ письмо спѣшу смотрѣть на подпись.—«Ба! воскликнулъ я поразившись удивленіемъ это конечно отъ князя Сергія Васильевича Гагарина»?—«Точно отъ него, сказалъ г. Шебашевъ, и я имѣю честь быть его секретаремъ. Его сіятельство приказалъ

вамъ кланяться и убѣдительнѣйше васъ о томъ просить, о чемъ онъ къ вамъ въ этомъ письмѣ писать изволилъ».

Сіе, натурально, увеличило еще мое удивленіе. Я усугубилъ мою просьбу о томъ, чтобъ онъ сѣлъ, и сѣвши самъ подлѣ его спѣшилъ читать сію бумагу. Но какою пріятною неожидаемостью поразился вдругъ я, когда читая увидѣлъ, что князь увѣдомлялъ меня, что онъ торгуетъ и хочетъ купить для государыни, не далеко отъ меня лежащую и тысячахъ въ четырехъ душъ состоящую Кіясовскую волость, и ласковѣйшимъ образомъ просилъ меня, чтобъ я взялъ на себя трудъ и со врупителемъ сего письма, его секретаремъ, котораго онъ нарочно ко мнѣ для сего отправилъ, съѣздилъ, осмотрѣлъ и описавъ сію волость къ нему бы въ Москву пріѣхалъ, и что естьли волость сія мнѣ понравится и онъ ее купитъ, то желалъ бы онъ, чтобъ я согласился принять на себя управленіе оною, въ которомъ случаѣ предлагалъ мнѣ 400 рублей жалованья, казенныхъ лошадей для ѣзды, и приличное количество хлѣба для моего содержанія.—И пересказавъ сіе оканчивалъ тѣмъ, что какъ волость сія лежитъ отъ жительства моего недалеко, и я зависѣть буду единственно отъ него, а не отъ кого другого, то и льстится онъ надеждою, что я не отрекусь желаніе и просьбу его выполнить.

Признаюсь, что вся кровь взволновалась во мнѣ при читаніи сей бумажки; краска выступила въ лицо, руки трепетали и сердце хотѣло выпрыгнуть, и я долго не могъ собраться съ мыслями и сыскать словъ въ отвѣтъ на его поклоны и повторяемыя именемъ князя о согласіи моемъ просьбы. — «Батюшка ты мой! сказалъ я ему наконецъ: дѣло сіе не составляетъ бездѣлки и такого рода, что мнѣ объ немъ неинако какъ наперёдъ хорошенько подумать и погадать надобно, и вы извините меня что я не могу еще сказать вамъ ничего рѣшительнаго о томъ».

— «Очень хорошо! подхватилъ онъ, и это самая правда! но всѣ обстоятельства кажутся таковы, что можно бы истинно вамъ на предложеніе сіе согласиться! Волость, какъ говорятъ, такая хорошая, мѣсто и должность будетъ никому непостыдная; жить будетъ гдѣ, есть, говорятъ, въ ней домъ господской каменной со всѣми принадлежностьми, а командиръ-то, комадиръ такой доброй, честной и любезной человѣкъ».

— «То такъ, подхватилъ я, все это хорошо, и все не худо; но батюшка ты мой, я и своимъ состояніемъ до сего времени былъ доволенъ, достатокъ имѣю хотя небольшой, но живу съ покоемъ и, по милости Господней, не терплю ни въ чемъ недостатка. Жить мнѣ, какъ видите вы сами, есть гдѣ, веселиться есть чѣмъ; стужи и нужды не терплю, ѣсть и пить есть что, голоднымъ никогда не бывалъ. Людей и деревень хотя не много, но тѣмъ меньше заботъ и трудовъ для управленія ими потребныхъ, и тѣмъ болѣе остается мнѣ свободнаго времени, для занимапія себя науками и разными другими упражненіями, которыя меня увеселяютъ и до конхъ я охотникъ. И сія свобода, государь мой, для меня всего дороже, и мнѣ весьма-бы весьма не хотѣлось съ нею разстаться».

— «Все это хорошо, подхватилъ г. Шебашевъ, но повѣрьте, что и тамъ вы много также свободы имѣть будете. Нужно вамъ будетъ сначала нѣсколько потрудиться и привесть все нужное въ порядокъ, а тамъ и будете жить какъ вамъ угодно. Князь у насъ такой доброй, такой милостивой, невзыскательной и добродушный человѣкъ, что я готовъ-бы умереть подъ его командою. Онъ-же васъ уже и теперь любитъ, а вѣрно полюбитъ еще болѣе и вы безсомнѣнно будете имъ довольны; а сверхъ того всегда, когда вамъ будетъ угодно, можете вы пріѣзжать и въ домъ свой, такъ близко — «Но, помилуй, подхватилъ я, гдѣ это лежитъ сія волость, что я объ ней и о имяни ея никогда не слыхивалъ»?—«Въ Коломенскомъ уѣздѣ, отвѣчалъ онъ, на большой дорогѣ изъ Москвы въ Коширу за 60 верстъ отъ Москвы, и отсюда, какъ думаю, не бо-

дѣе какъ верстъ 30, а много-много 40 только будетъ. Подумайте-ка батюшка»!

Сіе послѣднее въ самомъ дѣлѣ заставило меня думать и начало уже нѣкоторымъ образомъ преклонять къ принятію дѣлаемаго мнѣ предложенія. А какъ сверхъ того именемъ князя сталъ онъ повторять опять прежнее его обѣщаніе опредѣлить меня въ волость Богородицкую, какъ скоро Опухтинъ пойдетъ въ отставку и туда изъ сей волости меня перевесть, то сіе и болѣе уже меня мыслить о томъ и на предложеніе его соглашаться побуждало.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ все выше упомянутое мы съ нимъ одинъ—наединѣ говорили, и домашнія мои ничего еще обо всемъ томъ не вѣдали, то попросивъ извинить меня, что я на нѣсколько минутъ отъ него отлучусь, побѣжалъ я къ нимъ показывать княжое письмо и разсказывать все слышанное. Сихъ поразила также сія неожидаемость чрезвычайно. Онѣ не менѣе моего всему тому удивились, и погрузились въ великое недоумѣніе и разстройку мыслей; однако сіе продолжилось недолго. Сколько ни сердились и ни досадовали онѣ еще до самаго сего времени на князя Гагарина за то, что проволочилъ онъ меня и въ Москву и въ Бобрики попустому, но сіе новое предложеніе его тотчасъ ихъ съ нимъ опять помирило и сдѣлало къ нему благосклоннѣйшими, и я скоро увидѣлъ, что имъ оное было нимало не противно. А какъ скоро пересказалъ я имъ всѣ обстоятельствы и выгоды, сопряженныя съ симъ предлагаемымъ мнѣ мѣстомъ, то не долго думая начали онѣ мнѣ говорить, что подумавши о томъ хорошенько, хоть бы и не отторгать отъ себя сего предложенія, или по крайней мѣрѣ согласиться съѣздить съ Шебашевымъ для осмотра волости. «Когда она такъ близко, говорили онѣ, то великаго-ль труда стоитъ туда съѣздить. По крайней мѣрѣ увидѣлъ бы что за волость и каково мѣсто, и стоитъ-ли того, чтобъ для управленія оною оставить домъ и переселиться на время жить въ оную. Бѣда не велика, что съѣздить; можно и тогда еще отказаться, когда дѣло окажется несходнымъ и мѣсто не полюбится. А теперь право бы, по нашему мнѣнію, отказываться отъ того не надобно.—Поѣзжай-ка, батюшка, и посмотри. Богъ знаетъ, что строитъ! присовокупили онѣ къ тому. Самъ ты много разъ говаривалъ, что такихъ случаевъ не надобно упускать, которые сами собою и безъ всякаго исканія и домогательства приходятъ».

Сими послѣдними словами убѣдили онѣ всего болѣе со мнѣніемъ ихъ согласиться. «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я самъ въ себѣ, вѣдь я сего самъ не искалъ и не желалъ нимало, а приходитъ оно само собою. Почему знать, можетъ быть все это произошло и происходитъ по дѣйствію благодѣющаго мнѣ Промысла Господня; и есть на то воля моего Господа; и знаю-ли я, что онъ намѣренъ устроить и учинить со мною? Жизнь моя и все относящееся до оной единожды и навсегда препоручена мною его разсмотрѣнію и предано все на его святую волю».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою разсуждая и находя отъчасу болѣе вѣроятія и безсомнѣнности въ томъ, что происходитъ сіе по волѣ Господней и влечетъ меня къ сему дѣлу его невидимая десница, не сталъ я долго медлить изъявить и мое согласіе на слова моей жены и ея матери, и посовѣтовавъ еще нѣсколько съ ними, и наконецъ рѣшившись слѣдовать сему зову и благословясь вышелъ я опять къ г. Шебашеву, занимавшемуся между тѣмъ разговорами съ обоими моими воспитанниками и учениками, и ему сказалъ:

—«Ну! быть такъ, Левъ Петровичъ! соглашаюсь удовлетворить желаніе его сіятельства и ѣхать съ вами для осмотра и описанія сей волости, а тамъ посмотримъ и увидимъ, что будетъ далѣе»! — «Очень хорошо! воскликнулъ обрадовавшійся мой Шебашевъ, поѣдемъ, батюшка! Вы сдѣлаете тѣмъ князю великое удовольствіе».—«Это хорошо, сказалъ я: но дайте мнѣ по крайней мѣрѣ сколько-нибудь времени къ путешествію сему со-

браться и распорядить все нужное для сей отлучки въ домѣ».—«Сколько хотите, воскликнулъ и сказалъ на сіе Шебашевъ: однако весьма бы не худо, еслибъ вы тѣмъ колико можно поспѣшили. Князю очень хотѣлось, чтобъ мы не замедлили слишкомъ много симъ дѣломъ».

Въ самое сіе время вышли къ намъ и обѣ мои хозяйки и я, спознакомивъ ихъ съ господиномъ Шебашевымъ и оставивъ ихъ угощать его чаемъ и завтрикомъ, а его—занимать ихъ разсказами о князѣ и волостяхъ, побѣжалъ самъ тотчасъ въ сады, для сдѣланія распоряженія, что и что безъ меня садовникамъ дѣлать, а вкупѣ назначать людей, кому со мной ѣхать и готовить къ путешествію сему свою дорожную коляску и приуготовлять все, что намъ съ собою брать надлежало.

Давно прошедшее время и пожаръ, лишивъ меня всѣхъ относящихся до сего времени записокъ и бумагъ, лишаетъ меня удовольствія замѣтить именно тотъ достопамятной день, въ которой сіе случилось и которой имѣлъ толь великое вліяніе на все продолженіе моей жизни; а помнится мнѣ, что случилось сіе въ мѣсяцѣ маѣ, и что въ тотъ же день и ровно какъ нарочно случилось пріѣхать къ намъ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ и другу моему Ивану Григорьевичу Полонскому, бывшему тогда въ деревнѣ. И оба они намѣреніе мое не только одобрили, но мнѣ совѣтовали никакъ не упускать сего случая и отъ мѣста сего не отбиваться; а г. Полонской присовокуплялъ къ тому, что онъ слыхалъ и о сей волости и довольно знаетъ, что она лежитъ за рѣкою Окою не далѣе отъ него какъ верстъ за тридцать, и сказывалъ гдѣ намъ въ нее и черезъ какія мѣста и ѣхать.

Такимъ образомъ, собравшись на скорую руку и распрощавшись съ своими родными, на другой день послѣ того мы съ г. Шебашевымъ въ путь свой и отправились и успѣли въ тотъ же еще день къ вечеру пріѣхать въ село Кіясовку, какъ главное мѣсто во всей этой волости.

Насъ тамъ нѣкоторымъ образомъ уже и дожидались, ибо отъ помѣщицы сей волости, княгини Бѣлосельской, дано было уже волостнымъ начальникамъ знать, что будутъ присланные отъ князя Гагарина для осмотра и описанія волости и предписано, чтобъ насъ не только до того допустить, но оказывать и возможнѣйшее намъ учтивство и въ томъ вспомоществованіе. Почему не успѣли мы, пріѣхавъ на господской дворъ, о себѣ сказать, какъ прибѣжалъ къ намъ управляющій всею волостью прикащикъ, и, введя насъ въ нижнемъ этажѣ дома въ одну приготовленную для пребыванія нашего небольшую комнату, спрашивалъ, что для насъ угодно и что мы приказать изволимъ. Мы потребовали только, чтобъ лошадей нашихъ снабдили кормомъ, а повара чѣмънибудь для изготовленія намъ ужина, а къ утрему чтобъ приготовилъ онъ намъ для сличенія при описи крестьянъ ревизскія сказки, дабы мы тѣмъ удобнѣе могли означать новорожденныхъ и умершихъ. Все сіе было намъ обѣщано. А между тѣмъ, пользуясь остальнымъ временемъ дня, пошли мы осматривать зданія, сады, пруды и прочія части усадьбы для полученія о томъ понятія. Домъ показался намъ хотя огромнымъ, но во внутренности своей весьма дурно расположеннымъ и, какъ казалось, давно необитаемымъ и почти ничѣмъ немеблированнымъ. Находилось въ немъ небольшое только количество столовъ и стульевъ, а впрочемъ ничего. Сады хотя регулярные и наполненные множествомъ разныхъ плодовитыхъ деревъ, но запущенные и въ небреженіи находящіеся. Дворовыя службы и прочія зданія на большую часть обветшалыя, напротивъ того пруды прекрасные и, по увѣренію прикащика, наполненные премножествомъ всякой рыбы. Все сіе замѣчалъ я въ умѣ, дабы приобщить потомъ къ описанію крестьянъ свои замѣчанія.

Возвратясь въ свою квартиру, препроводилъ я весь вечеръ на распрашиваніе прикащика о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до волости, какъ-то: о числѣ и величинѣ деревень, къ ней принадлежа-

щихъ, о положенiи оныхъ и разстоянiи отъ Кiясовки; о всѣхъ угодьяхъ, принадлежащихъ къ волости, о состоянiи крестьянъ, о работахъ, производимыхъ оными; о господскомъ хлѣбопашествѣ, о источникахъ доходовъ, о количествѣ оныхъ и о прочихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ, дабы мнѣ обо всемъ томъ получить общее и колико можно полнѣйшее понятiе. Но ответами, на всѣ мои вопросы, господина прикащика былъ я не весьма доволенъ. Мнѣ съ нимъ не только было трудно говорить, по причинѣ частаго его заиканiя, но на многiе вопросы не могъ онъ мнѣ дать никакого отвѣта, а на которые и отвѣчалъ, но отвѣты его были очень неполные и несовершенные, а потому и заключалъ я, что правитель онъ былъ весьма-весьма посредственной, и былъ прикащикъ болѣе именемъ нежели дѣломъ. Примѣтя сiе и видя, что онъ во всемъ желаемомъ удовлетворить меня никакъ былъ не въ состоянiи, положилъ я добиваться толку у самихъ крестьянъ при описыванiи дворовъ ихъ, что̀ дѣйствительно и сдѣлалъ.

Переночевавши въ своей квартирѣ, съ самаго утра послѣдующаго дня принялись мы съ господиномъ Шебашевымъ за свое дѣло, и переписавъ напередъ все видимое, относящееся до дома и господскаго въ немъ имущества, также до прочихъ мѣстъ усадьбы и господскихъ пашенъ и какихъ хлѣбовъ, и, взявъ съ собою прикащика, пошли мы по всѣмъ крестьянскимъ дворамъ и пересматривая лично всѣхъ жителей отъ мала до велика, переписывали всѣхъ по именамъ съ означенiемъ ихъ лѣтъ и состоянiя каждаго двора. Какъ дѣло сiе было не малое, то потребно было къ тому не мало и времени; а описавши сiе село, поѣхали мы въ другое, называемое Ситнею, и лежащее также на большой дорогѣ и ближе къ Коширѣ; а потомъ объѣздили такимъ же образомъ и нѣкоторыя другiя маленькiя деревеньки, къ селу Кiясовкѣ принадлежащiя. А между тѣмъ какъ мы ихъ объѣзжали, заставливалъ я прикащика показывать себѣ всѣ ихъ лѣсныя угодья, покосы и господскiя пашни, и сколько не могъ налюбоваться первыми, столько съ жалостью смотрѣлъ на дурноту грунта тамошнихъ пашенныхъ земель, и все что̀ нужно было замѣчалъ въ своей записной книжкѣ.

Отдѣлавши симъ образомъ село Кiясовку съ ея деревнями, отправились мы для такого-жъ описанiя въ другую знаменитую, но чужими дачами совсѣмъ отъ первой отдѣленную часть волости, принадлежащую къ прекрасному и большому селу Малину. Тутъ нашли мы также каменную церковь и старинныя небольшiя каменныя, опустѣвшiя совсѣмъ и развалившiяся палаты, и имѣли также не мало труда при описи всѣхъ крестьянъ, къ сей части волости принадлежащихъ. Управляющiй оною бурмистръ долженъ былъ также познакомить меня со всѣми подробными обстоятельствами, до сей части волости относящимися.

Осмотрѣвъ, замѣтивъ и описавъ все что̀ нужно было тутъ, поѣхали мы въ третью и также отъ сей отдѣленную, но недалече лежащую часть волости, принадлежащую къ селу Спасскому.

Въ семъ селѣ нашли мы небольшой деревянной и довольно еще крѣпкой домикъ, построенной тутъ для прiезда, но внутри весьма дурно расположенной, а подлѣ его изрядной плодовитой садъ со множествомъ плодовитыхъ деревъ и цѣлымъ почти лѣсочкомъ вишень. Къ описанiю и сего села и принадлежащей къ нему большой деревни Володимировой потребно было также труда много, при производствѣ котораго замѣтилъ я, что народъ въ сей части былъ какъ-то грубѣе и во всемъ не таковъ хорошъ, какъ въ селѣ Малинѣ. А сверхъ того, при разспрашиванiи, узналъ одно важное обстоятельство, что земли, къ сей части волости принадлежащiя, не совсѣмъ еще были обмежеваны, но связаны нерѣшенными еще спорами съ сосѣдственными посторонними дачами; а что̀ всего хуже, то, по словамъ ихъ, и споры сiи были важны и сумнительны.

Замѣтивъ и записавъ все нужное и кон-

чивши свое дѣло съ сею частью, отправились, наконецъ, мы въ четвертую послѣднюю и не только отдаленнѣйшую, но и худшую часть волости, состоящую изъ нѣсколькихъ небольшихъ и другъ отъ друга чужими дачами отдѣленныхъ деревень. Тамъ, остановившись въ главномъ селѣ Покровскомъ, приступили мы также къ описанію сперва онаго, а потомъ разныхъ деревень, къ нему принадлежащихъ.

Все сіе доставило намъ трудовъ и хлопотъ множество, и мы какъ ни спѣшили, и какъ ни напрягали силы свои, перемѣняя другъ друга въ писаніи, но принуждены были препроводить въ томъ нѣсколько дней съ ряду, и имѣть не только много труда, но и безпокойства, ибо вездѣ должны были таскаться по чернымъ избамъ, и тананакать съ глупыми мужиками; а притомъ и терпѣли иногда кое въ чемъ недостатокъ и нужду.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ дѣло свое мы кончили, и какъ сія послѣдняя часть лежала всѣхъ ближе къ Москвѣ, то и отправились мы уже изъ ней прямо въ сей столичной городъ, и къ князю. Князь принялъ меня очень ласково и былъ крайне доволенъ моимъ послушаніемъ и трудомъ, употребленнымъ къ описанію волости, а особливо всѣми замѣчаніями, сдѣланными мною въ разсужденіи оной. Сіе удовольствіе его увеличилъ еще болѣе г. Шебашевъ разсказываніемъ ему о всей моей дѣятельности и о вхожденіи во всѣ подробности, и признаваясь прямо, что онъ одинъ безъ меня не могъ бы и половины того сдѣлать, и многія вещи не пришли бы ему и на умъ. Не можно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ князь все сіе слушалъ. Оно написано было у него на лицѣ, и ласки, съ какими благодарилъ онъ меня за то все, доказывали мнѣ ясно, что былъ онъ мною очень доволенъ. А все сіе и побудило его меня потомъ спросить: «Чтожъ, какова вамъ показалась волость и могу ли я надѣяться быть съ вами короче знакомымъ?» — «Кажется изрядная», сказалъ я. — «О, когда такъ, воскликнулъ князь съ удовольствіемъ: такъ дѣло наше почти сдѣлано; пожалуйка руку, и семъ ударимъ по рукамъ въ достовѣрность того, что вы будете моимъ, а я вашимъ». Чувствительна мнѣ была таковая его поступка. Я благодарилъ за его ко мнѣ благоволеніе и рекомендовалъ себя въ продолженіе онаго и его къ себѣ довѣренности и милостей.

Съ сего часа начали мы съ нимъ уже совокупно помышлять и совѣщаться о томъ, что̀ намъ предпринимать тогда далѣе, и не нужно-ли употребить еще какихъ предосторожностей прежде окончательной покупки сей сторгованной уже совсѣмъ волости. Я, изображая ему все доброе и худое, замѣченное мною въ волости и ея частяхъ, и показывая ему маленькой сдѣланной мною вчернѣ антрельной абрисъ положенія всѣхъ селъ и деревень, не преминулъ упомянуть и о сомнительствахъ, какія я возымѣлъ о нерѣшенныхъ еще спорахъ по землямъ села Спасскаго, и о могущихъ произойтить отъ того намъ впредь многихъ хлопотъ и безпокойствъ. — «Мнѣ очень жаль, продолжалъ я ему говорить, что за неимѣніемъ симъ землямъ еще плана не можно мнѣ было получить точнѣйшаго о спорахъ сихъ понятія; но естьлибъ благоугодно было вашему сіятельству самимъ лично побывать въ сей волости и осмотрѣть оную, что̀ и для всего прочаго было бы не худо, то могли бы мы, можетъ быть, и о томъ добиться лучшаго толка, нежели какой могли мнѣ дать тамошніе мужики и глупой ихъ прикащикъ. Вы могли бы пригласить къ себѣ того самаго землемѣра, которой межевалъ сію землю, и которой, какъ мнѣ сказывали, находится тамъ гдѣ-то очень близко, и онъ вѣрно бы показалъ вашему сіятельству самой планъ и основательнѣе растолковать намъ все дѣло, а межевщикъ, сказываютъ, человѣкъ весьма умной и знающій». — «Ахъ! мой другъ! подхватилъ князь, ты у меня какъ на умѣ былъ! мнѣ и безъ того хотѣлось волость сію самому видѣть прежде покупки, а теперь ты меня еще больше къ тому побудилъ. Скатаемъ-ка, мой другъ, мы туда съ тобою вмѣстѣ, даль не велика и труда немного; а чѣмъ основательнѣе мы дѣло

сдѣлаемъ, тѣмъ лучше».—«Очень хорошо, сказалъ я: если вашему сіятельству угодно, то я готовъ ѣхать».

«Между тѣмъ однако, подхватилъ князь, покуда я соберусь въ сію поѣздку, то весьма-бы я желалъ, чтобъ вы взяли на себя трудъ вмѣстѣ съ Шебашевымъ перебѣлить всѣ сіи реестры почище, а особливо всѣ сдѣланныя вами замѣчанія, и самой-то вашъ чертежъ положенія деревень сдѣлать для меня явственнѣе и получше».—«Очень хорошо», сказалъ я.—«Но скажите мнѣ, гдѣ же вы пристали?»—«У господина Шебашева», отвѣчалъ я.—«Очень хорошо, такъ это и кстати будетъ, вмѣстѣ съ нимъ и потрудитесь. А на лошадяхъ на какихъ вы пріѣхали?»—«На моихъ собственныхъ», сказалъ я.—«Сихъ вы можете отпустить домой, чѣмъ здѣсь ихъ до того времени кормить покуда мы возвратимся, ибо вы поѣдете со мною въ каретѣ; а когда кончимъ дѣло, тогда бездѣлица для отъѣзда вашего наймемъ и ямскихъ».—«Очень хорошо», сказалъ я. И на семъ тогда мы съ нимъ и разстались. Онъ не знаю куда-то поѣхалъ со двора, а мы съ г. Шебашевымъ пошли на его квартиру, отпускать домой лошадей, писать въ деревню письма и приниматься потомъ за свое дѣло.

Но, о! далось мнѣ сіе дѣльцо! Оно сопряжено было съ толикимъ трудомъ и съ такимъ безпокойствомъ, что я по нынѣ того никакъ забыть не могу. Истинно во всю жизнь мою никогда не терпѣлъ я такого безпокойства, какъ въ то время. Причиною тому было, что Шебашевъ жилъ тогда на Козьемъ-болотѣ въ какомъ-то принадлежащемъ родственнику его маленькомъ, низенькомъ и очень тѣсномъ домикѣ, въ которомъ едва самъ онъ могъ съ женою своею помѣщаться, а для меня почти и мѣста не было. Но сіе ничего бы еще не значило: какъ-нибудь, а помѣщался и я; но бѣда наша была та, что случись тогда равно какъ нарочно самая жаркая и тихая іюньская погода, отъ которой въ маленькомъ и низенькомъ домикѣ его, окруженномъ вокругъ иными высокими зданіями, была такая жара и духота несносная, что я изобразить того не въ состояніи. Ни съ которой-таки стороны не завѣвалъ не только въ комнату нашу, но и на весь тѣсной дворишко не только вѣтерокъ, но ниже зефиръ самой, и отъ солнца посреди дня дѣлалась сущая пёкла и такая несносная духота, что мы, принявшись за свою работу, скоро принуждены были не только растворить настежь всѣ двери и окошки, но скинуть съ себя все платье и сидѣть въ однѣхъ рубашкахъ, да и на тѣхъ разстягнуть вόроты. Но сего было еще не довольно, а надобно было еще и милліонамъ мухъ жилять и кусать насъ ежеминутно и увеличивать тѣмъ наше безпокойство.

Теперь вообразите сами, каково было намъ, а особливо мнѣ, непривыкшему къ тому, а пользовавшемуся до того всегда наиспокойнѣйшею и прохладною деревенскою жизнію, сидѣть въ такой несносной духотѣ и трудиться надъ письмомъ, и письмомъ не любопытнымъ, а крайне скучнымъ и тягостнымъ. Переписывать надлежало намъ множество тетратей и всѣ ихъ свѣрять и повѣрять съ черными нашими реестрами и съ ревизскими сказками. «Боже мой! твердилъ только я: куды дѣваться отъ этой пёклы и отъ сей бездны мухъ проклятыхъ». Попишусь, попишусь, но вышедъ изъ терпѣнія, выбѣгу на дворъ; но тамъ того еще жарче, а мухъ такая же пропасть, такъ-таки за тобою и гоняются; что ты изволишь! и смѣхъ и горе! Наконецъ, некуда было отъ нихъ дѣваться какъ бѣжать въ конюшню, и тамъ-то находили мы себѣ сколько-нибудь отъ досадныхъ мухъ спасеніе. Тамъ какъ-то ихъ не было, и мы сколько-нибудь чувствовали отраду; но за то навозные ароматы докладывали обонянію нашему очень и очень. Словомъ, куда ни кинь, такъ клинъ, и мы не жили тогда, а прямо мучились и страдали.

Но всего того было еще недовольно. Симъ образомъ обезпокоиваемо было наше тѣло; но присовокупиться къ тому надлежало еще такому-жъ, или еще злѣйшему безпокойству душевному. Не успѣлъ я только отпустить домой лошадей

своихъ, какъ поражаетъ слухъ мой такая всеобщая молва, разнесшаяся тогда вдругъ во всей Москвѣ въ народѣ, которая потрясла всею душею моею и заставила тысячу разъ тужить о томъ, что я услалъ лошадей своихъ. Заговорили тогда вдругъ и заговорили всѣ и въявъ о невѣроятныхъ и великихъ успѣхахъ злодѣя Пугачова; а именно, что онъ со злодѣйскимъ скопищемъ своимъ не только разбилъ всѣ посланные для усмиренія его военные отряды, но собравъ превеликую почти армію изъ безсмысленныхъ и ослѣпленныхъ къ себѣ приверженцевъ, не только грабилъ и разорялъ все, и повсюду вѣшалъ и злодѣйскими казнями умерщвлялъ всѣхъ дворянъ и господъ, но взялъ, ограбилъ и разорилъ самую Казань и оттуда прямо будто бы уже шелъ къ Москвѣ, и что самая сія подвержена была отъ соумышленниковъ съ нимъ ежеминутной опасности.

Теперь посудите сами, каково было мнѣ тогда, какъ я все сіе вдругъ услышалъ, и въ такое время, когда мысли о Пугачовѣ не выходили у всѣхъ у насъ изъ головы, и мы всѣ удостовѣрены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги когда не въявъ, такъ втайнѣ сердцами своими были злодѣю сему преданы, и въ сердцахъ своихъ вообще всѣ бунтовали, и готовы были при малѣйшей возгорѣвшейся искрѣ произвести огонь и поломя. Примѣръ бывшаго незадолго въ Москвѣ страшнаго мятежа былъ у насъ еще въ свѣжей памяти, и мы не только подобнаго тому-жъ опасались, но ожидали того ежеминутно. Глупость и крайнее безразсудство нашего подлаго народа была намъ слишкомъ извѣстна, и какъ при такихъ обстоятельствахъ не могли мы на вѣрность и самихъ нашихъ слугъ никакъ полагаться, а паче всѣхъ ихъ и не безъ основанія почитали еще первыми и злѣйшими нашими врагами, а особливо слыша, какъ поступали они въ низовыхъ и прямо тогда несчастныхъ мѣстахъ съ своими господами, и какъ всѣхъ ихъ либо сами душили, либо предавали въ руки и на казнь злодѣю Пугачову, то того и смотрѣли и ждали, что при самомъ отдаленнѣйшемъ еще приближеніи его къ Москвѣ вспыхнетъ въ ней пламя бунта и народнаго мятежа. И какъ не сомнѣвались, что въ таковомъ случаѣ первое устремленіе черни будетъ на домъ главнокомандующаго тогда Москвою князя Волконскаго, сей же домъ находился близехонько подлѣ нашей квартиры, и для безопасности вся площадь предъ нимъ установлена была пушками,— то не долженствовало-ли все сіе приводить насъ въ неописанный страхъ и ужасъ, и подавать мнѣ поводъ тужить о томъ, что я поспѣшилъ отсылкою лошадей своихъ въ деревню и остался въ Москвѣ съ однимъ только, и къ тому-жъ не слишкомъ надежнымъ человѣкомъ, и чрезъ то лишилъ себя средства и возможности при первомъ появленіи начала мятежа, бросивъ все, ускакать въ деревню. Словомъ, мы всѣ почитали себя въ такомъ случаѣ погибшими и не знали что́ дѣлать и къ какимъ мыслямъ прилѣпиться. Я не радъ уже былъ ни волости, ни чему, и нѣсколько разъ твердилъ только, кабы знато было да вѣдомо сіе, то и не подумалъ бы изо двора ѣхать.

Въ сихъ неизобразимыхъ трудахъ и тѣлесныхъ и душевныхъ безпокойствахъ не знаю истинно, какъ могли мы проводить нѣсколько дней съ ряду, въ которые не только трудная, но и наискучнѣйшая работа продолжалась: ибо письма было такъ много, что со всѣмъ поспѣшеніемъ своимъ не могли мы инако какъ въ нѣсколько дней все дѣло наше кончить. Но какъ бы то ни было, но мы наконецъ его кончили и князю все написанное представили, которой былъ тѣмъ крайне доволенъ и меня очень за то благодарилъ. А какъ по счастію и онъ къ тому времени собрался и готовъ уже былъ совсѣмъ къ отъѣзду, то сѣвши съ нимъ въ карету и полетѣли мы изъ Москвы неоглядкою, и я не вспомнилъ самъ себя отъ радости увидѣвъ себя въ полѣ и отъ ней удаленнымъ.

Но какъ письмо мое достигло до обы-

кновенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и въ окончаніе онаго сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 28-го дня 1808 года).

Письмо 172-е.

Любезный пріятель! Какъ я долженъ былъ быть князю проводникомъ и мнѣ хотѣлось показать ему сперва худшія мѣста волости, а тамъ мало по малу довесть и до лучшихъ, то и повелъ я его не большою Коширскою, а тою дорогою, по которой возвратились мы съ Шебашевымъ въ Москву, дабы провезть его сперва въ село Покровское съ деревнями, какъ отдаленнѣйшую и ближайшую къ Москвѣ часть волости Кіясовской. И какъ намъ для сего надлежало ѣхать сперва нѣсколько десятковъ верстъ по большой Коломенской дорогѣ, то наѣхавъ верстъ за двадцать отъ Москвы, при брегахъ Москвы-рѣки и на прекрасномъ положеніи мѣста построенной вчернѣ и неотдѣланной еще совсѣмъ прeогромной каменной домъ, стоящій въ запустѣніи, любопытствовалъ я узнать, какое бы сіе зданіе было и для чего по употребленіи на построеніе онаго толь многихъ коштовъ и трудовъ, было наконецъ брошено и находилось въ прежалкомъ положеніи? Мнѣ сказали, что мѣсто сіе называется Люберицами, что принадлежитъ казнѣ, что зданіе сіе воздвигнуто по повелѣнію нашихъ монарховъ, восхотѣвшихъ основать себѣ тутъ загородной увеселительной домъ и отдѣлать садъ, которой дѣйствительно тутъ находился; но для неизвѣстныхъ причинъ остался такъ вчернѣ и неотдѣланнымъ, и что уже многіе годы стоитъ въ запустѣніи. Я дивился сіе услышавъ и жалѣлъ о употребленныхъ тщетно толь многихъ трудовъ и убытковъ. Но сколь мало зналъ я тогда, что нѣкогда достанется и самому мнѣ трудиться и хлопотать надъ построеніемъ дома несравненно еще величайшаго, но подвергшемуся послѣ таковому-жъ несчастному жребію

По привезеніи князя въ село Покровское и по пересказаніи ему всего относящагося до сей части волости, пріѣхали мы въ село Малино. Сіе полюбилось князю уже болѣе. Тутъ встрѣтилъ князя начальникъ сего села съ старшинами, и князь не могъ селу сему довольно налюбоваться. Было оно почти наилучшее и многолюднѣйшее селеніе во всей волости и народъ въ немъ былъ трудолюбивой и занимающійся не только земледѣліемъ, но и самою мелочною торговлею и разными промыслами, и потому многіе изъ крестьянъ жили въ изрядныхъ домахъ и были довольно достаточны. Все сіе князю полюбилось и было очень пріятно, а особливо примѣченное добродушіе жителей онаго. Всѣ они чрезвычайно радовались, узнавъ что продаются они самой государынѣ и потому принимали будущаго своего главнаго командира съ оказаніемъ возможнѣйшихъ ему учтивствъ и почестей.

Осмотрѣвъ сіе знаменитое село, поѣхали мы въ село Спасское и расположились въ находящемся тамъ помянутомъ деревянномъ домикѣ, для отдохновенія и провожденія однихъ или двухъ сутокъ въ ономъ, ибо тутъ надлежало намъ обстоятельнѣе освѣдомляться о межевыхъ спорахъ. Князь приказалъ тотчасъ призвать къ себѣ наилучшихъ и старѣйшихъ изъ крестьянъ для разспрашиванія оныхъ, а между тѣмъ, будучи до садовъ превеликимъ охотникомъ, пошелъ тотчасъ со мною въ тамошній садъ. Осматривая оной, удивился и князь великому множеству вишенныхъ деревъ, а того болѣе страшной на нихъ завязи вишень. «О! о! братецъ! сказалъ онъ мнѣ: будетъ тебѣ, мой другъ, что покушать; посмотри-ка, какая бездна завязалась ягодъ! Пришли, братъ, и ко мнѣ тогда нѣсколько ихъ, для испытанія и узнанія породы ихъ». — «Очень хорошо!» сказалъ я, а самъ себѣ на умѣ: «Это, право, не худо будетъ, люблю и я вишни ѣсть».

Между тѣмъ собрались старѣйшіе и лучшіе люди изъ крестьянъ, и положили скоро предѣлъ удовольствію нашему, рас-

кричавъ у князя всѣ уши своими жалобами на мнимыя обиды и притѣсненія, дѣлаемыя имъ сосѣдями при межеваньѣ, и прочими своими дрязгами. Всё сіе подало поводъ и князю тотчасъ замѣтить, что народъ тутъ былъ совсѣмъ отмѣнной, нежели въ Малинѣ, и не только бойкой, скаросой, но, какъ казалось ему, и плутоватой. Они насказали ему столько о своихъ спорахъ и межеваньѣ, и опасностяхъ, какимъ они отъ того подвержены, что князь даже задумался и считалъ уже самою необходимостью, чтобъ повидаться лично съ самимъ межевщикомъ. Мы не преминули тотчасъ разспросить, гдѣ тогда онъ находился, и узнавъ что былъ онъ недалеко, тотчасъ написали письмо и отправили г. Шебашева для приглашенія и уговариванія межевщика пріѣхать къ князю въ Кіясовку и привезть съ собою спорные планы, для подробнѣйшаго всему изъясненія.

По учиненіи сего отправились мы обратно въ Малино и оттуда проѣхали уже въ самую Кіясовку. Тутъ расположился князь въ самыхъ тѣхъ же комнатахъ въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ квартировали мы до того съ г. Шебашевымъ. И какъ князь несомнѣвался уже ни мало, что волость сія продастся, и почиталъ её почти уже купленною, то пользуясь свободнымъ временемъ до пріѣзда межевщикова, и пошли мы тотчасъ съ нимъ осматривать все и все, и говорить и совѣтовать между собою о томъ, гдѣ-бы что впередъ сдѣлать и какія-бы съ чѣмъ произвесть перемѣны.

Мы прежде всего принялись за осмотрѣніе самаго дома, и исходили всѣ комнаты, не оставляя ни одного уголка и закоулка безъ осмотра. Князю онъ, несмотря на всю свою огромность, не полюбился; а особливо не нравилось ему самое глупое и дурное расположеніе покоевъ, какъ въ нижнемъ каменномъ, такъ и въ верхнемъ деревянномъ этажѣ, казавшемся сколько-нибудь лучшимъ и веселѣйшимъ. Онъ не могъ довольно надивиться старику господину Наумову, отцу княгини Бѣлосельской, которому сія волость прежде принадлежала, и село сіе было настоящимъ его жилищемъ, какъ онъ могъ сгородить такой вздорной и глупой для себя домъ, и какъ могъ жить и располагаться въономъ. Пуще всего дивились мы тому, что во всемъ верхнемъ и лучшемъ этажѣ не было ни одной печи, а вездѣ усматривали мы одни только камины, а печи находились только въ нижнихъ комнатахъ.

Какъ князь предусматривалъ, что сему дому нельзя будетъ остаться существующимъ, и не сомнѣвался, что государынѣ угодно будетъ повелѣть воздвигнуть и тутъ хотя небольшой, но порядочной домъ, то расхаживая по просторному верхнему этажу, и любуясь довольно изрядными видами, простирающимися изъ оконъ на пруды, рощи, поля и большую дорогу, сказалъ мнѣ: «Хоть сему дому впередъ вѣрно не существовать на семъ свѣтѣ, но покуда что будетъ, а на первой случай хорошо, что и онъ есть. Вотъ здѣсь, Андрей Тимоѳеевичъ, въ этомъ верхнемъ этажѣ можете вы расположиться и жить въ лѣтнее время, покоевъ довольно, и вамъ умѣститься въ немъ можно, каково велико ни было-бъ ваше семейство».—«Конечно! сказалъ я, и простора довольно».—«И вамъ тутъ, продолжалъ князь, жить будетъ весело. Видите, какіе прекрасные во всѣ стороны виды! а на зиму можете вы перемѣщаться въ нижнія комнаты, которыхъ хотя не такъ много, но за то будутъ онѣ теплѣе. Лѣсовъ много и дровъ не занимать стать, топите себѣ какъ хотите. Итакъ, покуда что будетъ, и покуда построимъ для жительства вашего особой домикъ, можете вы съ сей стороны быть покойнымъ».—«Очень хорошо!» сказалъ я, и благодарилъ его за попеченіе о моемъ спокойствіи.

Послѣ того осмотрѣвши службы и прочія на дворѣ зданія, находившіяся еще въ худшемъ состояніи, пошли мы осматривать каменную церковь на площади предъ домомъ, и между имъ и самимъ селомъ стоящую. Сію нашли мы въ состояніи довольно хорошемъ и не требующемъ

никакой поправки, чѣмъ князь былъ и доволенъ.

Оттуда пошли мы въ старинной регулярной садъ подлѣ дома, позади его находившійся, и нашли его въ совершенномъ запущеніи. Онъ подалъ намъ, какъ обоимъ любителямъ садовъ, безчисленные поводы къ разговорамъ. И какъ сей случай былъ наиудобнѣйшимъ къ изъявленію князю всѣхъ моихъ пріобрѣтенныхъ во время деревенской жизни моей садовыхъ практическихъ знаній и особенной моей къ садамъ охотѣ, то сіе было князю въ особливости пріятно, и довело его до того, что онъ мнѣ сказалъ: «О! когда ты, мой другъ, до садовъ такой охотникъ, и такъ много все касающееся до нихъ знаешь, то я съ сей стороны останусь обезпеченнымъ, предавъ всѣ здѣшніе сады въ полное ваше распоряженіе и волю. Дѣлайте съ ними что хотите: поправляйте и располагайте все какъ вамъ заблагоразсудится и пользуйтесь не только сколько хотите плодами, но и самыми плодовитыми деревьями. Я вижу, здѣсь великое множество надѣлано отводковъ, также тьма всякаго рода плодовитыхъ кустарниковъ и деревцовъ; такъ ежели для самихъ васъ въ сады ваши понадобятся какія изъ нихъ, то можете брать сколько хотите отсюда. Пожалуйте, пожалуй берите! Это я вамъ предварительно дозволяю».—«А за то, сказалъ я, поблагодаривъ его и за сіе дозволеніе, доставлю я изъ своихъ садовъ сюда то, чего здѣсь нѣтъ».—«Хорошо, хорошо! сказалъ онъ: итакъ будетъ у насъ и сіе дѣло ладно».

Обходивъ садъ, пошли мы осматривать пруды. Сіи князю, какъ охотнику и до нихъ, въ особливости полюбились, и какъ донесено ему было, что въ нихъ великое множество всякихъ рыбъ и породъ лучшихъ, а особливо судаковъ и лещей, то удовольствіе князя сдѣлалось еще того больше, и онъ сожалѣлъ что не было невода, и не можно было нигдѣ и достать, для удостовѣренія себя въ томъ самою ловлею. «Но хорошо, сказалъ мнѣ князь, сбруею-то рыболовною всякою да и хорошимъ неводомъ мы позапасемся; надобно вѣдь когда-нибудь и вамъ воспользоваться здѣшними рыбами. Вы, деревенскіе жители, думаю, въ посты не ѣдите мяса, а особливо ваши боярыни»?—«Точно такъ», отвѣчалъ я. — «Ну, такъ сіе и кстати будетъ, и я вамъ съ охотою дозволю ловить для продовольствія вашего здѣсь рыбу, всю ее вы вѣрно не выловите».—«Покорно благодарю, сказалъ я, а всю ее захочу-ли и самъ вылавливать; я вмѣсто того прилагать буду и самъ еще стараніе о размноженіи оной. Я, осматривая въ прежнюю мою здѣсь бытность, позамѣтилъ уже нѣкоторыя мѣста, гдѣ-бы можно было сдѣлать новые прекрасные пруды, и если вашему сіятельству будетъ угодно и вы то позволите, то мы о томъ и постараемся».—«Прекрасно, прекрасно! воскликнулъ князь, а на это вы позволеніе отъ меня скорѣе прочаго получить можете. Я самъ люблю пруды и рыбы: надѣлаемъ прудовъ новыхъ, заведемъ въ нихъ карповъ и будемъ довольствоваться оными».

За симъ пошли мы осматривать скотской дворъ и господскую скотину. Все сіе нашли мы и въ разстройкѣ и въ упущеніи и въ худомъ состояніи.—«Вотъ и сію часть экономіи, сказалъ князь, надобно будетъ намъ поправить, и какъ дворъ скотской построить новой, такъ и скотину завесть получше. Коровъ-то доставлю я къ вамъ аглинскихъ и голландскихъ, чтобъ было вамъ можно при пріѣздахъ моихъ къ вамъ подчивать меня добрымъ сливочнымъ отъ нихъ масломъ. А между тѣмъ можете вы нынѣшнею скотиною для содержанія себя пользоваться сколько хотите». Я и за сіе отвѣсилъ поклонъ князю.

Тамъ пошли мы на гумно, въ которомъ находилось нѣсколько господскаго хлѣба. Тутъ начался у насъ съ княземъ предварительный разговоръ о землѣдѣліи и хлѣбопашествѣ. И какъ князю не хотѣлось, чтобъ село сіе было по прежнему на здѣльѣ или на пашнѣ, а намѣренъ онъ былъ и его посадить по примѣру прочихъ на оброкъ, чтобъ и доходъ былъ вѣрнѣе и хлопотъ намъ было меньше, то предувѣдомивъ

меня о томъ, сказалъ мнѣ князь: «Но какъ надобенъ будетъ намъ здѣсь и хлѣбъ, нужной для содержанія вашего и будущей вашей здѣсь команды, а можетъ быть и заведеннаго гошпиталя, то подумайте-ка, Андрей Тимоѳеевичъ, какъ бы намъ смастерить, чтобъ была здѣсь небольшая, только казенная пашня, и какъ бы намъ распорядить ее такъ, чтобъ не могла она обратиться волости въ дальнее отягощеніе и могла производима быть съ удобностью, и предложите мнѣ тогда ваше мнѣніе. Но это не теперь, а а послѣ и на досугѣ».—«Очень хорошо, сказалъ я, это я не премину сдѣлать, благо есть у меня одна новая выдумка готовая, и мы посмотримъ тогда, не можноли намъ будетъ употребить ее въ семъ случаѣ».

«Очень хорошо, мой другъ, отвѣчалъ князь: а теперь пойдемъ походимъ по усадьбѣ и посмотримъ и подумаемъ, гдѣ бы намъ современемъ назначить мѣсто для дома, если угодно будетъ государынѣ приказать здѣсь построить домъ; гдѣ бы поставить намъ домъ для житья управителю; гдѣ бы построить гошпиталь, если вздумаемъ, и здѣсь его завесть, и прочее и прочее».

— «Извольте ваше сіятельство», сказалъ я, и пошелъ съ нимъ всюду и всюду. Мы проходили съ нимъ болѣе часа, и во многихъ мѣстахъ останавливаясь думали, гадали, затѣвали и назначали предварительно въ мысляхъ, гдѣ чему быть послѣ, и князь всѣми предлагаемыми мною мыслями былъ очень доволенъ и со всѣми ими былъ согласенъ. Но наконецъ сказалъ мнѣ: «Все это ладно и все хорошо, но было бы и того еще лучше, еслибъ можно мнѣ было имѣть аккуратнѣйшій и специальной планъ всему здѣшнему селу и положенію мѣста въ его усадьбѣ съ означеніемъ на немъ всего того, гдѣ мы чему быть предполагаемъ, дабы мнѣ можно было предложить оной государынѣ для апробаціи».—«О, ваше сіятельство, сказалъ я, за этимъ дѣло не станетъ; инструментъ у меня хотя самодѣльной, но исправной и достаточной къ тому есть, и на планъ снимать и планы дѣлать мнѣ не учиться стать. Съ этимъ рукомесломъ я давно уже знакомъ и имѣлъ случай не одинъ разъ имъ заниматься. Такъ нужно намъ только здѣсь остепениться, такъ дѣло не замедлится, и ваше сіятельство таковой планъ у себя увидѣть изволите.»

Симъ всего болѣе угодилъ я князю. Удовольствіе написано было у него на глазахъ, и онъ не находилъ довольно словъ къ изъявленію онаго, и обращеніе его со мною становилось отъ часу ласковѣе, отъ часу повѣреннѣе и дружелюбнѣе.

Потомъ дошла у насъ рѣчь до лѣсовъ, и какъ бы намъ ими при будущихъ строеніяхъ воспользоваться и рубить лучше. Я и тутъ доставилъ ему удовольствіе, сказавъ: «Въ этомъ положитесь, ваше сіятельство, уже на меня. Мнѣ случилось также имѣть дѣло и съ лѣсами, и я постараюсь, чтобъ и въ семъ случаѣ волки были сыты, а овцы цѣлы, и чтобы лѣса при всей хотя-бъ многочисленной вырубкѣ изъ нихъ деревъ, не претерпѣли бы дальнаго вреда, а получили бы еще видъ лучшій».

Въ сихъ занятіяхъ провели мы не только весь остатокъ того дня, но и часть послѣдующаго. Наконецъ привезли къ намъ межевщика, и пошло у насъ другое дѣло. Межевщику случилось быть тогда тутъ славному Вакселю, бывшему впослѣдствіи времени самымъ главнымъ членомъ въ межевой канцеляріи, особѣ умной, бойкой, проницательной, хитрой и дѣла насквозь разумѣющей. Онъ не успѣлъ услышать о пріѣздѣ князя и намѣреніи его покупать волость для государыни, уважилъ тотчасъ его призывъ и не только пріѣхалъ, но привезъ съ собою и всѣ планы спорные, и по онымъ началъ изъяснять все дѣло наихитрѣйшимъ и лукавѣйшимъ образомъ. Князь хотя разумѣлъ отчасти межевыя дѣла, но все существо оныхъ было ему далеко не такъ знакомо, какъ мнѣ; почему я, слушая его изъясненія и увидѣвъ, что производились они не совсѣмъ чи-

стосердечіемъ и боясь, чтобъ онъ князю не накидалъ въ глаза одной пыли и не провелъ его въ глазахъ, вмѣшался въ ихъ разговоръ и началъ самому господину Вакселю вставлять такія въ глаза очки и предлагать вопросы за вопросами, что князь удивился даже моему по межевымъ дѣламъ знанію и вникновенію, а господинъ Ваксель, видя что коса нашла на камень, тотчасъ заговорилъ другимъ голосомъ.

Любо и пріятно было старику, что я помогъ ему въ семъ случаѣ и для того оставилъ меня одного говорить съ нимъ; а я, вникнувши во все существо споровъ, находилъ что были они дѣйствительно весьма сумнительны и гораздо важнѣе, нежели каковыми хотѣлъ-было намъ изобразить ихъ господинъ Ваксель. Словомъ, я предусматривалъ, что ежели намъ безъ разрѣшенія оныхъ или по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пунктовъ купить волость, то наведутъ они послѣ самому мнѣ хлопотъ и досадъ безчисленное множество; а усматривая далѣе, что скорѣйшее разрѣшеніе оныхъ зависѣло во многомъ отъ благосклонности и самого землемѣра и судей межевыхъ и отъ того, когда-бъ восхотѣли они нѣкоторыя обстоятельствы просмотрѣть сквозь пальцы, рѣшился поговорить о томъ съ господиномъ Вакселемъ безъ свидѣтелей, одинъ наединѣ и дружелюбно, и отозвавши на минуту его въ другой покой, не успѣлъ повѣреннымъ образомъ сдѣлать ему о томъ нѣкоторой намекъ, какъ онъ тотчасъ и проникъ мою мысль и мнѣ сказалъ: «Ну, что говорить; всѣ мы люди и люди людьми и не то дѣлаютъ и сдѣлать могутъ». Сихъ словъ съ меня довольно было, и я тотчасъ смекнувъ всѣмъ дѣломъ и возвратясь къ задумавшемуся уже князю, началъ прямо говорить, что намъ безъ окончанія сихъ важныхъ и сумнительныхъ споровъ или по крайней мѣрѣ безъ разрѣшенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ, купить волости никакъ не можно; а не изволитъ ли его сіятельство поговорить о томъ напередъ съ продавицею и убѣдить ее, чтобъ она поспѣшила всевозможнымъ окончаніемъ сего дѣла, которое могло-бъ воспріять совсѣмъ другой оборотъ, естлибъ попроворила она тѣмъ какъ надобно и употребила къ тому все, что̀ употребить можно.

Обрадовался мой князь, сіе отъ меня услышавъ; а какъ то же подтвердилъ и межевщикъ, то догадавшись тотчасъ, къ чему вся сія загадка клонилась, сказалъ мнѣ: «Такъ поспѣшимъ же мы обратно въ Москву и хорошо, что я все это узналъ. Я прямо скажу ея сіятельству, что я прежде волости не куплю, покуда она не изволитъ кончить сего дѣла, и пускай же она хлопочетъ о томъ и дѣлаетъ что̀ хочетъ, а не мы». А сего мнѣ собственно и хотѣлось, и примѣтно было, что и межевщику было то не противно, и что онъ охотнѣе хотѣлъ имѣть дѣло съ княгинею Бѣлосельскою, нежели съ нашимъ князем.

Симъ дѣло сіе тогда и кончилось, и мы, поугостивъ межевщика отпустили, и князь, поблагодаривъ меня за предостереженіе, началъ тотчасъ помышлять о обратной ѣздѣ въ Москву. Итакъ, походивъ еще кое-куда, осмотрѣвъ и поговоривъ еще кое-о-чемъ, на другой день съ утра сѣвъ въ карету и пустились въ Москву уже прямою каширскою дорогою, и какъ сею не далѣе она отстояла отъ насъ 60-ти верстъ, то и успѣли мы въ тотъ же день и довольно еще рано туда пріѣхать.

Теперь подумаете вы можетъ быть, что я возвращался тогда въ сію столицу опять съ такимъ же страхомъ и опасеніемъ, въ какомъ находился при выѣзжаніи изъ оной. Но скажу вамъ тому противное, и что мы возвращались уже въ нее гораздо съ спокойнѣйшимъ духомъ. Причиною тому было, что межевщикъ, пріѣхавшій тогда только изъ межевой конторы изъ Серпухова, привезъ къ намъ съ собою новыя и достовѣрныя вѣсти и слухи, изъ которыхъ были одни пріятнѣе и утѣшительнѣе другихъ и успокоивали смущенный духъ нашъ очень много. Первое было то, что получено достовѣрное извѣстіе, что Пугачовъ со всею своею многочисленною арміею или паче скопи-

щемъ безчисленнаго множества ослѣпленнаго и соблазненнаго имъ чернаго глупаго народа, направленіе шествія своего прямо къ Москвѣ для какихъ-то причинъ отмѣнилъ, и повернувъ влѣво, потянулся къ Саратову, что́ натурально долженствовало обезпечить Москву отъ слѣдствій его варварства и злодѣйства, да и послужило послѣ къ спасенію Россіи отъ безчисленныхъ бѣдствій и напастей. А второе того еще пріятнѣйшее и такъ же достовѣрное извѣстіе было то, что главному командиру нашей арміи графу Румянцову удалось за Дунаемъ завесть турецкую армію въ такіе тиски и лавиринтъ, что турки изъ опасенія, чтобъ не погибнуть всѣмъ, принуждены были тутъ же на мѣстѣ заключить съ нами миръ, какой мы хотѣли, и что съ извѣстіемъ симъ проскакалъ курьеромъ какой-то именитой чиновникъ. Сіе неожидаемое совсѣмъ извѣстіе было намъ тѣмъ радостнѣе и пріятнѣе, что какъ чрезъ то освободилась наша армія и могла уже возвратиться въ свое отечество и употреблена быть въ случаѣ нужды вся къ истребленію Пугачова со всею его многочисленною толпою; то начинали мы ласкаться, что зло, производимое имъ, скоро пресѣчется и всѣмъ злодѣйствамъ его въ непродолжительномъ времени положится конецъ.

Итакъ, занимались мы во всю дорогу мыслями и разговорами уже болѣе о семъ, однако не позабывали и своихъ дѣлъ, и мнѣ удалось еще и болѣе поджечь и убѣдить князя къ тому, чтобъ онъ поспѣшилъ снестись съ княгинею Бѣлосельскою и приступилъ къ ней непутнымъ дѣломъ, чтобъ она дѣло сіе скорѣе оканчивала. Князь и обѣщалъ совѣту моему послѣдовать и на другой же день по возвращеніи нашемъ то исполнилъ.

Теперь для нѣкотораго объясненія всѣхъ послѣдующихъ за симъ происшествій, имѣвшихъ великое вліяніе и на всѣ собственныя мои обстоятельства, надобно мнѣ, остановясь на минуту, разсказать вамъ, кто такова была сія княгиня Бѣлосельская и что́ побуждало ее продавать сію волость.

Она была дочь помянутаго прежняго Кіясовскаго владѣльца, господина Наумова, и звали ее Анною Ѳедоровною. Въ молодости своей выдана она была за князя Бѣлосельскаго, но бракъ сей былъ какъ-то неудаченъ. Покуда живъ былъ ея отецъ, жила еще съ своимъ мужемъ, съ которымъ однако и тогда была она въ несогласіи; а какъ умеръ отецъ, то съ нимъ и разошлась совершенно и оба они жили розно. Мужъ ея находился тогда въ чужихъ краяхъ и въ Вѣнѣ при какой-то должности, а она жила на своей волѣ въ Москвѣ и владѣла всѣмъ великимъ, доставшимся ей послѣ отца имѣніемъ. Какъ была она еще не старыхъ лѣтъ и ума не совсѣмъ остраго, а нѣсколько простовата, хотя съ другой стороны очень добродушна, то сыскались тотчасъ къ ней подлипалы, восхотѣвшіе слабостями ея и достаткомъ воспользоваться. Были тогда въ Москвѣ три брата Салтыковыхъ: Александръ, Петръ и Борисъ Михайловичи. Старшій изъ нихъ Александръ былъ уже не весьма молодъ, но отмѣнно добраго сердца и хорошаго расположенія ума и во всемъ человѣкъ изящнаго характера. Средвій изъ нихъ былъ ни то, ни сё. Чтожъ касается до меньшого брата, Бориса, то составлялъ онъ особу бойкую и хитрую и имѣлъ умъ острой и проницательной. Всѣ они, имѣя у себя еще отца и сестру, были люди не весьма богатые и состояніе имѣли весьма разстроенное. И симъ-то тремъ господамъ Салтыковымъ и сестрѣ ихъ удалось какимъ-то образомъ спознакомиться и сдружиться очень тѣсно съ помянутою княгинею Бѣлосельскою. Они умѣли такъ хорошо прикроиться ко всѣмъ ея слабостямъ и склонностямъ, или простѣе сказать такъ ее обалахтать, что она ввѣрилась имъ какъ наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ друзьямъ, и предалась во всемъ въ ихъ волю, такъ что они изъ нея что́ хотѣли то и дѣлали. Они не только бывали у ней безъ выѣзду, но формально жили съ нею въ одномъ домѣ и управ-

ляли всѣми ея деревнями и достаткомъ по своему произволенію. Носился тогда слухъ, что будто-бы они вплели ее въ какую-то особую и имъ только однимъ извѣстную секту, и что по самому тому и взяли ее совершенно подъ свою власть; но какъ мнѣ въ точности сего узнать не случилось, то и не могу ничего сказать о томъ съ достовѣрностью; а то только скажу, что самые сіи господа Салтыковы присовѣтовали и преклонили ее, для извѣстныхъ имъ однимъ причинъ, къ продажѣ помянутыхъ ея коломенскихъ деревень, составляющихъ Кіясовскую волость, и что самые они старались втереть ее въ руки князю Гагарину, за наличную и огромную сумму и производили съ согласія ея съ нимъ объ ней торговлю.

Теперь, возвращаясь къ порядку моего повѣствованія, скажу,что какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при всемъ вышеупомянутомъ и орудіемъ, вращающимъ всю сію машину, былъ меньшой, умнѣйшій и расторопнѣйшій изъ братьевъ Салтыковыхъ, а именно Борисъ Михайловичъ, то не успѣлъ князь со мною возвратиться въ Москву, то послалъ тотчасъ пригласить къ себѣ сего господина Салтыкова. Онъ и прилетѣлъ въ тотъ же почти часъ къ намъ, и князь при мнѣ и сталъ ему говорить, что онъ самъ для осмотрѣнія продаваемой ими волости ѣздилъ, что онъ всѣмъ доволенъ, а одно только нашелъ дурное, но такое, что его отъ покупки удерживаетъ» «Что такое?» воскликнулъ удивленный сею неожидаемостью господинъ Салтыковъ: «помилуйте, скажите, ваше сіятельство?» — „А вотъ что, отвѣчалъ князь: споръ межевой по землямъ села Спасскаго, и этотъ споръ непремѣнно надобно княгинѣ вашей кончить, буде она хочетъ, чтобъ я купилъ у ней ея волость, а безъ того, воля ваша, я никакъ ее не куплю„.

Немногія сіи слова такъ поразили господина Салтыкова, что онъ почти оцѣпенѣлъ отъ смущенія и съ минуту не могъ выговорить ни единаго слова. Наконецъ, собравшись нѣсколько съ духомъ, сказалъ:—«Умилосердитесь, ваше сіятельство! скажите, какой это тамъ споръ, мы впервые о томъ слышимъ и я ничего о томъ не знаю, и неужели онъ такой важности, что безъ разрѣшенія его и купить волости нельзя?»

— «Объ этомъ можетъ вамъ лучше меня и обстоятельнѣе разсказать и все объяснить вотъ господинъ Болотовъ, какъ человѣкъ, дѣла межевыя совершенно знающій и назначаемый отъ меня туда управителемъ». И обратясь ко мнѣ, сказалъ «Пожалуйте, Андрей Тимоѳеевичъ, разскажите Борису Михайловичу все и все, вы лучше это можете, нежели я».

«Очень хорошо», сказалъ я, и хотѣлъ-было начинать ему объяснять все дѣло. Но господинъ Салтыковъ, перехватя мои слова, обращается вдругъ къ князю и говоритъ:—«Когда такъ, ваше сіятельство, то нельзя-ли, чтобъ Андрей Тимоѳеевичъ пожаловалъ къ намъ. Тамъ бы всѣмъ намъ и самой княгинѣ объяснилъ бы онъ сіе дѣло и обстоятельнѣе все разсказалъ». — «Пожалуй, для меня все равно, сказалъ князь: однако это зависитъ отъ его воли, я его принуждать къ тому не хочу».—«Не пожалуете-ли, батюшка Андрей Тимоѳеевичъ, сказалъ тотчасъ Салтыковъ, обратясь ко мнѣ: и княгиня и всѣ мы были бы вамъ за то очень благодарны». — «Ежели его сіятельству, сказалъ я, будетъ сіе угодно, то готовъ и я.»— «Пожалуй, пожалуй, подхватилъ князь, а обратясь къ Салтыкову присовокупилъ: только пожалуйте уговорите княгиню, чтобъ она поспѣшила какъ можно симъ дѣломъ, безъ окончанія котораго мнѣ волость купить никакъ нельзя, а господинъ Болотовъ, можетъ быть, вамъ и наставленіе дастъ, какимъ образомъ приняться и чѣмъ къ скорѣйшему концу можно вамъ и привесть это дѣло».

Итакъ, господинъ Салтыковъ, подхватя меня въ свою карету и полетѣлъ со мною ко двору княгинину, и какъ ему крайне хотѣлось преклонить меня на свою сторону, то дорогою вздумалъ-было онъ пощупать у меня пульсъ и подъѣхать ко мнѣ съ тонкими обинякамп своими на

полоскахъ. Но я тотчасъ далъ ему почувствовать, что я отнюдь не олухъ и не такой человѣкъ, которой далъ бы себя обольстить чѣмъ-нибудь и согласиться на какія бы то ни было дѣла, несообразныя ни съ честью, ни съ правдою, а что имѣетъ онъ дѣло съ честнымъ и ненавидящимъ всякое зло человѣкомъ.

Въ сихъ критическихъ разговорахъ пріѣхали мы въ домъ княгининъ. Меня провелъ онъ напередъ въ тѣ комнаты, въ которыхъ они жили, и гдѣ засталъ я обоихъ прочихъ братьевъ. Тутъ попрося меня на нѣсколько минутъ остаться съ ними, побѣжалъ онъ къ княгинѣ, чтобъ предупредить ее и приготовить къ свиданію и разговору со мною; и чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно возвратившись звалъ меня и братьевъ своихъ въ комнаты княгини, на другомъ краю сего огромнаго дома находящіяся.

Тутъ имѣлъ я случай впервые увидѣть сію княгиню и всѣхъ ея вѣрныхъ друзей, и въ томъ числѣ и самую сестру ихъ, съ нею живущую. Княгиня показалась мнѣ весьма еще не старыхъ лѣтъ и пріятнаго вида. Она приняла меня съ возможнѣйшею ласкою и просила объяснить и разсказать, какой такой проклятой споръ дѣлаетъ помѣшательство во всемъ дѣлѣ? Тутъ приступилъ я тотчасъ къ объясненію всего дѣла и испросивъ себѣ листъ бумаги, чернилъ и перо, тотчасъ сдѣлалъ имъ антрельной абрисъ, изображающій всѣ дачи села Спасскаго и смежныя съ ними чужія, и означивъ всѣ спорныя мѣста сталъ разсказывать и объяснять имъ все чтó нужно. Но для всѣхъ ихъ все говоренное мною была сущая тарабарская грамота. Такъ случилось, что всѣ они въ межевыхъ и спорныхъ дѣлахъ были совсѣмъ незнающи, и я удивился, что и самой острецъ ихъ, Борисъ Михайловичъ не зналъ ни аза въ глаза изъ всего относящагося до межеванья. По усмотрѣніи сего не трудно было мнѣ городить имъ какія хотѣлъ пѣшки и всему дѣлу придать такой видъ, какой мнѣ хотѣлось; и я насказалъ имъ столь много о важности и опасности сего спорнаго дѣла, о множествѣ затрудненій, сопряженныхъ съ разрѣшеніемъ онаго, о необходимой надобности въ стараніи поспѣшить симъ дѣломъ и о употребленіи къ тому всѣхъ возможностей, что они всѣ перетрусились и пришли отъ того въ неизъяснимое смущеніе и недоумѣніе чтó дѣлать.

Нѣсколько минутъ продолжалось у всѣхъ у насъ потомъ безмолвіе, такъ оглумлены они были всѣ моими словами. Наконецъ подали горячее и разные фрукты и варенья, и княгиня съ сестрою ихъ, посадивъ меня подлѣ себя, начала ими подчивать и разговаривать со мною о постороннемъ, а сіе подало господамъ Салтыковымъ удобной случай выттить всѣмъ въ другой покой и тамъ совѣщаться о томъ, какъ быть и чтó имъ дѣлать. Потомъ вызвали они туда-же для совѣта и самую княгиню и оставили меня съ одною сестрою ихъ разговаривать о пустякахъ. Сіе отсутствіе ихъ продолжалось съ добрую четверть часа. Послѣ сего вышедши опять всѣ къ намъ, обратилися они всѣ ко мнѣ и сказали:—«Мы думали теперь о томъ, какъ бы по предложенію вашему приступить и произвесть желаемое княземъ разрѣшеніе сего проклятаго спорнаго дѣла, но признаемся откровенно, что всѣмъ вамъ по необыкновенности въ такихъ дѣлахъ нейдетъ оно въ голову и мы ни ума ни разума къ тому приложить не можемъ, какъ бы это произвесть въ дѣйство. А какъ мы видимъ, что вамъ дѣла межевыя въ тонкости извѣстны, то покорнѣйше васъ всѣ просимъ дать намъ по крайней мѣрѣ совѣтъ и наставленіе, какъ бы это сдѣлать, и чѣмъ бы можно было поспѣшествовать скорѣйшему окончанію сего дѣла и нѣтъ ли какихъ-нибудь къ тому удобныхъ способовъ?»

— «Способы конечно есть, сказалъ я въ отвѣтъ кланяющейся мнѣ и просившей о томъ княгинѣ: но не знаю, будутъ ли они угодны вашему сіятельству? Надобно бы вамъ отправить туда какого-нибудь знающаго человѣка, съ полною довѣренностью, и дозвольте сказать, и не

съ пустыми руками. Если хотите скорѣйшаго окончанія сего дѣла, то надобно не пожалѣть нѣсколькихъ убытковъ. Нужны необходимо они для преклоненія къ благосклонности къ вамъ и межевщика, и всѣхъ тѣхъ въ конторѣ межевой, отъ которыхъ зависѣть будетъ скорѣйшее и выгоднѣйшее для васъ окончаніе онаго. И сколько мнѣ кажется, то весьма многое зависитъ притомъ отъ единаго хотѣнія и благосклонности людей сихъ, а они всѣ люди!... и захотѣли-бъ только, такъ можно будетъ имъ и безъ нарушенія всей справедливости и законовъ вамъ въ семъ случаѣ помочь; а нужно только ихъ къ тому преклонить и позадобрить».

— «О! за этимъ бы за всѣмъ дѣло не стало! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ. Поѣхалъ бы тотчасъ туда кто-нибудь изъ насъ самихъ; но вотъ бѣда! что никому изъ насъ ни межевщикъ, ни конторскіе незнакомы, никто и понятія не имѣетъ о томъ, какъ бы тамъ всѣмъ нужнымъ попроворить было можно: дѣло сіе совсѣмъ для насъ необыкновенное. Ужъ нельзя ли бы самимъ вамъ, милостивый государь, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ туда съѣздить, и ему учинить въ семъ случаѣ ваше пособіе. Вамъ тамъ и люди всѣ, и дѣла всѣ межевыя знакомы... Ахъ! какъ бы вы насъ тѣмъ одолжить изволили!»

Неожидаемое сіе предложеніе меня смутило и привело въ нѣкоторое недоумѣніе. Съ одной стороны видя нужду ихъ, по добродушію моему, хотѣлось мнѣ имъ помочь, но съ другой не зналъ, угодно ли то будетъ князю, и опасался я, чтобъ онъ чего не подумалъ, а сверхъ того жалѣлъ я нѣсколько и боковъ своихъ и страшился трудовъ и хлопотъ, съ сею коммиссіею сопряженныхъ... Однако, какъ пришло мнѣ въ мысль, что я, пользуясь симъ случаемъ, могу изъ Серпухова и домой хоть на часокъ урваться и повидаться съ своими родными, то рѣшился я наконецъ къ приступающей ко мнѣ съ поклонами и просьбами о томъ, чтобъ я подумалъ о семъ, княгинѣ, сказать въ отвѣтъ:—«что, сударыня! я хотя бы и не отрекся оказать вашему сіятельству сію услугу, и употребить все что̀ въ моихъ силахъ и возможностяхъ состоять будетъ, но не знаю еще, будетъ ли то угодно князю Сергію Васильевичу, и дозволитъ ли онъ мнѣ сіе?»

— «О! что касается до сего, закричали обрадовавшіеся господа Салтыковы, то мы сей же часъ ѣдемъ всѣ къ нему и готовы просить его до упаду, чтобъ онъ вамъ сіе дозволилъ». И дѣйствительно, тотчасъ велѣли подавать карету, и посадивъ меня съ собою, поскакали къ князю. Князь удивился всѣхъ ихъ увидя и не понималъ что̀-бъ сіе значило, но они скоро вывели его изъ недоумѣнія, разсказавъ, что̀ ихъ къ тому побудило. И какъ они всѣ совокупно и отъ княгини начали его со множествомъ поклоновъ умолять, то князь усмѣхнувшись сказалъ: «Батюшки мои! Это зависитъ совсѣмъ не отъ меня, а единственно отъ воли самого Андрея Тимоѳеевича! Если онъ захочетъ принять на себя этотъ трудъ, то я ни мало тому не препятствую, а еще и самъ буду тому радъ, если удастся ему вамъ и княгинѣ услужить и сдѣлать и съ нашей стороны нѣкоторое къ тому пособіе».

Легко можно заключить, что мнѣ не оставалось тогда иного дѣлать, какъ на общее желаніе всѣхъ ихъ согласиться. Итакъ, положено было, чтобъ наутріе-же мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ въ путь сей отправиться и къ нимъ явиться, съ чѣмъ мы ихъ тогда и отпустили.

Какъ князю и дѣйствительно не только было все сіе не противно, но по желанію его скорѣе кончить покупку было и самому еще пріятно, что я принялъ на себя сію коммисію, то по отъѣздѣ ихъ изъявилъ онъ мнѣ и о семъ особенное свое удовольствіе и пожелалъ мнѣ счастливаго успѣха.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончу и я письмо сіе, превзошедшее уже свои предѣлы, и скажу, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 29 дня 1808 года).

Письмо 173-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію ѣзды моей съ господиномъ Салтыковымъ въ Серпуховъ и въ Кіясовку, которая была для меня довольно достопамятна и противъ чаянія весьма пріятна, начну тѣмъ, что я, распрощавшись тогда съ княземъ, не успѣлъ поутру на другой день встать и одѣться, какъ является уже передъ воротами квартиры моей карета, присланная отъ господъ Салтыковыхъ за мною. Я тотчасъ, собравшись налегкѣ, къ нимъ и поѣхалъ и дорогою помышлялъ о томъ, кто бы изъ нихъ трехъ расположился ѣхать со мной. Изъ всѣхъ ихъ старшій нравился мнѣ какъ-то всѣхъ болѣе. Былъ онъ не только старѣе всѣхъ лѣтами, но степеннѣе, простодушнѣе другихъ, да и въ чертахъ лица своего имѣлъ нѣчто пріятное, дружелюбное и привлекательное, и потому желалось мнѣ, чтобъ не иной кто, а онъ въ сотоварищество мнѣ былъ назначенъ.

Желаніе мое дѣйствительно и совершилось. Онъ первой встрѣтилъ меня по пріѣздѣ и началъ рекомендовать себя въ мое ближайшее знакомство и дружбу, сказывая что онъ будетъ имѣть удовольствіе быть моимъ спутникомъ. Привѣтствіе сіе дѣлалъ онъ такимъ простодушнымъ и дружелюбнымъ образомъ, что воспріятое мною объ немъ доброе мнѣніе тѣмъ еще болѣе увеличилось. Я соотвѣтствовалъ ласкѣ его такими же изъявленіями моего удовольствія. И какъ нашелъ я его совсѣмъ уже въ путь собравшимся, то позавтракавъ и распрощавшись съ ними, осыпающими меня ласками и повтореніями прежнихъ своихъ просьбъ, сѣли мы съ Александромъ Михайловичемъ въ большую четвероместную карету, и посадивъ съ собою еще какого-то молодого и чисто одѣтаго человѣка, о которомъ не могъ я сначала узнать, служитель ли онъ или иной какой былъ, въ путь свой и отправились.

Покуда мы ѣхали Москвою, господствовало между нами совершенное безмолвіе, и мы, какъ незнающіе еще коротко другъ друга, посматривали одинъ на другого и спознакомливались такъ сказать глазами. Но и сіи тотчасъ свели между собою нѣкоторой родъ дружбы. Но какъ скоро выѣхали мы за городъ и наружные предметы перестали насъ занимать и развлекать собою наши мысли, какъ надлежало намъ что-нибудь говорить дабы не терпѣть дорогою скуки. Итакъ, и начали мы поговаривать сперва по обыкновенію о пустякахъ: о погодѣ, о дорогѣ и тому подобномъ, а тамъ мало по малу и о другихъ интереснѣйшихъ матеріяхъ. Удивительно было притомъ, что какъ онъ мнѣ съ перваго вида отмѣнно какъ-то полюбился, такъ равно и онъ ко мнѣ и также съ самой первой минуты почувствовалъ въ себѣ нѣчто отмѣнно его ко мнѣ привлекавшее. Симпатія ли, господствующая между нашими душами, производила сіе взаимное въ обоихъ насъ дѣйствіе, или что иное было тому причиною, уже я не знаю, а только то сдѣлалось послѣ извѣстно, что мы съ первой минуты нашего знакомства и не говоря почти еще ни одного между собою слова полюбили уже другъ друга, а что всего страннѣе, то оба и въ одно время дорогою тогда имѣли одинакія мысли и одинакія желанія. Онъ помышлялъ о томъ, какъ бы ему узнать образъ и расположеніе моихъ мыслей и состояніе моихъ свойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ, а я думалъ и помышлялъ о томъ же самомъ въ разсужденіи его и приискивалъ въ мысляхъ удобную матерію къ начатію съ нимъ такого разговора, которой бы могъ служить мнѣ орудіемъ къ испытанію и узнанію его силъ и свойствъ душевныхъ. И какъ по счастію възъѣхали мы тогда на одно возвышеніе, съ котораго видны были прекрасныя положенія мѣстъ и представлялись очамъ преузорочныя зрѣлища, то разсудилъ я употребить самыя ихъ и поводомъ къ особенному разговору и орудіемъ къ замышляемому испытанію или, простѣй сказать, пощупать у него пульсъ съ сей стороны.

Для самаго сего принявъ на себя удо-

вольственной видъ, началъ я будто самъ съ собою и любуясь ими говорить: «Ахъ! какія прекрасныя положенія мѣстъ и какіе разнообразные прелестные виды представляются глазамъ всюду и всюду. Какія пріятныя зелени, какіе разные колера полей! Какъ прекрасно извивается и блеститъ рѣка сія своими водами, и какъ прекрасно соотвѣтствуетъ всему тому и самая теперь ясность неба и этотъ видъ маленькихъ разсѣянныхъ облачковъ». Говоря умышленно все сіе, примѣчалъ я, какое дѣйствіе произведутъ слова сіи въ моемъ спутникѣ и не останется ли и онъ также безчувственнымъ, какъ то бываетъ съ людьми обыкновеннаго разбора. Но какимъ удивленіемъ поразился я, когда увидѣлъ, что и онъ смотрѣлъ на все то съ равнымъ моему удовольствіемъ и тотчасъ послѣ окончанія помянутыхъ словъ моихъ мнѣ сказалъ: «Что прекрасно, то прекрасно! Но конечно вы, Андрей Тимоѳеевичъ, жалуете прекрасныя положенія мѣстъ и хорошіе виды и любите увеселяться красотами натуры».—«Есть тотъ грѣхъ, отвѣчалъ я: какъ-то съ молодыхъ еще лѣтъ моихъ имѣлъ я счастіе познакомиться съ натурою и узнать драгоцѣнное искусство утѣшаться всѣми ея красотами и изящностями, и съ того времени такъ къ тому привыкъ, что не могу никогда довольно ими навеселиться, и могу сказать, что доставляли и доставляютъ они мнѣ въ жизнь мою безчисленное множество минутъ пріятныхъ».

Немногія сіи слова были сущими искрами, воспламенившими всю внутренность души моего спутника, и положили первое основаніе всему послѣдовавшему потомъ между нами дружеству. Не успѣлъ я ихъ вымолвить, какъ онъ съ нѣкоторымъ родомъ восторга воскликнулъ: «Что это я слышу! и, ахъ! какъ вы меня обрадовали!» — «Чѣмъ такимъ и что̀ такое?» спросилъ я, удивившись.—«А тѣмъ, сказалъ онъ, что я нашелъ въ васъ то, чего желалъ, и чего всего меньше ожидалъ. Будучи и самъ до того и точно такимъ же охотникомъ, никакъ не воображалъ я себѣ, чтобъ могъ найтить въ васъ себѣ подобнаго, и тѣмъ очень-очень доволенъ».—«Признаюсь, отвѣчалъ я ему, обрадовавшись также тому, что и я не менѣе тому радъ, и надѣюсь теперь, что сіе поможетъ намъ проводить время свое въ дорогѣ безъ дальней скуки. Натура поможетъ намъ прогонять ее, станемъ усматривать вездѣ красоты ея, станемъ говорить объ нихъ и утѣшаться совокупно ими».—«Конечно, конечно!» воскликнулъ онъ, и дѣйствительно тотчасъ потомъ началъ и онъ изъявлять мнѣ пріятныя чувствованія души его, производимыя видимыми нами предметами, а я дѣлаться отголосками ихъ.

Но не успѣли мы нѣсколькихъ верстъ отъѣхать, какъ мало по малу начали входить и въ другіе разговоры, но далеко не пустые, а важные и пріятные, относящіеся то до наукъ, то до литературы, то до физическихъ и нравственныхъ предметовъ, и чрезъ то спознакомливаться отъ часу больше взаимно, съ нашими знаніями, съ образомъ и расположеніемъ нашихъ мыслей и чувствіями сердецъ нашихъ. И какое взаимное удовольствіе имѣли мы оба, узнавая и открывая другъ въ другѣ отъ часу болѣе такія же знанія, такія же расположенія мыслей, такія же чувствія сердечныя и все прочее! Все сіе было ни мало неожидаемо нами и все удивляло и радовало насъ чрезвычайно и изобразить истинно не можно, сколько пріятностей доставляло намъ то во все продолженіе сего недальнаго пути! Мы не преставали говорить ни на одну минуту, и нерѣдко отъ нетерпѣливости сообщить скорѣе свои чувствованія и мысли, перехватывали взаимно другъ у друга слова. И о чемъ, и о чемъ мы тогда не говорили, какихъ разныхъ матерій не начинали между собою, и съ какимъ прямо душевнымъ удовольствіемъ слушали взаимно всѣ говоренныя слова другъ у друга. Какъ неописанно удивлялись рѣдкому и прямо удивительному согласію во всемъ, и мыслей нашихъ и чувствъ сердечныхъ. Радость и удовольствіе товарища моего изображались ясно въ его глазахъ и во всѣхъ движеніяхъ и чертахъ лица его.

Онъ не могъ довольно надивиться случаю или паче судьбѣ, сведшей и спознакомившей насъ совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ и сдружившей насъ другъ съ другомъ въ немногія минуты и произведшей то, что мы взаимно другъ друга искренно полюбили и возымѣли одинъ къ одному нелестное почтеніе и приверженность.

И дѣйствительно, одного сего дня довольно было къ связанію между нами тѣснаго и такого узла дружества, которое въ одинаковомъ состояніи продлилось по самую кончину сего милаго и любезнаго человѣка. Я и понынѣ не могу вспомнить его, безъ душевнаго прискорбія и сожалѣнія о его рановременной смерти, и безъ чувствованія пріятныхъ ощущаній при напоминаніи о тогдашнемъ времени и о нашемъ съ нимъ дружествѣ. И хотя прошло съ того времени уже множество лѣтъ, но я всякой день и всего чаще видя предъ собой лаковую жестяную и особаго устроенія чернильницу, изъ которой я во весь послѣдующій мой вѣкъ писалъ и пишу и понынѣ, напоминаю сего друга моего, подарившаго меня ею при одномъ случаѣ, и въ каждой разъ когда ни вспомню, благословляю въ мысляхъ прахъ его и желаю ему ненарушимаго покоя, а ему въ вѣчности блаженства.

Но я удалился уже отъ нити моего повѣствованія и самаго дѣла, и теперь возвращаясь къ оному скажу, что занимаясь помянутыми любопытными и пріятными разговорами, и не видали мы, какъ ѣдучи на ямскихъ долетѣли мы до Кіясовки, и тутъ только вспомнили, что ѣхали туда за дѣломъ, но о которомъ во всю дорогу не имѣли мы времени и помыслить, а не только чтобъ говорить.

Расположившись въ самыхъ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ стоялъ прежде князь, наше первое дѣло было чтобъ отправить того-жъ момента нарочныхъ людей для узнанія, гдѣ находится межевщикъ и когдабы намъ можно было съ нимъ видѣться. Доколѣ посланные могли къ намъ возвратиться, старался товарищъ мой, такъ какъ хозяинъ, всячески меня угостить. Кибитка, взятая имъ съ собою, наполнена была съ избыткомъ всякою всячиною. Господа Салтыковы не преминули напичкать ее всѣмъ и всѣмъ нужнымъ къ столу и успокоенію нашему, и отпустивъ съ нами одного изъ поваровъ своихъ, не позабыли даже о самыхъ винахъ, фруктахъ и вареньяхъ, и я удивился увидѣвъ по накрытіи намъ стола для ужина, установленной его весь и вареными, и жареными и хлѣбенными яствами, и ликерами, и винами. — «Умилосердись, Александръ Михайловичъ, сказалъ я: къ чему такое множество, что вижу для угощенія меня? Ей, ей напрасно!» — «Какъ напрасно! воскликнулъ мой спутникъ: ты у меня гость и гость любезной, и неужели намъ здѣсь голодать? Нѣтъ, нѣтъ, дѣло дѣломъ, а себя намъ къ чему-жъ позабывать. Мытаки будемъ себя довольствовать всѣмъ и всѣмъ, у насъ всего много». — «Хорошо, братецъ, сказалъ я: но иное, право, лучше бы поберечь до Серпухова, тамъ бы оно намъ сгодилось лучше для угощенія господъ межевыхъ, любящихъ-таки рюмки и бутылки, а я, право, ничего не пью, и для меня это совсѣмъ излишнее». — «О! сказалъ на сіе мой спутникъ, тамъ-таки тамъ, найдемъ и въ Серпуховѣ, что надобно, а здѣсь для чего-таки намъ терпѣть нужду и себя не довольствовать? И когда вины вамъ не угодны, такъ по крайней мѣрѣ покушайте прочаго, также вотъ и фруктовъ и вареньевъ». — «О! это другое дѣло, сказалъ я, на это я соглашусь охотно, и я изстари былъ къ сластямъ охотникъ и превеликой лакомка».

Радъ былъ господинъ Салтыковъ, что я сіе вымолвилъ и проболтался и съ того времени, ну-ка меня всѣмъ и всѣмъ и всякой день до избытка всякими сластями подчивать. Словомъ, онъ не зналъ, какъ бы меня угостить лучше.

Въ вечеру легши въ одной комнатѣ спать, не преминули мы опять возобновить о нѣкоторыхъ вещахъ разговоры и проговорили почти до полуночи. А по утру не успѣли мы напиться кофею, какъ прискакали наши посыланные съ извѣ-

стіемъ, что межевщикъ дома, и что если мы къ нему въ тотъ день пріѣдемъ, то застанемъ его дома и можемъ съ нимъ видѣться и обо всемъ, что надобно, переговорить. Услышавъ сіе, ну-ка мы скорѣе не обѣдать, а завтрикать, ну собирать крестьянскихъ лошадей и запрягать ихъ, и сѣвши опять всѣ трое въ карету, скакать къ господину Ваксслю.

Дорогою помышляю я, какъ бы лучше расположить мнѣ свое дѣло, и зная все существо онаго, чего и чего и какъ требовать отъ землемѣра. Обранжировавъ все въ умѣ своемъ мыслями, всходствіе того и далъ я сотоварищу моему наставленіе, какъ ему поступить съ нимъ. Какъ межевщикъ былъ мнѣ уже знакомъ, по прежней его у насъ бытности, ибо мы успѣли тогда съ нимъ кое-о-чемъ поговорить и гораздо познакомиться, то принялъ онъ меня какъ знакомаго уже себѣ человѣка довольно ласково. А я ни съ другого слова, представляя ему своего спутника, ему сказалъ:—«Вотъ батюшка, Василій Савельевичъ, привезъ я къ вамъ челобитчика. Сему человѣку ввѣрила княгиня Бѣлосельская свое спорное межевое дѣло, и онъ съ стороны ея, а я съ стороны князь Сергія Васильевича Гагарина, пріѣхали къ вамъ съ препокорнѣйшею вашею просьбою, о поданіи намъ въ разсужденіи извѣстнаго вамъ спора руку помощи, и о поспѣшествованіи съ вашей стороны всѣмъ, чѣмъ вы можете къ скорѣйшему разрѣшенію онаго». Межевщикъ, будучи великой хитрецъ, началъ было подчивать насъ учтивостями, балясами и пустяками, представлять намъ невозможности и великія затрудненія, говорить, что ему ничего при томъ сдѣлать не можно, и хотя-бы онъ хотѣлъ, но не въ силахъ ничего учинить, и такъ далѣе; но я тотчасъ мигнулъ спутнику своему, чтобъ онъ, по условію нашему, вышелъ на минуту вонъ, и оставшись съ межевщикомъ, одинъ наединѣ, не долго думая, сказалъ:—«Что, батюшка, Василій Савельевичъ, много говорить, мнѣ дѣло это знакомо, и я знаю чего вамъ не можно и что можно сдѣлать, если только похотите. А я васъ увѣряю, что не только князя обяжете вы благодарностью, естли намъ въ семъ случаѣ поможете, но и съ стороны княгини всѣ ваши одолженія не останутся безъ благодарности существительной, разумѣете?» И схватя его руку пожалъ, а потомъ присовокупилъ: «Пожалуйте, судырь, въ этомъ положитесь уже на меня и будьте увѣрены, что соблюдаемо будетъ притомъ и все, что нужно въ такихъ случаяхъ».

Не успѣлъ я сего вымолвить какъ возвратился мой товарищъ, и тогда начали мы возобновлять наши просьбы, и я именно уже говорить о томъ, что и что ему съ своей стороны сдѣлать, и чѣмъ безъ всякаго нарушенія своей должности намъ пособить можно. И изъяснивъ ему все, чего мы отъ него требуемъ и примѣтя, что онъ все еще колебался и задумывался, тотчасъ вышелъ, по условію-жъ нашему, вонъ и оставилъ минуты на двѣ товарища своего наединѣ съ господиномъ Ваксслемъ.

Что у нихъ тамъ происходило того уже не знаю, и никогда не любопытствовалъ и узнать, а то только помню, что при обратномъ вшествіи къ нимъ нашелъ я господина Вакселя совсѣмъ инаковымъ, и усматривалъ радость и удовольствіе, написанное на глазахъ его, и онъ тотчасъ началъ уже инымъ голосомъ говорить: — «Какъ же бы намъ быть, сказалъ онъ; хотѣлось бы мнѣ и самому услужить и князю, и княгинѣ, и подумать развѣ какъ-бы лучше поступить».—«Что долго думать, батюшка», подхватилъ я, говоря уже смѣлѣе, видя, что дѣло у нихъ уже было сдѣлано и они перенюхались, — «а сдѣлайте-ка намъ вотъ то-то и то; все это вамъ можно, а невозможнаго не требуемъ мы и сами».—«Ну, судырь, хорошо, и да буди поглаголу вашему, быть такъ, хоть ужъ потрудиться, но оказать услугу и сдѣлать все что можно». Мы ему поклонъ, а онъ, повторивъ свое обѣщаніе, ну-ка приказывать скорѣе подавать горячее и все, чѣмъ ему насъ дружески угостить хотѣлось. Но всего того было еще недовольно, а онъ, поступивъ далѣе, совѣтовалъ намъ

не упуская времени, ѣхать въ контору, и далъ намъ не только наставленіе къ кому и къ кому намъ тамъ по сему дѣлу адресоваться, но и снабдилъ насъ къ нѣкоторымъ нужнѣйшимъ людямъ отъ себя рекомендательными письмами, съ увѣреніемъ ихъ о вѣрной нашей и тѣмъ благодарности, и отпустилъ насъ отъ себя съ удовольствіемъ совершеннымъ.

Такимъ образомъ, кончивъ одно дѣло съ вожделѣннѣйшимъ успѣхомъ и возвратившись въ Кіясовку, не стали мы долго медлить, но переночевавъ только, пустились въ Серпуховъ. Тамъ пріискавши себѣ нанять порядочную квартирку, и расположившись на нѣсколько дней пожить, съ наступленіемъ послѣдующаго дня, пустился я по всему городу рыскать и отыскивать всѣхъ людей, съ которыми намъ надлежало имѣть дѣло и къ которымъ отчасти имѣлъ я отъ Вакселя письма. И какъ я имѣлъ въ семъ городѣ изъ межевыхъ многихъ знакомыхъ, и между прочимъ, знали меня отчасти уже и тѣ самые, то не трудно было мнѣ ихъ всѣхъ не только отыскать, но при помощи тѣхъ писемъ переговорить съ ними и полюбовную рѣчь. И какъ извѣстно было мнѣ, что господа сіи любили и погулять, и что попойки, дѣлаемыя имъ, производили великое дѣйствіе, то, по условію съ товарищемъ моимъ, зазывалъ я ихъ къ себѣ на вечеринку, къ которой между тѣмъ спутникъ мой уже и дѣлалъ нужныя приуготовленія.

Какъ просьбы о томъ не было мнѣ нужды два раза повторять, ибо господа сіи были тому и ради, то и слетѣлись они всѣ къ намъ, какъ соколья къ назначенному времени; и какъ намъ было чѣмъ блеснуть, то и задали мы имъ такую попойку, какой они едва ли отъ кого иного получали, и угостили и угобзили ихъ такъ, что всѣ они сдѣлались намъ друзьями, и обѣщавъ намъ всѣми совокупными силами помогать и употребить все, что только можно было къ скорѣйшему и такому окончанію нашего дѣла, какого намъ только хотѣлось, и разстались съ нами съ удовольствіемъ совершеннымъ.

Какъ во время сего пированія и между тѣмъ какъ товарищъ мой ихъ поилъ и угащивалъ, не былъ и я безъ дѣла, и не упускалъ удобныхъ случаевъ къ переговорамъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, а иногда и со всѣми ими совокупно, и къ преклоненію ихъ къ поданію руки помощи, и былъ, такъ сказать, главнымъ дѣйствующимъ при томъ лицомъ и всего дѣла производителемъ; то по отшествіи нашихъ гостей товарищъ, видя столь доброе и успѣшное начало, былъ всѣмъ тѣмъ такъ доволенъ, что, обнявши меня, поцѣловалъ и не могъ найтить довольно словъ къ возблагодаренію меня за всѣ мои труды, старанія и расторопность, а я не менѣе его былъ радъ, что дѣло наше начинало клеиться и мнѣ удалось положить оному столь удачное основаніе и начало.

На другой день, по сдѣланному съ гостями нашими условію, явились мы въ межевую контору. Тутъ не успѣли мы показаться, какъ всѣ секретари и прочіе чиновники, бывшіе у насъ наканунѣ, сбѣжались къ намъ въ одинъ мигъ и здоровкались съ нами, какъ уже съ друзьями, принося тысячи благодареній за наше угощеніе. Но для насъ всего пріятнѣе было ихъ извѣщеніе, что они успѣли уже и самихъ господъ судей предварить и предубѣдить въ нашу пользу. Сіе было для насъ неожидаемою и крайне пріятною новостью, и мы не успѣли еще изъявить имъ за то своей благодарности, какъ одинъ изъ нихъ успѣлъ уже о приходѣ нашемъ сказать господамъ присутствующимъ и выбѣжалъ къ намъ съ приглашеніемъ насъ къ нимъ въ судейскую. Натурально, что сіе было для насъ также непротивно, и какъ судьямъ пересказано уже существо нашего дѣла и желанія, и они были уже предварены, что дѣло сіе касается до покупаемой самою государынею волости, и что за неразрѣшеніемъ сихъ споровъ остановилась и покупка оной, то сіе одно въ состояніи уже было побудить ихъ принять насъ очень благосклонно. Они тотчасъ приказали подать намъ стулья, и посадивъ насъ подлѣ себя, начали съ нами разговаривать очень дру-

желюбно; и какъ главнѣйшимъ предметомъ разговоровъ было наиболѣе наше дѣло, то натурально не сидѣлъ и я молча, но успѣлъ всѣхъ ихъ и скоро довесть до того, что они сами предлагали намъ съ своей стороны всякое вспоможеніе и обѣщали къ скорѣйшему разрѣшенію и окончанію сего дѣла употребить все, что имъ только можно, и тутъ же при насъ приказали секретарямъ производить нужныя по сему дѣлу справки и писать, что было надобно.

Будучи всѣмъ тѣмъ крайне довольны и по изъявленіи имъ благодарности, вышедъ въ секретарскую, непремнули мы паки ко всѣмъ нашимъ друзьямъ адресоваться и пригласить ихъ по выходѣ изъ конторы къ себѣ на водку. И какъ они отъ того не отреклись, то спѣшили мы иттить обратно на свою квартиру, дабы успѣть къ тому поприготовиться; и какъ вознамѣрились мы при семъ случаѣ ихъ и накормить, то и долженъ былъ нашъ поваръ, къ скорѣйшему приготовленію обѣда, употребить всѣ свои силы и возможности. И какъ, по счастію, поваръ случился малой проворной, провизіи-жъ было съ нами всякой множество и самой посуды много, а и времени оставалось къ тому еще довольно, то и успѣли мы состряпать и приготовить для нихъ порядочной столъ и такой обѣдъ, какого они себѣ и не воображали.

Едва лишь мы все сіе кончили, какъ появились и друзья наши, и вмѣстѣ съ ними и еще нѣкоторые изъ межевыхъ. Тутъ тотчасъ загремѣли у насъ рюмки и подносы и начались уже дружескія трактаціи о нашемъ дѣлѣ. Они разсказывали намъ, что они успѣли уже въ оное основательнѣе войтить, и что вознамѣрены по оному произвесть и чѣмъ поспѣшествовать къ скорѣйшему онаго окончанію. Я одобрилъ все то совершенно и весьма доволенъ былъ всѣми ихъ намѣреніями и предпріятіями, а того еще довольнѣе былъ тѣмъ, что они успѣли уже предписать Вакселю, къ скорѣйшему созванію всѣхъ по сему дѣлу постороннихъ повѣренныхъ и къ принужденію ихъ явиться какъ можно скорѣе въ контору, и чтобъ самъ онъ явился съ ними и привезъ съ собою нужные планы, и что уже отправленъ съ тѣмъ къ нему нарочной и отъ нихъ писано было приватно, чтобъ онъ и съ своей стороны постарался повѣренныхъ сихъ извѣстными средствами предуготовить къ желаемому намъ согласію.

Пріятно было все сіе товарищу моему слышать, у него прыгало отъ радости даже сердце и побуждало его усугубить къ нимъ еще болѣе ласки. И когда начали-было они подниматься иттить домой, то приступилъ онъ къ нимъ съ просьбою, нельзя ли имъ насъ одолжить и съ нами, дорожными людьми, вмѣстѣ и чѣмъ Богъ послалъ отобѣдать. Они начали-было отнѣкиваться; но какъ присовокупилъ къ тому и я свою просьбу, то наконецъ согласились. И тогда вдругъ загремѣли у насъ столы и тарелки, и въ какое-жъ удивленіе они пришли, увидѣвъ вмѣсто скуднаго дорожнаго обѣда столъ, установленной множествомъ всякаго рода прекрасно изготовленныхъ кушаньевъ, а того множайшими рюмками и бутылками съ дорогими винами. И какъ сіи еще болѣе соблазнили ихъ зрѣніе, то съ восторгомъ они восклицали: «Ай, братъ! Это уже совсѣмъ не дорожной, а столъ хоть бы куда. Спасибо! право, спасибо!»

Итакъ, ну-ка мы съ ними ѣсть, пить и прохлаждаться; а какъ скоро кончили ѣсть, то удивились они еще болѣе, увидѣвъ вдругъ весь столъ, установленный фруктами, конфектами и вареньями. «Ну, братъ, нечего говорить, твердили они только, имѣя уже въ головахъ изрядныя шпильки; — задалъ ты намъ пиръ! Да когда это вы успѣли все это приготовить?» А явившаяся послѣ кофея превеликая чаша пунша, сдѣлала бесѣдѣ нашей окончаніе и доконала иныхъ такъ, что они не пошли, а побрели уже кое-какъ по домамъ своимъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни велика была всѣхъ ихъ къ намъ пріязнь, и какъ ни усердно всѣ они старались поспѣшествовать скорѣйшему окончанію нашего дѣла,

но оказалась самая необходимость вооружиться намъ на нѣсколько дней терпѣніемъ и прожить въ Серпуховѣ гораздо болѣе недѣли. Ибо, во-первыхъ, надобно было дать время Вакселю исправить свое дѣло и доставить въ контору повѣренныхъ, и самому пріѣхать съ ними; а во-вторыхъ, востребовалась необходимая надобность къ представленію отъ насъ въ контору одного письменнаго документа, котораго, по несчастію, не было съ нами, а находился онъ въ Москвѣ. И какъ товарищу моему другого не оставалось, какъ отправить за нимъ на почтовыхъ нашего третьяго спутника, котораго готовили они въ свои стряпчіе и, по хорошему воспитанію, отмѣнно любили и уважали, то надобно было дождаться и обратнаго его возвращенія изъ Москвы.

Остановка сія была хотя товарищу моему и весьма непріятна, но я нашелъ скоро способъ успокоить его въ разсужденіи сего пункта. «А что, Александръ Михайловичъ, сказалъ я ему, хочу я тебѣ нѣчто предложить!»—«А что такое, братецъ?»—«А вотъ что... жить мы здѣсь станемъ дни три совсѣмъ попустому и дѣлать намъ будетъ нечего. Семъ-ка въ сіе время съѣздимъ мы ко мнѣ въ деревню: живу я отсюда не далѣе двадцати пяти верстъ. Ты бы посмотрѣлъ мое житьебытье, и одолжилъ бы меня тѣмъ очень много, а я бы кстати повидался съ моими домашними и родными». — «Очень хорошо, сказалъ мнѣ мой Александръ Михайловичъ, я готовъ хоть въ сію минуту сдѣлать вамъ сіе удовольствіе, и самъ буду тому радъ, что спознакомлюсь съ вашимъ семействомъ». Итакъ, въ мигъ подхватили мы ямскихъ лошадей и сѣвши въ карету, налегкѣ, черканули въ мое любезное Дворяниново.

Не могу изобразить какъ обрадованы были всѣ домашнія мои нечаяннымъ и совсѣмъ неожидаемымъ моимъ пріѣздомъ къ нимъ, и какъ довольны были тѣмъ, что я привезъ съ собою новаго своего знакомца и друга. Онѣ замучили меня спросами и распросами обо всемъ и обо всемъ, а товарища моего не знали какъ угостить лучше. Что касается до меня, то мнѣ всего пріятнѣе было то, что гостю моему все у меня полюбилось, и онъ прямо находился въ удовольствіи. И семейство мое ему нравилось, и домикъ мой былъ ему милъ, и сады мои казались хороши, а на усадьбу и красоту мѣстоположенія, видимаго изъ дома моего, не могъ онъ довольно насмотрѣться и налюбоваться всѣми видимыми предметами. Мы не оставили ни одного почти уголка во всѣхъ моихъ садахъ и усадьбѣ, гдѣ бы мы съ нимъ не побывали, и во многихъ мѣстахъ не сидѣли и наипріятнѣйшимъ образомъ дружески не разговаривали. Въ особливости же памятенъ мнѣ одинъ весьма важной разговоръ, которой имѣли мы съ нимъ на самой Петровъ день въ моемъ нижнемъ саду, сидючи въ тѣни подъ лозками. Садъ сей былъ тогда хотя и далеко не таковъ хорошъ, каковымъ сдѣлалъ я его послѣ и каковъ онъ нынѣ, однако имѣлъ въ себѣ уже много пріятныхъ мѣстъ. Лучшее же и самое прохладнѣйшее изъ нихъ было подъ помянутыми лозками, существующими еще и понынѣ и растущими подъ плотиною моей на горной предъ домомъ сажелки. Но тогда лозы сіи были въ наилучшемъ своемъ и молодомъ ростѣ, и между каждою изъ нихъ подѣланы были покойныя дерновыя креслы. И какъ сіе мѣсто дѣйствительно было наипрохладнѣйшее и удобнѣйшее для сидѣнія во время жара и тѣмъ пріятнѣйшее, что съ онаго видно было все прекрасное теченіе нашей рѣки Скниги и всѣ красоты положенія мѣстъ, окружающихъ съ сей стороны мое обиталище, то полюбилось оно ему отмѣнно.

И тутъ-то, сидючи въ прохладной тѣни, провели мы съ нимъ болѣе двухъ часовъ въ пріятномъ и прямо въ философическомъ разговорѣ о пріятностяхъ и выгодахъ мирной и спокойной деревенской жизни и вообще о счастіи и истинномъ благополучіи человѣческомъ. И какъ самое сіе подало мнѣ поводъ упомянуть ему о сочиненной мною о семъ предметѣ книгѣ, то захотѣлось ему непремѣнно ее тогда же видѣть. Онъ просилъ меня по-

казать ему ее, и я принужденъ былъ за нею сбѣгать и по принесеніи прочесть ему кое-что изъ оной.

Не могу изобразить, какъ полюбилось ему тогда сіе сочиненіе. — «О, братецъ! сказалъ онъ, это сокровище, а не книга!» И не выпускалъ ее съ того времени почти изъ рукъ, покуда ущипками и урывками не прочелъ ее всю съ начала до конца. Я принужденъ былъ взять ее для него съ собою въ Серпуховъ и онъ столько находилъ въ ней для себя пріятнаго и хорошаго, что не далъ мнѣ покоя, доколѣ не обѣщалъ я ему взять ее съ собою въ Москву и дать ему списать всю ее для своего употребленія. А таковой-же участи удостоилась и «Дѣтская моя философія», до которой дошелъ у насъ также разговоръ и которая ему полюбилась столько-жъ; и какъ имѣли они у себя въ Москвѣ цѣлую канцелярію добрыхъ писцовъ, то и дѣйствительно списали они всѣ сіи книги для его въ самое короткое время.

Въ сихъ и другихъ пріятныхъ дружескихъ и безпрерывныхъ разговорахъ и занятіяхъ, и не видали мы какъ протекли тогда тѣ двое сутокъ, которые онъ тогда у меня пробылъ. Обращеніемъ моимъ съ нимъ и всѣмъ угощеніемъ былъ онъ такъ доволенъ, что божился мнѣ, что оба сіи дни будутъ ему по смерть памятны. А и для меня былъ гость наипріятнѣйшій въ жизни, и дни сіи такъ пріятны, что я и понынѣ вспоминаю ихъ не инако какъ съ удовольствіемъ душевнымъ. Помянутая-жъ сидѣлка подъ лозками сдѣлалась мнѣ такъ достопамятна, что я всегда, идучи мимо ея, вспоминаю тогдашнія пріятныя минуты, провожденныя на ней съ симъ истиннымъ моимъ другомъ.

Наконецъ надлежало намъ разставаться съ моимъ Дворяниновымъ и для окончанія нашего дѣла ѣхать обратно въ Серпуховъ. Тамъ нашли мы курьера нашего, уже возвратившагося изъ Москвы и привезшаго къ намъ не только надобной документъ, но и множество вновь всякаго рода провизіи. А вскорѣ за симъ пріѣхалъ и Ваксель съ повѣренными, но съ сими имѣли всѣ мы множество трудовъ и не прежде уломали и склонили ко всему желаемому нами, какъ чрезъ нѣсколько дней, употребляя къ тому и волчій ротъ и лисій хвостъ, и за всѣмъ тѣмъ принуждены были множайшіе дни прожить, нежели мы думали. Въ которое время между тѣмъ, какъ я хлопоталъ, товарищъ мой занимался наиболѣе чтеніемъ моихъ сочиненій и въ томъ съ удовольствіемъ проводилъ время.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ удалось намъ дѣло наше наиудобнѣйшимъ образомъ кончить, и какъ оставалось тогда задать только друзьямъ нашимъ межевымъ на прощанье опять добрую попойку и угостить, кого болѣе слѣдовало, то исполнивъ и сіе, не стали мы долѣе медлить ни минуты, но подхватя почтовыхъ полетѣли обратно въ Москву. И какъ товарищу моему хотѣлось возможнѣйшимъ образомъ поспѣшить, то и ѣхали мы съ такою скоростью, съ какою я отъ роду моего до того и послѣ никогда не ѣзжалъ, и во мнѣ души почти не было отъ страха, чтобъ колеса наши не разлетѣлись въ дребезги. Но, по счастію, карета была крѣпка и мы пріѣхали въ Москву благополучно, и провели въ пути менѣе сутокъ.

Симъ окончу я мое письмо, и предоставивъ прочее будущему, скажу, что я есть вашъ и прочее.

(Декабря 30 дня 1808 года).

Письмо 174-е.

Любезный пріятель! Пріѣздъ нашъ и удачное окончаніе нашего сумнительнаго дѣла, обрадовалъ не только княгиню, съ господами Салтыковыми, но и самого моего князя: тѣхъ потому, что имъ нетерпѣливо хотѣлось получить съ князя за волость денежки, а сего потому, что сіе разрѣшеніе и окончаніе спорнаго межевого дѣла развязало ему руки и ему можно уже было приступить къ формальной покупкѣ волости. Но надобно признаться, что и самому мнѣ было то очень-

очень непротивно и болѣе потому, что удалось мнѣ, по пословицѣ говоря, съ небольшими хлопотами и трудами, загресть чужими руками жаръ, и чрезъ то избавить самого себя отъ безчисленныхъ заботъ, хлопотъ, трудовъ и самыхъ неудовольствій, которыя неминуемо навлекло бы на меня сіе спорное дѣло, естлибъ мы купили волость безъ разрѣшенія онаго, и мнѣ бы самому уже о томъ хлопотать надлежало, въ которомъ случаѣ, не могши такъ транжирить и столько убытчиться, какъ они, не могъ бы я никакъ его такъ скоро и удачно кончить. А сверхъ того и то мнѣ было пріятно, что мнѣ удалось тѣмъ услужить и княгинѣ и господамъ Салтыковымъ, а не менѣе доставить и князю новое удовольствіе.

И подлинно, не успѣла княгиня и друзья ея услышать обо всемъ и отъ спутника моего узнать, что и что я при томъ дѣлалъ и какъ проворилъ и мастерилъ, какъ начали осыпать меня тысячами благодареній, и говорить что я обязалъ ихъ тѣмъ чрезвычайно. А и князь не успѣлъ насъ, съ господами Салтыковыми, пріѣхавшихъ къ себѣ, увидѣть, какъ ни мало толь скораго окончанія неожидая, съ примѣтнымъ удовольствіемъ воскликнулъ: «Ба, ба, ба! уже и возвратились, и неужели все кончили?»—«Кончили, отвѣчалъ я, и противъ всякаго чаянія весьма удачно и хорошо». — «Но за то, подхватили господа Салтыковы, обязаны мы великою благодарностью вашему сіятельству за увольненіе Андрея Тимоѳеевича, безъ него нечего-бы намъ дѣлать: все это такъ скоро, удачно и хорошо кончено единственно его стараніемъ, попеченіемъ и расторопностью». Князь улыбнулся отъ удовольствія, и сказалъ имъ на сіе: «Такъ его, а не меня вы за то и благодарить должны».

Послѣ сего долженъ я былъ пересказать князю на короткихъ словахъ все и все, что у насъ происходило тамъ, и что и что сдѣлано. Князь только усмѣхался, все сіе слушая, и какъ я все свое повѣствованіе кончилъ, то сказалъ:—«Ну, слава же Богу, то не осталось уже никакого помѣшательства и намъ, Борисъ Михайловичъ, можно уже будетъ приступить къ совершенію купчей».—«Конечно, можно, отвѣчалъ онъ, и теперь зависитъ отъ воли вашего сіятельства назначить къ тому день». — «Очень хорошо, сказалъ князь, и чѣмъ откладывать вдаль, такъ неугодно-ли приступить къ тому съ завтрешняго дня, и постараться о пріисканіи намъ знающаго человѣка къ написанію купчей, и ко мнѣ, съ написанною вчернѣ, пожаловать». —«Очень хорошо», сказалъ г. Салтыковъ и тотчасъ полетѣлъ въ вотчинную коллегію, для начинанія сего дѣла. Но гдѣ-то пріискали къ тому знатока, гдѣ-то написали ее вчернѣ, гдѣ-то сообща всѣ ее разсматривали, и все что нужно было въ ней прибавляли, гдѣ-то переписывали набѣло.... во всемъ томъ провели не менѣе трехъ сутокъ; но наконецъ, 18 числа іюля подписала ее княгиня и по собраніи великаго множества къ тому свидѣтелей, купчая надлежащимъ образомъ была совершена, и осталось только князю и княгинѣ расписаться въ книгѣ. И какъ для сего надсмотрщикъ привезенъ былъ съ книгою въ домъ княгини, то и князь расположился самъ туда-же къ ней пріѣхать. Итакъ, взявъ меня съ собою и поѣхали, и оба они въ книгѣ расписались. Купчая по обыкновенію вручена была надсмотрщикомъ княгинѣ, а сія хотѣла-было вручить ее князю, но сей не принявъ просилъ ее, чтобъ она изволила присылать къ нему для пріема и полученія денегъ, и прислала бы ее уже по полученіи денегъ.

Какъ сумма платимая за волость была немаленькая и простиралась до ста двадцати тысячъ рублей, и всю ее надлежало считать, поелику вся она была чистою серебряною монетою; то принуждены мы были съ г. Шебашовымъ употребить весь послѣдующій день на отпусканіе оной изъ кладовой княжеской, гдѣ они у него хранились, а господа Салтыковы, пріѣзжавшіе для сего сами, на принимаціе оной отъ насъ и считаніе. Наконецъ повезли они ее отъ насъ на фурѣ, въ шесть лошадей запряженной, а вслѣдъ за нею поѣхали и мы съ г. Шебашовымъ

къ княгинѣ для полученія купчей, которую она намъ и вручила.

Такимъ образомъ кончили мы съ княгинею Бѣлосельскою наше дѣло и князю оставалось только снабдить меня инструкціею и нѣсколькими ордерами, и отправить въ Кіясовку для вступленія въ мою управительскую должность. Первую препоручилъ князь написать самому мнѣ для себя, и сіе составило для меня щекотливую коммиссію. Но какъ бы то ни было, но я ее написалъ и князь ею былъ доволенъ. Ордера же писалъ г. Шебашевъ. Итакъ, оставалось мнѣ только побывать въ рядахъ и искупить по повелѣнію князя нѣкоторыя нужныя для заведенія въ Кіясовкѣ волостной канцеляріи покупки, и потомъ отправляться. И какъ на иные, равно и на другіе нужные первые расходы въ Кіясовкѣ, доколѣ будутъ вступать волостные доходы, потребны были деньги, то и приказалъ князь Шебашеву отпустить мнѣ нѣкоторую сумму.

Во всемъ томъ писаніи и приниманіи денегъ и провелъ я весь почти послѣдующій день; но какъ въ городъ иттить было уже поздно, а дня оставалось еще довольно, то и разсудилъ я употребить сіе оставшее время на удовлетвореніе желанія господъ Салтыковыхъ, которые взяли съ меня клятву, чтобы не уѣзжать изъ Москвы, съ ними не простившись. Итакъ, чтобъ отвязаться уже отъ нихъ и наутріе имѣть болѣе свободы, и поѣхалъ я къ нимъ на извощикѣ.

Ѣдучи дорогою помышлялъ я и говорилъ самъ себѣ: уже не затѣмъ ли они меня къ себѣ пригласили, чтобъ подарить меня чѣмъ-нибудь за мои труды и хлопоты. И какъ я неинако думалъ, что вздумаютъ они навязывать на меня какую-нибудь бездѣлку, то считалъ за постыдное для себя принять оную и рѣшительное намѣреніе принялъ отказаться отъ того, ежели сіе воспослѣдуетъ.

Въ сихъ помышленіяхъ и пріѣхалъ я въ домъ княгининъ. Я прошелъ прямо въ комнаты господъ Салтыковыхъ, но изъ всѣхъ ихъ нашелъ только Александра Михайловича, другихъ же обоихъ братьевъ не было дома. Помянутой другъ мой, ни съ другова слова, подхватя меня повелъ въ комнаты къ княгинѣ. Сія приняла меня съ отмѣнною уже ласкою и пріятствомъ передъ прежнимъ. Я не зналъ что-бы это значило, но послѣ узналъ, что какъ Александръ Михайловичъ имѣлъ уже время пересказать ей все, что онъ обо мнѣ и объ охотѣ моей къ наукамъ, о моихъ знаніяхъ, о моемъ житьѣ-бытьѣ и о характерѣ моемъ зналъ; то она, будучи сама до наукъ, а особливо до натуральной исторіи, нѣкоторою охотницею, получила обо мнѣ уже гораздо выгоднѣйшее предъ прежнимъ мнѣніе и потому, приласкавъ меня, тотчасъ вступила со мною въ пріятные и относящіеся до наукъ разговоры. И какъ натурально и я не имѣлъ причины молчать, то провели мы все время до ужина, безъ котораго она меня отпустить никакъ не хотѣла, со взаимнымъ и особымъ удовольствіемъ. Наконецъ пріѣхали и другіе оба братья, и какъ она имѣла обыкновеніе ужинать очень рано, то тотчасъ и позвали насъ къ столу и княгиня, посадивъ меня подлѣ себя, не знала какъ меня лучше всѣмъ и всѣмъ уподчивать.

Отужинавъ не сталъ я далѣе ни минуты медлить, но раскланявшись и распрощавшись съ нею и господами Салтыковыми, осыпавшими меня вмѣстѣ съ нею опять за все и все тысячами благодареній, поскакалъ я обратно на свою квартиру, будучи крайне доволенъ, что о подаркѣ, какъ казалось, не было ни у кого и на умѣ, хотя то мнѣ нѣкоторымъ образомъ и удивительно казалось.

Теперь разскажу вамъ объ одномъ странномъ, рѣдкомъ и весьма достопамятномъ въ жизнь мою произшествіи, случившимся со мною по пріѣздѣ моемъ на квартиру, произшествіи, могущемъ доказать, что были на свѣтѣ люди, чувствовавшіе прямую благодарность и умѣвшіе не только цѣнить и имѣть истинное дружество, но показывать тому рѣдкіе и почти необыкновенные опыты и доказательства. Было оно слѣдующее:

Какъ тогда начинало уже хотя смер-

каться, но было еще свѣтло и случился тогда быть наипрекраснѣйшій іюльской вечеръ, то по возвращеніи своемъ въ душную свою квартиру, ибо стоялъ я все еще у Шебашова, и нехотя ложиться спать, вздумалъ я выттить за вороты и проходиться нѣсколько по улицѣ, при тогдашнемъ прохладномъ уже воздухѣ. Но не успѣлъ нѣсколькихъ десятковъ саженъ отъ воротъ своей квартиры отойтить, какъ вдругъ встрѣчается со мною скачущая почти карета, и сидѣвшій въ ней закричалъ кучеру «Стой! стой! стой»!

Я удивился сіе увидѣвъ; но удивленіе мое несказанно еще увеличилось, когда увидѣлъ я въ выходящемъ изъ кареты и прямо ко мнѣ идущимъ друга моего Александра Михайловича Салтыкова. «Ба! ба! ба! Александръ Михайловичъ! воскликнулъ я: куда это»? — «Къ тебѣ, мой милый и любезный другъ, сказалъ онъ; мнѣ хотѣлось еще разъ съ тобою проститься, и вручить тебѣ вотъ знакъ княгининой благодарности за всѣ твои труды и старанія, а отъ себя жертву моего къ тебѣ дружества». И въ самое то время, выхвативъ изъ кармановъ одною рукою довольно толстой и запечатанной пакетъ, а другою небольшой свертокъ бумаги, сей всунулъ мнѣ въ карманъ, а тотъ совалъ мнѣ за пазуху. Поразился я сею неожидаемостію и хотя не зналъ, что такое было въ свертке и въ пакетѣ, но заключая, что находились въ нихъ какіе-нибудь подарки, сталъ упорствовать и, не принимая, говорить: «Помилуй, братецъ! на что это, на что? и стоятъ ли чего всѣ мои труды и старанія. Я радъ, что удалось мнѣ всѣмъ вамъ услужить, и одно чувствуемое отъ того удовольствіе служитъ мнѣ уже довольною наградою. Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ я, отъ часу болѣе противяся, говорить, воля твоя, а я никакъ не приму, и на что княгинѣ для меня убытчиться!» — «Пустое, братецъ! какой это убытокъ! подхватилъ онъ: мы сегодни же все ваше серебрецо промѣняли на ассигнаціи и получили болѣе трехъ тысячь барыша, такъ стоятъ ли чего эти бездѣлки»! Услышавъ сіе и заключая, что въ пакетѣ запечатана какая-нибудь вещица, а въ сверткѣ находилось нѣсколько денегъ, сталъ-было я еще болѣе упорствовать и выхвативъ всунутой мнѣ за пазуху пакетъ, опять ему въ руки впирать; но онъ, опять его всунувъ мнѣ за камзолъ, сказалъ: «Воля твоя и какъ ты хочешь, а взять ты это неотмѣнно долженъ; человѣкъ ты любезной, но не богатой, и тебѣ, моему другу, это сгодится», и поцѣловавъ меня потомъ и сказавъ: «ну, прости мой другъ»! опрометью побѣжалъ въ карету и усѣвшись въ нее поскакалъ отъ меня прочь, сказавъ только мнѣ уже изъ кареты: «Пожалуй только, мой другъ, подержи это за собой и не сказывай никому, да и самую княгиню не только не благодари, но не упоминай о томъ ей ни одного слова. Она неотмѣнно того хочетъ».

Изумленіе, въ которое приведенъ я былъ симъ внезапнымъ, страннымъ и особливымъ происшествіемъ, было таково, что я его никакъ изобразить не въ состояніи. Я почти оцѣпенѣлъ на нѣсколько секундъ, и смотря въ слѣдъ исчезнувшей у меня изъ глазъ каретѣ, не зналъ что думать. Но какимъ новымъ изумленіемъ я поразился, когда, любопытствуя узнать, что такое было въ бумажномъ сверткѣ, развернувъ его увидѣлъ, что находилось въ немъ цѣлыхъ триста рублей золотыми имперіалами. «Господи! воскликнулъ я отъ удивленія: какое множество золота, и стоютъ ли того труды мои и услуга?» Но изумленіе мое еще несказанно увеличилось и было неизобразимо, когда, любопытствуя также узнать, что въ пакетѣ, распечатавъ его увидѣлъ, что вмѣсто мнимой какой вещицы весь онъ наполненъ былъ одними только ассигнаціями: «Ба! ба! ба! воскликнулъ я, и тутъ ажно однѣ деньги»! Но сколь удивленіе мое увеличилось, когда я, перечитавъ ихъ въ скорости, усмотрѣлъ, что содержали онѣ въ себѣ цѣлую тысячу рублей.

Зрѣлище сіе въ мигъ привело тогда всю кровь мою въ волненіе превеличайшее, а сердце во мнѣ такъ затрепетало,

что хотѣло почти выскочить, и я равно какъ въ нѣкакомъ восторгѣ воскликнулъ: «Господи! что это такое»! и опять замолчалъ, погрузясь въ тысячу мыслей, произведенныхъ во мнѣ сею неожидаемостью. Сумма сія была такая, какой я еще никогда не имѣлъ у себя отъ своего рожденія, и нынѣ не составляетъ она никакъ бездѣлки, а по тогдашней дороговизнѣ денегъ была гораздо еще важнѣйшею, и натурально должна была показаться мнѣ чрезвычайною. И какъ вручена она была мнѣ такимъ особливымъ образомъ, и втерта насильно въ руки съ такимъ еще особымъ условіемъ, то сталъ я въ пень, не зналъ, что думать, и крестился только отъ удивленія неизобразимаго.

Долго и нѣсколько минутъ продолжалось сіе мое изумленіе. Но наконецъ, сообразивъ всѣ обстоятельства предслѣдовавшихъ тому происшествій, и помысливъ о томъ, что я сего не искалъ, не требовалъ и даже не желалъ, почелъ даръ сей не инымъ чѣмъ, какъ даяніемъ Господнимъ и дѣйствіемъ непостижимаго Его и о благѣ моемъ пекущагося Промысла, и принявъ его со вздохомъ сердечной къ нему благодарности, пошелъ обратно въ свою квартиру, будучи весьма доволенъ, что никто происшествія сего не видалъ и что происходило оно почти наединѣ съ моимъ другомъ.

Легко можно заключить, что я не имѣлъ причины сказывать о томъ не только моему хозяину, но даже и своимъ людямъ, ничего того не вѣдавшимъ и невидавшимъ; но легши скоро послѣ того спать, долго я не могъ уснуть отъ толпящихся въ головѣ моей множества разныхъ и пріятныхъ мыслей. Но за то и послѣдовавшій потомъ сонъ былъ столь пріятенъ, что я давно такъ сладко и хорошо не сыпалъ, какъ въ тогдашнюю ночь. Но подарили-ль они чѣмъ-нибудь товарища моего г. Шебашова, о томъ истинно не знаю и по нынѣ. Спрашивать его о томъ было мнѣ совѣстно и неловко, самъ же онъ не сказывалъ, а замѣтно было только то, что не изъявлялъ онъ ни на княгиню, ни на гг. Салтыковыхъ никакого неудовольствія. Что-жъ касается до подаренной мнѣ суммы, то видно, что подарена была она мнѣ отъ добраго сердца, ибо она обратилась мнѣ впрокъ и послужила первымъ основаніемъ всему тому маленькому капитальцу, которой имѣлъ я въ послѣдующее время и пригодилась мнѣ очень-очень кстати.

На другой день проснувшись съ новыми и до того неизвѣстными мнѣ еще пріятными чувствіями, ибо я почиталъ себя тогда уже богатымъ человѣкомъ, пошелъ я къ князю, и принявъ отъ него послѣднія приказанія и раскланявшись съ нимъ, прошелъ прямо въ городъ, и исправивъ всѣ нужныя покупки, нанялъ потомъ подъ коляску свою лошадей и передъ вечеромъ пустился изъ Москвы и поѣхалъ прямою дорогою въ Кіясовку, для немедленнаго вступленія въ новую свою управительскую должность, куда, ночевавъ на дорогѣ въ Пахрѣ, на другой день и пріѣхалъ.

Случилось сіе 22-го числа мѣсяца іюля и въ самые почти полдни. Подъѣзжая къ сему селу, чувствовалъ я въ себѣ нѣкоторыя особливыя и не непріятныя ощущанія, и не преминулъ нѣсколько разъ перекреститься при въѣздѣ въ самое село, и чтобъ мысленно не попросить Господа о ниспосланіи мнѣ, при вступленіи въ новое поприще жизни, святого своего благословенія и преподанія мнѣ во всемъ руку помощи. Меня тутъ начальники уже нѣкоторымъ образомъ дожидались и тотчасъ сбѣжались ко мнѣ, какъ скоро коляску мою завидѣли. Я расположился на время въ тѣхъ же нижнихъ комнатахъ, гдѣ мы до того времени квартировали, и при вступленіи въ свою должность первымъ дѣломъ моимъ было то, чтобъ приказать наутріе собраться всѣмъ крестьянамъ, для выслушанія послушнаго указа, которымъ непреминула насъ, по обыкновенію, снабдить княгиня Бѣлосельская.

Между тѣмъ успѣлъ я въ тотъ же день обходить сады и прочія мѣста усадьбы и распросить у начальниковъ о всѣхъ тогдашнихъ въ волости обстоятельствахъ,

также осмотрѣть гумно и производимую въ тотъ день молотьбу хлѣба; а ввечеру занялся я писаніемъ къ князю о прибытіи своемъ въ волость перваго рапорта и нѣкоторыхъ другихъ писемъ.

Какъ въ послѣдующій день всѣ крестьяне изъ села Кіясовки и другихъ принадлежащихъ къ селу сему ближнихъ деревень были собраны, то вышедъ къ нимъ, прочелъ я имъ послушной указъ и потомъ поздравилъ ихъ съ новою и столь знаменитою помѣщицею. Всѣ они изъявляли о томъ свою радость и удовольствіе; а я послѣ того сказалъ имъ, что какъ я по волѣ ея опредѣленъ для управленія ими, то при первомъ случаѣ совѣтую имъ: что какъ они теперь уже не владѣльческіе, а собственные крестьяне самой государыни и гораздо преимущественнѣе всѣхъ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ, то они сіе всегда-бъ помнили и не постыдили бы себя никакими дурными поступками, а постарались бы какъ можно, будущимъ своимъ поведеніемъ и мирнымъ и порядочнымъ житьемъ и повиновеніемъ, смыть съ себя то гнусное пятно, которымъ замараны они всеобщею объ нихъ молвою. «Повсюду,—продолжалъ я имъ говорить, — носится объ васъ, друзьяхъ моихъ, весьма скверная и гнусная молва! Говорятъ, будто-бы вы преданы уже слишкомъ шалостямъ и воровству и будто бы уже до того дошло, что никто изъ проѣзжихъ не смѣетъ и не отваживается у васъ здѣсь въ селѣ ночевать. Я не знаю, правда-ли то или нѣтъ, но желаю, чтобъ была то неправда. Но на случай, если молва сія не пустая, то совѣтую вамъ, друзья мои, всѣ такія шалости съ сего времени бросить совершенно и отстать отъ всего дурного, и сказываю вамъ напередъ, что сколько вы найдете во мнѣ очень добраго, честнаго и правду любящаго начальника, столько напротивъ того строгаго наблюдателя добраго порядка, и что я никакъ того терпѣть не буду, и что открывшееся за кѣмъ-нибудь не только важное, но и самомалѣйшее воровство не останется никакъ безъ наказанія; но всѣ таковыя строго, жестоко и примѣрно будутъ наказаны, и было-бъ вамъ сіе, друзья мои, напередъ вѣдомо».

Пропѣвъ имъ съ самаго начала таковую пѣсенку, распустилъ я ихъ, сказавъ, чтобъ они шли теперь съ Богомъ продолжать обыкновенныя свои работы; а буде кому какая нужда есть, то являлись бы ко мнѣ съ оными.

Всѣ они, выслушавъ съ глубочайшимъ молчаніемъ мои слова, поклонились и пошли, а я занялся потомъ кой-какими нужнѣйшими распоряженіями, а паче всего приказаніями имѣвшемуся тутъ въ домѣ столяру, починить скорѣе всѣ поврежденныя въ домѣ мебели, также и въ службахъ и кухнѣ окны и все прочее, что было нужно, подтвердивъ, чтобъ все то къ тому времени поспѣло, какъ переѣду я со всѣмъ моимъ семействомъ и людьми жить въ Кіясовку. Потомъ ѣздилъ я осматривать господскіе, въ самое то время производившіеся еще покосы, и сдѣлалъ тамъ распоряженія, какія были нужны.

На другой день послѣ того для самаго того-жъ ѣздилъ я въ село Малино и Спасское, и какъ тамъ по предварительному отъ меня приказанію всѣ крестьяне находились уже въ собраніи, то прочелъ я и тѣмъ послушной указъ, а потомъ и съ ними поговорилъ также полюбовную рѣчь, хотя не такого содержанія какъ въ Кіясовкѣ, ибо за жителями сихъ селъ никакихъ такихъ шалостей было не слышно. А только крестьянамъ села Спасскаго, о которыхъ мнѣ сказывали, что они отмѣнно сварливаго и безпокойнаго характера, посовѣтовалъ также, чтобъ они жили впредь посмирнѣе и во всемъ были послушнѣе и лучше. Сіи тотчасъ-было и подлетѣли ко мнѣ съ нѣкоторыми дрязгами, но я тотчасъ зажалъ имъ ротъ, сказавъ, что на все это будетъ впредь довольно времени; что впередъ я не оставлю все изслѣдовать и разобрать и во всемъ оказать имъ справедливость, а теперь ни мнѣ, ни имъ заниматься тѣмъ не дозволяетъ время, а шли бы они всѣ продолжать свои полевыя работы.

Отпустя и сихъ, занялся я съ пріѣхавшими въ самое то время въ село Спасское купцами торговать садъ тамошній; и я, походивъ съ ними и осмотрѣвъ плоды и поторговавшись, и продалъ имъ оные за шестьдесятъ рублей, которые и составили самой первой доходъ по вступленіи моемъ въ управленіе волостью.

Возвратившись оттуда опять въ Кіясовку, не сталъ я долѣе медлить, но по сдѣланіи еще нѣкоторыхъ распоряженій, и давъ прикащику наставленіе, что ему въ отсутствіе мое съ крестьянами дѣлать и какія производить работы, по утру на другой день и пустился въ свое любезное Дворяниново, дабы забраться тамъ всѣмъ нужнымъ и переѣзжать потомъ со всѣми домашними моими, жить въ Кіясовку.

Тамъ нашелъ я всѣхъ моихъ родныхъ въ нетерпѣливомъ и ежедневномъ ожиданіи моего пріѣзда, ибо до нихъ дошли уже слухи, что я изъ Москвы въ Кіясовку отправился. Итакъ, встрѣчали онѣ меня уже какъ управителя императрициной волости, и съ изъявленіемъ радости своей поздравляли со вступленіемъ уже въ свою должность. Но сколь увеличилась ихъ радость, когда, отведя ихъ въ особую комнату, по секрету разсказалъ имъ о полученномъ мною и всего меньше ожидаемомъ дарѣ. Онѣ, услышавъ такую неожидаемость, поразились также удивленіемъ неизобразимымъ, и согласно со мною не инако то почитая, какъ даяніемъ Божескимъ, не знали какъ возблагодарить Господа за сію ниспосланную намъ милость.

Послѣ сего нимало уже не медля, принялись мы за сборы и на другой же день закипѣло у насъ въ домѣ. Переѣздъ со всѣмъ домомъ жить въ другое мѣсто не составляетъ бездѣлки, и требовалъ къ тому приготовленій и распоряженій многихъ. Надобно было назначать кого и кого изъ людей обоего пола намъ брать съ собою, опредѣлять что и что изъ мебелей и другихъ вещей намъ забирать и везть на новое жилище. Надобно было собирать нужныя, къ перевозкѣ безчисленнаго множества разныхъ мелочей и вещей, повозки и снабжать ихъ лошадьми; надобно было подумать и о томъ что оставлять дома, и сдѣлать распоряженіе, чему и чему безъ насъ производиться, и такъ далѣе. Словомъ, хлопотъ, трудовъ и заботъ было превеликое множество.

Цѣлыхъ трое сутокъ, и именно 26, 27 и 28 іюля занимались мы безпрерывно сими сборами и хлопотами, и насилу-насилу успѣли ихъ кончить. Въ продолженіе сего времени не по одному, а по нѣскольку разъ въ день обѣгалъ я всѣ свои сады и посѣщалъ всѣ любимѣйшія мѣста въ оныхъ. Не могу изобразить, съ какимъ чувствительнымъ сожалѣніемъ разставался я со всѣми ими, и какъ старался ровно какъ въ послѣдній разъ насмотрѣться на нихъ и налюбоваться всѣми красотами и пріятностями оныхъ. Правда, отъѣзжалъ я хотя и не въ такую даль, чтобъ не могъ ласкаться вскорѣ ихъ опять увидѣть, да и послѣ надѣялся временемъ пріѣзжать къ себѣ въ домъ; но что могли значить всѣ такіе временные и на короткое только время пріѣзды? И какая разница была между ими и всегдашнимъ пребываніемъ и жительствомъ въ деревнѣ, къ тому-жъ, и будущее все ли было извѣстно? Не легко ли могли случиться обстоятельствы, которыя до частыхъ отлучекъ отъ должности и не допускать будутъ.

Такъ думалъ я, и все сіе производило въ душѣ моей нѣкакія особенныя и неизобразимыя чувствованія, и не одинъ, а нѣсколько разъ побуждали меня говорить даже съ ними, какъ бы меня слышащими и разумѣющими. «Простите, мои милые и любезные друзья! говорилъ я, когда-то велитъ Богъ мнѣ опять здѣсь жить съ вами, и всѣми вашими пріятностьми утѣшаться! Удаляюсь отъ васъ въ мѣста чуждыя и принадлежащія не мнѣ собственно, какъ вы, вы же останетесь здѣсь какъ сиротами; никто-то васъ посѣщать и такъ любоваться не будетъ, какъ я. Въ отсутствіе мое чего и чего не можетъ произойтить съ вами! Никто-то объ васъ такъ пещись и такъ васъ

бречь и охранять не станетъ, какъ я. Какъ легко можетъ случиться, что иныя изъ васъ отъ небреженія совсѣмъ одичаютъ и запустѣютъ!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ и распращивался я со всѣми любимѣйшими и мною обработанными мѣстами, ровно какъ предчувствуя, что сіе нѣкогда дѣйствительно совершится; ибо могъ ли я тогда думать и себѣ воображать, что я отлучался тогда отъ нихъ дѣйствительно не на короткое, а весьма на долгое и даже до 22-хъ лѣтъ продолжавшееся время, въ теченіи которыхъ хотя я и видалъ ихъ временно, но всегда только на самое короткое время; что̀ и причиною было, что многія мѣста и дѣйствительно одичали, запустѣли и всѣхъ тогдашнихъ своихъ красотъ лишились.

Съ такими-жъ особенными чувствіями разставался и прощался я и съ любезною своею библіотекою и милымъ своимъ кабинетомъ, свидѣтелемъ толь многихъ пріятныхъ минутъ въ немъ провожденныхъ. «Прости, мой другъ! говорилъ я: Богу еще одному извѣстно, буду-ли тамъ, куда, оставляя тебя, теперь ѣду, находить столько-жъ душевныхъ удовольствій, сколько находилъ въ тебѣ при помощи сихъ сиротъ, остающихся здѣсь стоять въ пыли, въ глухотѣ, въ темнотѣ и въ пустотѣ самой. Никто-то васъ здѣсь, друзья мои, посѣщать и вами утѣшаться не будетъ». Симъ образомъ говорилъ я, прощаясь съ остающимися въ большомъ шкапу моемъ книгами, ибо всѣхъ ихъ съ собою забрать никакъ было не можно и неудобно, а я только забиралъ однѣ нужнѣйшія изъ нихъ.

Такимъ же образомъ не преминулъ я обходить и всѣ прочія мѣста моей усадьбы, и какъ садовникамъ моимъ, такъ и остающемуся домоправителю и приказщику давать наставленіе и приказанія, что̀ имъ безъ меня въ садахъ и другихъ мѣстахъ наблюдать и дѣлать.

Между тѣмъ какъ я симъ и подобнымъ образомъ между иныхъ дѣлъ ходилъ и распращивался со всѣми мѣстами, занимались обѣ хозяйки мои собраніемъ, укладываніемъ всякой домашней рухляди, оставляемой отчасти дома, отчасти забираемой съ собой. Ѣхали мы тогда не налегкѣ и не одни только, а брали съ собою не только всѣхъ своихъ дѣтей, но и самыхъ чужихъ, гостившихъ тогда у насъ для компаніи и обученія кой-чему; ибо какъ домъ въ Кіясовкѣ былъ такъ просторенъ, что было гдѣ и со всѣми ими помѣститься, то не разсудили мы за благо отпустить ихъ къ роднымъ ихъ, а брали съ собою, дабы не было намъ такъ скучно, а особливо сначала. И какъ ѣхала насъ цѣлая компанія, то нужно было какъ для себя, такъ и для нихъ всѣмъ нужнымъ собраться и запастись. Сверхъ того и самыхъ людей брали мы съ собою не мало, слѣдовательно и объ нихъ и о снабденіи ихъ всѣхъ нужнымъ надобно было подумать и все нужное забрать; а потому и были у хозяекъ моихъ во всѣ сіи дни полны руки работы и всѣ помышленія заняты заботами многочисленными.

Наступило наконецъ 29-е число іюля, какъ день назначенный для нашего отъѣзда. Итакъ, по настаніи сего дня, помолясь Богу и распрощавшись со всѣми съѣхавшимися къ намъ для проводовъ ближними сосѣдями, выѣхали мы изъ своего дома и любезнаго своего Дворянинова, нимало не воображая себѣ, что мы разставались съ нимъ и домомъ своимъ на столь долгое время, что сей послѣдній успѣлъ къ тому времени совсѣмъ уже почти развалиться и къ житью сдѣлаться неспособнымъ, въ которое Промыслу и волѣ Господней угодно было привѣсть насъ опять для жительства по прежнему въ семъ нашемъ обиталищѣ.

Не могу никакъ изобразить, съ какими чувствіями разставался я тогда съ симъ любезнымъ моимъ жилищемъ, и что и что ощущалъ въ душѣ моей по выѣздѣ изъ онаго. Я нарочно велѣлъ ѣхать колико можно медленнѣе до тѣхъ поръ, покуда было оно еще видно и не сокрывалось отъ очей моихъ, безпрерывно на него смотрящихъ, и минуты сіи были для меня поразительны. Превеликимъ множествомъ мыслей занималась тогда вся душа моя.

и я говорилъ самъ въ себѣ: «Ну, прости селеніе милое и дорогое! Ровно почти двѣнадцать лѣтъ кормило, поило, согрѣвало и всѣмъ нужнымъ снабжало ты меня, и я жилъ въ тебѣ мирно, спокойно, весело и такъ хорошо, что и не помышлялъ никогда съ тобою разстаться и тебя покинуть; но не то случилось, что я предполагалъ и думалъ! Десница Всемогущаго извлекаетъ меня изъ нѣдръ твоихъ и возводитъ на иную стезю и поприще жизни. Отлучаясь отъ тебя, ѣду я начинать новой родъ жизни; лучшее-ли для меня или худшее предстоитъ во дняхъ грядущихъ, о томъ извѣстно одному только Господу! Но его святая воля и буди со мною! Ну, прости, прости», сказалъ я при послѣднемъ воззрѣніи на рощи, скрывающіяся уже изъ глазъ моихъ, и велѣлъ уже погонять лошадей и ѣхать скорѣе.

Симъ кончилась первая моя деревенская жизнь по отставкѣ; а какъ и письмо мое уже достигло до своихъ предѣловъ, то окончу я и его сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 31-го дня 1808 года).

Письмо 175-е.

Любезный пріятель! Предъ самымъ вечеромъ было уже то, какъ мы со множествомъ нашихъ повозокъ, составлявшихъ изрядной обозецъ, въѣхали въ село Кіясовку, а потомъ на обширной и просторной дворъ господскаго дома. Спутницы мои, сидѣвшія со мною въ одной каретѣ, крестились, по набожности своей, въѣзжая на дворъ, и увидѣвъ домъ, отъ удивленія воскликнули: «Э! э! э! какая домина, да въ этомъ и Богъ знаетъ сколько людей помѣстить можно».— «Ну! не такъ-то слишкомъ радуйтесь, сказалъ я имъ, величинѣ его, а посмотрите напередъ его внутренность, и тогда вѣрно заговорите вы иное; не таковъ-то онъ покоенъ и помѣстителенъ внутри, каковъ великъ и хорошъ кажется снаружи».

Въ сихъ разговорахъ подъѣхали мы къ большому крыльцу, посреди дома находившемуся. Оное нашли мы уже все установленное тамошними начальниками и именитыми людьми. Прикащикъ, староста, земской и всѣ, сколько ни было дворовыхъ людей и мастеровыхъ, успѣли уже сбѣжаться, и собравшись встрѣчали насъ съ обыкновенными привѣтствіями и поклонами. Я, поздоровкавшись съ ними и спросивъ, все-ли у нихъ здорово и хорошо, повелъ тотчасъ спутницъ своихъ въ верхній этажъ по большой парадной и покойной лѣстницѣ, внутри дома въ препросторныхъ сѣняхъ устроенной, и взведя ихъ на верхъ въ нѣкоторой родъ также препросторныхъ и сквозныхъ сѣней, сказалъ: «Ну, теперь ступайте сами куда хотите! направо и налѣво, осматривайте всѣ комнаты и покои, выбирайте изъ нихъ любыя и думайте гдѣ-бы намъ удобнѣе пріютиться, и которыя-бы изъ нихъ назначить для гостиной, столовой, спальни, для дѣвичьей и дѣтской. Наилучшія и множайшія комнаты вотъ здѣсь, въ лѣвой сторонѣ дома». Боярыни мои тотчасъ туда и полетѣли, а я пошелъ въ правую сторону, какъ назначенную уже предварительно для своихъ покоевъ, и для показанія людямъ куда переносить мои вещи.

Не успѣлъ я еще всѣхъ приказаніевъ моихъ кончить, какъ гляжу, идутъ мои спутницы уже ко мнѣ.— «Ну что?» спросилъ я ихъ. — «Что, батюшка! отвѣчали онѣ мнѣ: чуть ли ты не правду сказалъ, что нашъ домъ каковъ ни малъ противъ этого, но едвали не спокойнѣе и не помѣстительнѣе! Возможно-ли? Ходили, ходили и нигдѣ не нашли ни одной порядочной комнаты. Иныя, какъ конурки, слишкомъ уже малы, а другія какъ сараищи, преобширныя, а всѣ низмы-низехоньки. И что это за расположеніе меж-

ду ими? Какой чортъ это ихъ строилъ и располагалъ, и гдѣ у него умъ былъ?»— «Не прогнѣвайтесь, сказалъ я, онъ строилъ не для насъ, а для себя и располагалъ такъ, какъ ему хотѣлось; итакъ, о томъ говорить нечего. А думайте-ка, гдѣбы намъ и какъ расположиться».—«Чего думать? подхватили онѣ: тамъ не нашли мы никакого пріюта, а нѣтъ-ли развѣ въ этомъ краю?»—«А здѣсь и того меньше, сказалъ я: тутъ и всего только два покойца, изъ которыхъ одинъ назначаю я для лакейской, а другой и крайній для своего кабинета».—«Но не лучше-ли и не покойнѣе-ли будетъ внизу?» спросили онѣ. — «Тамъ и того еще хуже; завтра вы увидите сами, а теперь и ходить туда незачѣмъ, а думайте и располагайтесь какъ-нибудь уже здѣсь и утѣшайтесь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что намъ не всегда здѣсь жить. Князь обѣщалъ уже мнѣ построить новой и особливой деревянной домъ для житья управителю и назначилъ къ тому уже и мѣсто. И тотъ уже построимъ мы на свой ладъ и по своему вкусу, и расположимъ какъ надобно, а до того времени нечего иного дѣлать какъ довольствоваться уже симъ и какъ-нибудь уже въ немъ помѣщаться».

Пересказавъ имъ сіе и показавъ обѣ свои комнаты, повелъ я ихъ обратно, чтобъ сообщить имъ по крайней мѣрѣ свое мнѣніе, и введя въ помянутой средній и просторнѣйшій покой, въ которой выходила снизу парадная лѣстница, сказалъ: «Вотъ этотъ сарайна долженъ служить намъ и вмѣсто сѣней, и вмѣсто прихожей и вмѣсто залы. И естьли случится когда быть у насъ многимъ гостямъ, такъ негдѣ больше обѣдать какъ здѣсь». — «Но умилосердись! подхватили онѣ, какъ это можно?» — «Конечно можно, отвѣчалъ я, и въ службѣ не безъ нужды, а это, слава Богу! простора довольно, станови себѣ сколько хочешь столовъ, благо свѣтло и въ обѣ стороны окошки и ихъ множество!» — «Ну, ну, пускай по твоему, сказали онѣ, но что далѣе?»—«А вотъ здѣсь, сказалъ я, введя ихъ въ первую и небольшую комнату съ двумя окнами на дворъ: пусть будетъ наша всегдашняя столовая, комната хоть небольшая, но для столовой уже годится. Семья наша не такъ велика, а хоть бы и случились гости, такъ человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать по нуждѣ накормить можно».— «Ну! ну! сказали онѣ далѣе; а на гостиную-то комнату которую-бы ты назначить изволилъ?» — «А вотъ эту другую, подлѣ ей».— «Ахъ, батюшки! воскликнули онѣ, да эта и той еще меньше и тѣснѣе; да тутъ человѣкъ и десяти не усадишь».— «Ну, какъ быть! сказалъ я, говорится въ пословицѣ, на безлюдьи и сидни въ честь, и нужда чего не дѣлаетъ; случится когда быть тѣснѣе и гостей много, такъ милости просимъ въ столовую, тогда служи и она намъ вмѣсто другой гостиной, какъ быть?» — «Ну, ну! подхватили онѣ, а для спальни-то нашей какую комнату изволишь назначить?»—Тутъ сталъ я въ пень, и не зналъ что сказать; за обѣими сими комнатами впереди оставался одинъ, но изъ всѣхъ неуклюжестѣй и самой крайній въ домѣ, предлинной, во всю ширину дома простиравшійся и во всѣ три стороны окошки имѣющій покой, и я не смѣлъ почти ассигновать ее подъ спальню. Но поневоля заставила меня уже ее предназначать нашею спальнею. Захохотали боярыни мои, сіе услышавъ, и совокупно воскликнули: «Ну, уже спальня! нечего говорить, спальня! самая господская! Ну, какъ это можно тутъ спальнѣ быть?» — «Для чего не быть? сказалъ я: вотъ здѣсь поставимъ къ одному концу коровать, а въ достальномъ мѣстѣ можете вы запросто жить: чево нѣтъ свѣтло! подъ любымъ окошечкомъ себѣ сидите и смотрите вотъ либо на дворъ и на село сюда, либо на прудъ въ эту сторону, либо сюда въ садъ и въ поля. Пожалуй себѣ помѣщайте здѣсь и кружевницъ своихъ и другихъ рабочихъ, простора довольно». — «Ну что дѣлать, подумавъ-подумавъ сказали онѣ: знать быть по-твоему. А вотъ эти достальныя задніе двѣ комнаты, окошками въ садъ, и сами мы назначали для дѣтской и для дѣвичей; но есть ли по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ-бъ что поло-

жить можно было?» — «О! что касается до этого, такъ кладовыхъ здѣсь множество, найтить можемъ и вверху, въ моемъ краю, и внизу, за этимъ дѣло не станетъ».

Расположивъ симъ образомъ, гдѣ чему быть, и велѣли мы тотчасъ разбираться и взносить все, куда что слѣдовало, и провели въ томъ все достальное время того дня. Повара наши между тѣмъ успѣли приготовить намъ дорожной ужинъ, и мы обновили имъ свою столовую.

На другой день съ самаго утра, принялись мы уже порядочно разбираться и все вездѣ устанавливать и какъ надобно, все располагать. Между тѣмъ, какъ хозяйки мои хлопотали о томъ въ своемъ краю, занимался я тѣмъ же въ своемъ правомъ краю. Я упомянулъ уже, что тутъ находилось только двѣ нарочито просторныя комнаты. Изъ нихъ крайнюю и угловую ассигновалъ я для собственнаго своего ежедневнаго пребыванія, и подъ однимъ окошечкомъ установилъ я себѣ свой писчій столикъ, подъ другимъ назначилъ быть будущей моей канцеляріи, а подъ третьимъ столу учебному для моихъ воспитанниковъ и учениковъ, которыхъ столкнулось тогда цѣлыхъ трое: мой племянникъ Травинъ, да сынъ господина Ладыженскаго, да еще Обариновъ, сынъ одной дальней родственницы моей тещи и мальчикъ бѣдной и не весьма еще большой. Всѣмъ симъ назначена комната сія была и спальнею и учебною, а вкупѣ должна была быть и моею библіотекою и аптекою, для помѣщенія которой радъ я былъ, что отъискалъ старинной, небольшой, но довольно просторной шкапчикъ. Итакъ, всю мою рухлядь мы тутъ и помѣстили, другой же назначили для ежедневнаго пребыванія слугъ и лакеевъ.

Во всѣхъ сихъ разборахъ и пріючиваніяхъ провели мы весь тотъ день; однако я успѣлъ въ оной же сводить домашнихъ своихъ и въ тамошній, позади дома находящійся садъ, и показать имъ плоды и поспѣвшія кой-какія уже ягоды, и препоручилъ оныя имъ въ вѣдомство и самопроизвольное употребленіе, во что имъ угодно, а самъ потомъ успѣлъ слетать верхомъ на поля хлѣбныя для осмотрѣнія оныхъ. Тамъ повстрѣчалось со мною такое зрѣлище, какого не видывалъ я еще никогда, и которое не только меня удивило, но заставило и думать. На всѣхъ пашняхъ, которыя засѣяны были весною овсомъ, оной весь почти пропалъ или былъ чрезвычайно рѣдокъ, а вмѣсто онаго выросло что-жъ? Одинъ сплошной ленъ, хотя онъ тутъ вовсе сѣянъ не былъ. Не могу изобразить какъ я тому удивился, и тѣмъ паче, что по всѣмъ изслѣдованіямъ и распросамъ не находилъ тому никакой естественной причины. И какъ видалъ я симъ образомъ сплошнымъ льномъ порослую не одну ниву, а цѣлое поле, то не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, и пришелъ отъ того въ великое недоумѣніе, и тѣмъ паче, что былъ онъ не только низокъ, но и очень суковатъ, и потому не думалъ я, чтобъ онъ могъ годиться въ дѣло. Но какъ по крайней мѣрѣ былъ онъ очень сѣмянистъ, то рѣшился наконецъ по созрѣніи оныхъ, согнавъ бабъ, велѣть весь его выдергать руками; что и было сдѣлано, и мы послѣ намолотили изъ него нѣсколько десятковъ четвертей льнянаго сѣмени, самъ же онъ дѣйствительно оказался совсѣмъ неспособнымъ къ употребленію въ дѣло.

Кромѣ сего, удивила меня въ сей день и другая неожидаемость. Передъ самымъ то было уже вечеромъ, какъ увидѣлъ я изъ окна въѣхавшаго на дворъ верхомъ человѣка и узналъ, что былъ онъ мой изъ деревни. «Ба! ба! ба! воскликнулъ я: зачѣмъ это? и не сдѣлалось-ли тамъ безъ насъ чего? Посылай, посылай его скорѣе». Человѣкъ входитъ, но чтожъ? подаетъ мнѣ нарочито толстой пакетъ изъ Экономическаго Общества и сказываетъ, что прислали-де его вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Коширы, и что прикащикъ сочтя, что онъ можетъ быть какой-либо важности, и отправилъ его ко мнѣ съ нарочнымъ. «Хорошо, братецъ, сказалъ я, что это не иное что, а то ты меня испужалъ-было».

Развернувши его, нашелъ я въ немъ не-

большое напечатанное и пустое почти сочиненьице о размноженіи нужнѣйшихъ хлѣбовъ для Россіи, присланное ко мнѣ при письмѣ отъ Нартова, писанномъ еще 19 іюня. Въ ономъ не упоминалъ онъ уже ничего о неполученіи отъ меня писемъ, а сказавъ о посылаемой книжкѣ, присовокупилъ только увѣдомленіе, что Общество сдѣлало новой уставъ и опредѣлило, чтобъ впредь всѣ посылаемыя въ оное сочиненія не подписываемы-бы были именами сочинителей, а ко всякому пріобщаемъ былъ вмѣсто имени какой-нибудь девизъ, а имя было бы въ запечатанной цыдулкѣ, дабы Общество могло разсматривать ихъ, не зная чьи они, и давать за каждое удостоенное печати уже медали, и оканчивалъ тѣмъ, чтобы я впредь сочиненія свои присылалъ безъ подписи, а съ девизами.

«Вотъ тебѣ на! прочитавъ сіе воскликнулъ я, какую нелѣпицу еще затѣяли! До сего было писальщиковъ мало и дѣло плохо, а теперь и того будетъ плоше и дурнѣе. Ну, чортъ ли кого заставитъ на недостовѣрное хлопотать и трудиться; хоть-бы кто и хотѣлъ, такъ пройдетъ охота. Я первой покорно благодарствую! да къ тому-жъ, мнѣ право теперь не до васъ, и некогда мнѣ заниматься такими дрязгами; волёнъ Богъ и съ вашими медалями». Сказавъ сіе, свернулъ я письмо и положилъ къ прежнимъ покоиться и отдыхать.

Не успѣли мы разобраться и все къ своимъ мѣстамъ прибравъ, начать привыкать на новомъ мѣстѣ жить, какъ на другой же день и пожаловалъ къ намъ первой гость, господинъ Жуковъ, одинъ изъ живущихъ въ сосѣдствѣ тамошнихъ дворянъ, пріѣхавшій ко мнѣ себя рекомендовать. Я принялъ его съ обыкновенною своею вѣжливостью и благопріятствомъ. А въ послѣдующій за тѣмъ день посѣтила насъ уже и госпожа Останкова, одна изъ тамошнихъ сосѣдокъ. «Во! во! сказалъ я самъ себѣ: ежели такъ часто будутъ къ намъ жаловать гости, то намъ и не будетъ здѣсь скучно», и поздравлялъ съ тѣмъ своихъ хозяекъ, которымъ было то нимало не противно, ибо какъ первой пріѣзжалъ ко мнѣ, такъ сія послѣдняя къ нимъ для сведенія знакомства.

Впрочемъ, какъ въ самой сей день случилось 1-е число августа, то мы были въ первой разъ въ тамошней церкви и у обѣдни, и потомъ ходили на воду, гдѣ имѣли удовольствіе видѣть всѣхъ жителей того села и ближнихъ деревень въ собраніи и на нихъ посмотрѣть, а себя показать.

Но сколь день сей пріятно начался, такъ напротивъ того дурно и непріятно кончился. Случились въ оной опять двѣ неожидаемости и такія произшествія, которыя меня заставили думать, и были для меня крайне непріятны. Первое произшествіе было хотя самое бездѣльное и ничего почти незначущее, но досадно мнѣ было потому, что принудило меня уже такъ рано начинать съ подкомандующими моими, противъ хотѣнія моего, драться. Поймали и привели ко мнѣ вора съ покраденными въ саду яблоками, и не маленькаго мальчишку, а бородача, и къ тому-жъ еще десятскаго. Кража была хотя небольшая и нестоющая дальнаго уваженія, но какъ при послѣднемъ собраніи всѣхъ крестьянъ я торжественно всѣмъ имъ предвозвѣстилъ, что и самомалѣйшая кража не останется безъ строгаго наказанія; то для поддержанія сего слова самая необходимость требовала, чтобъ сего бездѣльника въ предварительной страхъ всѣмъ другимъ наказать. Итакъ, спросилъ я сего друга, былъ-ли онъ на послѣдней сходкѣ? «Былъ-де».— «Ну, слышалъ-ли ты, что я говорилъ и какъ васъ увѣщевалъ, чтобъ вы шалости и воровствы всѣ кинули»?—«Слышалъ».— «Ну что-жъ ты, мой другъ! развѣ думалъ, что я шутилъ съ вами? такъ я тебѣ докажу; что я говорилъ съ вами не шутя. Пожалуй-ка раздѣнься, и мы тебя поучимъ, какъ впредь приказанія мои уважать и не играть ими». Сказавъ сіе и простегалъ я его изряднехонько, и велѣлъ сказать всѣмъ, что и съ другими то же будетъ, естли они отъ воровства

не уймутся. Симъ и дѣйствительно заставилъ я всѣхъ начинать дѣлаться осторожнѣйшими.

Но сіе было еще ничто въ сравненіи съ другою и всѣхъ насъ крайне поразившею неожидаемостью. Прискакали ко мнѣ изъ Малина, Спасскаго и Володимеровой безъ души всѣ тамошніе начальники, старосты и бурмистры съ донесеніемъ, что у нихъ тамъ во всемъ краю сдѣлалась превеликая тревога. «Что такое?» испужавшись спросилъ я. — «Не знаемъ, судырь, а была только отъ частныхъ смотрителей строгая повѣстка, чтобъ немедленно отъ каждыхъ ста душъ наряжали по два человѣка вооруженныхъ, одного пѣшаго, а другого коннаго и немедленно отправляли въ Коломну, а изъ достальныхъ, чтобъ четвертая часть была-бы готова отправляться туда, куда спросятъ».

— «Господи! что это такое! удивляясь и не понимая для чего-бы сіе было, возопилъ я; но не слыхали-ль вы, по крайней мѣрѣ на что-бы это было?» — «Богъ знаетъ, судырь, а твердятъ всѣ что-то о Пугачовѣ, а иные мелютъ, будто-бы онъ уже очень близко и идетъ на Коломну». —«Что вы говорите!» возопилъ я, и сердце во мнѣ затрепетало, и я такъ испужался, что долгое время не въ состояніи былъ вымолвить ни одного слова. Наконецъ, собравшись съ духомъ и принявъ видъ неустрашимости, сказалъ:—«Нельзя, братцы, этому статься! Пугачовъ слишкомъ еще далеко и пошелъ не сюда, а въ иную сторону внизъ по Волгѣ, и какъ ему такъ скоро перелетѣть сюда? а это для чего-нибудь другого. Совсѣмъ тѣмъ повелѣніе начальства надобно исполнить. Итакъ, поѣзжайте скорѣй, выбирайте и назначайте людей, вооружайте ихъ чѣмъ можно и отправляйте, а и четвертой части велите быть готовой. А не худо, если и всѣ остальные для всякаго случая готовили-бъ для себя сухари, чтобъ въ случаѣ нужды было-бы что ѣсть и не терпѣть въ пищѣ недостатка».

Отпустивъ ихъ сталъ я въ пень и не зналъ какъ сказать о семъ моимъ домашнимъ, ибо не сумнѣвался, что сія печалиность перепугаетъ и поразитъ ихъ чрезвычайно. Но по счастію имъ кто-то и безъ меня уже сказалъ, и онѣ сами, въ неописанномъ страхѣ и ужасѣ, бѣжали ко мнѣ спрашивать о слышанномъ ими подтвержденія. Нельзя было никакъ утаить отъ нихъ уже сего. Я хотя и подтвердилъ, что дѣйствительно велѣно сдѣлать нарядъ, но старался ихъ ободрить сколько-нибудь тѣмъ, что нельзя тому никакъ статься, чтобъ Пугачовъ былъ уже такъ близко; къ тому-жъ извѣстно, что противъ его наряженъ и отправляется съ войскомъ славный нашъ генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, такъ сей его ужъ вѣрно остановитъ.

Но что я ни говорилъ, ихъ трудно было переувѣрить. Онѣ только и твердили, что чортъ его знаетъ, можетъ быть онъ уже и перелетѣлъ! Долго-ли ему съ своею сволочью иттить, и только что охая и вздыхая говорили: «Ахъ, Господи! ну, если онъ сюда придетъ, что съ нами бѣдными будетъ? Погибнемъ и мы всѣ какъ черви капустные!.. И насъ всѣхъ онъ также перебьетъ, передушитъ и перевѣшаетъ, какъ низовскихъ дворянъ. Куда намъ дѣваться и гдѣ искать спасенія себѣ отъ такой бѣды и напасти?»—«Пустое, говорилъ я ихъ ободряя, никогда этого быть не можетъ; а хотя-бы и дѣйствительно сталъ приближаться, такъ этотъ вооруженной народъ, которой теперь собирается, утретъ ему носъ, и это очень-очень хорошо, что они вздумали благовременно людей для отпора собрать».—«Охъ, батюшка ты нашъ! перерывая мои слова восклицали онѣ: да можно-ли на эту сволочь положиться, не такіе-же-ли они глупые бородачи, какъ и Пугачовскіе, и не возстанутъ-ли еще сами вмѣстѣ съ ними противу насъ? Ахти! ахти! какая бѣда, и зачѣмъ насъ нелегкая понесла сюда, дома все-таки было-бы надежнѣе и лучше».— «Да, какъ-бы не такъ, разсмѣявшись противъ хотѣнія сказалъ я; а мнѣ такъ кажется, что здѣсь мы меньшей опасности подвергнемся, нежели дома. Тамъ наши люди

первые могли-бы быть нашими злодѣями и врагами, а здѣшнимъ — мы сторона дѣло. Ничѣмъ мы имъ еще не нагрубили, къ тому же, здѣшнихъ и то убѣждать можетъ, что они нынѣ сдѣлались собственными государыни, а не господскими!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ старался я всячески домашнихъ своихъ ободрять и утѣшать, хотя на сердцѣ и у самого меня было не лучше и не спокойнѣе, какъ и у нихъ. Тысяча разныхъ мыслей толпились тогда въ умѣ моемъ, и каждая изъ нихъ смущала и мучила меня напрерывъ предъ другою, и я не зналъ, къ которой изъ нихъ прилѣпиться было лучше. Опасность была дѣйствительно очевидная и нельзя было не признаться, что была она истинная и великая. «Почему знать, думалъ и говорилъ я самъ себѣ: можетъ-быть и правда, что этотъ злодѣй съ своею сволочью уже недалеко и скоро дойдетъ и до насъ сюда. Не даромъ вдругъ такая строгость и такой скоропостижной нарядъ. Но, ахъ! что могутъ сдѣлать эти бородачи? Не такіе-же ли они скоты безсмысленные, какъ и тѣ самые, можно-ли на нихъ полагать какую надежду? Нѣтъ у нихъ ни командировъ, и не можетъ быть никакого порядка, да и вооружить ихъ чѣмъ и чѣмъ можно, кромѣ однихъ косъ, топоровъ и рогатинъ; а у него, сказываютъ, есть и пушки, и ружья, и все вездѣ проклятой награбилъ. Такъ могутъ-ли дурачье наше стоять? да что говорить, они первые готовы будутъ къ нему передаться и противъ самихъ-же насъ обратить оружіе свое. И, ахъ! какъ жаль, что наши войска и армія еще далеко и не успѣла сюда возвратиться, а безъ ней что мы здѣсь сдѣлаемъ: передушутъ насъ всѣхъ дѣйствительно, какъ куръ... Ктому-жъ, такая бѣда, что мнѣ въ случаѣ нужды и уѣхать отсюда куда-нибудь для спасенія своего нельзя будетъ, что ты изволишь? Но правду сказать, куда теперь изволишь сунуться? Не вездѣ-ль опасность одинакова? и не весь-ли черной народъ вообще когда не въявъ, такъ въ сердцахъ своихъ бунтуетъ, и готовъ поднять на насъ свои руки».

Симъ и подобнымъ образомъ помышляя я самъ въ себѣ, смущался и безпокоился крайне духомъ. Что касается до моихъ боярынь, то не взмилилась имъ и Кіясовка, и управительство мое, и все и все, а онѣ рады-бъ были забиться хоть-бы въ трущобу какую, а только спасти животъ свой. А признаться, что и самому мнѣ приходило иногда на мысль почти то же, и я не одинъ разъ самъ въ себѣ мыслилъ: уже не поискать ли гдѣнибудь въ здѣшнихъ большихъ лѣсахъ и не замѣтить-ли самаго глухого мѣста, куда-бы можно было, въ случаѣ крайней нужды, для спасенія своего сокрыться.

Вотъ до какой крайности перепугала и смутила насъ сія неожидаемость, и тогдашнее первое число августа будетъ намъ навсегда памятно. Не только весь тогдашній вечеръ провели мы внѣ себя, но и во всю ночь уснуть почти не могли, а занимались безпрерывно мыслями о предстоящихъ бѣдствіяхъ и напастяхъ; а едва только насталъ новой день, какъ прискакавшие съ такими-же извѣстіями начальники села Покровскаго съ деревнями, вновь увеличили наше смущеніе. А не успѣлъ я сихъ съ надлежащими приказаніями отправить, какъ явился уже и у насъ изъ Коломны солдатъ съ инструкціею и приказаніемъ о нарядѣ также людей, и колико можно скорѣйшемъ отправленіи оныхъ въ Коломну.

Сіе взбудоражило насъ еще и того болѣе и тѣмъ паче, что глупой солдатъ не могъ намъ ничего точнаго сказать, для чего бы сіи люди собирались, а подтвердилъ только тѣ же народные слухи о Пугачовѣ, какіе мы уже слышали. Но какъ по всему видимому дѣло не походило на шутку, а надобно было спѣшить, то позабывъ все свое смущеніе и гореванье и оставивъ тѣмъ заниматься своимъ боярынямъ, спѣшилъ я скорѣе велѣть согнать къ себѣ весь народъ для выбора и назначенія сихъ такъ-называемыхъ улановъ, которыхъ съ одного сего села съ деревнями надлежало мнѣ отправить де-

сять человѣкъ; а между тѣмъ, покуда они были сгоняемы, призвавъ кузнеца велѣлъ ковать какъ можно скорѣе для нихъ пики, ибо инымъ нечѣмъ было въ скорости вооружать оныхъ.

Итакъ, выборъ и нарядъ сихъ улановъ былъ первымъ почти моимъ важнымъ дѣломъ по вступленіи въ должность, но было оно для меня и наитруднѣйшее. По необыкновенію моему, еще не зналъ я какъ и приступить къ оному, и тѣмъ паче, что по собранію всего схода повстрѣчалось со мною въ томъ множество непредвидимыхъ затрудненій. Какъ наряжались и отсылались они не инако какъ для сраженія и на войну, то натурально никому охотою туда иттить не хотѣлось, но всѣ перепирались между собой и всякой старался отклонить отъ себя сію напасть. Вдругъ поднялся превеликой шумъ и преніе между всѣми, и я, для пресѣченія всего того, другого не нашелъ, какъ разверставъ весь народъ на четыре кучи, велѣлъ имъ кидать жеребій. Но какъ и сей былъ для всякаго страшенъ, то поднялся опять шумъ и крикъ; начали говорить, что есть и безъ киданія жеребья такіе люди, которыхъ-бы въ посылку сію нарядить слѣдовало, а именно отбывавшіе отъ прежнихъ рекрутскихъ наборовъ бѣганіемъ, выдергиваніемъ у себя зубъ, подрѣзываніемъ пальцевъ и другими бездѣльничествами; и всѣ кричали, что чѣмъ добрыхъ людей посылать, такъ лучше-бы сихъ къ тому назначить. «Очень хорошо, сказалъ я, такъ подавайте-ка ихъ сюда, на что лучше». Итакъ, всѣ сіи молодцы тотчасъ были отысканы, мнѣ представлены и десять человѣкъ изъ нихъ мною выбраны и назначены.

После сего, надлежало говорить и совѣщаться о томъ, какую имъ сдѣлать подмогу и какихъ употребить лошадей? Не мало было и о томъ толковъ и крику, и кончили тѣмъ, что съ общаго всѣхъ согласія опредѣлили дать подмоги каждому пѣшему по одному, а конному по три рубля на недѣлю, а лошадямъ быть-бы ихъ собственнымъ, а дать имъ за каждую по шести рублей, да за сѣдло полтину. Наконецъ сдѣлался вопросъ, гдѣ взять въ скорости на сіе деньги? Но и сей рѣшили мы скоро тѣмъ, что согласились одного мужика освободить впредь отъ рекрутства и получить съ него тогда-же за сіе двѣсти рублей.

Не успѣлъ я сего дѣла и довольно удачно кончить, какъ гляжу катитъ ко мнѣ и тамошній частной смотритель, для высылки уже оныхъ. Чиновникомъ симъ былъ тогда баронъ Николай Осиповичъ Соловьевъ, жившій верстъ за двѣнадцать отъ села нашего. И сей случай познакомилъ насъ съ симъ добрымъ, любезнымъ и честнымъ человѣкомъ, сдѣлавшимся потомъ нашимъ хорошимъ знакомцомъ и пріятелемъ. Какъ пріѣхалъ онъ къ намъ уже передъ вечеромъ, и онъ насъ, и мы его полюбили, то уняли мы его у себя ужинать, и съ того времени началось у насъ съ нимъ знакомство.

Онъ находился въ такихъ-же смущенныхъ мысляхъ, какъ и мы, и не могъ намъ также ничего обстоятельнаго сказать о причинѣ сей тревоги, а выполнялъ только присланное къ нему строгое повелѣніе изъ города. Но по счастію въ самой тотъ же день ввечеру получили мы извѣстіе, что тревога сія была совсѣмъ пустая и что Пугачова нѣтъ и въ завѣтѣ въ такой близости, какъ мы себѣ воображали. Отъ сего хотя и отлегнуло сколько-нибудь у насъ на сердцѣ и поуспокоились наши мысли, но какъ извѣстіе сіе было приватное и не совсѣмъ достовѣрное, то необходимо надобно было повелѣваемое исполнить. Почему я на другой же день по утру выбранныхъ своихъ улановъ и отправилъ съ прикащикомъ въ Коломну, давъ ему отъ себя письмо къ воеводѣ.

Не могу никакъ и по нынѣ позабыть одного досаднаго произшествія, случившагося при семъ тогда отправленіи. Какъ всѣ сіи выбранные люди, по снаряженіи ихъ всѣмъ нужнымъ, были ко мнѣ для осмотра представлены, то и разсудилось мнѣ за благо дать имъ отъ себя нотаціи и увѣщевать ихъ, чтобъ въ случаѣ, если и дойдетъ дѣло до сраженія, то чтобъ

они помнили чьи они и не постыдили-бы себя предъ всѣмъ свѣтомъ трусостью, а дрались-бы хорошенько, и обратясь къ одному изъ нихъ, самому ражему и бойкому изъ всѣхъ ихъ, сказалъ: «Вотъ этакому какъ-бы не драться, одинъ десятерыхъ можетъ убрать». — «Да! сказалъ онъ мнѣ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь, сталъ-бы я бить свою братью! а развѣ васъ, бояръ, такъ готовъ буду десятерыхъ посадить на копье сіе». Оцѣпенѣлъ я сіе услышавъ, и проглотивъ сію горькую пилюлю, сказавъ только: «Дуракъ! сукинъ сынъ! что ты это мелешь!» самъ въ себѣ подумалъ: «вотъ каковы защитники и оборонители сіи въ сердцахъ своихъ, и вотъ жди отъ нихъ добраго». Потомъ, спросивъ и записавъ имя его у себя въ записной книжкѣ впредь для памяти, ему далѣе сказалъ: «Хорошо! хорошо! братецъ; но ступай-ка, ступай! можетъ-быть тебѣ сіе и неудастся, а тамъ мы посмотримъ». Перетрусился мой мужикъ, сіе услышавъ и увидя, что имя его было записано; но какъ нечего уже было дѣлать и онъ проболтался такъ глупо и неосторожно, то и пошелъ съ прочими, повѣся голову. Ему и досталось послѣ того ловко за сіе на лапу; ибо какъ случилось ему въ чемъ-то прошерститься и надобно было его наказывать, то припомнилъ я ему сіи слова и поутроилъ за нихъ ему наказаніе, да и предъ всѣмъ міромъ былъ онъ всегда за то равно, какъ оглашеннымъ и почитался негоднѣйшимъ человѣкомъ.

Происходило сіе четвертаго числа августа, а седьмого числа того-жъ мѣсяца, слѣдовательно чрезъ три дня, ко всеобщему нашему удовольствію, возвратился изъ Коломны нашъ прикащикъ и успокоилъ опять и мысли и сердца наши извѣстіемъ, что тревога была дѣйствительно пустая, и что всѣ наши уланы распущены уже опять по домамъ и жительствамъ своимъ.

Не могу изобразить, какъ много обрадовались мы всему тому и какъ благодарили Бога, что опасность сія миновала. И съ сего времени натурально принялись мы за всѣ наши дѣла съ спокойнѣйшимъ уже духомъ.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ, между другими мелочными дѣлами, поспѣшить мнѣ снять все положеніе усадьбы и всего села сего на планъ, дабы изготовить оной для отправленія къ государынѣ; а потому и принялся я тотчасъ за сію работу и трудился въ томъ неусыпно нѣсколько дней сряду. Которое дѣло и удалось мнѣ въ непродолжительномъ времени кончить, и сочинивъ прекрасный планъ, къ князю отправить.

Между тѣмъ имѣли мы удовольствіе видѣть у себя двухъ нашихъ родныхъ старушекъ, пріѣзжавшихъ къ намъ для посѣщенія изъ Воскресенокъ. Гостьи сіи были тѣмъ для насъ пріятнѣйшими, что были онѣ первыя, которыя насъ изъ нашихъ краевъ и родныхъ нашихъ посѣтили. А въ тотъ же день пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы и опредѣленный для исправленія письменныхъ дѣлъ канцеляристъ, и мы съ нимъ тотчасъ и основали свою канцелярію.

Звали сего человѣка Павломъ Ѳедоровымъ. Былъ онъ не молодыхъ уже лѣтъ, и имѣлъ у себя брата у коломенскаго архіерея секретаремъ. И какъ характеръ имѣлъ онъ очень доброй и былъ тихаго, скромнаго и простодушнаго поведенія, то я его скоро полюбилъ и былъ имъ во все время пребыванія моего въ Кіясовкѣ доволенъ; въ писцы же и помощники ему опредѣленъ былъ отъ меня племянникъ прикащиковъ, малой еще очень молодой и неглупой.

Какъ былъ тогда успенской постъ, то восхотѣлось мнѣ посмотрѣть въ прудахъ рыбу, для ловленія которой запаслись мы уже и неводкомъ изъ деревни; и какъ обрадовался и удивился я, затащивъ имъ превеликое множество и прекрасныхъ рыбъ. Цѣлое ведро и добрыхъ большихъ лещей мы тогда изъ нихъ взяли и обезпечились съ сей стороны на предбудущее время, ибо оказалось, что пруды могли довольствовать насъ рыбами своими съ избыткомъ.

Такимъ же образомъ начинали мы до-

пользствоваться съ садовъ поспѣвающими уже яблоками, и множество оныхъ для себя намочили и насолили, а нѣсколько изъ лучшихъ породъ не примину̀лъ я для показа отослать въ Москву при случаѣ и къ князю.

Какъ, между симъ, наставало уже время сѣять рожь, то спѣшилъ я произведеніемъ и другого весьма важнаго и хлопотливаго дѣла. Я упоминалъ уже прежде, что намѣреніе князя было положить и село Кіясовку съ деревнями, бывшее до сего на здѣльѣ или господской пашнѣ, таким же образомъ на оброкъ, какъ были и прочія селы и деревни, а сдѣлать только маленькое казенное хлѣбопашество. И какъ я предложилъ къ тому нововыдуманную систему хлѣбопашества, съ раздѣленіемъ всей пашенной земли на семь ровныхъ полей, изъ которыхъ бы одно засѣвалось рожью, два яровыми хлѣбами, три лежало и отдыхало, а вкупѣ вытравливалось и унаваживалось скотомъ, а седьмое распахивалось и засѣвалось озимыми хлѣбами, и князю система сія полюбилась и восхотѣлось, чтобъ произведена она была въ практикѣ; то нужно мнѣ было подъ сіе казенное маленькое хлѣбопашество выбрать и назначить потребныя къ тому 140 десятинъ и раздѣлить оныя на 7 ровныхъ частей, такимъ образомъ, чтобъ всѣ концами своими пришлись къ господской усадьбѣ и могли послѣ отдѣлены быть другъ отъ друга выкопанными рвами; прочая-жъ вся земля роздана была крестьянамъ, и все сіе не такъ скоро и легко можно было сдѣлать, то и занимался я тѣмъ не мало времени и имѣлъ хлопотъ и трудовъ много. Но какъ бы то ни было, но я успѣлъ все сіе благовременно кончить и первое поле, состоящее въ 20-ти десятинахъ и засѣять уже въ надлежащее время рожью. Совсѣмъ тѣмъ все сіе составило для меня доброй кусокъ работы.

Но не одно сіе было у меня дѣло, а нужно еще было привесть въ лучшее состояніе и весь развалившійся почти скотской дворъ; и какъ для поправленія онаго положили мы съ княземъ употребить скотской дворъ, находившійся въ селѣ Спасскомъ, то для измѣренія и описанія онаго нужно мнѣ было съѣздить и туда, а кстати разбиралъ я множество между тамошними безпокойными крестьянами дрязговъ.

На возвратномъ пути изъ сего села, мимоѣздомъ, заѣзжалъ я къ живущимъ почти на самомъ пути двумъ тамошнимъ коломенскимъ помѣщикамъ: господину Исакову, Семену Ивановичу и господину Игнатьеву, Борису Андреяновичу, съ которыми хотѣлось мнѣ, какъ съ сосѣдями, познакомиться, и былъ принятъ ими со всевозможнымъ уваженіемъ и ласкою; а къ Успеньеву дню пріѣхали къ намъ наши дворяниновскія сосѣдки — Анна Николаевна съ своею матерью въ гости.

Симъ образомъ началъ я входить во все тамошнее хозяйство и управленіе волости, и мало-по-малу обживаться. Сперва, по непривычкѣ управлять толь многимъ народомъ, было мнѣ нѣсколько дико и хлопотливо, но къ чему не можно привыкнуть? а привычка все облегчить можетъ.

Но какъ письмо мое достигло предѣловъ, то окончу я оное и остановясь на семъ мѣстѣ скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 2 дня 1809 года, въ Дворяниновѣ).

Письмо 176-е.

Любезный пріятель! Продолжая исторію жительства моего въ Кіясовкѣ, скажу, что Успеньевъ день провели мы въ сообществѣ съ дворяниновскими нашими гостями довольно весело, въ особливости же доставляли намъ великое удовольствіе тамошніе лѣса и рощи, въ которые мы ѣздили послѣ обѣда гулять, и въ коихъ было множество пріятныхъ мѣстъ и молодыхъ засѣвшихъ очень часто березовыхъ рощицъ. Побудили насъ къ ѣздѣ и прогулкѣ сей наиболѣе грибы, которыхъ, какъ сказывали намъ, въ лѣсахъ, а особливо въ сихъ рощицахъ было довольно. Мы и дѣйствительно нашли ихъ такое

великое множество, какого я нигдѣ и никогда во всю жизнь мою не видывалъ: таки грибъ на грибѣ и одинъ другого лучше, здоровѣе и моложе. Словомъ, ихъ такъ было удивительно много, что легши въ такой рощицѣ на землю, можно было, не сдвигаяся съ мѣста, а доставая только рукою, набрать ихъ по цѣлой почти шляпѣ. Все сіе необыкновенное множество оныхъ, а притомъ и случившаяся тогда теплая, тихая и пріятная погода доставила всѣмъ намъ, а особливо дѣтямъ, которыхъ было тогда у насъ цѣлая компанія, удовольствіе неописанное и которое мы очень долго помнили и помнимъ даже до сего времени.

Не успѣли мы гостей своихъ на утріе проводить, какъ новая неожидаемость и произшествіе особаго рода и почти смѣшное привело насъ въ превеликое смущеніе и безпокойство духа. Какъ ни безпокойно и ни тѣсно было намъ жить въ верхнемъ этажѣ своего огромнаго дома, но до сего времени обжившись, всѣ жили мы довольно спокойно и хорошо. Но въ сей день завернувшаяся стужа и вѣтреная погода начала насъ безпокоить и заставливала думать, отчего бы во всѣхъ комнатахъ и въ окны и сквозь бумажные обои такъ вездѣ несло, что отдувались даже обои отъ стѣнъ. «Господи! говорилъ я, сему удивляясь, отчего бы это такъ было?» Но вообразите себѣ, какъ я удивился, когда, попробовавъ въ одномъ мѣстѣ отнять обои, увидѣлъ, что весь нашъ верхній деревянной этажъ и всѣ комнаты въ ономъ были совершенно не мшоныя, а срубленныя только такъ довольно хорошо и плотно изъ обрушенныхъ бревенъ.

«Ахъ, Боже мой! воскликнулъ я, что это? и какже вѣтру не нести!» и спѣшилъ сообщить о томъ своимъ хозяйкамъ. Сіи въ прахъ тѣмъ перетревожились, и проклиная строителя твердили только: «Ахъ, какъ же намъ быть, и какъ можно будетъ здѣсь жить, какъ настанетъ осень и самые камины насъ здѣсь согрѣть еще будутъ не въ состояніи, надворья ненатопишь!...»—«Ну! чтожъ, сказалъ я, такъ приниматься за нижнія и переходить туда; какъ быть, хоть тамъ и тѣснѣе будетъ здѣшняго, но что дѣлать, какъ-нибудь принуждено уже будетъ помѣщаться; по крайней мѣрѣ тамъ вездѣ и во всѣхъ покояхъ есть печи».—«Охъ! сказали онѣ мнѣ на сіе, да какъ это намъ можно будетъ тамъ въ такихъ безпутныхъ и безпорядочныхъ комнатахъ помѣститься? Мы сколько разъ ни начинали о томъ думать, но и ума не приложимъ». Потомъ, подумавъ-подумавъ, продолжали: «Но нечего дѣлать, здѣсь не проживешь, стужа и вѣтры выгонятъ насъ скоро и не худо-бъ, еслибъ вы заблаговременно осмотрѣли тамъ печи и велѣли прочистить трубы и исправить въ нихъ все что нужно».—«Хорошо, сказалъ я, сего же часа пойду туда», и послалъ за печникомъ, которой былъ у насъ свой, изъ тамошнихъ дворовыхъ людей.

Печникъ тотчасъ и явился ко мнѣ, расхаживавшему тамъ по нижнимъ покоямъ и осматривающему и замѣчающему въ нихъ все, что требовало заблаговременнаго поправленія.—«Другъ мой! сказалъ я его завидѣвъ: какъ бы намъ съ тобою поосмотрѣть хорошенько всѣ здѣсь печи, нѣтъ ли въ нихъ чего худого и нужнаго къ поправленію, да и трубы-то попрочистить бы!»—«Какія трубы?» спросилъ онъ.—«Да вотъ отъ этихъ печей, сказалъ я: небось галки наносили въ нихъ и Богъ знаетъ сколько сору». Печникъ смотрѣлъ только мнѣ въ глаза, и наконецъ усмѣхнувшись, сказалъ:—«Да ихъ, судырь, нѣтъ ни у одной печи».—«Какъ такъ? а это чтожъ?» сказалъ я, указывая ему на трубы вверху печей.—«Да это только ихъ началы, а тамъ всѣ онѣ заглушены и закладены, и печей этихъ топить не можно».—Что ты это говоришь? воскликнулъ я, поразившись неизъяснимымъ удивленіемъ: неправду ли? да какъ же это, и на чтожъ такое онѣ заглушены? Да нельзя ли, братъ, какъ-нибудь опять ихъ поправить и сдѣлать, чтобъ топить ихъ можно было?»—«Нельзя, судырь, отвѣчалъ онъ, и никакъ этого нельзя сдѣлать».—«Да почемужъ нельзя?»—«Потому, судырь, что трубъ-то вовсе нѣтъ и онѣ всѣ по самые потолоки

сломаны.»—«Господи! воскликнулъ я, удивляясь часъ отъ часу болѣе: да умилосердись, братецъ, скажи-жъ ты мнѣ, почему же и на что же это онѣ сломаны?»

— «А вотъ, судырь, я разскажу вамъ все дѣло... Покуда покойной нашъ бояринъ, Өедоръ Васильевичъ, изволилъ здѣсь живать зимы, такъ трубы у нихъ и были и онѣ топливались, но тогда не было на домѣ еще верхняго деревяннаго жилья; но какъ пересталъ съѣзжать сюда по зимамъ, то вздумалось ему построить на немъ верхнія комнаты деревянныя, и расположить ихъ для своего лѣтняго койкогда здѣсь пребыванія. А тогда-то сломаны были всѣ эти трубы, и какъ возобновить ихъ было не можно потому, что тамошнимъ верхнимъ комнатамъ изволилъ онъ сдѣлать совсѣмъ ужъ другое расположеніе, то трубы эти приходились посреди комнатъ, то и приказалъ онъ ихъ всѣхъ заглушить и совсѣмъ уничтожить».

— «Тю! тю! тю! тю! возопилъ я, схвативъ себя за бороду сіе услышавъ: хороши-же мы!.. Да какъ же это намъ быть-то? и гдѣ-жъ намъ зимовать-то?» — «Ужъ я право того не знаю», отвѣчалъ печникъ и замолчалъ, а я, поразившись неописаннымъ смущеніемъ, не зналъ что и думать. Тысячи разныхъ мыслей полезли мнѣ тогда въ голову, я и не зналъ къ какой изъ нихъ прилѣпиться и спѣшилъ бѣжать вверхъ сообщать хозяйкамъ своимъ эту непріятную новость. «Ахъ, батюшки мои! твердилъ только я, восходя къ нимъ по лѣстницѣ: да какъ же это намъ быть-то? Ахъ, проклятыя, никто-то не промолвилъ намъ о томъ ни однимъ словомъ, а самимъ намъ и не вдогадъ всего этого; теперь вижу я уже и самъ это! Ну, обрадую же я симъ моихъ боярынь».

Для нихъ и подлинно была новость сія крайне поразительна. Свачала не хотѣли-было онѣ мнѣ вѣрить. «И что ты! говорили онѣ, возможно ли этому быть». Но какъ я ихъ увѣрилъ и все дѣло пораз-сказалъ, то, смутившись до чрезвычайности, начали онѣ только охать и горевать и бранить покойника г. Наумова. Я далъ имъ къ тому волю, а самъ сограждалъ уже въ мысляхъ планъ, чѣмъ-бы сему злу пособить можно было. И какъ госпожи мои начали потомъ ко мнѣ приступать съ вопросами, какъ же намъ быть, и гдѣ зимовать, то сказалъ я имъ: «Другого не остается, какъ помышлять скорѣе о построеніи себѣ какого-нибудь другого домика. Еще слава Богу! говорилъ я, что узнали мы сіе теперь, а не позднѣе. Теперь есть еще къ тому нѣсколько времени, а то бы былъ сущій матъ намъ».—«Ахъ! подхватили онѣ, когда это будетъ? и теперь уже сентябрь на дворѣ, и когда успѣвать построить хоромы? Нѣтъ ни лѣса и ничего готоваго.»—«Ну, какъ быть, поспѣшимъ уже какъ-нибудь», сказалъ я.—«Какъ ни спѣши (возразили онѣ), но въ два мѣсяца и до зимы тебѣ не построить никакъ; а до того времени въ этихъ гробахъ мы околѣемъ совсѣмъ: каминами одними не нагрѣешь надворья».—«Ну что-жъ дѣлать (сказалъ я), хоть доведется намъ и потерпѣть нѣсколько стужи и безпокойства, но такъ уже и быть. Станемъ камины топить поболѣе, дровъ здѣсь не занимать стать!... много!... а впрочемъ, я надѣюсь, что авось-либо и успѣю сгородить себѣ до зимы убѣжище. По счастію, есть у насъ въ селѣ Спасскомъ хоромцы готовыя, такъ передернемъ ихъ сюда и поставимъ. Быть такъ что невелики, но намъ теперь не до прихотей и не до разборовъ, и какимъ-нибудь будемъ ради, только бы нажить себѣ тепло».—«Хорошо (сказали онѣ нѣсколько успокоившись): но какъ-то тебѣ и ихъ успѣвать сгородить, и съ печами и со всѣмъ? Время остается очень немного; къ тому-жъ, и Богъ еще знаетъ, дозволитъ ли и князь тебѣ сіе сдѣлать?»—«О! что касается до князя (сказалъ я), то не сомнѣваюсь въ томъ ни мало. Человѣкъ онъ очень доброй и ему нужно только сказать слова два о томъ, какъ и согласится, и я теперь же пойду писать къ нему о томъ, благо есть въ Москву посылка».—«Хорошо! хорошо! (сказали онѣ), такъ поспѣшай же, дремать нечего».

Я и подлинно въ тотъ же часъ побѣжалъ въ свой кабинетъ, и ну писать къ

князю, сообщать ему нашу неожидаемость, говорить о томъ, какъ хорошо оба мы съ нимъ въ разсужденіи печей въ нижнемъ этажѣ обманулись, и потомъ, изобразивъ все терпимое нами уже и тогда безпокойство и совершенную невозможность зимовать въ тогдашнемъ нашемъ обиталищѣ, просить дозволенія о перевезеніи спасскихъ хоромъ и поставкѣ оныхъ для моего жительства; и въ тотъ же еще день отправилъ къ нему съ письмомъ своимъ нарочнаго.

Отправивъ сего посланнаго, сталъ я помышлять о томъ, какъ бы съ женою съѣздить на короткое время въ свою деревню. Сосѣдка моя, Анна Николаевна, пріѣзжала къ намъ не столько въ гости, сколько съ жалобами на ослушанія и разныя продерзости ея крестьянъ и съ просьбою, чтобъ я пріѣхавъ пересѣкъ оныхъ. Итакъ, какъ для сей нужды, такъ желая и для своихъ надобностей побывать дома, расположились мы въ послѣдующій день съѣздить съ женою на короткое время въ свое Дворяниново, и взявъ съ собою одну только старшую дочь свою, туда и отправились; и какъ намъ не великой крюкъ былъ заѣхать къ другу моему г. Полонскому, то переправились мы чрезъ рѣку уже на Жорновскомъ перевозѣ для удобнѣйшаго къ нему заѣзда.

Господинъ Полонской былъ намъ чрезвычайно радъ, поздравлялъ меня со вступленіемъ въ должность, и будучи очень доволенъ тѣмъ, что мы къ нему заѣхали, продержалъ насъ почти до вечера, такъ что въ деревню свою пріѣхали мы уже ночью.

Но какую разницу нашли мы уже въ своихъ хоромахъ. Хотя не прошло еще два мѣсяца съ того времени какъ мы отлучились, но все уже пахло въ нихъ пустынью, и какъ не было уже въ нихъ столь многихъ людей какъ прежде, то было намъ уже и скучно; а потому и не отреклись мы на утріе отъ просьбы друга нашего г-на Ладыженскаго, чтобъ пріѣхать къ нему праздновать вмѣстѣ съ нимъ его праздникъ. Итакъ, весь сей день провели мы въ Сенинѣ вмѣстѣ съ г. Полонскимъ, г. Шушеринымъ и многими другими, бывшими у него гостями, а въ послѣдующій за симъ день угощали насъ всѣ наши деревенскіе сосѣди.

Въ сей день, обѣгавъ по утру всѣ свои сады и снявъ съ нихъ поспѣвшія яблоки, успѣлъ я побывать у Анны Николаевны, разобрать все нужное и наказать виновныхъ, а потомъ обѣдалъ у брата Михайлы Матвѣевича, заходилъ къ меньшому его брату, а тамъ долженъ былъ угощать еще у себя пріѣхавшаго ко мнѣ родственника моего, Ивана Яковлевича Писарева, и всѣмъ тѣмъ, равно какъ и домашними разными распоряженіями занялся такъ, что не имѣлъ ни минуты досужнаго времени.

Переночевавъ другую ночь въ своемъ домѣ, поспѣшалъ я своимъ возвращеніемъ въ Кіясовку; но въ обратной путь поѣхали мы уже иною дорогою и чрезъ Серпуховъ, дабы проѣхать оттуда въ Воскресенки къ дядѣ Ивану Аѳанасьевичу, куда къ сему времени хотѣла пріѣхать и теща моя съ прочими моими домашними изъ Кіясовки. Въ Серпуховѣ не было уже тогда милой и почтенной нашей старушки, Катерины Богдановны; она переселилась уже къ своимъ предкамъ, почему пристали мы въ домикѣ уже другой нашей родственницы, г-жи Шелимовой, Марьи Семеновны, расположившейся окончить жизнь свою также въ семъ бывшемъ до того дѣвичьемъ монастырѣ; у которой отобѣдавъ и искупивъ въ городѣ что было надобно, и доѣхали мы въ тотъ же день къ старикамъ роднымъ своимъ въ Воскресенки, гдѣ нашли и прочихъ своихъ домашнихъ, пріѣхавшихъ туда же прямо изъ Кіясовки, и переночевавъ тутъ, возвратились на другой день въ свое мѣсто.

Тамъ нашелъ я посыланнаго въ Москву уже возвратившимся и привезшимъ ко мнѣ отъ князя полнымъ дозволеніемъ перевезть и поставить для себя спасскіе хоромцы; а писалъ только князь ко мнѣ, чтобъ поставить ихъ на назначенномъ для нихъ новомъ мѣстѣ и подвесть подъ нихъ фундаментъ каменной. Не успѣлъ я сіе дозволеніе получить, какъ ни мало

не медля и полетѣлъ въ Спасское для измѣренія и снятія съ хоромъ тамошнихъ плана. Но сколь малый потребенъ былъ къ тому трудъ, столь многое напротивъ того требовалось размышленіе о томъ, какъ бы сдѣлать ихъ для житья своего удобнѣйшими; ибо, къ несчастію, былъ онъ не только не великъ, но также наиглупѣйшаго въ свѣтѣ и такого расположенія, что никоимъ образомъ опять въ такомъ же видѣ поставить было не можно. Не было у него ни переднихъ, ни заднихъ сѣней, а весь онъ состоялъ изъ пяти только комнатъ. Одна изъ нихъ и просторнѣйшая изъ всѣхъ была въ срединѣ, и входъ въ нее былъ спереди прямо съ подворья, а другой насупротивъ сзади изъ саду, и была она проходная и составляла и сѣни, и прихожую, и залу, и все и все, а по сторонамъ оной было еще только по двѣ комнаты.

Таковое странное и безпокойное расположеніе заставило меня на обратномъ пути во всю дорогу думать и гадать о томъ, какъ бы его устроить лучше. «Господи! (говорилъ я самъ съ собою не однажды): какъ возможно мнѣ въ такомъ маленькомъ домикѣ, въ столь немногихъ покояхъ умѣститься со всѣми моими домашними, а сверхъ того помѣстить еще тутъ же и канцелярію свою?» Но нечего дѣлать, надобно уже было какимъ-нибудь образомъ умудриться и выдумывать какое-нибудь средство.

Долго не входило въ мысли ни одно къ тому способное: я думалъ такъ, думалъ инакъ, но все не ладилось, и куда ни кинь, такъ клинъ. Но наконецъ, по долгомъ размышленіи и недоумѣніи, повстрѣчалась со мною одна мысль, которая всѣхъ прочихъ казалась мнѣ лучшею и удобнѣйшею, а именно: чтобъ поставить ихъ такъ, какъ онѣ стояли и всѣ четыре боковыя комнаты оставить, какъ онѣ были, и назначить на одномъ краю одну изъ нихъ для гостиной, а другую для своего кабинета. А на другомъ краю одну для тещи моей съ дѣтьми моими, а другую подлѣ ей для дѣвичей, среднюю же и просторнѣйшую разгородить и часть изъ ней отдѣлить себѣ на спальню, другую для маленькой лакейской, а третью для сѣней переднихъ, и чрезъ то лишиться хотя просторной залы, но имѣть за то всѣ нужнѣйшія для житья комнаты, какъ-то: и сѣнцы, и лакейскую, и столовую, и гостиную, и кабинетъ, и спальню, и дѣтскую и дѣвичью. «Ладно! (воскликнулъ я все сіе въ умѣ обранжировавши); но вотъ бѣда, куда помѣщу я свою волостную канцелярію? Надобно и для ней не только особую, но и довольно просторную комнату, въ которой могли бы помѣститься и печь и мѣсто для большого сундука съ казною и столы для писцовъ моихъ, и гдѣ я возьму такую?» Подумавъ-подумавъ о семъ, другого не находилъ какъ прирубить ее вновь хоть изъ сырого лѣса и примкнуть съ боку къ моему кабинету, такъ чтобъ въ нее былъ входъ изъ оной и составить изъ ней въ заворотъ небольшой флигель; а кстати, чтобъ пристроить къ ней особыя сѣнцы съ лѣстницею на верхъ и чуланцомъ. А какъ съ однимъ такимъ флигелемъ казалось быть хоромамъ моимъ дурно, то пришла мнѣ мысль пристроить такой же другой флигель въ заворотъ и на другомъ краю съ боку подлѣ дѣвичей, и въ одномъ помѣстить кладовую для поклажи всякой всячины, а между ею и дѣвичьею помѣстить заднія сѣни съ принадлежностями. «Прекрасно! прекрасно! (воскликнулъ я); и вздумать нельзя сего лучше! Какая нужда, что не будетъ у меня просторнаго зала, а умѣренная только комната для столовой! Мнѣ не балы и не пиры большіе здѣсь строить, проживу какъ-нибудь и съ небольшою столовою».

Симъ образомъ, расположивъ все еще дорогою въ мысляхъ, возвратился я уже съ спокойнѣйшимъ духомъ; и не успѣлъ войтить въ свой кабинетъ, какъ давай приниматься скорѣй за циркуль, линейку и карандашъ, давай чертить по снятой и записанной мѣрѣ планъ, давай располагать и назначивать все что вздумано, давай показывать его своимъ домашнимъ, и какъ и онѣ его апробовали, то давай чертить набѣло, давай придумывать, какъ поставить сей домъ, какъ расположить

подлѣ его вновь дворъ, и какія пристроить службы и другія нужнѣйшія зданія, ибо потребна была и людская изба, и кухня, и погребъ, и конюшня, и каретной сарай, и баня. И какъ всѣ сіи принадлежности надлежало совсѣмъ вновь строить, ибо мѣсто, назначенное для дома управительскаго, было въ нѣкоторомъ отъ прежняго господскаго дома въ отдаленіи, лежало за прудомъ и совсѣмъ въ пустомъ, порожнемъ, и къ несчастію, весьма еще неровномъ мѣстѣ, и на все то потребно было множество лѣса, то обо всемъ томъ надлежало подумать и погадать.

Но за всѣмъ симъ дѣло у меня не стало, въ одинъ почти мигъ поспѣлъ у меня и тому всему планъ. Послѣ чего, не долго думая, на другой же день, согнавъ народъ, и велѣлъ я расчищать и ровнять все назначенное подъ домъ и подъ дворъ мѣсто, а самъ, приказавъ пріискивать каменьщиковъ и плотниковъ, полетѣлъ въ тамошнія рощи и лѣса, для пріискиванія и назначенія къ рубкѣ потребнаго какъ на сіе, такъ и на построеніе скотскаго двора лѣса.

Тутъ попадись мнѣ прежде всего на глаза, находившаяся не далеко отъ селенія и подлѣ самой почти большой дороги, круглая, прекрасная роща, состоящая въ нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ и изъ сплошного чистаго и ровнаго строельнаго лѣса. «И! сказалъ я ее увидѣвъ: да зачѣмъ долго искать, вотъ прекрасная роща; семъ примемся мы за нее и разрубимъ всю разными проселками и аллеями, и вдоль и поперекъ, и вкось, и вкрестъ на крестъ, и чрезъ то выгадаемъ для себя три пользы: и ей-то придадимъ прекрасной видъ, и заставимъ всѣхъ проѣзжихъ по большой дорогѣ ею любоваться, и лѣсу съ просѣкъ сихъ получимъ множество и возить его будетъ не далеко». Обрадовался я сей нечаянно повстрѣчавшейся со мною мысли, и не долго думая, ну назначать для вырубанія первую и главнѣйшую среднюю аллею и на утріе отправлять людей, для рубленія съ ней лѣса и воженія онаго къ строенію.

Между тѣмъ пріискали мнѣ скоро и плотниковъ, и я, поговоривъ и условившись съ ними обо всемъ, ни мало не медля я отправилъ ихъ въ Спасское для перемѣтки всѣхъ стѣнъ въ хоромахъ. А потомъ сдѣлалъ я со всей волости нарядъ подводамъ для перевозки оныхъ въ Кіясовку.

Въ сихъ безпрерывныхъ занятіяхъ и не видалъ я какъ прошло нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ начинали мы съ домашними своими помышлять и о томъ, какъ-бы намъ свесть знакомство съ ближними и лучшими изъ дворянъ тамошнихъ. Изъ сихъ всѣхъ прочихъ ближе жилъ къ намъ нѣкто господинъ Новиковъ, Борисъ Ивановичъ. О семъ человѣкѣ насказали мнѣ столько добра, что намъ и захотѣлось уже съ нимъ познакомиться; а какъ былъ онъ человѣкъ достаточной и уже немолодой, и потому не было надежды, чтобъ онъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ прежде, то рѣшились мы сами напередъ къ нему ѣхать, и выбравъ удобной день къ нему и черкнули. Онъ былъ намъ очень радъ и пріѣздомъ нашимъ весьма доволенъ, и какъ былъ онъ человѣкъ хотя простой и не изъ бойкихъ остряковъ и людей хитрыхъ и коварныхъ, но весьма доброй, и онъ намъ, а мы ему полюбились, то не долго было намъ съ нимъ и спознакомиться и сдружиться. А какъ былъ онъ человѣкъ хотя вдовой, но имѣлъ у себя дѣтей и взрослую уже дочь, то сіе было и хозяйкамъ моимъ кстати, ибо онѣ нашли въ ней изрядную себѣ компаніонку. Итакъ, сей домъ былъ первый, съ которымъ мы короче познакомились и котораго пріязнію пользовались во все время пребыванія нашего въ Кіясовкѣ.

Между тѣмъ, какъ много ни занятъ былъ я въ сіе время и по должности моей и по строеніямъ, и какъ мало ни оставалось мнѣ свободныхъ часовъ для своихъ прежнихъ и любимыхъ упражненій, однако урывками и урывками занимался коекогда и оными. Въ особливости-жъ памятно мнѣ, что я въ сіе время всѣхъ гостившихъ у меня дѣтей продолжалъ кой-чему учить; и какъ при сниманіи всей усадьбы на планъ былъ случай познако-

мить ихъ и съ астролябіею и научить ею дѣйствовать, то не преминулъ я сего сдѣлать, и скоро дошло до того, что я могъ препоручать имъ и безъ себя уже снимать на планъ мѣста нѣкоторыя. По вечерамъ же, вмѣсто отдохновенія, усаживалъ ихъ всѣхъ за столъ и старался имъ внушать первыя основанія нравоученія и вперять въ нѣжныя ихъ мысли важнѣйшія правила сей нужнѣйшей науки.

Кромѣ сего, не переставалъ и самъ я продолжать упражняться въ ботаникѣ. Наука сія мнѣ столь полюбилась, что я и тутъ при всѣхъ своихъ недосугахъ не пропускалъ почти ни одного вновь на глаза мнѣ попадающагося незнакомаго цвѣточка безъ разсмотрѣнія и изслѣдованія. И не рѣдко случалось, что я возвращался изъ ходьбы или ѣзды куда-нибудь, приносилъ съ собой цѣлыя горсти и пуки нарванныхъ травъ съ цвѣтами, листьями и кореньями ихъ, и во всѣхъ такихъ случаяхъ тотчасъ хватался за ботаническія свои книги и, разсматривая всѣ ихъ, старался узнавать ихъ званія и имена, а потомъ по другимъ книгамъ спознакомливаться и съ ихъ врачебными дѣйствіями и силами; и не могу изобразить, сколько удовольствія они мнѣ доставляли собою и сколько услаждали тѣмъ прочіе мои труды и заботы.

Но сего было еще не довольно. Но какъ удалось мнѣ спознакомиться со многими, то нечувствительно возродилась во мнѣ охота и испытывать самымъ дѣломъ, все ли то было справедливо, что упоминалось въ книгахъ о полезныхъ ихъ свойствахъ и врачебныхъ силахъ. Къ таковымъ испытаніямъ подало мнѣ и то великой поводъ, что князь, отпуская меня изъ Москвы, просилъ меня, чтобы купить и взять съ собой маленькую Пекинову аптечку. «Теперь нѣтъ (говорилъ онъ) тамъ еще лекаря, и покуда я пріищу и опредѣлю и мы тамъ заведемъ небольшой хотя гошпиталь, то пожалуйте, случающимся больнымъ раздавайте изъ аптечки сей лекарствы и помогайте бѣднякамъ, сколько вы то учинить въ состояніи будете». И какъ я ему то съ охотою обѣщалъ, а притомъ сказалъ нѣсколько словъ и объ охотѣ своей къ ботаникѣ, то сіе побудило его еще болѣе къ тому, и онъ былъ тѣмъ очень доволенъ.

Такимъ образомъ, купивъ и привезя съ собою сію, хотя ничего незначущую, аптечку и не преминулъ я при первыхъ сходкахъ всѣмъ крестьянамъ объявить, что у меня есть казенныя лекарствы и чтобъ всѣ страждущіе какими-нибудь болѣзнями ко мнѣ являлись, и что я ихъ охотно и безденежно лекарствами, какія есть, снабжать буду. А сіе и не преминуло произвесть своего дѣйствія. Больные и дѣйствительно стали ко мнѣ отъ времени до времени приходить и просить отъ болѣзней своихъ лекарствъ. Но какъ въ помянутой аптечкѣ далеко не было столь многихъ лекарствъ, чтобъ ими всѣмъ можно было помогать, то самое сіе и побудило меня воспринимать иногда прибѣжище свое и къ тѣмъ изъ врачебныхъ травъ, съ которыми удалось мнѣ уже познакомиться и заохотило меня не только ихъ собирать, сушить и заготовлять впрокъ, но заготовлять изъ нихъ разные порошки, крошевы и настойки для удобнѣйшаго ихъ употребленія; и поелику къ сему потребна была кое-какая мелкая стеклянная, глиняная и деревянная посуда, то при первой въ Москву посылкѣ и велѣлъ я себѣ накупить множество разной величины стклянокъ, пузырковъ, баночекъ, точеныхъ деревянныхъ стамушекъ и прочаго тому подобнаго; и не успѣли ихъ ко мнѣ привезть, какъ и настановилъ я ими въ кабинетѣ у себя цѣлой шкапчикъ, и ну наполнять ихъ, иныя порошками, иныя крошеными кореньями и травами, иныя каплями или настойками, дѣлаемыми изъ травъ разныхъ. И сіе было первымъ основаніемъ моей аптечки домашней. А какъ мнѣ нуженъ былъ человѣкъ, которой бы мнѣ помогалъ травы сіи собирать и приуготовлять по наставленію моему разныя лекарства, то и выбралъ я изъ тамошнихъ дворовыхъ людей одного молодого и нѣсколько грамотѣ умѣющаго малаго, и опредѣлилъ его къ сему дѣлу, которой и воспользовался тѣмъ

такъ, что впослѣдствіи времени сдѣланъ даже лекарскимъ ученикомъ, а потомъ и подлекаремъ, и ему опредѣлено было изрядное жалованье.

Наконецъ не позабылъ я и о полученномъ письмѣ отъ господина Нартова, и какъ надлежало ему на оное отвѣтствовать, то написавъ въ отвѣтъ письмо, и отправилъ я оное къ нему, увѣдомивъ вкупѣ его и о новомъ мѣстѣ моего пребыванія и должности, о чемъ онъ ничего еще не вѣдалъ.

Случилось сіе уже въ самомъ исходѣ мѣсяца августа, которой день ознаменовался вкупѣ и тѣмъ, что мы ввечеру сего дня обрадованы были пріѣздомъ къ намъ любезныхъ нашихъ родныхъ кашинскихъ, восхотѣвшихъ насъ посѣтить, какъ скоро узнали о нашемъ преселеніи, и пріѣхать къ намъ въ новое наше обиталище. Мы были имъ очень ради. Онѣ всѣ три тогда къ намъ пріѣхали и пробыли у насъ ровно двѣ недѣли, и какъ чрезъ то общество наше увеличилось еще больше, то все время сіе, несмотря на всѣ мои хлопоты, труды и недосуги, было намъ отмѣнно весело. Мы старались угостить ихъ у себя колико можно лучше, и не упускали ничего, чѣмъ бы могли пребываніе ихъ у насъ сдѣлать для нихъ пріятнѣйшимъ, а онѣ, по любви своей къ намъ, осыпали насъ своими ласками и благопріятствомъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда племянницъ моихъ начался и мѣсяцъ сентябрь, а съ нимъ настало удобное время къ сниманію въ садахъ достальныхъ плодовъ, и потомъ къ предприниманію въ нихъ работъ разныхъ. Итакъ, по снятіи плодовъ и по продажѣ всѣхъ излишнихъ, принялся я и за оные. Ихъ было два: одинъ старинной, позади палатъ и нарочито обширной, но до крайности и такъ запущенной и обезобразившійся, что прежняго его регулярства не было почти и примѣтно. Изъ прежнихъ стриженныхъ липовыхъ шпалеръ составился лѣсъ изъ превысокихъ липовыхъ деревъ, разросшихся такъ, что не было почти прохода. А подобно тому и другое все захлогло и заросло всякою дичью и негодью. Самыя плодовитыя деревья находились въ прежалкомъ состояніи.

Другой садъ былъ молодой и гораздо сего меньше. Онъ лежалъ въ боку отъ дома и въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи за прудомъ, и власно какъ на полуостровѣ, ибо окруженъ былъ съ трехъ сторонъ водою. Узкой проулочекъ или проходъ, сдѣланной чрезъ него на гумно и на скотской дворъ, раздѣлялъ его собою надвое, и съ обѣихъ сторонъ къ сему проулку примыкали узкія плотины или переходы черезъ прудъ и заливъ, позади его находящіеся. Но и сей садъ немногимъ чѣмъ былъ лучше большого и въ такомъ же запущеніи.

Причиною тому было, что какъ господа давно перестали въ сіе село ѣздить и въ немъ жить, то и не прилагаемо было къ поддержанію его въ порядкѣ ни отъ кого и никакого старанія. Глупому прикащику не было до него никакой нужды; а садовника мы хотя тутъ и нашли, и онъ былъ мужикъ хотя доброй и рачительной, но болѣе огородникъ, нежели садовникъ, и знанія его простирались очень не далеко. И къ томужъ, какъ не давали ему никакихъ работниковъ, то одному ему, а притомъ и безъ принужденія, и нечего было... (?).

Итакъ, ходючи нерѣдко по симъ садамъ, давно уже замѣчалъ я въ мысляхъ, что мнѣ съ ними сдѣлать, и чѣмъ и какъ бы ихъ поправить и привесть сколько-нибудь въ лучшее состояніе. Почему, какъ скоро сняты были всѣ плоды, то и началъ я намѣреніе свое производить въ дѣйство. Мое первое дѣло было, чтобъ обрубить и окарнать въ большомъ садѣ всѣ липовыя шпалеры такъ, чтобъ остались одни только голые комли или пни ихъ, вышиною аршина въ три отъ земли. Садовникъ мой только ахалъ, сіе увидѣвъ, и почиталъ ихъ совершенно погубленными, но я увѣрилъ его о противномъ и что онъ чрезъ годъ шпалеръ своихъ не узнаетъ и увидитъ ихъ молодыми. Такимъ же образомъ безъ всякаго милосердія поступилъ я и со многими другими де-

ревьями и кустарниками и не только съ дикими, но и съ самыми плодовитыми: и иныя вырубалъ совсѣмъ, другія подчищалъ, у иныхъ вырубалъ всю негодь и такъ далѣе. Садовникъ мой только поглядывалъ и производилъ то скрѣпя уже свое сердце.

Поопроставъ симъ образомъ старые сады отъ всякой негоди, принялся я за основаніе совсѣмъ новаго сада и за засажденіе онаго разными плодовитыми и дикими деревьями. Сей назначилъ я совсѣмъ на новомъ мѣстѣ, захвативъ подъ оной цѣлую десятину полевой земли, за будущимъ новымъ управительскимъ домомъ, и назначивалъ его быть моимъ собственнымъ, то-есть управительскимъ; и между тѣмъ какъ возили изъ рощи лѣсъ, а изъ Спасскаго разобранныя хоромы, занимался я тутъ же разбиваніемъ сего новаго сада, которой по тогдашнему господствующему еще вездѣ вкусу расположилъ я регулярнымъ и насадилъ множество шпалеръ, надѣлалъ множество куртинъ и напичкалъ всѣ сіи плодовитыми молодыми деревцами и кустарниками. По счастію, нашелъ я сихъ такое великое изобиліе въ запасѣ, что не только стало ихъ на весь сей новой садъ и на подсадку въ обоихъ садахъ прежнихъ, но осталось нѣкоторое количество мнѣ и для себя и отправленія въ мои собственные сады по дозволенію князя. Я велѣлъ ихъ тамъ посадить: яблонки въ моемъ новомъ полевомъ садѣ, а черносливъ или зимовыя сливы въ садахъ ближнемъ и верхнемъ, которые прекрасные плоды ведутся у меня и нынѣ, а изъ яблонокъ остались очень-очень немногія, и достопамятнѣйшая изъ нихъ есть такъ-называемая Денисовка. Прочія же на большую часть хотя сначала и принялись, но потомъ въ отсутствіе мое погибли.

Наконецъ, 5-го сентября основалъ и заложилъ я свое новое обиталище. Мѣсто для хоромъ назначилъ я на самомъ красивѣйшемъ мѣстѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ большой дороги, на самомъ берегу большого и обширнаго пруда, выдавшемся въ прудъ угломъ, на подобіе мыса, и поставилъ домъ такъ, чтобъ онъ лицомъ былъ прямо къ большой дорогѣ и окруженъ былъ и спереди и съ праваго бока водою и небольшими подлѣ себя на самомъ берегѣ цвѣтниками. Сіи оградилъ я подлѣ самой воды низенькимъ штакецомъ, и для входа въ него изъ хоромъ назначилъ быть большому каменному крыльцу изъ моей столовой комнаты. И какъ тогда каменьщики были еще не отысканы, то заложилъ я домъ для поспѣшенія на столбахъ и тотчасъ велѣлъ приниматься за работу.

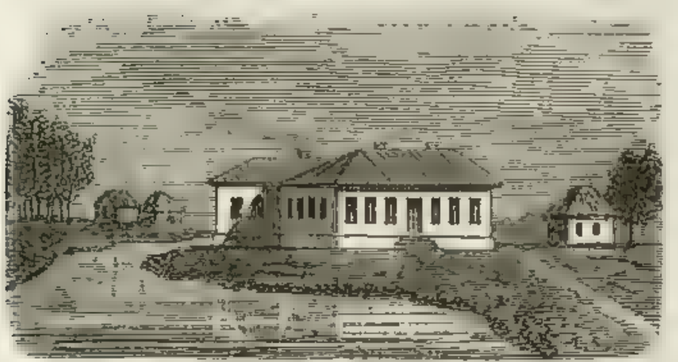
Между сими хлопотами не упускалъ я заниматься и своими любезными гостями; а въ самой день закладки хоромъ посѣтилъ меня первой изъ тамошнихъ сосѣдей, и впервые еще, помянутой господинъ Новиковъ вмѣстѣ съ господиномъ Игнатьевымъ, которыхъ мы также постарались угостить какъ можно лучше. А на другой день послѣ того вздумали племянницы мои съѣздить къ намъ въ Дворяниново и повидаться съ тамошними нашими родными, и мы проводили ихъ до села Турова и остались сами въ гостяхъ у жившаго тутъ господина Шушерина, Василья Ѳеодоровича. Сей любезной человѣкъ не задолго до того сдѣлался мнѣ знакомъ, и какъ онъ любилъ искренно насъ, а мы его, то и радъ я былъ, что домъ его случился быть у насъ на самой дорогѣ и на половинѣ пути, и потому служилъ намъ тутъ всегда добрымъ перепутьемъ. Дни чрезъ два послѣ того посѣтилъ и онъ насъ въ Кіясовкѣ, съ женою и обѣими дочерьми своими, а 12-го числа ѣздила жена моя съ старшею изъ племянницъ моихъ въ Коломну, для нѣкоторыхъ покупокъ; а чрезъ три дни послѣ того и разрушилось опять наше пріятное общество, чрезъ отъѣздъ племянницъ моихъ обратно въ Кашинъ. Мы проводили ихъ съ чувствительнымъ сожалѣніемъ, и жена моя поѣхала съ нею на короткое время въ Москву, а я остался хлопотать съ своими строеніями, лѣсами, садами и мужиками.

Въ сихъ произшествіяхъ протекла нечувствительно вся первая половина сен-

тября мѣсяца, а что происходило во второй и далѣе, о томъ разскажу я вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее симъ кончивъ скажу, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 4-го дня 1809 года).

Письмо 177-е.



Любезный пріятель! Едва мы только проводили своихъ племянницъ и съ женою моею отъ себя, какъ и перетревожило насъ уже сдѣлавшееся первое и большое зазимье. Зима съ стужами своими показала глаза свои какъ-то въ этотъ годъ слишкомъ уже рано. Первой и довольно жестокой морозъ посѣтилъ насъ еще 9-го августа, а въ половинѣ октября настала уже и совершенная зима. Теперь вообразите же себѣ, сколь мало удобнаго времени имѣлъ я къ совершенію всѣхъ своихъ начатыхъ строеній. Но сказать надобно, что и трудился и заботился я объ нихъ прямо ревностно, а особливо послѣ того какъ пугнуло меня помянутое зазимье; ибо какъ по всѣмъ замѣчаніямъ надлежало тогда ровно чрезъ мѣсяцъ ожидать и настоящей зимы, то усугубилъ я всѣ мои труды, старанія и работы и не отходилъ почти ни пяди отъ нихъ, присутствуя при нихъ отъ утренней зари до вечерней, или разъѣзжая самъ по лѣсамъ для понужденія скорѣйшей вырубки и привоза деревъ. Стукъ отъ нѣсколькихъ десятковъ топоровъ продолжался безпрерывно съ утра до вечера и разбуждалъ насъ съ восхожденіемъ солнца, но нужда приневоливала меня и употреблять всевозможнѣйшую поспѣшность.

Помянутое зазимье заставило насъ впервые испытать нагрѣвать комнаты наши каминами, но они скоро доказали, что на нихъ дальней надежды полагать никоимъ образомъ было намъ не можно. Производимое ими тепло столь же скоро и уходило, какъ при закрытіи оныхъ набиралось. Сперва обрадовались-было мы, увидѣвъ себя въ теплѣ, но радость наша была весьма кратковременна. Чрезъ немногіе часы комнаты наши дѣлались таковыми-жъ холодными, какъ были прежде и усугубляли только горевание наше о томъ, какъ намъ будетъ жить тутъ въ самое позднее осеннее время.

Впрочемъ, имѣлъ я около сего времени у себя неожидаемаго, но весьма пріятнаго гостя. Вдругъ является передо мной одинъ молодой и ученой священникъ, пріѣхавшій изъ Коломны для осмотрѣнія упразднившагося у насъ въ селѣ поповскаго мѣста, дабы въ случаѣ, если оно ему полюбится, можно-бъ было ему, по благосклонности къ нему архіерея, занять оное. Онъ пришелъ тогда ко мнѣ на поклонъ, и мы не успѣли съ нимъ нѣсколькихъ минутъ провесть въ разговорахъ, какъ и полюбили другъ друга. Нигдѣ знакомство и дружба такъ скоро не возстановляется, какъ между учеными, а особливо если повстрѣчаются взаимно согласныя мысли и чувства. А самое сіе тогда съ нами и случилось. Я нашелъ въ немъ хотя не великаго во всемъ знатока, но по крайней мѣрѣ студировавшаго въ семинаріи, и много кой-чего таки-знающаго, но что всего лучше, отмѣнно любопытнаго молодого человѣка; а и онъ поразился неожидаемостію и удивленіемъ, нашедъ во мнѣ человѣка, превосходящаго знаніями всѣхъ ихъ семинарскихъ учителей. Самое сіе и прилѣпило его такъ ко мнѣ, что онъ положилъ за непремѣнное себѣ дѣло, добиваться всѣми образами, чтобъ перевели его въ село наше, а сіе къ обоюдному нашему удовольствію чрезъ короткое время и воспослѣдовало дѣйствительно; чему я съ моей стороны тѣмъ болѣе былъ радъ, что получилъ въ немъ давно желаемаго и пріятнаго себѣ по ученымъ дѣламъ и ма-

теріямъ собесѣдника, и могу сказать, что онъ доставлялъ мнѣ сотовариществомъ своимъ весьма многія пріятныя минуты. Онъ назывался Никитою Никифоровичемъ, а прозваніемъ Моревъ.

Наконецъ пріискали мнѣ и наняли и каменьщиковъ, и какъ время оставалось уже мало, а фундаментъ былъ превысокой, то усугубилъ я еще и болѣе ревностное мое за работами смотрѣніе и не отходилъ отъ нихъ почти ни пяди, и хлопотъ было у меня полонъ ротъ съ ними. Но какъ бы то ни было, но мы съ ними его смастерили, и довольно удачно. Кромѣ сего, занимался я въ сіе время и поправленіемъ нѣкоторыхъ маленькихъ прудовъ, въ деревняхъ находящихся, но болѣе всего привлекали меня къ себѣ лѣса и требовали частаго присутствія въ оныхъ. Надобно было намъ изъ нихъ премногое множество всякаго лѣса какъ на казенное, такъ и на крестьянское строеніе, а не менѣе для запасенія себя дровами, на всю зиму. И всѣ сіи деревья вырубаемы были не инако, какъ по моему указыванію и съ наблюденіемъ наивозможнѣйшаго порядка. Итакъ, для всего того доводилось мнѣ почти всякой день ѣздить въ рощи и лѣса и давать мои наставленія. Всю помянутую рощу разрубили мы аллеями и прошпектами на множество частей и косяковъ, и превратя ее тѣмъ въ нѣкоторой родъ звѣринца, придали ей дѣйствительно такой хорошій видъ, что всѣ почти проѣзжіе останавливались, чтобъ множествомъ сихъ аллей, представляющихся то и дѣло глазамъ, полюбоваться.

Въ сихъ упражненіяхъ и многочисленныхъ трудахъ и не видалъ я, какъ прошла и вторая половина сентября, и наступилъ октябрь мѣсяцъ. Первое число онаго, или день Покрова Богородицы, праздновали мы въ Воскресенкахъ у родственника нашего Арцыбышева, которой изъ всѣхъ нашихъ родныхъ жилъ тогда всѣхъ ближе къ намъ, а оттуда проѣхали теща моя съ дочерью г. Ладыженскаго на часокъ въ нашу деревню, а я, возвратившись въ Кіясовку, принялся за расчерчиваніе и дѣланіе предъ новымъ своимъ домомъ цвѣтника, дабы къ веснѣ имѣть его для посадки цвѣтовъ уже готовымъ.

Вскорѣ за симъ наступило и 7-е число октября, и совершилось мнѣ ровно 36-ть лѣтъ отъ рожденія. Я отпраздновалъ сей день, по обыкновенію моему, тихомолкою и болѣе духовно, нежели наружно, и занимаясь помянутымъ дѣломъ. Къ имянинамъ же моимъ пріѣхала къ намъ и тетка Матрена Васильевна на нѣсколько дней погостить, и мы посѣщеніемъ ея были очень довольны. Въ день же имянинъ моихъ пригласили мы къ себѣ новаго нашего знакомаго, г. Новикова; но кромѣ его и помянутаго родственника нашего г. Арцыбышева, никого въ сей разъ у насъ не было. А вскорѣ за симъ ѣздилъ я еще разъ для нѣкоторыхъ нуждъ и на самое короткое время въ свою деревню, и заѣзжая на дорогѣ къ обоимъ своимъ друзьямъ, г. Шушерину и Полонскому, повидался и съ ними. Оба они невѣдомо какъ довольны были тѣмъ, что я ихъ не забывалъ и не отпускали меня безъ того, чтобъ я у нихъ либо отобѣдалъ, либо ночевалъ. По возвращеніи же моемъ назадъ, вскорѣ поѣхала отъ насъ и Матрена Васильевна и увезла съ собою и обѣихъ дочерей своихъ, гостившихъ у насъ во все сіе первое время пребыванія нашего въ Кіясовкѣ.

Симъ разрушилось тогда наше маленькое общество, и сколько намъ того ни было жаль, но мы нѣкоторымъ образомъ были тѣмъ и довольны; ибо въ самое то время начинала уже почти становиться зима и мы не знали какъ и самихъ себя обогрѣвать, и боялись, чтобъ намъ гостей своихъ не поморозить.

Но доколѣ тянулся октябрь, то все еще мы какъ-нибудь пробивались. Но какъ скоро начался ноябрь и съ нимъ настала и настоящая зима, то началось съ нею вкупѣ и то самое время, которое и понынѣ еще забыть не могу и кое было скучнѣйшее, труднѣйшее и безпокойнѣйшее во всей моей жизни. Работъ было еще великое множество неоконченныхъ.

Хоромы только-что тогда покрыли, и надобно было отдѣлывать ихъ еще внутри, а потомъ класть въ нихъ печи; а прочія зданія на дворѣ требовали еще и множайшей работы. Кромѣ того спѣшилъ я копать рвы и разгораживать ими всѣ семь полей казеннаго хлѣбопашества. Всѣ сіи работы требовали почти ежечаснаго моего при себѣ присутствія, а стужа такая! непогоды страшныя! а отогрѣваться отъ нихъ было почти негдѣ. Домашніе мои принуждены были съ утра до вечера сидѣть въ шубахъ, и оставя просторнѣйшія комнаты, которымъ и самые камины нимало не помогали, сбиваться всѣ въ кучку въ маленькія комнаты для удобнѣйшаго себя обогрѣванія каминами. Сіи денно и нощно и безъ умолку почти у насъ пылали, ибо предъ ними только и можно было сколько-нибудь отогрѣваться. Ежедневно сожигали мы въ нихъ множество наилучшихъ березовыхъ дровъ, и нажегши столько угольнаго жару, сколько могло только помѣщаться въ оные, не успѣвали ихъ закрывать и первымъ теплымъ духомъ часъ какой или два попользоваться, какъ исчезалъ и вылеталъ оной опять сквозь окны и стѣны, и мы паки о растапливаніи оныхъ помышлять долженствовали. Но днемъ какъ-нибудь уже мы пробавлялись, но что касается до ночей, то сіи были намъ уже всего несноснѣй, а особливо во время сдѣлавшейся уже большой стужи и наступленія зимы самой. Мы встрѣчали ихъ какъ нѣкакихъ медвѣдей и готовились заблаговременно зябнуть, дрожать и терпѣть неописанное безпокойство.

Теперь вообразите себѣ, каково намъ и не только намъ, но и всѣмъ верхнимъ людямъ нашимъ было жить и терпѣть такое безпокойство цѣлой мѣсяцъ сряду, а особливо послѣднія недѣли въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Сіи сдѣлались-было намъ уже совсѣмъ несносны и я истинно не знаю, какъ мы все сіе время прожили и какъ при всѣхъ такихъ душевныхъ трудахъ и безпокойствахъ провели мы сіе время, по особливой къ намъ милости Господней, такъ счастливо и удачно, что не только никто изъ насъ, но ниже изъ малютокъ дѣтей и людей нашихъ не занемогъ и не вытерпѣлъ болѣзни.

Наконецъ кое-какъ и насилу-насилу кончили мы все строеніе, и домъ мой поспѣлъ и сдѣлался уже для обитанія способнымъ. Теперь не могу никакъ изобразить вамъ того удовольствія, которое чувствовали мы, перебравшись совсѣмъ жить въ оной. Сущимъ раемъ казался онъ намъ въ сравненіи съ житьемъ нашимъ въ большомъ и огромномъ тамошнемъ домѣ: и тепелъ, и хорошъ, и покоенъ онъ намъ казался! Но никто такъ не былъ доволенъ, какъ я своимъ кабинетомъ. Я снабдилъ его не только частью печи, но сверхъ того еще и каминомъ, и какъ положеніе его случилось быть въ срединѣ между другихъ комнатъ, то былъ онъ отмѣнно тепелъ, а не было недостатка и въ свѣтѣ. Два большихъ окна съ простирающимся видомъ изъ нихъ на прудъ и за онымъ на церковь и старой домъ, освѣщали оной. Подъ однимъ изъ нихъ, въ спокойномъ уголку, ассигновалъ я для себя сидѣнье и установилъ свой столикъ, подъ другимъ поставилъ большой столъ для учениковъ моихъ. Стѣны установилъ я книгами и шкапами, а кой-гдѣ и картинами, привезенными изъ дома, и былъ обиталищемъ своимъ очень доволенъ и тѣмъ паче, что имѣло оно сообщеніе и съ гостинною, и съ лакейскою, и съ моею канцеляріею. А и домашніе мои со всѣмъ буторомъ своимъ умѣстились такъ хорошо, что всѣ были наконецъ довольны. По счастію дѣти мои были еще малы и для помѣщенія ихъ требовалось не много мѣста. Всѣ они помѣстились съ своею бабушкою въ одной комнатѣ и довольно еще просторно, и одна только наша спальня была темновата, но за то теплѣе почти всѣхъ комнатъ.

Симъ образомъ, перешедши и расположившись въ новомъ и довольно для насъ просторномъ и спокойномъ домѣ, отдохнули мы отъ претерпѣнныхъ своихъ трудовъ и безпокойствъ и повели уже порядочную, какъ водится, жизнь; и какъ было уже гдѣ порядочно принимать и

угощать гостей, то начали мы уже помышлять о сведенiи дружбы и знакомства съ множайшими изъ живущихъ въ тамошнихъ окрестностяхъ дворянъ, и за симъ дѣло не стало. Домъ г. Новикова не замедлилъ познакомить насъ и со многими другими. Бывая въ ономъ, имѣли мы случай съѣзжаться съ нѣкоторыми его сосѣдями и друзьями, и какъ г. Новиковъ не оставлялъ всѣмъ объ насъ разсказывать и рекомендовать насъ съ стороны хорошей, то вскорѣ познакомились мы и съ нѣкоторыми другими домами. Изъ сихъ въ особливости сдѣлались намъ дружны домъ господина Кологривова, Николая Ивановича, человѣка милаго и любезнаго и столь веселаго характера, что мы всегда въ свиданiи съ нимъ и его женою находили удовольствiе. Другой такой же домъ былъ господина Бѣляева, Θедора Васильевича. Сей былъ человѣкъ хотя небогатой и простенькой, но имѣлъ двухъ взрослыхъ и добраго характера дочерей, полюбившихъ въ особливости наше семейство и нерѣдко гостившихъ у насъ по нѣскольку дней сряду. А особливо сдѣлалась дружна намъ младшая изъ его дочерей по имени Алена, съ которою и понынѣ еще продолжается у семьяночекъ моихъ дружба.

Итакъ, мало-по-малу, при помощи нерѣдкихъ свиданiй съ ними, начали мы жить гораздо веселѣе прежняго и весь послѣдующiй мѣсяцъ декабрь провели безъ скуки и въ удовольствiи. Весьма много поспѣшествовало къ тому и то, что мы обрадованы и успокоены были въ душахъ нашихъ наипрiятнѣйшимъ для всѣхъ насъ слухомъ, что наконецъ удалось нашимъ войскамъ разбить и разсѣять всю злодѣйскую пугачовскую сволочь и самого его, искавшаго спасенiя въ бѣгствѣ, съ вѣрнѣйшими его наперсниками поймать, и что везли уже его окованнаго по рукамъ и по ногамъ въ Москву для сужденiя и воспрiятiя достойной мзды за всѣ его варварствы и злодѣянiя. Не могу изобразить, какъ обрадовало насъ первое полученное о томъ извѣстiе и какъ мы благодарили Бога за спасенiе всей Россiи, а въ томъ числѣ и насъ отъ сего изверга. Какъ тяжелой камень свалился тогда съ сердецъ и плечей нашихъ.

Что касается до меня, то не успѣли за зимнимъ временемъ кончиться всѣ мои надворные труды и упражненiя и мы перешли жить въ новой домъ, какъ, не любя быть празднымъ, и началъ я все остающееся отъ дѣлъ по должности моей свободное время посвящать опять наукамъ и литературѣ, и принялся паки за свои книги, перо и кисти. И какъ по счастiю время сего оставалось довольно и дѣлъ по должности моей стало становиться часъ отъ часу меньше, то и могъ я къ удовольствiю своему употреблять къ тому множество часовъ ежедневно, а особливо въ длинные зимнiе вечера и утры. Въ сiи послѣднiя наиболѣе занимался я кой-какимъ писанiемъ, а особливо переписыванiемъ набѣло первой части моей «Дѣтской философiи», которую, по случаю близости къ Москвѣ и нерѣдкому въ ней биванiю, хотѣлось мнѣ постараться какъ-нибудь отдать въ печать. Итакъ, надобно было всю ее вновь пересмотрѣть, кое-что прибавить и переписать въ тетради особыя. Во время же дня занимался я иногда самымъ рисованьемъ, а особливо разрисовыванiемъ имѣвшихся у меня многихъ разнаго рода эстамповъ. Побуждало меня къ тому наиболѣе то, что восхотѣлось мнѣ угловую свою и очень свѣтлую и веселую гостиную комнату, по обитiи ея обоями, убрать колико можно болѣе картинами и установить оныя по стѣнамъ и простѣнкамъ, узорами. И какъ къ сему потребно было, въ прибавокъ къ имѣвшимся у меня многимъ картинамъ, еще много, то и спѣшилъ я наготовить оныхъ. А какъ по счастiю случилось намъ имѣть въ числѣ дворовыхъ тамошнихъ и одного изряднаго столяра, то и долженъ былъ онъ мнѣ готовить для всѣхъ ихъ по мѣрѣ рамки, которыя потомъ я раскрашивалъ, золотилъ и украшалъ, какъ наставлялъ меня Богъ на разумъ, и какъ приличнѣе и сообразнѣе было съ сдѣланнымъ для расположенiя всѣхъ ихъ рисункомъ. А въ томъ должны были помогать мнѣ и

всѣ трое моихъ учениковъ и сотоварищей, которые вмѣстѣ со мною въ кабинетѣ моемъ и жили.

Что касается до вечеровъ, то имѣли мы въ это время особливое занятіе. Восхотѣлось мнѣ какъ ихъ, такъ и обѣихъ моихъ молодыхъ своячинъ, дочерей тетки Матрены Васильевны, пріѣхавшихъ опять къ намъ гостить, спознакомить съ своею «Дѣтскою философіею» и испытать читать имъ ее вслухъ, колико можно явственнѣе и съ нужными всего растолкованіями, дабы преподать имъ чрезъ то понятіе о всѣхъ нужныхъ вещахъ, содержащихся въ сей книгѣ, а особливо о Богѣ и устроеніи всей вселенной. Итакъ, усадивъ ихъ кругомъ около поставленнаго посреди кабинета моего стола, прочитывалъ я имъ по примѣру, какъ читаютъ профессоры свои лекціи, въ каждой вечеръ по разговору, и разговаривая притомъ съ оными о читанныхъ матеріяхъ. Не успѣлъ я сего начать, какъ чтеніе и разговоры сіи всѣмъ слушающимъ дѣтямъ такъ полюбились, что они стали уже съ нетерпѣливостью дожидаться вечера, и уже безъ призыву сами ко мнѣ по наступленіи онаго собираться.

Легко можно заключить, что сіе было мнѣ весьма не противно; но удовольствіе мое сдѣлалось еще несравненно больше, когда они и самому нашему ученому священнику отцу Никитѣ, случившемуся однажды быть при семъ чтеніи, такъ полюбились, что онъ унижениѣйшимъ образомъ сталъ меня просить о дозволеніи приходить къ намъ по вечерамъ и ему, и пользоваться слушаніемъ нашего чтенія. Удивился и обрадовался я такой неожидаемой просьбѣ, и съ удовольствіемъ ему сказалъ: «Пожалуй, пожалуй, отецъ Никита, мы будемъ вамъ и очень еще ради; съ вами могу я еще и пространнѣе трактовать и разговаривать о всѣхъ матеріяхъ, и для дѣтей будетъ сіе еще тѣмъ полезнѣе. И что-жъ? онъ и дѣйствительно съ того времени не пропускалъ ни одного вечера и являлся къ намъ еще прежде всѣхъ по наступленіи онаго, и мы съ нимъ дѣйствительно по поводу читанныхъ разговоровъ углублялись иногда въ предлинные и важные разговоры, которые не только дѣтямъ были полезны, но и самому мнѣ и ему доставляли превеликое удовольствіе. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался намъ ежедневнымъ собесѣдникомъ и соучастникомъ въ разговорахъ, и какъ онъ былъ человѣкъ умной и притомъ веселаго характера, то полюбивъ его, были мы сообществомъ его весьма довольны.

Итакъ, были у насъ по вечерамъ дѣйствительно маленькія лекціи, и по важности разговоровъ нашихъ съ отцомъ Никитою можно было назвать ихъ прямо философическими. И какъ случилось, что онъ о физикѣ не имѣлъ почти никакого понятія, то не можно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ онъ разговоры о физическихъ предметахъ слушалъ, и какъ много ихъ хвалилъ и благодарилъ меня за преподаніе ему о многихъ неизвѣстныхъ ему вещахъ столь яснаго и хорошаго понятія. Но сего было еще недовольно, но онъ, съѣздивши однажды около сего времени въ Коломну, расславилъ и тамъ всѣмъ своимъ семинаристамъ, прежнимъ товарищамъ, и расхвалилъ сочиненіе мое такъ, что всѣ и тамошніе усердно захотѣли меня узнать и сочиненіе мое видѣть.

А отъ сего и произошло то слѣдствіе, что какъ и самому мнѣ, не помню уже для чего именно, случилась необходимая надобность съѣздить въ Коломну и побывать у архіерея, то нашелъ я уже и сего обо мнѣ кѣмъ-то весьма съ доброй стороны предвареннымъ, и потому онъ не только принялъ меня съ отмѣнною ласкою, но и исполнивъ тотчасъ мою просьбу, унялъ у себя обѣдать и за обѣдомъ не могъ довольно со мною обо всемъ наговориться. Былъ тогда архіереемъ въ Коломнѣ почтенный старичекъ Ѳеодосій, человѣкъ хотя не ученой, но довольно умной и набожной.

Но тѣмъ еще не окончилось, а не успѣлъ я, отобѣдавъ у архіерея, возвратиться въ домъ къ его секретарю, брату моего канцеляриста, у котораго я приставалъ,

какъ всѣ наиученѣйшіе и лучшіе семинаристскіе студенты, узнавъ какъ-то о моемъ пріѣздѣ, тамъ меня уже дожидались и спроворили, что одинъ знакомой имъ купецъ, дожидавшійся меня тутъ также, упросилъ меня съ хозяиномъ пріѣхать къ нему посидѣть на вечерокъ. Мнѣ-было сперва и не хотѣлось на то согласиться, ибо я ожидалъ единаго только подчиванія, по обычаю купцовъ, напитками, но вышло совсѣмъ другое, а противъ всякаго чаянія, нашелъ я тутъ помянутыхъ наилучшихъ и умнѣйшихъ студентовъ, и какъ хозяинъ былъ самъ охотникъ до книгъ, и любилъ слушать ученые разговоры, то по принятіи и угощеніи меня наилучшимъ образомъ всякими сластями, и завелъ онъ тотчасъ со мной разговоры о дѣлахъ ученыхъ, и какъ пришли къ тому тотчасъ и господа студенты, то и пошла у насъ потѣха. Вмигъ схватились мы говорить о матеріяхъ разныхъ и одна другой важнѣйшихъ; и какъ собесѣдники мои ни старались сначала выказывать мнѣ свои знанія, но скоро дошло до того, что они и всѣ прочіе стали только разиня ротъ и развѣсивъ уши слушать то, что я говорилъ. А я, пользуясь тѣмъ, и имѣлъ тогда случай оказать имъ въ полной мѣрѣ всѣ мои философическія знанія и тѣмъ не только заставить ихъ себя полюбить, но и вперить въ нихъ наивеличайшее къ себѣ почтеніе. Словомъ, они сочли меня и Богъ знаетъ какимъ ученымъ человѣкомъ и получили обо мнѣ наивыгоднѣйшее мнѣніе.

Цѣлой вечеръ и почти до полуночи провели мы тогда наипріятнѣйшимъ образомъ въ семъ собесѣдованіи съ ними. Хозяинъ мой до восхищенія былъ тѣмъ доволенъ и не зналъ, какъ меня угостить лучше, а изъ студентовъ никто такъ много меня не полюбилъ, какъ Іеронимъ, бывшій потомъ архимандритомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ за Москвою, и любившій и почитавшій меня по кончину свою весьма много; но и онъ былъ достоинъ всей моей любви и дружества и самого почтенія. Мы видались съ нимъ не одинъ разъ впослѣдствіи времени, и я, любуясь еще и понынѣ стихами и привѣтствіями его, написанными имъ въ моемъ альбомѣ или памятникѣ друзей, и напоминая сего умнаго и любезнаго человѣка, благословляю и понынѣ его прахъ и желаю ему ненарушимаго покоя.

Но теперь время мнѣ сказать вамъ что-нибудь и о моей новой должности, и о правленіи порученною мнѣ волостью. Сіе управленіе толь многими селами и деревнями и столь великимъ множествомъ народа было для меня дѣло хотя новое и по необыкновенію сначала очень дико и несовсѣмъ-таки легко, но мало-по-малу стало становиться для меня сноснѣе и не таково тягостно какъ сначала. Нужно только было при началѣ правленія войтить во всѣ подробности дѣлъ волостныхъ и узнать всѣ обстоятельствы, относящіяся до сей волости, и учредить и основать во всемъ порядки и сдѣлать всему нужныя распоряженія, какъ потомъ и пошло все равно какъ по лѣсенкѣ и мнѣ дальнаго труда уже нестоило управлять оною. Недоставало мнѣ только хорошаго помощника и исправнаго приказаніевъ моихъ производителя. Прикащикъ прежній хотя и отправлялъ по нуждѣ сію должность, но онъ былъ ни то ни се, и по пословицѣ говоря, ни рыба, ни мясо, и я не столько былъ имъ доволенъ, сколько досадовалъ на его за нерасторопность, за лѣнь, глупость и старинныя его привычки. Къ тому же, всегда и говорить мнѣ съ нимъ по его заиканію была коммиссія; но какъ перемѣнить было нечѣмъ, то принужденъ былъ я и его вспоможеніемъ и услугами сначала быть довольнымъ; но скоро дошло до того, что сталъ онъ у меня часъ отъ часу болѣе выходить изъ кредита, и я все охотнѣе поручать его родному брату, хотя бородачу, но имѣвшему болѣе ума и проворства. Сверхъ того, какъ князь прислалъ ко мнѣ для содержанія при казнѣ караула и для другихъ надобностей и четырехъ человѣкъ отставныхъ и хорошаго поведенія и исправныхъ солдатъ, то при множайшихъ случаяхъ пользовался я и ими.

Съ княземъ, командиромъ моимъ, была

у насъ частая переписка, и какъ я ему обо всемъ доносилъ, что мною дѣлано и предпринимаемо, и распоряжаемо было, и я ничего важнаго безъ его вѣдома и приказанія не предпринималъ, то былъ онъ всѣмъ управленіемъ, дѣлами и поведеніемъ моимъ совершенно доволенъ; но прибавить къ тому надобно и то, что я сообразно съ его наидобрѣйшимъ и честнѣйшимъ характеромъ, и сіе поведеніе свое расположилъ на честнѣйшихъ также правилахъ и не только удаленъ былъ отъ всякаго рода мздоимства и лакомства, но за главное правило себѣ поставилъ наблюдать во всемъ правду и при всѣхъ разбирательствахъ жалобъ и ссоръ крестьянскихъ держаться совершеннѣйшей справедливости и не наровить никому и ни въ чемъ на свѣтѣ, а всего болѣе удаляться отъ дѣланія какого-нибудь кому и самомалѣйшаго притѣсненія, не взирая какого-бъ состоянія кто ни былъ.

Все сіе произвело то слѣдствіе, что всѣ добрые люди и порядочные крестьяне полюбили меня очень скоро и были мною довольны. Что жъ касается до дурныхъ и негодныхъ людей, то натурально симъ былъ я не совсѣмъ по сердцу, но я о семъ ни мало не заботился. Въ особливости же не былъ я любъ всѣмъ ворамъ и плутамъ, и какъ былъ я на нихъ прямо острая коса, то не лежало ихъ ко мнѣ сердце, и если причинялъ мнѣ кто досады и доставляло многія хлопоты и непріятности, такъ сіи молодцы удалые. Я уже пересказывалъ вамъ, какое привѣтствіе сдѣлалъ я всѣмъ имъ при самомъ своемъ пріѣздѣ; но сколь сильно я обманулся, надѣяся, что такое увѣщаніе на нихъ сколько-нибудь подѣйствуетъ! Они и не подумали о томъ, чтобъ дать себя убѣдить онымъ и неуспѣло нѣсколько недѣль пройтить, какъ и принялись опять за свое прежнее ремесло, и ну по прежнему воровать и либо красть что-нибудь другъ у друга, либо попрежнему у ночующихъ у нихъ проѣзжихъ людей, а мало-по-малу и пустились во вся тяжкая.

Господи! какъ было мнѣ тогда досадно, когда начали доходить до меня о томъ частые слухи. Будучи отъ природы совсѣмъ не жестокосердымъ, а напротивъ того, такого душевнаго расположенія, что не хотѣлъ бы никого оскорбить и словомъ, а не только дѣломъ, и не находя въ наказаніяхъ никогда ни малѣйшей для себя утѣхи, и видѣвъ тогда сущую необходимость оказывать жестокости и съ сими бездѣльниками для унятія ихъ отъ злодѣйствъ драться, терзался я отъ того досадою и неудовольствіемъ. Но нечего было дѣлать. Необходимо надлежало ихъ отъ воровства и всѣхъ шалостей отваживать и унимать, и я скоро увидѣлъ, что добромъ и ласковыми словцами и не только увѣщаніями и угрозами, но и самыми легкими наказаніями тутъ ничего не сдѣлаешь, а надобно было неотмѣнно употреблять всѣ роды жестокости, буде хотѣть достичь тутъ до своей цѣли. Итакъ, сколько я сначала ни философствовалъ и не наказывалъ ихъ, будучи самъ въ спокойномъ духѣ и смѣючись, но удальцы сіи скоро начали и самаго меня такъ раздражать, что я иногда доходилъ до сущихъ глупостей и разсерживался до изступленія. Да и нельзя было инако, ибо стали случаться такія произшествія, которыя и каменнаго выводили изъ терпѣнія.

Напримѣръ, однажды привели ко мнѣ двухъ воровъ, воровавшихъ и пойманныхъ вмѣстѣ, но при допросѣ не могъ я никакъ согласить между собой ихъ слова и признанія, но одинъ говорилъ то, а другой другое. Я говоритъ... я увѣщевать ихъ и такъ, и инакъ... я говорить, что неотмѣнно одинъ изъ нихъ лжетъ, а другой говоритъ правду, и что непремѣнно надобно мнѣ узнать истину. Но не тутъ-то было! Молодцы мои стали въ одномъ, да и только всего. И знать что были удальцы самые, что я болѣе часа обоихъ ихъ попеременно велѣлъ сѣчь, но не могъ никакъ добиться правды. Господи! какъ они меня симъ запирательствомъ своимъ тогда раздосадовали и вздурили. Я выходилъ почти самъ изъ себя и не прежде

какъ уже при третичномъ и жесточайшемъ истязаніи ихъ добился уже толку.

Въ другой разъ увидѣли двухъ человѣкъ, ворующихъ муку съ мельницы, но захватили съ мукою только одного, а другой ускользнулъ, и не можно было за темнотою и признать его. Итакъ, надобно было узнать, кто бы такой былъ съ нимъ и воровалъ вмѣстѣ. И сей бездѣльникъ вывелъ меня уже совершенно изъ терпѣнія и раздражилъ до чрезвычайности, ибо вздумалъ сперва запираться, и несмотря на трехъ свидѣтелей, поймавшихъ его и клятвенно утверждавшихъ, что не только видѣли другого, но хватали его и едва не ухватили, сталъ въ томъ, что былъ онъ одинъ и никого съ нимъ не было. Господи! какая была тогда на меня досада и какъ было нестерпимо такое явное запирательство, а особливо когда не помогло ни мало и все сѣченье. Нѣсколько разъ принимался я сего бездѣльника пороть, и чѣмъ и чѣмъ я его уже не сѣкъ, но онъ какъ сталъ въ одномъ, да и только всего. Что ты изволишь! Наконецъ, и когда спина его была уже ловко взъерошена, насилу-насилу повинился и сказалъ на одного изъ тутошнихъ крестьянъ. Но чтожъ? и тутъ вышла неправда. Сыскали того мужика, но тотъ всѣми клятвами божился, что не знаетъ и не вѣдаетъ того и никогда съ нимъ не бывалъ и не воровалъ. Я такъ и сякъ! Но не тутъ-то было! и оба остаются при своихъ объявленіяхъ и клянутся. Нечего было дѣлать, принужденъ былъ велѣть положить и сего и сѣчь, принуждая признаться; но онъ съ спокойнымъ духомъ говорилъ, что хоть до смерти его засѣки, а признаться ему не въ чемъ. Остановился я сіе услышавъ, и по счастію вздумалъ призвать свидѣтелей, ловившихъ сихъ воровъ и спросить ихъ, не могутъ ли они мнѣ сказать, походилъ ли сей мужикъ чѣмъ-нибудь на того, котораго они видѣли»?—«Нѣтъ, судырь, (сказали они единогласно), этотъ совсѣмъ на того не похожъ, тотъ и ростомъ былъ гораздо выше и борода у него маленькая и не такая большая, какъ у него».—«Ну вотъ, сукинъ сынъ, сказалъ я: не въявь ли ты всклепалъ на сего, ни за что, ни про что подвелъ подъ побои. Ну ложись опять, бездѣльникъ».—Ну чтожъ, судырь! вытерпѣлъ еще добрую настилку и насилу-насилу съ него смолвилъ и показалъ на другого.—«Давай сюда и того», закричалъ я; привели мнѣ и того, но и тотъ не только всѣми клятвами клялся, что онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, но представлялъ двухъ свидѣтелей, оправдавшихъ его тѣмъ, что онъ въ самое то время и часы, въ которые сіе воровство производилось, былъ съ ними, и тамъ ему быть никоимъ образомъ было не можно. «Ну, вотъ, сукинъ сынъ, опять солгалъ, ложись опять и сказывай истину. Говорю тебѣ, что я не отстану, и какъ ты ни думай, а добьюсь и узнаю истину». Итакъ, ну-ка я его опять пороть, и онъ, вытерпѣвъ опять добрую передрягу, повинился, что и сего оклепалъ напрасно, метя ему за одну себѣ досаду, и сказалъ на третьяго. Но чтобъ вы думали? оказалась опять ложь и неправда и напраслина сущая. И легко-ли, цѣлыхъ пять человѣкъ онъ симъ образомъ и все напрасно оклеветать старался.

И какъ претерпѣвъ за каждаго добрыя настилки, вывелъ онъ меня совсѣмъ уже изъ терпѣнія, то боясь, чтобъ бездѣльника сего непомѣрнымъ сѣченіемъ неумертвить, вздумалъ я испытать надъ нимъ особое средство. Я велѣлъ скрутить ему руки и ноги, и бросивъ въ натопленную жарко баню, накормить его насильно побольше самою соленою рыбою и приставивъ строгой къ нему караулъ, не велѣлъ давать ему ни для чего пить и морить его до тѣхъ поръ жаждою, покуда онъ не скажетъ истины, и сіе только въ состояніи было его пронять. Онъ не могъ никакъ перенесть нестерпимой жажды и объявилъ намъ наконецъ истиннаго вора, бывшаго съ нимъ въ сотовариществѣ. И вотъ съ какими удальцами принужденъ я былъ имѣть дѣло.

Но за то и наказалъ я ихъ особымъ и примѣрнымъ образомъ, и желая всему селу показать, какъ наказываются воры, велѣлъ ихъ, раздѣвъ до нога, вымазать

всѣхъ дегтемъ и водить съ процессіею по всей улицѣ села, и всѣмъ жителямъ, выгнатымъ изъ избъ для смотрѣнія передъ вороты, кричать, чтобъ смотрѣли они какъ наказываются воры, и что со всѣми и другими поступлено будетъ также, кто изобличится хотя въ малѣйшемъ воровствѣ. Маленькихъ же ребятишекъ велѣно всѣхъ согнать къ мосту, и въ то время, когда поведутъ воровъ черезъ оной, велѣть заставлять кричать: «воры! воры!» и кидать въ нихъ грязью, ибо происходило сіе еще осенью, а потомъ, собравъ всѣхъ крестьянъ, торжественно имъ сказалъ, что если они отъ воровства, а особливо у проѣзжихъ и ночующихъ въ селѣ не уймутся, то вмѣсто тогдашнихъ двухъ не спящихъ ночныхъ караульщиковъ въ селѣ сдѣлаю десятерыхъ. А ежели и за симъ все еще воровство будетъ, то сдѣлаю, чтобъ предъ каждыми тремя дворами былъ не спящій караульщикъ и не только замучу ихъ сими караулами, но и всякой разъ сіи караульщики должны будутъ отвѣчать мнѣ за всѣ пропажи и покражи.

Таковое примѣрное наказаніе, соединенное съ политическою уловкою, не только нагнало дѣйствительно на всѣхъ страхъ, но произвело вожделѣннѣйшее дѣйствіе, и мужички мои, увидѣвъ что я ни мало шутить не намѣренъ и въ состояніи дѣйствительно все то исполнить, наконецъ подумавъ и поговоривъ между собою, смолвились, чтобы бросить наконецъ всѣ шалости и не только самимъ ничего дурного не предпринимать, но смотрѣть пристально и за другими и никому не наровить, но выводя все наружу, представлять виновныхъ для наказанія.

Словомъ, послѣдній случай произвелъ во всѣхъ такое живое впечатлѣніе, что, къ неописанному удовольствію моему, съ того самого времени всѣ крестьяне села Кіясовки съ деревнями ровно какъ переродились, и помянутое образцовое наказаніе отходило какъ бабушка и отстращало ихъ отъ всѣхъ прежнихъ шалостей, и какъ о томъ повсюду и въ другихъ мѣстахъ разнеслась молва, то чрезъ короткое послѣ того времени имѣлъ я удовольствіе слышать, что во всѣхъ селеніяхъ нашихъ, сидѣвшихъ на большой дорогѣ, сдѣлалось такъ смирно и такъ безопасно, что проѣзжіе могли всѣ повозки свои безъ всякаго караула оставлять на улицахъ, не опасаясь, чтобъ изъ нихъ что-нибудь было украдено, и отзывались тѣмъ очень довольными. Сами хозяева старались уже ихъ въ томъ увѣрять, и дуракамъ самимъ то слюбилось.

Симъ образомъ удалось и посчастливилось мнѣ наконецъ истребить все прежнее ворорство и прежнія всѣ шалости, и смыть съ кіясовскихъ крестьянъ прежнее гнусное пятно, и вмѣсто прежней дурной славы доставить имъ о себѣ повсюду лучшее мнѣніе. Но сказать надобно, что и стоило мнѣ сіе несказанныхъ трудовъ, хлопотъ и досадъ безчисленныхъ, и что не прежде я достигъ до совершеннаго съ сей стороны спокойствія, какъ въ теченіи цѣлаго почти годичнаго времени, но за то послѣ и сами они меня полюбили и благодаря меня за то, были мною весьма довольны, и отзываются обо мнѣ и по нынѣ еще съ большою похвалою.

Но я, возвратясь къ нити моего повѣствованія въ окончаніи сего письма, скажу, что въ помянутыхъ разныхъ занятіяхъ и пріятныхъ препровожденіяхъ времени нечувствительно протекъ и послѣдній декабрь мѣсяцъ сего года, а съ окончаніемъ сего кончу я и письмо сіе, сказавъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 5-го дня 1809 года).

1775 годъ.

Письмо 178-е.

Любезный пріятель! Итакъ, вновь наставшій 1775 годъ, началъ я провождать, живучи уже въ Кіясовкѣ, въ новомъ и покойномъ казенномъ домѣ. Все маленькое семейство мое состояло въ сіе время только въ насъ трехъ старшихъ, меня, жены и тещи и троихъ моихъ малолѣтнихъ еще дѣтяхъ, ибо и самой моей старшей дочери шелъ тогда только осьмой, сыну доходилъ только четвертой, а меньшой моей дочери, Настáсьѣ, пошелъ только другой годъ, и она была еще на рукахъ. Что касается до моего сына, то былъ онъ уже на ногахъ, и будучи милымъ и любезнымъ ребенкомъ, начиналъ доставлять намъ собою уже много утѣхъ. Онъ сошелъ уже съ рукъ женскихъ и къ нему приставленъ былъ дядька, съ которымъ занимался онъ дѣтскими своими играми и упражненіями. Былъ онъ какъ-то и съ-маленьку благонравенъ и хотя не освобожденъ отъ нѣкоторыхъ свойственныхъ дѣтямъ слабостей, однако далеко не таковъ упрямъ, плаксивъ и рѣзовъ, какъ бываютъ многія дурныя и избалованныя дѣти. Но мы день отъ дня замѣчали уже въ немъ нѣкоторыя хорошія свойства и склонности и потому, льстясь надеждою, что будетъ изъ него со временемъ человѣкъ и что онъ составитъ, можетъ быть, утѣшеніе въ нашей старости, любили его и тогда уже всею душою и сердцемъ и не спускали его почти съ рукъ своихъ. Но могу сказать, при всей нашей любви къ нему, однако его не баловали, но отъ самого младенчества старались отъучать его отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, но не столько строгостью, сколько добромъ и особливыми уловками.

Въ примѣръ тому разскажу вамъ объ одномъ смѣшномъ, бывшемъ у насъ съ нимъ происшествіи, и доставившемъ намъ нечаянно наипудобнѣйшее средство къ униманію его отъ упрямства и слезъ, проливаемыхъ иногда, по обыкновенію дѣтей, попустому. Однажды, какъ теперь помню, случилось мнѣ сидѣть въ моемъ кабинетѣ, и онъ одинъ только былъ со мной. Я, по обыкновенію моему, что-то писалъ, а онъ расхаживалъ у меня по горницѣ. Вдругъ попадись ему на глаза астролябической штативъ или ножка, лежащій на верху шкафа съ моею аптечкою. И какъ ему до того не случалось сего подножія видѣть, а былъ онъ уже и съ-маленьку очень любопытенъ, то ни съ другого слова, подбѣжавъ ко мнѣ и указывая на штативъ, спросилъ у меня: «Папинька, а что это такое?» Тутъ приди мнѣ мысль и желаніе надъ нимъ немного пошутить и поиздѣваться, и потому ни съ другого слова, сказалъ я ему: «О, мой другъ! это штука, это большая штука!» Симъ возбудилъ я еще болѣе въ немъ любопытство. «А чтожъ такое это за штука, папинька?» спросилъ онъ меня еще. «А вотъ я тебѣ, мой другъ, покажу, сказалъ я, и снявъ штативъ со шкафа присовокупилъ: эта штука на смерть не любитъ всѣхъ маленькихъ ребятъ, которые сердются, упрямются и о пустомъ плачутъ, и какъ скоро завидятъ, такъ вотъ такъ разжавшись (въ самое то время, разжавъ я ножки, тотчасъ ихъ опять дружно сплеснулъ), тотчасъ рабенка и съѣстъ и переломаетъ даже и косточки всѣ; а потому берегись и ты, мой другъ, ее! Пропади она окаянная!» Сказавъ сіе, положилъ я штативъ опять на шкафъ. — «Ну, папинька, сказалъ на сіе мой мальчишка, экая она ажно какая! а какъ ее зовутъ».—«Астролябія, мой другъ», (сказалъ я) и сѣлъ опять за свое дѣло, а онъ, поглядѣвъ на нее и пошелъ отъ меня, твердя только «Астрелябія! Астрелябія, экая какая!»

На семъ тогда сіе и осталось, и я усмѣхнувшись тому и позабылъ сіе происшествіе. Но какъ удивилъ онъ меня чрезъ нѣсколько послѣ того недѣль еще неожидаемымъ ни мало вопросомъ. Случилось намъ однажды куда-то уже весною ѣздить въ каретѣ и имѣть его съ собою. Тутъ, стоючи у дверецъ и смотря въ оныя, увидѣлъ онъ лошадиныя кости, случившіяся лежать подлѣ самой почти дороги и при-

ли ему мысль меня объ нихъ спросить: «Ахъ, папинька! сказалъ онъ, ужъ не астрелябія ли это всѣхъ поѣла и не ребятокъ ли это кости?» Тогда хвать я себя за бороду и самъ въ себѣ сказавъ: «А! а! такъ хорошъ», и тотчасъ ему въ отвѣтъ сказалъ: «Такъ точно, мой другъ, это она, проклятая, это все были упрямые и дурные ребятка, всѣхъ-то она ихъ поѣла за плаканье и упрямство, и видишь одни только косточки остались».—«Экая она проклятая»! подхватилъ онъ, и до тѣхъ поръ съ костей глазъ не спускалъ, покуда ихъ можно было видѣть. И съ сего времени онъ такъ сей проклятой астролябіи боялся, что при всякомъ разѣ, когда случалось ему заупрямиться или расплакаться, нужно было только упомянуть астролябію, какъ тотчасъ и переставалъ, и намъ шутка сія обратилась въ великую пользу и много помогла при отъучиваніи его отъ всего дурного.

Что касается до моей дочери, то сія умѣла уже тогда грамоты. Бабушка ея успѣла уже обучить ее оной, и тогда начинала она учиться у меня писать, и была всѣмъ характеромъ своимъ милая и любезная дѣвчоночка и ее любили не только всѣ мы, но и посторонніе.

Какъ тогда, кромѣ сихъ нашихъ дѣтей, было съ нами много и чужихъ и взрослыхъ, то со всѣми ими не скучно было намъ препроводить тогдашнія святки; къ тому же и ѣзжали мы уже кой-куда въ гости, и пріѣзжали и къ намъ всѣ тѣ изъ нашихъ сосѣдей, съ которыми мы успѣли познакомиться. При сихъ выѣздахъ обновилъ я свой оригинальной, раскидной и тогда только-что вновь мною выдуманной возочикъ, въ каковыхъ послѣ того ѣзжалъ я во все продолженіе моей жизни въ зимнее время, и ѣзжу съ особливымъ удовольствіемъ и по нынѣ. Побудила меня къ сей выдумкѣ охота моя къ читанію книгъ, а особливо въ праздное дорожное время. Будучи охотникомъ и любя ѣздить въ розвальняхъ, досадовалъ я только на то, что стужа, морозы и вѣтры не дозволяли мнѣ никакъ заниматься чтеніемъ книгъ, а принуждали быть во время дороги совершенно празднымъ. И какъ однажды мнѣ съ одной стороны сія праздность, а съ другой—вѣтръ и стужа очень надоѣла, то сталъ я помышлять нельзя-ли какъ-нибудь угораздиться и придѣлать къ розвальнямъ моимъ небольшую и такую покрышку, которая прикрывала бы собою одну только мою голову, плечи и руки, и защищая ихъ отъ стужи, была бы и свѣтла и могла бы доставлять мнѣ возможность заниматься чтеніемъ книги. Не успѣла мысль сія во мнѣ произойтить, какъ родилось желаніе скорѣе произвести ее и въ дѣйство. Я тотчасъ началъ ее обработывать далѣе, и образовавъ въ мысляхъ всю уже форму сего покрывальца, заставилъ тотчасъ столяра ее изъ досокъ, на подобіе нѣкакого сундучка связывать, прорѣзать со всѣхъ трехъ сторонъ довольно просторныя окошечки, вставить въ нихъ на петляхъ рамочки съ стеклами, и всю ее снаружи обить кожею, а внутри сукномъ, и придѣлать ее къ задней половинѣ розвалень, такъ чтобъ вся она на петляхъ могла откидываться назадъ, и чтобъ сѣвши или легши въ сани можно было ею нахлупить голову и сидѣть въ ней, какъ въ маленькой свѣтлой горенкѣ. Наконецъ, чтобъ было въ ней совершенно тепло, то велѣлъ я сдѣлать такъ, чтобъ при опусканіи края сей покрышки въ закрой длинной рамы, придѣланной и прикрѣпленной во всю длину саней и покрывающейся сверху также откидною спереди для покрытія ногъ доскою. Все сіе съ самаго начала удалось мнѣ сдѣлать такъ хорошо и удачно, что полувозочикъ мой, по отмѣнной своей легкости и спокойству, мнѣ отмѣнно полюбился, и каковъ страненъ и смѣшонъ ни казался инымъ многимъ, но я нимало того не уважалъ, а смѣялся самъ тому, что они сами не зная чему смѣются, и почитая его наиспокойнѣйшимъ зимнимъ экипажемъ, продолжалъ всегда въ немъ ѣздить.

Не успѣли святки еще пройтить, какъ, оставивъ своихъ родныхъ въ Кіясовкѣ, поѣхалъ я самъ на короткое время въ Москву. Это было еще въ первой разъ,

что поѣхалъ я къ князю своему съ личными донесеніями о состояніи волости и обо всемъ мною въ ней сдѣланномъ. Князь принялъ меня очень ласково и былъ всѣми моими дѣлами и распоряженіями доволенъ, и благодарилъ меня за все мое обо всемъ стараніе. Послѣ чего и пошли у насъ съ нимъ разговоры и разсужденія о томъ, что бы впредь сдѣлать и учредить. Главнѣйшимъ предметомъ оныхъ было построеніе въ Кіясовкѣ для больныхъ госпиталя, которой ему неотмѣнно учредить тамъ хотѣлось и для котораго старался уже онъ пріискать и лекаря. И какъ тогда имѣлъ я для жительства своего готовой домъ и въ старомъ большомъ домѣ не было никакой надобности, то и положено было у насъ предъ наступленіемъ весны весь верхній деревянной этажъ съ него снять и поставивъ на иномъ мѣстѣ позадъ сада, обратить его въ гошпиталь, отдѣливъ въ немъ особыя комнаты и для житья лекарю, а послѣ того разобрать и весь нижній этажъ каменной и кирпичи изъ него сохранить для будущаго зданія, большого каменнаго дома, которой угодно было императрицѣ приказать построить и которому дѣлался уже и планъ. И какъ князь въ особливости охотникъ былъ до строенія, то просилъ меня тѣмъ, а особливо построеніемъ гошпиталя, колико можно поспѣшить.

Не мало-же говорено было у насъ съ нимъ и о оброкѣ волости и о томъ, какъ бы намъ сдѣлать распоряженіе для полученія всегдашнихъ работниковъ, для исправленія работъ нужнѣйшихъ. Первой угодно было князю, для полученія множайшаго съ сей волости дохода, оставить тотъ же, какой крестьяне плачивали до сего своей помѣщицѣ, а именно по 6-ти рублей съ тягла или мужа съ женою, которой хотя и превосходилъ оброкъ, платимой Богородицкою волостью двумя рублями, но для подмосковныхъ крестьянъ былъ не только сносенъ, но и очень еще умѣренъ. Что касается до работъ, то положено было всю волость раздѣлить на 40 частей или вытей и опредѣлить, чтобъ съ каждой выти было по одному работнику съ лошадью, или когда въ лошадяхъ не случится надобности, то пѣшему, и которые смѣнялись бы по-недѣльно, а естьли чего сими работниками успѣть не можно будетъ сдѣлать, то всѣ прочія работы производить уже наемными людьми или по особымъ нарядамъ, съ опредѣленнымъ платежемъ денегъ.

Сими совѣтами и учрежденіями занимались мы нѣсколько дней сряду и во все почти краткое время тогдашняго моего пребыванія въ столицѣ, и я долженъ былъ пріѣзжать къ нему для того каждой день, изъ которыхъ въ множайшіе оставлялъ онъ меня у себя обѣдать, а сіе доставило мнѣ случай (узнать) все его семейство и весь образъ его жизни. У него жива была тогда жена его княгиня, а дѣтей имѣлъ онъ у себя шестеро сыновей: Василья, Сергѣя, Павла, Ивана, Петра и Ѳедора Сергѣевичевъ, и одну дочь, бывшую въ замужствѣ за графомъ Салтыковымъ и уже овдовѣвшею, и оставшеюся послѣ мужа съ двумя дочерями, внучками княжими, небольшими еще дѣвочками. Кромѣ сихъ былъ еще у него внукъ, отъ другой умершей уже дочери, именемъ Степанъ Степановичъ Калычевъ. Но изъ всѣхъ ихъ жили тогда съ нимъ и въ домѣ у него только трое, а именно, средній сынъ — князь Иванъ Сергѣевичъ, меньшой — князь Ѳедоръ и внукъ его г. Калычевъ. Изъ прочихъ же старшій, Василій, будучи въ отставкѣ, жилъ въ своей деревнѣ и пріѣзжалъ къ нему только временно. Второй князь, Сергѣй Сергѣевичъ, служилъ при дворѣ камергеромъ, князь Павелъ служилъ въ арміи и былъ уже полковникомъ, а князь Петръ находился въ Англіи.

Всѣхъ ихъ, кромѣ послѣдняго, имѣлъ я тогда случай видѣть, но ни съ однимъ изъ нихъ по краткости времени не имѣлъ еще счастія познакомиться сколько-нибудь короче. Всѣ они какъ-то отъ меня дичились или паче, набиты будучи княжескою спѣсью и высокимъ о себѣ мнѣніемъ, неудостоивали меня не только своими ласками, но даже вхожденіемъ со

мною въ разговоры, а мнѣ самому, занимающимся наиболѣе однимъ только добродушнымъ старикомъ-княземъ, не было ни времени, ни удобности къ нимъ прилѣпляться; къ тому-жъ признаться по истинѣ, то видя ихъ такое гордое и можно сказать глупо-надменное обращеніе, и самъ я не имѣлъ охоты къ тому дальней. Съ одной стороны удерживало меня то, что не имѣлъ я до нихъ никакого дѣла и никакой дальней нужды въ ихъ къ себѣ благопріятствѣ, а съ другой—находя оныхъ по свойствамъ и характерамъ ихъ недостойными дальнаго уваженія и того, чтобъ искать ихъ къ себѣ милости. Старшій изъ нихъ, князь Василій казался мнѣ совсѣмъ недальнаго разума и набитъ даже глупымъ высокомѣріемъ; къ тому-жъ и видѣлъ я его только однажды. Что-жъ касается до второго его сына, князя Сергія, то сей былъ всѣхъ ихъ бойчѣе и самая пылкая и огненная голова, и набитъ такъ много придворною пышностью и спѣсью, что къ нему не было и приступа. Сей неудостоивалъ меня не только разговорами, но почти и своими взорами, хотя былъ любимѣйшій сынъ у князя и болѣе всѣхъ имъ уважаемый. Третій, князь Павелъ, служилъ тогда въ какомъ-то полку полковникомъ, былъ также бѣглая и бойкая голова; но какъ и его случилось мнѣ также не болѣе двухъ разъ видѣть, то и не имѣлъ я случая промолвить съ нимъ и единаго слова. Четвертой, князь Иванъ, показался мнѣ сколько-нибудь простодушнѣе прочихъ, и сего я хотя всѣхъ чаще видалъ, но и съ нимъ имѣлъ мало случаевъ говорить, хотя и былъ онъ ко мнѣ нѣсколько благосклоннѣе прочихъ, чему причиною можетъ быть было то, что служилъ онъ въ морской службѣ и былъ нѣсколько охотникъ до наукъ. Что касается до меньшого сына и внука княжова, то сіи были хотя также совершенно уже взрослые, но продолжали все еще кой-чему, по манеру и обычаю знатныхъ господъ, учиться, или прямѣе сказать, схватывать однѣ только верхушки изъ наукъ. Наконецъ, и самая старушка-княгиня показалась мнѣ ни рыбою, ни мясомъ, и набитою также одною только княжескою спѣсью, простиравшеюся даже до того, что никогда не удостоила меня не только какимъ-нибудь привѣтствіемъ, но ниже однимъ словомъ. Итакъ, сколько я доволенъ былъ благопріятствомъ и всѣмъ обращеніемъ старика-князя, столько, напротивъ того, не имѣлъ причины быть довольнымъ всѣмъ его семействомъ.

Пребываніе мое въ сей разъ въ Москвѣ продлилось не болѣе одной недѣли, и какъ въ теченіе оной не все время свое препровождалъ я у князя, а много его и оставалось, то употребилъ я оное на свиданіе со всѣми бывшими тогда въ Москвѣ моими родственниками, друзьями и знакомцами, а особливо съ новымъ другомъ своимъ, Александромъ Михайловичемъ Салтыковымъ. У него былъ я не одинъ разъ, и всякой разъ, препроводивъ съ нимъ по нѣскольку часовъ въ дружескихъ и прямо пріятныхъ разговорахъ, возвращался отъ него съ удовольствіемъ.

Москва вся занималась въ сіе время однимъ только Пугачовымъ. Сей извергъ былъ уже тогда въ нее привезенъ, содержался окованной на цѣпяхъ, и вся Москва съѣзжалась тогда смотрѣть сего злодѣя, какъ нѣкоего чудовища, и говорила объ немъ. Надъ нимъ, какъ надъ государственнымъ преступникомъ, производился тогда, по повелѣнію императрицы, формальной и важнѣйшій государственной судъ и всѣ не сумнѣвались, что онъ казненъ будетъ.

Кромѣ сего достопамятно было, что въ самое сіе время производилось въ Москвѣ съ превеликимъ поспѣшеніемъ строеніе, на Пречистенкѣ, временного огромнаго дворца для пребыванія императрицы. Ибо какъ она намѣрена была прибыть въ Москву для торжествованія мира съ турками, а головинской дворецъ, въ которомъ она до того времени живала, во время чумы сгорѣлъ и ей жить было негдѣ, то и приказала она построить для себя дворецъ на скорую руку. Почему, несмотря на всю стужу и зимнее тогдашнее время,

и производилось строеніе сіе съ великимъ поспѣшеніемъ и тысячи рукъ занимались онымъ денно и нощно.

Какъ скоро я всѣ свои дѣла кончилъ, то нимало не медля, сѣвши поутру въ свою кибитку, поскакалъ я домой; но не успѣлъ поровняться при выѣздѣ изъ Москвы съ послѣднею заставою, какъ увидѣлъ меня стоявшій на ней знакомой офицеръ г. Обуховъ и закричалъ: «Ба! ба! ба! Андрей Тимоѳеевичъ, да куда ты ѣдешь?»—«Назадъ, въ свое мѣсто», сказалъ я.—«Да какъ это, братецъ, уѣзжаешь ты отъ такого праздника, къ которому люди пѣшкомъ ходятъ?»—«Отъ какого такого?» (спросилъ я).—«Какъ, развѣ ты не знаешь, что сегодня станутъ казнить Пугачова, и не болѣе какъ часа чрезъ два? Остановись, судырь, это стоитъ любопытства посмотрѣть».—«Что ты говоришь? (воскликнулъ я); но, эхъ, какая бѣда! Хотѣлось-бы мнѣ и самому это видѣть, но какъ я уже собрался и выѣхалъ, то ворочаться опять не хочется».—«Да на что и зачѣмъ ворочаться; вотъ я сейчасъ туда ѣду, такъ поѣдемъ вмѣстѣ со мной въ саняхъ моихъ, а кибитка пускай здѣсь у меня на дворѣ постоитъ и тебя дождется».—«Очень хорошо, братецъ» (сказалъ я), и ну скорѣе вылѣзать изъ кибитки, иттить къ нему въ квартиру и на скорую руку оправляться, а чрезъ нѣсколько минутъ мы съ нимъ, сѣвши въ сани, и полетѣли дѣйствительно на Болото, какъ мѣсто назначенное для сей казни.

Мы нашли уже всю площадь на Болотѣ и всю дорогу на нее, отъ Каменнаго-Моста, установленную безчисленнымъ множествомъ народа. Я невѣдомо какъ радъ былъ, что случился со мною такой товарищъ, котораго всѣ полицейскіе знали и которому все тамъ коротко было извѣстно. Онъ, подхватя меня, не бѣгалъ, а леталъ со мною, совался всюду и всюду, для пріискиванія удобнѣйшаго мѣста для смотрѣнія. И мы вскорѣ за симъ увидѣли молодца, везомаго на превысокой колесницѣ въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя изъ конныхъ войскъ. Сидѣлъ онъ съ кѣмъ-то рядомъ, а противъ его сидѣлъ попъ. Повозка была устроена какимъ-то особымъ образомъ и совсѣмъ открытая, дабы весь народъ могъ сего злодѣя видѣть. Всѣ смотрѣли на него съ пожирающими глазами, и тихой шопотъ и гулъ оттого раздавался въ народѣ. Но намъ некогда было долго смотрѣть на сіе шествіе, производимое очень медленно, а мы, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ, спѣшили бѣжать къ самому эшафоту, дабы захватить для себя удобнѣйшее мѣсто для смотрѣнія. Весь оной въ нѣкоторомъ и нарочито великомъ отдаленіи окруженъ былъ сомкнутымъ тѣсно фрунтомъ войскъ, поставленныхъ тутъ съ заряженными ружьями, и внутрь сего обширнаго круга непускаемо было никого изъ подлаго народа. Но товарища моего, какъ знакомаго и извѣстнаго человѣка, а при немъ и меня, пропускали безъ задержанія, ктому-жъ мы были и дворяне, а дворянъ и господъ пропускали всѣхъ безъ остановки; и какъ ихъ набралось тутъ превеликое множество, то судя по тому, что Пугачовъ наиболѣе противъ ихъ возставалъ, то и можно было произшествіе и зрѣлище тогдашнее почесть и назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ.

Намъ съ господиномъ Обуховымъ удалось, протѣснившись сквозь толпу господъ, пробраться къ самому эшафоту и стать отъ него не болѣе какъ сажени на три, и съ самой той восточной стороны онаго, гдѣ Пугачовъ долженъ былъ на эшафотѣ стоять для выслушиванія читаемаго ему всего сенатскаго приговора и сентенціи. Итакъ, имѣли мы наивыгоднѣйшее и самое лучшее мѣсто для смотрѣнія, и покуда его довезли, и довольно времени для обозрѣнія эшафота и всего окружающаго оной, довольно еще просторнаго порожняго внутри круга. Эшафотъ воздвигнутъ былъ посреди онаго, четвероугольной, вышиною аршинъ четырехъ и обитой снаружи со всѣхъ сторонъ тесомъ, и съ довольно просторнымъ наверху помостомъ, окруженнымъ балюстрадомъ. Входъ на него сдѣланъ былъ только

съ одной южной стороны по лѣстницѣ. Посреди самаго сего помоста воздвигнутъ былъ столбъ, съ воздѣтымъ на него колесомъ, а на концѣ утвержденнымъ на него желѣзною острою спицою. Вокругъ эшафота сего въ разстояніи саженъ на двадцать поставлено было кругомъ и со всѣхъ сторонъ нѣсколько висѣлицъ, не выше также аршинъ четырехъ или еще ниже, съ висящими на нихъ петлями и приставленными лѣсенками. Мы увидѣли подлѣ каждой изъ нихъ приготовленныхъ уже палачей и самыхъ узниковъ, назначенныхъ для казни, держимыхъ тутъ стражами. А такимъ же образомъ лежали нѣкоторые и другіе изъ ихъ злодѣйскаго общества, скованные, при подножіи самаго эшафота.

Не успѣла колесница подъѣхать съ злодѣемъ къ эшафоту, какъ схватили его съ ней и взведя по лѣстницѣ на верхъ онаго, поставили на краю восточнаго его бока, противъ самыхъ насъ. Въ одинъ мигъ наполнился тогда весь помостъ множествомъ палачей, узниковъ и къ нимъ приставовъ, ибо всѣ наилучшіе его наперсники и друзья долженствовали жизнь свою кончить вмѣстѣ съ нимъ на эшафотѣ, почему и приготовлены уже были на всѣхъ углахъ и сторонахъ онаго плахи съ топорами. Подлѣ самаго-жъ Емельки Пугачова явился тотчасъ секретарь, съ сенатскимъ опредѣленіемъ въ рукахъ, а предъ нимъ, внизу и подлѣ самыхъ насъ, на лошади верхомъ, бывшій тогда оберъ-полицеймейстеромъ г. Архаровъ.

Какъ скоро все установилось, то и началось чтеніе сентенціи. Мы стояли подлѣ самаго г. Архарова, и такъ близко, что могли чтомое отъ слова до слова слышать. Но насъ занимало не столько слушаніе читаемаго, какъ самое зрѣніе на осужденнаго злодѣя. И какъ громогласное и разстановочное чтеніе продлилось очень долго, ибо въ опредѣленіи сенатскомъ прописаны были всѣ его и сообщниковъ его злодѣянія, и подведены были всѣ законы, по силѣ которыхъ долженъ онъ былъ преданъ быть казни, то имѣли мы время насмотрѣться на сего изверга. Онъ стоялъ въ длинномъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, почти въ онѣмѣніи и самъ внѣ себя, и только что крестился и молился. Видъ и образъ его показался мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ сей извергъ. Онъ походилъ не столько на звѣрообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгаваго. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь видъ ничего незначущій и столь мало похожій на покойнаго императора Петра Третьяго, котораго случалось мнѣ такъ много разъ и такъ близко видать, что я, смотря на него, самъ себѣ нѣсколько разъ въ мысляхъ говорилъ: «Боже мой! до какого ослѣпленія могла дойтить наша глупая и легковѣрная чернь, и какъ можно было сквернавца сего почесть Петромъ Третьимъ!» Между тѣмъ, какъ ни пристально мы на него смотрѣли, однако успѣли оглянуться и назадъ на стоящія вокругъ эшафота висѣлицы. На нихъ увидѣли мы всѣхъ осужденныхъ къ смерти, взведенныхъ на лѣстницы съ надѣтыми на головы ихъ тюриками и съ возложенными на шеи ихъ уже петлями, а палачей, державшихъ ихъ и готовыхъ при первомъ знакѣ столкнуть ихъ съ лѣстницъ. И какъ назначено было имъ въ одну секунду умереть съ своимъ начальникомъ, то по самому тому и не могли мы видѣть самое произведеніе ихъ казни, которую, какъ думаю, и никто не видалъ, ибо всѣхъ глаза устремлены были на эшафотъ и на Пугачова.

Какъ скоро окончили чтеніе, то тотчасъ сдернули съ осужденнаго на смерть злодѣя его тулупъ и все съ него платье, и стали класть на плаху для обрубанія, въ силу сентенціи, напередъ у него рукъ и ногъ, а потомъ и головы. Были многіе въ народѣ, которые думали, что не воспослѣдуетъ-ли милостиваго указа и ему прощенія, и бездѣльники того желали, а всѣ добрые того опасались. Но опасеніе сіе было напрасное: преступленіе его было не такъ мало, чтобъ достоинъ онъ былъ какого помилованія; ктому-жъ

и императрица не хотѣла сама и мѣшаться въ это дѣло, а предала оное въ полное и самовластное рѣшеніе сената; итакъ, долженъ онъ былъ неотмѣнно получить достойную мзду за всѣ его злодѣйства. Совсѣмъ тѣмъ произошло при казни его нѣчто странное и неожидаемое, и вмѣсто того, чтобъ, въ силу сентенціи, напередъ его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палачъ вдругъ отрубилъ ему прежде всего голову, и Богу уже извѣстно, какимъ образомъ это сдѣлалось: ни то палачъ былъ къ тому отъ злодѣевъ подкупленъ, чтобъ онъ не далъ ему долго мучиться, ни то произошло отъ дѣйствительной ошибки и смятенія палача, никогда еще въ жизнь свою смертной казни не производившаго; но какъ бы то ни было, но мы услышали только, что стоявшій тамъ подлѣ самаго его катой-то чиновникъ вдругъ на палача съ сердцемъ закричалъ: «Ахъ, сукинъ сынъ! что ты это сдѣлалъ!» и потомъ: «ну, скорѣе— руки и ноги». Въ самой тотъ моментъ пошла стукотня и на прочихъ плахахъ, и въ мигъ послѣ того очутилась голова Пугачова, взоткнутая на желѣзную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавой трупъ, лежащій на колесѣ. А въ самую ту-жъ минуту столкнуты были съ лѣстницъ и всѣ висѣльники, такъ что мы, оглянувшись, увидѣли ихъ всѣхъ висящими и лѣстницы отнятыя прочь. Превеликой гулъ отъ аханья и многаго восклицанія раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотрѣвшаго на сіе рѣдкое и необыкновенное зрѣлище.

Симъ образомъ совершилась сія казнь и кончилось сіе кровавое и странное позорище. Надлежало потомъ всѣ части трупа сего изверга развозить по разнымъ частямъ города и тамъ сожигать ихъ на мѣстахъ назначенныхъ, а потомъ прахъ разсѣвать по воздуху. Но мы сего уже не видали, но какъ народъ началъ тогда тотчасъ расходиться, то пошли и мы отыскивать свои сани и возвратились на нихъ къ заставѣ, гдѣ отобѣдавъ у своего знакомца и простившись съ нимъ, пустился я въ свой путь въ Кіясовку съ головою, преисполненною мыслями и воображеніями видѣннаго, рѣдкаго и необыкновеннаго у насъ зрѣлища и весьма поразительнаго, и на другой день къ обѣду возвратился къ своимъ домашнимъ.

Сихъ нашелъ я давно уже меня къ себѣ ожидавшихъ и всѣхъ здоровыми и благополучными; но вскорѣ за симъ назначено было и намъ самимъ вытерпѣть передрягу и противъ всякаго чаянія и ожиданія подвергнуться незапному страху и опасенію. Случай сей былъ совсѣмъ особливой и слѣдующаго рода.

По возвращеніи моемъ изъ Москвы я первымъ долгомъ почелъ созвать къ себѣ всѣхъ старость и начальниковъ деревенскихъ, и объявить имъ всѣ послѣднія повелѣнія, данныя мнѣ отъ князя, а наиглавнѣйше о платежѣ ими впредь такого же почти оброка, какой платили они до того времени. Всѣ они выслушали слова мои, какъ казалось, довольно съ спокойнымъ духомъ и разъѣхались по своимъ мѣстамъ. Но не успѣло нѣсколько дней послѣ того пройтить, какъ вдругъ является передъ крыльцомъ моимъ превеликая толпа народа. Удивился я, о семъ услышавъ, и тотчасъ велѣлъ спросить, что за народъ и за чѣмъ въ такомъ множествѣ? Сказываютъ мнѣ, что Спасскіе-де крестьяне, и хотятъ сами васъ видѣть.—«Хорошо, сказалъ я, — скажите имъ что я тотчасъ къ нимъ выду», а самъ удивился тому еще больше. Но скоро удивленіе мое превратилось въ превеликое смущеніе и безпокойство духа, когда посланной къ нимъ съ помянутымъ вопрошаніемъ, и весьма мнѣ преданной солдатъ, вмѣсто того, чтобъ иттить къ нимъ, остановился и мнѣ сказалъ: «Что-де, судырь, толпа ихъ превеликая и кажется сволочью сущихъ негодяевъ. Что-то все рычатъ и мурчатъ, и предводителемъ у нихъ не староста и не бурмистръ, а какой-то Романъ, которой, какъ говорятъ, наивеличайшій сутяга и самой сварливѣйшій и негоднѣйшій человѣкъ во всей волости, и что-то они мнѣ подозрительны, и нѣтъ ли у нихъ какой блажи и чего-нибудь

непутнаго на умѣ». Поразился я смущеніемъ, услышавъ такую неожидаемость, и самъ себѣ сказалъ: «Господи! чтобъ такое это было, и что такое они хотятъ?» Сердце во мнѣ какъ голубь затрепетало; однако я, не давая солдату смятенія своего примѣтить, ему сказалъ: «Вздоръ, братецъ, мнѣ кажется... Однако поди ты со мною, да скажи вотъ въ канцеляріи и товарищамъ своимъ, чтобъ они на всякой случай были готовы».—«Хорошо», сказалъ онъ, и пошелъ имъ сказывать, а я, вышедъ въ лакейскую, сталъ смотрѣть въ окно, простирающееся на дворъ, поджидая возвращенія солдата. И смутился еще болѣе, увидѣвъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ почти до ста мужиковъ, стоящихъ передъ крыльцомъ моимъ, а предъ ними помянутаго Романа, расхаживающаго какъ пѣтуха индѣйскаго и хорохорющагося по примѣру онаго. Сіе привело меня самого въ изумленіе; однако какъ нечего было дѣлать, то дождавшись прибѣгшаго ко мнѣ назадъ солдата, вышелъ я на крыльцо или паче на нѣкоторой родъ открытой и аршина на два отъ земли возвышенной широкой галерейки, простиравшейся отъ одного флигеля до другого. Тутъ, ставъ противъ самаго сдѣланнаго для схода съ ней неширокаго крыльца, спросилъ я мужиковъ, чего они хотятъ? «Къ тебѣ-ста пришли», закричалъ съ грубостью предводитель ихъ, а за нимъ закричала и вся его сволочь. Таковой грубой и неучтивой отвѣтъ смутилъ меня еще болѣе; однако я имѣлъ еще столько духа, что преодолѣлъ закипающееся во мнѣ сердце, и засмѣявшись имъ, сказалъ: «Это я и безъ того вижу; но зачѣмъ такимъ?»—«А вотъ-ста зачѣмъ, закричали они въ нѣсколько голосовъ, а Романъ всѣхъ громче и грубѣе: велишь-ста ты платить намъ оброка по шести рублей съ тягла»—«Ну, чтожъ такое?» спросилъ я.—«Но съ чего-жъ-ста ты это взялъ?»—«Какъ съ чего? князь такъ приказалъ.»—«Да-ста, какъ бы не князь! Да для чего другіе государевы крестьяне платятъ меньше, да и въ Богородицкой волости платятъ только по четыре рубля съ тягла, а мы что за грѣшные, что съ насъ больше?»—«Этого я не знаю, сказалъ я, а воля на то князя, да и самой государыни».—«Какъ-бы не такъ, завопѣлъ Романъ:—ты-ста думаешь, что мы тому и повѣримъ. Государыня-ста не знаетъ о томъ и не вѣдаетъ, а это все твои довести, и ты самъ хочешь денежками нашими набить себѣ карманы». Грубыя и дерзкія сіи слова вывели меня тогда изъ терпѣнія. «Ахъ ты, бездѣльникъ! закричалъ я на него: какъ ты смѣешь со мною такъ говорить?»—«Мы-ста не бездѣльники», закричали они всѣ во множество голосовъ, а Романъ, подскочивъ къ крыльцу, еще болѣе закричалъ: «И чтожъ ты за бояринъ, чтобъ не смѣть съ тобою говорить; ну, такъ знай же, что мы твоего приказа не слушаемъ, словамъ твоимъ не вѣримъ, и такого оброка платить не хотимъ и никакъ не станемъ». Кровь во мнѣ воспламенилась при услышаніи сего; однако я имѣлъ еще столько терпѣнія, что имъ сказалъ: «Что это, что это вы, дурачье, затѣяли, бунтовать что ли вы хотите? за это передерутъ васъ всѣхъ кнутьями! Да для чего малинскіе, кіясовскіе и покровскіе ни слова не говорятъ и повинуются приказанію княжому?» — «Вольно-ста имъ, закричали они: но мы того не хотимъ!» а Романъ, какъ ершъ растаращивъ глаза и опять подбѣжавъ къ крыльцу и прямо мнѣ въ глаза закричалъ: «Ну, не хотимъ-ста, не хотимъ; это все твои плутни, не слушаемъ!»—«Ахъ ты, сукинъ сынъ!» закричалъ я, не могши уже никакъ утерпѣть болѣе: «Хочешь-ли, я тебя....» но я не успѣлъ еще сего слова домолвить, какъ онъ вскочилъ на первыя ступеньки крыльца и во все горло завопѣлъ: «Я-ста не сукинъ сынъ, а развѣ ты такой, а себя я тебѣ докажу! Бить-ста, што-ли меня хочешь, такъ тебѣ неудастся, и кому еще Богъ поможетъ». Сказавъ сіе, побѣжалъ ко мнѣ вверхъ по ступенькамъ и протянулъ уже руку, чтобъ схватить меня за воротъ и тащить съ крыльца.

Признаюсь, что минута сія была для меня весьма критическая и было не натурально, чтобъ не могъ я (не) испужать-

ся. Чтожъ касается до моихъ домашнихъ, сбѣжавшихся между тѣмъ къ окну спальни и смотрѣвшихъ въ оное на все сіе произшествіе, то сіи завопѣли и закричали отъ страха и испуга. Но тутъ гдѣ ни возьмись помянутой усердной ко мнѣ солдатъ, и вывернувшись изъ-за меня, такъ сего бездѣльника толкнулъ, что онъ полетѣлъ стремглавъ съ крыльца на землю, а въ самую ту минуту подскочили и прочіе стоявшіе уже за мною солдаты, которыхъ я и не видалъ, и отведя меня къ сторонѣ, говоря: «Посторонитесь, судырь», выхватили свои шпажонки, и загородивъ собою весь всходъ на крыльцо, къ зашумѣвшему народу закричали: «Цыцъ! бездѣльники, не шевелись никто съ мѣста, всѣхъ перерубимъ, если кто отважится подойти сюда ближе хоть на пядень; что̀ это, и свое ли вы затѣяли!»

Неожидаемое явленіе сіе такъ всѣхъ испугало, что они, всѣ оцѣпенѣвъ, почти въ одинъ мигъ замолчали и никто въ самомъ дѣлѣ не смѣлъ поворошиться, а я, ободрившись тѣмъ, къ стоящему внизу прикащикову брату и другимъ нѣсколькимъ дворовымъ, закричалъ: «Схватите этого бездѣльника и держите крѣпко». Тѣ тотчасъ и бросились на поднимающагося отъ земли и окруживъ его, дѣйствительно схватили такъ, что онъ не могъ и шевельнуться, а я, обратясь къ утихшей и въ безмолвіи стоявшей толпѣ, съ спокойнѣйшимъ уже духомъ сказалъ: «Ахъ, дурачье, дурачье! что это вы затѣяли, и не съума ли вы сошли, что дали сему бездѣльнику себя соблазнить и возмутить! Какъ можно мнѣ самому отъ себя это взять? Да коротко, естьли въ томъ только дѣло, что вы мнѣ не вѣрите, то за чѣмъ дѣло стало! Выберите между собою двухъ или трехъ человѣкъ, кому вы повѣрить можете, я сейчасъ отправлю ихъ въ Москву къ князю, пускай спросятъ они сами у князя и услышутъ, отъ себя ли я это взялъ, или такъ сама государыня приказала».

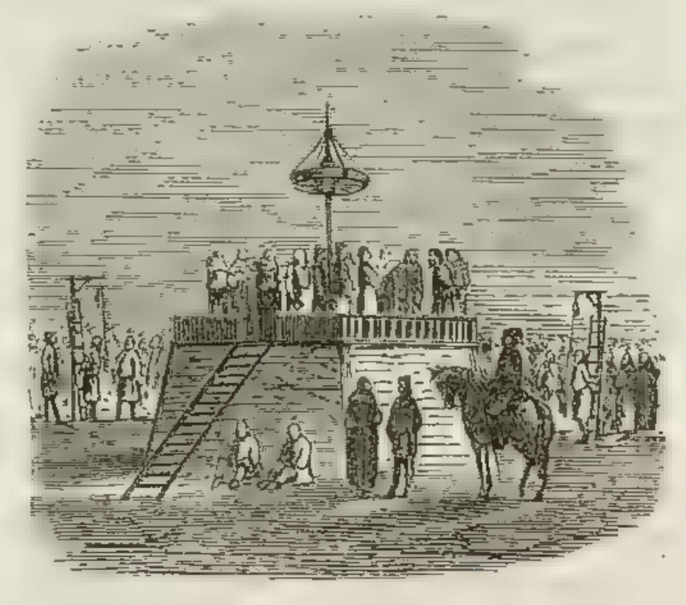
—«Хорошо-ста, хорошо! сказали они въ нѣсколько голосовъ: это дѣло, мы-ста тотчасъ выберемъ».—«Всего лучше! подхватилъ я: выбирайте-ка, выбирайте, и пускай они и спросятъ о томъ князя, а если хотятъ, такъ именемъ вашимъ и просятъ о убавкѣ оброка и чего имъ хочется».

Всѣ они тотчасъ зашумѣли и начали между собою выбирать двухъ депутатовъ, а я, обратясь къ прикащику и солдатамъ, сказалъ: «А вы, между тѣмъ, отведите сего молодца въ земскую избу и до тѣхъ поръ покараульте, покуда возвратятся посылаемые въ Москву. Я съ нимъ ничего не сдѣлаю, и не хочу марать и рукъ своихъ». Солдаты мои тотчасъ его подхватили, и чтобъ онъ не кричалъ, заткнули ему ротъ платкомъ и повели за вороты, и тамъ, безъ моего приказанія, взляпали на его ноги претолстыя колодки.

А я между тѣмъ, поговоривъ уже дружелюбнѣе съ толпою сихъ негодяевъ и приведя ихъ въ разсудокъ, пошелъ писать къ князю репортъ, съ изображеніемъ живѣйшими красками всего сего произшествія, и какъ между тѣмъ выбраны были ими и депутаты, то и отправилъ ихъ съ солдатомъ и съ моимъ репортомъ въ Москву къ моему командиру, а мужикамъ велѣлъ ѣхать домой; что̀ они, не дѣлая болѣе никакого шума, и учинили.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончу я и сіе мое письмо, сказавъ, что я есмь и прочее.

(Генваря 6-го дня 1809 года).



Примѣчаніе. Рисунокъ этотъ сдѣланъ Болотовымъ карандашемъ и сильно постерся. М. С.

Письмо 179-е.

Любезный пріятель! Легко можете себѣ вообразить, что описанное въ предслѣдовавшемъ письмѣ произшествіе произвело во мнѣ и въ домашнихъ моихъ весьма глубокое впечатлѣніе. Всѣ мы никакъ не ожидали такого явленія, и потому было оно для насъ тѣмъ чувствительнѣе, и мы, увидѣвъ такой безпокойной народъ, начинали даже опасаться, чтобъ и впредь не произошло тому подобнаго или чего-нибудь еще худшаго. Однако, по благости Господней, было сіе первымъ и послѣднимъ досаднымъ и непріятнымъ для насъ произшествіемъ. Благоразумныя мѣры, принятыя княземъ и мною, прекратили всѣ такіе вздоры и возстановили навсегда ненарушимое спокойствіе между крестьянами, а вкупѣ довели ихъ и до повиновенія совершеннаго.

Совсѣмъ тѣмъ не сомнѣваюсь я, что вы любопытны теперь знать, что произошло далѣе по вышеописанному дѣлу, и какое послѣдствіе произвело отправленіе депутатовъ къ князю съ моимъ репортомъ? О семъ коротко скажу, что произошло то, чего я ожидалъ и чего ожидать было можно. Князь, прочитавши репортъ, и досадовалъ на дерзость мужиковъ, и смѣялся крайнему ихъ неразумію и глупости, и сколько ни былъ тихъ и кротокъ, но непремпнулъ дать на представленныхъ къ нему депутатовъ превеликой окрикъ, и увѣривъ сихъ дураковъ, что оброкъ наложенъ не инако какъ съ воли государыни, какъ онъ и дѣйствительно о томъ докладывалъ императрицѣ и получилъ именное на то повелѣніе, сказалъ потомъ имъ, что всѣ они за дерзость свою и неповиновеніе достойны величайшаго наказанія и заслужили то, чтобъ всѣхъ ихъ передрать кнутомъ, или по крайней мѣрѣ, дѣтей всѣхъ бывшихъ съ Романомъ въ заговорѣ отдать въ зачетъ въ рекруты; что онъ непремѣнно и учинитъ, естьли впредь кто-нибудь отважится тому подобное сдѣлать. Но на сей разъ изъ единаго человѣколюбія ихъ милуетъ и наказываетъ единымъ только приказаніемъ заставить ихъ безъ очереди двѣ недѣли отправлять казенныя работы. «Что-жъ касается до возмутителя вашего, бездѣльника Романа, то,—обратясь къ стоявшему подлѣ его, секретарю, сказалъ: напишите къ управителю ордеръ, и прописавъ все теперь мною говоренное, присовокупите, чтобъ бездѣльника Романа, въ наказаніе за его дерзновеніе и въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ старостъ и вытныхъ начальниковъ и лучшихъ въ волости людей, наказалъ плетьми нещадно, съ подтвержденіемъ, что естьли онъ и за симъ отважится впредь предпріять что-либо тому подобное, то безъ всякаго помилованія отданъ будетъ въ городъ для сужденія и учиненія съ нимъ, какъ съ мятежникомъ и возмутителемъ, по всей строгости законовъ, и чтобъ управитель сей мой ордеръ для вѣдома прочелъ всѣмъ волостнымъ начальникамъ и лучшимъ людямъ».

Секретарь тотчасъ и намахалъ такой ордеръ, какого лучше желать мнѣ было не можно. Князь, подписавъ оной, велѣлъ его при себѣ господамъ депутатамъ, валяющимся у его ногъ, прочесть и потомъ имъ еще въ подтверженіе сказалъ: «Вотъ, слышите, скажите всѣмъ вашимъ товарищамъ, что я на первой случай васъ милую; а естьли вы не перестанете дурить, тогда не просите уже отъ меня никакой милости, и вы тѣмъ доведете, что оброкъ вашъ увеличится еще болѣе, а сверхъ того дураковъ всѣхъ пересѣкутъ за дерзость и ослушаніе. Ну, ступайте-жъ и скажите о томъ всѣмъ и всѣмъ!»

Итакъ, по пословицѣ говоря, не солоно хлѣбавъ и принуждены были господа сіи ѣхать назадъ и обжогшись на молокѣ, съ того времени стали дуть и на воду, ибо сіе такъ на нихъ подѣйствовало, что изъ всѣхъ ихъ и изъ прочихъ крестьянъ не посмѣлъ никто и кукнуть. Что-жъ касается до самого виновника всему злу, бездѣльника Романа, то при собраніи всѣхъ старостъ и лучшихъ людей и по прочтеніи при нихъ ему всего княжова ордера, непримииулъ я велѣть высѣчь его плеть-

ми; однако далеко не такъ много, сколько онъ заслуживалъ, а весьма еще умѣренно, ибо боялся съ такимъ негоднымъ человѣкомъ связываться, а доволенъ былъ тѣмъ, что его при семъ случаѣ всѣ старосты и лучшіе люди бранили и тазали, говоря, что ему за его дѣла досталось еще мало.

Но сего негодяя не въ состояніи было и все сіе нимало укротить и привесть въ разсудокъ. Онъ вытерпѣлъ все сѣченье не произнося не только ни малѣйшаго вопля, но ниже одного слова, и кипѣлъ злобою не столько уже на меня, сколько на самого князя. Почему, будучи тогда отпущенъ жить по прежнему въ свое селеніе, нимало не унялся, но не преставалъ явно продолжать свое злословіе, и неудовольствуясь тѣмъ, вздумалъ поступить еще далѣе. И какъ вскорѣ послѣ того времени прибылъ изъ Петербурга въ Москву Дворъ, то услышавъ, что государыня находится въ Москвѣ, затѣялъ-было иттить просить самое ее и подать ей на князя и на меня челобитную, наполненную бездѣльническими и явными клеветами. Вотъ каковъ былъ сей прямо негодной человѣкъ!

Но какъ по отпускѣ его въ деревню непремииулъ я всѣмъ лучшимъ и добрымъ людямъ въ тамошнемъ селеніи втайнѣ отъ него накрѣпко подтвердить, чтобъ всѣ они за нимъ и за всѣмъ поведеніемъ его присматривали и тотчасъ бы мнѣ донесли, какъ скоро что-нибудь дурное заприметятъ и сдѣлали-бъ сіе для собственной пользы, дабы сей скверной и негодной человѣкъ не могъ самихъ ихъ вовлечь въ какую-либо бѣду и наказаніе; то не успѣлъ онъ помянутое новое злодѣйство замыслить и по неосторожности кому-то проболтаться, какъ тотчасъ мнѣ о томъ и донесено было.

Сіе натурально опять меня встревожило и озаботило очень. Я сожалѣлъ уже о томъ, что наказалъ его мало и не пронялъ хорошенько, но какъ того возвратить было не можно, то велѣлъ только усугубить за нимъ присмотръ; и какъ чрезъ нѣсколько дней мнѣ донесено было, что онъ, ѣздивши нѣсколько дней сряду къ какому-то знакомому ему дьячку, такому-жъ бездѣльнику, каковъ былъ самъ, для составленія и писанія челобитной, наконецъ дѣйствительно въ Москву, несказавшись никому, съ сыномъ своимъ уѣхалъ, и сей уже одинъ и безъ него домой возвратился, то за нужное я почелъ предувѣдомить о томъ князя, и тотчасъ отправилъ съ письмомъ своимъ къ нему самаго того приверженнаго ко мнѣ и его довольно заприметившаго исправнаго и усерднаго солдата, дабы могъ онъ употребленъ быть въ Москвѣ для отысканія онаго. А все сіе и произвело вожделѣнное дѣйствіе. Князь, получивъ о томъ мое увѣдомленіе, тотчасъ препоручилъ ему всячески сего бездѣльника отыскивать, и какъ скоро гдѣ его заприметитъ, тотчасъ бы его при помощи полицейскихъ, которымъ также дано было отъ князя о томъ знать, его схватить и къ нему представить; что все было удачно и исполнено. Солдатъ почти не отходилъ отъ дворца, и не успѣлъ Романъ только показаться, какъ они раба Божія тотчасъ и спеленяли и вмѣстѣ съ написанною самою глупѣйшею челобитною, найденною у него за пазухою, представили къ князю. И какъ бумага сія оказалась наполненная ядомъ и явными клеветами на самого князя, то сей другого не нашелъ, какъ для исторженія такого негодяя изъ среды добрыхъ людей, прислать его ко мнѣ скованнаго по рукамъ и по ногамъ и предписать мнѣ ордеромъ отослать его, какъ мятежника и возмутителя, въ Коломну и именемъ его требовать, чтобъ онъ сосланъ былъ немедленно въ Сибирь на поселеніе безъ всякаго зачета въ рекруты; что мною тотчасъ и учинено было. Итакъ, чрезъ сіе освободились мы отъ сего негодяя, и онъ, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, наконецъ и поплылъ жить въ отдаленной край Азіи, а чрезъ то успокоилась и вся волость. Вотъ какое окончаніе получило все сіе досадное дѣло, и я, окончивъ сію непріятную матерію, обращусь теперь къ другимъ предметамъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило

продолжалъ я все зимнее время заниматься своими обыкновенными литературными упражненіями и другими дѣлами, и 22-го генваря имѣлъ удовольствіе получить опять изъ Экономическаго Общества претолстой пакетъ съ книгою и съ письмомъ отъ г. Нартова. Письмо сіе доставило мнѣ сколько съ одной стороны удовольствія, столько съ другой — досаду, ибо изъ онаго усмотрѣлъ я, что отправлена была ко мнѣ, при такомъ же письмѣ отъ Нартова, XXIII-я часть «Трудовъ Общества», но которая, по всему видимому, какимъ-нибудь образомъ пропала, ибо я оной не получалъ. А въ сей разъ прислалъ онъ ко мнѣ уже XXIV-ю часть, въ которой имѣлъ я удовольствіе видѣть напечатанное первое отдѣленіе сочиненія моего «О хмѣлеводствѣ» и съ вырвированнымъ по рисунку моему чертежемъ. Что-жъ касается до письма Нартова, то сіе дошло уже ко мнѣ очень скоро, и меньше нежели въ двѣ недѣли, и можетъ быть потому, что Нартовъ по письму моему уже зналъ объ опредѣленіи меня въ Кіясовку, и пакетъ сей пересланъ былъ ко мнѣ уже чрезъ князя. Впрочемъ, благодаря меня именемъ Общества за мое сочиненіе «О хмѣлеводствѣ», просилъ о продолженіи съ нимъ колико можно частѣйшей переписки и о присыланіи и впредь моихъ сочиненій.

Помянутое неполученіе XXIII-й части, сколько съ одной стороны подтвердило невѣрность тогдашнихъ почтъ, столько досадно было потому, что я въ оной надѣялся увидѣть всѣ прежнія мои сочиненія напечатанными. Набралось ихъ цѣлыхъ четыре, о участи которыхъ былъ я неизвѣстенъ, и были они слѣдующія: 1) «О нѣкоторыхъ употребляемыхъ въ деревняхъ лекарствахъ»; 2) «О скотскомъ навозѣ»; 3) «О моей рабочей телѣжкѣ»; 4) «О истребленіи костеря изъ пшеницы». И какъ мнѣ хотѣлось знать, напечатаны-ль они всѣ, или которое осталось не апробованнымъ, то отписавъ къ Нартову о неполученіи той книги, другого средства уже не находилъ, какъ стараться отыскать ее въ Москвѣ купить, и прежде не имѣлъ покоя, пока мнѣ купить ее не достали, и тогда, къ удовольствію моему, увидѣлъ я, что въ ней дѣйствительно находились всѣ оныя сочиненія мои напечатанныя и ни одно изъ нихъ не осталось безъ одобренія; а сіе побудило меня и впредь что-нибудь сочинять и посылать къ нимъ свои сочиненія.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, имѣлъ я удовольствіе получить еще одинъ пакетецъ, съ небольшою книжкою сочиненія сенатора нашего, Степана Ѳедоровича Ушакова, при особомъ и весьма ласковомъ письмѣ отъ самого его. Въономъ, расхваливая всѣ мои сочиненія и изображая, какое удовольствіе онъ въ нихъ находитъ, хвалилъ въ особливости сочиненіе мое «О хмѣлеводствѣ» и всѣ мои затѣи съ онымъ, и просилъ о доставленіи къ нему достальныхъ моихъ замѣчаній объ ономъ, естьли не расположенъ я доставить ихъ въ Общество. Но какъ я оныя намѣренъ былъ послать въ Общество, то и спѣшилъ отправленіемъ оныхъ въ Петербургъ, съ новыми всѣмъ моимъ затѣямъ рисунками, но напечатанія оныхъ принужденъ былъ также дожидаться долго.

Между симъ разнесшійся слухъ о пріѣздѣ императрицы въ Москву и о будущихъ въ приближающуюся масляницу разныхъ увеселеніяхъ и при дворѣ публичныхъ маскерадахъ, побуждалъ многихъ ѣхать къ сему времени въ столицу; въ числѣ сихъ находилась и моя жена. Ей, какъ небывавшей никогда въ такихъ публичныхъ собраніяхъ, хотѣлось весьма оныя видѣть, къ тому-жъ имѣла она и нужду быть въ Москвѣ для исправленія нѣкоторыхъ покупокъ. Сверхъ того побуждало ее много къ тому и то, что всѣ наши тамошнія сосѣдки собирались ѣхать туда и ее къ тому-жъ подговаривали; а хотѣли туда-жъ пріѣхать и племянницы мои, Травины, изъ Кашина, то все сіе и побудило меня испросить у князя дозволенія пріѣхать въ Москву; и какъ мнѣ то было дозволено, то мы, оставя маленькихъ своихъ дѣтей съ ихъ бабушкою въ Кіясовкѣ, сами въ Москву и отправились.

Тамъ, съѣхавшись и ставъ на одной квартирѣ съ моими племянницами, прожили мы всю масляницу, и всю ее провели отмѣнно пріятно въ безпрерывныхъ разъѣздахъ и свиданіяхъ съ нашими знакомыми и родными. Между тѣмъ не одинъ разъ бывали и въ театрѣ, бывшемъ тогда еще на Знаменкѣ, а наконецъ удалось женѣ моей въ сей разъ быть и въ большомъ придворномъ маскарадѣ, бывшемъ во дворцѣ, и видѣть въ первой еще разъ сего рода увеселеніе. Она ѣздила туда съ моими племянницами и нѣкоторыми другими изъ нашихъ знакомыхъ, но я оставался дома за случившимся въ самой тотъ день небольшимъ болѣзненнымъ припадкомъ.

Впрочемъ, легко можно заключить, что въ сію мою бытность въ Москвѣ, видѣлся я и съ княземъ. Я ѣзжалъ къ нему почти каждой день, и обыкновенно по утрамъ, дабы тѣмъ болѣе имѣть свободнаго времени послѣ полудня. Князь, по обыкновенію своему, принималъ меня всякой разъ съ отмѣннымъ благопріятствомъ, и не могъ никогда со мною довольно наговориться. Не успѣлъ онъ меня увидѣть, какъ и началъ шутить и смѣяться претерпѣнной мною отъ мужиковъ передряги, и говорилъ, что вѣрно были мы тѣмъ перепуганы. «Не безъ того-та, сказалъ я: но спасибо, что удалось скоро погасить сію искру мятежа глупыхъ крестьянъ и все опять успокоить». Онъ хвалилъ всѣ мои при семъ случаѣ поступки, а особливо доволенъ былъ, (что) предварилъ я его о злонамѣреніи бездѣльника Романа.

Засимъ говорили мы съ нимъ о разныхъ новыхъ распоряженіяхъ въ волости и о заведеніи тамъ хлѣбнаго магазина по примѣру Богородицкаго, а особливо о будущемъ построеніи гошпиталя для больныхъ, которой лежалъ у князя весьма на сердцѣ. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастіе уже не одинъ разъ говорить съ государынею и донесть ей о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до волости, и обо всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ ней распоряженіяхъ, что государыня на все то изъявила свое благоволеніе и все одобрила и его благодарила. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что дѣйствительно есть на то ея воля, чтобъ и въ Кіясовкѣ построить хотя небольшой, но порядочной домъ; что сама на планѣ моемъ назначила подъ него мѣсто и приказала архитектору сдѣлать, по собственнымъ своимъ мыслямъ, къ тому планъ, а ему помышлять о пріуготовленіи всѣхъ нужныхъ къ тому матеріаловъ; что надобно намъ поспѣшить разламываніемъ стараго дома и въ прибавокъ къ кирпичу сему на весну дѣлать новой, и приготовлять къ тому кирпичные сараи; а весьма бы хотѣлось ему поискать, нѣтъ ли у насъ тамъ способной глины для дѣланія черепицы, дабы можно было намъ и оной наготовить на кровли всего будущаго зданія. Также поискать, нѣтъ ли гдѣ въ дачахъ волостныхъ бѣлаго камня, ибо и оной, равно какъ и бутовой и годной для жженія извести, надобно будетъ заготовлять, а пуще всего, что нужно мнѣ какъ можно поспѣшить постройкою гошпиталя, и такъ далѣе.

Обо всемъ томъ нѣсколько разъ повторяли мы съ княземъ разговоры, и какъ я ему былъ во всемъ, такъ сказать, правою рукою и помогалъ ему все придумывать и совѣтами своими облегчать всѣ затрудненія; то становился онъ часъ отъ часу мною довольнѣе и ко мнѣ благопріятнѣйшимъ, что натурально и мнѣ было весьма пріятно.

Наконецъ кончилась масляница со всѣми увеселеніями ея и начался великой постъ. Тогда не стали мы долѣе медлить въ Москвѣ, но распрощавшись со всѣми, поѣхали обратно въ Кіясовку. Князь при отпускѣ меня повторилъ еще разъ всѣ свои приказанія и обѣщалъ самъ на весну побывать у меня, и при случаѣ ѣзды своей въ Богородицкъ ко мнѣ заѣхать.

Въ Кіясовкѣ нашли мы всѣхъ своихъ здоровыми, и какъ въ сіе время начинала уже приближаться весна, то тотчасъ по возвращеніи своемъ и началъ я спѣшить пріискиваніемъ и наймомъ плотни-

ковъ для снятія съ стараго дома верхняго деревяннаго этажа и построенія изъ онаго гошпиталя; и какъ скоро ихъ пріискалъ и нанялъ, какъ принялся за сіе дѣло. Итакъ, древнее обиталище г-на Наумова, а потомъ и мое собственное и начало разрушаться, и воздвигаться изъ него новое и никогда тамъ небывалое обиталище для лекаря и больныхъ. И какъ должно было тѣмъ всячески спѣшить и все нужное къ тому приготовлять и дѣлать ежедневно разныя распоряженія, то имѣлъ во весь великой постъ доброй кусокъ работы и хлопотъ полонъ ротъ.

Между тѣмъ, занимаяся по утрамъ и вечерамъ прежними своими занятіями, продолжалъ я дѣлать испытанія свои надъ всѣми пріуготовляемыми мною изъ собранныхъ и знакомыхъ уже мнѣ травъ лекарствами. Получаемый при томъ успѣхъ превзошелъ все мое чаяніе и ожиданіе и былъ таковъ, что я самъ не могъ тому довольно надивиться. Неуспѣло нѣсколькимъ человѣкамъ, которымъ случалось мнѣ давать оныя отъ разныхъ болѣзней, полегчѣть, и они отъ болѣзней своихъ получить скорое и удивительное облегченіе, какъ въ короткое время разнеслась о томъ по всѣмъ окрестностямъ громкая молва, и ко мнѣ со всѣхъ сторонъ стали приходить и бабы, и мужики просить помощи отъ разныхъ болѣзней. Я съ превеликою охотою удовлетворялъ ихъ просьбы, по мѣрѣ силъ, знанія и возможности моей, и какъ со всѣхъ ихъ не требовано было ни малѣйшей ни за лекарствы, ни за труды, ни за посуду, въ коей они раздавались, заплаты, то сіе еще болѣе весь чорной народъ въ окрестностяхъ къ тому побуждало. А сіе и имѣло то послѣдствіе, что количество приходящихъ больныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось болѣе и скоро дошло до того, что не протекало ни одного дня, въ которой бы не приходило или не пріѣзжало ко мнѣ по нѣскольку человѣкъ съ просьбами и больными, и нерѣдко случалось, что скоплялось ихъ вдругъ человѣкъ до десяти и болѣе и въ одно время, изъ которыхъ одни приходили вновь, а иные въ другой или въ третій разъ съ повтореніемъ прспокорнѣйшихъ просьбъ о снабденіи ихъ тѣми же лекарствами, какія они до того уже получали отъ меня, сказывая, что они имъ очень много, а иногда даже удивительно помогали.

Теперь разсудите, какимъ пріятнымъ удовольствіемъ наполнялась вся любопытная душа моя при слышаніи такихъ извѣщеній о изящномъ дѣйствіи моихъ лекарствъ, и нерѣдко совсѣмъ неожиданныхъ и вожделѣннѣйшихъ успѣховъ моихъ опытовъ, и какъ много награжденъ я былъ тѣмъ за немногіе труды тѣ, которые при томъ мною употребляемы были. Я не только не почиталъ ихъ ни за что, но иногда истинно даже прыгалъ отъ радости и удовольствія, узнавъ чрезъ сіи опыты о новомъ и неизвѣстномъ мнѣ до того изящномъ дѣйствіи какой-нибудь травы, или ея сѣмянъ или кореньевъ. Я всякой разъ спѣшилъ сообщать о томъ своимъ домашнимъ, бравшимъ во всѣхъ такихъ случаяхъ въ удовольствіи моемъ истинное соучастіе, и всѣ мы старались все то затверживать въ память, для употребленія того же въ пользу и впредь, когда случатся подобные тому случаи; а чтобъ иного не позабыть, то сверхъ того спѣшилъ я всякой разъ такіе успѣхи и удивительныя дѣйствія лекарствъ моихъ записывать.

Словомъ, успѣхи мои въ семъ пунктѣ были такъ велики, и количество просителей умножилось такъ много, что скоро дошло до того, что при повторяемыхъ просьбахъ о снабденіи еще прежними лекарствами, не въ состояніи я былъ всегда и вспомнить, что именно кому я иногда давалъ, и принужденнымъ уже бывалъ самъ о томъ распрашивать больныхъ. Но поелику не многіе могли мнѣ порядочно о томъ сказывать, то скоро самая необходимость заставила меня вести уже порядочной и ежедневной журналъ не только всѣмъ приходящимъ ко мнѣ больнымъ, съ означеніемъ званія деревень и именъ просителей, но и самыхъ ихъ болѣзней

и лекарствъ, какія кому и когда мною были даваны.

Все сіе не только меня занимало, но и доставляло несмѣтное множество минутъ пріятныхъ въ жизни; а сверхъ того получалъ я отъ того и самъ существительную пользу, ибо спознакомливался чрезъ то съ каждымъ днемъ больше съ врачебными силами многихъ травъ и дѣлался тѣмъ отъ часу способнѣйшимъ помогать моимъ ближнимъ, впослѣдствіи же времени услужить тѣмъ и всему моему отечеству, чрезъ обнародованіе всѣхъ учиненныхъ мною замѣчаній. А сверхъ того все сіе побуждало меня отъ часу больше спознакомливаться не только съ ботаникою, но и съ самою медицинскою наукою и снабжать себя такими книгами, изъ которыхъ могъ бы я почерпать нужныя и полезныя знанія, относящіяся до врачеванія разныхъ болѣзней. Наконецъ, чтобъ заставить васъ судить самимъ о томъ, помогали-ли мои лекарствы или нѣтъ, скажу вамъ только то, что число записанныхъ въ помянутомъ журналѣ отпусковъ разнымъ людямъ лекарствъ, простиралось въ теченіе одногодичнаго времени до 2,315 разъ. Сего одного кажется мнѣ уже довольно къ тому, ибо изъ сего легко можете заключить, что естлибъ онѣ никому не помогали, то какая бы нужда была приходить ко мнѣ толь великому множеству людей отчасти съ новыми, отчасти повторяемыми просьбами. Словомъ, я скоро прослылъ весьма великимъ знатокомъ, хотя самъ, будучи увѣренъ о весьма еще и крайне недостаточномъ своемъ знаніи, душевно тому хохоталъ и смѣялся.

При такихъ ежедневныхъ леченіяхъ больныхъ случилась наконецъ надобность испытать мнѣ и надъ самимъ собою дѣйствіе травъ и лекарствъ своихъ. Отъ бездѣльнаго случая нажилъ и самъ я себѣ болѣзнь, и болѣзнь опасную, и случай сей былъ вотъ какой. Я упоминалъ уже вамъ о тогдашнемъ кіясовскомъ ученомъ священникѣ, отцѣ Никитѣ, всегдашнемъ моемъ философическомъ собесѣдникѣ. Сей впрочемъ весьма умной, любви и почтенія достойной мужъ, при всемъ своемъ разумѣ, не освобожденъ былъ отъ нѣкоторыхъ слабостей, къ коимъ сдѣлалъ онъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ привычку. Къ числу сихъ слабостей принадлежало и то, что онъ былъ смертельной охотникъ до боевыхъ гусей, и находилъ невѣдомо какое удовольствіе въ смотрѣніи, какъ сіи дворныя птицы между собою бьются, щиплются и дерутся. Смѣшная по истинѣ охота, но совсѣмъ тѣмъ сводящая весьма многихъ людей съ ума и съ разума, а особливо изъ жителей города Коломны, гдѣ и онъ сею страстною охотою заразился. Мнѣ не случалось до того никогда видать сего зрѣлища, и какъ онъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ описываніемъ сей своей забавы, и нетерпѣливаго ожиданія своего того времени, когда ссорѣ сей гусаки наиболѣе бываютъ подвержены, то восхотѣлось мнѣ изъ единаго любопытства сію мнимую и имъ до небесъ хвалами превозносимую потѣху видѣть. И какъ всѣ страстные до чего-нибудь охотники обыкновенно великое удовольствіе находятъ въ сообщеніи радостей своихъ и другимъ, то неуспѣлъ онъ дождаться помянутаго времени, какъ подхватя своихъ гусаковъ, принесъ онъ ихъ ко мнѣ на дворъ, и тутъ стравивъ ихъ предъ канцелярскимъ крыльцомъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ, почти въ изступленіи, и мнѣ сказалъ: «Ну, вотъ, Андрей Тимоѳеевичъ, пожалуйте-ка скорѣе на крыльцо и посмотрите, какъ гусаки-то, друзья мои, дерутся! И что за потѣха! истинно заглядѣться надобно; но пожалуйте поскорѣе!» Мнѣ случилось тогда сидѣть въ тепломъ и спокойномъ своемъ кабинетѣ и что-то писать, и я, услышавъ его столь усиленной зовъ, и выбѣжалъ на крыльцо въ томъ, въ чемъ сидѣлъ, нимало не подумавъ, что одѣтъ былъ очень легко и не взявъ никакой предосторожности. Случившаяся тогда ясная великопостная погода подманула меня тогда: я думалъ, что и на дворѣ такое же отъ солнца тепло, какъ тепло было въ моемъ кабинетѣ, но какъ сильно я въ томъ обманулся! Не успѣлъ я,

выскочивъ на крыльцо, минуты двѣ постоять, смотря на самое глупое и нимало для меня не увеселительное зрѣлище и подивиться моему попу-философу, сбѣгшему, между тѣмъ, съ крыльца и въ изступленіи стравливающему отъ часу болѣе гусаковъ своихъ, какъ продолжавшаяся еще отъ утренняго сильнаго мороза стужа, и случившійся пронзительной и очень рѣзкой вѣтръ такъ меня въ моей легкой одеждѣ прохватилъ, что я тогда уже почувствовалъ въ себѣ необыкновенной, хотя небольшой ознобъ, и задрожавъ отъ него, хотѣлъ-было бѣжать назадъ; но попъ удержалъ меня еще минуты съ двѣ всеусильнѣйшею просьбою удостоить еще съ минуту охоту его зрѣніемъ.—«Охъ, батюшка, сказалъ я часъ отъ часу дрожа болѣе: нечего смотрѣть, я истинно не нахожу и сотой доли такого удовольствія въ этомъ зрѣлищѣ, какъ ты, и не понимаю, какъ ты имъ такъ прельщаешься». Сказавъ сіе и постоявъ еще съ минуту, побѣжалъ я опрометью опять въ кабинетъ свой и тамъ насилу-насилу обогрѣлся. Тѣмъ тогда забава сія и кончилась.

Но не успѣлъ настать послѣдующій день, какъ вдругъ почувствовалъ я въ груди у себя, а особливо въ лѣвомъ боку такую боль, какой никогда еще до того времени не ощущалъ. Сперва-было я ее нимало не уважилъ, но какъ она стала часъ отъ часу увеличиваться и совокупляться съ одышкою и самымъ почти захватываніемъ духа, то сіе меня уже и смутило и такъ озаботило и устрашило, что я бросился въ имѣвшіяся у меня тогда и немногія еще медицинскія книги, а особливо Семіотику, и сталъ по признакамъ добираться, какая бы то болѣзнь во мнѣ начиналась. Но какимъ изумленіемъ и страхомъ поразился я, когда по всѣмъ описаннымъ примѣтамъ за безсомнѣнное почти находилъ, что у меня началась Плёрезія, и что болѣзнь сія такая, которою шутить никакъ не можно, но что въ случаѣ запущенія можетъ она сдѣлаться самою опасною и лишить даже иногда самой жизни. Боже мой, какъ я трухнулъ и испужался о семъ узнавши! Итакъ, не долго думая, давай, давай скорѣе искать въ другихъ книгахъ, чѣмъ ее лечить и чѣмъ себѣ помогать въ такихъ случаяхъ; и какъ находилъ, что надобно спѣшить кинуть скорѣе кровь, и повторять киданіе оной, покуда не будетъ болѣе бѣлаго на крови гноя, то сіе ёще пуще меня встревожило, ибо крови я не пускивалъ еще отъ роду, да и не кому было пускать. —«Господи! говорилъ я, что-же мнѣ дѣлать и чѣмъ помогать? Поищу, не употребляются ли какія травы отъ того?» И не успѣлъ найти и то, и обрадуясь, что всѣ упоминаемыя у меня въ заготовленіи были, какъ ну-ка я ихъ пить, ну-ка ими лечиться, ну-ка скорѣе болѣзнь захватывать. Но какъ я тщательно о томъ ни старался, но совсѣмъ тѣмъ нѣсколько дней находился въ превеликой опасности, и насилу-насилу, при помощи Господней, кое-какъ болѣзнь сію поостановилъ, и отъ прилежнаго питья, къ великому обрадованію всѣхъ моихъ домашнихъ, получилъ себѣ облегченіе. Совсѣмъ тѣмъ во всю страстную недѣлю не смѣлъ я никакъ показаться на воздухъ и крайне былъ доволенъ тѣмъ, что къ самому дню Пасхи мнѣ такъ уже полегчѣло, что я отважился и могъ уже быть у завтрени и у обѣдни.

Симъ окончу я сіе мое письмо, поелику оно достигло до обыкновенныхъ своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь вашъ и прочее *).

(Генваря 7-го дня 1809 года).

Письмо 180-е.

Любезный пріятель! Лишь только настала святая недѣля, и я помянутымъ образомъ освободился отъ своей кратковременной, но опасной болѣзни, какъ сдѣлалась у насъ уже половодь и стала вскрываться весна. Преужасное множество грачей, налетѣвшее изъ мѣстъ дальнихъ и поселившихся въ обширной и неподалеку отъ дома моего находившейся

*) Въ подлинникѣ карандашемъ сдѣлана виньетка: от. Никита стравливаетъ гусей. М. С.

березовой рощѣ, предвозвѣстила намъ оную. Но гости и пришельцы сіи скоро мнѣ карканьемъ своимъ такъ надоѣли, что я имъ и не радъ былъ, и какъ они мнѣ ни днемъ, ни ночью не давали покоя, то велѣлъ-было я ихъ уже и стрѣлять: но скоро увидѣлъ, что всѣ старанія мои о томъ были безуспѣшны, и что теряли мы только и порохъ и дробь попустому, и потому принужденъ былъ перестать и ихъ оставить съ покоемъ и дать волю имъ выводить своихъ дѣтей и посѣщать другъ друга, на деревьяхъ, слетаясь цѣлыми станицами, и власно какъ разговаривая междую собою, сидючи вокругъ какого-нибудь гнѣзда на деревьяхъ.

Между тѣмъ производилось у меня начальное деревянное строеніе гошпиталя, и съ такимъ поспѣшеніемъ и добрымъ успѣхомъ, что я надѣялся вскорѣ увидѣть его уже и готовымъ. Другіе, напротивъ того, люди трудились надъ разбираніемъ нижняго каменнаго этажа стараго дома и очищаніемъ получаемаго изъ него стараго кирпича и накладываніемъ онаго въ стопы. И какъ онаго при семъ разбираніи очень много ломалось, то сей случай подалъ намъ поводъ къ употребленію, для сохраненія въ цѣлости множайшихъ кирпичей, особливаго способа, а именно: продалбливали внизу, у самыхъ подошевъ стѣнъ, небольшія и такія только скважины, сквозь которыя можно-бъ было просунуть концы бревенъ, на нѣкоторое другъ отъ друга разстояніе, и по изготовленіи оныхъ, всовывали въ нихъ со внутренней стороны концы бревенъ, и подкативъ подъ нихъ чурки, схвативъ многими людьми за другой конецъ каждаго бревна, начинали каждое бревно качать сверху внизъ дружно, отчего вся стѣна вдругъ, наконецъ нашатавшись, упадала, и всею своею массою и плоскостью ударившись объ землю, сама собою и безъ дальнаго раздробленія и ломки кирпичей разсыпалась; чрезъ то не только сберегалось несравненно болѣе кирпичей въ цѣлости, но и работа производилась скорѣе и съ лутчимъ успѣхомъ. Какъ средство сіе было мнѣ до того совсѣмъ неизвѣстно, то признаюсь, что не могъ имъ довольно налюбоваться, и всякой разъ съ особливымъ удовольствіемъ сматривалъ на упадающія съ великимъ шумомъ и ударомъ стѣны.

При помощи сего удобнаго средства повалили мы и разобрали въ немногіе дни всѣ стѣны, и все великолѣпіе старинной громады исчезло и не осталось и слѣда бывшаго тутъ дома. Но какъ дошло дѣло до разбиранія бута и самаго фундамента, то удивился я, нашедъ, что оной вмѣсто заливанія, по обыкновенію, известью, засыпыванъ былъ только простою землею, да и въ самыхъ стѣнахъ не нашли мы ни одной желѣзной связи, а вездѣ только были дубовыя: явное доказательство излишней уже бережливости или паче скупости прежняго строителя.

Какъ кирпича сего для назначаемаго впредь строенія оказалось слишкомъ мало, и надлежало еще нѣсколько сотъ тысячъ прибавить новаго, то для дѣланія онаго пріисканы и наняты были въ Москвѣ самимъ княземъ уже кирпичники, и я всячески спѣшилъ приготовленіемъ для дѣланія оныхъ кирпичныхъ сараевъ, дабы не могло произойтить остановки. И сіе доставило мнѣ много трудовъ и хлопотъ. А какъ пріисканы были и черепичники и ими отыскана удобная къ тому глина, то построили мы и для нихъ особой сарайчикъ, и какъ скоро время удобное къ дѣланію ихъ и кирпичей наступило, то и началась у насъ сія работа, продолжавшаяся во все сіе лѣто.

Между тѣмъ не позабылъ я и садовъ тамошнихъ, и не успѣла вскрыться весна, какъ принялся я за нихъ и за возможнѣйшее поправленіе ихъ и приведеніе въ лучшій порядокъ и состояніе, а вмѣстѣ съ ними потрудился и надъ образованіемъ вновь основаннаго подлѣ управительскаго дома садика. И какъ въономъ многаго еще не было посажено, то имѣлъ и съ нимъ много хлопотъ и трудовъ, а не менѣе и надъ образованіемъ цвѣтниковъ своихъ предъ окнами дома, для усажденія которыхъ зимовыми цвѣта-

ми, за недостаткомъ оныхъ тутъ, велѣлъ привезти изъ своей деревни всѣ роды цвѣтовъ, какихъ тутъ до того не было. Сіи цвѣтники удалось мнѣ смастерить довольно порядочными, и какъ я до цвѣтовъ былъ во всю жизнь мою охотникомъ, а тогда даже превеликимъ, то и напичкалъ я ихъ множествомъ всякаго рода цвѣтовъ, и ими съ особливымъ удовольствіемъ занимался.

А дабы и на собственные свои сады взглянуть хотя вскользь, то по исправленіи тутъ первыхъ вешнихъ дѣлъ, урвался на самое короткое время и въ свою деревню и тамъ, что нужно было, распорядилъ, и сколько могъ успѣть все нужное сдѣлалъ.

По возвращеніи изъ дома принялся я опять за казенныя хлѣбопашенныя поля, и за посѣвъ двухъ полей яровыми хлѣбами; и какъ они не всѣ еще окопаны были рвами, то спѣшилъ я и сіе дѣло кончить; также заблаговременно помышлять о пріумноженіи всякаго рода средствъ, способныхъ къ удобренію оныхъ.

Между тѣмъ не позабылъ я и о своемъ ботанизированіи, но съ самаго наступленія весны отыскивалъ вездѣ, въ садахъ, поляхъ, лѣсахъ, лугахъ и въ самыхъ усадьбахъ всѣ новыя и мнѣ еще незнакомыя травы, и при помощи своей ботанической книги съ ними познакомливался; и какъ я въ томъ съ особливымъ усердіемъ трудился и занимался тѣмъ во все теченіе лѣта, то могу сказать, что сей годъ былъ для меня прямо ботаническимъ, и я познакомился въ оной почти со всѣми въ нашихъ мѣстахъ самородно растущими врачебными травами. Всѣ тѣ же, которыя мнѣ были уже знакомы, съ самаго начала весны заготовлялъ уже гораздо въ множайшемъ количествѣ, дабы при продолжающемся ежедневномъ раздаваніи оныхъ и леченіи многихъ людей не было въ нихъ недостатка.

Въ сихъ разныхъ занятіяхъ и безпрерывныхъ упражненіяхъ и не видалъ я, какъ прошли оба первые весенніе мѣсяцы и наступилъ пріятнѣйшій май мѣсяцъ. Но сколь мнѣ ни было недосужно, но я находилъ время и къ ѣздѣ съ домашними своими къ тамошнимъ сосѣдямъ, изъ коихъ спознакомились и сдружились мы еще съ нѣкоторыми хорошими домами, какъ-то: съ помянутымъ барономъ Соловьевымъ, также съ живущимъ неподалеку отъ него господиномъ Волковымъ, Николаемъ Михайловичемъ, молодымъ, умнымъ и въ обращеніи любезнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ также великую охоту до садовъ. Наконецъ, съ живущею въ той же сторонѣ генеральшею, Натальею Александровною Олицовою, дамою почтенною и любезною, которая не только при первомъ свиданіи насъ обласкала, но даже полюбила, и можно сказать, что домъ ея былъ изъ всего тамошняго сосѣдства наилучшимъ и почтенія достойнѣйшимъ, и по всему тому провели мы все время сіе довольно весело.

Между тѣмъ наступало время, въ которое князь обыкновенно всякой годъ ѣзжалъ въ Богородицкую волость. И какъ онъ положилъ неотмѣнно ко мнѣ заѣхать, и это было еще въ первой разъ, что я долженъ былъ его принимать и у себя угощать, то и дѣлалъ я всѣ нужныя къ тому пріуготовленія. И какъ онъ меня о пріѣздѣ своемъ съ назначеніемъ дня предувѣдомилъ, то и поскакалъ я въ Малино для принятія его, ибо ѣхалъ онъ не прямо изъ Москвы, а изъ своихъ деревень пробирался прямо на село Покровское и оттуда уже пріѣхалъ въ Малино, гдѣ я его и встрѣтилъ, и оттуда препроводилъ его къ себѣ въ Кіясовку и прямо въ свой домъ, ибо индѣ пристать ему было негдѣ. Признаюсь, что какъ было сіе еще въ первой разъ, то была для меня, а того болѣе для моихъ домашнихъ превеликая коммиссія. Всѣ мы не знали, какъ бы его лучше успокоить и угостить. Съ нимъ была превеликая свита и обозъ, ибо, кромѣ самого его, находился съ нимъ одинъ изъ его сыновей, Ѳедоръ, и внукъ Калычевъ, оба молодцы молодые, гордые и нелюдимые, и секретарь. Кромѣ великаго числа людей, находилось еще нѣсколько казаковъ для конвоированія.

Всѣхъ ихъ надобно было умѣстить, всѣхъ успокоить и всѣхъ угостить. Но спасибо, князь былъ такой человѣкъ, которой не былъ слишкомъ приморчивъ и въ такихъ случаяхъ взыскателенъ, да и не хотѣлъ, чтобы для него входилъ я въ какія-либо дальнія хлопоты и убытки.

Было уже передъ самымъ вечеромъ, какъ онъ пріѣхалъ, но онъ успѣлъ осмотрѣть весь мой домъ и на дворѣ всѣ строенія, и не могъ довольно налюбоваться всѣмъ моимъ расположеніемъ и надивиться, какъ я успѣлъ въ такое короткое время все то и такъ хорошо устроить; и осматривая симъ образомъ, все самъ назначалъ, гдѣ ему самому расположиться, гдѣ его дѣтямъ и секретарю и гдѣ людямъ. Для себя избралъ онъ нашу гостинную, и сказалъ, что для него сей комнаты будетъ довольно-предовольно. Для дѣтей его назначилъ-было я и хотѣлъ очистить свой кабинетъ, но онъ тотчасъ сказалъ: «И, это пустое! они могутъ и съ Шебашовымъ расположиться въ вашей банѣ, такая хорошая, а люди мои съ людьми вашими, а казаки у прикащика».

Кромѣ горячаго, которое тотчасъ по пріѣздѣ его было подано, приготовленъ былъ у насъ уже ужинъ. Тутъ рекомендовалъ я ему своихъ хозяекъ, и онъ обошелся съ ними такъ просто, такъ ласково и такъ благопріятно, что онѣ очарованы были его обращеніемъ съ ними и его душевно полюбили. За ужиномъ посадилъ онъ ихъ подлѣ себя и не только самъ все съ удовольствіемъ ѣлъ, но подчивалъ еще самихъ ихъ кушаньями и всѣмъ прочимъ; словомъ, онъ насъ всѣхъ плѣнилъ милостивымъ и дружелюбнымъ своимъ обращеніемъ.

Наутріе пошли мы съ нимъ все и все осматривать, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ всѣмъ и всѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ. Гошпиталь былъ уже почти совсѣмъ готовъ, а тѣ комнаты, которыя назначены были для житья лекарю въ ономъ, были уже совсѣмъ отдѣланы.—«Вотъ это очень хорошо, сказалъ князь, ихъ увидѣвъ: что вы поспѣшили. Я лекаря уже пріискалъ и принялъ, и онъ скоро къ вамъ пріѣдетъ, и кажется человѣкъ очень доброй и хорошій и вы его полюбите». Потомъ ходили мы по садамъ и я ему показывалъ все и все, что я и для чего сдѣлалъ, и онъ одобрилъ все совершенно. Потомъ смотрѣли мы скотской дворъ; тутъ сказалъ онъ, что скоро приведутъ ко мнѣ аглинскихъ и голландскихъ коровъ, и что заведется тутъ добрая скотина. Оттуда прошли мы въ кирпичные и черепичные сараи, въ коихъ работа начала уже производиться, и осматривали оные. И князь и тутъ изъявилъ мнѣ свое удовольствіе.

Между тѣмъ приуготовляемо было все нужное къ рыбной ловлѣ, въ тамошнемъ большомъ прудѣ. У меня была уже, по его приказанію, куплена большая лодка и привезена изъ Коширы, а большой неводъ привезъ онъ съ собою изъ своей деревни, на первой случай, и какъ намъ сказали, что все было готово, то и прошли мы въ рощу и велѣли запустить неводъ. Какъ неводъ былъ превеликой и захватилъ большую часть пруда, то притащили къ намъ такое множество рыбы, что я удивился, а старикъ-князь почти прыгалъ отъ удовольствія, и признавался, что ему отъ роду не случалось еще видать вдругъ такое множество наипрекраснѣйшихъ рыбъ, ибо были по большей части все превеликіе и добрые судаки, большіе лещи и разныя другія добрыя породы. Онъ велѣлъ накласть ими цѣлой ушатъ, и принеся съ собою въ хоромы и показывая ихъ моимъ хозяйкамъ, сказалъ: «Вотъ, сударыни, кушайте на здоровье, а прикажите и для меня приготовить, я превеликой охотникъ ѣсть рыбу».

Симъ и подобнымъ образомъ провели мы съ нимъ весь тотъ день въ безпрерывной почти ходьбѣ и въ пріятныхъ разговорахъ. Я не преминулъ послѣ обѣда сводить его на то мѣсто, которое назначалъ я для замышляемаго новаго большого пруда, и какъ князю оно полюбилось, то и просилъ онъ меня запрудить оной въ то же еще лѣто. Оттуда провелъ я его на пробныя свои пашенныя

поля, и разсказалъ ему весь планъ новаго распоряженія, и онъ любопытенъ былъ очень видѣть успѣхъ отъ того, въ которомъ онъ не сомнѣвался. Ввечеру вздумали его дѣти съ моими воспитанниками кататься на лодкѣ по пруду, и мы, сидючи съ княземъ на просторномъ каменномъ крыльцѣ, сдѣланномъ изъ хоромъ въ мой цвѣтникъ, ими любовались. При семъ случаѣ не преминулъ меня спросить князь, какіе это мальчики живутъ со мною. Я сказалъ ему, что это дѣти нѣкоторыхъ родственниковъ и друзей моихъ и живутъ при мнѣ, чтобъ чему-нибудь отъ меня научиться, и что я учу ихъ всему, что самъ знаю. Князю сіе чрезвычайно понравилось и онъ расхвалилъ меня за сіе.

Послѣ сего сказалъ онъ мнѣ: «Вижу, Андрей Тимоѳеевичъ, что вы конечно и до цвѣтовъ охотники, такой у васъ прекрасной цвѣтникъ, и когда это вы успѣли все сіе сдѣлать?» — Есть тотъ грѣхъ, сказалъ я князю: охота пуще неволи. — «Это очень хорошо, подхватилъ князь: но есть ли у васъ спаржа?» спросилъ онъ далѣе. — Нѣту еще, сказалъ я.—«О! такъ надобно вамъ и ее у себя завесть; я отмѣнно ее люблю, да и для васъ хорошо. Не позабудьте взять у меня сѣмянъ и на весну посѣйте. Я бы далъ вамъ и кореньевъ, но отъ сѣмянъ бываетъ она всегда лучше; а ежели отыщутся у меня высадки, то и ими васъ снабжу».

Такимъ образомъ провели мы весь тотъ день съ удовольствіемъ, и онъ былъ мною и всѣмъ у меня, а я имъ доволенъ. А поутру въ слѣдующій день онъ и отправился отъ меня далѣе въ путь свой на Коширу. Я проводилъ его до села Ситни и на дорогѣ показалъ ему свою Александровскую, разрубленную на множество проспектовъ рощу, и привелъ его симъ неожидаемымъ зрѣлищемъ въ пріятное удивленіе. Я вручилъ ему тогда и планъ, приготовленной мною сей рощи и взятой съ собою, и сіе увеличило еще его удовольствіе. По пріѣздѣ же въ небольшое село Ситню показалъ ему и тамъ прудъ, поправленной мною и все что и тамъ мною было сдѣлано, и князь разставаясь благодарилъ меня за все и все.

Проводивъ князя и возвратясь домой, чувствовалъ я ровно какъ камень свалённой съ плечъ моихъ, и отдохнувъ принялся опять за свои работы и упражненія. Мое первое тогда дѣло было, чтобъ поспѣшить окончаніемъ строеніе гошпиталя, ибо, по словамъ княжимъ, надлежало уже скоро пріѣхать къ намъ и лекарю. Оной и дѣйствительно пріѣхалъ вскорѣ послѣ его отъѣзда, и показался мнѣ въ самомъ дѣлѣ очень добрымъ человѣкомъ. Былъ онъ человѣкъ еще не старой, однако и не молодой, а моихъ почти лѣтъ, родомъ нѣмчинъ, изъ Германіи, и именно изъ Бикенбурга, что лежитъ въ ганноверскихъ областяхъ, и прозывался Бентономъ, наши же русскіе окрестили или прозвали его Филиппомъ Антоновичемъ. Былъ онъ хотя выѣзжимъ, но находился уже болѣе десяти лѣтъ въ Россіи и отправлялъ цѣлыхъ десять лѣтъ въ арбатской аптекѣ должность провизора или главнаго гезеля, а потомъ учился врачебному искусству въ главномъ московскомъ гошпиталѣ, гдѣ и сдѣланъ уже лекаремъ и потомъ князю, за отличную свою прилежность и искусство, рекомендованъ и выпущенъ.

Какъ я вообще всѣхъ иностранцевъ какъ-то люблю и къ нимъ отмѣнно благосклоненъ, то радъ я былъ, что нажилъ въ немъ себѣ всегдашняго собесѣдника-нѣмца, съ которымъ могъ я всякой день говорить на его природномъ и мною любимомъ языкѣ. И какъ я нашелъ въ немъ человѣка не только съ хорошими во всемъ свѣдѣніями и очень знающаго, но съ честными правилами и характера весьма добраго, то скоро полюбили мы другъ друга, и въ немногіе дни сцѣпились съ нимъ самымъ тѣснымъ узломъ дружества, продолжавшагося даже до его смерти. Весьма много поспѣшествовало къ тому и то, что какъ онъ былъ человѣкъ холостой и одинокой, имѣлъ достатокъ очень малой или вовсе никакого и ничѣмъ тогда не обзаводился, то пригласили мы его къ своему столу, и убѣдили просьбою, чтобъ ходилъ онъ къ намъ всякой день обѣдать

нужипать, увѣривъ его, что намъ не произойдетъ отъ того ни малѣйшаго отягощенія, а вмѣсто того та выгода и польза, что мы будемъ его всякой день видѣть и пользоваться его собесѣдованіемъ, чему онъ съ своей стороны и радъ былъ, и будучи весьма совѣстнымъ и добрымъ человѣкомъ, и вознаградилъ намъ то примѣрною своею услужливостью.

Такимъ образомъ, къ превеликому удовольствію нашему, нажили мы себѣ, такъ сказать, почти домоваго лекаря, а что всего лучше, знающаго свое ремесло совершенно, весьма къ намъ приверженнаго и услужливаго, чему вскорѣ и имѣлъ онъ случай оказать первые свои весьма удачные опыты. Всѣ мы сдѣлались чрезъ самое короткое время имъ очень довольны, а я всѣхъ больше, и болѣе потому, что во все то время, покуда оканчивали мы строеніе гошпиталя, и сдѣлали его удобнымъ къ приниманію въ него своихъ и постороннихъ больныхъ, въ чемъ много помогалъ и онъ уже съ своей стороны и совѣтами своими и самымъ смотрѣніемъ, то онъ, не имѣя еще многаго дѣла, большую часть времени своего провождалъ у меня, и мы съ нимъ вмѣстѣ занимались и ботаникою, и заготовленіемъ травъ, и самымъ приуготовленіемъ лекарствъ изъ оныхъ. И какъ въ семъ послѣднемъ пунктѣ былъ онъ несравненно искуснѣе меня, поелику самъ цѣлыхъ десять лѣтъ отправлялъ аптекарскую должность, то и воспользовался я отъ него многими относящимися до фармакопеи и самой медицины знаніями. А особливо радъ я былъ, что онъ научилъ меня дѣлать бумажные картузы и набивать ихъ крошеными сушеными травами.

Не успѣлъ я сего искусства узнать, какъ тотчасъ былъ сдѣланъ станокъ и надѣлано множество картузовъ. И какъ я во всѣхъ такихъ любопытныхъ дѣлахъ очень скоръ и нетерпѣливъ, то тотчасъ и пошли у меня дальнѣйшія затѣи, и мнѣ восхотѣлось уже имѣть особой и большой шкафъ, установленной сплошными картузами, съ набитыми въ нихъ разными травами, и съ передней стороны украшенными разрисовкою и крупными надписями; что, къ удовольствію моему, и произвелъ я въ короткое время и смастерилъ у себя такой шкафъ со врачебными травами, какого вѣрно ни у кого иного не было и которымъ я не могъ довольно налюбоваться; а вскорѣ имѣлъ удовольствіе слышать, что и первые опыты искусства сего нашего лекаря были весьма удачны, и онъ искусствомъ своимъ въ короткое время такъ прославился, что всѣ сосѣди его полюбили и начали при болѣзняхъ своихъ воспринимать къ нему свое прибѣжище, чѣмъ всѣмъ и я былъ весьма доволенъ.

Между всѣмъ симъ и вскорѣ послѣ отъѣзда князя, урвался я опять на часокъ въ свою деревню, но ѣздилъ въ сей разъ уже одинъ и безъ жены, поелику она была въ сіе время опять беременна и въ скоромъ времени ожидала уже и разрѣшенія отъ своего бремени. Въ деревнѣ пробылъ я не болѣе одних суток, ибо мнѣ одному было очень скучно, почему и спѣшилъ я скорѣе возвратиться къ своему семейству и къ работамъ.

Изъ сихъ наиглавнѣйше озабочивали и занимали меня производимыя при запрудкѣ новаго пруда, основаннаго на той же рѣчкѣ, съ полверсты выше села самаго. Какъ грунтъ земли въ томъ мѣстѣ и самая пошва была не весьма надежна, чтобъ вода не ушла у меня низомъ, то по совѣту того-жъ, особенно ко мнѣ приверженнаго солдата, случившагося быть родомъ изъ Сибири, и много кой-чего знающаго, вздумалъ я употребить особое средство къ укрѣпленію плотины. Я велѣлъ вырыть чрезъ всю ширину того лога глубокой ровъ, шириною въ 3 аршина, и вставилъ въ него срубленной плотно езикзакомъ косорубъ, забить опять весь ровъ и съ верхней и нижней стороны крѣпко глиною, и потомъ возвышать оной косорубъ внутри плотины до самаго верха. Плотину же сдѣлалъ толстую съ отлогою внутрь пруда осыпью и совсѣмъ глухую; для стока-же воды всегдашней, и дождевой и половодной, сдѣлалъ въ боку въ матеромъ берегѣ предлинный отводъ или широкой, пло-

ской ватерпасно-горизонтальной ровъ и устлалъ и дно и бока его дерномъ, и имѣлъ къ осени удовольствіе видѣть его наполненнымъ водою и сдѣлавшимся весьма длиннымъ и прекраснымъ.

Между тѣмъ нечувствительно кончился май и настал іюнь мѣсяцъ, котораго въ самомъ началѣ, а именно 3-го числа и обрадованъ я былъ благополучнымъ разрѣшеніемъ жены моей отъ бремени. Всемогущему угодно было одарить меня и въ сей разъ не сыномъ, а еще дочерью, но я столько же ей радъ былъ, какъ и сыну. Мы назвали ее Ольгою и тотчасъ, по обыкновенію, извѣстили о томъ всѣхъ нашихъ родныхъ и пріятелей.

Радостное сіе происшествіе доставило намъ тѣмъ болѣе удовольствія, что не только наши родные изъ-за Оки-рѣки, но и всѣ тутошніе сосѣди не успѣли узнать о томъ, какъ по любви своей къ намъ и сами-собою начали пріѣзжать къ женѣ моей на родины, съ обыкновенными своими поздравленіями. Итакъ, начались у насъ съ ними опять ежедневныя почти свиданія, и пиры и празднества. Но никто насъ въ семъ случаѣ такъ не одолжила, какъ помянутая уже прежде мною госпожа генеральша Олицова. Она пріѣхала почти первая къ намъ съ поздравленіемъ и удивила насъ своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ, поелику мы къ ней изъ почтенія никакъ и не посылали съ обыкновеннымъ извѣщеніемъ. Причиною тому было то, что она почитала себя мнѣ крайне обязанною за одну услугу, оказанную ей мною при одномъ нужномъ случаѣ; а именно: за нѣсколько до того времени и прежде еще пріѣзда нашего лекаря, случилось ей вдругъ и жестоко занемочь, и какъ лекаря нигдѣ и никакого вблизи не находилось, а въ Москву посылать было далеко и не терпѣло времени, а слухъ о ботаническомъ моемъ знаніи и успѣшныхъ леченіяхъ повсюду распространился, то она, наслышавшись обо всемъ томъ, велѣла скакать ко мнѣ скорѣй человѣку и умоляла меня Христомъ и Богомъ, чтобъ я къ ней пріѣхалъ и посмотрѣлъ, не могу ли я чѣмъ пособить ей.

Для меня было сіе сущею неожидаемостью и первымъ еще случаемъ сего рода. Былъ я еще тогда весьма худымъ знатокомъ и вспомогателемъ, и потому не зналъ, что дѣлать, и ѣхать ли къ ней или отказаться. Но какъ, по счастію, въ письмѣ написанномъ ко мнѣ, по ея приказанію, описана была въ подробности ея болѣзнь, и я, схвативъ свою Семіотику, могъ по ней скоро добраться и навѣрное почти заключить, какого рода была ея болѣзнь, а потомъ справясь съ другими книгами о томъ, что̀ и что̀ въ такихъ случаяхъ помогаетъ, и узнавъ, что нужныя къ тому и травы и коренья у меня въ заготовленіи находились, то изъ единаго человѣколюбія, и наудачу снабдивъ себя всѣмъ къ тому потребнымъ, въ тотъ же часъ, запрегши карету, къ ней и полетѣлъ. Я нашелъ ее лежащею въ постели и стенящую отъ боли въ правомъ боку; и не могу изобразить, какъ много обрадована она была скорымъ моимъ пріѣздомъ, и какъ много благодарила меня за то. Но удовольствіе ея сдѣлалось еще несравненно больше, когда, противъ всякаго чаянія, посчастливилось мнѣ коекакими припарками и декоктами не только облегчить чувствуемую ею почти нестерпимую боль, но въ самое короткое время возстановить до того ея здоровье, что она, сидючи уже въ постели и не чувствуя никакой боли, отпустила меня отъ себя отъѣзжающаго, говоря, что я обязалъ ее тѣмъ наичувствительнѣйшимъ образомъ. А сіе-то самое и побудило тогда ее прежде всѣхъ къ намъ пріѣхать.

Не успѣли всѣ тутошніе наши сосѣди и ближніе наши родные изъ-за рѣки у насъ перебывать, какъ пріѣхала наконецъ и тетка Матрена Васильевна, бывшая до того всѣхъ моихъ дѣтей воспріемницею отъ купели; и тогда не стали мы уже долѣе медлить, но окрестили сію дѣвчонку. И какъ прежняго моего кума и друга, г-на Полонскаго, не случилось тогда быть въ деревнѣ, то возъимѣли мы прибѣжище къ пріятелю нашему, Василію Ѳедоровичу Шушерину и просили его быть дочери моей отцемъ крестнымъ,

отъ чего онъ, по любви своей и дружбѣ къ намъ, и не отказался. Крестины сіи отправили мы почти запросто, ибо неимѣніе въ домѣ моемъ просторной и такой комнаты, гдѣ-бы можно было накормить всѣхъ нашихъ тамошнихъ сосѣдей, воспрепятствовало намъ пригласить ихъ всѣхъ къ сему празднеству.

Не успѣло оно кончиться, и всѣ пріѣзжавшіе къ намъ, по сему случаю, гости разъѣхаться, какъ обрадованъ я былъ опять полученіемъ толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Прислана была отъ онаго въ сей разъ XXV-я часть «Трудовъ» его, но по перемѣнившемуся у нихъ уставу уже безъ переплета. Г-нъ Нартовъ, при посылкѣ онаго, не преминулъ опять удостоить меня своимъ и прямо дружескимъ писаніемъ. Въономъ, побуждая меня опять всячески къ частой съ собою перепискѣ, увѣдомлялъ меня, что присланное отъ меня продолженіе сочиненія моего «О хмѣлеводствѣ» отдано, по обыкновенію, въ комитетъ для разсмотрѣнія, а потомъ сообщалъ мнѣ замѣчанія свои о нѣкоторыхъ пьесахъ, находившихся въ сей части; выхвалялъ усердіе г-на Рычкова, за изобрѣтеніе способа употреблять говяжьи и бараньи кожи въ пищу; также иностраннаго изобрѣтателя способа сушенія поваренныхъ травъ, говоря, что пьеса его о томъ принята во всей Европѣ между знатоками съ великою похвалою, и онъ получилъ за нее отъ многихъ государей золотыя медали, хотя въ самомъ дѣлѣ обѣ сіи выхваляемыя имъ выдумки ничего почти не значили, и ничего изъ нихъ впослѣдствіи времени не вышло, и онѣ совсѣмъ позабыты. За симъ превозносилъ онъ похвалами г-на пастора Шпраха, пріобрѣтшаго себѣ безсмертную похвалу за нововыдуманное имъ особаго рода пчеловодство, сказывая при томъ, что для обученія оному по именному указу отправлены были къ нему отъ Экономическаго Общества два студента, кои совершенно тому научились и къ намъ съ желаемымъ плодомъ возвратятся. Сія выдумка и пьеса о томъ дѣйствительно заслуживала особое вниманіе; но къ несчастію не произвело и оно никакой пользы, и пчеловодство осталось у насъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ до того было. Да и дѣйствительно вся сія славная выдумка была болѣе любопытна, нежели удобопроизводима. Наконецъ увѣдомлялъ меня, что Общество наше заслужило стараніями своими славу во всемъ ученомъ свѣтѣ, и что употребляетъ оно все, что можетъ къ поспѣшествованію общей пользѣ и что остается только господамъ дворянамъ подражать имъ, и надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать и выбирать изъ сообщаемыхъ новыхъ открытій для себя угодное; но, къ крайнему сожалѣнію, видитъ Общество мало къ тому охотниковъ; что присылаютъ къ нимъ очень рѣдкіе опыты, а вѣрныхъ и лучшихъ корреспондентовъ только трое, а именно: я, г-нъ Рычковъ и г-нъ Олешевъ, и что государство у насъ пространное, а знатоковъ и охотниковъ мало; и потомъ убѣждалъ онъ меня просьбою продолжать мои труды и сочиненія и быть всегда примѣромъ прочимъ, и тѣмъ заключилъ свое писаніе.

Прочитавъ сіе, подумалъ и сказалъ я самъ себѣ: «Ахъ! государи, государи мои, не такъ вы все свое дѣло начали, не такъ расположили, не такъ его производите, и не употребляете сами никакихъ существительныхъ побудительныхъ средствъ къ доставленію вамъ со всѣхъ сторонъ нужныхъ открытій и замѣчаній, и къ поощренію дворянъ уважать ваше Общество и трудиться для пользы отечества! Чтò могутъ сдѣлать и произвесть ваши раздаваемыя и обѣщаваемыя медали, когда онѣ, не доставляя никому ни малѣйшей чести и отличія, становятся чрезъ то ничего незначущими. А что всего хуже, когда обо всемъ томъ, и обо всѣхъ вашихъ трудахъ, и стараніяхъ знаетъ только развѣ стотысячная часть изъ обитателей Россіи, а множайшіе объ васъ и обо всемъ и не слыхивали, или по крайней мѣрѣ не имѣютъ и понятія малѣйшаго! Не такъ-то бы всему быть надлежало!... и чтò могу одинъ я произвесть, когда и мои

замѣчанія и писанія читаютъ только очень-очень немногіе. Трудиться бы и впредь я хотя-бъ и готовъ былъ, но было бы на что и за что, а не совсѣмъ попустому!... Кажется, и до сего трудовъ моихъ и усердія къ пользѣ общественной было весьма уже довольно, но что̀ я видѣлъ? и получилъ-ли за все то хотя малѣйшую какую награду. Не отъ васъ, а отъ правительства, и не вамъ собственно, а ему бы чрезъ васъ надлежало меня чѣмъ-нибудь повеселить и поострить чѣмъ-нибудь существеннѣйшимъ, нежели ваши медали, къ продолженію трудовъ моихъ».

Симъ и подобнымъ сему образомъ помышляя, и самъ съ собою говоря, дѣйствительно ощущалъ я въ себѣ очень мало поощренія къ дальнѣйшимъ подвигамъ по сему предмету, а особливо напоминая, что множество другихъ сущихъ негодяевъ и не пользу, а сущій вредъ государству производящихъ людей отъ правительства и почестьми, и всякаго рода другими выгодами, ни за что ни про што, награждаются, а подобные мнѣ оставляются безъ всякаго призора и въ неуваженіи совершенномъ.

Итакъ, написавъ къ Нартову короткой отвѣтъ и пославъ въ общество достальную часть примѣчаній моихъ «о хмѣлеводствѣ» съ прекрасными чертежами, обратился я къ прежнимъ своимъ любимѣйшимъ и болѣе меня увеселяющимъ упражненіямъ; и какъ въ нихъ, такъ и въ дѣлахъ по должности провелъ нечувствительно и весь іюнь мѣсяцъ. Нерѣдкія свиданія съ сосѣдями, обращающимися со мною отчасу дружелюбнѣе, разныя домашнія забавы и катаніе въ большой своей лодкѣ по пруду, и стрѣляніе съ ней изъ маленькихъ пушечекъ, гулянье по садамъ и рощамъ придавали времени сему много пріятности. Въ особливости-же утѣшала меня въ концѣ сего мѣсяца по вечерамъ особенная забава, а именно: принесли ко мнѣ однажды изъ лѣса нѣсколько тѣхъ, на подобіе гнилушекъ, свѣтящихся козявокъ, которыя находимы бываютъ около Иванова-дня въ лѣсахъ на травѣ и на листьяхъ кустовъ разныхъ. Мнѣ не случалось до того никогда еще видать сихъ нарочито крупныхъ и на мокрицы похожихъ животныхъ, и я, смотря на свѣтящіяся ихъ спинки, не могъ довольно налюбоваться, и онѣ мнѣ такъ полюбились, что я тотчасъ затѣялъ произвести сущую увеселительную рѣзвость; а именно, услышавъ, что ихъ въ лѣсу много, отправилъ я въ лѣсъ множество людей и ребятишекъ, и велѣлъ имъ набрать ихъ колико можно болѣе, и принесть къ себѣ живыми. Мнѣ и принесли ихъ цѣлую почти шляпу. Но что-жъ я съ ними сдѣлалъ?... Ну я ими укладывать всѣ стриженыя дернинки, которыми укладены были всѣ фигуры и косицы въ цвѣтникѣ моемъ; и какъ животныя сіи въ сіе время бываютъ почти недвижимы, а потому и остались они на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полагались, то какое-же преузорочное зрѣлище придалъ я чрезъ то цвѣтнику моему! Какъ скоро наставали сумерки, то весь онъ и начиналъ блестѣть тысячами огней синеватыхъ, свѣтящихся какъ брилліанты, и мы всѣ, выходя на крыльцо или сидя подъ окнами, не могли никогда тѣмъ довольно налюбоваться и невѣдомо какъ жалѣли о томъ, что забава сія продлилась не долго и немногіе только дни. Ибо натура опять скоро ихъ сіянія сего лишала, и онѣ по прежнему становились скаредными и отвратительной видъ имѣющими.

Вотъ какими, и прямо ребяческими почти игрушками мы, иногда занимаясь, себя забавляли. Но скоро послѣ того иной и важнѣйшій предметъ обратилъ къ себѣ всѣ наши мысли и желанія, и возродилъ (въ) насъ вожделѣніе ѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ въ Москву. Но что̀ такое, о семъ узнаете вы не теперь, а въ письмѣ послѣдующемъ; а теперешнее, какъ достигшее уже до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, а съ нимъ и все сіе 17-е собраніе моихъ писемъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Генваря 8-го дня 1809 года).

Конецъ семнадцатой части.

(Сочинена въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809, въ 13-ть дней и переписана въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVIII.

(СОЧИНЕНА ВЪ НАЧАЛѢ 1809 ГОДА, ВЪ ДВОРЯНИНОВѢ).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Кіясовкѣ, а потомъ первоначальнаго въ Богородицкѣ.

Продолженіе 1775 года.

Письмо 181-е.

Любезный пріятель! Несомнѣваясь нимало, что вы любопытны знать, чтò-бъ такое заставило насъ думать о Москвѣ и о ѣздѣ въ оную, скажу, что побуждалъ насъ къ тому носившійся повсюду слухъ о имѣющемъ быть вскорѣ въ Москвѣ великолѣпномъ торжествѣ о заключеніи съ турками мира. Говорили, что празднество сіе будетъ пышное, и что сдѣланы къ тому великія приуготовленія, и между прочимъ большой и преузорочной фейерверкъ, и что все уже было готово, а дожидались только прибытія изъ арміи фельдмаршала графа Румянцова. Далѣе говорили, что самому сему побѣдителю турокъ учинена будетъ славная встрѣча, и что въѣдетъ онъ въ столицу, по примѣру древнихъ римскихъ полководцевъ, въ тріумфѣ, и что построены уже для сего и тріумфальныя вороты. Все сіе натурально побуждало всѣхъ, невидавшихъ таковыхъ зрѣлищъ, ѣхать и поспѣшать къ сему времени въ Москву. А какъ къ числу ихъ принадлежали и обѣ мои семьянинки, которымъ никогда еще въ жизнь ихъ не случалось видать такихъ пышныхъ празднествъ, а особливо фейерверковъ, и имъ весьма хотѣлось оной видѣть, то просили онѣ меня, чтобъ я свозилъ ихъ на сіе время въ Москву и доставилъ имъ сіе удовольствіе; къ чему я тѣмъ охотнѣе согласился, что мнѣ и самому хотѣлось оржество сіе видѣть.

Итакъ, списавшись съ княземъ и получивъ отъ него дозволеніе, собрались мы на нѣсколько дней и отправились въ Москву, оставивъ маленькихъ дѣтей своихъ однихъ дома. Мы поспѣшали возможнѣйшимъ образомъ сею ѣздою, дабы не упустить случая видѣть и самой въѣздъ графа Румянцова въ сію столицу, и поспѣли благовременно, и не болѣе какъ за полчаса до его пріѣзда.

Подъѣзжая къ самой Москвѣ, мы растеряли глаза, смотря на сдѣланныя уже и по обѣ стороны большой дороги, на довольное разстояніе другъ отъ друга, воздвигнутыя небольшія пирамиды, украшенныя вверху картинами, изображающими разныя побѣды сего славнаго полководца. Всѣ сіи картины были транспаратныя или прозрачныя, дабы, въ случаѣ прибытія его въ ночное время, могли онѣ освѣщены быть огнями. Однако до сего не дошло дѣло, потому что пріѣхалъ онъ вскорѣ послѣ полудня. Пирамиды сіи украшали дорогу на нѣсколько верстъ длиною, и по конецъ всѣхъ ихъ, въ послѣднемъ къ Москвѣ селеніи, Котлахъ, при самомъ съѣздѣ подъ гору, построены были небольшія деревянныя, и по обыкновенію, раскрашенныя и росписанныя, тріумфальныя вороты.

Какъ сіе мѣсто было наиудобнѣйшее для смотрѣнія въѣзда, и подлѣ самыхъ воротъ находился домъ, намъ знакомой, то остановились мы въономъ и ради были, что подоспѣли къ самому тому времени, какъ ему надлежало въѣзжать, и

прибытія его уже въ каждую минуту дожидались. Но какъ я удивился, когда, надѣясь найтить тутъ обыкновенные въ такихъ случаяхъ приуготовленія, не усматривалъ вовсе никакихъ. Не было тутъ ни войскъ, стоящихъ въ парадѣ, ни пушекъ для стрѣльбы, ни музыки, ни пѣвчихъ, ни чиновниковъ, долженствующихъ встрѣчать онаго, но вороты стояли уединенно, и не было никого ни въ нихъ, ни подлѣ оныхъ. «Господи! говорилъ я что-жъ это? развѣ не успѣли еще притти сюда?» Но удивленіе мое еще увеличилось, когда вдругъ закричали, что «ѣдетъ, ѣдетъ Румянцовъ!» и мы, вмѣсто всего тріумфальнаго въѣзда, увидѣли скачущую только дорожную карету, и пролетѣвшею мимо насъ, какъ молнія, а что всего страннѣе, не поѣхавшею и сквозь самыя тріумфальныя вороты, а объѣхавшую оныя по правую сторону мимо. «Вотъ тебѣ на! воскликнулъ тогда я, поразившись удивленіемъ. Что это такое? Это и первой блинъ, но уже комомъ, и зачѣмъ-же мы, сломя голову, такъ скакали и спѣшили?»... Но скоро сказали намъ, что императрица и хотѣла-было велѣть встрѣтить его со всѣми подобающими ему почестями; но онъ самъ отклонилъ сіе отъ себя, и просилъ государыню, чтобъ не дѣлано было ему никакой церемоніальной встрѣчи, а дозволено-бъ было въѣхать запросто и по-дорожному.

Досадно было намъ невѣдомо какъ, что мы, не зная о семъ, поспѣшили своею ѣздою и пріѣхали въ Москву слишкомъ рано, ибо всѣ говорили, что самое торжество мира воспослѣдуетъ не прежде какъ чрезъ нѣсколько еще дней. Но какъ пособить было нечѣмъ, и мы уже заѣхали, то принуждены были и мы вслѣдъ за г. Румянцовымъ потащиться въ городъ, не воображая себѣ нимало, что въ Москвѣ дожидалась насъ другая, и несравненно сей чувствительнѣйшая, досада и огорченіе.

Мы располагались-было пристать въ сей разъ на Козьемъ-болотѣ, въ домѣ брата Михайлы Матвѣевича; но какъ нашли его отданнымъ въ наймы, съ оставленіемъ одной только маленькой комнатки для пріѣзда хозяевъ, то увидѣвъ, что намъ всѣмъ тутъ не можно было никакъ помѣститься, а притомъ узнавъ, что доведется намъ прожить въ Москвѣ гораздо болѣе десяти дней; то другого средства не находили, какъ для лучшаго простора и свободы пристать гдѣ-нибудь поближе къ сему мѣсту, нанять квартиру, которую, къ немалому удовольствію нашему, и нашли намъ тутъ-же, и только чрезъ улицу, и довольно покойную. Былъ хотя домикъ небольшой и низенькой, окнами на улицу, но было въ немъ покойца четыре, довольно просторныхъ и порядочно прибранныхъ, чѣмъ мы были и довольны и радовались, что случилось намъ найти квартиру сію такъ скоро и такую для себя покойную и недорогую. Но какъ мало знали мы тогда, сколь дорого доведется намъ заплатить за постой въ семъ, какому-то секретарю принадлежащемъ домикѣ!

Не успѣли мы въ ономъ расположиться, какъ на другой же день услышали, что чрезъ день послѣ того будетъ уже благодарственное о замиреніи молебствіе, и что императрица въ сей день, переѣхавъ во дворецъ кремлевской, будетъ со всею помпою изъ Грановитой палаты шествовать во всемъ своемъ императорскомъ одѣяніи и убранствѣ въ соборъ Успенской. Сіе побудило меня, нимало не медля, ѣхать въ Кремль для пріисканія мѣста, съ котораго бы намъ смотрѣть на сіе рѣдкое и пышное шествіе. Прискакавъ на Ивановскую площадь, нашелъ я ее наполненную множествомъ народа, сбѣжавшимся смотрѣть, какъ станутъ прицѣпливать на Ивановской колокольнѣ самой большой, недавно только отлитой и до нѣсколько тысячъ пудъ вѣсомъ простирающійся колоколъ. Оной стоялъ уже тогда поднятой на превысокомъ кострѣ, сгороженномъ изъ нѣсколькихъ тысячъ крестъ-на-крестъ рядами положенныхъ бревенъ. И я съ любопытствомъ смотрѣлъ на сіе никогда еще невиданное зрѣлище. Помянутыя бревна кладены были сплошными другъ на друга рядами, и всѣ меж-

ду собою связаны и укрѣплены были такъ, что несмотря на превеликую высоту сей стопы или костра, составленной изъ нихъ, не могли они разсыпаться и развалиться. Какимъ образомъ они на блокахъ колоколъ съ земли кверху тащили, и сіи ряды бревенъ подъ него подкладывали — того я уже не видалъ; ибо сіе дѣлано было до моего пріѣзда въ Москву. А я увидѣлъ его уже, при помощи сихъ бревенъ, возвышеннаго на равную пропорцію съ тѣмъ мѣстомъ на нижней колокольнѣ, гдѣ ему висѣть назначено было, и куда онъ уже горизонтально народомъ и вòротами стащенъ былъ съ сего костра, и тамъ къ перекладамъ прицѣпленъ и прикрѣпленъ, что все стоило превеликаго труда и многаго времени; и мнѣ досадно было, что короткость времени не дозволяла мнѣ дождаться сего зрѣлища, и видѣть самое производство сего рѣдкаго дѣла, а я увидѣлъ въ послѣдующій день, въ которой назначено было въ первой разъ въ него звонить, его уже привѣшаннымъ. Главное же мое дѣло было нанять для себя и для своихъ домашнихъ мѣсто, для стоянія въ будущее торжество, гдѣнибудь на сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ помостахъ; — и какъ мнѣ удалось найтить весьма хорошее, подлѣ самой Ивановской колокольни, и насупротивъ Грановитой палаты, то и спѣшилъ я предувѣдомить о томъ своихъ спутницъ.

Итакъ, по наступленіи дня, назначеннаго для богомолія и духовнаго празднества, поѣхали мы ранымъ-ранёхонько на Ивановскую площадь. Но какъ мы ни спѣшили, но нашли всю ее наполненную уже несмѣтнымъ множествомъ народа. Всѣ улицы въ Кремлѣ установлены были войсками, а подлѣ самой колокольни стояло нѣсколько вѣстовыхъ пушекъ. По всему пространству, отъ Краснаго главнаго крыльца до дверей Успенскаго собора сдѣланъ былъ помостъ, огражденной парапетомъ и устланной сукномъ краснымъ, а всѣ стѣны соборовъ и другихъ зданій окружены были, на подобіе амфитеатра, подмостками, одни другихъ возвышеннѣйшими, и всѣ онѣ установлены были безчисленнымъ множествомъ благородныхъ и лучшихъ зрителей; такъ что множество оныхъ, богатство и пестрота одеждъ ихъ представляла въ совокупленіи своемъ разительное и прелестное для глазъ позорище.

Но ничто не могло сравниться съ тѣмъ прекраснымъ зрѣлищемъ, которое представилось намъ при схожденіи императрицы съ Краснаго крыльца внизъ, въ полномъ ея императорскомъ одѣяніи и во всемъ блескѣ и сіяніи ея славы. Весь придворной ея штатъ, въ богатѣйшихъ одѣяніяхъ, послѣдовали за оною, а передъ нею шествовали разные чиновники и кавалергарды въ ихъ пышномъ и великолѣпномъ убранствѣ.

По сошествіи внизъ, тотчасъ подошла она подъ приготовленной богатой балдахинъ, несомой надъ нею знатными вельможами. Шла она весьма тихимъ шествіемъ въ порфирѣ и большой коронѣ, и глаза всѣхъ и каждаго устремлены были на оную. Въ самое сіе время застонала вся земля отъ звука и звона великаго множества колоколовъ на Ивановской колокольнѣ, и звукъ большого колокола былъ такъ великъ, что казалось, будто тряслась отъ него вся Ивановская башня, и многіе боялись даже, чтобы она не упала. Все сіе, въ совокупленіи своемъ, представляло сцену такой пышности и пріятности, что изобразить ее никакъ не можно, и минуты сіи были для всѣхъ насъ прямо восхитительными!

Какъ скоро окончилась божественная литургія, и послѣ ея благодарственной молебенъ, то при первомъ возглашеніи многолѣтія загремѣла вдругъ стрѣльба изъ пушекъ, и земля застонала отъ оной. Вслѣдъ за симъ загорѣлся и трикратной, бѣглой огонь изъ ружей отъ всего стоявшаго въ парадѣ войска; а звонъ во всѣ многочисленные колокола умножалъ собою еще болѣе стонъ и громъ, отъ того происходящій. Между тѣмъ императрица, вышедъ изъ церкви, такимъ же порядкомъ шествовала обратно въ Грановитую палату, и тамъ принимала потомъ

поздравленія отъ всѣхъ своихъ знатнѣйшихъ подданныхъ.

Долго все сіе продолжалось, и мы все сіе время стояли на своихъ мѣстахъ, и дождались до того, какъ императрица отправилась въ парадной своей каретѣ въ Пречистенской дворецъ, а вслѣдъ за нею поѣхалъ и тогдашній Наслѣдникъ, сынъ ея, съ молодою своею супругою, Натальею Алексѣевною, которую намъ тогда еще въ первой разъ случилось видѣть. Какъ въ семъ шествіи препровождаемы они были своими кавалергардами, камергерами и другими знатнѣйшими особами верхами на лошадяхъ, то и на все оное не могли мы довольно насмотрѣться и всѣмъ видимымъ налюбоваться.

Насытивъ взоры свои зрѣніемъ, а слухи всѣмъ слышаннымъ, возвратились мы на свою квартиру, и сколько были довольны тѣмъ, столько горевали о томъ, что приуготовленія для увеселительныхъ зрѣлищъ не были еще совсѣмъ готовы, и что всего того надлежало намъ дожидаться еще многіе дни сряду. И какъ было сіе необходимо, то все сіе время употребили мы на разъѣзды для свиданія съ нашими въ Москвѣ знакомыми и друзьями, также на неоднократную ѣзду на Ходынку, для смотрѣнія на всѣ дѣланныя тамъ ко всенародному празднеству приуготовленія. Вся Москва занималась тогда симъ осматриваніемъ, и мы всегда съѣзжались со множествомъ каретъ, либо туда ѣдущихъ, либо назадъ возвращающи ся оттуда.

Назначалось къ тому преобширное поле, вплоть подлѣ Москвы находящееся, и Ходынкою называемое. На небольшомъ и отлогомъ возвышеніи, посреди всего сего поля находящагося, воздвигнутъ былъ превеликой, со множествомъ комнатъ, и всходовъ и выходовъ павильонъ, могущій помѣстить въ себѣ великое множество особъ знаменитѣйшихъ и дворянства. Въ ономъ назначаемо было быть общему собранію всѣхъ лучшихъ сего торжества зрителей. Сей холмъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ разными другими зданіями и предметами. Съ одной стороны, въ недальномъ разстояніи отъ павильона, воздвигнуто было нѣкакое большое, круглое, низенькое зданіе, похожее на нѣкакой обширной замокъ, съ глухими вокругъ стѣнами, и внутри имѣвшую отверстую площадку, окруженную вокругъ съ одной стороны помянутою глухою наружною стѣною; а со внутренней— одними только колоннами, и самою легкою, на подобіе навѣса сверхъ ихъ, кровлею. Все сіе было раскрашено и расписано великолѣпнымъ образомъ; но никто тогда не зналъ, на что́ бы такое сіе зданіе такого особаго рода назначалось, но послѣ узнали мы, что оное назначаемо было для обѣденнаго стола, и что вся помянутая, длинная и узкая кругомъ галлерея установится столами.

Кромѣ сего, на подобіе крѣпости снаружи росписаннаго круглаго зданія, воздвигнуто было другое, также низенькое, но полукруглое зданіе, составленное изъ множества прекрасно сдѣланныхъ лавочекъ, наполненныхъ разными купеческими товарами и украшенныхъ также изящнымъ образомъ. Зданіе сіе отдѣлено было отъ лѣваго фаса главнаго павильона небольшою только площадкою, и для выхода къ оному устроено было особое крыльцо. Всѣ не понимали тогда, на что́-бъ такое и сіе зданіе, съ такимъ множествомъ лавокъ и товаровъ, было устроено, и многіе мечтали уже, что императрица будетъ одарять сими товарами всѣхъ своихъ гостей, или присутствующихъ на семъ торжествѣ дворянъ; и разнесшаяся о томъ въ народѣ молва побуждала и тѣхъ присутствовать при ономъ, которые сперва и не имѣли къ тому хотѣнія. Но послѣ узнали, что какъ все сіе обширное поле долженствовало аллегорически изображать ту маленькую и ничего незначущую частичку полуострова Крыма, которую пріобрѣли мы себѣ чрезъ заключеніе мира, и которая была единственнымъ плодомъ толь многихъ побѣдъ и пролитой толь многой человѣческой крови; то окружающая сей холмъ съ двухъ прочихъ сторонъ низменная, и надолбами отъ сего холма отдѣленная равнина

должна была представлять часть Азовскаго моря, а холмъ — пріобрѣтенную частичку полуострова Крыма, большой павильонъ—городокъ Еникуль, круглое зданіе — крѣпость Керчь, а полукруглое — Таганрогъ, какъ мѣсто, назначаемое для будущей великой торговли. Какъ и самые товары въ лавкахъ долженствовали предзнаменовать сію торговлю, всходствіе чего и подѣлано было нѣсколько небольшихъ морскихъ судовъ, и разстановлены съ ихъ мачтами и флагами, въ разныхъ мѣстахъ на оной равнинѣ, представляющей море, будто бы плавающими, въ разсужденіи которой не могъ я надивиться, что не пришло никому въ мысль предложить, чтобъ велѣть всю ее вспахать, или съ нея снять зеленый дернъ, и тѣмъ придать болѣе вида воды и моря, а холмъ оставить бы зеленой.

Далѣе, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ праваго его фаса, воздвигнутъ былъ цѣлый рядъ другъ отъ друга отдѣленныхъ зданій совсѣмъ особаго рода. Со стороны отъ большого павильона, представляли они совершенное подобіе большихъ купеческихъ трехмачтовыхъ кораблей, съ ихъ мачтами, вымпелами, флагами, и со всѣмъ такелажемъ; и все сіе устроено было такъ искусно, что зрѣніе легко могло обманываться и почесть ихъ настоящими, будто подлѣ берега на морѣ стоящими кораблями. Съ задней же стороны были они всѣ отверзтые, и всею внутренностію своею составляли спокойныя галереи, устроенныя для смотрѣнія изъ нихъ огромнаго фейерверка, устроеннаго и приуготовляемаго позади ихъ.

Кромѣ сего, воздвигнутъ былъ также въ довольномъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ задней его стороны, особой и нарочно для сего случая построенной театръ для увеселенія публики театральнымъ безденежнымъ представленіемъ. Для увеселенія же подлаго народа подѣлано было прямо противъ передняго фаса павильона, за помянутою равниною, представляющею море, множество круглыхъ качелей, открытыхъ театровъ и воздвигнутыхъ шестовъ для лазанія и сниманія съ нихъ разныхъ вещей, назначенныхъ въ награду тѣмъ, коимъ удастся взлѣсть на оные. Сдѣланы также были приуготовленія къ тому, чтобъ эквилибристамъ ходить по веревкамъ и утѣшать народъ, и прочія тому подобныя забавы. Всѣ сіи отдаленные берега долженствовали означать Барабинскую степь, и разные тамошніе народы.

Наконецъ, вся лежащая отъ города до помянутаго павильона, и болѣе нежели на версту простиравшаяся выровненная и выглаженная дорога, украшена была съ одного бока разными иллюминаціонными украшеніями, а съ другой—множествомъ большихъ обрѣзныхъ щитовъ, съ проспективическими изображеніями разныхъ родовъ избушекъ, хижинъ и другихъ деревенскихъ зданій, нарисованныхъ довольно живо и такъ, что издали они казались настоящими зданіями.

Вотъ сколько разныхъ вещей и предметовъ надѣлано было на семъ обширномъ полѣ. Всѣ они достойны были зрѣнія; почему и неудивительно, что вся Москва съѣзжалась смотрѣть оные, и что не было дня, въ которой не было-бъ оно усѣяно множествомъ каретъ и всякаго народа. Совсѣмъ тѣмъ какъ фейерверкъ былъ еще не готовъ, и надлежало нѣсколько дней до изготовленія его дожидаться, то тещѣ моей не восхотѣлось дожидаться онаго, но она упросила насъ отпустить ее съ излишними лошадьми назадъ въ Кіясовку, къ оставшимъ тамъ нашимъ малюткамъ-дѣтямъ.

Не успѣла она отъѣхать, какъ вскорѣ послѣ ее и случилось съ нами то досадное и непріятное происшествіе, о которомъ упоминалъ я вскользь уже выше сего. Было сіе, какъ теперь помню, на самой Ильинъ-день. Для сего праздника восхотѣлось боярынямъ нашимъ, по обыкновенной набожности своей, сходить въ ближнюю церковь къ обѣдни. Всѣ мы туда и пошли, оставивъ послѣ себя въ квартирѣ однѣхъ только бывшихъ съ

нами женщинъ, приказавъ имъ сидѣть въ комнатахъ; а особливо дѣвкѣ жены моей не выходить изъ нашей спальни, изъ которой низенькія окошки простирались на улицу. Не успѣли мы, отслушавъ обѣдню, возвратиться назадъ, и жена моя начать раздѣваться, какъ вознадобился ей для какой-то поклажи умывальной ея ларчикъ. Она велѣла его дѣвкѣ подать, по хвать—его какъ не бывало! искать его тамъ, искать индѣ, и нигдѣ не находила. Стоялъ онъ въ спальнѣ, на поставленномъ въ углу большомъ столѣ, но его не было. «Батюшки мои! твердила Анпушка наша: куда же онъ дѣлся, стоялъ вотъ тутъ! я недавно на него смотрѣла: и не знаю, не вѣдаю, куда онъ дѣвался».—«Государи мои!» твердили прочія, и всѣ начали его всюду и всюду искать; но его простылъ давно уже и слѣдъ. Словомъ, онъ благополучно былъ у насъ, по небреженію госпожи Аннушки, горничной нашей дѣвушки, украденъ. День случился тогда жаркой, сидѣть ей въ спальнѣ было душно. Она изволила растворить окошечко на улицу, и усѣсться сидѣть передъ онымъ, и галиться на народъ, мимо ходящій. Но вдругъ захотѣлось ей выттить на дворъ; она прыгъ-таки туда, позабывъ затворить окно, и въ самое сіе кратковременное ея отсутствіе гдѣ ни возьмись какой-то бездѣльникъ прохожій; и какъ окошко было не выше аршина отъ земли, то онъ, примѣтивъ, что въ комнатѣ никого не было, и заглянулъ въ нее, и увидѣвъ стоявшій неподалеку отъ окошка на столѣ оной ларчикъ, не долго думая, цапъ его царапъ, и навострилъ съ нимъ лыжи. Къ несчастію нашему, никто сего не видалъ и не примѣтилъ. Самая умница, дѣвушка наша, возвратившаяся въ тотъ же почти часъ, и не подумала поглядѣть, цѣло-ли все въ комнатѣ, и усѣлась опять подъ окошечко, галиться на прохожихъ, и не прежде ларчика встрянулась, какъ велѣли ей подавать его.

Какъ скоро по долговременномъ и тщетномъ исканіи въ дѣйствительной пропажѣ онаго мы удостовѣрились, и по признаніи дѣвки, что она на нѣсколько минутъ изъ спальни отлучалась, позабывъ закрыть окошко, навѣрное могли заключать, что онъ тяпнутъ былъ какимъ-нибудь прохожимъ, то, Господи! какое началось тогда туженье и гореванье объ немъ жены моей; но и было о чемъ тужить и горевать. Ларчикъ самъ по себѣ хотя и ничего не значилъ, но въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ скляночекъ и другихъ женскихъ бездѣлушекъ, находились разныя и другія вещицы, несоставляющія бездѣлки. Однихъ кое-какихъ алмазныхъ и бриліантовыхъ вещей было болѣе нежели на триста рублей, а полагая вмѣстѣ съ прочими, было всего рублей на 500 или болѣе.

Претерпѣніе такого убытка, и притомъ столь внезапное и неожидаемое, долженствовало натурально быть для жены моей очень прискорбно и чувствительно, и она, по женскимъ слабостямъ своимъ, не могла удержаться, чтобы не пролить нѣсколькихъ слезъ о сей потерѣ. А признаться, что и самому мнѣ произшествіе сіе было досадно и непріятно. Убытокъ, претерпѣнной нами, былъ хотя и не совсѣмъ разорительной, но довольно еще сносной и тѣмъ паче, что многія вещицы были такія, безъ которыхъ можно было обойтиться, однако все было жаль; а пуще всего жалѣлъ я о украденномъ тутъ же перстенькѣ, сдѣланномъ изъ собственныхъ своихъ дворяниновскихъ каменьевъ, найденныхъ въ кремняхъ, и столь чистыхъ, что походили они на самые бриліанты, и многіе почитали ихъ алмазами, хотя они ничего иного не составляли, какъ проросль кремневую. И какъ они самою натурою были прекрасно огранены, то и велѣлъ я изъ нихъ сдѣлать перстень, и былъ онъ довольно изрядной.

Потуживъ и погоревавъ о сей пропажѣ, хотѣли-было мы объ ней публиковать въ городѣ чрезъ полицію; но какъ сказали намъ, что потребно было на необходимыя притомъ издержки болѣе пятидесяти рублей деньгами, то, не надѣясь получить отъ того дальней и вѣрной пользы, не разсудили мы умножать тѣмъ только свой

убытокъ, и оставили наживаться нашими вещицами тому, кому восхотѣлось насъ тѣмъ обидѣть.

Вскорѣ засимъ насталъ день, назначенной для Ходынскаго торжества, и хотя у жены моей и не весьма весело было на сердцѣ, но не отреклась и она со всѣми нами ѣхать для смотрѣнія сего невиданнаго и рѣдкаго праздника. Всѣ лучшіе люди и все находившееся тогда въ Москвѣ дворянство съѣхалось съ самаго утра въ помянутой большой павильонъ; и какъ надлежало намъ препроводить тамъ весь день и большую часть ночи, то не преминули мы запастись коекакою провизіею, чтобъ намъ сей день не провесть голодными, и постараться поставить карету свою поближе и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы намъ ее отыскать было можно; что намъ и удалось.

По пришествіи въ павильонъ, нашли мы его уже весь наполненнымъ народомъ, и тутъ имѣли мы удовольствіе видѣть всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ вельможъ, отчасти находившихся уже тутъ, отчасти при насъ пріѣзжающихъ, а между тѣмъ досыта налюбоваться гвардейскими унтеръофицерами, стоявшими при всѣхъ дверяхъ на часахъ. Они въ сей день убраны были отмѣнно хорошо, и сіяли отъ множества серебра, на нихъ находившагося. Но всего пріятнѣе были серебряныя ихъ каски или шишаки съ большими страусовыми перьями на головахъ, также перевязи, лежащія на нихъ крестъ-на-крестъ; и какъ сверхъ того всѣ они были люди молодые и собою статные, и пригожіе, и выбраны были наилучшіе изъ молодыхъ дворянъ, то и представляли они прекрасное собою зрѣлище.

Наконецъ пріѣхала Императрица, и началось тѣмъ самое торжество. Она встрѣчаема была пушечною пальбою и морскою музыкою, поставленною на судахъ, посреди равнины стоявшихъ и опускающихъ предъ нею свои вымпелы. Трубы и литавры на нихъ тотчасъ загремѣли, и зрѣлище сіе было пріятное. Предъ обширномъ крыльцомъ павильона встрѣтили се всѣ бывшіе тутъ вельможи и чиновники. Она, вошедъ, принимала отъ всѣхъ поздравленія, и прошла тотчасъ въ боковую пространную компату, куда послѣдовали за нею первѣйшіе вельможи и съ ними и сынъ ея, тогдашній Цесаревичъ. Не видавши его вблизи съ самаго 1762 года, удивился я той ужасной перемѣнѣ, какую произвело въ немъ тринадцатилѣтнее время.... Но никто не обращалъ на себя такъ многіе взоры, какъ герой сего торжества — графъ Румянцовъ: повсюду слѣдовали за нимъ цѣлымъ табуномъ, и никто не могъ на него довольно насмотрѣться. Находился тутъ же и князь мой, но онъ, между множествомъ знаменитѣйшихъ бояръ и вельможъ, былъ почти совсѣмъ неприметенъ.

Чрезъ часъ времени послѣ сего пошла Императрица, въ послѣдованіи всѣхъ своихъ придворныхъ и другихъ знаменитѣйшихъ особъ, въ помянутое круглое зданіе, называемое Керчью, къ обѣденному столу, покрытому болѣе, нежели на 200 кувертовъ, и придворная музыка загремѣла тотчасъ по вшествіи туда оной. И какъ обѣдъ продолжался не мало времени, то воспользовались и мы симъ временемъ, и протѣснившись сквозь толпу, продрались кое-какъ до своей кареты, и въ ней порядочно себѣ пообѣдали; а услышавъ, что столъ кончился и Государыня опять возвратилась въ павильонъ, поспѣшили и мы туда же притти. И тогдато имѣли мы совершенное удовольствіе насмотрѣться, сколько хотѣли, императрицы. Она провела почти все послѣобѣднѣйшее время въ играніи съ нѣсколькими изъ знаменитѣйшихъ вельможъ въ карты, сидючи посрединѣ лѣваго отдѣленія, и временно только взадъ и впередъ прохаживалась. И какъ всѣмъ дозволено было безпрепятственно ходить по всѣмъ комнатамъ павильона, то и окруженъ былъ столъ ея всегда превеликимъ кругомъ изъ нашей братіи: а въ томъ и состояло наилутчее удовольствіе публики, что она могла безпрепятственно и въ самой близи монархиню свою видѣть. Ибо, впрочемъ въ теченіи дня происходила только скачка и пляска, качанье и другія на-

родныя забавы и увеселенія на степяхъ Барабинскихъ, но которыми никто изъ благородныхъ не занимался, а изъ сихъ многіе только гуляли по Таганрожскому гостиному двору и расхаживали по галлереѣ, сдѣланной передъ лавками, украшенныхъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ дорогихъ товаровъ. Въ каждой изъ нихъ сидѣли и сидѣльцы, но продажи никому и никакой не производилось, что самое и подкрѣпляло многихъ въ мечтательной надеждѣ, что товары сіи приготовлены тутъ для одѣленія ими всего дворянства. Многіе были такъ твердо въ семъ мнѣніи удостовѣрены, что боясь не упустить того случая, когда Государыня туда пойдетъ и начнетъ ими всѣхъ жаловать, не пошли даже и въ театръ, въ которомъ предъ наступленіемъ вечера начинались театральныя представленія, но сидѣли безотлучно на ступеняхъ крыльца къ помянутому гостиному двору, и съ нетерпѣливостію ожидали шествованія туда императрицы, у которой того и въ мысляхъ не было; и они всѣ принуждены были съ стыдомъ увидѣть наконецъ свою ошибку.

Что касается до насъ, то и намъ не удалось тогда быть въ театрѣ тутошнемъ, и удержали насъ отъ того наиболѣе тихіе многихъ между собою переговоры, что сей на скорую руку построенной и кое-какъ слѣпленный театръ, былъ якобы опасенъ, и что боялись всѣ, чтобъ онъ отъ множества народа не завалился. Къ тому-жъ, боялись и тѣсноты самой, а сверхъ того, какъ и Императрица туда не ходила, такъ и не было дальнаго привлеченія; а мы за спокойнѣйшее и пріятнѣйшее для себя находили препроводить все время до наступленія вечера въ расхаживаніи съ прочими по всѣмъ компатамъ и въ созерцаніи своей императрицы.

Наконецъ наступилъ и вечеръ, и появились вездѣ зажигаемые иллюминаціонные огни, которыхъ было по всѣмъ мѣстамъ и окрестностямъ безчисленное множество, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ. И какъ вскорѣ засимъ начали дѣлать приуготовленія къ зажиганію фейерверка, то я, не упуская времени и прежде еще отшествія Государыни въ корабли, поспѣшилъ туда, чтобы захватить для себя удобное мѣсто для смотрѣнія, и былъ такъ счастливъ, что и нашелъ наипрекраснѣйшее мѣсто въ одномъ изъ кораблей, стоящихъ въ сторонѣ правой; и могу сказать, что весь фейерверкъ съ нашего корабля былъ несравненно лучше виденъ, нежели изъ самаго средняго, съ котораго смотрѣла сама императрица и въ которой, кромѣ знатнѣйшихъ особъ, никого не пускали, ибо такъ случилось, что вѣтерокъ несъ весь дымъ отъ зажженыхъ щитовъ съ праваго крыла на лѣвой. Слѣдовательно, для насъ всѣ горящія фигуры тотчасъ очищались, а для зрителей съ другихъ кораблей заслонялись дымомъ, и они многаго не могли за дымомъ симъ совсѣмъ видѣть.

Совсѣмъ тѣмъ фейерверкъ сей былъ преславной, и не только знаменитъ своею огромностію, но и всѣмъ своимъ расположеніемъ, сдѣланнымъ съ наилучшимъ вкусомъ. Представлено было три огромныхъ щита: одинъ, въ срединѣ, фитильной изъ огней разноцвѣтныхъ; другой изъ селитреныхъ свѣчекъ; а третій прорѣзной, освѣщенной сзади множествомъ вертящихся огненныхъ колесъ, и всѣ, прямо можно сказать, пышные, великолѣпные и зрѣнія весьма достойные. Всѣ они зажжены были не вдругъ, а одинъ послѣ другого, а между тѣмъ представляемы были разныя другія огненныя декораціи, составленныя изъ превеликаго множества разнообразно вертящихся огненныхъ колесъ, звѣздъ, солнцевъ, огненныхъ фонтановъ и бураковъ, съ выпускаемыми изъ нихъ швермерами и лусткугелями, разсыпающимися на воздухѣ безчисленными брилліантовыми звѣздами. На всѣ сіи декораціи было еще пріятнѣе смотрѣть, нежели на щиты самые: было ихъ такое множество, что мы всѣ глаза свои, смотря на нихъ, растеряли. Для слуха же въ особенности поразительны и увеселительны были, такъ-называемые, подземные огни, производящіе трескотню превеликую. Но ничто не могло сравниться съ такъ-называе-

мымъ павлинымъ хвостомъ. Составленъ онъ былъ изъ безчисленнаго множества ракетъ, зажженыхъ и пущенныхъ въ одно время съ двухъ сторонъ, въ противуположномъ другъ другу направленіи, дабы всѣ онѣ представляли собою дѣйствительно нѣкоторое подобіе павлиннаго распростертаго ужасной величины хвоста. И можно сказать, что послѣднее сіе зрѣлище было безподобное и такое, на которое безъ пріятнаго восхищенія никому смотрѣть и довольно имъ налюбоваться было не можно. Всѣ сіи ракеты, простиравшіяся числомъ до 700, начинены были горящими звѣздами, и какъ онѣ начали лопаться, то казалось, что воспламенилось тогда все небо и посыпался на насъ цѣлой дождь изъ звѣздъ горящихъ. Словомъ, зрѣлище было презорочное, и никакое перо не можетъ описать и изобразить всю его пышность и великолѣпіе.

Сіе было послѣднее явленіе, и онымъ кончился весь нарочито долго и почти цѣлыхъ два часа продолжавшійся фейерверкъ, а вкупѣ и все тогдашнее торжество. Государыня тотчасъ послѣ того отправилась во дворецъ, а вслѣдъ за нею начали и всѣ разъѣзжаться, съ которыми и я, насилу отыскавши своихъ боярынь, смотрѣвшихъ фейерверкъ сей изъ павильона, и побоявшихся итти на корабли, въ городъ уже послѣ полуночи возвратился, насмотрѣвшись и наслушавшись всего досыта.

Послѣ сего не стали мы уже долго медлить въ Москвѣ, но повидавшись еще со всѣми нашими родными, друзьями и знакомыми, бывшими тогда въ Москвѣ, а я побывавъ еще разъ у старика своего князя и распрощавшись съ нимъ, поѣхали обратно въ Кіясовку съ головами, наполненными мыслями и воображеніями обо всемъ видѣнномъ и случившемся съ нами, и будучи сколько съ одной стороны довольны тѣмъ, что намъ удалось все по желанію видѣть и всему досыта насмотрѣться, столько-жъ горюя о своей пропажѣ, которую не могли мы долгое время забыть и которая и понынѣ еще намъ памятна.

Симъ окончу я сіе мое письмо, достигшее уже до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 12 дня 1809 года).

Письмо 182-е.

Любезный пріятель. Такимъ образомъ съѣздили мы въ Москву, погулялись, повеселились, и заплативъ за все то довольно дорого, возвратились назадъ въ Кіясовку. Тутъ нашли мы всѣхъ малютокъ своихъ дѣтей и съ ихъ бабушкою въ добромъ здоровьѣ. Сія ничего еще о пропажѣ нашей не вѣдала, и узнавъ, потужила и она о нашемъ убыткѣ; но какъ пособить было нечѣмъ, то погоревавъ о томъ, наконецъ и перестали, и принялись за прежнія свои дѣла и упражненія.

Не успѣлъ я пріѣхать, какъ въ тотъ же день обрадованъ былъ полученіемъ опять довольно толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Содержалъ онъ въ себѣ XXVI-ю часть «Трудовъ» Общества и опять безъ переплета, и письмо Нартова, писанное еще 1-го іюля. Въ части сей хотя не было никакого моего сочиненія напечатаннаго, но Нартовъ увѣдомлялъ меня, что сочиненіе мое о хмѣлѣ вѣрно напечатано будетъ. Впрочемъ, благодаривъ меня за присылку окаменѣлостей, наваливалъ на меня новой трудъ, а именно, чтобъ наловить бабочекъ разныхъ, и прислать къ нему взоткнутыя на булавкахъ, для удовлетворенія его смертельной охоты до натуральной исторіи. Я усмѣхнулся сему новому предложенію, и думалъ и не думалъ желаніе его исполнить, поелику бабочекъ въ нашихъ мѣстахъ никакихъ особыхъ и рѣдкихъ не было, а простыя посылать не стоило трудовъ и убытковъ. Однако я, въ отвѣтѣ своемъ на его письмо, не разсудилъ ему совсѣмъ въ томъ отказать.

По отправленіи сего отвѣта, принялся я за переписываніе набѣло первой части

моей «Дѣтской философіи», которое дѣло давно уже было начато, но еще не окончано; а въ сей разъ побуждало меня къ тому то, что въ бытность свою въ Москвѣ имѣлъ я случай спознакомиться съ однимъ нѣмцемъ, живущимъ въ типографіи, по прозванію **Гиппіусомъ**. Сей человѣкъ былъ пріятелемъ нашему лекарю, которой и рекомендовалъ ему меня и просилъ, чтобъ онъ помогъ мнѣ при желаемомъ мною отданіи въ печать помянутой книги. Добродушной сей человѣкъ съ удовольствіемъ и принялъ на себя сію коммиссію и просилъ меня, чтобы я только прислалъ къ нему свой манускриптъ, а онъ ужъ постарается о томъ, чтобъ оной напечатанъ былъ въ типографіи университетской, при которой былъ онъ опредѣленъ къ какой-то должности. Итакъ, дописавъ скорѣе оную, я къ нему тогда же часть сію и отправилъ.

Все достальное время тогдашняго лѣта и первые осенніе мѣсяцы протекли у насъ почти непримѣтно и безъ всякихъ важныхъ произшествій. Мы провели ихъ довольно весело, въ частыхъ свиданіяхъ и съѣздахъ съ тутошними нашими сосѣдями, которые всѣ искренно насъ, а мы ихъ полюбили; почему не приходило почти недѣли, въ которую мы не имѣли бы между собою свиданія, либо угащивая ихъ у себя, либо бывая у нихъ въ гостяхъ. Кромѣ того удосужился я съѣздить и въ свою деревню на нѣсколько дней, и будучи тамъ объѣздить и тамошнихъ нашихъ родныхъ и сосѣдей; также взглянуть и на сады свои, начинавшіе уже мало по малу спротѣть безъ меня; ибо за отсутствіемъ моимъ не было въ нихъ никакихъ новыхъ присовокупленій, а садовники мои едва успѣвали поддерживать сколько-нибудь въ нихъ прежнія заведенія.

Ѣзжали мы также нѣсколько разъ и къ родственникамъ нашимъ въ Воскресенки, и въ одну таковую поѣздку къ нимъ, вмѣстѣ съ пріѣхавшею къ намъ теткою **Матреною Васильевною**, нагоревались и насмѣялись мы довольно, ѣдучи сквозь большой и густой Хотунской лѣсъ. Случилось намъ предпринять ѣзду сію вскорѣ послѣ бывшаго и нарочито продолжительнаго ненастья, отъ котораго въ лѣсу этомъ наполнены были всѣ рытвины и ямы на дорогѣ водою. Ихъ было такое множество, что не могу и понынѣ позабыть, какъ онѣ намъ тогда досадны были: таки изъ одной рытвины и калдобины въ другую, а изъ другой въ третью, той еще величайшую. А нерѣдко въѣзжали мы въ такую, въ которой саженъ по десяти, по двадцати должны были ѣхать и плыть почти водою. Всѣ онѣ прескверныя, кривыя и преглубокія, и мы того и смотрѣли, чтобъ не быть намъ на боку, или чтобъ чего подъ каретою не испортилось бы. Спутница наша, Матрена Васильевна, крайне была во всѣхъ такихъ случаяхъ боязлива, и не успѣетъ карета пошатнуться на бокъ, какъ поднимала аханье и крикъ; а какъ и самъ я былъ невеликой въ такихъ случаяхъ герой, и такихъ дорогъ терпѣть не могъ, то было у насъ съ нею и крика и смѣха довольно. Обоимъ намъ съ нею хотѣлось лучше иттить пѣшкомъ, нежели терпѣть ежеминутно страхи, но какъ по несчастію и того учинить было намъ никакъ не можно, по чрезвычайной узкости дороги, и потому, что и по сторонамъ въ лѣсу вездѣ была вода и грязь; то принуждены мы были, сжавши сердце, сидѣть въ каретѣ и отъ горя и досады для смѣха начать считать всѣ сіи калдобины и ямы съ водою. И какъ удивились мы, когда на разстояніи какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, насчитали ихъ малыхъ и большихъ болѣе 400; и каждая изъ нихъ стоила намъ аханья и крика. Вотъ какова случилась намъ тогда сквозь сей проклятой лѣсъ дорожка.

Въ другой разъ, при случаѣ ѣзды къ другу нашему, г. Шушерину, въ гости, и при возвращеніи отъ него перестращены мы были наивеличайшею опасностію, которой подвергся-было малютка сынъ мой. Случилось такъ, что въ сей разъ брали мы его съ собою, и какъ ѣхали мы тогда по хорошей дорогѣ очень скоро и онъ, по обыкновенію своему,

стоялъ посреди кареты, прислонившись къ дверцамъ и смотря въ окно, то вдругъ растворись дверцы, и онъ въ тотъ же мигъ полетѣлъ изъ кареты. Мы помертвѣли сіе увидѣвъ; но едва только закричали: «ахъ! ахъ!» какъ по особливому счастію и по благости Господней къ намъ и къ сему нашему птенцу, успѣлъ еще я ухватить его за руку, попавшемуся между каретою и дрогами, и уже висѣвшаго. Не можно изобразить, какъ много были мы симъ случаемъ перепуганы, а вкупѣ и обрадованы тѣмъ, что намъ удалось еще его спасти отъ неминуемой погибели; ибо бѣдняжку сего переѣхало бы непремѣнно колесо, и онъ не пикнулъ бы отъ того. Мы возсылали тогда тысячу благодареній Господу и сдѣлались впредь уже гораздо осторожнѣйшими, и съ того времени полно давать дѣтямъ волю стоять у дверецъ и облокачиваться на оныя.

Еще памятно мнѣ, что въ теченіе сего лѣта имѣли мы во время созрѣнія вишенъ превеликое удовольствіе при ѣздѣ въ село Спасское. Родилось ихъ въ тамошнемъ саду такое великое множество, какого я никогда еще не видывалъ, и мы, ѣздивши туда всѣ для обиранія оныхъ, не могли ими довольно налюбоваться и набрали ихъ тогда множество четвериковъ.

Неменьшее удовольствіе доставили намъ и въ сей годъ грибы, родившіеся въ рощахъ опять въ преудивительномъ множествѣ. И мы нѣсколько разъ ѣзжали со всѣмъ своимъ семействомъ въ тамошніе лѣса и рощи, и возвращались всегда съ богатою добычею.

Предъ наступленіемъ же осени утѣшила насъ такимъ же образомъ и златотысячница. Сей, толико славной въ медицинѣ, но не вездѣ и не всегда родящейся, врачебной травки былъ въ сей годъ превеликой урожай, такъ что мы, ѣздивши сами и также цѣлою компаніею, нарвали ее съ цѣлой возъ. Но никто симъ такъ доволенъ не былъ, какъ нашъ лекарь: онъ наварилъ даже изъ ней множество экстракта и запасся имъ на многіе годы, говоря, что экстрактъ сей составляетъ сущее сокровище.

Между тѣмъ не упускалъ я ничего, что нужно было къ наблюденію и по моей должности. Я смотрѣлъ за всѣми производившимися разными работами, а не менѣе за новоманернымъ своимъ семипольнымъ хлѣбопашествомъ, и во время уборки ржи выдумалъ двѣ вещицы, достойныя замѣчанія. Первая состояла въ обиваніи привозимыхъ съ поля ржаныхъ сноповъ объ сдѣланныя изъ кольевъ пирамидки, для полученія чрезъ то самыхъ лучшихъ и зрѣлѣйшихъ зеренъ на сѣмяна; а вторая въ изобрѣтеніи особаго рода большихъ граблей, для сгребанія ими на лошади остающихся на полѣ отъ жнитва обломавшихся и валяющихся колосьевъ; которая выдумка, по удобности и полезности, казалась мнѣ столь примѣчанія достойною, что я не за излишнее почелъ донести о томъ и нашему Экономическому Обществу, и сочинивъ о семъ пьесу, и пріобщивъ граблямъ моимъ рисунокъ, отправилъ оную при письмѣ къ г. Нартову въ Петербургъ.

Впрочемъ не оставлялъ я во всѣ праздные и свободные часы заниматься и литературою, также и ученіемъ молодцовъ, у меня жившихъ. Легко можно заключить, что не позабываема была и ботаника, но продолжаемо было по прежнему узнаваніе и собраніе травъ врачебныхъ. Въ сихъ хотя и не имѣлъ уже я такой большой надобности, какъ прежде, ибо по случаю основаннаго и приведеннаго уже въ порядокъ гошпиталя, всѣ больные могли уже адресоваться къ лекарю; однако, несмотря на то, многіе изъ постороннихъ все еще продолжали ко мнѣ приходить съ прошеніемъ простыхъ лекарствъ, то и въ сіе лѣто удалось мнѣ помочь многимъ, и чрезъ то опытностію удостовѣриться въ особенной полезности нѣкоторыхъ травныхъ тинктуръ или настоекъ, равно какъ и смѣси нѣкоторыхъ травъ для декоктовъ и припарокъ, а особливо моего элексира, простуднаго декокта, настойки глазной, паче всего неоцѣненнаго декокта отъ болѣзней горла.

Еще памятно мнѣ, что имѣли мы въ сіе лѣто превеликую тревогу отъ случившагося въ селѣ нашемъ пожара, обратившаго нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ пепелъ. Сей несчастной случай доставилъ мнѣ новой и довольно знаменитой кусокъ работы. Ибо какъ все сгорѣвшее мѣсто надлежало оставить празднымъ для расположенія будущаго дворцоваго строенія, то и надобно было всѣхъ погорѣвшихъ снабжать лѣсомъ и селить ихъ въ другомъ и на новомъ мѣстѣ, и уже порядочнѣе прежняго.

Кромѣ сего имѣлъ я не одинъ, а нѣсколько разъ тревогу отъ пожаровъ, но иного рода, а именно отъ дѣлавшихся въ лѣсахъ тамошнихъ. Не успѣлъ осенью листъ съ деревъ начать обваливаться, какъ и появились сіи, совсѣмъ для меня новыя и до того времени невиданныя зрѣлищи. Загорался обвалившійся съ деревъ и лежащій на землѣ сухой листъ; и горѣніе какъ онаго, такъ и всего низкаго кустарника распространялось по всему лѣсу такъ скоро, и огонь усиливался съ такою скоропостижностію, что всякой разъ, какъ прибѣгали ко мнѣ о томъ сказывать, принуждены мы бывали бить въ колокола въ набатъ и выгонять весь народъ, отъ мала до велика, въ лѣсъ для тушенія онаго. Легко можно заключить, что при всякомъ такомъ случаѣ принужденъ бывалъ и самъ я безъ души скакать въ лѣсъ, и не только принуждать народъ къ погашенію огня, но и придумывать и употреблять всѣ способы къ скорѣйшему потушенію огня, и пресѣченію скораго его по землѣ бѣгства.

Долго я не зналъ и не могъ ни отъ кого добиться, отчего такія бѣдствія начинались и такъ часто происходили, и чѣмъ бы сіе зло отвратить было можно. И насилу-насилу распровѣдалъ и узналъ, что причиною тому никто иной былъ, какъ ребятишки, пасущіе на прогалинахъ, между лѣсовъ, лошадей и скотину. Бездѣльники сіи не столько для обогрѣванія себя, сколько изъ единой шалости разводили и разжигали большіе огни на кучахъ муравьиныхъ. А оттого самаго и загорался близлежащій на землѣ листъ, которой и сами они иногда еще для потѣхи зажигали. Не успѣлъ я сего узнать, какъ тотчасъ симъ забавамъ ихъ и конецъ положилъ, и единственно тѣмъ, что собравъ всѣхъ опыхъ, сколько ихъ ни было въ селѣ, велѣлъ всѣхъ, и правыхъ и виноватыхъ, пересѣчь розгами а чрезъ то и унялись наши пожары, которые мнѣ и весьма-было уже наскучили.

Вскорѣ за симъ случилась намъ надобность, и противъ чаянія и желанія нашего, побывать опять на короткое время въ своей деревнѣ. Но ѣзда наша туда была въ сей разъ такова, что мы весьма долго ее помнили, и помнимъ даже и понынѣ. Она имѣла ту особливость, что сопряжена была для насъ со множествомъ бѣдъ и непріятностей; и число ихъ было такъ велико, и послѣдовали онѣ другъ за другомъ такъ скоро, что мы не могли тому довольно надивиться, и только и твердили: «Ахъ, батюшки мои! что это такое? Бѣды по бѣдамъ, да и только всего!» И возможно-ли? Было ихъ всѣхъ, и маленькихъ и большихъ, въ теченіе двухъ сутокъ болѣе сорока̀, ибо мы съ горя, и удивляясь онымъ, принуждены были ихъ уже считать. Случись же такой негодной выѣздъ!

Но что всего удивительнѣе, то всѣ онѣ были въ нѣкоторомъ отношеніи одинаковы; а именно, что оканчивались безъ дальнаго вреда, такъ что мы, замѣтивъ сіе, заключали то же и о всѣхъ послѣдовавшихъ послѣ и тѣмъ себя утѣшали заблаговременно, и дѣйствительно въ надеждѣ своей не ошибались. Словомъ, путешествіе сіе было такъ достопамятно, что я, возвратясь въ Кіясовку, для смѣха и курьезности описалъ его во всей подробности, и жалѣю и понынѣ, что пожаръ похитилъ у меня сіе описаніе, почему и могу я теперь разсказать объ ономъ только то, что могу упомнить; ибо прочіе, по прошествіи многихъ съ того времени лѣтъ, не могу уже никакъ припомнить.

Поводомъ къ путешествію сему была просьба деревенской нашей сосѣдки, Анны Николаевны, молодой вдовы, остав-

шейся послѣ покойнаго родственника моего, Матвѣя Никитича Болотова. Госпожѣ сей наскучилось уже сидѣть вдовою, и захотѣлось выйти опять замужъ. Сыскался изъ сосѣдственнаго дворянства выгодной женишокъ, восхотѣвшій судьбу свою соединить съ нею; и дѣло у нихъ было тотчасъ между собою слажено, и они спроворили тѣмъ такъ скоро, что мы не прежде о томъ узнали, какъ прискакала она съ матерью своею къ намъ, умолять насъ Христомъ и Богомъ, не оставить ихъ при семъ случаѣ своимъ присутствіемъ и вспоможеніемъ, поелику онѣ никого съ своей стороны, а особливо изъ мужчинъ не имѣютъ.

Какъ время тогда было уже осеннее а къ тому-жъ въ ненастную и дурную погоду, то и не хотѣлось намъ никакъ въ сіе путешествіе, а особливо на свадьбу, пускаться; и мы отговаривались-было сперва долго отъ того. Но поклоны и неотступныя просьбы убѣдили наконецъ насъ дать слово и на то согласиться.

Итакъ, собравшись и оставивъ матушку-тещу съ дѣтьми въ Кіясовкѣ, и поѣхали мы съ женою и большою дочерью тетки Матрены Васильевны, случившеюся тогда у насъ, и ея дѣвушкою въ большой нашей каретѣ домой. И поелику дни тогда начинали уже становиться короткими, а намъ хотѣлось въ тотъ же день поспѣть въ свою деревню, то и поспѣшили мы своимъ выѣздомъ и выѣхали со двора довольно еще рано. Но не успѣли верстъ трехъ отъѣхать, какъ закричали наши лакеи: «Стой! стой! оборвались ремни подъ каретою, надобно поправить и починить». — «Экая бѣда!» сказали мы, но эта бѣда была еще начальная бѣда. Что дѣлать! принуждены были остановиться и начать думать и гадать, какъ намъ испортившееся поправить. Итакъ, ну мы отыскивать веревку, ну придумывать, какъ лучше подвязать, и такъ далѣе. Но наконецъ, кое-какъ поправили, подвязали и поѣхали.

Но едва только версты двѣ еще отъѣхали, какъ вновь остановка. Закричала уже жена моя: «Стой! стой!» — «Что такое?» спросилъ я. — «Ахъ, батюшки! какую я, враговка, бѣду надъ собою сдѣлала!» — «Что такое?» — «Позабыла взять свои серьги съ собою, а безъ нихъ какъ мнѣ можно ѣхать, надобно неотмѣнно послать за ними». — «Эхъ ты какая! (съ досадою сказалъ я), какъ это можно позабыть такую надобную вещь! Но нечего дѣлать! такъ и быть. Малый, отпрягай скорѣе припряжную, и поѣзжай назадъ». Тотчасъ мы его съ записочкою, написанною карандашемъ, и отправили, а сами расположились до того времени стоять и возвращенія его дожидаться. Стояли-стояли, ажно скука насъ взяла. Гдѣ-то онъ отпрегъ лошадь, гдѣ-то поѣхалъ, гдѣ-то тамъ серьги отыскали, гдѣ-то его съ ними отправили, и гдѣ-то онъ опять и цѣлыхъ пять верстъ ѣхалъ, а мы все стой да стой. Господи! какая досада! Но какъ бы то ни было, но наконецъ онъ пріѣхалъ, серьги привезъ, и мы опять поѣхали.

Но не успѣли еще двухъ верстъ отъѣхать, какъ новая бѣда! Встренулись еще одной, уже не помню, какой вещи которую взять съ собой позабыли, и вещи необходимо нужной и такой, безъ которой намъ никакъ пробыть было не можно. Сіе меня уже вздурило, и я осердившись говорилъ: «Господи! да гдѣ-жъ у васъ у всѣхъ былъ умъ и разумъ, что не могли сего вспомнить? неужели опять стоять и посылать?» — «Ну, что дѣлать (отвѣчала жена моя), позабыла, да и только всего. Да такая бѣда, что не приди мнѣ и давеча, какъ посылали, этого на память, а только въ сію минуту вспомнила!» — «Да нельзя-ли безъ того обойтиться?» — «Никакъ нельзя!» — «Ну, такъ нечего дѣлать, быть опять посылать, и опять стоять и дожидаться!» Итакъ, велѣли опять остановиться, и отпрегши другую лошадь, скакать уже другому лакею, поспѣшать какъ можно. «Господи! (говорилъ я сидючи, и досадуя), долго-ли этого будетъ. Вотъ ужъ третья остановка, и время уходитъ, не застанемъ и обѣда у Василья Ѳедоровича!» Но подосадовавъ, подосадовавъ, а принужденъ былъ дожидаться человѣка.

Сей проѣздилъ еще того долѣе, но наконецъ, слава Богу, пріѣхалъ и все нужное привезъ, и мы поѣхали далѣе.

Ѣхали-ѣхали, и уже начали приближаться къ Турову, гдѣ жилъ г. Шушеринъ, какъ вдругъ, и не доѣзжая версты за двѣ до него, еще новая остановка, и остановка важная. Заднее колесо у кареты такъ развихлялось, что изъ опасенія, дабы совсѣмъ не разсыпалось, принуждены были опять остановиться. Новое сіе незгодье вздурило меня еще болѣе. «Ахъ, Боже мой! (возопилъ я), что это такое! бѣды по бѣдамъ и опять остановка!... Ну что, ребята, дѣлать и какъ быть?»—«Что, судырь! (отвѣчали они мнѣ), бѣда-то немалая, поглядимъ нельзя-ли какъ-нибудь скрутить и увязать. Еще слава Богу, что благовременно усмотрѣли, а то какъ-бы разсыпалось совсѣмъ, то нечего-бы дѣлать, принуждены-бъ были сидѣть на одномъ мѣстѣ».—«Ну, друзья мои! (сказалъ я имъ), посмотрите, подумайте, и поспѣшите, ради Бога, чтобъ намъ какъ-бы-нибудь хоть до Турова дотащиться, а тамъ не найдемъ-ли другого колеса у Василья Ѳедоровича, онъ одолжитъ насъ тѣмъ.»—«Да хорошо, судырь, если другое-то колесо годится и придетъ въ пору; а коли нѣтъ, такъ тутъ-то какъ быть?»—«Ну, это увидимъ (сказалъ я), а скручивайте-ка это скорѣе!»—«Хорошо!» и начали шишлить. Но гдѣ-то сыскали веревку, гдѣ-то палку, гдѣ-то стягивали и скручивали, прошло опять нѣсколько времени; а между тѣмъ приближалось уже обѣденное время. Но какъ-бы то ни было, но наконецъ кое-какъ скрутили и поѣхали.

Думаемъ, авось-либо какъ-нибудь доѣдемъ; но не тутъ-то было, и едва только саженъ сто отъѣхали, какъ колесо наше, вихлявсь-вихлявсь, вдругъ и совсѣмъ разсыпалось, и всѣ спицы изъ ступицы вывалились, и вся карета на бокъ почти опрокинулась. «Стой! стой! стой!»—завопѣли и закричали всѣ мы, въ прахъ перепугавшись. По счастію, ось поддержала нѣсколько карету и не допустила ее упасть на бокъ. Итакъ, ну-ка мы всѣ изъ кареты выходить, ну-ка ахать и горевать, ну-ка всѣ твердить: «ну, не бѣда-ли истинная? ну что теперь дѣлать?»—«Нечего другого! (сказали люди), какъ искать скорѣе какого-нибудь рочага, и подвязывать вмѣсто колеса; но гдѣ его изволишь взять? видишь поле! По спасибо случился съ нами топоръ, и недалече въ сторонѣ лѣсокъ. Итакъ, ну-ка мы скорѣе посылать туда, ну-ка рочагъ вырубать и его подъ карету подвязывать. Не малое время и надъ симъ мы провозились, и кое-какъ до села дотащились. Боимся еще, чтобъ г. Шушерина не было гдѣ въ отлучкѣ; но слава Богу, услышали, что онъ дома, и обрадовавшись: «Ну, ступай на дворъ», закричалъ я кучеру.

Но не успѣли мы начать подъѣзжать къ крыльцу, какъ усмотрѣли новую потѣху: у дѣвки, сидѣвшей съ нами въ каретѣ, была взята съ собою бутылка съ квасомъ, и она везла ее съ собою, державши на колѣняхъ. Но что-жъ случись? Въ то время, какъ мы въ торопяхъ изъ кареты дорогою выходили, выскочи какъ-то изъ бутылки пробка, а она, незаткнувши ее, и сѣла опять въ нее, и того и не примѣтила, что квасъ отъ качанья кареты изъ бутылки выплескивался, и на передникѣ ея между колѣнъ натекла его цѣлая лужа и произвела превеликое мокрое пятно на оном и на самой юбкѣ. «Ахъ, батюшки мои! (закричали госпожи, сіе увидѣвъ), что ты, окаянная, это надѣлала, и какъ тебѣ показаться?... Ну что подумаютъ о тебѣ?» Смѣхъ и горе тогда всѣхъ насъ подхватило; но какъ некогда было долго уже о томъ судачить, то говорили мы ей, чтобъ она какъ-нибудь ужъ уходила на заднее крыльцо и хозяевамъ не показывалась, а самъ я сталъ отыскивать шляпу, ибо ѣхалъ до того въ бездѣльномъ картузишкѣ для покоя.

Но что-жъ, не бѣда-ли опять! шляпы моей не тутъ-то было! Я спрашивать у людей, тѣ другъ у друга—не знаютъ, что сказать, и вышло наконецъ, что всѣ мы и ее хорошохонько позабыли. «Ахъ, злодѣи, что вы надъ моею головою надѣлали! (закричалъ я), гдѣ у васъ былъ умъ и па-

мять?» но такъ и быть, думаю: это хоть бѣда, но бѣда небольшая, шляпою ссудитъ меня и Василій Ѳедоровичъ! И какъ между тѣмъ карету подтащили уже предъ крыльцо самое, то турю я госпожъ своихъ выходить изъ оной.

Но надобно-жъ случиться и тутъ еще новой бѣдѣ. Свояченица моя пошла первая изъ дверецъ каретныхъ, и отъ поспѣшности для встрѣчающихъ насъ хозяевъ, зацѣпись за что-то, и такъ хорошо, что затрещало ажно у ней платье, и разорвала весь подолъ у себя. Господи! какъ сіе опять насъ всѣхъ сконфузило. «Такъ! воскликнудъ я, уже захохотавши: какъ пошло уже на бѣды, такъ бѣды по бѣдамъ!»...

Господинъ Шушеринъ не успѣлъ увидѣть шесть, подвязанной вмѣсто колеса, какъ закричалъ: «Что это?. что это, батюшка Андрей Тимоѳеевичъ?»—Что, братецъ! (отвѣтствую я), изломалось за версту отсюда; но одно-ли это? Послушай-ка, сколько съ нами бѣдъ случилось; но ради Христа спабди ты насъ другимъ колесомъ съѣздить въ деревню. — «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ г. Шушеринъ: только бы годилось какое. У меня колесъ много, а между тѣмъ мы и ваше починимъ и исправимъ.»—Очень хорошо, батюшка (сказалъ я); да ссудите меня уже и шляпою вашею: ѣдемъ на свадьбу, и людцы мои изволили совсѣмъ позабыть взять мою съ собою. — «Изволь, изволь, батюшка! у меня есть новая и почти еще не обновленная».—Ну, ладно же (сказалъ я), и слава Богу, бѣда и сія съ рукъ долой!

Говоря сіе вошли мы въ хоромы, и ну имъ всѣ свои произшествія разсказывать, и вмѣстѣ съ ними имъ дивиться и хохотать. Они были намъ очень ради и старались насъ скорѣе угостить обѣдомъ. И по счастью пріѣхали мы къ нимъ довольно еще благовременно. И покуда мы обѣдали, люди его успѣли уже пріискать и колесо точно такое же, каково было наше, и случившееся по оси очень впору. Обрадовались мы сіе услышавъ, и сказали: «Ну, слава Богу, эта бѣда съ плечъ долой, и теперь доѣдемъ мы до двора уже благополучно». Но и сей счетъ хорошохонько дѣланъ былъ безъ хозяина, и намъ того и на умъ не приходило, что всѣ претерпѣнныя нами бѣды и остановки были еще едиными предшественницами другимъ и множайшимъ еще бѣдамъ.

Пообѣдавши и покормивъ лошадей, не стали мы уже долѣе у благопріятельствующихъ намъ хозяевъ медлить. Дня уже оставалась меньшая половина, а надлежало намъ ѣхать еще болѣе двадцати верстъ, и переправляться чрезъ двѣ рѣки, одну у нихъ подъ селомъ, Лопасну, а другую—большую, Оку, на паромѣ, и поспѣвать неотмѣнно въ тотъ день къ себѣ въ деревню, ибо послѣдующій за тѣмъ назначенъ былъ уже для свадьбы. Итакъ, распрощавшись съ нашими хозяевами, сѣли мы себѣ въ карету и поѣхали.

Но чтожъ? не успѣли мы спуститься къ рѣкѣ подъ гору, какъ глядь, прежде бывшаго тутъ и довольно спокойнаго моста какъ не бывало, а новой и большой только еще строили, и чрезъ него не только переѣхать было никакъ не можно, но и пѣшкомъ переходить по перекладамъ и по помощеннымъ доскамъ неинако какъ съ крайнею опасностію было можно. Увидѣвъ сіе, стали мы въ пень. «Какъ намъ быть?» спросилъ я у строителей моста. — «Другого не остается, сказали они намъ: какъ переѣзжать рѣку въ бродъ, вонъ тамъ, пониже моста».—«Да видишь, братецъ (подхватилъ я), какая она широкая, быстрая и большая; конечно она наводнилась отъ бывшаго ненастья, и я ее никогда таковою не видывалъ».—«Точно такъ! (сказалъ онъ), и дни съ два только, что она такъ разлилась».—«Да небось, она и глубока теперь?»—«Да, есть тотъ грѣхъ, не мелка, и лошади выше пуза». — «Ахъ, батюшки мои (воскликнулъ я), да какъ же намъ быть, и какъ ее переѣзжать? вода и въ карету зальется!» — Госпожи мои, услышавъ сіе, завопѣли еще больше моего отъ страха и испуга, и говорили, что онѣ ни изъ чего не поѣдутъ. Признаюсь, что и самому мнѣ не то-то что хотѣлось на то отважиться: воды я из-

стари всегда и самъ боялся; итакъ, стали мы въ пень и не знали какъ быть и что дѣлать. Наконецъ говорю: «Ужъ нельзя ли намъ самимъ какъ-нибудь по перекладамъ и по доскамъ перебраться, а карету пустую перевесть?» — «Это-де можно (сказали намъ строители), хоть и нехорошо и нѣсколько опасно, но мы-де ходимъ и переходимъ; но будетъ ли у васъ столько смѣлости? А развѣ изволите нѣсколько погодить и дать намъ время положить еще нѣсколько досокъ?» — «Очень хорошо, братцы (сказалъ я); пожалуйста, потрудитесь».—А между тѣмъ велѣлъ въ каретѣ всѣ связки, ларчики и прочее снизу поднять повыше, чтобъ вода не могла подмочить оные, и какъ скоро сіе сдѣлали, то велѣлъ я благословясь ѣхать. И тогда, смотря на нее, не было въ насъ истинно души: лошади наши чуть не оплыли, и быстрота воды едва-было не опрокинула всей кареты, и была такъ глубока, что дѣйствительно въ нее нѣсколько залило, и мы впрахъ бы перестращались, еслибъ въ ней сидѣли. Но какъ бы то ни было, а ее перевезли.

«Ну, слава Богу! (сказалъ я перекрестясь), одну трудность преодолѣли; теперь вопросъ, какъ намъ переходить?» Госпожи мои, будучи обѣ величайшія трусихи, тряслись отъ страха и боязни, и я какъ ни старался ихъ ободрять, но ничто не помогало; но какъ нечего было дѣлать, а самая необходимость заставляла насъ переходить, то принуждены онѣ были вслѣдъ за мною по доскамъ и перекладамъ на сей опасной подвигъ съ крестами и молитвами пуститься. Но надобно-жъ было и тутъ случиться съ нами бѣдѣ, и бѣдѣ еще не одной, а двумъ, хотя и не важнымъ. Одинъ изъ людей моихъ, малой молодой, по имени Ефремъ, хотѣлъ подслужиться и поддерживать жену мою, пошедшую со страхомъ и трепетомъ по перекладамъ; но былъ какъ-то такъ неостороженъ, что осклизнулся и чебурахъ, яко прославися, въ рѣку подъ мостъ, и чуть-было не стащилъ съ собою и жену мою. Я обмеръ, испужался сіе увидѣвъ, а объ ней и говорить уже нечего: она поблѣднѣла, и я дивился, какъ она не упала въ обморокъ. Но надобно-жъ было и сей бѣдѣ кончиться ничѣмъ и безъ дальнихъ слѣдствій: оборвавшемуся и полетѣвшему внизъ слугѣ моему, по особливому счастію, удалось какъ-то, не долетѣвъ еще до воды, ухватиться обѣими руками за одну перекладину и на ней повиснуть, и плотники, бросившись, въ мигъ успѣли, схватя, встащить его вверхъ и не допустить даже обмочиться.

Нельзя изобразить, какъ мы всѣмъ тѣмъ испуганы и вкупѣ въ тотъ же мигъ и обрадованы были. И мы тогда уже не объ немъ, а о его шляпѣ тужить и горевать начали, которая, свалившись съ него, упала въ воду, и ее понесла она быстротою своею внизъ по рѣкѣ. — «Ахъ! ахъ! закричали всѣ: шляпа! шляпа! унесетъ ее и она потонетъ!» — Однако не думайте, чтобъ и сія бѣдушка кончилась худымъ; а надобно было на самую ту пору случиться мужику, стоявшему на берегу верхомъ на лошади и собиравшемуся только-что переѣзжать чрезъ оную. И сей, не успѣлъ увидѣть плывущую шляпу, какъ приударивъ свою лошадь, пустился вслѣдъ за нею, и успѣлъ ее догнать, схватить, и благополучно съ нею на другой берегъ выѣхать, а между тѣмъ и насъ всѣхъ кое-какъ, хотя со страхомъ и трепетомъ, черезъ рѣку перевели. Итакъ, всѣ сіи бѣды кончились только тѣмъ, что намокла у насъ людская шляпа, и самъ хозяинъ ея перестращался-было на смерть.

Переправившись симъ образомъ кое-какъ чрезъ Лопасну и обрадуясь, что все кончилось хорошо, сѣли мы въ карету и поѣхали далѣе. Но какъ до Оки отъ сего мѣста было еще не близко, то не прежде до оной доѣхали, какъ уже предъ наступленіемъ самаго вечера. Тутъ чуть-было опять не стреслась съ нами бѣда, и бѣда всѣхъ прежнихъ больше. Паромишка, на которомъ намъ слѣдовало переѣзжать, случился самой негодной, небольшой, и съ обыкновеннымъ гладкимъ помостомъ на верху онаго. Самого его насилу-насилу мы докликались, ибо случился онъ быть за рѣкою на противномъ

берегѣ, и къ намъ не прежде его перевели, какъ заставивъ насъ съ цѣлой почти часъ его дожидаться. Но какъ по случаю прибылой тогда въ рѣкѣ многой воды надлежало спускаться каретѣ на него съ нарочито крутого берега, то кучеръ не могъ никакъ удержать оставленныхъ въ ней коренныхъ лошадей, и онѣ чуть-было, чуть не сволокли всей кареты съ помоста паромнаго въ рѣку; и я не знаю уже, какъ успѣлъ онъ повернуть ихъ въ сторону и удержать чрезъ-то и ихъ самихъ, и карету на помостѣ. Мы, стоючи на берегу, въ прахъ и отъ сего перепугались, и благодарили Бога, что избавилъ онъ насъ отъ бѣды, столь явной и великой и опасности очевидной.

Однако переправа сія не обошлась безъ причиненія намъ бѣдушки. Чрезъ рѣку-таки мы благополучно, хотя не безъ страха по случаю бывшаго тогда великаго волненія, переплыли; но какъ стали съ парома съѣзжать на берегъ, то надобно-жъ было оступиться одной лошади, при переваживаніи ихъ по затопленному почти совсѣмъ приmостку, и оступившись зашибить такъ ногу, что оттого она тотчасъ захромала. «Ахти, батюшки мои, сказалъ я, вотъ опять бѣда, и долго-ли этимъ бѣдамъ продолжаться, и когда онѣ кончатся?»

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, начали уже наступать почти сумерки, почему спѣшили мы продолжать свой путь, тѣмъ болѣе, что ѣхать намъ оставалось все еще болѣе двадцати верстъ. Насъ хотя и озабочивало то, что мы, по всему видимому, на дорогѣ обмеркнемъ, и болѣе отъ того, что для хромающей нашей лошади намъ слишкомъ скоро и ѣхать было никакъ не можно; однако, думая, что дорога намъ всѣмъ знакома и перезнакома, надѣялись добраться до дома благополучно. Однако-жъ и въ этомъ мнѣніи мы хорошохонько обманулись. Покуда было еще сколь-нибудь свѣтло, и продолжались сумерки, ѣхали мы все-таки порядочно; но какъ скоро сдѣлалось темно, то и сбились мы какъ-то съ настоящей дороги, и заѣхали сами не знаемъ куда. Господи! какая была намъ тогда новая досада, забота и горевакье! Ночь случись самая темная и ничего вдали было не видно, а всѣ только признавались, что ѣдемъ не тамъ, гдѣ надлежало. Что было дѣлать? принуждены были остановиться и разсылать людей отыскивать настоящую дорогу. Искали, искали, и насилу-насилу нашли какъ-то оную. Тогда пустились мы по оной съ множайшею уже осторожностію, и доѣхали наконецъ уже безъ дальней остановки до своего Дворянинова.

Тутъ нашли мы всѣхъ людей уже спящихъ, и хоромы свои запертыми, ибо было уже очень поздно. Итакъ, ну-ка мы людей отыскивать, ихъ будить, приказывать вздувать огонь, отпирать хоромы, и въ нихъ все изъ кареты носить; для обогрѣнія же себя въ пустыхъ и холодныхъ комнатахъ, грѣть скорѣй чай и имъ отогрѣваться, а потомъ помышлять о ужинѣ. О семъ мы дальней заботы не имѣли, ибо какъ при отъѣздѣ изъ Кіясовки запаслись мы и жаренымъ мясомъ и добрымъ круглымъ пирогомъ, то и думали, что мы сыты будемъ, а потому и не помышляли о томъ, чтобъ велѣть что-нибудь себѣ скорѣй сварить на скорую руку. Но не смѣхъ-ли истинной! Вѣдь случись же такъ, что и тутъ надобно было еще маленькой бѣдушечки стрястися! Мы велимъ подавать, но къ намъ не несутъ. «Да что вы тамъ сѣли?» — «Да не найдемъ-де жаренаго», говорятъ они намъ, отыскивая его вездѣ и вездѣ въ темной дѣвичей. — «Да куда же вы его дѣли?» — «Здѣсь-де, на лавкѣ поставили, но его-де и пирога нѣтъ, не знаемъ, не вѣдаемъ, куда дѣлся!» — «Дураки такіе-сякіе! да возьмите свѣчку!» Взяли свѣчку, и тогда нашли пирогъ на полу въ своей салфеткѣ, а жаркого нѣтъ: оное сгибло и пропало. Но что же съ нимъ случилось! Людцы наши, ходючи взадъ и впередъ, позабыли затворять двери въ сѣни, а тутъ гдѣ ни возьмись дворная собака, вскочила въ дѣвичью, и обнюхавъ жареное, цапъ его царапъ, вытащила на дворъ, и тамъ, вмѣсто насъ, благополучно отправляла надъ нимъ свой ужинъ. «Ахъ дураки, дураки!

воскликнули мы, о семъ узнавши, что это вы надѣлали!... Ну, подавайте хоть пирогъ уже!» — «По глядь, анъ и онъ весь разбрюзъ и развалился, таки тѣсто тѣстомъ. Людцы наши позабыли о немъ и не вынули его изъ-подъ лавочки въ каретѣ при переѣздѣ чрезъ Лопасну, а отъ залившейся въ карету воды все блюдо съ нимъ и наполнилось водою, и онъ дорогою все мокъ, и размокъ такъ, что приняться было не можно. «Ахъ, батюшки мои! воскликнули мы: надобно-жъ было и сему случиться! Да гдѣ у васъ, проклятыхъ, былъ умъ и разумъ!...» кричали и бранились мы на своихъ лакеевъ.— «Ну, что дѣлать, виноваты, судырь, намъ и не ума было, что онъ тамъ». — «Ну, что ты изволишь теперь дѣлать, (сказалъ я потомъ), и что намъ ужинать? велѣть, развѣ скорѣй сварить яицъ въ смятку, и каши размазни?» — «Помилуй! закричали мои спутницы, когда варить? уже полночь самая».— «Да какъ же намъ быть?» — «Ну, поѣдимъ хотя начинки (сказали онѣ), да верхнихъ корочекъ, не совсѣмъ еще размокшихъ». Итакъ, ну-ка мы садиться за столъ и приниматься за свой размокшійся пирогъ, и хоть не до сыта, а сколько-нибудь наѣлись, и спѣшили потомъ скорѣе спать ложиться. Но и тутъ долго мѣшала намъ стужа, случившаяся на ту пору, и мы насилу-насилу согрѣвшись кое-какъ уснули.

Вотъ каковъ случился тогда съ нами денёчикъ? Мы, вспоминая претерпѣнныя нами въ теченіе его бѣды и напасти, и смѣялись и горевали. Однако не думайте, что всѣ онѣ еще кончились. Въ послѣдующемъ за симъ письмѣ найдете вы описаніе еще множайшихъ. А теперешнее дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Генваря 13-го дня 1809 года).

СВАДЬБА.

Письмо 183-е.

Любезный пріятель! Ну, теперь надобно мнѣ вамъ разсказать достальное о нашей достопамятной ѣздѣ на свадьбу, и вы готовьтесь слушать еще многія бѣды и напасти, но отличныя отъ преслѣдовавшихъ тѣмъ, что всѣ сіи имѣли свое отношеніе не къ намъ, а уже къ прочимъ, соучаствующимъ въ семъ бракосочетаніи, хотя и мы принуждены были брать въ томъ нѣкоторое соучастіе.

День къ бракосочетанію сему назначенъ былъ послѣдующій, и хотя случился онъ въ самой праздникъ Покрова Богородицы, но намъ не до того было, чтобъ ѣхать поутру къ обѣдни, а мы ради были, что сколько-нибудь обогрѣлись, и заснувши такъ поздно, проспали долго, и предоставили одной нашей сосѣдкѣ молиться за себя и за всѣхъ насъ Богу; а сами, вставши и напившись досыта чаю, принялись за домашнія кой-какія дѣла, осматриванія и распоряженія. Я бросился опять за любезные свои сады, обѣгалъ всѣ оные, пересмотрѣлъ все, и потазавъ за многое кое-что своихъ садовниковъ, приказывалъ, что имъ въ достальное время той осени въ нихъ сдѣлать. Между тѣмъ является къ намъ человѣкъ отъ нашей сосѣдки съ униженнѣйшею просьбою, чтобъ мы пожаловали къ нимъ кушать, и съ разсказываніемъ намъ, что вчера Анна Николаевна всѣ глаза, въ ожиданіи нашего пріѣзда, просмотрѣла, и находилась въ превеликомъ горѣ, думая, что насъ что-нибудь задержало и мы вовсе не будемъ, и что самое сіе принудило ее, не дождавшись насъ, отправить вчера въ домъ къ жениху и все свое приданое, по обыкновенію. «Очень хорошо! (сказали мы) и къ чему бы насъ для сего и дожидаться, дѣло сіе можно было и безъ насъ сдѣлать. Скажи, братецъ, что мы будемъ. Но кто еще, кромѣ насъ, будетъ у Анны Николаевны?» (спросили мы).— «Одной-де только Катерины Андреевны Пестовой, изволитъ боярыня дожидаться. Къ ней третьяго дни посылали, и она изволила обѣщать пріѣхать сегодня къ обѣду».— «Хорошо это! но изъ мущинъ-то кто?»— «Никого-де, кромѣ васъ; а не будетъ-ли развѣ братецъ вашъ, Михайла Матвѣевичъ; но и то Богъ знаетъ, что то

не очень здоровъ». Сказавъ сіе слуга усмѣхнулся. — «Такъ, братецъ! (сказалъ я самъ, засмѣявшись) болѣзнь конечно извѣстная! Небось молодецъ подгуляхомъ! Ему воля тутъ безъ меня бражничать и колобродить!»—«Ну, что говорить (подхватилъ слуга): есть тотъ грѣхъ; да и другой-та братецъ, не лучше его: нѣтъ Божьяго дня, въ которой не былъ бы на веселѣ».—«Что ты говоришь, не вправду ли?» (спросилъ я)».—Ей-ей (сказалъ слуга), уже намъ всѣмъ съ-диву, и ажно жалко, что такой еще молодой человѣкъ, а вдался въ такую блажь и слабость; съ кругу почти, судырь, спился».—«Ахъ, Боже мой! (вздохнувъ, воскликнулъ я): какъ мнѣ этого жаль; но, а Марья-то Петровна, что?»—«Эта уже напрямки отказать изволила, говоря, что она недомогаетъ».—«Ахъ, батюшки мои, ужъ не такою-же ли болѣзнію?»—«Да Богъ знаетъ, водятся и за нею такіе-же грѣшки».—«Ну, хороши же всѣ они ребята! (воскликнулъ я), собрались кстати одинъ къ другому и масть къ масти. И, да что это они, чудесники, затѣяли! ахъ, шуты, шуты и негодяи! И, что это они безъ меня тутъ чудесятъ». Покачавъ головою, и внутренно объ нихъ сожалѣя, говорю я наконецъ:—«Ну, поди, братецъ! кланяйся Аннѣ Николаевнѣ и Маринѣ Аѳанасьевнѣ, и скажи, что мы тотчасъ будемъ». Я и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ началъ одѣваться и велѣлъ запрягать карету.

Пріѣхавши къ нимъ, нашли мы ихъ въ превеликихъ хлопотахъ и суетахъ. Онѣ встрѣтили насъ съ пренизкими поклонами и благодареніями за то, что мы ихъ одолжили своимъ пріѣздомъ; и слышавъ обо всѣхъ случившихся съ нами незгодьяхъ, не находили довольно словъ къ изъявленію своего крайняго обо всемъ томъ сожалѣнія, но мы всему тому уже только смѣялись. Мы нашли у нихъ столъ, уже накрытой, но гостья ихъ еще не бывала. Мы спрашиваемъ объ ней; и онѣ тоже подтвердили, что намъ сказывалъ уже слуга, и говорили, что Катерина Андреевна, по любви своей къ нимъ, дала имъ вѣрное слово пріѣхать и съ Марьею Михайловною, дочерью своею, и постараться, какъ можно, поспѣть къ обѣду, дабы можно было успѣть одѣть невѣсту благовременно. Далѣе сказывали онѣ намъ, что Марья Михайловна обѣщала привезть съ собою и всѣ свои брилліанты и наилучшее свое платье для убранія невѣсты. «На что-же этого лучше! (воскликнули мы) такъ подождемъ уже!»

Какъ сія госпожа Пестова была во всемъ нашемъ округѣ и околоткѣ дама умная и наипочтеннѣйшая, а и дочь ея дѣвушка свѣтская и разумная, то ради были мы всѣ тому, что онѣ пріѣдутъ, и что будетъ кому невѣсту порядочно нарядить, и съ кѣмъ женѣ моей препроводить ее къ вѣнцу; да и тамъ въ домѣ жениховомъ (говорили мы), съ такою умною и почтенною дамою будетъ намъ непостыдно. «Какое-бы тамъ у нихъ ни было сборище (говорили мы), но Катерина Андреевна въ грязь лицомъ насъ вѣрно не кинетъ», почему съ удовольствіемъ и расположились ждать ея прибытія.

Между тѣмъ стали мы обстоятельнѣе распрашивать хозяекъ о томъ, кто и кто будетъ съ жениховой стороны, и какъ удивились, узнавъ, что у нихъ тамъ будетъ превеликое сборище, и что наѣхало къ нимъ изъ Москвы множество родныхъ и знакомыхъ. Ибо надобно знать, что всю свадьбу сію взялась сыграть у себя въ домѣ родная сестра женихова, боярыня бойкая и разумная, бывшая тогда за княземъ Петромъ Ивановичемъ Горчаковымъ, роднымъ братомъ прежняго Котовскаго владѣтеля, ближняго сосѣда и пріятеля моего, князя Павла Ивановича. И какъ они предъ недавнимъ до того временемъ деревню Котово купили себѣ у господина Темешова, то и расположились свадьбу сію сыграть въ помянутой, намъ сосѣдственной и въ виду у насъ находящейся деревнѣ, и въ тутошнемъ старинномъ еще домѣ. И какъ деревня сія была отъ насъ близимъ-близехонько, то были мы тѣмъ и довольны, хотя большая съѣхавшаяся къ нимъ московская родня и наводила намъ собою нѣкоторую заботу.

Не успѣли мы у сосѣдокъ нашихъ усѣсться, какъ поглядимъ катитъ къ нимъ и женихъ съ обыкновеннымъ утреннимъ своимъ визитомъ, въ модной каретѣ, съ прекрасною упряжью и лошадьми, и съ лакеями, богато одѣтыми. Тутъ впервые мы его увидѣли. Былъ онъ г. Басаргинъ, по имени Яковъ Ивановичъ, человѣкъ еще молодой, холостой, и съ виду довольно изрядной; и мы ознакомились и обрекомендовались съ нимъ тотчасъ, и онъ всѣмъ намъ такъ показался, что мы хвалили хозяйку за ея выборъ, и желали ей отъ искренняго сердца всякаго благополучія и лучшаго счастія въ своемъ замужествѣ, нежели какое она до того имѣла. Она унимала жениха у себя обѣдать, но онъ отговорился отъ того обѣщаніемъ пріѣхать къ своимъ роднымъ; а мы тому были и ради. Итакъ, посидѣвъ у насъ нѣсколько минутъ, онъ и поѣхалъ отъ насъ, взявъ обѣщаніе, что мы въ сумерки пріѣдемъ къ нашей церкви.

Проводивши его, стали мы то и дѣло поглядывать на вороты, и смотрѣть, не ѣдетъ-ли наша Катерина Андреевна. Но прошелъ цѣлой часъ, а ее не видать еще было. «Господи, думаемъ мы, уже не задержало-ли ее что-нибудь? пора-бы кажется уже быть! Милино не такъ далеко, чтобъ не можно было ей поспѣть, какъ бы тихо она ни ѣхала». Поговоривъ о семъ и потолкуя, располагаемся опять ждать; но проходитъ еще полчаса, проходитъ и цѣлой уже часъ, но ее нѣтъ и въ появѣ. Нетерпѣливость наша увеличивается съ каждою минутою. Мы посылаемъ уже людей за дворъ, на поле и на взлобокъ, откуда далеко можно видѣть по дорогѣ. Приказываемъ смотрѣть и дать намъ извѣстіе, какъ увидятъ.... но нѣтъ и оттуда никакого слуха! Сіе начало насъ уже и озабочивать и тревожить. «Батюшки мои! (говоримъ мы), ужъ будетъ-ли она?» — «Какъ не быть! (отвѣчаетъ хозяйка). Нельзя тому статься! она вѣдаетъ, что я услала уже съ приданымъ все мое платье, и что мнѣ и одѣться будетъ не во что!» — «То-то хорошо! воскликнули мы, сіе услышавъ и тѣмъ поразившись. Но ну, если она въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ-нибудь да не будетъ, какъ тогда-то быть?» — «Я уже истинно не знаю (сказала хозяйка); но кажется не быть ей никакъ не можно. Ежели-бъ что помѣшало, то вѣрно бы прислала сказать, и прислала хоть бы платье». — «То такъ (отвѣчали мы), это мы уже и сами думаемъ. Боярыня она умная, и не сдѣлаетъ того, чтобъ оставить безъ всякаго извѣстія. Но со всѣмъ тѣмъ, чтожъ за диковинка, что она не ѣдетъ?» — «Ужъ не вздумала-ли она (сказала хозяйка), отслушать напередъ обѣдню, вы знаете, что она боярыня богомольная, а сегодня такой большой праздникъ. И это можетъ быть ее и задержало!» — «Ну, это вѣрно такъ (воскликнулъ я), и хоть къ бабушкѣ не ходи, это обѣдня всему виновата! Но въ этакомъ случаѣ хоть бы право и не до обѣдни! можно-бъ и въ другое время досыта намолиться».

Поговоривъ и погадавъ о семъ, принялись мы опять ждать съ неописаннымъ и мучительнымъ нетерпѣніемъ. Истинно просмотрѣли мы всѣ глаза свои, и каждая минута казалась намъ десятью минутами. И насилу-насилу наконецъ увидѣли мы свою Катерину Андреевну. Но въ какомъ же положеніи?... идущею самъ-другъ, съ дочерью своею пѣшкомъ, и несущею ларчикъ свой подъ мышкою. Нельзя изобразить, какъ поразились мы симъ зрѣлищемъ! Мы выбѣжали безъ памяти на крыльцо, и увидѣвъ ее всю замаранную грязью, и отъ усталости едва переводящую духъ, ей закричали: «Ахъ, матушка, Катерина Андреевна, что это такое съ вами случилось?» — «Чего, батюшка! (прерывая отъ усталости голосъ, сказала она), такая бѣда! изломайся подъ каретою колесо, и такъ хорошо, что ни съ мѣста. И легко-ли, батюшка! версты съ три принуждены мы были съ дочерью брести по грязи пѣшкомъ.... Задыхаюсь даже отъ усталости!... Пустите, ради Бога, скорѣе отдохнуть!...»

Остолбенѣли мы, сіе услышавъ, и изъявляя сожалѣніе свое о томъ, не успѣли ее ввести въ комнаты, какъ она и рынулась на коровать отъ изнеможенія. «Ахъ,

Боже мой (воскликнулъ я, всплеснувъ руками); не сущее-ли несчастіе, и не бѣды-ли по бѣдамъ! Что это такое, и какъ быть?» Но смущеніе наше всѣхъ вообще еще больше увеличилось, какъ услышали, что брилліанты хотя были принесены съ собою, но платье все, и ихъ, и назначенное для невѣсты, въ каретѣ, а сія осталась еще версты за три, стоящая на мѣстѣ и на чистомъ полѣ! «Батюшки мои! (закричалъ я), людей, людей! Скорѣе посылайте ихъ туда, отыскивайте скорѣе толстой рочагъ и веревки, и подвязавъ, притащите ее какъ-нибудь. А между тѣмъ не послать-ли дрожки для привоза дѣвушки и связокъ платья?» — «Хорошо, хорошо, батюшка!» закричали всѣ наши боярыни въ голоса. Итакъ, ну-ка мы скорѣй снаряжать дрожки, и приказывать скакать скорѣе, и посылать людей съ рочагомъ и веревками къ оной; а между тѣмъ звать Катерину Андреевну за столъ. Но сія только и твердила: «нѣтъ силъ, батюшки мои! и дайте отдохнуть. Кушайте себѣ, а я поѣмъ послѣ; мнѣ нейдетъ и на умъ теперь ѣда». Но намъ какъ можно было ее оставить? Принуждены были и мы еще немного погодить, и потомъ насилу-насилу ее уговорили выттить къ столу.

Покуда мы обѣдали и всячески ее угостить старались, привезли къ намъ и ея дѣвушку со всѣмъ платьемъ, а вскорѣ за симъ притащили и карету. Подъ сію велѣли мы тотчасъ отыскивать вездѣ, и у хозяйки и у меня въ сараяхъ, колеса, и по особливому счастію нашли одно, годившееся точь въ точь по оси, и обрадовались, что сіе горе съ нашихъ плечъ свалилось. Но того и не помышляли, что предстояло намъ новое горе и новая забота, смутившая насъ до крайности. Едва мы отобѣдали, какъ начало уже смеркаться, и намъ необходимо надобно было приниматься за убираніе и одѣваніе невѣсты, и поспѣшать тѣмъ возможнѣйшимъ образомъ. Но какимъ поразились мы изумленіемъ, какъ вдругъ наша Катерина Андреевна на отрѣзъ намъ сказала, что она никакъ не въ силахъ съ нами ѣхать, и не поѣдетъ, а чтобы мы ѣхали одни съ невѣстою. Боже мой, какъ перетревожились тѣмъ и невѣста, и мать ея, и жена моя. Всѣ приступили къ ней съ препокорнѣйшими просьбами; но она стала въ томъ, чтобы не ѣхать, и ни на какія просьбы не соглашалась. Мы такъ и сякъ, мы ее уговаривать, мы упрашивать, но не тутъ-то было, и ничто не помогало. Заупрямилась, да и только всего! Что было дѣлать? Невѣста въ слезы, мать ея кланяется ей почти въ ноги, жена моя говоритъ, что безъ нея и она не поѣдетъ, а я, съ моей стороны, употребляю все, что только могъ находить къ ея убѣжденію. Долго сіе продолжалось, и насилу-насилу, и по долговременномъ убѣжденіи, и всеобщими поклонами уговорили мы ее, и она дала слово.

И тогда ну мы всѣ спѣшить и сами одѣваться, и невѣсту убирать, и кареты готовить, и все приготовлять. Тутъ подъѣхалъ къ намъ и Михайла Матвѣевичъ, но сему мы были и ради и нѣтъ. У молодца былъ уже лобъ изрядно накаченъ, но какъ не отсылать же было его назадъ, то принуждены мы были брать и его уже съ собою. Между тѣмъ какъ все сіе происходило, наступили не только сумерки, но и ночь совершенная, и къ умноженію досады нашей, по случившейся тогда пасмурной погодѣ, самая темная, ненастная и холодная. Мы еще и въ половину невѣсты не одѣли, какъ глядимъ, скачетъ къ намъ гонецъ изъ церкви съ вопрошаніемъ, скоро-ли мы будемъ, и съ увѣдомленіемъ, что женихъ съ поѣздомъ своимъ давно уже въ церкви, и насъ дожидается. «Тотчасъ, тотчасъ будемъ», говоримъ мы ему въ отвѣтъ, и отправляемъ назадъ, а сами усугубляемъ старанія свои о скорѣйшемъ снаряженіи невѣсты.

Наконецъ, кое-какъ убравшись и снарядившись, поѣхали мы съ невѣстою къ церкви. Тамъ нашли мы весь жениховъ поѣздъ и его самого, иззябнувшихъ отъ стужи и холоднаго вѣтра. Обѣ барышни наши также прискакали вслѣдъ за нами смотрѣть невидальщины свадьбы, и не менѣе ихъ иззябли. Но какъ бы то ни

было, но бракосочетаніе совершилось благополучно, и мы, пообрекомендовавшись, по обыкновенію, отпустили напередъ жениха, а сами на нѣсколько минутъ остались. И что-жъ случись тогда еще? Путь былъ хотя недальній, но какъ темнота была превеликая, факеловъ же ни съ женихомъ, ни съ нами не случилось, а надобно было переѣзжать еще вершину съ рѣчкою Язовскою почти подъ дворомъ, то и завезли жениха нашего куда-то въ ровъ, и карету его порядочно съ нимъ опрокинули. Бѣднякъ испужался въ прахъ, но по счастію ничѣмъ не зашибся, а выдирались изъ ней, замарался только грязью; и какъ карету не могли скоро опять поднять, то ну-ка онъ молоть по грязи пѣшкомъ домой, и пробираться скорѣе сквозь садъ, чтобъ успѣть до пріѣзда нашего переодѣться, и надѣть другіе чулки вмѣсто испачканныхъ совсѣмъ грязью.

Мы всего того не знали и не вѣдали, и услышавъ о томъ на дорогѣ, согрѣшили, и разсмѣявшись сказали: «Ну, не однимъ же намъ терпѣть бѣды и напасти. Надобно же и имъ сколько-нибудь имѣть въ томъ соучастіе: мы не грѣшные, а они не праведные!». Говоря симъ образомъ и удивляясь соединенію толь многихъ бѣдъ, доѣхали мы съ своею невѣстою порядочно и безъ всякаго помѣшательства и остановки до дома женихова.

Оной нашли мы великолѣпно освѣщенной и наполненной множествомъ господъ и госпожъ. Насъ приняли, по обыкновенію, и тотчасъ повели сажать за столъ, убранной пышнымъ образомъ и по-княжески. Меня, какъ отца посаженнаго, посадили, по обыкновенію, подлѣ жениха, а госпожу Пестову подлѣ невѣсты, а подлѣ меня друга и товарища моего, раскиспувшаго почти совсѣмъ, Михаила Матвѣевича. Сего молодца сколько дорогою я ни упрашивалъ, чтобъ онъ какъ можно меньше говорилъ; но статошное-ли дѣло, чтобъ послушаться; но тутъ-то и велерѣчіе проявляется. Молодецъ забылъ всѣ мои просьбы и увѣщанія, и занесъ тотчасъ околесную, и ну врать, хохотать, и смѣяться, самъ не зная чему. Я его ногою толкъ; я еще разъ, но онъ и не помышляетъ переставать. Стыдъ моей головушкѣ, и горе превеликое! Но по счастію особливой случай и произшествіе внезапное и всего меньше всѣми ожидаемое отвратило скоро всѣхъ вниманіе отъ сего чудотворца, и перепугавъ всѣхъ, заставило о иномъ думать.

Догадало нашего жениха достать гдѣ-то пушки и установить ихъ для стрѣльбы подъ самыми окнами зала. Мы о томъ вовсе не слыхали и ничего не вѣдали, и потому едва только изъ нихъ при питьѣ здоровья женихова начали стрѣлять, какъ многіе, не знавшіе того, заахали и повскакали отъ испуга. Жена моя, боявшаяся всегда стрѣльбы, была первая изъ оныхъ, а не менѣе испужался и самъ мой братецъ, хотя и служилъ въ артиллеріи офицеромъ. Обстоятельство сіе произвело смѣхъ въ нѣкоторыхъ особахъ; но смѣхъ сей скоро превратился во всеобщее сожалѣніе: ибо не успѣли разъ и пяти выстрѣлить, какъ вдругъ нѣчто подъ окномъ съ превеликимъ гуломъ вспыхнуло и такъ освѣтило всю залу, что всѣ повскакали съ мѣстъ своихъ; и какъ непосредственно за симъ произошелъ превеликой шумъ, кричанье и оханье подъ окнами, то поразились всѣ неописаннымъ изумленіемъ, и многіе закричали: «Что такое? что такое?» и послали спрашивать. И тогда, къ общему всѣхъ прискорбію, узнали мы, что изъ заряжавшихъ пушки неискусныхъ людей, держалъ одинъ въ рукахъ мѣшокъ съ пятью фунтами пороха, и былъ такъ неостороженъ, что стоялъ такъ близко и въ такомъ положеніи отъ одной пушки, что сверкнувшая искра отъ пальбы попала ему въ мѣшокъ, и зажгла весь порохъ въономъ, и сей бѣдняка сего всего опалилъ и повергъ на землю. Сіе въ прахъ всѣхъ стрѣлковъ перепугало, ибо всѣ думали, что его убило, а отъ сего и произошелъ помянутой крикъ и шумъ.

Нельзя изобразить какъ перетревожилась тѣмъ вся наша компанія, и какое началось у всѣхъ тогда судаченье и сожалѣніе объ артиллеристѣ неискусномъ

Позабыты были всѣ и церемоніалы. Многіе, повскакавъ съ мѣстъ своихъ, бросились иные на дворъ и къ пушкамъ, а иные къ окнамъ смотрѣть мнимоумерщвленнаго. Но, по счастію, оказался онъ живъ, а только опаленъ какъ чурка, и кровь лилась съ лица и со всей головы его. Ну-ка мы тогда думать и гадать, чѣмъ бѣдняку сему помогать, и, по счастію, вспомнилось мнѣ, что въ такихъ случаяхъ всего пригоднѣе бобовая или гороховая мука. Итакъ, тотчасъ велѣли оной изъ гороха въ жерновахъ намолоть, и всего его мукою сею усыпать. А сіе и дѣйствительно такъ чудесно помогло, что онъ въ немногіе дни послѣ того, какъ я послѣ узналъ, совершенно отъ ранъ своихъ исцѣлился.

Между тѣмъ легко можно заключить, что случай сей принудилъ тогда перестать стрѣлять изъ пушекъ. И мы насилу-насилу усѣлись опять по своимъ мѣстамъ, и начали продолжать обыкновенную свадебную церемонію, а окончивъ столъ, поѣвши сластей и конфектовъ, напившись кофею, и распрощавшись съ новобрачными, отправились въ свою деревню. Но путь до ней каковъ ни былъ коротокъ, и съ какою осторожностію мы ни ѣхали, и тащились почти съ шагу на шагъ, но не могли и тутъ доѣхать по добру по здорову, а надлежало и тутъ еще случиться съ нами бѣдѣ, и бѣдѣ всѣхъ прочихъ чувствительнѣйшей, но за то и самой уже послѣдней. При выѣздѣ изъ Котова надобно намъ было переѣзжать чрезъ высокой и прескверной мостъ, чрезъ устье рѣчки Язовки сдѣланной. Наша карета переѣхала-таки благополучно, но подъ каретою госпожи Пестовой какимъ-то образомъ проступилась въ прорѣху одна лошадь, и ну биться. Она смяла-было всѣхъ лошадей, и стащила самую карету подъ мостъ, но спасибо кое-какъ сію удержали. Но бѣдная лошадь такъ себя надсадила и измучилась, что на другой день отъ того, къ великому прискорбію г-жи Пестовой, околѣла. Но мы ради были, что не сидѣли сами въ каретахъ, но вышли изъ нихъ не въѣзжая еще на мостъ, и перешли оной пѣшкомъ, а то и сами мы на смерть перепугались бы.

Симъ кончились всѣ наши бѣды и напасти, ибо въ день бывшаго на утріе княжова пира, на которой мы уже всѣ и съ боярышнями нашими ѣздили, не случилось ничего особливаго, и мы кончили сей свадебной пиръ довольно весело и благополучно, а въ послѣдующій день, повидавшись съ обоими братьями, и поспазавъ ихъ хорошенько за ихъ невоздержность, и пожалѣвъ искренно о меньшомъ, найденномъ уже въ великой разстройкѣ здоровья, поѣхали мы въ свой обратной путь; и нашедъ у господина Шушерина колесо свое, за-ново починенное и исправленное, и въ благодарность за то у него переночевавши, благополучно на другой день возвратились въ Кіясовку, и не могли долгое время надивиться совокупленію толь многихъ несчастныхъ произшествій, случившихся съ нами въ ѣзду сію; и свадьба сія весьма памятна намъ еще и понынѣ.

Дни черезъ два по возвращеніи нашемъ, насталъ и 38-й годъ моей жизни. Я препроводилъ оной первой день, по обыкновенію своему, тихомолкою, и празднуя оной духовно; а ко дню имянинъ моихъ пріѣзжали къ намъ и наши молодые съ обыкновеннымъ свадебнымъ визитомъ, и чрезъ то сдѣлали намъ сей день пріятнѣйшимъ, въ которой посѣтили насъ и нѣкоторые изъ сосѣдей тамошнихъ.

Въ достальное время тогдашней осени не произошло у насъ ничего особливаго и замѣчанія достойнаго, кромѣ того, что я занимался отыскиваніемъ во всѣхъ волостныхъ дачахъ бѣлаго, годнаго для тески камня, и принужденъ былъ для сего объѣздить всѣ деревни, и обшарить, такъ сказать, всѣ поля и вершины въ оныхъ; но на всѣ мои старанія и труды несмотря, не могъ никакъ нигдѣ отыскать оныхъ.

Еще памятно мнѣ, что въ сію осень заѣзжали ко мнѣ многіе изъ прежнихъ, и не только изъ знакомыхъ, но и совсѣмъ незнакомыхъ людей, и отчасти для какихъ-нибудь надобностей, а отчасти для

узнанія только меня, и я имѣлъ случай познакомиться чрезъ то со многими совсѣмъ мнѣ до того незнакомыми людьми. Въ особенности же памятно мнѣ, что однажды имѣлъ я удовольствіе при проѣздѣ чрезъ наше село видѣть моихъ прежнихъ сотоварищей въ ученіи, дѣтей генерала Маслова, съ которыми учился я вмѣстѣ французскому языку въ Петербургѣ, у нихъ въ домѣ. Оба они тогда уже такъ перемѣнились, что и узнать ихъ было не можно. Я, услышавъ, что они остановились ночевать въ селѣ, нарочно къ нимъ ходилъ. Но обращеніе ихъ показалось мнѣ столь холоднымъ и спѣсивымъ, что я жалѣлъ о предпріятомъ трудѣ, и посидѣвъ немного у нихъ, пошелъ, и перестал обь нихъ и думать.

Далѣе достопамятно, что мы въ сію осень основали тутъ хлѣбной магазинъ, по примѣру богородскаго, чрезъ сборъ съ крестьянъ по небольшому количеству съ тягла.

Въ мѣсяцѣ ноябрѣ, имѣлъ я опять удовольствіе получить изъ Петербурга, отъ господина Нартова, дружеское и пріятное письмо съ приложеніемъ XXVII-й части Трудовъ Общества. Въ сей части напечатано было продолженіе сочиненія моего о хмѣлеводствѣ со всѣми приложенными къ нему моими рисунками, которыми я наиболѣе всѣхъ и взбудоражилъ, и заставилъ обратить вниманіе свое къ сей части сельскаго домоводства. И господинъ Нартовъ увѣдомлялъ меня, что пьеса сія принята весьма благосклонно, и называя меня любезнымъ патріотомъ говорилъ: «Не преставайте далѣе упражняться и сообщать намъ свои похвальные опыты. Они вамъ дѣлаютъ честь, и славу отечеству нашему». Таковая похвала, признаюсь, была мнѣ не только не противна, но щекотала мое честолюбіе.

Далѣе замѣчанія достойно, что около сего времени получили мы первое извѣстіе о томъ великомъ переворотѣ во всемъ нашемъ отечествѣ, которой произведенъ чрезъ реформу всего нашего внутренняго гражданскаго правительства, и изданное новое учрежденіе о намѣстничествахъ и всего прочаго. Эпоха сія была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества, и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны. Мы читали все сіе учрежденіе съ особливымъ вниманіемъ и готовились заблаговременно уже ко всѣмъ перемѣнамъ, долженствующимъ проистечь отъ сего важнаго преобразованія.

Вскорѣ за симъ и при наступленіи первыхъ зимнихъ мѣсяцевъ, не столько повстревоженъ, сколько удивленъ я былъ однимъ, всего меньше мною ожидаемымъ извѣстіемъ. Узналъ я, не помню уже чрезъ кого и по какому случаю, что богородицкой управитель, извѣстный господинъ Опухтинъ, уже отставленъ, а на мѣсто его, обѣщанное княземъ столь свято мнѣ, опредѣленъ не я, а нѣкакой князь Гагаринъ, по имени Иванъ Ивановичъ, служившій до того ассесоромъ или тогдашнимъ воеводскимъ товарищемъ въ Тулѣ. Сперва удивило меня сіе извѣстіе, и я не хотѣлъ-было тому и вѣрить; но какъ оказалось оно достовѣрнымъ, то, признаюсь, нѣсколько и подосадовалъ на князя, и самъ себѣ говорю: «Эхъ! старичокъ, не сдержалъ своего честнаго слова!... не ожидалъ-было я сего отъ тебя». Но досада моя продолжалась очень недолго, но какъ скоро узналъ я, что помянутой князь Гагаринъ былъ ему какой-то недальній родственникъ, то сказалъ: «И! рубашка къ тѣлу ближе кафтана! И можно-ль мнѣ и требовать того, чтобъ я предпочтенъ былъ его кровному.» Махнулъ рукою и перестал о томъ и думать а болѣе потому, что я, обжившись въ Кіясовкѣ, былъ и симъ мѣстомъ совершенно доволенъ, и не имѣлъ ни малѣйшей причины ни на что жаловаться. Жалованье получалъ я довольное, люди всѣ сдѣлались знакомы, трудовъ было хотя сначала довольно, но я успѣлъ уже большую часть изъ нихъ преодолѣть, сосѣди меня всѣ полюбили, жить намъ было не скучно, недостатка мы ни въ чемъ не терпѣли; а что всего лучше, то отъ дома

своего были очень близко, и могли всегда въ оной ѣздить, когда хотѣли, и пребывать тамъ сколько желалось. Итакъ, перенесъ я съ довольнымъ хладнокровіемъ сей неожидаемой со мною случай, и охотно извинялъ князя въ его поступкѣ; а особливо заключая, что безъ сомнѣнія убѣдили его къ тому какія-нибудь важныя причины; ибо по извѣстной мнѣ добротѣ его сердца, никакъ не ожидалъ я отъ него, чтобъ онъ могъ учинить такое несообразное съ его честнымъ характеромъ дѣло попросту; что послѣ дѣйствительно и оказалось. И вотъ что, какъ я послѣ узналъ, произвело сію перемѣну.

Помянутой князь Гагаринъ, бывшій, какъ выше упомянуто, въ Тулѣ воеводскимъ товарищемъ, былъ человѣкъ не изъ далекихъ и не такой, которой бы извѣстенъ былъ по отмѣнной честности своего характера, но подверженной обыкновеннымъ слабостямъ человѣческимъ, и между прочимъ зависти и корыстолюбію. Мѣсто опухтинское давно уже кололо ему глаза. И какъ молва повсюду носилась, что онъ весьма много нажился и получилъ въ короткое время нѣсколько чиновъ, то все сіе производило въ немъ нѣкоторую зависть и желаніе увеличить свой достатокъ, несмотря что имѣлъ онъ и безъ того довольной, побуждало его давно вожделѣть сего, по мнѣнію его, столь прибыточнаго и выгоднаго мѣста, и домогаться всячески онаго. Но кредитъ, въ какомъ находился Опухтинъ у старика-князя, полагалъ ему въ томъ непреоборимое препятствіе. Но какъ скоро прежде-упомянутымъ образомъ г-нъ Опухтинъ вздумалъ-было проситься у князя въ отставку, и потомъ упросилъ его дозволить ему остаться еще на нѣсколько времени; то съ одной стороны сіе, а съ другой — обнародованіе манифеста о учрежденіи намѣстничествъ, угрожавшее его неминуемо потеряніемъ своего ассесорскаго мѣста, побудило его искать всѣхъ возможныхъ средствъ къ согнанію Опухтина съ его мѣста, и къ убѣжденію старика-князя къ опредѣленію его на мѣсто онаго въ богородицкую волость управителемъ.

Итакъ, при помощи одного своего знакомца изъ тутошнихъ тульскихъ небогатыхъ дворянъ, но сущаго пролеца и не только умнаго, но бойкаго, хитраго, лукаваго и пронырливаго человѣка, которой былъ къ нему какъ-то вхожъ и отмѣнно имъ любимъ, и приступилъ онъ къ употребленію всякихъ происковъ и хитростей, съ одной стороны къ согнанію Опухтина съ мѣста, а съ другой — къ убѣжденію старика-князя къ опредѣленію его въ Богородицкъ на мѣсто онаго Обоимъ имъ былъ какимъ-то образомъ знакомъ и очень друженъ любимѣйшій сынъ старика-князя, извѣстный князь Сергѣй Сергѣевичъ. И какъ имъ извѣстно было, что могъ онъ многое сдѣлать изъ старика, а особливо при вспоможеніи старухи-княгини, его матери, то и пошли они симъ каналомъ, и преклонивъ молодого князя и старушку на свою сторону, приступили тотчасъ ко всѣмъ хитростямъ и коварствамъ къ доведенію Опухтина до того, что онъ не дождавшись истеченія испрошеннаго имъ двухлѣтняго срока, расположился иттить въ отставку. Богу одному уже извѣстно, какія и какія употребили они къ тому средствы, и чѣмъ какимъ принудили Опухтина почти насильно и противъ хотѣнія проситься въ отставку. Не успѣли они черезъ лазутчиковъ своихъ узнать, что Опухтинъ дѣйствительно намѣреніе сіе принялъ, какъ и бросились въ Москву, и настроили молодого князя и княгиню въ свою пользу, и умѣли симъ дѣломъ такъ хорошо схитрить и спроворить, что въ самой почти тотъ пунктъ времени, какъ получена просьба отъ Опухтина, явился тутъ и молодой князь, и оба они съ матерью насѣли съ такимъ усиліемъ на старика-князя, что сколько онъ сначала ни упорствовалъ и никакъ не хотѣлъ опредѣлить въ Богородицкъ не коротко ему знакомаго, и всѣхъ желаемыхъ имъ способностей неимѣвшаго князя Ивана Ивановича, и сколько онъ ни отговаривался, но какъ говорится въ послови-

цѣ, что ночная кукушка перекукуетъ денную, то не могъ и онъ никакъ отвязаться отъ неотступныхъ просьбъ и любимаго сына, и жены своей старушки, и принужденъ былъ противъ хотѣнія своего на ихъ желаніе согласиться и Опухтина уволить, а на его мѣсто опредѣлить князя Гагарина. Но сіе было уже и послѣднее дѣяніе старушки-княгини, ибо она въ тотъ же годъ уже и умерла, и оставила князя доживать свой вѣкъ съ дѣтьми своими.

Итакъ, вотъ какимъ образомъ и почему досталось богородицкое управительское мѣсто князю Ивану Ивановичу. Сей молодецъ, не имѣя ни достоинствъ такихъ, какія имѣлъ Опухтинъ, ни свойствъ его, былъ совсѣмъ не по сему мѣсту, и вмѣсто того, чтобы править волостью на такой же ногѣ, на какой было правленіе господина Опухтина, онъ удержалъ только то изъ его поступокъ, что льстило его корыстолюбію, а въ прочемъ сообщась вмѣстѣ съ помянутымъ прошлецомъ, другомъ своимъ, и началъ волостью управлять совсѣмъ не на такихъ честныхъ правилахъ, на какихъ управлялъ до того Опухтинъ, и не столько помышлять о исправномъ наблюденіи многотрудной по тогдашнимъ обстоятельствамъ своей должности, какъ старался единственно о набиваніи своихъ кармановъ и объ отыскиваніи къ тому всѣхъ удобовозможныхъ способовъ.

Въ отправленіи сего толь многимъ людямъ свойственнаго и для всѣхъ бездѣльниковъ легкаго, а только однимъ честнымъ людямъ труднаго и мудренаго ремесла, имѣлъ онъ у себя двухъ помощниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ помянутой его, или паче княгини, жены его, задушевной другъ, господинъ Верещагинъ, по имени Петръ Алексѣевичъ. Сей чудной и можно сказать, по уму, способностямъ и всему характеру своему прямо удивительной молодой человѣкъ былъ и совѣтникомъ его, и наставникомъ, и помощникомъ, и всѣмъ и всѣмъ. Чтобъ имѣть его всегда при себѣ, и пользоваться его умомъ и всѣмъ проворствомъ, онъ не преминулъ тотчасъ и тѣмъ же каналомъ доставить ему бобриковское управительское мѣсто, съ опредѣленіемъ ему достаточнаго жалованья и содержанія; почему онъ тотчасъ и перевезъ все свое семейство, состоящее въ матери, трехъ сестрахъ и въ братѣ, въ село Бобрики, и занялъ весь тамошній домикъ, стѣсня даже и самого архитектора, а самъ жилъ почти безвыѣздно въ Богородицкѣ у князя въ домѣ, и скоро простака-князя довелъ до того, что онъ во всемъ плясалъ по его дудкѣ, и ничего не дѣлалъ и не предпринималъ безъ его совѣта и наставленія.

Другимъ помощникомъ былъ ему во всемъ, а особливо въ выдумываніяхъ всякихъ средствъ къ обогащенію, одинъ изъ тамошнихъ старинныхъ подъячихъ, по имени Иванъ же Ивановичъ, а прозвищемъ Варсобинъ. Сей отправлялъ тогда при немъ секретарскую должность, но не столько былъ свѣдущъ по дѣламъ и способенъ къ отправленію приказныхъ дѣлъ, сколько хитръ, замысловатъ и искусенъ въ томъ же прекрасномъ ремеслѣ, которое было у всѣхъ ихъ главнымъ предметомъ.

Итакъ, при помощи и въ совокупленіи съ сими двумя помощниками и друзьями, и началъ онъ тотчасъ поворачивать всю волость съ бока на бокъ, сосать изъ ней и медъ и млеко для утучненія своего и безъ того дебелаго тѣла. А таковая перемѣна и непреминула сдѣлаться всѣмъ тамошнимъ крестьянамъ чувствительною, и какъ послѣ я узналъ, дошла какимъ-то образомъ маніемъ до свѣдѣнія и до самого старика-князя.

Всего того я тогда не вѣдалъ, а будучи, какъ упомянуто, своимъ мѣстомъ доволенъ, скоро пересталъ о Богородицкѣ и думать. Почему и не давалъ князю никогда и вида не только какого-нибудь на него неудовольствія, но даже и того, что я о помянутой перемѣнѣ богородицкаго управителя и знаю.

Симъ окончился текущій тогда 1775-й годъ, съ окончаніемъ котораго окончу я и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 14-го дня 1809 года).

1776-й годъ.

Письмо 184-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію произшествій, случившихся со мною въ теченіе 1776 года, и также по многимъ отношеніямъ весьма достопамятнаго въ жизни моей періода времени, начну тѣмъ, что и самое начало онаго ознаменовалось особливымъ произшествіемъ, доставившимъ мнѣ совсѣмъ неожидаемое и пріятное удовольствіе. Не успѣлъ онъ начаться, какъ получаю я отъ князя, моего командира, претолстой пакетъ съ письмами. Распечатавъ, нахожу въ немъ нѣкоторые къ себѣ ордера, относящіеся до волостныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, и копію съ доклада, дѣланнаго княземъ о разныхъ предметахъ государынѣ, и съ своеручными отмѣтками на всѣ его вопрошенія императрицы. Легко можно заключить, что бумага сія была для меня всѣхъ прочихъ любопытнѣе, и я не успѣлъ ее увидѣть, какъ, не читая ордеровъ, началъ прежде всего читать оную; но какимъ внезапнымъ и пріятнымъ удовольствіемъ поразился я, читая одинъ пунктъ, касающійся собственно до меня. Князь, расхваливъ меня, просилъ у государыни дозволенія о прибавкѣ мнѣ жалованья, сверхъ получаемыхъ мною 400 еще двухъ-сотъ рублей, дабы я по достоинствамъ моимъ получалъ оное наровнѣ съ управителемъ богородицкимъ; а государыня противъ сего пункта написала ему только слѣдующее слово: «Это зависитъ отъ воли вашей».—«Ба! ба! ба! воскликнулъ я, сіе увидѣвъ, и натурально обрадуясь тому чрезвычайно: и не думано было о томъ и не помышляемо! Ай, князь! (продолжалъ я): Ну спасибо! ей-ей, спасибо!... Хоть и не устоялъ въ своемъ словѣ, по по крайней мѣрѣ позолотилъ мнѣ ту пилюлю, которую молча проглотить я былъ долженъ! Теперь помирилъ ты меня совершенно съ собою! Слава, слава Богу! на что сего лучше? Мѣстомъ своимъ я и безъ того былъ доволенъ, а теперь, получая такое жалованье, какое получаетъ и богородицкой управитель, и того еще довольнѣе».

Сказавъ сіе, и подхватя докладъ и ордеръ княжой о самой сей прибавкѣ жалованья, побѣжалъ я тогожъ момента къ своимъ хозяйкамъ для сообщенія имъ сей радости. Легко можно заключить, что бумаги сіи, которыя заставилъ я ихъ самихъ читать, произвели и въ нихъ такое же удовольствіе, какъ и во мнѣ. Онѣ крестились только отъ радости, благодаря Бога, и благословляли князя за его ко мнѣ любовь и попеченіе.

Удовольствіе мое отъ сего было тѣмъ для меня чувствительнѣе и больше, что я всего меньше о томъ помышлялъ, и нимало о томъ князя не просилъ и того не добивался; а сдѣлалъ онъ сіе самъ собою, и какъ думать надобно совѣстясь, что онъ меня несдержаніемъ своего слова нѣкоторымъ образомъ обидѣлъ. Но я тысячу разъ ему сіе прощалъ, и былъ симъ поступкомъ его чрезвычайно доволенъ.

Итакъ, сей случай сдѣлался новымъ способомъ и источникомъ къ увеличенію маленькаго моего капитальца, которой и безъ того отъ благоразумной моей бережливости нарочито уже поувеличился. Ибо привыкнувъ всегда, по пословицѣ говоря: ножки протягивать по одежкѣ, былъ я весьма удаленъ отъ того, чтобъ по пріумножившимся отъ жалованья моимъ доходамъ умножить и свои расходы по примѣру прочихъ, но за полезнѣйшее почелъ остаться при прежнихъ своихъ умѣренныхъ расходахъ, а всѣ излишки не только сберегать впредь на непредвидимыя нужды, но и умножать оные сколько было можно правильными и законными средствами. А послѣдуя сему правилу не только полученную въ подарокъ себѣ сумму отъ княгини и Салтыкова отнюдь не истратилъ на ненужныя бездѣлки, но за умѣренные и законные проценты роздалъ всю вмѣстѣ съ избытками, оставшимися отъ расходовъ, малинскимъ волостнымъ торгующимъ всякою всячиною мужикамъ, чрезъ что въ протекшіе полтора года пребыванія моего въ Кіясовкѣ

уже знатно и безъ мала вдвое и такъ увеличилась, что я, при обыкновенномъ моемъ при началѣ каждаго года счетѣ, самъ тому удивился и благодарилъ Господа за сіе ниспосланное имъ ко мнѣ благословеніе.

Не успѣло послѣ сего нѣсколько дней пройтить, и я сколько-нибудь духомъ успокоился, какъ ни думано, ни гадано получилъ я изъ Москвы опять претолстой пакетъ, произведшій во мнѣ новое и такое для меня удовольствіе, которое ничѣмъ было не меньше перваго, хотя дѣло и не составляло такой важности. Присланъ онъ былъ ко мнѣ отъ новаго знакомца моего, господина Гиппіуса, нѣмца, и содержалъ въ себѣ ексемпляръ вышедшей только изъ печати первой части моей «Дѣтской Философіи». Боже мой! какъ обрадованъ былъ я, увидѣвъ въ первой разъ своё моральное сочиненіе напечатанное! Не могу и понынѣ забыть, какъ прыгалъ я тогда, какъ маленькой ребенокъ отъ радости, и съ какимъ неописаннымъ удовольствіемъ оное разсматривалъ. При всѣхъ несовершенствахъ и погрѣшностяхъ типографическихъ, съ какими сочиненіе сіе было тогда напечатано, казалось оно мнѣ и Богъ знаетъ какимъ хорошимъ, и я не могъ довольно на него насмотрѣться и имъ налюбоваться. Всѣ домашнія мои, которымъ я также книгу свою спѣшилъ показывать, должны были брать въ радости моей соучастіе, хотя имъ и не произвела она такого удовольствія какъ прежній случай.

Господинъ Гиппіусъ увѣдомлялъ меня, что и всѣ прочіе сто ексемпляровъ, которые я по условію долженъ былъ получить изъ типографіи за трудъ мой, также готовы, и чтобъ я пріѣзжалъ для полученія оныхъ самъ, или присылалъ кого съ надлежащею довѣренностію. А самое сіе и побудило меня поспѣшить въ Москву своимъ отъѣздомъ, куда я и безъ того хотѣлъ на короткое время съѣздить, какъ для принесенія князю моей благодарности, такъ и для отобранія отъ него нѣкоторыхъ повелѣній и разрѣшеній по дѣламъ, до волости относящимся.

Итакъ, не долго думая, собравшись и полетѣлъ я въ Москву налегкѣ, и остановившись въ домѣ у пріятеля моего, господина Полонскаго, явился къ князю и изъявилъ ему достодолжную мою благодарность. Князю было сіе весьма пріятно, но онъ болѣе еще доволенъ былъ тѣмъ, что не упоминалъ я ни однимъ словомъ о богородицкой перемѣнѣ, а показывалъ видъ, будто я совсѣмъ о томъ и не знаю ничего, хотя прошло уже нѣсколько послѣ того мѣсяцевъ; самому же ему натурально не было резону о томъ мнѣ сказывать. А все сіе и произвело то, что сдѣлался онъ ко мнѣ еще благопріятнѣе прежняго, и не могъ со мною о нашихъ волостныхъ дѣлахъ довольно наговориться.

Что касается до друга моего, господина Полонскаго, то я нашелъ его въ неожидаемой разстройкѣ и совсѣмъ въ другомъ положеніи. Какимъ-то образомъ поссорился онъ съ своею женою, и они разошлись врознь, и я крайне сожалѣлъ о сей ихъ размолвкѣ, которая къ несчастію продолжалась потомъ на весь ихъ вѣкъ, ибо жена его вскорѣ послѣ того кончила и жизнь свою, и онъ остался доживать свой вѣкъ вдовцомъ, и совсѣмъ уже не такъ хорошо, какъ живалъ онъ прежде.

Съ господиномъ Гиппіусомъ не преминулъ я натурально видѣться, и при посредствѣ его имѣлъ удовольствіе получить всѣ свои сто ексемпляровъ моей книги, съ которыми тогда не зналъ, что и дѣлать. Но удовольствіе мое увеличилось еще несказанно, когда услышалъ я, что книга моя имѣла счастіе полюбиться публикѣ, и что многіе желаютъ продолженія оной, почему и совѣтовалъ онъ мнѣ о пріуготовленіи и второй части сей книги, къ чему я, по возвращеніи моемъ изъ Москвы, тотчасъ и приступилъ, и началъ ее переписывать.

Какъ мнѣ въ Москвѣ никакихъ иныхъ нуждъ не было, то въ сей разъ и недолго въ ней пробылъ, но переговоривши обо

всемъ нужномъ съ княземъ, и поѣхалъ я обратно въ свое мѣсто. А не успѣлъ возвратиться, какъ обрадованы мы были опять пріѣздомъ къ намъ нашихъ кашинскихъ родныхъ, которыя прогостили у насъ и въ сей разъ недѣли двѣ, и доставили намъ сообществомъ своимъ много минутъ пріятныхъ.

По отъѣздѣ ихъ все тогдашней зимы достальное время провели мы въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ и упражненіяхъ довольно весело. Половодь въ сей годъ случилась подъ день самой Пасхи, и я встревоженъ былъ ею въ самое то время, когда стояли мы у завтрени. Прибѣжали ко мнѣ сказать, что прорывается водою мой новозапруженной прудъ, которымъ я такъ много любовался. Я ахнулъ ажно сіе услышавъ, и прогнавши отъ самой завтрени туда народъ, поскакалъ и самъ безъ памяти къ нему-жъ; но скоро успокоился, увидѣвъ, что портился водою только конецъ самаго водовода или отвода, и опасности дальней никакой не было.

Вскорѣ послѣ того случилась со мною та непріятность, что занемогъ и самъ я лихорадкою, и довольно жестокою; но по счастію продолжалась она недолго. Но при помощи лекаря и окуриванія себя моржевымъ ремнемъ, и бородавками съ ногъ лошадиныхъ, благополучно я отъ нея свободился.

Все наступившее потомъ вешнее время провели мы довольно весело. Я занимался отчасти дѣлами по должности, отчасти обыкновенными литературными упражненіями, а отчасти садами и цвѣтниками своими. Первыхъ дѣлъ было уже несравненно меньше противъ прежняго, почему и могъ я употреблять множайшее время для своихъ упражненій, что для меня было и пріятнѣе всего. А нельзя сказать, чтобъ и сады тамошніе меня слишкомъ занимали. Не было какъ-то къ тому никакого дальняго побужденія. Планъ къ будущему строенію былъ хотя ко мнѣ и присланъ, и матеріаловъ приготовлено довольно много, но охота къ строенію сему у князя какъ-то охладѣла, и онъ, заѣзжая ко мнѣ сію весну на самое короткое время и почти мимоѣздомъ, говорилъ со мною о семъ строеніи такимъ тономъ, что я легко могъ усмотрѣть, что откладывалось оно въ дальній ящикъ, чему признаюсь былъ и радъ нѣсколько; ибо безчисленныя, сопряженныя съ нимъ хлопоты меня гораздо устрашали, а потому не находилъ я никакой побудительной причины прилѣпляться слишкомъ и къ тамошнимъ простымъ и ничего незначущимъ садамъ, равно какъ предчувствуя, что трудъ мой въ разсужденіи ихъ будетъ совсѣмъ тщетной.

Князь въ сей разъ былъ у меня одинъ, безъ дѣтей, и пробылъ только одни сутки, и осмотрѣвъ все и по обыкновенію своему одобривъ, поѣхалъ отъ меня въ Богородицкъ. И достопамятнаго было только во время сего пріѣзда то, что при случаѣ ловленія въ прудѣ попрежнему рыбы, застигла насъ въ рощѣ престрашная гроза и проливной дождь, отъ котораго насилу мы успѣли добѣжать до двора, и убраться въ хоромы, а впрочемъ было все хорошо и ладно.

По отъѣздѣ князя восхотѣлось мнѣ, со всѣмъ своимъ семействомъ, съѣздить въ свою деревню. До того ѣзжали мы обыкновенно на самое короткое время, а въ сей разъ хотѣлось мнѣ пробыть тамъ побольше, и нѣсколько дней сряду. Побуждали меня къ тому наиболѣе сады мои; я жалѣлъ объ нихъ, видя ихъ безъ себя часъ отъ часу сиротѣющими, и мнѣ хотѣлось сколько-нибудь поддержать оные. Чтобъ мнѣ не такъ было скучно, то подговорилъ я съ собою ѣхать туда и моего лекаря, которой и помогъ дѣйствительно мнѣ проводить всѣ дни тогдашняго пребыванія моего въ деревнѣ съ множайшею пріятностію. Въ сей пріѣздъ вздумалось мнѣ внизу подъ горою бывшую тутъ небольшую калдобину съ водою разрыть и превратить въ порядочную четыреугольную сажелку, послужившею потомъ первымъ основаніемъ всѣмъ моимъ водянымъ украшеніямъ въ сей подгорной части моего нижняго сада. Самой земляной холмъ, украшающій такъ много весь сей низокъ, съ

воздвигнутымъ на немъ круглымъ павильончикомъ, насыпанъ былъ въ сей самой разъ изъ земли, вынимаемой тогда изъ сей маленькой, но послѣ уже гораздо разширенной и въ озерко превращенной сажелки. И мы не одинъ разъ присутствовали съ лекаремъ при сей работѣ: онъ съ своею трубкою, а я съ книгою въ рукахъ, и занимались пріятными разговорами. Ему вся моя усадьба и сады чрезвычайно полюбились, и онъ не могъ довольно расхвалить оные.

Все послѣдующее за симъ лѣто провели мы хорошо и съ удовольствіемъ. Въ половинѣ онаго кончился уже и другой годъ пребыванія моего въ Кіясовкѣ, и мы не видали почти какъ протекло сіе время. Жить намъ тутъ такъ было хорошо, что чѣмъ долѣе мы тутъ жили, тѣмъ болѣе находили въ тамошнемъ своемъ пребываніи пріятностей и удовольствій. Весьма много помогала къ тому пріязнь и дружество къ намъ всѣхъ тамошнихъ сосѣдей. Всѣ они сдѣлались намъ власно какъ родные и не было никого изъ нихъ, которой бы не любилъ насъ искренно, и чтобъ которому и мы тѣмъ же не соотвѣтствовали; а особливо домъ помянутой госпожи генеральши Олицовой былъ намъ отмѣнно благопріятенъ. Она принимала насъ и обходилась съ нами какъ бы съ кровными своими родными, и мы были ею очень довольны. Весьма дружны были мы также съ домомъ Кологривова, Николая Ивановича и его семействомъ; а меньшая дочь господина Бѣляева, по имени Алена Ѳеодоровна, жила почти безвыѣздно у насъ, и сдѣлалась власно какъ принадлежащею къ нашему семейству, такъ полюбили ее всѣ мои домашнія.

Одно только печальное произшествіе, случившееся въ теченіе сего лѣта, насъ нѣсколько огорчило. Лишились мы нашего умнаго и ученаго священника Никиты, помогавшаго мнѣ такъ много провождать время свое съ пріятностію. Вогнала его въ гробъ злая чехотка, нажитая имъ отъ проклятой и пагубной страсти къ вину, къ чему онъ сдѣлалъ еще съ молоду и живучи въ Коломнѣ привычку, и отъ которой не могъ никакъ отстать и во время пребыванія своего въ Кіясовкѣ. Я сколько ни старался его отъ оной отвратить, но всѣ старанія мои были безуспѣшны, и злая чехотка поразила его и столь сильно и скоропостижно, что не помогали ему никакія лекарствы, лекаремъ нашимъ къ тому употребляемыя. А что особливаго замѣчанія было достойно, то болѣзнь сія пристала отъ него и къ женѣ его, женщинѣ молодой и весьма доброй и прекрасной. И оба они вдругъ начали какъ воскъ таять, и не можно было безъ жалости смотрѣть на нихъ. Ибо въ одинъ день, и будучи на ногахъ, кончили свою жизнь, такъ что мы ихъ въ одинъ день и въ одной могилѣ похоронили. Оба они были столь любленія достойны, что мы и нынѣ не можемъ вспомнить объ нихъ безъ сожалѣнія.

Впрочемъ, какъ ни занимался я въ теченіе сего лѣта разными до хозяйства относящимися опытами и дѣлами, и сколь ни дѣятеленъ былъ въ семъ отношеніи, но не оставлялъ никакъ и литературныхъ своихъ и любопытныхъ упражненій; но, по прежнему своему обыкновенію, посвящалъ имъ всѣ свободные часы своего времени, и сколько помнится мнѣ, то въ самое сіе лѣтнее время окончилъ я перепискою вторую часть своей «Дѣтской философіи», и отправилъ оную въ Москву къ господину Гиппіусу для отданія въ печать. Далѣе трудился я въ описываніи съ натуры всѣхъ врачебныхъ травъ, сдѣлавшихся мнѣ до того времени извѣстными. Къ симъ описаніямъ ихъ примѣтъ пріобщалъ я и все то, что находилъ въ книгахъ упоминаемаго о врачебныхъ качествахъ каждаго произрастенія, и все то, что самому мнѣ о томъ изъ опытности узнать случилось. И племянникъ тамошняго прикащика, Иванъ Михайловъ, бывшій у меня въ канцеляріи писцомъ, и писавшій довольно хорошо, долженъ былъ переписывать все сочиняемое мною набѣло. И толстая тетрадь, составившаяся изъ сихъ описаній, и нынѣ хранится у меня, какъ нѣкакимъ памят-

никомъ тогдашняго моего упражненія. Кромѣ сего, какъ онъ, такъ и самой мой канцеляристъ трудились надъ переписываніемъ набѣло перевода моего «Китайской Исторіи». А не гуляли у меня и кисти съ красками. Сими успѣлъ я столь много раскрасить разныхъ эстамповъ и картинъ, что въ состояніи былъ убрать ими почти сплошь всю мою гостиную. И какъ всѣ картины установлены были въ узоръ, то всѣ пріѣзжающіе къ намъ не могли довольно налюбоваться.

Въ сихъ разнообразныхъ и безпрерывныхъ занятіяхъ и не видалъ я какъ протекло все лѣто, и настала осень. Сія повстрѣчала меня удовольствіемъ, произведеннымъ во мнѣ полученіемъ опять толстаго пакета изъ Экономическаго Общества при письмѣ отъ Нартова. Сей милой и любезной человѣкъ, любившій меня такъ много заочно, и не зная хотя лично, жаловался что онъ давно не имѣетъ обо мнѣ никакого извѣстія, и увѣдомляя меня, что посылаетъ ко мнѣ XXVIII-ю часть «Трудовъ» Общества, въ которой и послѣдняя часть сочиненія моего о хмѣлеводствѣ напечатана, просилъ меня, чтобъ я увѣдомилъ его о себѣ. Сіе я тотчасъ послѣ сего и учинилъ, и отправляя письмо мое, пріобщилъ къ оному сочиненіе мое о пересадкѣ деревъ.

Вскорѣ послѣ сего востребовала надобность побывать мнѣ въ Москвѣ, какъ для нѣкоторыхъ собственныхъ своихъ нуждъ, такъ и для переговора съ возвратившимся изъ Богородицка княземъ, о дѣлахъ до волости относящихся. Князь пріѣзду моему былъ очень радъ, и не успѣлъ меня увидѣть, какъ сказалъ мнѣ, что я пріѣхалъ къ нему очень кстати, что наутріе отправляется онъ въ ближнюю свою подмосковную деревеньку, и какъ ему давно хотѣлось свозить меня туда, и показать мнѣ свой скотъ, то располагается теперь взять меня туда съ собою, а кстати оттуда свозить и въ Никольское, къ своему князю Сергію Сергѣевичу, и показать мнѣ оное и всѣ тамошнія заведенія. «Очень хорошо! сказалъ я: ежели вашему сіятельству угодно, то я готовъ ѣхать», хотя въ самомъ дѣлѣ мнѣ и не весьма хотѣлось въ такую даль и по пустякамъ забиваться. Но какъ отговориться было нечѣмъ, ибо нуждъ никакихъ важныхъ не было, то и принужденъ былъ дать на то свое соглашеніе.

Итакъ, недумано-негадано, я наутріе-же, по исправленіи своихъ небольшихъ нуждъ, въ путь сей съ княземъ послѣ обѣда и отправился. Былъ я тогда не одинъ съ нимъ, а сотовариществовалъ намъ его внукъ, г. Калычевъ, и одинъ ихъ родственникъ, князь Голицынъ, человѣкъ не старой и довольно изрядной и веселой. Итакъ, ѣхать намъ было не скучно. Какъ при выѣздѣ изъ Москвы надлежало намъ ѣхать чрезъ самое то поле, гдѣ за годъ до того было славное Ходынское торжество, то не могъ я довольно надивиться, не видя на всемъ ономъ ни малѣйшихъ уже знаковъ и самыхъ слѣдовъ бывшихъ тутъ толь многихъ прекрасныхъ зданій, ибо всѣ онѣ были уже сломаны и развезены въ мѣста другія, и поле было чистымъ-чистехонько. «Боже мой! подумалъ я тогда, вотъ такъ-то время погубляетъ и самыя пышныя столицы и города многонародные! Сколько ихъ изъ бывшихъ и славящихся въ древности погибло такъ, что по примѣру сему и слѣдовъ ихъ нынѣ нѣтъ, и признаковъ, гдѣ они были, даже не видно».

Какъ подмосковная княжая была менѣе двадцати верстъ отъ Москвы, то мы туда скоро и задолго еще до вечера пріѣхали. Она была самая маленькая, и состояла изъ одного почти большого и порядочно выстроеннаго скотскаго двора съ овощнымъ огородомъ, и маленькимъ ничего незначущимъ домикомъ для пріѣзда. Но князю была она мила и любезна. Онъ обводилъ меня по всѣмъ мѣстамъ, и показывалъ все, а особливо свою прекрасную аглицкую и голанскую рогатую скотину, которою не могъ онъ довольно налюбоваться. Да и было въ самомъ дѣлѣ на что посмотрѣть при пригнаніи ихъ съ полевого корма: всѣ мы, сидючи съ княземъ на крыльцѣ, долго ею любовались. Но удо-

вольствіе наше вдругъ прервано было бѣдственною и поразительною неожидаемостію. Превеликому голанскому бычищу, бывшему тутъ же между коровами, вздумалось что-то подурить и поеугомоннчать; и какъ скотнику хотѣлось его нѣсколько отъ того поунять, то вдругъ разсердившись, онъ ну сего бѣдняка страшными своими рожищами брухать, и подхватя его рогами подъ задницу, такъ и шваркнулъ. Мы обмерли, испужались, сіе увидя, а особливо услышавъ страшной вопль и стонъ, отъ израненнаго скотника. Всѣ не знали что тогда дѣлать, и какъ загнать быка сего въ его отдѣлъ, ибо всѣ боялись и близко къ нему подойтить, и насилу-насилу кое-какъ загнали его на дворъ, а потомъ и въ его отдѣлъ и заперли. И какъ оказалось, что бѣдной скотникъ былъ отъ него смертельно раневъ и изуродованъ, то все сіе старика-князя такъ на быка сего озлобило, что онъ, несмотря на всю дорогую цѣну, каковой онъ ему стоилъ, рѣшился велѣть самого его за сіе убить, и неотмѣнно того въ тотъ же часъ требовалъ. Но тутъ сдѣлался вопросъ: какъ сіе и кому сдѣлать и пуститься на сію отвагу? ибо никто не имѣлъ духу къ сему разсвирѣпѣвшему величію и приблизиться. Всѣ мы принуждены были составить для сего общій совѣтъ, и всякой предлагать о томъ свои мысли. Наконецъ услышавъ, что онъ въ прочее время бываетъ смиренъ и очень ручеиъ, а притомъ любитъ отмѣнно ѣсть соленой хлѣбъ, опредѣлили, чтобъ кому-нибудь приманить его съ надворья ломтемъ соленаго хлѣба къ окошечку, находящемуся въ его отдѣлѣ, и тогда какъ онъ, разлакомившись хлѣбомъ, поднесетъ опять къ окошку свою голову, то выстрѣлить ему въ самой лобъ изъ ружья пулею; которую коммиссію и взялъ на себя самъ княжой внукъ, и дѣло сіе произвелъ наиудачнѣйшимъ образомъ.

Симъ образомъ удовольствіе наше превращено было симъ случаемъ въ огорченіе и крайнее сожалѣніе о бѣднякѣ скотникѣ, которому хотя и старались мы всѣ подать возможнѣйшую помощь, но онъ изуродованъ былъ такъ много и рана, произведенная рогомъ быка въ самое опасное мѣсто между ногъ, была такая страшная, что не было никакой надежды къ излеченію оной, и бѣднякъ сей дѣйствительно отъ того на другой же день умеръ, о чемъ услышавъ подумалъ я самъ себѣ: «И, хорошо право, что мы небогаты, и что намъ не отъ чего причудничать, и искать утѣхъ себѣ отъ такого дорогого и опаснаго скота».

Переночевавъ въ семъ подмызочкѣ, поѣхали мы поутру далѣе, поспѣшая поспѣть обѣдать въ деревню помянутаго спутника нашего, князя Голицына, которой наиболѣе затѣмъ съ нами и поѣхалъ, чтобъ зазвать старика-князя къ себѣ на перепутье и угостить его у себя въ домѣ. И какъ намъ, ѣдучи туда по большой воскресенской дорогѣ, надлежало ѣхать мимо самаго сего славнаго монастыря, называемаго инако Новымъ Іерусалимомъ, то имѣлъ я удовольствіе оной видѣть, но, къ крайнему сожалѣнію моему, только мимоѣздомъ и снаружи, ибо князю не разсудилось въ оной заѣзжать и выходить для сего изъ кареты и терять на то время, а мнѣ было очень хотѣлось побывать внутри онаго и взглянуть на всѣ тамошнія достопамятности.

Домикъ племянника его, князя Голицына, былъ также небольшой и деревянной, но угощеніе самое доброе. Всѣ мы, сколько насъ въ свитѣ княжой ни было, были онымъ, а особливо ласкою и благопріятствомъ хозяина очень довольны. Онъ послѣ обѣда проводилъ насъ и до самаго славнаго села Никольскаго, гдѣ князь Сергій Сергѣичъ отца своего уже дожидался. Подъѣзжая къ оному, и ѣдучи подлѣ большого озера, прилегающаго къ той горѣ, на которой построенъ былъ у молодого князя сего каменной домъ, не могъ я положеніемъ и красою всѣхъ окружающихъ оное озеро мѣстъ довольно налюбоваться. Они въ самомъ дѣлѣ были прекрасны, но каменной домъ княжой былъ только-что построенной, и не совсѣмъ еще внутри отдѣланной, и потому не составлялъ дальней важности, а

того хуже было поведеніе и обращеніе съ нами самого хозяина. Онъ занимался только разговорами съ отцемъ, а насъ всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, не удостоивалъ ни малѣйшаго своего вниманія и ни единымъ почти словомъ, а не только чтобъ какого-либо привѣтствія и ласки. Я не зналъ тогда чему сіе приписывать, и относилъ сіе насчетъ глупой его княжеской спѣси и высокомѣрія безпредѣльнаго, и потому, презирая его и самъ въ мысляхъ, немного то уважалъ, а доволенъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что старикъ-князь, примѣтивъ можетъ быть сіе, всячески старался вознаградить то своею къ намъ ласкою и благопріятствомъ, и шуточными съ нами кой-когда разговорами. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобъ я обходилъ всѣ мѣста и окрестности сего новозаводимаго селенія, и по охотѣ своей полюбовался красотами положенія мѣстъ тамошнихъ. И я тѣмъ охотнѣе на сіе согласился, что мнѣ пріятнѣе было разгуливать по мѣстамъ, нимало еще необработаннымъ, одному и въ уединеніи, и заниматься разными мыслями, чѣмъ смотрѣть на несносную спѣсь, глупое высокомѣріе и неуваженіе всѣхъ насъ хозяина. И я радъ-радъ былъ, что прогостили мы тутъ недолго, но препроводивъ одни только сутки, опять въ Москву съ старикомъ поѣхали, куда пріѣхавъ и переговоривъ обо всемъ, что было нужно, князь и не сталъ меня держать долѣе, а отпустилъ назадъ въ свое мѣсто.

Симъ образомъ, сломавши непредвидѣнное путешествіе и возвратясь въ Кіясовку, не успѣлъ я дождаться окончанія жатвы, какъ и приступилъ къ большой и важной работѣ, занявшей меня во всю тогдашнюю осень. Состояла она еще въ сдѣланіи одного большого труда. Прежде сдѣланной мною прудъ князю такъ полюбился, что возжелалось ему, чтобъ потрудился я и сдѣлалъ еще одинъ трудъ подлѣ самаго села между помянутымъ новымъ и стариннымъ прудомъ, и расположилъ бы оной такъ, чтобъ по плотинѣ онаго лежала самая большая, чрезъ село идущая, коширская дорога, гдѣ для стока воды срубилъ бы я порядочной спускъ и сдѣлалъ чрезъ него хорошій мостъ. Мѣсто самое было хотя не совсѣмъ къ тому удобно, но какъ князю отмѣнно того хотѣлось, и онъ охотно соглашался пожертвовать нужною къ произведенію сей работы наймомъ суммою, то, несмотря на всѣ затрудненія, и обѣщалъ я ему употребить къ тому всевозможныя свои старанія. Итакъ, не успѣлъ настать сентябрь мѣсяцъ, какъ и принялся за копку сего пруда и за насыпаніе вынимаемою землею широкой и высокой плотины, и за срубку большого спуска. Рубленіе сего спуска было для меня еще первоученкою, но по счастію тотъ же приверженной ко мнѣ сибирякъ-солдатъ, знающій сіе дѣло, помогалъ мнѣ въ томъ очень много, а не мѣнѣе какъ и въ распоряженіи работъ при копаніи самаго пруда.

Итакъ, сею работою занимался я во весь сентябрь и октябрь и первую часть ноября мѣсяца, и было для меня трудовъ и хлопотъ довольно. Между тѣмъ въ октябрѣ минулъ и 38-й и начался 39-й годъ моей жизни, котораго начало праздновалъ я по прежнему обыкновенію: къ самому же дню моихъ имянинъ пріѣхала къ намъ изъ Кашина и старшая изъ племянницъ моихъ, сколько для свиданія съ нами, а того болѣе для взятья отъ меня съ собою своего брата, поелику мальчикъ сей уже столько выросъ, что надлежало помышлять о записаніи его куда-нибудь въ службу; въ чемъ брались вспомоществовать имъ тамошніе ихъ друзья и родственники. Итакъ, чрезъ сей случай лишился я одного изъ своихъ воспитанниковъ и учениковъ, и жалѣлъ что по тупости разума моего племянника не могъ я никакъ столько ему помочь, сколько-бы мнѣ хотѣлось.

Симъ образомъ продолжали мы жить въ Кіясовкѣ, спокойно, весело, во всякомъ изобиліи и такъ хорошо, что препроводивъ уже тутъ два года и 4 мѣсяца такъ обжились и ко всему привыкли, что не тосковали уже нимало объ отлучкѣ отъ своего дома, и были жребіемъ своимъ такъ довольны, что не желали никакъ

лучшаго, а благодарили всегда Бога за доставленіе намъ столь выгоднаго и хорошаго мѣста. Какъ вдругъ посреди занятія моего помянутыми трудами поражаетъ меня новая и такая неожидаемость, которую я всего меньше предвидѣлъ и которая въ одинъ мигъ всѣ мысли въ головѣ моей, такъ сказать, перебурлила, и всѣ ихъ отвлекши отъ прудовыхъ работъ, направила на другой новой и несравненно важнѣйшій предметъ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней мѣсяца октября, въ самое время когда находился я на прудовой работѣ, и спѣша оканчивать оную, суетился о размѣриваніи достальныхъ саженей для копки работникамъ, вдругъ предстаетъ предъ меня присланной изъ Москвы отъ князя солдатъ, и подаетъ мнѣ запечатанной ордеръ отъ князя. «Объ чемъ бы такомъ? сказалъ я самъ себѣ—и еще съ нарочнымъ.» И любопытствуя знать спѣшилъ на томъ же мѣстѣ, распечатавъ, прочесть сію бумагу. Но представьте себѣ, какимъ неописаннымъ удивленіемъ долженъ былъ я поразиться, когда въ немногихъ содержащихся въ ней строкахъ увидѣлъ такую неожидаемость, какой я не воображалъ себѣ ни въ умѣ, ни въ разумѣ. Князь въ короткихъ словахъ писалъ ко мнѣ, что какъ получилъ онъ извѣстіе, что богородицкой управитель умеръ, то онъ опредѣляетъ на мѣсто его меня, и чтобъ я собирался немедленно туда отправляться, и готовилъ бы всѣ тутошныя дѣла къ сдачѣ господину Шестакову, которой назначенъ моимъ преемникомъ, и вскорѣ ко мнѣ прибыть имѣетъ, а между тѣмъ сочинилъ бы я ему инструкцію съ обстоятельнымъ наставленіемъ, что ему тутъ дѣлать и наблюдать, и пріѣхалъ бы самъ къ нему въ Москву для принятія повелѣнія.

«Ба! ба! ба! — воскликнулъ я все сіе прочитавши. Господи помилуй!... аминь, аминь! съ нами крестная сила! что это со мною дѣлается и творится? думалъ-ли я и ожидалъ-ли сего?» А потомъ, перекрестясь нѣсколько разъ, позабылъ и прудъ и все, и побѣжалъ въ себѣ въ домъ сообщать домашнимъ своимъ сію новость.

Во время сего шествія туда чувствовалъ я, что вся кровь во мнѣ волновалась, а въ головѣ толпились тысячу разныхъ мыслей, и перепутывались между собою. Нельзя того сказать, чтобъ не обрадовался я сей неожиданной перемѣнѣ: сколько я къ Кіясовкѣ уже ни привыкъ, и какъ мѣсто сіе для меня ни хорошо было, но богородицкое было несравненно выгоднѣе, честнѣе, славнѣе и во всемъ преимущественнѣе здѣшняго. Итакъ, сердце мое обливалось тогда нѣкоторымъ родомъ неизъяснимаго удовольствія, и я нѣсколько разъ повторялъ только: «Ахъ! Боже мой!, сколь неисповѣдимы судьбы и чудны дѣла твои!... Можно-ль было кому-нибудь изъ смертныхъ думать и ожидать, чтобъ жизнь князя Гагарина, добивавшагося съ такимъ усиліемъ богородицкаго управительства, и наконецъ добившагося, могла такъ скоро кончиться, и чтобъ мѣсто сіе для меня и столь скоро и такимъ неожиданнымъ образомъ опростаться.—Ахъ (продолжалъ я вздохнувъ и возведя взоръ свой къ небу)—не явное-ли это дѣйствіе святаго твоего Промысла, Великій Боже! и не новой-ли опытъ милости твоей ко мнѣ и попеченія обо мнѣ недостойномъ. Не иное что, какъ твоя десница извлекла меня изъ дома, привлекла сюда и влечетъ теперь въ другое, какъ теперь видно, давно уже тобою мнѣ предназначенное мѣсто!... Ахъ! воля твоя и да будетъ святая! а я не знаю только, какъ и чѣмъ возблагодорить мнѣ тебя за сіе, а предавался всегда, предаюсь и теперь во всемъ въ твою волю святую».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою говоря, добѣжалъ я до своего дома, и нашедъ обѣихъ хозяекъ своихъ занимающихся своими дѣлами и женскими упражненіями, съ веселымъ и спокойнымъ видомъ имъ сказалъ: «Какъ бы вы думали, сударыни, обо мнѣ, и чѣмъ бы вы меня почитали?» Обѣ онѣ удивились такому странному вопросу, и глядѣли мнѣ только въ глаза.—«Нѣтъ, право, скажите мнѣ (продолжалъ я), чѣмъ бы вы меня почи-

тали? вѣдь безсомнѣнно управителемъ Кiясовскимъ!»—«Конечно (сказали онѣ); да чѣмъ же иначе и что за вопросъ?»—«Ну такъ знайте-жъ (подхватилъ я), что вы въ мнѣнiи своемъ ошибаетесь, и что моя милость уже не есть управитель Кiясовской». Поразились онѣ симъ словомъ, и обѣ воскликнули: «Да что-жъ такое?»—«А вотъ что: я управитель, но не Кiясовской, а... какъ бы вы думали... Богородицкой!!!»—Что ты говоришь! (воскликнули онѣ удивившись); не въ правду-ли?—«Ей-ей! и вотъ читайте сами!»—сказавъ сiе, досталъ я изъ-за пазухи ордеръ, и подалъ имъ обѣимъ.

—Ахъ, Боже мой! воскликнули онѣ прочитавши: можно-ль было сего ожидать? Ну, поздравляемъ же тебя, батюшка!... Ахъ какая неожидаемость!... Да какъ же?... (подхватила моя жена), такъ намъ туда и ѣхать, и перебираться со всѣмъ домомъ?—«Конечно (сказалъ я)! и что о томъ говорить, дѣло уже сдѣлано, и переѣзжать необходимо, и скоро надобно, и вы начинайте уже и собираться.»—Ахъ, батюшки мои! (подхватила жена моя), да какъ это? да когда же это успѣть можно? уже и теперь глухая осень, а того и смотри, что зима, и какъ это въ такую пропасть можно ѣхать и со всѣмъ еще домомъ?—«Какъ бы то ни было (сказалъ я), и что ты ни говори, а перемѣнить того уже не можно. Вотъ мнѣ надобно и въ Москву еще скакать».—Ахъ, батюшка! (подхватила она) ужъ нельзя-ли тебѣ отказаться отъ того? намъ право и здѣсь хорошо. Мы здѣсь уже обзаводились всѣмъ, и привыкли ко всему; на что намъ этого лучше? такъ близко отъ двора; а то поѣзжай въ такую даль, отбивайся отъ всѣхъ своихъ родныхъ, отдаляйся отъ дома. А' Богъ знаетъ еще ни то мы тамъ лучшее найдемъ, ни то потеряемъ, право подумайте!—«Помилуй (отвѣчалъ я), какъ это можно!... Это смѣхъ людской будетъ, если станемъ мы отбиваться; къ тому-жъ сама ты знаешь, что мы того не искали и не добивались, а пришло это само собою, и видно воля на то Господня! Словомъ, и говорить о томъ нечего, а помышлять надобно о сборахъ».

Однако, что я ни говорилъ, но женѣ моей крайне не хотѣлось разставаться съ Кiясовкою, и чѣмъ болѣе она о томъ помышляла, тѣмъ паче увеличивалось ея нехотѣнiе, и скоро довело ее до того, что она ударилась даже въ слезы. Но я смѣялся только ея малодушiю и твердилъ ей, что объ отреченiи и помышлять нечего, а чтобъ лучше, не упуская времени, помышляли онѣ обо всемъ нужномъ для предстоящаго намъ переѣзда.

Совсѣмъ тѣмъ и самого меня тогдашнее позднее осеннее время озабочивало немало. Я воображалъ себѣ всѣ предлежащiя намъ трудности къ перевозкѣ всѣхъ завезенныхъ нами изъ двора вещей и цѣлаго почти дома, съ людьми, скотомъ, меблями и прочимъ, и предусматривалъ самъ, что намъ перевозка всего доставитъ множество хлопотъ, заботъ и затрудненiй; но мысль о необходимости того подкрѣпляла меня и ободряла много.

Итакъ, не долго думая, приказалъ я канцеляристу своему приготовлять все къ предстоящей сдачѣ, а самъ, засѣвши въ свое мѣсто, принялся тотчасъ за сочиненiе инструкцiи своему преемнику, и въ немногiе часы настрочилъ ему превеликую, и не сомнѣвался, что она князю будетъ угодна, ибо я не упустилъ ничего изъ вида. Но сколь малаго труда стоило мнѣ написать сiю инструкцiю, столь много напротивъ того смутился я и не зналъ, что мнѣ предписать ему въ разсужденiе заведеннаго мною тутъ на опытъ новоманернаго семипольнаго хлѣбопашества. Князю неотмѣнно хотѣлось, чтобъ сей опытъ продолжаемъ былъ во всей его формѣ и порядкѣ, но какъ о господинѣ Шестаковѣ, бывшемъ нѣкогда управителемъ въ Бобрикахъ, случилось мнѣ слышать, что онъ человѣкъ хотя доброй, но сущiй ахреянъ, и изъ простаковъ простакъ, и тупица настоящая; а все оное хлѣбопашество въ основанiи своемъ имѣло особую обширную систему, и успѣхъ и польза отъ таковаго хлѣбопашества неинако могла ожидаема быть, какъ отъ

непремѣннаго наблюденія учрежденнаго распорядка, то полагая, что все сіе простаку тому не влезетъ и въ голову, и что онъ не только исполнять того, но и понять будетъ не въ состояніи, что послѣ и оказалось дѣйствительно такъ, какъ я думалъ; однако, чтобъ не упустить и сего изъ вида, то написалъ я относительно и до сего хлѣбопашества превеликое и наиподробнѣйшее наставленіе, и раствердилъ все и все какъ сорокѣ Якова, и чтобъ простаку все понятнѣе могло быть, то изъяснилъ все нужное наипростѣйшими рисунками.

Исправя все сіе и дорожа временемъ, поскакалъ я въ Москву, и явившись къ князю, благодарилъ его за оказанную къ себѣ милость. Тутъ услышалъ и узналъ я отъ секретаря нашего такое, чего я еще не вѣдалъ, и что меня еще болѣе въ добротѣ сердечной и честности характера княжова удостовѣрило. А именно, что какъ скоро богородицкой управитель умеръ, то многіе изъ тамошнихъ дворянъ, льстившіеся получить его мѣсто, подхватя почтовыхъ, прискакали въ Москву, и бросились съ просьбами своими къ князю Сергію Сергѣевичу, а сей тотчасъ и прискакалъ-было насѣдать по прежнему на старика-князя, и просить объ опредѣленіи туда какого-то своего знакомца. Но старикъ-князь его предупредилъ, и разрушилъ всѣ сіи новыя каверзы тѣмъ, что какъ скоро получилъ изъ Богородицка о смерти управителя увѣдомленіе, такъ въ ту-жъ самую минуту призвалъ его, секретаря, и велѣлъ писать помянутой ко мнѣ ордеръ, и въ тотъ же день съ нарочнымъ солдатомъ ко мнѣ его и отправилъ. Итакъ, не успѣлъ князь Сергій Сергѣевичъ, прискакавъ съ просьбою своею, заикнуться, какъ старикъ ему сказалъ, что это уже поздно, что я уже опредѣленъ, и что ко мнѣ уже и ордеръ посланъ, а потому чтобъ онъ и оставилъ его въ разсужденіи сего пункта съ покоемъ. Итакъ, молодой князь, не солоно хлѣбавъ, и принужденъ былъ почти со стыдомъ возвратиться.

Таковой поступокъ старика-князя заставилъ меня его еще болѣе полюбить и сдѣлаться къ нему за то еще болѣе усерднѣйшимъ. Онъ принялъ меня въ сей разъ отмѣнно милостиво и благопріятно, опробовалъ совершенно сочиненную мною Шестакову инструкцію и о землѣ наставленіе, и оставилъ у себя для переписки, подписанія и врученія Шестакову, когда онъ пріѣдетъ. Потомъ, поговоря со мною обо многомъ, относящимся до Богородицкой волости и такимъ тономъ, что я могъ заключить, что онъ не совсѣмъ доволенъ былъ управленіемъ умершаго управителя, отпустилъ онъ меня, сказавъ, что онъ на меня надѣется какъ самъ на себя, и что онъ находящагося тамъ бобриковскаго управителя, которой не совсѣмъ ему нравится, и о которомъ дошли до него нѣкоторые невыгодные слухи, предаетъ совершенно въ мою волю, и что если я найду за нимъ что-нибудь нехорошее, такъ бы только отписалъ къ нему, и тогда онъ его тотчасъ отрѣшитъ и его тамъ и не будетъ.

Съ симъ разстался я тогда съ моимъ любезнымъ старичкомъ-княземъ, и пробывъ въ Москвѣ не болѣе однихъ сутокъ, возвратился въ Кіясовку, гдѣ нашелъ моихъ домашнихъ уже убирающихся и совсѣмъ почти готовыхъ къ отъѣзду.

Итакъ, осталось намъ только дождаться господина Шестакова для сдачи ему съ рукъ на руки волости и всего до ней принадлежащаго. Но сей ахреянъ не такъ-то скоро повернулся, какъ мы думали и ожидали; ибо тдѣ-то его въ деревнѣ отыскали, гдѣ-то онъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ-то онъ туда отправился, а мы его жди да подожди и горюй, что время часъ отъ часу становилось хуже и для ѣзды неспособнѣе. Цѣлую недѣлю принуждены мы были его дожидаться, но спасибо чрезъ то имѣли времени и досуга довольно къ сдѣланію всѣхъ нужныхъ къ переѣзду своему приуготовленій; а сверхъ того и распрощаться со всѣми нашими сосѣдями, которые всѣ не успѣли услышать о нашемъ отбытіи, какъ, несмотря на всю дурноту тогдашняго времени, пріѣзжали

къ намъ изъявлять свое объ отбытіи нашемъ сожалѣніе и съ нами распрощаться.

Кромѣ сего, надобно было намъ отправить и бывшихъ у меня учениковъ къ ихъ родственникамъ, ибо всѣхъ ихъ съ собою въ такую даль забирать было и для насъ отяготительно, да и роднымъ ихъ того не хотѣлось, а вмѣсто того хотѣлось намъ невѣдомо какъ уговорить ѣхать съ собою помянутую дѣвушку, госпожу Бѣляеву. Она, полюбивъ насъ и къ намъ привыкнувъ, весьма охотно и сама того хотѣла; но великой трудъ мы имѣли уговорить и убѣдить старичка-отца ея отпустить ее съ нами, и онъ неиначе къ тому наконецъ согласился, какъ съ условіемъ, чтобъ я подарилъ его бывшею у меня маленькою, обрѣзною, намалеванною на доскѣ статуйкою, изображающаго мальчика, которую какъ я ни любилъ; но принужденъ былъ уступить ему въ удовлетвореніе желанія всего моего семейства.

Наконецъ изволилъ прибыть и преемникъ мой, господинъ Шестаковъ, и я нашелъ въ немъ дѣйствительно самаго простака и сущаго деревенскаго ахреяна. И какая коммиссія была мнѣ при сдачѣ ему всей волости: ты говоришь ему то, а онъ мелетъ другое; ты ему изъясняешь дѣло, а онъ несетъ вздоръ... и горе истинное у меня съ нимъ тогда было! Къ бездѣлицамъ, ничего незначущимъ, привязывается какъ смола, а важнаго и самого дѣла не хочетъ слушать! что ты съ нимъ изволишь? О томъ, что можно въ часъ кончить, толкую съ нимъ часовъ пять и болѣе. Когда-жъ дошло у насъ дѣло до наставленія моего въ разсужденіи новоманернаго заведенія, тутъ встань бѣда и не ляжь! И тутъ-то прямо доказалъ онъ мнѣ и невѣжество свое, и грубость и ахреянство. Вмѣсто того, чтобъ внимать все ему толкуемое, какъ сорокѣ Якова, поднялся у насъ съ нимъ ропотъ и негодованіе, и онъ, пуская всѣ слова мои совершенно мимо ушей, твердилъ только: «Что это такое? да на что это? что за дьявольщина? и какая отъ того польза?» и т. д. Я слушалъ-слушалъ, да и сталъ, и наконецъ другого не нашелъ, какъ плюнувъ, на все ему съ досадою сказать: «Ну, братецъ, какъ хочешь? я свое дѣло сдѣлалъ, и учинилъ славное начало, о которомъ и въ Петербургѣ уже знаютъ; а ты хоть все брось и запусти, я уже за то не отвѣтчикъ; а отвѣчай уже самъ князю какъ тебя Богъ на разумъ наставитъ». И дѣйствительно, бросивъ ему наставленіе, пошелъ прочь отъ него, и самъ себѣ сказалъ: «Ну, вижу я теперь самъ, какая дьявольская разница имѣть дѣло съ разумнымъ человѣкомъ и съ глупцомъ, а особливо съ невѣждою, набитымъ глупѣйшими о знаніи своемъ мыслями!»

Но какъ бы то ни было, но наконецъ все дѣло свое мы съ нимъ кончили, и намъ осталось только укласть всѣ свои вещи въ повозки, запречь лошадей, со всѣми распрощаться и ѣхать; и во всемъ этомъ провели мы уже не болѣе сутокъ. И какъ у насъ навожено было множество всякихъ вещей и мелочей изъ дома, то ими, также моею библіотекою, картинами и превеликимъ множествомъ картузовъ, набитыхъ разными врачебными травами, нагрузили мы множество повозокъ, и употребили подъ нихъ не только всѣхъ тутошнихъ казенныхъ лошадей, но и всѣхъ приведенныхъ изъ деревни для сего своихъ собственныхъ, такъ что составился превеликой обозъ изъ всѣхъ нашихъ экипажей и повозокъ отчасти на колесахъ, отчасти на саняхъ, ибо былъ уже тогда и снѣжокъ маленькой.

Наконецъ настал день нашего отъѣзда, случившійся на другой день послѣ Михайлова-дня, то-есть ноября 9-го дня, и день сей былъ для меня прямо чувствительной. Изъ всѣхъ селъ и деревень собрались къ сему времени всѣ бурмистры, старосты и лучшіе люди. Всѣ они наносили всякой всячины на дорогу, и прощались со мною съ изъявленіемъ искренной ко мнѣ любви и благодарности за хорошее управленіе ими. Всѣ отзывались, что они мною весьма довольны; всѣ желали мнѣ счастливаго пути, и жалѣли, что я отъ нихъ отбываю. Но никто съ та-

кимъ чувствительнымъ сожалѣніемъ со мною не разставался, какъ нашъ лекарь.

Итакъ, распрощавшись и помолясь Богу, мы въ путь свой и отправились. А симъ окончу я и письмо мое, превзошедшее уже обыкновенные предѣлы, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря, 15-го дня, 1809 года).

БОГОРОДИЦКЪ.

Письмо 185-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію достопамятнѣйшаго періода моей жизни, начну повѣствованіемъ о нашемъ путешествіи изъ Кіясовки до Богородицка, и изображеніи чувствованій душевныхъ, какія я имѣлъ во время сего краткаго, но труднаго и безпокойнаго путешествія. Какъ время было тогда самое позднее осеннее, и отъ бывшаго незадолго до того ненастья и самаго зазимья путь такой скверной, что не можно почти было ни на колесахъ, ни на саняхъ ѣхать, то претерпѣли мы много трудовъ и безпокойствъ. Переѣзжалъ я тогда со всѣмъ своимъ домомъ и семействомъ; кромѣ насъ четверыхъ большихъ, то-есть меня, моей тещи, жены и госпожи Бѣляевой, было съ нами четверо нашихъ дѣтей, кои были малъ-мала меньше. Большой нашей дочери Елисаветѣ шелъ уже тогда девятой годъ, и она была дѣвочка уже изрядная и утѣшавшая насъ и видомъ, и милымъ и любезнымъ характеромъ своимъ. Мы выучили уже ее грамотѣ и писать, и были понятіемъ и всѣмъ поведеніемъ ея очень довольны. Сыну моему, какъ второму по ней, шелъ уже шестой годъ, и бабушка его, трудившаяся надъ обученіемъ и его грамотѣ, успѣла уже выучить и его оной. Острое его понятіе и способность съ самаго малолѣтства ко всему хорошему поспѣшествовала къ тому очень много. Другой моей дочери, Настасьѣ, доходилъ тогда третій годъ, и сія хотя сошла съ рукъ, но далеко еще не совсѣмъ, а меньшая моя дочь Ольга была еще на рукахъ, и ей шелъ только второй годъ. Итакъ, всѣ они были еще очень малы, и всѣ требовали за собою особыхъ хожатыхъ. Кромѣ сего было съ нами множество людей, старыхъ, женщинъ и дѣвокъ. Для помѣщенія всѣхъ ихъ потребны были повозки, кромѣ тѣхъ, которыя нагружены были нашимъ багажемъ и всякою домашнею сбруею и провизіею; а потому и было съ нами множество большихъ и малыхъ повозокъ, и ѣхали мы превеликимъ обозомъ. Старшія госпожи ѣхали въ каретѣ, дѣти съ ихъ мамами и нянями—въ другой, иные же въ коляскѣ, женщины же и дѣвки въ кибиткахъ, и всѣ сіи повозки были на колесахъ. Что касается до меня, то какъ мнѣ не хотѣлось никакъ разстаться съ нововыдуманнымъ моимъ, вскрывающимся, покойнымъ возочкомъ, то, несмотря на всю еще малость снѣга и ежечасное опасеніе, чтобъ онъ не сошелъ, рѣшился я на отвагу, ѣхать залегши въ немъ, дабы мнѣ можно было заниматься чтеніемъ книгъ, и не такъ бы скучно было ѣхать. Ѣхали мы тогда черезъ Коширу, Веневъ и оттуда по епифанской дорогѣ, пробираясь прямо на село Бобрики. Все сіе разстояніе было хотя не очень велико, и не простиралось хотя и до двухъсотъ верстъ, но какъ принуждены мы были не ѣхать, а тащиться съ ноги на ногу, и то и дѣло останавливаться, то и провели мы въ семъ путешествіи болѣе четырехъ дней.

Въ теченіе сего времени, сидючи въ своемъ возкѣ, и тащившись, гдѣ по снѣгу, гдѣ по голой землѣ и грязи, имѣлъ я досугъ заниматься помышленіями о предстоящей перемѣнѣ, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и всѣхъ моихъ обстоятельствъ, которыя и занимали меня во всю почти дорогу. Я помышлялъ, разсуждалъ и говорилъ то и дѣло самъ съ собою какъ о прежнемъ, такъ и новомъ своемъ мѣстѣ, и обо всемъ, до обоихъ ихъ относящемся. То, отъ котораго тогда я удалялся, было мнѣ довольно знакомо, и я былъ имъ по всѣмъ отношеніямъ доволенъ. Во всѣ почти полтретья года жительства моего въ Кіясовкѣ не имѣлъ я никакого неудоволь-

ствія, жилъ себѣ какъ хотѣлъ, и на совершенной почти свободѣ. Иго обязанности моей было такъ легко, что я онаго почти не чувствовалъ, а особливо въ послѣднее время. Труды и заботы хотя кое-какіе и были, но сносные. И гдѣ же мы безъ нихъ жить и быть можемъ? По крайней мѣрѣ имѣлъ я то удовольствіе, что знатную или паче большую часть своего времени могъ употреблять для себя и для собственныхъ своихъ любимѣйшихъ упражненій. Дѣлъ по должности было такъ мало, и они были такъ легки, что я исправлялъ ихъ почти играючи, а что всего важнѣе, не опасаясь никакого строгаго взысканія. Не было никакихъ у меня завистниковъ и тайныхъ злодѣевъ, искавшихъ моей погибели; никому я мѣстомъ своимъ не кололъ глаза. Жилъ въ мирѣ, тишинѣ и въ такомъ же почти удаленіи отъ шума большого свѣта, какъ и прежде въ своей деревнѣ. Да и отъ сей находился въ такой близости, что могъ всегда когда хотѣлъ въ нее ѣздить и видаться съ своими родными и прежними друзьями своими, а сдѣлался любимъ и уважаемъ и тутошними сосѣдями. Сколько новыхъ друзей и знакомцевъ я тутъ въ короткое время нажилъ! Прибытковъ никакихъ побочныхъ хотя я и не имѣлъ, но они мнѣ были и ненадобны: я былъ и своимъ жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ доволенъ. Не терпѣлъ я ни въ чемъ недостатка. Волости, которыя ввѣрены были мнѣ въ управленіе, хотя не многочисленны, но тѣмъ легче было и управленіе ими. Словомъ, все и все было хорошо, и такъ хорошо, что я, попривыкнувъ ко всему, не желалъ никакъ лучшаго мѣста.

«Напротивъ того то мѣсто, къ которому я приближался, знакомо мнѣ только вскользь (говорилъ я самъ себѣ, продолжая разсуждать), а во всей подробности я его совсѣмъ еще не знаю. Все извѣстное и достовѣрное состоитъ только въ томъ, что волости несравненно многочисленнѣе, и что вмѣсто 3 или 4 тысячъ душъ, буду я управлять многочисленнымъ и тысячъ до 20-ти простирающимся народомъ. Множество огромныхъ селъ и деревень и цѣлой почти городъ находиться будетъ въ моемъ повиновеніи. Но, ахъ! за то и трудовъ и заботъ, сопряженныхъ съ управленіемъ толь многочисленнымъ народомъ, несравненно будетъ больше. Здѣсь былъ у меня одинъ только подъячій, и письма было такъ мало, что и тому дѣлать было почти нечего, а тамъ находится цѣлая канцелярія, и письменныхъ дѣлъ, которыя мнѣ по непривычкѣ совсѣмъ еще незнакомы, и коимъ я долженъ буду еще учиться, превеликое множество. Кромѣ того, и одни производимыя тамъ нынѣ многія огромныя строенія навлекутъ мнѣ тысячи хлопотъ, трудовъ и заботъ, которыя мнѣ тѣмъ будутъ тягостнѣе, что я ими никогда еще не занимался; и ко всему тому едва-ли могу пользоваться столько свободнымъ для себя и собственныхъ упражненій своихъ временемъ, сколько находилъ я его въ прежнемъ и мною оставленномъ мѣстѣ. Не буду-ли я тамъ связанъ и по рукамъ и по ногамъ, и не стану-ли жалѣть о потерянной свободѣ? Жалованье получать я буду точно такое-жъ, какое получалъ я прежде, и прибытковъ постороннихъ и побочныхъ и недозволенныхъ, коими такъ многіе льстятся, вѣрно не захочу и тамъ имѣть. Итакъ, доходы будутъ тѣ же, а расходовъ можетъ быть надобно будетъ имѣть несравненно больше. Жить я буду почти въ городѣ, на большой проѣзжей дорогѣ, и въ такомъ отдаленіи отъ моего дома, что нельзя мнѣ будетъ получать изъ него попрежнему всякую всячину. Кромѣ того удалюсь я отъ всѣхъ моихъ родныхъ, друзей и пріятелей прежнихъ, и ѣду, какъ въ лѣсъ, къ людямъ совсѣмъ мнѣ незнакомымъ, съ которыми надобно мнѣ будетъ еще спознакомливаться. И Богу еще извѣстно, найду-ли я тамъ такихъ добрыхъ людей, и такихъ милыхъ и любезныхъ, меня любящихъ сосѣдей, какихъ имѣлъ въ оставленномъ мѣстѣ. Въ деревню свою ѣздить и любезной свой домишка и сады навѣщать уже мнѣ никакъ не можно будетъ такъ часто, какъ до сего времени. Жить я буду уже

не за 40, а верстъ почти за полтораста отъ него! и какъ легко могу чрезъ-то въ собственномъ хозяйствѣ своемъ сдѣлать великія упущенія. Итакъ, и со всѣхъ сихъ сторонъ не могу я никакими особыми и дальними выгодами ласкаться. А льститъ меня одно только то, что мѣсто сіе гораздо знаменитѣе моего прежняго, и что я въономъ буду болѣе всѣми уважаемъ и почитаемъ! Но, ахъ! почему знать, не долженъ ли я буду за мечту сію платить очень дорого, и тысячами можетъ быть не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ трудовъ, досадъ, прискорбій и неудовольствій! Чѣмъ знаменитѣе мѣсто, тѣмъ множайшихъ имѣть я буду завистниковъ и тайныхъ, а можетъ быть и самыхъ явныхъ себѣ недоброхотовъ и злодѣевъ, которые всячески подо мною подыскиваться, меня всѣмъ и всѣмъ чернить, порицать и на меня клеветать и всячески о томъ стараться будутъ, чтобъ лишить и меня такимъ же образомъ тамошняго мѣста, какъ согнали они Опухтина. Всего сего и подобнаго тому мнѣ вѣрно ожидать, и отъ всего того тысячи осторожностей имѣть будетъ надобно. Итакъ, неизвѣстно еще, найду ли я при сей перемѣнѣ моего мѣста что-нибудь или потеряю».

Сим и подобнымъ сему образомъ помышлялъ и говорилъ я самъ съ собою не одинъ разъ, ѣдучи въ своемъ возочкѣ, и мысли сіи временемъ приводили всю душу мою въ смятеніе; но спасибо продолжались онѣ всегда не слишкомъ долго; но я всякой разъ потомъ успокоивалъ, утѣшалъ, ободрялъ и подкрѣплялъ себя возлаганіемъ надежды и упованія на моего Творца и Господа, будучи твердо удостовѣренъ въ томъ, что по его велѣнію все сіе творится, и что ведетъ меня туда святая его десница; надѣялся и не сомнѣвался я въ томъ, что онъ и тамъ не оставитъ меня святою своею во всемъ помощію и покровительствомъ, а сіе и успокоивало тотчасъ опять мой духъ, какъ скоро приходилъ онъ въ смущеніе.

Въ таковыхъ помышленіяхъ и не претерпѣвъ на дорогѣ, кромѣ нѣкоторыхъ безпокойствъ по квартирамъ и ночлегамъ никакого помѣшательства и остановки, доѣхали мы наконецъ благополучно до славнаго и именитаго села Бобриковъ. Случилось сіе уже передъ самымъ вечеромъ 13-го ноября и наканунѣ филипповыхъ заговинъ. Какъ ни любилъ я свой возочикъ и какъ покойно въ немъ ни ѣхалъ, но подъѣзжая къ Бобрикамъ, пересѣлъ я къ барынямъ въ свою большую карету, дабы придать въѣзду своему болѣе важности. Не могу изобразить никакъ тѣхъ чувствованій, какія ощущалъ я въ душѣ моей при въѣздѣ въ предѣлы волости, и при узрѣніи первыхъ селеній и бобриковскаго огромнаго дворца, которой въ теченіе того времени, которое прожилъ я дома и въ Кіясовкѣ, уже выстроенъ былъ вчернѣ почти весь, и я увидѣлъ огромную массу сію уже покрытою, и что достраивались только флигели и службы. Я перекрестился, въѣзжая въ сію волость, и вздохнувъ не одинъ разъ втайнѣ, простиралъ всѣ мысли и чувства свои душевно ко Господу.

Какъ всѣ тамошніе о скоромъ пріѣздѣ моемъ и о самомъ днѣ прибытія моего были предувѣдомлены, потому что я писалъ уже о томъ къ Варсобину, какъ начальствующей тогда въ Богородицкѣ особѣ, прося его, чтобъ все нужное къ пріѣзду моему было приготовлено, то и встрѣчены мы были въ Бобрикахъ тамошнимъ управителемъ, господиномъ Верещагинымъ, Петромъ Алексѣевичемъ, и архитекторомъ, господиномъ Ананьинымъ. Послѣдній изъ нихъ былъ мнѣ уже отчасти, хотя и вскользь только знакомъ, а перваго имѣлъ я тогда случай впервые только еще увидѣть, и о которомъ я тогда ничего еще изъ всего упоминаемаго мною впереди не зналъ, и характеръ его былъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Онъ принялъ меня со всѣмъ всевозможнымъ учтивствомъ и благопріятствомъ, и какъ въ притворствѣ былъ онъ превеликой искусникъ, и въ ремеслѣ этомъ сущій академикъ, то и показался онъ мнѣ ангеломъ, а не человѣкомъ... и уменъ, и свѣдущъ обо всемъ, и ласковъ, и проворенъ, и ду-

ши пандобрѣйшей: словомъ, такимъ, что очаровалъ меня почти всѣмъ своимъ поведеніемъ, и пріобрѣлъ тѣмъ съ самой первой минуты всю мою искреннюю къ себѣ благосклонность. А каковъ былъ самъ, таково-жъ почти или немного хуже было и все его семейство. Мать его показалась намъ весьма доброю, умною, обходительною и простосердечною пожилою старушкою; всѣ три сестры также ласковыми, дружелюбными, услужливыми и благопріятными, и старшая изъ нихъ отмѣнно самою умницею и бойкою особою. Что касается до меньшого ихъ брата, Семена Алексѣевича, то былъ онъ малой еще молодой, тихой, и казался мнѣ гораздо простѣе своего старшаго брата. Напротивъ того, господинъ Ананьинъ показался мнѣ хотя умнымъ, но слишкомъ уже чопорнымъ и много о себѣ думавшемъ, однако добрымъ человѣкомъ.

Для почлега отвели они намъ наилучшіе изъ всѣхъ своихъ покоевъ, и, стараясь не только угостить насъ добрымъ ужиномъ, но и всячески успокоить не только насъ, но и самыхъ людей нашихъ; такъ что мы всѣмъ пріемомъ ихъ были совершенно довольны.

Наутріе, напившись чаю, пошелъ я съ обоими новыми моими подкомандующими осматривать строенія, въ которыхъ, по позднему уже осеннему времени, никакой работы уже не производилось. Тутъ господинъ архитекторъ старался показать мнѣ все свое знаніе и искусство. Онъ водилъ меня всюду и всюду, и изъяснялъ все какъ должно. Господинъ Верещагинъ же только молчалъ и былъ слушателемъ. Сіе доказало мнѣ уже отчасти, что былъ онъ только на словахъ великой человѣкъ, а на дѣлахъ не совсѣмъ таковъ, и что главную ролю тутъ игралъ Яковъ Ананьичъ, такъ звали помянутаго архитектора. Изъ дворца прошли мы въ церковь, также уже покрытую и совсѣмъ почти отдѣланную. По осмотрѣніи же оной зашелъ я въ комнаты архитектора, жившаго въ другомъ концѣ дома управительскаго. И дабы показать ему, что и я въ разсужденіи строеній несовсѣмъ незнающъ, просилъ его показать мнѣ планы и фасады. Въ мигъ они мнѣ были всѣ представлены не только оригинальные, но и всѣ практическіе, и все желаемое мною по онымъ изъясняемо; а по всему тому увидѣлъ я, что архитекторъ сей былъ дѣйствительно ремесло свое совершенно разумѣющій, а притомъ прилежной и рачительной человѣкъ, чему и былъ я чрезвычайно радъ; ибо тотчасъ могъ предусмотрѣть, что по строеніямъ не доведетъ онъ меня ни до какихъ дальнихъ хлопотъ, и облегчитъ собою весьма всѣ мои объ нихъ заботы и попеченія.

Поговоривъ и потолковавъ съ нимъ обо всемъ, и распросивъ о числѣ наличныхъ и недостающихъ еще къ строенію матеріаловъ, и о томъ, что нужно къ предварительному о нихъ попеченію, возвратился я въ комнаты, гдѣ мы квартировали; и попросивъ хозяекъ, чтобъ онѣ покормили насъ поранѣе, дабы успѣли мы благовременно дотащиться до Богородицка, а отобѣдавъ или паче позавтракавъ у нихъ и распрощавшись, отправились мы далѣе къ Богородицку. Сей послѣдній переѣздъ былъ хотя не слишкомъ большой, но наитруднѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ: отчасти по дурнотѣ грязныхъ степныхъ дорогъ, а отчасти и по усталости уже и лошадей нашихъ, и мы не ѣхали, а тащились. Какъ сидѣлъ я и въ сей разъ въ одной каретѣ со своими спутницами, то имѣлъ я удовольствіе видѣть ихъ пріятное удивленіе при проѣздѣ чрезъ большія и порядочно разселенныя деревни Бобриковской волости, сквозь которыя намъ тогда ѣхать случилось, и слышать сужденіе ихъ о семействѣ господина Верещагина. Онѣ были такого-же почти мнѣнія, какъ и я, но большая только сестра его, Марья, показалась имъ слишкомъ уже бойкою и хитрою дѣвкою.

При проѣздѣ чрезъ село Ивановское, въ которомъ дни за два до того былъ годовой ихъ праздникъ, наѣхали мы всѣхъ мужиковъ бражничающихъ и сбѣгающихся къ намъ съ своими глупыми поздравленіями и просьбами, чтобъ принять отъ нихъ хлѣбъ и соль, подносимой намъ ими.

Сіе было намъ нимало не противно, и я говорилъ только имъ: «Благодарю, благодарю, друзья мои, за вашу ласку и усердіе, но все это напрасно; а веселитесь себѣ и забавляйтесь какъ вамъ угодно». И насилу-насилу отвязались мы отъ нихъ, приступающихъ къ намъ съ неотступными просьбами о принятіи ихъ хлѣбовъ и нѣсколькихъ окороковъ ветчины, съ чѣмъ обыкновенно всегда они хаживали на поклоны и изъявляли свое усердіе. Наконецъ кое-какъ переѣхали мы и сей переѣздъ, и выѣхавши изъ Балахонскаго лѣса увидѣли вдали колокольню богородицкую.

Наставали тогда уже самыя почти сумерки, какъ мы въѣхали въ Богородицкъ. При въѣздѣ въ оной я и не узналъ почти его: столь многія и большія перемѣны произошли уже въ ономъ съ того времени, какъ я его въ первой разъ видѣлъ. На мѣстѣ бывшаго тогда пакостнаго гостинаго двора и лавочекъ увидѣлъ я уже превеликую площадь, и посреди оной воздвигнутую огромную, и вчернѣ уже совсѣмъ почти отдѣланную церковь; а вмѣсто прежнихъ кой-какихъ негодныхъ зданьишекъ внутри земляной крѣпости и подлѣ колокольни, стояли уже высокія каменныя зданія, составлявшія нѣкоторой родъ замка, а позади ихъ, на берегу пруда, немалой величины домъ каменной, также дворцомъ называемой. Все это было уже послѣ меня построено, и чрезъ все сіе весь Богородицкъ, ровно какъ оживотворился, и вмѣсто прежняго ничего незначущаго села имѣлъ уже видъ города. Самой управительской домъ увидѣлъ я хотя на томъ же мѣстѣ, но совсѣмъ уже не тотъ, и покрытой уже не тростникомъ, а тесомъ. Прежній, и тотъ въ которомъ я ночевалъ, успѣлъ уже сгорѣть, а на мѣсто его построенъ былъ уже сей новой, и весь онъ, на подобіе замка, съ задней стороны окруженъ былъ мазанками, сараями и службами, покрытыми отчасти тростникомъ, отчасти дерномъ.

При въѣздѣ на дворъ, при подъѣзжаніи къ большому и покрытому подъѣзду, госпожи мои въ прахъ закрестились; а и самъ я не преминулъ вознестись мыслями къ небу, и просить Господа о благословеніи при вступленіи нашемъ въ сіе новое для насъ обиталище. Насъ встрѣтили тутъ уже нѣкоторые изъ нашихъ людей присланные отъ меня уже прежде съ нѣкоторыми вещами и обозомъ съ провизіею. Домъ былъ уже натопленъ и приготовленъ совсѣмъ для принятія насъ въ себя; и какъ мы при тогдашней холодной погодѣ нѣсколько поозябли, то вошли мы въ него какъ въ рай, и найдя его просторнымъ, свѣтлымъ и расположеннымъ довольно спокойно, не могли имъ довольно налюбоваться. Ибо какъ покойной предмѣстникъ мой имѣлъ превеликое семейство, то и успѣлъ онъ къ бывшему тутъ дому пристроить еще нѣсколько покойцевъ для себя и для помѣщенія дѣтей своихъ. И потому, всему семейству моему не только было гдѣ помѣститься, но было даже и нѣсколько излишнихъ покойцевъ изъ прирубленныхъ вновь и кои остались у насъ даже праздными, и мы обратили ихъ въ ткацкую и кладовую. Для самого себя нашелъ я въ нихъ въ усторонье особой кабинетецъ, но какъ-то уже слишкомъ тѣсноватой и такой, что въ ономъ могъ я помѣстить одинъ только свой столикъ для письма и канапе; къ тому-жъ не было въ немъ и печи, а одинъ только каминъ. Но за то была предъ нимъ другая, хотя также съ однимъ только окномъ небольшая комнатка, въ которой могъ я помѣстить свою библіотеку и шкафъ съ картузами, также большой столъ для моихъ собственныхъ писцовъ, почему я и сею частію дома былъ совершенно доволенъ.

Мы не успѣли обѣгать и осмотрѣть всѣ комнаты и приказать разбираться, какъ гляжу, является и господинъ Варсобинъ, прибѣжавшій безъ души изъ своего дома. И это было въ первой разъ, что я его узналъ. Но мы въ сей день съ нимъ немного говорили, а почти только поздоровкались.

Но какъ скоро настало послѣдующее за симъ утро, то и стали мало-по-малу

являться ко мнѣ всѣ находившіеся тамъ знаменитѣйшіе люди, и прежде всѣхъ предстали предъ меня всѣ три канцеляриста, какъ главныя особы въ тамошней канцеляріи. Первой и главнѣйшій изъ нихъ былъ помянутой господинъ Варсобинъ. Сей былъ правителемъ всей канцеляріи, и у него была вся казна и всѣ доходы и расходы на рукахъ—особа, которую скоро трудно было узнать въ точности. Второй былъ господинъ Щедиловъ, по имени Прокофій Егоровичъ, мужикъ высокой и имѣвшій покрой самаго старинпаго подъячаго, но показавшійся мнѣ изъ всѣхъ ихъ и праводушнѣйшимъ, и болѣе всѣхъ ихъ разумѣющимъ письмо и дѣло. У сего были всѣ письменныя дѣла, а сверхъ того и весь магазинъ на рукахъ. Третій былъ господинъ Ломакинъ, по имени Михаилъ Яковлевичъ, которой показался мнѣ средственнымъ человѣчкомъ и не изъ далекихъ. У него былъ на рукахъ весь тамошній гошпиталь и всѣ разные казенные матеріалы. Всѣ они принесли ко мнѣ кульки, набитые всякою всячиною на поклонъ, и я какъ ни отговаривался, но чтобъ ихъ не огорчить, принужденъ былъ принять; и какъ былъ въ числѣ ихъ наполненной рыбою, то сіе по случаю наставшаго тогда Филиппова поста было и кстати.

Не успѣлъ я, поговоривши и ознакомившись съ ними, ихъ отъ себя отпустить, сказавъ, что я не замедлю придти самъ вскорѣ къ нимъ въ канцелярію для осмотрѣнія казны и прочаго, какъ является ко мнѣ тамошній архитекторской помощникъ, производившій тутошнія каменныя строенія подъ смотрѣніемъ главнаго архитектора. Прозывался онъ господинъ Волковъ, и я нашелъ его уже весьма отмѣннымъ отъ г. Ананьина, и мужичкомъ простенькимъ, нерасторопнымъ и не слишкомъ во всемъ далекимъ, и походившимъ болѣе на пьянюшку, нежели на остряка и провора.

Вскорѣ за симъ пріѣзжаетъ ко мнѣ, также для отданія поклона своего, тамошній волостной лекарь, прозывавшійся господиномъ Рудольфомъ, жившій при большомъ волостномъ гошпиталѣ, за версту отъ Богородицка, на мысу между прудовъ или такъ-называемомъ островкѣ построенномъ. Съ симъ иностранцемъ, и довольно рукомесло свое знающимъ человѣкомъ обошелся я, по обыкновенію своему, съ отличною благосклонностію, и онъ показался мнѣ довольно хорошимъ человѣкомъ, но готовящимся отъ насъ отбыть въ какое-то другое мѣсто, и почти собирающимся уже къ отъѣзду. Я сожалѣлъ, что его теряю, и распросивъ обо всѣхъ обстоятельствахъ тамошняго гошпиталя, не сталъ его удерживать, опять скоро отъ меня отходящаго.

Не успѣлъ я сего отъ себя спровадить, какъ являются ко мнѣ наилучшіе изъ тамошнихъ купцовъ, пришедшіе также на поклонъ со множествомъ кульковъ, набитыхъ всякою всячиною, или такъ-называемымъ хлѣбомъ и солью; ибо надо знать, что Богородицкъ составлялъ тогда ни село, ни городъ, а нѣкакой междуумокъ между ими. Въ старину былъ онъ городомъ съ деревянною рубленою крѣпостью, и живали въ немъ, по обыкновенію другихъ городовъ, воеводы, имѣвшіе свою городскую канцелярію, а купцы ратушу. Но какъ заведенъ былъ въ волости сей большой казенной конской заводъ, то уничтожено было воеводское городское управленіе и живали тутъ управители при заводѣ съ своими конюхами и конюшенными служителями. Когда-жъ заводъ конской тутъ уничтоженъ, и волость сія исключена изъ дворцовыхъ и переименована въ собственную императрицыну волость, и соединена съ купленною Бобриковскою волостью, то уничтожено и все относящееся до конскаго завода и изъ бывшаго правленія основано уже тогдашнее особое волостное. Купцы же остались жить въ домахъ своихъ попрежнему, имѣли хотя также свою ратушу, но во многомъ зависѣли отъ управителей тогдашнихъ, какъ первенствующихъ особъ во всемъ тамошнемъ селеніи. А такимъ же образомъ зависѣли отъ нихъ во многомъ и множество еще живущихъ тутъ конюховъ, и другихъ конюшенныхъ ниж-

нихъ чиновниковъ; а по всему тому и приходили ко мнѣ наилучшіе изъ тамошняго и весьма еще бѣднаго купечества на поклонъ. Я всѣхъ ихъ непреминулъ обласкать наивозможнѣйшимъ образомъ, и поступилъ съ ними какъ съ людьми, несостоящими хотя у меня въ командѣ, но во многомъ отъ меня зависящими.

По отпускѣ сихъ, собравшись, отправился я въ тамошнюю волостную канцелярію. И какъ была она недалеко, и только чрезъ площадь отъ моего обиталища, то пошелъ я туда пѣшкомъ при провожденіи двухъ вѣстовыхъ изъ солдатъ, при мнѣ уже находившихся. Канцелярія сія находилась тогда еще на тамошней высокой и красивой башнѣ или колокольнѣ въ комнаткахъ, сдѣланныхъ надъ сквозными воротами, подъ колокольнею находящимися. Я принужденъ былъ вздираться на нее по превысокой и крутой круглой лѣстницѣ, и взошедъ нашелъ всю ее наполненную множествомъ народа. Вся военная команда, состоящая въ нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ, капралахъ и человѣкахъ въ 20-ти солдатъ, находилась тутъ въ собраніи, равно какъ и прочіе разнаго рода нижніе чиновники и мастеровые, какъ-то: магазейвахтеры, столяра, шлесарь, кузнецы, служащіе при казенныхъ тамошнихъ лошадяхъ конюха гошпитальные служители, живописецъ, стекольщикъ, и наконецъ прочіе канцелярскіе служители, состоящіе въ нѣсколькихъ человѣкахъ копіистовъ. Оба первые канцеляриста, Варсобинъ и Щедиловъ, представляли мнѣ ихъ всѣхъ тутъ по порядку, и разсказывая о каждомъ изъ нихъ подробности, а именно: кому изъ нихъ поручены и какія должности, и кто изъ нихъ приставленъ былъ къ лѣсамъ кто къ отдаточнымъ землямъ, кто къ матеріаламъ и такъ далѣе.

Я всѣхъ ихъ, по обыкновенію своему, привѣтствовалъ благопріятнымъ образомъ, и отпуская ихъ къ своимъ дѣламъ, замѣтилъ, между прочимъ, одного молодого и съ виду жалковатаго человѣка въ простомъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ. И какъ онъ при выходѣ показался мнѣ какъ-то особливаго примѣчанія достойнымъ, то спросилъ я: «Это что за человѣкъ?»—Это-де,—сказалъ мнѣ усмѣхаяся Варсобинъ: стекольной подмастерье, принятый его сіятельствомъ для вставливанія при строеніяхъ стеколъ, и зовутъ его Вильгельмсомъ. Удивился я, сіе названіе услышавъ, и спросилъ далѣе: «Да какой онъ, русской, что-ли?»—Нѣтъ-де, а нѣмецъ. — «Ба! ба! ба! сказалъ я: у васъ и нѣмцы еще здѣсь есть, кликните-ко его ко мнѣ!»—«Александра Давыдовичъ! пожалуйте-ка сюда», закричалъ Варсобинъ. Онъ тотчасъ и воротился, и тогда началъ я съ нимъ по-нѣмецки говорить. Бѣднякъ обрадовался невѣдомо какъ, услышавъ, что я говорю его природнымъ языкомъ, и сталъ мнѣ кланяться и себя рекомендовать. Я обрадовался услышавъ, что говорилъ онъ симъ любимымъ мною языкомъ довольно изрядно; но какъ мнѣ некогда было тогда долго съ нимъ раздабарывать, то сказавъ ему, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру, отпустилъ его, приласкавъ обыкновеннымъ образомъ, и Александра мой Давыдовичъ полетѣлъ почти безъ памяти отъ радости внизъ по лѣстницѣ.

По выходѣ всѣхъ сталъ я осматривать всю канцелярію и обо всемъ разспрашивать. Она состояла изъ трехъ комнатъ: въ средней и просторнѣйшей стояли столы всѣхъ трехъ повытьевъ, и при нихъ всѣ канцелярскіе служители и писцы, коихъ всѣхъ было человѣкъ почти до десяти. Въ одной изъ побочныхъ и также довольно просторной комнатѣ стояло нѣсколько большихъ сундуковъ, и въ одномъ изъ нихъ хранилась денежная казна, охраняемая стоящимъ часовымъ съ обнаженнымъ тесакомъ; другіе наполнены были письменными дѣлами. Другая побочная и небольшая комната составляла такъ-называемую судейскую. По введеніи въ оную меня моими такъ-сказать секретарями, увидѣлъ я тутъ, къ удивленію моему, порядочной судейской столъ, покрытой краснымъ сукномъ и съ стоящимъ на немъ зерцаломъ и лежащими на немъ нѣсколькими книгами. Поразился я,

симъ зрѣлищемъ, и самъ себѣ сказалъ: «Вотъ, судырь! Судьба нидумано-нигадано, доставила и мнѣ случай сидѣть за краснымъ сукномъ и за зерцаломъ»! Но какъ мнѣ всѣ канцелярскіе обряды, хранимые тутъ во всей ихъ старинной формѣ, вовсе были незнакомы, и я не зналъ за что приняться, то представлялъ тогда истинно смѣшную фигуру, но доволенъ былъ господиномъ Щедиловымъ, которой тотчасъ сталъ мнѣ, сѣвшему въ свои кресла, представлять приготовленныя уже ими списки и вѣдомости обо всемъ нужномъ. Но какъ мнѣ за наступившимъ тогда уже обѣденнымъ временемъ некогда было разсматриваніемъ оныхъ заниматься, то спросилъ я только всѣ-ли нужныя бумаги у нихъ заготовлены для представленія мнѣ отъ себя къ князю съ донесеніемъ обо всемъ, что я нашелъ тутъ. —«Всѣ-де почти готовы, сказали мнѣ оба мои секретари, и немногое только осталось». — Такъ поспѣшите-же, пожалуйте, къ завтрему докончить, чтобъ я могъ все увидѣть и во все войтить и потомъ репортовать къ князю. Сказавъ сіе не сталъ я долѣе медлить, и возвратился къ домашнимъ моимъ, дожидавшимся меня уже съ накрытымъ столомъ обѣдать.

Симъ кончу я сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Генваря 18-го дня 1809 года).

ПОСТУПКА СЪ ВЕРЕЩАГИНЫМЪ.

Письмо 186-е.

Любезный пріятель. Отобѣдавши съ моими домашними, употребилъ я все достальное время того дня на осматриваніе службъ и прочаго строенія на управительскомъ дворѣ; и нашедъ все нужное, былъ доволенъ тѣмъ, что въ разсужденіи сего не было мнѣ нужды хлопотать. Кромѣ кухни, погребовъ, анбара и людскихъ избъ, находилось еще множество мазанокъ, сараевъ для лошадей и скота. Въ нихъ содержались не только казенныя лошади, содержимыя на казенномъ коштѣ для разъѣзда управителя, и которыхъ было такъ довольно, что мнѣ не было нужды держать своихъ собственныхъ, и я могъ оныхъ всѣхъ отправить въ свою деревню. Но кромѣ ихъ содержалось еще нѣсколько казенныхъ жеребцовъ въ пользу крестьянъ, для припуска къ кобыламъ ихъ; также содержанъ былъ въ хлѣву превеликой казенной быкъ для такого-же употребленія. Мазаночными сараями и отдѣлами сими окруженъ былъ со всѣхъ трехъ заднихъ сторонъ управительской домъ, но все сіе покрыто было камышомъ. Одного только недоставало, и весьма нужнаго для меня: не было нигдѣ ни малѣйшаго цвѣтничка и садика, поелику никто изъ моихъ предшественниковъ не имѣлъ къ нимъ охоты. Но сіи положилъ я неотмѣнно въ слѣдующую весну завести, и помышлялъ уже о томъ, гдѣ бы назначить подъ нихъ мѣсто, но къ неудовольствію не находилъ нигдѣ вплоть подлѣ моего дома, чего мнѣ хотѣлось. Весь онъ расположенъ былъ такъ, что нигдѣ не можно было къ нему съ садомъ приютиться, и потому другого не находилъ, какъ предназначить къ тому мѣсто уже за мазанками въ концѣ двора, а цвѣтничокъ хоть маленькой огородить себѣ предъ окнами дома на улицѣ.

По осмотрѣніи всѣхъ сихъ ближнихъ предметовъ, и отложивъ обозрѣваніе прочихъ до послѣдующаго дня, принялся я за обранжированіе своихъ собственныхъ комнатъ: то-есть маленькаго своего кабинета и комнатки предъ онымъ. Были онѣ обѣ хотя очень тѣсноваты, такъ что мнѣ не можно было никакъ помѣститься въ нихъ со всею моею рухлядью, но какъ перемѣнить того было нечѣмъ, то принужденъ былъ довольствоваться уже и оными; и призвавъ столяра, велѣлъ надѣлать въ нихъ поболѣе шкапчиковъ и полокъ, гдѣ-бъ мнѣ можно было установить свои книги, картузы и другія вещи; а въ кабинетцѣ ассигновалъ себѣ уже мѣстечко подъ окошечкомъ, и поставивъ небольшой столикъ, кое-что на немъ уже и пописался. Въ проходной же комнаткѣ предъ онымъ установилъ я большой столъ, какъ для работъ, требующихъ большаго простора, такъ и для моихъ писцовъ и

учениковъ, если какіе случатся, которыми и непреминулъ я въ скоромъ времени запастися, ибо не любилъ быть безъ оныхъ.

Между тѣмъ какъ я ранжированіемъ всего въ моихъ кабинетахъ занимался, явился ко мнѣ и господинъ Вилимзонъ, помянутой нѣмецъ-стекольщикъ, и я, разговорившись съ нимъ поболѣе, узналъ его короче. Всѣ его тамъ почитали полушутикомъ и надъ нимъ подсмѣивались; по мнѣ, какъ любящему всѣхъ иностранцевъ, показался онъ болѣе жалкимъ, нежели посмѣшища достойнымъ молодымъ человѣкомъ. Былъ онъ хотя не хитрой, а простодушной человѣкъ, однако не совсѣмъ глупой, и нельзя было никакъ назвать его дуракомъ, хотя и было въ поведеніи его нѣчто такое, что заставливало иногда надъ нимъ трунить и смѣяться. Но какъ онъ по-нѣмецки говорилъ порядочно, то для меня всего пріятнѣе было, что я нашелъ въ немъ человѣка, съ которымъ могъ я заниматься разговорами на семъ языкѣ. А потомъ узнавъ, что онъ жилъ на островкѣ въ гошпиталѣ и въ самой нуждѣ и бѣдности, то изъ единаго человѣколюбія велѣлъ ему ходить какъ можно къ себѣ чаще, и поснабдилъ его кое-чѣмъ нужнымъ. Впослѣдствіи же времени я за простоту, добросердечіе, услужливость и сиротство такъ его полюбилъ, что приобщилъ его почти къ числу своихъ домашнихъ. Онъ живалъ почти безвыходно у насъ, и мы его и поили, и кормили, и одѣвали; и бѣднякъ такъ тѣмъ былъ доволенъ, что не зналъ какъ и чѣмъ возблагодарить меня за то. Но я доволенъ былъ тѣмъ, что онъ съ малюткою сыномъ моимъ сьютился и заставилъ его себя полюбить; а сіе и принесло намъ ту выгоду, что онъ могъ начать учить его нѣмецкой грамотѣ и отправлять почти должность его дядьки. Сверхъ того и самимъ намъ доставлялъ онъ много пріятныхъ минутъ, ибо и мы-таки надъ нимъ иногда шучивали, и нерѣдко до слезъ почти смѣивались.

Въ послѣдующій день съ самаго утра пошелъ я опять въ свою канцелярію, для вступленія уже во всѣ дѣла по должности. Мое первое дѣло было по вѣдомостямъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ счислиться и узнать, сколько надлежало быть тогда казенныхъ денегъ въ наличности и потомъ освидѣтельствовать. Но не успѣлъ я сего послѣдняго дѣла начать, какъ подступилъ ко мнѣ г. Варсобинъ, какъ хранитель и расходчикъ оныхъ съ донесеніемъ, что онѣ не всѣ, а недостаетъ нѣсколько сотъ оныхъ. Сіе меня поразило: «Да гдѣ-жъ онѣ?» спросилъ я.—Петръ-де Алексѣевичъ Верещагинъ изволилъ забрать ихъ, и вотъ-де его росписки.— «Прекрасно! воскликнулъ я: по мнѣ сіи росписки ненадобны, и я ихъ вмѣсто наличныхъ денегъ не приму, и на себя этого никакъ не возьму. Но какъ же ты ему такъ много надавалъ, мой другъ?» спросилъ я.—Что было дѣлать! отвѣтствовалъ Варсобинъ: покойнику князю было такъ угодно!—«Да самъ-то князь не забралъ-ли также ихъ себѣ, и не долженъ-ли и онъ?» (подхватилъ я).—Былъ-де тотъ грѣхъ и за нимъ! сказалъ Варсобинъ: но всѣ бывшіе на немъ намъ княгиня доставила уже послѣ его кончины, и онъ намъ не долженъ ни копѣйкою.—«Ну, это хорошо! но съ Верещагинымъ-то какъ же намъ быть? Дѣло это не ловко, и онъ потеряетъ свое мѣсто, естьли дойдетъ сіе до князя, а я, воля его, на себя этого не приму».—«Я-де писалъ къ нему, сказалъ Варсобинъ, и еще нарочнаго послалъ, чтобы пріѣзжалъ самъ и раздѣлывался какъ знаетъ».

—«Хорошо!» сказалъ я, и принялся продолжать далѣе свои дѣла и свидѣтельства, а между тѣмъ неожидаемой сей недостатокъ денегъ не выходилъ у меня изъ ума. Я не зналъ какъ поступить въ семъ случаѣ съ господиномъ Верещагинымъ. Судьба его зависѣла тогда совершенно отъ меня, и все его счастіе и несчастіе въ моихъ рукахъ было. Князь предалъ его совершенно въ мою волю, и при отпускѣ, какъ выше упомянуто, сказалъ мнѣ, что естьли я что за нимъ дурное узнаю, и мнѣ онъ не надобенъ будетъ, такъ только бы отписалъ, и его не

будетъ. Итакъ, стоило-бы тогда только отписать и донесть князю о семъ забраніи казенныхъ денегъ, такъ и отрѣшенъ бы онъ былъ отъ своего мѣста. Но я не такого былъ свойства, чтобъ похотѣлъ безъ необходимой нужды сдѣлать человѣку зло, ничѣмъ еще меня не оскорбившему. Правда, слухи невыгодные объ немъ до меня уже отчасти и доходили, и были поводы желать, чтобъ его со мною и не было, но я подумалъ-подумалъ, и вообразивъ себѣ, что тѣмъ лишу я и его и все его большое семейство послѣдняго почти куска хлѣба, ибо были они очень недостаточны, не захотѣлъ никакъ подвергать его сему несчастію, а рѣшился вмѣсто зла оказать ему благодѣяніе, и какъ-нибудь сіе дѣло уладить иначе, и потому съ нетерпѣливостію его пріѣзда дожидался.

Онъ и непремину́лъ ко мнѣ въ тотъ же день и къ обѣду еще прилетѣть; и какъ Варсобинъ успѣлъ ему всѣ мои слова пересказать, то былъ онъ тѣмъ такъ перетревоженъ, что перетрусившись не имѣлъ даже духу начать о томъ и говорить со мною, и уже я самъ, сжалившись надъ нимъ, и отведя въ свой кабинетъ, дружескимъ образомъ сталъ ему о томъ говорить и изображать, въ какомъ критическомъ положеніи онъ тогда находился. Не могу изобразить, какъ много растревоженъ онъ былъ тогда моими словами, и съ какимъ умиленіемъ просилъ меня, чтобъ я сдѣлалъ надъ нимъ милость, не погубилъ бы его чрезъ донесеніе о томъ князю. И какъ много обрадовался онъ, когда я ему сказалъ: «Хорошо, батюшка, Петръ Алексѣевичъ. Я хотя въ доказательство моего къ вамъ благорасположенія и сдѣлаю то, что не донесу о томъ князю, но деньги необходимо надобно вамъ какъ можно скорѣе въ казну внесть; и вы постарайтесь какъ можно о томъ, и гдѣ-нибудь ихъ достаньте. Вотъ даю вамъ на три дни срока».

Господинъ Верещагинъ былъ тѣмъ крайне доволенъ, и насказавъ мнѣ тысячу благодареній, поскакалъ тогда же добывать денегъ, а я между тѣмъ употребилъ все сіе время на обозрѣніе прочихъ мѣстъ, и въ тотъ же день ѣздилъ осматривать то огромное каменное зданіе, въ которомъ хранился казенной озимой и яровой хлѣбъ, собираемой зерномъ съ крестьянъ ежегодно. Тутъ не могъ я довольно налюбоваться огромностію и хорошимъ расположеніемъ магазина, а того еще больше порядкомъ, наблюдаемомъ при сборѣ и расходѣ хлѣба и рачительнымъ попеченіемъ объ немъ г. Щедилова, у котораго онъ на рукахъ былъ. Но какъ находились многіе анбары, насыпанные до самаго верха, и перемѣривать его не было возможности, поелику потребно было къ тому не дней, а недѣль нѣсколько, то принужденъ я былъ положиться (на) г. Щедилова, увѣрявшаго меня свято, что хлѣбъ весь цѣлъ, и не только въ немъ нѣтъ недостатка, но ежели перемѣрить, то безъ сумнѣнія явится множество и примѣрнаго. И какъ онъ въ томъ ручался всѣмъ своимъ имѣніемъ, то я и былъ тѣмъ доволенъ.

Послѣ того такимъ же образомъ ѣздилъ я осматривать тамошній волостной гошпиталь, построенной, какъ выше упомянуто, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города на прекраснѣйшемъ мѣстѣ. Высокой и узкой мысъ между устьями двухъ огромныхъ вершинъ, на которомъ воздвигнуто было сіе зданіе, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ водою. Два пруда, посредственной величины, были у него по сторонамъ, а третій—большой, называемой **Вязовскимъ**, былъ впереди и представлялъ видъ самаго озера. Для содержанія больныхъ особая, превеликая, длинная связь, съ комнатами на краю для аптеки и жительства надзирателей; а впереди находился обширной дворъ, окруженный множествомъ другихъ зданій. Былъ тутъ особой домъ для жительства лекаря, и по обѣимъ сторонамъ два флигеля для жительства лекарскихъ учениковъ и другихъ гошпитальныхъ служителей. Другой такой же домикъ находился посреди двора, назначенной для подлекаря, но стоявшій тогда празднымъ, а по сторонамъ находились прочія зданія, какъ-то: по-

греба, кухня, баня и сарайчики для лекарскихъ лошадей и скота. Словомъ, тутъ нашелъ я все въ порядкѣ и наилучшее во всемъ распоряженіе. Совсѣмъ тѣмъ казалось мнѣ, что гошпиталь сей производилъ содержаніемъ своимъ казнѣ болѣе убытка, нежели пользы, и знаменитъ былъ болѣе именемъ, нежели самымъ дѣломъ, ибо волостныхъ больныхъ находилось въ немъ очень мало. Сіи боялись и бѣгали его какъ огня, и охотнѣе хотѣли умирать безъ всякаго призора, нежели давать возить себя въ гошпиталь и тамъ себя лечить; а всѣ найденные мною больные были па бо́льшую часть посторонніе, присылаемые туда для леченія сосѣдственными дворянами. Но какъ хотѣлось завести и содержать такой гошпиталь князю, то и оставилъ я его въ прежнемъ существованіи и при всемъ заведенномъ до меня порядкѣ.

Какъ съ задней стороны окруженъ былъ весь сей гошпиталь прекрасною дубовою рощицею, и въ концѣ оной находилась небольшая деревянная церковь, воздвигнутая тутъ для кладбища, то взглянулъ я и на оную, и тѣмъ паче, что она одна тогда и была, въ которой отправлялась божественная служба; ибо обѣ прежнія бывшія внутри города были сломаны, а новая и большая еще недостроена.

Осмотрѣвъ оную, заѣхалъ я и въ бывшую тогда тамъ неподалеку отъ оной ранжерею съ заведеннымъ подлѣ ея маленькимъ, плодовитымъ и аглинскимъ садикомъ. Сіи нашелъ я въ худшемъ состояніи, нежели въ какомъ я думалъ и ожидалъ. Ранжерейка была маленькая, ничего незначущая, и совсѣмъ почти пустая. Теплична также малозначущая, плодовитой садикъ того еще меньше вниманія достойной, а аглинской болѣе смѣшной, нежели достойной уваженія. Всему тому причиною было то, что оба господа предмѣстники мои были сами до всего того неохотники, а оставляемо было все относящееся до того на волю садовника; а сей и видной болѣе своимъ ростомъ и дородствомъ, нежели знаменитой своимъ искусствомъ и проворствомъ, а потому и производилось все тутъ излегка и кое-какъ. И я крайне жалѣлъ, что мѣсто сіе было отъ дома управительскаго слишкомъ удалено, и что не можно было мнѣ никакъ самому такъ часто оное посѣщать, какъ бы хотѣлось; ибо какъ разстояніе отъ дома до сего мѣста было болѣе, нежели на версту, то пѣшкомъ туда ходить было слишкомъ далеко, а на лошади можно-ль было всегда наѣздиться?

За симъ занялся я осматриваніемъ всѣхъ казенныхъ строеній, производившихся еще тогда въ полномъ развалѣ, но пресѣкшихся по случаю поздняго осенняго времени. Главной корпусъ или такъ-называемой **дворецъ**, воздвигнутой на прекраснѣйшемъ мѣстѣ, на краю высокаго берега къ пруду, былъ хотя подъ кровлею, но снаружи и внутри еще не оштукатуренъ, и далеко еще не отдѣланъ. Въ такомъ же состояніи находились и оба огромные съ нагорной стороны его на подобіе за́мка окружающіе флигели, со множествомъ комнатъ и къ нимъ принадлежностей. Всѣ они были хотя также покрыты, но внутри и снаружи далеко еще не отдѣланы; и нужно еще было употребленіе многихъ трудовъ и работъ къ доведенію ихъ до совершенства, и обо всемъ томъ надлежало мнѣ имѣть попеченіе, и заниматься тѣмъ въ послѣдующее лѣто.

Точно въ такомъ же состояніи нашелъ я и большую соборную церковь, посреди площади неподалеку отъ дома вновь воздвигнутую, но во многомъ еще неотдѣланную. Ее надобно было также внутри и снаружи штукатурить, докрывать и исправлять многія еще до нея относящіяся работы. Сбоку, подлѣ церкви сей, находился выкопанной, нарочитаго пространства, продолговатой, четверосторонній прудъ, обсаженной кругомъ березками, въ себѣ воды еще немного (?).

За симъ не преминулъ я также объѣздить и осмотрѣть все селеніе города. Все оное состояло наиглавнѣйше въ предлинной, старинной и не слишкомъ прямой слободѣ, простиравшейся въ длину безъ мала на версту, и составленную изъ

сплошныхъ деревянныхъ домовъ старинныхъ купцовъ, также конюховъ и другихъ разночинцевъ, и не стоила никакого дальнаго уваженія. Большая воронежская дорога, идущая изъ Тулы, проходила сквозь оную. Слобода сія, начавшись почти отъ самаго магазина и отъ бывшей тутъ, такъ-называемой, Стрѣлецкой слободы, простиралась до самаго моста чрезъ рѣчку Вязовку, и за онымъ находилось только нѣсколько казармъ, построенныхъ для жительства солдатъ, въ командѣ моей находившихся; а между сими и гошпиталемъ на полѣ, подлѣ большой дороги, находился пустой, такъ-называемой, гостиной дворъ, состоящій въ предлинной связи со множествомъ каменныхъ лавокъ для помѣщенія купцовъ, пріѣзжающихъ ежегодно туда на бываемую ярмапку въ день казанской Богородицы.

Кромѣ помянутой старинной длинной слободы, была и вся большая и обширная предъ домомъ площадь окружена съ трехъ сторонъ новыми слободами. Одна и знаменитѣйшая изъ всѣхъ была расположена прямо и въ параллель противъ дома, и составленная почти вся изъ порядочно построенныхъ связей и казармъ, назначенныхъ для жительства разнымъ мастеровымъ, и на краю которой находился домъ управительской. Другая находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома и въ лѣвой отъ него сторонѣ, и состояла изъ порядочныхъ домовъ канцелярскихъ служителей и другихъ разночинцовъ. А третья была по правую сторону, и составленная изъ дворовъ церковнослужителей и нѣсколькихъ солдатскихъ казармъ. Сія была всѣхъ хуже, но занимала собою наилучшее и красивѣйшее мѣсто во всемъ Богородицкѣ, почему впослѣдствіи времени, по опустошеніи оной пожаромъ, и уничтожена и мѣсто, гдѣ она сидѣла, занято подъ садъ аглинской.

Кромѣ сихъ слободъ, площадь сія была украшена повсюду березовыми, насаженными предъ слободами, широкими аллеями, и чрезъ самое то составляла наилучшее и красивѣйшее мѣсто во всемъ селеніи. Находилась еще въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дворца, напротивъ онаго, за прудомъ, прямая и длинная, версты на двѣ простиравшаяся, крестьянская слобода, называемая Пушкарскою. Но сія не принадлежала уже къ городу, а имѣла на обширномъ предъ собою выгонѣ, особую церковь во имя Покрова Богородицы.

Что касается до упомянутаго теперь пруда, то былъ онъ предъ самымъ домомъ и превеликой, совсѣмъ еще новой и сдѣланной въ то же лѣто моимъ предмѣстникомъ. Преогромная и широкая плотина была оплотомъ сему великому и длиною версты на двѣ простирающемуся водоему, и соединяла собою оба берега рѣчки Уперта, на которой сей прудъ былъ запруженъ и снабденъ посреди большимъ рубленымъ спускомъ.

Въ семъ состояло все жило тогдашняго Богородицка; и какъ находилось въономъ множество казенныхъ зданій, построенныхъ г. Опухтинымъ, то стоило все то великихъ суммъ и трудовъ для сего моего предмѣстника. Я, осматривая все оное, не могъ довольно всѣмъ расположеніемъ и красотою положенія мѣста налюбоваться; но все почти оное современемъ такъ превратилось, что нынѣ не имѣетъ и подобія прежнему своему состоянію.

Не успѣлъ я симъ образомъ сего будущаго моего обиталища разсмотрѣть, и между тѣмъ обоихъ моихъ канцеляристовъ или паче секретарей кой-о-чемъ касающемся до волости разспросить, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ и г. Верещагинъ. —«Ну что, братецъ, нашелъ ли и досталъ ли?» сказалъ я его встрѣчая.—«Что, батюшка (отвѣчалъ онъ): замучился скакавши всюду и всюду, и изъ одного мѣста въ другое, но никакъ не могъ добыть всей суммы».—«А сколько-жъ еще не достаетъ?» спросилъ я.—«Да рублей съ двѣсти.»—«Да какъ же быть-то?» (подхватилъ я).—«Я ужъ право не знаю (сказалъ онъ): истинно изъ силъ выбился, но не могъ нигдѣ въ такой скорости достать; теперь воля ваша и со мною.... Судьба моя въ рукахъ вашихъ, а ежели не помилуете,

такъ дѣлайте, что хотите».—«Жаль мнѣ васъ (сказалъ я); по право не знаю, какъ же мнѣ быть съ вами?»—Потомъ, подумавъ нѣсколько самъ съ собою, спросилъ я далѣе: «Но чрезъ сколько-бы времени могли вы достать сію недостающую сумму?»—«Мѣсяца чрезъ два или чрезъ три (сказалъ онъ), могу я достать ихъ вѣрно.»—«Да вѣрно ли полно, и устоите-ли въ своемъ словѣ?» (спросилъ я).—«Батюшка ты мой! (подхватилъ онъ): клянусь вамъ въ томъ, и небомъ и землею, и честію, и всѣмъ на свѣтѣ».—«Хорошо, Петръ Алексѣевичъ! (сказалъ я): изъ единаго дружелюбія и сожалѣнія объ васъ, и чтобъ доказать, что я не хочу вамъ сдѣлать зла, сдѣлаю вамъ одолженіе. Извольте, судырь! я ссужу васъ собственными своими деньгами; только расквитайтесь съ казною, и сдержите потомъ свое слово».

Не могу изобразить какъ поразился онъ сею неожидаемостію. Онъ поклонился мнѣ почти въ ноги, и не зналъ какъ и какими словами возблагодарить меня за сію, ему оказанную, милость, и твердилъ только, что онъ во вѣкъ сіе будетъ помнить, и желаетъ имѣть только случай отслужить мнѣ за сіе одолженіе. Словомъ, клятвъ, увѣреній и благодареній конца тогда не было. Но исполнилъ ли онъ то, что говорилъ, и какъ и чѣмъ возблагодарилъ онъ меня за тогдашнее одолженіе, о томъ услышите вы послѣ.

Я и дѣйствительно ссудилъ его двумя стами рублей своихъ денегъ, и протурилъ его съ ними въ канцелярію для внесенія ихъ въ казну и выручки своихъ росписокъ. И какъ тѣмъ дѣло сіе кончилось, то и не сталъ я долѣе медлить, но отрепортовалъ князю о вступленіи въ свою должность, и о найденіи въ волости все въ надлежащемъ порядкѣ и все въ цѣлости.

Едва я сіе кончилъ, какъ и наступилъ первой субботній день по моемъ пріѣздѣ, и мнѣ надлежало въ первой еще разъ производить судъ и расправу. Какъ въ каждую субботу бывалъ издревле въ семъ городѣ торгъ и на оной стеченіе со всѣхъ сторонъ множества народа, то издавна заведенъ былъ въ волости порядокъ, чтобъ въ сей день съѣзжались въ канцелярію изъ всѣхъ селъ и деревень старосты и бурмистры, а вмѣстѣ съ ними и всѣ тѣ кому нужда была о чемъ-либо просить, или на кого приносить жалобу; почему должны были пріѣзжать съ ними и всѣ отвѣтчики, и тогда всѣ ихъ жалобы и просьбы управителемъ разбирались, и дѣлано было всѣмъ удовлетвореніе, а виноватые при всѣхъ старостахъ наказываемы. Они же получали приказаніе о нарядѣ на будущую недѣлю толикаго числа конныхъ и пѣшихъ работниковъ, сколько когда надобно было, и получали и другія приказанія, естьли какія случались быть надобны.

Итакъ, не успѣлъ я поутру въ сей день встать, какъ вся моя просторная прихожая комната явилась наполненною старостами и бурмистрами, пришедшими ко мнѣ на поклонъ и съ поздравленіями съ моимъ пріѣздомъ. Я удивился, увидѣвъ всѣхъ ихъ съ разными приносами, и не хотѣлъ-было никакъ оные принимать; но статошное-ли дѣло? Они завопѣли во всѣ голоса, и убѣдительнѣйшимъ образомъ съ прениэкими поклонами просили, чтобъ я ихъ при первомъ случаѣ отказомъ своимъ не огорчилъ, и неотмѣнно сдѣлалъ бы имъ милость и приказалъ принять. Что было дѣлать? нельзя было на просьбы ихъ не согласиться, и они наклали такую кучу хлѣбовъ и окороковъ ветчины, а иные калачей и рыбы, что достало ихъ на нѣсколько дней или недѣль для прокормленія всѣхъ моихъ людей, со мною бывшихъ. Но за то и самъ я не преминулъ перепоить ихъ виномъ досыта, и отпустить ихъ отъ себя въ канцелярію съ удовольствіемъ.

Послѣ чего, по донесенію, что всѣ просители и отвѣтчики собрались, пошелъ и самъ я въ канцелярію для отправленія въ первой разъ своей судейской должности. Я проговорилъ напередъ полюбовную рѣчь со всѣми старостами, такъ какъ сдѣлалъ то при вступленіи своемъ въ управленіе Кіясовской волости. Увѣщевалъ всѣхъ, чтобъ жили хорошо и поря-

дочно, исполняли бы все повелѣваемое, и удерживались бы отъ всего худого. Потомъ, сказавъ имъ, какого мнѣнія должны они быть обо мнѣ, и что я люблю, и чего терпѣть не могу, приступилъ къ своему дѣлу, и при первомъ семъ случаѣ постарался отмѣнно произвесть оное такимъ образомъ, что всѣ остались съ удовольствіемъ и повезли съ собою по деревнямъ весьма выгодное обо мнѣ мнѣніе.

Симъ образомъ, вступивъ въ свою должность, началъ я оную отправлять понемногу какъ надлежало. И какъ по случаю наставшей тогда зимы не было никакихъ надворныхъ дѣлъ, то и тутъ оставалось мнѣ множество свободнаго времени для употребленія на себя и на собственныя свои занятія, а потому, не любя быть въ праздности, и приступилъ я опять къ прежнимъ своимъ комнатнымъ упражненіямъ, къ читанію книгъ или къ писанію чего-нибудь. Первѣйшимъ моимъ дѣломъ въ семъ отношеніи было то, что я увѣдомилъ чрезъ письмо благодѣтеля своего, господина Нартова, о случившейся со мною перемѣнѣ; и въ особливости былъ доволенъ, что жилъ я тогда на самой почтовой дорогѣ изъ Воронежа въ Тулу, въ Москву и далѣе, и могъ всѣ письмы свои пересылать чрезъ тамошнюю ратушу, имѣвшую въ себѣ нѣкоторой родъ почтовой экспедиціи, а равномѣрно и самъ получать всѣ присылаемыя ко мнѣ письма безъ всякаго затрудненія. Сей самой случай побудилъ меня выписать на приближающійся 1777-й годъ не только русскія, но даже самыя нѣмецкія гамбургскія газеты, которыя до того никогда еще не имѣлъ я удовольствіе получать.

По учиненіи сего принялся я за продолженіе сочиненія моей «Дѣтской Философіи». Обстоятельство, что печаталась уже вторая часть сей моей книги, побуждало меня приняться опять за продолженіе труда сего, которой перервался было въ послѣднее время жительства моего въ Кіясовкѣ. Итакъ, отыскавъ начатую еще осенью 1774 года седьмую часть сей книги, приступилъ я въ праздное время за продолженіе оной и въ немногія недѣли кончилъ.

Между тѣмъ, поспѣли шкафы и полки для устанавливанія моихъ книгъ и картузовъ съ травами; и я убралъ и установилъ ими свою комнату предъ кабинетомъ моимъ такъ, что всѣ съ удовольствіемъ на нихъ смотривали. А чтобъ было мнѣ не такъ скучно, то выбралъ изъ тамошнихъ конюховскихъ, въ командѣ моей состоявшихъ, дѣтей двухъ умѣющихъ грамотѣ мальчиковъ, велѣлъ приходить всякой день къ себѣ для писанія въ сей, равно какъ домовой моей канцеляріи всякой всячины. И какъ они писали довольно уже хорошо и могли кое-что переписывать, то старался я обучить ихъ лучшему и правильнѣйшему писанію, что современемъ послужило имъ обоимъ въ великую пользу. Въ семъ упражненіи сотовариществовали имъ и оба мои домашніе писцы, Василій и Яковъ, которые изъ ребятишекъ успѣли уже около сего времени вырость большими, и хотя были уже при должностяхъ навременно, а особливо первой изъ нихъ, писавшій отмѣнно хорошо, должны были также кое-что переписывать.

Кромѣ того, недолго былъ я и безъ учениковъ такихъ же, какіе бывали у меня прежде. Родственникъ нашъ, господинъ Арцыбышевъ, Иванъ Аѳанасьевичъ, убѣдилъ меня взять къ себѣ одного бѣднаго родственника его, Пахомова, и поучить чему-нибудь; я охотно на то согласился, и сего, довольно взрослаго мальчика къ себѣ взявъ, дѣйствительно старался понаучить его и письму, и арихметикѣ и прочему, чему могъ, и онъ хотя и не долго у меня жилъ, но воспользовался моими наставленіями и помнитъ и понынѣ еще мое къ себѣ одолженіе, находясь уже въ службѣ при межеваньѣ.

Не успѣлъ я нѣсколько въ Богородицкѣ обострожиться и осмотрѣться, какъ вдругъ, къ неизъяснимому удовольствію моему, является ко мнѣ другъ и прежній сотоварищъ и собесѣдникъ мой кіясовской лекарь Бентонъ.

— «Ба! ба! ба!» увидѣвъ его, закричалъ я:

Филиппъ Антоновичъ! откуда ты взялся другъ мой? Да какъ это, и какимъ образомъ и зачѣмъ?»—«Жить опять съ вами, подхватилъ онъ: и быть при здѣшнемъ гошпиталѣ на мѣсто господина Рудольфа» — «Неужели? (воскликнулъ я). Ахъ, какъ я этому радъ, и какъ благодаренъ князю, что онъ не иного кого, а тебя сюда опредѣлилъ. Ну, мой другъ, заживемъ опять попрежнему, здѣсь получше намъ будетъ жить, нежели въ Кіясовкѣ». И тотчасъ ну его у себя угощать, и потомъ отвозить его на островокъ, показывать ему домъ для его жительства, и поручать ему въ смотрѣніе гошпиталь со всѣми принадлежностьми; а сожалѣлъ только о томъ, что отдаленіе сего островка отъ моего дома версты почти на полторы недозволяло ему такъ часто со мною видаться какъ въ Кіясовкѣ. Здѣсь не могъ онъ уже и столомъ моимъ ежедневно пользоваться, но принужденъ былъ заводить собственное свое хозяйство, въ чемъ онъ, будучи добрымъ хозяиномъ и рачительнымъ человѣкомъ, и успѣлъ очень скоро. Совсѣмъ тѣмъ мы и тутъ остались съ нимъ на той же дружеской ногѣ, какъ и прежде, и хотя рѣже видались, но жили во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ какъ друзья, и я всегда былъ всѣмъ поведеніемъ его доволенъ; и не одинъ разъ пользовался его искусствомъ и помощію какъ самъ, такъ относительно до моихъ родныхъ и всѣхъ домашнихъ, и дружба сія продолжается у насъ съ нимъ и понынѣ, хотя живемъ мы уже и далеко другъ отъ друга.

Симъ образомъ нажилъ я опять себѣ собесѣдника и друга, съ которымъ могъ нерѣдко провождать время въ пріятныхъ и дружескихъ разговорахъ. А всего пріятнѣе было для меня то, что онъ по прилежности и раченію своему могъ избавлять меня отъ многихъ хлопотъ и заботъ относящихся по дѣламъ, до гошпиталя касающимся. Ибо всѣ заботы объ немъ возложилъ я уже на него, а онъ довѣрію моему и соотвѣтствовалъ совершеннымъ образомъ, и весь гошпиталь скоро привелъ несравненно въ лучшее предъ прежнимъ состояніе. Слухъ при вспоможеніи моемъ о искусствѣ его скоро разнесся по всѣмъ окрестностямъ и произвелъ то, что не только волостные крестьяне стали охотнѣе воспринимать прибѣжище свое къ нему въ своихъ болѣзняхъ, но и изъ разныхъ даже отдаленныхъ мѣстъ стали пріѣзжать къ нему и сами господа для пользованія себя его искусствомъ. И многіе даже живали у насъ тутъ по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ и подавали мнѣ чрезъ то случай спознакомливаться съ собою, и сводить даже самыя дружескія связи.

Совсѣмъ тѣмъ было сіе не тогда, а впослѣдствіе времени; тогда же, то-есть при началѣ жительства моего въ Богородицкѣ, было намъ нѣсколько и скучновато, по причинѣ, что какъ городокъ сей лежалъ посрединѣ почти всей волости, и окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ волостными деревнями, то и не было никого изъ сосѣдственныхъ дворянъ, живущихъ въ такой близости какъ прежде отъ Кіясовки; а дома самыхъ ближайшихъ отстояли не ближе отъ насъ верстъ двадцати и болѣе. Къ тому-жъ и всѣхъ ихъ было несравненно меньше, нежели въ кіясовскомъ сосѣдствѣ; а при томъ и тѣ всѣ были намъ совсѣмъ еще незнакомы, почему и принуждены мы были жить сначала въ совершенномъ уединеніи, и видались только временно съ семействомъ господина Верещагина. Совсѣмъ тѣмъ продолжалось сіе недолго. Но какъ всѣмъ сосѣдственнымъ дворянамъ по причинѣ отдаточныхъ въ наймы излишнихъ волостныхъ, и ими нанимаемыхъ, земель была въ знакомствѣ со мною и въ пріязни моей къ себѣ крайняя нужда, то непреминули они сами о снисканіи оной стараться, а особливо тѣ, которымъ была болѣе прочихъ во мнѣ надобность.

Изъ числа сихъ первый, прилагавшій о томъ особенное стараніе, былъ господинъ Толбузинъ, Иванъ Васильевичъ, человѣкъ очень хорошій, умной, степенной, порядочной и имѣвшій довольной достатокъ. Сей человѣкъ, живучи въ дружбѣ съ обоими моими предмѣстниками и пользовавшійся отъ нихъ много чрезъ полученіе

великаго числа земли себѣ въ наемъ за низкую цѣну, восхотѣлъ и со мною какъ можно скорѣе ознакомиться и произвесть то чрезъ Варсобина, своего друга и знакомца. Сей и непреминулъ мнѣ прожужжать всѣ уши расхваливаніемъ доброты характера господина Толбузина, и присовѣтовалъ ему подслужиться заблаговременно мнѣ чрезъ обосланіе меня столикомъ краснаго дерева, сдѣланнымъ его столярами, какъ-бы на новоселье. И какъ мнѣ нельзя было не принять, то самой сей случай и положилъ первой слѣдъ къ нашему съ нимъ знакомству и дружбѣ. Ибо какъ скоро онъ узналъ, что я желалъ бы его видѣть и узнать, то вмигъ ко мнѣ и пріѣхалъ; а съ того времени и началась у насъ съ нимъ дружба и знакомство, продолжающееся и до нынѣ, и я могу сказать, что пріязнію сего дома были мы всегда довольны.

Но сей, хотя дальній, сосѣдъ и былъ только одинъ, съ которымъ я въ первые мѣсяцы богородицкаго моего жительства спознакомился. А какъ скоро за симъ наступилъ и 1777-й годъ, то повѣствованіе о случившемся со мною въ теченіе онаго предоставляю письму послѣдующему, а теперешнее симъ окончу сказавъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 22-го дня 1809 года).

1777-й годъ.

Письмо 187-е.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію произшествій, случившихся со мною въ 1777-мъ году, которой былъ почти первымъ пребыванія моего въ Богородицкѣ и достопамятенъ для меня и по многимъ другимъ отношеніямъ, и по случившимся со мною въ теченіе онаго особымъ и важнымъ произшествіямъ, начну тѣмъ, что мы начали провождать его хотя благополучно и будучи всѣ здоровы, но не слишкомъ весело, по причинѣ, что мы жили тогда почти въ совершенномъ уединеніи и не было никого изъ ближнихъ сосѣдей, съ которыми могли-бъ мы видаться, и потому во всѣ святки было, и не столько мнѣ, сколько семьянинкамъ моимъ довольно скучно. Ибо что касается до меня, то я за безпрерывными своими литературными упражненіями не видалъ никогда скуки, къ тому-жъ видался часто съ другомъ моимъ, г. Бентономъ, и провождалъ съ нимъ время съ пріятностію. Напротивъ того, семьянинки мои не имѣли никого, съ кѣмъ бы могли онѣ дѣлить свое время. Знакомо имъ было тогда одно только семейство г. Верещагина, но какъ до нихъ было болѣе 20-ти верстъ, то никакъ не можно было имъ видаться съ ними часто; ктому-жъ какъ-то свойствы и характеры сестеръ г-на Верещагина были таковы, что наши не могли никакъ съ ними содружиться, и несмотря на всю оказываемую ими наружную ласку, не лежало у моихъ домашнихъ никакъ къ нимъ сердце и онѣ всегда опасались отъ нихъ только пересудовъ и переговоровъ, къ чему тѣ имѣли особливую наклонность, а для нашихъ, любившихъ простое, дружеское и прямодушное обхожденіе, было сіе всего непріятнѣе. Что касается до женъ всѣхъ трехъ канцеляристовъ моихъ, то сіи, будучи настоящими старинными подъяческими женами и самыми охреянками, не могли никакъ дѣлать имъ компаніи. Кромѣ сихъ находилось еще тогда въ Богородицкѣ два дома господъ Полуниныхъ, но и тѣ ничего не значили. Они принадлежали прежде сего къ конюшенной командѣ, но тогда были люди свободные, и ни то дворяне, ни то однодворцы, и люди очень небогатые. Одинъ изъ нихъ, по имени Аѳанасій Ивановичъ, былъ самой ближній къ намъ сосѣдъ, ибо жилъ обо дворъ съ нами и только чрезъ проулокъ, былъ хотя старикъ очень доброй, но простой и почти безъ семейства, а другой его братъ, Иванъ Ивановичъ, жилъ далѣе, но будучи совершенно глухимъ, наводилъ при свиданіяхъ болѣе безпокойства, нежели удовольствія. Итакъ, хотя по приглашеніямъ мы во время святокъ у всѣхъ у нихъ и бывали и были по возможности ими угащиваемы, а взаимно и ихъ у себя угощали, но не имѣли никакого дальнаго удовольствія.

А пріятнѣе всѣхъ ихъ была домашнимъ моимъ впослѣдствіи времени родная ихъ сестра Анна Ивановна, бывшая въ замужствѣ за лекаремъ г. Алабинымъ и тогда вдовѣвшая, мать нынѣшней нашей сосѣдки госпожи Ладыженской. Но сія, имѣвши у себя маленькую деревеньку, а въ Богородицкѣ небольшой домикъ, не всегда живала въ ономъ, а только временно и наѣздомъ. Но какъ была она старушка очень добрая, умная и крайне услужливая и въ обхожденіи пріятная; то домашнія мои съ самаго уже начала ее искренно полюбили, и дружба, основавшаяся между симъ домомъ и нашимъ, продолжалось не только во все время пребыванія нашего въ Богородицкѣ ненарушимою, но продолжается даже и понынѣ.

Итакъ, при недостаткѣ равныхъ себѣ, принуждены были домашнія мои заниматься болѣе уже одними нашими дѣтьми и компаньонкою нашею, госпожею Бѣляевой, которая пригодилась тогда намъ очень кстати, и домашнія мои были сотовариществомъ ея крайне довольны. Была она хотя совсѣмъ некраснаго лица и фигуры не авантажной, но дѣвушка умная, степенная и въ обхожденіи очень пріятная и ласковая, и мы всѣ ее очень полюбили и обходились съ нею какъ съ родною. Что касается до дѣтей нашихъ, то было ихъ тогда у насъ уже четверо, а пятымъ была жена моя беременна. И какъ старшая наша дочь была дѣвочка уже изрядная, а и сынъ мой выучился уже грамотѣ, то оба они могли уже насъ всѣхъ нѣсколько занимать и утѣшать своими невинными рѣзвостями, а мало-по-малу подростала уже и вторая моя дочь; что касается до третьей, то сія носима была еще на рукахъ. Итакъ, всѣ они дѣлали въ домѣ у насъ довольно шума и придавали собою ему живность.

Кромѣ сего неуспѣло два дня пройтить сего вновь начавшагося года, какъ обрадованъ я былъ полученіемъ изъ Петербурга опять толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Я не сомнѣвался, что была это опять книжка, но пріятнымъ образомъ въ томъ обманулся, нашедъ вмѣсто оной ящичекъ со врѣзанною въ него большою серебряною медалью, точно такой же величины и такого же стемпеля, какую я имѣлъ уже у себя золотую. Г. Нартовъ въ письмѣ, при которомъ онъ ее ко мнѣ прислалъ, увѣдомлялъ меня, что Общество посылаетъ ее ко мнѣ за мои прежнія сочиненія, имъ опробованныя и напечатанныя. Подарокъ сей былъ хотя совсѣмъ малозначущій, но былъ мнѣ не противенъ и при началѣ года очень кстати. Я тѣмъ власно какъ осеребренъ былъ, къ тому-жъ и полученіе сіе сдѣлалось громко и всему Богородицку извѣстнымъ, и увеличивало во всѣхъ отчасу выгоднѣйшее обо мнѣ мнѣніе. Я тогда же воспріялъ намѣреніе велѣть сдѣлать себѣ серебряную табакерку и медаль сію, позолотивъ, вставить въ ея крышку; что я въ теченіе того-жъ года и произвелъ въ дѣйство, и табакерка сія служитъ и понынѣ еще нѣкоторымъ тогдашнему времени памятникомъ.

Впрочемъ, какъ сіе письмо было отвѣтное на мое, посланное по пріѣздѣ въ Богородицкъ, то г. Нартовъ изъявлялъ мнѣ свое удовольствіе о томъ, что ему удалось мнѣ услужить доставленіемъ лучшаго мѣста, причемъ побуждалъ онъ меня, по обыкновенію своему, къ продолженію трудовъ и экономическихъ занятій моихъ, жалуясь опять, что господа дворяне мало уважаютъ труды Общества и сочиненія онаго!

Читая сіе, подумалъ и сказалъ я самъ себѣ: «А! государь мой! при такомъ распорядкѣ, какой избрали вы для издаванія «Трудовъ» вашихъ, инако и быть не можетъ. Какъ можно требовать и ожидать того, чтобъ многіе изъ господъ нашихъ дворянъ пользовались сочиненіями вашими, когда объ нихъ и о существованіи оныхъ тысячная развѣ только доля изъ нихъ знаетъ, и когда къ полученію оныхъ существуютъ и для тѣхъ столь великія помѣшательства и неудобства, которые о томъ и знаютъ и хотѣли-бъ получать и пользоваться оными».

Сколько происшествіе сіе меня собою

порадовало, столько перестращало впрахъ другое, случившееся около сего времени. Однимъ днемъ едва-было не произошелъ пожаръ въ моемъ домѣ и мы чуть-было совсѣмъ не сгорѣли, и никто какъ явное милосердіе Господне насъ спасло отъ того. Какимъ-то образомъ потолокъ и верхнія перекладины сдѣланы были слишкомъ близко къ трубѣ, и отъ сей загорись оныя непримѣтно на чердакѣ и разгорись такъ, что пылало уже поломя. По счастію случилось самому мнѣ иттить въ то самое время чрезъ переднія сѣни, и ненарочно взглянуть на лѣстницу и всходъ на чердакъ, тутъ бывшій, и увидѣть дымъ и самое пламя, тамъ пылающее. Испужавшись неизреченнымъ образомъ, выскочилъ я опять скорѣе на крыльцо и поднялъ крикъ и вопль, чтобъ скорѣе люди бѣжали и тушили, и вытуривъ ихъ для того же изъ лакейской. По счастію случилась на дворѣ тогда у насъ подлѣ кухни превеликая бочка воды, привезенная только-что гонщикомъ изъ колодезя для кухни, то сбѣжавшіеся люди ею и снѣгомъ и успѣли еще благовременно все горѣвшее погасить и недопустить огню увеличиться и разгорѣться. Но еслибъ какія-нибудь минутъ 10 или 15 позднѣе случилось мнѣ сіе увидѣть, то бы тушить было бы уже очень трудно.

Сей случай, перестращавшій сколько меня, а того еще болѣе всѣхъ моихъ домашнихъ, заставилъ насъ быть впредь осторожнѣйшими и отъ огня беречься болѣе прежняго; а немало побудилъ насъ къ тому же и дѣйствительной пожаръ, случившійся вскорѣ послѣ сего времени въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ въ слободѣ купеческой. Нечаянное забитіе во всѣ большіе колокола въ набатъ на колокольнѣ возвѣстило намъ сіе бѣдствіе. И какъ было сіе еще въ первой разъ во время моего жительства въ Богородицкѣ, то случай сей, случившійся въ ночное время, перестращалъ и меня, и домашнихъ моихъ до крайности. По счастію произошло сіе ввечеру и въ такое время, когда народъ еще не спалъ и могъ тотчасъ на пожаръ сбѣжаться. А какъ въ одинъ мигъ прибѣжалъ и я туда-жъ почти безъ души, и сдѣлавшись поневолѣ расторопнымъ, употребилъ все, что только было можно къ скорѣйшему прерванію онаго, то и не допустили мы сгорѣть болѣе одного дома.

Между тѣмъ, пользуясь удобнымъ и свободнымъ зимнимъ временемъ, непреминулъ я въ возочкѣ своемъ объѣздить всѣ ближнія и знаменитѣйшія селенія сей волости для полученія объ нихъ на первой случай какого-нибудь понятія. И какъ тогдашнее зимнее время и стужа препятствовала мнѣ много какъ въ подробномъ осматриваніи оныхъ, такъ и въ сборѣ всѣхъ жителей, то и довольствовался я въ сей разъ единымъ только почти воззрѣніемъ на оныя, а потому и успѣлъ въ немногіе дни ихъ почти всѣ объѣздить, а обстоятельное обозрѣніе отложилъ уже до наступленія лѣтняго времени.

Что касается до управленія моего волостью, то оное мало-по-малу продолжалось какъ надобно, и показалось мнѣ съ самаго уже начала далеко не таковымъ труднымъ, каковымъ я его себѣ воображалъ. Причиною тому было то, что я нашелъ уже тутъ всѣ распоряженія, какія нужны были къ тому, предмѣстникомъ моимъ господиномъ Опухтинымъ единожды навсегда сдѣланныя и свято наблюдаемыя. И какъ всѣ они были такъ хороши, что не требовали никакой перемѣны и поправленія, то и нужно мнѣ было только узнать и войтить во всѣ оные, а потомъ наблюдать, чтобъ сохраненіе оныхъ продолжалось по введенной во всемъ формѣ, и притомъ безпрерывно и съ такою-жъ во всемъ исправностію; а все сіе и облегчало мнѣ управленіе волостями очень много.

Три только вещи озабочивали меня сначала наиболѣе и обращали на себя мое вниманіе, а именно: во-первыхъ, воровство, бываемое часто не столько по деревнямъ, какъ самомъ нашемъ селеніи. Не успѣлъ я пріѣхать и осмотрѣться, какъ Варсобинъ прожужжалъ мнѣ всѣ уши, изъявляя негодованіе свое на сіе зло, бываемое въ Богородицкѣ и слобо-

дахъ его слишкомъ уже часто. И какъ всѣ главнымъ виновникомъ тому почитали одного изъ тамошнихъ пономарей, то съ нетерпѣливостію желали всѣ, чтобъ онъ когда-нибудь былъ пойманъ и изобличенъ и могъ бы за то наказанъ быть. А сіе равно какъ нарочно и случись въ скоромъ времени послѣ моего пріѣзда. Поймали его и привели ко мнѣ съ украденною имъ у одного изъ нашихъ крестьянъ лошадью. Я, зная уже изъ опытности, сколь много дѣйствуетъ употребленная при такихъ случаяхъ при самомъ началѣ строгость и скорое неупустительное наказаніе, восхотѣлъ и въ семъ случаѣ поступить точно такъ же, какъ въ Кіясовкѣ, и недолго думая, молодца, разложивши, выстегалъ плетьми, какъ водится, не уваживъ нимало духовнаго его званія, которымъ вздумалъ-было онъ отдѣлываться. Ибо надобно знать, что онъ въ надѣяніи на то, что никто его не можетъ наказывать, и вдался въ сію шалость; а потому и въ семъ случаѣ думалъ, что я отошлю его въ духовное правленіе, и что онъ тамъ отъ всего откупится, и вздумалъ-было ерошиться. Но самое сіе наиболѣе меня и разгорячило. «О! (воскликнулъ я): когда ты на духовныя свои правленія надѣешься, такъ я тебѣ докажу, что я ихъ не боюся, и выпорю тебя, сколько душѣ моей угодно, какъ вора и бездѣльника; а ты поди проси на меня не только свое духовное правленіе, но хотя самого архіерея. Онъ меня знаетъ коротко и самъ еще спасибо за то скажетъ. Ложись-ка, ложись! Съ вашею братьею съ ворами я уже знаю какъ ладить. Въ Кіясовкѣ были и не такіе воры, но я и тѣхъ тотчасъ отъ всѣхъ шалостей и воровства отводилъ; а и тебѣ сказываю, что ты чѣмъ скорѣе отъ всѣхъ твоихъ шалостей отвыкнешь, тѣмъ лучше, и что я на то уже пошелъ, чтобъ изъ бездѣльника сдѣлать тебя добрымъ человѣкомъ».—И сказавъ сіе, велѣлъ его солдатамъ хорошенько и по-солдатски приударить; а сіе произвело желаемое дѣйствіе, и пономаря моего отъ воровства, какъ бабушка, отходило. Онъ хотя и не упустилъ произвесть на меня въ своемъ духовномъ правленіи жалобу и дѣло сіе дошло и до самого архіерея, и я чуть-было не нажилъ себѣ отъ того хлопотъ; но по счастію архіерей не горячо въ сіе вступился и не поспѣшилъ симъ дѣломъ, а увидѣвъ меня въ Тулѣ, пріѣхавшаго къ нему попрежнему знакомству на поклонъ, выговаривалъ мнѣ только словесно, что я не въ свое, а въ его вошелъ дѣло. Но какъ я предъ нимъ признался тотчасъ виноватымъ и въ извиненіе себѣ сказалъ, что намъ не было уже возможности терпѣть болѣе его плутней, шалостей и воровства, и что учинилъ я сіе единственно для сдѣланія его добрымъ человѣкомъ, то архіерей усмѣхнулся, и махнувъ рукой, оставилъ все сіе и мы съ нимъ опять поладили. А самое сіе много подѣйствовало и на пономаря, ибо онъ увидѣвъ, что и духовное его правленіе и самъ архіерей ничего ему не помогаетъ, за благо разсудилъ дѣйствительно отъ всѣхъ шалостей отстать и сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ съ того времени добрымъ человѣкомъ; а моя выгода была та, что всѣ жители нажили себѣ покой и безопасность.

А таковую же строгость и неупустительное наказаніе за воровство употреблялъ я и въ разсужденіи волостныхъ мужиковъ, и имѣлъ также отъ того успѣхъ вожделѣнной. Сіи сколько ни были благонравнѣе въ семъ отношеніи крестьянъ кіясовскихъ, по такой большой семьѣ, какова была сія волость, нельзя было быть безъ многихъ уродовъ, и рѣдкая суббота проходила, въ которую бы не былъ я обремененъ просьбами о произшедшихъ кой-гдѣ разныхъ пропажахъ и произведенныхъ воровствахъ; и изслѣдованія и разбирательствы сихъ темныхъ дѣлъ и причиняли мнѣ наиболѣе всего неоднократно великія хлопоты, досады и неописанныя иногда затрудненія, недоумѣнія и нерѣшимости, и нерѣдко принужденъ я былъ употреблять всю свою философію и напрягать всѣ силы разума своего къ открытію утаиваемаго зла. Но какъ я за правило себѣ поставилъ, не оставлять ни малѣйшаго обличеннаго и открывшагося

воровства безъ жестокаго наказанія, и не столько за самое дѣло, какъ за запирательство и нескорое въ винѣ признаніе, и все сіе сдѣлалось въ волости извѣстнымъ, то сіе и тутъ поуменьшило гораздо все такъ нашему подлому народу свойственное воровство, а чрезъ то и я впослѣдствіи времени имѣлъ отъ того хлопотъ и заботъ меньше.

Во-вторыхъ, при помянутыхъ еженедѣльныхъ разбирательствахъ и сужденіяхъ озабочивали, досаждали и даже крайне обременяли меня жалобы и просьбы о дракахъ и ссорахъ между собою у крестьянъ. Не проходило ни одной субботы, въ которую бы ихъ не было и я не принужденъ бы былъ разбирать сіи дрязги, и нерѣдко занимали онѣ меня болѣе нежели какія иныя важнѣйшія дѣла и по нѣскольку часовъ къ ряду. Нѣсколько времени переносилъ я сіе съ довольнымъ твердодушіемъ, но наконецъ стали онѣ мнѣ прискучивать и побуждать къ изобрѣтенію какого-нибудь средства къ уменьшенію количества сихъ жалобъ. И вотъ что наконецъ я выдумалъ: какъ изъ слѣдствіевъ сихъ дѣлъ оказалось, что происходили сіи драки наиболѣе отъ перебранокъ и оттого, что никто не хотѣлъ переносить никакого браннаго слова, выговореннаго другимъ, но приступалъ къ отомщенію такими-жъ браньми, а потомъ даже и подниманіемъ руки на своего обидчика, и что отъ равномѣрнаго соотвѣтствія тѣмъ же самымъ и происходили всѣ тѣ ссоры и драки; то для пресѣченія всего того и удобнѣйшаго погашенія наипервѣйшихъ искръ, производящихъ сіи пожары, и обнародовалъ я чрезъ старостъ и бурмистровъ во всей волости, чтобъ впредь во всѣхъ такихъ случаяхъ, кто одинъ другого обидитъ какимъ-либо словомъ или дѣломъ, никто-бы и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ бы самъ собою съ обидчикомъ управляться, и отнюдь бы не соотвѣтствовалъ ему такими же бранными словами, а того паче не давалъ бы отнюдь волю своимъ рукамъ, а тотчасъ бы заявлялъ первымъ, случившимся при томъ быть людямъ, какъ дѣлаемую себѣ отъ другого обиду, такъ и свое несоотвѣтствованіе; а потомъ объявлялъ бы о томъ старостѣ или бурмистру, сказывая, что онъ въ первую потомъ субботу поѣдетъ въ городъ на обидчика своего жаловаться, и чтобъ староста высылалъ неотмѣнно въ городъ и обидчика для отвѣта; а староста, чтобъ неотмѣнно и не упускалъ того дѣлать и подъ опасенія наказанія никакъ не доводилъ до того, чтобъ принуждено было изъ канцеляріи за отвѣтчикомъ посылать нарочныхъ, и чрезъ-то дѣло бы могло иттить въ отволочку. Далѣе велѣлъ я, обнародывая сіе, растверднть всѣмъ крестьянамъ и увѣрить ихъ, что всѣ тѣ, которые приказаніе сіе исполнятъ, и сами ни словами, ни дѣломъ не отвѣтствуя, все мщеніе за себя предоставятъ мнѣ, отъ меня совершенно будутъ удовольствованы, и всѣ обидявшіе ихъ безъ изъятія, и столько сколько душѣ ихъ угодно, будутъ наказаны. Напротивъ того, всѣ тѣ, которые сего узаконенія неисполнятъ, и не утерпѣвъ сами бранными словами или давъ волю рукамъ своимъ, будутъ обидчикамъ своимъ отвѣтствовать ударами и побоями, потеряютъ все право на полученіе желаемаго себѣ удовлетворенія, но будутъ наравнѣ съ обидчиками своими за немирное и неспокойное свое поведеніе наказаны.

По обнародованіи такого новаго и необыкновеннаго устава, и по растверженіи того чрезъ старостъ всѣмъ и каждому, положилъ я за правило и самъ непремѣнно наблюдать оной, и при всякомъ случаѣ, когда доводилось разбирать какую-нибудь словесную ссору или драку, прежде всего спрашивалъ: слышалъ ли онъ помянутое запрещеніе и приказаніе? Ежели на сіе объявлялъ мнѣ кто, что онъ того не слыхалъ, то за сіе отвѣтствовать долженъ былъ староста и терпѣть наказаніе за неисполненіе моего приказа. А какъ скоро кто сказывалъ, что онъ слышалъ, то спрашивалъ я далѣе: исполнилъ-ли онъ сіе приказаніе въ точности? И какъ скоро кто объявлялъ или изобличенъ былъ, что онъ, не утерпѣвъ и самъ

мстя свою обиду, либо словами или руками обидчику своему отвѣтствовалъ, тогда, не разбирая ничего вдаль, клалъ я обоихъ, и просителя и отвѣтчика, и смотря по великости ссоры или драки, наказывалъ соразмѣрно онымъ безъ всякаго упущенія. Напротивъ того, какъ скоро кто изъ просителей объявлялъ, что онъ все повелѣнное въ точности выполнилъ, и обидчику своему ни словомъ, ни дѣломъ не отвѣтствовалъ, и что ссылается въ томъ на свидѣтелей и на старосту; тогда, похваливъ его за то, безъ дальнихъ околичностей обидчика предавалъ въ совершенную его волю, говоря, чтобъ онъ при мнѣ и при присутствіи всѣхъ старостъ и другихъ людей дѣлалъ съ нимъ что хотѣлъ, и бранилъ-ли бы его взаимно, или билъ по щекамъ, или таскалъ бы за волосы и за бороду, или на раздѣтаго и положеннаго на полъ, сѣлъ бы самъ ему на голову, и плетью или розгами, сколько душѣ его угодно, обидчика бы своего сѣкъ.

Не могу изобразить, какое великое дѣйствіе произвела сія моя политическая выдумка! Оно превзошло даже все собственное мое чаяніе и ожиданіе. Не успѣлъ я нѣсколько разъ исполнить все вышеупомянутое въ самой точности, и молва о томъ разсѣяться по всей волости, какъ при судахъ моихъ и стали появляться такія сцены, которыя иногда извлекали изъ всѣхъ зрителей самыя слезы удовольствія. Ибо какъ скоро всѣ узнали, что всѣ взаимно бранившіеся и дравшіеся неизъемлемо будутъ оба наказаны, то у всѣхъ сихъ прошла охота ѣздить съ жалобами на то въ городъ и на дальнее иногда разстояніе. Напротивъ того, другіе дѣйствительно начали выполнять приказъ во всей точности, и ничѣмъ не отвѣтствуя обидчикамъ, заявлять только то другимъ и старостѣ, и сами, равно какъ гордясь тѣмъ, пріѣзжали просить, привозя съ собою и отвѣтчиковъ; то хотя и случалось то, хотя и рѣдко, что они, получивъ отъ меня во власть свою своихъ обидчиковъ, бивали ихъ иногда по щекамъ, таскали ихъ за волосы и за бороды, или за чувствительное ихъ себѣ оскорбленіе, сѣвши на голову имъ, дѣйствительно ихъ сколько хотѣли сѣкали, ибо я тогда уже въ ихъ дѣло не мѣшался, а виноватому говаривалъ, чтобъ онъ не мепя, а обиженнаго имъ просилъ о помилованіи, и нѣкоторые, будучи очень раздроблены, прямо и досыта на нихъ обиду свою отомщали; но все сіе случалось очень рѣдко, а по большой части оканчивалось все дѣло тѣмъ, что обидчикъ упадалъ предъ обиженнымъ въ землю, и просилъ его объ отпущеніи ему его проступка, и сей, пожуривъ его, къ удовольствію всѣхъ зрителей, обиду свою прощалъ, и они при всѣхъ тутъ обнимались, мирились и цѣловались, и каковыя сцены нерѣдко иногда всѣхъ до слезъ растрогивали. А какъ всѣ симъ образомъ великодушно поступившіе мною и всѣми старостами были похваляемы, а напротивъ того ко всѣмъ мстившимъ оказываемо было нѣкоторое негодованіе; то, къ особливому удовольствію моему и облегченію, большая часть симъ образомъ ссорящихся и перестали ко мнѣ пріѣзжать съ своими жалобами; ибо виноватые, будучи удостовѣрены въ томъ, что безъ наказанія и посрамленія не останутся, то нехотя терпѣть позора быть отъ обиженныхъ публично и при всемъ народѣ наказанными, что̀ для нихъ было несравненно чувствительнѣе, не допускали себя до того, но при первомъ объявленіи о томъ старостѣ валялися къ ногамъ обиженныхъ, и просили ихъ еще въ деревнѣ у себя о прощеніи, и при посредствѣ старосты мирились, а потому и не было имъ нужды ѣздить за симъ въ городъ, а они охотнѣе на мировой выпоражнивали какую-нибудь скляницу зелена-вина, поподчивавъ имъ вмѣстѣ съ собою и старосту, почему и сіи къ такимъ миротвореніямъ имѣли побудительную причину, а для меня было тѣмъ все сіе облегчительнѣе.

Третій, озабочивающій меня около сего времени, предметъ состоялъ въ томъ, что надобно было помышлять о заготовленіи многихъ всякаго рода вещей и матеріаловъ, потребныхъ отчасти къ продолженію производящихся въ Бобрикахъ

ще во всемъ развалѣ, отчасти къ окончанію приходившихъ въ Богородицкѣ строеній. Многія изъ сихъ долженствовали въ послѣдующее за симъ лѣто доведены быть до совершеннаго своего окончанія, но къ сему потребно было множество каменныхъ, деревянныхъ и желѣзныхъ матеріаловъ и вещей. Изъ сихъ далеко еще не всѣ были куплены и доставлены на мѣсто а многія надлежало либо при посредствѣ подрядовъ закупать, либо инако приготовлять; итакъ, дѣла, хлопотъ и заботъ посему было превеликое множество. Я долженъ былъ входить во всѣ подробности и разспрашивать у моихъ секретарей, гдѣ, когда, у кого, какъ и что предмѣстники мои до сего подряжали и покупали, а у архитекторовъ спрашивать, что именно и сколько чего и къ какому времени потребно; а получивъ отъ нихъ обо всемъ томъ свѣдѣніе, и располагать уже по тому свои мѣры. Варсобинъ тотчасъ непреминулъ мнѣ въ особенности выхвалять Алексинскаго лѣсного подрядчика купца Вахтина, а въ разсужденіе всѣхъ большихъ желѣзныхъ, кузнечныхъ и шлесарныхъ подѣлокъ и работъ тульскаго оружейника Василья Антонова, сына Пастухова; и по требованію моему непреминулъ ихъ обоихъ ко мнѣ выписать, чтобъ мнѣ съ ними обо всемъ нужномъ переговорить, и обо всемъ цѣны узнать было можно. Они и непреминули ко мнѣ тотчасъ прискакать. Обоихъ я до того времени еще не зналъ, и первой показался мнѣ купцомъ обыкновеннымъ и болѣе корыстолюбивымъ, нежели богатымъ. При предложеніи ему вѣдомости о томъ, какіе лѣсные матеріалы и сколько ихъ намъ къ будущему лѣту было потребно и при вопросѣ о цѣнахъ, заворотилъ онъ мнѣ всему такія страшныя цѣны, что я ажно остолбенѣлъ, и легко заключая, что у него съ прежними моими предмѣстниками было не безъ перенюхиванія между собою и что онъ и обо мнѣ дѣлалъ такія же заключенія, безъ дальнихъ околичествъ ему сказалъ: «Слушай-ка, мой другъ! Я не знаю, что и какъ было у васъ съ моими предмѣстниками, а ежели ты хочешь со мною имѣть дѣло, такъ пожалуй пустяки-та иные оставляй, и не полагай ничего на мой собственной счетъ, а будучи увѣреннымъ, что ты неинако какъ рубль за рубль получишь, объяви-ка ты мнѣ безъ торгу и всему цѣны настоящія, чтобъ я могъ съ ними безъ стыда и зазрѣнія совѣсти показаться къ командиру моему князю, а не то такъ я найду и другихъ лѣсныхъ продавцевъ и кромѣ тебя». Вахтинъ удивился сіе услышавъ, а не менѣе его и господинъ Варсобинъ, которой у предмѣстниковъ моихъ былъ обыкновеннымъ во всемъ сводчикомъ. Но оба они, что ни думали, но принуждены были наконецъ открыть мнѣ настоящія и сходныя всему цѣны.

Такимъ же точно образомъ поступилъ я и съ господиномъ Пастуховымъ. Въ сей особѣ нашелъ я очень умнаго, знающаго и такого человѣка, какого я и не чаялъ найтить въ оружейникѣ, и которой по всему обращенію своему заслуживалъ несравненно множайшее уваженіе, нежели Вахтинъ, и былъ такой человѣкъ, съ которымъ можно было имѣть даже самую дружбу и знакомство. Однако и сему единожды и навсегда я прямо сказалъ, что ежели онъ хочетъ имѣть со мною дѣло, и дружбу, и знакомство, то располагалъ бы онъ всѣ свои поступки со мною на самой честной ногѣ и безъ всякихъ коварствъ, хитростей и излишнихъ затѣевъ; что собственно мнѣ самому для себя ничего не надобно, и онъ на мой счетъ не клалъ бы ничего, а объявлялъ бы всему цѣну настоящую и такую, чтобъ онъ оставался безъ наклада, а могъ бы получить и барышъ законной, но не чрезмѣрной, и чрезъ то бы и меня, и себя не привелъ бы князю въ подозрѣніе; на что сей охотно и согласился, увѣривъ меня, что и самъ онъ для князя, знающаго его довольно, ничего непомѣрнаго въ счетъ ставить не будетъ; меня же только просилъ, чтобъ я при всѣхъ моихъ въ Тулу пріѣздахъ имѣлъ у него въ домѣ непремѣнную квартиру, и увѣрялъ, что онъ постарается ласкою и услугами своими пріобрѣсть себѣ мою дружбу и благоволеніе

и быть оной достойнымъ. А симъ я былъ и доволенъ, и могу сказать, что сей человѣкъ и не показалъ мнѣ себя никогда бездѣльникомъ, и какъ знакомство его было небезполезно, а особливо тѣмъ, что имѣли мы въ немъ въ Тулѣ всегда добраго и вѣрнаго коммиссіонера, исправляющаго по требованіямъ нашимъ всѣ наши нужды.

Какъ по отобраніи всѣхъ послѣднихъ цѣнъ нужно мнѣ было какъ для представленія ихъ князю и истребованія на нихъ отъ него разрѣшенія, такъ и для переговоровъ и о многихъ другихъ до волости относящихся обстоятельствъ, повидаться съ старикомъ-княземъ, то рѣшился я къ нему на короткое время въ Москву съѣздить, гдѣ и собственныя свои койкакія нуждицы надобно было исправить. И для того, сдѣлавъ для привозки подряженныхъ уже до меня и готовыхъ матеріаловъ потребные съ обѣихъ волостей наряды, и отправивъ за ними съ капралами и солдатами въ Алексинъ и въ другія мѣста подводы, и пустился я въ сей путь одинъ. И какъ я далъ Пастухову вѣрное слово въ Тулѣ остановиться у него въ домѣ, то къ нему дѣйствительно и въѣхалъ.

Пастуховъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ и не зналъ какъ меня угостить лучше. Тутъ я еще болѣе удивился, нашедъ у него порядочной и довольно хорошо прибранной домикъ и большую фабрику шлесарную и кузнечную, на которой производились не только мелкія, но и самыя крупныя и тяжелыя работы; а что всего болѣе меня удивило, то нашелъ я въ немъ прелюбопытнаго на все и съ довольными обо всемъ свѣдѣніями человѣка, и превеликаго охотника до разныхъ и дорогихъ птицъ и до сада. Все даже многочисленное семейство его было такое доброе, такое ласковое ко мнѣ, что я всѣмъ имъ былъ очень доволенъ, и съ удовольствіемъ согласился всегда у нихъ въ Тулѣ стоять, и тѣмъ паче, что и пребываніемъ своимъ не могъ я дѣлать ему дальнаго утѣсненія, ибо самъ онъ жилъ въ верхнемъ жильѣ, а нижнія комнаты были всегда почти порожнія.

Въ сей-то самой пріѣздъ имѣлъ я случай видѣться съ старичкомъ нашимъ коломенскимъ архіереемъ Ѳеодосіемъ. Ибо какъ ему въ самое сіе время случилось быть въ Тулѣ, то услышавъ о томъ и выпросивъ у Пастухова санки, полетѣлъ я къ нему, желая отдать ему свой поклонъ по старинному знакомству; и тутъ-то происходилъ у насъ съ нимъ тотъ разговоръ о пономарѣ, о которомъ упоминалъ я выше, и при которомъ поступкомъ онъ своимъ вперилъ въ меня къ себѣ еще болѣе почтенія.

Переночевавъ въ Тулѣ и исправивъ всѣ свои дѣла, продолжалъ я свой путь, и заѣхалъ въ другую ночь ночевать въ любезное свое Дворяниново. Это было въ первой еще разъ, что я по отъѣздѣ моемъ изъ Кіясовки былъ въ своей деревнѣ, и увидѣлъ сколь велика была разница между разстояніями прежнимъ и тогдашнимъ до моего дома. Изъ Кіясовки могъ я поспѣвать къ себѣ въ домъ часовъ въ 5-ть или 6, а для пріѣзда изъ Богородицка потребно уже было двое сутокъ.

А посему легко могъ я заключить, что намъ никакъ уже не можно будетъ такъ часто бывать въ своей деревнѣ какъ прежде, что принуждало насъ забирать туда съ собою людей и всякой всячины колико можно уже болѣе, дабы тамъ можно было жить полнымъ домомъ и ни въ чемъ не нуждаться; а въ деревенскомъ домѣ оставить только самыхъ необходимѣйшихъ, какъ-то: прикащика, обоихъ садовниковъ и еще бывшихъ тогда стариковъ и старухъ въ домѣ.

Какъ была тогда зима, и хоромы наши занесены были всѣ снѣгомъ и нетопленыя, то переночевавъ кое-какъ въ людской избѣ, гдѣ жилъ тогда и мой прикащикъ, не сталъ я тутъ долѣе медлить, но съ утра пустился далѣе, и препроводивъ двое сутокъ въ дорогѣ, пріѣхалъ наконецъ въ Москву.

Симъ окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 25 дня 1809 г.)

ЗНАКОМСТВЫ И ШУТКИ.

Письмо 188-е.

Любезный прiятель! Пребыванiе мое въ столицѣ было въ сей разъ очень недолговременно, ибо какъ вся надобность моя наиболѣе состояла въ личномъ свиданiи съ княземъ, и чтобъ мнѣ съ нимъ переговорить кое-о-чемъ относящемся до обѣихъ ввѣренныхъ управленiю моему волостей, Бобриковской и Богородицкой; то мы скоро и въ немногiе дни дѣло свое съ нимъ кончили.

По донесенiи ему обо всемъ въ подробности, что я нашелъ въ волости, наиглавнѣйшая моя надобность состояла въ томъ, чтобъ переговорить съ нимъ о предметахъ, относящихся до производимыхъ тамъ строенiй. Я привезъ къ нему съ собою списки и вѣдомости о всѣхъ матерiалахъ, потребныхъ еще къ окончанiю работъ сихъ, и какъ о имѣющихся въ наличности, такъ и о тѣхъ, кои заготовить еще надобно. При разсматриванiи оныхъ и цѣнъ, требуемыхъ за лѣсные и желѣзные матерiалы, удивился князь увидя ихъ гораздо умѣреннѣйшими, особливо противъ тѣхъ, которыя были при умершемъ предмѣстникѣ моемъ, князѣ Гагаринѣ, и догадываясь о истинной тому причинѣ, усмѣхался только князь и изъявлялъ отмѣнное свое удовольствiе о моихъ цѣнахъ и въ ту же минуту апробовалъ оныя. Послѣ того стали мы говорить о плотникахъ и штукатурахъ, кои потребны были также для сей отдѣлки; и какъ оныхъ въ тамошнихъ мѣстахъ нигдѣ отыскать было не можно, то князь, по обыкновенiю своему, взялъ на себя прiискать ихъ въ Москвѣ, и заключивъ съ ними контрактъ, прислать ко мнѣ при наступленiи весны, чѣмъ я былъ и доволенъ.

По окончанiи всѣхъ нашихъ переговоровъ, относящихся до строенiя, довелъ я съ нимъ рѣчь и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, относящихся до волостей. Изъ всѣхъ ихъ наиважнѣйшiй предметъ былъ о множествѣ незаконныхъ выставокъ или кабаковъ, находящихся въ Богородицкой волости. До сего издревле было во всей волости только три кабака; но предмѣстнику моему, господину Опухтину, разсудилось какъ-то бывшему тогда откупщикомъ купцу дозволить во всѣхъ почти знаменитѣйшихъ селенiяхъ завести, подъ именемъ выставокъ только въ праздничные дни, порядочные и всегдашнiе питейные домы или кабаки. Не знаю подлинно, а говорили, будто бы стоило дозволенiе сiе откупщику нѣсколькихъ тысячъ, и что г. Опухтинъ и послѣ всякой годъ получалъ за сiю недозволенную ежедневную продажу вина добрую съ откупщика пошлину, преемникъ же его, умершiй князь Гагаринъ, еще того множайшую. Въ неложности сей общей молвы много удостовѣряло меня и то, что г. Варсобинъ, служившiй, какъ я выше упоминалъ, при всѣхъ такихъ дѣлахъ главнымъ маклеромъ и орудiемъ, подлипалъ-было и ко мнѣ съ такими-жъ предложенiями, а именно, чтобъ не давать откупщику одному наживать отъ того многiя тысячи, а не грѣхъ бы ему было и подѣлиться въ томъ со мною. Но какъ я всего далѣе удаленъ былъ чтобъ давать таковымъ и подобнымъ тому другимъ внушенiямъ въ головѣ своей мѣсто, то слушалъ сiе только усмѣхаясь, и безъ дальнихъ обиняковъ давалъ Варсобину знать, чтобъ отложилъ онъ сiи блины до другого дня, или лѣпѣе сказать, пересталъ бы о томъ и думать. Таковыми отвѣтами обыкновенно я всегда молодца сего отбояривалъ, когда случалось ему подъѣзжать ко мнѣ съ таковыми плутовскими предложенiями; и хотя я зналъ, что сiе было ему не по душѣ и не весьма прiятно, но сего нимало не уважалъ, а шелъ прямою дорогою и дѣлалъ свое дѣло и то, чего требовала отъ меня и честь, и совѣсть.

Всходствiе чего и въ семъ случаѣ, какъ мнѣ довольно сдѣлалось извѣстно, что неуказные кабаки сiи, коихъ число до двадцати простиралось, обращались въ неизобразимой вредъ волостямъ и что всѣ мужики спивались на нихъ съ круга

и ежегодно пропивали до нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, а сверхъ того опасался я, чтобъ послѣ отъ кабаковъ сихъ не претерпѣть бы самому мнѣ какой напасти и бѣды; то и почелъ я долгомъ своимъ донесть о томъ старику-князю и обстоятельство сіе представивъ въ настоящемъ его видѣ спросить, что̀ прикажетъ онъ съ ними дѣлать.

Князя удивило таковое донесеніе. Оно было для него совсѣмъ неожидаемымъ и заставило нѣсколько минутъ о томъ думать, между которымъ временемъ я съ любопытствомъ дожидался его отвѣта. Наконецъ спросилъ онъ меня: «Жалуются ли на сіе мужики, и не считаютъ ли сего себѣ отягощеніемъ?» Сей вопросъ удивилъ также и меня, какъ мой его, но я ему тотчасъ сказалъ самую истину: что жалобъ отъ нихъ хотя и нѣтъ, да и быть не можетъ, поелику всякой такой домикъ можетъ почесться для нихъ, по привычкѣ ихъ къ пьянству, селеніемъ небеснымъ; но что отъ нихъ существительной вредъ для нихъ и всей волости происходитъ, и что многіе не только совсѣмъ пропились и разорились, но изъ добрыхъ людей сдѣлались негодяями, то̀ была неоспоримая истина. —«То такъ! (сказалъ на сіе князь): но и то правда, что уничтоженіе кабаковъ сихъ можетъ доставить намъ множество досадъ и хлопотъ. Намъ принуждено будетъ заводить дѣло и ссору съ присутственными мѣстами, а мнѣ бы сихъ скучныхъ дрязговъ не хотѣлось».—«Да какъ же изволите приказать?» (спросилъ я.)— «И, сказалъ наконецъ князь: когда они уже однажды введены, то такъ уже и быть... Оставьте ихъ съ покоемъ! Къ томуже, разсмѣявшись продолжалъ онъ, мужичковъ нашихъ, а особливо такихъ богатыхъ и всѣмъ довольныхъ какъ волостные, трудно воздержать отъ пьянства. Найдутъ они и вездѣ винцо свое любимое; а что они пропиваютъ много денегъ, такъ это едвали не полезнѣе того, что они зарываютъ ихъ въ землю, и у дураковъ великое множество пропадаетъ ихъ безъ вѣсти».—«Да, это правда (сказалъ я): сіе и мнѣ уже нѣсколько разъ слышать случалось, и недавно сказывали мнѣ, что у одного мужика зарыто было въ землю болѣе 500 рублей; но какъ онъ, не сказавши никому изъ дѣтей о мѣстѣ, гдѣ они зарыты, умеръ, то такъ они и пропали. А о томъ, что у многихъ были они перекрадены, доходили уже до меня неоднажды просьбы». Итакъ, посмѣявшись мы тому, на томъ и положили, чтобъ кабаки оставить мнѣ попрежнему съ покоемъ, что мнѣ хотя и не весьма было пріятно, но я радъ по крайней мѣрѣ былъ, что предварилъ князя тѣмъ отъ всякой быть могущей на меня напрасной клеветы за оные.

Потомъ, вѣдая княжую страсть къ прудамъ, и расхваливъ новой большой прудъ, предмѣстникомъ моимъ запруженный, сказалъ ему шутя: «Вотъ, то̀-то бы, ваше сіятельство, посадить въ него карповъ: какое бы было имъ въ немъ раздолье!... И вотъ бы ваше сіятельство изволили выпросить у государыни намъ ихъ сотенку-другую изъ Прѣсненскихъ прудовъ и прислать!» — «А чтожъ! подхватилъ князь: это я и сдѣлаю. Спасибо, что ты мнѣ это напомнилъ! Это право будетъ ладно! и я сей же часъ къ государынѣ поѣду, благо она здѣсь, и думаю, что она мнѣ въ томъ и не откажетъ!»

Князю предложеніе сіе такъ полюбилось, что онъ дѣйствительно въ тотъ же часъ велѣлъ готовить карету, а себѣ подавать одѣваться, и спроворилъ симъ дѣломъ такъ хорошо, что какъ я по приказанію его пріѣхалъ къ нему обѣдать, то онъ и встрѣтилъ меня съ радостнымъ поздравленіемъ, что карпы у насъ будутъ, и что государыня изволила приказать отпустить намъ 200 карповъ, которыхъ онъ и не преминетъ прислать ко мнѣ, какъ скоро ихъ поймаютъ. И можно-ль было думать, чтобъ сія благовременная шутка произвела впослѣдствіи времени то, что не только вся Тульская, но и многія другія губерніи снабдились сею рыбою въ превеликомъ изобиліи и пошли навѣкъ съ оными, и за то никому иному какъ единственно мнѣ обязаны.

Не успѣлъ я съ княземъ обо всемъ нужномъ переговорить и принять съ нимъ въ разсужденіе строенія всѣ нужныя мѣры, какъ поспѣшая скорѣй возвратиться въ свое мѣсто, не сталъ я долѣе въ Москвѣ медлить, но повидавшись кое-съ-кѣмъ изъ знакомыхъ своихъ и друзей, и пустился въ путь обратной.

По пріѣздѣ въ Богородицкъ, нашелъ я тутъ все въ порядкѣ и своихъ всѣхъ здоровыми. И съ первою потомъ почтою имѣлъ я удовольствіе увидѣть у себя впервые еще отъ роду присланныя ко мнѣ Гамбургскія нѣмецкія газеты, которыми не могъ я довольно налюбоваться, и кои, прочитавъ, для такого-же удовольствія доставилъ и другу своему, г. Бентону, и съ того времени держалъ я ихъ уже ежегодно и сдѣлалъ къ нимъ такую привычку, что продолжаю получать ихъ и понынѣ, и хотя онѣ мнѣ во все сіе время стоили многихъ денегъ, но о томъ нимало я не тужилъ; но удовольствіе, доставляемое ими мнѣ еженедѣльно, вознаграждало съ лихвою сей убытокъ. Одно и то, что я посредствомъ ихъ получалъ еженедѣльно увѣдомленія обо всемъ, что происходило во всемъ свѣтѣ и во всѣхъ земляхъ и государствахъ, и извѣстія о томъ были полныя, а не такія сокращенныя, какія сообщались намъ чрезъ русскія газеты, стоило уже весьма многого, а особливо для такого любопытнаго человѣка, каковъ былъ я.

Вскорѣ за симъ наступила и масляница, и сію провели мы въ сей годъ довольно-таки весело, ибо такъ случилось, что около самаго сего времени заѣзжала къ намъ съ дѣтьми своими тетка Матрена Васильевна, ѣздившая въ свою Ефремовскую деревню, и прогостила у насъ нѣсколько дней съ ряду. Гостья сія была у насъ почти первая и наиприятнѣйшая, и мы очень были ради, что жили тогда на дорогѣ и она могла къ намъ всегда заѣзжать, когда ни случалось ей ѣзжать въ помянутую деревню. И сколько разъ случалось намъ ее у себя тутъ угощать и провождать съ нею (время) съ особливымъ удовольствіемъ; но могли ли мы тогда думать, что судьба нѣкогда велитъ ей и навѣкъ въ семъ мѣстѣ остаться.

Кромѣ сего имѣли мы уже время спознакомиться, кромѣ г. Толбузина, и съ другимъ еще, сосѣдственнымъ къ нему и также довольно знаменитымъ дворянскимъ домомъ господина Кирѣева. Случай и поводъ къ тому подалъ помянутой господинъ Толбузинъ. Пріѣзжая ко мнѣ, просилъ онъ насъ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ, чтоб посѣтили мы когда-нибудь его домишка, и какъ назначилъ онъ къ тому даже и день, то и согласились мы ему сіе удовольствіе и сдѣлать, и какъ ни далеко было, къ назначенному дню къ нему всѣ и поѣхали. Тутъ встрѣтили насъ не только хозяева съ наивозможнѣйшими ласками, но и помянутой господинъ Кирѣевъ, по имени Александръ Григорьевичъ, бывшій тутъ же со всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Сей, а особливо жена его, дама умная и свѣтская, оказывали намъ также наивозможнѣйшія ласки. И какъ мы съ ними тутъ провели весь тотъ день, ибо за отдаленностію необходимо надлежало намъ остаться тутъ ночевать, то и познакомились мы съ обѣими сими фамиліями; и какъ всѣ они были добрые и такіе, съ которыми намъ можно было знаться, то успѣли мы даже съ ними и сдружиться, и охотно дали слово въ послѣдующій день пріѣхать къ господину Кирѣеву вмѣстѣ съ г. Толбузинымъ обѣдать; что намъ тѣмъ удобнѣе можно было сдѣлать, что намъ на возвратномъ своемъ пути въ Богородицкъ мимо самыхъ его воротъ надлежало ѣхать. И съ сего времени, во все пребываніе наше въ Богородицкѣ, знакомство и дружба съ обоими сими домами продолжалась у насъ безпрерывно. Въ господинѣ Толбузинѣ нашелъ я не только умнаго, степеннаго и ко всему очень любопытнаго человѣка, но и весьма добраго хозяина, и съ нимъ никогда не скучно было проводить время; а и г. Кирѣевъ былъ также очень доброй, ласковой, умной и добродушной человѣкъ, но имѣлъ только тотъ недостатокъ, что былъ слишкомъ дебелъ своимъ тѣломъ.

Кромѣ сихъ двухъ домовъ имѣлъ я еще случай угощать у себя еще одного сосѣда, жившаго гораздо ближе всѣхъ ихъ; но сей былъ хотя очень умной человѣкъ, но, по неумѣренной своей привычкѣ къ питью, служилъ мнѣ болѣе въ отягощеніе нежели въ удовольствіе, и я не радъ даже бывалъ, когда случалось ему ко мнѣ пріѣзжать, а потому самъ никогда и не бывалъ у него, какъ онъ меня о томъ ни прашивалъ.

Былъ то г. Шишковъ, Гарасимъ Никитичъ. Но могъ ли я тогда себѣ вообразить, что впослѣдствіи времени судьба сопряжетъ меня съ симъ домомъ не только дружествомъ, но и тѣснѣйшими узами!

Итакъ, свиданія съ помянутыми двумя фамиліями и пріѣзды ихъ къ намъ начинали дѣлать житье наше въ Богородицкѣ не таково уже скучнымъ, какъ то было сначала. Когда-же никого не было изъ постороннихъ, то помянутой нѣмецъ Вильгельмсонъ всѣмъ обращеніемъ своимъ доставлялъ намъ невѣдомо сколько удовольствія, и нерѣдко доводилъ насъ до слезъ отъ смѣха. Я упоминалъ уже, что мы по чрезвычайной бѣдности пріобщили его къ своимъ домашнимъ. И какъ онъ дѣйствительно началъ сына моего учить нѣмецкой азбукѣ и чтенію, что учить онъ былъ въ состояніи, и былъ человѣкъ хотя очень доброй своимъ характеромъ, но самой простота и по многимъ отношеніямъ иногда очень и смѣшонъ, то нерѣдко подавалъ онъ намъ поводъ къ разнымъ шуткамъ и издѣвкамъ надъ собою, а иногда предпринимали мы дѣлать надъ нимъ и самыя проказы родовъ разныхъ. Какъ, напримѣръ, всклёпывали на него небылицы, затѣвали разныя исторіи, смѣялись и хохотали надъ нимъ по поводу оныхъ, и такъ далѣе и всѣмъ тѣмъ доводили его иногда и до сердца и до смѣха, и радости и горя. Словомъ, онъ былъ у насъ изряднымъ полушутикомъ, хотя мы всѣ его душевно за безхитростную его простоту любили и всегда сообществомъ его, а особливо безъ постороннихъ людей, были довольны.

Но ничѣмъ онъ насъ такъ не утѣшалъ, какъ чрезвычайною боязнію мертвецовъ. И какъ домъ мой былъ подлѣ самаго бывшаго въ старину тутъ кладбища, и ему отъ насъ послѣ ужина ходить надлежало на свою квартиру всегда ночью, то всегда была ему ходьба эта превеличайшею коммиссіею, а особливо потому, что мы всегда не упускали нагонять на него болѣе страха и болзни разными исторіями о ходящихъ будто мертвецахъ, привидѣніяхъ и страшилищахъ; и не одинъ разъ случалось, что мы со смѣху помирали, видя бѣдняка сего дрожащаго ажно отъ страха и боязни при слушаніи такихъ вымышленныхъ повѣстей, которымъ онъ, по простотѣ своей, вѣрилъ совершенно.

Но никогда онъ насъ такъ не утѣшилъ, какъ при одной вымышленной и сдѣланной нами надъ нимъ проказы. Какимъ-то образомъ узнали мы, что онъ волочился до сего за одною горничною дѣвушкою предмѣстника моего, князя Гагарина, и былъ влюбленъ въ нее по-уши, хотя оная нимало ему въ томъ не соотвѣтствовала. И сего одного довольно уже было ко всегдашнимъ надъ нимъ смѣхамъ и труненьямъ. Мы всклепали уже отъ себя, что и она будто очень въ него влюблена была, и что тогда по слухамъ, доходящимъ до насъ, умирала почти объ немъ съ тоски и отъ разлуки. Другъ нашъ тому и повѣрилъ, и у него даже ушки смѣялись, когда случалось намъ о томъ разговориться. Но несчастіе его хотѣло, чтобъ дѣвушка сія, дѣйствительно будучи уже въ деревнѣ, около сего времени умерла. Боже мой! какое было на него тогда горе, когда узналъ онъ о томъ съ достовѣрностью; ибо сперва долго не захотѣлъ онъ тому вѣрить, и какой опять поводъ былъ намъ надъ нимъ хохотать, притворно объ немъ тужить, и надъ нимъ и горемъ его смѣяться!

Но сего было еще недовольно, а догадало насъ воспользоваться симъ случаемъ далѣе и затѣять, что будто она умершая ходитъ по ночамъ по тѣмъ мѣстамъ въ Богородицкѣ, гдѣ прежде сего она живая хаживала, и что будто ее уже неоднажды

и многіе видали. Чтобъ сдѣлать ему исторію сію вѣроятнѣйшею, то смастерили мы такъ, что услышалъ онъ ее въ первой разъ совсѣмъ не отъ насъ, а отъ Варсобина и нѣкоторыхъ другихъ жителей богородицкихъ, и между прочимъ отъ такихъ, которые будто сами ее по ночамъ видали. Боже мой! какой нагнали они тѣмъ страхъ на легковѣрнаго и простодушнаго простака сего, а особливо всеобщимъ увѣреніемъ, что по всему видимому разгуливаетъ она тутъ все изъ любви къ нему и его ищетъ. «Ну, братъ, Александръ Давыдовичъ! (сказалъ я, услышавъ о томъ при немъ будто впервые, и ничего о томъ не зная и не вѣдая), пропалъ ты теперь! Ну-ка ты ночью съ нею повстрѣчаешься и она за тобою погонится, что тебѣ тогда будетъ дѣлать?»—«Тфу! тфу! тфу! она окаянная! (воскликнулъ онъ), сохрани меня отъ того Боже! Да я, мнѣ кажется, на томъ же мѣстѣ умру отъ того!»—«То-то право хорошо! (подхватилъ я), она тому будетъ и рада, и тотчасъ тебя цапъ-царапъ и утащитъ съ собою!.. Нѣтъ, братъ, не только умирать, но и трусить въ такомъ случаѣ не годится! а мой совѣтъ, направлять тогда лыжи и бѣжать отъ нея тогда неоглядкою прочь».—«Да ну-ка она погонится?» (спросилъ онъ, дѣйствительно тому повѣривъ).—«Ну, тогда нечего будетъ иного дѣлать (сказалъ я), какъ креститься, твердить молитву и призывать всѣхъ святыхъ на помощь; а когда то не поможетъ, то схвативъ, что попадется, бить тѣмъ, но иначе какъ на отмашъ, а не прямо. Помни это пуще всего, Александръ Давыдовичъ, и знай, что прямо бить мертвецовъ никакъ не годится».—«А я такъ не то думаю! (подхватилъ Варсобинъ), а мой згадъ скорѣй ухватить, обнять, да поцѣловать, вѣдь она того-то конечно и добивается».—«И, что вы, Иванъ Ивановичъ! (воскликнулъ мой Александръ Давыдовичъ). Статочное-ли это дѣло? пропади она, проклятая! я обомру и увидѣвъ ее окаянную!»

Сими и подобными сему разсказываніями и повтореніемъ того нѣсколько дней съ-ряду старались мы предуготовить его къ той комедіи, которую мы съиграть затѣвали. И какъ мы на него уже довольной страхъ нагнали, то и приступили къ тому наконецъ въ одну нѣсколько лунную ночь. И вотъ что мы надъ нимъ сдѣлали. Была у меня намалеванная на обрѣзной доскѣ статуя въ ростъ человѣка вышиною, изображающая горничную дѣвушку, изрядно одѣтую и такую, какія въ домахъ господскихъ бываютъ. По особливому счастію случилось такъ, что другу нашему никогда еще ее у насъ видѣть не случилось, и онъ объ ней вовсе не зналъ, ибо какъ она употребляема была для сада, то по привезеніи оной изъ Кіясовки и спрятали мы ее до весны въ кладовую, и не прежде о ней вспомнили, какъ при помянутой исторіи о дѣвкѣ. И сею-то самою статуею вздумалось намъ его постращать, почему для самаго того и выдумали помянутую исторію. И какъ она была такъ велика, что позади ея можно было спрятаться небольшому человѣку, то придѣлали къ ней сзади рукоятки, и велѣли одному изъ своихъ слугъ, небольшого роста, вынесть ее на улицу и за нѣсколько десятковъ саженъ спрятавшись за уголъ, дожидаться какъ пойдетъ отъ насъ нашъ Александръ Давыдовичъ, и тогда бы спрятавшемуся за нею, и неся ее предъ собою, итти къ нему на встрѣчу.

Устроивши все сіе, продержали мы его нарочно подолѣе послѣ ужина и почти до самой полуночи, и настращавъ его всякими разговорами о мертвецахъ и привидѣніяхъ, распрощались съ нимъ и проводили его даже до крыльца, и по выходѣ его изъ сѣней не только затворили оныя, но и заперли засовомъ. Послѣ чего побѣжали мы всѣ въ кабинетъ смотрѣть въ окно, что будетъ.

Другъ нашъ, ничего о томъ не зная и не вѣдая, шелъ себѣ спокойно. Но не успѣлъ онъ десятковъ двухъ-трехъ саженъ отойти отъ дома, какъ и мелькнуло ему вдали нѣчто похожее на человѣка. Сіе вдругъ его остановило и заставило, нагнувшись, посмотрѣть присталь-

нѣй; но не успѣлъ онъ хорошенько возрится и увидѣть движущуюся статую, и повидимому, идущую къ нему на встрѣчу, какъ вдругъ, обернувшись, направилъ лыжи назадъ. Сперва бѣжалъ онъ все еще молча, но какъ любопытство побудило его обернуться и поглядѣть назадъ, то увидѣвъ, что она за нимъ гонится, завопѣлъ во все горло: «ай! ай! ай! ай! ай! ай!» бросился безъ памяти уже бѣжать, и прямо опять ко мнѣ на дворъ и на крыльцо; но тутъ хвать за двери,—двери не растворяются. Онъ стучать, онъ кричать, чтобъ скорѣе отперли, никто не слышитъ, а мнимой мертвецъ приближается! Господи, какая напади на него тогда безпритворная трусость! «Ахъ, батюшки мои! (кричалъ онъ), что мнѣ дѣлать? Ахти! что дѣлать? Ахти! что дѣлать? Двери заперты и конечно всѣ спать полеглись», и не съ другого слова, увидѣвъ дрова, складенныя у рѣшетки полѣнницею, прибѣжалъ къ ней, и схватывая одно полѣно за другимъ, ну швырять ихъ на отмашъ и чрезъ себя въ мнимаго мертвеца, а самъ, не смѣя и взглянуть на него, только кричалъ: «ай! ай! ай! ай! ай! ай!»

Мы, смотря на все сіе сокрывшись изъ окна, надрывались, или паче сказать, кисли отъ смѣха. Но тогда уже не было намъ болѣе мочи терпѣть, и мы велѣли ему отворить будто бы прибѣгшими людьми двери, и выбѣжали сами спрашивать, что за шумъ? и что такое?—«Чего, батюшка! (отвѣчалъ онъ задыхаясь отъ страха и вбѣжавши помертвѣлымъ въ сѣни). Проклятая-то дѣйствительно за мною гналась!»—«Да кто такая?»—«Да дѣвка-то княжая!»—«Что ты говоришь? нельзя статься!»—«Ей, ей! хоть теперь умереть, правда! хоть сами посмотрите, небось она тутъ-же, проклятая!» Тогда выбѣжали мы на крыльцо будто бы смотрѣть, но какъ статую давно уже прибрали къ сторонѣ, то стали мы говорить: «Гдѣ-жъ это, гдѣ? мы ничего не видимъ; ну, не почудилось-ли тебѣ Александра Давыдовичъ?»—«Какое почудилось! (кричалъ онъ), готовъ умереть въ томъ, что ее видѣлъ и точно ее, и въ такомъ же платьѣ, какъ она хаживала!»—«И, что ты! что ты! подхватилъ я, нельзя этому статься, тебѣ повидилось развѣ такъ?»—«Какое повидиться! возразилъ онъ, до самыхъ воротъ за мною добѣжала, окаянная, и чуть-было не схватила. Я всю почти полѣнницу расшвырялъ, бросая полѣньями въ нее, посмотрите хоть сами». Тогда удивившись будто, велѣлъ я смотрѣть еще, не увидятъ-ли чего, а между тѣмъ спрашивалъ его, какъ онъ кидалъ полѣньями, не на отмашъ-ли? «Я и самъ уже не помню! сказалъ онъ: и на отмашъ, и черезъ себя, и Богъ знаетъ какъ».—«Ну, братъ, подхватилъ я: конечно ты, кидая на отмашъ, попалъ въ нее, и оттого она сгибла и изчезла».—«Чортъ ее знаетъ! Но теперь воля ваша, я одинъ уже никакъ не пойду, а пожалуйте человѣка два проводить меня».—«Изволь, изволь», сказалъ я, и нарядилъ двухъ людей провожать его.

Симъ кончилась тогда сія комедія, и я не могу изобразить, сколь много мы тогда, да и послѣ сему бѣдняку смѣялись, которой такъ твердо увѣренъ былъ, что онъ видѣлъ дѣйствительно мертвеца, что долгое время давалъ намъ надъ собою трунить и смѣяться, и мы насилу-насилу могли послѣ увѣрить его, что онъ испугался пустого.

Но что онъ обманулся моею статуею, то и неудивительно. Она намалевана была мною такъ живо, что не только онъ, но и самой нашъ франтъ бобриковской архитекторъ, несмотря на свое искусство и знаніе, хорошохонько ею обманулся и почелъ за живого человѣка. Сей случай также подалъ намъ поводъ ко многому хохотанью.

Однажды случилось сему архитектору пріѣхать къ намъ въ Богородицкъ для осматриванія, по должности своей, работъ, тутъ производимыхъ. Я въ самое то время занимался поправленіемъ сей статуи для приданія ей большей живности, и какъ мнѣ сказали, что пріѣхалъ архитекторъ и пошелъ на строеніе, то зная, что онъ оттуда ко мнѣ зайдетъ, и взду-

малъ порѣзвиться и сдѣлать ему своею статуею сюрпризъ. И тотчасъ, схватя свою статую, поставилъ ее въ своей угловой гостинной у стола, посреди горницы такъ, чтобъ вошедшему въ залу тотчасъ можно было сквозь двери тамъ увидѣть, и самъ, выславъ на часокъ всѣхъ людей изъ залы и изъ лакейской, притулился въ своемъ кабинетѣ и сталъ смотрѣть, что будетъ.

Архитекторъ мой, вошедъ въ лакейскую и не нашедъ никого, вошелъ въ залу. Тутъ и кинулась ему тотчасъ въ глаза статуя, стоящая вдали въ гостинной. И какъ онъ ее не инако счелъ какъ настоящею живою женщиною и какою-нибудь гостьею, то, по обыкновенному своему франтовству и вѣжливости, ни съ другого слова, размахнувъ шляпою отвѣсилъ ей превизкой поклонъ. Я со смѣху надсѣдался сіе увидѣвъ, но далъ ему волю и смотрѣлъ, что будетъ далѣе. Онъ, не нашедъ никого и въ залѣ, у кого могъ бы спросить обо мнѣ, полетѣлъ прямо въ гостинную спрашивать мнимую боярышню; но не успѣлъ онъ подойтить къ дверямъ и увидѣть свою ошибку, какъ будучи тѣмъ пораженъ, вдругъ обернулся и воскликнулъ: «Тфу! какая пропасть! какъ я хорошо обманулся!» Въ самое то время бѣжалъ я уже вслѣдъ за нимъ, и встрѣтилъ его хохотаньемъ. «Что это, братецъ, Яковъ Ананьичъ? говорилъ я: неужели ты не узналъ, что это не живой человѣкъ, а нарисованной?»—«Что дѣлать, судырь, отвѣчалъ онъ: хоть стыдно, а нельзя не признаться, что былъ такой грѣхъ. Да кто это вамъ намалевалъ такъ живо женщину? Ужъ не сами-ли вы надъ тѣмъ трудились?»—«Точно», отвѣчалъ я, и былъ удивленіемъ его доволенъ.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити повѣствованія моего, скажу, что не успѣло пройтить недѣль двухъ послѣ пріѣзда моего изъ Москвы, какъ привезли ко мнѣ оттуда и пожалованныхъ отъ государыни карповъ. Князь употребилъ всѣ предосторожности къ тому, чтобъ могли довезены быть они къ намъ всѣ живыми. Подѣланы были нарочно для того низкія, плоскія, овальныя особаго рода бочки, обшитыя кругомъ войлоками, и наняты были особые рыбаки для препровожденія ихъ къ намъ въ цѣлости. И какъ ихъ было всѣхъ 200-ти, то писалъ ко мнѣ князь, чтобъ одну сотню посадилъ я, по 50-ти, въ оба небольшіе пруды, по обѣимъ сторонамъ гошпиталя находящіеся, а другую сотню въ новой большой прудъ предъ дворцомъ. Сіе я и учинилъ въ точности по предписанію, и начавъ сажать ихъ въ гошпитальные пруды, любовался величиною оныхъ, ибо такъ случилось, что бочки трафились все съ большими карпами. Но какъ я началъ горевать и досадовать самъ на себя потомъ, что не спросилъ о томъ, во всѣхъ-ли бочкахъ они ровные, и увидѣвъ, что въ достальныхъ были самые мелкіе карпы. «Ахъ, какая бѣда! возопилъ я, чѣмъ бы сихъ посадить въ маленькіе прудки, а большихъ въ большой, а я всѣхъ большихъ туда впряталъ, а сюда пришлись одни только мелкіе». Но самая сія мнимая ошибка и послужила потомъ въ пользу, ибо впослѣдствіи времени увидѣли мы, что отъ помянутой сотни крупныхъ карповъ не было никакого приплода и не родилось ни одного, а отъ мелкихъ, посаженныхъ въ большой прудъ, расплодилась ихъ такая тьма, что не только я со всѣмъ домомъ своимъ во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ довольствовался ими, сколько хотѣлъ ежедневно, но мы могли оныхъ болѣе нежели на 2,000 руб. распродать желающимъ заводить у себя оныхъ, а несмотря на то и понынѣ ихъ не только во всѣхъ тамошнихъ прудахъ, но и во всѣхъ рѣкахъ расплодилось и обитаетъ превеликое множество.

При наступленіи потомъ половоди имѣлъ я множество трудовъ и хлопотъ по случаю опасности, какимъ подвержены были всѣ тамошніе пруды отъ прорыванія. На всѣхъ ихъ были хотя подѣланы спуски, и повидимому порядочные, но въ самомъ дѣлѣ со многими погрѣшностьми и недостатками. А какъ на обѣихъ рѣкахъ Упертѣ и Вязовкѣ, вода была гораздо больше, нежели я ожидалъ, то пруды на-

ходились въ великой опасности, и для меня всѣ дни продолжавшейся половоди не только въ сей, но и во всѣ послѣдующіе потомъ годы были весьма безпокойные и такіе, въ которые духъ мой былъ всегда не на своемъ мѣстѣ, и вообще могу сказать, что тутошніе пруды наводили мнѣ всегда много хлопотъ и заботъ. Совсѣмъ тѣмъ я такъ былъ счастливъ, что при всѣхъ опасностяхъ не срывала вода ни однажды ни одного изъ всѣхъ оныхъ, но я успѣвалъ подавать имъ благовременно пособіе.

Наступившую непосредственно за симъ святую недѣлю, случившуюся въ сей годъ въ половинѣ апрѣля, провели мы нарочито весело. Это было еще въ первой разъ, что мы проводили оную будучи въ городѣ. И какъ мѣсто сіе было несравненно многолюднѣе всѣхъ прежнихъ, гдѣ мнѣ бывать случалось, и я собою представлялъ начальствующую особу, всѣми почитаемую и всѣми уважаемую, то и льстило все сіе нѣсколько моему самолюбію.

Вскорѣ за симъ съ открывшеюся весною начались и всѣ работы по строеніямъ какъ тутъ, такъ и въ Бобрикахъ, и множество народа закипѣло во всѣхъ мѣстахъ, какъ при самомъ производствѣ оныхъ, такъ и при привозкѣ и приготовленіи всѣхъ матеріаловъ къ тому потребныхъ. Сіе отвлекло меня отъ всѣхъ моихъ кабинетныхъ занятій и упражненій и принудило меня быть почти всегда на дворѣ и разъѣзжать всюду и всюду, гдѣ только требовалось мое присутствіе. Не одинъ разъ надобность принуждала меня ѣздить въ Бобрики и пробывать иногда тамъ по суткамъ и болѣе. Не одинъ разъ отъѣзжалъ я также для обозрѣнія волостныхъ селъ и деревень, а особливо лѣсныхъ угодьевъ, а при работахъ находился почти безотлучно, и болѣе потому, что тутошній архитекторскій помощникъ не совсѣмъ былъ въ своемъ дѣлѣ исправенъ, а бобриковскому не можно было бывать у насъ слишкомъ часто; итакъ, принужденъ я былъ уже самъ во многомъ ему помогать. Но для меня самого работы сіи были совсѣмъ новыя и до того никогда мною непроизводимыя. Нашло къ намъ множество плотниковъ, штукатуровъ, каменьщиковъ, кирпичниковъ и другихъ мастеровыхъ. Всѣ они занимались въ разныхъ мѣстахъ и разными работами: иные дѣлали въ каменномъ домѣ и во флигеляхъ полы и потолки и прочія деревянныя внутри подѣлки; другіе штукатурили церковь и флигели и внутри и снаружи; иные оканчивали недодѣланныя еще кое-гдѣ кровли; иные клали еще кирпичныя стѣны, и такъ далѣе, и я едва успѣвалъ вездѣ ихъ посѣщать и вездѣ работы ихъ осматривать и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ.

Кромѣ сего, имѣлъ я немалой кусокъ работы по единой уже своей прихоти. Какъ при домѣ управительскомъ не было нигдѣ ни малѣйшаго садика, а мнѣ, по охотѣ своей къ садамъ, безъ него было крайне скучно, то не успѣла вскрыться весна, какъ принялся я тотчасъ за основаніе и насажденіе себѣ небольшого, однако нарочитаго пространства за дворомъ своимъ, садика. По господствующему тогда еще вездѣ вкусу, сдѣлалъ я и сей регулярнымъ и разбивъ по рисунку, самимъ мною прожектированному, ибо сдѣланной по предложенію моему архитекторскимъ нашимъ помощникомъ ни къ чему не годился, и я принужденъ былъ самъ приняться за циркуль и линейку, а потомъ за веревки, колья и шнуры, и мнѣ удалось основать и тутъ хотя небольшой, но такой садикъ, которой всѣ хвалили и которой доставлялъ мнѣ во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ безчисленное множество минутъ и часовъ пріятныхъ и веселыхъ, и для меня былъ всегда утѣшнѣе и веселѣе самого большого сдѣланнаго мною потомъ тамъ сада. Итакъ, между прочими работами, занимался я и симъ садомъ, и какъ въ работникахъ не имѣлъ я недостатка и могъ столько ихъ нарядить, сколько хотѣлъ, то и успѣлъ въ немногіе дни не только засадить его весь, но и все въ немъ привесть въ такой порядокъ, что всѣ не могли довольно надивиться, какъ

я успѣлъ въ такое короткое время и такъ многое сдѣлать; но я и трудился надъ нимъ довольно.

Словомъ, вся весна сего года была для меня прямо многодѣльная и хлопотливая, а особливо сначала, когда нужно было всѣ дѣла и работы основывать и приводить въ порядокъ, и я всему и самъ долженъ былъ еще учиться. Но, по счастію, имѣлъ я во всемъ успѣхъ вожделѣнной и скоро мало-по-малу ко всему привыкъ, а тогда мнѣ и не таково трудно уже было какъ сначала. Симъ окончу я мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 28-го дня 1809 года).

НЕОЖИДАЕМОСТИ, И ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ.

Письмо 189-е.

Любезный пріятель! Препроводивъ всю весну, какъ я вамъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ уже упоминалъ, въ безпрерывныхъ трудахъ и дѣлахъ, относящихся какъ вообще до правленія волостями, такъ въ особливости и до производимыхъ тогда разныхъ строеній, былъ я въ мѣсяцѣ іюнѣ перетревоженъ. Увѣдомили меня, что въ предбудущую зиму будетъ открываться такимъ же образомъ и Тульское намѣстничество, какъ въ минувшую зиму открылось Калужское, и что будетъ открывать оное тотъ-же самой намѣстникъ генералъ Кречетниковъ, Михайла Никитичъ. Далѣе увѣдомляли меня, что онъ уже пріѣхалъ въ Тулу и отправляется для осматриванія всѣхъ городовъ и для изысканія удобнѣйшихъ мѣстъ къ основанію городовъ совсѣмъ новыхъ, и что въ скоромъ времени прибудетъ для того же самаго и къ намъ въ Богородицкъ.

Увѣдомленіе сіе натурально озаботило меня чрезвычайно, ибо я предвидѣлъ, что необходимо надобно мнѣ будетъ сего знаменитаго вельможу у себя принимать и со всею его свитою угощать, почему и непреминулъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому приуготовленія. И какъ скоро получилъ о самомъ днѣ выѣзда его извѣстіе, то приказавъ изготовить доброй обѣдъ и выписавъ къ сему случаю изъ Бобриковъ г. Верещагина и архитектора, отправилъ ихъ для встрѣчи его на границѣ волости, въ первую волостную деревню Крутое, а вслѣдъ за ними выѣхалъ и самъ версты за три, чтобъ его вмѣстѣ съ первѣйшими и лучшими купцами съ подобающею честію встрѣтить.

Не успѣлъ намѣстникъ меня, вышедшаго изъ кареты и стоявшаго съ толпою народа, на дорогѣ усмотрѣть, какъ поровнявсь съ нами велѣлъ тотчасъ каретѣ своей остановиться: и какъ подошедъ къ нему по обыкновенномъ привѣтствіи ему сказалъ, что я имѣю счастіе управлять собственною ея императорскаго величества волостью, то принявъ меня очень ласково, былъ такъ ко мнѣ снисходителенъ, что пригласилъ меня сѣсть къ себѣ въ карету. Сей случай былъ первой, которой познакомилъ меня тогда съ сею знаменитою особою, имѣвшею впослѣдствіи времени со мною дѣла и которою я такъ много былъ доволенъ. Я имѣлъ счастіе полюбиться ему какъ-то съ самой первой минуты; ибо не успѣлъ онъ при продолженіи пути вступить со мною въ разговоры, какъ уже первыя отвѣтныя ему слова пріобрѣли уже его ко мнѣ благоволеніе. Можетъ быть помогло къ тому много то, что онъ нашелъ во мнѣ знающаго и такого человѣка, которой могъ ему подать основательное понятіе обо всей нашей волости и обо многомъ, а притомъ незастѣнчиваго и неробкаго предъ нимъ характера. Ибо могу сказать, что я никогда не былъ предъ всѣми знатными особами робокъ и труслив, а обходился и говорилъ съ ними съ вольнымъ духомъ и сіе пріобрѣтало мнѣ всегда отъ нихъ скорое благоволеніе. Съ симъ же непринужденнѣе и вольнѣе могъ я обходиться, что я не состоялъ еще тогда въ его командѣ и отъ него ни въ чемъ не зависѣлъ. Коротко, мы пріѣхали въ Богородицкъ уже довольно и довольно съ нимъ познакомившись, и онъ въ разговорахъ со мною находилъ столько удо-

вольствія, что проговорилъ безпрерывно и со всевозможною ко мнѣ ласкою, вѣжливостію и снисхожденіемъ.

Я препроводилъ его прямо къ себѣ въ домъ, и какъ случилось тогда самое обѣденное время, то нашелъ онъ уже столъ для угощенія его приготовленной. Для угощенія же всей свиты его поставленъ былъ другой, въ разбитой на площади предъ домомъ моимъ, большой палаткѣ. Все сіе было имъ неожидаемо, ему пріятно и тѣмъ болѣе побуждало его быть ко мнѣ снисходительнымъ. Я постарался угостить его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ нѣсколькихъ другихъ чиновниковъ, и даже самыхъ канцелярскихъ и собственныхъ служителей его колико можно лучше и такъ, что всѣ угощеніемъ моимъ крайне были довольны, что и послужило мнѣ впослѣдствіи времени въ великую пользу: ибо всѣ бывшіе съ нимъ секретари, губернской землемѣръ Рыкачевъ и другіе чиновники сдѣлались мнѣ съ того времени знакомы и памятовали всегда сіе мое угощеніе.

Послѣ обѣда пошли мы съ нимъ пѣшкомъ осматривать все положеніе мѣста и всѣ зданія въ нашемъ селеніи, и онъ разспрашивалъ, а я разсказывалъ ему все и все. Нѣсколько часовъ мы съ нимъ проходили, и онъ отзывался мнѣ, что намѣренъ селеніе наше, бывшее въ древности городомъ, возобновить вновь и превратить въ новой городъ, и что въ семъ случаѣ едва ли мы не должны будемъ обѣихъ нашихъ крестьянскихъ слободъ, Пушкарской и Стрѣлецкой, лишиться, поелику они превращены будутъ въ мѣщане, и вмѣсто ихъ пріискать себѣ смежныя къ намъ другія казенныя селенія, и чтобъ я заблаговременно старался пріискать къ тому способныя. Послѣ того озабочивался онъ очень тѣмъ, гдѣ бы ему можно было помѣстить будущія судебныя мѣста и спрашивалъ, не могутъ ли поспѣть къ зимѣ каменные и тогда отдѣлываемые флигели большого дома. И какъ я ему сказалъ, что хотя я и не могу въ томъ совершенно удостовѣрить, однако думаю, что немного развѣ останется недодѣланнаго, а особливо если поспѣшить сколько-нибудь отдѣлкою оныхъ. «О, судырь! сказалъ онъ: вы мнѣ превеликое сдѣлаете удовольствіе, ежели постараетесь поспѣшить симъ дѣломъ! Вы бы обезпечили меня съ сей стороны, ибо я надѣюсь, что и князь Сергій Васильевичъ и сама государыня мнѣ въ томъ не откажетъ, чтобъ на время и покуда мы особыя зданія построимъ, помѣстить суды въ одномъ изъ сихъ флигелей, ибо мнѣ болѣе одного и не надобно».—«Очень хорошо, ваше превосходительство! отвѣчалъ я: за мною дѣло не станетъ; я употреблю все, что только въ состояніи буду учинить къ удовлетворенію желанія вашего высокопревосходительства». А сіе и было ему всего пріятнѣе

По возвращеніи въ мой домъ подчивалъ я его лимонадомъ, вареньями и всѣмъ, что только могли мы найтить въ домѣ своемъ лучшаго. Тутъ обходился онъ со мною уже гораздо дружелюбнѣе и вмѣстѣ со мною посмѣивался приступающему къ нему сосѣду моему, господину Шишкову, которой, пріѣхавъ къ нему съ головою насыпанною бахусовыми продуктами на поклонъ, такъ ему своими разговорами надоѣлъ, что онъ просилъ даже меня избавить его какъ-нибудь отъ сего докучливаго и неотвязчиваго человѣка, и я принужденъ былъ выдумывать уже всякіе способы къ выпровожденію его отъ себя изъ дома; и хотя съ трудомъ, но къ удовольствію намѣстника успѣлъ наконецъ его кое-какъ со двора выпроводить.

Посмѣявшись сему странному явленію и напившись горячаго, не сталъ онъ долѣе медлить, но въ тотъ же день передъ вечеромъ отправился на ночь въ Епифань, осыпавъ меня за угощеніе себя благодареніями.

Не успѣли мы сего знаменитаго гостя отъ себя спровадить, какъ долженъ уже я былъ помышлять о другомъ, наводящемъ на меня также немалую заботу. Приближалось 8-е число іюля или то время, въ которое всякой годъ бывала въ Богородицкѣ такъ-называемая Казанская и

довольно знаменитая ярмонка. И какъ я составлялъ важную и главную во всемъ нашемъ селеніи тогда особу, то и долженъ былъ принять на себя всѣ хлопоты и труды, съ отводомъ и показываніемъ мѣстъ всѣмъ пріѣзжающимъ торгашамъ сопряженныя, и вообще о сохраненіи во время ярмонки сей добраго во всемъ порядка стараніе. Сію ярмонку имѣлъ я тогда случай также въ первой еще разъ видѣть. Она была довольно многолюдна и вся обширная площадь, находящаяся за рѣчкою Вязовкою, подлѣ нашего каменнаго гостинаго двора, установлена была тысячами телѣгъ и наполнилась многими тысячами съѣхавшагося наканунѣ того дня народа. И какъ каменныхъ нашихъ лавокъ къ помѣщенію всѣхъ наѣхавшихъ съ товарами купцовъ было недостаточно, то для помѣщенія и прочихъ назначилъ я мѣста, прорѣзавъ чертами всѣ линіи и переулки, гдѣ и какъ стоять повозкамъ съ товарами, и все расположилъ такъ хорошо, что какъ при помощи находящихся въ командѣ моей солдатъ всѣ пріѣзжающіе устанавливаемы были вездѣ порядочно, то по съѣздѣ всѣхъ превратилось все сіе мѣсто равно какъ въ порядочной городъ, съ улицами вдоль и поперегъ и столь порядочными, что всѣ бывшіе на ярмонкѣ не могли тѣмъ и сохраняемымъ повсюду порядкомъ довольно налюбоваться. Но того еще довольнѣе были тѣмъ, что не упустилъ я постараться и о томъ, чтобъ во время ярмонки не было никакого воровства, обыкновенно до того бывавшаго. Для предупрежденія того употребилъ я особую выдумку. Я велѣлъ солдатамъ своимъ какъ можно стараться поймать мнѣ съ чѣмъ-нибудь украденнымъ вора; и какъ мнѣ тотчасъ одного и подтибезили, то я велѣлъ его до пояса раздѣть до нага, и скрутивъ у него руки назадъ вымазать его дегтемъ, и водить вдоль и поперегъ по всей ярмонкѣ процессіею и нести передъ нимъ шестъ съ привѣшенными на немъ сверху и развѣвающимися покраденными платками и кричать, что «это воръ, и что со всякимъ то будетъ, кто поймается въ воровствѣ». И сія выдумка подѣйствовала такъ много, что всѣхъ отъ воровства какъ бабушка отходила, и никогда ярмонка не была такъ смирна и безопасна, какъ въ сей годъ, да и послѣ, когда бывали ярмонки, никогда о воровствѣ не слышно было.

Впрочемъ, какъ на ярмонку сію пріѣзжало много со всѣхъ сторонъ и дворянъ, и были въ числѣ ихъ и всѣ наши знакомые, то сей случай подалъ мнѣ поводъ къ приглашенію ихъ къ себѣ и къ угощенію ихъ въ день самаго праздника у себя обѣдомъ, а потому и въ сей день было у меня множество народа.

Но едва только все сіе кончилось, и мы послѣ всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ хлопотъ и заботъ начали отдыхать и радоваться, что сіе хлопотливое время миновало, какъ вдругъ, недумано-негадано, поразился я новою и несравненно всѣхъ прежнихъ величайшею и важнѣйшею заботою и такою неожидаемостію, которая встревожила всю внутренность души моей и привела всю кровь въ преужасное волненіе. Въ одно утро, читая принесенныя съ почты московскія газеты, вдругъ нахожу я публикацію отъ межевой канцеляріи: «Поелику-де по просьбѣ нѣ«которыхъ господъ, князей, бояръ и ге«нераловъ, а именно того и того, отправ«ленъ въ Шадской уѣздъ взятой ими на «свой коштъ землемѣръ для отмежеванія «имъ проданныхъ отъ межевой канцеляріи «каждому по 1,500 десятинъ дикопорожней «государственной земли, въ такихъ-то и «въ такихъ мѣстахъ и урочищахъ, то всѣ «бы сосѣдственные жители приготовляли «свои крѣпости и были къ межеванью се«му готовы».

Теперь не могу я никакъ изобразить того смущенія, какимъ поразился я, увидѣвъ изъ описанія помянутыхъ урочищъ, которыя всѣ были мнѣ очень коротко знакомы, что продажа произведена симъ господамъ изъ самой той степи, которая лежитъ подлѣ моей шадской деревни и о которой происходилъ у насъ года за три до того тотъ славной споръ, которой описанъ мною въ XVI-й части сей

моей исторіи... «Ба! ба! ба! воскликнулъ я: это что такое? Степь-то эта наша! вотъ и урочищи мнѣ все знакомыя! Вотъ упоминается рѣчка Лѣсной-Тамбовъ, рѣчка Караваенка, наше Ложечное и рѣчка Панника! И какимъ образомъ проданнымъ быть тутъ землямъ господамъ князю Голицыну, Кошелеву, Нащокину, Бурцову и другимъ тому подобнымъ, которые не только въ смежествѣ и въ близости къ тамошнимъ мѣстамъ никакихъ деревень не имѣютъ, но коихъ и имена никому изъ тамошнихъ неизвѣстны? Это что-то мудреное, непостижимое и не даровое!» Словомъ, я не вѣрилъ почти глазамъ своимъ, и читалъ и перечитывалъ вновь статью сію въ объявленіяхъ газетныхъ. Но чѣмъ болѣе я вникалъ въ существо сихъ продажъ и описанія урочищъ, тѣмъ болѣе усматривалъ я, что скрывалась тутъ нѣкая тайна или сокровенныя плутни, и скоро принужденъ былъ воскликнуть: «Ахъ, Боже мой! я готовъ руку свою дать на отсѣченіе, что хотя тутъ и не упоминается господинъ Пашковъ ни единымъ словомъ, но все это вѣрно ни чьи иные, какъ его новые ковы и плутни, и земли сіи не господами помянутыми, а имъ самимъ на нихъ только имена куплены! Видно, что они ему друзья и пріятели, и восхотѣли ссудиться ему своими именами для плутовской покупки толь многихъ тысячъ десятинъ земли казенной».

Мысль и догадка сія часъ отъ часу дѣлалась мнѣ вѣроятнѣйшею и скоро дошло, что я не могъ уже въ томъ нимало сомнѣваться; но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда при дальнѣйшемъ разсматриваніи и сужденіи о семъ дѣлѣ ясно усматривалъ я, что скрывалось и тутъ превеличайшее бездѣльничество и плутовство, употребленное Пашковымъ при сей покупкѣ, и что куплена имъ на помянутыя разныя имена далеко не вся нами оспоренная степь, но развѣ только пятая часть оной, и узкою только полосою простирающеюся вокругъ всей оной по закраинамъ, а прочія три или четыре части оной, лежащія внутри сей опояски, остались никому еще непроданными.

Сперва удивился-было я сему обстоятельству, но какъ мнѣ межевыя дѣла и плутни довольно были извѣстны, то скоро усмотрѣлъ я, что сіе сдѣлано не попросту, а съ плутовскимъ умысломъ, чтобъ всего онаго внутренностію, простирающеюся тысячъ до 30-ти и болѣе десятинъ, можно было Пашкову овладѣть безъ покупки и безданно-безпошлинно; потому что, какъ тѣ проданныя земли будутъ отводимы безсомнѣнно его же повѣреннымъ, и намъ всѣмъ сосѣдственнымъ дворянамъ не можно уже будетъ никакъ оныхъ съ наружной стороны оспаривать, поелику сами мы назвали тѣ мѣста казенными землями, то при отрѣзываніи сихъ проданныхъ земель со внутренной стороны отъ степи, придется ему разводиться самому съ собою, слѣдовательно объ ней и спору не можно уже быть никакому, и что для самого того и не покупалъ Пашковъ на свое имя ни одной десятины. Словомъ, плутовство произведено очень хитрое и прямо мошенническое.

Досадно мнѣ невѣдомо какъ сіе было. И какъ я предусматривалъ, что при семъ отмежеваніи проданныхъ земель не только всѣ наши сосѣди претерпѣть могутъ великое зло, но и самъ я претерпѣть могу зло въ разсужденіи покупной своей земли въ окрестности Ложечныхъ-буераковъ, поелику одна изъ помянутыхъ проданныхъ земель, а именно на имя генералъ-поручика Воина Васильевича Нащокина, именно приурочена отъ рѣчки Караваенки до вершинъ Ложечныхъ-буераковъ. Сіе и самого меня перетревожило чрезвычайно и такъ, что я долго не зналъ и долго не могъ самъ съ собою согласиться, что мнѣ дѣлать, и впалъ оттого въ великое недоумѣніе.

Наконецъ, по долгомъ думаніи и размышленіи другого не нашелъ, какъ только чтобъ въ предупрежденіе, дабы Пашковъ не отхватилъ себѣ и всю мнѣ проданную и мною уже владѣемую землю при Ложечныхъ-буеракахъ, скакать са-

мому скорѣй въ Москву, и подавъ въ межевую канцелярію челобитную, просить, чтобъ велѣно было тому-же землемѣру отмежевать напередъ мнѣ проданную за 12-ть лѣтъ до того землю подлѣ Ложечныхъ-буераковъ, а потомъ межевалъ-бы онъ какъ хотѣлъ прочія.

Обрадовался я, получивъ сію мысль, и считая, что симъ однимъ могу я надѣлать въ производствѣ плутовства его много помѣшательства, рѣшился поспѣшить тѣмъ колико можно скорѣй; и потому, сообщивъ о своемъ горѣ моимъ домашнимъ, перетревожившимся тѣмъ еще болѣе моего, просилъ ихъ, чтобъ онѣ собирали меня какъ можно скорѣе всѣмъ нужнымъ къ московской поѣздкѣ, а людямъ своимъ велѣлъ готовить для себя скорѣй повозку, и сдѣлавъ потомъ по волостнымъ дѣламъ всѣ нужныя на время отлучки моей распоряженія и поручивъ волость Варсобину, не сталъ долѣе медлить, но сѣвши вмѣстѣ съ случившимся быть у меня тогда Пастуховымъ въ карету, и полетѣлъ въ Москву.

Было сіе 22 іюля, и какъ выѣхали мы уже не рано послѣ обѣда, то переночевавши въ Дѣдиловѣ пріѣхали мы въ Тулу еще очень рано, гдѣ остановившись у Пастухова и позавтракавъ, пустился я въ дальнѣйшій путь, и поспѣшилъ ѣздою своею такъ, что въ тотъ же день, хотя и поздненько, пріѣхалъ въ свое Дворяниново.

На сіе милое и любезное мнѣ селеніе успѣлъ я въ сей разъ только взглянуть. Обстоятельствы не дозволили мнѣ никакъ долго въ немъ медлить, и я намѣренъ былъ съ утра въ послѣдующій же день пуститься въ сей путь далѣе и заѣхать на часокъ къ другу моему г. Полонскому. Но какъ услышалъ, что онъ въ самой тотъ день будетъ у насъ же въ деревнѣ крестить у сосѣдки моей, г-жи Басаргиной, успѣвшей уже родить сына и звавшей и меня къ себѣ обѣдать, то радъ я былъ, что избавился чрезъ то отъ заѣзда въ сторону къ господину Полонскому, а могъ, по желанію своему, видѣться съ нимъ тутъ и обо всемъ нужномъ переговорить.

Г. Полонскій удивился, увидѣвъ меня тутъ противъ всякаго чаянія и ожиданія, и по всегдашней ко мнѣ своей любви не могъ довольно изобразить удовольствія своего о томъ, что я нахожусь уже въ Богородицкѣ. Онъ началъ тотчасъ разспрашивать меня объ всѣхъ и обо всемъ, и не могъ со мною довольно наговориться Услышавши же о причинѣ моей поѣздки погоревалъ вмѣстѣ со мною о предстоящихъ мнѣ многихъ хлопотахъ, и похваливъ мое предпріятіе, предлагалъ мнѣ свой домъ для стоянія въ Москвѣ, чѣмъ я былъ и доволенъ. И какъ мнѣ мѣшкать тутъ долго было не можно, то отобѣдавъ съ друзьями и знакомцами своими и распрощавшись съ ними, поѣхалъ я въ свой путь и претерпѣлъ хотя на дорогѣ превеликой страхъ отъ налетѣвшей на насъ великой громовой тучи, но въ тотъ-же день доѣхалъ до Серпухова, и переночевавъ у Квасникова и препроводивъ еще цѣлой день въ дорогѣ, на третій поутру благополучно въ Москву пріѣхалъ и присталъ на дворѣ господина Полонскаго, на Поварской.

Мое первое дѣло и попеченіе было, чтобъ распровѣдать и узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ въ межевой канцеляріи Сперва горевалъ-было я о томъ, что не бывая такъ давно въ оной не имѣлъ я никого себѣ знакомыхъ. Но какъ нечаяннымъ образомъ узналъ я, что бывшій въ Кіясовкѣ моимъ канцеляристомъ Павелъ Ѳедоровъ, не ужившись съ Шестаковымъ и отошедши оттуда, опредѣлился въ межевую и тогда въ оной находился, то обрадуясь тому какъ нѣкакой находкѣ, послалъ я тотчасъ его тамъ отыскивать и звать къ себѣ. Сей по любви своей ко мнѣ не успѣлъ услышать, что я въ Москвѣ, какъ въ тотъ же мигъ, бросивъ все, ко мнѣ и прилетѣлъ. Я свидѣлся съ нимъ какъ-бы съ какимъ роднымъ своимъ, и радъ ему былъ тѣмъ болѣе, что могъ отъ него узнать все нужное. Онъ, услышавъ о причинѣ моего пріѣзда, сказалъ, что я нимало не ошиб-

ся въ своей догадкѣ, что всѣ тѣ земли проданы дѣйствительно никому иному, какъ самому Пашкову, на имена только разныя и подложныя; что сдѣлалъ ему сіе никто иной какъ Князевъ, второй членъ ихъ канцеляріи, и самая та важная и хитрая особа, которая сочиняла и всѣ межевыя узаконенія и инструкціи; что сей Князевъ ворочаетъ тогда всею ихъ канцеляріею и дѣлаетъ, что хочетъ. Пашкову сія покупка безъ всякаго сумнѣнія стоитъ многихъ тысячъ, ибо онъ со всѣхъ покупщиковъ деретъ безъ милосердія, и они почти столько-жъ платятъ и ему, сколько и въ казну; что продажа землямъ производилась тогда страшна; что продаются онѣ всѣмъ и всѣмъ, у кого-бъ только были любезныя денежки, и онъ едва только успѣваетъ обирать со всѣхъ деньги, и наживается чрезъ то ужаснымъ образомъ. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что Пашковъ находится еще въ Москвѣ и что не слышно объ его отъѣздѣ; совсѣмъ тѣмъ, что нужно мнѣ неотмѣнно и подать отъ себя въ межевую канцелярію челобитную, а прежде того необходимо надобно бы мнѣ побывать у Князева и переговорить съ нимъ на дому, поелику отъ него все мое дѣло будетъ зависѣть, ибо первой ихъ членъ генералъ Ивашевъ ничего не значитъ. Наконецъ совѣтовалъ онъ мнѣ побывать и въ межевой канцеляріи, а на вечеръ просилъ посѣтить его самого на квартирѣ, гдѣ поговорили бы мы и о томъ, какъ написать лучше челобитную.

Радъ я невѣдомо какъ былъ, что узналъ всѣ сіи обстоятельства, и какъ время тогда приближалось уже къ обѣду, то отпустивъ моего друга опять въ свое мѣсто, сталъ я скорѣе одѣваться, чтобъ поспѣть къ обѣду къ дальнему родственнику нашему, или паче весьма любящему меня почтенному и любезному старику, Аѳанасію Левонтьевичу Афросимову, котораго домъ случился тогда всѣхъ ближе быть къ моей квартирѣ. Старикъ и жена его были мнѣ чрезвычайно ради. Они не могли довольно изъявить мнѣ удовольствія своего о томъ, что я былъ тогда управителемъ уже Богородицкой волости; и какъ имъ по смежеству ихъ деревни съ сею волостью было до меня и не безъ нуждицы, то удвоили они ко мнѣ прежнія свои ласки и благопріятство и просили меня невѣдомо какъ, чтобъ я во время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ, а особливо живучи такъ близко отъ нихъ, пріѣзжалъ къ нимъ какъ можно чаще, и хотя-бъ всякой день какъ въ свой домъ обѣдать и ужинать. Впрочемъ, подтвердилъ мнѣ и сей старикъ все сказанное мнѣ Ѳедоровымъ и совѣтовалъ мнѣ также повидаться напередъ съ Князевымъ и ему обо всемъ объясниться на словахъ.

Отобѣдавъ у сихъ почтенныхъ и любезныхъ стариковъ, полетѣлъ я въ межевую и имѣлъ тамъ неожидаемое удовольствіе найтить въ числѣ секретарей одного изъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, а именно господина Селижарова, бывшаго прежде секретаремъ въ серпуховской конторѣ, и съ которымъ я имѣлъ случай тамъ очень коротко познакомиться и нѣсколько разъ его угощать у себя. Сей, увидѣвъ меня, обрадовался какъ бы родному, вспомнилъ все наше прежнее знакомство, и услышавъ о моей нуждѣ жалѣлъ, что дѣло сіе не у него въ повытьѣ но у секретаря Соколова, но съ которымъ взялся онъ меня познакомить; и схватя въ тотъ же часъ за руку, повелъ меня въ ту комнату, гдѣ тотъ секретарь находился, и отрекомендовалъ ему меня, какъ лучше требовать не можно. Въ семъ незнакомомъ мнѣ до того секретарѣ нашелъ я человѣка молодого, но такого, которой съ самаго начала мнѣ, а я ему полюбился. Помогло къ тому весьма много то, что онъ, будучи охотникъ до книгъ и человѣкъ любопытной и услышавъ отъ Селижарова многія обо мнѣ похвалы, а особливо въ разсужденіи моей учености, тотчасъ сталъ обходиться со мною съ отмѣнною ласкою и уваженіемъ; а сіе самое вперило и въ меня къ нему любовь и почтеніе. Онъ не успѣлъ услышать о моей нуждѣ, какъ обѣщалъ съ своей стороны дѣлать мнѣ всякое вспомоществованіе, и чтобъ свободнѣе обо всемъ нуж-

номъ касающемся до сего дѣла переговорить, просилъ меня, чтобъ я утромъ въ послѣдующій день побывалъ у него на квартирѣ.

Будучи крайне доволенъ, что дѣло мое начало такъ хорошо и удачно основываться, поѣхалъ я изъ межевой къ старику моему князю, у котораго я еще не былъ. Князь и обрадовался меня увидѣвъ, и удивился моему неожидаемому пріѣзду, и подумалъ сначала не сдѣлалось-ли чего въ волости; но какъ я поспѣшилъ сказать, что тамъ все благополучно и всѣ дѣла идутъ своимъ порядкомъ и какъ лучше требовать не можно, а потомъ сталъ просить извиненія въ томъ, что безъ его дозволенія отлучился и говорилъ, что меня принудила къ тому нечаянная и крайняя нетерпящая времени нужда, то онъ не только охотно меня въ томъ извинилъ, но услышавъ о моей нуждѣ, похвалилъ еще, что я къ нему о томъ напередъ не отписывался и сказалъ, что я могу пробыть въ Москвѣ столько времени, сколько требовать будетъ моя нужда, но съ тѣмъ только условіемъ, присовокупилъ онъ усмѣхнувшись, чтобъ я за вину мою какъ можно чаще къ нему пріѣзжалъ и помогалъ ему провождать въ разговорахъ со мною время.

Легко можно заключить, что условіе сіе было мнѣ непротивно, и я съ радостію обѣщалъ ему исполнить его желаніе, и посидѣвъ у него, успѣлъ въ тотъ же еще день побывать у знакомца моего, г. Ѳедорова, и посѣтить его на смиренной квартиркѣ онаго.

Итакъ, поутру на другой день, что было 27 іюля, благословясь и началъ я писать начерно челобитную и написавъ, ходилъ къ секретарю Соколову, жившему по счастію не далеко отъ меня. Сей принялъ меня очень ласково, и какъ я увидѣлъ противъ ожиданія у него цѣлой шкафъ, наполненной книгами, то и пошли у насъ тотчасъ разговоры объ нихъ, и сіе сдружило насъ съ нимъ еще болѣе. Послѣ того разсказалъ я ему въ подробности все дѣло, написавъ маленькой абрисъ положенія всей тамошней степи и упомянутымъ проданнымъ землямъ и урочищамъ, съ показаніемъ, гдѣ лежитъ и мнѣ проданная земля. Онъ, выслушавъ все и разсмотрѣвъ, покачалъ только головою и подивился непомѣрной алчности Пашкова, говоря: «Не съума ли этотъ человѣкъ сошелъ! какая бы ему нужда васъ трогать и до вашего Ложечнаго касаться... Нельзя-ль бы ему было и безъ него обойтиться!... Чудной по истинѣ человѣкъ!» Потомъ, разсмотрѣвъ мою черную челобитную и одобривъ, сказалъ, чтобъ я приготовилъ ее къ завтрему и повидался бы напередъ съ Анисимомъ Титочемъ и сказалъ ему, что онъ скажетъ.

Какъ симъ образомъ дѣло отсрочилось до утрева, то возвратясь отъ секретаря поѣхалъ я въ ряды для исправленія нѣкоторыхъ покупокъ. Тамъ нечаянно повстрѣчался я съ другомъ моимъ Иваномъ Яковлевичемъ Сабуровымъ. Сей ничего еще не зналъ о плутовской покупкѣ Пашкова, и услышавъ отъ меня невѣдомо какъ встревожился, и спрашивалъ у меня совѣта, что имъ при семъ случаѣ дѣлать? Но какой совѣтъ могъ я ему подать, не знавши самъ еще, какой ходъ возъимѣетъ то дѣло. Итакъ, поговоривши и погоревавъ о новой предстоящей всѣмъ намъ отъ Пашкова напасти, разстались мы въ сей разъ со взаимнымъ сожалѣніемъ, что ни ему по его обстоятельствамъ не можно было никакъ въ свою Калиновку въ сей годъ ѣхать, и мнѣ также не можно отъ своей должности отлучиться. Распрощавшись съ нимъ, заѣзжалъ я въ университетъ, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ знакомцемъ моимъ г. Приклонскимъ, но не заставъ его дома, проѣхалъ опять къ старику моему князю.

У него просидѣлъ я нѣсколько часовъ и мы проговорили съ нимъ о наступающемъ открытіи тульскаго намѣстничества. Я разсказывалъ ему все относящееся до пріѣзда къ намъ намѣстника, и о намѣреніи его отнять у насъ изъ Богородицка Пушкарской и Стрѣлецкой слободы, и о предлагаемомъ имъ пріискиваніи въ замѣнъ ихъ другихъ казенныхъ селеній. И какъ сіи были у меня уже и пріисканы

и на примѣтѣ не только смежные съ Богородицкою волостью, но отчасти посреди оной лежащія, то съ сей стороны былъ князь усердіемъ моимъ доволенъ. Когда-жъ дошелъ у насъ разговоръ до флигеля, то сказалъ князь: «Ну что-жъ, ежели успѣемъ отдѣлать, такъ пускай себѣ съ Богомъ занимаютъ, а только бы не сожгли намъ они его; а въ удовольствіе намѣстника можно нѣсколько и поспѣшить!» Отъ князя заѣхалъ я и къ другому моему старику г. Афросимову, и у него ужиналъ. Сей также не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться.

Наконецъ настало 28 число, въ которой день надлежало мнѣ ѣхать къ Князеву. Я его никогда еще не видывалъ и любопытенъ былъ видѣть, какъ онъ меня приметъ; но признаюсь, что не ожидалъ ничего хорошаго. Но какъ я удивился, когда ходившій докладывать ему обо мнѣ человѣкъ, выбѣжавъ съ поспѣшностію тотчасъ назадъ, звалъ меня къ нему въ кабинетъ, и не успѣлъ я войтить, какъ онъ первымъ словомъ меня встрѣтилъ: «Не тотъ ли я Болотовъ, которой такъ много по экономическимъ своимъ сочиненіямъ сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ и во всей Россіи?» И лишь только я сказалъ, что это я, какъ бросился меня цѣловать, говоря: «А! батюшка, Андрей Тимоѳеевичъ, какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть,—такъ давно уже я васъ по сочиненіямъ вашимъ знаю и желалъ съ вами познакомиться... пожалуйте, сядьте и поговоримъ съ вами».

Легко можно заключить, что таковой ласковой и неожидаемой пріемъ былъ для меня крайне пріятенъ, и я чувствовалъ себя власно какъ на вершокъ больше выросшимъ. Я соотвѣтствовалъ ласкѣ его взаимными привѣтствіями и препорученіемъ себя въ его благоволеніе и милость. А онъ только и твердилъ, что такихъ людей какъ я въ Россіи очень мало, и что онъ желалъ бы, чтобъ ихъ было больше, и чтобъ многіе изъ дворянъ нашихъ мнѣ подражали. Послѣ того сказывалъ онъ мнѣ, что онъ всѣ мои сочиненія у себя имѣетъ и читаетъ ихъ съ особливымъ удовольствіемъ, и почитаетъ ихъ наилучшими и основательнѣйшими предъ всѣми. Таковая нелестная похвала меня даже пристыдила, но признаюсь, что была и непротивна. Послѣ чего и начался у насъ съ нимъ тотчасъ разговоръ о книгахъ и о дѣлахъ ученыхъ, и онъ, будучи до нихъ охотникомъ, чѣмъ далѣе со мною говорилъ, тѣмъ множайшее находилъ удовольствіе, такъ что мы чрезъ нѣсколько минутъ такъ съ нимъ познакомились, какъ бы давно уже знакомые люди и добрые пріятели между собою. Наконецъ спросилъ онъ меня, не нужда ли какая оторвала меня отъ моего мѣста и привела къ нимъ въ Москву?— «Конечно нужда! и нужда собственно до васъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ», сказалъ я ему кланяясь.—«Какая такая? подхватилъ онъ: скажите ради Бога! я радъ вамъ всячески служить, ежели отъ меня что зависитъ». Сіе ободрило и порадовало меня очень и того еще болѣе.—«Что, батюшка, Анисимъ Титовичъ (сказалъ я): вотъ какое дѣло. За двѣнадцать лѣтъ до сего куплена была у меня изъ межевой канцеляріи государева земля, и какъ она по смежности ко мнѣ мною была завлажена, то заплатилъ за нее и тройную цѣну. Сею землею по силѣ даннаго мнѣ владѣннаго указа я и владѣю. Но нынѣ увидѣлъ я изъ газетъ, что самая та же земля и въ тѣхъ же самыхъ урочищахъ продана другому, совсѣмъ постороннему и съ нею никакого смежества неимѣющему человѣку и за одинакую цѣну. И какъ для отмежеванія оной отправленъ уже землемѣръ, и я опасаюсь, чтобъ у меня ее не отняли и не отмежевали другому; такъ и прошу васъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ, какимъ-нибудь образомъ въ разсужденіи оной меня обезпечить!»

Слова сіи привели его въ изумленіе и онъ, помолчавъ съ минуту, мнѣ сказалъ: «Удивительно мнѣ это, и развѣ какъ-нибудь не выправились и ошиблись; а кому продана она нынѣ?»—«Воину Васильевичу Нащокину!» сказалъ я, ибо мнѣ не хотѣлось и вида сдѣлать, что я знаю, что земля сія не ему, а Пашкову продана.—«Да, отвѣчалъ онъ на сіе: безсомнѣн-

но есть тутъ какая-нибудь ошибка. Пожалуйте къ намъ въ канцелярію. Я сейчасъ туда ѣду и велю выправиться, и ежели окажется подлинно такъ, то какъ-нибудь уже вамъ пособимъ».—«Очень хорошо!» сказалъ я, и ему откланялся, но онъ не отпустилъ меня не напоивъ чаемъ и не взявъ обѣщанія пріѣзжать къ нему еще нѣсколько разъ, также записавъ у себя на бумагѣ записочку о землѣ моей.

«Слава Богу! и на что сего лучше! думалъ я отъ него выходя и ѣдучи въ межевую: — дѣло мое помемножку клеится и идетъ лучше, нежели я думалъ и ожидалъ». Въ межевую не успѣлъ я показаться, какъ оба секретари, Селижаровъ и Соколовъ, приступили ко мнѣ съ вопрошеніями, былъ ли я у Анисима Титовича, и чтò онъ сказалъ? И какъ скоро я имъ сказалъ о его пріемѣ и обо всемъ, какъ оба они мнѣ въ одинъ голосъ сказали: —«Ну, слава Богу, это всего лучше и теперь можемъ мы васъ смѣло поздравить, что дѣло ваше будетъ сдѣлано!» А не успѣли мы рѣчь свою кончить, какъ поглядимъ ѣдетъ и Анисимъ Титовичъ, и какъ ему чрезъ секретарскую въ судейскую проходить надлежало, гдѣ я стоялъ, то онъ и тутъ взглянулъ на меня съ благопріятностію, и по входѣ въ судейскую тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ секретаря и по запискѣ своей приказалъ выправиться. Секретарь мой, выбѣжавъ и показывая мнѣ бумажку, сказалъ: «Вотъ уже она!» и тотчасъ велѣлъ повытчикамъ дѣлать выправку. Выправка сія чрезъ нѣсколько минутъ и учинена и секретаремъ Князеву доставлена. А онъ, увидѣвъ справедливость словъ моихъ, и вышелъ тотчасъ самъ въ секретарскую къ намъ, и обратясь ко мнѣ, съ особливою благопріятностію мнѣ сказалъ: «Такъ! вы сказали правду! и мы виноваты и были такъ оплошны, что не выправились. Но дѣлу сему пособить можно. Извольте подать челобитную, и мы къ тому же землемѣру пошлемъ указъ, чтобъ онъ напередъ отмежевалъ проданную вамъ землю, а послѣ уже межевалъ прочія». — «Очень хорошо! сказалъ я: челобитная о томъ и готова!» и тотчасъ ее вынувши ему подалъ, а онъ и приказалъ секретарю помѣтить и внести ее въ свое время въ докладъ.

Всѣ, увидѣвши такое благопріятное Князева со мною обхожденіе, обратили на меня свои глаза и начали уже меня гораздо болѣе уважать и ко мнѣ изъявлять всякое учтивство. Секретаря же Селижарова такъ сіе обрадовало, что онъ приступилъ ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я непремѣнно его въ тотъ день посѣтилъ и къ нему пріѣхалъ обѣдать. И какъ время до обѣда оставалось еще много, а мнѣ въ межевой дѣлать болѣе было уже нечего, то разсудилъ я симъ досугомъ воспользоваться и побывать еще для нѣкоторыхъ нуждъ въ городѣ, гдѣ не думано-негадано дожидалось меня новое удовольствіе. Не успѣлъ я войтить въ ряды, какъ вдругъ встрѣчается со мною старинной мой сослуживецъ и другъ, Матвѣй Васильевичъ Головачевъ, съ которымъ служилъ я не только въ одномъ полку, но и въ одной ротѣ. Оба мы были тогда еще подпоручиками и жили прямо дружески, любя другъ друга искренно, но съ самаго завладѣнія Пруссіею не видались между собою. Не могу изобразить какъ обрадовались мы много, другъ друга увидѣвъ и узнавъ. Я думаю, не болѣе бы обрадовались родные братья или ближніе родственники, невидавшіеся столь многіе годы. И сколько было тогда у насъ цѣлованья и распрашиванія обо всемъ и обо всемъ другъ друга! Словомъ, минуты сіи были для меня неоцѣненны, и мы разстались неинако какъ съ крайнимъ сожалѣніемъ.

Изъ рядовъ успѣлъ я еще заѣхать въ университетъ, и отыскавъ господина Приклонскаго, съ нимъ видѣться. Сей кашинской мой знакомецъ былъ мнѣ очень радъ и сообщилъ мнѣ пріятное извѣстіе, что племянницы мои госпожи Травины только что чрезъ Москву проѣхали, ѣдучи ко мнѣ, и съ братомъ своимъ вмѣстѣ въ Богородицкъ, и что онъ за два только дни до того ихъ видѣлъ. «Ахъ,

какъ мнѣ того жаль! сказалъ я: что я о томъ не вѣдалъ, и теперь они меня тамъ не найдутъ! Но что-жъ, примолвилъ я, по крайней мѣрѣ найдутъ они тамъ моихъ хозяекъ, и неужели не дождутся моего возвращенія и пріѣзда отсюда?»

Повидавшись съ г. Приклонскимъ, успѣлъ еще я пріѣхать благовременно въ межевую. Всѣ готовились тогда къ выходу, и Селижаровъ, подхвативъ меня, и полетѣлъ къ себѣ въ домъ. Жилъ онъ подъ самымъ почти Донскимъ монастыремъ, итакъ, принуждены мы были съ нимъ чрезъ цѣлую половину Москвы ѣхать; но за то и угостилъ онъ меня добрымъ и прямо секретарскимъ жирнымъ обѣдомъ, и я ласкою и пріязнію его былъ очень доволенъ, и мы съ нимъ при семъ случаѣ о многомъ-таки кое-о-чемъ поговорили, а особливо о произшествіяхъ при межевой канцеляріи.

Отъ него разсудилось мнѣ заѣхать въ домъ господина Павлова, нашего давнишняго знакомца и бывшаго шурина покойнаго дяди моего Матвѣя Петровича, и какъ мы съ симъ домомъ и до того времени продолжали свое знакомство и дружество, то былъ я и въ сей разъ пріемомъ и ласкою сего простодушнаго старика очень доволенъ. Оба они, онъ и жена, благодарили меня невѣдомо какъ, что я ихъ, стариковъ, напомнилъ, и разспрашивали обо всѣхъ моихъ домашнихъ. Вспоминали прежнія времена и частыя наши свиданія, и просили невѣдомо какъ, чтобъ въ случаѣ пріѣзда въ Москву вмѣстѣ съ моимъ семействомъ не оставлялъ бы я ихъ своимъ посѣщеніемъ.

Посидѣвъ у нихъ, проѣхалъ я къ старику моему князю. Сей едва завидѣлъ меня, какъ и сталъ спрашивать о успѣхѣ моего дѣла, и услышавъ о томъ, какъ меня принялъ Князевъ, порадовался тому искренно, и также не сомнѣвался о успѣхѣ моего дѣла. И какъ не хотѣлъ онъ отпустить меня отъ себя безъ ужина, то принужденъ я былъ все достальное время сего дня препроводить у него; которое провели мы съ нимъ въ гуляньѣ по его прекрасному саду и въ разныхъ пріятныхъ съ нимъ разговорахъ. Словомъ, онъ находилъ въ собесѣдованіи со мною отъ-часу болѣе удовольствія и обходился со мною неинако, какъ бы съ какимъ ближнимъ своимъ родственникомъ.

Симъ кончился тогда сей многими удовольствіями для меня преисполненный день, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончу я и письмо сіе, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 29-го дня 1809 года).

ПОКУПАНІЕ ЗЕМЛИ.

Письмо 190-е.

Любезный пріятель! Имѣя дѣлу своему столь хорошее и все чаяніе и ожиданіе мое превосходящее начало, какъ много ни надѣялся я, что оно скоро и кончится, однако надежда сія меня обманула и я съ досадою и нѣкоторымъ прискорбіемъ души принужденъ былъ видѣть, что теченіе дѣлъ и въ межевой канцеляріи подвержено было такой же медленности, какъ и во всѣхъ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, и что мнѣ необходимо надлежало вооружиться терпѣніемъ и ждать того многіе дни сряду, что̀ въ одинъ день могло бы исполниться и произведено быть въ дѣйство. Причиною тому былъ отчасти введенной издавна и свято наблюдаемой старинной шлендріянъ, по которому производятся у насъ всѣ дѣла въ судебныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, а отчасти стеченіе другихъ случившихся обстоятельствъ. Ибо гдѣ-то надлежало челобитную мою внесть съ прочими дѣлами въ докладной реестръ; гдѣ-то воспослѣдовала на нее резолюція; гдѣ-то дѣлали выправку и писали начерно опредѣленіе; гдѣ-то оное разсматривали; гдѣ-то писали набѣло; гдѣ-то всѣ присутствующіе члены оное подписывали; гдѣто писали сообразно съ онымъ указы, и гдѣ-то, наконецъ, оное подписывали, записывали и мнѣ вручали!... Итакъ, на все сіе требовалось время, и время очень многое: ибо иного изъ исчисленныхъ пунктовъ и одного мало было однихъ или двое

сутковъ. И какъ къ тому-жъ къ вящей досадѣ всѣхъ просителей случилось въ сіе время не только субботніе и воскресные, но и самые праздничные дни, въ которые присутствія въ канцеляріи никакого не было, а сверхъ того бывали и отлучки нѣкоторыхъ членовъ, то сіе умножало еще тѣмъ болѣе медленность теченія сего дѣла. А отъ всего того и произошло то, что вмѣсто двухъ или трехъ дней принужденъ я былъ конца сего дѣла дожидаться болѣе десяти дней, и все сіе время мучиться на непомилованную медленность не только досадою, но и сущею тоскою.

И въ самомъ дѣлѣ нельзя изобразить, какъ несносна каждому просителю бываетъ такая медленность, а особливо такимъ, которымъ дорога каждая минута времени и всего нужнѣе поспѣшное производство! И какъ неизъяснимо досадны бываютъ всѣ случающіеся въ то время воскресные и другіе праздничные дни, въ которые судьи освобождаются отъ засѣданія и въ которые не бываетъ по дѣламъ никакого производства. Необходимость проживать всѣ такіе дни праздно и безъ всякаго дѣла превращаетъ оные въ цѣлыя недѣли и въ наискучнѣйшее въ свѣтѣ время. И я самъ, при всей благосклонности ко мнѣ секретарей и главнаго дѣлопроизводителя, замучился бы истинно сею медленностію впрахъ, и не знаю какъ бы сіе время перенесъ, естьли-бъ не находилъ средствъ удобныхъ къ прогонянію своей скуки и досады и такихъ занятій, которыя не давали мнѣ почти чувствовать долготы времени. Ибо, что касается до самаго дѣла, то какъ оно производилось въ канцеляріи обыкновенно только по утрамъ до половина дни, то за правило себѣ поставилъ не пропускать ни одного присутственнаго дня, въ которой бы мнѣ не быть въ канцеляріи, не на часокъ одинъ, по примѣру многихъ, а на все время продолжающагося присутствія. Сіе хотя и стоило мнѣ весьма многаго труда, но я уже вооружался терпѣніемъ, вѣдая, что оттого весьма многое зависитъ. Итакъ, обыкновенно пріѣзжалъ я въ канцелярію по утрамъ и до тѣхъ поръ бывалъ, покуда оканчивалось присутствіе, и дабы время сіе было мнѣ не такъ скучно, то обыкновенно пріискивалъ я тамъ людей, съ кѣмъ-бы я могъ вступать въ разные обо всемъ разговоры. И какъ мнѣ всегда удавалось и находить людей къ тому способныхъ, и я при всѣхъ такихъ случаяхъ старался изъявлять свои знанія, то обыкновенно приманивало сіе къ слушанію нашихъ разговоровъ и самыхъ секретарей и другихъ чиновниковъ. И какъ нерѣдко и сами они въ томъ бирали соучастіе, то самое сіе и ежедневное бываніе и спознакомливало меня съ ними отъ часу болѣе и не только помогало мнѣ безъ скуки провождать время сіе, но и обращалось въ существительную мнѣ пользу, какъ то мнѣ не однажды въ жизнь мою испытать случилось.

Но никогда не было мнѣ сіе такъ полезно, какъ при семъ случаѣ. Тутъ чрезъ то самое не только я спознакомился со многими изъ межевыхъ, но и съ самыми посторонними людьми, имѣвшими также какъ я дѣла въ межевой канцеляріи, но произстекла случайнымъ образомъ оттого для меня совсѣмъ особая и весьма важная польза. Случилось такъ, что ни съ кѣмъ я такъ много всякой день не разговаривалъ, какъ съ бывающимъ также тамъ всякой день господиномъ **Муромцовымъ**, Селиверстомъ Васильевичемъ. Сей пожилой, умной, но особаго характера человѣкъ былъ превеликой охотникъ говорить; но какъ онъ столь же хорошо говорилъ по-нѣмецки какъ и я, то мы всякой день схватывались съ нимъ и провождали по нѣскольку часовъ въ разговорахъ дружескихъ о матеріяхъ разныхъ, простыхъ, экономическихъ, политическихъ и даже самыхъ ученыхъ, наконецъ натурально и о межевыхъ дѣлахъ. Онъ хлопоталъ также о какой-то землѣ, и будучи принужденъ также дожидаться, досадовалъ по-моему и жаловался на медленность. Итакъ, оба мы дѣлили между собою и горе свое, и скуку и досаду. И какъ сіе всего чаще подавало намъ

поводъ говорить о тогдашнихъ происшествіяхъ по межевой канцеляріи, то случись однажды, что онъ, жалѣя обо мнѣ, что я о такомъ маленькомъ клочкѣ и давно уже купленной земли хлопочу, дивился тому, что я не покупаю себѣ земли гдѣ-нибудь побольше и не пользуюсь тогдашнимъ, наиудобнѣйшимъ къ покупанію случаемъ. «Никогда, говорилъ онъ, такого хода на сіе не было какъ теперь, и всѣ хватаютъ себѣ земельки и рвутъ, и едва только успѣваютъ отсыпаться денежками. А тебѣ благо такъ друженъ Анисимъ Титовичъ, да и сей молодецъ (указывая на секретаря) къ тебѣ отмѣнно благосклоненъ, а отъ нихъ двухъ и зависитъ все дѣло. Нужно бы только имъ захотѣть, какъ дѣло бы и въ шляпѣ тотчасъ было! А и ихъ не трудно заставить того похотѣть: нужно только тому и другому что-нибудь въ руки, разумѣется по куску хорошенькому, такъ и полетитъ дѣло!»—«Что вы говорите!» (воскликнулъ я) Ей-ей, подхватилъ онъ, подумай-ка братецъ!»—«Что думать, сказалъ я: я уже давно о семъ думалъ, и мнѣ самому очень бы хотѣлось скупить себѣ земли поболѣе, но такая бѣда, что не знаю, гдѣ бы удобнѣе и способную себѣ отъискать».—«Этакой ты какой, братецъ! подхватилъ онъ: какъ не найтить, если постараешься; да коротко, они и сами тебѣ отыщутъ, если захотятъ, а сверхъ того нельзя-ли тебѣ изъ той же-таки степи купить, изъ которой они надѣлили Пашкова такимъ великимъ количествомъ. Неужели неосталось ничего изъ ней за сею покупкою?»—«Какъ не остаться, сказалъ я: осталось, и очень много, но дѣло смахлевано и смастерено такъ, что до ней добраться уже не можно. Вся она загорожена кругомъ тѣми узкими, проданными Пашкову на разныя имена полосами и для того, чтобъ ему всею достальною можно было воспользоваться даромъ и безъ покупки».—«Изволь смотрѣть, сказалъ онъ: какое плутовство! Но неужели она вся такъ сплошь окружена и загорожена проданными землями, что нигдѣ не осталось никакого маленькаго прогалка и промежутка, а то нужно-бъ имѣть хоть маленькія воротцы, такъ бы можно было ими водраться и во все внутреннее пространство».

Сіе слово вдругъ и равно какъ молніею проникло всю мою душу, и произвело въ ней новую и такую мысль, какой я до того совсѣмъ не имѣлъ. «Ба! ба! ба! помыслилъ я тогда: что я, вправду, о томъ не подумаю? Уже нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь прогалинки между покупными землями?» И тогда вдругъ гдѣ ни возьмись мысль о Ложечномъ и рѣчкѣ Паникѣ. «Ба! сказалъ я самъ себѣ: Нащокинская-то дача приурочена отъ рѣчки Караваенки только до Ложечнаго, а не далѣе, а Голицынская началась съ верховья рѣчки Паники, а Паника отъ Ложечнаго разстояніемъ версты три или еще болѣе; такъ этотъ промежутокъ можно почесть и никому еще не проданнымъ! такъ вотъ и желаемые вороты». Обрадовавшись невѣдомо какъ сей внезапной мысли, сообщилъ я ее тотчасъ г. Муромцову, а сей, одобривъ ее, и воскликнулъ: «Ну, вотъ, на что этого лучше, благо такъ еще къ вашей дачѣ кстати и съ нею промежутокъ сей, какъ говорите, смеженъ! Мой бы, право, совѣтъ пуститься хоть на удачу на сей поискъ, да и поспѣшить бы тѣмъ какъ можно, чтобъ не успѣли они тамъ отмежевать Нащокину и захватить сей прогалокъ».—«А что вы думаете? (сказалъ я), ужъ въ самомъ дѣлѣ не приступить ли о томъ къ просьбѣ?»—«Нечего и медлить (отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ): чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше!» —«Да вотъ бѣда! (сказалъ я), продадутъ ли мнѣ еще? ибо мнѣ по числу тамошнихъ моихъ душъ продано полное количество».—«Этакой ты! подхватилъ господинъ Муромцовъ: а развѣ нельзя просить и купить для перевода туда другихъ и множайшихъ людей изъ другихъ деревень? И всѣ такъ-то покупаютъ; такъ нечего долго думать, приступай-ка мой другъ съ Божіею помощію къ дѣлу; а хотя-бъ и заупрямились, такъ сотенку сему молодцу въ руки, да старику-то сотенки три-четыре, такъ въ мигъ и скинутъ тысячка десятинъ».—«Я бы и за

полторы не постоялъ, сказалъ я: естли-бъ только пошло дѣло на ладъ. Тысяча десятинъ и не того стоютъ! Я бы и Богъ знаетъ какъ обрадовался».

Въ самое то время какъ мы сіе говорили, и подойди къ намъ, равно какъ нарочно, секретарь Соколовъ, и дружески спросилъ: о чемъ мы разговариваемъ? «Что! сказалъ ему на сіе г. Муромцовъ Андрей Тимоѳеевичъ все горюетъ о томъ, что у него земли мало!» — «Какъ мало? подхватилъ Соколовъ: да у него есть купленная, которую онъ получитъ вѣрно».— «Да что это, этой ему и на квасъ мало!» сказалъ г. Муромцовъ.— «Ну, такъ для чего-жъ не покупаетъ онъ у насъ себѣ еще болѣе?» — «Ахъ, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ! подхватилъ я: о томъ-то у насъ и слово. Вотъ сдѣлали бы вы мнѣ милость и на вѣкъ одолжили, естли-бъ помогли мнѣ въ томъ».—«Зачѣмъ дѣло стало? сказалъ г. Соколовъ: благо самъ Анисимъ Титовичъ къ вамъ такъ благосклоненъ. Да гдѣ-жъ бы вамъ и сколько купить хотѣлось?» — О томъ-то у насъ, сказалъ я, и разговоръ былъ; нельзя ли, батюшка, мнѣ тутъ же какъ-нибудь прильнуть, гдѣ продана Пашкову на имена разныя? — «Не знаю, подхватилъ секретарь, объ этомъ надобно подумать. Но есть развѣ тутъ за учиненными имъ продажами еще лишняя?»—«Есть, батюшка! и очень еще много, и противъ самыхъ моихъ земель есть кусокъ, никому еще не проданной, и съ меня было бы уже того довольно.— «А сколько бы вамъ хотѣлось?» — Десятинъ хоть бы тысячу.— «Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? просите; а того бы еще лучше, поговорить бы вамъ о томъ лучше напередъ съ Анисимомъ Титовичемъ, и какъ скоро будетъ на то его воля, то мы въ одинъ мигъ вамъ ее сварганимъ!» — «А я бы, батюшка, былъ обоимъ вамъ благодаренъ за то, сказалъ я потихоньку и пожалъ ему руку». Соколовъ мой тотчасъ догадался, что̀ сіе значитъ, и въ тотъ же мигъ мнѣ сказалъ: «Право, нечего бы и медлить, пожалуйте-ка вы завтра поутру ко мнѣ: такъ бы мы начеркали и челобитную о томъ».

Не могу изобразить, какъ обрадовался я, видя отъ секретаря такую къ себѣ благосклонность, и подивившись нечаянности сего случая, натурально не сталъ и дѣйствительно медлить, но въ слѣдующее-жъ утро полетѣлъ къ секретарю; и какъ я ему безъ дальнихъ обиняковъ обѣщалъ навѣрное сотню рублей за вспоможеніе, то въ одинъ мигъ придумано, какъ и расположить все это дѣло, и начеркнута черная челобитная; а съ нею въ тотъ же часъ полетѣлъ я и къ г. Князеву.

Сей принялъ меня, какъ знакомаго уже человѣка, съ отмѣнною благопріятностью. Но благосклонность его еще больше увеличилась, когда поднесъ я ему сочиненія моего книжку «Дѣтскую Философію», о которой мы въ прежнюю бытность мою у него съ нимъ говорили и которую ему очень видѣть желалось; почему я тогда-жъ велѣлъ переплетчику одинъ экземпляръ оной переплесть въ наилучшій переплетъ, и какъ она около сего времени была уже готова, то я, взявъ ее съ собою, при семъ случаѣ его ею и подарилъ, и сей ничего незначущій подарокъ замѣнилъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей. Князевъ былъ имъ очень доволенъ и поблагодарилъ меня за него, а потомъ, поговоривъ со мною кой-о-чемъ относящемся до наукъ и литературы, спросилъ наконецъ меня, что дѣлается теперь въ межевой по моему дѣлу. А сіе и подало мнѣ поводъ приступить къ нему съ новою просьбою и сказать:

— Что, батюшка, Анисимъ Титовичъ? дѣло мое по милости вашей идетъ съ успѣхомъ. Но я не смѣю васъ, батюшка, утруждать еще одною просьбою! на вѣкъ бы вы меня одолжили и заставили-бъ не только меня, но и всѣхъ потомковъ моихъ имя ваше благословлять.—«Что такое?» спросилъ меня Князевъ.—Земельки-та сей, отвѣчалъ я, для меня чрезвычайно мало: такое несчастіе, что всѣ мои небольшія деревнишки вездѣ малоземельны и оттого бездоходны; итакъ, не можно-ль вамъ сдѣлать милость и продать мнѣ еще земли,

на которую бы я могъ всѣхъ лишнихъ людей перевести? — «Для чего не продать? подхватилъ онъ: да гдѣ-жъ бы вамъ хотѣлось?»—Ежели-бъ милость сдѣлали, такъ тутъ же бы, гдѣ продана господину Нащокину и прочимъ.—«Да развѣ есть тамъ еще оставшаяся за продажею?» спросилъ онъ. — Есть, и довольно еще много! — «Очень хорошо! а сколько-бъ вамъ хотѣлось?»—Десятинъ хоть бы тысячу, ежели-бъ была только ваша милость —«Изволь, судырь! изволь! (сказалъ онъ усмѣхнувшись), съ удовольствіемъ вамъ и это сдѣлаю, а подайте только о томъ челобитную».

Удивился я такому скорому обѣщанію, и поѣхавъ отъ него съ неописаннымъ удовольствіемъ, въ тотъ же день написалъ челобитную и подалъ, прося, чтобъ повелѣно было мнѣ и отмежевать ее тому же самому землемѣру. А назначилъ я въ просьбѣ моей самый тотъ прогалокъ между верховьями Ложечныхъ-буераковъ и рѣчки Паники. И какъ секретарю сотенку рублей бумажками въ руки всунулъ, то полетѣло и сіе мое второе дѣло такъ скоро, что догнало почти первое.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ по поводу сей моей вторичной и новой просьбы надобно было вновь начинать и производить все дѣло по обыкновенному порядку, то необходимость уже заставляла меня вооружиться терпѣніемъ еще на нѣсколько дней, и прожить въ Москвѣ недѣлю-другую лишнюю. Но сіе терпѣніе было для меня уже сноснѣе, ибо было чего уже дожидаться; новое сіе предстоящее пріобрѣтеніе было таково, что я самъ себѣ почти не вѣрилъ, и имѣлъ причину почитать то опытомъ особаго божескаго ко мнѣ благодѣянія, и благодарить его за то.

Итакъ, покуда дѣло сіе производилось, употреблялъ я все праздное мое время на разъѣзды по моимъ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ, и не было ни одного дня, въ которой бы я обѣдалъ или ужиналъ дома, а либо у старика своего князя, либо у г. Афросимова, либо у Павлова. Кромѣ сихъ, былъ я нѣсколько разъ и у друга своего г. Салтыкова. Но ни у кого я такъ часто не бывалъ какъ у своего командира князя, которой всегда бывалъ мнѣ радъ какъ родному и интересовался моимъ дѣломъ такъ, что хотѣлъ знать всякой день, что̀ у насъ дѣлается. Благосклонность его ко мнѣ была такъ велика, что не успѣлъ онъ услышать, что мнѣ обѣщали продать еще 1,000 десятинъ земли, какъ порадовавшись тому, спросилъ меня: не вознадобятся ли мнѣ для сей покупки деньги? и какъ скоро я сказалъ, что конечно вознадобятся, и что я, не зная такого благополучія, ими съ собою не запасся, то сказалъ мнѣ, чтобъ я о томъ не заботился, а бралъ бы у него сколько мнѣ надобно будетъ, а возвратилъ бы ему ихъ при удобномъ случаѣ. Симъ избавилъ онъ меня отъ заботъ по сему предмету, и я дѣйствительно получивъ тогда ихъ, тотчасъ въ казну за землю 1,000 рублей и съ слѣдующими пошлинами и внесъ.

Впрочемъ, озабочивался я очень предстоящимъ скорымъ отъѣздомъ князя въ нашу сторону и боялся, чтобъ меня дѣло сіе не задержало въ Москвѣ. Но къ особливому моему удовольствію и съ сей стороны я скоро былъ успокоенъ. Князю что-то вздумалось ѣзду свою къ намъ въ сіе лѣто отложить, чѣмъ я весьма и доволенъ былъ: ибо чрезъ то избавился я не только отъ многихъ хлопотъ, съ его пріѣздомъ и угощеніемъ у насъ сопряженныхъ, но и могъ пробыть въ Москвѣ столько, сколько требовали тогдашнія обстоятельства.

Въ сіе время вздумалось князю свозить меня однажды въ загородной свой домъ на Студенцѣ, гдѣ былъ у него прекрасной прудъ. И какъ утѣшался онъ тамъ рыбною ловлею, то имѣлъ я тутъ въ первой и послѣдній разъ въ жизни удовольствіе видѣть пойманнаго неводомъ превеликаго живого осетра, что̀ представляло зрѣлище рѣдкое и удивительное. Съ нами былъ тутъ вмѣстѣ и любимой сынъ княжой, князь Сергѣй Сергѣевичъ, которой и при семъ случаѣ оказывалъ себя такимъ гордецомъ и высокомѣрнымъ человѣкомъ, что я, несмотря на всю ласку стараго

князя, неудостоенъ былъ отъ него ни единымъ даже словомъ, а не только какимъ-либо привѣтствіемъ, что̀ приводило меня не только въ удивленіе, но и въ нѣкоторую на него досаду, не многимъ чѣмъ отъ внутренняго презрѣнія отдаленную. Изъ сего загороднаго домика ѣздили мы съ княземъ еще въ садъ князя Хованскаго, гдѣ засмотрѣлся я многимъ-многимъ мною невиданнымъ вещамъ, и научился кой-чему изъ разговоровъ съ тамошнимъ искуснымъ садовникомъ.

Кромѣ сего случилось мнѣ въ сіе праздное время побывать и у прежней нашей кіясовской знакомки, генеральши Натальи Александровны Олицовой, случившейся тогда быть въ Москвѣ. Она обрадовалась мнѣ какъ бы родному, и я пріемомъ и угощеніемъ ея былъ очень доволенъ; но того еще болѣе имѣлъ удовольствія, отыскавъ одного изъ кёнигсберскихъ моихъ товарищей и сослуживцевъ, а именно наилюбимѣйшаго изъ всѣхъ тамошнихъ собесѣдниковъ моихъ господина Олива, Александра Ивановича. Онъ служилъ въ сіе время въ ревизіонъ-коллегіи, и неописанно обрадовался увидѣвъ меня передъ собою совсѣмъ неожидаемымъ образомъ. И какъ жили мы съ нимъ подлинно какъ друзья, то свиданіе сіе было для обоихъ насъ крайне пріятно. Онъ не могъ довольно возблагодарить меня, что я его отыскалъ въ его присутственномъ мѣстѣ и убѣдилъ просьбою, чтобъ я побывалъ у него и на квартирѣ подлѣ Сухаревой башни въ домѣ купца Пташкина, гдѣ и угостилъ онъ меня прямо дружески, и мы съ нимъ нѣсколько часовъ провели въ разговорахъ о томъ, какъ мы живали съ нимъ въ Кёнигсбергѣ.

Кромѣ сего, пользуясь свободными часами, а особливо въ субботніе, воскресные и праздничные дни, въ которые не было засѣданія, или когда за отсутствіемъ котораго-нибудь изъ присутствующихъ въ межевой мнѣ дѣлать было нечего, и я долженъ былъ брать свое прибѣжище къ терпѣнію, имѣлъ я нечаянной случай спознакомиться съ однимъ новымъ книгопродавцемъ г. Вейтбрехтомъ, человѣкомъ молодымъ и такъ меня полюбившимъ, что я вошелъ съ нимъ въ нѣкоторыя связи. И, во-первыхъ, отдалъ ему всѣ излишніе свои экземпляры «Дѣтской Философіи» для продажи въ его лавкѣ; во-вторыхъ, условились мы съ нимъ, чтобъ онъ мнѣ давалъ изъ лавки своей разныя нѣмецкія и французскія книги для прочитыванія съ тѣмъ, чтобъ я, прочитавъ оныя, ему возвращалъ; и какъ я ему обѣщалъ ту выгоду, что получивъ отъ него оныя безъ переплета, буду ему возвращать ихъ уже переплетенныя въ папку, то былъ онъ тѣмъ такъ доволенъ, что снабжалъ меня книгами своими не только во все время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ, но отпустилъ со мною множество ихъ и въ Богородицкъ; а потому и всѣ тѣ часы, которые бывалъ я дома на квартирѣ, не пропадали тщетно, но я занимался въ оные чтеніемъ сихъ новыхъ и мнѣ еще незнакомыхъ книгъ.

Но сего было еще недовольно, а мы затѣяли-было съ нимъ нѣчто и важнѣйшее. А именно: будучи крайне недоволенъ чрезвычайною медленностію печатанія экономическихъ моихъ сочиненій въ «Трудахъ Экономическаго Общества», и неспособностію къ пересылкѣ ихъ по почтѣ въ Петербургъ, да и самою невозможностію обременять ихъ многими сочиненіями, а имѣя на примѣтѣ великое множество вещей, о которыхъ мнѣ можно-бъ было писать, уже давно занимался я мыслями о томъ, нельзя-ль бы мнѣ было издавать всѣ мои сочиненія образомъ особаго журнала, такимъ же образомъ, какъ издаются журналы въ земляхъ иностранныхъ. Но не имѣя въ Москвѣ никакого знакомаго человѣка, способнаго къ тому, чтобы взять на себя попеченіе о печатаніи онаго, принужденъ былъ оставаться до сего при единыхъ мысляхъ и желаніи, относящихся до такого предпріятія. А какъ сей нѣмецъ показался мнѣ къ тому способнымъ, и охотно хотѣлъ вступить и самъ со мною въ сіе дѣло, то по нѣсколькихъ о томъ съ нимъ

переговорахъ и согласились мы съ нимъ обо всемъ нужномъ; и какъ положили приступить къ изданію сему съ наступленія послѣдующаго за симъ 1778-го года, то при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы и оставилъ-было я ему и написанное объявленіе для напечатанія въ газетахъ. Но изъ дѣла сего не вышло ничего. Съ человѣкомъ симъ случилось какое-то несчастіе и онъ принужденъ былъ чрезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда моего скрыться, и я имѣлъ досаду не только видѣть предпріятію своему съ самаго начала остановку, но лишиться и всѣхъ данныхъ ему своихъ книгъ для продажи, и за тѣ немногія французскія книги, которыя у меня остались отъ него для читанія присланными, заплатилъ убыткомъ симъ очень дорого.

Наконецъ 11-го августа имѣлъ я удовольствіе видѣть свой владѣнной указъ на 1,000 десятинъ проданной мнѣ земли подписанной, и за отлучкою младшаго члена г. Сулемы самимъ генераломъ Иващевымъ. Въ семъ случаѣ помогъ мнѣ случайнымъ образомъ сосѣдъ мой Иванъ Ѳомичъ Хрущовъ, случившійся быть тогда въ межевой канцеляріи, и по знакомству своему съ симъ генераломъ убѣдившій его просьбою подписать указъ мой вмѣсто младшаго члена. Но какъ кромѣ сего надлежало указъ сей явить въ вотчинной коллегіи, также выпросить изъ межевой указъ къ тому-же землемѣру для отмежеванія мнѣ и сей проданной земли, то и для сего необходимо надобно мнѣ было прожить въ Москвѣ еще болѣе недѣли.

Напослѣдокъ кончилъ я благополучно и сіи всѣ дѣла, и осталось мнѣ только возблагодарить г. Князева за оказанное мнѣ одолженіе. Какъ я не сомнѣвался, что и съ меня возьметъ онъ также, какъ и съ другихъ за проданную мнѣ землю, то завернувъ 300 рублей ассигнаціями въ бумажку, поѣхалъ я къ нему, и при распрощаніи съ нимъ, принося благодаренія мои, подносилъ ему оныя. Но онъ въ разсужденіи меня такъ былъ честенъ, что ни подъ какимъ видомъ взять не согласился, а говорилъ, что онъ за особливое удовольствіе считаетъ, что ему случай допустилъ мнѣ услужить, и что онъ очень тому радъ и проситъ, чтобъ я всегда его помнилъ и почиталъ своимъ другомъ.

Легко можно заключить, что сіе было для меня непротивно. Триста рублей не составляли бездѣлки и годились мнѣ на иное. Итакъ, удивившись и обрадовавшись тому, разстался я съ симъ новымъ своимъ благодѣтелемъ въ полномъ удовольствіи, которое было для меня тѣмъ чувствительнѣе, что и оное доставила мнѣ небольшая моя ученость и охота къ наукамъ.

Такимъ образомъ, распрощавшись потомъ и съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ и со всѣми моими московскими знакомцами и друзьями, въ исходѣ августа поѣхалъ я изъ Москвы, и заѣхавъ на самое короткое время опять въ свое любезное Дворяниново, благополучно возвратился въ Богородицкъ.

Тамъ встрѣтило меня то удовольствіе, что я нашелъ у себя кашинскихъ своихъ родныхъ, пріѣхавшихъ безъ меня для свиданія съ нами и съ превеликимъ нетерпѣніемъ меня дожидавшихся. Съ ними былъ и жившій прежде того у меня племянникъ мой Александръ Андреевичъ Травинъ, но которой гость чуть-было чуть не лишилъ меня единственнаго моего сына Павла и съ нимъ наивеличайшаго удовольствія въ свѣтѣ. Какъ племянницы мои съ нимъ прожили у меня тогда болѣе трехъ недѣль, и сему молодцу была безъ меня своя воля, то однажды сѣвши на какія-то туртыжныя дрожки, и подхватя малютку моего сына съ собою и безъ человѣка, пустился съ нимъ одинъ въ лѣсъ для катанья или гулянья. Они проѣздили съ нимъ нѣсколько часовъ, и будучи въ такъ-называемомъ Балахонскомъ лѣсу заѣхали гдѣ-то въ такое топкое и вязкое мѣсто, что съ лошадью и дрожками увязли, и оттого принуждены были съ нимъ сходить и долгое время стоять по колѣна почти въ грязи и въ водѣ, покуда могли

высвободить свою лошадь и дрожки. Но чего, будучи оба малолѣтными, не могли-бъ они никакъ сдѣлать, еслибъ не помогъ имъ въ этомъ одинъ мужикъ, которому въ самое то время мимо ихъ по дорогѣ проѣзжать случилось; и какъ по несчастію случись тогда погода холодная и время уже вечернее, то малютка сынъ мой и настращался и такъ простудился, что схлебнулъ оттого прежестокую горячку, едва-было не лишившую его совсѣмъ жизни и настращавшую всѣхъ моихъ домашнихъ такъ, что они не знали, что съ нимъ и дѣлать. Къ особливому несчастію, племяннику моему, боявшемуся, чтобъ за то не стали сестры его да и я послѣ бранить, вздумалось тогда все сіе несчастіе съ нимъ утаить, и уговорить къ тому же и сына моего. Посему и не можно было предупредить сему злу какими-нибудь отъ простуды лекарствами, что бы мои домашнія и не преминули учинить, естьли-бъ о томъ тогда же сказано было. И какъ сынъ мой и тогда еще былъ боленъ, какъ я изъ Москвы возвратился, то сіе много уменьшило мое удовольствіе, чувствуемое при свиданіи съ моими родными. А племяннику моему было такъ совѣстно, что онъ съ того времени у меня уже и не бывалъ ни однажды; ибо вскорѣ послѣ того записался онъ въ службу, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго согласія и противъ желанія всѣхъ своихъ родныхъ, женился на купеческой дочери, которая и отвела его отъ всѣхъ его родныхъ, и такъ что онъ съ тѣхъ поръ даже и до сего времени со мною ни однажды не видался, и сдѣлался по сему отношенію крайне противъ меня неблагодарнымъ. Сынъ же мой хотя тогда и выздоровѣлъ, но остатки болѣзни такъ въ него внѣдрились, что имѣли нѣкоторое вліяніе на всю его жизнь, и много къ слабому его здоровью споспѣшествовали.

Племянницы мои по возвращеніи моемъ изъ Москвы не долго у насъ уже пробыли, но повидавшись со мною, поѣхали опять въ свое кашинское жилище. А я, оставшись и нашедъ всѣ дѣла по волости въ порядкѣ и текущими какъ надобно, первымъ долгомъ для себя почелъ отправить скорѣе полученные указы къ землемѣру съ нарочнымъ въ шадскую свою деревню, приказавъ тотчасъ меня увѣдомить, какъ скоро межевщикъ въ тамошнее мѣсто для отмежеванія прибудетъ.

Сіе и воспослѣдовало гораздо скорѣе, нежели я думалъ и ожидалъ; ибо не успѣло еще и двухъ недѣль пройтить послѣ моего пріѣзда, какъ и прискакали ко мнѣ нарочные оттуда гонцы съ извѣстіемъ, что Нашковъ межевщика привезъ и уже начинаетъ межеваться, и потому просили меня, чтобы поспѣшилъ и я туда колико можно скорѣе. Нельзя изобразить, какъ сильно перетревоженъ я былъ симъ извѣстіемъ. Я получилъ его находясь въ гостяхъ у господина Кирѣева на крестинахъ и сидючи за столомъ во время обѣда, и смущеніе мое было такъ велико, что не пошла и ѣда на умъ. Словомъ, обстоятельствы были таковы, что я принужденъ былъ бросить и покидать опять все и разставаться вновь съ своими родными и домашними и скакать опять въ свою шадскую деревню.

По счастію истребовалъ я на то предварительно дозволеніе отъ князя моего командира. Итакъ, не долго думая и сдѣлавъ на время отсутствія своего всѣ нужныя распоряженія, въ половинѣ сентября мѣсяца въ сей дальній путь свой и отправился.

Ѣзда моя была благоуспѣшна, и какъ во время оной не случилось со мною никакихъ важныхъ и особливаго замѣчанія достойныхъ происшествій, то и разскажу объ оной въ короткихъ только словахъ. Ѣхалъ я туда въ сей разъ уже не на Епифань, а прямо на Данковъ, а отъ онаго уже на Ранебургъ и такъ далѣе на Козловъ и на Тамбовъ. Въ деревнѣ своей нашелъ я обиталище для себя уже гораздо покойнѣйшее передъ прежнимъ; по приказанію моему куплена была въ предслѣдующіе передъ тѣмъ годы довольно просторная бѣлая свѣтлица съ тремя красными окошками, и поставлена на лутчемъ и красивѣйшемъ мѣстѣ подлѣ

двора моего. Итакъ, жить мнѣ было уже гораздо покойнѣе и лучше. Но пріѣздъ мой былъ и въ сей разъ совсѣмъ почти по пустому. Пашковъ хотя подлинно привезъ взятаго на свой коштъ землемѣра, и началъ-было дѣйствительно отмежевывать себѣ проданныя ему на имя разныхъ особъ земли, но повстрѣчалось съ нимъ при самомъ началѣ неожиданное и такое препятствіе, что межеванье принуждено было остановиться или паче совсѣмъ прерваться, и чему наиболѣе былъ онъ самъ причиною, а именно.

Будучи нимало недоволенъ тѣмъ, что можно-бъ ему было безспорно и безъ всякаго помѣшательства тысячъ пятнадцать десятинъ изъ сей степи намежевать, въ чемъ не могъ бы ему никто и никакъ воспрепятствовать, естли-бъ только пошелъ онъ прямымъ путемъ, или все дѣло сталъ производить законнымъ порядкомъ, а по безпредѣльной алчности и ненасытимости своей возжелалъ не только всею тамошнею обширною и ковыломъ порослою степью овладѣть безданно-безпошлинно, но сверхъ того все проданное ему на разныя имена количество земли, простиравшееся до одиннадцати тысячъ десятинъ, вырѣзать изъ сосѣдственныхъ дачныхъ и распашныхъ земель, слѣдовательно получить себѣ не только земли гораздо множайшее количество, но воспользоваться многими тысячами десятинъ чужими руками распаханной земли, съ крайнимъ вредомъ и наичувствительнѣйшею обидою сосѣдственнымъ дворянамъ. И дабы сей злодѣйской умыслъ можно-бъ было ему удобнѣе произвести въ дѣйство, то отыскалъ и межевщика такого же бездѣльника и прямо на свою руку. Ибо не одинъ честной и сколько-нибудь совѣстной человѣкъ никакъ не хотѣлъ съ нимъ связываться и войтить въ такое мошенническое дѣло; почему назначенной-было къ тому межевщикъ господинъ Нестеровъ прямо отъ того отказался, и онъ принужденъ былъ отыскивать и обѣщаніями большого награжденія соблазнять другого, и къ несчастію нашему ему и удалось найтить таковаго. Былъ онъ нѣкто г. Окороковъ, и прямо запометной и никѣмъ въ межевой неуважаемой, но на всякое зло способной человѣкъ. Итакъ, пріѣхавъ съ нимъ и боясь, чтобъ сосѣди, по примѣру прежнему, не помѣшали имъ плутовать своими спорами, предпріяли они употребить обыкновенную плутовскую уловку, а именно: все межеванье производить почти потаеннымъ и скороспѣшнѣйшимъ образомъ, или не давъ никому по обыкновенію напередъ знать, не дождавшись ни отъ кого повѣренныхъ, и не принимая ни отъ кого споровъ межевать не пѣшкомъ, по обычаю ходючи, а скачучи верхами на лошадяхъ и отрѣзывая у всѣхъ земли безъ всякаго отвода, а какъ самому ему хотѣлось и самымъ наглымъ и насильственнымъ образомъ.

И какъ къ особливому его несчастію началъ онъ симъ хватскимъ или прямѣе сказать разбойническимъ образомъ отмежевывать проданную ему на имя князя Голицына и рѣчкою Паникою пріуроченную землю, гдѣ не было уже и клочка дикой ковыльной земли, а вся земля была распашная и принадлежащая разнымъ сосѣдственнымъ къ нашей округи владѣльцамъ, и онъ всю ее началъ отъ нихъ беззаконнѣйшимъ образомъ себѣ отхватывать: то сіи, не зная о томъ ничего, и не будучи предувѣдомлены, такъ тѣмъ были перетревожены, что сочтя сіе самымъ разбойническимъ дѣломъ, другого въ скорости ничего не нашли, какъ соотвѣтствовать ему такою же наглостію и буянствомъ, и скопившись въ множествѣ напали на землемѣра и на всю его межевую команду, и ну всѣхъ какъ злодѣевъ бить, и не только всѣхъ ихъ разсѣяли и разогнали, но отбили у нихъ и астролябію и все проче, но многихъ и перераншли, а одного изъ бывшихъ при томъ людей убили даже до смерти.

Начальникомъ и предводителемъ такого глупаго, безразсуднаго и безпутнаго дѣла былъ у нихъ нѣкто изъ тамошнихъ зажиточныхъ дворянъ, по фамиліи Хрипуновъ; человѣкъ очень дерзкой и самой хватъ и буянъ, и нажившій чрезъ то се-

бѣ и превеликія хлопоты, и попавшійся за то подъ судъ, пользы же тѣмъ никакой не произведшій, кромѣ того, что межеванье въ тогдашнюю осень прервалось и Пашковъ принужденнымъ нашелся помышлять о принятіи уже другихъ и надежнѣйшихъ мѣръ.

Все сіе произошло за нѣсколько дней до моего туда пріѣзда. Я, услышавъ о томъ, не могъ глупости господина Хрипунова и товарищей его довольно надивиться, и невѣдомо какъ былъ радъ тому, что межеванье и буянство сіе происходило въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, и что нашихъ повѣренныхъ, а особливо моего притомъ не было. Сей и поѣхалъ-было тогда на межу, но увидѣвъ разбѣжавшуюся уже всюду и всюду и спасенія себѣ ищущую межевую команду, не разсудилъ ѣхать далѣе, но заблагоразсудилъ возвратиться скорѣй домой, дабы не попасть въ свидѣтели и не сдѣлаться въ такомъ незаконномъ дѣлѣ соучастникомъ, за что я его и похвалилъ. Что касается до тамошнихъ нашихъ сосѣдей, то сіи не могли по неразумію своему довольно изъявить удовольствія своего о томъ, что произошло такое пораженіе, и отвагу и храбрость господина Хрипунова превозносили до небесъ похвалами. Но я имъ говорилъ, что радоваться имъ не пораженію сему, а тому падлежитъ, что они не имѣли въ томъ никакого соучастія, ибо дѣло сіе возымѣетъ весьма дурныя послѣдствія, и г. Хрипуновъ подвергнется за сіе великому отвѣту, а пользы отъ того ни ему, ни намъ никакой быть не можетъ, что послѣ и дѣйствительно оказалось.

При такихъ обстоятельствахъ, не имѣя никакой причины долго жить въ своей шадской деревнѣ, а поспѣшая возвратиться къ своей должности, не сталъ я долго тамъ медлить, а рѣшился только послать нарочнаго съ письменнымъ отъ меня ему миролюбивымъ предложеніемъ. Я писалъ къ нему: что какъ землю купилъ и *онъ* и *я*, и что тому же землемѣру велѣно отмежевать и мнѣ такъ, какъ и ему, то просилъ я его убѣдительно, чтобъ онъ дозволилъ землемѣру отмежевать прежде мнѣ проданную землю, въ которомъ случаѣ предлагалъ я ему съ своей стороны слѣдующія условія. Первое, что я въ семъ случаѣ не буду уже входить ни въ какіе споры и ни во что, и оставлю его межевать съ покоемъ и какъ онъ самъ похочетъ. Во-вторыхъ, для себя не требую никакихъ излишковъ, а чтобъ отмежевано мнѣ было только проданное мнѣ количество земли. Въ-третьихъ, расположеніе самой мнѣ проданной земли и фигуру оной предоставляю собственному его назначенію, изъявляя свою готовность быть всѣмъ довольнымъ, какъ бы проданная мнѣ земля ни была протянута, только-бъ было мнѣ надлежащее количество отмежевано. Наконецъ, въ-четвертыхъ, что не требую я, чтобъ въ дачѣ моей назначено было сколько-нибудь неудобной земли, а какая бы земля ни была мнѣ отмежевана, горы-ли или буераки или иная какая, но я всякою буду совершенно доволенъ, и что онъ впредь будетъ мною во всемъ совершенно доволенъ.

Вотъ условія, какія предложены были ему въ моемъ письмѣ, а такія же точно предложилъ я въ письмѣ моемъ и къ межевщику; и какъ были они наисходнѣйшія и даже въ нѣкоторомъ отношеніи для меня и предосудительныя, то ласкался-было я надеждою, что они что-нибудь подѣйствуютъ и преклонятъ г. Пашкова къ миролюбивѣйшимъ мыслямъ. Но не таковъ былъ сей алчной и ненасытной корыстолюбецъ, и не на такого человѣка я напалъ. Вмѣсто того, чтобъ ему для собственной же своей пользы на предложеніе мое склониться и самому бы еще стараться, чтобъ обезпечить себя отъ меня, какъ отъ противника, могущаго всѣхъ болѣе причинить ему въ бездѣльническихъ замыслахъ его помѣшательство, онъ, получивъ письмо мое, изволилъ только размѣяться и съ глупѣйшимъ высокомѣріемъ посланному сказалъ, чтобъ онъ убирался скорѣе изъ его села покуда цѣлъ, и чтобъ сказалъ мнѣ сіе вмѣсто всего отвѣта. А межевщикъ сказалъ только: что въ сію

осень межеванья никакого не будетъ, и чтобъ я о томъ теперь не заботился.

По полученіи такого грубаго, или паче глупаго отвѣта, пожалѣлъ я, что и предпринималъ сей опытъ и къ такимъ бездѣльникамъ писалъ и посылалъ нарочнаго, и предвидя уже тогда, что мнѣ добромъ съ ними не раздѣлаться, радъ былъ уже и тому, что въ ту осень никакого межеванья не будетъ; а потому, давъ прикащику своему на всякой случай наставленіе, не сталъ долѣе тамъ медлить, но въ обратной путь отправился.

Ѣзда моя и въ сей разъ была такъ благоуспѣшна, что я, не претерпѣвъ въ пути ни малѣйшаго зла и никакихъ помѣшательствъ, благополучно въ Богородицкъ и въ самой день моего рожденія возвратился. И какъ симъ кончился 39-й годъ моей жизни, то окончу я симъ и письмо мое и самую 18-ю часть собранія оныхъ, и остаюсь вашъ и проч.

(Февраля 10 дня 1809 года).

Конецъ осьмойнадесять части.

Окончена перепискою декабря 9-го дня 1810 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIX.

(Сочинена въ ноябрѣ 1809, а переписана ..... 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1777 годъ.

Письмо 191-е.

Любезный пріятель! Послѣднее письмо мое къ вамъ, писанное февраля 10-го сего 1809 года, кончилъ я увѣдомленіемъ васъ о возвратномъ моемъ въ 1777 году въ Богородицкъ пріѣздѣ изъ третичной моей и кратковременной поѣздки въ шадскую мою деревню, и что случилось сіе въ самой день рожденія моего за 39 лѣтъ до того времени; а теперь, приступая вновь къ продолженію описанія исторіи моей жизни, начну вамъ разсказывать о томъ, что случилось со мною въ теченіе сороковаго и многими произшествіями достопамятнаго года моей жизни; и скажу вамъ, что достальное время 1777 года препроводилъ я почти безъ выѣзда въ Богородицкѣ, занимаясь безпрерывно разными дѣлами, отчасти по должности, а отчасти и произвольными и своими собственными. Мое первое дѣло было, по возвращеніи моемъ, осмотрѣть всѣ производившіяся въ отсутствіе мое по строеніямъ казенныя работы. И какъ производимы онѣ были подъ надзоромъ рачительнаго архитектора, г. Ананьина, и помощника его Волкова, то не было въ нихъ никакого упущенія и остановки и я нашелъ, что онѣ производились безъ меня съ хорошимъ успѣхомъ и что многое безъ меня было сдѣлано. Соборная церковь была уже вся вчернѣ отдѣлана и покрыта, да и внутри уже оштукатурена, и оставалось помышлять уже о скорѣйшей отдѣлкѣ обоихъ придѣловъ и о снабденіи ихъ иконостасами и образами; а посему къ пріѣзду моему пріисканы и подряжены были въ Тулѣ нужные мастеровые. Для писанія-же иконъ пріисканъ былъ въ Москвѣ и отъ князя къ намъ присланъ

искусной живописецъ Некрасовъ, учившійся въ Академіи Художествъ и писавшій образа отмѣннымъ и хорошимъ мастерствомъ и вкусомъ, но къ несчастію зараженный только излишнею склонностью къ пьянству. Онъ пріѣхалъ къ намъ со своими работниками уже по моемъ возвращеніи, и я отвелъ ему для писанія образовъ одну изъ нашихъ солдатскихъ казармъ, и будучи самъ охотникъ до живописи, часто и съ особливымъ удовольствіемъ посѣщалъ его.

Съ таковымъ же успѣхомъ производились работы и въ богородицкомъ домѣ, или такъ тогда называемомъ дворцѣ. Сіи нашелъ я тогда въ полномъ еще развалѣ. Ибо какъ намѣстникъ успѣлъ уже снестись о пространныхъ флигеляхъ сего дома съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и испросить у него и у самой монархини дозволеніе помѣстить въ нихъ на время всѣ судебныя мѣста будущаго тутъ города, то и предписано мнѣ было отъ князя поспѣшать колико можно отдѣлкою внутренности сихъ флигелей или службъ, дабы они къ началу будущаго 1778 года поспѣли къ помѣщенію въ нихъ не только помянутыхъ судебныхъ мѣстъ, но, по множеству находившихся въ нихъ комнатъ, и самихъ будущихъ судей для жительства и квартированія. Всходствіе чего и трудились множество плотниковъ, штукатуровъ, каменщиковъ, столяровъ и печниковъ почти денно и нощно надъ сею отдѣлкою. И я, желая тѣмъ услужить сколько князю, а того больше намѣстнику, просившему меня о томъ особенно, прилагалъ съ своей стороны всевозможнѣйшее о томъ стараніе, и успѣхъ въ работахъ сихъ былъ такъ великъ, что мы успѣли оныя довольно еще благовременно кончить. И какъ вмѣстѣ съ назначаемымъ подъ суды и судей флигелемъ отдѣлана была вся внутренность и другого такого-жъ, назначаемаго для собственнаго нашего употребленія по волости, то и успѣли мы сею-же осенью перевести въ него и нашу волостную канцелярію изъ башни колоколенной, въ которой она до того въ верхнихъ комнатахъ на оной бывшихъ надъ воротами помѣщена была. Итакъ, съ сего времени была она уже въ лучшемъ и для всего способнѣйшемъ мѣстѣ.

Г. Кречетниковъ не успѣлъ услышать, что работы наши во флигелѣ для судей и подъ присутственныя мѣста назначенномъ приходили къ окончанію, какъ прислалъ къ намъ для осмотра и освидѣтельствованія ихъ любимца своего и тогдашняго фаворита, господина Давыдова, Николая Сергѣевича, самаго того, которой впослѣдствіи времени былъ моимъ командиромъ. Сего человѣка я тогда впервые еще увидѣлъ и съ нимъ по сему случаю предварительно познакомился. Онъ показался мнѣ очень добрымъ, ласковымъ и благопріятнымъ человѣкомъ, каковымъ онъ и дѣйствительно былъ, и я постарался его всячески у себя угостить и тѣмъ пріобрѣсть и тогда уже къ себѣ отъ него благопріятство. Онъ выходилъ со мною всѣ комнаты, и не нашедъ ничего къ поправленію, былъ всѣмъ очень доволенъ и не преминулъ, донося о томъ, выхвалить меня и всѣ старанія мои намѣстнику, что и сему было очень угодно.

Впрочемъ, занимался я въ сіи осенніе мѣсяцы и другимъ еще особеннымъ дѣломъ. Потребно было заготовить на предстоящую зиму множество дровъ для топки печей во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ. До сего рубливались они въ лѣсахъ безъ всякаго порядка и тамъ, гдѣ полѣсовщикамъ приходило въ мысли; но мнѣ восхотѣлось и въ семъ случаѣ основать и лучшій порядокъ и вкупѣ произвести нѣчто особливое. Изъ многихъ лѣсовъ, находившихся въ Богородицкой волости, лежали два лѣса на большихъ дорогахъ: одинъ на большой воронежской дорогѣ, идущей изъ Тулы въ Богородицкъ, а другой на большой же дорогѣ, идущей изъ Богородицка въ Епифань и въ Бобрики. Какъ по обѣимъ симъ дорогамъ, а особливо по первой былъ всегда великой проѣздъ, и большая дорога шла версты четыре сквозь волостной и въ семъ мѣстѣ широко разрубленный лѣсъ, то вздумалось мнѣ украсить сей лѣсъ, во-

первыхъ, обрубленіемъ всѣхъ крайнихъ къ дорогѣ деревъ въ одну пропорцію и аршина на четыре отъ земли, и произвесть чрезъ то равно какъ стриженную и ровную лѣсу опушку, что и придало ему отмѣнной и необыкновенной нигдѣ видъ. Во-вторыхъ, въ мѣстахъ трехъ посреди дороги прорубить лѣсъ по обѣимъ сторонамъ многими косыми и прямыми длинными просѣками, расположа ихъ такъ, чтобъ онѣ составляли изъ себя звѣзды, и центры всѣхъ оныхъ были бы на самой большой дорогѣ, дабы всѣмъ проѣзжающимъ по оной онѣ кидались бы въ глаза, и чтобъ ихъ съ одного пункта можно было видѣть вдругъ шесть предлинныхъ аллей или просѣковъ. Выдумка сія придала лѣсу моему еще болѣе красы, и всѣ проѣзжающіе, а особливо знатные, имѣющіе вкусъ люди не могли тѣмъ довольно налюбоваться и превозносили дѣло сіе похвалами. А такимъ-же образомъ поступилъ я и съ другимъ и такъ-называемымъ Балахонскимъ лѣсомъ, гдѣ для таковыхъ-же многихъ перекрестныхъ просѣкъ избралъ я одну большую и просторную площадь посреди лѣса, на самой большой дорогѣ находившуюся.

Работу сію производилъ я уже по заморозамъ и въ самую глубокую осень, и какъ надлежало мнѣ все сіе назначать самому, то было мнѣ довольно дѣла и я многіе дни тѣмъ занимался, и всякой день ѣзжалъ въ лѣса, и съ утра до вечера надъ дѣломъ симъ трудился; но за то и получилъ отъ того сугубое удовольствіе: ибо, съ одной стороны, украсилъ и прославилъ тѣмъ свои лѣса, и даже подалъ тѣмъ многимъ поводъ говорить и о самомъ о себѣ и о моихъ затѣяхъ, а съ другой—нечувствительнымъ образомъ и безъ всякаго поврежденія лѣсовъ, снабдилъ себя и всѣ казенныя зданія на весь годъ не только дровами, но съ просѣкъ и множествомъ годнаго къ строенію лѣса.

Впрочемъ достопамятна мнѣ была сія осень тѣмъ, что жена моя разрѣшилась въ оную опять отъ бремени и родила мнѣ еще одну дочь, которую назвали мы Александрою. Итакъ, было у меня тогда уже пятеро дѣтей: одинъ сынъ и четыре дочери; но сей послѣдней не назначено было Провидѣніемъ играть свою роль въ свѣтѣ: она жила недолго, и была съ самаго младенчества нездорова.

Кромѣ сего, ознаменовался сей годъ однимъ рѣдкимъ и достопамятнымъ происшествіемъ, случившимся въ нашемъ волостномъ гошпиталѣ и всѣхъ насъ удивленіемъ поразившимъ. Еще въ теченіе лѣта сего года, пришла ко мнѣ изъ одной волостной деревни одна молодая баба, съ жалобою на одного въ сосѣдствѣ съ нею въ той-же деревнѣ живущаго мужика, въ томъ, что онъ ее испортилъ и произвелъ въ животѣ ея что-то ползующее и производящее внутри ровно какъ несносное кусанье. Я счелъ-было сіе сперва сущими пустяками, зная, что нашъ простой народъ при всякихъ случающихся натуральныхъ болѣзняхъ имѣлъ отмѣнную наклонность приписывать все порчѣ и колдовству, и признаюсь, что не хотѣлъ тому вѣрить; но баба говорила, что ежели я тому не вѣрю, то изволилъ-бы я самъ подержать руку на одувшемся ея животѣ, такъ могу самъ почувствовать упоминаемое ею по оному ползанье. Я и не преминулъ сего изъ любопытства учинить, и дѣйствительно, ощупавъ кусокъ, нѣчто похожее на то почувствовалъ. Однако, нехотя вѣрить, чтобъ то было какое животное, старался ее увѣрить, что это такъ натуральная болѣзнь, говоря притомъ, что не согласится-ли она побыть у насъ нѣсколько времени въ гошпиталѣ и дать себя полечить нашему искусному лекарю. «Очень хорошо, батюшка! сказала она: я готова иттить въ госпиталь, и мнѣ все равно, тамъ-ли я или дома умру, и гдѣ это лекарю вылечить; и вы что ни говорите, а это не болѣзнь, а порча, и съѣлъ меня этотъ злодѣй мужикъ, поподчивавъ брагою; уже не одна я, батюшка, терплю эту напасть отъ него. У насъ недавно одна баба, точно такъ же какъ я съ раздувшимся животомъ, а впрочемъ такъ же какъ я совсѣмъ истощавшая отъ такого-же ходившаго по животу куска, пошла въ гробъ; а видно и мнѣ

того же не миновать, а жалѣю только объ этомъ грудномъ рабенкѣ, котораго у меня на рукахъ видите».—«Хорошо, хорошо, моя голубка! сказалъ я ей на сіе: за мужикомъ, котораго ты обвиняешь, я пошлю и постараюсь всячески сіе дѣло изслѣдовать, но не уповаю, чтобъ онъ въ томъ признался, естьли-бъ и подлинно было это его дѣло; но ты между тѣмъ поди-ка въ гошпиталь, а я велю лекарю полечить тебя съ отмѣнным старанiемъ». И какъ она отъ того не отрекалась, то посылая ее въ гошпиталь и отписалъ я къ лекарю дѣйствительно, чтобъ онъ постарался съ отмѣннымъ раченiемъ о узнаніи сей болѣзни и о излеченіи оной; а между тѣмъ послалъ нарочнаго въ ту деревню за обвиняемымъ бабою мужикомъ, которой ко мнѣ тотчасъ и доставленъ былъ. На сего не успѣлъ я взглянуть, какъ уже по одному мрачному и плутовскому виду и изъ первыхъ его словъ напередъ предузнавалъ, что я всѣми распросами и слѣдствіями своими ничего отъ него не добьюсь, ибо онъ при первомъ вопросѣ уже сказалъ: «Статочное-ли дѣло! Какъ это можно? Вѣдь за это людей живыхъ сожигаютъ!» и началъ потомъ клясться и божиться всѣми клятвами, что онъ не знаетъ и не вѣдаетъ всего того, и что готовъ всѣ истязанія вытерпѣть, а того не дѣлалъ. Да и подлинно, сколько я ни старался и добромъ, и угрозами его уговаривать, и къ добровольному признанію убѣждать, но всѣ мои старанія остались тщетными, и самыя даже очныя съ бабою ставки не могли ничего произвесть. Онъ сталъ въ томъ, что не дѣлалъ и что это на него взводится совершенная напраслина, и раздѣваяся, ложился самъ, говоря, что готовъ терпѣть все, но ничего не знаетъ и не вѣдаетъ. Что мнѣ было тогда съ нимъ дѣлать? Другого не оставалось, какъ отложить сіе слѣдствіе до другого времени и подождать напередъ, что скажетъ и сдѣлаетъ съ нею лекарь.

Сей и дѣйствительно, по приказанію моему, принялся за нее съ особеннымъ стараніемъ, и хотя по искусству своему употребилъ все возможное, но не произведши ничего, пріѣхалъ нарочно ко мнѣ съ донесеніемъ, что всего его искусства и знанія не достаетъ къ узнанію собственнаго рода сей болѣзни. Онъ говорилъ, что по всѣмъ наружнымъ признакамъ, почиталъ онъ сперва помянутой ощущаемой кусокъ въ животѣ свернувшимся въ клубъ гнѣздомъ глистъ, но какъ всѣ употребляемыя имъ наилучшія глистогонительныя лекарствы не произвели ни малѣйшаго дѣйствія и перемѣны, то сталъ онъ почитать кусокъ сей составившимся изъ скопившихся разныхъ нечистотъ и надѣялся разбить его наилучшими разбивательными лекарствами; но какъ и сіи не произвели ни малѣйшаго облегченія и перемѣны, то прямо признавался мнѣ, что не знаетъ, что о семъ дѣлѣ думать и чѣмъ сіе почитать, и другого не находилъ какъ отважиться наконецъ дать ей наудачу рвотное, и не подѣйствуетъ ли оно и спрашивалъ, дозволю ли я ему это сдѣлать.—«Очень хорошо! сказалъ я ему на сіе, дѣлайте, что хотите и что вы заблагоразсудите».

Получивъ отъ меня сіе разрѣшеніе, онъ и дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней послѣ того далъ ей сильное изъ ипекакуаннаго корня рвотное, но на смерть самъ испужался, какъ рвотное, погнавъ изъ кишокъ и желудка помянутой кусокъ, онымъ совсѣмъ-было сію бѣдную женщину подавивъ не задушило. Она была уже при самыхъ дверяхъ смерти, но по особливому счастію прошелъ наконецъ сей кусокъ сквозь глотку и упалъ въ образѣ большого круглаго и кроваваго куска въ тазъ, предъ нею поставленный, и она чрезъ то благополучно и отъ смерти и отъ болѣзни своей освободилась. Но какимъ удивленіемъ обрадовавшійся тому лекарь поразился, увидѣвъ, что кусокъ сей въ тазу съ мѣста на мѣсто, какъ нѣчто живое, двигался. Но удивленіе его увеличилось несказанно, когда при начатомъ троганіи сего куска палочкою, оный, какъ нѣкакой тончайшій пузырь, треснулъ и обнаружилъ во внутренности своей превеликую живую лягушку, или паче жабу, сгущен-

ною кровью окруженную. Неожидаемое таковое и странное явленіе поразило лекаря, и всѣхъ при немъ бывшихъ, превеликимъ изумленіемъ. Желая осмотрѣть и обмыть ее отъ прильнувшей къ ней густой крови, схватилъ онъ ее бережно своими инструментами и, обмывши, едва сталъ обтирать, какъ увидѣлъ, что верхняя пестрая кожа на ней такъ была нѣжна и слаба, что при малѣйшемъ треніи стиралась; почему, не желая ее повредить, и оставилъ онъ ее такъ, и увидѣвъ, что она тотчасъ издохла, посадилъ для диковинки въ спиртъ и привезъ ко мнѣ для показанія сей диковинки. Мы всѣ также крайне удивились сему необыкновенному произшествію, и я тотчасъ срисовалъ ее съ самой натуры и во всей ея величинѣ и видѣ; при которомъ случаѣ, разсматривая ее прилежнѣе, съ крайнимъ удивленіемъ заприметили мы нѣкоторыя особливости и также необыкновенныя странности и обстоятельства, и во-первыхъ то, что она хотя имѣла глаза, но была слѣпая и глаза ея покрыты были нѣкакою непрозрачною отонкою; во-вторыхъ, что на переднихъ ея лапахъ были отмѣнно острыя когти, которыми, какъ думать надобно, царапая производила она чувствуемую временно сильную боль въ животѣ тою женщиною; въ-третьихъ, что заднія ея ноги, бывающія у всѣхъ лягушекъ обыкновенно длиннѣе переднихъ, поелику онѣ дѣйствіемъ ихъ наиболѣе прыгаютъ, были у ней коротківа и приросли почти совсѣмъ къ нижней части живота ея, такъ что ихъ почти отогнуть было не можно; что все доказывало намъ явно, что надобно сей жабѣ въ животѣ и кишкахъ сей женщины вывестись или родиться и вырость, и что слѣпа была она оттого, что смотрѣть ей было некуда, а заднія ноги потому такъ коротки и приросшими были, что ей распростирать ихъ и по тѣснотѣ кишокъ прыгать было некуда и не можно, а потому же самому и кожа была на ней такъ нѣжна, что при обтираніи стиралась. Но пятое усмотрѣнное нами обстоятельство привело обоихъ насъ съ лекаремъ въ такое изумленіе, что мы не знали чему оное приписать, а именно: изъ задницы ея торчалъ тонкой и вершка въ два длиною волосъ, подобной волосу человѣческому, и держался внутри оной такъ крѣпко, что не можно было никакъ изъ ней вытащить; а что того удивительнѣе, то на концѣ онаго находился какъ бы руками привязанной маленькой и не болѣе ржаного зерна кусочекъ какой-то особой и твердоватой матеріи. Сіе было тогда и осталось навсегда для насъ неразрѣшимою загадкою, и мы не понимали, какъ зашелъ въ нее сей волосъ съ привязанною на концѣ его штучкою.

Но какъ бы ни было, но я, срисовавъ ее во всей точности и сохранивъ рисунокъ сей у себя для памяти, которой и понынѣ у меня цѣлъ, возвратилъ тогда банку съ лягушкою лекарю для храненія въ гошпитальной аптекѣ, и не за излишнее почелъ донесть о семъ произшествіи командиру моему, старичку-князю, которой, будучи любопытнымъ человѣкомъ, восхотѣлъ самъ ее видѣть и приказалъ мнѣ тотчасъ прислать къ нему ее съ нарочнымъ, что я и учинилъ. Но что же воспослѣдовало? Князь, увидѣвъ и подивившись также оной, послалъ тотчасъ за нѣсколькими знакомыми ему докторами и медиками, и показывая имъ ее, спрашивалъ ихъ о томъ, какимъ образомъ, по мнѣнію ихъ, зашла сія жаба въ утробу оной женщины? Но господа сіи, по высокоумію своему и не-хотя ее порядочно разсмотрѣть, подняли все сіе произшествіе на смѣхъ и старались увѣрить князя, что сему быть не можно, что скрывается тутъ тонкой обманъ, и обманывалъ его либо я, либо лекарь, при рвотѣ женщины подпустившій въ тазъ скрытно живую и приготовленную лягушку. И какъ князю было сіе очень прикро, ибо онъ никакъ не ожидалъ отъ насъ такого глупаго, грубаго и никакой пользы произвесть немогущаго обмана, а потому и рѣшился онъ тотчасъ ко мнѣ о томъ отписать и сообщить мнѣніе о сей лягушкѣ господъ медиковъ. Не могу изобразить какъ досадовалъ и хохоталъ я,

узнавъ о семъ глупомъ умничаньѣ сихъ господъ обираловъ, и рѣшился съ первою же почтою въ отвѣтъ князю отписать, что оба мы, честію и всѣмъ, что свято есть, клянемся, что не было тутъ никакого обмана, что лягушка дѣйствительно извержена изъ женщины рвотою и по всему видимому въ ней родилась, выросла и въ кишкахъ ея жила, и чтобъ онъ, для удостовѣренія себя въ неложности того, соблаговолилъ созвать опять тѣхъ же господъ медиковъ, и заставивъ ихъ лягушку сію прилежнѣе разсмотрѣть, потребовалъ отъ нихъ изъясненія, отчего бы лягушка сія была слѣпа и кожа на ней такъ нѣжна и слаба, а заднія ноги такъ были коротки и прирослыя? И наконецъ спросилъ бы ихъ, можетъ ли простая и не въ утробѣ выросшая, а по словамъ ихъ, подпущенная натуральная лягушка имѣть всѣ сіи свойства? умалчивая уже о помянутомъ волоскѣ, изъ задницы ея висящемъ.

Обрадовался князь, получивъ сіе мое отношеніе, и желая взаимно господъ медиковъ одурачить, тотчасъ опять за ними послалъ; и какъ они съѣхались, то предложилъ онъ имъ мои запросы, и сразилъ ими такъ, что они отъ стыда не знали, что сказать и чѣмъ въ прежнемъ своемъ глупомъ отзывѣ оправдаться, и уже кое-какъ старались прикрыть глупое и легкомысленное свое насъ обоихъ съ лекаремъ обвиненіе, говоря, что такіе случаи кой-когда бывали уже въ свѣтѣ. Тогда князь, погонявъ ихъ всѣхъ за то и взаимно самъ надъ ними посмѣявшись, возвратилъ къ намъ банку съ лягушкою, предписавъ хранить ее въ гошпиталѣ для диковинки, гдѣ она и понынѣ еще хранится въ цѣлости. Женщина же та вскорѣ послѣ того совершенно выздоровѣла и жила многіе потомъ годы.

Вся сія переписка съ княземъ происходила помянутою осенью по возвращеніи моемъ изъ моего степного путешествія; а вслѣдъ за оною получилъ я отъ князя повелѣніе, чтобы мнѣ пріискать гдѣ-нибудь по близости нашихъ волостей монастырскія, а тогда въ экономическомъ вѣдомствѣ находящіяся деревни, которыя бы съ удобностію можно было соединить съ волостью, взамѣнъ предназначаемыхъ къ превращенію двухъ богородицкихъ слободъ, Пушкарской и Стрѣлецкой, въ мѣщане будущаго города Богородицка, и чтобъ по отысканіи таковыхъ и по узнаніи всѣхъ обстоятельствъ до нихъ относящихся, отнесся-бы я къ князю и къ самому будущему Тульскому намѣстнику, господину Кречетникову. Итакъ, предстало мнѣ новое дѣло и новыя хлопоты. Но по счастію, не имѣлъ я въ выполненіи сей возложенной на меня коммиссіи слишкомъ дальнаго труда. Такъ случилось, что деревни, къ сему обмѣну очень способныя, тотчасъ были отысканы въ самой близости и даже въ прикосновенности къ Богородицкой волости. Итакъ, стоило только узнать о количествѣ ихъ жителей и земли, въ дачахъ ихъ имѣющихся. О семъ и не трудно было получить всѣ нужныя свѣдѣнія. О числѣ душъ узналъ я по ревизскимъ ихъ сказкамъ, а о количествѣ земли изъ межевыхъ плановъ, данныхъ симъ селеніямъ и у нихъ находившихся. Съ сихъ плановъ разсудилось мнѣ скопировать копіи, и соединя ихъ на одинъ планъ, со всѣми нужными объясненіями представить сперва намѣстнику, а потомъ и князю, и дабы не стыдно было мнѣ съ нимъ къ намѣстнику показаться и при первомъ случаѣ не ударить себя лицомъ въ грязь, то постарался я украсить свой планъ многими новыми особыми и затѣйливыми украшеніями; а чтобъ болѣе обоимъ симъ вельможамъ услужить и преподать имъ къ обмѣну сему легчайшій и удобнѣйшій способъ, выкопировалъ на другомъ листѣ, изъ большого своего волостнаго плана, и обѣ помянутыя наши слободы со всѣми къ нимъ принадлежащими землями. И какъ земель сихъ, въ сравненіи съ монастырскими, было гораздо больше и надлежало изъ нихъ всю лишнюю отрѣзать къ волости, то по извѣстному мнѣ болѣе мѣстоположенію предполагалъ я предварительно уже самъ гдѣ бы и какъ удобнѣе было

сей лишекъ съ выгодою обѣихъ сторонъ отрѣзать.

Нѣсколько дней занимался я надъ сочиненіемъ, раскрашиваніемъ и украшеніями обоихъ сихъ плановъ, и трудовъ имѣлъ хотя при томъ довольно, но они мнѣ не столько были отяготительны, сколько, по охотѣ моей къ такимъ дѣламъ, пріятны. Наконецъ, окончивъ все сіе дѣло, расположился я показать ихъ напередъ намѣстнику, пріѣхавшему тогда уже въ Тулу и готовящемуся къ открытію Тульскаго намѣстничества, и потому при первой случившейся ѣздѣ въ Тулу ему ихъ и предложилъ. Господинъ Кречетниковъ принялъ меня очень ласково, разлюбовался въ прахъ красотою плановъ, и будучи и стараніями моими и всѣмъ очень доволенъ, расхвалилъ и благодарилъ меня за труды мои, и потомъ сказалъ, что онъ предоставляетъ сей обмѣнъ до наступленія будущаго года, въ началѣ котораго поѣдетъ онъ въ Москву, и тамъ, увидѣвшись съ княземъ, моимъ начальникомъ, и переговоривъ, кончитъ сіе дѣло. Сей случай познакомилъ меня съ г. Кречетниковымъ еще болѣе, и я благосклонностію его къ себѣ такъ былъ доволенъ, что возвратился въ Богородицкъ преисполненъ будучи удовольствіемъ и равно какъ нашедъ какую-нибудь находку.

Но не успѣлъ я пріѣхать, какъ услышалъ нѣчто такое, что привело меня въ великое недоумѣніе, сумнительство и разстройку мыслей. Мнѣ сказывали, что полученъ отъ Дѣдиловскаго городского начальства, которому подсудна была до того вся Богородицкая волость, приказъ, чтобъ съ нашей волости выбрать изъ поселянъ 12 человѣкъ въ кандидаты для будущаго назначенія нужнаго числа изъ нихъ въ засѣдатели будущей нижней расправы и земскаго суда, и чтобъ мы кандидатовъ сихъ немедленно представили въ Дѣдиловъ. Удивился и до крайности поразился я симъ неожидаемымъ требованіемъ. Ибо хотя мнѣ извѣстно было, что таковые кандидаты выбирались тогда изъ всѣхъ однодворческихъ, казенныхъ и экономическаго вѣдомства селеній, но я никакъ не думалъ и не ожидалъ, чтобъ и наши волости, бывшія до того на особомъ правѣ и наравнѣ со владѣльческими, почтены были наравнѣ съ казенными. И потому подозрѣвая, не подбирается ли намѣстникъ изподтиха къ нашимъ волостямъ и не хочетъ ли ихъ подвесть подъ иго правленія казенною палатою и чрезъ то разрушить нашу прежнюю привилегію, впалъ въ великое недоумѣніе и не зналъ какъ лучше поступить, и что предпріять и учинить въ семъ щекотливомъ случаѣ. Съ одной стороны, вѣдая, что приказаніе сіе учинено съ воли и предписанія намѣстника, заключалъ я, что нельзя было никакъ ослушаться въ семъ случаѣ начальства, а того паче непослушаніемъ своимъ навлечь на себя досаду и неудовольствіе отъ сего знаменитаго тогда вельможи; а съ другой—не смѣлъ самъ собою къ тому приступить, не спросясь князя, какъ собственнаго моего начальника и командира, и не зная, каково ему сіе покажется, согласится ли онъ на сіе и не будетъ ли еще спрашиваться о томъ у самой государыни, ибо чрезъ то легко могла произойтить въ правленіи волостномъ нѣкоторая предъ прежнимъ перемѣна. Но какъ долго медлить было невозможно, ибо было сіе незадолго предъ открытіемъ самаго намѣстничества, то, подумавъ самъ съ собою и начальниками моей канцеляріи, другого я не нашелъ, какъ донесть о томъ своему князю и просить наставленія, что въ семъ случаѣ дѣлать и какъ поступить? Для скорѣйшаго-жъ полученія отъ него отвѣта отправить съ представленіемъ къ нему о томъ нарочнаго курьера, а между тѣмъ, чтобъ не явиться ослушникомъ, велѣть изъ волости помянутыхъ 12 человѣкъ кандидатовъ изъ лучшихъ людей выбрать, но помедлить отсылать ихъ въ Дѣдиловъ, для полученія отъ князя повелѣнія.

Положивъ сіе на мѣрѣ и отправилъ я тотчасъ одного изъ канцелярскихъ моихъ служителей въ Москву, съ представленіемъ къ князю, а самъ, выбравъ потомъ оныхъ депутатовъ, велѣлъ имъ быть къ отправ-

ленію совсѣмъ готовыми, но въ Дѣдиловъ отправлять ихъ не спѣшилъ, но подъ разными предлогами выигралъ время, несмотря, хотя мы къ скорѣйшему отправленію оныхъ и побуждаемы были.

Между тѣмъ Тула находилась въ сіе время въ великомъ уже движеніи. Все въ ней пріуготовляемо было къ торжественному открытію намѣстничества и къ тому важному и на вѣки достопамятному для сего города дню, которой долженствовалъ перемѣнить политическое его состояніе и изъ прежняго провинціальнаго и очень малозначущаго города превратить въ знаменитый губернской, или, какъ тогда называли, «намѣстнической» городъ, и положить всему будущему его благосостоянію первое основаніе. И подлинно, городъ сей, въ сравненіи тогдашняго его состоянія съ нынѣшнимъ, ничего почти не значилъ и въ теченіе претекшихъ съ того времени тридцати лѣтъ онъ такъ много во всемъ преобразился и произошло въ немъ столь много важныхъ перемѣнъ, какъ въ разсужденіи красоты и порядка строенія, такъ и другихъ обстоятельствъ, что естьли-бъ можно было воскресить нынѣ кого-нибудь изъ умершихъ въ тогдашнее время, то онъ и не узналъ бы его почти совсѣмъ, а почелъ бы его какимъ-нибудь другимъ городомъ. Назначенной въ него для главнаго управленія имъ намѣстникъ государевъ, уже за нѣсколько недѣль до того пріѣхавъ, расположился квартировать по сю сторону рѣки Упы, въ домѣ господъ Демидовыхъ, толико славныхъ издревле по сему городу, и по желѣзнымъ заводамъ и по богатству своему. Сей домъ, нынѣ ничего, а особливо по сгорѣніи своемъ, незначущій былъ тогда наилучшимъ и просторнѣйшимъ во всей Тулѣ. Расположась въ ономъ, приступилъ онъ тотчасъ къ назначенію мѣстъ, гдѣ быть общему всего дворянства собранію и всѣмъ палатамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ. Подо-всѣ сіи, на первой случай и до построенія нарочныхъ къ тому зданій, отведены и назначены были наилучшіе купеческіе домы. Что-жъ касается до перваго, то какъ во всей Тулѣ не отыскалось ни одного такого дома, въ которомъ бы находился залъ, могущій помѣстить въ себѣ все многочисленное сборище дворянъ, то другого не оставалось, какъ отыскать одинъ, средственной величины каменной купеческой домъ, велѣть выломать изъ него всѣ внутреннія стѣны и весь его превратить въ одинъ просторной залъ, въ которомъ бы могло все дворянство умѣститься. Домъ сей находился на большой и главной улицѣ, ведущей съ сей стороны къ крѣпости и неподалеку отъ того мѣста, гдѣ нынѣ гостиной дворъ; или ряды, и назывался «красною палатою». Итакъ, надъ превращеніемъ и отдѣлкою его трудилось уже давно множество разныхъ мастеровыхъ людей, и около сего времени спѣшили отдѣлывать его денно и нощно.

Какъ намѣреніе намѣстника было сдѣлать открытіе сіе колико можно торжественнѣйшимъ и придать ему наиболѣе блеска и сіянія, то для увеселенія всего дворянства, сзываемаго въ городъ сей изъ всѣхъ назначенныхъ составлять сіе намѣстничество уѣздовъ, и съѣзжающагося уже со всѣхъ сторонъ со своими семействами, велѣлъ онъ построить деревянной и довольно просторной театральной домъ и постарался снабдить оной труппою актеровъ и нужнымъ для сего гардеробомъ и убранствомъ. Итакъ, множество рабочихъ и мастеровыхъ людей старались около сего времени отдѣлывать и сіе зданіе, бывшее по ту сторону Упы, на горѣ, на той площади, гдѣ потомъ находились казенныя конюшни, и успѣли и сіе дѣло къ назначенному времени кончить.

Но сего было еще недовольно; но какъ надобно было все дворянство угостить баломъ и маскарадомъ, то, по неимѣнію лучшаго, назначенъ былъ къ тому другой домъ гг. Демидовыхъ, стоящій и понынѣ еще на плотинѣ демидовскаго пруда. Къ избранію сего къ сему побудило намѣстника наиболѣе то, что предъ онымъ находилось просторное и пустое мѣсто, на которомъ пріуготовляемъ былъ для сего

дня изрядной и нарочитой величины фейерверкъ, которымъ, какъ невиданнымъ еще никогда тульскими жителями зрѣлищемъ, ему ихъ и все дворянство увеселить хотѣлось.

Итакъ, вся Тула кипѣла уже тогда народомъ; ибо какъ слухъ о сихъ празднествахъ и торжествахъ и будущихъ увеселеніяхъ разнесся уже повсюду, то со всѣхъ сторонъ, какъ по призыву, такъ и произвольно спѣшили ѣхать въ нее всѣ дворянскія фамиліи, и на большую часть со всѣми своими семействами, и съ каждымъ днемъ въѣзжало въ нее ихъ такое множество, что, при тогдашнемъ состояніи сего города, скоро стало недоставать квартиръ для помѣщенія оныхъ, и многіе, а особливо поопоздавшіе своимъ пріѣздомъ, принуждены были довольствоваться самыми тѣсными и простѣйшими. Кромѣ того, наѣхало туда и множество изъ другихъ губерній, а особливо изъ Калужскаго намѣстничества; а сверхъ того немалое число составляли и всѣ будущіе судьи и чиновники, назначенные со стороны казенной для засѣданія въ палатахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ какъ въ Тулѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, которые также къ сему времени въ Тулу съѣхались.

А какъ все сіе торжество видѣть и въ увеселеніяхъ будущихъ взять соучастіе хотѣлось натурально и мнѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, то готовились и мы туда же ѣхать, и предъ наступленіемъ торжествъ сихъ и самого открытія въ Тулу и отправились.

Но о семъ и обо всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ при семъ открытіи, разскажу я вамъ въ письмѣ будущемъ, а теперешнее, какъ достигшее до своей обыкновенной величины, кончу, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября, 3-го дня, 1809 года. Въ Дворяниновѣ).

ОТКРЫТІЕ ТУЛЬСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

Письмо 192-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать вамъ торжествы, оживотворившія всю Тулу и всѣ бывшія при томъ происшествія, скажу, что хотя не по долгу, а по собственному произволу отправясь со всѣмъ своимъ семействомъ туда, успѣлъ еще пріѣхать благовременно и до начала еще самыхъ первыхъ торжественныхъ дѣяній. Была со мною моя жена, также и теща, и какъ хотѣлось видѣть театръ и фейерверкъ и самымъ моимъ дѣтямъ, то взяли мы и изъ нихъ большенькихъ съ собою, оставивъ маленькихъ дома, подъ надзоромъ жившей еще у насъ госпожи Бѣляевой. Въ разсужденіи пріискиванія для себя квартиры не имѣли мы ни малѣйшаго затрудненія. Знакомецъ нашъ, Пастуховъ, давно уже приглашалъ насъ стоять къ себѣ въ домъ, почему мы и расположились въ ономъ, гдѣ хотя и не имѣли довольнаго простора, но ради были тому, что имѣли спокойной и теплой уголокъ, не платили ничего за постой и могли завестись всѣмъ нужнымъ для своего продовольствія.

Мое первое дѣло состояло въ томъ, чтобъ побывать въ домѣ у намѣстника и посмотрѣть будущихъ судей и начальниковъ, которыхъ всякой день пріѣзжало къ нему множество и гдѣ можно было ихъ видѣть. Я къ нему тотчасъ и поѣхалъ; но какъ, по неполученію еще отъ князя отвѣта, кандидаты мои все еще въ Дѣдиловѣ были не представлены, то полагая за вѣрное, что о семъ моемъ медлительствѣ намѣстнику донесено, и онъ можетъ быть имѣлъ на меня за сіе нѣкоторое неудовольствіе, и опасался, чтобъ онъ увидѣвъ меня не сталъ мнѣ за то выговаривать, то сіе и побуждало меня не слишкомъ предъ нимъ выказываться и вертѣться у него на глазахъ, а скрываться сколько можно въ толпѣ народной. Но по счастію подоспѣлъ скоро и той

посыланной, съ приказаніемъ отъ князя, ни мало ни въ чемъ непротивиться, а дать волю дѣлать что хотятъ и что заблагоразсудятъ. Почему съ тѣмъ же посыланнымъ и приказалъ я, ни мало болѣе уже не медля, кандидатовъ своихъ въ Дѣдиловъ отправить, и былъ уже спокойнѣе въ духѣ. Однако и безъ того все мое опасеніе было напрасно. Намѣстнику было ничего недоносимо и онъ о моей помедленности ни мало и не узналъ. Почему, не успѣлъ меня въ народѣ увидѣть, какъ не преминулъ, меня благосклонно обласкавши, мнѣ сказать, что я хотя и не имѣю долга брать во всемъ съ прочими дворянами соучастіе, но по крайней мѣрѣ какъ гость могу при всѣхъ будущихъ торжественныхъ происшествіяхъ присутствовать; а буде хочу, могу вмѣстѣ съ прочими по праву дворянства брать и въ самыхъ выборахъ и балотированіи соучастіе. А сіе и ободрило меня уже очень, хотя я впрочемъ и нимало ненамѣренъ былъ мѣшаться въ ихъ дѣла, а хотѣлъ лучше остаться совершеннымъ гостемъ и свободнымъ человѣкомъ.

Впрочемъ; и при самомъ семъ первомъ къ нему пріѣздѣ, имѣлъ я уже случай увидѣть и узнать множайшихъ изъ будущихъ судей и чиновниковъ, ибо нашелъ всю его залу наполненную множествомъ народа, и въ томъ числѣ нѣсколькихъ мнѣ знакомыхъ людей, съ которыми я могъ говорить и у нихъ о прочихъ, мнѣ еще незнакомыхъ особахъ разспрашивать. Относительно до сихъ знакомцевъ, наиболѣе обрадовалъ меня старинной мой еще кіясовской знакомецъ, другъ и сосѣдъ Николай Ивановичъ Кологривовъ, случившійся также тогда быть тутъ у намѣстника. Сей искренно мною любимой и меня многолюбящій человѣкъ не успѣлъ меня въ толпѣ заприметить, какъ обрадуясь въ тотъ же мигъ прибѣжалъ ко мнѣ, и съ восхищеніемъ обнимая не могъ довольно изобразить радости и удовольствія своего о томъ, что меня видитъ. А какъ узналъ, что я въ Тулѣ, также какъ и онъ, нахожусь со всѣмъ своимъ семействомъ и точно такимъ же гостемъ и свободнымъ человѣкомъ какъ и онъ, то обрадовался еще того больше, и разспросивъ гдѣ я стою, обѣщалъ въ тотъ же день еще къ намъ со своею Мареою Сергѣевною и съ дѣтьми пріѣхать и возобновить нашу прежнюю дружбу и знакомство; что онъ и исполнилъ. И какъ оба наши семействы были очень между собою дружны, то и условились мы при всѣхъ будущихъ торжествахъ не отставать другъ отъ друга, но брать въ оныхъ сообща съ ними соучастіе, чѣмъ и мои семьяниники были очень довольны.

Впрочемъ, въ сію первую мою у намѣстника бытность имѣлъ я случай впервые тогда увидѣть опредѣленнаго въ нашу губернію губернатора, генерала Матвѣя Васильевича Муромцова, бывшаго потомъ ко мнѣ весьма благопріятнымъ и коротко знакомымъ. Онъ, по взрачному своему и хорошему виду и по ласковому со всѣми обхожденію, и тогда уже мнѣ полюбился. Также видѣлъ я тутъ и совѣтника намѣстническаго правленія, г. Хомякова, и адъютанта намѣстникова, господина Грахольскаго, и другихъ многихъ, которые мнѣ по ихъ надменнымъ видамъ далеко не столь полюбились какъ губернаторъ, хотя и съ симъ я ни мало еще знакомъ не былъ.

Настоящее дѣло, и такъ-называемое открытіе намѣстничества, началось въ исходѣ декабря и тѣмъ, что все дворянство въ назначенной день собралось въ соборную церковь, и по отслуженіи обѣдни и молебна, и по учиненіи общей присяги, всѣ отправились въ помянутую красную и для общаго засѣданія назначенную палату, куда и мы съ г. Кологривовымъ втѣснились и имѣли, какъ гости, наилучшую удобность видѣть всю торжественность сего перваго и никогда еще до того небывалаго всего тульскаго дворянства собранія и засѣданія. И подлинно, зрѣлище было сколько съ одной (стороны) пышное и великолѣпное, столько съ другой—поразительное и пріятное. Собраніе было многочисленное; никогда еще Тула не видала въ стѣнахъ своихъ столь великаго множества и знатнаго, и

средственнаго, и мелкаго дворянства. Вся помянутая и довольно просторная зала наполнена была ими, и всѣ скамьи, которыми она вся сплошь была установлена, были ими усажены. У самой же передней стѣны сооруженъ былъ императорской тронъ, подъ богатымъ балдахиномъ и съ стоящимъ на немъ портретомъ императрицы, во весь ея ростъ написанной, а на ступеняхъ трона сталъ намѣстникъ и говорилъ всѣмъ краткую привѣтственную рѣчь всему собранію. По обѣимъ сторонамъ его стояли на полу всѣ его приближенные, также губернаторъ и прочіе чиноначальники, а вмѣстѣ съ ними и всѣ гости, пріѣзжіе изъ другихъ губерній, а въ томъ числѣ и мы съ г. Кологривовымъ. Передъ нимъ же прямо сидѣло по уѣздамъ все знаменитѣйшее дворянство, состоящее изъ генераловъ, бригадировъ и другихъ чиновныхъ людей, а за ними и прочіе. Всѣ они, при началѣ рѣчи, говоренной намѣстникомъ, въ своихъ мѣстахъ встали и выслушивали оную съ должнымъ благоговѣніемъ, чѣмъ самымъ и совершилось открытіе тульскаго намѣстничества. Послѣ сего предложено было намѣстникомъ всему дворянству, чтобъ оно приступило къ общему выбору губернскаго предводителя, посредствомъ баллотированія; и тотчасъ тогда понесли по всѣмъ усѣвшимся на скамьяхъ дворянамъ, опредѣленными къ тому людьми, одними на блюдахъ шары, а другіе, покрытые зеленымъ сукномъ, баллотировальные ящики, при которомъ случаѣ въ первой еще разъ я оные увидѣлъ и получилъ объ нихъ и о самомъ балотированіи понятіе. Сіе первое дѣйствіе продолжалось нарочито долго, ибо надобно было человѣкъ трехъ или четырехъ изъ предложенныхъ намѣстникомъ баллотировать, и для каждаго обносить вновь по всѣмъ шары и ящики, и потомъ вынимать первые изъ нихъ и пересчитывать, для узнанія, которыми изъ нихъ положено сколько и кому больше всѣхъ. Счисленіе сіе производилъ, при глазахъ самого намѣстника, губернатора и прочихъ, губернской прокуроръ, г. Небольсинъ, на столѣ поставленномъ предъ намѣстникомъ. И какъ оказалось, что множайшее число шаровъ положено было знакомцу и свойственнику нашему генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, то и хотѣли-было его тѣмъ поздравить; но какъ онъ сталъ просить о увольненіи его отъ сей должности и уступалъ ее находившемуся подъ нимъ по балламъ господину генералу Юшкову, то сей и былъ отъ всего дворянства въ семъ достоинствѣ поздравленъ, чѣмъ все дѣло въ сей день было и кончено, и всѣ знаменитѣйшіе люди, по приглашенію отъ намѣстника, поѣхали къ нему обѣдать; а мы всѣ, повидавшись и переговоривъ со всѣми своими знакомцами, которыхъ мы тутъ имѣли случай всѣхъ видѣть, разъѣхались также по своимъ квартирамъ, и достальное время дня употребили на разъѣзды другъ къ другу для свиданія.

Въ слѣдующій за симъ день было опять такое же общее всѣхъ дворянъ въ семъ домѣ собраніе, но уже безъ намѣстника, а при предсѣдательствѣ нововыбраннаго губернскаго предводителя и прокурора. И въ сей день занималось дворянство по уѣздамъ выборами своихъ уѣздныхъ предводителей, чрезъ что каждое уѣздное дворянское сословіе получило своего собственнаго начальника, а чрезъ нихъ предложено было потомъ отъ каждаго своимъ дворянамъ, чтобъ они избирали изъ среды своей по два человѣка въ кандидаты, для избранія двѣнадцати человѣкъ, для опредѣленія въ совѣстной судъ, въ верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія, въ засѣдатели. А изъ сихъ, наконецъ, всѣмъ общимъ собраніемъ выбаллотировали потребное число людей въ помянутыя должности. И сего довольно уже было для упражненія въ сей день, ибо все сіе продлилось довольно долго. По выборѣ же и назначеніи всѣхъ сихъ судей и начальниковъ, водимы они были въ домъ къ намѣстнику для утвержденія, которой ихъ всѣхъ съ сими временными чинами, утвердя, и поздравилъ, а потомъ всѣхъ ихъ угостилъ у себя обѣдомъ. Мы съ г. Кологривовымъ и въ сей

день были также въ красной палатѣ, желая видѣть и сей обрядъ, какъ никогда еще до того невиданный, и я, любопытствуя узнать, кто именно избранъ въ предводители по нашему Богородицкому уѣзду, услышалъ, что удостоенъ тѣмъ нѣкто г. Сухотинъ, человѣкъ мнѣ еще незнакомой и по достоинствамъ своимъ не весьма знаменитой; достальное же время дня препроводили мы опять во взаимныхъ другъ друга посѣщеніяхъ.

Въ послѣдующій за тѣмъ третій день надлежало всѣмъ дворянамъ избирать также баллотированіемъ въ каждой городъ своихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей; но какъ для сего требовалось болѣе простора, нежели сколько было его въ помянутой красной палатѣ, то назначено было производить сіи выборы въ квартирѣ самого намѣстника, въ разныхъ, отведенныхъ для уѣздовъ, комнатахъ. Симъ они въ сей день и занимались, и были поуѣздно угощаемы столомъ. Но мы, какъ гости и нехотящіе брать въ томъ собственнаго соучастія, не разсудили за благо туда-жъ вмѣстѣ съ прочими ѣхать, а сей день употребили на отдохновеніе, а отчасти на сборы ѣхать въ театръ, узнавши, что въ сей вечеръ данъ будетъ первой спектакль. Мы согласились и въ сей день ѣхать туда вмѣстѣ съ семействомъ г. Кологривова; и какъ намъ удалось получить для себя и особую ложу, то положили взять съ собою и дѣтей нашихъ, которыхъ, а особливо мнѣ своего малютку-сына хотѣлось познакомить съ симъ невиданнымъ еще имъ никогда театральнымъ зрѣлищемъ.

По пріѣздѣ въ театръ, нашли мы его весь наполненной множествомъ народа и увидѣли тутъ все дворянское лучшее общество, съ ихъ семействами въ одномъ мѣстѣ и въ соединеніи, и зрѣлище сіе было по новости своей поразительное. Играли въ сей день извѣстную комедію: «Такъ и должно», и актеры исправили свое дѣло довольно исправно и удачно. Всѣ они привезены были въ Тулу изъ Калуги, гдѣ такой же театръ былъ сдѣланъ, и гдѣ они изъ разныхъ чиновниковъ и образовались. Все мое семейство, а особливо дѣти, смотрѣли на представленіе съ особымъ удовольствіемъ; но никто имъ такъ много не плѣнился, какъ малютка-сынъ мой, для котораго все видѣнное тогда въ первой еще разъ въ его жизни было превеликою диковинкою.

Впрочемъ, какъ при семъ случаѣ могли мы видѣть и всѣхъ нашихъ знакомыхъ и чрезъ нихъ извѣститься, кто и кто именно былъ выбранъ въ судьи по Богородицкому уѣзду, то и интересовался я очень видѣть сихъ будущихъ своихъ ближнихъ сосѣдей и сотоварищей, и нѣкоторыхъ изъ нихъ, по указанію отъ другихъ, и видѣлъ; но какъ всѣ они были мнѣ совсѣмъ незнакомые люди, то и не могъ я еще съ ними познакомиться, а съ нѣкоторыми только вскользь обрекомендовался. Впрочемъ, какъ удостоилъ въ сей день театръ и самъ намѣстникъ своимъ посѣщеніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ въ ложѣ сидѣла и тогдашняя фаворитка его, жена помянутаго г. Давыдова, Анна Александровна, то имѣли мы случай и сію пышную горделивицу въ первой разъ тутъ видѣть.

Препроводивъ сей день съ удовольствіемъ и услышавъ, что и въ послѣдующій за симъ день будетъ опять театральное представленіе, готовились мы и въ оной ѣхать опять въ театръ, и препроводивъ опять весь день въ разъѣздахъ и въ свиданіяхъ съ своими знакомцами, ввечеру были опять въ театрѣ и съ удовольствіемъ смотрѣли на представляемую въ сей день комедію: «Раздумчиваго». Впрочемъ, день сей употребленъ былъ на приведеніе всѣхъ выбранныхъ судей къ присягѣ, а намѣстникъ продолжалъ угощать уѣздныхъ дворянъ столами, ибо всѣхъ ихъ въ одинъ день угостить было не можно.

Наконецъ, насталъ день для открытія всѣхъ знаменитѣйшихъ судебныхъ мѣстъ, какъ-то: намѣстническаго правленія, гражданской, уголовной и казенной палаты, верхняго земскаго суда и верхней расправы, также совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія, и

посаженіе всѣхъ опредѣленныхъ и избранныхъ судей на мѣста ихъ. Все сіе производилось съ обыкновенными обрядами, при присутствіи самого намѣстника, губернатора и другихъ именитѣйшихъ чиновниковъ; но какъ сіе производилось въ домахъ разныхъ, то и не можно было сіи, по существу своему ничего незначущіе, обряды видѣть. А мы занимались между тѣмъ своими дѣлами и сборами къ ѣздѣ, ввечеру, на даваемой намѣстникомъ въ помянутомъ другомъ демидовскомъ домѣ балъ и маскарадъ, и для смотрѣнія оттуда фейерверка, которымъ долженствовало всѣмъ симъ праздникамъ и торжествамъ оконченнымъ быть.

Не могу изобразить, сколько хлопотъ и суетъ наводили на насъ сіи сборы и съ какимъ неописаннымъ любопытствомъ хотѣлось всѣмъ видѣть фейерверкъ, а особливо тѣмъ, коимъ не случалось еще никогда видѣть оные, а всѣхъ болѣе нашимъ дѣтямъ. Что касается до самого бала и маскарада, то не всѣ съ равною охотою располагались на оной ѣхать; отчасти потому, что потребны были къ тому нѣкоторые излишніе наряды, а отчасти изъ опасенія, что по непросторности дома будетъ тамъ превеликая тѣснота. Однако въ семъ послѣднемъ пунктѣ всѣ обманулись и тѣсноты дальней, по самому тому обстоятельству, что не всѣ поѣхали, не было.

Что касается до насъ, то мы вмѣстѣ съ семействомъ господина Кологривова и нѣкоторыми другими знакомцами и пріятелями нашими положили непремѣнно туда ѣхать, и съѣхавшись по условію въ одно мѣсто, по наступленіи ночи, случившейся въ тотъ разъ быть очень темной, дѣйствительно туда и отправились. Но ѣзда сія, вмѣсто ожидаемаго удовольствія, чуть-было чуть не причинила намъ крайняго несчастія и не заставила насъ проливать горькія слезы. Какъ мы ѣздили туда въ своемъ четвероместномъ низкомъ зимнемъ возкѣ, какіе тогда были еще въ употребленіи, и возокъ весь наполненъ былъ столько людьми, что малюткѣ сыну моему не было мѣста сидѣть, а онъ принужденъ былъ стоймя стоять между нами, то случись такое несчастіе, что дверцы съ одной стороны возка на всей скорой и поспѣшной ѣздѣ отворились, и онъ, смотрѣвшій въ окошко оныхъ, изъ возка, вмѣстѣ съ отворившимися дверцами, въ шубенкѣ своей вылетѣлъ и въ одинъ мигъ изчезъ изъ глазъ нашихъ. Произошло сіе съ такою скоростію, что никто изъ насъ не успѣлъ его схватить и за платье и удержать отъ паденія. Не могу изобразить, какимъ неизреченнымъ ужасомъ поразило насъ тогда сіе происшествіе! Всѣ мы помертвѣли отъ испуга и изумленія и въ безпамятствѣ подняли вопль и крикъ: «Стой! стой! стой!...» Но можно-ли было вдругъ на всей скорой ѣздѣ лошадей остановить и не должны-ли мы были страшиться, что попадетъ онъ подъ лошадей ѣдущаго за нами непосредственно экипажа господина Кологривова, и что они его сомнутъ и убьютъ неминуемо до смерти! А сіе едва-было едва и не послѣдовало, и онъ былъ на волосъ отъ смерти; но по особливому счастію, или паче по милости Господней, и дѣйствію охраняющаго жизнь его святаго его Промысла, онъ благополучно отъ сего крайняго бѣдствія избавился и совсѣмъ безвредно сохранился. Помогло много къ тому то, что былъ онъ въ шубѣ, покрытой темною матеріею и что переднія лошади господина Кологривова, увидѣвъ вдругъ нѣчто черное и большое, выкатившееся по снѣгу со стороны на средину дороги, испужались, уппулись и остановились, и дали время подхватить мальчишка моего стоявшимъ за возкомъ нашимъ людямъ и безвредно доставить его опять въ возокъ къ намъ. Обрадованіе наше при семъ случаѣ было столь же неизреченно велико, каково велико было прежнее отъ ужаса изумленіе. Мы, отдохнувъ отъ онаго, не могли довольно возблагодарить Господа за избавленіе его отъ толь великой опасности, и въ достальной путь держали его, едва опамятовавшагося отъ испуга и ужаса, уже крѣпко между собою.

Но за сей страхъ и удовлетворенъ онъ былъ лихвою неописаннымъ для него удовольствіемъ, при смотрѣніи тогдашняго фейерверка. Зрѣлище сіе было для его совсѣмъ новое и поразительное, и по счастію удалось ему оное видѣть во всей полнотѣ и безпрепятственно. Ибо какъ мы, для тѣсноты, не разсудили брать его съ собою въ демидовской домъ въ маскарадъ, то и оставили его въ возкѣ съ его бабушкою и другими на балъ не поѣхавшими дѣтьми, поставя возокъ въ такомъ мѣстѣ, чтобъ имъ изъ онаго весь фейерверкъ былъ совершенно виденъ. И какая радость была для его, когда увидѣлъ онъ вздымающіяся вверхъ ракеты, вертящіяся разнообразныя огненныя колесы и потомъ горѣвшій разными огнями небольшой фитильной щитъ. Онъ прыгалъ даже отъ радости и восхищенія! А такое же дѣйствіе производило сіе зрѣлище и въ бывшей съ нами въ маскарадѣ большой нашей дочери. Не съ меньшимъ же удовольствіемъ смотрѣли и сами мы изъ дома на сію рѣдко видаемую огненную потѣху.

Что касается до самаго бала и маскарада, то оной былъ намъ уже не въ такую диковинку; къ тому-жъ и не было въ немъ никакихъ дальнихъ особливостей. Намѣстникъ присутствовалъ на ономъ недолго, а тотчасъ по сожженіи фейерверка отъѣхалъ; да и прочее дворянство веселилось онымъ не слишкомъ долго, и на большую часть скоро разъѣхались, а чрезъ то и сдѣлался довольной просторъ. Пользуясь онымъ, старался я всячески отыскать опредѣленнаго въ нашъ городъ городничаго, какъ будущаго своего въ правленіи городомъ Богородицкомъ сотоварища и такого ближняго сосѣда, съ которымъ надобно мнѣ будетъ имѣть болѣе всѣхъ дѣла. Былъ онъ одинъ изъ замосковныхъ, но небогатыхъ помѣщиковъ, бывшій до того въ морской службѣ и отставленной въ чинѣ капитана второго ранга, и назывался Антонъ Никитичъ Сухотинъ, и находился также тогда съ женою своею на семъ маскарадѣ. По бѣлому его примѣтному морскому мундиру не трудно мнѣ было его отыскать, и я не преминулъ съ нимъ обрекомендоваться и сколько-нибудь познакомиться; а сіе и было со мною наидостопамятнѣйшее на семъ балѣ происшествіе, на которомъ послѣ сего и мы съ женою не долго пробыли, но поспѣшили возвратиться къ прочимъ роднымъ нашимъ на квартиру.

Какъ симъ фейерверкомъ и маскарадомъ всѣ бывшія тогда въ Тулѣ праздниствы и увеселенія кончились и болѣе жить въ оной было не для чего, то на другой же день послѣ сего всѣ излишніе начали изъ сего города разъѣзжаться. А ихъ примѣру послѣдовали и мы, и собравшись, отправились въ прежнее свое мѣстопребываніе въ Богородицкъ, куда на другой день благополучно и возвратились.

Какъ случилось сіе уже въ святки и предъ самымъ наступленіемъ новаго года, а вкупѣ съ нимъ предъ наступленіемъ совсѣмъ новаго и достопамятнѣйшаго періода въ моей жизни, весьма отмѣннаго отъ прежнихъ, то займу я достальное мѣсто въ семъ письмѣ изображеніемъ того состоянія и положенія, въ какомъ я при концѣ сего года находился.

Что касается собственно до меня и всего моего семейства, то я былъ тогда въ наилучшей порѣ моего возраста. Шелъ мнѣ сороковой годъ, а потому хотя и переступилъ уже я за половину обыкновеннаго человѣческаго вѣка, но былъ совершенно еще свѣжъ, мужественъ и бодръ, и по благости Господней пользовался наисовершеннѣйшимъ здоровьемъ, а вкупѣ благосостояніемъ такимъ, какого не желалъ я лучше. Семейство имѣлъ я уже тогда нарочито многочисленное, и состояло оно изъ тещи, жены и пятерыхъ дѣтей, изъ коихъ всѣ были хотя малъ-мала меньше, но доставляли намъ безчисленныя удовольствія и утѣхи. Старшая изъ дочерей моихъ, Елисавета, была уже изрядная дѣвочка, и съ красотою тѣлесною утѣшала насъ вкупѣ и умомъ, а паче всего своимъ добронравіемъ и хорошимъ характеромъ. Всѣ качествы и свойствы ея были таковы, что пріобрѣтала она отъ

всѣхъ видавшихъ ее любовь и уваженіе. Сынъ мой былъ также уже мальчикъ, вышедшій изъ лѣтъ младенческихъ. Ему шелъ уже седьмой годъ и онъ умѣлъ уже грамотѣ и могъ уже читать и писать изряднехонько; а по понятливости своей учился уже тогда и нѣмецкому языку. Душевныя и тѣлесныя способности его ко всему открывались часъ-отъ-часу больше, и онъ съ каждымъ годомъ подавалъ намъ о себѣ отъ часу лучшую надежду и былъ по всѣмъ отношеніямъ милой, добронравной и любезной рабенокъ. Обѣ слѣдующія за нимъ меньшія его сестры, Настасья и Ольга, возростали уже также мало-по-малу, и первая изъ нихъ умѣла также уже грамотѣ, и обѣ утѣшали насъ своими невинными дѣтскими дѣлишечками и обѣ подавали о себѣ уже намъ добрую надежду. Что касается до самой меньшей и четвертой моей дочери, Александры, то сія была еще на рукахъ младенцемъ и чтой-то не очень здорова, такъ что не было дальней надежды о ея жизни. Теща моя хотя начинала уже старѣться, но была также еще въ совершенныхъ силахъ, хотя и не всегда равно здорова. Кромѣ ее и жены моей, жила тогда еще съ нами помянутая дѣвушка, госпожа Бѣляева, которая всѣмъ поведеніемъ своимъ заставила насъ столько себя любить, что мы ее наравнѣ со своими родными почитали и сотоварriществомъ ея были очень довольны.

Относительно до внѣшнихъ моихъ обстоятельствъ и положенія моего, то было оно наивожделѣннѣйшее. По особливой благости Господней имѣлъ я счастіе пріобрѣсть, живучи и въ семъ мѣстѣ, какъ отъ подкомандующихъ моихъ, такъ и отъ всѣхъ, кто меня только зналъ, всеобщую любовь, почтеніе и уваженіе. А и отъ самого командира моего, князя Гагарина, пріобрѣталъ я часъ-отъ-часу болѣе къ себѣ благосклонности и уваженія. Жизнь велъ я кроткую, тихую и умѣренную, и съ небольшимъ достаткомъ своимъ сообразную Не отставалъ я совершенно отъ людей, но и впередъ ни въ чемъ не выдавался съ излишкомъ. Всѣ расходы мои были умѣренные; а чтобъ оные еще болѣе сократить, то умножилъ я при себѣ людей, и перевезя ихъ изъ своей деревни, нанялъ тутъ себѣ нѣсколько казенной земли и заставилъ ихъ пахать и засѣвать хлѣбомъ, дабы мнѣ онаго, для содержанія всего дома моего и заведеннаго тутъ же маленькаго скотоводства и птицеводства, безъ привоза изъ деревень моихъ было достаточно и я не имѣлъ бы нужды ничего изъ грубой провизіи для себя покупать. Сверхъ того, какъ квартира была у меня не наемная, дрова непокупные, въ овсѣ и сѣнѣ для лошадей не было мнѣ никакой надобности, ибо и лошади у меня и продовольствіе ихъ было казенное, то все сіе вмѣстѣ съ довольнымъ жалованьемъ, доходами, получаемыми съ небольшихъ моихъ деревеньшекъ, и процентами, получаемыми съ малаго моего и въ Кіясовкѣ еще основаннаго капитальца, часъ-отъ-часу и увеличивало понемногу мой достатокъ и дозволяло мнѣ содержать себя часъ-отъ-часу лучше и жизнь свою вести свободнѣе. Къ тому-жъ и не было до сего и дальнихъ поводовъ къ излишнимъ расходамъ: по удаленности Богородицка отъ сосѣдственныхъ дворянскихъ домовъ, не могъ я имѣть обширнаго и такого знакомства, которое бы сопряжено было съ частыми и многими выѣздами и взаимными угощеніями къ себѣ пріѣзжающихъ. Все мое тогда знакомство ограничивалось почти только двумя домами, господина Толбузина и г. Киреева, но и тѣ жили въ такой отъ насъ отдаленности, что нельзя было часто переѣзжаться и съ ними. А то же нѣкоторымъ образомъ можно было сказать и о домѣ гг. Верещагиныхъ, живущихъ въ Бобрикахъ. Нельзя сказать, чтобъ мы и съ ними видались очень часто, къ чему наиболѣе поводъ подавало то, что характеры сестеръ г. Верещагина, несмотря на все ихъ наружное благопріятство къ намъ, были какъ-то несогласны съ характерами моихъ семьянинокъ, а потому дальней охоты и не было къ нимъ часто ѣздить. Что-жъ касается до внутреннихъ нашихъ

по городу знакомцевъ, то свиданія съ ними и обхожденіе не доставляли намъ ни малѣйшихъ лишнихъ расходовъ. Всѣ они ограничивались только лекаремъ, господами Полунинымъ и архитекторскимъ помощникомъ Волковымъ, и съ людьми сими можно было по-просту и безъ дальнихъ околичностей обходиться.

Что касается до дѣлъ и упражненій моихъ, то дѣла по волости и по должности моей оказались далеко не столь многочисленны и для меня отяготительны, какъ я воображалъ себѣ сначала. А не успѣлъ я войтить въ опыя и основать во всемъ порядокъ, такъ они сдѣлались для меня такъ легки, что я ихъ почти не чувствовалъ, и такъ малочисленны, что большую часть времени своего могъ я употреблять на собственныя свои занятія и упражненія, и по всѣмъ симъ отношеніямъ должность моя была самая легкая и тѣмъ для меня пріятнѣйшая, что я могъ, отправляя оную, заниматься и литературными и другими любопытными и пріятными для меня занятіями, почему самому и могъ я ими сколько хотѣлъ заниматься, а сіе и было для меня всего пріятнѣе.

Въ семъ положеніи находился я при концѣ сего года, но въ наступающій, по всему видимому, надлежало во всемъ произойтить многимъ перемѣнамъ, поелику прежняя моя, почти уединенная жизнь должна была кончиться и я, по случаю будущаго жительства въ семъ городѣ многихъ дворянскихъ фамилій, имѣть съ ними частѣйшее свиданіе и тѣснѣйшее обращеніе, въ ожиданіи чего и кончили мы теченіе сего года.

А вмѣстѣ съ тѣмъ окончу я и сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ... и прочая.

(Ноября 4-го дня 1809 года).

1778 годъ.

Письмо 193-е.

Любезный пріятель! Ну!... теперь начну я описывать вамъ наидостопамятнѣйшій и веселѣйшій для меня періодъ моей жизни. Оной начался съ самаго наступленія 1778 года и продолжался многіе годы, и едва не цѣлыхъ 16 или даже 18 лѣтъ сряду. Правда, было сіе время хотя не все для меня хорошо и пріятно, но по временамъ веселая жизнь моя нарушаема была нерѣдко мрачными днями, наполненными многими огорченіями, смущеніями и досадами, но вообще можно назвать весь сей долговременный періодъ моей жизни наилучшимъ, веселѣйшимъ, выгоднѣйшимъ, пріятнѣйшимъ, благополучнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ во всей моей жизни. Сдѣлался онъ таковымъ противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, и я, начиная провождать сей годъ, нимало не воображалъ себѣ, чтобъ онъ былъ такъ веселъ и наполненъ толь многими пріятностьми, какими мы въ теченіе онаго пользовались, но ожидалъ себѣ инако какъ многихъ хлопотъ, досадъ и огорченій по случаю сожительства и обращенія съ людьми столь многими, мнѣ незнакомыми и характеровъ разныхъ, и не надѣялся нимало, чтобъ можно было мнѣ ужиться со всѣми ими въ мирѣ и согласіи, а думалъ, что неминуемо произойдутъ между нами ссоры и всякія сплетни и дрязги. Но произошло совсѣмъ тому противное, и благодѣтельной судьбѣ угодно было свести меня и заставить вмѣстѣ жить съ людьми хотя различныхъ характеровъ, но съ такими, съ которыми могъ я ужиться безъ всякихъ ссоръ и вражды, или съ которыми удалось мнѣ, противъ всякаго ожиданія, сладить и всѣхъ ихъ сдѣлать для себя не только друзьями и пріятелями, но побудить и самихъ жить и между собою въ примѣрномъ, похвальномъ и такомъ согласіи, что всѣмъ тѣмъ мы даже прославились и многіе житью нашему даже завидовали и превозносили оное похвалами.

Таковое хорошее и веселое житье было въ особливости въ первыя 3 или 6 лѣтъ по открытіи намѣстничества и было намъ столь пріятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно. И я признаюсь, что и понынѣ не могу сего времени приводить себѣ на память безъ нѣкоего особеннаго

удовольствія и сладкаго душевнаго ощущанія. Но я заговорился уже слишкомъ о сихъ общественностяхъ и мнѣ пора уже приступить къ повѣствованію подробнѣйшему о произшествіяхъ, бывшихъ въ теченіе сего перваго года.

Не успѣлъ начаться сей годъ, какъ и начались у насъ уже нѣкоторыя забавы и увеселенія. И самой первой день онаго, въ ожиданіи пріѣзда выбранныхъ судей и опредѣленнаго городничаго, провели мы уже весело, потому что были не одни. У насъ была въ сіе время госпожа Кологривова, пріѣхавшая къ намъ съ дѣтьми своими нарочно изъ Тулы въ гости для доказательства своей къ намъ любви и дружбы. И мы, начавъ вмѣстѣ съ нею сей годъ, провели сей день очень весело, ибо, желая ее колико можно лучше угостить, завели въ сей вечеръ разныя святочныя игры и забавы; а въ послѣдующій за симъ день подъѣхали къ намъ изъ Бобрикъ и госпожи Верещагины, и народа прибавилось больше. Сіе подало поводъ къ множайшимъ еще святочнымъ увеселеніямъ, и мы провели и сей день очень весело, и госпожѣ Кологривовой было у насъ такъ пріятно, что она не прежде какъ уже послѣ ужина и въ ночь поѣхала отъ насъ обратно въ Тулу, а на мѣсто ея подъѣхалъ къ намъ на третій день г. Толбузинъ съ семействомъ. Итакъ, всѣ сіи первые дни сего года были мы безпрерывно съ людьми и провели оные весело.

Наконецъ въ сей третій день пріѣхалъ уже въ нашъ городъ и городничій со всѣмъ своимъ домомъ и семействомъ и остановился на первой случай у Кобякова, одного изъ старинныхъ богородицкихъ и тогда ничего незначущихъ купцовъ, въ пакостномъ его домишкѣ на квартиру. Какъ сіе случилось утромъ, то не успѣлъ я о томъ узнать, какъ тотчасъ, хотя не по долгу, а изъ одной вѣжливости, къ нему поѣхалъ, чтобъ съ нимъ вновь обрекомендоваться и спознакомиться со всѣмъ его семействомъ. Состояло оно изъ его жены, Анны Ивановны, и трехъ дѣтей, двухъ сыновей и одной дочери. Сія была дѣвушка уже на возрастѣ, равно какъ и старшій сынъ его, мальчикъ уже изрядной, а другой былъ еще маленькой. Всѣ они показались мнѣ людьми изрядными и такими, съ которыми обходиться было уже можно; почему, обласкавшись съ ними, изъявлялъ я сожалѣніе мое о томъ, что квартира у него такъ дурна и для нихъ безпокойна, и предлагалъ ему, чтобъ онъ поискалъ для себя между купеческими дворами получше, а буде нигдѣ не найдетъ, такъ не покажется-ли ему какой домъ изъ моихъ канцелярскихъ служителей, такъ бы я могъ пособить его нуждѣ и на время ассигновать ему и оной. Предложеніе таковое натурально было ему, а особливо женѣ его, пріятно, и я онымъ его равно какъ озадатчилъ къ себѣ въ дружбу. Послѣ сего возилъ его показывать ему приготовленной подъ присутственныя мѣста флигель дворцовой, и тамъ, выводивъ его по всѣмъ комнатамъ, пригласилъ его и со всѣмъ его семействомъ къ себѣ обѣдать; и какъ онъ на то согласился, то за женою и дѣтьми его тотчасъ послалъ я своихъ лошадей и повозку. Она не отреклась также къ намъ пріѣхать, и какъ мы старались всячески ихъ угостить, то были они ласкою нашею довольны и съ сего дня началась у насъ съ ними дружба и знакомство. Мы не отпустили ихъ отъ себя во весь сей день; а какъ кстати подъѣхалъ къ намъ передъ вечеромъ и оставшійся у насъ ночевать помянутой г. Толбузинъ съ своимъ семействомъ, то сей случай познакомилъ его и съ нимъ, и мы всѣ вмѣстѣ и сей святочной вечеръ провели безъ скуки и довольно весело.

На другой день послѣ сего, не успѣли мы послѣ обѣда проводить отъ себя г. Толбузина, какъ пріѣхалъ къ намъ одинъ уже изъ судей, пріѣхавшихъ въ этотъ день въ городъ. Былъ то одинъ изъ богородицкихъ дворянъ, изъ фамиліи Арсеньевыхъ, и назывался Николаемъ Сергѣевичемъ. Сей человѣкъ былъ до того времени мнѣ хотя совсѣмъ незнакомъ, но мы съ первой уже минуты сви-

данія и знакомства нашего такъ другъ друга полюбили, что сдѣлались друзьями, и котораго ласкою, почтеніемъ и уваженіемъ къ себѣ я во все послѣдующее время отмѣнно былъ доволенъ, и съ которымъ дружба продолжается и понынѣ. Онъ выбранъ былъ тогда засѣдателемъ въ нижній земскій судъ и пріѣхалъ ко мнѣ, чтобъ со мною обрекомендоваться и познакомиться, а притомъ счеться и родствомъ, хотя весьма дальнимъ, по которому и называлъ онъ меня всегда своимъ «дядюшкою». Но какъ бы то ни было, но мы постарались и его всячески у себя угостить и ласками своими къ пріязни озадатчить.

Между тѣмъ какъ мы съ нимъ въ разныхъ разговорахъ провождали вечеръ, подъѣхалъ къ намъ опять и городничій, съ убѣдительною просьбою о томъ, чтобъ я дозволилъ у себя, какъ въ лучшемъ во всемъ селеніи домѣ, квартировать губернатору, которому на тѣхъ дняхъ долженствовало пріѣхать къ намъ для открытія всѣхъ судебныхъ мѣстъ. Для меня сіе было хотя нѣсколько и отяготительно, но какъ сей случай могъ меня съ губернаторомъ познакомить короче, то и не противился я нимало, но съ охотою изъявилъ ему на то свое согласіе.

Весь послѣдующій за симъ день, случившійся въ навечеріи Крещенья, былъ я чтой-то такъ нездоровъ, что принужденъ былъ принимать лекарство. Произошло сіе оттого, что я, осматривая всякой день недавно отдѣланныя и тогда только-что высушиваемыя комнаты во флигелѣ зáмка, или дворца, отъ чада и штукатурнаго испаренія сильно поугорѣлъ. Но болѣзнь сія не имѣла никакихъ дальнихъ послѣдствій и не воспрепятствовала мнѣ принять у себя заходившаго опять ко мнѣ городничаго, занимавшагося въ этотъ день осматриваніемъ всѣхъ квартиръ въ городкѣ нашемъ и назначиваніи оныхъ подъ ожидаемыхъ съ часу на часъ судей изъ ихъ жительствъ и долженствующихъ къ пріѣзду губернатора съѣхаться и собраться. Ввечеру же сего дня присылалъ онъ къ намъ жену свою съ препокорнѣйшею просьбою, чтобъ мы дозволили переѣхать имъ на время въ домъ къ одному изъ канцеляристовъ моихъ, Щедилову, которой былъ лучшій изъ всѣхъ прочихъ. Мнѣ хотя и не весьма хотѣлось обременить симъ сего моего лучшаго письмоводителя, но желая тѣмъ услужить городничему, послалъ тотчасъ за хозяиномъ, и какъ онъ, по убѣжденію моему, на то согласился, то и дозволилъ я имъ занять подъ себя сію квартиру, гдѣ онъ однако не долго стоялъ; ибо я, желая освободить сего старика отъ сего бремени, велѣлъ для городничаго опростать, очистить и прибрать одну изъ казенныхъ деревянныхъ связей, построенныхъ для житья нашимъ волостнымъ солдатамъ и мастеровымъ людямъ, въ которую онъ послѣ и переѣхалъ и былъ сею квартирою еще довольнѣй прежней.

Наконецъ кончились наши святки и насталъ день Богоявленія Господня, въ которой всѣ мы были въ церкви на островку у обѣдни и потомъ на водѣ. Намъ восхотѣлось въ сей день сдѣлать у себя небольшую пирушку, почему и пригласилъ я всѣхъ къ себѣ обѣдать, отчего они натурально и не отказались. Итакъ, обѣдали у меня въ сей день городничій со всѣмъ своимъ семействомъ, помянутой г. Арсеньевъ и еще одинъ изъ пріѣхавшихъ судей, Сергѣй Ильичъ Шушеринъ. Съ симъ добрымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ мы также въ первую минуту нашего знакомства такъ сдружились и такъ другъ друга полюбили, что съ того времени сдѣлались навсегда добрыми и искренними друзьями, и я пріязнію и ласкою его самого и всего его семейства былъ очень доволенъ. Кромѣ сихъ, обѣдалъ у меня въ сей день и нашъ лекарь; итакъ, народа набралось-таки довольно, и это былъ первой маленькой пиръ, данной мною моимъ будущимъ сотоварищамъ въ жизни.

Едва только окончились наши праздники, какъ въ послѣдующій за симъ день и сталъ наполняться весь нашъ городъ съѣзжавшимися со всѣхъ сторонъ судьями и опредѣленными въ суды прочими канце-

лярскими служителями и чиновниками. Какъ я игралъ тогда во всемъ Богородицкѣ первую ролю и домъ мой былъ знаменитѣйшій, и до всѣхъ судей тотчасъ доходилъ слухъ о моемъ ласковомъ со всѣми обращеніи и благосклонномъ всѣхъ пріемѣ, то всѣ они за первой себѣ долгъ почитали пріѣзжать ко мнѣ для изъявленія ко мнѣ своего уваженія и рекомендованія себя въ мою благосклонность и дружбу. Признаюсь, что такое отъ всѣхъ уваженіе было мнѣ весьма непротивно и натурально побуждало меня соотвѣтствовать имъ взаимно своими ласками и контравизитами. Всѣхъ тѣхъ, которые изъ нихъ были у меня предъ обѣдомъ, не отпускалъ я отъ себя, не угостивъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А какъ къ вечеру собрались они всѣ ко мнѣ, а подъѣхалъ къ намъ и двоюродной братъ жены моей, Евграфъ Александровичъ, съ женою, и народа набралось множество, то сіе и подало поводъ къ первой у меня тогда вечеринкѣ. Я старался занять ихъ всѣхъ разными играми, а чтобъ было веселѣе, заставилъ своего Давыдовича бряцать на гусляхъ выученныя имъ отъ меня нѣкоторыя штучки, аккомпанируя ему самъ сколько умѣлъ на своей скрипкѣ. Симъ возбудилъ я въ дѣтяхъ своихъ и городничаго, бывшихъ также у меня, охоту къ танцованію, и они попрыгали у насъ какъ умѣли, а имъ иногда дѣлали и изъ насъ тѣ, кои были помоложе и повеселѣе, сотоварищество; и какъ все обращеніе между собою постарался я дѣлать свободнымъ, непринужденнымъ, простымъ, безъ всякихъ чиновъ и церемоніаловъ, а прямо дружескимъ, то симъ и далъ я почувствовать всю пріятность такого невиннаго дружескаго времяпрепровожденія, и мы съ особымъ удовольствіемъ провели весь вечеръ и сдѣлались уже всѣ добрыми пріятелями, и родственнику моему, г. Каверину, сіе такъ полюбилось, что онъ пробылъ у насъ и весь послѣдующій за симъ день.

Съ сего дня начали мы со дня на день ожидать пріѣзда къ себѣ губернатора; но пріѣздъ его какъ-то позамедлился, и мы цѣлыхъ пять дней его тщетно ожидали. И какъ всѣмъ съѣхавшимся господамъ судьямъ и другимъ чиновникамъ въ сіе время дѣлать еще было нечего, то и провели они оное въ безпрерывныхъ другъ друга на квартирахъ своихъ посѣщеніяхъ и угощеніяхъ другъ друга на походную руку; ибо надобно сказать, что они съѣхались тогда всѣ еще налегкѣ, безъ своихъ семействъ, и на первой случай расположились кой-гдѣ по квартирамъ; и какъ никто изъ нихъ не имѣлъ еще порядочной и не обострожился, то все сіе и побуждало ихъ наиболѣе уклоняться ко мнѣ, и тѣмъ паче, что я и самъ ихъ приглашалъ къ частѣйшему посѣщенію меня отъ скуки. Итакъ, не проходило дня, въ которой-бы многіе изъ нихъ у меня не перебывали; а по вечерамъ было всѣмъ имъ почти ежедневное общее сборище у меня въ домѣ, и всѣ тутъ, сдѣлавшись другъ съ другомъ знакомѣе, препровождали мы все вечернее время въ смѣхахъ, издѣвкахъ, въ разныхъ простыхъ увеселительныхъ карточныхъ и другихъ играхъ и прямо въ дружескомъ, простомъ и пріятномъ препровожденіи времени. Я переучилъ ихъ играть въ свой любимой реверсисъ и тароки, а они затѣяли разныя свои игры, и всякой занимался тѣмъ, что кому было угоднѣе; а ни одинъ разъ, завеселившись, не отпускалъ я ихъ всѣхъ отъ себя и безъ ужина; что все еще болѣе всѣхъ ихъ ко мнѣ прилѣпляло.

Но теперь время пересказать мнѣ вамъ, кто таковы всѣ судьи сіи и тогдашніе мои ежедневные гости именно были. Я начну съ нашего предводителя. Сей былъ одинъ изъ зажиточнѣйшихъ богородицкихъ дворянъ изъ фамиліи господъ Сухотиныхъ, человѣкъ не слишкомъ знаменитый, но доброй, простой и прямо на нашу руку. За нимъ слѣдовалъ уѣздной судья, господинъ Албычевъ, по имени Алексѣй Андреяновичъ, человѣкъ степенной, почтенной и всѣмъ обращеніемъ своимъ прелюбезной. Засѣдателями и сотоварищами ему въ уѣздной судъ избраны были: нѣкто господинъ Арсеньевъ, Андрей Сергѣевичъ и помянутой господинъ

Шушеринъ, Сергѣй Ильичъ. Въ исправники назначенъ былъ нѣкто господинъ Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, а засѣдателями къ нему: меньшой братъ уѣзднаго суда засѣдателя, помянутой выше сего, г. Арсеньевъ, Николай Сергѣевичъ, а другой нѣкто господинъ Басовъ, человѣкъ незначущій и маловажной. Кромѣ сихъ были отъ короны опредѣленные: помянутой городничій Антонъ Никитичъ Сухотинъ, казначеемъ—нѣкто господинъ Плотниковъ, а стряпчимъ—одинъ изъ богородицкихъ сосѣднихъ дворянъ Александръ Андреевичъ Хомяковъ, человѣкъ молодой и зажиточной, но съ умомъ нѣсколько поразстроеннымъ. Кромѣ сихъ, былъ тогда еще изъ пріѣзжихъ дворянъ майоръ Остановъ.

Вотъ изъ сколь многихъ особъ состояло все тогдашнее наше общество. Всѣ они были характеровъ разныхъ, но кои опишу я вамъ послѣ, когда порядокъ доведетъ меня разсказывать о ихъ семействахъ; а теперь только скажу, что многіе изъ нихъ были люди очень еще не старые и нѣкоторые въ особливости веселаго нрава. Таковымъ въ особливости изъ всѣхъ отличался нашъ исправникъ г. Пушкинъ, человѣкъ еще молодой и въ особливости склонной къ шуткамъ и дружескимъ безобиднымъ издѣвкамъ и труненію надъ другими; а сіе и оживляло все наше сословіе и дѣлало обращеніе наше другъ съ другомъ пріятнѣйшимъ и веселѣйшимъ.

Наконецъ, 12 числа, по тщетномъ пятидневномъ ожиданіи губернатора, перетревожены мы были пріѣздомъ къ намъ его канцеляріи съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за нею скоро хотѣлъ и онъ пріѣхать. Всѣ тогда въ одинъ мигъ сбѣжались и съѣхались ко мнѣ, какъ въ квартиру губернаторскую, да и я своимъ домашнимъ велѣлъ поперебраться съ излишнимъ изъ своей гостинной въ боковыя и заднія комнаты и опростать залъ и гостинную для губернатора. И съ сего времени начали мы пріѣзда его ожидать ежечасно, будучи всѣ въ совокупленіи. Но прошелъ день и прошелъ весь вечеръ, и губернатора не было и всѣ принуждены были, поужинавъ у меня, разъѣхаться по квартирамъ.

Какъ всѣ не сумнѣвались и за вѣрное полагали, что не пріѣхавши въ этотъ день непремѣнно прибудетъ онъ въ последующій за симъ, и по всей вѣроятности ввечеру, то собрались опять ко мнѣ всѣ сіи господа до единаго, и дабы не скучно было провождать время въ мучительномъ ожиданіи, не долго думая, разставили ломберные столы и принялись за прежнія свои веселыя игры и дружескія занятія. Начались опять разныя шутки и издѣвки, смѣхи и хохотанья, и гулъ отъ того раздавался по всѣмъ комнатамъ. Посреди самыхъ сихъ дружескихъ забавъ, и какъ теперь помню, въ самое то время, когда мы, играя съ предводителемъ, городничимъ и Пушкинымъ въ реверсисъ до слезъ почти хохотали надъ ежеминутнымъ забываніемъ нужныхъ въ сей игрѣ предосторожностей нашимъ простодушнымъ предводителемъ, которому за проступки сіи то и дѣло доводилось ставить беты и платить положенные штрафы, перетревожены мы были впрахъ вбѣжавшимъ къ намъ вѣстовымъ съ увѣдомленіемъ, что губернаторъ ѣдетъ, и въѣзжаетъ уже въ городъ. Боже мой! какая сдѣлалась тогда у насъ всеобщая сумятица и тревога! Городничій, безъ памяти вскочивъ, бросилъ карты и все, побѣжалъ безъ души садиться скорѣе въ стоящія передъ крыльцомъ въ готовности свои сани и поскакалъ для встрѣтенія губернатора. Мы всѣ также повскакали съ своихъ мѣстъ, побросали карты и кричали слугамъ, чтобы скорѣе прибирали столы и устанавливали все къ мѣсту и освѣщали залъ и лакейскую и для скорѣйшаго приведенія всего въ порядокъ помогали имъ въ томъ и сами. Другіе бросились отыскивать свои шпаги и шляпы, и всѣ вообще стали оправляться и хорохориться, готовясь для встрѣчи губернатора, которой всѣмъ намъ былъ еще незнакомъ и натурально, какъ начальникъ губерніи, особеннаго уваженія, а особливо тогда, былъ достоинъ.

Но что-жъ воспослѣдовало? проходитъ

нѣсколько минутъ—губернатора нашего нѣтъ; проходитъ еще столько-жъ,—о губернаторѣ нѣтъ ни слуху, ни послушанія. Проходитъ еще съ четверть часа—ни губернаторъ и ни городничій не показываются. «Что за диковинка! думаемъ и говоримъ мы между собою: развѣ еще не доѣхалъ или зачѣмъ-нибудь остановился?» Но вдругъ наконецъ зашумѣли вдали сани.—«Губернаторъ! губернаторъ!» закричали мы и бросились всѣ въ лакейскую, чтобъ иттить встрѣчать его на большое мое каменное крыльцо. Но едва только хотѣли растворять въ сѣни двери, какъ на встрѣчу къ намъ городничій въ своей шубѣ и шляпѣ, весь съ головы до ногъ занесенный клочьями снѣга и власно какъ напудренной, и очень отъ стужи покраснѣвшій. «Что, братецъ? закричали мы всѣ въ одинъ голосъ: гдѣ губернаторъ?»—«Какой вамъ губернаторъ! смѣючись отвѣчалъ онъ намъ: ежели хотите такъ же одурачиться, какъ я, такъ садитесь въ мои сани и выѣзжайте на улицу». Удивилъ онъ насъ симъ своимъ привѣтствіемъ; а онъ, увидя нетерпѣливость нашу узнать дальнѣйшее, разрѣшилъ сію загадку, говоря намъ, раздѣваясь, слѣдующее: Возможно-ли, что случись теперь со мною! Посмѣйтесь, государи мои, моей глупости. Отъ роду не случалось со мною еще такого случая. Вѣдь дуракъ-то мой вѣстовой всѣхъ насъ обманулъ и по пустому перетревожилъ, а меня только въ прахъ изнобилъ, измочилъ и въ сущіе дураки поставилъ. Покажись этому глупцу и сущему фалалею, что ѣдетъ возокъ губернаторской! Но правду сказать, его нѣсколько и извинить можно: въ такую вьюгу и густую мятель, какая теперь на дворѣ, не мудрено хоть кому ошибиться. На сажень почти ничего впередъ явственно не видно. Я и самъ хорошохонько обманулся. Но постой! я разскажу вамъ все дѣло по порядку. Подхватя его къ себѣ въ сани, ну я скакать вдоль по слободѣ, и въ помышленіяхъ, какъ мнѣ встрѣтить губернатора и что̀ говорить, выѣзжаю совсѣмъ изъ города. Но какъ губернатора не было и въ появѣ, то спрашиваю я этого фалалея, гдѣ-же губернаторъ?—«Вонъ тамъ, вонъ тамъ впереди, говорилъ онъ мнѣ: я его ѣдущаго въ возкѣ видѣлъ».—Но подлинно-ли ты его видѣлъ? спросилъ я.—«Какъ же, судырь, подлинно; и давеча было свѣтлѣе, и теперь только понесла такая густая мятель».—Но гдѣ-жъ онъ, говорю я, остановившись?—«Богъ его знаетъ! развѣ зачѣмъ-нибудь остановился; а видѣть я его подлинно, хоть издали, а видѣлъ».—Хорошо, братъ; такъ постоимъ-же здѣсь на мѣстѣ и подождемъ. И по выходѣ изъ саней и стали мы устремлять свои взоры сквозь несомой вѣтромъ прямо намъ въ глаза прегустѣйшій снѣгъ. Но какъ долго стремленія его выдержать никакъ было не можно, то, завернувъ лицо свое отъ снѣга въ шубу, говорю я ему: «Ну, смотри-жъ пристальнѣй и не прозѣвай, братъ, и скажи мнѣ, какъ скоро увидишь». Не успѣлъ я симъ образомъ, закутавши лицо свое въ шубу, минуты двѣ-три простоять, какъ закричалъ мой вѣстовой: «ѣдетъ, ѣдетъ! судырь! и вотъ возокъ его уже почти передъ нами». Я глядь, и вижу дѣйствительно вблизи уже нѣчто ѣдущее черное и большое, и оробѣвъ какъ баба, безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, ровъ съ себя скорѣй шубу, и какъ въ самый тотъ мигъ то черное и большое поровнялось съ нами, то второпяхъ сочтя это дѣйствительно возкомъ губернаторскимъ, безъ дальняго откладыванія и разсматриванія хвать я съ себя шляпу и отвѣсилъ ему превизкой поклонъ. Но вообразите себѣ, государи мои, что̀ было тогда со мною, какъ вдругъ, приподнявшись и подошедъ ближе, вмѣсто возка и губернатора увидѣлъ передъ собою... что̀-бъ вы думали?... большой возъ сѣна. «Тьфу! какая пропасть!... махнувши обѣими руками, закричалъ захохотавши я, гдѣ былъ у меня умъ и разумъ, и возможно-ли быть такъ слѣпу и такъ глупо обмануться!...»

Не успѣли мы сего услышать, какъ всѣ вдругъ захохотали, и хохотали даже до слезъ сему смѣшному произшествію. Городничій самъ, нимало за то не сердясь, хохоталъ вмѣстѣ съ нами и только-что повторялъ: «что, братцы! былъ истинно

такой грѣхъ со мною, и надобно было на ту бѣду иттить такому густому снѣгу, что и не можно было ничего и въ самой близи разсмотрѣть явственно. Но правду сказать, какъ бы не разсмотрѣть, если бы были осторожнѣе и не такъ обоихъ насъ объяла торопливость. Уже мы съ вѣстовымъ хохотали, хохотали сей общей нашей съ нимъ ошибкѣ».

Насмѣявшись и нахохотавшись до сыта сему смѣшному случаю, сказали мы наконецъ: «Что-жъ, братцы, не опять-ли намъ приниматься за прежнее свое дѣло?...»—Чего долго думать! закричали всѣ. Итакъ, давай опять становить столы, отыскивать карты и продолжать прежнія свои игры въ опыя; но не проходило и десяти минутъ, чтобъ не вспоминалось намъ опять помянутое происшествіе и мы опять, засмѣявшись, начинали у городничаго спрашивать: «Какъ-же, братецъ, Антонъ Никитичъ, ты возу-та сѣна кланялся?»—«Что, братцы! грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! говорилъ онъ: лошадь и о четырехъ ногахъ, и та вспотыкается, а мнѣ, старику, немудрено было съ заслѣпленными снѣгомъ глазами обмануться. Мнѣ пуще всего жаль своего мундира,—всего его измочилъ....»

Болѣе часа проводили мы еще послѣ сего въ играхъ своихъ, смѣхахъ и хохотаньяхъ, но губернатора нашего, котораго велѣли смотрѣть уже не одному, а тремъ, и смотрѣть прилежнѣе, не было еще и въ появѣ. Уже настало время ужинать, уже намъ и ѣсть всѣмъ захотѣлось, но его все еще не было. Итакъ, нехотя мучить домашнихъ своихъ, велѣлъ я накрыть столъ и подавать ѣсть, и ну-ка мы скорѣе и безъ дальнихъ чиновъ и коекакъ ужинать, дабы опростать опять залу. Собрали наконецъ и со стола, и все мое семейство полеглось уже спать, но мы расположились все еще ждать; но какъ и опять прошло нѣсколько часовъ и время перешло уже далеко за полночь, а губернатора все еще не было, то заключая, что конечно онъ и въ этотъ вечеръ къ намъ, и можетъ быть за вьюгою и мятелью, не будетъ, рѣшились всѣ наконецъ разъѣхаться по домамъ и оставили меня одного дома.

Но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ я, раздѣвшись излегка, лечь въ кабинетѣ своемъ спать и всѣ поугомониться, какъ прибѣгаетъ безъ души вѣстовой и разбужаетъ насъ крикомъ, что губернаторъ ѣдетъ, а вслѣдъ за нимъ зашумѣла и повозка его дѣйствительно подъ окномъ у меня въ воротахъ. Я радъ тогда былъ, что не совсѣмъ раздѣлся и что не погасили совсѣмъ огня. Итакъ, вмигъ вздернувъ на себя кафтанъ, успѣлъ я еще губернатора встрѣтить въ сѣняхъ и провелъ его въ свою назначенную для него гостинную комнату.

Какъ губернаторъ обошелся со мною совсѣмъ не гордо, а очень ласково и просто, то просилъ я его извинить насъ всѣхъ, что мы его не встрѣтили всѣ по должности, сказывая ему, что мы къ тому были готовы и уже трое сутокъ его съ часу на часъ въ собраніи здѣсь ожидали, и что всѣ господа судьи съ городничимъ и всю сію ночь пробыли здѣсь и за нѣсколько только минутъ отъ меня поѣхали. И какъ онъ охотно ихъ въ томъ извинялъ, а извинялся еще и самъ, что онъ поуноздалъ своимъ выѣздомъ и что его много и мятель задержала, то спрашивалъ я его, прикажетъ ли онъ изготовить вечерній столъ?—«Ахъ нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! сказалъ онъ, пожалуй, не безпокойся! Я никогда не ужинаю, а чашку-бы чаю охотно теперь выпилъ».

Сей тотчасъ у меня и поспѣлъ, ибо чайникъ съ водою и не сходилъ съ огня; а между тѣмъ, покуда его готовили и подавали и покуда разбуженный также городничій одѣвался, убирался и къ намъ безъ души пріѣхалъ, и губернаторъ, стоючи у печки, отогрѣвался, имѣлъ я случай съ полчаса времени одинъ наединѣ съ нимъ бесѣдовать; и эти полчаса не только насъ другъ съ другомъ познакомили, но даже и сдружили такъ, что онъ по смерть свою былъ ко мнѣ не только очень добръ, но и отмѣнно любилъ меня, а и я его почиталъ и любилъ искренно. Я нашелъ въ немъ человѣка умнаго, ученаго,

свѣдущаго и охотника до наукъ и художествъ, а притомъ весьма любопытнаго, и самого добраго негорделиваго и ласковаго характера; а какъ онъ и во мнѣ, противъ всякаго чаянія своего, нашелъ человѣка почти такого-жъ и во многихъ вещахъ съ нимъ единообразнаго, то не успѣли мы съ нимъ начать говорить, какъ слово за слово и вошли въ такіе разговоры, что намъ обоимъ и перестать почти не хотѣлось, и мы готовы бы были проговорить всю ночь, если-бъ не помѣшалъ намъ прискакавшій безъ души г. городничій, котораго о добромъ характерѣ, равно какъ о добротѣ и прочихъ судей, я уже успѣлъ губернатору съ похвалою разсказать; а потому губернаторъ, будучи уже хорошаго объ ихъ мнѣнія, не только не взыскивалъ съ него того, что онъ его не встрѣтилъ, но желая лучше съ однимъ со мною еще нѣсколько поговорить, тотчасъ его отъ себя отпустилъ, говоря, чтобъ онъ ѣхалъ съ покоемъ себѣ отдыхать, да и прочихъ никого бы не тревожилъ, а явились бы они къ нему поутру. Итакъ, оставшись со мною опять, и покуда внесли и совсѣмъ приготовили для его кровать, проговорилъ онъ со мною еще съ добрую четверть часа и все о вещахъ ученыхъ и любопытныхъ; а наконецъ отпустилъ онъ меня досыпать остальную часть почи и самъ уединился.

Наутріе собрались всѣ наши судьи и чиновники ко мнѣ, прежде нежели онъ всталъ и одѣлся и удивились, что приняты были отъ губернатора не только ласково, но съ отмѣнною благосклонностью, а особливо тѣ, которые были того, по предваренію моему, достойнѣе прочихъ. Они тотчасъ сіе заприметили, и догадываясь, отчего то происходило, невѣдомо какъ меня за то благодарили. Со мною же при всѣхъ обходился онъ не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ давничнымъ своимъ знакомцемъ и пріятелемъ, просто, дружески и откровенно, а сіе заставило господъ судей еще болѣе меня уважать.

Мы провели все утро съ нимъ въ разныхъ любопытныхъ разговорахъ, и онъ не столько говорилъ съ судьями, какъ со мною, и я его пріятнѣйшимъ для него образомъ занялъ показываніемъ ему всего того, что у меня было зрѣнія и любопытства достойнаго. Когда-же все къ открытію присутственныхъ мѣстъ было приготовлено, то пошли мы съ нимъ открывать оныя по обыкновеннымъ обрядамъ, и день сей былъ для Богородицка прямо торжественной и на вѣкъ достопамятной. Случилось сіе въ 14-й день генваря мѣсяца и производилось дѣйствіе сіе при стеченіи множества народа и всѣхъ лучшихъ жителей сего мѣста.

По окончаніи сего торжественнаго дѣйствія, губернаторъ, будучи особеннымъ охотникомъ до строенія, осматривалъ во флигелѣ и всѣ прочія комнаты; и какъ ихъ, за помѣщеніемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, оставалось еще очень много излишнихъ, то и дозволилъ онъ ихъ занять судьямъ для своего пребыванія и жительства, а особливо тѣмъ, которые были семьянистѣе, и разспросивъ о семействахъ ихъ, далъ охотно позволеніе имъ для привоза семействъ своихъ, на нѣсколько дней, хотя не всѣмъ вдругъ, отлучиться, и изъявлялъ удовольствіе свое о томъ, что они имѣть тутъ будутъ квартиры спокойныя и что жить имъ тутъ будетъ не скучно, а особливо, промолвилъ онъ, обратясь ко мнѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ и въ сотовариществѣ съ такимъ любезнымъ человѣкомъ, хозяиномъ сего селенія. Я не преминулъ отвѣсить ему за сей пріятной для меня комплиментъ пренизкой поклонъ, и повелъ его потомъ показывать главной корпусъ дворца, а потомъ въ нашу церковь, гдѣ съ отмѣннымъ удовольствіемъ любовался онъ живописью г. Некрасова и увѣщевалъ его, чтобъ онъ былъ при такихъ дарованіяхъ воздержнѣе отъ его слабости. А изъ церкви пригласилъ я всѣхъ къ себѣ къ приготовленному уже обѣду, которой, натурально, постарался я колико можно сдѣлать лучшимъ. И губернаторъ нашъ всѣмъ тѣмъ, а особливо простымъ и откровеннымъ моимъ обхожденіемъ, былъ очень доволенъ, и ему угощеніе мое и пребываніе у насъ такъ полюбилось, что

онъ съ особливою охотою на приглашеніе мое согласился остаться у насъ на весь тотъ день и вечеръ, и отъѣздъ свой въ Епифань отложить до утрева. Итакъ, мы и достальное время сего дня и весь вечеръ провели съ нимъ и съ лучшими изъ господъ судей вмѣстѣ и въ дружескомъ почти обхожденіи пріятно и очень весело. А все сіе спознакомило и сдружило меня съ нимъ еще больше и онъ поѣхалъ отъ насъ уже на другой день очень рано, разблагодаривъ меня впрахъ за мое угощеніе.

Проводивъ сего знаменитаго гостя и сживъ сію обузу съ рукъ, отдыхали мы весь тотъ день всѣ по своимъ квартирамъ, ибо надобно признаться, что все вышеупомянутое насъ всѣхъ и обезпокоило нѣсколько, и хлопотъ и суетъ было при семъ случаѣ довольно, и по пословицѣ говоря, полонъ ротъ.

Не успѣли мы дней трехъ нѣсколько поотдохнуть и въ сіе время всѣ излишніе изъ пріѣзжихъ господъ поразъѣхаться, какъ явился новой случай ко всеобщему торжеству и празднованію. Получено было извѣстіе о рожденіи нынѣ благополучно царствующаго государя императора, а тогда великаго князя Александра Павловича и велѣно было вездѣ торжествовать сей день и молебствовать о семъ радостномъ произшествіи. Какъ предписаніе о семъ отъ начальства было уже не мнѣ, а городничему и относилось сіе уже до существующаго новаго города Богородицка, то надлежало все торжество сіе производить городничему. Онъ сіе и исполнилъ по силѣ своей и возможности, и по окончаніи молебнаго пѣнія пригласилъ всѣхъ судей и насъ къ себѣ на обѣдъ, и это было еще въ первой разъ, что онъ угощалъ насъ всѣхъ у себя обѣденнымъ и вечернимъ столомъ и бывшею у него вечеринкою. Городъ же, или паче, все село наше было въ сей вечеръ иллюминовано, и не только вездѣ въ домахъ и на окнахъ горѣли свѣчи, но и на улицахъ въ безопасныхъ мѣстахъ разставлены и зажжены были смоляныя бочки. А какъ у меня къ сему времени поспѣлъ вновь мною выдуманной иллюминаціонной ящикъ съ раскрашенными разными колерами слюдбами, то для приданія сему торжеству болѣе блеска велѣлъ я его принести, и зажегши въ немъ свѣчи, поставить предъ квартирою городничаго, и чрезъ-то подалъ поводъ ко стеченію всѣхъ почти жителей для смотрѣнія сего невиданнаго еще никогда ими зрѣлища, и мы всѣ провели сей вечеръ также въ разныхъ играхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ.

Происходило сіе 18-го генваря, а въ послѣдующій за симъ день ѣздили всѣ мои семьянинки къ Верещагинымъ въ Бобрики и тамъ ночевали, а я, по случившимся недосугамъ, съ дѣтьми оставался дома и принужденъ былъ угощать пріѣхавшую къ намъ госпожу Абаринову, Арину Васильевну.

По возвращеніи ихъ назадъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ въ Москву и въ сей предпринимаемой путь вмѣстѣ съ женою готовиться. Къ предпріятію сему побуждали меня разныя причины. Во-первыхъ, хотѣлось намъ съ женою и для собственныхъ нашихъ надобностей побывать сею зимою въ Москвѣ; а во-вторыхъ, необходимо надобно было повидаться съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и поелику ему въ сіе лѣто не случилось пріѣзжать къ намъ въ волость по обыкновенію, то донесть ему обо всемъ въ теченіе сего года въ ней происходившемъ и обо всемъ томъ, что мною въ нихъ сдѣлано. Сверхъ того необходимо нужно было мнѣ быть тамъ, при сдѣлкѣ его съ намѣстникомъ, въ разсужденіи обмѣна деревнями.

Итакъ, я всѣ послѣдующіе дни препроводилъ въ сборахъ и окончаніи всѣхъ пріуготовляемыхъ бумагъ для предложенія князю. Наиважнѣйшими изъ сихъ были прежде упомянутые планы, относящіеся до предпринимаемаго обмѣна землями и деревнями. Но сего было еще недовольно; но я, вѣдая, что у князя не было и маленькаго всѣмъ нашимъ волостямъ плана, а были только у насъ большіе межевые, которые по величинѣ и

огромности своей не имѣли ни малѣйшей удобности къ разсматриванію оныхъ, то желая старику-князю сдѣлать особенную услугу, взялъ я на себя трудъ поползать многіе дни сряду по всему большому плану Богородицкой волости и составить изъ ней и Бобриковской совокупно одну маленькую географическую, или паче, топографическую карту, съ показаніемъ на ней и положенія самыхъ тѣхъ монастырскихъ селъ и деревень, кои пріисканы и назначены мною для обмѣна. И хотя дѣло сіе сопряжено было со многими трудами и неудобностями, а особливо при бывшихъ предъ симъ недосугахъ и отвлеченій разныхъ, по случаю которыхъ принужденъ я былъ выгадывать уже для себя одни только утренніе часы и заниматься въ оные симъ дѣломъ, ибо въ прочее время, за разъѣздами и свиданіями съ судьями, и помышлять о томъ было некогда. Однако, при помощи обыкновенной своей дѣятельности успѣлъ я совершить и сіе великое дѣло, и къ отъѣзду своему сію маленькую, но весьма важную и нужную карточку кончить и приготовить, а сверхъ того, сочинить еще особаго рода и прелюбопытную вѣдомость о родившихся и умершихъ въ теченіе минувшаго года въ волостяхъ, которая также стоила мнѣ многихъ трудовъ. Наконецъ, вѣдая давнишнее желаніе князя имѣть и обстоятельное описаніе всѣмъ нашимъ волостямъ, то будучи тогда уже въ состояніи сіе его желаніе выполнить и начавъ оное сочинять уже за нѣсколько до сего времени, старался въ сіи дни и сіе обширное и также мнѣ много трудовъ стоющее описаніе кончить и къ отъѣзду своему переписать набѣло. Словомъ, всѣ дни сіи преисполнены были множествомъ дѣлъ. Однако, несмотря на то, продолжали мы и въ сіи дни свиданія съ тѣми изъ судей нашихъ, которые въ деревни свои еще не отъѣхали, и не одинъ разъ также препровождали вечера вмѣстѣ, при каковыхъ случаяхъ не отпускалъ я ихъ никогда отъ себя безъ ужина, а иногда приглашалъ ихъ также къ себѣ и обѣдать.

Наконецъ, окончивъ всѣ свои дѣла и собравшись въ путь, поручилъ я правленіе волости безъ себя старшему изъ канцелярскихъ своихъ, Варсобину, ибо бобриковскаго управителя, господина Верещагина, на сей разъ не случилось на лицо, а онъ находился въ отпуску и былъ въ сіе время въ Петербургѣ, съ сыномъ княжимъ, князь Сергіемъ Сергѣевичемъ, къ которому какимъ-то образомъ нашелъ онъ случай подбиться въ любовь и довѣренность особую. А учинивъ сіе и оставивъ тещу свою съ дѣтьми въ Богородицкѣ, и отправились мы съ женою въ Москву.

О семъ путешествіи нашемъ и о томъ, что происходило съ нами въ Москвѣ, узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а теперешнее, какъ достигнувшее до своихъ предѣловъ, дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноября 6-го дня 1809 года).

ѢЗДА ВЪ МОСКВУ И ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ.

Письмо 194-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, собравшись совсѣмъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца генваря, отправились мы съ женою въ Москву, съ намѣреніемъ провесть тамъ и масляницу. Жену мою наиболѣе побуждало ѣхать туда со мною то, что въ Москвѣ находились въ сіе время племянницы мои, госпожи Травины, и чрезъ письмы подзывали насъ туда, чтобъ вмѣстѣ съ ними тамъ недѣли двѣ-три пожить, съ ними совокупно всюду и всюду поѣздить и взять въ московскихъ зимнихъ увеселеніяхъ соучастіе; а какъ и по самой моей должности требовали обстоятельствы необходимаго свиданія съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, то случилось сіе и кстати.

О путешествіи своемъ скажу только то, что во время онаго не случилось съ нами ничего особливаго. Мы заѣзжали на са-

мое короткое время въ свою деревню и только-что переночевали, а въ Серпуховѣ кормили мы въ сей разъ лошадей и обѣдали въ домѣ знакомца своего, купца Семена Григорьевича Квасникова. Въ Москву пріѣхали поутру и остановились сперва на короткое время у Серпуховскихъ воротъ, гдѣ московскіе воры вытащили у меня изъ возка и украли книгу, Дергамову физико-теологію, которую и понынѣ еще сожалѣю. Потомъ переѣхали и расположились-было стоять на Пятницкой, въ одномъ пріятельскомъ домѣ. Но племянницы мои не успѣли узнать о пашемъ въ Москву пріѣздѣ, какъ пріѣхавъ къ намъ, уговорили насъ, чтобъ переѣхать къ нимъ и чтобы жить вмѣстѣ съ ними въ нанятомъ и довольно просторномъ домѣ, на что мы охотно и согласились и въ тотъ же еще вечеръ перебрались къ нимъ на Прѣсню, гдѣ сей домъ находился и былъ для всѣхъ насъ довольно помѣстителенъ.

Не успѣли мы разобраться и сколько-нибудь отъ путевыхъ трудовъ отдохнуть, какъ оставивъ жену свою заниматься своими дѣлами съ родственницами и тогдашними хозяйками нашими и разъѣзжать, куда имъ было надобно, спѣшилъ самъ по должности своей видѣться съ своимъ командиромъ. Князь былъ пріѣзду моему очень радъ, принялъ меня очень милостиво, ласково и хорошо, и увидѣвъ все мною сдѣланное, былъ всѣми трудами и стараніями моими чрезвычайно доволенъ, а особливо моими планами, рисунками, чертежами и описаніями, и приказавъ мнѣ какъ можно чаще къ себѣ пріѣзжать, поручилъ мнѣ отыскать домъ нашего намѣстника и побывать у него съ предложеніемъ о начатіи нашего съ нимъ обмѣннаго по деревнямъ дѣла. Сіе я и непреминулъ учинить. Намѣстникъ жилъ тогда въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, и я, отыскавъ оной случайнымъ образомъ, пробрался къ нему съ задняго крыльца прямо въ кабинетъ, и будучи принятъ и отъ него очень благосклонно, приступилъ тотчасъ къ переговорамъ съ нимъ о промѣнѣ деревень, и тотчасъ у насъ съ нимъ и началось сіе важное дѣло, продолжавшееся болѣе трехъ недѣль и кончившееся уже предъ самымъ моимъ изъ Москвы отъѣздомъ. Нѣсколько разъ принужденъ я былъ переѣзжать то отъ князя къ нему, и говорить съ нимъ и г. Веницѣевымъ, бывшимъ тогда еще секретаремъ у него и всѣми его дѣлами управлявшимъ и со мною при семъ случаѣ въ первой еще разъ вскользь познакомившимся, и отъ намѣстника къ князю съ предложеніями разными; а чрезъ нѣсколько дней, чрезъ посредство мое, имѣли они и личное другъ съ другомъ свиданіе и изустные переговоры. Намѣстникъ, каковъ ни былъ пышенъ и въ тогдашнее уже время, однако облегчился и пріѣзжалъ для конференціи сей самъ къ старику моему князю, при которомъ случаѣ имѣлъ я особенное удовольствіе видѣть обоихъ ихъ, меня другъ другу рекомендующихъ и взаимно превозносящихъ меня похвалами, что все еще болѣе увеличило въ намѣстникѣ доброе обо мнѣ мнѣніе и доставило мнѣ множайшую ко мнѣ благосклонность, которая мнѣ современемъ очень пригодилась кстати, какъ о томъ въ свое время упомянется.

Между тѣмъ какъ продолжалось у насъ съ нимъ сіе дѣло, имѣлъ я довольно досужнаго времени къ свиданію и со всѣми моими бывшими тогда въ Москвѣ друзьями, родственниками и знакомцами, и разъѣзжать къ нимъ когда одинъ, когда съ своею женою. Домы господъ Афросимова, Павлова, Хитрова, госпожи Арсеньевой и нѣкоторыхъ другихъ были не одинъ разъ нами посѣщаемы, вездѣ принимали насъ съ удовольствіемъ и угощали всячески. Кромѣ того, при случаѣ быванія у намѣстника спознакомился я вновь со многими нашими тульскими дворянами, какъ-то: съ гг. Игнатьевымъ, Сокоревымъ, Хомяковымъ и нѣкоторыми другими, и съ нѣкоторыми изъ нихъ основать дружество. Племянницы мои, имѣвшія также многихъ у себя знакомыхъ, познакомили и насъ съ ними, изъ которыхъ въ особливости значителенъ былъ домъ господъ Калычовыхъ. И какъ у

всѣхъ ихъ бывали мы нерѣдко, а временемъ пріѣзжали и они къ намъ; изъ публичныхъ же увеселеній, какъ-то театровъ и маскарадовъ, не пропускали мы почти ни одного, а особливо въ продолженіе масляницы, то могу сказать, что находясь почти въ вихрѣ разъѣздовъ и посѣщеній, и не видали какъ прошло трехнедѣльное наше въ сей разъ пребываніе въ Москвѣ, и время сіе было для насъ очень весело и пріятно.

Но ни съ кѣмъ свиданіи мои не были такъ часты и интересны, какъ съ господами Салтыковыми, жившими тогда съ княгинею своею, Бѣлосельскою, въ большомъ ея и огромномъ каменномъ домѣ. Не одинъ, а много разъ бывалъ я у нихъ и провождалъ по нѣскольку часовъ времени въ пріятныхъ съ ними разговорахъ, а особливо съ другомъ моимъ, Александромъ Михайловичемъ, въ дружескихъ и ученыхъ собесѣдованіяхъ. Сей человѣкъ, питая въ сердцѣ своемъ непрерывно и до самой даже рановременной кончины своей нелицемѣрное и истинное ко мнѣ дружество, подарилъ меня тогда, между прочимъ, для частѣйшаго напоминанія о себѣ, хотя сущею бездѣлкою и особаго устроенія жестяною лаковою чернильницею, но которая такъ мнѣ была мила, что я во всю послѣдующую жизнь мою обмочалъ перо мое въ ней и которая и понынѣ еще, хотя уже изветшалая, но стоитъ передо-мною на моемъ пульпетѣ и мнѣ ежедневно сего милаго и любезнаго человѣка и его ко мнѣ дружбу напоминаетъ, хотя въ тридцатилѣтній періодъ времени и гораздо уже состарѣлась.

Кромѣ сего достопамятно было мнѣ, что при сихъ моихъ съ господами Салтыковыми (свиданіяхъ) вздумалось-было имъ изъ любви своей ко мнѣ предлагать мнѣ о перемѣнѣ своего мѣста и о принятіи надъ деревнями княгини Бѣлосельской управительской должности съ большимъ жалованьемъ. Но я не далъ имъ о томъ болѣе одного раза и заикнуться, ибо тогдашнимъ мѣстомъ своимъ и всѣми обстоятельствами своими былъ я такъ доволенъ, что было-бы самою глупостію, если-бъ восхотѣлъ я о самопроизвольномъ оставленіи онаго и подумать, умалчивая о томъ, что предлагаемое управительство казалось и слишкомъ для меня унизительно и безчестно.

Кромѣ сего, и то въ особливости достопамятно, что я въ бытность мою въ сей разъ въ Москвѣ положилъ почти ненарочнымъ образомъ первое основаніе тому великому зданію, которое, противъ всякаго чаянія, въ послѣдующіе за симъ годы воздвигнулось, сдѣлалось славно и для меня по многимъ отношеніямъ выгодно и полезно. Я говорю о своемъ экономическомъ журналѣ, издаваемомъ послѣ мною подъ именемъ «Экономическаго Магазина». Но тогда не имѣлъ я объ немъ еще и помышленія, а то, что называю я первымъ основаніемъ ему, состояло въ предпріятомъ тогда намѣреніи издавать первой мой и ничего еще почти незначущій журналъ подъ именемъ «Сельскаго Жителя», подавшій потомъ поводъ къ произшествію на свѣтъ и «Экономическому Магазину». И вотъ что меня къ тому наиболѣе поострило и первой подало поводъ къ отважному приступленію къ сему необыкновенному до того и сумнительному дѣлу.

Побудило меня къ тому наиболѣе неутушимое желаніе, гнѣздящееся давно въ моемъ сердцѣ, къ сообщенію другимъ и всѣмъ моимъ соотечественникамъ всего того, что мнѣ случилось какъ изъ собственной опытности своей, такъ и изъ иностранныхъ экономическихъ книгъ узнать нужнаго, замѣчанія достойнаго и такого, что могло-бы многимъ послужить и обратиться въ пользу. До сего времени сообщалъ я всѣ таковыя вещи Экономическому нашему Обществу, для напечатанія въ «Трудахъ» ихъ, но какъ тѣмъ желаніе мое далеко не могло удовлетворяться, поелику не было никакой удобности, или паче, возможности и способа къ сообщенію имъ всего великаго множества извѣстныхъ мнѣ вещей, ибо не только надобно было ихъ туда посылать по почтѣ и платить за то много денегъ, и потомъ весьма долгое время дожидаться

напечатанія оныхъ, но всѣхъ ихъ по множеству оныхъ и помѣстить въ «Труды» Общества никакой не было удобности; а сверхъ того, по малому раскупанію сихъ книгъ, не могли свѣдѣнія о томъ доходить до рукъ многихъ, слѣдовательно, въ семъ отношеніи и труды бы мои терялися почти по пустому, умалчивая уже о томъ, что за труды и усердіе свое къ Обществу, кромѣ немногихъ, ничего незначущихъ медалей, ничѣмъ существительнымъ награждаемъ не былъ; то будучи всѣмъ тѣмъ весьма недовольнымъ, давно уже помышлялъ я о томъ, нельзя-ли найтить иной какой и удобнѣйшій путь къ обнародованію всѣхъ узнанныхъ и замѣченныхъ мною вещицъ и къ сдѣланію ихъ всей публикѣ извѣстными. Мысли о семъ имѣлъ я разныя. Сперва думалъ, нельзя-ли, собравъ ихъ вмѣстѣ и составивъ изъ нихъ книгу, издать ихъ подъ своимъ именемъ. Но какъ находился я тогда въ связи съ Экономическимъ Обществомъ, то казалось мнѣ, что сіе будетъ оному очень непріятно и подастъ поводъ къ неудовольствію на меня. А сверхъ того и печатаніе книгъ сопряжено было тогда со многими затрудненіями и неспособностями, какъ то мнѣ изданіе «Дѣтской моей философіи» довольно доказало. И какъ посему сей путь казался мнѣ неудобнымъ, то кружилась давно уже въ головѣ моей мысль, нельзя ли издавать ихъ образомъ бы еженедѣльнаго журнала, расположеннаго точно такимъ образомъ, какимъ располагаются и издаются разные моральные или нравоучительные журналы въ земляхъ чуждыхъ. Но какъ дѣло сіе было бы въ семъ случаѣ новое и до того совсѣмъ не только у насъ, но и въ другихъ земляхъ необыкновенное, то-есть, чтобъ издавать журналъ экономической, не могущій быть далеко столь любопытнымъ и заманчивымъ, какъ иные журналы, то при мысляхъ о семъ всегда встрѣчался со мною вопросъ: достаточно-ли будетъ моихъ силъ и знаній къ тому, чтобъ сдѣлать его столь заманчивымъ и любопытнымъ, чтобъ могъ онъ понравиться странной нашей и малограмотной еще публикѣ и пріобрѣсть отъ ней благоволеніе. И какъ я не смѣлъ почти надѣяться въ семъ случаѣ самъ на себя, то сіе всегда останавливало меня и подавляло во мнѣ мысль сію. А поелику требовалась къ тому великая отвага, то исчезала и вся къ тому охота.

Но въ сей разъ, при неоднократныхъ свиданіяхъ съ знакомцемъ моимъ Ридигеромъ, сдѣлавшимся уже изъ переплетчиковъ университетскимъ книгопродавцемъ, какимъ-то образомъ дошелъ у насъ съ нимъ однажды разговоръ о семъ предметѣ. Предпріимчивой нѣмецъ сей не успѣлъ услышать и узнать расположеніе моихъ о томъ мыслей, какъ ухватился наижарчайшимъ образомъ за меня и не только сталъ одобрять мою затѣю, но и возможнѣйшимъ образомъ меня ободрять и побуждать пуститься на сіе отважное дѣло, и нимало не медля приступить къ произведенію онаго въ дѣйство. А чтобъ удобнѣе меня къ тому преклонить, то предлагалъ мнѣ собственное свое къ тому вспоможеніе и услуги. Онъ брался не только печатать журналъ сей на своемъ иждивеніи и коштѣ, но принять на себя и всѣ хлопоты съ печатаніемъ и издаваніемъ его сопряженныя, а мнѣ предоставлять только труды къ сочиненію матеріи потребныя и пересылать къ нему оныя въ надлежащее время; а дабы мнѣ трудиться надъ нимъ не по пустому, а получать и самому отъ изданія сего пользу, то предлагалъ мнѣ за годичной трудъ 200 рублей награды.

Признаюсь, что всѣмъ симъ, а особливо безсомнѣнною надеждою, что дѣло сіе пойдетъ хорошо и журналъ таковой, по полезности своей, публикѣ полюбится, умѣлъ онъ такъ хорошо меня убаить, что я поколебался въ своихъ сумнительствахъ и рѣшился наконецъ приступить къ сему дѣлу. И тогда тотчасъ начались у насъ съ нимъ совѣщанія о томъ, въ какомъ бы видѣ и формѣ оной издавать и когда-бъ учинить тому начало. Какъ съ начала текущаго года было уже не можно, ибо начался уже тогда февраль мѣсяцъ, то сперва отлагалъ-было я дѣло сіе до наступле-

нія послѣдующаго 1779 года; но нѣмцу моему хотѣлось неотмѣнно, чтобъ приступить къ тому въ скорѣйшемъ времени и тотчасъ по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ. «Что въ томъ нужды, говорилъ онъ, что начнется издаваніе не съ генваря? Можно ему начаться и съ марта или апрѣля и продолжаться опять до того-жъ мѣсяца. Примѣры таковые бывали. А чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Симъ убѣдилъ онъ меня и на сіе его желаніе согласиться, и я истребовалъ себѣ только весь мартъ мѣсяцъ на нужное приготовленіе матеріи на первые листы журнала. Итакъ, положили мы, чтобъ начать издавать его съ наступленіемъ апрѣля мѣсяца. Что касается до образа и формы самого изданія, то согласились и положили мы: 1) чтобъ издавать его въ большую октаву и по одному только листу въ недѣлю; 2) чтобъ издавать его подъ названіемъ «Сельскаго Жителя»; 3) чтобъ наипрачительнѣйшимъ образомъ скрывать мое имя, и ему обо мнѣ ни подъ какимъ видомъ, впредь до позволенія моего, не сказывать; ибо мнѣ хотѣлось неотмѣнно, чтобъ никто не зналъ, кѣмъ журналъ сей будетъ издаваться; 4) чтобъ въ объявленіи объ ономъ пригласить всѣхъ желающихъ о вступленіи со мною въ переписку и чтобъ письмы ко мнѣ подписываемы были какъ кому угодно, прямыми ли именами или выдуманными и не настоящими, и отдаваемы бы были ему, Ридигеру, а присылаемыя изъ другихъ мѣстъ по почтѣ надписывали просто: «Сельскому Жителю»; наконецъ, 5) чтобъ цѣну положить за все годичное изданіе колико можно умѣреннѣйшую и не болѣе 3 руб. 50 копѣекъ, а съ пересылкою въ другія мѣста, по почтѣ, 4 рубля.

Условившись обо всемъ и ударивъ съ нимъ по рукамъ, приступилъ я тотчасъ къ сочиненію объявленія о семъ будущемъ издаваніи моего «Сельскаго Жителя», и тогда употребивъ къ тому одинъ вечеръ, написавъ ему оное для напечатанія, въ свое время вручилъ. Въ семъ объявленіи, объявивъ публикѣ въ подробности о своемъ намѣреніи, пригласилъ я всѣхъ желающихъ ко вступленію со мною въ дѣйствительную переписку и обѣщалъ на всѣ ихъ письмы и вопрошанія въ журналѣ своемъ отвѣтствовать,—и всѣмъ тѣмъ положилъ отважному сему дѣлу первое основаніе.

Наконецъ, препроводивъ всю масляницу въ безпрерывныхъ разъѣздахъ и очень весело и заговѣвшись, распрощались мы съ племянницами и со всѣми нашими друзьями и знакомцами, и получивъ отъ князя нужныя повелѣнія, отправились мы изъ Москвы уже 20 февраля, и имѣвъ чрезъ Оку-рѣку, по случаю бывшей оттепели, весьма опасную переправу, и заѣхавъ опять на часокъ въ свою деревню, проѣхали мы изъ ней въ Калединку для свиданія съ теткою, и ночевавъ у ней, пустились въ свой путь далѣе, и 24 числа возвратились благополучно въ Богородицкъ.

Тутъ нашелъ я уже всѣхъ судей нашихъ, съѣхавшихся со всѣми ихъ семействами и расположившихся уже на настоящихъ квартирахъ; и какъ сей случай есть наиудобнѣйшій къ подробному пересказанію объ нихъ и о ихъ характерахъ, то и учиню сіе единожды навсегда.

Первую и наиглавнѣйшую особу представлялъ собою нашъ городничій. Я упоминалъ уже, что былъ онъ господинъ Сухотинъ и что звали его Антономъ Никитичемъ. Семейство его состояло изъ жены и трехъ дѣтей, двухъ сыновей и дочери; старшаго сына звали Петромъ, дочь Катериною, а младшаго сына Андреемъ. Самъ г. Сухотинъ былъ человѣкъ доброй, шутливой, неглупой, но до безконечности въ дѣлахъ своихъ аккуратной, или паче, мнительной и медлительной. Характеръ его въ семъ отношеніи былъ даже смѣшонъ и нерѣдко заставлялъ насъ дивиться и хохотать. Что касается до жены его, то была она барыня неглупая, но особаго характера и не безъ недостатковъ. Наиглавнѣйшій изъ сихъ состоялъ въ излишнемъ иногда, хотя и сокровенномъ употребленіи вина, отчего нерѣдко разлаживала она и съ мужемъ, да и прочимъ было трудненько съ нею всегда ладить. Словомъ, мужъ ея былъ несрав-

венно добродушнѣе, простѣе, чистосердечнѣе и дружелюбнѣе, нежели она. Особливаго замѣчанія достойно, что была она изъ фамиліи Кушелевыхъ, и самая та, которую за многіе годы до того свататъ за меня сосѣдъ мой, господинъ Ладыженской, и которую пріѣзжалъ я съ нимъ, будучи въ Москвѣ, смотрѣть въ домъ къ ея больному отцу, и она мнѣ такъ не полюбилась, что я въ тотъ же мигъ отъ сего сватовства отрекся, и узнавъ ее въ Богородицкѣ короче, благодарилъ судьбу, что она меня тогда отъ сей невѣсты избавила. Что касается до ихъ дѣтей, то старшія были очень хорошаго характера и воспитаны довольно хорошо, а маленькой и любимѣйшій сынъ былъ еще почти ребенкомъ. Со всѣмъ симъ семействомъ, каково оно ни было, жили мы во все время хотя не въ самой тѣсной дружбѣ, но въ довольномъ согласіи и никогда не доходило у насъ съ ними до размолвки, но какъ жили, такъ и разстались потомъ добрыми пріятелями.

За симъ, знаменитѣйшимъ, лучшимъ и степеннѣйшимъ можно было почесть нашего уѣзднаго судью Алексѣя Андреяновича Албычева. Онъ былъ одинъ изъ довольно зажиточныхъ богородицкихъ дворянъ, имѣлъ настоящій свой домъ неподалеку отъ Корникъ и верстъ болѣе 30-ти отъ Богородицка. Былъ онъ хотя вдовъ, но жили при немъ двѣ его родныя сестры, бывшія тогда обѣ еще дѣвушками, изъ которыхъ старшая, Марья, была уже довольно пожилая, а другая, Татьяна, невышедшая еще изъ невѣстъ. Кромѣ ихъ, имѣлъ онъ еще четырехъ сыновей, изъ которыхъ только двое, Александръ и Василій, были уже изрядные мальчики, а Николай и Сергѣй еще небольшіе. Все сіе семейство состояло изъ людей хорошихъ, кроткихъ, добронравныхъ и любезныхъ характеровъ; съ ними жили мы какъ бы ближніе родные, и мы ласкою ихъ и дружествомъ къ себѣ были чрезвычайно довольны, а особливо я самымъ главнымъ изъ нихъ семейства. Онъ былъ отмѣнно хорошаго характера и весьма добраго сердца и расположенія. Я любилъ и почиталъ его искренно и пользовался и отъ него взаимною любовію и почтеніемъ къ себѣ. Что касается до сестеръ его, то были онѣ барыни болѣе простодушныя, деревенскія, нежели свѣтскія, и обходились съ нами откровенно и дружески. Словомъ, сей домъ былъ для насъ въ особливости любезнымъ.

За симъ слѣдовалъ сосѣдъ его, живущій съ нимъ въ одной деревнѣ и сотоварищъ въ судѣ, уѣзднаго суда старшій засѣдатель, Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ, человѣкъ совсѣмъ уже отмѣннаго характера отъ господина Албычева, и болѣе лукавой, своенравной и высокомѣрной, нежели простодушной. Онъ велъ себя уже не такъ просто, былъ съ душкомъ и въ особливости строгъ къ своимъ людямъ, и имѣлъ также не малое семейство. Оное состояло: изъ его жены, Настасьи Ивановны, боярыни полусвѣтской, изряднаго и тихаго характера; падчерицы, Прасковьи Львовны Писаревой, дѣвушки уже взрослой, умной, свѣтской и довольно изрядной; въ двухъ сыновьяхъ, Васильѣ и Александрѣ, мальчикахъ довольно взрослыхъ, дочери, Марьи, которая всѣхъ ихъ была меньше. Семейство сіе каково ни было, но намъ удалось какъ-то подладить и имъ всѣмъ и заставить себя любить и почитать и уважать, почему и они съ нами, хотя не такъ искренно, какъ Албычевы, но обходились дружелюбно и ласково, такъ что у насъ и съ ними не доходило никогда не только до ссоры, но и до размолвки малѣйшей, и мы были обращеніемъ и ихъ съ нами довольны.

Четвертой домъ былъ господина Шушерина, Сергѣя Ильича, бывшаго вторымъ засѣдателемъ уѣзднаго суда. О семъ молодомъ человѣкѣ я уже имѣлъ случай упоминать прежде, что онъ былъ отмѣнно добраго, простодушнаго, дружелюбнаго и ласковаго характера. Мы во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ жили съ нимъ какъ близкіе родственники и истинные друзья между собою. Онъ любилъ и почиталъ меня, а я не менѣе любилъ

и его искренно, и былъ ласкою и дружествомъ его къ себѣ весьма доволенъ. Что касается до семейства его, то было оно всѣхъ прочихъ меньше и состояло только въ его женѣ, Матренѣ Васильевнѣ и маленькой еще дочери, Аннѣ, ибо тогда не имѣлъ онъ еще толь многихъ дѣтей, какъ нынѣ; и какъ жена его была барынька не модная, а простодушная, то и съ нею можно было нашимъ ладить.

Всѣ сіи три послѣднія фамиліи расположились жить во флигелѣ замка и въ самомъ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Однѣ стѣны и особыя крыльцы раздѣляли ихъ покои, а кухня у всѣхъ была одна. Словомъ, они жили тутъ, какъ въ разныхъ каютахъ на одномъ кораблѣ, но, несмотря на то, жили между собою въ довольномъ согласіи.

Пятой домъ былъ жившаго тутъ же во флигелѣ казначея Плотникова, имѣвшаго также жену и небольшого сына; но какъ сей не долго у насъ въ Богородицкѣ пробылъ, то объ немъ скажу только то, что и онъ во все время пребыванія своего тутъ жилъ съ нами въ дружбѣ и согласіи и былъ человѣчекъ довольно изрядной.

Шестой домъ былъ засѣдателя нижняго земскаго суда, Николая Сергѣевича Арсеньева, того самого, о которомъ я уже упоминалъ прежде, и которой, не знаю, не вѣдаю, почему приплелся къ намъ въ родню и называлъ меня всегда «дядюшкою». Семейство его было также небольшое и состояло только въ женѣ и маленькой дочери. Первую звали Екатериною Сергѣевною, а вторую—Варварою. Всѣ сіи и обходились съ нами какъ родныя, и были нами любимы за ихъ къ себѣ ласку и дружество. Самъ онъ былъ человѣкъ тихой, добродушной, добраго и совсѣмъ отмѣннаго характера отъ его старшаго брата, Андрея Сергѣевича; и какъ жена его была также барыня добрая, ласковая и не изъ самыхъ модныхъ, а болѣе деревенская и къ намъ отмѣнно приверженная и ласковая, то и съ ними жили мы во всегдашней дружбѣ и согласіи. Симъ для жительства опросталъ я одну изъ связей солдатскихъ, стоявшую впустѣ на выѣздѣ изъ села нашего, за рѣчкою Язовкою.

Сіи были знаменитѣйшіе домы и всѣ тѣ люди, съ которыми довелось намъ тогда жить въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ и имѣть почти ежедневно обхожденіе; ибо прочіе, какъ-то: нашъ исправникъ Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, и засѣдатель его, Басовъ, также стряпчій Хомяковъ, не живали никогда въ городѣ постоянно, а были либо въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, либо проживали свое время въ деревняхъ своихъ, и потому сіи почти и не принадлежали къ нашему кругу знакомства и обществу, и мы съ ними жили хотя также въ согласіи и пріязни, но видались рѣдко и тогда только, когда случалось имъ пріѣзжать въ городъ.

Спознакомивъ васъ со всѣми ими, скажу теперь, что по возвращеніи нашемъ изъ Москвы и мы первымъ почли долгомъ побывать у всѣхъ нашихъ судей и съ семействами ихъ познакомиться и съ ними обласкаться. И тогда тотчасъ начала у насъ связываться со всѣми ими дружба и начались частыя свиданія и посѣщенія другъ друга, при которыхъ случаяхъ достопамятенъ былъ учиненной между всѣми нами предварительной заговоръ. Однажды, какъ случилось имъ всѣмъ быть у меня въ собраніи и я любовался всеобщимъ между всѣми ими, несмотря на всю разность нравовъ и характеровъ, согласіемъ и единодушіемъ, то сказалъ имъ:—«Какъ бы славно и хорошо было, государи мои, когда бы мы и впредь всегда жили всѣ между собою такъ ладно и согласно, и обходились такъ дружески, чистосердечно и просто, какъ теперь! Какая бы завистная и славная была тогда наша жизнь и какую бы мы чрезъ то честь себѣ сдѣлали!»—«Такъ! такъ! такъ!» воскликнули всѣ.—«И зачѣмъ-же дѣло стало? подхватилъ господинъ Албычевъ: я, съ моей стороны, готовъ и не сомнѣваюсь нимало и о другихъ въ томъ же». И какъ подтвердили слова его и всѣ, то сказалъ я имъ:—«Когда такъ, государи мои, то-семъ сдѣлаемъ между собою общій и фор-

мальной уговоръ, чтобъ жить намъ всѣмъ между собою согласно, и какъ друзьямъ, не заводить никакихъ между собою ссоръ, свлыкъ и вражды. А какъ въ таковомъ большомъ семействѣ всего легче, по пословицѣ говоря, и горшокъ съ горшкомъ столкнуться можетъ, то-семъ положимъ непремѣннымъ себѣ правиломъ, чтобъ въ случаѣ какихъ-нибудь другъ на друга неудовольствіевъ отнюдь не скрывать ихъ во внутренности сердецъ нашихъ, а тотчасъ и при всѣхъ другъ съ другомъ объясняться и предавать то всему нашему обществу на дружеское разбирательство».—«Прекрасно! прекрасно! закричали всѣ: всѣ, всѣ мы на то согласны».—А когда такъ, подхватилъ я: то-семъ въ подтвержденіе того ударимъ другъ другу по рукамъ.—«Давай, давай!» воскликнули всѣ и тотчасъ тогда началось хлопотанье, и всѣ не только охотно давали другъ другу, руки, но даже въ знакъ дружества перецѣловались.

Меня такъ сія сцена растрогала, что я отъ удовольствія сердечнаго утиралъ даже навернувшіяся на глазахъ слезы, а то же самое примѣтно было и на другихъ многихъ. И что же? Шутка сія обратилась и въ дѣйствительное дѣло, и господствовавшее въ послѣдующее время между всѣми нами ненарушимое согласіе сдѣлалось даже такъ славно и помогло намъ вести столь пріятную жизнь, что намъ даже завидовали и вездѣ превозносили насъ похвалами.

Теперь, возвращаясь къ порядку моей исторіи, скажу, что не успѣли мы съ дороги нѣсколько отдохнуть, какъ посѣщены были нѣсколькими домашними прискорбіями и огорченіями. Первое было то, что лишились мы меньшой своей дочери, Александры, умершей на четвертой день послѣ нашего пріѣзда. Мы нашли ее и при самомъ уже оном истаевающую отъ сухотки, и она, будучи еще самымъ младенцемъ, преселилась тогда въ вѣчность. Произшествіе сіе было, натурально, для всего семейства моего нѣсколько огорчительно; но другое, случившееся почти въ самое то же время, было для меня гораздо чувствительнѣе.

Принесли ко мнѣ однажды съ почты письмо изъ Петербурга, надписанное на имя госпожи Верещагиной, для пересылки онаго въ Бобрики. По рукѣ въ подписи узналъ я тотчасъ, что было оно отъ бобриковскаго управителя, господина Верещагина, находившагося тогда, какъ я уже упоминалъ прежде, съ меньшимъ княжимъ сыномъ въ Петербургѣ. Но что-жъ? Печати у сего письма случилось какъ-то на почтѣ повредиться такъ, что было оно совсѣмъ почти распечатано. Увидѣвъ сіе, не могъ я преодолѣть стремленія любопытства своего, чтобъ, развернувъ, не взглянуть на содержаніе его, и болѣе для того, чтобъ узнать, не пишетъ ли онъ къ роднымъ своимъ о какихъ-нибудь петербургскихъ новостяхъ. Но вообразите себѣ, каково было мое удивленіе, когда нашелъ я въ немъ упоминаніе дѣйствительно объ одной новости, и новости важной и такой, о которой я всего меньше помышлялъ, а что того поразительнѣе было, относящейся до самого меня, собственно! Господинъ Верещагинъ увѣдомлялъ въ онομъ своихъ родныхъ, что находится онъ благополучно, что дѣла его идутъ хорошо, что князь имѣетъ въ своихъ предпріятіяхъ успѣхъ, что съ волостнымъ нашимъ правленіемъ произойдетъ можетъ быть скоро перемѣна, что молодой князь отмѣнно его любитъ, и что удалось ему подбиться къ нему въ милость и довѣренность, и что надѣется онъ, что вскорѣ нижняя спица въ колесницѣ перевернется и будетъ наверху. Сіе было хотя и загадкою, но какъ по прочему содержанію сего письма и отзыву его объ нашемъ домѣ и обо мнѣ не трудно было догадаться, что относилось то собственно до меня, и что онъ ласкаетъ себя надеждою быть на моемъ мѣстѣ; то нельзя изобразить, какъ сильно поразился я такою неожидаемостію, какъ вознегодовалъ мой духъ на его неблагодарность, коварство и злоумышленность, и какъ благодарилъ я судьбу, доставившую мнѣ сіе письмо въ руки и

открывшую мнѣ чрезъ оное не только предстоящую мнѣ нѣкоторую опасность, но и все коварное и дурное сердце сего мною одолженнаго подкомандующаго моего, и побудивше чрезъ то быть впредь о семъ человѣкѣ другихъ мыслей и брать отъ него всѣ возможныя предосторожности. Письмо сіе хранится и понынѣ у меня, ибо я не разсудилъ за благо отправить его по надписи въ Бобрики, дабы не узнали родные его или не могли подумать, что оно мною читано и всѣ ихъ интриги и злоумышленія обнаружились и сдѣлались мнѣ извѣстными.

Признаюсь, что сей случай нарочито порастревожилъ и смутилъ весь мой духъ. Чувствительна мнѣ была крайне неблагодарность сего человѣка и такое возмездіе за всѣ оказыванныя къ нему и ко всему его семейству отъ меня ласки, дружелюбіе и самыя одолженія, и я не могъ надивиться тому, какъ можетъ человѣкъ быть такъ хитръ и лукавъ, и такъ искусно притворяться и дружескою личиною прикрывать злое и коварное свое сердце; ибо надобно сказать, что онъ, по наружному своему обращенію со мною, казался быть сущимъ ангеломъ и приверженнымъ ко мнѣ велицемѣрнымъ дружествомъ.

Но какъ бы то ни было, но я сокрылъ сіе открытіе въ глубинѣ моего сердца и не долго далъ ему себя тревожить и смущать. Мысль, что ничего безъ воли и попущенія Божескаго произойтить не можетъ, и что, по пословицѣ говоря, ежели «Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ», скоро меня успокоила; къ тому-жъ, и надежда на старика-князя и на его ко мнѣ благорасположеніе меня много подкрѣпляла.

Итакъ, успокоившись мыслями и распорядивъ всѣ нужныя дѣла по должности, не сталъ я ни минуты медлить, но приступилъ къ сочиненію и заготовленію первыхъ листовъ своего будущаго журнала. И какъ дѣло сіе было для меня совсѣмъ новое и, по пословицѣ говоря, первую пѣсенку не инако можно было какъ зардѣвшись спѣть, то признаюсь, что было при томъ мнѣ не безъ хлопотъ и не безъ затрудненія. Я долго не соглашался самъ съ собою, какъ бы мнѣ сдѣлать приступъ лучше, также о чемъ писать прежде и какъ расположить сіе изданіе. И какъ главная его цѣль была побудить читателей къ дѣйствительной со мною перепискѣ, то употребилъ я первой листъ на предварительныя объясненія. Во второмъ же листѣ и послѣдующихъ помѣстилъ я нѣсколько выдуманныхъ и будто-бы полученныхъ мною писемъ, дабы тѣмъ самымъ и побудить прочихъ, и предложилъ разнаго рода образцы писемъ. Сею позволительною уловкою надѣялся я, по примѣру иностранныхъ журналовъ, придать и своему болѣе и живности, и занимательности. Но признаюсь, что мнѣ не столько самое сочиненіе, сколько то было затруднительно, что я принужденъ былъ самъ и сочинять, и набѣло переписывать, и, переписывая, все располагать съ наиточнѣйшимъ измѣреніемъ матеріи такъ, чтобъ оная изъ одного листа на другой не переходила, но точно помѣщалась въ листѣ и не было бы ни лишка, ни недостатка. Все это составляло для меня великую коммиссію. Но какъ бы то ни было, но я, при всѣхъ моихъ по другимъ дѣламъ недосугахъ и при всѣхъ отрывкахъ отъ дѣла, для дѣланія посѣщеній новыхъ нашихъ друзей и угащиванія ихъ у себя, а сверхъ того, несмотря на самые разъѣзды въ разныя деревни по гостямъ, къ прежнимъ своимъ знакомымъ, успѣлъ къ 6-му числу марта приготовить матеріи на цѣлыхъ восемь первыхъ листовъ, и оную помянутаго числа по почтѣ въ Москву къ г. Ридигеру отправить.

Не успѣлъ я сіе бремя свалить съ своихъ плечъ, какъ на другой же день послѣ сего повстрѣчалось со мною другое, которымъ долженъ былъ я также обременить себя, и на долгое время. Является ко мнѣ вдругъ одинъ французъ, отправляющій ремесло учительское и предлагаетъ вопросъ, не дозволю-ли я ему учредить въ нашемъ городѣ пансіонъ для обученія благородныхъ дѣтей французскому и нѣмецкому языкамъ и другимъ нау-

камъ, обучаемымъ въ пансіонахъ, какъ-то: исторіи, географіи, математикѣ и такъ далѣе? Предложеніе сіе неожидаемостію своею меня удивило и обрадовало. Мнѣ тотчасъ кинулось въ голову, что сіе было бы не безполезно не только для дѣтей всѣхъ нашихъ судей, которыхъ было у нихъ довольно, но и для собственнаго моего сына, приходившаго уже въ такой возрастъ, что ему можно было всѣмъ онымъ наукамъ, а особливо по понятливости его, учиться. — «Уже не самой-ли Промыслъ Господень,—думалъ я самъ въ себѣ,—печется объ немъ, и къ намъ сего толь нужнаго всѣмъ намъ и такого человѣка прислалъ, какого бы намъ искомъ-искать и не скоро бы отыскать можно было». Итакъ, я говорить и разговаривать съ господиномъ Дюблюе,—ибо такъ онъ прозывался,—и разсматривать изъ разговоровъ о разныхъ матеріяхъ всѣ его знанія и способности; и чѣмъ болѣе я его познавалъ, тѣмъ болѣе увеличивалось удовольствіе мое, по причинѣ, что находилъ въ немъ всѣ нужныя къ обученію дѣтей способности. Пуще всего понравилось мнѣ то, что онъ не только помянутыми обоими языками говорилъ правильно и очень хорошо, но и нашимъ русскимъ языкомъ говорилъ почти какъ русской и могъ даже писать на немъ изрядно. Сіе достоинство въ учителѣ почиталъ я наинужнѣйшимъ и вожделѣннѣйшимъ, ибо для меня казалось всегда то весьма неудобнымъ, когда учитель не умѣетъ по-русски ни одного слова, и я не понималъ, какъ могутъ такіе господа учить дѣтей иностраннымъ языкамъ правильно, скоро и хорошо, будучи не въ состояніи толковать имъ все нужное на ихъ природномъ языкѣ. Кромѣ того было мнѣ и то пріятно, что одаренъ онъ былъ и разными другими свѣдѣніями, былъ человѣкъ тихаго, веселаго и дружелюбнаго характера, и притомъ еще во всемъ любопытной, и умѣющій даже играть на скрипкѣ; а что всего лучше, былъ человѣкъ не молодой, а совершенныхъ лѣтъ, и имѣлъ у себя жену, природную датчанку, и хотѣлъ тутъ жить вмѣстѣ съ нею, слѣдовательно могъ принимать къ себѣ посторонныхъ и такихъ учениковъ, которые могли бы у него жить на его содержаніи. Словомъ, всѣ обстоятельствы были таковы, какихъ мнѣ желать лучше было не можно, а потому прилѣпившись къ его предложеніямъ и не сомнѣваясь, что и господамъ судьямъ нашимъ будетъ то угодно, сталъ я съ нимъ говорить, какимъ бы удобнѣйшимъ образомъ учредить намъ сей пансіонъ и какимъ бы быть съ его стороны условіямъ, и о прочемъ, тому подобномъ. И какъ по счастію случилась у меня еще одна деревянная связь, стоящая тогда праздно и столь просторная, что мнѣ съ великою удобностію можно было помѣстить его въ ней и со всѣми его будущими учениками, и спокойная квартира сія могла быть у него не наемная и ничего нестоющая, а объ ней болѣе былъ и вопросъ, то мы сладили съ нимъ во всемъ очень скоро, ибо онъ всѣмъ обѣщаннымъ вспомоществованіемъ моимъ въ его предпринимаемомъ дѣлѣ былъ весьма доволенъ.

Итакъ, отобравъ отъ него все нужное, пригласилъ я тотчасъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ изъ господъ судей, у которыхъ были дѣти и кои давно желали и собирались отдать ихъ куда-нибудь учиться, и предложилъ имъ свои мысли и намѣренія. Всѣ они душою и сердцемъ были на то согласны и были тѣмъ чрезвычайно довольны; а какъ и имъ всѣмъ г. Дюблюе полюбился, то, не долго думая, на другой же день послѣ того и заключили мы съ нимъ порядочной письменной договоръ, условившись съ нимъ о цѣнахъ и о прочемъ, что было нужно, и тотчасъ его отпустили назадъ въ Тулу, для забранія своей жены и имущества и немедленнаго къ намъ переѣзда.

Случилось сіе 8-го числа марта, которой день и сдѣлался достопамятнымъ основаніемъ нашего богородицкаго пансіона, въ которомъ въ послѣдующее время толь многія дѣти учились и которой въ особливости былъ полезенъ моему сыну и живущему тогда у меня дальнему родственнику тещи моей, г. Сезеневу, маль-

чику отмѣнно понятному и способному къ наукамъ. Я первой отдалъ ихъ обоихъ въ оной и они оба положили въ пансіонѣ семъ первое языкамъ и знаніямъ своимъ основаніе. А не успѣлъ онъ изъ нихъ и изъ дѣтей судейскихъ составиться и воспріять свое начало и дѣйствіе, какъ отыскались тотчасъ и посторонніе дворяне, восхотѣвшіе отдать дѣтей своихъ въ пансіонъ сей для обученія и для самаго жительства въономъ. Къ таковымъ принадлежали дѣти г. барона Соловьева, г. Шишкова, г-жи Бакуниной и нѣкоторыхъ другихъ. Словомъ, не успѣло пройтить нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи его, какъ онъ наполнился учениками и сдѣлался почти славнымъ и довольно хорошимъ. А что всего лучше, то пріобрѣли мы въ семъ учителѣ новаго себѣ компаніона и въ пріятной и веселой нашей жизни сотоварища и соучастника.

Но я заговорился уже и позабылъ, что мнѣ время письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Ноября 16-го дня 1809 года).

ПРІѢЗДЫ КНЯЗЕЙ.

Письмо 195-е.

Любезный пріятель! Едва только прошло нѣсколько дней послѣ основанія нашего пансіона и отданія нашихъ дѣтей для обученія въ оной, какъ и получилъ я уже первое изъ Москвы извѣстіе о напечатанномъ и выданномъ въ свѣтъ объявленіи о будущемъ издаваніи моего еженедѣльника, или «Сельскаго Жителя». Признаюсь, что при первомъ взорѣ на оной и читаніи онаго было сердце мое не на мѣстѣ и я ощущалъ въ себѣ нѣчто особливое и такое, чего никакъ изобразить не могу. Обстоятельство, что я симъ листочкомъ связался, такъ сказать, со всею нашею публикою и чрезъ оной воспріялъ на себя бремя, совсѣмъ мнѣ до того неизвѣстное, и о которомъ еще не зналъ, не слишкомъ ли оно будетъ для меня тягостно, заставливало меня не одну минуту заниматься разными о томъ мыслями, и я не зналъ, радоваться ли мнѣ тому, что исполненію давнишняго моего желанія дѣлалось начало, или жалѣть о томъ, что вошелъ въ сіе дѣло, о которомъ нельзя было еще никакъ предвидѣть, удовольствіе ли оно мнѣ или неудовольствіе доставитъ.

Случилось сіе 16-го марта, а чрезъ день послѣ того, съ обыкновенною воскресною почтою и въ самой день имянинъ жены моей, когда у меня всѣ наши городскіе друзья и знакомцы, по приглашенію моему, обѣдали, получилъ уже я, противъ всякаго чаянія моего и ожиданія, первыя письмы, присланныя ко мнѣ дѣйствительно отъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ мнѣ людей, по поводу изданнаго въ свѣтъ объявленія о моемъ журналѣ. Какъ сіи письмы вмѣстѣ со всѣми прочими, при издаваніи сего журнала мною получаемыми, у меня при случаѣ бывшаго пожара сгорѣли, то мнѣ очень жаль, что не могу ничего въ точности теперь сказать о содержаніи оныхъ. Многіе годы, протекшіе съ того времени, изгладили изъ памяти моей все содержаніе оныхъ, и я помню только то, что сіи первыя были побудительныя и для меня не непріятны. Они доставлены были, по предписанію, въ книжную лавку къ г. Ридигеру, и отъ него ко мнѣ пересланы, и въ нихъ похваляемо было мое предпріятіе, и я ободряемъ былъ въ моемъ предпринимаемомъ подвигѣ. Объ одномъ только и самомъ первомъ увѣдомлялъ меня Ридигеръ, что было оно отъ знакомца его и славнаго тогда замосковнаго эконома, Евграфа Васильевича Татищева, и какъ содержаніе его было для меня лестное, то я радовался, что ничего еще не сдѣлавъ, а однимъ предпріятіемъ своимъ пріобрѣлъ уже благоволеніе отъ такого ученаго и знаменитаго мужа. Итакъ, 18-е число марта ознаменовалось и сдѣлалось достопамятнымъ для меня началомъ той обширной корреспонденціи, которая была хотя сначала и не весьма радостна и пріятна, но впослѣдствіи времени возстановилась у меня со всѣмъ почти нашимъ отечествомъ, и не только

была совсѣмъ особаго рода, но я обратилась и мнѣ и многимъ другимъ въ существительную пользу.

Легко можно заключить, что я письмы сіи получилъ хотя при всѣхъ моихъ гостяхъ, но долженъ былъ отъ всѣхъ отъ нихъ утаить не только содержаніе оныхъ, но и то, отъ кого они получены. Обстоятельство, что я не хотѣлъ быть, какъ издатель будущаго журнала, никому извѣстнымъ, къ тому меня приневоливало. Но по счастію, никто узнать о томъ въ особенности и не любопытствовалъ, и мы продолжали свои обыкновенныя при такихъ случаяхъ увеселенія.

Кромѣ сего дня бывали у меня нерѣдко и въ другіе дни таковыя же въ теченіе тогдашняго великаго поста сборищи, и мы, несмотря на постъ, провождали время свое весело, но не забывали и о прочихъ своихъ дѣлахъ. Судьи занимались по судамъ своими должностьми, а я своими дѣлами, относящимися не столько до правленія волостьми, сколько до собственныхъ моихъ литературныхъ и другихъ любопытныхъ упражненій; и какъ за всѣмъ тѣмъ оставалось у меня еще много свободнаго времени, то восхотѣлось мнѣ употребить кой-когда оное на пользу дѣтей моихъ богородицкихъ друзей и пріятелей. Всѣ они, какъ я уже упомянулъ, учились языкамъ въ нашемъ пансіонѣ, ходивши и ѣздивши въ оной ежедневно, ибо былъ онъ отъ насъ съ полверсты разстояніемъ, на краю слободы городской; но какъ въ послѣобѣденное время по середамъ и по субботамъ ученія у нихъ не было, то самое сіе праздное время и хотѣлось мнѣ обратить имъ въ пользу, и употребить на обученіе ихъ тому, чему они въ пансіонѣ не обучались и не могли быть обучаемы, а именно геометріи, физикѣ и нравоученію, и тѣмъ и имъ произвести существительную пользу, и отцамъ ихъ, съ своей стороны, оказать дружескую и такую услугу, которою они натурально были бы весьма довольны. Итакъ, переговоривши о томъ съ ними, приглашалъ я всѣхъ учащихся въ пансіонѣ дѣтей въ каждую середу и субботу послѣ обѣда къ себѣ, сначала будто бы въ гости, и угощая ихъ кое-чѣмъ, мало-по-малу сталъ пріучать ихъ сперва чертить геометрію, а потомъ, сѣвши кругомъ большого стола, слушать, что я имъ читать и разсказывать стану. Къ таковому чтенію избралъ я опять мою «Дѣтскую философію», которой сочинено было уже у меня много частей, и всѣ дѣти чтеніе и дѣлаемыя мною всѣмъ толкованія и объясненія такъ полюбили, что они всякой разъ съ превеликою охотою ко мнѣ въ помянутые дни прихаживали и пріѣзжали, и все послѣобѣденное время у меня въ слушаніи и въ разговорахъ со мною съ особеннымъ удовольствіемъ провождали; при чемъ достопамятно, что сынъ мой, каковъ ни малъ еще былъ, по дѣлалъ имъ въ томъ компанію, и къ крайнему моему удивленію и удовольствію, не только все понималъ, что̀ слышалъ, но несравненно съ лучшимъ еще успѣхомъ, нежели другіе, и такъ хорошо, что я не могъ тому довольно нарадоваться. Словомъ, онъ все читаемое и разсказываемое мною слушалъ съ такимъ особымъ вниманіемъ, и въ нѣжной его умъ и память все такъ глубоко впечатлѣвалось, что ему по возрастѣ не было нималой нужды учиться физикѣ и нравоученію, но она ему, такъ сказать, сдѣлалась уже отъ самаго младенчества извѣстною.

Нельзя довольно изобразить, какъ сею моею услугою довольны были всѣ отцы и матери дѣтей сихъ и какою благодарностію за то почитали себя ко мнѣ обязанными. Но мое собственное чувствуемое при томъ удовольствіе дороже для меня было всѣхъ ихъ искреннихъ за то благодареній.

Между сими занятіями и не видали мы какъ прошелъ и весь нашъ великой постъ и настала страшная недѣля. Въ сію, по обыкновенію, мы говѣли, и какъ у насъ въ городѣ не было еще ни одной освященной церкви, то пріобщались въ церкви гошпитальной на островку. Завтреню же въ день Пасхи служили уже въ ново-построенной и хотя еще не совсѣмъ отдѣланной большой нашей соборной церкви,

поелику одинъ изъ придѣловъ въ ней былъ совсѣмъ почти готовъ къ освященію, въ которомъ и была у насъ сія служба при стеченіи великаго множества народа.

Наконецъ насталъ апрѣль мѣсяцъ и 7-е число онаго, въ которое по порядку долженствовалъ въ Москвѣ увидѣть свѣтъ первой листокъ моего «Сельскаго Жителя». Дню сему случилось въ сей годъ быть въ самую великую субботу, и г. Ридигеръ такъ усерденъ былъ къ доставленію мнѣ скорѣйшаго удовольствія оной видѣть, что споворилъ отправленіемъ его ко мнѣ по почтѣ такъ, что я имѣлъ удовольствіе получить и читать его въ понедѣльникъ Святой недѣли. Случилось сіе въ самое то время, когда были у насъ въ домѣ съ образами и въ которой день приглашены были на обѣдъ къ намъ всѣ остававшіеся въ городѣ и не разъѣхавшіеся по деревнямъ судьи наши.

Не могу никакъ изобразить того, съ какими чувствіями и удовольствіемъ читалъ я сей первой листъ моего еженедѣльника и какъ много имъ любовался! Хотя и не имѣлъ онъ никакихъ дальнихъ типографическихъ украшеній, но по тогдашнему худому состоянію нашей университетской типографіи напечатанъ былъ просто и самыми простыми литерами, но для меня, какъ сочинителя, казалось все хорошо и все ладно. Но смѣшно было, когда я читалъ его потомъ и вслухъ нѣкоторымъ изъ судей нашихъ, такъ, какъ бы новое и совсѣмъ мнѣ незнакомое сочиненіе, и принужденъ былъ слушать о себѣ самомъ ихъ мнѣнія и сужденія; но, по счастію, были они для меня непредосудительныя, и я радовался духомъ, что листокъ сей имѣлъ счастіе имъ понравиться.

Препроводивъ всю святую недѣлю довольно весело, съ начавшеюся около сего времени весною принялся я за разныя свойственныя сему годовому времени надворныя работы и упражненія. И какъ кромѣ маленькаго моего садика никакихъ другихъ еще не было, то копался я какъ червь въономъ, садилъ и сѣялъ въ немъ все нужное, а особливо привезенныя изъ Москвы сѣмена разныхъ иностранныхъ травъ, для опыта. Потомъ принялся за лѣсокъ, находившійся у насъ подлѣ магазина и бывшій до сего въ крайнемъ небреженіи. Сей, по недостатку садовъ, хотѣлось мнѣ превратить въ увеселительное гульбище, разрубивъ оной въ прошпекты и многія прямыя и перекрестныя косыя аллеи, проводя оныя такъ, чтобъ въ концѣ оныхъ открывалися вдали какіе-нибудь знаменитые предметы, а особливо дворецъ съ его башнею, также соборная наша церковь. Которой лѣсокъ, будучи наитщательнѣйшимъ образомъ съ сего времени сохраняемъ въ цѣлости, въ немногіе годы и разроссялся такъ, что сдѣлался прекраснымъ и такимъ гульбищемъ, въ которое стоило возить гостей и проѣзжихъ, для показу и доставленія имъ удовольствія.

Кромѣ сего, занимался я сію весну дѣланіемъ разныхъ опытовъ глинянымъ мазанкамъ по образцу и манеру иностранныхъ, и сдѣланная мною одна таковая была такъ удачна, что простояла многіе годы безъ дальняго поврежденія и вытерпѣла даже однажды и пожаръ, но не могла отъ него разрушиться, и ее можно было тотчасъ опять исправить. Также дѣлалъ я опыты и мазаночнымъ глинянымъ оградамъ, но сіи были неудачны. А и въ самыхъ комнатахъ, кромѣ обыкновенныхъ моихъ литературныхъ упражненій, нерѣдко занимался я разными рукодѣліями, красками и кое-какимъ пачканьемъ и мараньемъ, а особливо дѣланіемъ фальшивыхъ мраморовъ, которыхъ образчики хранятся у меня и понынѣ.

Въ сихъ многоразличныхъ занятіяхъ, надворныхъ и комнатныхъ, прошелъ нечувствительно весь апрѣль мѣсяцъ, а въ началѣ мая ѣздили мы съ женою за Тулу на свадьбу, Тетка ея, Матрена Васильевна Арцыбышева, выдавала около сего времени старшую свою дочь, Прасковью Андреевну, замужъ за старшаго сына знакомца моего, генерала Ивана Алистарховича Кислинскаго, и нынѣшняго моего друга, Василья Ивановича. По-

елику мы были ближніе невѣстѣ родные, то необходимо надобно намъ было быть на сей свадьбѣ, и мы не полѣнились пріѣхать на оную, несмотря на всю отдаленность. Происходила она въ жилищѣ господина Кислинскаго, въ сельцѣ Федешовѣ, а вѣнчали въ селѣ Архангельскомъ; невѣсту же отпускали изъ дому тетки ея, Крюковой, въ сельцѣ Каменки. Все происходило при томъ хорошо и порядочно и не было ничего такого, чтобъ можно было въ особливости замѣтить, кромѣ того, что невѣста съ женихомъ были кумовья, крестившіе за нѣсколько до того лѣтъ одного рабенка, которое обстоятельство и сдѣлало-было сначала остановку и дѣло дошло до самого архіерея; но какъ отъ онаго дано дозволеніе, то сей случай и доказалъ, что кумовьямъ жениться всегда можно и что между ими нѣтъ ни малѣйшаго духовнаго родства, что и натурально, ибо при всякихъ крестинахъ бываетъ только одна дѣйствующая особа, либо кумъ, либо кума, а не оба кумовья.

Вскорѣ по возвращеніи съ сей свадьбы имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя въ домѣ друга и благодѣтеля моего, Ивана Григорьевича Полонскаго, проѣзжавшаго тогда чрезъ сей городъ за чѣмъ-то въ степные предѣлы. О семъ упоминаю я потому, что въ сей разъ было послѣднее его посѣщеніе меня въ домѣ моемъ, ибо съ сего времени до самой кончины его не случилось уже ему быть никогда у меня въ гостяхъ. Мы провели тогда цѣлые сутки съ симъ любезнымъ человѣкомъ въ разныхъ дружескихъ разговорахъ, и онъ поѣхалъ отъ меня, будучи угощеніемъ моимъ весьма доволенъ.

Другая достопамятность, случившаяся въ теченіе сего мѣсяца, была та, что у старшаго моего канцеляриста Варсобина, отправлявшаго секретарскую должность, и по волостямъ весьма важнаго человѣка, умерла жена страннымъ случаемъ. Была она подвержена той слабости, что пивала часто, и какъ наконецъ тѣмъ и мужу и всѣмъ она наскучила, и терпѣла отъ всѣхъ за постыдной порокъ сей презрѣніе, то догадало ее заставить полечить себя отъ сей мнимой болѣзни какого-то невѣжду-мужика, и сей полечилъ ее такъ неискусно, что она отъ непомѣрной рвоты преселилась въ вѣчность.

Между тѣмъ продолжалось мое дѣло по изданію «Сельскаго Жителя», и я, по поводу онаго, не одинъ, а нѣсколько разъ имѣлъ уже удовольствіе получать отъ корреспондентовъ моихъ письмы. Но удовольствіе сіе сопрягалось иногда и съ чувствительною досадою и огорченіемъ, ибо письма сіи не всѣ были равно для меня пріятны и хороши, но отыскались въ странной и удивительной публикѣ нашей и такіе люди, которые восхотѣли данное мною дозволеніе всѣмъ писать ко мнѣ, что кому угодно, употребить и во зло, и вмѣсто благодарности за мои труды огорчать меня наиглупѣйшею своею критикою и самымъ иногда колкимъ подниманіемъ всего дѣла предпріятія и сочиненія моего насмѣхъ. Не могу изобразить, какъ сіе было мнѣ сначала чувствительно и досадно, и какъ много уменьшало то удовольствіе, которое чувствовалъ я при полученіи писемъ отъ другихъ, благонамѣренныхъ людей, преисполненныхъ ко мнѣ учтивостями и похвалами. Словомъ, скоро дошло до того, что я тысячу разъ раскаявался, что вошелъ въ сіе дѣло и тужилъ о данномъ дозволеніи писать къ себѣ всякому, и что каждую почту встрѣчалъ не съ такимъ удовольствіемъ, какъ сначала, а уже со страхомъ и трепетомъ, чтобъ не получить опять отъ кого-нибудь чего-либо колкаго и язвительнаго. А все сіе и побудило меня при сочиненіи послѣдующихъ листовъ брать уже болѣе предосторожности и не все то говорить, что отъ роду помнилъ, а по строжайшему уже разбору и разсмотрѣнію; а наконецъ, при окончаніи первой половины сего журнала, отъ досады наклепть и самимъ симъ острепамъ и суесловамъ доброй носъ за ихъ глупость и неблагоразуміе, и сказать, что я всѣ такія письмы впредь предавать буду презрѣнію и отвѣтствовать на одни

только получаемыя отъ людей благонамѣренныхъ и не обращающихъ дѣла сего въ шутку. Симъ средствомъ посократилъ я гораздо таковую ихъ дерзость и имѣлъ удовольствіе видѣть, что корреспонденція моя часъ-отъ-часу дѣлалась лучшею и для меня пріятнѣйшею.

Впрочемъ, достопамятно, что въ теченіе всего мая мѣсяца старались мы съ особымъ прилежаніемъ о скорѣйшей отдѣлкѣ главнаго корпуса во дворцѣ и о сдѣланіи его къ житью способнымъ, въ чемъ и имѣли столь хорошій успѣхъ, что мнѣ можно было уже помѣстить въ немъ пріѣзжавшаго къ намъ въ первыхъ числахъ іюня опять губернатора нашего, г. Муромцова. Въ сей разъ пріѣзжалъ онъ наиболѣе для прожектированія плана будущему и настоящему уже городу Богородицку, которой предпринимали они составить изъ взятыхъ отъ насъ обѣихъ слободъ и обращенныхъ изъ крестьянъ въ мѣщане, и расположить уже весь оной за прудомъ, противъ самаго дворца, и перевесть туда и все старинное малочисленное и ничего почти незначущее богородицкое купечество, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ все прежнее селеніе опросталось уже для волости и составлялобы впредь уже волостное село, противъ города лежащее.

Губернаторъ, будучи мнѣ уже знакомъ, обошелся опять со мною не какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ добрымъ пріятелемъ, и нашедъ все въ судахъ въ наилучшемъ порядкѣ, былъ очень доволенъ. Мы старались опять угостить его всячески. Но обѣденнымъ столомъ трактовалъ его уже не я, а судья нашъ, г. Албычевъ, а у меня онъ со всѣми судьями ужиналъ. Когда же дѣло дошло до прожектированія плана городу, то хотя былъ онъ и самъ хорошимъ геометромъ и инженеромъ, но усѣвшись на другой день во дворцѣ за столъ и посадя подлѣ себя меня, сказалъ мнѣ: «Семъ-ка, братецъ, Андрей Тимоѳеевичъ, сообща потрудимся и подумаемъ о томъ, какъ бы намъ получше расположить будущій городъ».—«Очень хорошо», сказалъ я, и сталъ ему преподавать мысли, какія я давно уже имѣлъ по сему предмету. Мысли сіи показались ему такъ хороши и такъ полюбились, что онъ ни съ другого слова, схватя циркуль и карандашъ и вручая мнѣ, сказалъ: «Возьми-ка, другъ сердечной, и садись-ка на моемъ мѣстѣ; вижу я, что ты меня искуснѣе и болѣе къ такимъ дѣламъ имѣешь и способности, и вкуса. Начеркай-ка планъ, какъ тебѣ самому заблагоразсудится». Что мнѣ было тогда дѣлать! Принужденъ я былъ его желаніе исполнить, и въ нѣсколько минутъ дѣйствительно начертилъ самой тотъ планъ, по которому сей городъ впослѣдствіи времени построенъ; ибо прожектъ мой не только полюбился тогда губернатору, но расхваленъ и самимъ намѣстникомъ, а потомъ былъ такъ счастливъ, что удостоился апробованъ и утвержденъ быть и самою императрицею, безъ малѣйшей перемѣны, и она такъ имъ была довольна, что сравнивала его съ сущимъ цвѣтникомъ и повелѣла точно такимъ образомъ городъ расположить и сохранить даже самыя прожектированныя мною названія главнѣйшихъ его улицъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ ко дворцу за прудомъ, которой употребилъ я средоточіемъ всему его расположенію; и мысль моя, чтобъ назвать ихъ по именамъ здравствовавшей тогда императорской фамиліи, и чтобъ самую главную улицу назвать Екатерининскою, а прочія Павловскою, Маріинскою, Александровскою и Константиновскою—была ей въ особливости угодна. Итакъ, что Богородицкъ построенъ и расположенъ такимъ образомъ, каковъ онъ нынѣ, тому случилось быть причиною мнѣ собственно, и я первой подалъ къ тому мысли и планъ сдѣлалъ

Случилось сіе 13-го іюня, а на другой день ѣздили мы съ губернаторомъ въ Бобрики, а оттуда на Иванъ-озеро, которое мѣсто хотѣлось ему видѣть; и сей случай спознакомилъ и сдружилъ меня съ г. Муромцовымъ еще больше, и онъ разстался со мною какъ съ хорошимъ уже пріятелемъ.

Достальное время сего мѣсяца прове-

дено мною отчасти въ прежнихъ моихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, отчасти въ приуготовленіяхъ къ пріѣзду къ намъ старика-князя, моего командира, которой хотѣлъ къ намъ въ сіе лѣто и въ первыхъ числахъ іюля пріѣхать. Къ намъ пріѣзжали около сего времени наши молодые Кислинскіе, вмѣстѣ съ матерью женинховою, Настасьею Гавриловною, и пробыли у насъ нѣсколько времени. Пансіонъ нашъ былъ въ сіе время во всемъ своемъ уже дѣйствіи, и какъ между прочими хотѣлось отдать въ него сына своего и одной епифанской помѣщицѣ, госпожѣ Бакуниной, то сей случай спознакомилъ и сдружилъ насъ и съ сею почтенною и любезною дамою, которой пріязнію и дружествомъ пользовались мы во все послѣдующее потомъ время и которая и понынѣ еще къ намъ благопріятствуетъ.

Впрочемъ, и въ теченіе сего мѣсяца продолжалъ я сочинять листы въ мой «Сельской Житель», и отъ времени до времени пересылать ихъ по почтѣ въ Москву, а взаимно оттуда получать печатные; и по отношенію ихъ достопамятно, что они около сего времени пріобрѣли мнѣ въ Москвѣ еще одного добраго и такого корреспондента, которой отмѣнно мнѣ благопріятствовалъ, меня полюбилъ и даже сдѣлался потомъ моимъ добрымъ знакомцемъ и пріятелемъ. Былъ то нѣкто изъ пожилыхъ людей, называющійся Алексѣемъ Алексѣевичемъ Владыкинымъ и писавшій ко мнѣ сперва подъ именемъ Чистосердцова, а потомъ объявившій мнѣ и настоящее свое и дѣтей своихъ имя. Сей человѣкъ съ особливою ревностію за меня вступался, и одобряя отъ всей души и сердца все мое предпріятіе, не только сообщалъ мнѣ многія извѣстныя ему и нужныя въ домоводствѣ вещицы, но и другихъ поощрялъ къ тому же, а особливо обоихъ своихъ сыновей, находившихся при должностяхъ въ отдаленныхъ низовскихъ провинціяхъ и снабжавшихъ меня многими полезными увѣдомленіями. Кромѣ сихъ, получалъ я письма и отъ другихъ живущихъ въ разныхъ и самыхъ отдаленнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, что число благонамѣренныхъ корреспондентовъ часъ-отъ-часу умножалось; и какъ всѣ они писали дѣло, а не бездѣлье и отзывались о дѣлѣ моемъ съ должною похвалою, то одобреніе ихъ въ состояніи было поддерживать меня въ моихъ трудахъ и уменьшать досаду, чувствуемую отъ глупцовъ, мѣшающихъ сему дѣлу своими умствованіями.

Наконецъ насталъ у насъ іюль мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ воспослѣдовало давно уже ожидаемое прибытіе старика-князя, командира моего, въ волости. Онъ пріѣхалъ, по обыкновенію своему, сперва въ Бобрики, куда тотчасъ прискакалъ и я къ нему. Было сіе 3-го числа сего мѣсяца, и князь пробылъ тутъ весь послѣдующій день, употребивъ оной на осматриваніе всѣхъ работъ, тамъ производимыхъ, и всего прочаго, а 5-го числа пріѣхали мы съ нимъ ко мнѣ и въ Богородицкъ. Тутъ угоднѣе ему было расположиться квартировать у меня въ домѣ, нежели во дворцѣ, гдѣ и старался я угостить его какъ можно лучше. Но и у меня не пробылъ онъ болѣе однихъ сутокъ, которыя употребили мы на осматриваніе всего и всего мною сдѣланнаго и производимаго, и князь былъ всѣми дѣяніями, трудами и стараніями моими совершенно доволенъ. Я выводилъ и обвозилъ его по всѣмъ мѣстамъ, и все, что я ему ни показывалъ, пріобрѣтало въ полной мѣрѣ его одобреніе и побуждало его меня за все и за все благодарить и изъявлять мнѣ свое удовольствіе. Съ нимъ былъ въ сей разъ одинъ изъ меньшихъ его сыновей, князь Петръ Сергѣевичъ, бывшій въ Англіи и тамъ учившійся наукамъ. Сей, будучи любопытнымъ и ко всякимъ художествамъ и рукомесламъ склоннымъ молодымъ человѣкомъ, и нашедъ у меня много кой-чего для себя любопытнаго и занимательнаго, меня также полюбилъ и не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться. Словомъ, я былъ и въ сей разъ всѣмъ обращеніемъ со мною старика-князя совершенно до-

воленъ. Но какъ у насъ въ самое сіе время начиналась годовая ярманка и все къ утрему приготовлено было къ освященію одного придѣла въ новой нашей большой соборной церкви, то не хотѣлъ князь присутствіемъ своимъ мѣшать намъ заниматься ярманкою и симъ освященіемъ, но поутру 7-го числа отъ насъ уѣхалъ въ черискую свою деревню, село Сергіевское, пригласивъ меня, чтобъ и я пріѣхалъ къ нему туда по окончаніи хлопотъ съ ярманкою и съ освященіемъ сопряженныхъ.

Ярманка была у насъ въ сей годъ на прежнемъ мѣстѣ и многолюдная. Было на ней множество и пріѣзжихъ изъ господъ окрестъ живущихъ дворянъ, какъ для ней, такъ и для освященія придѣла, которое происходило съ обыкновенными обрядами и производимо было присыланнымъ изъ Коломны протопопомъ. И какъ мнѣ надобно было, какъ его, такъ и прочихъ, бывшихъ на семъ освященіи, и своихъ городскихъ и пріѣзжихъ угостить обѣденнымъ столомъ, то былъ у меня въ сей день пиръ и превеликое собраніе. Освященіе сіе было еще первое, которое случилось мнѣ производить въ жизни и видѣть, и потому было оно для насъ очень любопытно. Мнѣ удалось при семъ случаѣ познакомиться вновь съ нѣсколькими изъ сосѣдственныхъ дворянъ, и между прочимъ съ господами Марковыми и его дѣтьми.

Окончивъ сіе хлопотливое дѣло, дождавшись совершеннаго окончанія ярманки, которую распоряжалъ уже нашъ городничій, и отправивъ повѣреннаго своего въ шадскую свою деревню, по случаю начинающагося тамъ опять межеванья, при которомъ хотя бы и весьма нужно было быть мнѣ самому, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ не можно было никакъ отлучиться, поѣхалъ 12-го числа и я къ князю въ славное его село Сергіевское.

Князь принялъ меня тамъ не такъ, какъ подкомандующаго, а какъ гостя, очень ласково и благопріятно; и какъ ему давно хотѣлось показать мнѣ свое Сергіевское и всѣ тамошніе свои сады и другія заведенія, то не успѣлъ я пріѣхать, какъ вѣдая мою охоту до садовъ, и повелъ онъ меня въ садъ и сталъ показывать все и все. Тутъ нашли мы и любимаго его и всѣхъ прочихъ именитѣйшаго сына, князя Сергія Сергѣевича, и сей, гордымъ и высокомѣрнымъ своимъ обращеніемъ со мною, тотчасъ разрушилъ все удовольствіе, чувствуемое мною отъ благопріятнаго пріема отъ старика-князя. Онъ не хотѣлъ со мною промолвить почти ни одного слова, и казался негодующимъ даже на то, для чего и старикъ-отецъ его обходился со мною такъ милостиво, снисходительно и дружелюбно. Таковая отмѣнная холодность его ко мнѣ и даже совершенное неуваженіе, и равно какъ презрѣніе меня, сдѣлалось мнѣ тотчасъ примѣтно и побудило тотчасъ заключать, что сему молодому князю кѣмъ-нибудь я оклеветанъ и что ему вѣрно что-нибудь на меня насказано, и я навѣрное полагалъ, что бездѣльничество сіе произведено никѣмъ инымъ, какъ сотоварищемъ моимъ, бобриковскимъ управителемъ, г. Верещагинымъ. Попавшееся мнѣ въ руки письмо его тотчасъ пришло мнѣ на память. Но какъ я ничего такого за собою не вѣдалъ, чѣмъ бы такимъ могъ навлечь на себя хотя малѣйшее неудовольствіе отъ молодого князя, то хотя было мнѣ сіе очень прискорбно, но я принужденъ былъ скрыть всю мою досаду во глубинѣ моего сердца и казаться всего его крайне холоднаго и высокомѣрнаго обращенія со мною непримѣчающимъ. Но смущеніе мое увеличилось еще несравненно больше, какъ услышалъ я отъ секретаря княжова, что отъ государыни молодой князь приданъ отцу своему относительно до правленія волостями въ помощники и сотоварищи, и что сдѣлано сіе якобы въ уваженіе его старости и слабости.

Неожидаемость сія и увѣдомленіе объ ней за секретъ и удивило, и смутило меня еще болѣе, и весь духъ и сердце мое поразило равно какъ стрѣлою. Мысль, что и сей горделивецъ будетъ такимъ же моимъ командиромъ, какъ и старикъ-князь, возмущала весь мой духъ, ибо я

по всему видимому не могъ ожидать отъ него никакого себѣ добра и долженъ былъ готовиться только къ непріятностямъ.

Итакъ, весь тотъ день и весь послѣдующій проводилъ я, несмотря на всѣ ласки старика-князя, въ превеликомъ смущеніи духа, и отъ бродящихъ въ головѣ разныхъ мыслей равно какъ на огнѣ пряжился, и весьма радъ былъ, что князь не сталъ меня держать у себя долѣе, но въ слѣдующій затѣмъ день отпустилъ меня обратно въ Богородицкъ, сказавъ, что онъ вскорѣ вслѣдъ за мною опять къ намъ въ Богородицкъ и вмѣстѣ съ князь Сергіемъ Сергѣевичемъ пріѣдетъ. Сіе меня еще пуще встревожило и смутило. Однако, какъ нечего было дѣлать, то, откланявшись, и пустился я въ обратной путь, и въ тотъ-же день въ Богородицкъ возвратился.

Пріѣздомъ своимъ оба князя и незамѣшкались дѣйствительно, и на другой же день пріѣхалъ къ намъ и обозъ ихъ, а сами они заѣхали къ пріятелю молодого князя, г. Стрекалову, гдѣ и ночевали. Я приготовился-было опять принимать у себя въ домѣ и угощать князей по силѣ своей и возможности, но вдругъ отъ пріѣзжихъ съ обозомъ услышалъ, что имъ велѣно стать и расположиться во дворцѣ, и что хотя старику и хотѣлось опять стать у меня въ домѣ, но молодому князю было то неугодно и онъ въ томъ воспротивился и велѣлъ расположиться во дворцѣ и столъ людямъ свой готовить. Сіе опять меня какъ обухомъ въ голову ударило, и я тотчасъ самъ въ себѣ подумалъ: «вотъ тебѣ на! и вотъ первая уже валвенка въ кузовъ». Но какъ нечего было дѣлать, то принужденъ былъ замолчать и дать имъ волю дѣлать, что хотятъ. Но всего прикрѣе и досаднѣе мнѣ было то, что не хотѣли они ничего даже брать изъ дома моего къ столу нужнаго и дѣлали то по особенному приказанію отъ молодого князя. Чудно мнѣ сіе показалось, но я принужденъ былъ и въ семъ случаѣ скрыть свою досаду.

Поутру на другой день пріѣхали и князья. Я встрѣтилъ ихъ у крыльца, и старой князь обошелся со мною по прежнему очень благосклонно, а молодой съ такимъ же опять высокомѣріемъ, какъ и въ Сергіевскомъ. Всѣ наши судьи вмѣстѣ съ городничимъ сдѣлали имъ честь и пришли къ нимъ тотчасъ на поклонъ. Но молодой князь принялъ и обошелся и съ ними такъ сухо и съ такимъ также высокомѣріемъ и холодностію, что тѣ тотчасъ сіе примѣтили, и не будучи его подкомандующими, самого его въ сердцахъ своихъ презрѣли и тотчасъ, откланявшись, ушли и оставили сего горделивца съ покоемъ съ другомъ его, г. Стрекаловымъ, пріѣхавшимъ съ ними вмѣстѣ, и коего я тогда въ первой разъ еще видѣлъ.

Столъ былъ уже приготовленъ, и какъ его накрыли, то хотя и примѣтилъ я, что поставлена была тарелка и на мой счетъ, но желая узнать, пригласятъ ли они меня, нарочно, передъ самымъ тѣмъ временемъ какъ надлежало садиться, уклонился я въ другія комнаты. Молодой князь и въ семъ случаѣ былъ такъ грубъ, что не хотѣлъ обо мнѣ и вспомнить, но спасибо уже старикъ, тотчасъ примѣтивъ, что меня нѣтъ, сказалъ: «А гдѣ-жъ Андрей Тимоѳеевичъ? Зовите его сюда!» Итакъ, принужденъ я былъ, противъ хотѣнія даже своего, сѣсть съ ними за столъ и у нихъ обѣдать; но признаться надобно, что мнѣ не шелъ почти ни одинъ кусокъ въ горло, такъ досадно было мнѣ все поведеніе молодого надменнаго князя.

Послѣ обѣда легъ старикъ, по обыкновенію своему, немного отдохнуть, а молодой князь занялся разговорами со Стрекаловымъ, а я, уклонившись отъ нихъ, вступилъ съ меньшимъ его братомъ въ свои ученые и любопытные разговоры, и занялся тѣмъ во все то время, покуда старикъ спалъ; но какъ скоро онъ всталъ, то пошелъ онъ съ молодымъ княземъ и со мною прохаживаться по берегу пруда передъ дворцомъ. И тогда начался у него при мнѣ первой разговоръ, относящійся до волостей, и я удивился, услышавъ, что молодой князь началъ все критиковать и опорочивать и между прочимъ упоми-

нать о такихъ вещахъ, о которыхъ бы ему и знать никакъ было не можно, если-бъ ему не было ни отъ кого предварительно о томъ пересказано. Сіе подтвердило догадку мою относительно до Верещагина, и я тотчасъ заключилъ, что говорилъ онъ по его внушеніямъ и клеветамъ. Самое первое, о чемъ онъ старику говорить сталъ, относилось до собираемыхъ съ наемщиковъ поземельныхъ платимыхъ ими денегъ пошлинъ. Во время правленія моимъ предмѣстникомъ, деньгами сими пользовался самъ онъ и дѣлился можетъ быть съ тогдашнимъ помощникомъ своимъ Верещагинымъ; а сей, заключая можетъ быть, что и я ими, по примѣру ихъ, пользуюсь, не преминулъ замѣтить о томъ князю. Но спасибо, онъ ужасно въ томъ обманулся, ибо я и не помышлялъ никогда о томъ, чтобъ ими пользоваться; и потому не успѣлъ молодой князь меня при старикѣ спросить, какую мы съ земель пошлину и на что собираемъ, и куда сіи деньги дѣваемъ, и спросилъ меня такимъ тономъ, какъ бы въ похищеніи ихъ обвиняя, какъ я тотчасъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что установилъ это не я, а сдѣлано было то до меня; что сборъ сей почитаю я самъ ненадобнымъ и незаконнымъ; что куда деньги сіи до меня употреблялись—не знаю, а которыя при мнѣ собраны, тѣ всѣ цѣлы, и что я до нихъ не касался и хотѣлъ самъ просить у князя повелѣнія о томъ, куда онъ ихъ дѣть и что съ ними учинить прикажетъ.

Нечего было на сіе сказать молодому князю. Онъ почти устыдился, что напрасно мечталъ худо обо мнѣ, и тотчасъ, прикрывая свой стыдъ, сталъ говорить старику, чтобъ сіи пошлины уничтожить и впредь не собирать, ссылаясь и на мое о томъ согласное съ нимъ мнѣніе, на что старикъ и согласился; итакъ, дѣло сіе кончено.

Послѣ того завелъ онъ рѣчь о выставкахъ и кабакахъ, которыхъ такъ много въ волостяхъ, и о томъ, какъ мужики отъ нихъ вирахъ пропиваются и разоряются. Я тотчасъ догадался, что конечно насказано ему и объ нихъ что-нибудь отъ Верещагина, которому извѣстно было, что предмѣстникъ мой за нихъ получалъ отъ откупщика великую прибыль, и что можетъ быть и съ сей стороны оклеветалъ онъ меня князю, думая, что и я также ими пользуюсь; но по счастію, какъ и о семъ я всего меньше помышлялъ, то не трудно было мнѣ и сію клевету и худое о себѣ мнѣніе уничтожить. Я тотчасъ сказалъ ему, что выставки и кабаки сіи введены не мною, а еще господиномъ Опухтинымъ, что всѣ они волостямъ вредны и мужики отъ нихъ разоряются—это правда, но что я, при самомъ еще вступленіи моемъ въ должность, о томъ и о уничтоженіи оныхъ его сіятельству князю Сергію Васильевичу докладывалъ, но его сіятельству угодно было приказать оставить ихъ по прежнему, а потому они и нынѣ хотя существуютъ, но я ими никакъ не пользуюсь, а желалъ давно и желаю и теперь, чтобъ они истреблены были. «Такъ, князь Сергій, такъ! подхватилъ на сіе старой князь: онъ мнѣ давно и не однажды говорилъ, но я не велѣлъ ихъ трогать, и онъ этому нимало не причиною». Стыдно стало тогда молодому князю, что и въ семъ случаѣ не удалось ему меня предъ отцомъ очернить, и не зная, чѣмъ уже прикрыть свой стыдъ, сталъ со мною равно какъ бы совѣтовать о томъ, нельзя-ль бы ихъ теперь истребить и какъ бы это сдѣлать? На сіе сказалъ я ему, что я этого не знаю, а думаю только, что теперь не таково легко сіе сдѣлать можно, какъ прежде, потому что они сдѣлались уже гласными и извѣстны намѣстнику и вошли уже въ опись и въ сложность въ казенной палатѣ. Сіе услышавъ, старой князь и равно какъ съ нѣкакою досадою сказалъ: «Пустое, братъ, и это затѣвать, и входить за сіе въ ссору съ намѣстникомъ. Дѣло однажды сдѣлано, такъ тому и быть! Благо мужики не жалуются; итакъ, пускай себѣ ими довольствуются: пить имъ есть на что и денегъ у нихъ много». Нечего было тогда и на сіе сказать молодому князю, и онъ замолчалъ.

Послѣ сего, немного погодя, завелъ онъ рѣчь объ оброчныхъ отдаточныхъ земляхъ и сталъ растверживать, какъ это худо, что онѣ не только всегда по одной непремѣнной и весьма низкой цѣнѣ отдаются, но положено до тѣхъ поръ ни у кого не отнимать, покуда кто самъ не откажется. О семъ не успѣлъ я услышать разговора у него съ отцомъ, какъ тотчасъ заключивъ, что и тутъ скрывалися плутни, клеветы и злыя внушенія Верещагина, которому извѣстно было, что другъ его, а мой предмѣстникъ, получалъ за сіе отъ наемщиковъ великіе прибытки, и что по всему видимому онъ и обо мнѣ тоже заключалъ, хотя я и отъ сего весьма удаленъ былъ, тотчасъ вмѣшался въ ихъ разговоръ и сталъ тоже самъ говорить, что это не то-то, что хорошо, а несравненно было-бъ лучше и прибыльнѣе, если-бъ отдавать ихъ съ публичнаго торга. Симъ не только я и въ семъ отношеніи уничтожилъ худое мнѣніе о себѣ, но нѣсколько и угодилъ молодому князю. Но старикъ не хотѣлъ никакъ приступать къ предлагаемой перемѣнѣ, а на отрѣзъ сказалъ, что это надобно оставить для переду, а теперь пускай остается и сіе на прежнемъ основаніи, и что ему не хочется огорчить наемщиковъ.

Нечего было и въ семъ случаѣ молодому князю дѣлать. Онъ принужденъ былъ замолчать. А такимъ же образомъ и всѣ прочія его замашки и обиняки были вмигъ мною разрушаемы и уничтожаемы, что мнѣ, какъ во всемъ невинному, а правому человѣку и нетрудно было дѣлать. Но все сіе мнѣ нимало не помогло: молодой князь продолжалъ и послѣ сего быть ко мнѣ хладнокровнымъ, и, по пословицѣ говоря, не смога въ рога, вздумалъ уже всѣ мои дѣянія и распоряженія порочить, и говорить, что то нехорошо, другое дурно!.. но симъ онъ даже огорчалъ старика-князя, и до того довелъ, что онъ ему съ нѣкоторою досадою сказалъ: «Это тебѣ такъ кажется, а мнѣ такъ не такъ, и для меня все это хорошо и все похвально». А сіе и принудило молодого князя замолчать и только продолжать на меня дуться.

Наконецъ кончилось наше гулянье и сіи важные, но крайне досадные для меня разговоры; а ввечеру, по возвращеніи во дворецъ, ничего уже тому подобнаго говорено не было; а старикъ-князь продолжалъ по прежнему обыкновенію со мною о разныхъ предметахъ и съ множайшею еще благосклонностію разговаривать, нежели прежде. А на другой послѣ сего день и поѣхали мы всѣ на одной линейкѣ въ Бобрики. Тутъ, проѣзжая Балахонской лѣсъ, которой мною, какъ прежде упомянуто, былъ особымъ маннеромъ на множество просѣкъ и аллей разрубленъ и которой чрезъ то и чрезъ обрубленіе въ немъ крайнихъ деревъ отмѣнно красивъ былъ, спросилъ князь умницу сына своего: «Ну, что, князь Сергій! и это скажешь ты что дурно?» Нечего было ему на сіе уже отвѣчать, и онъ принужденъ былъ отцу сказать, что это хорошо, что похулить не можно и что я человѣкъ со вкусомъ. Вотъ одно только выгодное о себѣ словцо, которое я отъ него во всю сію его у насъ бытность услышалъ; но за сіе съ лихвою отплатилъ онъ мнѣ, находясь въ Бобрикахъ, чрезъ отмѣнно ласковое и дружелюбное обращеніе съ Верещагинымъ. Тутъ казалось ему все хорошо и все пріятно. И столомъ его, и угощеніемъ, и ласками семейства его былъ онъ доволенъ, и все превозносилъ похвалами, и Верещагинъ передъ нимъ перевертывался сущимъ бѣсомъ. Все сіе принужденъ я былъ видѣть съ крайнею и чувствительною досадою, но при всемъ томъ молчать и притворяться, будто ничего не вижу, и о всѣхъ бездѣльничествахъ Верещагина и злыхъ его на меня ковахъ, какъ бы ничего не зная и не вѣдая.

Въ Бобрикахъ молодой князь недолго пробылъ, но въ тотъ же еще день ускакалъ прочь, а старикъ остался ночевать, и препроводивъ весь вечеръ со мною въ благосклонныхъ разговорахъ, поѣхалъ отъ насъ уже въ слѣдующее утро, и я разстался съ нимъ съ истиннымъ сожалѣ-

ніемъ, равно какъ предвидя, что этотъ разъ былъ первой и послѣдній, что онъ при мнѣ пріѣзжалъ въ наши волости, ибо послѣ сего не случилось ему уже ихъ ни однажды видѣть.

Такимъ образомъ проводили мы своихъ князей, и какъ много я къ старику ни былъ привержен искренною любовью и почтеніемъ, и какъ сначала пріѣзду его ни былъ радъ, но признаюсь, что обратный пріѣздъ его къ намъ съ сыномъ былъ для меня уже такъ отяготителенъ, что, съ отъѣздомъ его, съ плечъ моихъ какъ превеликая гора свалилась, и я съ удовольствіемъ поскакалъ уже назадъ къ своимъ роднымъ въ Богородицкъ.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

Ноября, 17-го дня, 1809 года. Въ Дворяниновѣ).

ѢЗДА ВЪ МОСКВУ.

Письмо 196-е.

Любезный пріятель! Освободившись отъ бремени, съ пріѣздомъ князей сопряженнаго, и возвратившись въ Богородицкъ, принялся я за всѣ прежнія свои дѣла и упражненія. Поведеніе молодого князя хотя не выходило у меня долго изъ ума и обезпокоивало мои мысли, но мало-по-малу они опять успокоились. Увѣреніе о благопріятствѣ старика-князя и надежда, что онъ меня не выдастъ, и на его къ себѣ покровительство, подкрѣпляла и ободряла меня очень. Совсѣмъ тѣмъ, какъ я былъ долженъ думать и о переду, то неизлишнимъ считалъ познакомиться короче и буде можно свести дружбу съ помянутымъ другомъ молодого князя, господиномъ Стрекаловымъ, дабы онъ могъ мнѣ впередъ въ случаѣ нужды пригодиться. Сей человѣкъ былъ одинъ изъ богатыхъ крапивенскихъ дворянъ. Находясь въ службѣ, былъ онъ адъютантомъ у графа Шувалова, потомъ путешествовалъ съ его сыномъ по Европѣ и во Франціи, и наконецъ, будучи въ отставкѣ полковникомъ, жилъ въ своихъ деревняхъ, и показался мнѣ весьма умнымъ, любопытнымъ, степеннымъ и добрымъ человѣкомъ. Въ бытность его съ княземъ въ Богородицкѣ обошелся онъ со мною довольно ласково и дружелюбно, и при отъѣздѣ въ домъ звалъ меня къ себѣ и говорилъ, что для него будетъ очень пріятно, если я къ нему когда пріѣду, а сіе наиболѣе меня и побуждало снискать его къ себѣ дружбу и знакомство.

Всходствіе чего, не долго думая, но спустя дни три по возвращеніи моемъ, собравшись и поѣхали мы съ женою къ нему въ его деревню, отстоящую отъ Богородицка верстъ тридцать. Г. Стрекаловъ былъ дѣйствительно мнѣ радъ и старался вмѣстѣ съ женою своею угостить насъ всячески. Звали его Ѳедоромъ Григорьевичемъ, а жену его Натальею Андреевною, которая была также боярыня умная и благопріятная. Они не отпустили насъ не только въ тотъ день, но и на другой безъ обѣда. И какъ г. Стрекаловъ нашелъ во мнѣ человѣка со вкусомъ, съ которымъ могъ онъ говорить обо многомъ и обо всѣхъ почти матеріяхъ, то не только выводилъ меня по всѣмъ своимъ садамъ и заведеніямъ, но не могъ со мною довольно наговориться, и мы разстались съ нимъ какъ хорошіе уже пріятели. А съ сего времени и началось у насъ знакомство съ симъ всегда къ намъ благопріятствующимъ домомъ, и я дружбою и благосклонностію къ себѣ господина Стрекалова былъ доволенъ, и былъ-бы можетъ быть еще и довольнѣе, еслибъ, къ несчастію, не былъ въ домъ его въѣзжъ и г. Верещагинъ съ мытарками своими сестрами и не вредилъ намъ тайными и коварными своими и ему клеветами и наговорами. Онъ сдѣлался господину Стрекалову знакомъ по князѣ, и какъ онъ имѣлъ даръ ко всякому подольститься и предъ всякимъ принимать на себя видъ ангела, то сіе помогло ему вкрасться и къ господину Стрекалову въ любовь и въ

дружбу; однако, сколько мнѣ казалось, то г. Стрекаловъ всегда умѣлъ различать людей съ людьми и истиннымъ достоинствамъ давать преимущество предъ ложными.

Возвратясь отъ господина Стрекалова, между прочими своими разными занятіями упражнялся я около сего времени въ отдѣлкѣ нововыдуманной мною дневной иллюминаціи, которая, а особливо выдуманная и сдѣланная въ прошпективическомъ ящикѣ, особливою пріятностію своею утѣшала меня, какъ маленькаго рабенка, чрезвычайно; но и всѣ ею не могли довольно налюбоваться, ибо, при смотрѣніи на оную въ стекло, казалось, что смотришь дѣйствительно на фейерверочной щитъ, горящій и составленной изъ селитряныхъ свѣчекъ. А между тѣмъ и дѣло мое по «Сельскому Жителю» продолжало иттить своимъ чередомъ, и я около сего времени получилъ опять нѣсколько писемъ отъ новыхъ и благорасположенныхъ ко мнѣ корреспондентовъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того удивлены и обрадованы мы были неожидаемымъ совсѣмъ извѣщеніемъ, что малютка сынъ мой Павелъ записанъ былъ уже въ гвардію и получилъ уже пашпортъ съ чиномъ подпрапорщика. Какъ въ тогдашнее время всѣ дѣтей своихъ, и даже въ самыхъ колыбеляхъ, имѣли обыкновеніе записывать въ гвардію, и всѣмъ тѣмъ, которые имѣли какой-нибудь случай въ Петербургѣ или знакомство съ управлявшимъ тогда преображенскимъ полкомъ майоромъ, графомъ Ѳедоромъ Матвѣевичемъ Толстымъ, производить сіе было очень легко, то помышляли и мы давно уже о томъ же въ разсужденіи нашего сына; но какъ у насъ не было никого въ Петербургѣ коротко знакомыхъ, то и сожалѣли о томъ, что не могли того сдѣлать; но въ сіе время, безъ всякой нашей просьбы, старанія и домогательства, помогъ намъ до цѣли желанія сего достигнуть тотъ самый г. Верещагинъ, которой втайнѣ мнѣ такъ злодѣйствовалъ. Онъ не успѣлъ о желаніи нашемъ стороною узнать, какъ восхотѣлъ намъ подслужиться и тѣмъ прикрыть всѣ свои противъ меня злоумышленія; и я истинно и по сіе время не знаю, чрезъ кого и какъ удалось ему спроворить симъ дѣломъ; но какъ бы то ни было, но сынъ мой чрезъ его посредство былъ въ гвардію записанъ подпрапорщикомъ и получилъ помянутой пашпортъ.

Легко можно заключить, что таковая его услуга была намъ непротивна; мы благодарили его за сіе искренно, и могу сказать, что сіе примирило меня съ нимъ и въ сокровенныхъ моихъ объ немъ мысляхъ. Но всего страннѣе было то, что въ пашпортѣ семъ увидѣлъ я, что сынъ мой ошибкою вмѣсто Павла названъ Андреемъ, что и доказывало мнѣ, что произведено было сіе опредѣленіе въ службу черезъ переписку и людей постороннихъ. Г. Верещагинъ, приславшій ко мнѣ сей пашпортъ, съ поздравленіемъ, самъ того сначала не усмотрѣлъ, но узнавъ о томъ отъ насъ, ахнулъ, и не долго думая, выпросилъ у насъ сей пашпортъ назадъ, отправилъ его въ Петербургъ и чрезъ нѣсколько недѣль доставилъ намъ другой съ настоящимъ уже его именемъ и съ чиномъ уже каптенармускимъ, и тѣмъ, къ вящему удовольствію нашему, услугу свою еще болѣе усовершенствовалъ. Итакъ, съ сего времени сынъ мой и считался уже въ гвардейской службѣ и въ отпуску изъ оной до совершеннаго возраста и для обученія наукъ.

Но не успѣли мы симъ пріятнымъ для насъ происшествіемъ нѣсколько дней повеселиться, какъ съ наступленіемъ мѣсяца августа полученное изъ шадской моей деревни извѣстіе вдругъ опять весь мой духъ возмутило и повергло меня въ бездну заботъ, досадъ и огорченій. Отправленной туда повѣренной мой увѣдомлялъ меня, что Пашковъ началъ опять, и самымъ бездѣльническимъ и плутовскимъ образомъ, безъ дѣланія повѣстокъ и безъ принимания ни отъ кого споровъ, межевать, и наибеззаконнѣйшимъ образомъ не только всю степь замежевалъ за себя, но наглость и алчность

его до того простиралась, что у всѣхъ нашихъ сосѣдей отхватилъ и отмежевал себѣ превеликое множество пашенной земли, засѣянной ихъ хлѣбомъ, и весь оной хлѣбъ себѣ свезъ; а что всего важнѣе, отхватилъ и замежевалъ себѣ все то мѣсто, которое и намъ отъ межевой канцеляріи было продано, и что намъ теперь не осталось ни одного клочка изъ всей тамошней обширной степи, и проданныхъ намъ 1,000 десятинъ отмежевать себѣ совсѣмъ негдѣ; и что онъ, повѣренной, узнавъ о семъ межеванье, хотя выѣзжалъ на межу и предъявлялъ споръ, но оной никакъ отъ него не приняли, а съ межи его дубьемъ почти согнали.

Вздурился я сіе узнавъ и услышавъ, и не могъ никакъ понять и надивиться тому, какъ можетъ человѣкъ, изъ непомѣрной алчности къ корыстолюбію такъ много себя забыть и произвесть такое наглое и совсѣмъ беззаконное дѣло и не сердился, а бѣсился, и на Пашкова, и на бездѣльника межевщика, и въ неописанной досадѣ не зналъ долгое время, что дѣлать и сообразиться съ мыслями о томъ, что при такихъ обстоятельствахъ предпріять и какія лучше мѣры употребить сего зла къ уничтоженію; а подоспѣвшій на другой день и ѣздившій туда, и къ намъ оттуда заѣхавшій, братъ Гаврила Матвѣевичъ, и разсказавшій въ подробности мнѣ обо всѣхъ бывшихъ тамъ произшествіяхъ, еще пуще меня смутилъ и растревожилъ; словомъ, я пылалъ тогда огнемъ и пламенемъ, и находился въ такой душевной разстройкѣ и состояніи, какого никакъ изобразить не могу.

Нѣсколько дней сряду я безпрестанно принужденъ былъ о семъ думать и размышлять, и наконецъ другого и лучшаго средства не находилъ, какъ скакать скорѣе въ Москву и подать въ межевую канцелярію челобитную съ прописаніемъ всѣхъ его прежнихъ и нынѣшнихъ бездѣльничествъ и плутовства, и жаловаться на землемѣра, прося о учиненіи съ нимъ по законамъ.

Воспріявъ сіе намѣреніе и не долго думая, схватилъ я перо, и ну махать и сочинять челобитную; и какъ мнѣ извѣстно было, что межевая канцелярія о тамошней степи и ея положеніи и обо всѣхъ бывшихъ съ нею произшествіяхъ, за неимѣніемъ оной плана, не имѣла никакого понятія, то въ немногіе часы намахалъ превеликую и прямо рѣзкую историческую челобитную, прописавъ въ ней всѣ бывшія издревле и въ послѣдующія времена съ сею степью произшествія; а чтобъ лучше можно было мнѣ все положеніе оной и обстоятельствы объяснить, то сочинилъ и антрельной маленькой планъ оной и смежнымъ съ нею дачамъ и селеніямъ, и не успѣлъ сего сдѣлать, какъ велѣлъ готовить лошадей и въ дорогу собираться, поелику я не хотѣлъ ни минуты медлить. По счастію, и равно какъ сіе предвидя, испросилъ я у князя дозволеніе объ отлучкѣ отъ волости.

Итакъ, 13-го августа, собравшись и взявъ съ собою все нужное, ранымъ-ранехонько и пустился я въ свой путь, и пріѣхалъ въ Дѣдиловъ обѣдать и кормить лошадей. Тутъ, приставъ на всегдашней своей квартирѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія нашелъ въ ней, кого-жъ?.... Того славнаго землемѣра Вакселя, съ которымъ я еще при покупкѣ Кіясовской волости познакомился и сдружился. Не могу изобразить, какъ обрадовался я сей нечаянной встрѣчѣ съ такимъ человѣкомъ, которой изъ докъ-докою и величайшимъ знатокомъ по межевымъ дѣламъ почитался и которой послѣ по самому сему былъ даже первымъ членомъ въ межевой канцеляріи. Мнѣ искомъ-бы искать и не найтить такого знающаго человѣка, съ которымъ бы мнѣ можно было о моемъ дѣлѣ посовѣтовать, а тутъ сама судьба, и равно какъ нарочно, на тотъ же дворъ его стоять привела и мнѣ наипудобнѣйшій случай доставила съ нимъ о дѣлѣ своемъ поговорить и посовѣтовать. «Ахъ, батюшка, Василій Савельевичъ! воскликнулъ я, его увидѣвъ и съ нимъ цѣлуясь: какъ радъ я, что васъ здѣсь вижу, и самъ Христосъ тебя сюда принесъ». — «Что такое?» спросилъ меня Ваксель, удивившись. —«Чего, батюшка, мнѣ есть

крайняя и прекрайняя нужда поговорить и посовѣтовать объ одномъ межевомъ дѣльцѣ съ знающимъ человѣкомъ; и съ кѣмъ лучше могу я о томъ поговорить, какъ не съ вами, и отъ васъ попросить дружескаго совѣта?» — «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ г. Ваксель, съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ вамъ тѣмъ услужить; разскажите только мнѣ обстоятельнѣе все дѣло». Тогда сѣли мы съ нимъ за столъ и я ну ему разсказывать всю свою исторію, показывать ему свой антрельной планъ, объяснять все дѣло, и наконецъ, сказавъ ему свое намѣреніе, показывать ему свою челобитную.

Г. Ваксель выслушивалъ все говоренное и читаемое мною съ величайшимъ вниманіемъ, и наконецъ мнѣ сказалъ: «Ну, братецъ! дѣльцо, и дѣльцо преважное и почти необыкновенное. Намѣренія вашего нельзя быть лучше; поѣзжайте себѣ съ Богомъ и производите его въ дѣйство. Въ самой челобитной вашей не нахожу я ничего ни убавить, ни прибавить. Она хотя и необыкновенная, но очень хороша. Подавайте ее съ Богомъ. Не принять ее нельзя канцеляріи, и посмотрите, какого надѣлаетъ она грома и какія великія произведетъ по себѣ послѣдствія. Помяните тогда мое слово». Симъ, и увѣреніемъ, что вѣрно она мнѣ послужитъ въ пользу и въ состояніи будетъ разрушить всѣ злые ковы, ободрилъ онъ меня чрезвычайно. Итакъ, разставшись съ нимъ, поскакалъ я далѣе и съ спокойнѣйшимъ уже духомъ.

Какъ ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ и заѣзжалъ на часокъ въ свою деревню, то не прежде могъ пріѣхать въ Москву, какъ 16-го числа передъ вечеромъ. Я тотчасъ и въ тотъ же еще день побѣжалъ къ старику-князю, ибо остановился у его секретаря, противъ его дома живущаго. Князь удивился, увидѣвъ меня опять такъ скоро, но услышавъ о причинѣ моего въ Москву пріѣзда, далъ мнѣ совершенную волю хлопотать по моему дѣлу; итакъ, я на другой день и черканулъ въ межевую, и тамъ, отыскавъ своихъ знакомцевъ, секретарей Селижарова и Соколова, разсказываю имъ все дѣло. Тѣ не могутъ довольно надивиться всѣмъ происшествіямъ и совѣтуютъ мнѣ подать на землемѣра челобитную. Я показываю имъ мною сочиненную, а особливо Соколову, у котораго дѣло тамошнее было въ повытьѣ. Сей проситъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ домъ, чтобы поговорить о томъ и посовѣтовать лучше на просторѣ и наединѣ. Я тому радъ, пріѣзжаю къ нему, и онъ, по прежней дружбѣ и ласкѣ своей ко мнѣ, принимаетъ и угощаетъ меня дружески. Потомъ говорить мы съ нимъ и совѣтовать о дѣлѣ. Онъ такого же мнѣнія, какъ и г. Ваксель, не находитъ ничего ни прибавить и убавить въ челобитной, кромѣ нѣсколькихъ малостей, но совѣтуетъ мнѣ съѣздить напередъ на домъ къ самому Князеву и съ нимъ объясниться, и показать ему и планъ, и челобитную, и что онъ мнѣ скажетъ, то и дѣлать. И какъ совѣтъ сей былъ благъ и прямо дружеской, то и положилъ я его въ точности исполнить.

Итакъ, на другой же день поутру ранехонько и черканулъ я къ г. Князеву. Анисимъ Титовичъ не успѣлъ отъ докладчика услышать мое имя, какъ велѣлъ тотчасъ звать меня къ себѣ въ кабинетъ, и встрѣтилъ меня самымъ дружескимъ привѣтствіемъ. «Ахъ, Андрей Тимоѳеевичъ! все-ли въ добромъ здоровьѣ? Милости прошу садиться! Что къ намъ пожаловали? Конечно, для какой-нибудь опять нуждицы?» — Точно такъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ, сказалъ я: и самой необходимой; и неволя заставила меня бросить все и скакать сюда къ вамъ. Помогите, ради Бога! — «Что такое? подхватилъ онъ: пожалуйте скажите, и будьте увѣрены, что все, что только можно и что отъ меня зависитъ, я сдѣлать не отрекусь и съ удовольствіемъ сдѣлаю». Радъ я былъ таковому его обѣщанію, и тотчасъ, не говоря еще о челобитной, началъ ему всю исторію и плутни Пашкова и межевщиковы разсказывать, и для лучшаго объясненія показывать ему свой антрельной планецъ.

Князевъ съ превеликимъ вниманіемъ

слушалъ все мною говоренное и разсматривалъ мой планъ, и какъ казалось съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ. И какъ я все кончилъ, то пожавъ плечами сказалъ:—«Боже мой! что это за люди! и какая ненасытная алчность. Признаюсь вамъ, Андрей Тимоѳеевичъ, что это я сдѣлалъ, что всѣ сіи земли на разныя имена проданы Пашкову, и самъ я убѣдилъ его ихъ купить; но теперь вижу, что онъ меня бездѣльническимъ образомъ обманулъ и засвято увѣрилъ, что тутъ всей пустой земли не болѣе тысячъ пятнадцати десятинъ, почему я ее всю ему и продалъ. Но возможно ли, не удовольствуясь и такимъ множествомъ земли, хотѣть еще безденежно и безъ всякаго права захватить себѣ сверхъ того такую громаду казенной земли?.. Но точно ли ее тутъ такъ много?»—Ахъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ! подхватилъ я: могу ли я васъ обманывать, и на что же мнѣ прилыгать? Самое разстояніе, и ширина, и длина сей степи вамъ то доказать можетъ. Тутъ покачалъ онъ опять головою и удивляяся сказалъ: «Что это за канальская выдумка и какая непростительная хитрость! Обведя всю степь узкими продажными полосами и звеньями, а всю внутренность хочется поприбрать себѣ даромъ! Нѣтъ, это слишкомъ уже много и нимало не кстати!» Наконецъ спросилъ онъ меня: «Что-жъ думаете и хотите вы теперь сдѣлать?»—Ахъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ! объ этомъ-то и пріѣхалъ я просить васъ, какъ моего милостивца и благодѣтеля, чтобъ вы меня въ томъ надоумили и по милостивому вашему ко мнѣ благорасположенію наставили и совѣтъ дали.—«Другого не остается, сказалъ онъ, какъ подать вамъ въ канцелярію на бездѣльника сего межевщика челобитную, и хорошо, когда бы вы въ ней намъ все о сей степи пообъяснили; ибо скажу вамъ, что межевая канцелярія не имѣетъ объ ней никакого еще понятія. Итакъ, напишите-ка, батюшка, и поспѣшите подать къ намъ, а этотъ прекрасной планецъ не оставите ли вы у меня, такъ бы я могъ его показать Ивашеву, нашему первому члену, и съ нимъ о семъ дѣлѣ переговорить».—Очень хорошо; отвѣчалъ я, а что касается до челобитной, то вотъ она у меня вчернѣ написана, но не знаю, годится ли она? и не удостоите ли вы ее своимъ взоромъ?—«Пожалуй, пожалуй!» сказалъ онъ, и тотчасъ началъ ее читать и читая нѣсколько разъ восклицать: «Браво! браво! прекрасно! очень хорошо!» и наконецъ спросилъ онъ, кто мнѣ ее писалъ? И какъ я ему сказалъ, что сочинена она самимъ мною, то онъ подхватилъ:—«Нельзя, нельзя быть лучше; извольте только ее переписать и подавайте съ Богомъ. Не принять отъ васъ ее никакъ намъ нельзя: самой казенной интересъ насъ къ тому обяжетъ. И я скажу, что теперь не помогутъ господину Пашкову и всѣ его тысячи и богатство. Самъ онъ такъ напроказилъ и все дѣло такъ испортилъ, что и пособить никакъ не можно; и намъ другого не остается дѣлать, какъ велѣть все это межеванье остановить, бездѣльника этого землемѣра отдать подъ судъ, а для измѣренія и снятія на планъ всѣхъ сихъ земель отправить изъ канцеляріи нарочнаго и на казенной囗 коштъ землемѣра, и велѣть ему всю сію степь и смежныя съ нею дачи снять аккуратнѣйшимъ образомъ на планъ, и принимать всѣ споры какъ должно; и это мы непремѣнно сдѣлаемъ, и тогда можете вы быть увѣрены, что вы и вамъ проданную землю вѣрно получить можете. Жаль только, что дѣло сіе нѣсколько попротянется. Но за то велимъ мы всѣхъ владѣльцевъ, до разсмотрѣнія и рѣшенія сего дѣла, оставить при прежнемъ ихъ владѣніи, чѣмъ, надѣюсь, и вы будете довольны».—Конечно, сказалъ я, отвѣсивъ ему пренизкій поклонъ; а онъ сказалъ: «Такъ поѣзжайте-жъ, батюшка, и поспѣшите подачею къ намъ вашей важной бумажки».

Съ симъ отпустилъ онъ меня тогда отъ себя, и я тотчасъ бросившись въ межевую и пересказавъ все Соколову, при помощи его и велѣлъ челобитную мою переписывать, чѣмъ и занялись мы въ тотъ и во

весь послѣдующій день; а 21 числа я ее въ канцелярію и подалъ, и по подачѣ приглашенъ былъ въ судейскую, къ самому генералу, для повторенія увѣренія моего, что все писанное мною основано на самой справедливости. Тутъ засталъ я всѣхъ присутствующихъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ мой, предъ генераломъ лежащій, рисунокъ, и генералъ отозвался ко мнѣ очень милостиво, говоря, что казна обязана мнѣ благодарностію за открытіе такого великаго и значительнаго казенной земли похищенія, и что я могу остаться спокойнымъ и быть увѣреннымъ, что я получу свое удовольствіе. И подлинно, они тотчасъ повернули симъ дѣломъ такъ, что въ тотъ же часъ положена была резолюція, а въ послѣдующій подписано было уже и опредѣленіе о посылкѣ въ Тамбовъ и къ землемѣру указовъ, а чрезъ день и вручены они уже были самому мнѣ для вѣрнѣйшаго и скорѣйшаго доставленія ихъ въ Тамбовъ и къ землемѣру, и въ нихъ прописано точно все то, что мнѣ Князевъ предварительно уже сказывалъ.

Итакъ, все сіе дѣло въ немногіе дни и съ успѣхомъ, превосходящимъ все мое чаяніе и ожиданіе, кончилось, и я, будучи тѣмъ чрезвычайно доволенъ и не имѣя, впрочемъ, въ Москвѣ никакихъ нуждъ, а отблагодаривъ Князева и побывавъ въ рядахъ, искупивъ все нужное и повидавшись еще съ старикомъ-княземъ и съ издателемъ моего «Сельскаго Жителя», господиномъ Ридигеромъ, тотчасъ опять изъ Москвы, и именно 25 числа, въ Богородицкъ и отправился, пробывъ въ сей разъ только девять дней въ столицѣ.

Поелику на семъ обратномъ пути надобно мнѣ было ѣхать мимо самаго двора нашихъ молодыхъ Кислинскихъ, то не преминулъ я къ нимъ заѣхать, и угощенъ былъ у нихъ обѣдомъ; а въ Дѣдиловѣ, къ удивленію моему, съѣхался ненарочнымъ образомъ опять съ господиномъ Вакселемъ, которой, увидѣвъ меня, съ крайнимъ любопытствомъ хотѣлъ знать что воспослѣдовало, и бралъ въ удовольствіи моемъ живѣйшее соучастіе, говоря: «Ну, вотъ, не правду ли я сказалъ, что челобитная ваша надѣлаетъ много шума и произведетъ великія послѣдствія! Теперь поспѣшите только скорѣе, батюшка, отправить туда сіи указы». Что я и не преминулъ сдѣлать, и на другой же день, по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ, отправилъ туда съ нарочнымъ; и они дѣйствительно все тогдашнее межеванье тамъ остановили, и мы опять по прежнему своими распашными землями владѣть начали, и дѣло пошло въ оттяжку.

Домашнихъ своихъ нашелъ я здоровыми. Они никакъ не ожидали столь скоро обратнаго моего пріѣзда, и ѣздивши безъ меня къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, въ ефремовскую ея деревню, въ одну минуту со мною оттуда въ Богородицкъ возвратились.

Такимъ образомъ, былъ для меня весь августъ мѣсяцъ хлопотливой и я провелъ его весь въ безпрерывныхъ суетахъ и безпокойствахъ; но за то послѣдующій затѣмъ сентябрь преисполненъ былъ множествомъ удовольствій и мы провели его очень весело. Уже самое и начало его ознаменовалось пріѣздомъ къ намъ опять нашего губернатора, и какъ онъ въ сей разъ стоялъ у меня въ домѣ, то по сему случаю и была у меня опять пирушка. Для лучшаго угощенія его у себя, пригласилъ я къ себѣ на обѣдъ всѣхъ нашихъ городскихъ, и удивилъ губернатора своею дневною иллюминаціею, поставленною въ окнѣ моего кабинета, такъ что она ему, сѣвшему за столъ, вдали прямо въ глаза кинулась. Неожидаемое сіе и пріятное зрѣлище его такъ поразило, что онъ, будучи прелюбопытной человѣкъ и охотникъ - самъ до всякихъ выдумокъ и затѣевъ, не утерпѣлъ, но вскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ разсматривать, какъ и изъ чего она сдѣлана, и расхвалилъ меня впрахъ за мою выдумку.

А не успѣли мы его отъ себя проводить, какъ начали между собою почти ежедневно переѣзжаться, и собираясь то у того, то у другого, всѣ и со всѣми нашими дѣтьми вмѣстѣ, препровождать ве-

чера въ разныхъ играхъ и дружескихъ забавахъ. Учитель нашъ умножалъ также собою наше общество и увеселялъ нашъ слухъ играніемъ на своей скрипицѣ, а дѣти утѣшали зрѣніе наше своими танцами, въ которыхъ нерѣдко и мы сами брали соучастіе и дѣлали имъ компанію. И такіе съѣзды и дружеское, веселое препровожденіе времени стало становиться намъ отчасу пріятнѣе. Къ сему присовокуплялось и то, что въ теченіе сего мѣсяца много разъ пріѣзжали къ намъ и разные гости. Къ намъ пріѣзжала тетка, госпожа Арцыбышева, также наши Верещагины, госпожа Бакунина, кіясовской мой знакомецъ и пріятель, баронъ Николай Осиповичъ Соловьевъ, госпожа Обаринова, и нѣкоторые другіе. Сверхъ того, ѣздили и сами мы въ Крапивенской уѣздъ, и тамъ по многимъ знакомымъ и дружескимъ домамъ разъѣзжали, и гдѣ обѣдывали, гдѣ ночевали. Были у господина Толбузина, у стариннаго моего друга господина Темешева, въ славномъ его селѣ Пироговѣ. Онъ жилъ тутъ уже съ своею женою, которая доводилась намъ еще нѣсколько сродни, и будучи къ намъ очень привержена и ласкова, старалась угостить насъ и съ мужемъ своимъ наипріятнѣйшимъ образомъ; а потомъ заѣзжали мы въ деревню къ другу моему Сергѣю Ильичу Шушерину и къ г. Кирееву, и вездѣ угощаемы были какъ водится. Наконецъ, 20-го числа ѣздили мы опять на Кмянины въ деревню къ господину Стрекалову и у него обѣдали, ночевали и весь почти послѣдующій день провели съ удовольствіемъ, ибо онъ былъ мнѣ очень радъ, угощалъ меня всячески и обходился со мною дружескимъ образомъ. А по возвращеніи давали у себя опять не одинъ разъ всѣмъ городскимъ нашимъ обѣды; а тѣмъ же взаимно соотвѣтствовалъ намъ и городничій и другіе изъ судей нашихъ. Словомъ, весь сей мѣсяцъ прошелъ у насъ почти непримѣтно въ сихъ разныхъ другъ друга угощеніяхъ и взаимныхъ свиданіяхъ.

Но какъ ни много занимались мы сими увеселеніями и разъѣздами, однако не упускали и отправленіе дѣлъ по нашимъ должностямъ. Я не упустилъ ничего, а продолжалъ заниматься разными внѣшними работами. Сады, роща, лѣса и пруды преподавали мнѣ множество поводовъ къ разнымъ выдумкамъ и затѣямъ и къ занятіямъ пріятнымъ, при производствѣ ихъ въ дѣйствіе. Между тѣмъ, правленіе волостями текло своимъ чередомъ и приводимо было часъ-отъ-часу въ лучшій порядокъ. А не позабыты были также и дѣти. Не одинъ, а нѣсколько разъ занимался я опять читаніемъ имъ своей «Дѣтской философіи» и разсказываніемъ имъ многихъ нужныхъ для знанія ихъ вещей, за что всѣ они меня любили и почитали отмѣнно. Малютку же сына моего, вмѣстѣ съ воспитанникомъ моимъ, г. Сезеневымъ, началъ я около сего времени учить порядочно рисованью, и какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ я другихъ дѣтей заставливать по вечерамъ иногда писать у себя. Съ самымъ учителемъ господиномъ Дюблюе, бывали у насъ неоднократно особенные и любопытные о разныхъ матеріяхъ разговоры, и достопамятно, что около самаго сего времени былъ у насъ съ нимъ первой разговоръ о табаководствѣ, и какъ онъ былъ предпріимчивой и затѣйливой человѣкъ, и говорилъ, что ему все оное довольно знакомо, то затѣвали мы съ нимъ завести въ будущій годъ настоящій табачной плантажъ, и онъ испрашивалъ у меня подъ оной мѣсто, которое охотно я ему и обѣщалъ.

Наконецъ, не позабываемъ былъ и мой «Сельской Житель», и какъ я долженъ былъ пещись, чтобъ въ печатаніи листовъ не послѣдовало никогда остановки и матерія была всегда запасная и готовая, то не упускалъ я всѣ праздныя минуты употреблять и на сочиненіе оной, и отъ времени до времени пересылать ихъ къ Ридигеру по почтѣ. Отъ сего, видѣвшись съ нимъ въ Москвѣ, узналъ я многія относящіяся до сего изданія, отчасти пріятныя, а отчасти и непріятныя обстоятельствы. Къ симъ послѣднимъ принадлежало то, что число получающихъ

оной пренумерантовъ было не слишкомъ велико и не простиралось до того времени свыше 80-ти человѣкъ. Сіе не только его, но и меня весьма обезкураживало; однако, какъ пренумерація все еще мало-по-малу приумножалась, то питались мы все еще надеждою, что авосьлибо дѣло наше поправится и пойдетъ лучше.

Наконецъ наступилъ и октябрь мѣсяцъ, и съ 7-мъ числомъ онаго начался 41-й годъ моей жизни; а предъ самыми моими имянинами ожидали мы опять пріѣзда къ себѣ губернатора, по причинѣ, что около сего времени полученъ уже апробованной императрицею планъ городу, и надлежало ему пріѣхать для разбиванія онаго въ натурѣ. Итакъ, прежній нашъ городъ Богородицкъ съ сего времени уничтожился и превращенъ былъ въ волостное село Богородицкое, хотя по дому и по соборной своей церкви остается оно навсегда наилучшимъ украшеніемъ городу.

Но какъ письмо мое достигло уже до величины ему опредѣленной, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться, и предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, сказать вамъ между тѣмъ, что я есмь вашъ, и прочее и пр.

(Ноября 19-го дня 1809 года. Дворяниново).

ВЕСЕЛОСТЬ ЖИЗНИ.

Письмо 197-е.

Любезный пріятель! День имянинъ моихъ въ сей годъ праздновалъ я, по старинному обыкновенію, приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ и угощеніемъ у себя всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей. И какъ было довольно и однихъ нашихъ городскихъ, то не было надобности созывать посторонннихъ, отъ чего поудержался я и потому, что беременная жена моя была уже на сносѣхъ и мы съ каждымъ почти днемъ ожидали ея разрѣшенія, которое и воспослѣдовало дѣйствительно чрезъ три дни послѣ сего праздника. Въ сей разъ даровалъ мнѣ Богъ еще дочь, Екатерину, самую ту, которая одна назначена была Промысломъ Господнимъ утѣшать дни наши при нынѣшней нашей старости частыми съ нами свиданіями и своею къ намъ ласкою и любовію. Она родилась 21-го числа октября мѣсяца, ввечеру, какъ только смерклось, вполовинѣ 6-го часа, и мы всѣ обрадованы были ея рожденіемъ не менѣе какъ-бы рожденіемъ и сына, ибо почитая всѣхъ дѣтей дѣтьми единоравно, и не зная, кому назначена будетъ жизнь и кѣмъ изъ нихъ родителямъ веселиться, никогда не былъ я подверженъ той глупости, чтобъ негодовать или роптать на Промысель Господень, для чего родятся не сыновья, а дочери. Всѣ наши друзья и сосѣди, какъ городскіе, такъ и деревенскіе, не преминули оказать родильницѣ обыкновенныя учтивости и изъявить принимаемое ими соучастіе въ нашей радости; а 28-го числа и окрестили мы ее, заставивъ сына моего Павла и старшую дочь, Елизавету, быть ея воспріемниками отъ купели, и угостили при семъ случаѣ всѣхъ нашихъ городскихъ обѣденнымъ и вечернимъ столомъ и доброю пирушкою.

Весь октябрь мѣсяцъ провели мы въ такихъ же занятіяхъ, какъ и сентябрь. Въ дневное время отправляли свои дѣла, а по вечерамъ съѣзжались вмѣстѣ и занимались разными невинными забавами. Губернаторъ, котораго мы давно уже ждали для назначенія въ натурѣ города, не прежде къ намъ пріѣхалъ, какъ 26-го числа, и для одной только проформы; ибо какъ къ разбитію города нашелъ онъ и въ городничемъ нашемъ довольно способности, поелику былъ онъ до того землемѣромъ, то и препоручилъ онъ сіе дѣло ему, прося только меня, въ случаѣ какого недоумѣнія, помогать ему моими совѣтами, что я охотно на себя и принялъ. Что мы съ нимъ въ теченіе сего и послѣдующаго мѣсяца и произвели дѣйствительно.

Впрочемъ, ознаменовался сей мѣсяцъ полученіемъ мною двухъ достопамятныхъ писемъ. Оба они были неожидаемы и для

меня важны. Одно отъ новаго моего полуначальника, молодого князя Гагарина, но о чемъ точно, того по давнишнему времени не помню; только то мнѣ памятно, что было оно о чемъ-то важномъ и принудившемъ меня тотчасъ на оное отвѣтствовать, и что было оно первое, полученное мною отъ сего горделивца. А второе отъ Экономическаго Общества и несравненно мнѣ пріятнѣйшее, но стольже мало мною ожиданное, какъ и первое. Писано оно было ко мнѣ какъ къ сочинителю и издавателю «Сельскаго Жителя» и по поводу онаго, и случайнымъ образомъ въ самой день имянинъ моихъ, и было равно какъ имянинымъ подаркомъ. Какимъ-то образомъ дошло до сего Общества свѣдѣніе о издаваемомъ въ Москвѣ моемъ журналѣ, и ему восхотѣлось ободрить и подкрѣпить меня въ предпріятіи и дѣлѣ моемъ своимъ одобреніемъ. И какъ оно и дѣйствительно меня много ободрило, то и помѣщу я оное здѣсь для достопамятности и любобопытства. И вотъ что оно ко мнѣ писало *):

«Подъ высочайшимъ ея императорскаго величества покровительствомъ «изъ Вольнаго Экономическаго Общества «господину издателю журнала подъ именемъ «Сельскаго Жителя».

«Всякія сочиненія, клонящіяся къ пользѣ и просвѣщенію согражданъ своихъ, «достойны похвалы, уваженія и одобренія. Таковыми почитаетъ все наше Общество благородные труды, въ изданіи «журнала вашего употребляемые, и видя «въ васъ достойнаго себѣ сотрудника, «съ великимъ удовольствіемъ отдаетъ «вамъ ту истинную похвалу, которую полезныя ваши сочиненія отъ россійскихъ «патріотовъ заслуживать долженствуютъ. «Примите отъ насъ сію, толь достойно «вамъ приносимую почесть, нелицемѣрнымъ знакомъ того уваженія, съ которымъ мы періодическія ваши изданія «пріемлемъ, и будьте увѣрены, что мы «непременемъ оказать вамъ чувствительной нашей благодарности, когда вы, «издавая къ чести своей въ свѣтъ сіе «полезное ваше сочиненіе, благоволите «въ Общество наше какъ всѣ до нынѣ «вышедшіе, такъ и впредь выходить «имѣющіе листы вашего журнала безпрерывно и безумедленно сообщать».

Письмо сіе подписано было, по обыкновенію, президентомъ Общества и обоими секретарями онаго, изъ коихъ первымъ былъ тогда господинъ Крузъ. Я, будучи полученіемъ сего письма чувствительно обрадованъ, непримянулъ не только велѣть Ридигеру, во исполненіе желанія Общества, тотчасъ при написанномъ отъ меня благодарительномъ письмѣ переслать въ оное всѣ до того вышедшіе листы моего журнала и впредь посылать, по вскорѣ затѣмъ, въ посрамленіе всѣхъ моихъ неблагонамѣренныхъ и глупыми своими письмами меня оскорбляющихъ читателей, помѣстить все вышеупомянутое письмо отъ Общества въ листки мои и тѣмъ пристыдить сихъ негодяевъ, прочихъ подкрѣпить въ ихъ ко мнѣ благорасположеніи и хорошемъ обо мнѣ мнѣніи, что и произвело свое вожделѣнное дѣйствіе. Всѣ сіи умницы начали съ сего времени замолкать и мнѣ досадными своими письмами уже менѣе мѣшать продолжать свое благонамѣренное дѣло.

Вскорѣ за симъ наступилъ у насъ мѣсяцъ ноябрь и съ нимъ глубокая и скучная осень, но мы провели ее отмѣнно весело. У насъ основались около сего времени толь частыя по вечерамъ собранія и между собою даже поочереди то у того, то у другого съѣзды и вечеринки, что я не помню, когда бы мы еще такъ весело провождали свое время, какъ тогда. По окончаніи нашихъ дневныхъ дѣлъ, едва только наставалъ вечеръ, какъ и спѣшили всѣ изъ насъ собираться къ тому на квартиру, у кого въ тотъ вечеръ, по условію, сдѣланному наканунѣ того дня, назначено было быть вечеринкѣ. Тутъ вмѣстѣ съ нами являлись обыкновенно и всѣ наши пансіонныя дѣти, и

*) Въ подлинникѣ письмо это обрамлено красными кавычками. Ред.

оба наши музыканта, учитель съ своею скрипкою, а Виліамсъ съ своими гуслями, и тотчасъ начиналась потѣха: кто садился играть въ ломберъ, кто въ реверсисъ, кто въ иныя карточныя неубыточныя, а съ смѣхами и веселыми восклицаніями сопряженныя забавныя игры. Музыка наша принималась между тѣмъ за свои инструменты, а дѣти за свои прыганья и танцы. Когда же то имъ прискучивало, то заводились игры въ фанты, чѣмъ не только они, но и всѣ мы, сотовариществуя имъ, занимались, и громогласные смѣхи, шутки, издѣвки и дружеское единодушіе и простое обхожденіе всѣхъ между собою приправляло все сіе отмѣнною пріятностію и чувствіями удовольствія истиннаго. Часто собранія сіи бывали такъ многочисленны, что недоставало почти мѣста къ помѣщенію гостей всѣхъ. Происходило сіе оттого, что ко всѣмъ намъ нерѣдко пріѣзжали въ городъ собственные каждой фамиліи друзья, родные и пріятели, и иногда у нихъ ночующіе, а иногда по нѣскольку дней гостившіе. И какъ у насъ условленось и въ обычай введено было звать на вечеринки къ себѣ всѣхъ и съ ихъ пріѣзжими гостями, то сіи и умножали собою наши собранія, и находили въ нихъ для себя столь много пріятнаго и веселаго, что нерѣдко случалось, что иные, пріѣхавъ къ кому-нибудь на сутки, проживали въ городѣ у насъ сутокъ по трое и болѣе, потому что всякой изъ насъ старался убѣждать ихъ просьбами удостоить и его своимъ посѣщеніемъ, и при убѣжденіи всѣхъ къ тому-жъ не въ состояніи былъ отговариваться, и не одинъ разъ доходило до того, что многимъ отъ насъ даже ѣхать не хотѣлось.

Словомъ, жизнь наша тогда была прямо славная и преисполненная удовольствіями безпрерывными; а что всего было лучше, то никому вечеринки сіи не обращалися ни въ дальній убытокъ, ни въ отягощеніе, ибо какъ при всѣхъ сихъ собраніяхъ не было никакого питья и бражничанья, и даже самыхъ ужиновъ, кромѣ такихъ случаевъ, когда кому случалось праздновать либо день рожденія или имянины кого-нибудь изъ своего семейства, или такъ кому самопроизвольно желалось угостить всѣхъ ужиномъ, то и нужно было только освѣщеніе комнатъ свѣчами, да угощеніе всѣхъ чашкою чая. Однимъ словомъ, жизнь и согласіе наше было таково, что скоро сдѣлалось оно повсюду славно, и какъ нерѣдко пріѣзжали къ намъ либо проѣздомъ, либо для какихъ нуждъ, либо для свиданія съ своими родными и самые судьи и чиновники изъ губернскаго города, и брали въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе, то сдѣлалась она и въ самой Тулѣ славна и извѣстна и пріобрѣла намъ всеобщую похвалу и одобреніе.

Впрочемъ, достопамятенъ былъ мѣсяцъ сей нѣкоторыми особенными для меня происшествіями. Первое было то, что 12-го числа сего мѣсяца происходило у насъ, подъ распоряженіемъ моимъ, освященіе бобриковской церкви, при которомъ случаѣ дѣлалъ у себя пиръ г. Верещагинъ и было съѣхавшихся съ сему случаю дворянъ довольное собраніе. Во-вторыхъ, катерининъ день праздновали мы на имянинахъ у новой нашей знакомой, Катерины Артамоновны Бакуниной, въ ея деревнѣ, при которомъ случаѣ видѣлъ я всѣхъ епифанскихъ судей и другихъ многихъ изъ дворянъ тамошнихъ, и съ ними познакомился и сдружился. Въ-третьихъ, средней дочери моей, Настасьѣ, случилось въ теченіе сего мѣсяца лежать въ оспѣ. Сіе происшествіе сначала-было насъ перетревожило и перепугало, но какъ оспѣ случилось быть очень хорошей и безопасной, то мы скоро успокоились духомъ. Живущему у насъ воспитаннику нашему, господину Сезеневу, была она такъ удачна, что онъ износилъ ее даже ходючи и занимаясь съ прочими дѣтьми въ танцахъ, ибо было на немъ только нѣсколько оспинокъ. Въ-четвертыхъ, достопамятно для меня было то, что я получилъ письмы отъ нѣсколькихъ новыхъ и весьма хорошихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ иные писали ко мнѣ подъ настоящими своими

именами, и чрезъ то подали случай къ начатію съ ними особенной, приватной переписки, а потомъ и къ сведенію съ ними знакомства и дружбы. Къ таковымъ принадлежалъ московской корреспондентъ, господинъ Вишневскій, и орловской, Алексѣй Александровичъ Воейковъ, писавшій ко мнѣ сперва подъ именемъ Уединена. Наконецъ, въ-пятыхъ, занималъ меня много начавшійся въ сіе время рекрутской наборъ, и какъ надобно было выбрать изъ волостныхъ крестьянъ годныхъ въ рекруты нѣсколько сотъ человѣкъ, то по сему дѣлу имѣлъ я много весьма скучныхъ для меня хлопотъ, трудовъ и работы.

Каковъ относительно до увеселеній нашихъ былъ ноябрь, таковымъ же точно былъ и весь декабрь мѣсяцъ. Мы заѣздились и завеселились впрахъ, а особливо въ наставшія въ концѣ сего мѣсяца святки, и удовольствій имѣли множество. Однако были въ теченіе сего мѣсяца произшествія, заставившія меня и объ иномъ думать. Къ числу сихъ принадлежалъ неожиданной мною приѣздъ ко мнѣ моего деревенскаго сосѣда, господина Басаргина, второго мужа жены покойнаго родственника моего, Матвѣя Никитича Болотова. Сей молодецъ прискакалъ было ко мнѣ для испрошенія выдачи ему и женѣ его оставленнаго покойникомъ и у меня хранящагося векселя, но наскочилъ не такого олуха, которой бы далъ себя обуть его просьбамъ, разсказамъ и убѣжденіямъ. Я отказалъ ему напотрѣзъ, говоря, чтобъ онъ о томъ никогда бы и не помышлялъ, и что я непремѣнно сохраню сей священной залогъ по завѣщанію покойника и не предамъ осиротѣвшую дочь его ихъ съ женою произволу и никакъ не допущу до того, чтобъ лишилась она отцовскаго наслѣдства. Итакъ, господинъ сей, по пословицѣ говоря, несолоно хлебавъ отъ меня и поѣхалъ, и поѣхалъ хотя съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, но я, желая исполнить долгъ свой, того нимало не уважилъ.

Далѣе; дѣла по рекрутскому набору принудили меня съѣздить на короткое время въ Тулу. Въ сей разъ ѣздила туда и жена моя съ старшею изъ дочерей моихъ, ибо ей хотѣлось оттуда проѣхать въ Калединку къ теткѣ своей, госпожѣ Арцыбышевой, гдѣ и оставила она дочь мою погостить. Я же, между тѣмъ, находясь въ Тулѣ, имѣлъ случай быть у губернатора, которой принялъ меня отмѣнно ласково и старался тѣмъ отплатить мнѣ за всѣ мои многократныя угощенія. Кромѣ сего случилось мнѣ видѣть и старинную свою знакомку, дочь господина Павлова, Марью Даниловну, бывшую тогда уже замужемъ за однимъ изъ тульскихъ судей, г. Ладыженскимъ. Они зазвали меня къ себѣ и угощали меня обѣдомъ, и я благопріятствомъ ихъ былъ очень доволенъ.

По возвращеніи моемъ изъ Тулы, имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя обѣденнымъ столомъ новаго своего пріятеля, г. Стрекалова, пріѣзжавшаго ко мнѣ вмѣстѣ съ Верещагинымъ, которой день былъ вкупѣ и тѣмъ достопамятенъ, что опредѣленъ былъ къ намъ къ церкви и впервые служилъ новой попъ Алексѣй, бывшій у насъ потомъ славнымъ протопопомъ, также и тѣмъ, что въ самой сей день возвратилась жена изъ Калединки, и что мы около сего времени получили новаго себѣ сотоварища, стряпчаго Сонина, опредѣленнаго на мѣсто бывшаго до того почти полуумнаго Хомякова, доказавшаго разстройку ума своего зарѣзаніемъ жены своей отъ глупой и пустой ревности, и сдѣлавшагося чрезъ то несчастнымъ. Необычайное произшествіе сіе надѣлало тогда очень много грома, и несчастная сія претерпѣла бѣдствіе сіе, какъ говорили, совсѣмъ невиннымъ образомъ; ибо какъ была она очень недурна собою, а онъ до глупости къ ней ревнивъ, то ничего незначущія ласки къ ней нѣкоторыхъ людей довели его до того, что онъ, легши съ нею спать, вонзилъ ножъ въ ея животъ и умертвилъ въ ту же минуту; но за то пострадалъ и самъ послѣ, будучи сосланъ въ ссылку. У меня осталась

послѣ его памятникомъ фарфоровая чашка, подаренная имъ мнѣ въ день послѣднихъ имянинъ моихъ, напоминающая мнѣ о семъ несчастномъ и меня любившемъ человѣкѣ ежедневно; ибо какъ она мнѣ полюбилась, то я во всю послѣдующую жизнь мою пивалъ изъ ней свой чай, и пью болѣе тридцати лѣтъ изъ ней даже и нынѣ, и чрезъ то очень часто его вспоминаю.

Наконецъ, настало у насъ Рожество Христово и начались святки, усугубившія обыкновенные наши съѣзды, вечеринки и увеселенія. Въ самой праздникъ былъ обѣдъ, балъ и вечеринка у меня и собраніе многочисленное. На другой день угощалъ насъ у себя Николай Сергѣевичъ Арсеньевъ, на третій господинъ Албычевъ, на четвертой учитель, а послѣ его казначей нашъ Борисъ Дмитріевичъ Плотниковъ, и мы завеселились во всѣ сіи дни впрахъ. Но вдругъ, и въ самое то время, какъ ликовали мы у казначея, пораженъ я былъ полученіемъ къ себѣ пакета, которой въ единъ мигъ разрушилъ всѣ мои радости и удовольствія и повергъ меня въ превеличайшую задумчивость, смущеніе и разстройку мыслей. Содержалъ онъ въ себѣ ордеръ ко мнѣ отъ старика-князя, и ордеръ такой, какого я всего меньше ожидалъ. Мнѣ давалось чрезъ него знать, что императрицѣ угодно было его отъ правленія волостьми совершенно уволить и ввѣрить оное его сыну, князю Сергію Сергѣевичу, и чтобъ я съ сего времени почиталъ его своимъ командиромъ и обо всемъ уже къ нему относился.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было для меня крайне поразительно. Оно взволновало въ одинъ мигъ всю во мнѣ кровь и смутило такъ всѣ мои мысли, что я остолбенѣлъ почти отъ изумленія, но что было и натурально; ибо какъ мнѣ дурной характеръ сего новаго моего начальника былъ довольно уже извѣстенъ, то, судя по холодному и почти презрительному его ко мнѣ въ бытность его у насъ поведенію, не могъ я отъ него ничего ожидать добраго, а долженъ былъ уже заранѣе готовиться ко всему худому и непріятному; а сіе и смущало и озабочивало меня до безконечности, и мнѣ не оставалось ничего къ ободренію, какъ единой защиты и покровительства моего Бога.

Впрочемъ не понималъ я, какимъ образомъ и по какому поводу и случаю произошла такая, всего меньше ожидаемая перемѣна, и для меня было сіе тогда сущею загадкою, которая разрѣшилась не прежде, какъ по прошествіи многаго послѣ того времени; и вотъ что и какую странную и удивительную исторію узналъ я о поводѣ къ происшествію сему.

О волостяхъ нашихъ хотя и не было никому съ достовѣрностію извѣстно, кому онѣ собственно назначались и на какой конецъ заводились въ нихъ разныя и великаго иждивенія стоющія зданія, однако, по всеобщей молвѣ, никто почти не сомнѣвался въ томъ, что онѣ назначались нѣкакому господину Бобринскому, мальчику, воспитанному въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и съ отмѣннымъ прилежаніемъ обучаемому . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Поелику мальчикъ сей около сего времени достигалъ уже до такого возраста, что могъ быть вскорѣ уже и женатымъ; то бывшій въ сіе время у насъ въ Россіи первымъ и знаменитѣйшимъ бояриномъ и императрицынымъ любимцемъ, и бывшій потомъ свѣтлѣйшимъ княземъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ, мужъ, дышущій любочестіемъ и любовластіемъ безпредѣльнымъ, и простирающій замыслы и намѣренія свои почти за самыя облака, обратилъ между прочимъ виды свои и на сего знаменитаго юношу. Онъ имѣлъ у себя нѣсколько родныхъ племянницъ, которыя, ежели вѣрить носившейся тогда всеобщей молвѣ, были вкупѣ и его любовницы, всѣхъ ихъ

пораздалъ онъ кой-за-кого и пристроилъ къ мѣстамъ знаменитымъ, и оставалась одна младшая, имъ болѣе прочихъ любимая, да и лучшенькая. Сію-то младшую племянницу свою, госпожу Енгельгартшу, назначалъ онъ въ мысляхъ своихъ за помянутаго знаменитаго юношу и хотѣлъ, женивъ его на ней, сдѣлать богатѣйшею и знаменитѣйшею госпожею въ Россіи, и онъ надѣялся безсомнѣнно убѣдить къ соизволенію на то и самую императрицу.

Теперь надобно знать, что въ самое то время помянутой молодой князь Сергій Сергѣевичъ Гагаринъ служилъ при дворѣ камергеромъ и былъ по сему случаю князю Потемкину не только знакомъ, но находился у него въ особливой любви и милости. И какъ ему, по сему обстоятельству, случалось бывать часто у него и видѣть его племянницу, то, будучи проворнымъ, хитрымъ и любовнымъ дѣламъ преданнымъ молодымъ человѣкомъ, вошелъ онъ какъ-то съ нею въ тайныя связи и былъ взаимно любимъ и ею. И какъ ему помянутой замыселъ князя Потемкина не могъ быть неизвѣстнымъ, какъ отъ самой ей, такъ и потому, что князь ему въ томъ, какъ другу своему, открылся; то, будучи не въ состояніи сему воспрепятствовать, рѣшился онъ не только ему въ томъ всячески вспомоществовать, что ему, какъ находившемуся тогда въ милости у императрицы, и можно было дѣлать, но и для себя выгадать притомъ особливую выгоду; почему и сталъ онъ тотчасъ замышлять и обработывать съ любимцемъ своимъ Верещагинымъ, бывшимъ тогда при немъ въ Петербургѣ и ему во всемъ рабски прислуживающимся, особой планъ, достойной не уваженія, а истиннаго презрѣнія.

Гнусной планъ сей состоялъ въ слѣдующемъ. Какъ оба они не сомнѣвались, что какъ скоро женится г. Бобринской, такъ отдадутся ему во владѣніе и обѣ наши волости. Объ немъ же они знали, что онъ, будучи еще очень молодъ и къ распутствамъ и веселостямъ очень склоннымъ, самъ собою управлять ими будетъ не въ состояніи, да они ему въ полное управленіе отъ императрицы тотчасъ и не отдадутся, и что нуженъ будетъ къ нему приставъ и помощникъ; то и полагали они, чтобъ симъ приставомъ и помощникомъ въ правленіи не иному кому быть, какъ сему молодому князю Гагарину и при немъ Верещагину, и чтобъ обоимъ имъ постараться увезть тогда сего молодого господина съ молодою его женою въ волости, и заведя его во всѣ забавы и увеселенія, самимъ, между тѣмъ, воцариться въ волостяхъ и хозяйствовать въ нихъ по своему произволенію. Словомъ, они замышляли все распорядить такъ, чтобъ тогда младой Бобринской носилъ только на себѣ званіе мужа и господина надъ волостьми, а тѣмъ и другимъ быть бы въ самомъ дѣлѣ помянутому князю Гагарину, а при милости его Верещагину, которой, будучи великимъ пройдохою, хитрецомъ и картежнымъ игрокомъ, ласкался надеждою найтить и для себя тутъ выгодной счетъ и, пообыгравъ сего молодого и богатаго господина, поправить и свое состояніе.

Въ семъ состояло главное существо дальновиднаго ихъ замысла и заговора. Но единое затрудненіе находили они въ томъ, что волости наши не находились еще въ управленіи сего молодого князя и не прежде могли находиться, какъ развѣ по смерти старика, отца его, управляющаго ими, но которая скоро ли или нескоро воспослѣдуетъ, они не знали и знать не могли. И какъ опасались они, чтобъ помянутая женитьба не воспослѣдовала еще при жизни стараго князя, то озабочивались они тѣмъ, и долго не знали, какъ бы пособить себѣ въ семъ случаѣ и какимъ бы образомъ доставить власть и управленіе волостями скорѣе въ руки молодому князю. Наконецъ, хитрые и острые умы ихъ и развратныя сердца помогли имъ выдумать и къ тому одно удобное, хотя крайне безсовѣстное и дурное средство. Они распустили слухъ и молву, что старикъ-князь такъ состарѣлся, что выжилъ уже изъ ума и мѣ-

шался въ мысляхъ. И сынъ не устыдился не только подтверждать сію ложную и самимъ имъ выдуманную молву, но старался еще довесть стороною слухъ сей до самой императрицы и небывальщину сію объ отцѣ своемъ утвердить собственнымъ увѣреніемъ. Что оставалось тогда монархинѣ дѣлать? И какъ можно было не повѣрить свидѣтельству сыновню! Однако онъ въ семъ случаѣ не совсѣмъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и не все получилъ, чего онъ ожидалъ и надѣялся. Императрица хотя и дѣйствительно намѣрена была сдѣлать его послѣ отца въ правленіи волостьми преемникомъ, но по премудрости и добродушію своему не хотѣла вдругъ огорчить и живого еще старика-князя, отца его, и потому на первой случай сдѣлала его только ему въ правленіи сими волостьми помощникомъ.

Такимъ образомъ гнусной и коварной умыслъ сей несовсѣмъ удался, и молодой князь симъ не весьма былъ доволенъ; но чрезъ нѣкоторое время послѣ того огорчился онъ и болѣе еще, когда и прочій его обширной и дальновидной замыслъ получилъ страшной толчокъ и какъ прахъ разсѣялся по воздуху вихромъ. Одинъ нечаянной и бездѣльной случай опровергъ вдругъ всѣ его замыслы и затѣи и разрушилъ однимъ разомъ всѣ зданія и замки, воздвигаемые имъ съ г. Верещагинымъ на воздухѣ. Излишняя любовная запальчивость и маленькая неосторожность испортила все дѣло. Ему случилось нѣкогда, будучи у князя Потемкина, сидѣть наединѣ съ помянутою тайною любовницею своею, племянницею княжою и будущею невѣстою г. Бобринскаго, въ одномъ покоѣ на софѣ. Въ самое то время и совсѣмъ неожидаемо входитъ туда же самъ князь Потемкинъ, любившій также сію молодую красавицу, и усматриваетъ ее въ такомъ положеніи, которое вдругъ открыло ему глаза. Взволновалось вдругъ его сердце и преисполнилось ревностію и досадою. Будучи весьма хитръ и коваренъ, онъ хотя и ничего тогда не сдѣлалъ, а захохотавъ, притворно сказалъ: «Ну, братъ, князь, хорошо! право, хорошо!» и потомъ, хлопнувъ дверью, ушелъ; но послѣдствія отъ сего нечаяннаго усмотрѣнія были великія и важныя. Князь хотя и скрылъ свою досаду въ глубинѣ своего сердца и наружно не показалъ никакого вида и перемѣны, но въ самомъ дѣлѣ лишилъ съ сего времени князя Гагарина всей своей искренней любви и милости, и вмѣсто прежняго друга и благодѣтеля сдѣлался ему тайнымъ врагомъ и гонителемъ. Но сего было недовольно, а послѣдствіемъ отъ сего было и то, что онъ перемѣнилъ вдругъ и оставилъ всѣ мысли свои о женитьбѣ Бобринскаго на сей своей племянницѣ, но паче самъ помогъ послѣ къ тому, что сей молодой человѣкъ отправленъ былъ съ приставомъ въ чужіе края путешествовать. А чтобъ поудалить отъ племянницы своей и князя Гагарина, то внушилъ императрицѣ самъ желаніе поручить сему князю наши волости въ полное управленіе, отженивъ старика отца его, яко совсѣмъ съ ума уже рехнувшагося, отъ всей прежней довѣренности къ нему императрицы и правленія оными.

Симъ образомъ разрушился весь планъ молодого князя Гагарина, и онъ, вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ блаженствъ, не получилъ ничего, кромѣ довѣренности императрицыной относительно до управленія сими волостьми. Но за то принужденъ былъ на нѣсколько времени отлучиться отъ двора, и для принятія отъ отца всѣхъ дѣлъ, до сихъ волостей относящихся, пріѣхать въ Москву; но что все уже его не весьма веселило, ибо онъ, кромѣ излишнихъ хлопотъ, заботъ и попеченій, не предусматривалъ отъ того никакой себѣ пользы и выгоды. Самое служеніе сіе, по примѣру отца, долженъ былъ онъ отправлять безъ всякой за труды награды и жалованья.

Вотъ какія странныя происходили тогда дѣла и сплетни и по какому случаю отнята была команда отъ старика-князя, невѣдавшаго о томъ ничего и только что сей неожиданной перемѣнѣ удивлявшагося. Намъ всѣмъ также всѣ проис-

шествія сіи были неизвѣстны, и я узналъ ихъ долгое время спустя послѣ того отъ самого Верещагина, которой не посовѣстился и не постыдился самъ мнѣ о томъ при одномъ случаѣ разсказать въ подробности. Но я возвращусь къ продолженію моей исторіи.

Помянутой ордеръ и первое извѣстіе о сей перемѣнѣ въ моемъ начальствѣ получилъ я при самомъ уже окончаніи 1778 года, и именно 30-го числа декабря мѣсяца. Оно поразительно и непріятно было мнѣ наиболѣе потому, что я имѣлъ уже издавна о новомъ командирѣ своемъ и вообще обо всемъ его характерѣ не весьма выгодное мнѣніе, и о неблагорасположеніи его ко мнѣ, съ самаго начала опредѣленія моего въ сію волость противъ его желанія, былъ уже свѣдомъ; а послѣдній его пріѣздъ къ намъ подтвердилъ мнѣ то еще больше, такъ что я, не надѣясь отъ него никакого себѣ добра, имѣлъ причину съ самаго того пункта времени опасаться и ожидать отъ него всего дурного, и за вѣрное почти полагалъ, что онъ въ непродолжительномъ времени непремѣнно меня смѣнитъ и опредѣлитъ на мое мѣсто какого-нибудь своего фаворита. Таковая мысль, признаться надобно, начинала меня и гораздо уже смущать и тревожить, и болѣе потому, что я въ Богородицкѣ, въ надеждѣ долговременнаго тутъ пребыванія, совсѣмъ уже завезся и тутъ такъ обстроился да и привыкъ уже къ сему мѣсту и должности, что мнѣ потерять сіе мѣсто уже и не хотѣлось. Совсѣмъ тѣмъ, какъ я, съ одной стороны, былъ совершенно чистъ и ничего за собою худого не вѣдалъ, и князю гнать меня совсѣмъ было не за что, и развѣ захотѣлъ бы онъ сдѣлать сіе изъ единаго своенравія; а съ другой стороны не позабывалъ, что мѣста сего я не искалъ и не добивался, а доставлено оно мнѣ дѣйствіемъ пекущагося о благѣ моемъ Промысла Господня, которой можетъ меня и отъ всѣхъ несправедливыхъ гоненій и защитить и всѣ злые противъ меня ковы разрушить, то мысли о семъ скоро опять меня и успокоили, и я, возложа надежду и упованіе на всегдашняго моего покровителя и Бога и предоставивъ все будущее Его волѣ и распоряженію, расположился съ спокойнымъ духомъ ожидать, что̀ будетъ.

Въ семъ расположеніи моего духа и мыслей и кончилъ я сей 1778-й годъ, съ которымъ вмѣстѣ кончу я и письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноября 21-го дня 1809 года).

1779 годъ.

Письмо 198-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, успокоившись духомъ и предавъ все въ произволъ Провидѣнію, началъ я провождать вновь наступившій 1779-й годъ, и чтобъ не подать никому виду бывшаго смущенія моего, продолжалъ вмѣстѣ съ прочими нашими судьями чередоваться вечеринками и всѣ достальные дни нашихъ святокъ провождать по прежнему въ разныхъ вечернихъ увеселеніяхъ и забавахъ; но въ дневные часы занятъ я былъ множествомъ дѣлъ какъ по правленію волостному, такъ и по собственнымъ своимъ комнатнымъ упражненіямъ. Такъ случилось, что я, по поводу издаваемаго мною журнала, заваленъ былъ множествомъ писемъ отъ моихъ корреспондентовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, спрашивающихъ меня то о томъ, то о другомъ, и требовавшихъ неукоснительно отвѣта. И какъ мнѣ хотѣлось, да и нужно было ихъ всѣхъ удовлетворить, то я, несмотря на тогдашніе праздники и ежедневное почти угощеніе у себя пріѣзжающихъ, тутошнихъ и постороннихъ гостей, принужденъ былъ ловить всѣ праздныя минуты и употреблять ихъ какъ на соотвѣтствованіе помянутымъ письмамъ, такъ и на самое сочиненіе матеріи для журнала и переписываніе оной. Изъ числа сихъ многихъ корреспондентовъ въ особливости занималъ меня нѣкто, писавшій ко мнѣ сперва подъ именемъ «не китайца, а русскаго дворянина», но о которомъ я послѣ узналъ, что былъ то нашъ славный богачъ Никита Акинфіевичъ Демидовъ, и

съ которымъ я послѣ познакомился и лично, и былъ пріязнію его доволенъ.

Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ прошли нечувствительно и кончились наши прямо веселыя святки. На крещенье получилъ я изъ Москвы съ посыланнымъ туда для отвоза казны моимъ капраломъ цѣлую кипу французскихъ книгъ, присланныхъ ко мнѣ отъ книгопродавца Вейтбрехта, для прочтенія. Съ симъ молодымъ и вновь торговлю иностранными книгами основавшимъ нѣмцемъ имѣлъ я случай въ бытность мою въ Москвѣ познакомиться, и до того сдружился, что онъ, по желанію моему, согласился присылать ко мнѣ разныя французскія книги въ тетрадяхъ, для прочтенія, съ тѣмъ съ моей стороны условіемъ, чтобъ мнѣ ему ихъ возвращать въ цѣлости, но уже переплетенныя въ папку; что я охотно и болѣе потому принялъ, что у меня одинъ изъ моихъ слугъ наученъ былъ самимъ мною сему дѣлу, и мнѣ сіе никакого труда не стоило. Но сего было еще недовольно; но мы съ нимъ затѣяли-было и условились въ сей годъ издавать также особой родъ экономическаго періодическаго сочиненія. Поводъ къ тому подало наиболѣе то обстоятельство, что Ридигеръ, по малости пренумерантовъ на мой журналъ, не имѣлъ охоты продолжать издаваніе онаго на будущій годъ, и онъ мнѣ предварительно давалъ о томъ знать. Но какъ у меня въ запасѣ находилось множество матеріи, заготовленной вчернѣ, и мнѣ не хотѣлось прервать основавшуюся съ столь хорошимъ успѣхомъ переписку со многими благонамѣренными моими соотечественниками и желалось видѣть сочиненія мои напечатанными; то, по случаю сведенія съ симъ г. Вейтбрехтомъ знакомства, предложилъ я, не хочетъ ли онъ войтить въ сіе дѣло и издавать мои сочиненія; и какъ онъ охотно и съ великою охотою на то согласился, то не только условились мы съ нимъ о семъ новомъ предпріятіи, но мною сочинено и даже напечатано было уже и объявленіе объ ономъ. Но все наше дѣло, по особливому случаю, не состоялось: нѣмчура сей какимъ-то образомъ вдругъ, либо сдѣлавшись банкрутомъ, либо по какимъ-нибудь инымъ причинамъ, изъ Москвы въ теченіе послѣдующаго лѣта исчезъ, и куда дѣвался, никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ, такъ что вмѣстѣ съ его лавкою пропали и всѣ экземпляры моей «Дѣтской философіи», данные ему мною для продажи, и у меня взамѣнъ того осталось только нѣсколько французскихъ книгъ, бывшихъ у меня въ то время для помянутаго переплетанья и читанія, которыя и понынѣ у меня цѣлы.

Впрочемъ достопамятно, что на третій день послѣ крещенья потеряли мы бывшую до того домашнюю нашу собесѣдницу и такъ долго гостившую у насъ дѣвицу, госпожу Бѣляеву, и которой сотовариществомъ мы такъ много были довольны. Отецъ ея неотмѣнно хотѣлъ имѣть ее опять при себѣ, и она, привыкнувъ къ намъ, противъ хотѣнія своего принуждена была къ нему отправиться и разсталась съ нами съ великимъ сожалѣніемъ. Она и понынѣ, будучи замужемъ за г. Раковскимъ, еще жива, и живучи съ мужемъ своимъ въ Москвѣ, питаетъ къ намъ свою нелицемѣрную дружбу и съ нами временно переписывается.

Около самаго сего времени заѣзжалъ къ намъ и ночевалъ у насъ славной нашъ великанъ, генералъ Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, братъ родной тетки, Матрены Васильевны Арцыбышевой, и я съ удовольствіемъ угощалъ сего всѣми уважаемаго генерала; при которомъ случаѣ случилось мнѣ ему читать нѣкоторыя пьесы изъ моего журнала, и онъ ими такъ былъ удивленъ и доволенъ, что не хотѣлъ-было вѣрить, что сочинялъ оныя я, а не иной кто.

Не успѣло нѣсколько дней генваря пройтить, какъ новой мой командиръ, вступивъ въ полное и самовластное правленіе надъ волостями нашими, и началъ бомбандировать меня своими ордерами и посылать ко мнѣ повелѣніе за повелѣніемъ, и одно строже другого, и писать ко мнѣ совсѣмъ уже отмѣннымъ образомъ, нежели какъ писывалъ мой преж-

ній командиръ, отецъ его. Совсѣмъ тѣмъ нельзя было сказать, чтобъ всѣ они были хороши и основательны. По чрезвычайной остротѣ и бѣглости своего ума и духа, и по излишней надѣятельности на совершенное свое всѣхъ вещей знаніе, а при всемъ томъ по сущему невѣжеству во многихъ вещахъ и пунктахъ, дѣлалъ онъ нерѣдко великія погрѣшности и приказывалъ исполнять то, чего никоимъ образомъ нельзя было произвесть въ дѣйство; а самое сіе и приводило меня въ великое смущеніе, хлопоты и безпокойство. Примѣромъ тому можетъ служить одно важное и мнѣ множество хлопотъ и огорченій наведшее дѣло, бывшее у меня съ нимъ по дѣламъ откупнымъ и кабацкимъ.

Я упоминалъ уже прежде, что въ богородицкой волости находилось множество кабаковъ незаконныхъ, впущенныхъ еще г. Опухтинымъ и разсѣянныхъ по всѣмъ деревнямъ, гдѣ они, подъ именемъ выставокъ, производили въ нихъ ежедневную продажу, и что я, вступя въ правленіе и донося о томъ князю, хотя и спрашивалъ у него, что онъ прикажетъ съ ними дѣлать, но какъ онъ, нехотя подъ старость входить въ хлопоты и ссоры съ откупщиками, приказалъ мнѣ ихъ такъ оставить какъ они были, что онъ подтвердилъ и самъ во время пріѣзда своего къ намъ въ волость съ своимъ сыномъ при случаѣ бывшаго о томъ разговора. Итакъ, хотя мнѣ и извѣстенъ былъ неизмѣримый вредъ, причиняемой ими волостямъ, и хотя я самъ усердно желалъ истребить оные, однако принужденъ былъ, соображаясь съ волею старика-князя, смотрѣть на сіе сквозь пальцы и съ досадою держать, по пословицѣ говоря, корову за рога, между тѣмъ какъ другіе ее доили; а въ семъ состояніи и засталъ волости мои новой командиръ. Сей хотя за вѣрное полагалъ, что и я отъ откупщиковъ такимъ же образомъ пользовался, какъ прежніе управители, о чемъ онъ отъ Верещагина довольно наслышался, однако въ томъ немилосердо обманывался. У меня того и въ помышленіи никогда не было, а хотя бы и хотѣлъ, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ не было къ оному и никакой возможности. Съ откупами около сего времени произошла великая и та перемѣна, что начали входить въ нихъ и дворяне, и возвысили цѣну онымъ несравненно выше; а дабы имъ въ убыткѣ не остаться, то происками своими въ казенныхъ палатахъ постарались помянутыя вездѣ выставки сдѣлать гласными и почти узаконенными. А къ вящему несчастію богородицкой уѣздъ въ самой тотъ годъ снялъ на откупъ нѣкто господинъ Игнатьевъ, по имени Иванъ Борисьевичъ, человѣкъ хитрой, лукавой, расторопной и всѣми дѣяніями своими походившій болѣе на сущаго іезуита или жида, нежели на благороднаго россійскаго дворянина. Однимъ словомъ, человѣкъ сей былъ такого разбора, что съ нимъ и нашедъ ничего раздѣлить было не можно, а того меньше имѣть такія критическія связи. Онъ, алкая корыстолюбіемъ и будучи хитрымъ и коварнѣйшимъ человѣкомъ, ни о чемъ иномъ не помышлялъ какъ о томъ, какъ бы ему разными происками и хитростями набить потуже свой карманъ, и не заботился нимало ни о стыдѣ, ни совѣсти. А чтобы лучше можно ему было во всѣхъ злыхъ замыслахъ своихъ имѣть успѣхъ, то и въ главные повѣренные къ себѣ отыскалъ одного изъ тульскихъ обанкрутившихся купцовъ, изъ плутовъ плута и самаго доку и архибездѣльника, по прозвищу Деревенскаго; и какъ онъ былъ человѣкъ прямо по его сердцу, то свора сія негодныхъ людей и производила странныя и удивительныя дѣла.

И съ сими-то двумя проходимцами и удальцами довела судьба имѣть мнѣ дѣло и хлопоты, ибо князь не успѣлъ вступить въ правленіе, какъ и предписалъ мнѣ тотчасъ, чтобъ я истребилъ всѣ въ волостяхъ выставки. Сперва обрадовался-было я самъ тому, и какъ случилось сіе при самомъ окончаніи прежняго откупа, которой имѣлъ одинъ алексинской купецъ, то, исполняя повелѣніе сіе въ точности, и велѣлъ я разломать, сколько могли успѣть, всѣ подѣланныя прежними от-

купцпками для продажи вина избёнки и лачужки, и думалъ, что все дѣло тѣмъ и кончится; однако скоро увидѣлъ, что я въ мнѣніи своемъ весьма обманулся и что вкравшееся зло сіе не такъ легко и скоро можно было истребить, какъ я, да и самъ князь думалъ, но что дѣло сіе подвержено было великимъ и почти непреодолимымъ затрудненіямъ. Ибо не успѣлъ войтить въ откупъ помянутой господинъ Игнатьевъ, какъ воспользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что выставки сіи были уже гласными и казенной палатѣ извѣстными, и при откупѣ съ нихъ полагалась сложность, восхотѣлъ непремѣнно всѣ ихъ возобновить и продажу вина возстановить по прежнему повсемѣстную.

Теперь не могу изобразить, какихъ хитростей, уловокъ и какъ правильныхъ такъ и неправильныхъ и даже самыхъ бездѣльническихъ средствъ и пособій ни употреблялъ онъ къ достиженію до своего намѣренія, и сколь много трудовъ, хлопотъ, досадъ, заботъ и самыхъ недоумѣній имѣлъ я при возможнѣйшемъ ему противоборствѣ и стараніи разрушить всѣ злые его съ повѣреннымъ его ковы. Величайшимъ затрудненіемъ было для меня то, что онъ имѣлъ на сторонѣ своей казну и вспоможеніе отъ правительства и законовъ; а я могъ только всего подкрѣпленія себѣ ожидать отъ князя, моего командира. Я и возъимѣлъ тотчасъ къ нему свое прибѣжище и посылалъ къ нему представленіе за представленіемъ; но тутъ скоро оказалось, что онъ умѣлъ только взыскивать и приказывать, а подкрѣплять и защищать было не его дѣло, и я долженъ былъ сколько могъ и какъ умѣлъ уже самъ отъ помянутыхъ бездѣльниковъ отгрызаться. И какъ однихъ моихъ силъ къ тому недоставало, то пользовался въ семъ случаѣ удальствомъ, расторопностію и хитростію и самого Верещагина, и употреблялъ его не одинъ разъ по сему дѣлу, а особливо когда нужно было имѣть дѣло съ судомъ земскимъ и въ ономъ хлопотать по симъ проклятымъ кабацкимъ дѣламъ.

Теперь, возвращаясь къ порядку моего прерваннаго симъ отступленіемъ повѣствованія, скажу, что къ достопамятностямъ, бывшимъ въ теченіе генваря мѣсяца, кромѣ вышеупомянутой ссоры съ коронными, можно нѣкоторымъ образомъ причислить и то, что я около сего времени въ первой разъ въ жизни моей началъ получать къ себѣ гамбургскія нѣмецкія газеты, выписанныя мною еще въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года, и что 20-е генваря былъ тотъ день, въ которой присланы были ко мнѣ по почтѣ первые нумера оныхъ. Нельзя изобразить, сколь великое имѣлъ я тогда удовольствіе, читая и перечитывая оныя и съ какою радостію сообщилъ ихъ и другу моему, нашему лекарю, приносившему мнѣ за то тысячу благодареній; и съ того времени, по самое нынѣшнее, получалъ я оныя уже завсегда, и для удовлетворенія любопытства своего не жалѣлъ никогда платить за нихъ многихъ денегъ.

Другая достопамятность была та, что я около сего времени снабдилъ себя первыми частями славной Крюницевой «Экономической Энциклопедіи», и занимался читаніемъ оной и извлеченіемъ изъ ней всего нужнаго для сообщенія нашимъ соотечественникамъ. Огромная книга сія хотя стоила мнѣ и многихъ денегъ, но за то служила неисчерпаемымъ кладеземъ, изъ котораго почерпалъ я премножество вещей, и она служила мнѣ при экономическихъ моихъ сочиненіяхъ превеликимъ пособіемъ.

Что касается до нашихъ увеселеній, то они отъ времени до времени, несмотря на всѣ мои приказныя хлопоты и ежедневное занятіе себя писаніемъ и сочиненіями, продолжаемы были по прежнему. Въ 20-й же день сего мѣсяца, по случаю имянинъ моей тещи, сдѣлалъ я у себя особенной и большой пиръ и угостилъ не только всѣхъ нашихъ городскихъ, но многихъ и пріѣзжихъ, удостоившихъ меня въ сей день своимъ посѣщеніемъ, и день сей былъ у насъ большимъ и веселымъ праздникомъ.

Кромѣ сего достопамятно, что я, по всегдашней моей дѣятельности и любо-

пытству, при всѣхъ моихъ недосугахъ, успѣвалъ еще кой-когда заниматься и самыми бездѣлушками, относящимися къ разнымъ выдумкамъ, а особливо къ рисованью, и какъ теперь помню, выдумалъ около сего времени составлять картинки изъ разныхъ травокъ и листковъ древесныхъ, которыя впослѣдствіи времени довелъ до нарочитаго совершенства.

Кромѣ сего, приди на меня въ теченіе сего мѣсяца опять охота выдумывать и сочинять загадки, и мнѣ удалось и въ сей разъ сочинить нѣсколько ихъ, и довольно замысловатыхъ. По рѣдкости и для незабвенія оныхъ, не за излишнее почелъ я помѣстить и ихъ здѣсь, по примѣру прежнему. Онѣ были слѣдующія:

1.

Недавно я хотя на свѣтѣ существую,
Но силу, честь и власть ужасную имѣю.
Цари, князья, рабы и господа,
И дѣти, старики, и жены, и мужья
И любятъ всѣ, и чтутъ, обходятся со мной,
И всѣ хотятъ, чтобъ къ нимъ добра бы я была.
Но я на ласки ихъ и просьбы, и желанья
Нимало не смотрю, а ими лишь играю;
Кому хочу — добра, кому вредна бываю,
И въ свѣтѣ семъ никѣмъ отнюдь не уважаю.
По силѣ я своей нерѣдко дѣла чудны
И странныя творю съ своими я рабами:
Богатыхъ въ единъ мигъ въ убогихъ премѣнить,
А сихъ въ единой день въ богатыхъ обратить:
Разумныхъ въ дураки и сущіе глупцы,
Глупцовъ на самой верхъ достоинствъ возвести;
Незнатнымъ отворить въ чертоги знатныхъ двери,
Негодницамъ дать верхъ предъ добрыми людьми,
И честь снискать, и умъ, и качествы несмѣтны,
И въ люди произвесть — мое есть дѣло!
Но вмигъ опять одинъ ихъ съ сей я высоты
Въ глубоку бездну бѣдъ низринути могу,
Довесть ихъ до того, чтобъ сталъ иной стенать
И горьки слезы лить но поздно ужъ, о томъ,
Что не былъ онъ уменъ во дни моей щедроты
И вѣрилъ слишкомъ мнѣ, забывъ совсѣмъ о томъ,
Что я есть сущій вздоръ, не знающій его,
И вздоръ, достойнѣйшій презрѣнія отъ всѣхъ.
Что сила, власть моя невѣрна никогда,
И что завишу я сама всегда отъ тѣхъ,
Которые на свѣтъ меня произвели
И кои выжить вонъ могли-бъ скоро опять,
Когда-бъ только того всеобще восхотѣли
И сами бы себя мнѣ покорять не стали.

2.

На червя я похожъ, однако не червякъ;
Родился не такимъ, а дѣлаюся такъ,
И образъ, видъ иной имѣю уже нынѣ,
И жить издалека пріѣхалъ я сюда.
Всякъ радъ мнѣ и имѣть желаетъ у себя,
И всякой день со мной имѣетъ дѣло здѣсь;
Но я не очень тѣмъ доволенъ завсегда,
Волёнъ Богъ и вся честь, и слава съ похвалой.
Въ угодность имъ ступай на муку я всегда
И всякъ день умирай съ товарищемъ своимъ,
Что, такъ же какъ и я родившись вдалекѣ,
Не радъ, бѣднякъ, тому, что любятъ его здѣсь.

3.

Недавно я на свѣтъ по случаю родился
И жизнь опасную, но славную имѣю.
Имѣя входъ вездѣ, живу въ чертогахъ царскихъ,
Любимъ и милъ вездѣ, пріятенъ и терпимъ;
Всѣ любятъ, всѣ друзья всѣ жизнь мою хранятъ,
И всѣ за то одно, что я служу имъ всѣмъ.
Но всѣхъ добрѣй ко мнѣ прекрасной женской полъ,
И нѣтъ счастливѣе любовника меня.
Какая-бъ ни была, но нѣтъ изъ нихъ одной,
Которой бы не милъ и не былъ я любезенъ;
Всѣ ищутъ и хотятъ со мною обходиться,
Всѣ рыщутъ напрерывъ за мною завсегда,
И лишь бы только я представился глазамъ,
Какъ взоры нѣжны ихъ ко мнѣ устремлены;
Я при людяхъ имъ милъ, милѣй того тогда,
Какъ намъ наединѣ случается бывать;
Тутъ ближніе друзья мы съ ними ужъ всегда,
Чего не говоримъ, чего не затѣваемъ,
И можно-ль быть кому счастливѣе меня!
Я сущій чародѣй, ловлю сердца у всѣхъ
И часто довожу до глупости друзей.

4.

Отъ травъ и отъ скота я въ свѣтъ произошелъ,
И образъ на себѣ изрядной я имѣю;
Но образъ мой ничто, я былъ бы съ нимъ презрѣнъ,

Когда-бъ не производилъ еще я одного,
Чѣмъ людямъ я добра много дѣлаю,
Но самъ отъ того погибаю совсѣмъ

5.

Свѣтла я сперва и прозрачна была,
Потомъ побѣлѣвъ шероховата;
Откуда сюда приѣхала я,
О томъ не знаю ни я и никто:
Но скоро опять превращуся я
Въ мой прежній видъ и поѣду въ путь.

6.

Брюхо не всегда бываетъ у меня,
А ноги завсегда, коими не хожу;
Я пользу головой людямъ приношу
И много имъ на ней я нужнаго ношу.

7.

Хотя и не птица, а пѣть я умѣю,
И пою, и ворчу хорошо иногда;
Я рыло имѣю, но мало оно,
А брюхо большое, безъ ногъ и хвоста;
Безъ пристава къ себѣ ни къ чему не гожусь,
А съ нимъ иногда велерѣчивая,
Запою, заворчу, такъ любо смотрѣть
Какъ звѣри и птицы взлетаются.

8.

Не змѣй летучій я, рыгающій огнемъ,
А много похожу на сущаго изверга.
Ни звѣрь, ни человѣкъ, рылъ сотню я имѣю
И множество на нихъ ушей и языковъ;
Не птица и не гадъ, и крыльевъ пара есть,
И крылья чудныя бываютъ иногда;
Не рыба я, ни ракъ, а водятся хвосты,
И перья, и усы есть также у меня.
Я чудо страшное! Великой чародѣй!
Волшебно существо, и силу я имѣю;
Я вмигъ могу весь видъ перемѣнить
И въ образѣ иномъ представиться глазамъ.
Я очи ослѣпить, сердца очаровать,
Съ ума людей свести и духъ ихъ возмутить,
И власть надъ ними взять — въ единой мигъ могу,
Принудить ихъ къ тому, къ чему охоты нѣтъ.
За женщинами я великій волокита,
Но вкупѣ имъ злодѣй, мучитель и тиранъ.
Чего не дѣлаю, къ чему не довожу
Я сей прекрасной полъ, а паче молодыхъ,
Любовью, завистью и ревностью терзаю,
Покоя, сна, ѣды и пищи я лишаю.
Иная обо мнѣ тоскуетъ ночи, дни,
Готова сдѣлать все на свѣтѣ для меня,
И стужу, и морозъ, и все не уважая,
Бѣжать, скакать туда, гдѣ былъ бы только я;
Другая дней пятокъ ни пить, ни ѣсть готова.
А только чтобъ имѣть меня въ своихъ рукахъ;
Иная ночи три не спитъ, а караулитъ,
Чтобъ часъ хотя одинъ у ней я побывалъ.
У всѣхъ я умъ вскружилъ, всѣ страстны такъ ко мнѣ,
Всѣ жадны, падки такъ, что самъ я иногда
Не радъ уже тому, что сталъ имъ таковъ милъ:
Замучили, враги, нѣтъ мочи уже болѣ;
Въ угодность я инымъ лети издалека,
Терпи толчки въ бока и ребры всѣ ломай,
Сгибайся въ три дуги, коверкайся какъ бѣсъ,
Терпи на свѣтѣ все, чтобъ только ихъ сердца
Утѣхой, радостью, весельемъ напоить.
И нужды никакой имъ въ томъ нѣтъ никогда,
Хотя бы имъ самимъ не даромъ проходило,
Хотя бы муку, зло терпѣли онѣ сами.
Съ досады уже я чего не дѣлалъ съ ними,
И насмѣхъ имъ себя ужъ какъ не превращалъ:
И малымъ-то, большимъ, и легкимъ, и тяжелымъ.
И скареднымъ, дурнымъ, и чудовищемъ самымъ;
Но было все вотще, ничѣмъ ихъ не уймешь,
Имъ любо то еще, что я премѣнчивъ тако
Однажды уже что затѣялъ съ ними я:
Раздулся, растянулъ ужасно себя, такъ
И думалъ, что я ихъ совсѣмъ ужъ задавлю;
Однако мнѣ и то ничуть не помогло:
Хоть корчились и гнулись подо-мной,
Но все я милъ, хорошъ и милъ имъ завсегда.
Не знаю, истинно, что дѣлать наконецъ,
Мнѣ жалки ужъ онѣ, мужья ихъ и родня,
Мужья ихъ знаютъ все, но нечего имъ дѣлать
Не сильны бѣдные сіе все отвратить;
Иной, вздыхая лишь о томъ, степастъ и клянетъ,
Другой дивится глупости и только что молчитъ.

9.

Я чудо нѣкое, недавно въ свѣтъ родилось,
Питаюся огнемъ, дышу я синимъ чадомъ;
Мнѣ въ горло иногда нерѣдко пальцемъ тычутъ,
Я волю имъ даю, но только не всегда.
Когда я голоденъ, пожалуй себѣ торкай,
А жрать когда начну, то тотчасъ укушу.

10.

На кладязь похожу и есть во мнѣ вода,
Дурна хотя она и съ грязью пополамъ,
Не пьетъ хотя никто и въ пищу не варитъ,
Не моетъ ничего и ею не бѣлитъ,
Но многіе отъ ней и сыты, и довольны,
И надобна она и на морѣ и сушѣ;
Безъ ней нельзя самимъ боярамъ и царямъ,
Становятъ и у нихъ ее на столъ всегда.

Вотъ какія были сіи загадки; значеніе ихъ слѣдующее: 1) карточная игра; 2) чай; 3) зеркало; 4) свѣча; 5) снѣгъ; 6) столъ; 7) скрипица; 8) чепчикъ головной женскій; 9) трубка курительная; 10) чернильница.

Что касается до мѣсяца февраля, то первыя числы онаго провели мы такимъ же образомъ въ частыхъ между собою свиданіяхъ, а особливо по вечерамъ и въ бывшую около сего времени масляницу. Во всю оную были у насъ безпрерывные почти разъѣзды и всякой день то у того, то у другого вечеринки, на которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ невинныхъ увеселеній, завелись у насъ и интересныя карточныя игры. Занимался ими наиболѣе нашъ французъ, учитель, мой бобриковской управитель, г. Верещагинъ, и нѣкто изъ жившихъ въ сіе время въ Богородицкѣ для леченія у нашего лекаря пріѣзжій, г. Шеншинъ. Всѣ сіи три особы были страшные къ азартнымъ играмъ охотники и всѣ игроки горячіе такого рода, что имъ, по свойству ихъ, не надлежало-бъ никогда и за карты приниматься. Итакъ, всякой разъ, когда ни случалось имъ бывать вмѣстѣ, представляли они собою для всѣхъ насъ сущую комедію и много разъ заставляли насъ и дивиться себѣ, и жалѣть о себѣ, и хохотать до слезъ при смотрѣніи на всѣ ихъ обыкновенныя при играхъ сего рода запальчивости и дурачествы. Что касается до меня, то вы легко можете заключить, что я никогда не бралъ въ сихъ мотовскихъ играхъ ни малѣйшаго соучастія, а бывалъ только вмѣстѣ съ прочими зрителемъ.

Наступившій 11-го числа сего мѣсяца великій постъ прервалъ наконецъ сіи наши съѣзды и забавы, и мы, обратившись къ важнѣйшимъ упражненіямъ, во всю первую недѣлю занимались богомоліемъ, и при концѣ оной исповѣдывались и пріобщались. Но не успѣла сія недѣля пройтить, какъ мало-по-малу начались у насъ опять хотя не ежедневные, но частые съѣзды и свиданія. Въ праздное же время занимался я по прежнему въ писаніи и въ разныхъ выдумкахъ. Къ числу сихъ принадлежало между прочимъ изобрѣтеніе мое печатать письмы золотыми и разноколерными бумажными облатками, которое мнѣ такъ полюбилось, что я, для удобнѣйшаго производства сего дѣла, велѣлъ сдѣлать и вырѣзать себѣ въ Тулѣ особаго рода твердую печать и станокъ для тисненія. Что-жъ касается до писанія, то оное состояло наиболѣе въ сочиненіи послѣднихъ листовъ моего «Сельскаго Жителя» и въ заготовленіи матеріи для другого, вновь затѣваемаго, ибо отъ продолженія сего издатель мой, г. Ридигеръ, совершенно отказался. Итакъ, поспѣшалъ я скорѣе уже прежній свой журналъ, долженствующій съ концомъ марта пресѣчься, кончить, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностію, что 9-го числа марта была вся моя работа по сему журналу кончена.

Наступившіе въ половинѣ марта дни имянинъ, сперва нашего уѣзднаго судьи, г. Албычева, а потомъ жены моей, подали намъ поводъ къ сдѣланію у себя въ сіи дни пирушекъ и къ угощенію всѣхъ своихъ городскихъ сотоварищей, а вкупѣ и многихъ пріѣзжихъ, у себя обѣденными столами и вечеринками; и въ оба дни сіи были мы отмѣнно веселы, къ чему относительно до меня вспомоществовалъ много и пронесшійся-было слухъ, что князь, мой новой командиръ, ѣдетъ за-море. Мы было-обрадовались тому очень, но скоро узнали, что слухъ сей былъ совсѣмъ ложной, и у него не ѣзда за-море была на умѣ, а притѣсненіе чрезъ меня нашего коронпаго, г. Игнатьева, что и подало поводъ ко многимъ для меня новымъ хлопотамъ, досадамъ и заботамъ; и

вотъ что вздумалось ему вновь предпріять и затѣять.

Будучи никакъ не въ состояніи всѣ выставки въ волости уничтожить и зляся невѣдомо какъ на откупщика, г. Игнатьева за его къ себѣ непреклонность, восхотѣлось ему его притѣснить инымъ образомъ и привудить чрезъ то себѣ покориться. А именно: какъ ему извѣстно было, что продажа вина бываетъ наиболѣе по большимъ праздникамъ, а особливо въ теченіе святой недѣли, то за нѣсколько дней до наступленія оной прислалъ онъ ко мнѣ напстрожайшее глупое и ни съ чѣмъ несообразное повелѣніе, чтобъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ коронныхъ не допускать до продажи вина не только въ прочіе дни, но и въ самые праздники и воскресные дни. Повелѣніе ни съ чѣмъ несообразное и такое, которое въ точности выполнить никакой не было возможности, потому что откупщики имѣли уже законное право продавать вино по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены и казенною палатою утверждены были выставки, слѣдовательно, чрезъ недопусканіе до того ополчилъ бы я на себя все правительство, да и самого намѣстника, и принужденъ бы былъ ссориться съ казною; да и всѣмъ тѣмъ не могъ бы ничего успѣть и сдѣлать, а только бы вплелся въ безконечныя хлопоты и одурачивъ себя предъ всѣмъ свѣтомъ, подвергнулся-бъ самъ отвѣту и по законамъ строгому взысканію.

Не могу изобразить, какимъ смущеніемъ поразился я при полученіи такого безразсуднаго, глупаго и ни съ чѣмъ несообразнаго повелѣнія. Прочитавъ его, и смѣялся я, и досадовалъ, и горевалъ о томъ, что чрезъ самое то попался я въ самыя тѣсныя обстоятельства и такое критическое положеніе, которое заставило меня очень много думать и не спать почти нѣсколько ночей сряду. Долгое время не зналъ я, что мнѣ дѣлать и какъ поступить въ приближающуюся тогда святую недѣлю. Съ одной стороны не хотѣлось мнѣ разсориться съ правительствомъ и навлечь на себя справедливое неудовольствіе полюбившаго меня намѣстника и ни за что потерять его къ себѣ пріязнь и благоволеніе; а съ другой стороны боялся я и князя, сего вспыльчиваго, пламеннаго, вздорнаго, ко мнѣ неблагопріятствующаго и такого командира, отъ котораго я совершенно зависѣлъ и которой могъ мнѣ надѣлать множество золъ и даже въ одинъ мигъ отрѣшить меня отъ должности и мѣста.

При таковыхъ спутанныхъ обстоятельствахъ трудно было найтить среднюю дорогу и требовалось и философическое хладнокровіе, и возможнѣйшее благоразуміе и политика къ тому, чтобъ сохранить благоволеніе къ себѣ отъ обѣихъ сторонъ и не раздражить ни ту, ни другую. И я признаюсь, что обстоятельствы были столь сумнительны, что не одинъ день и ночь занимался я о томъ мыслями и напрягалъ всѣ силы ума своего къ выдуманію и изобрѣтенію удобнаго къ тому посредства, которое, наконецъ, и удалось мнѣ найтить.

Чтобъ выполнить сколько можно и безразсудное повелѣніе князя, и укротить его строптивое сердце, а не раздражить и намѣстника и не ополчить на себя все правительство, употребилъ я двѣ политическія стратагемы. Первую ту, что хотя я и допустилъ г. Игнатьева привезть на святую недѣлю во всѣ селы и деревни съ виномъ бочки, и хотя не дѣлалъ никакого запрещенія продавать оное, да и крестьянамъ никому не запрещалъ вино покупать и пить, чего мнѣ и запретить было не можно, но собравъ къ себѣ всѣхъ бурмистровъ, старостъ и другихъ начальниковъ деревень, сдѣлалъ имъ напстрожайшее приказаніе, чтобъ они, во-первыхъ, не дѣлали хотя пріѣзжающимъ съ виномъ цѣловальникамъ ни малѣйшихъ обидъ и оскорбленій, но не отводили бы и не давали имъ отнюдь квартиръ, а чтобъ стояли они съ бочками своими на улицахъ и вино свое какъ бы хотѣли продавали. Во-вторыхъ, чтобъ они отнюдь никому изъ крестьянъ какъ приходить и вино у нихъ покупать и пить не воспре-

щали и приходящихъ не отгоняли, но въ-третьихъ, сами бы они непремѣнно во все время пребыванія сихъ бочекъ въ ихъ селеніяхъ подлѣ ихъ безотлучно стояли и примѣчали только кто и кто именно изъ крестьянъ будетъ вино покупать и пить, и послѣ о именахъ ихъ донесли мнѣ для единаго любопытства. Симъ надѣялся я и существо законовъ сохранить и не нарушить, и себя предохранить отъ всякихъ со стороны правительства притязаній, и крестьянъ искуснымъ образомъ поудержать отъ покупки вина и обыкновеннаго пьянства, и чрезъ то достичь, сколько можно, и до главной цѣли желанія князя, моего командира, что и удалось мнѣ по желанію. Ибо какъ помянутое необыкновенное приказаніе раствержено было всѣмъ старостамъ и начальникамъ неоднократно, то узнавши о томъ, трусливые крестьяне возмечтали себѣ невѣдомо что о послѣдствіяхъ такого приказанія и оное всѣхъ ихъ такъ устрашило, что дѣйствительно ни одинъ почти не ходилъ покупать вина во всю святую недѣлю, такъ что г. Игнатьеву, надѣявшемуся распродать нѣсколько тысячъ ведръ, не удалось во всю недѣлю продать и ста ведръ во всей волости.

Признаться надобно, что хитрость сія вздурила сего корыстолюбца. Онъ зарычалъ огнемъ и пламенемъ и думалъ потрясти горами самыми, бросившись въ земской и уѣздной суды съ воплями и жалобами на меня; но того не зналъ и не вѣдалъ, что тутъ приготовленъ былъ для его другой ударъ, всего меньше имъ ожидаемой и его еще больше поразившій. Я предвидѣлъ все сіе и не преминулъ взять нужныя предосторожности, и самая сія предосторожность составляла мою вторую стратагему и состояла въ слѣдующемъ:

Мнѣ вспомнилось то обстоятельство, что главной его повѣренной и производитель всѣхъ его дѣлъ, Деревенской, былъ собственно банкрутъ и находился у кого-то, по обыкновенію, на роспискѣ. А какъ таковыхъ дурныхъ людей не велѣно законами ни до какихъ важныхъ дѣлъ, подрядовъ и довѣренностей допускать и имъ вѣрить, то дабы вдругъ и нечаянно остановить всѣ его письменныя и плутовскія на меня ябеды и просьбы, прицѣпился я къ сему обстоятельству и предъ самою святою недѣлею подалъ отъ себя въ уѣздной судъ громкую и такую противъ сего, г. Деревенскаго, бумагу, что поразилъ его ею какъ громовымъ ударомъ, и не только принудилъ совершенно замолчать, но и всѣ дѣла г. Игнатьева привелъ въ опасность прийтить въ совершенное замѣшательство, ибо я требовалъ исполненія во всей точности закона, и не только не принимать отъ сего презрительнаго человѣка никакихъ объявленій и просьбъ, но и самаго отрѣшенія его, какъ негоднаго человѣка.

Обоими сими, въ одно почти время произведенными и всего меньше ожидаемыми ударами толико сразилъ я господина Игнатьева, что какъ онъ ни прыгалъ и ни ярился и сколько и слышать того не хотѣлъ, чтобъ унизить себя передъ княземъ и просить у него того изъ милости, что надѣялся получить самъ собою и нартомъ, но наконецъ принужденъ былъ спашевать, укротиться и не только сдѣлаться посмирнѣе, но подхватя почтовыхъ, скакать въ Москву къ князю, и позабывъ свою гордость и высокоуміе, ему кланяться и просить о помилованіи; а князь сего только и добивался.

Но что собственно у него съ нимъ происходило и на чемъ они разстались, того мнѣ хотя въ точность было и неизвѣстно, но то только знаю, что мнѣ дано было знать, чтобъ я не такъ жестоко и сильно ополчался противъ господина Игнатьева, а довольствовался только недаваніемъ квартиръ его бочкамъ; да и сіе приказано было, такъ сказать, сквозь зубы и такимъ тономъ, что я могъ заключить изъ того, что желаніе князя состояло въ томъ, чтобъ мнѣ по прежнему и въ разсужденіи Игнатьева смотрѣть колико можно сквозь пальцы и не слишкомъ настоять, чтобъ все шло по точности законовъ.

Сіе повелѣніе привезъ ко мнѣ самъ

г. Игнатьевъ. Какъ онъ въ сей разъ былъ смирнѣе самого агнца и къ самому ко мнѣ очень почтителенъ и снисходителенъ, то и радъ я былъ, что дѣло сіе симъ образомъ кончилось, и я отъ сего негоднаго человѣка отвязался; ибо признаться надобно, что хлопоты и дрязги, бывшія съ нимъ, мнѣ уже наскучили, и тѣмъ паче, что я собственно самъ при семъ дѣлѣ ничѣмъ не интересовался, почему и нужды мнѣ дальней не было, какъ бы ни происходило оное, и я тѣмъ охотнѣе склонился на униженнѣйшую его просьбу, чтобъ ему съ своей стороны не дѣлать никакого притѣсненія. Но какъ ему хотѣлось-было, чтобъ я ему нѣсколько и помогалъ, то въ семъ отказалъ я ему напрямки, какъ нимало того незаслуживающему, и не обинуяся сказалъ, что я не намѣренъ никакъ мѣшаться въ сіе дѣло, но какъ до того былъ чистъ и ничѣмъ не замаранъ, такъ и впредь хочу таковымъ же остаться; а довольно съ него, когда я ему ничѣмъ умышленнымъ мѣшать и притѣснять его съ своей стороны не стану.

Всходствіе того и отмѣнилъ я прежнее приказаніе и довольствовался только подтвердительнымъ приказаніемъ всѣмъ старостамъ, чтобъ они выставкамъ симъ отнюдь не отводили квартиръ. Но какъ я легко могъ заключать, что сіе всего труднѣе было имъ исполнить и что повѣренные г. Игнатьева найдутъ средство ихъ задобрить и до того довести, чтобъ они молчали и не видѣли того, естьли они у кого изъ крестьянъ, по добровольному согласію, сами собою избы и мѣста для продажи вина нанимать станутъ; то хотя и не имѣлъ я уже причины сему препятствовать, поелику то почлось бы съ моей стороны притѣсненіемъ, однако опасаясь, чтобъ мнѣ не претерпѣть впредь чего-нибудь и за сіе отъ сумасброднаго моего князя, вздумалъ и въ разсужденіи сего пункта употребить для обезопасенія себя одно политическое средство, состоящее въ томъ, чтобъ въ каждую субботу, когда собирались ко мнѣ, по обыкновенію, всѣ старосты, повторять и подтверждать имъ вновь помянутое приказаніе, однако безъ дальняго на то настоянія, а единственно для того, чтобъ въ нужномъ случаѣ можно-бъ мнѣ было на сіе сослаться и чѣмъ-нибудь себя оправдать. Послѣдствіе и доказало, что предосторожность таковая была и необходимо надобна, и я очень собою былъ доволенъ, что ее употребилъ, ибо она, какъ послѣ упомянется, послужила мнѣ въ великую пользу и спасла меня отъ великаго бѣдствія, и помогла разрушить злые ковы всѣхъ моихъ недоброхотовъ и безстыднѣйшихъ клеветниковъ и завистниковъ.

Но я удалился уже отъ нити моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь назадъ къ тому пункту времени, на которомъ я остановился, скажу, что помянутой сумасбродной ордеръ и новыя хлопоты, имъ мнѣ наведенныя, были причиною тому, что я и бывшую въ сей годъ въ началѣ апрѣля святую недѣлю провелъ по причинѣ вышеупомянутыхъ дрязговъ не слишкомъ весело; однако мы все-таки не оставляли между дѣлами заниматься бездѣлками, и я не упускалъ, такъ сказать, ни одной минуты, чтобъ ее не употреблять въ какую-нибудь пользу. Съ одной стороны, при всѣхъ моихъ тогдашнихъ хлопотахъ и недосугахъ, продолжалъ я временно учить и наставлять всѣхъ дѣтей, приходившихъ ко мнѣ временно гурьбою изъ нашего пансіона; съ другой, занимался ежедневно почти сочиненіемъ разныхъ экономическихъ пьесъ и отвѣтовъ на письмы моихъ корреспондентовъ, которыхъ накопилось уже довольно, и они, несмотря на пресѣченіе издаваемаго мною «Сельскаго Жителя», продолжали со мною переписываться и подавать мнѣ тѣмъ отчасу новые поводы къ писанію; а съ третьей, продолжалъ я заниматься разными мелочными своими затѣями и выдумками, къ которымъ относились изобрѣтенія мои составлять прекрасныя гравированныя на стеклѣ, по серебру и золоту картинки, также опыты мои къ переводу печатныхъ кунштовъ на стекло, и нѣкоторыя другія мелочи и любопытныя вещицы. А въ занятіяхъ сихъ, равно какъ

и въ продолжаемыхъ съѣздахъ и свиданіяхъ съ друзьями и провелъ я почти нечувствительно все достальное зимнее время. А съ окончаніемъ онаго дозвольте мнѣ и сіе мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 5-го дня 1809 года).

Письмо 199-е.

Любезный пріятель! Вскрывшаяся вмѣстѣ съ апрѣлемъ весна, преподавшая мнѣ множество поводовъ къ надворнымъ дѣламъ и упражненіямъ, положила наконецъ предѣлъ большей части моихъ комнатныхъ занятій; ибо какъ я принужденъ былъ всякой день быть на дворѣ и распоряжать разными работами въ саду и въ другихъ мѣстахъ, а сверхъ того и ѣздить то туда, то сюда, для осмотровъ и другихъ надобностей, то некогда мнѣ было заниматься прежними бездѣлушками. Я урывалъ только всѣ праздныя минуты на соотвѣтствованіе моимъ корреспондентамъ на письма, получаемыя отъ нихъ еженедѣльно, сочиняя и располагая оныя такимъ образомъ, чтобъ могли они напечатаны быть въ затѣваемомъ мною новомъ ежемѣсячномъ экономическомъ журналѣ, которой не выходилъ у меня изъ ума, и мнѣ все хотѣлось его издавать, несмотря на всю малую удачу окончавшагося уже тогда моего «Сельскаго Жителя». Всходствіе того и продолжалъ я ревностно трудиться надъ заготовленіемъ заблаговременно пьесъ для сего новаго журнала, располагаемаго уже совсѣмъ инымъ и отмѣннымъ отъ прежняго образомъ.

Относительно до надворныхъ работъ памятно мнѣ, что между прочими разными затѣями напади на меня около сего времени охота выдумывать и чертить лавиринты; и какъ мнѣ удалось выдумать очень хорошій, то по нетерпѣливости моей и любопытству, восхотѣлось мнѣ произвесть его и въ натурѣ и насадить сплошными лозовыми кольями. Для сего избралъ я довольно просторное мѣсто за рѣкою Вязовкою, на выѣздѣ изъ нашего селенія, подлѣ каменнаго нашего гостинаго двора и при большой дорогѣ, и трудился нѣсколько дней до поту лица своего надъ посадкою сего огромнаго лавиринта, и воображалъ себѣ, что выдетъ изъ того необыкновенная и рѣдкая штука. Но надежда меня обманула. При перемѣнившихся во многомъ обстоятельствахъ, принужденъ я былъ впослѣдствіи времени оставить оной безъ призрѣнія и къ неудовольствію своему видѣть всѣ труды мои, къ тому употребленныя, уничтожившимися и пропавшими тщетно.

Впрочемъ памятно мнѣ, что около сего времени получили мы новую себѣ знакомку и сосѣдку, въ одной немолодыхъ уже лѣтъ вдовѣ, госпожѣ Алабиной, сестрѣ родной господъ Полуниныхъ. Она, имѣя у себя сына и двухъ дочерей, отдала перваго въ нашъ пансіонъ учиться, и по поводу сему расположилась переѣхать изъ своей епифанской деревни жить у насъ въ Богородицкѣ, гдѣ имѣла она небольшой домикъ. Звали ее Анною Ивановною, и она сдѣлалась къ намъ такъ приверженною, да и мы, по добротѣ и простотѣ ея характера, такъ ее и всѣхъ дѣтей ея полюбили, что съ самаго сего времени основалась у насъ съ симъ домомъ тѣсная дружба и знакомство, которое продолжается и понынѣ, хотя она и сынъ ея давно уже находятся въ числѣ мертвыхъ, а остались отъ ней только двѣ дочери, изъ которыхъ одна, старшая, въ дѣвушкахъ, живетъ и понынѣ въ Богородицкѣ, а меньшая, проживавшая въ молодости у насъ и дѣлавшая дочерямъ моимъ компанію, чрезъ посредство наше вышла потомъ замужъ за сына прежняго моего друга и сосѣда, г. Ладыженскаго, владѣющаго нынѣ отцовскимъ имѣніемъ въ Сенинѣ и продолжающаго съ домомъ нашимъ пріязнь и дружество.

Далѣе памятно мнѣ, что я въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая трудился вмѣстѣ съ городничимъ надъ разбиваніемъ и назначеніемъ улицъ города, чему въ минувшую осень учинили мы только маленькое начало, и что къ намъ

въ концѣ апрѣля пріѣзжалъ опять нашъ губернаторъ, съ которымъ вмѣстѣ ѣздили мы назначать новую большую дорогу чрезъ вновоназначаемой и разбиваемой городъ, и что я при семъ случаѣ измучился впрахъ отъ трудовъ, но чрезъ то и пріобрѣлъ отъ губернатора еще болѣе къ себѣ любви и уваженія.

Мѣсяцъ май сего года сдѣлался мнѣ памятенъ многими бывшими въ теченіе его особыми происшествіями. При самомъ началѣ его перетревоженъ я былъ увѣдомленіемъ, что прорвался и ушелъ у меня одинъ изъ большихъ богородицкихъ волостныхъ прудовъ, называемой «Щедиловскимъ». Прудъ сей былъ старинной, запруженной на той же рѣчкѣ Уперти, которая протекала мимо дворца, и пониже новаго большого пруда дворцоваго. И какъ онъ былъ только мельничной, то хотя и не составлялъ дальней важности, но мнѣ было его очень жаль, и болѣе потому, что въ немъ отъ сбѣжавшей съ большого пруда икры завелось великое множество карпіевъ, о чемъ узнали мы впервые только при семъ случаѣ. Ибо какъ вода изъ него вся сбѣжала, и одинъ берегъ сего пруда былъ уже не нашъ, а городской, то и бросились всѣ новые мѣщане и городскіе жители ловить въ стремѣ оставшуюся рыбу, и я удивился, услышавъ, что они ловятъ и наловили ее себѣ превеликое множество. Но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда сказали мнѣ, что вся рыба сія состоитъ въ маленькихъ карпіяхъ. Сперва не хотѣлъ было я тому никакъ вѣрить, ибо почиталъ невозможнымъ, чтобъ въ толь немногіе годы могло отъ сотни посаженныхъ въ большой дворцовой прудъ карповъ расплодиться ихъ такое множество не только въ немъ, но и въ семъ нижнемъ прудѣ, въ которой мы никакихъ карповъ и не сажали; но какъ принесли мнѣ ихъ на показъ, то по усикамъ ихъ удостовѣрился я въ томъ совершенно, и тогда, обрадуясь сему, безъ памяти поскакалъ я самъ туда съ разными рыболовными снастями и велѣлъ при себѣ ловить ихъ въ стремѣ. И какое же удовольствіе было мое, когда мнѣ ихъ въ теченіе двухъ сутокъ наловили до 4,000! Отъ радости не зналъ я, куда мнѣ ихъ и дѣвать было. И какъ въ большой прудъ насажено было ихъ уже множество, то достальныхъ разсудилось мнѣ посадить въ находившуюся подлѣ соборной нашей церкви большую копаную регулярную сажелку, или прудокъ нарочитой величины, которая впослѣдствіи времени доставляла намъ множество удовольствій. Ибо, насадивъ въ нее помянутымъ образомъ множество карповъ, восхотѣлось мнѣ обезпечить ее отъ расхищенія огражденіемъ всей оной порядочною рѣшеткою, обкласть берега ея дерномъ, осадить въ два ряда березками, и составить чрезъ то пріятное вокругъ ея гульбище, которымъ какъ мы, такъ и всѣ наши городскіе товарищи въ лѣтнее время нерѣдко пользовались и до восторговъ увеселялись разросшимися тутъ очень скоро карпами, при бросаніи въ воду хлѣбныхъ корокъ, и смотрѣніемъ на то, какъ они, какъ поросята, за ними гонялись и ихъ теребили; а сдѣланной прекрасной плотикъ, на которомъ можно было по сему прудку разъѣзжать, придавалъ еще болѣе нашимъ гуляньямъ вокругъ его пріятности.

Едва мы помянутую ловлю карповъ кончили, какъ тотчасъ за симъ получили мы, 5-го числа сего мѣсяца, извѣстіе о рожденіи великаго князя Константина Павловича. Радостное извѣстіе сіе подало поводъ и намъ къ торжествованію сего радостнаго происшествія, и городничій нашъ далъ намъ всѣмъ при семъ случаѣ пиръ, сопряженной съ обыкновенными увеселеніями.

Вскорѣ за симъ востребовала надобность побывать мнѣ въ Бобрикахъ. Бывшій у насъ архитекторъ, г. Ананьинъ, за нѣсколько времени до сего отъ насъ отбылъ и опредѣлился въ Нижній-Новгородъ въ городскіе архитекторы. Побудило его къ тому наиболѣе неудачное построеніе имъ одного изъ дворцовыхъ тамошнихъ флигелей и упаденіе всего свода въ ономъ; и какъ строеніе дворца

было далеко еще не окончено, то принужденъ былъ князь пріискать на мѣсто его другого архитектора, но сей у насъ уже не жилъ, а наѣзжалъ временно. И какъ въ самое сіе время пріѣзжалъ онъ въ Бобрики, для заложенія другого дворцоваго флигеля, то по сему случаю и надобно было и мнѣ тамъ быть, и мы съ нимъ дѣло сіе сдѣлали.

Далѣе достопамятно, что въ сію весну и въ самое сіе время предпріимчивой учитель нашъ завелъ у себя превеликой плантажъ табачной и насадилъ его превеликое множество, въ надеждѣ получить отъ него себѣ превеликой прибытокъ. Но надежда его обманула. Табакъ родился хотя прекрасной, но онъ не умѣлъ съ нимъ и съ приуготовленіемъ его какъ надобно обойтиться, и большую часть его перегноилъ и перепортилъ. Произошло сіе наиболѣе оттого, что онъ слишкомъ на знаніе свое надѣялся, а вышло совсѣмъ тому противное, и опытность доказала, что знаніе имѣлъ онъ о томъ самое поверхностное и весьма еще недостаточное. А какъ и я по примѣру его завелъ у себя маленькой плантажецъ, то самое сіе и побудило меня входить уже самому въ сію часть сельскаго хозяйства и чрезъ разные опыты мало-по-малу добираться до того, какъ съ нимъ обходиться лучше; до чего мнѣ наконецъ, хотя чрезъ многіе труды, и удалось достигнуть, и съ того времени имѣлъ я удовольствіе всякой годъ даже до сего времени видѣть у себя табакъ, растущій и обработываемой такъ, что я безъ нужды пробавляюся уже своимъ табакомъ и не имѣлъ нужды покупать оной, а временемъ даже и самъ продавалъ еще оной.

Что касается до общежительства нашего, то прежняя пріятность онаго продолжалась и въ теченіе сего лучшаго и пріятнѣйшаго мѣсяца въ году. Мы продолжали по прежнему съѣзжаться другъ съ другомъ и не упускали почти ни одного дня, когда случалась пріятная вешняя погода, чтобъ не быть вмѣстѣ и не гулять по садамъ, по рощамъ и другимъ мѣстамъ въ окрестности нашего селенія; а нерѣдко дѣлали намъ въ томъ сотоварищество и пріѣзжающіе къ намъ гости, въ которыхъ, какъ проѣзжихъ, такъ и нарочно къ кому-нибудь изъ насъ пріѣзжающихъ, не было никогда недостатка. А много умножали общество наше и пріѣзжающіе къ лекарю нашему лечиться и живавшіе въ Богородицкѣ у насъ по нѣскольку недѣль сряду. Къ числу сихъ въ особливости принадлежала фамилія господина Писемскаго, Ивана Даниловича, съ которымъ при семъ случаѣ свелъ я дружбу и знакомство, продолжавшееся до самаго конца его жизни. Милой и любезной характеръ сего добраго человѣка заставилъ меня полюбить его искренно, и я дружбою и пріязнію его къ себѣ былъ всегда очень доволенъ.

Въ такихъ же точно занятіяхъ и упражненіяхъ протекъ и весь іюнь мѣсяцъ, въ которой не случилось ничего достопамятнаго, кромѣ того, что мы ѣздили кой-куда по гостямъ и я былъ опять въ Бобрикахъ, для осмотра дѣлаемаго тамъ въ большой церкви иконостаса, и продолжалъ мою переписку съ разными своими корреспондентами, а особливо съ господами Владыкинымъ и Воейковымъ; а относительно до моихъ новыхъ выдумокъ ознаменовался сей мѣсяцъ составленіемъ той картинки изъ бабочекъ, которая существуетъ у меня и понынѣ.

Съ началомъ мѣсяца іюля начали мы приуготовляться опять къ годовой нашей ярманкѣ, которая и въ сіе лѣто была многолюдная и на прежнемъ еще мѣстѣ, ибо новой городъ начиналъ только-что строиться и далеко еще весь не образовался. И какъ на ярманку съѣхалось множество дворянства, то и былъ у меня опять по сему случаю большой пиръ.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я неудовольствіе, чрезъ увѣдомленіе изъ Москвы, узнать, что все затѣваемое мною дѣло, относящееся до издаванія новаго журнала, по стеченію разныхъ обстоятельствъ и происшедшей перемѣнѣ съ университетскою типографіею, рушилось и не возъимѣло желаемаго успѣха. Я поогорчился тогда и подосадовалъ на сію неожидаемость, и

тѣмъ паче, что у меня заготовлено было уже множество матеріи и разныхъ пьесъ для онаго, и не только сочинены вчернѣ, но и набѣло переписаны, и мнѣ весьма было непріятно, что столь многіе труды оставались тщетными. Но, ахъ! какъ мало зналъ я тогда, что долженствовало воспослѣдовать впредь по сему отношенію! Мнѣ и на умъ тогда не приходило, что произошло сіе по особенному дѣйствію и распоряженію Промысла Господня и для того, что люди бравшіеся помогать мнѣ въ томъ были ненадежные, а назначаемъ и приготовляемъ былъ къ тому другой и несравненно надежнѣйшій человѣкъ, долженствующій произвесть обще со мною то великое дѣло, которое впослѣдствіи времени сдѣлалось толико громко и для обоихъ насъ важно и славно, какъ о томъ упомянется ниже.

А около 21-го числа іюля встревоженъ я былъ увѣдомленіемъ изъ Москвы, что вскорѣ имѣетъ прибыть къ намъ въ волости князь, мой новой командиръ. И какъ пріѣзда сего неугомоннаго человѣка не можно намъ было ожидать съ такимъ спокойнымъ духомъ, съ какимъ до сего ожидали и встрѣчали мы старика-князя, отца его, то натурально посмутились духомъ мы оба съ г. Верещагинымъ, случившимся тогда быть у меня, и думая, что по примѣру отца пріѣдетъ онъ также сперва въ Бобрики, въ тотъ же часъ туда поскакали и къ пріѣзду его сдѣлали всѣ нужныя приготовленія и распоряженія; но все наше ожиданіе его было тщетно. Онъ проѣхалъ изъ Москвы прямо въ любимое свое село Сергіевское, въ Чернскомъ уѣздѣ, и я, узнавъ о томъ на третій уже день, возвратился опять въ Богородицкъ, а господина Верещагина, для точнѣйшаго узнанія о томъ, когда располагался къ намъ быть князь, отправилъ къ пріятелю его, господину Стрекалову, въ деревню.

Сей возвратясь оттуда привезъ ко мнѣ извѣстіе, что князь дѣйствительно уже пріѣхалъ въ Сергіевское, а къ намъ не такъ-то скоро, а развѣ недѣли чрезъ двѣ будетъ, и что г. Стрекаловъ совѣтовалъ намъ самимъ туда къ нему съѣздить; что мы тотчасъ и исполнили. Князь принялъ меня нарочито изрядно и далеко не съ такою холодностію, какъ тогда я ожидалъ отъ него. Онъ разспрашивалъ меня обо всемъ до волостей и кабацкихъ дѣлъ относящемся, и казался быть всѣми распоряженіями и поступками моими при семъ критическомъ дѣлѣ довольнымъ; но совсѣмъ тѣмъ не примѣчалъ я въ немъ ни малѣйшаго къ себѣ благопріятства. Все его обращеніе со мною было гордое, пышное, увышенное, надменное и далеко не таково, какимъ пользовался я отъ добродушнаго отца его. Все сіе меня не весьма радовало и было для меня непріятно. Мы нашли у него тутъ пріятеля его, господина Власова, и извѣстнаго всѣмъ бывшаго кратковременнаго счастливца, Александра Семеновича Васильчикова, и имѣли честь вмѣстѣ съ ними у князя въ послѣдующій за тѣмъ день обѣдать; и я заключая, что князь можетъ быть и для нихъ обходился со мною такъ гордо, желая доказать имъ свою командирскую власть надъ нами, все еще ласкался надеждою, что онъ будетъ впредь ко мнѣ благосклоннѣе, и потому, по добротѣ своего сердца, въ семъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ и извинялъ его въ томъ.

Послѣ обѣда князь не сталъ насъ держать у себя долѣе ни минуты, но сказалъ, чтобъ мы ѣхали въ Богородицкъ и тамъ его къ себѣ дожидались. Итакъ, мы съ господиномъ Верещагинымъ и пустились въ обратной путь; но какъ до Богородицка было далеко, то рѣшились заѣхать къ г. Стрекалову и у него ночевали, и въ Богородицкъ уже на другой день къ вечеру пріѣхали.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего пріѣхали къ намъ въ Богородицкъ и оба вышеупомянутые знакомцы и друзья княжіе, г. Власовъ и Васильчиковъ; и какъ имъ хотѣлось видѣть дворецъ, то водилъ я ихъ въ оной, и зазвавъ къ себѣ угощалъ чаемъ и фруктами, и былъ обращеніемъ ихъ со мною доволенъ. Но смотря на г. Васильчикова и говоря съ нимъ

о разныхъ матеріяхъ, не могъ сему экслюбимцу надивиться, какъ могъ онъ такъ много понравиться императрицѣ, ибо не находилъ въ немъ ни малѣйшей красоты ни душевной, ни тѣлесной, и принужденъ былъ самъ въ себѣ подумать и по пословицѣ сказать, что полюбится иногда и сатана лучше яснаго сокола.

Спровадивъ отъ себя сихъ знаменитыхъ гостей, сталъ я дожидаться князя и дѣлать къ пріѣзду его всѣ нужныя приуготовленія; и какъ ожидалъ я отъ него не столько добраго, сколько худого и по меньшей мѣрѣ наистрожайшаго во всемъ взысканія, то признаюсь, что духъ мой во всѣ дни, протекшіе до пріѣзда его, былъ у меня въ великомъ смущеніи и безпокойствѣ, и я не упускалъ ничего, что только нужно и можно было къ предвидимымъ во всемъ объясненіямъ по дѣламъ до волости относящимся, и ждалъ его къ себѣ какъ медвѣдя.

Прибытіе его воспослѣдовало не прежде какъ 7-го августа, предъ самымъ обѣдомъ, которой приготовленъ былъ для него во дворцѣ, гдѣ онъ стоять расположился. Мы встрѣтили его съ смущеніемъ душевнымъ, которое увеличилось еще неизобразимо отъ гордаго и самаго холоднаго съ нами при первой встрѣчѣ обращенія. Не успѣлъ онъ войтить въ комнаты, какъ первѣйшее его приказаніе было, чтобъ представлены были къ нему тотчасъ всѣ наши казенныя лошади, употребляемыя мною для ѣзды, на смотръ, и чтобъ послалъ я за всѣми старостами и начальниками деревень. Лошади тотчасъ были и представлены, и онъ успѣлъ ихъ еще до обѣда всѣхъ пересмотрѣть и приказалъ приготовить для себя тройку и запречь въ самыя легкія и маленькія дрожки, которыя, между тѣмъ, какъ онъ обѣдалъ, и были приготовлены. На сіи сѣвъ и посадивъ меня за собою, поскакалъ онъ тотчасъ послѣ обѣда въ ближнія волостныя большія селы Іевлево и Малевку. Ѣзда сія была хотя недальняя, но для меня, по претерпѣнному безпокойству, весьма памятна. Какъ дрожки были самыя туртыжныя и мнѣ неинако довелось сидѣть какъ позади оныхъ, спиною къ князю, на лакейскомъ мѣстѣ, на которомъ при ѣздѣ вскачь съ великою нуждою могъ я держаться, то, не ѣзжавъ отъ роду въ такомъ положеніи, былъ я тогда какъ на каторгѣ и проклиналъ въ мысляхъ и князя, и сумасбродное его скаканье. Нѣсколько разъ едва-было совсѣмъ не полетѣлъ я стремглавъ съ сихъ проклятыхъ дрожекъ, и насилу могъ удержаться. Но зачѣмъ бы такимъ ѣздили и скакали мы такъ туда безъ ума, безъ памяти? Единственно затѣмъ только, что его сіятельству угодно было взглянуть на наши большія и огромныя селы и посвидѣтельствовать на бывшихъ въ нихъ мельницахъ у мельниковъ мѣрки, которыми брали они съ помолщиковъ муку вмѣсто лопатокъ. Дѣло, по истинѣ, самое важное и достойное предпринимація такихъ трудовъ! Но не думайте, чтобъ дѣлано было сіе безъ намѣренія; сіе состояло ни менѣе, ни болѣе какъ въ томъ, чтобъ найтить что-нибудь, къ чему бы можно было ему придраться и изъявить свое княжеское на меня неудовольствіе. Сіе, къ крайнему моему удивленію и негодованію, замѣтилъ я уже при первыхъ его во время ѣзды нашей, прямо сказать, княжескихъ, или лучше сказать, самыхъ подлыхъ поступокъ и ухватокъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, несмотря, мужикъ ли бы то былъ или женщина, останавливать, со всякимъ разговаривать, всякому предлагать прямо шиканскіе вопросы, всякаго выводить съума и у всякаго хитрымъ образомъ выпытывать, не знаетъ ли кто чего дурного, относящагося до волостного правленія? Но по счастію попадались ему только самопростѣйшіе, глупѣйшіе и такіе люди, отъ которыхъ онъ не могъ ничего добиться. Самыя селы наши нашелъ онъ совсѣмъ пустыми, ибо весь народъ былъ тогда въ полѣ по случаю начавшейся уже уборки хлѣбовъ. Итакъ, не нашедъ никого, полетѣлъ онъ на мельницы, содержимыя разными людьми изъ найма и бывшія на оброкѣ. И тутъ-то обратилъ онъ свое княжеское вниманіе на помя-

путыя мѣрки; и какъ показались онѣ ему великоваты, то и употребилъ онъ сей первой случай къ изъявленію на меня княжескаго своего неудовольствія и неожидаемымъ образомъ сталъ изливать на меня свой праведной гнѣвъ, говоря, для чего я за симъ не смотрю, и чтобъ лучше я почаще ѣздилъ и за всѣмъ смотрѣлъ, чѣмъ писалъ стишки и пѣсенки. И удивился, и смутился, и вздурился я, сіе отъ него услышавъ, и дружное смущеніе мое было такъ велико, что я, почти остолбенѣвъ, не могъ ему съ минуту времени вымолвить въ отвѣтъ ни единаго слова. Въ разсужденіи мнимой величины мѣрокъ оправдаться было мнѣ весьма не трудно, ибо онѣ были обыкновенныя и нимало такъ не велики, какъ онъ себѣ воображалъ; къ тому-жъ и не было на то ни отъ кого и никогда жалобъ; но несносно было мнѣ то, что онъ упрекалъ меня писаніемъ стиховъ и пѣсенокъ. И какъ я легко могъ заключить, что онъ говорилъ сіе не своимъ языкомъ, а по чьему-нибудь бездѣльническому навѣту, то, собравшись наконецъ съ духомъ, сказалъ я ему, что на величину мѣрокъ не слыхалъ я ни отъ кого изъ крестьянъ жалобъ и неудовольствій, а потому не было и причины входить мнѣ въ сіе дѣло, нестоющее никакого дальняго и уваженія; что-жъ касается до писанія пѣсенокъ и стишковъ, то я отъ роду стихотворцемъ не бывалъ и ихъ не писывалъ, а если что въ праздныя минуты и пишу, такъ не пустое, а такое, что служитъ къ пользѣ моихъ согражданъ и всему отечеству, и за то не нажилъ еще ни отъ кого нареканія, а извѣстно о томъ всему государству. Симъ заградилъ я ему уста и заставилъ его замолчать, но въ сердцѣ своемъ почувствовалъ я къ нему крайнее съ сего времени негодованіе.

Побывавъ на одной мельницѣ, поскакали мы по горамъ, по доламъ къ другой, находящейся въ селѣ Ломовкѣ. Тамъ опять было такое же свидѣтельствованіе мѣрокъ и подтвержденіе, чтобъ принудить мельниковъ сдѣлать ихъ меньше. «Очень хорошо! сказалъ я усмѣхнувшись: когда вашему сіятельству это угодно, такъ и будетъ сдѣлано, дѣло сіе не составляетъ важности».

Не успѣли мы, обскакавши верстъ десятка два, возвратиться въ Богородицкъ, какъ тотчасъ спросилъ онъ старостъ. По счастію, были они уже всѣ предстать предъ него въ готовности. Итакъ, начались тотчасъ спросы и распросы: довольны ли они мною? не дѣлаю ли я кому обидъ и притѣсненій? не имѣютъ ли они какихъ на меня жалобъ? въ которомъ случаѣ говорили бы они нимало меня не опасаясь. Но какъ всѣмъ имъ и крестьянамъ отъ меня не было ни малѣйшихъ обидъ и притѣсненій, то нечего было имъ сказать, кромѣ того, что они совершенно мною довольны и лучшаго управителя себѣ не желаютъ. И тогда примѣтно было, что такой отзывъ обо мнѣ былъ его сіятельству не весьма угоденъ. Онъ замолчалъ, отворотился отъ нихъ и ушелъ прочь. Прискорбно мнѣ сіе было, но нечего было дѣлать, и какъ оставалось еще довольно времени, то для занятія его чѣмъ-нибудь предложилъ я ему, не угодно ли ему будетъ приказать половиться въ церковной сажелкѣ рыбы и посмотрѣть наловленныхъ мною карповъ; и какъ онъ отъ того не отрекся, и къ рыбной ловлѣ все было приготовлено, то пошли мы тотчасъ туда.

Другого, находившагося на его мѣстѣ, могъ бы тронуть и одинъ уже видъ сей оправленной, огороженной раскрашенною рѣшеткою и превращенной въ прекрасное гульбище сажелки, но онъ не удостоилъ всѣ мои труды не только вниманія, но почти и самаго воззрѣнія. Но какъ запущеннымъ неводомъ вытащили такое множество карповъ, какого онъ въ жизнь свою не видывалъ, то примѣтно было, что онъ удивился; но по жестокости своего сердца и тутъ не хотѣлъ сказать мнѣ не только ни малѣйшаго спасиба, но ниже изъявить какого-нибудь удовольствія, такое пріятное зрѣлище увидя, вмѣсто того, что отецъ его вспрыгался-бъ отъ радости и удовольствія. Досадно было мнѣ невѣдомо какъ такое его хладнокровіе, но какъ

нечего было дѣлать, то закусивъ себѣ губы пошелъ я вслѣдъ за нимъ, ругая только его въ мысляхъ и раскаяваясь, что хотѣлъ такому негодяю доставить удовольствіе. Пуще всего прикро было мнѣ сіе по причинѣ присутствія при томъ всѣхъ нашихъ судей, собравшихся для сего зрѣлища и таковую холодность его ко мнѣ довольно запримѣтившихъ.

Всѣ они изъ учтивости проводили его до дворца, но спасибо, и имъ всѣмъ не оказывалъ онъ никакой дальней ласки, а удостоилъ только тѣхъ изъ нихъ разговоромъ съ собою, которые были такіе же охотники до псовой охоты, каковъ былъ онъ самъ. И съ сими занялся онъ во все достальное время вечера веле-мудрыми своими по сей части разговорами; однако и самихъ сихъ отпустилъ онъ отъ себя безъ дальняго привѣтствія, а съ видомъ совершеннаго всѣхъ ихъ неуваженія, и чрезъ то подалъ и имъ всѣмъ о себѣ не весьма выгодное мнѣніе.

Поутру на другой день не успѣлъ онъ встать и умыться, какъ уже спросилъ, тутъ ли я и готовы-ль дрожки? и посадивъ меня опять позади себя на муку и каторгу, пустился скакать въ другую сторону волости, сперва въ село Товарково, потомъ въ Кузовку, тамъ въ Малевку, а оттуда въ село Папортки, а изъ сего назадъ въ Богородицкъ. Разстояніе между сими селами было такъ велико, что мы околесили съ нимъ болѣе 40 верстъ до обѣда, и по всѣмъ мѣстамъ скакали такъ, что у меня трясся даже мозгъ въ головѣ, и я едва могъ отвѣтствовать ему на разные дѣлаемые имъ мнѣ на пути коварные обо всемъ вопросы и разспросы. Единое отдохновеніе имѣлъ я только тогда, когда попадался намъ кто-нибудь изъ волостныхъ мужиковъ на дорогѣ или въ близости оной на поляхъ, изъ которыхъ не пропущалъ онъ ни одного безъ того, чтобъ остановившись и подозвавъ къ себѣ, не разспрашивать его кое-о-чемъ и не выводить изъ ума. Все ему хотѣлось найтить кого-нибудь, кто-бъ что-нибудь сказалъ ему обо мнѣ и о правленіи моемъ худое. Но и въ сей день имѣлъ онъ такую же въ томъ неудачу, какъ и наканунѣ, и всѣ отзывались обо мнѣ и о правленіи моемъ съ полною похвалою.

Теперь вообразите себѣ, каково было мнѣ все сіе видѣть и слышать; но я переносилъ все то, скрѣпя сердце, съ равнодушіемъ, и только негодовалъ на него, и на скверной его характеръ досадуя, отвѣтствовалъ на все короткими словами.

Не успѣлъ онъ, возвратясь въ Богородицкъ, отобѣдать и съ полчаса отъ усталости уснуть и отдохнуть, какъ по приказанію его готовы были уже опять дрожки, и я опять принужденъ былъ съ нимъ ѣхать, сперва на островокъ, для осматриванія находящагося тамъ госпиталя, гдѣ, по похвальному своему обыкновенію, не преминулъ онъ также почти всѣ уголки пересмотрѣть и отыскивать какой-нибудь неисправности. Но какъ и тутъ все было въ надлежащемъ порядкѣ, то не удалось ему и тутъ ничего найтить; и какъ нечего ему было дѣлать, то, для скрытія своего неудовольствія, велѣлъ онъ ловить опять рыбу въ прудахъ, подлѣ госпиталя находившихся. Какъ тутъ захвачено было множество и самыхъ большихъ карповъ, то не сказавъ опять мнѣ ни слова, велѣлъ только нѣсколько изъ нихъ отнесть къ себѣ на кухню и изготовить къ ужину.

Кончивъ сіе дѣло и осмотрѣвъ и находящійся тамъ небольшой садикъ и маленькую ранжерею, гдѣ онъ также перешарилъ всѣ мышьи норки, поскакали мы съ нимъ къ нашему хлѣбному магазину, которой не преминулъ онъ также весь перешарить, отыскивая и въ немъ чего-либо неисправнаго; но какъ и тутъ нашелъ все въ порядкѣ, то нахмурился только и радъ былъ, что попались ему тутъ на глаза нѣсколько бобриковскихъ мужиковъ, пріѣзжавшихъ для отдачи хлѣба въ магазинъ, съ которыми ему, по его обыкновенію, полюбовную рѣчь поговорить было можно. При семъ случаѣ удивилъ онъ меня вновь своими поступками. Мужикамъ симъ случилось быть такимъ, которые имѣли на управителя своего.

г. Верещагина, нѣкоторыя неудовольствія; и какъ онъ сталъ выводить изъ ума и разспрашивать, не дѣлаю ли я имъ какой обиды и притѣсненія, то они не обинуяся ему сказали: «Что, ваше сіятельство! объ Андреѣ Тимоѳеевичѣ намъ грѣхъ сказать что-нибудь худое; а вотъ Петръ Алексѣевичъ...»—«А что такое,—подхватилъ онъ,—Петръ Алексѣевичъ?» —«Отъ него-таки,—сказали они,—терпимъ мы кой-какія обиднишки и тягости, и не безъ жалобщиковъ-таки на него!...» Услышавъ сіе удивился я и ожидалъ, что онъ воспалится гнѣвомъ, и приструнивъ ихъ, принудитъ все себѣ разсказывать; но, къ удивленію, произошло тому противное. Онъ отворотился отъ нихъ и замолчавъ пошелъ прочь, и спѣшилъ садиться на дрожки. Поразила меня такая неожидаемость, доказывающая мнѣ довольно, что ему жалобы не на Верещагина, его любимца и тайнаго прислужника, а на меня были нужны. И сіе такъ меня раздосадовало, что я и не повезъ его уже, какъ-было хотѣлъ, въ магазинной лѣсокъ, разрубленной мною въ аллеи и превращенной въ прекрасное гульбище; но предусматривая, что вѣрно не получу я отъ него и за сіи труды мои никакого спасиба, совсѣмъ объ ономъ умолчалъ и далъ ему волю ѣхать назадъ во дворецъ, гдѣ приступилъ я къ нему съ требованіями резолюцій по письменнымъ нашимъ канцелярскимъ дѣламъ и загналъ ими его въ такой тупикъ, что онъ явно оказалъ свое въ томъ совершенное незнаніе, и скрывая свое невѣжество принужденъ былъ уже кое-чѣмъ отдѣлываться и предоставлять наиболѣе все моему собственному благоусмотрѣнію.

Господину Верещагину, котораго нашелъ я тутъ насъ дожидавшагося, не преминулъ я сказать о его мужикахъ бобриковскихъ и о томъ, что̀ они князю говорили и посовѣтовать, чтобъ онъ взялъ свои мѣры и употребилъ осторожность. Онъ посмутился отъ того очень, и оба мы за вѣрное ожидали, что князь о томъ что-нибудь говорить будетъ; однако не дождались ни одного слова и онъ казался совсѣмъ позабывшимъ о сихъ жалобахъ и къ г. Верещагину по прежнему благосклоннымъ, что̀ его и поуспокоило, а меня несказанно удивило.

Поутру въ слѣдующій за симъ день собрался уже онъ отъ насъ ѣхать и мы ради-ради были, что онъ къ тому расположился и провожали его не съ сожалѣніемъ о его скоромъ отъѣздѣ, а съ особеннымъ удовольствіемъ. Но хлопоты и досады мои тѣмъ еще не кончились; но я долженъ былъ проводить его въ Бобрики и тогда вмѣстѣ съ нимъ заѣзжать въ деревню къ глухому Полунину обѣдать и имѣть опять многіе поводы къ неудовольствіямъ и досадамъ. Г. Полунинъ сей былъ человѣкъ особеннаго свойства, превеликой пролазъ, хитрецъ, лукавецъ, льстецъ, наушникъ и прековарнѣйшая особа. Онъ давно былъ знакомъ какъ-то князю и пріѣзжалъ тогда нарочно подзывать его къ себѣ въ гости; и какъ жилъ онъ недалеко въ сторонѣ и по дорогѣ въ Бобрики, то князь и согласился къ нему заѣхать, и тутъ-то насмотрѣлся я довольно всякой всячины. Г. Полунинъ изгибался предъ нимъ ужомъ и жабою, подольщался къ нему всячески, залыгалъ его безъ милосердія, раболѣпствовалъ предъ нимъ какъ подлецъ сущій и казался ни мало не примѣчающимъ того, что князь надъ нимъ шутилъ и издѣвался какъ надъ дурачкомъ, а доволенъ былъ тѣмъ, что князю все у него въ домѣ нравилось, все было имъ похваляемо и все было пріятно, и за все изъявляемы были благодаренія. И я истинно уже не знаю, отъ чистаго ли сердца онъ все сіе дѣлалъ или умышленно въ пику мнѣ и желая тѣмъ меня огорчить. Но я мысленно плевалъ на все сіе и душевно хохоталъ такимъ глупымъ его ухваткамъ.

Но какъ бы то ни было, но мы, измучившись отъ ходьбы по всѣмъ мышинымъ норкамъ и угламъ, по которымъ водилъ насъ хвастливой хозяинъ, для показыванія всего своего хозяйства, и отобѣдавъ, поѣхали далѣе въ Бобрики; и какъ надобно было проѣзжать намъ нѣкоторыя селы и деревни, сей волости принадле-

жащія, гдѣ приготовившіеся уже мужики встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, то не преминулъ князь и тутъ останавливаться и уже для одного вида только спрашивать, довольны ли они управителями. И какъ они, отозвавшись обо мнѣ какъ лучше желать было не можно, начали-было изъявлять неудовольствія свои на г. Верещагина, то при семъ случаѣ явно оказалось уже пристрастіе княжое; ибо они едва только заикнулись о семъ, какъ князь ни съ другого слова и не внимая ничего, велѣлъ кучеру ударить по лошадямъ и поскакалъ далѣе; а въ другихъ деревняхъ, чрезъ которыя мы ѣхали и гдѣ его также встрѣчали мужики большими толпами, ровно какъ побоявшись, чтобъ не произошло того же, уже и не останавливался, но сказавъ только мужикамъ за ихъ хлѣбъ-соль спасибо, велѣлъ продолжать скакать далѣе, и тѣмъ еще болѣе къ досадѣ моей изъявилъ пристрастное свое къ Верещагину доброхотство.

Въ Бобрикахъ встрѣтило его все Верещагина семейство, и какъ ему надлежало по необходимости остановиться въ томъ домѣ, гдѣ они жили, и Верещагины сестры были наипроворнѣйшія особы и нѣкоторыя изъ нихъ и недурны собою, и всѣ онѣ, такъ сказать, разстилались передъ княземъ, то вся сцена у насъ тутъ тотчасъ перемѣнилась, и князь, будучи придворнымъ человѣкомъ, а притомъ относительно до женщинъ великимъ пройдохою и пролазомъ, въ одинъ мигъ изъ свирѣпаго медвѣдя превратился въ самаго ангела, и вмѣсто того, чтобъ входить въ какія-нибудь дѣла, до волости относящіяся, позабывъ обо всѣхъ, занялся сими дѣвушками и тотчасъ пошли у него съ ними смѣхи, издѣвки и хвастанья. Я смотрѣлъ только на сіе улыбаясь въ духѣ, и не успѣлъ еще отъ удивленія своего по сему поводу свободиться, какъ вдругъ перемѣнилась у насъ опять сцена. Прилетѣлъ къ намъ, какъ на крылахъ вѣтряныхъ, живущій неподалеку отъ Бобриковъ, пріятель его, г. Власовъ, такой же страстной псовой охотникъ, каковымъ до безумія былъ и самъ князь. И какъ господину Власову невѣдомо какъ хотѣлось добиться отъ князя дозволенія ѣздить по волостямъ нашимъ съ собаками, то, зная характеръ княжой и желая къ нему подольститься, пріѣхалъ онъ въ охотничьемъ платьѣ и съ цѣлымъ табуномъ гончихъ и борзыхъ собакъ и со множествомъ охотниковъ и лошадей заводныхъ для князя. Князь невѣдомо какъ ему обрадовался и вмигъ тогда начались у нихъ разговоры о собакахъ; и не успѣлъ Власовъ предложить, не угодно ли князю взять въ ближнихъ лѣсахъ въ тотъ же еще день вечернее поле, сказывая, что у него и лошади, и собаки, и все къ тому готово, какъ вмигъ позабыты были княземъ и волости, и сирены, и все на свѣтѣ, и воспламенилась охота и желаніе въ тотъ же мигъ ѣхать въ поле. Итакъ, давай, давай скорѣе лошадей! давай на на нихъ садиться и спѣшить воспользоваться достальнымъ, еще довольнымъ до наступленія ночи, временемъ, и вмигъ всѣ они очутились въ полѣ и загремѣлъ въ лѣсахъ лай и вой собакъ, гоняющихъ по зайцамъ. Я поѣхалъ-было вслѣдъ за ними на своихъ дрожкахъ, но будучи не охотникомъ, посмотрѣвъ и послушавъ издали воя и лая собакъ, за лучшее разсудилъ предоставить ихъ тамъ гаркать и дурачиться какъ хотятъ, а самому возвратиться назадъ и взять, до того времени какъ они возвратяться, хотя небольшое отъ трудовъ отдохновеніе.

Какъ по особливому счастію поле тогдашнее было для нихъ очень удачно и они затравили нѣсколько зайцевъ, то по возвращеніи ихъ уже въ самыя сумерки увидѣлъ я, что князь мой былъ какъ мѣдный грошъ веселъ и въ восхищеніи даже отъ удовольствія, и могъ изъ того узнать, что ему ничѣмъ въ свѣтѣ такъ много угодить не можно, какъ его сумасбродною псовою охотою, и страсть его къ ней была такъ велика, что не преставали они говорить о томъ во все продолженіе вечера и самаго вечерняго стола, которымъ угощали госпожи Верещагины въ комнатахъ своихъ его и насъ всѣхъ съ нимъ

вмѣстѣ. Словомъ, князь мой былъ совсѣмъ не тотъ, каковымъ былъ прежде, и какъ при чувствуемомъ тогда удовольствіи обходился онъ и со мною гораздо уже передъ прежнимъ снснѣе и лучше, то вздумалось мнѣ симъ случаемъ воспользоваться и испросить у него дозволеніе по отбытіи его отлучиться на нѣсколько дней отъ волостей и съѣздить на короткое время въ свою деревню, на что онъ благосклонно и согласился; а разспросивъ и узнавъ, что я живу неподалеку отъ Серпухова, сказалъ: «Когда такъ домъ вашъ недалеко отъ Москвы, то кстати побывайте-ка вы оттуда и у меня въ Москвѣ и пособите мнѣ пріискать живописца для писанія образовъ въ Богородицкую церковь; да и кромѣ того хотѣлось бы мнѣ съ вами кой-о-чемъ и другомъ поговорить. Для васъ трудъ этотъ не великъ будетъ». —«Очень хорошо! сказалъ я, а мнѣ благо и самому надобно бы для кое какихъ нуждицъ побывать въ Москвѣ». — «Ну, такъ ладно! подхватилъ князь, такъ пріѣзжайте-жъ, а я скоро возвращусь въ Москву и васъ ожидать къ себѣ буду».

Симъ образомъ кончился тогдашній суетливой день съ нѣкоторымъ для меня удовольствіемъ, и я наутріе проводилъ его въ путь уже нѣсколько съ спокойнѣйшимъ духомъ, однако душевно желая, чтобъ впредь хотя бы и никогда не бывала нога его у насъ въ волостяхъ болѣе. Таково-то отяготительно было тогдашнее кратковременное его у насъ пребываніе, и я, возвращаясь въ Богородицкъ, не могъ начудиться довольно необыкновенной человѣка сего дѣятельности и надивиться тому, какъ могъ онъ въ такое короткое время столь великое множество разныхъ дѣлъ надѣлать; и признаться надобно, что онъ съ сей стороны былъ прямо удивительный человѣкъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ .... и прочее.

(Декабря 7-го дня 1809 года. Дворяниново).

Письмо 200-е.

Любезный пріятель! Сбывъ помянутымъ образомъ неугомоннаго своего гостя съ рукъ и возвратясь къ домашнимъ своимъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ своей въ Дворяниново и въ сей путь мало-по-малу собираться. Однако за разными препятствіями и за пріѣздомъ къ намъ и въ сей мѣсяцъ губернатора, проѣзжающаго часто изъ Тулы чрезъ нашъ городъ въ село свое Баловнево и потому нерѣдко у насъ бывавшаго, не прежде мы могли въ сей путь отправиться, какъ девять дней спустя по отъѣздѣ князя, и уже 22 августа.

Ѣздилъ я въ сей разъ домой со всѣмъ моимъ семействомъ, ибо хотѣлось намъ всѣмъ побывать въ своей деревнѣ, а мнѣ хотя взглянуть на свои сады и нѣсколько повеселиться ими. Но въ путешествіи и отлучкѣ сей провели мы хотя болѣе двадцати дней, но дома удалось мнѣ пробыть немногіе только дни. Уже и ѣдучи туда потеряли мы нѣсколько дней на заѣзды къ роднымъ своимъ въ Федешовѣ и въ Калединкѣ, куда заѣзжали мы повидаться съ теткою Матреною Васильевною. А пріѣхавши домой и нашедъ домъ свой уже нарочито запустѣвшимъ, пробылъ въ ономъ не болѣе четырехъ дней, и употребивъ оные на осмотрѣніе своихъ садовъ и на сдѣланіе въ нихъ койчего немногими людьми, при мнѣ бывшими. Они находились тогда послѣ претерпѣнной жестокой зимы весьма въ жалкомъ положеніи, и я нашелъ множество большихъ яблоней въ нихъ погибшими, а другія погибающими. И какъ сіе меня не радовало, то спѣшилъ я скорѣе убираться въ Москву, куда между прочимъ привлекала меня и та нужда, что мнѣ хотѣлось какъ-нибудь вытеблить экземпляры второй части моей «Дѣтской философіи» изъ университетской типографіи, перешедшей тогда изъ казеннаго вѣдомства, по откупу, въ приватныя руки къ господину Новикову. Сверхъ того хотѣлось мнѣ спознакомиться лично и съ нѣкоторыми моими корреспондентами, а особ-

ливо съ господиномъ Владыкинымъ. А вслѣдъ за мною хотѣла пріѣхать туда же и жена моя, для нѣкоторыхъ своихъ нуждъ и покупокъ.

Въ Москву пріѣхалъ я уже въ самомъ исходѣ августа, и мое первое дѣло было явиться у молодого князя, своего командира, жившаго въ нѣмецкой слободѣ въ особомъ своемъ домѣ. Тутъ удивился я его нарочито благосклонному и далеко не таковому холодному пріему, какого я ожидалъ. Сіе нѣсколько меня порадовало и я тѣмъ охотнѣе приступилъ къ выполненію поручаемыхъ мнѣ отъ него коммиссій, относящихся до пріисканія живописца и разныхъ покупокъ для богородицкаго дворца. Отъ него проѣхалъ я къ старику-князю, его отцу, любопытствуя весьма узнать, подлинно ли онъ помѣшался въ умѣ, какъ объ немъ говорили. Но я обрадовался и удивился, нашедъ его въ полномъ умѣ и разумѣ и точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ я съ нимъ въ послѣдній разъ разстался. Старикъ чрезвычайно былъ мнѣ радъ и доволенъ тѣмъ, что я къ нему пріѣхалъ, и не могъ со мною довольно наговориться. Я принужденъ былъ просидѣть у него весь вечеръ и разсказывать ему обо всемъ, у насъ въ Богородицкѣ происходившемъ; ибо онъ хотя и не входилъ уже ни въ какія наши дѣла, но хотѣлъ знать обо всемъ, и невѣдомо какъ обрадовался, услышавъ о множествѣ расплодившихся у насъ карповъ, и хвалилъ меня за то, что я насадилъ ихъ въ церковную сажелку, сказывая мнѣ что и князь Сергій его тѣмъ очень доволенъ и отзывался ему обо мнѣ по всѣмъ отношеніямъ съ довольною похвалою. Сіе удивило меня и обрадовало, такъ что я перемѣнилъ нѣсколько мои о молодомъ князѣ мысли и чувствія.

На другой день, побывавъ въ рядахъ, и кое-что искупивъ, отыскалъ я домъ господина Владыкина, Алексѣя Алексѣевича, и съ симъ милымъ и любезнымъ старичкомъ и наилучшимъ моимъ корреспондентомъ познакомился лично. Не могу изобразить, какъ онъ былъ моимъ посѣщеніемъ доволенъ и какъ старался изъявить сколь много онъ меня заочно полюбилъ. Но къ сожалѣнію нашелъ я его больнымъ и лежащаго отъ дряхлости въ постелѣ. Онъ спознакомилъ меня съ своимъ семействомъ, состоящимъ въ двухъ дочеряхъ, и просилъ меня посѣщать его какъ можно чаще, и буде можно, то-бы всякой день; что я ему охотно и обѣщалъ, ибо въ обхожденіи съ нимъ и въ разговорахъ обо всемъ находилъ я и для себя великое удовольствіе.

Въ слѣдующій за тѣмъ день, послѣ исправленія разныхъ порученныхъ мнѣ отъ князя коммиссій, заѣзжалъ я опять къ сему любезному старику, и поговоривъ съ нимъ много кой-чего о моемъ «Сельскомъ Жителѣ», и о томъ, какъ бы постараться найтить какой-нибудь слѣдъ къ возобновленію моего начатаго столь хорошаго и полезнаго, но тогда пресѣкшагося дѣла, проѣхалъ я опять къ старику-князю, и просидѣвъ у него съ удовольствіемъ весь вечеръ, у него даже, по приглашенію его, и ужиналъ, и князь обходился со мною какъ бы съ роднымъ своимъ и былъ мною очень доволенъ.

На утріе, какъ въ четвертой день моего пребыванія въ Москвѣ, случившійся во второе число мѣсяца сентября, собрался я наконецъ съѣздить въ университетскую типографію, и день сей сдѣлался наидостопамятнѣйшимъ почти въ моей жизни, чрезъ основаніе въ оной перваго моего знакомства, а потомъ и самой дружбы, съ новымъ содержателемъ типографіи, извѣстнымъ и толико славнымъ у насъ господиномъ Новиковымъ, Николаемъ Ивановичемъ. Важной человѣкъ сей былъ до сего времени мнѣ совсѣмъ незнакомъ и я объ немъ до того даже и не слыхивалъ. Онъ же, напротивъ того, зналъ меня уже очень коротко, по всѣмъ моимъ экономическимъ и даже нравственнымъ сочиненіямъ, и имѣлъ обо мнѣ и о способностяхъ моихъ весьма выгодныя мысли; почему и неудивительно, что какъ скоро я, нашедъ его живущаго тутъ же въ домѣ, гдѣ находилась типографія, сказалъ ему о себѣ и о желаніи моемъ оты-

скать и получить экземпляры моей «Дѣтской философіи», онъ принялъ меня съ отмѣнною ласкою и благопріятствомъ и не могъ довольно изъявить своей радости и удовольствія о томъ, что получилъ случай со мною познакомиться. Признаюсь, что таковая неожидаемая и благопріятная встрѣча была и самому мнѣ весьма пріятна. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разные разговоры, и какъ онъ былъ человѣкъ въ наукахъ и литературѣ не только весьма знающій, но и самъ за нѣсколько лѣтъ до того издавалъ нравственный и сатирическій журналъ, подъ именемъ «Живописца», и можно было съ нимъ обо всемъ и обо всемъ говорить, то въ немногія минуты не только познакомились мы съ нимъ, какъ бы вѣкъ жили вмѣстѣ, но слѣпилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и понынѣ. Но сего было еще недовольно; но какъ рѣчь у насъ дошла до издаваннаго мною «Сельскаго Жителя», то онъ, изъявляя сожалѣніе свое о томъ, что такое полезное мое дѣло пресѣклось, вдругъ спросилъ меня, не расположусь ли я продолжать оное, въ которомъ случаѣ могъ бы онъ быть моимъ и несравненно лучшимъ коммиссіонеромъ и издателемъ, нежели каковъ былъ нѣмчура Ридигеръ, и что онъ смѣло можетъ меня увѣрить, что чрезъ его дѣло сіе пошло бы несравненно съ лучшимъ успѣхомъ и было бы для меня выгоднѣе.

Симъ неожидаемымъ мнѣ предложеніемъ онъ меня такъ ошарашилъ, что я съ минуту времени не въ состояніи былъ ему ничего отвѣчать; но собравшись потомъ съ мыслями и съ духомъ, сказалъ ему: «Очень хорошо! я отъ того не отрекаюсь, и если онъ приметъ на себя печатаніе и издаваніе журнала, то я на то согласенъ, и тѣмъ охотнѣе, что у меня есть уже и довольно матеріи для него заготовленной». —«О! когда такъ, подхватилъ г. Новиковъ, то зачѣмъ же дѣло стало! и если угодно вамъ, то мы теперь же можемъ приступить ко всѣмъ условіямъ къ тому потребнымъ и поговорить о томъ, какъ бы намъ расположить дѣло сіе лучше».

И какъ я на то изъявилъ свою готовность и согласіе, то и начали мы о томъ говорить и обо всемъ соглашаться.

Его первое предложеніе было, чтобъ начать издавать журналъ сей съ наступленіемъ будущаго 1780 года; потомъ говорилъ онъ, что ему хотѣлось бы, чтобъ могъ онъ издавать его при каждомъ нумерѣ газетъ по одному листу, слѣдовательно, не по одному, а по два листа въ недѣлю, и спрашивалъ меня, надѣюсь ли я на мои силы и могу ли снабжать его столь многою матеріею? И какъ я его увѣрилъ, что въ томъ не сомнѣваюсь и что надѣюсь довольно, что за мною дѣло не станетъ, то спросилъ онъ меня, сколько получалъ я отъ Ридигера за мой «Сельской Житель»? и услышавъ, что не болѣе 200 рублей, предложилъ мнѣ двойную за трудъ мой заплату, и на первой случай 400 рублей за годичное изданіе, а впредь, смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ мнѣ и прибавить; а сверхъ того, чтобъ получать мнѣ по 15-ти экземпляровъ. И какъ я сею суммою былъ и доволенъ, то тотчасъ мы съ нимъ въ томъ и ударили по рукамъ, а потомъ стали говорить о томъ, какое бы названіе дать сему новому экономическому журналу и какъ бы оной расположить лучше.

Дѣло и за симъ у насъ не стало и мы въ немногія минуты согласились и въ томъ съ общаго согласія положили, чтобъ назвать оный «Экономическимъ Магазиномъ» и расположить его уже инымъ образомъ противъ «Сельскаго Жителя»; и для удобнѣйшаго съ моей стороны сочиненія, а съ его печатанія и набиранія листовъ условились, чтобъ всѣ матеріи писать особыми отдѣльными большими и малыми статьями и придавать каждой изъ нихъ свойственныя имъ и приличныя надписи, и дабы мнѣ ихъ присылать къ нему безъ разбора и предоставить уже ему на волю располагать ихъ и помѣщать въ листы журнальные. И какъ чрезъ то могъ я освободиться отъ скучнаго и всего болѣе мнѣ досаждавшаго при прежнемъ издаваніи уравниванія листовъ, счи-

таніемъ строкъ, и даже самого отяготительнаго переписыванія набѣло всей сочиняемой матеріи, ибо г. Новиковъ и отъ того хотѣлъ меня избавить, а требовалъ только, чтобъ писано было неслишкомъ связно и было-бъ только четко, то и былъ я симъ въ особливости доволенъ и съ охотою на предложеніе его и согласился.

Условившись симъ образомъ обо всемъ, до изданія сего новаго журнала относящемся, коснулся я и до полученія экземпляровъ моей «Дѣтской философіи». «О, что касается до сего, подхватилъ г. Новиковъ, то вы экземпляры ваши скоро получить отъ меня можете. Книга сія хотя еще не поднята, то-есть листы ея не соединены еще по-книжно, но я сегодня же велю ее начать поднимать, и вы послѣ завтрева ихъ получить можете. Но кстати, хочется мнѣ съ вами о сей книгѣ поговорить. Мнѣ очень жаль, что она, по прежнему худому содержанію типографіи напечатана такъ дурно и неисправно. Она, по полезности своей, стоила бы лучшаго изданія, и у васъ нѣтъ ли продолженія оной въ готовности; и буде есть, такъ пришлите-ка вы ко мнѣ третью часть оной, такъ я посмотрю, не можно-ли будетъ и ее напечатать».—«Очень хорошо, сказалъ я: у меня сочинено ей уже нѣсколько частей, но только не переписаны; но я заставлю переписать и пришлю къ вамъ третью часть оной; а ежели дѣло пойдетъ, такъ можно получить и послѣдующія».

Симъ образомъ, не думавъ, не гадавъ и прямо нечаянно и въ нѣсколько часовъ достигъ я до желаемой давнымъ-давно цѣли, и положилъ первое основаніе изданія моего «Экономическаго Магазина», которой доставилъ мнѣ впослѣдствіи времени столько выгодъ и сдѣлалъ меня на вѣкъ въ отечествѣ моемъ извѣстнымъ и именитѣйшимъ экономическимъ писателемъ. Происшествіе сіе нечаянностію своею толико было для меня поразительно, что я, поѣхавши тогда отъ г. Новикова, не могъ самъ тому довольно надивиться и почиталъ то явнымъ дѣйствіемъ Промысла Господня, приведшаго тогда въ Москву меня равно какъ нарочно для сего только случая. Да и въ самомъ дѣлѣ, если-бъ не вздумалось князю въ Бобрикахъ мнѣ приказать пріѣхать въ Москву, то самъ бы я никакъ тогда въ нее изъ деревни не поѣхалъ, ибо нужда моя не такъ была велика чтобъ надобно мнѣ было необходимо въ нее ѣхать.

Какъ я въ сей день званъ былъ обѣдать къ новому другу и знакомцу своему, г. Владыкину, то поскакалъ я прямо къ нему, и удивилъ, и обрадовалъ его увѣдомленіемъ о нечаянномъ основаніи своего новаго изданія. Онъ не могъ довольно изъявить своего удовольствія о томъ, и не только обѣщалъ продолжать со мною свою переписку, но побуждать къ тому же и обоихъ своихъ сыновей и всѣхъ своихъ знакомыхъ. Тутъ будучи, познакомился я съ родственникомъ его, почтеннымъ вельможею Иваномъ Анофріевичемъ Брылкинымъ, которому рекомендовалъ меня г. Владыкинъ, и сей старый мужъ, обласкавъ меня, просилъ чтобъ я пріѣхалъ когда-нибудь къ нему расхлебать щи вмѣстѣ.

Въ слѣдующій за симъ день пріѣхала ко мнѣ изъ деревни и жена моя, завезя мать свою въ Воскресенки и оставивъ погостить тамъ, до возвращенія нашего, у Ивана Аѳанасьевича Арцыбышева. Я, оставивъ ее заниматься своими покупками, спѣшилъ самъ къ своему новому командиру, дабы съ нимъ уже и распрощаться, ибо коммиссіи его я уже успѣлъ всѣ кончить. Князь обошелся со мною опять нарочито благосклонно и отпустилъ меня отъ себя, давъ разныя и кой-какія по волости приказанія. Итакъ, распрощавшись съ нимъ поскакалъ я къ живущему тутъ же въ Нѣмецкой слободѣ славному нашему тогдашнему богачу Никитѣ Акинфіевичу Демидову, брату извѣстнаго и славнаго проказы Проньки Демидова. Побудилъ меня къ сей ѣздѣ наиболѣе г. Владыкинъ, увѣривъ, что сей переписывавшійся со мною человѣкъ отмѣнное желаніе имѣлъ меня видѣть и со мною познакомиться лично. Я и подлинно

нашелъ въ немъ человѣка, полюбившаго меня уже заочно и не только принявшаго меня весьма благопріятно, но и старающагося и угостить всячески. Онъ не отпустилъ меня безъ обѣда и занимался во все утро безпрерывными со мною о разныхъ вещахъ разговорами, но отъ которыхъ не чувствовалъ я дальняго удовольствія, поелику при всемъ его огромномъ богатствѣ и знаменитости находилъ въ немъ самаго простака и сущаго богача-ахреяна, въ которомъ и сквозь золото видима была еще вся грубость его подлой природы, изъ которой произошелъ онъ чрезъ богатство въ знать и въ люди. Напротивъ того, чувствовалъ я несравненно болѣе удовольствія при пересматриваніи его драгоцѣнныхъ и прекрасныхъ картинъ и многихъ другихъ рѣдкостей, которыми весь домъ его былъ наполненъ. Я засмотрѣлся на всѣ оныя и имѣлъ случай видѣть тутъ множество такихъ рѣдкихъ вещей, какихъ никогда еще не видывалъ; а за вкуснымъ и сытымъ обѣдомъ постарался онъ увеселить слухъ мой наипрекраснѣйшею своею комнатною музыкою, а послѣ обѣда водилъ онъ меня по своему прекрасному саду и по всѣмъ своимъ богатымъ ранжереямъ, гдѣ я также видѣлъ множество вещей никогда мною до того невиданныхъ и провелъ большую часть сего дня у него съ превеликимъ удовольствіемъ.

На другой день послѣ сего былъ я опять у новаго своего знакомца, г. Новикова, и получилъ отъ него всѣ сто экземпляровъ второй части моей «Дѣтской философіи»; а потомъ ѣздилъ вмѣстѣ съ женою опять къ г. Владыкину, и проводивъ у него вечеръ, ужинали, и съ нимъ потомъ распрощались, ибо мы, не имѣя болѣе никакихъ дальнихъ нуждъ, помышляли уже о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы. Г. Владыкинъ, разставаясь со мною, убѣдилъ меня просьбою, чтобъ я не уѣзжалъ изъ Москвы не повидавшись съ г. Брылкинымъ, что я и обѣщалъ сему отмѣнно меня полюбившему и милому старичку.

Итакъ, поутру на другой день, съѣздивъ еще разъ къ старику своему князю и раскланявшись съ нимъ, проѣхалъ къ г. Новикову, и поговоривъ съ нимъ еще кой-о-чемъ, распрощался и съ нимъ, и поѣхалъ отъ него прямо въ домъ къ г. Брылкину. Я нашелъ старика сего въ его кабинетѣ, установленномъ мѣдными на полу деньгами и занимающагося считаніемъ оныхъ. Онъ принялъ меня весьма благопріятно и съ удовольствіемъ занимался со мною о разныхъ хозяйственныхъ вещахъ разговорами и угостилъ обѣдомъ. Однако я не нашелъ въ семъ вельможѣ ничего особливаго и такого, чтобъ меня могло сдѣлать къ нему приверженнымъ или внушить въ меня особенное къ нему почтеніе, почему и не имѣлъ охоты продолжать съ нимъ дальняго знакомства, и былъ у него въ сей разъ въ первой и послѣдній. Возвратясь отъ него, успѣлъ я еще вмѣстѣ съ женою съѣздить и побывать у стариннаго нашего друга и знакомца Аѳанасья Леонтьевича Афросимова, и препроводилъ весь остатокъ сего дня въ наипріятнѣйшихъ съ симъ любезнымъ старикомъ разговорахъ.

А на утріе, сѣвши въ свои повозки и поѣхали мы изъ Москвы, проводивъ въ ней въ сей разъ не болѣе одной недѣли. О возвратномъ нашемъ путешествіи не могу ничего сказать, кромѣ того, что мы изъ Серпухова отправили повозку и людей за моею тещею въ Воскресенки, а сами поѣхали прямо въ свое Дворяниново, куда мы 7-го числа въ сумерки и возвратились.

Тутъ не пробыли мы въ сей разъ уже болѣе одныхъ сутокъ, но и тѣхъ почти не видали. Пріѣзжаніе то того, то другого изъ нашихъ тутошнихъ друзей и сосѣдей безпрерывно насъ занимало. Со всѣмъ тѣмъ, какъ много я гостями своими ни былъ занятъ, однако, по безпрерывному помышленію о новомъ своемъ предпріятіи и по ревностному желанію приступить скорѣе къ дѣлу и началу моего новаго журнала, улучилъ нѣсколько минутъ свободнаго времени для написанія перваго пробнаго листа для моего

«Экономическаго магазина». Итакъ, достопамятно, что онъ первое свое начало воспріялъ въ дворяниновскомъ моемъ домѣ и 8-го числа сентября 1779 года.

Какъ мы поспѣшали возвратиться въ Богородицкъ къ оставленнымъ тамъ нашимъ дѣтямъ и къ моей должности, а надобно было заѣхать опять въ Калединку, то не стали мы долѣе медлить и отправились въ послѣдующій день въ свой обратной путь. Въ Калединкѣ нашли мы у госпожи Ардыбышевой брата ея, генерала Дмитрія Васильевича Арсеньева, и пробывъ съ нимъ тутъ цѣлыя почти сутки, пріѣхали на другой день ночевать къ новымъ роднымъ нашимъ, господамъ Кислинскимъ, въ Федешово, а оттуда пріѣхавъ въ послѣдующій день въ Тулу, и по исправленіи кой-какихъ покупокъ и побывавъ у Петра Петровича Толбузина, 12-го числа благополучно возвратились въ Богородицкъ и къ удовольствію нашему нашли всѣхъ своихъ дѣтей въ добромъ здоровьѣ.

Тутъ не успѣли мы разобраться и нѣсколько отъ путевыхъ безпокойствъ отдохнуть и со всѣми нашими пріятелями повидаться, какъ проводивъ заѣзжавшаго къ намъ Дмитрія Васильевича Арсеньева, принялся я безъ дальняго откладыванія за настоящее уже начало своего будущаго экономическаго журнала, и 16-го числа сего мѣсяца сочинилъ объявленіе для обнародованія и припечатанія въ газетахъ объ ономъ, ибо г. Новиковъ просилъ меня, чтобъ тѣмъ не помѣшкать, дабы ему успѣть можно было набрать колико можно поболѣе на оной пренумерантовъ. И какъ человѣкъ сей, какъ я послѣ узналъ, былъ какою-то знаменитою и важною особою у масоновъ и имѣлъ обширныя связи и превеликое знакомство, то и имѣлъ въ томъ далеко уже не такой успѣхъ, какъ прежній нѣмчура Ридигеръ, и спроворилъ дѣломъ такъ хорошо, что число подписавшихся къ полученію моего журнала простиралось уже и при самомъ началѣ до 400 разныхъ особъ, и въ томъ числѣ многіе были князья, бояра, генералы, и архіереи и протчіе всякаго званія люди, и вспомоществовало къ тому много весьма то, что цѣна положена была ему очень умѣренная, а особливо для тѣхъ, кои расположились получать оной вмѣстѣ съ газетами. А на другой день послѣ сего выправилъ и кончилъ я и первой листъ сего журнала, начатой въ Дворяниновѣ, и чрезъ нѣсколько дней послѣ того, при случившемся послѣ того отправленіи канцеляриста моего, Щедилаго, въ Москву, отправилъ съ нимъ сіе объявленіе вмѣстѣ съ 3-ею частію моей «Дѣтской философіи» къ г. Новикову, для напечатанія.

Въ достальные дни сего мѣсяца не произошло у насъ ничего особливаго и мнѣ памятно только то, что мы провели оные наиболѣе въ разъѣздахъ по гостямъ. Были у Стрекалова, Киреева и Толбузина; угощали у себя заѣзжавшаго опять къ намъ губернатора, и что я около сего времени основалъ и выкопалъ ту маленькую сажелку противъ островка, въ полѣ, въ которой съ того времени и донынѣ содержатся живые карпы для расхода, поелику случился быть тамъ прекрасной родникъ.

Наступившій послѣ сего октябрь мѣсяцъ ознаменовался освященіемъ бобриковской церкви, въ которой иконостасъ и все прочее къ сему времени было кончено, и какъ для сего празднества, такъ и торжественнаго церковнаго обряда, ѣздилъ я въ Бобрики и пробылъ тамъ сутокъ двое, и дѣло сіе какъ надлежитъ исправилъ.

Происходило сіе освященіе 5-го октября, а 7-го числа вступилъ я на 42-й годъ моей жизни, котораго начало ознаменовалось тѣмъ, что я, чрезъ напечатанное около сего времени объявленіе о будущемъ издаваніи моего журнала, вступилъ въ то знаменитое поприще, которое обратило на меня вниманіе всей публики, и я взошелъ равно какъ на пьедесталъ и подвергъ себя сужденію всѣхъ моихъ соотечественниковъ. Признаюсь, что при полученіи, 13 числа, печатнаго о журналѣ моемъ объявленія вострепетало во мнѣ сердце отъ неизвѣстности, будетъ ли но-

вое предпріятіе мое публикою одобрено и получитъ ли дѣло мое лучшій успѣхъ, нежели каковъ былъ прежній.»

Получивъ сіе объявленіе, поспѣшилъ уже я отправленіемъ въ Москву и матеріи для первыхъ листовъ моего будущаго журнала, и какъ онаго у меня довольно уже заготовлено было прежде и стоило мнѣ только привесть оной въ порядокъ, то къ случившемуся на другой день послѣ сего отъѣзду нашего архитектора въ Москву и успѣлъ я нарочитую книжку онаго вмѣстѣ съ 4-ю частію моей «Дѣтской философіи» къ г. Новикову отправить.

По учиненіи сего, сталъ я готовиться къ обыкновенному празднованію дня моихъ имянинъ, въ которой хотѣлось мнѣ сдѣлать у себя добрую пирушку и угостить у себя всѣхъ своихъ, и городскихъ и уѣздныхъ друзей и знакомцевъ. Итакъ, былъ у меня въ сей день сборной обѣдъ, а ввечеру нѣкоторой родъ и бала, и мытаки поплясали и порѣзвились довольно по своей вѣрѣ, и день сей провели съ удовольствіемъ и весело.

Впрочемъ, вступленіе въ сей новой годъ моей жизни ознаменовалось особеннымъ предпріятіемъ и такимъ дѣломъ, котораго у меня до того никогда на умѣ не было, а именно нечаяннымъ восхотѣніемъ смастерить у себя небольшой домашній театръ, на которомъ бы всѣ наши дѣти могли представлять кой-какія театральныя пьесы. Первой поводъ къ тому подала наивзрослѣйшая изъ дѣтей нашихъ, а именно падчерица г. Арсеньева, и сынъ и дочь нашего городничаго. Какъ имъ много разъ случалось видать театры, то, по обыкновенію молодыхъ людей, полюбили они сіи зрѣлища и получили вкусъ въ представленіяхъ, и будучи между собою дружны, при частыхъ между собою свиданіяхъ декламировали нерѣдко другъ предъ другомъ кой-какія затверженныя ими изъ трагедій и другихъ театральныхъ сочиненій монологи и рѣчи, и другъ друга тѣмъ себя утѣшали. Долго о семъ я ничего не зналъ и не вѣдалъ, но какъ наконецъ случилось мнѣ однажды ихъ въ таковыхъ декламаціяхъ застать и способность и особенную охоту ихъ къ тому увидѣть, то имѣя самъ съ малолѣтства приверженность ко всѣмъ театральнымъ зрѣлищамъ и упражняясь въ молодости самъ въ подобныхъ тому декламаціяхъ, похвалилъ я всѣхъ оныхъ. И тогда вдругъ вздумалось мнѣ имъ предложить, не расположутся ли они выдумать какой-нибудь цѣлой театральной, хотя небольшой пьесы, и не можно ли намъ вдобавокъ къ нимъ набрать еще кое-кого изъ ихъ общества, дабы составилась цѣлая труппа и всѣмъ имъ можно-бъ было представить уже цѣлую пьесу. Мысль сія полюбилась всѣмъ имъ чрезвычайно. «Ахъ! какъ бы это было хорошо! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ: а особливо если-бъ вы, батюшка Андрей Тимоѳеевичъ, приняли на себя трудъ распорядить симъ дѣломъ и быть нашимъ въ семъ случаѣ руководителемъ и наставникомъ; а что касается до насъ, то мы съ великою охотою къ тому готовы, а не сомнѣваемся, что найдемъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ братьевъ къ тому согласныхъ».—Очень хорошо, сказалъ я имъ на сіе, я не только принимаю съ охотою на себя сіе пріятное бремя, но посмотрю, не отрекусь можетъ быть и самъ взять въ томъ соучастіе, и вмѣстѣ съ вами представлять какое-нибудь лицо въ представленіи.—«О, какъ бы это было хорошо! воскликнули они опять, и какъ бы вы насъ тѣмъ одолжили и утѣшили».—Извольте, извольте! И зачѣмъ дѣло стало! Давай теперь же совѣтовать о томъ, какую бы намъ избрать для сего пьесу, и кого и кого изъ дѣтей и пансіонеровъ пріобщить къ нашему обществу.

Къ сему мы и дѣйствительно въ самой тотъ же часъ приступили, и какъ у дѣтей нашего городничаго на ту пору случилась и маленькая театральная пьеса, подъ названіемъ «Безбожникъ», то и положили мы на первой случай употребить къ тому ее; и какъ для представленія оной не требовалось и людей многихъ, то тотчасъ и расположили мы, кого именно употребить подъ какія роли. И какъ и на-

значенныя къ тому дѣти съ охотою на то согласились, то не долго думая и приступилъ я къ сему новому не только для нихъ, но и для самого себя упражненію и такому дѣлу, въ какомъ я самъ никогда еще не упражнялся; но склонность, охота и опытность чему насъ научить не можетъ.

Мое первое дѣло состояло въ росписаніи всѣхъ ролей и въ раздачѣ ихъ всѣмъ назначеннымъ актерамъ для вытверживанія наизусть; и я не успѣлъ сего сдѣлать, какъ чрезъ немногіе дни и имѣлъ удовольствіе услышать, что онѣ у нихъ всѣ были уже и вытвержены, и что есть-ли мнѣ угодно, то могли-бъ они оказать первой опытъ или сдѣлать маленькую репетицію. «Очень хорошо! обрадуясь сказалъ я, и зачѣмъ же дѣло стало? Пожалуйте, соберитесь ко мнѣ хоть послѣ завтрева всѣ, и мы попробуемъ». Всѣ они и не преминули ко мнѣ въ назначенной день собраться, и какъ къ тому времени вытвердилъ и я свою ролю, то и пошло у насъ дѣло. Но признаться надобно, что имѣлъ я довольно труда къ настроиванію всѣхъ ихъ къ лучшимъ декламаціямъ и представленію, и не одинъ, а нѣсколько разъ принужденъ былъ ихъ для сего собирать и давать имъ свои наставленія.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, помышляли и совѣтовали мы между собою о томъ, гдѣ бы намъ пьесу сію представить порядочнымъ образомъ; и какъ ни у кого въ домахъ нашихъ не было удобности и довольно просторной къ тому комнаты, то пришла мнѣ мысль назначить къ тому одну побочную просторную комнату во дворцѣ нашемъ и соорудить въ ней на скорую руку порядочной театрецъ съ кулисами, занавѣсомъ, скамьями для зрителей и прочими принадлежностьми. И какъ у меня въ командѣ были и столяры, и маляры, и всякіе художники, то по обыкновенной моей въ такихъ случаяхъ нетерпѣливости тотчасъ я и приступилъ къ сему дѣлу, и трудился надъ тѣмъ такъ ревностно и съ такою прилежностію, что въ немногіе дни и поспѣлъ у насъ маленькой и довольно порядочной театрикъ. При чемъ надобно сказать, что при семъ дѣлѣ весьма много помогалъ мнѣ и нашъ французъ учитель, которой, будучи любопытнымъ человѣкомъ и самъ превеликимъ къ такимъ затѣямъ охотникомъ, не только предпріятіе наше одобрилъ, но и самъ бралъ дѣятельное въ трудахъ моихъ соучастіе, и не только охотно принялъ на себя трудъ быть при представленіи нашемъ музыкантомъ, но поступивъ далѣе, вздумалъ изъ самыхъ маленькихъ нашихъ дѣтей составить нѣкоторой родъ балета и научить ихъ оной пропрыгать. А не успѣли мы сего вздумать, какъ и пошло у насъ рѣзанье, и кромсанье, и шитье на всѣхъ ихъ прекраснаго пастушечьяго платьица и ученіе ихъ сему особаго рода танцованію; а большіе, между тѣмъ, чрезъ часто повторяемыя репетиціи дѣлались часъ-отъ-часу къ декламаціямъ и представленію способнѣйшими.

Надъ всѣмъ симъ всѣ мы съ толикимъ усердіемъ и ревностію трудились, что къ половинѣ ноября поспѣлъ у насъ уже совсѣмъ театръ, и 17-го числа могли мы наономъ сдѣлать уже первую и порядочную репетицію. И какъ оная была довольно удачна, то 24-го числа ноября и назначили мы къ формальному пьесы нашей представленію. Итакъ, пригласивъ для зрѣлища сего къ себѣ всѣхъ нашихъ друзей и знакомцевъ, въ городѣ и вблизи онаго живущихъ, и представили мы пьесу свою въ первой разъ и столь хорошо, что пріобрѣла она отъ всѣхъ совершенную похвалу и общее одобреніе. Сіе невѣдомо какъ ободрило и утѣшило всѣхъ нашихъ дѣтей, не только взрослыхъ, но и самыхъ маленькихъ, ибо и балетецъ, ими представленной, всѣмъ такъ полюбился, что всѣ не могли довольно принести имъ похвалъ. Словомъ, не только всѣмъ имъ, но и всѣмъ друзьямъ и знакомцамъ нашимъ, а особливо отцамъ и матерямъ дѣтей доставили мы тѣмъ превеликое удовольствіе, и всѣми приносимы были мнѣ за то многія благодаренія; я же, въ благодарность за то, угостилъ ихъ всѣхъ у себя большою вечеринкою

и баломъ, и день сей былъ для насъ весьма достопамятнымъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, по случаю пріѣзжихъ къ намъ нѣсколькихъ гостей, представили мы пьесу сію въ другой, а около половины декабря въ третій разъ, съ равнымъ отъ всѣхъ одобреніемъ; но какъ я легко могъ заключить, что дальнѣйшее представленіе одной и той же пьесы можетъ и дѣтямъ, и зрителямъ прискучить, то стали мы помышлять о пріискиваніи еще какой-нибудь и другой театральной пьесы, удобной для представленія нашимъ дѣтямъ. Но какъ найтить таковую не такъ было легко, какъ сначала казалось, ибо возрастъ дѣтей величайшія предлагалъ въ томъ препоны, то прилѣпившись къ сему дѣлу, и желая колико можно продолжать его далѣе, вздумалъ я, при началѣ декабря, испытать не могу ли я выдумать и сочинить самъ какой-нибудь комедіи, расположенной такимъ образомъ, чтобъ всѣ дѣйствующія въ немъ лицы дѣйствительно сообразно были и съ самыми лѣтами, возрастомъ и свойствами тѣхъ дѣтей, которыя долженствовали представлять въ ней разныя роли. Предпріятіе по истинѣ отважное и не весьма съ моими къ тому способностями согласное, ибо я никогда еще въ такихъ сочиненіяхъ не упражнялся. Совсѣмъ тѣмъ, не успѣлъ я приступить къ сему дѣлу, какъ противъ всякаго чаянія полилась матерія изъ пера моего какъ рѣка, и первой опытъ сей противъ самаго ожиданія удался такъ хорошъ, что дни чрезъ два и поспѣла у меня цѣлая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, и столь смѣшная, и заключающая въ себѣ столь много моральнаго, сатирическаго и комическаго, что я, какъ сочинитель, былъ ею очень доволенъ и рѣшился, набравъ изъ дѣтей всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и въ томъ числѣ самого моего малютку сына, и росписавъ всѣ роли, заставилъ ихъ всѣ оныя вытвердить; къ чему они не только охотно согласились, но съ такимъ рвеніемъ къ тому пристали, что къ началу слѣдующаго года совсѣмъ ее вытвердили. И какъ главною цѣлію оной было, съ одной стороны, осмѣяніе лгуновъ и хвастуновъ, невѣждъ и молодыхъ волокитъ, а съ другой, чтобъ представить для образца добронравныхъ и прилежныхъ дѣтей и добродѣтельныя дѣянія, то и назвалъ-было я ее сперва «Залыгалою», но при перепискѣ набѣло придалъ названіе «Честохвала».

Въ сихъ особенныхъ занятіяхъ, а при томъ при ежедневномъ продолженіи писанія и заготовленія впередъ матеріала для моего «Экономическаго Магазина», равно какъ при частыхъ по прежнему съѣздахъ и свиданіяхъ съ нашими въ тогдашней жизни сотоварищами, протекли нечувствительно всѣ первые зимніе и послѣдніе въ семъ году мѣсяцы. Дружба, единодушіе и безпрерывное согласіе между всѣми нами продолжало господствовать ненарушимо, и можно сказать, что тогдашняя жизнь наша была не только не скучна, но отмѣнно еще и пріятна, и чѣмъ далѣе продолжали мы симъ образомъ жить, тѣмъ становилась она лучше и пріятнѣе и для всѣхъ насъ утѣшнѣе, и таковою, что мы и нынѣ время сіе вспоминаемъ не инако какъ съ удовольствіемъ особымъ.

Между тѣмъ не упускаемы были мною нимало и дѣла, до волостного правленія относящіяся, съ тою только однако предъ прежнимъ отмѣною, что я далеко уже не такъ надрывался надъ разными по волости затѣями, какъ дѣлалъ я прежде изъ искренняго усердія и любви къ старику, моему прежнему командиру. Воспослѣдовавшая перемѣна и пріѣздъ къ намъ молодого князя, и холодное его со мною обращеніе охладило во мнѣ весьма много прежнее рвеніе, и я, видя, что ему всѣ дѣлапія и затѣи мои были неугодны, получилъ и самъ стремленіе быть похладнокровнѣе и производить только то, чего требовала необходимо моя должность или что именно отъ него мнѣ будетъ приказано, и располагался все остающееся отъ дѣлъ по должности праздное время употреблять лучше собственно для себя, нежели на такія дѣла и труды и предпріятія, за которыя не могъ я ожидать отъ

командира своего ни похвалы, ни благодарности. А нельзя сказать, чтобъ онъ при помянутыхъ пріѣздахъ пріобрѣлъ поступками своими и отъ другихъ когонибудь къ себѣ любовь и почтеніе, но напротивъ того, вся волость и всѣ мои подкомандующіе возъимѣли объ немъ съ самаго уже начала не весьма выгодныя мнѣнія, а многіе даже его возненавидѣли, и вмѣсто того, что старика-князя почитали своимъ отцомъ и попечителемъ, сего сынка его стали какъ нѣкакого лѣсного медвѣдя бояться.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ меня самой конецъ 1779 года, которой, по случаю святокъ и праздниковъ, провели мы въ сей годъ отмѣнно весело. Не проходило ни одного дня, въ которой не были бы мы вмѣстѣ. И какъ случилось около сего времени много къ намъ пріѣзжихъ издалека, то и они всѣ всюду и всюду съ нами ѣздили и вездѣ вмѣстѣ съ нами пировали и веселились, то сіе придавало еще болѣе нашимъ святкамъ пріятности. Словомъ, все у насъ было такъ хорошо, такъ весело и такъ пріятно, что заѣзжавшій къ намъ въ сіе время и на третій день праздника обѣдавшій у меня губернаторъ бралъ самъ въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе и завидовалъ даже нашей жизни, говоря, что они и въ губернскомъ городѣ такими пріятностьми дружеской простой жизни не пользуются, какъ мы, живучи тутъ въ маленькомъ городкѣ.

Окончивъ симъ исторію сего года, окончу я и сіе письмо мое и съ нимъ 19-ю часть описанія моей жизни, а въ послѣдующей за симъ 20-й части пойду далѣе и разскажу вамъ, что происходило въ теченіе 1780 года и другихъ послѣдующихъ за нимъ; а между тѣмъ, пожелавъ вамъ всѣхъ благъ, остаюсь вашъ, и прочее.

(Декабря 8-го дня 1809 года).

Конецъ девятнадцатой части.

(Сочинена въ теченіе 34-хъ дней, въ ноябрѣ и декабрѣ 1809 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XX.

(**Въ Дворяниновѣ сочинена въ декабрѣ 1809, а переписана въ маѣ 1811**).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1780 годъ.

Письмо 201-е.

Любезный пріятель! Пересказавъ вамъ въ послѣднихъ предъ симъ письмахъ все случившееся со мною въ теченіе 1779 года, и приступая теперь къ описанію произшествій послѣдующаго за симъ 1780 года, скажу, что первый день сего, не менѣе прочихъ достопамятнаго для меня года, провели мы отмѣнно весело и съ особливымъ для всѣхъ удовольствіемъ. Для сего дня, какъ я уже упоминалъ вамъ, была приготовлена у насъ, для представленія на маленькомъ театрикѣ нашемъ, совсѣмъ новая и нарочитой уже величины и самимъ мною сочиненная комедія, подъ названіемъ «Честохвала», и разохотившіяся дѣти наши успѣли не только всю ея къ сему дню выучить; но рвеніе ихъ было такъ велико,

что они приступили ко мнѣ съ просьбою, чтобъ приискать имъ еще какую-нибудь маленькую пьесу вдобавокъ къ сей, и брались выучить и ее въ немногіе оставшіеся дни, съ тѣмъ только, чтобъ помѣщены были въ нее и тѣ изъ дѣтей, которымъ не достало роль въ помянутой большой комедіи. И какъ я на сіе охотно согласился, то и отыскалъ я изъ имѣющихся у меня многихъ театральныхъ пьесъ одну, подъ названіемъ «Новопріѣзжіе», и тотчасъ имъ, а особливо живущему у меня мальчику, г. Сезеневу, хотѣвшему неотмѣнно быть въ числѣ нашихъ актеровъ, сіе удовольствіе и сдѣлалъ; и они вытвердили ее съ такою скоростію, что я самъ тому удивился, и положилъ заставить ихъ сыграть для всѣхъ насъ и ее послѣ моей большой комедіи.

Итакъ, зазвавъ всѣхъ бывшихъ въ сей день у обѣдни нашихъ друзей къ себѣ, и угостивъ ихъ у себя обѣдомъ, пригласилъ я ихъ, равно какъ и всѣхъ прочихъ, ввечеру въ театръ нашъ, имѣлъ я особенное удовольствіе видѣть въ сей день театральное представленіе собственнаго моего изобрѣтенія и быть самъ въ числѣ зрителей. И какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находились нѣкоторыя и изъ малыхъ дѣтей нашихъ, и между прочимъ включенъ былъ и самой малютка сынъ мой, Павелъ; то хотя и опасался я, что онъ ролю свою играя въ первой еще разъ въ жизни, по молодости своей, не выдержитъ, и либо обробѣетъ, либо спутается, а особливо потому, что роля его была наизнаменитѣйшая почти изъ всѣхъ; къ тому-жъ ему и первому, посаженному посреди театра за столикомъ, и будто рисующему картинку, надлежало начинать говорить и дѣйствовать, и хотя натуральная робость его была такъ велика, что онъ, изготовившись къ тому совсѣмъ, и предъ самымъ уже подниманіемъ завѣса, подозвавъ меня изъ-за кулисъ къ себѣ, сказалъ: «Батюшка! меня дрожь пронимаетъ и трясетъ, какъ лихорадка!» и я, испужавшись того, отчаялся-было хотя совсѣмъ въ хорошемъ успѣхѣ, и уже коекакъ его ободрять старался, говоря ему, чтобъ онъ не трусилъ и не робѣлъ, а воображалъ себѣ, что никого нѣтъ и будто никто его не видитъ. Но, противъ всякаго чаянія и ожиданія произошло совсѣмъ противное, и не успѣли поднять занавѣсъ, какъ Павелъ мой началъ такъ отхватывать, что всѣхъ даже удивилъ чрезвычайно своею и неожидаемою къ тому способностію, а меня заставилъ утирать слезы, текущія изъ глазъ отъ радости и удовольствія. Словомъ, онъ сыгралъ ролю свою какъ лучше требовать было не можно, а не многимъ чѣмъ уступали и прочіе его сотоварищи. И какъ въ комедіи сей было очень много особеннаго, смѣшного и такого, что въ состояніи было возбудить въ зрителяхъ и любопытство, и смѣхъ и принуждать даже къ самому хохотанію, то смотрѣли всѣ на дѣйствія ихъ съ превеликимъ удовольствіемъ и только кричали «браво! браво!» и то-и-дѣло что били въ ладоши и хвалили дѣтей, чѣмъ натурально и они поддерживаемы и ободряемы были весьма много.

Съ таковымъ же хорошимъ успѣхомъ сыграна была дѣтьми и другая новая пьеска, послѣ сей первой, и такое же получила отъ всѣхъ одобреніе. Въ сей знаменитѣйшую ролю игралъ питомецъ мой, г. Сезеневъ, и удивилъ всѣхъ также особенною и всего меньше ожидаемою отъ него способностью своею къ театральнымъ представленіямъ. Какъ онъ былъ нарочитаго возраста и собою толстенекъ, то по недостатку другихъ и способнѣйшихъ, назначили мы ему ролю пожилого человѣка и, всходствіе того, надѣли на него парикъ, придѣлали ему толстое брюхо, вычернили ему брови и выбритую будто бороду, и надѣвши стариковской кафтанъ, преобразили такъ, что его и узнать было не можно. И онъ такъ хорошо сыгралъ свою ролю, что надсадилъ всѣхъ со смѣху и всѣми поступками своими умѣлъ такъ хорошо подражать старику, что всѣ зрители не могли довольно тому надивиться; а многіе, не знавшіе его коротко, не могли никакъ вѣрить, что былъ это нимало не ста-

рикъ, а четырнадцатилѣтній только мальчикъ. Словомъ, онъ игралъ такъ хорошо, что не постыдилъ бы себя и на лучшемъ театрѣ; а сіе и побудило насъ при всѣхъ послѣдующихъ играхъ и представленіяхъ давать ему всегда роли старика, и онъ игралъ ихъ славно и всегда съ чрезвычайною похвалою.

Какъ скоро все сіе было представлено и самой балетъ послѣ того конченъ, то зазвалъ всѣхъ насъ на перепутье къ себѣ живущій тутъ же въ замкѣ судья, г. Арсеньевъ, и далъ всѣмъ намъ у себя большую и веселую вечеринку и ужинъ. Тутъ начались у насъ увеселенія другого рода. Вся молодежь наша начала плясать и танцовать, а которые были постарѣе, тѣ усѣлись за столы и начали заниматься картами и разными другими забавными играми, которыя къ сему времени случились быть мною вновь выдуманными, и гулъ только раздавался повсюду отъ смѣховъ, шутокъ и хохотанья. Словомъ, всѣ мы были въ сей вечеръ какъ-то отмѣнно веселы и провели весь сей вечеръ съ удовольствіемъ превеликимъ.

Съ другой стороны сдѣлался для меня день сей достопамятнымъ и тѣмъ, что въ оной, въ Москвѣ, увидѣлъ въ первой разъ свѣтъ мой новой экономической журналъ, или выданъ въ публику первой листъ «Экономическаго Магазина». Господинъ Новиковъ, желая доставить мнѣ скорѣйшее удовольствіе видѣть оной напечатаннымъ, спроворилъ дѣломъ такъ, что я на другой же день послѣ сего, и въ самое то время, когда были мы всѣ мужчины на вечеринкѣ у господина Шушерина, получилъ уже оной отъ него къ себѣ присланной, и имѣлъ неописанное удовольствіе увидѣть его напечатанной несравненно въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ издавался мой «Сельской Житель». Я не могъ на него, какъ на новое произведеніе свое, довольно насмотрѣться и имъ налюбоваться; но пріятнѣе еще того было для меня увѣдомленіе г. Новикова, что дѣло наше началось и идетъ съ хорошимъ успѣхомъ, и что подписалось уже довольно и что число пренумерантовъ увеличивается отчасу больше.

Препроводивъ и другой день сего года съ удовольствіемъ, въ слѣдующій за тѣмъ поѣхали мы къ г. Стрекалову, и были имъ прямо пріятельски угощаемы; а не успѣли мы на другой день къ ночи возвратиться назадъ, какъ надлежало мнѣ угощать у себя опять заѣзжавшаго къ намъ нашего губернатора; а не успѣли мы его съ рукъ своихъ сжить, какъ собравшись, отправились въ дальніе гости, за Ефремовъ, къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ Арцыбышевой, находившейся тогда въ своей степной ефремовской деревнѣ и насъ, при послѣднемъ свиданіи съ нами, невѣдомо какъ просившей посѣтить ее въ семъ ея степномъ домѣ. А какъ въ той же сторонѣ жилъ и новой нашъ знакомецъ и пріятель, г. Писемской, и также многократно убѣждалъ насъ просьбою посѣтить и его въ деревнѣ, то рѣшились мы въ сей разъ напередъ заѣхать къ нему, куда въ тотъ же еще день и пріѣхали.

Господинъ Писемской невѣдомо какъ обрадованъ былъ нашимъ пріѣздомъ, и не зналъ какъ возблагодарить насъ за посѣщеніе и угостить у себя лучше. Случилось сіе въ самой день Богоявленія Господня, и мы, отобѣдавъ у него, ѣздили съ нимъ вмѣстѣ къ знаменитому въ тамошнемъ краю сосѣду его, Стратону Ивановичу Сахарову. И какъ сей желалъ также давно видѣть меня у себя, то и сей не только принялъ меня съ особливымъ благопріятствомъ, но и всячески постарался насъ угостить веселою вечеринкою и самымъ ужиномъ. Итакъ, провели мы и сей праздникъ весело и съ удовольствіемъ, а переночевавъ опять у г. Писемскаго, пустились на другой день за Ефремовъ, и обрадовали тетку нашу своимъ пріѣздомъ. У ней прогостили мы цѣлыхъ 4 сутокъ, въ которыя было намъ также очень нескучно, ибо она старалась также угостить насъ всячески; а сверхъ того, въ каждой день пріѣзжали къ намъ и разные ея тамошніе сосѣди и увеличивали собою наше

общество, изъ которыхъ въ особливости замѣчанія достоинъ былъ одинъ ближній ея сосѣдъ, Христофоръ Александровичъ Ушаковъ, человѣкъ любопытной и хорошаго характера, съ которымъ я при семъ случаѣ впервые еще познакомился.

Въ Богородицкъ возвратились мы не прежде, какъ къ 12-му числу сего мѣсяца; а не успѣли пріѣхать, какъ имѣлъ я опять удовольствіе получить съ почтою превеликой пакетъ со всѣми обѣщанными мнѣ 15-ю экземплярами 3-го и 4-го нумера моего «Экономическаго Магазина», которые съ того времени и получалъ я уже порядочно всегда, съ каждою еженедѣльною почтою, съ прилагаемыми къ нимъ и всѣми, присылаемыми къ г. Новикову отъ корреспондентовъ моихъ письмами ко мнѣ и которые не только не преставали продолжать со мною переписку, но число ихъ часъ-отъ-часу увеличивалось еще и больше, и многіе изъ нихъ отыскивались даже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ и разныхъ нашихъ губерніяхъ.

Не успѣли мы помянутымъ образомъ проводить наши святки и нѣсколько дней послѣ оныхъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ, свиданіяхъ и увеселеніяхъ, какъ принялся я опять за прежнія свои кабинетныя упражненія. Къ симъ, кромѣ обыкновеннаго писанія и заготовливанія матеріи для моего «Экономическаго Магазина», принадлежали опять разныя затѣи. Къ онымъ въ особливости относилось тогда вдругъ родившееся во мнѣ желаніе соорудить самому для себя электрическую машину. Это было еще въ первой разъ, что я началъ заниматься сею частію физики, и поводъ къ тому подало писаніе о самой сей матеріи въ моей «Дѣтской философіи», которую не преставалъ я и около самаго сего времени продолжать. И какъ всѣ знанія мои по сей части были еще очень невелики и понятія весьма ограниченныя, да и электрическія машины случилось мнѣ видѣть только нѣсколько разъ, давно и въ бытность свою еще въ Кёнигсбергѣ, и захотѣлось мнѣ ее тогда смастерить самому и болѣе потому, что случилось мнѣ нечаянно достать себѣ стеклянной шаръ; то признаюсь, что хотя въ нѣсколько дней и смастерилъ я себѣ оную, но была она весьма еще несовершенна и съ великими еще недостатками. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя изобразить, сколь неизъяснимо велико было мое удовольствіе и радость при усмотрѣніи и извлеченіи первой искры изъ кондуктора, а того паче при полученіи перваго электрическаго удара отъ лейденской банки, или паче привѣшеннаго тогда еще къ кондуктору пузырька съ водою. Но какъ бы то ни было, но я смастерилъ себѣ машину довольно изрядную и такую, которая и тогда могла уже и меня и многихъ другихъ собою удивлять и увеселять, и подала мнѣ впослѣдствіи времени поводъ къ многочисленнымъ и разнымъ по сей части выдумкамъ и затѣямъ, а современемъ къ самому усовершенствованію машинъ и сдѣланія ихъ полезнѣйшими человѣческому роду и, наконецъ, къ произведенію ими безчисленному множеству людей и всему отечеству моему существительной пользы, какъ о томъ упомянется въ своемъ мѣстѣ.

22-го числа сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить опять множество отъ разныхъ особъ писемъ, и между прочимъ изъ самаго Нижняго-Новагорода, отъ бывшаго нашего архитектора г. Ананьина, увѣдомлявшаго меня, что имя мое и тамъ съ хорошей стороны сдѣлалось извѣстно; а то же самое писали ко мнѣ и изъ Москвы, что меня порадовало и ободряло.

Не успѣло нѣсколько дней послѣ сего пройтить, какъ вдругъ перетревоженъ я былъ полученнымъ извѣстіемъ изъ шадской моей деревни о несносныхъ почти обидахъ, причиняемыхъ тамошнимъ жителямъ, а въ томъ числѣ и моимъ крестьянамъ, господиномъ Пашковымъ, которой, не уважая предписанія межевой канцеляріи, чтобъ остановить бездѣльническое его межеванье впредь до разсмотрѣнія сего дѣла межевою канцеляріею, и чтобъ всѣ до того времени оставались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ, усиліемъ и наглостію своею производилъ ве-

ликія притѣсненія и сущіе грабежи, увозя съ степи накошенные тамошними жителями ихъ стога съ сѣномъ, и недопускающихъ до того люди его били и прогоняли. И какъ то же учинено имъ и съ моими стогами и съ людьми, и чрезъ таковое насильственное отниманіе и увезеніе сѣна было опасеніе, что намъ свой скотъ кормить будетъ нечѣмъ, то прикащикъ мой, приславъ нарочнаго съ увѣдомленіемъ о томъ, молилъ и просилъ меня Христомъ и Богомъ, чтобъ я пріѣхалъ самъ и защитилъ ихъ тамъ отъ такой напасти.

Признаюсь, что извѣстіе сіе при тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ было для меня весьма непріятно, и разсѣявъ всѣ мои пріятныя мысли, какими я около сего времени занимался, смутило и разстроило меня до безконечности. Дѣло сіе по всѣмъ обстоятельствамъ дѣйствительно было таково, что требовало неукоснительнаго моего туда пріѣзда. Но самовольная отлучка отъ своей должности, неиспросивъ на то дозволенія отъ моего строгаго и недоброхотнаго ко мнѣ командира, и самая ѣзда въ такую даль наводила на меня превеликое сумнѣніе, а вкупѣ производила и крайнее нехотѣніе пускаться въ такую даль при недостовѣрности, въ состояніи ли я буду помочь сему злу своимъ пріѣздомъ.

Цѣлыя сутки находился я въ превеликомъ недоумѣніи что дѣлать и въ крайней разстройкѣ мыслей и нерѣшимости; но какъ, наконецъ, и родные мои и друзья мнѣ съѣздить въ Тамбовъ и тамъ губернатора о томъ попросить совѣтовали, а къ князю моему о томъ отписать, то рѣшился наконецъ я на то отважиться, и отправивъ къ г. Новикову весь заготовленной до того времени для журнала моего матеріалъ, сѣлъ въ свой любезной возочекъ и полетѣлъ въ свой путь совсѣмъ налегкѣ и, препроводивъ четыре дни въ путешествіи, въ Тамбовъ 2-го числа февраля и прибылъ.

Какъ въ семъ сдѣлавшемся тогда нашимъ губернскомъ городѣ мнѣ до того никакихъ дѣлъ имѣть и живать въ немъ не случилось, то, не имѣя въ немъ никакого знакомства, горевалъ я, подъѣзжал къ оному, о томъ, что не было у меня въ немъ никого знакомыхъ, съ которыми можно бы было мнѣ посовѣтовать о томъ, какъ бы лучше приступить къ сему дѣлу. Но, какъ говорится въ пословицѣ, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ», то случилось тогда и со мною нѣчто на то похожее, и я, противъ всякаго чаянія и ожиданія, нашелъ тутъ и друзей, и знакомыхъ, и помощниковъ себѣ. И самое первое обрадовало меня то, что я при самомъ уже въѣздѣ въ городъ узналъ, что другъ и пріятель мой по тамошнимъ деревнямъ и прежній сподвижникъ при бывшемъ тамъ межеваньи, Иванъ Яковлевичъ Сабуровъ, находился и жилъ тогда въ Тамбовѣ, имѣя собственной домъ въ ономъ. «Когда такъ, воскликнулъ я сіе услышавъ, то зачѣмъ намъ искать другой квартиры, а ступайте прямо къ Ивану Яковлевичу, онъ вѣрно будетъ мнѣ радъ и съ удовольствіемъ помѣститъ меня въ какомъ-нибудь уголкѣ своего дома». Я и не обманулся въ моемъ ожиданіи. Г. Сабуровъ обрадовался пріѣзду моему до безпамятства и принялъ меня какъ родного, и не только старался всячески меня угостить, но услышавъ о причинѣ моего пріѣзда и объ обстоятельствахъ моего дѣла, подхватя меня въ тотъ же день повезъ съ собою къ нѣкакому г. Зубареву, почитавшимся первѣйшимъ дѣльцомъ и знатокомъ по всѣмъ дѣламъ, для испрошенія у него совѣта, какъ бы лучше и надежнѣе приступить мнѣ къ дѣлу. Сей, будучи знакомымъ г. Сабурову человѣкомъ, принялъ и его и меня съ возможнѣйшимъ благопріятствомъ, и узнавъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, совѣтовалъ мнѣ подать просительное о томъ письмо къ губернатору. «Но не худо бы, присовокупилъ онъ, еслибъ вы повидались и съ губернскимъ прокуроромъ и его къ вспомоществованію вамъ въ семъ дѣлѣ поубѣдили вашею просьбою. Не знакомъ ли онъ вамъ?» спросилъ онъ меня наконецъ.—Не только незнакомъ, отвѣчалъ я, но я и не знаю и не слыхалъ, кто

у васъ здѣсь прокуроромъ.—«Дмитрій Ѳедоровичъ Хвощинской, сказалъ онъ, и человѣкъ очень честной и доброй».—Ба! ба! ба! воскликнулъ я, поразившись новою радостью: Дмитрій Ѳедоровичъ человѣкъ мнѣ очень знакомой, и я могу даже почесть его себѣ хорошимъ пріятелемъ! Каковъ онъ мнѣ и дѣйствительно былъ, ибо это былъ самой тотъ Хвощинской, съ которымъ я имѣлъ дѣло по Зыбинскому межеванью, и которой бывалъ у самого меня въ домѣ и всегда мнѣ благопріятствовалъ.—«Ну, такъ на что же лучше! сказалъ г. Зубаревъ, повидайтесь съ нимъ завтра; вы найтить его можете въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, и онъ вамъ тоже вѣрно скажетъ, и всѣхъ болѣе преклонить можетъ губернатора къ поданію вамъ помощи». Итакъ, по сказанному, какъ по писанному, намахалъ я поутру на другой день вчернѣ убѣдительное просительное къ губернатору письмо и полетѣлъ въ губернское правленіе, гдѣ мнѣ тотчасъ комнату, гдѣ былъ прокуроръ, и показали.

Г. Хвощинской не успѣлъ меня увидѣть, какъ отъ радости вспрыгнулъ съ своего мѣста, и подбѣжавъ ко мнѣ, ну меня обнимать и, цѣлуя, говорить: «Ахъ, батюшка, Андрей Тимоѳеевичъ! Откуда ты къ намъ взялся? Какіе занесли тебя къ намъ вѣтры? Все-ль ты, мой другъ, находишься въ добромъ здоровьи? Какъ я радъ, что васъ вижу! Садись-ка вотъ здѣсь подлѣ меня, и разскажи мнѣ, мой голубчикъ, по какому случаю и зачѣмъ ты здѣсь находишься и не имѣешь ли до меня какой нужды? Я съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ тебѣ во всемъ служить».

Таковая благопріятная и все чаяніе мое превосходящая встрѣча преисполнила духъ мой новою радостію и удовольствіемъ. Я соотвѣтствовалъ г. Хвощинскому равномѣрною ласкою, благодарилъ его за незабвеніе и продолженіе дружбы, увѣрялъ и о своихъ всѣхъ дружескихъ къ нему чувствованіяхъ, и сѣвши, разсказалъ по требованію и желанію его все и все, то-есть, гдѣ я съ того времени, какъ съ нимъ разстался, былъ и жилъ и гдѣ при какой должности находился и тогда. Обо всемъ томъ онъ ничего не вѣдалъ, и услышавъ, что я управителемъ въ собственныхъ императрицыныхъ Богородицкихъ волостяхъ, которыя ему были довольно извѣстны, началъ меня не только поздравлять, но оказывать мнѣ еще и болѣе уваженія. И какъ дѣло, наконецъ, до того дошло, зачѣмъ я въ Тамбовъ пріѣхалъ, то не успѣлъ онъ о томъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ услышать, какъ сталъ совѣтовать самъ то-жъ, чтобъ я подалъ письмо къ губернатору, увѣряя, что оной, какъ онъ надѣется, изъ уваженія ко мнѣ не отречется оказать мнѣ возможнѣйшее вспоможеніе, и тѣмъ паче, что онъ самъ въ этотъ же день съ нимъ предварительно о семъ дѣлѣ переговоритъ и его о томъ попроситъ. И какъ я, поблагодаря его за все то, сказалъ, что у меня письмо таковое и написано уже вчернѣ, то хотѣлъ онъ его видѣть, и тотчасъ взявъ перо, еще кое-что прибавилъ и потомъ совѣтовалъ мнѣ въ этотъ же день его переписать, а на утріе подать губернатору, отъ него-жъ неотмѣнно заѣхать къ нему обѣдать, и сообщить ему то, что онъ скажетъ. «А я, батюшка, Андрей Тимоѳеевичъ, въ здѣшнемъ мѣстѣ женился, имѣю у себя домъ и, слава Богу, живу хорошохонько».

Съ симъ отпустилъ онъ меня тогда отъ себя, нехотящаго долѣе мѣшать ему въ дѣлахъ по его должности; но не успѣлъ я выйтить въ другую комнату, какъ встрѣчаюсь еще съ другимъ своимъ знакомымъ и пріятелемъ. Былъ то Никита Ивановичъ Каверинъ, сынъ того живущаго въ Каверинѣ чудака-старика, къ которому нѣкогда пріѣзжалъ я во время межеванья и которой уморилъ-было меня тогда съ голоду. Сей, увидѣвъ меня, также обрадовался чрезвычайно и столько-жъ, сколько и я, нашедъ его тутъ совсѣмъ неожидаемымъ образомъ. При вопросѣ, какимъ образомъ и по какому случаю я его тутъ вижу, сказалъ онъ мнѣ, что онъ находится тутъ при должности: отправляетъ должность казначейскую, и имѣетъ

свой собственной домъ въ Тамбовѣ и живетъ въ ономъ; а потомъ, сожалѣя, что я не у него присталъ, напубѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ, чтобъ я неотмѣнно и въ тотъ же самой часъ поѣхалъ съ нимъ къ нему обѣдать, отъ чего я и не отрекся.

Итакъ, въ сей день обѣдалъ я у сего моего пріятеля и по деревнямъ сосѣда, и былъ пріязнію, и ласкою, и угощеніемъ всего его семейства очень доволенъ. Онъ жилъ тутъ со всѣмъ своимъ домомъ и я, разговорившись съ его женою, и удивился и обрадовался узнавъ, что она была родная сестра того самаго Николая Ивановича Новикова, съ которымъ началъ я по «Экономическому Магазину» дѣло. А сіе обстоятельство увеличило еще болѣе наше взаимное дружество и благопріятство; къ тому-жъ была она намъ нѣкоторымъ образомъ и съ родни.

Препроводивъ съ пріятностію у сего велерѣчиваго и говорливаго пріятеля своего бо̀льшую часть того дня и наслышавшись отъ него всего и всего о тогдашнихъ тамбовскихъ начальникахъ и судьяхъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ въ городѣ, возвратился я ввечеру къ своему любезному хозяину и обрадовалъ его увѣдомленіемъ обо всемъ успѣхѣ моего начинающагося дѣла.

Наутріе, перемахавъ самъ набѣло просительное письмо къ губернатору, поѣхалъ я къ нему. Сей, будучи уже предваренъ обо мнѣ и о моей просьбѣ господиномъ Хвощинскимъ, принялъ меня съ отмѣннымъ благопріятствомъ и съ множайшимъ уваженіемъ, нежели какого я заслуживалъ, и обѣщалъ употребить все возможное ему къ удовлетворенію моего желанія и просьбы, и неукоснительно предписалъ тамошнему исправнику дѣло сіе въ самой скорости изслѣдовать, и увезенное насильно у меня сѣно отъ Пашкова возвратить; каковымъ обѣщаніемъ я былъ и доволенъ, и откланявшись ему, поскакалъ опять въ губернское правленіе къ господину Хвощинскому для возблагодаренія ему за его вспоможеніе. Онъ же, услышавъ, что̀ мнѣ сказалъ губернаторъ, тотчасъ приказалъ секретарямъ приступить къ сему дѣлу, и, что слѣдовать будетъ, къ утрему же приготовить, дабы я не могъ задержанъ быть тутъ долго, что̀ они и обѣщали. Послѣ чего вскорѣ и поѣхали мы съ нимъ къ нему обѣдать. Я нашелъ у него прекрасной и великолѣпно почти отдѣланной домъ, что и неудивительно, потому что онъ женатъ былъ на богатой тамошней дворянкѣ, и былъ ласкою всего его семейства и угощеніемъ его весьма доволенъ и препроводилъ почти весь остатокъ того дня у него.

Между тѣмъ, сошло отъ губернатора мое письмо и приказаніе учинить допросъ упоминаемымъ въ ономъ моимъ людямъ, прикащику и повѣренному, и предписать потомъ исправнику о принужденіи Пашковымъ отдать мнѣ сѣно. Все сіе въ послѣдующій день было и исполнено и обоимъ моимъ людямъ учинены были допросы; и какъ тѣмъ дѣло все съ моей стороны и кончилось, и мнѣ не зачѣмъ было долѣе жить въ Тамбовѣ, то въ четвертой день послѣ моего пріѣзда, распрощавшись съ другомъ моимъ г. Сабуровымъ, и поблагодаривъ его и за угощеніе, и за все про все, 6-го числа февраля въ обратной путь въ Богородицкъ и отправился.

Обратное путешествіе мое было столько же успѣшно, какъ и первое, и я, возвратившись 9-го числа въ Богородицкъ, нашелъ и своихъ всѣхъ здоровыми, и дѣла всѣ въ порядкѣ, такъ что кратковременное мое и только десять дней продолжавшееся отсутствіе мое было совсѣмъ и неприметно, почему и не разсудилъ и писать объ ономъ князю. Что-жъ касается до моихъ семьянинокъ, то онѣ во время отсутствія моего ѣздили къ Прасковьѣ Андреевнѣ Кислинской на родины, были потомъ въ Калединкѣ и, наконецъ, въ одинъ день со мною возвратились въ Богородицкъ, а съ ними вмѣстѣ пріѣхалъ ко мнѣ и братъ Михайла Матвѣевичъ.

Достальные дни февраля мѣсяца провели мы по прежнему въ свиданіяхъ и съѣздахъ съ своими тутошними друзьями

и разъѣздахъ къ отсутственнымъ и живущимъ въ уѣздахъ, какъ въ епифанскихъ окрестностяхъ, такъ и въ сторонѣ къ Крапивнѣ. Въ сихъ разъѣздахъ своихъ провели мы въ особливости начавшуюся въ сей годъ съ 23-го числа февраля масляницу, а въ наступившій съ 1-го марта великой постъ осѣлись и, по обыкновенію, во всю первую недѣлю онаго говѣли, исповѣдывались и причащались. Пятница сей недѣли, случившаяся 6-го числа марта, достопамятна была для всей нашей фамиліи тѣмъ, что въ оной день кончилъ свою жизнь двоюродной мой братъ и наиближайшій сосѣдъ въ деревнѣ, Гаврила Матвѣевичъ Болотовъ.

Мы, получивъ неожидаемое извѣстіе о семъ 8-го числа, потужили и погоревали о семъ молодомъ человѣкѣ. Бѣднякъ сей погубилъ самъ себя безмѣрною своею невоздержностію въ питьѣ. Онъ хотя издавна придерживался сей бѣдственной привычки, но во время жительства моего въ деревнѣ, сколько-нибудь опасаясь брани себѣ отъ меня, себя поудерживалъ; но по отлучкѣ моей отъ дома вдался онъ уже слишкомъ въ сію пагубную страсть, которая, соединившись и съ другою, толико же бѣдственною для молодыхъ людей страстію, скоро такъ его здоровье разстроила, что онъ сдѣлался наконецъ оттого очень боленъ. Тогда встренулся онъ, что сдѣлалъ худо и пересталъ-было уже совсѣмъ пить, но сіе было уже поздно. Ударъ апоплексическій поразилъ его и похитилъ изъ числа живущихъ на землѣ.

Ближній мой родственникъ сей, каковъ ни былъ и какъ много ни досаждалъ мнѣ иногда своимъ глупымъ обычаемъ, но мнѣ жаль было его чрезвычайно. Умеръ онъ холостой и въ самое еще цвѣтущее время своей жизни, и чрезъ griдвременную его смерть уничтожилась вся надежда, какую я имѣлъ, что онъ современемъ будетъ мнѣ добрымъ сосѣдомъ и сотоварищемъ въ деревенской жизни; ибо прежнее его поведеніе, каково ни было, но все было лучше старшаго его брата и подавало объ немъ лучшую надежду; но Промыслу Господню угодно было совсѣмъ не то произвесть. Онъ умеръ, не вкусивъ еще порядочно почти жизни, и мнѣ очень было жаль, что тогдашняя отлучка и начинающаяся уже половодь не допустила меня отдать ему и послѣдній долгъ и оросить гробъ его моими искренними слезами.

Такимъ образомъ уменьшилась и другимъ членомъ вся наша небольшая фамилія и перевелся совсѣмъ старинной домъ, въ которомъ толико лѣтъ жилъ въ уединеніи и воспитывалъ его покойной дядя мой, а его отецъ, Матвѣй Петровичъ. Онъ былъ у него любимой изъ сыновей, и, ахъ! могъ ли онъ себѣ тогда воображать, что съ симъ его милымъ Гаврюшею воспослѣдуетъ такое зло, и что вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и самое то мѣсто, гдѣ онъ жилъ и не останется изъ всего двора его ни малѣйшаго слѣда. Покойникъ построилъ-было себѣ изрядные хоромцы, но судьба не дала ему пожить въ нихъ и десяти лѣтъ, и какъ все имѣніе его перешло въ руки старшаго его брата и опять соединилось воедино, то нынѣшній потомокъ ихъ рода, и его родной племянникъ, владѣющій симъ имѣніемъ, не только сломавъ его хоромы перевезъ ихъ на свою усадьбу, но уничтожилъ и весь его дворъ; а впослѣдствіи времени промѣнялъ и все мѣсто, гдѣ онъ былъ, мнѣ на епифанскую землю, и Промыслу Господню угодно было нидуманонигадано одарить меня симъ весьма нужнымъ для меня мѣстомъ, засаженнымъ мною потомъ садомъ, доставляющимъ мнѣ и по нынѣ особенную пользу и удовольствіе, и въ которомъ, въ напоминаніе ему, то мѣсто, гдѣ стояли его хоромы, и по нынѣ называется «Гаврилинымъ ревиромъ».

Впрочемъ, во извѣстіе моимъ потомкамъ, замѣчу каковъ онъ былъ собою. Ростъ имѣлъ онъ нарочито высокой, собою сухощавъ и тонокъ, волосомъ бѣлокуръ, курносъ и нѣсколько гнусилъ отъ самаго младенчества, и потому не весьма хорошъ собою, да и въ обращеніи съ людьми не очень ловокъ и во многомъ отсталъ отъ людей обыкновенныхъ. Ха-

рактеръ его былъ отъ самой природы какъ-то не весьма хорошъ, а дурное, совсѣмъ небрежное воспитаніе, а потомъ и пагубная въ тогдашнее время для молодыхъ людей гвардейская служба повредила его еще больше, почему съ сей стороны и не нажилъ онъ себѣ отъ постороннихъ добраго имени и похвалы, а по смерти и сожалѣнія.

Впрочемъ, во все теченіе великаго поста не произошло у насъ ничего особливаго. Мы занимались обыкновенными своими упражненіями и не видали почти, какъ пролетѣло сіе время, и одни только пруды, по случаю открывшейся въ продолженіе онаго половоди, наводили на меня заботу и опасеніе, чтобъ ихъ не прорвало; и могу сказать, что періоды времени сего всегда бывали для меня весьма критическіе и я всякой разъ половодій сихъ какъ нѣкакого страшнаго медвѣдя боялся и съ смущеннымъ духомъ всегда смотрѣлъ на приближеніе полой воды, а не одинъ разъ и трудовъ имѣлъ при томъ превеликое множество.

Наконецъ настала у насъ и Святая недѣля, бывшая въ сей годъ очень поздно и уже 19-го апрѣля; и какъ въ сіе время не имѣли мы уже снѣга и вскрылась уже весна, то провели мы ее нарочито весело, и болѣе потому, что къ обыкновеннымъ нашимъ увеселеніямъ могли мы пріобщать и самыя гулянья. Незадолго до наступленія сихъ праздниковъ получили мы себѣ новаго компаніона. Бывшій до того у насъ казначей, г. Плотниковъ, по какому-то случаю отъ насъ отбылъ и на мѣсто его пріѣхалъ къ намъ новой, русской нѣмецъ, по имени Иванъ Христофоровичъ Добрасъ, съ женою своею и дѣтьми. И какъ онъ былъ человѣкъ очень доброй, хорошаго характера и въ обращеніи пріятной и со всѣми нами тотчасъ познакомился и сдружился, то мы сею перемѣною были весьма довольны и нашли въ немъ для общества нашего несравненно лучшаго сочлена, нежели каковъ былъ прежній, г. Плотниковъ.

Отпраздновавши праздникъ, принялся я, по случаю открывшейся уже тогда совершенной весны, за обыкновенныя свои надворныя упражненія и работы; ибо какое нехотѣніе я въ себѣ ни чувствовалъ къ затѣванію чего-нибудь вновь въ волости, но по охотѣ своей къ садамъ и по давнишней привычкѣ заниматься ими, не столько для пользы, сколько для собственнаго своего удовольствія и увеселенія, не могъ никакъ сидѣть и въ это время безпрерывно въ четырехъ стѣнахъ и заниматься своимъ перомъ и книгами. И какъ, по счастію, имѣлъ я подлѣ двора своего собственной свой садикъ, то и употребилъ я въ сію весну наиглавнѣйшее стараніе о распространеніи и украшеніи онаго всякаго рода затѣями и бездѣлушками, и во всѣ вешніе дни рылся и копался въономъ, какъ кротъ: и садилъ, сѣялъ и затѣвалъ въ немъ вновь то то, то другое, и дѣлая его отчасу лучшимъ и прекраснѣйшимъ, доставлялъ и себѣ множество минутъ пріятныхъ и другимъ мѣсто для пріятнаго гулянья.

Наконецъ наступилъ у насъ май мѣсяцъ и съ нимъ начала приближаться славная епифанская Никольская ярманка; и какъ намъ давно уже хотѣлось когда-нибудь побывать на оной, то дни за два и поѣхали мы на оную и сперва къ г-жѣ Бакуниной, живущей въ той сторонѣ и неподалеку отъ города. Домъ сей сдѣлался для насъ столь дружественнымъ, что мы всякой разъ съ удовольствіемъ къ сей умной и почтенной госпожѣ ѣзжали, да и она бывала у насъ всегда наипріятнѣйшею гостьею. Привязывало ее къ намъ наиболѣе то, что сынъ ея учился у насъ въ пансіонѣ и я особенно старался о образованіи и наученіи его кой-чему хорошему, какъ мальчика хорошаго характера и весьма способнаго къ наукамъ.

Итакъ, мы въ деревнѣ у ней въ сей разъ ночевали, а на другой день ѣздили на ярманку въ Епифань, и тамъ гуляли, кое-что покупали и разъѣзжали кой-куда по гостямъ, и возвратились опять ночевать къ г-жѣ Бакуниной, а отъ ней ѣздили опять въ городъ и за оной къ Василію Ѳедоровичу Молчанову; итакъ

проводивъ дни три въ сей поѣздкѣ, возвратились уже на самой Николинъ день назадъ въ Богородицкъ.

Едва только мы возвратились, какъ пораженъ я былъ опять неожидаемымъ увѣдомленіемъ изъ шадской моей деревни, сдѣлавшеюся уже тогда тамбовскою или паче кирсановскою, потому что она приписана въ Кирсановской уѣздъ. Писали ко мнѣ, что, несмотря на всѣ запрещенія отъ начальства, Пашковъ продолжаетъ всѣхъ несносно обижать; что въ Тамбовъ пріѣхалъ самъ намѣстникъ, и что всѣ обиженные дворяне собираются просить его о защитѣ отъ сего наглеца и обидчика, и что необходимо надобно и мнѣ поспѣшить пріѣхать туда же и попросить намѣстника; къ тому-жъ нуженъ мой пріѣздъ и потому, что пріѣхалъ уже и казенной землемѣръ для снятія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ на планъ. Все сіе опять смутило весь мой духъ и разстроило мысли. Ѣхать опять въ такую даль весьма мнѣ не хотѣлось, а обстоятельства необходимо того требовали. Я долго не зналъ и самъ съ собою не соглашался что̀ дѣлать. Но наконецъ, судя, что не было никакихъ важныхъ по волости дѣлъ, для которыхъ не можно-бъ было мнѣ опять на короткое время отъ волости отлучиться, а и отъ князя, моего командира, не можно было мнѣ ожидать за таковую отлучку дальнаго гнѣва, поелику онъ въ сіе время находился въ Петербургѣ и, по всему видимому, о волостяхъ всего меньше думалъ и заботился, и мы отъ него очень рѣдко получали письмы и приказанія, рѣшился, наконецъ, преодолѣть все свое нехотѣніе и въ путь сей отправился.

Какъ по обстоятельствамъ нужно мнѣ было всячески ѣздою своею поспѣшить, дабы не упустить намѣстника и застать его въ Тамбовѣ, то хотѣлъ-было я на другой уже день въ сей путь отправиться; но случившаяся въ этотъ день чрезвычайная стужа меня удержала, и я поѣхалъ уже съ утра 12-го мая, и такъ рано, что въ тотъ же еще день доѣхалъ до Данкова, а 15-го ранымъ-ранехонько поспѣлъ уже и въ Тамбовъ самой.

Въ сей разъ, для полученія лучшей и множайшей свободы, рѣшился я стать въ наемной квартиркѣ, и мое первое дѣло было повидаться съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ. Сей насказалъ мнѣ столько о Пашковѣ и о намѣстникѣ, на него крайне ополчившемся и его неволею въ губернской городъ притянувшемъ и содержащимъ почти подъ карауломъ, что я почиталъ уже его почти погибшимъ. И какъ г. Сабуровъ турилъ меня какъ можно скорѣе къ намѣстнику, ободряя несомнѣнною надеждою, что онъ просьбу мою болѣе всѣхъ уважитъ, то, не долго думая, и полетѣлъ я въ намѣстнической домъ, и нашелъ у него превеликое собраніе чиновниковъ и другихъ людей и, между прочими, и всѣхъ моихъ прежнихъ тутошнихъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ опять и пріятеля своего, г. Каверина. Сей обрадовался опять меня увидѣвъ, звалъ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ къ себѣ и просилъ видѣться съ нимъ какъ можно чаще; а что всего лучше, спознакомилъ меня и съ тѣми землемѣрами, которые въ нашъ край для снимапія всѣхъ мѣстъ на планъ отправлялись и тутъ же тогда у намѣстника быть случились.

Намѣстникомъ былъ тогда тутъ извѣстный у насъ, престарѣлой, знаменитой вельможа графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, человѣкъ особливаго характера и свойствъ, не во всѣхъ отношеніяхъ похвальныхъ. Наиболѣе обвиняемъ онъ былъ всѣми за его корыстолюбіе, и многіе утверждали, что о томъ свѣдома была и сама императрица, и съиграла съ нимъ шутку, приславъ однажды къ нему въ подарокъ пустой кошелекъ для полаганія въ него денегъ *), и всѣ тому хохотали и смѣялись. Но какъ бы то ни было, но я за множествомъ народа не могъ никакъ улучить удоб-

*) Объ этомъ подаркѣ упоминаетъ и князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи нравовъ въ Россіи". См. „Русск. Стар.", 1871 г. т. III, стр. 682. Ред.

наго времени и случая предстать къ нему съ своею просьбою, и тѣмъ паче, что не было тогда никого, кто-бъ могъ ему меня представить и къ кому бы я могъ съ тѣмъ адресоваться. Самъ же онъ, хотя меня въ толпѣ народной и видѣлъ, но по пышности и глупой гордости своей не удостоилъ и спросить о томъ, кто я таковъ былъ. Итакъ, поговоривъ съ межевщиками, отъ которыхъ не могъ я еще никакого толка добиться и подождавъ, не поѣдетъ ли туда и прокуроръ Хвощинской, котораго хотѣлось мнѣ попросить, чтобъ онъ меня намѣстнику представилъ, и никакъ его не дождавшись, не могъ я въ сей день ничего сдѣлать, ибо намѣстникъ скоро, откланявшись всѣмъ, ушелъ въ свои внутреннія комнаты и я принужденъ былъ ѣхать ни съ чѣмъ прочь, и поспѣшать къ моему другу г. Сабурову, взявшему отъ меня обѣщаніе неотмѣнно пріѣхать къ нему обѣдать.

Итакъ, отобѣдавъ у Сабурова и погорюя о неудачѣ, ѣздилъ я послѣ обѣда къ г. Каверину, отъ котораго къ огорченію моему узналъ, что едва ли могу я что-нибудь успѣть сдѣлать и въ послѣдующій день, поелику намѣстникъ не будетъ дома, и онъ будетъ пировать у одного изъ тамошнихъ жителей на званомъ обѣдѣ и тамъ препроводитъ весь день. Непріятно мнѣ было таковое помѣшательство; но какъ дѣлать было нечего, то вооружился я терпѣніемъ, и положилъ весь сей праздной день посвятить на свиданія съ моими пріятелями.

Я и дѣйствительно видѣлъ только въ сей день г. намѣстника, проѣзжающаго съ великою помпою мимо квартиры моей въ гости, и всѣхъ жителей безъ памяти старающихся ловить и запирать своихъ кошекъ, дабы онѣ не могли попасться на глаза намѣстнику, о которомъ сказывали мнѣ, что онъ ихъ такъ боялся, что въ состояніи былъ при воззрѣніи на нихъ, упасть въ обморокъ; и потому наистрожайшимъ образомъ приказано было во всемъ городѣ всѣмъ жителямъ ловить, скрывать и запирать своихъ бѣдныхъ кошекъ, что они и принуждены были дѣлать. Удивлялся я и посмѣялся внутренно такой нелѣпости и смѣшной боязни.

Впрочемъ былъ и другой предметъ, поразившій въ сей день мое зрѣніе. Ѣдучи, по приглашенію, въ сей день обѣдать къ пріятелю моему г. Каверину, повстрѣчался я съ самимъ господиномъ Пашковымъ, ѣдущимъ въ простомъ сюртучкѣ и какъ бы оглашенной по улицѣ, и казавшимся смирнѣе самого агнца; и я удивился, что не было за нимъ даже ни одного и человѣка. «О! о! подумалъ я тогда: поукротили бурку крутыя горки! и, о! когда-бъ тебя, государь, посократили хорошенько». Сего многіе и ожидали дѣйствительно, а особливо по отзывамъ объ немъ намѣстника, рыгающимъ, повидимому, на него огнемъ и пламенемъ. Но пріятель мой господинъ Каверинъ, которому я о сей встрѣчѣ разсказывалъ, былъ совсѣмъ иного мнѣнія и говорилъ, что едва-ли что воспослѣдовать можетъ, и что онъ не сомнѣвается, что Пашковъ не упуститъ зашибить и намѣстника мѣшкомъ своихъ денегъ, и вѣрно сухъ изъ воды вывернется.

Такимъ образомъ, проводивъ съ удовольствіемъ половину того дня у господина Каверина, а другую—у г. Сабурова, неотпустившаго меня отъ себя безъ ужина, собрался я на другой день опять ѣхать къ намѣстнику; но по несчастію и въ сей день не достигъ до своей цѣли. Я нашелъ намѣстника, занимающагося дѣлами въ своемъ кабинетѣ, и непринимающаго никого въ сей день у себя, и потому мнѣ тотчасъ отказали и совѣтовали пріѣхать наутріе и гораздо поранѣе, буде я имѣю какую до намѣстника нужду.

Что было дѣлать? Сколько я ни огорчился и ни досадовалъ на сіе новое препятствіе, но принужденъ былъ ѣхать прочь, и куда-жъ? къ одному новому знакомцу, господину Осипову, женившемуся на вдовѣ, оставшейся послѣ умершаго дяди жены моей, Александра Григорьевича Каверина, Лукерьѣ Яковлевнѣ, съ которымъ я наканунѣ того

дня спознакомился у господина Каверина въ домѣ, и которой, обласкавъ меня, убѣдительно просилъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ сей день обѣдать, увѣряя меня, что Лукерья Яковлевна будетъ мнѣ очень рада. Они и подлинно обрадованы были оба моимъ къ себѣ пріѣздомъ, и напрерывъ другъ предъ другомъ старались угостить меня всячески. Господинъ Осиповъ находился тутъ при мѣстѣ и довольно знаменитой должности, и узнавъ о причинѣ моего пріѣзда, совѣтовалъ мнѣ подать и намѣстнику лучше просительное письмо, нежели просить его только словесно.

Проводивъ съ удовольствіемъ у нихъ почти весь тотъ день, поѣхалъ я на вечеръ опять къ г. Каверину, и у него ужиналъ; а возвратясь на квартиру, сѣлъ и намахалъ просительное письмо къ сіятельному господину намѣстнику, съ которымъ въ послѣдующее утро и полетѣлъ я къ оному, и въ сей день былъ уже счастливѣе. Обо мнѣ тотчасъ ему доложили и тотчасъ потомъ меня ввели къ нему въ кабинетъ самой. Онъ принялъ меня хотя такъ, какъ отъ такого пышнаго и горделиваго вельможи ожидать было должно, однако не совсѣмъ безъ всякаго уваженія, узнавъ о томъ кто я, и при какомъ нахожусь мѣстѣ. Я подаю ему свою бумагу, и онъ не успѣлъ узнать о содержаніи оной и услышать мою просьбу, какъ мнѣ сказалъ: «О, другъ мой! я истинно заметанъ столь многими жалобами и просьбами на сего бездѣльника, что не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Однако будьте спокойны! мы непремѣнемъ учинить съ нимъ все, что по законамъ только можно, и вы можете возвратиться въ свое мѣсто съ полнымъ удостовѣреніемъ, что мною учинено будетъ все, что только къ успокоенію всѣхъ васъ отъ сего обидчика учинить мнѣ будетъ можно».

Съ симъ министеріальнымъ обнадеживаніемъ отпустилъ онъ тогда меня, и я хотя и зналъ, сколь мало можно было на такія пышныя обѣщанія господъ вельможъ полагаться, что послѣ и оказалось дѣйствительно, но какъ тогда нечего было болѣе дѣлать, то откланявшись ему, не разсудилъ долѣе ни минуты въ Тамбовѣ медлить, но возвратясь на квартиру, и давъ прикащику и повѣренному моему наставленіе, какъ поступать имъ при межеваньѣ и пообѣдавъ, велѣлъ укладываться; и между тѣмъ, покуда сіе дѣлали и запрягали лошадей, забѣжалъ только проститься съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ, и разстался съ нимъ, по дружбѣ его ко мнѣ, съ навернувшимися на глазахъ слезами, равно какъ бы предчувствуя, что я тогда въ послѣдній разъ видѣлъ и обнималъ сего любезнаго человѣка; ибо вскорѣ послѣ того услышалъ я, что онъ, занемогши, кончилъ жизнь свою.

Поспѣшеніе мое было столь велико, что я въ тотъ же день успѣлъ еще доѣхать до села Лысыхъ-Горъ. И какъ погода случилась тогда пріятнѣйшая и дорога очень добрая, то переночевавъ тутъ и продолжая путь свой, на третій послѣ того день, не имѣвъ въ пути никакихъ остановокъ и произшествій, благополучно и еще къ обѣду въ Богородицкъ возвратился, и успѣлъ еще въ тотъ же день побывать у нашего городничаго и свидѣться со всѣми нашими друзьями и собесѣдниками.

Симъ окончу я сіе мое письмо, увеличившееся уже слишкомъ, и пожелавъ вамъ всего добраго, остаюсь вашъ.... и прочая.

(Декабря 10-го дня, 1809 года).

Письмо 202-е.

Любезный пріятель! Препроводивъ опять не больше девяти дней въ помянутой въ послѣднемъ моемъ письмѣ вторичной моей ѣздѣ въ Тамбовъ, нашелъ я по возвращеніи моемъ все въ надлежащемъ порядкѣ. Домашніе и родные мои были всѣ здоровы, дѣла по волости текли своимъ чередомъ. Издаваніе моего журнала шло своимъ порядкомъ и безостановочно, ибо я старался всегда снабжать господина Новикова столь многою запасною матеріею, что никогда за

нею не могло быть остановки, и ему было бы всегда что печатать. А какъ около сего времени не случилось никакихъ и иныхъ по волости дѣлъ, которыя требовали бы особыхъ по себѣ хлопотъ, заботъ и попеченій, то и оставалось намъ только помышлять о забавахъ и о дѣланіи нашей тогдашней веселой жизни отчасу пріятнѣйшею, и о томъ, какъ бы лучше пользоваться тогдашнимъ вешнимъ и наипріятнѣйшимъ въ году временемъ. Мы и непреминули обо всемъ томъ постараться, и у насъ продолжаемы были по прежнему не только частыя другъ съ другомъ свиданія, но начались и самыя гулянья по садамъ и рощамъ, въ которые нерѣдко ѣзжали мы всѣ гурьбою, и гуляя съ особеннымъ удовольствіемъ въ нихъ, составляли нѣкоторой родъ сельскихъ воксаловъ, привозя съ собою туда и чайные приборы и всякія съѣстныя вещи для полдничанья; и между тѣмъ какъ мы занимались пріятными между собою разговорами, дѣти наши, сотовариществуя намъ, утѣшали насъ своими бѣганіями и рѣзвостьми. Таковыя гулянья всего чаще бывали у насъ въ Магазинной-рощѣ, а 7-го іюня, по случаю воскреснаго дня, былъ у насъ порядочной воксалъ и въ аглинскомъ садикѣ на островку, подлѣ гошпиталя, гдѣ разбита была у насъ палатка и сдѣлана даже пирушка самая.

Словомъ, всю весну сего года провели мы отмѣнно весело, и она намъ по многимъ отношеніямъ памятна. Что касается до переписки моей съ корреспондентами, то она продолжалась по прежнему и не проходило почти ни одного почтоваго дня, въ которой бы не получалъ я откуда-нибудь писемъ, и письмы сіи были уже все дѣльныя и пріятныя. Прежніе же негодяи, мѣшавшіе дѣлу своимъ бездѣльемъ, всѣ совершенно замолкли, что и обращалось къ совершенному моему удовольствію. Впрочемъ, относительно до сей корреспонденціи достопамятно, что около сего времени началась переписка и возстановилось самое дружество у меня съ однимъ изъ бѣлевскихъ помѣщиковъ, такимъ же любопытнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ, какъ и я, а именно съ извѣстнымъ нашимъ экономическимъ писателемъ и переводчикомъ многихъ книгъ, Васильемъ Алексѣевичемъ Левшинымъ.

Между сими пріятными препровожденіями времени, 10-го числа случилась мнѣ опять небольшая отлучка. Услышали мы, что въ Тулу пріѣхалъ путешествовавшій по Россіи римской императоръ Іосифъ II, и вдругъ воспылало во мнѣ желаніе увидѣть сего славнаго монарха. Итакъ, ну-ка мы скорѣе собираться и скакать въ Тулу. Но ѣзда сія предпринимана была по-пустому. Мы застали его уже въ Тулѣ, не видали императора, а побывали только въ Щегловѣ у нашихъ Верещагиныхъ, гдѣ они имѣли тогда настоящій домъ свой.

Не успѣли мы возвратиться въ Богородицкъ, какъ должно было готовиться опять угощать у себя нашего губернатора, хотѣвшаго къ намъ пріѣхать. Сего начальника своего принуждены мы были въ сей разъ ожидать цѣлыхъ три дни съ-ряду, и насилу дождались его къ себѣ 17-го числа іюня; но за то пріѣхалъ онъ къ намъ вмѣстѣ съ другимъ еще губернаторомъ, харьковскимъ. Итакъ, угощали мы у себя двухъ губернаторовъ однимъ разомъ, и намъ удалось ихъ такъ угостить, что оба они угощеніемъ нашимъ были довольны. Оба они ѣхали въ сей разъ изъ Тулы, и нашъ пробирался въ свое Баловнево; и какъ онъ намѣренъ былъ тамъ пробыть нѣсколько времени и угощать у себя объѣзжающаго тогда всѣ города нашего намѣстника, то подзывалъ онъ невѣдомо какъ и меня къ себѣ къ сему времени и столь усильно, что я принужденъ былъ дать ему въ томъ обѣщаніе.

Впрочемъ, достопамятно, что самой сей пріѣздъ губернатора къ намъ рѣшилъ давнишнее мое недоумѣніе въ разсужденіи нашего театра. Ибо надобно знать, что какъ въ дѣтяхъ нашихъ съ открытіемъ весны возобновилась вновь охота къ театральнымъ представленіямъ, а особливо хотѣлось и старшей моей дочери,

Елисаветѣ, воспріять въ томъ соучастіе, и у нихъ вытвержена была уже совсѣмъ почти маленькая комедія, извѣстная подъ названіемъ «Необитаемаго острова»; но прежній нашъ театрикъ былъ слишкомъ къ тому малъ, да и всѣмъ неспособенъ, то давно мы начали помышлять о томъ, нельзя ли намъ гдѣ-нибудь для театра отыскать лучшее и просторнѣйшее мѣсто и смастерить театръ уже порядочной и съ такими кулисами, какія съ помянутою комедіею были бы сообразнѣе, нежели простыя прежнія; ибо для сей нужны были кулисы, изображающія лѣсъ, скалы и въ отдаленіи море съ судами. И какъ въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей находился большой и просторной каменной сарай, занятой разною поклажею, то давно уже помышлялъ я о употребленіи его на сіе дѣло, но все какъ-то не отваживался и не рѣшался я приступить къ сему превращенію сего сарая въ театръ. Но какъ въ сію бытность губернатора у насъ дошла у насъ рѣчь съ нимъ о бывшемъ у насъ театрѣ, и онъ, зная уже о томъ, хвалилъ насъ за сіе пріученіе дѣтей къ театральнымъ представленіямъ, то услышавъ о нашей новой затѣѣ, не только хвалилъ, но почти убѣжденіями своими принудилъ меня приступить къ произведенію сего въ дѣйство.

Итакъ, не успѣлъ онъ отъ насъ уѣхать, какъ я, къ великому обрадованію и удовольствію всѣхъ дѣтей, и приступилъ къ сему дѣлу, и тотчасъ велѣлъ помянутой сарай опрастывать, и всѣ находившіяся въ немъ вещи переносить въ другое мѣсто. Самъ же, между тѣмъ, въ тотъ же день началъ сочинять и планъ всему нашему будущему театру со всѣми къ нему принадлежностьми. А тѣмъ еще не удовольствуясь, поступилъ еще и далѣе, и желая, чтобъ лѣсными кулисами, которыя вознамѣрился я самъ намалевать, можно-бъ было воспользоваться и не для одного только «Необитаемаго острова», а при представленіи какой-нибудь и другой пьесы, вдругъ получилъ мысль и желаніе сочинить еще одну театральную пьесу такого рода, которая могла бы представляема быть съ сими же кулисами, и въ которой бы дѣйствующія лица также сообразны-бъ были съ возрастомъ нашихъ актеровъ, дабы тѣмъ представленіе могло быть натуральнѣе; а сіе-то самое пожеланіе и произвело на свѣтъ ту драму, которая, будучи впослѣдствіи временип напечатана подъ заглавіемъ «Несчастныя сироты», сдѣлалась и всей публикѣ извѣстною.

Не успѣлъ я сего затѣять, какъ по обыкновенной моей во всѣхъ такихъ случаяхъ нетерпѣливости, тотчасъ приступилъ и къ произведенію того въ дѣйство и поспѣшилъ симъ дѣломъ такъ, что 19-го числа іюня, начавъ писать и сочинять сію драму, 22-го ее уже и кончилъ, и работалъ надъ нею только три дни. И какъ у меня ни въ плотникахъ, ни въ столярахъ, ни въ другихъ художникахъ, а равно и въ матеріалахъ не было недостатка, и сарай былъ къ сему времени очищенъ, то въ помянутое-жъ число велѣлъ я по сдѣланному плану приступить и къ сооруженію нашего новаго театра и досадовалъ, что необходимость заставливала меня опять на нѣсколько дней отлучиться изъ Богородицка и съѣздить, по обѣщанію моему, къ нашему губернатору въ славное его село Баловнево въ гости.

Селеніе сіе находилось неподалеку отъ города Данкова и отстояло отъ насъ не менѣе хотя ста верстъ, но я, отправившись 24-го іюня такъ рано, что пріѣхалъ туда еще до наступленія вечера, и такъ рано, что мы успѣли еще съ хозяиномъ всюду и всюду находиться. Матвѣй Васильевичъ былъ мнѣ очень радъ, и зная мое любопытство, заводилъ меня по всѣмъ своимъ садамъ, звѣринцамъ, прудамъ и строеніямъ, до которыхъ былъ онъ почти до безумія охотникъ, и я повсюду находилъ у него множество хорошаго и любопытнаго, зрѣнія достойнаго; а въ томъ же провели мы и весь послѣдующій день, въ которой онъ меня даже измучилъ ходьбою съ нимъ по всѣмъ и даже самымъ отдаленнымъ мѣстамъ, ибо ему хо-

тѣлось мнѣ все и все показать, и во многихъ вещахъ потребовать моего совѣта, или по крайней мѣрѣ пожелать моего одобренія. Словомъ, каковымъ охотникомъ ни былъ я ходить, но тутъ до того усталъ, что принужденъ былъ въ томъ ему безъ чиновъ признаться и пожелать возвращенія въ домъ, гдѣ, при обыкновенномъ угощеніи, началось у насъ другое дѣло, и онъ началъ показывать мнѣ всѣ свои книги съ рисунками и чертежами и всѣ рѣдкія картины, какія онъ имѣлъ только у себя въ домѣ.

Въ наступившій послѣ того день былъ у него пиръ на весь міръ, и съѣхалось множество гостей. Поводомъ къ тому было то, что онъ въ сей день угощалъ у себя обѣденнымъ столомъ заѣзжавшаго къ нему нашего намѣстника, г. Кречетникова. Онъ пріѣхалъ къ намъ предъ самымъ обѣдомъ и встрѣченъ былъ съ пушечною пальбою и со всею подобающею ему честію, и угощенъ богатымъ обѣдомъ. Намѣстникъ, увидѣвъ меня тутъ же между прочими, удивился и не оставилъ удостоить меня благопріятными со мною разговорами; а хозяинъ, пользуясь симъ случаемъ, не преминулъ насказать ему обо мнѣ столь много хорошаго, что мнѣ было даже стыдно, а сіе и подкрѣпило еще больше его выгодное обо мнѣ мнѣніе.

Какъ намѣстникъ пробылъ тутъ только нѣсколько часовъ и въ тотъ же еще день отъ насъ передъ вечеромъ уѣхалъ, то проводивъ достальное время дня опять въ гуляньяхъ и разныхъ деревенскихъ увеселеніяхъ, не сталъ я долѣе медлить, но спѣша возвратиться въ свое мѣсто, на утріе же отправился назадъ съ отъѣзжающимъ въ Тулу г. Сокоревымъ, Иваномъ Яковлевичемъ. И какъ сей пріѣзжалъ туда изъ Тулы на почтовыхъ, то уговорилъ онъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ коляскѣ на почтовыхъ, а каретѣ своей велѣть пріѣхать послѣ. Итакъ, мы, раскланявшись съ г. Муромцовымъ и поблагодаривъ его за угощеніе, и полетѣли и за-свѣтло доскакали до Богородицка.

Какъ случилось сіе наканунѣ Петрова дня, то наутріе для праздника сего былъ у меня обѣдъ и полное собраніе всѣхъ нашихъ городскихъ друзей и пріятелей и толпа народа. И день сей, и вечеръ провели мы отмѣнно весело и во всѣхъ обыкновенныхъ нашихъ забавахъ. И какъ всѣмъ моимъ гостямъ о намѣреніи моемъ соорудить новой театръ было извѣстно, то говорено было много и объ томъ, и всѣ усердно желали, чтобъ поспѣшено было симъ дѣломъ такъ, чтобъ могъ онъ поспѣть къ приближающейся тогда нашей годовой ярмаркѣ, и чтобъ можно было намъ во время оной выученную дѣтьми комедію «Необитаемой островъ» на немъ и представить. А сіе общее желаніе и побудило меня на другой же день послѣ того наиприлежнѣйшимъ образомъ за сіе дѣло приняться, и рвеніе мое было такъ велико, что оной дней въ шесть у меня и поспѣлъ со всѣми его принадлежностьми; но признаться надобно, что немногіе сіи дни и стоили мнѣ трудовъ неусыпныхъ и столь многихъ, что самъ послѣ дивился, какъ могъ я въ такое короткое время и столь много дѣлъ надѣлать и наудачнѣйшимъ образомъ привесть къ окончанію.

Театръ вышелъ у насъ хотя не очень большой, но во всей формѣ и порядочной. Половину сарая отдѣлилъ я на сдѣланную съ надлежащимъ возвышеніемъ сцену или театръ самой, а другую назначилъ для партера и на помосты позади онаго для прочихъ зрителей, о многихъ лавкахъ и ступеняхъ. Что касается до кулисъ, то сдѣлали мы ихъ двойными. Однѣ должны были представлять порядочно убранную комнату, а другія густой лѣсъ и каменную съ боку скалу, а въ задней сторонѣ открытое море, съ каменными и другъ за другомъ видимыми мысами острова. Для лучшаго изображенія лѣса, а особливо въ проспективическомъ видѣ моря на большомъ заднемъ занавѣсѣ, не пожалѣлъ я собственныхъ своихъ трудовъ, и малевалъ оные самъ при вспоможеніи бывшаго въ командѣ у меня живописца и дѣтей самыхъ, и употреблялъ къ тому все свое искусство и знаніе

И не обинуяся скажу, что удалось мнѣ произвесть дѣло сіе очень хорошо и такъ, что вся декорація сія непостыдна была и для лучшаго городского театра. Лѣсъ и море со всѣми мысами и горами острова изображено было такъ хорошо, что обманывало удивительнымъ образомъ зрѣніе, и всѣ не могли тѣмъ довольно налюбоваться. Въ особливости же всѣмъ нравилась особливая выдумка моя, относящаяся до корабля, долженствующаго приплыть съ моря къ берегу и выпустить изъ себя матросовъ, кои составляли главную и лучшую роль въ сей комедіи. Чтобъ дать кораблю сему видъ колико можно натуральнѣйшій, то нарисовалъ я и вырѣзалъ изъ толстой политуры два вида плывущаго на парусахъ корабля, одинъ другого больше; и дабы казались они дѣйствительно вдали по морю плывущими и часъ-отъ-часу подъѣзжающими къ острову ближе, смастерилъ я такъ, что ихъ можно было на шнуркахъ съ мѣста на мѣсто по изображенному на картинѣ морю передвигать, и сперва показать вдали маленькой, и вскорѣ потомъ скрывъ оной, будто бы заплывшій за лѣсъ, выпустить другой, въ увеличенномъ уже видѣ и будто бы ближе уже приплывшій, и давъ и сему пролавировать мимо всей сцены, и скрывъ его опять, будто бы за лѣсъ, выдвинуть уже носъ и бортъ большого корабля съ матросами, сходящими съ него на берегъ. И все это сдѣлано было такъ натурально, что лучше требовать было не можно. Наконецъ не преминули мы придѣлать къ сценѣ и передній, порядочно опускающійся и поднимающійся занавѣсъ, размалеванной также со вкусомъ, разными красками. Словомъ, весь театрикъ нашъ былъ какъ водится, да и довольно просторенъ, такъ что не только сцена была довольно велика, но и за кулисами было довольно мѣста для актеровъ нашихъ; а не преминули мы также постараться и о довольномъ освѣщеніи онаго, а снабдить его также и обыкновеннымъ мѣстомъ для суфлёра.

Все сіе можетъ всякому доказать, что для произведенія всего того потребно было множество трудовъ, а особливо въ такое короткое время. Я и дѣйствительно занялся онымъ такъ, что, оставивъ всѣ прочія дѣла, съ утра до вечера трудился надъ онымъ и былъ во всѣ сіи дни какъ чумичка запачканъ всѣми красками, и работалъ до усталости самой. Но какъ бы то ни было, но мы совершили все сіе великое дѣло и театръ нашъ поспѣлъ къ ярманкѣ.

Сія была въ сей годъ какъ-то многонароднѣе всѣхъ прежнихъ лѣтъ, и было не только великое стеченіе со всѣхъ сторонъ подлаго народа, но съѣхалось на нее и множество отовсюду дворянскихъ фамилій. Многихъ побудила къ тому и молва, распространившаяся повсюду о приготовляемомъ къ сему времени нашемъ театрѣ. И какъ всѣ знакомые и незнакомые наиусерднѣйшимъ образомъ хотѣли видѣть нашъ спектакль и удостоить театръ нашъ своимъ посѣщеніемъ, то въ самой день праздника Казанской, ввечеру, и собралось въ театръ нашъ однихъ благородныхъ около 50-ти особъ, а съ прочими зрителями всего человѣкъ болѣе двухсотъ, и весь амфитеатръ нашъ сдѣлался наполненнымъ зрителями, для которыхъ всѣхъ зрѣлище сіе было необыкновенное.

Дабы сдѣлать всѣмъ чувствительнѣйшій сюрприз и неожидаемымъ образомъ удивить прекрасною нашею декораціею необитаемаго острова, разсудилъ я заставить актеровъ нашихъ представить сперва первую нашу пьесу «Безбожники», и съ декораціею обыкновенною, представляющею жилую комнату. Всѣ зрители были уже и сею пьесою весьма довольны и смотрѣли на нее съ удовольствіемъ. Но какъ скоро, по окончаніи оной и по опущеніи занавѣса, въ одинъ почти мигъ перемѣнили мы сцену, и выдвинули новую, лѣсную и морскую свою декорацію, то при вторичномъ поднятіи передняго занавѣса всѣ даже заахали, поразившись перемѣнившимся и совсѣмъ неожидаемымъ и наиприятнѣйшимъ для глазъ зрѣлищемъ, и ничего не видя, произвели великой громъ біеніемъ въ ладо-

ши. Болѣе всего поражалъ и удивлялъ ихъ видъ плывущаго вдали, а потомъ ближе корабля. «Ахъ, батюшки мои! восклицали вслухъ многіе, это истинно настоящій корабль и море, и какже онъ такъ плыветъ!—Ахъ, какъ это хорошо и искусно сдѣлано!» кричали другіе. И всѣ не могли довольно и первымъ симъ зрѣлищемъ налюбоваться; а дабы дать имъ поболѣе къ тому времени, то не велѣлъ я скоро выходить Констанціи, какъ первой особѣ, долженствующей начинать дѣйствіе. Сію представляла старшая дочь моя, Елисавета; и какъ была она около сего времени нарочитаго уже возраста и лицомъ собою прекрасная, а на театрѣ при множествѣ огней казалась еще, а особливо въ театральномъ одѣяніи, прелестнѣйшею, и ролю свою начала представлять наудачнѣйшимъ образомъ, то зрѣлище сіе поразило всѣхъ зрителей новымъ и пріятнымъ удивленіемъ. Но пріятное удивленіе ихъ еще больше увеличилось, когда въ срединѣ пьесы появился носъ и бортъ приплывшаго къ берегу корабля, и соскочили съ него на театръ матросы съ ихъ шкиперомъ. Какъ роль сего была наитруднѣйшая и знаменитѣйшая во всей пьесѣ, долженствующая производить смѣхъ въ зрителяхъ, то, по особливой способности, назначилъ я къ тому малютку моего сына Павла. И хотя возрастъ его и не соотвѣтствовалъ росту матроса, но я надѣялся, что онъ не испортитъ своего дѣла, но придастъ малостію своею сценѣ еще болѣе пріятности, въ чемъ и не обманулся. Будучи одѣтъ въ бѣленькое и прекрасное шкиперское платье, опоясанной алымъ тафтянымъ кушакомъ и въ кругленькой своей матроской шляпкѣ, и выступивъ смѣло на театръ, послѣдуемой нѣсколькими другими матросами, обратилъ онъ отъ всѣхъ пріятное вниманіе на себя. А какъ началъ отхватывать свою шуточную ролю, то произвелъ такой во всѣхъ смѣхъ и хохотъ, что многіе даже до слезъ смѣялись, и всѣ не могли довольно налюбоваться и навеселиться его игрою. Словомъ, вся пьеса сія сыграна была наудачнѣйшимъ образомъ и произвела всѣмъ превеликое удовольствіе и повсюду слышны были похвалы и одобренія. Наконецъ увеселили мы зрителей маленькимъ нашимъ балетомъ, пропрыганнымъ малютками, дѣтьми нашими, и всѣ зрители были до крайности удовольствованы симъ зрѣлищемъ, и расходясь, изъявляли мнѣ тысячу благодареній, и вечеръ сей былъ для меня очень памятенъ.

Проводивъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ сей праздникъ, принялись мы паки за обыкновенныя дѣла свои и занятія разныя, и провели въ нихъ всѣ достальные дни сего мѣсяца безъ всякихъ почти особливыхъ и такихъ происшествій, о которыхъ стоило бы упомянуть. Въ концѣ только онаго заѣзжалъ къ намъ опять губернаторъ нашъ, и у насъ не только ночевалъ, но и на другой день обѣдалъ.

Какъ о пріѣздѣ его мы были предварены и его уже ожидали, то восхотѣлось мнѣ за угощеніе его возблагодарить и собственно своимъ угощеніемъ, и между прочимъ повеселить его и самымъ театромъ нашимъ. Почему и заставилъ я дѣтей до пріѣзда еще его сдѣлать репетицію, и къ представленію опять «Необитаемаго острова» и балета сдѣлать всѣ нужныя приуготовленія, и дать всѣмъ нашимъ городскимъ и всѣмъ случившимся на тотъ разъ пріѣзжимъ знать, что у насъ въ тотъ вечеръ опять будетъ театръ. И какъ губернаторъ пріѣхалъ къ намъ довольно еще рано, то я не преминулъ тотчасъ рѣчь довести до нашего театра и сказать ему, что я по совѣту его успѣлъ уже и смастерить театръ. «Нѣтъ, право! воскликнулъ онъ, удивившись: ахъ, братецъ, такъ покажешь ты мнѣ его!» и схватя шляпу, хотѣлъ-было тотчасъ иттить смотрѣть его. Но я, остановивъ его, сказалъ ему, не угодно ли ему отложить сіе до наступленія вечера и посмотрѣть на самую игру на ономъ дѣтей нашихъ? «Очень, очень хорошо! воскликнулъ онъ опять, и ты меня, братецъ, тѣмъ много одолжишь».

Итакъ, въ мигъ разосланы были съ

повѣсткою о томъ всюду и всюду люди, и всѣ начали сбѣгаться и съѣзжаться, и зрителей опять набралось такое множество, что когда ввелъ я губернатора въ театръ, то онъ, удивившись, сказалъ: «Во! во! во! театрикъ у васъ какъ водится! вотъ и занавѣсъ какой хорошенькой, да и зрителей такое множество! Ну-ка, батюшка, прикажите начинать». Я тотчасъ далъ знакъ, чтобъ поднимали занавѣсъ, и не успѣли сего сдѣлать, какъ съ крайнимъ для себя удовольствіемъ увидѣлъ я, что декорація наша была и для самого губернатора поразительна: «Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ: да театрикъ вашъ хоть бы куда! во всей формѣ, и какая прекрасная декорація, а особливо эта задняя картина, какъ натурально изображено на ней море и отдаленныя горы и скалы!... Да кто это братецъ, у тебя сіе малевалъ?» — Кому иному, сказалъ я, какъ не самому мнѣ принуждено было пачкаться и гваздать.— «Ну, братецъ, подхватилъ губернаторъ: это гвазданье хоть бы куда, и ты превеликой ажно мастакъ въ этомъ дѣлѣ: ей-ей, прекрасно!» Въ самое сіе время началось движеніе кораблей. Сіе его паки удивило и принудило воскликнуть: «Во! во! во! они еще какъ настоящіе, и плаваютъ, и движутся! Это какимъ ты образомъ смастерилъ, братецъ?» — Ну, ужъ какимъ-нибудь образомъ да смастерилъ, отвѣтствовалъ я, смѣючись. — «Право, прекрасно, и что хорошо, то хорошо!»— Но начавшееся дѣйствіе заставило его замолчать и обратить вниманіе свое на представленіе. Но не успѣла дочь моя проговорить первыя рѣчи и потомъ вступить въ разговоръ съ своею подругою, какъ начались опять отъ него распросы. Скажи я ему: что это за дѣти, а особливо эта милая и прекрасная дѣвушка, представляющая К о н с т а н ц і ю?—Это моя дочь и подруга ея, дочь нашего городничаго, сказалъ я.— «Ну, нечего говорить, все кстати! и какъ же хорошо представляютъ онѣ свои роли!» Но не успѣлъ появиться маленькой сынъ мой въ своемъ прекрасномъ шкиперскомъ платьѣ и начать отхватывать свою шуточную ролю, какъ растерялъ губернаторъ нашъ, по пословицѣ говоря, и глаза и уши, и удовольствіе написано было на очахъ его. Онъ также принужденъ былъ рѣчамъ его хохотать и смѣяться и всѣми движеніями его любоваться, какъ и всѣ прочіе, и не прежде уже, какъ при окончаніи рѣчи, спросилъ меня: «Это какое у тебя такое милое, умное и проворное дитя?»— Это сынъ мой, сказалъ я.—«Ну, братецъ, нечего говорить! подхватилъ онъ, каковъ отецъ, таковъ и сынокъ! и въ этомъ мальчикѣ будетъ путь, и онъ не постыдитъ отца своего. Ей-ей, прекрасно, и такъ хорошо! что я хоть много разъ сію пьесу видалъ, но никогда еще съ такимъ удовольствіемъ на нее не сматривалъ, какъ въ сей разъ, и прямо могу сказать, что представляемыя на большихъ театрахъ ни къ чему противъ сего не годятся. Самая необыкновенная мализна твоего маленькаго и такого проворнаго и искуснаго матросика придаетъ ему особенную пріятность, и я его истинно разцѣловалъ бы за то, и какъ хорошо и прекрасно умѣлъ онъ сыграть свою роль!» А не съ меньшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ и на нашъ маленькой балетецъ и расхвалилъ впрахъ и дѣтей всѣхъ и меня за сіе дѣло, и по окончаніи всего насказалъ мнѣ столько похвалъ и спасибовъ, что мнѣ было даже стыдно. Словомъ, мы его такъ въ сію бытность его у насъ угостили, что онъ поѣхалъ отъ насъ съ совершеннымъ удовольствіемъ.

Все сіе ободрило такъ нашихъ дѣтей, что не успѣли мы проводить отъ себя губернатора, какъ возгорѣлась у нихъ охота выучить еще какую-нибудь комедію, и мы тотчасъ отыскали еще одну, подъ названіемъ «Подражателя», и рвеніе ихъ было такъ велико, что они, попривыкнувъ уже нѣсколько къ вытверживанію, въ немногіе дни и ее вытвердили, такъ что 2-го числа августа могли уже мы представить и сію комедію и съ хорошимъ также успѣхомъ на театрѣ нашемъ. Въ сей отличился всего болѣе питомецъ мой, г. Сезеневъ, и всѣ не

могли довольно приписать похвалъ ему. И дѣтей нашихъ сіе такъ разохотило, что имъ восхотѣлось уже отважиться вытвердить и большую, вновь сочиненную мною драму «Несчастныя сироты», и я охотно далъ имъ на то свое соизволеніе; но какъ въ сей драмѣ главную и труднѣйшую ролю дровосѣка хотѣлось мнѣ самому на себя взять, то дѣло сіе у насъ нѣсколько и попродлилось.

Между тѣмъ, получилъ я опять изъ тамбовской моей деревни письмы съ увѣдомленіемъ, что казенной межевщикъ, для снятія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ на планъ и для принятія отъ всѣхъ земллмъ своимъ отводовъ, уже пріѣхалъ и дѣло свое началъ, и что тамошніе наши сосѣди и обыватели, отступая отъ всѣхъ моихъ предписаній и совѣтовъ, дѣлаютъ самопроизвольные и такіе отводы, какіе приходили каждому самому въ мысль, и все начатое мною съ столь хорошимъ успѣхомъ и на истинной пользѣ всѣхъ основанное дѣло, не только портили и разрушали, но и сами, другъ съ другомъ перепутываясь, заводятъ совсѣмъ не дѣльные споры. И повѣренной мой писалъ ко мнѣ, что его силъ нѣтъ къ убѣжденію ихъ къ лучшему единодушію, и что нельзя ли мнѣ опять къ нимъ пріѣхать и помочь ихъ горю.

Увѣдомленіе сіе не только меня опять крайне перетревожило, но и огорчило, тѣмъ паче, что для таковой ѣзды и помоганія имъ при тамошнемъ протяжномъ и долговременномъ межеваньи требовалась долговременная, на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ отлучка, а на таковую самому собою, и не получивъ отъ командира моего дозволенія, отважиться никакъ было не можно. А и отъ князя, находившагося тогда въ Петербургѣ, получить оное никакъ я въ скорости не надѣялся. И какъ я по симъ увѣдомленіямъ усматривалъ, что дѣло отводами глупыхъ нашихъ талалаевъ-сосѣдей совсѣмъ было испорчено, то и не могъ я съ достовѣрностію надѣяться быть въ состояніи испорченному сему дѣлу пособить и оное исправить. Итакъ, погоревавъ о томъ и подумавъ-погадавъ, рѣшился я предать все дѣло на произволъ судьбы и Промыслу Господню, и отписалъ туда, что мнѣ отлучиться отъ мѣста своего никакъ не можно, и чтобъ они держались, по крайней мѣрѣ, въ разсужденіи своихъ отводовъ и показаній въ точности предписаннымъ отъ меня имъ правиламъ и даннымъ наставленіямъ.

Вскорѣ послѣ сего, а именно 14-го августа, то-есть наканунѣ Успеньева дня, случилось у насъ въ домѣ одно странное происшествіе, достойное особеннаго замѣчанія, потому что оно доказало намъ почти очевидно дѣйствіе Промысла Господня, пекущагося о сохраненіи жизни человѣческой, и что если ему угодно продлить чью-нибудь жизнь или спасти ее отъ внезапнаго пресѣченія, такъ онъ найдетъ къ тому и средство. Въ домѣ томъ, гдѣ я жилъ, была одна боковая задняя комната, которую обыкновенно называли мы «дѣвичьею», потому что служащія намъ дѣвки живали, отправляли обыкновенныя свои дѣла и работы, и спали въ оной. Къ сему избрано было у нихъ одно навсегда мѣсто, на которомъ онѣ обыкновенно повалкою на полу всякой день спать и ложились. Но ввечеру сего дня, сами не зная отчего, пришли имъ капризъ или охота перейтить спать въ сію ночь въ другую, сосѣдственную къ сей комнату, гдѣ спали мои дѣти. Онѣ смолвились и перетаскали туда свои постелишки и звали туда же и послѣднюю изъ своихъ подругъ, которая туда иттить никакъ не хотѣла, а постлала себѣ постель и легла на прежнемъ мѣстѣ. Но тѣхъ равно какъ бы невидимая какая сила понуждала принудить, когда не добромъ, такъ неволею, и ту дѣвку перейтить къ нимъ; и какъ она на всѣ кликанья и уговариванья ихъ не соглашалась и уже, ворча и браня ихъ, на прежнемъ мѣстѣ засыпала, то прочія, хотя на своемъ поставить, смолвились между собою, повскакали съ своихъ постель, пошли гурьбою и перетащили ту дѣвку насильно и со всею ея постелишкою къ себѣ. Но что-жъ воспослѣдовало? Не

успѣли онѣ заснуть и все въ домѣ успокоиться, какъ вдругъ страшной трескъ, шумъ и громъ перебудилъ насъ всѣхъ и заставилъ повскакать съ своихъ постелей. И какимъ же изумленіемъ поразились мы, когда, желая узнать, что такое произошло, растворивъ двери въ дѣвичью, увидѣли всю ее наполненною брусьями, толстыми досками, кирпичами и пангустѣйшею пылью, и что все сіе произошло отъ обрушившагося вдругъ въ сей комнатѣ и упавшаго на полъ потолка, и что сдѣлалось сіе отъ развалившейся и упавшей на него трубы печной. «Ахъ, батюшки мои! закричали мы, испужавшись, съ женою: да дѣвки-то наши что?... ужъ не побило ли ихъ всѣхъ до смерти? Ахъ, какое несчастіе!» Но не успѣли мы сего выговорить, какъ вбѣжали въ комнату сію и всѣ, также отъ сна повскакавшія дѣвки, и обрадовали насъ чрезвычайно. «Но какъ же это вы спаслись и васъ не перебило?» спросила съ удивленіемъ жена моя ихъ.—«Да мы, сударыня, не спали тутъ, отвѣчали онѣ, а намъ чтой-то восхотѣлось перейтить въ эту ночь спать въ дѣтскую, и теперь видимъ, что самъ Богъ восхотѣлъ насъ спасти отъ смерти, которой бы намъ всѣмъ не миновать». Послѣ сего разсказали онѣ намъ и о той дѣвкѣ, которая хотѣла неотмѣнно тутъ остаться и которую онѣ насильно туда же перетащили. Сіе поразило всѣхъ насъ еще вящимъ изумленіемъ и мы не могли тому довольно надивиться. И сей достопамятной случай и удивительное произшествіе памятно намъ еще и понынѣ.

Впрочемъ достопамятно, что я около сего времени и во все теченіе сего мѣсяца, между прочими дѣлами, занимался въ особливости и табакомъ, котораго у меня насажено было и родилось довольно много; и какъ учитель нашъ по неумѣнію съ нимъ обходиться весь свой почти перегноилъ и перепортилъ, то хотѣлось мнѣ уже самому приняться пристальнѣе за оной и лично самому добираться опытами до того, какъ его лучше въ кучахъ желтить, потомъ сушить, вязать въ папуши и томить, и имѣлъ по сему случаю, по пословицѣ говоря, хлопотъ полонъ ротъ.

Симъ дозвольте мнѣ сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 12-го дня 1809 года).

Письмо 203-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ все, въ концѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, происходило, охота у дѣтей нашихъ къ театральнымъ представленіямъ такъ увеличилась, что они рады бы были хотя-бъ всякой день заниматься тѣмъ, если-бъ то только было возможно. Но какъ имъ надобно было помышлять и о своихъ наукахъ въ пансіонѣ, то принужденъ я былъ въ разсужденіи театра накладывать на желанія ихъ уздечку, и умышленно не спѣшить самъ вытверживать свою ролю изъ новосочиненной драмы, дабы ихъ, давно уже всѣ свои роли выучившихъ, позадержать и, несмотря на всѣ ихъ просьбы о скорѣйшемъ оной представленіи, день отъ дня оное отсрочивалъ; но какъ въ случившееся на другой день Успеньева дня воскресенье хотѣлось имъ непремѣнно, чтобъ я утѣшилъ ихъ, дозволивъ представить имъ, хотя какую-нибудь изъ прежнихъ и знакомыхъ имъ пьесъ, а желали того и всѣ городскіе друзья и собесѣдники наши; то и представляли они въ сей день въ третій разъ «Необитаемой островъ» и прежнюю комедію «Новопріѣзжіе».

Наконецъ, къ послѣдующему за симъ другому воскресенью поспѣла совсѣмъ къ представленію и новая моя драма «Несчастныя сироты». И какъ около сего времени случилось у насъ въ городѣ много кой-какихъ и пріѣзжихъ, то рѣшился я дать опять публичной спектакль и представить въ первой разъ помянутую драму, и играть на театрѣ съ дѣтьми вмѣстѣ и самъ.

Мы употребили къ тому ту же декорацію, какъ при представленіи «Необитаемаго острова»; ибо какъ все дѣйствіе

должно было происходить въ лѣсу, а декорація была лѣсная, то было сіе и кстати, и нужно было позаслонить кое-чѣмъ задній занавѣсъ, представляющій море. Начинать дѣйствіе въ пьесѣ сей долженъ былъ самъ я, въ образѣ находившагося подъ гнѣвомъ у господина, откинутаго и въ дровосѣки и къ береженію лѣса опредѣленнаго слуги; почему и одѣтъ я былъ въ простое рабское платье, и при поднятіи занавѣса находясь въ лѣсу, рубилъ топоромъ дрова и складывалъ ихъ въ полѣнницу и потомъ первой говорить началъ. Что касается до злого его господина, то сего представлялъ питомецъ мой, Сезеневъ, и сыгралъ ролю свою такъ хорошо, какъ лучше требовать не можно; а и всѣ прочіе, имѣвшіе въ семъ представленіи участіе, играли прекрасно, а особливо меньшой сынъ господина Албычева, долженствовавшій представлять сироту и притвориться отравленнымъ пирогомъ съ ядовитыми грибами, и что у него оттого животъ болѣлъ. Словомъ, все дѣйствіе происходило хорошо, и я, какъ выдумщикъ и сочинитель сей драмы, имѣлъ удовольствіе видѣть всѣхъ зрителей крайне дѣйствіемъ симъ растроганныхъ и смотрѣвшихъ на оное съ крайнимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Сими былъ весь нашъ партеръ и помость, составляющій нѣкоторой родъ амфитеатра, наполнены, и всѣ хвалили сію пьесу и благодарили и меня, и дѣтей за доставленное имъ новое удовольствіе; а дѣти, въ усугубленіе онаго, представили имъ еще въ тотъ же день «Подражателя», а потомъ и балетъ. Поелику же многимъ изъ пріѣзжихъ хотѣлось видѣть и нашъ «Необитаемой островъ», то не отреклись дѣти, а съ охотою согласились на другой послѣ сего день въ удовольствіе ихъ представить опять «Необитаемой островъ» съ «Новопріѣзжими». Итакъ, у насъ два дни сряду были спектакели.

Послѣ сего взяли мы уже отдохновеніе на нѣсколько дней, которое продолжилось можетъ быть и долго, еслибъ въ началѣ сентября не пріѣхалъ къ намъ въ городъ братъ нашей городничихи, Петръ Ивановичъ Кошелевъ, человѣкъ хотя молодой, но театральное дѣло несравненно всѣхъ насъ болѣе знающій и могущій молодыхъ нашихъ актеровъ еще болѣе въ нѣкоторыхъ ихъ недостаткахъ исправить. Сей не успѣлъ услышать, что у насъ есть театръ и что на ономъ играютъ его племянникъ и племянница, какъ возжелалъ наиусерднѣйшимъ образомъ нашъ театръ и игру на ономъ дѣтей нашихъ видѣть; почему и принужденъ я былъ въ удовольствіе ему и пріѣхавшему съ нимъ родственнику ихъ Петру Петровичу Толбузину, милому и любезному человѣку, заставить дѣтей сыграть комедію «Подражателя», которая у дѣтей уже такъ была затвержена, что имъ не было нужды дѣлать и обыкновенную репетицію. Г-нъ Кошелевъ, увидѣвъ нашъ театръ, удивился, нашедъ его въ неожидаемомъ порядкѣ и былъ такъ имъ доволенъ, что усердно захотѣлъ поправить дѣтей въ нѣкоторыхъ замѣченныхъ имъ при представленіи недостаткахъ, и они всѣ ему въ томъ много были обязаны. И какъ ему хотѣлось видѣть и «Необитаемой островъ» и «Новопріѣзжихъ», то, въ удовольствіе его, заставили мы дѣтей и сіи пьесы представить, и г-нъ Кошелевъ такъ къ поправленію театра нашего прилѣпился, что примѣтивъ, что главной недостатокъ былъ у насъ въ добромъ суфлёрѣ, котораго должность по нуждѣ заставляли мы до того отправлять старика канцеляриста моего, Щедилова; то для наученія его, какъ дѣло сіе производить лучше, расноряднлся самъ подлѣзть подъ помость нашей сцены и суфлировать дѣтямъ.

Чрезъ недѣлю послѣ того явился опять неожиданной случай заняться намъ своимъ театромъ; ибо какъ слухъ и слава распространилась объ немъ повсюду, то побудила она многихъ уѣздныхъ дворянъ изъ нашего знакомства смолвиться и скопомъ и съ заговоромъ къ 10-му числу сентября съѣхаться ко мнѣ въ гости, и просить меня о доставленіи и имъ удовольствія видѣть театральныя наши представленія. Итакъ, неожидаемымъ образомъ получилъ я вдругъ множество къ

себѣ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и г. Стрекаловъ со всѣмъ своимъ семействомъ, старинной знакомецъ мой, Алексѣй Іоновичъ Темешовъ съ женою, князь Волконской, и вся семья Верещагиныхъ. И я принужденъ былъ, по неотступной ихъ просьбѣ, согласиться заставить дѣтей представить имъ сперва драму мою «Несчастныя сироты», потомъ «Необитаемой островъ», а наконецъ балетъ. И какъ въ сей разъ случилось у насъ быть и выпрошенной у г-на Сахарова полной музыки, которой до того у насъ не доставало, то театръ нашъ получилъ еще болѣе совершенства, и всѣ мои гости были имъ очень довольны и не могли довольно восхвалить и возблагодарить меня за оной. Впрочемъ, какъ всѣ сіи гости у меня ужинали и на другой день обѣдали и остались ночевать, то восхотѣлось мнѣ, воспользуясь музыкою, дать въ сей вечеръ всѣмъ нашимъ городскимъ друзьямъ балъ, и для лучшаго простора въ залѣ дворца нашего, и мы весь вечеръ сей протанцовали и были очень веселы.

Но сей разъ былъ уже и послѣдній въ семъ году, въ которой мы театромъ нашимъ занимались; ибо, какъ онъ былъ безъ печей и холодной, а вскорѣ за симъ стали наступать морозы и стужа, то она и положила предѣлъ всѣмъ нашимъ играмъ и представленіямъ и принудила насъ закрыть нашъ театръ до наступленія опять весны и лѣта.

Итакъ, взявъ послѣ сего суетливаго дня опять на нѣсколько дней отдохновеніе и употребивъ оные на прочія свои дѣла и упражненія, пустились мы потомъ опять сами въ дальніе разъѣзды по гостямъ и всѣ достальные дни сентября провели въ оныхъ.

Начало октября ознаменовалось бывшимъ у насъ въ селеніи опять пожаромъ, всѣхъ насъ натурально перетращавшимъ. Сгорѣли въ сей разъ бывшіе на торговой площади амбары съ разною поклажею; и какъ я, такъ и городничій, жившій все еще у насъ въ слободѣ, имѣли множество трудовъ при гашеніи онаго. И достопамятно, что селеніе наше какъ-то въ особливости подвержено было пожарнымъ бѣдствіямъ. И сей пожаръ со времени бытности моей въ Богородицкѣ былъ уже не то пятый, не то шестой.

Вскорѣ за симъ настало 7-е число октября, въ которое совершилось мнѣ 42 года отъ рожденія и пошелъ 43-й годъ. Я провелъ сей день тихомолкою, ибо не имѣлъ никогда обыкновенія праздновать оной публично, предоставляя впрочемъ все дню имянинъ своихъ. Но въ сей годъ и въ самые имянины мои, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, не было у меня никакого дальнаго торжества и празднества, и мы, напротивъ того, около сего времени ѣздили сами въ дальніе гости, въ Ефремовскіе предѣлы, и были опять у гг. Писемскаго и Сахарова.

Между тѣмъ, дѣло мое по издаванію моего «Экономическаго Магазина» текло своимъ чередомъ и съ наивожделѣннѣйшимъ успѣхомъ. Переписка моя съ корреспондентами продолжалась по прежнему, и я не упускалъ удовлетворять ихъ своими отвѣтами, и всѣ праздные часы и минуты, остающіеся отъ прочихъ дѣлъ, посвящалъ обыкновенно сочиненіямъ по сей части. И какъ имѣлъ я у себя множество иностранныхъ экономическихъ книгъ, изъ которыхъ можно мнѣ было, какъ изъ кладезя, почерпать множество полезныхъ и такихъ матерій, которыя съ удобностію и пользою могли помѣщаемы быть въ мой «Магазинъ», и мнѣ стоило только ихъ съ нѣмецкаго языка по-русски переписывать, и переводъ ихъ былъ для меня легокъ и нимало незатруднителенъ, то я такъ уже къ симъ сочиненіямъ привыкъ и могъ матерію для журнала своего заготовить съ такимъ успѣхомъ, что въ одну недѣлю, пристально поработавъ, могъ заготовить матеріи для печатанія недѣль на шесть и болѣе; а самое сіе и помогло къ тому, что г-ну Новикову не было никогда въ матеріи и въ большихъ и малыхъ пьесахъ недостатка, и ему оставалось только дѣлать изъ нихъ выборъ и наполнять ими листы журнала. А какъ и типографія приведена была имъ

предъ прежнимъ несравненно въ лучшее состояніе, то и не было никогда при издаваніи, при каждомъ нумерѣ газетъ, по листу моего журнала ни малѣйшей остановки, чѣмъ и г. Новиковъ, и вся публика была весьма довольна.

Впрочемъ, какъ около сего времени матеріи у меня столько заготовлено и переслано было къ Новикову, что оной на все остальное время сего года могло быть съ излишкомъ достаточно, то, при посылкѣ послѣдней, списался я съ г. Новиковымъ о томъ, какъ онъ располагался въ разсужденіи послѣдующаго года, и намѣренъ-ли былъ продолжать издаваніе моего журнала и на будущій годъ; и какъ онъ отвѣтствовалъ, что не только желаетъ, но и убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ, чтобъ я не останавливалъ съ своей стороны сего полезнаго и съ столь хорошимъ успѣхомъ начатаго и идущаго дѣла, и продолжалъ бы заготовлять по прежнему матерію и для будущаго года, то съ самаго дня моихъ именинъ началъ я и сіе предварительное заготовленіе.

Итакъ, сею работою занимался я во всѣ достальные дни октября и въ послѣдующій затѣмъ ноябрь мѣсяцъ, и какъ длинные осенніе вечера, а паче того утры, въ которыя, по давнишнему обыкновенію своему, вставалъ я всегда рано и задолго еще до свѣта и время сіе было наиудобнѣйшее для сочиненій и писанія, то и успѣлъ я въ тогдашніе осенніе и первые зимніе мѣсяцы заготовить множество пьесъ и матеріи для печати, и чрезъ то, будучи съ сей стороны обезпеченъ, могъ тѣмъ удобнѣе удѣлять вечернее время на обыкновенныя наши при съѣздахъ и свиданіяхъ увеселенія.

Сіи продолжались у насъ и въ сію осень по прежнему и хотя не ежедневно, но довольно часто, и мы провели и сей періодъ времени очень весело. Дружба и единодушіе, и простое, откровенное, дружеское или паче почти братское обхожденіе между собою господствовало въ обществѣ нашемъ безпрерывно и придавало тѣмъ тогдашней нашей жизни еще болѣе пріятности. При всякомъ съѣздѣ и на обыкновенныхъ, даваемыхъ другъ другу вечеринкахъ наиболѣе мы, старые, занимались разными играми въ карты; но игры сіи были не убыточныя и либо степенныя, какъ, напримѣръ, ломберъ и вистъ, ибо бостона не было еще тогда на свѣтѣ, либо мелочныя, смѣшныя, подающія поводы ко многому хохотанію и смѣхамъ. Ежели-жъ завертывались когда въ компаніи наши какіе-либо посторонніе или игрочки, охотники до азартныхъ игоръ, то мы давали имъ волю состязаться только между собою, или съ нашимъ учителемъ, а сами бывали только зрителями всѣмъ ихъ отвагамъ и дурачествамъ, участія же въ томъ ни малѣйшаго не брали. И какъ проѣзжими всякаго рода людьми, равно и пріѣзжающими къ кому-нибудь изъ насъ изъ уѣздовъ гостьми посѣщаемы мы были часто, то и помянутыя зрѣлищи и игры бывали у насъ не рѣдко.

Что касается до возрастающихъ день отъ дня дѣтей нашихъ, то сіи дѣлали намъ компанію только по вечерамъ и въ праздничные дни; въ прочее-жъ время занимались они своими науками въ пансіонѣ. Сей шелъ своимъ чередомъ и былъ около сего времени нарочито уже великъ. Учителемъ нашимъ были мы и довольны и нѣтъ, и желали, чтобъ онъ меньше прилѣплялся къ нашимъ компаніямъ и былъ воздержнѣе относительно до игръ карточныхъ и менѣе занимался своею табачною фабрикою и затѣями, а болѣе бы старался объ ученіи дѣтей наукамъ. Однако нельзя сказать, чтобъ сіе было имъ совсѣмъ пренебрегаемо, но и оно шло своимъ чередомъ, и всѣ тѣ изъ дѣтей, которые посклоннѣе были прочихъ къ наукамъ, пользовались съ успѣхомъ его ученіемъ. Изъ всѣхъ ихъ отличался болѣе всѣхъ помянутой питомецъ мой Сезеневъ: въ немъ оказалась такая счастливая переимчивость и такая склонность и способность къ наукамъ, что я не могъ тому довольно нарадоваться и навеселиться, и желалъ даже, чтобы собственной сынъ мой былъ таковымъ-же.

Что касается до сего, то ему шелъ когда хотя десятой еще годъ, но въ немъ

также открывались часъ-отъ-часу множайшія способности и склонность къ наукамъ, и онъ превосходилъ тѣмъ многихъ и гораздо себя старѣйшихъ. Понятія его были таковы, что я не могъ имъ довольно надивиться, и съ радостію старался помогать съ своей стороны развертываться сему прекрасному цвѣточку, вперяя въ него съ малолѣтства хорошія склонности и впечатлѣвая въ юной умъ его понятія обо всемъ нужнѣйшія и охоту къ литературѣ, и сіе, равно и всегдашнее сотоварищество и собесѣдничество его съ г. Сезеневымъ помогало тому весьма много. Словомъ, обоими ими былъ я очень доволенъ.

Что принадлежитъ до дочерей моихъ, то старшая изъ нихъ, Елисавета, была около сего времени изрядною дѣвочкою и почти уже полуневѣстою. Весьма доброй ея характеръ и пріятность самаго наружнаго вида и ласковое ея со всѣми обхожденіе сдѣлало ее общею любимицею у всѣхъ нашихъ сотоварищей. Всѣ ее искренно любили и почитали, а мы всѣхъ больше, и намъ доставляла она собою всегдашнее утѣшеніе. По выучкѣ грамотѣ, занималась она наиболѣе уже своими женскими рукодѣліями при матери; однако не оставлялъ и я съ своей стороны обработывать младой умъ ея и вперять въ него обо всемъ, что можно было, нужныя знанія и понятія. Но обучать ее иностраннымъ языкамъ намъ не было способа, ибо въ пансіонѣ одной ей съ мальчиками учиться не годилось, а держать для ея одной у себя какую-нибудь француженку или мадамъ не дозволялъ намъ и достатокъ нашъ, да и какъ-то мы къ тому не имѣли и дальней охоты и не располагались, а думали, что довольно, когда бы она хотя и одно русское, да порядочно знала, но была-бы только не испорчена въ своемъ нравѣ и поведеніи. Изъ сестеръ же ея, Настасья была уже также дѣвочка изрядная, а мало-по-малу подрастала за нею и младшая ея сестра, Ольга. Обѣ онѣ учились тогда грамотѣ, и сею обязаны всѣ мои дѣти своей бабушкѣ, а моей тещѣ. Трудъ сей обыкновенно принимала она сама на себя, и не уважала нимало обыкновенную скуку, съ тѣмъ сопряженную. Обѣ онѣ были уже такого возраста, что мы могли употреблять ихъ съ прочими при представленіи нашихъ балетовъ на театрѣ. Что касается до самой меньшой моей дочери, Катерины, то сія занималась еще своею кормилицею и носима была еще на рукахъ. Что касается до внѣшнихъ моихъ обстоятельствъ и моего достатка, то какъ мы, несмотря на многое уже знакомство и частое пріѣзжаніе къ намъ гостей, жили умѣренно и вели себя, по пословицѣ говоря, «ни шатко, ни валко, ни на сторону», то и оставалось у меня всякой годъ сколько-нибудь отъ обыкновенныхъ моихъ доходовъ, а чрезъ то и маленькой мой капиталецъ увеличивался понемногу со дня на день, и у меня были уже кой-на-комъ въ долгахъ небольшія суммы и денегъ. Напротивъ того, деревнишки мои претерпѣвали много отъ моего отъ нихъ отсутствія. Не имѣя возможности часто отъ своего отлучаться мѣста и должности, не могъ я за ними смотрѣть какъ надлежало и какъ бы могъ живучи въ оныхъ, и потому принужденъ былъ предавать въ нихъ все теченію натуры или обыкновенному порядку дѣлъ; а чрезъ то натурально онѣ не только ни въ чемъ не поправлялись, но во многомъ происходили въ нихъ отъ начальниковъ надъ ними самыя упущенія. Но болѣе всего озабочивало и безпокоило меня межеванье въ тамбовской моей деревнѣ, о которомъ присылаемыя ко мнѣ отъ времени до времени увѣдомленія никакъ меня не радовали, а только огорчали; ибо писано было ко мнѣ, что всѣ наши ближніе и дальніе сосѣди сошли равно какъ съ ума и при отводахъ своихъ такъ испортили все дѣло и столько надѣлали пакостей, что я не предусматривалъ никакого способа къ поправленію того и къ развязкѣ узловъ ими, по глупости ихъ и къ собственному своему вреду, а къ пользѣ Пашкова, завязанныхъ; и навѣрное полагалъ, что дѣло наше пойдетъ въ даль и долго рѣшено не будетъ, что въ самомъ дѣлѣ по проискамъ и по

интригамъ Пашкова послѣ и исполнилось.

Что принадлежитъ до дѣлъ по должности моей и до волостей относящихся, то было ихъ въ сіе лѣто очень немного. Я упоминалъ уже выше сего, что грубое и дурное обращеніе со мною моего новаго командира прохладило во мнѣ прежнюю охоту къ разнымъ затѣямъ и выдаваться на выдачку, почему и наблюдалъ и исполнялъ я только то, чего требовала отъ меня одна должность. А какъ, по счастію, и командиръ мой, за отлучкою своею въ Петербургъ и долговременное свое тамъ пребываніе, во все теченіе сего года къ намъ не пріѣзжалъ, то и были мы съ стороны его нарочито спокойны, и была намъ, такъ сказать, своя воля и мы могли безъ дальнихъ заботъ жить такъ, какъ намъ хотѣлось. Одинъ только рекрутской наборъ, бывшій въ сію осень, причинилъ мнѣ нѣсколько хлопотъ, заботъ и затрудненій.

Въ началѣ декабря обрадованы мы были полученіемъ писемъ съ Низу, отъ дѣда жены моей, Авраама Семеновича, и узнаніемъ, что сей милой и любезной нашъ старичокъ все еще былъ живъ. Онъ увѣдомлялъ насъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и о увеличивающейся съ года на годъ его дряхлости, которая простиралась уже до того, что онъ съ трудомъ подписывалъ въ письмѣ свое имя и одними уже почти начальными только литерами.

Шестого числа сего мѣсяца, то-есть на Николинъ день, имѣлъ малютка сынъ мой превеликое для себя удовольствіе оттого, что могъ въ сей день подарить судью нашего и моего друга, Алексѣя Андреяновича Албычева, своихъ уже трудовъ картинкою и такою, которая стоила уже поставленною быть за стекло. Какъ она была всѣми хвалима, то сіе радовало его невѣдомо какъ и побуждало отъ часу болѣе успѣвать въ семъ искусствѣ, а я не менѣе былъ доволенъ, видя особенную его къ тому охоту и способность, и съ охотою продолжалъ обработывать въ немъ и самую сію склонность.

Наконецъ настала половина сего мѣсяца и съ нею то время, въ которое надлежало быть въ Тулѣ опять общему собранію всего дворянства для перемѣны и общаго выбора судей; ибо первое трехлѣтіе приходило тогда уже къ окончанію. Всѣ наши почти судьи, исключая немногихъ, должны были также къ сему времени туда отправиться. Я самъ располагался-было сначала также туда ѣхать, но какъ дѣло сіе до меня нимало не касалось и случились кое-какіе недосуги, то наконецъ раздумалъ, а предоставилъ однимъ имъ тамъ хлопотать и при бываемыхъ сихъ случаяхъ общихъ увеселеніяхъ брать соучастіе.

По отъѣздѣ ихъ опасались мы весьма, чтобъ сей новой выборъ не разстроилъ и не разрушилъ нашего дружескаго и пріятнаго общества, и чтобъ не насовали къ намъ какихъ-нибудь другихъ и намъ незнакомыхъ судей; и какъ мы между собою въ теченіе сихъ первыхъ трехъ лѣтъ такъ уже свыклись, что были какъ родные, то и жаль намъ было другъ съ другомъ разстаться, и потому съ нетерпѣливостью и почти со страхомъ и трепетомъ ожидали мы перваго увѣдомленія о томъ, кто и кто у насъ новые судьи будутъ. А сіе 19-то числа сего мѣсяца и привезъ къ намъ г. Шушеринъ, и съ одной стороны опечалилъ насъ, сказавъ, что мы лишились наилучшаго нашего компаніона и друга, Алексѣя Андреяновича Албычева, поелику онъ всѣмъ обществомъ выбранъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнія, и будетъ жить уже въ Тулѣ; но съ другой—обрадовалъ насъ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ прочіе остались почти все тѣ же, и что мѣсто его заступитъ Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ. И какъ чрезъ сіе все еще не могло разрушиться совсѣмъ прежнее наше пріятное общество, то хотя намъ и чрезвычайно было жаль г. Албычева, котораго мы искренни и любили, и почитали и уважали, но были по крайней мѣрѣ и тѣмъ уже довольны, что не лишились прочихъ.

Вскорѣ за симъ насталъ у насъ праздникъ Рожества Христова и вмѣстѣ съ

нимъ начались и святки. Но оныя были сначала какъ-то, по случаю помянутой перемѣны, не очень для насъ веселы. Г. Алдычевъ, возвратясь изъ Тулы, начиналъ уже собираться къ отбытію отъ насъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и въ третій день праздника далъ намъ у себя послѣдній прощальной обѣдъ. А вскорѣ послѣ того и распрощались мы съ симъ любезнымъ человѣкомъ и проводили его почти со слезами; послѣ чего и самъ я 29-го числа сего мѣсяца въ Москву отправился.

Такимъ образомъ прошелъ и кончился и 1780-й годъ, достопамятной въ моей жизни, во-первыхъ, началомъ издаванія моего «Экономическаго Магазина», познакомившаго со мною всю публику и сдѣлавшимъ всѣмъ почти имя мое съ хорошей стороны извѣстнымъ, ибо я хотя оное и не сказывалъ, но множайшіе знали, кто я таковъ. Во-вторыхъ, основаніемъ нашего театра и представленіями наономъ, а въ-третьихъ, прямо веселою и пріятною жизнію, каковую мы въ сей годъ провождали. А что происходило въ послѣдующій, о томъ узнаете вы изъ будущихъ писемъ; а сіе дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 13-го дня 1809 года).

1781.

Письмо 204-е.

Любезный пріятель! Въ какомъ положеніи и обстоятельствахъ засталъ меня 1781-й годъ, то видѣли вы изъ послѣдняго письма; а теперь, начиная разсказывать вамъ о происшествіяхъ въ сей, также многимъ для меня достопамятной годъ, скажу, что я начало онаго проводилъ въ дорогѣ, ѣдучи изъ Богородицка въ Москву, куда, какъ я прежде уже упомянулъ, отправился еще въ концѣ минувшаго года, на пятой день послѣ праздника Рожества Христова.

Поводомъ къ ѣздѣ сей въ нашу древнюю столицу были разныя происшествія и обстоятельства: Во-первыхъ, писалъ ко мнѣ возвратившійся за нѣсколько времени до того изъ Петербурга въ Москву князь, мой командиръ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему со всѣми донесеніями о волостныхъ дѣлахъ и привезъ бы съ собою всю собранную въ отсутствіе его денежную казну. Во-вторыхъ, имѣлъ я и самъ множество кое-какихъ нуждъ въ семъ городѣ для исправленія; надобно было кое-что искупить, а паче всего купить себѣ новую карету, ибо прежняя совсѣмъ почти уже изъѣздилась; а сверхъ того, хотѣлось мнѣ очень повидаться съ г. Новиковымъ и съ нимъ много кое-о-чемъ поговорить, а особливо о томъ, не возьметъ ли онъ напечатать и книгу мою «О благополучіи человѣческомъ» и другія, какія у меня есть сочиненія и переводы. Наконецъ, повидаться и съ племянницами моими, Травиными, находившимися тогда въ Москвѣ. И какъ все сіе было и кстати, по случаю призыва княземъ меня въ Москву, то и расположился я въ оную и не на короткое время, а недѣли или болѣе съѣздить; и потому, отправивъ туда обозъ съ казною, велѣлъ отвезть и фуража для лошадей казенныхъ, со мною отправляющихся, отправился вслѣдъ за нимъ и самъ 29-го декабря, оставивъ все свое семейство и жену дома, которой хотя хотѣлось-было и самой въ Москву для покупокъ кое-какихъ съѣздить, но какъ она была опять беременна и почти на сносяхъ, то принуждена была остаться дома и препоручить уже мнѣ всѣ надобности свои, при помощи племянницъ моихъ, исправить.

Итакъ, отправившись помянутаго числа и въ Тулѣ побывавъ въ послѣдующій за симъ день у губернатора, которой принялъ меня опять какъ своего друга очень хорошо, поспѣлъ ночевать къ родственнику нашему, г. Кислинскому въ Федешево; а поутру, продолжая свой путь, завернулъ, хотя на самое короткое время, въ свое любезное Дворяниново, гдѣ повидавшись съ братомъ Михайломъ Матвѣевичемъ, успѣлъ побывать и у другого своего деревенскаго сосѣда, г. Басаргина. Тутъ, противъ всякаго чаянія и къ

особливому удовольствію моему, нашелъ друга моего г. Полонскаго, съ новымъ фаворитомъ его, г. Шишкинымъ, также и г. Огаркова. Всѣ они обрадовались меня увидѣвъ, а г. Полонской всѣхъ болѣе, и услышавъ, что я ѣду въ Москву, просилъ меня, чтобъ я присталъ у него въ новомъ его каменномъ домѣ, сказывая, что у него есть въ немъ нижнія небольшія, но очень спокойныя комнатки, гдѣ мнѣ можно было расположиться и жить сколько мнѣ угодно, а велѣлъ бы я ихъ только вытопить, а до того времени присталъ бы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; а о семъ услышавъ, братъ мой Михайла Матвѣевичъ предлагалъ мнѣ свой московской домъ, чѣмъ я и былъ весьма доволенъ и поѣхалъ уже на готовую квартиру.

Въ Москву пріѣхалъ я передъ вечеромъ, уже 2-го генваря, и расположившись на первой случай въ братнином домѣ, спѣшилъ скорѣе нанять себѣ для ѣзды карету, и съ утра 3-го числа и пустился въ ней по всей Москвѣ рыскать. Мое первое дѣло было, чтобъ явиться къ молодому моему командиру и поспѣшить сдать ему казну; но, ѣдучи къ нему мимо того дома, гдѣ жилъ г. Новиковъ, не утерпѣлъ, чтобъ напередъ къ нему не заѣхать и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, поздоровкаться. Онъ обрадовался крайне меня увидѣвъ, и принялъ наидружественнѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ; а услышавъ, что я въ Москвѣ-таки сколько-нибудь пожить намѣренъ, просилъ меня нанубѣдительнѣйше, чтобъ я съ нимъ почаще, и если-бъ можно, то въ каждой бы день видѣлся и всегда, когда не буду гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ обѣдать, пріѣзжалъ бы къ нему вмѣстѣ хлебать щи, поелику онъ теперь уже обжился и свой столъ имѣетъ. Я и дѣйствительно нашелъ его живущаго уже въ верхнемъ этажѣ того дома, въ просторнѣйшихъ и порядочно убранныхъ комнатахъ, и былъ, какъ заѣзжій человѣкъ, такому приглашенію радъ и охотно обѣщалъ пріѣзжать къ нему чаще.

Что касается до молодого князя, то сей принялъ меня хотя нарочито благосклонно, но все съ прежнею своею княжескою глупою спѣсью и неприступностію, и по пословицѣ говоря, ни горячо, ни холодно. И какъ на вопросъ, долголи я въ Москвѣ пробуду? я сказалъ, что у меня есть кое-какія и свои нуждишки для исправленія, то воскликнулъ онъ: «О! такъ хорошо-жъ, живите себѣ сколько хотите, и пріѣзжай ко мнѣ временно, чтобъ могъ я съ тобою кое-о-чемъ поговорить. Къ тому-жъ надобно намъ похлопотать опять съ архитекторомъ, также искупить въ богородицкой дворецъ всю нужную мебель, чтобъ можно было въ немъ жить. Мнѣ хотѣлось бы у васъ будущую осень побывать и поѣздить съ собаками».—Очень хорошо, сказалъ я на сіе: мы вашему сіятельству будемъ ради, а въ самомъ дѣлѣ не то думалъ и охотнѣе желалъ, чтобъ онъ сего посѣщенія своего насъ избавилъ. — «Много-ли у васъ въ Богородицкѣ зайцевъ?» продолжая, спросилъ онъ меня далѣе. — Не знаю, отвѣчалъ я: я не охотникъ, и не ѣзжу, а думаю, что довольно. — «Нельзя и не быть! подхватилъ онъ: мнѣ сказывали, что ихъ много; но какъ у васъ въ сосѣдствѣ есть много охотниковъ, такъ не вели-ка ты ихъ допускать въ дачахъ волостныхъ ѣздить, чтобъ они у меня ихъ не вытравили, а особливо Власова. Этотъ въ состояніи вытравить ихъ до единаго». — Очень хорошо! отвѣчалъ я, и негодуя душевно, что сію матерію почелъ онъ наиважнѣйшею, о чемъ со мною говорить, сталъ ему докладывать о привезенной казнѣ. «Хорошо!» сказалъ онъ, и тотчасъ велѣлъ кликнуть своего секретаря и управителя, и по приходѣ ихъ сказалъ мнѣ: «Сдай вотъ ее имъ, а тамъ поѣзжай себѣ куда хочешь, да отыщи нашего архитектора и дни черезъ два побывай съ нимъ у меня». — Хорошо, ваше сіятельство! и пошелъ сдавать казну, а сдавъ ее, проѣхалъ отъ него къ старику отцу его.

Сей принялъ меня уже совсѣмъ инако и обрадовался, какъ свидѣвшись съ роднымъ какимъ и не могъ довольно изъ-

явить своего удовольствія о томъ, что меня видитъ, и обо всемъ со мною по прежнему наговориться; и не отпустилъ меня безъ обѣда, прося также наиубѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ я во все время пребыванія своего въ Москвѣ пріѣзжалъ къ нему какъ можно чаще обѣдать и ужинать, и особливо помогалъ бы ему пріятнымъ сотовариществомъ своимъ длинные тогдашніе и для его, въ уединеніи его, очень скучные вечера. И я съ охотою обѣщалъ выполнить сіе желаніе его и пріѣзжать къ нему всегда, когда мнѣ дозволитъ только время. Сего любезнаго и почтеннаго старика нашелъ я гораздо уже предъ прежнимъ въ слабѣйшемъ состояніи, однако все еще онъ былъ бодръ. У него обѣдала въ сей день дочь его, вдова графиня Салтыкова съ обѣими дочерьми своими и одинъ изъ сыновей его, живущій съ нимъ, князь Иванъ Сергѣевичъ. Первую нашелъ я очень похожею на своего горделивца братца и набитою также княжескою спѣсью и едва удостоившею меня своимъ разговоромъ, а второго гораздо снисходительнѣйшимъ и во многомъ отмѣннаго отъ своихъ братьевъ. Причиною тому было, что онъ служилъ прежде сего въ морской службѣ, бывалъ въ разныхъ иностранныхъ государствахъ и любилъ читать книги, такъ какъ и тогда нашелъ я его читающаго на англійскомъ языкѣ Куковы путешествія. А сіе и подало поводъ намъ съ нимъ познакомиться и кое-о-чемъ до литературы относящемся поговорить между собою, и онъ съ самаго сего дня сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ. Да и старикъ самъ любилъ читать книги и по днямъ большую часть времени занимался, сидючи одинъ въ комнатѣ, чтеніемъ. Но я нашелъ его читающаго французскую извѣстнаго безбожника Гелфеція книгу, не только удивился, но и содрогнулся даже, узнавъ, что и старикъ сей былъ, по примѣру многихъ, зараженъ до глупости волтеріанизмомъ, и находясь при дверяхъ самаго гроба, не преставалъ обожать Волтера, сего Гелфеція и другихъ подобныхъ имъ извергововъ и развратителей человѣческаго рода. Чувствительно мнѣ сіе было очень, и я искренно сожалѣлъ о его заблужденіи; но радъ съ другой стороны былъ, что узналъ сіе благовременно и могъ, сообразуясь съ тѣмъ, располагать при разговорахъ съ нимъ свои мѣры.

Отъ князя проѣхалъ я къ своимъ роднымъ и любезнымъ старикамъ Афросимовымъ. Сіи также мнѣ обрадовались очень, и узнавъ, что я одинъ и поживу нѣсколько времени въ Москвѣ, приступили также ко мнѣ съ убѣдительною просьбою, чтобъ я видался съ ними почаще и также пріѣзжалъ къ нимъ, когда мнѣ дозволятъ будетъ время, обѣдать, увѣряя, что они мнѣ всегда будутъ ради, какъ родному; отъ чего я и не отрекся и тѣмъ паче, что въ обхожденіи съ симъ умнымъ, опытнымъ и шутливымъ въ разговорахъ любезнымъ старикомъ находилъ особую для себя пріятность и никогда мнѣ у нихъ было не скучно.

Посидѣвъ у нихъ и услышавъ, что въ тотъ день будетъ театръ, успѣлъ еще побывать и въономъ, и полюбоваться игрою славнаго тогда актера г. Померанцова. Представляли въ сей день комедію «Благодѣтельнаго грубіяна» и оперу «Несчастіе отъ кареты».

Симъ образомъ успѣлъ я и въ первой уже день побывать въ мѣстахъ многихъ; а въ послѣдующій за симъ все утро употребилъ на исправленіе кое-какихъ покупокъ, дабы ихъ съ возвращающимися подводами сослать въ Богородицкъ было можно. И какъ г. Новиковъ жилъ подлѣ самыхъ рядовъ, то въ сей день обѣдалъ въ первой разъ у него. Я нашелъ у него столъ и вкусной, и изобильной, и довольное за нимъ общество. У него всякой день обѣдало по нѣскольку человѣкъ изъ его знакомыхъ, оказывающихъ ему отмѣнное уваженіе. Сіе меня, какъ незнающаго еще тогда всѣхъ его связей, поудивило нѣсколько; но какъ не до меня было дѣло, то я, продолжая обращаться съ нимъ просто и дружески, имѣлъ при семъ свиданіи случай переговорить съ нимъ кое-что о нашемъ дѣлѣ и о изда-

ваемомъ «Экономическомъ Магазинѣ». Онъ изъявлялъ мнѣ крайнее свое удовольствіе о моемъ трудолюбіи и о исправномъ присыланіи къ нему нужной матеріи для печати; и какъ онъ отзывался, что журналъ мой принятъ публикою съ особеннымъ благоволеніемъ, и число пренумерантовъ часъ-отъ-часу умножается, то сіе и подало мнѣ поводъ шуткою сказать, что посему можно бы ему къ условленной суммѣ мнѣ за труды сколько-нибудь и прибавить. «Трудовъ и мнѣ, сказалъ я, право много. Судите сами — я долженъ работать одинъ-одинёхонекъ и писать такое множество».—«Хорошо, подхватилъ онъ, я и не прочь отъ того, и прибавлю вамъ еще на первой случай 50 рублей, а тамъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло наше впредь и буде хорошо, прибавлю вамъ и еще». Симъ я былъ и доволенъ. Послѣ сего сталъ онъ мнѣ предлагать, не могу ли я удосужиться перевесть еще одну періодическую славнаго въ Германіи сочинителя книгу, которую хотѣлось бы ему также издавать образомъ ежемѣсячнаго журнала, и тотчасъ отыскавъ, сталъ показывать мнѣ ее. Была она духовная, нѣмецкая, сочиненія славнаго г. Тидена и содержала въ себѣ вечернія размышленія на каждой день года. Я, поглядѣвъ нѣсколько на нее, сказалъ ему, что хотя бы я можетъ быть и могъ и къ тому найтить довольно времени, но однако надобно посмотрѣть довольно ли будетъ къ тому моей способности и въ состояніи-ль я буду сіе сдѣлать. — «Хорошо! подхватилъ онъ, такъ возьмите-жъ ее съ собою, и поразсмотрѣвъ, буде время вамъ дозволитъ, испытайте хотя нѣсколько пьесъ изъ ней перевесть и мнѣ показать; а кстати не возьмете ли вотъ часть готоваго изъ ней перевода, но которой мнѣ не очень нравится».— Хорошо! сказалъ я, и взялъ книгу и переводъ съ собою.

Отъ него проѣхалъ я къ г. Стрекалову, находившемуся тогда въ Москвѣ, къ которому имѣлъ я тѣмъ болѣе привязанности, что онъ, съ одной стороны мнѣ благопріятствовалъ, а съ другой — былъ другъ моему командиру и мнѣ могъ при случаѣ пригодиться. Онъ былъ очень доволенъ моимъ пріѣздомъ, и я, посидѣвъ у него, поѣхалъ на вечеръ къ старику-князю, у котораго въ сей день и ужиналъ. Я нашелъ его въ совершенномъ уединеніи и лежащаго, по обыкновенію своему, на канапѐ, и провелъ весь вечеръ съ нимъ въ разныхъ разговорахъ, и онъ былъ тѣмъ очень доволенъ; а я старался не отбѣгать отъ него, какъ по искренней приверженности своей къ нему, такъ и для того, чтобъ онъ могъ поддержать меня въ случаѣ какого-нибудь гоненія отъ сынка своего, молодого князя, о которомъ зналъ я, что онъ уважаетъ отца своего, и льстился надеждою, что онъ его и любовь его ко мнѣ поуважитъ и не захочетъ сдѣлать отцу своему неудовольствія.

По возвращеніи на квартиру, принялся я тотчасъ разсматривать взятую у Новикова книгу, и нашелъ ее хотя распрекраснѣйшею, но для перевода по особому слогу своему не совсѣмъ легкою; однако положилъ испытать переводить оную.

Въ послѣдующій день, что было наканунѣ Крещенья, все утро отыскивалъ я нашего архитектора и проговорилъ съ нимъ о нашихъ строеніяхъ по волости. Дѣло касалось наиболѣе до продолжаемаго все еще построенія бобриковскаго дворца и до иконостаса нашей церкви; и какъ сей день былъ постной, то обѣдать поѣхалъ я къ старику Афросимову, а на вечеръ проѣхалъ я къ знакомцу и пріятелю своему, г. Владыкину. Онъ обрадовался очень меня увидѣвъ, и поздравлялъ съ хорошимъ успѣхомъ моего новаго журнала, проговорилъ со мною весь вечеръ о разныхъ матеріяхъ и не отпустилъ безъ ужина. Сему, крайне меня полюбившему, человѣку долженъ я былъ также обѣщать пріѣзжать почаще для навѣщенія его въ его слабости и болѣзни; а по возвращеніи домой, учинилъ первое испытаніе переводить данную мнѣ Новиковымъ книгу, и успѣлъ, хотя не безъ затрудненія, перевести одну пьесу изъ оной.

Въ день Богоявленія Господня ѣздили мы вмѣстѣ съ архитекторомъ къ молодому князю. Не доѣзжая до него, вдругъ и нечаянно повстрѣчался я съ нашимъ французомъ, богородицкимъ учителемъ, случившимся быть тогда въ Москвѣ. Онъ, увидѣвъ и обрадовавшись, просилъ меня Христомъ и Богомъ посѣтить его на его квартирѣ, сказывая, что она очень недалеко отъ князя, въ нѣмецкомъ трактирѣ и, буде можно, то бы въ тотъ же еще день съ нимъ отобѣдать вмѣстѣ; что я ему охотно и обѣщалъ, и побывавъ у князя и обо всемъ, что надобно было, переговоривъ, дѣйствительно къ нему и поѣхалъ. Я нашелъ его живущаго въ маленькихъ, но покойныхъ компаткахъ, настроенныхъ на дворѣ того трактира нарочито для пріѣзжихъ постояльцевъ; и онъ ну-ка меня угощать чаемъ и шоколадомъ, а потомъ звать съ собою въ трактиръ обѣдать. И какъ обѣдало насъ тутъ человѣкъ съ двадцать, наиболѣе иностранныхъ, то сіе и напамятовало мнѣ наши кёнигсбергскіе трактиры, въ которыхъ мы иногда обѣдывали и съ удовольствіемъ свое время провождали. И находя тутъ точно все то же, воображалъ себѣ, что я нахожусь въ Кёнигсбергѣ, и минуты сіи были для меня пріятны.

Препроводивъ нѣсколько часовъ въ дружеской компаніи съ г. Дюблюе, поѣхалъ я къ старому князю дожидаться до того времени, какъ надобно въ театръ ѣхать, въ которомъ и въ сей день быть хотѣлось, ибо признаюсь, что театръ любилъ я во все продолженіе моей жизни и всегда находилъ въ смотрѣніи на сіи зрѣлищи отмѣнное удовольствіе. Князь какъ мнѣ ни радъ былъ, но не успѣлъ услышать, что мнѣ въ театрѣ быть хотѣлось, не сталъ меня нимало удерживать, но просилъ только, чтобъ я и изъ театра къ нему пріѣхалъ и у него ужиналъ, что я ему и обѣщалъ. На театрѣ въ сей разъ представляли «Дезертира» и я съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ сію пьесу.

На утріе ѣздилъ я опять въ ряды для закупанія кое-какихъ вещей, и ѣдучи туда заѣзжалъ опять къ Новикову, а изъ рядовъ проѣхалъ въ петербургскую книжную лавку, гдѣ купилъ Роленеву «Древнюю Исторію» и нѣкоторыя другія книги, а оттуда къ прежнему знакомцу своему, г. Ридигеру, основавшему уже собственную свою и знаменитую книжную лавку на Ильинкѣ. Сей увидѣвъ меня крайне мнѣ обрадовался, поздравлялъ меня съ счастливымъ успѣхомъ новаго журнала и сожалѣлъ, что онъ не такъ былъ счастливъ, какъ г. Новиковъ. Нашедъ у него превеликое множество всякаго рода иностранныхъ книгъ, вновь только полученныхъ, и какъ разсматриваніе и перебираніе оныхъ составляло наиприятнѣйшую для души моей пищу, то препроводилъ у него въ лавкѣ съ удовольствіемъ нѣсколько часовъ, купилъ у него нѣсколько разныхъ и надобныхъ мнѣ книгъ, и въ числѣ ихъ новенькой и только что вышедшій нѣмецкой романъ, подъ заглавіемъ «Генріета или Гусарское похищеніе», которой мнѣ какъ-то съ перваго взгляда отмѣнно полюбился по своему особому слогу; а оттуда проѣхалъ на вечеръ къ князю, и препроводивъ съ нимъ оной, у него ужиналъ.

Въ слѣдующій день вставъ, по обыкновенію, до свѣта, находясь все еще на прежней своей квартирѣ въ домѣ моего брата, занялся я разсматриваніемъ всѣхъ новокупленныхъ своихъ книгъ и препроводилъ въ томъ нѣсколько часовъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ; и какъ ободняло, то поѣхалъ опять въ ряды, и искупивъ кое-что, заѣхалъ изъ нихъ къ Новикову обѣдать, и какъ было еще рано, то имѣлъ я время съ нимъ обо многомъ переговорить. И какъ мы съ нимъ гораздо уже познакомились, то и вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня такимъ же образомъ втянуть въ свое сокровенное общество или шайку масоновъ, какъ учинилъ онъ то со многими уже другими, и съ тѣмъ безсомнѣнно намѣреніемъ, чтобъ чрезъ то, какъ гранметру сей секты, сдѣлать и меня своимъ съ сей стороны подчиненнымъ и пріобрѣсть во мнѣ дарового работника и всѣмъ сво-

имъ хотѣніямъ и повелѣніямъ безотговорочнаго исполнителя. И для того, заведя меня въ свой кабинетъ, началъ меня разспрашивать не принадлежу ли я къ какому-нибудь ордену? Поразился я удивленіемъ, сіе услышавъ, и какъ по счастію былъ я о его масонствѣ и гранметрствѣ отъ г. Владыкина и нѣкоторыхъ другихъ извѣщенъ, то тотчасъ проникнулъ все его сокровенное намѣреніе, и отнюдь не желая дать ему возложить на себя узду и бселъ, тотчасъ принялъ всѣ нужныя съ сей стороны предосторожности; и потому на вопросъ его тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что нѣтъ, и что я никогда не былъ ни масономъ, ни другимъ какимъ сектистомъ. Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ и началъ-было подъѣзжать ко мнѣ, по пословицѣ говоря, на полозкахъ и убаивать меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами ихъ братства, дружества, добродѣтелей и всего прочаго, и заговаривать, чтобъ я также вступилъ въ ихъ общество, съ увѣреніемъ, что я по качествамъ, знаніямъ и достоинствамъ своимъ могъ бы скоро получить между ими знаменитое достоинство.

Нѣсколько минутъ далъ я ему волю говорить и разглагольствовать какъ онъ хотѣлъ, слушая со вниманіемъ все, что онъ ни говорилъ; но наконецъ ему сказалъ: «Нѣтъ, батюшка, Николай Ивановичъ! дружбу и пріязнь имѣть я съ вами готовъ, а что касается до предлагаемаго вами, такъ покорно прошу меня отъ того уволить. Все, что вы ни говорите въ похвалу вашему обществу, мнѣ давнымъ-давно уже извѣстно, и вы не первые, а меня ужъ многіе и многіе старались преклонить ко вступленію въ масонской орденъ и въ другія секты и общества; но я далъ съ молодыхъ лѣтъ на себя зарокъ и самъ себя заклялъ, чтобъ отнюдь не вступать ни въ какой тайной орденъ и сокровенное общество!—«Но для чего-жъ?» подхватилъ онъ.—А для того, что зная существенно, чѣмъ и чѣмъ обязуетъ насъ и одинъ нашъ христіанской законъ, думаю, что намъ и тѣхъ должностей и обязанностей довольно, какими онъ насъ къ исполненію обязуетъ, и что нѣтъ никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а намъ дай Богъ, чтобъ и тѣ только исполнить, которыми обязуетъ насъ христіанская вѣра!

Нечего было ему на сіе говорить. Онъ упнулся и замолчалъ, увидя, что во мнѣ наскочила коса его на камень; но собравшись опять съ духомъ, началъ-было опять свои разглагольствованія и увѣренія, что орденъ ихъ нимало не противенъ христіанской вѣрѣ, и что я найду истинныхъ ему между ими почитателей, и прочее, и прочее; но я, остановивъ его, опять сказалъ: «Знаю, батюшка, и слышалъ много разъ все сіе, но опять повторю, что какъ бы то ни было, но меня покорно прошу отъ того уволить и въ разсужденіи меня никакого счета не дѣлать. Скажу вамъ прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться буду, и потому всѣ ваши убѣжденія будутъ относительно до меня тщетны и труды, употребленные къ тому, напрасны; а что касается до моего къ вамъ искренняго почтенія и дружбы, то я вамъ ее обѣщаю и безъ того, и вы найдете во мнѣ человѣка, которымъ вы съ сей стороны будете довольны, и о томъ перестанемъ говорить». Нечего было ему опять на сіе сказать, и онъ, боясь, чтобъ меня не отогнать совсѣмъ прочь отъ себя и льстясь, можетъ быть, надеждою, что не удастся ли ему впредь какимъ-нибудь образомъ въ сѣти свои запутать, принужденъ былъ сказать: «Ну, такъ и быть! Что мнѣ съ вами, такимъ упрямымъ, дѣлать? но по крайней мѣрѣ испрашиваю я отъ васъ продолженія начатого вашего дружества и любви!»—«О, что касается до этого, воскликнулъ я, то увѣряю васъ въ томъ чистосердечно, что вы будете мною довольны и въ залогъ того вотъ вамъ моя рука!». Сказавъ сіе и схватя его руку, ударилъ я по ней своею, а онъ въ соотвѣтствіе того обнялъ меня и поцѣловался со мною.

Симъ кончилась тогда у насъ сокровенная въ кабинетѣ его сцена, и мы вы-

шли потомъ въ залъ къ собравшимся къ столу и дожидавшимся насъ его подчиненнымъ, и сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда, напившись кофею и поговоривъ еще кое-о-чемъ постороннемъ, поѣхалъ я отъ него на квартиру, и ѣдучи, воспоминая все бывшее до обѣда, самъ себѣ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, государь! Не на такого ты глупца и простачка напалъ, которой бы далъ себя ослѣпить твоими раздабарами и росказнями, и протянулъ бы тебѣ свою шею для возложенія на нее петли и узды, дабы тебѣ послѣ на немъ верхомъ ѣздить и неволею заставливать все дѣлать, что тебѣ угодно. Не бывать тому никогда и не раживаться, чтобъ далъ я тебѣ связать себѣ руки и ноги, а ежели хочешь, то изволь быть моимъ простымъ и обыкновеннымъ другомъ и обходиться со мною какъ себѣ съ равнымъ. Отъ этого мы не прочь, да и только всего!»

Симъ образомъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, положилъ я имѣть впредь наивозможнѣйшую отъ него съ сей стороны осторожность. И какъ въ тотъ день опять обѣщанъ былъ театръ, то, побывавъ дома и давъ лошадямъ отдохнуть, поѣхалъ я въ оной, а оттуда опять къ старику князю своему ужинать, и сдѣлалъ тѣмъ ему опять удовольствіе превеликое.

Поутру въ слѣдующій за симъ день, что было уже 9-го генваря, ѣздилъ я опять къ молодому князю, и поговоривъ съ нимъ о нѣкоторыхъ надобностяхъ, проѣхалъ отъ него для исправленія нѣкоторыхъ казенныхъ покупокъ въ ряды и занялся ими такъ, что и обѣдалъ въ Пѣвческой; и какъ подлѣ ихъ имѣлъ и Ридигеръ свою книжную лавку, то, побывавъ у него, посмотрѣлъ еще кое-какихъ книгъ, и ѣдучи на квартиру, заѣхалъ я по дорогѣ опять къ Новикову, которой при семъ свиданіи сдѣлалъ мнѣ опять новое и неожидаемое предложеніе. «Завожу я, говорилъ онъ мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ государства или въ разныхъ городахъ книжную продажу, дабы чрезъ то по возможности поспѣшествовать нашей литературѣ; а какъ вы живете вблизи Тулы, то не возьмете-ли вы на себя трудъ пріискать кого-нибудь изъ тамошнихъ жителей, кто бы взялъ на себя коммиссію продавать тамъ мои книги. Я бы могъ ихъ къ нему пересылать чрезъ васъ, а онъ за труды свои могъ пользоваться отъ сей продажи десятью процентами, а и вы могли бы то же получать, если бы и у васъ въ Богородицкѣ стали-бъ находиться охотники къ раскупанію оныхъ».—Очень хорошо! отвѣчалъ я: въ этомъ я готовъ постараться оказать мою услугу, и въ проѣздъ мой чрезъ Тулу поговорю о томъ кое-съ-кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, и увѣдомлю васъ, если дѣло сіе пойдетъ на ладъ. Симъ онъ былъ очень и доволенъ, а и для меня было сіе не противно, и болѣе потому, что я при семъ случаѣ могъ бы пользоваться даромъ прочитываніемъ всѣхъ сихъ книгъ и не имѣлъ бы нужды въ покупаніи оныхъ.

Въ слѣдующій день обрадовался я узнавъ, что наконецъ пріѣхала въ Москву и племянница моя, Надежда Андреевна Травина, и что желаетъ со мною видѣться. Но какъ въ самой сей день хотѣлось мнѣ перебраться на другую квартиру, въ домъ г. Полонскаго, потому что прежняя была очень безпокойна и холодна, а сверхъ того хотѣлось повидаться опять съ Новиковымъ; то приказавъ перебираться безъ себя на новую квартиру, поѣхалъ я къ нему, желая поговорить съ нимъ еще о помянутой продажѣ книгъ, также сдѣлать съ нимъ предварительное условіе и о томъ, не разсудится ли ему изъ собственныхъ моихъ сочиненій и переводовъ впредь что печатать, а притомъ, чтобъ отдѣлаться какимъ-нибудь образомъ и отъ перевода данной имъ мнѣ Тиденовой книги; ибо какъ переводъ оной показался мнѣ слишкомъ затруднителенъ и могущій отнимать отъ меня много времени, то хотѣлось мнѣ отъ него отказаться. Итакъ, повезъ я ему ее назадъ вмѣстѣ съ переведенными на опытъ пьесами, и сказалъ ему, что хотя бы и могъ я ее по нуждѣ перевесть, но какъ требуется къ тому

много труда и времени, то не уповаю я имѣть къ тому столько досуга; а сверхъ того, какъ въ ней есть множество стихотвореній, которыя, не будучи никогда стихотворцемъ, не въ состояніи я нахожу себя перевесть, то не найдетъ ли онъ кого-нибудь поспособнѣе къ тому меня и имѣющаго болѣе празднаго времени и досуга, и не освободитъ ли меня отъ сей коммиссіи. «Очень хорошо! сказалъ онъ, принимая отъ меня, хотя и не весьма охотно, книгу: знать искать мнѣ кого-нибудь иного, когда вамъ не можно». А я, отдавъ ему, сказалъ, что у меня есть нѣчто похожее на то, и почти совсѣмъ готовое и въ томъ же родѣ и вкусѣ, мною сочиненное, и не угодно ли ему будетъ, чтобъ я къ нему ее переслалъ, дабы въ случаѣ, если она ему покажется, могла-бъ она напечатана быть особою книжкою? Сіе говорилъ я о сочиненныхъ мною давно нѣсколькихъ утреннихъ и вечернихъ набожныхъ размышленій. «Очень, очень хорошо! подхватилъ онъ: пожалуйте все, что только у васъ есть сочиненное ли вами, или переведенное, ко мнѣ присылайте. Я все готовъ печатать на свой коштъ, что только мнѣ можно будетъ, и въ этомъ случаѣ возлагайте на меня коммиссію и будьте увѣрены, что съ моей стороны найдете вы во мнѣ исправнаго редактора и будете мною довольны». И какъ симъ и я натурально былъ доволенъ, то сіе подало поводъ къ заключенію съ нимъ предварительнаго о всѣхъ, впредь печатаемыхъ моихъ книгахъ договора, и мы положили условіе, чтобъ мнѣ получать отъ него каждой по нѣсколько экземпляровъ, а впрочемъ, смотря по величинѣ книги, денежную плату, чѣмъ тогдашнее наше свиданіе къ обоюдному удовольствію и кончилось.

Переговоривъ съ нимъ обо всемъ, поѣхалъ я отыскивать свою Надежду Андреевну. Сія крайне была обрадована меня увидѣвъ, и я провелъ у ней весь почти тотъ день въ безпрерывныхъ разговорахъ, и передъ вечеромъ проѣхалъ отъ ней уже прямо на свою новую и тёпленькую и покойную квартиру, гдѣ услышалъ, что безъ меня старой князь присылалъ ко мнѣ нарочнаго звать меня къ себѣ на вечеръ и ужинать, такъ пріятны были ему мои посѣщенія! Итакъ, хотя мнѣ и не весьма въ сей день хотѣлось ѣхать опять со двора, но принужденъ былъ сдѣлать старику сіе удовольствіе и къ нему вечеръ сидѣть и ужинать ѣхать.

Какъ при свиданіи въ сіе утро съ г. Новиковымъ, у насъ съ нимъ условлено было въ послѣдующее утро съ нимъ счесться, поелику я ему долженъ былъ за полученныя отъ него и пересланныя ко мнѣ кое-какія книги, а онъ мнѣ не платилъ еще слѣдующія за «Магазинъ» деньги, то для сего ѣздилъ я къ нему въ слѣдующій день поутру опять, и при семъ свиданіи разочлись мы съ нимъ, какъ водою разлились, и онъ мнѣ отсыпался деньгами и не остался мнѣ ни полушкою должнымъ, чѣмъ я и исправнымъ его платежемъ былъ и доволенъ.

Кончивъ сіе съ нимъ дѣло, поѣхалъ я отъ него обѣдать къ старику Афросимову, и видѣлъ у него родныхъ его молодыхъ, женившихся около самаго сего времени. Былъ то меньшой его сынъ, Павелъ Аѳанасьевичъ. Итакъ, я имѣлъ случай видѣть молодую его и отмѣнно бойкую жену. Въ сихъ гостяхъ пробылъ я до самаго вечера, а ужиналъ и вечеръ сидѣлъ опять у старика моего князя.

Въ слѣдующій за симъ день, по сдѣланному условію, проводивъ все утро дома, поѣхалъ я обѣдать къ Надеждѣ Андреевнѣ, а послѣ обѣда ѣздили мы съ нею въ ряды для исправленія всѣхъ порученныхъ мнѣ отъ жены коммиссій и ихъ женскихъ покупокъ, и оттуда вмѣстѣ съ нею проѣхалъ къ теткѣ, Катеринѣ Петровнѣ Арсеньевой, которая, благопріятствуя намъ, всегда была намъ очень рада, и угощала насъ всячески и не отпустила отъ себя безъ ужина.

На другой день послѣ сего обѣдалъ я опять у своей племянницы, а отъ ней возвратясь на квартиру, занялся писаніемъ домой писемъ и отправленіемъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ съ сѣномъ и

овсомъ людей, и съ ними кое-какихъ покупокъ.

Симъ образомъ прожилъ я уже цѣлыхъ 11-ть дней въ Москвѣ въ безпрерывныхъ и ежедневныхъ рысканьяхъ по оной. Но какъ нужды, а особливо по волостнымъ дѣламъ, далеко еще не были всѣ исправлены, то располагался я и еще прожить, когда не болѣе, такъ по крайней мѣрѣ столько же, ибо многаго надлежало мнѣ дожидаться, многое что пріискивать и затѣмъ опять такимъ же образомъ по всему городу, иногда въ каретѣ, а иногда въ городовыхъ саняхъ по городу рыскать и туда и сюда ѣздить. Итакъ, поѣхавши опять въ слѣдующій день для нуждъ въ городъ, побывалъ я опять на часокъ у Новикова, и проѣхавши отъ него на Каменной мостъ для пріискиванія мебелей, по случившейся тогда жестокой морозной погодѣ такъ иззябъ, что при возвращеніи оттуда и ѣдучи мимо знаменитой Арбатской аптеки, восхотѣлось мнѣ заѣхать въ нее не для покупанія лекарствъ, которыхъ мнѣ никакихъ было не надобно, а только для того, чтобъ въ ней нѣсколько минутъ побыть и обогрѣться и насытить обоняніе свое пріятными въ ней запахами. И для того, остановясь предъ нею, побѣжалъ я въ нее, и дабы заѣзду своему дать какую-нибудь благовидную причину, то вздумалось мнѣ спросить, нѣтъ ли у нихъ горчичнаго масла, которымъ мнѣ-таки для всякихъ случаевъ запастись хотѣлось, ибо оно очень хорошо отъ сведенныхъ рукъ и ногъ для тренія. И какой же смѣшной анекдотъ случись тогда со мною, доказавшій мнѣ бездѣльничество господъ аптекарей.

Аптеку, или всю отгороженную перилами часть ея, нашелъ я набитою народомъ: множество лакеевъ, слугъ и другихъ всякаго рода людей стояли передъ провизоромъ съ принесенными рецептами и просили объ отпускѣ лекарствъ, и онъ едва успѣвалъ съ обоими товарищами своими отпускать имъ оныя. Провизоръ, увидѣвъ меня, тотчасъ учтивымъ образомъ спросилъ у меня, что мнѣ надобно? «Горчичнаго масла, сказалъ я ему по-русски, и есть ли оно у васъ?» — «Какъ не быть! подхватилъ онъ, но прошу покорно немножко погодить, чтобъ мнѣ отправить сего человѣка, давно уже дожидающагося; и не изволите ли войтить вотъ сюда, продолжалъ онъ, отворяя самъ дверцы къ себѣ за загородку, и здѣсь вамъ не такъ будетъ безпокойно и просторнѣе». — Очень хорошо! сказалъ я, и радъ былъ еще тому, что онъ самъ меня позадержалъ и далъ мнѣ болѣе времени обогрѣваться. Итакъ, вошедъ туда, и сталъ я грѣться противъ горящаго камина и смотрѣть, какъ онъ съ обыкновеннымъ проворствомъ своимъ и ловкостію приготовлялъ и отпускалъ лекарство и огребалъ съ разныхъ людей полною горстью денежки, и дивиться сей толь прибыльной торговлѣ. Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ и стоючи противъ камина грѣлся и на его расторопность смотря и всѣми, стоящими вокругъ меня въ шкапахъ, горшками, стклянками, крушками и вазами любовался, прошло уже нѣсколько минутъ, но провизоръ мой и не помышлялъ отыскивать требуемаго мною горчичнаго масла, а продолжалъ только свое дѣло, и тѣмъ паче, что я его и не понуждалъ къ тому. И тогда вдругъ пырь къ намъ изъ побочныхъ дверей самъ хозяинъ сей аптеки, въ богатомъ шлафрокѣ. Увидѣвъ меня, расхаживающаго по аптекѣ, спросилъ онъ грубо у провизора по-нѣмецки: «Это что за человѣкъ, и чего онъ хочетъ?» — «Богъ его знаетъ какой, отвѣчалъ онъ ему также по-нѣмецки, а требуетъ горчичнаго масла». — «Ну! да что-жъ ты ему не отпускаешь?» подхватилъ онъ. — «Да у насъ его нѣтъ», сказалъ провизоръ. — «Экой ты какой! возразилъ аптекарь: отпусти какого-нибудь и назови горчичнымъ!» — Захохоталъ я сіе услышавъ и обратясь къ аптекарю, и самъ по-нѣмецки сказалъ: «Извините! мнѣ какого-то нибудь не надобно, а нужно горчичное, господинъ аптекарь!» Сразилъ я его съ ногъ до головы сими словами. Онъ обомлѣлъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ и не зналъ, что мнѣ сказать на сіе, а я

между тѣмъ сталъ продолжать: «Я право не думалъ, чтобъ въ такой славной аптекѣ какъ сія, происходили такіе подлые, гнусные и глупые обманы? Когда чего нѣтъ, что за стыдъ въ томъ признаться и о томъ прямо сказать. Почему вы знаете, на что мнѣ горчичное масло надобно и не могли-ль бы вы произвесть вредъ, отпустивъ мнѣ, изъ единой алчности къ прибыткамъ, какого-нибудь вмѣсто его другого. Дурно, судырь, не хорошо, и никто не похвалитъ васъ за это!»

Съ безмолвнымъ терпѣніемъ и онѣмѣвши слушали они оба сіе мое казанье и кончили тѣмъ, что оба стали мнѣ напуниженнѣйшимъ образомъ кланяться, называть меня милостивымъ и премилостивымъ государемъ и Богъ знаетъ чѣмъ, и раболѣпнѣйшимъ образомъ просить, чтобъ я извинилъ и простилъ имъ сію проступку и буде можно помолчалъ бы объ оной. «Не заслуживаете вы того», сказалъ я захохотавъ, и съ презрѣніемъ пошелъ вонъ въ отворяемыя ими съ крайнею вѣжливостію мнѣ дверцы.

«Вотъ какія плутни и бездѣльничества происходятъ у насъ въ аптекахъ, сказалъ я самъ себѣ, сѣвши въ свои сани, въ которыхъ я тогда ѣздилъ, и хорошо, что я разумѣлъ нѣмецкой языкъ и не допустилъ себя обмануть. А съ иными, а особливо при составленіи смѣшанныхъ изъ разныхъ веществъ лекарствъ— и Богъ знаетъ, чего они небось не дѣлаютъ, и чѣмъ ихъ вмѣсто настоящихъ лекарствъ и матеріаловъ не напичкиваютъ, и мы хотимъ еще, чтобъ лекарствы ихъ были дѣйствительны». Симъ и подобнымъ сему образомъ проговорилъ я самъ съ собою во всю дорогу, ѣдучи тогда къ старику-князю обѣдать, и досада моя на сихъ бездѣльниковъ была такъ велика, что я, сидючи у князя тогда со многими за столомъ, заставилъ и его и всѣхъ смѣяться и хохотать, разсказавъ имъ сей случившійся анекдотъ со мною.

Отобѣдавши у князя, восхотѣлось мнѣ уже нѣсколько и отдохнуть съ безпрестанною ѣздою сопряженныхъ (?), и потому, возвратясь на квартиру, расположился въ тотъ день никуда болѣе не ѣхать, а остаться на весь вечеръ дома; а надобно было и лошадямъ сколько-нибудь отдохнуть. Итакъ, раздѣвшись и напившись съ трубочкою досыта своего чаю, принялся я опять за разбираніе и разсматриваніе новокупленныхъ книгъ. Тутъ попадись мнѣ опять на глаза помянутой новокупленной романъ «Генріета». И какъ мнѣ восхотѣлось пристальнѣе его поразсмотрѣть и сколько-нибудь почитаться, то ну-ка я его, бывшаго тогда еще въ тетрадяхъ, скорѣе складывать, сгибать, сшивать и разрѣзывать, и потомъ, усѣвшись подлѣ тепленькой печки, его читать. А не успѣлъ прочитать десятка два страницъ, какъ онъ особливостію своего заманчиваго и пріятнаго слога такъ мнѣ полюбился, что мнѣ не хотѣлось книги сей изъ рукъ выпустить, и я такъ имъ наконецъ прельстился, что въ тотъ же еще день восприялъ непремѣнное намѣреніе его перевесть, и перевесть точно въ такомъ духѣ, въ какомъ онъ писанъ и поговорить съ Новиковымъ не напечатаетъ ли онъ его.

Какъ мнѣ по надобностямъ въ послѣдующій день надлежало побывать опять въ Нѣмецкой слободѣ у молодого князя, то ѣздилъ я къ нему и отъ него опять въ ряды для нѣкоторыхъ покупокъ и занялся ими такъ, что тамъ даже и обѣдалъ опять въ Пѣвческой; а назябшись и уставъ, не поѣхалъ и въ сей день болѣе никуда, а уклонившись въ свою тепленькую и покойную квартиру, принялся за продолженіе чтенія моего романа; и какъ оной мнѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе нравился, то провелъ сей вечеръ и въ уединеніи своемъ въ превеликомъ удовольствіи.

Поелику надобности мои въ рядахъ не всѣ были кончены, то ѣдучи въ послѣдующее за симъ утро въ оные, заѣзжалъ я мимоѣздомъ опять къ Новикову и при семъ свиданіи имѣлъ съ нимъ разговоръ о моемъ лекарственномъ камнѣ, которой чрезъ упоминаніе мое объ немъ въ «Магазинѣ» надѣлалъ въ Москвѣ много шуму и побудилъ Новикова еще въ минув-

шее лѣто просить меня о присылкѣ къ нему порошка изъ него нѣсколько, которой я тогда къ нему и послалъ; и какъ онъ его кое-кому давалъ для испытанія отъ каменной болѣзни, то въ сей день, едва меня увидѣлъ, какъ принося мнѣ за него тысячу благодареній, сталъ мнѣ сказывать, что наканунѣ того дня видѣлъ онъ какого-то себѣ знакомаго человѣка, излечившагося имъ отъ каменной болѣзни, которою страдалъ онъ болѣе 30-ти лѣтъ, и которому всѣ врачи своими лекарствами не могли подать ни малѣйшей помощи, и что многіе и другіе порошкомъ симъ не нахвалятся. А все сіе и подало намъ поводъ говорить о семъ особливаго вниманія достойномъ камнѣ и побудило г. Новикова просить меня, не можно ли мнѣ натолочь и наготовить сего порошку поболѣе, и завертывая по одному пріему въ бумажку, прислать къ нему ихъ. «Я испытаю, говорилъ онъ, не удастся ли мнѣ полезную сію вещь ввести и въ продажу самую, чего она по всей справедливости и стóитъ».—Хорошо! сказалъ я, и обѣщалъ и сіе желаніе его, которымъ и самъ я интересовался, по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ выполнить. Въ сей день обѣдалъ я опять въ Пѣвческой, чтобъ воспользоваться множайшимъ временемъ для покупокъ и оттуда проѣхалъ домой, и опять все достальное время сего дня занимался чтеніемъ.

Наутріе началось у меня опять рысканье по всему городу и ѣзда дальная. Поутру былъ я въ Нѣмецкой слободѣ у молодого князя для нѣкоторыхъ ему донесеній. Отъ него проѣхалъ въ Сущово обѣдать къ племянницѣ своей, Надеждѣ Андреевнѣ, или паче къ хозяину ея, Петру Ѳедоровичу Полибину, у котораго она въ домѣ стояла. Оттуда проѣхалъ на Прѣсню и былъ у госпожи Глѣбовской, сестры госпожи Афросимовой, и будучи сею умною и почтенною дамою угощенъ, заѣзжалъ отъ ней къ старику-князю, но не заставъ его дома, проѣхалъ домой и докончилъ чтеніемъ романъ свой.

Въ послѣдующій день восхотѣлось мнѣ побывать въ межевой и повыправиться о томъ, чтó происходитъ по нашему межеванью въ Тамбовѣ. Тамъ видѣлся я со всѣми моими прежними знакомцами и узналъ отъ нихъ, что межеванье наше все еще продолжается и чтó происходитъ — они не знаютъ, а говорили мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ къ нимъ наутріе, такъ они, выправшись, мнѣ скажутъ. Итакъ, поговоривъ съ ними, поѣхалъ я опять къ Новикову, съ которымъ хотѣлось мнѣ поговорить о помянутомъ романѣ. Сему не успѣлъ я сказать, что на тѣхъ дняхъ случилось мнѣ у Ридигера купить между прочими книгами одинъ новенькой романъ, которой мнѣ особымъ и заманчивымъ своимъ слогомъ и пріятностію отмѣнно нравится и даже хочется его перевесть, но что я не знаю, согласился-ль бы онъ его напечатать; какъ, противъ всякаго чаянія, г. Новиковъ воскликнулъ: «Ахъ, для чего-жъ не напечатать, а особливо если онъ такъ хорошъ, какъ вы говорите. Сего рода сочиненія и книги еще несравненно скорѣе съ рукъ сходятъ, нежели степенныя. Итакъ, съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ, переводите его, и чѣмъ болѣе симъ дѣломъ поспѣшите, тѣмъ лучше; но великъ ли онъ?»— Не очень великъ, и состоитъ хотя въ трехъ частяхъ, но части небольшія и перевесть его недолго. — «О, пожалуйте, переводите, чѣмъ вы меня одолжите, и какъ скоро первую часть переведете, то и присылайте ко мнѣ скорѣе. Мы тотчасъ и начнемъ ее печатать». — Очень хорошо! сказалъ я, и былъ такъ симъ разохоченъ, что того-жъ часу поѣхалъ отъ него на квартиру и приступилъ къ началу сего перевода. И переводъ сей по особому слогу каковъ ни былъ затруднителенъ, но я скоро съ нимъ сладилъ, и дѣло мое и пошло съ такимъ успѣхомъ, что и до наступленія вечера, въ которой собирался я ѣхать опять сидѣть и ужинать къ старому князю, успѣлъ перевесть нѣсколько страницъ изъ онаго, и достопамятно, что случилось сіе 18-го генваря.

Какъ мнѣ наутріе надлежало побывать опять въ межевой канцеляріи, гдѣ и въ сей

разъ почти ничего не узналъ, то проѣхалъ я опять къ Новикову, чтобъ показать ему и романъ свой и начало перевода, дабы можно было съ нимъ о цѣнѣ за труды условиться. Онъ удивился, увидѣвъ мой переводъ, и воскликнулъ: «Какъ, вы уже и начало перевода сдѣлали? и успѣли ужъ столько перевесть?» и потомъ, прочитавъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, сказалъ: «Прекрасно, и нельзя быть лучше, и когда вы такъ скоро и хорошо переводите, то вамъ недолго и весь его перемахать?»—Конечно, сказалъ я, ежели-бъ только не помѣшали особые недосуги, то думаю, что немногихъ недѣль къ тому довольно будетъ. «Очень же хорошо, батюшка! постарайтесь же какъ можно». Послѣ сего въ тотъ же часъ и условились мы съ нимъ и о суммѣ, которую мнѣ за мой трудъ получить. И какъ она была съ величиною книги соразмѣрна, то и былъ я ею доволенъ. Послѣ чего сказалъ мнѣ г. Новиковъ, что онъ наканунѣ того дня видѣлся съ ихъ университетскимъ кураторомъ и начальникомъ, Михайломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ, славнымъ нашимъ стихотворцемъ, и что сей узнавъ обо мнѣ, что я въ Москвѣ, чрезвычайно восхотѣлъ меня узнать лично, и желая со мною познакомиться, просилъ его попросить меня, чтобъ я къ нему пріѣхалъ. Таковое приглашеніе и исканіе моего знакомства отъ такого именитаго человѣка было мнѣ не противно. И какъ г. Новиковъ, пересказавъ мнѣ о томъ, сталъ совѣтывать и даже просить и всячески убѣждать меня знакомства съ такимъ мужемъ не пренебрегать и къ нему, буде бы можно, въ тотъ же еще день передъ вечеромъ съѣздить, то я и не воспротивился тому и обѣщалъ сіе исполнить.

Поелику мнѣ въ этотъ день надобно было опять побывать въ нѣмецкой слободѣ у своего командира, то, переговоривъ съ Новиковымъ, и пустился туда. Но ѣзда моя въ сей разъ въ такую даль была попустому. Я не засталъ князя дома, и подосадовавъ, опять проѣхалъ обѣдать къ другу моему г. Владыкину, которой и тогда былъ мнѣ очень радъ и пенялъ мнѣ, что я къ нему такъ рѣдко ѣзжу; но я извинился недосугами и многими хлопотами. Отобѣдавши-же у него, пустился къ господину Хераскову.

Сего генерала засталъ я одного, едва проснувшагося отъ отдохновенія послѣ обѣда, и онъ принялъ меня не только безъ наималѣйшей гордости и спеси, но такъ снисходительно, съ такою ласкою и съ такимъ благопріятствомъ, что я даже удивился и былъ тѣмъ очень доволенъ. И какъ по счастію случились мы одни, то посадивъ меня подлѣ себя и началъ со мною наиласковѣйшимъ образомъ говорить. Онъ сказывалъ мнѣ, что я ему уже очень давно знакомъ по моимъ сочиненіямъ и что онъ желалъ узнать меня лично и познакомиться, и теперь очень тѣмъ доволенъ. Потомъ хвалилъ всѣ мои сочиненія, такъ что мнѣ было даже стыдно. Предлагалъ мнѣ свое дружество и просилъ даже вступить съ нимъ въ ученую переписку. Словомъ, онъ такъ меня заговорилъ, что я весь вечеръ сей, занимаясь съ нимъ разговорами о разныхъ матеріяхъ, препроводилъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ, и какъ онъ неотмѣнно хотѣлъ, чтобъ я у него и отужиналъ, то нимало и не воспротивился тому.

Симъ образомъ, нидумано-нигадано, снискалъ я новое и лестное для меня знакомство. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ слыхнулось, что принадлежалъ и сей вельможа къ масонскому ордену и по сей части былъ въ связи съ Новиковымъ, то хотя и обѣщалъ по требованію и желанію его продолжать съ нимъ знакомство, но положилъ и въ разсужденіи его принимать возможнѣйшую осторожность и пріѣзжать къ нему не слишкомъ часто.

Итакъ, въ слѣдующее за симъ утро надлежало мнѣ опять ѣхать въ Нѣмецкую слободу къ князю. Тутъ, переговоривъ съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, получилъ я приказаніе пріѣхать къ нему и наутріе. Таковая частая и въ такую даль ѣзда мнѣ уже и понаскучила; но какъ дѣлать было нечего, и я долженъ былъ исполнять его повелѣнія, то отобѣдавъ

въ сей день у старика Афросимова и вечеръ препроводивъ дома въ чтеніи и переводѣ, въ слѣдующее утро и поѣхалъ опять къ молодому князю, которой въ сей день наслу-насилу такъ ко мнѣ удобрился, что унялъ меня у себя въ первой еще разъ обѣдать, а потомъ такъ разчливился, что спросивъ, не хочу-ли я быть въ концертѣ, даваемомъ въ тотъ день славными виртуозами, подарилъ меня билетомъ на оной; почему и былъ я въ сей день въ концертѣ, которымъ хотя и веселился не менѣе прочихъ, но подивился и не зналъ, за что платятъ ѣздящіе столь многія за него деньги.

Получивъ и о семъ родѣ увеселенія понятіе, посвятилъ я весь послѣдующій день опять на покупку въ нашъ богородицкой дворецъ, на Каменномъ мосту, мебелей и на исправленіе протчихъ казенныхъ покупокъ въ городѣ, и занялся ими такъ, что даже и обѣдалъ въ городѣ, и бѣгая по рядамъ такъ иззябъ, что пустился оттуда прямо домой и не хотѣлъ-было въ тотъ день никуда уже ѣхать; но какъ приближалось уже время моего съ Москвы отъѣзда и я съ часу-на-часъ поджидалъ лошадей, долженствующихъ пріѣхать ко мнѣ изъ Богородицка для своза мебелей и покупокъ, то хотѣлось мнѣ побывать въ послѣдній разъ у старика-князя и съ нимъ распрощаться. Итакъ, я къ нему вечеркомъ ѣздилъ, у него ужиналъ и съ нимъ раскланялся.

Совсѣмъ тѣмъ, я такъ въ сей день въ городѣ и рыская по рядамъ назябся, что чуть-было не занемогъ отъ простуды, и почувствовавъ признаки оной ну-ка себя скорѣй лечить своимъ неоцѣненнымъ простуднымъ, бывшимъ со мною декоктомъ, и все послѣдующее утро провелъ дома, и декоктъ мой такъ мнѣ помогъ, что я могъ и въ сей день побывать у племянницы своей и завернуть на минутку и къ Новикову, которой и уговорилъ меня дать ему слово въ слѣдующій за симъ воскресной день ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ г. Хераскову обѣдать.

Итакъ, наутріе былъ я опять у сего вельможи, и будучи по прежнему очень имъ обласканъ, обѣдалъ у него со множествомъ другихъ особъ обоего пола, а послѣ обѣда, раскланявшись съ нимъ, проѣхалъ по данному обѣщанію къ моей Надеждѣ Андреевнѣ и съ нею ѣздилъ я опять въ театръ и провелъ сей вечеръ съ удовольствіемъ.

Наконецъ пріѣхали ко мнѣ въ сей вечеръ изъ Богородицка и подводы и лошади, и какъ мнѣ не хотѣлось ихъ держать, то положилъ я весь слѣдующій день употребить на окончаніе всѣхъ моихъ дѣлъ и на послѣдніе разъѣзды. Итакъ, пустившись съ самаго утра, поѣхалъ я сперва откланиваться къ князю, своему командиру, отпустившему какъ казалось съ довольною ко мнѣ благосклонностію. Отъ него заѣхалъ къ Новикову, и отобѣдавъ въ послѣдній разъ у него; распрощался и съ нимъ; а отъ него полетѣлъ въ каретной рядъ и купилъ себѣ давно уже пріисканную и сторгованную карету, и проѣхавъ оттуда къ Надеждѣ Андреевнѣ, распрощался и съ сею милою и любезною своею родственницею, и тѣмъ все мое тогдашнее пребываніе въ Москвѣ кончилъ; ибо въ слѣдующее засимъ 26-е число генваря ранымъ-ранехонько изъ сей столицы въ обратной путь и выѣхалъ.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, о тогдашнемъ моемъ двадцатитрехдневномъ въ старушкѣ-Москвѣ жительствѣ цѣлая исторія или паче журналъ, извлеченной изъ тогдашнихъ записокъ. А теперь дозвольте мнѣ письмо сіе симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 16-го дня 1809 года).

Письмо 205-е.

Любезный пріятель! Отправившись помянутымъ образомъ поутру 26-го генваря изъ Москвы, въ Богородицкъ возвратился я не прежде, какъ уже 29-го числа передъ вечеромъ, и продолжилось путешествіе сіе потому, что я опять заѣзжалъ на часокъ въ свое Дворяниново; а оттуда, сочтя своего прикащика, завернулъ на часъ въ Калединку, а изъ сей ранехонько полетѣлъ въ Тулу, гдѣ ото-

бѣдавъ у хозяина своего, Пастухова, ѣздилъ повидаться съ живущимъ тогда уже въ Тулѣ другомъ моимъ, Алексѣемъ Андреяновичемъ Албычевымъ, обрадовавшимся мнѣ какъ родному; а отъ него проѣхалъ и весь вечеръ просидѣлъ у пріятеля моего, тульскаго архитектора Козьмы Семеновича Сокольникова, котораго любопытнаго, искуснаго и ко мнѣ крайне благопріятствующаго человѣка я очень любилъ, и болѣе за тихой его и доброй характеръ, и пользуясь его ко мнѣ дружбою и ласкою, возложилъ на него коммиссію пріискать купца для продажи Новиковскихъ книгъ и основанія въ Тулѣ книжной продажи; что онъ съ охотою и взялъ па себя и обѣщалъ поговорить о томъ съ знакомымъ себѣ купцомъ Невревымъ, и о томъ меня увѣдомить.

Въ Богородицкѣ нашелъ я всѣхъ своихъ родныхъ и домашнихъ здоровыми и обрадовавшихся весьма моему пріѣзду; и успѣлъ еще въ тотъ же вечеръ повидаться и угостить у себя пріѣзжавшаго къ намъ нашего городничаго съ г. Толбузинымъ, Иваномъ Васильевичемъ, случившимся въ тотъ день въ городѣ, и они замучили меня спросами и разспросами о Москвѣ, и я принужденъ былъ имъ обо всемъ и обо всемъ разсказывать.

А наутріе едва успѣлъ я разобраться и заставить толочь свой врачебной камень, какъ прикатилъ ко мнѣ и новой нашъ уѣздной судья Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ, и пошли у насъ съ нимъ поздравленія, съ его стороны съ благополучнымъ возвращеніемъ, а съ моей—съ новымъ его достоинствомъ; а въ то же время возвратилась къ намъ и бывшая около сего времени въ отлучкѣ матушка моя теща, и съ сего времени начались у насъ опять по прежнему съѣзды и вечеринки и на оныхъ разныя игры и забавы.

Сими сколько я ни былъ занятъ и сколько ни отнимали у меня времени пріѣзжавшіе къ намъ всякой день разные гости, но какъ вскорости надлежало мнѣ отправлять въ Москву нарочныхъ, то спѣшилъ я исправленіемъ первыхъ возложенныхъ на меня г. Новиковымъ коммиссій, а особливо переводомъ своей «Генріеты». И въ свободные утренніе уединенные часы надъ переводомъ сего прекраснаго романа съ такимъ усердіемъ трудился, что ко 2-му числу февраля успѣлъ уже всю первую часть сей книги кончить и ее уже 3-го числа къ г. Новикову для печатанія и отправить. Вмѣстѣ съ нею послалъ я къ нему цѣлую кипу заготовленнаго для журнала нашего матеріала, цѣлой ящикъ съ порошкомъ моего врачебнаго камня, котораго укладываніе стоило мнѣ многаго труда, и я цѣлой день занимался въ отвѣшиваніи пріемовъ, завертываніи каждаго въ особую бумажку и въ связываніи сихъ по десятку вмѣстѣ для удобнѣйшаго продаванія. Но всѣ сіи труды были напрасны. Какіе по сему отношенію ни строилъ я въ мысляхъ прелестные воздушные замки, но они разрушились всѣ и исчезли какъ дымъ; ибо господину Новикову какъ-то не удалось достигнуть до желаемаго имъ возстановленія онымъ торговли, и они остались у него безъ доставленія ни ему, ни мнѣ никакой пользы, а развѣ воспользовались ими тѣ только больные, которымъ раздавалъ онъ ихъ даромъ.

Не успѣлъ я сію коммиссію свалить съ плечъ своихъ долой и заняться потомъ переводомъ второй части своего романа, какъ вскорѣ за симъ наступило то критическое время, которое называлъ я всегда душевною для себя каторгою, а именно, приближеніе разрѣшенія бременемъ жены моей. Не могу изобразить, какъ дни, часы и минуты сіи бывали для меня всегда мучительны. Но въ сей разъ были они для меня несравненно тяжелѣе прежнихъ. Родамъ случилось быть труднымъ и жена моя не только мучилась ими долго, но подвержена была и опасности крайней. А къ вящему смущенію, мѣшали намъ все пріѣзжающіе издалека къ намъ, какъ нарочно, на ту пору гости и были, по пословицѣ говоря, пуще татаръ намъ. Но какъ бы то ни было, но мы, препроводивъ болѣе сутокъ въ несносномъ почти

смущеніи и душевной тревогѣ, обрадованы были наконецъ ввечеру 8-го числа февраля разрѣшеніемъ бремени ея дочерью, которая хотя была у меня тогда уже пятая, но я нимало о томъ, по обыкновенію своему, не горевалъ, но столько-жъ обрадованъ былъ ею какъ бы рожденіемъ и сына. Малютку сію назвали мы Варварою и на четвертой день послѣ того окрестили.

Какъ родить женѣ моей случилось уже въ понедѣльникъ на масляницѣ, то по случаю и родинъ сихъ и самой масляницы провели мы всю сію недѣлю съ людьми и въ безпрестанныхъ угощеніяхъ пріѣзжающихъ къ намъ гостей, а потомъ въ разъѣздахъ по всему городу для обыкновеннаго прощанья, и время сіе провели весело.

Съ наступленіемъ великаго поста начали мы по обыкновенію говѣть и молиться, а я въ праздные часы продолжать переводить свою книгу, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностію, что къ 23-му числу сего мѣсяца успѣлъ ее и всю кончить и 25-го числа отправить къ Новикову и послѣднюю уже часть оной; и примѣчанія достойно, что я надъ переводомъ сей книги, несмотря на всю ея величину и на всѣ бывшіе отрывки и помѣшательства, трудился не болѣе 30-ти дней, слѣдовательно меньше мѣсяца.

Впрочемъ, въ теченіе сего великаго поста не произошло у насъ ничего важнаго. Мы провели оной въ мирѣ и тишинѣ и въ продолжаемыхъ кое-когда, а особливо по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ съѣздахъ, свиданіяхъ и другъ друга угощеніяхъ. Въ началѣ только марта повстревожились мы-было тѣмъ, что сынъ мой Павелъ занемогъ, но по счастію болѣзнь его продлилась не долго, и онъ при помощи друга моего, нашего лекаря, скоро отъ ней освободился и обрадовалъ насъ опять своимъ выздоровленіемъ.

Что касается до моихъ, въ теченіе сего времени, литературныхъ упражненій, то оныя состояли на большую часть въ заготовленіи матеріала для моего журнала, котораго до наступленія весны хотѣлось мнѣ позаготовить колико можно болѣе, дабы тѣмъ меньше могъ бы я симъ необходимымъ дѣломъ быть связанъ при наступленіи приближающейся весны. Кромѣ того, трудился я надъ сформированіемъ того моего сочиненія, которое впослѣдствіи времени напечатано подъ заглавіемъ «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли», и о коемъ говорилъ я въ бытность мою въ Москвѣ съ г. Новиковымъ. Первыя разсужденія, въ ней находящіяся, сочинены были у меня уже давно и еще во время жительства моего въ деревнѣ, а въ сіе время умножилъ я оныя до 14-ти, дабы ихъ стало на всѣ дни въ недѣлѣ, и успѣлъ даже переписать ихъ набѣло. А какъ и за всѣмъ тѣмъ оставалось еще нѣсколько свободнаго времени, то переписавъ одну, еще въ бытность мою въ Кёнигсбергѣ переведенную нѣмецкую проповѣдь изъ сочиненій славнаго нѣмецкаго проповѣдника Іерузалема, «О безуміи идущихъ противъ Бога и невѣрующихъ его Провидѣнію», отправилъ ее къ г. Новикову для напечатанія, гдѣ онъ помѣститъ ее заблагоразсудитъ; при которомъ случаѣ увѣдомлялъ его, что охотникъ для продажи книгъ его въ Тулѣ пріисканъ, и чтобъ онъ присылалъ ихъ ко мнѣ.

Далѣе памятно мнѣ, что въ Лазареву субботу случилось мнѣ опять и въ третій разъ въ жизни моей видѣть въ самой близи тотъ воздушной огненной метеоръ, которой простой народъ обыкновенно называетъ «огненными змѣями». И другой, будучи бы на моемъ мѣстѣ, былъ имъ чрезвычайно перепуганъ и почелъ бы его невѣдомо чѣмъ; но я, зная, что это ничего не значитъ, вмѣсто страха зрѣлищемъ симъ весьма любовался, и оно было того и достойно. Перелеталъ изъ одного мѣста въ другое города, только не болѣе какъ саженъ на пять отъ земли, большой огненной, красноватой шаръ, на подобіе нѣкакой горящей бомбы, и можно было ясно разсмотрѣть, что воспалились и сгорали тогда лежащія протяженною полосою по воздуху сгораемыя вещества такъ, какъ сгораетъ воспаленной и на-

сыпанной гдѣ-нибудь полоскою порохъ; и какъ скоро всѣ онѣ сгорѣли, такъ и уничтожилось все зрѣлище, которое мы вдали такъ часто видимъ въ образѣ падающихъ звѣздъ.

День Пасхи былъ у насъ въ сей годъ 7-го апрѣля, во время самой большой ростопели и половоди. И какъ всѣ наши судьи на сіи праздничные дни разъѣхались по своимъ деревнямъ, то и Святая недѣля была для насъ скучновата, и мы принуждены были время свое дѣлить съ однимъ только нашимъ городничимъ. Но что касается до меня, то я и сіе время, занимаясь литературными своими упражненіями, проводилъ безъ дальней скуки. Я привезъ съ собою изъ Москвы множество вновь накупленныхъ книгъ, которыми, вмѣстѣ съ прежними, установилъ почти всѣ стѣны комнаты, служащей преддверіемъ моего кабинета, и было столь много къ читанію, что нужно было только успѣвать читать оныя.

Съ открытіемъ весны начались натурально опять и мои надворныя занятія, и я большую часть времени принужденъ былъ посвящать разнымъ работамъ и дѣламъ въ садахъ и разъѣздахъ кое-куда по волостнымъ надобностямъ, а по возстановившемуся лѣтнему пути, и по отсутственнымъ друзьямъ моимъ. Къ г. Новикову отправилъ я 22-го апрѣля цѣлую кипу своихъ экономическихъ сочиненій, въ томъ числѣ и самые тѣ чертежи, которые помѣщены въ концѣ 7-й части моего «Экономическаго Магазина». А 2-го мая послалъ къ нему и помянутыя набожныя свои размышленія или чувствованія христіанина для печатанія, которыя ему такъ полюбились, что онъ ихъ тогда же набирать заставилъ.

8-го числа мая ѣздили мы опять въ Епифань на ярманку и объѣздили всѣхъ тамошнихъ своихъ знакомцевъ и пріятелей. А въ половинѣ сего мѣсяца огорчены мы были опять болѣзнью, постигшею моего сына, которая была хотя не тяжкая и не опасная, но продлилась почти до самого конца сего мѣсяца. Я около сего времени занимался паки новою затѣею и сочинялъ книгу, содержащую въ себѣ разговоры со многими дѣтьми о разныхъ матеріяхъ, и которую назвалъ-было я «Сельскою Академіею», но изъ которой ничего не вышло, хотя и написано уже было разговоровъ шесть и нарочито много, и она осталась и понынѣ неоконченною.

Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и не видалъ почти я, какъ протекъ весь апрѣль и май мѣсяцъ, въ которые, по возвращеніи судей нашихъ въ городъ къ своимъ должностямъ, хотя по прежнему продолжались у насъ съѣзды и свиданія между собою и жизнь вели мы хотя довольно пріятную, но она какъ-то далеко не такъ весела была, какъ въ первое трехлѣтіе, а особливо въ протекшій предъ симъ годъ. Впрочемъ, достопамятно, что въ концѣ мая мѣсяца сего года начались издалека уже первыя сватовствы за мою старшую дочь; но мы, по молодости ея, никакъ не намѣрены были такъ скоро отдавать ее въ замужство.

Мѣсяцъ іюнь прошелъ также непримѣтно, и памятенъ мнѣ только тѣмъ, что въ первой день онаго прислалъ ко мнѣ Новиковъ первую партію книгъ, цѣною на 1,000 рублей, для продажи, и я старался сколько могъ услужить ему въ этомъ пунктѣ и оставилъ у себя по нѣскольку экземпляровъ, прочія отправилъ въ Тулу. Но оныхъ хотя и распродано, какъ въ Тулѣ, такъ и мною въ Богородицкѣ, но по недостатку любопытныхъ не было дальняго въ семъ дѣлѣ успѣха, а воспользовались только мы даровымъ читаніемъ всѣхъ оныхъ.

Въ половинѣ сего мѣсяца перетревожены мы были въ одинъ вечеръ случившимся опять у насъ немалымъ пожаромъ, которому причиною были собственно собаки нашего уѣзднаго судьи, г. Арсеньева, страстнаго любителя псовой охоты. Люди его варили на квартирѣ въ слободѣ ѣду для оныхъ и какимъ-то образомъ по неосторожности заронили и чрезъ то спалили цѣлую поповскую слободу. Мы всѣ на смерть были симъ пожаромъ перестращены и болѣе потому,

что оной былъ въ близости и отъ моего дома и отъ дворца самаго. Но по счастію случилось быть тихой погодѣ и мы успѣли недопустить распространиться слишкомъ сему бѣдствію.

Петровъ день праздновали мы въ Бобрикахъ на имянинахъ у подкомандующаго моего, г. Верещагина, у котораго было въ сіе время превеликое собраніе и мы тамъ болѣе двухъ дней проводили и довольно весело. Но ярманка у насъ въ Богородицкѣ была въ сей годъ, по причинѣ случившейся дождливой погоды, очень малолюдна и худа, такъ что она отяготила только насъ съ городничимъ хлопотами, а удовольствія доставила намъ очень мало.

Впрочемъ, достопамятно, что около самаго сего времени возобновилась у насъ опять охота къ театру, отдыхавшему болѣе полугода. Перемѣна судей и стеченіе разныхъ другихъ обстоятельствъ причиною тому было, что мы во всю весну за него какъ-то не принимались. Но присылка ко мнѣ отъ Новикова помянутыхъ продажныхъ книгъ, между которыми много было и драматическихъ, и найденіе въ числѣ сихъ послѣднихъ нѣсколько маленькихъ и удобныхъ для представленія на театрѣ нашемъ комедій, воспалили вдругъ въ дѣтяхъ нашихъ превеликое желаніе заниматься опять театромъ; и какъ не противно сіе было и мнѣ; и всѣмъ прочимъ нашимъ товарищамъ, то ну-ка мы отбирать всѣ тѣ пьесы, которыя къ представленію болѣе прочихъ были удобны; ну-ка росписывать роли, назначать кому изъ нихъ въ какой дѣйствовать, и раздавать роли для твérженія. И дѣти, привыкнувшіе уже въ прошломъ году къ тому, принялись за сіе съ такимъ рвеніемъ, что къ случившемуся 11-го іюля воскресному дню и поспѣла у насъ одна подъ названіемъ «Отгадай, не скажу» къ представленію, и они ее намъ въ сей день съ вожделѣннымъ успѣхомъ и представили и насъ ею такъ насмѣшили и утѣшили, что уѣздной нашъ судья, въ благодарность за то въ тотъ же вечеръ далъ намъ и дѣтямъ у себя балъ, сопряженной съ танцами, а 16-го числа представляли они ее для пріѣзжавшихъ къ намъ Верещагиныхъ и госпожи Позняковой и въ другой разъ.

Комедія сія не только дѣтей, но и самого меня такъ опять разохотила къ театральнымъ дѣламъ, что между тѣмъ какъ дѣти твердили другую комедію подъ названіемъ «Приданое обманомъ», вздумалъ я испытать сочинить и самъ еще одну, подобную прежней, драму и также сообразную съ возрастомъ дѣтей нашихъ и самою нашею лѣсною декораціею; и трудился надъ тѣмъ съ такимъ усердіемъ, что она у меня къ концу сего мѣсяца и поспѣла и вышла несравненно еще лучше и трогательнѣе, нежели прежняя. Я изобразилъ въ ней въ главномъ лицѣ характеръ наиблагодѣтельнѣйшаго человѣка, котораго намѣренъ былъ самъ представлять, и назвалъ-было сперва пьесу сію «Проѣзжимъ», а потомъ, перемѣнивъ, придалъ ей названіе «Награжденная добродѣтель», и которую безъ слезъ, производимыхъ удовольствіемъ, читать было не можно.

Между тѣмъ, какъ я сочиненіемъ симъ занимался, поспѣла у дѣтей и помянутая другая комедія, которая, по нетерпѣливости ихъ, была ими 26-го числа сего мѣсяца вмѣстѣ съ прежнимъ «Подражателемъ» и представлена, хотя тогда и не случилось у насъ никого изъ постороннихъ. Итакъ, у насъ вся послѣдняя половина сего мѣсяца была театральною.

Но не однимъ симъ сей періодъ времени былъ достопамятенъ, но и тѣмъ, что 21-го числа былъ у насъ въ городѣ опять губернаторъ, а 28-го числа и самъ намѣстникъ. Сей заѣзжалъ къ намъ мимоѣздомъ, желая посмотрѣть вновь расположенной, строющійся и довольно уже застроенной тогда городъ. Я предлагалъ-было ему для квартированія нашъ дворецъ; однако онъ что-то не захотѣлъ у насъ стать, а присталъ въ городѣ въ одномъ купеческомъ домѣ, гдѣ мы его и встрѣтили. Со мною обошелся онъ и при семъ случаѣ благопріятно, и какъ я его зазвалъ хотя на минуту въ нашъ дво-

рецъ, чтобъ ему удобнѣе можно было видѣть все расположеніе города, то удовлетворилъ онъ мою просьбу, и будучи очень доволенъ моею выдумкою, чтобъ средоточіемъ всѣмъ главнымъ городскимъ улицамъ назначить сіе мѣсто, расхвалилъ меня за оную; а потомъ на минуту заѣзжалъ и ко мнѣ, и выпросилъ еще одну какую-нибудь русскую книгу для читанія дорогою, каковою я его и снабдилъ, хотя послѣ и сожалѣлъ очень о томъ, поелику она мнѣ и не была уже послѣ возвращена.

Далѣе памятно мнѣ, что около сего же времени имѣлъ я множество трудовъ и хлопотъ съ нашимъ большимъ прудомъ противъ дворца по случаю портившагося его спуска. Надобно было оной поправлять, укрѣплять и прудъ снабжать для вспомоществованія спуску побочнымъ отводомъ, чѣмъ принужденъ я былъ многіе дни заниматься.

Еще достопамятно, что я около сего времени имѣлъ многую переписку по случаю издаванія моего журнала съ однимъ бѣлевскимъ корреспондентомъ, престарѣлымъ княземъ Щербатовымъ, Иваномъ Петровичемъ. Будучи любопытнымъ и затѣйливымъ человѣкомъ и опытнымъ экономомъ, полюбилъ онъ меня какъ то отмѣнно за мои сочиненія и присылалъ ко мнѣ всѣхъ прочихъ болѣе и даже цѣлыя тетради, наполненныя своими записками и примѣчаніями, чѣмъ я былъ съ одной стороны весьма доволенъ, столько съ другой охалъ даже отъ того, что надлежало мнѣ всѣ его писанія переводить съ русскаго на русскій, ибо писаны были они такимъ нескладнымъ слогомъ, что мнѣ стоило болѣе труда ихъ преображать, нежели переводить съ какого-нибудь иностраннаго языка.

Къ началу августа поспѣла у дѣтей еще одна маленькая комедія, называемая «Батвинья», которую они вмѣстѣ съ «Подражателемъ» 2-го числа и представляли и болѣе для удовольствія тетки Матрены Васильевны, заѣзжавшей къ намъ около сего времени. Послѣ чего ѣздили мы опять въ крапивинскую сторону и были у Стрекалова и у всѣхъ тамошнихъ нашихъ друзей. А возвратясь оттуда, ѣздилъ я опять подъ Данковъ въ гости къ нашему губернатору. Будучи у насъ, взялъ онъ съ меня клятву, чтобъ пріѣхать къ нему къ 9-му числу августа, въ которой день былъ онъ имянинникомъ: и я, не могши отъ того отговориться, принужденъ былъ опять къ нему 7-го числа отправиться, и былъ имъ всячески угощенъ, и опять вирахъ ходьбою по садамъ, по мельницамъ и по всѣмъ мѣстамъ замученъ, и не прежде какъ 10-го числа возвратился въ Богородицкъ.

Тутъ нашелъ я полученныя безъ себя изъ Москвы письмы съ пріятнымъ для меня увѣдомленіемъ, что книга моя «Чувствованія христіанина» печатается, а проповѣдь уже и напечатана. Сіе побудило меня затѣять-было еще сформировать одну книгу изъ разныхъ писемъ и мелкихъ правоучительныхъ сочиненій. Но едва только началъ сею новою работою заниматься, какъ вдругъ встревоженъ былъ полученнымъ извѣстіемъ, что князь, мой командиръ, пріѣхалъ уже въ свое Сергіевское вмѣстѣ съ своею молодою женою, на которой онъ не задолго до того женился.

Сіе побудило меня тотчасъ послать за Верещагинымъ, дабы вмѣстѣ съ нимъ къ князю туда съѣздить, ибо хотя намъ и не было сіе предписано, но мы разсудили за благо оказать ему сію вѣжливость и по долгу своему отрапортовать ему о благосостояніи нашихъ волостей.

Мы отправились туда на Фроловъ день, и ѣзда сія сдѣлалась въ особливости достопамятна мнѣ тѣмъ, что князь принялъ меня тамъ опять не только весьма сухо, но и съ несносною спѣсью и неуваженіемъ. Мы нашли тамъ господина Стрекалова и Темешова, вертящагося предъ нимъ какъ бѣса, и дающаго шутить князю надъ собою, какъ надъ дурачкомъ нѣкакимъ, и многихъ другихъ вѣтрогоновъ, льстецовъ и прихлебателей, старающихся подбиться къ нему въ любовь и милость по таковой же склонности ко псовой охотѣ, какою зараженъ былъ онъ

самъ даже до безумія, и мы нашли тутъ цѣлую толпу оныхъ. Ибо не успѣли они узнать, что сей бояричъ собирался тогда къ намъ въ волости ѣхать тѣшиться псовою охотою, какъ со всѣхъ сторонъ и повалили къ нему толпами и слетались какъ комари и мухи. И какъ онъ всѣхъ ихъ ласкалъ и всякой негодяй мнилъ имѣть право, по правиламъ охотничьимъ, обходиться съ нимъ просто, вольно и за панибрата, то и составилась изъ того изрядная компанія, занимающаяся съ нимъ въ самое то время, какъ мы вошли, велемудрыми своими о собакахъ разговорами.

Одинъ только я замѣшался тогда между ими не только не охотникъ, но и ненавидящій проклятую страсть сію всею душею и сердцемъ и презирающій оную. Въ разсужденіи князя я хотя и напередъ уже ожидалъ, что приметъ онъ меня при сей многочисленной толпѣ не очень пріятно, ибо зналъ его характеръ, что онъ при людяхъ наиболѣе и старался всѣмъ оказывать свою власть и могущество, и свое высокомѣріе; однако никакъ не ожидалъ того, что воспослѣдовало дѣйствительно. Онъ не только принялъ меня очень холодно и безъ малѣйшаго уваженія и не хотѣлъ даже внимать донесеніямъ моимъ, и вмѣсто всѣхъ распрашиваній о волостяхъ, ни съ другого слова спрашивалъ меня, есть ли зайцы и много ли ихъ? Я удивился таковой встрѣчи и толь чудному, вмѣсто дѣла, вопрошанію, и отвѣчалъ ему, что зайцы есть—въ томъ не сомнѣваюсь; а много ли ихъ, о томъ, будучи не охотникомъ, сказать въ точности не могу.—«Да у тебя, сказываютъ, они всѣ вытравлены!» подхватилъ онъ.—Не думаю, сказалъ я, этому быть не можно. Никто по волостямъ не ѣздилъ и никого не впускали.—«Да то-то, правда ли это? ты, небось, пишешь все стишки, а того не вѣдаешь, что ѣздятъ. А я именно приказывалъ тебѣ, чтобъ никого не впускали».—Никто и не ѣздилъ; а по крайней мѣрѣ отъ меня накрѣпко приказано было никого не впускать.—«То-то, судырь, приказано! Да приказанія исполняются ли? Изволь-ка ѣхать назадъ и разошли унтеръ-офицеровъ, капраловъ и солдатъ по всѣмъ деревнямъ, чтобъ берегли къ пріѣзду моему зайцевъ и никому не давали ихъ травить!»—Хорошо! сказалъ я, и закусивъ себѣ губы отъ досады и негодованія на таковой пріемъ, пошелъ вонъ, внутренно смѣючись всему происходившему и такому ревностному и премудрому повелѣнію.

Не успѣлъ я выттить въ намѣреніи велѣть подавать опять лошадей, чтобъ ѣхать куда-нибудь къ мужику ночевать, какъ, видно усовѣстясь, что онъ поступилъ со мною такъ грубо или, можетъ быть, по совѣту господина Стрекалова, выслалъ князь тотчасъ человѣка и велѣлъ меня опять позвать къ себѣ. «Да куда же ты? сказалъ онъ мнѣ при входѣ и снисходительнѣе уже противъ прежняго. Неужели теперь хочешь ѣхать? видишь уже вечеръ! Ночуй, судырь, здѣсь и погости у насъ! Еще успѣешь приказать. Я не прежде къ вамъ буду, какъ развѣ чрезъ мѣсяцъ».—Хорошо! сказалъ я, и остался, и не только тутъ ночевалъ, но и весь послѣдующій день по приказанію его пробылъ. И въ сіе время обходился онъ со мною гораздо уже благосклоннѣе, а особливо потому, что господинъ Стрекаловъ меня очень уважалъ и обходился со мною, какъ доброй пріятель; распрашивалъ меня кое-о-чемъ о волостяхъ, рекомендовалъ своей молодой княгинѣ и наконецъ отпустилъ, подтвердивъ опять приказаніе свое о зайцахъ, и сказавъ, чтобъ я опять передъ тѣмъ временемъ, какъ ему къ намъ ѣхать, побывалъ у него.

Ѣдучи съ господиномъ Верещагинымъ назадъ, не могли мы довольно всему происходившему и поступкамъ князя надивиться, и говорили, уже нѣтъ ли отъ кого какихъ на насъ намутокъ и клеветы? и г. Верещагинъ, будучи въ такихъ случаяхъ прозорливѣе меня, подозрѣвалъ болѣе всѣхъ въ томъ Темешова; но мнѣ не хотѣлось тому никакъ вѣрить, ибо я считалъ сего, издавна мнѣ знакомаго человѣка, по его всегдашнему и ласковому

обращенію со мною, хорошимъ себѣ пріятелемъ. Впрочемъ, всего досаднѣе мнѣ было то, что князь опять попрекалъ меня писаніемъ стишковъ. «Что это за стишки ему попались? думалъ я, и не происходитъ ли и сія нелѣпица отчего-нибудь намъ неизвѣстнаго?»

Но какъ бы то ни было, но я, возвратясь въ Богородицкъ, принужденъ былъ разослать дѣйствительно всѣхъ своихъ солдатъ и капраловъ во всѣ мѣста по деревнямъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ о береженіи зайцевъ и невпусканіи никого въ волостныхъ дачахъ ѣздить съ собаками. И всѣ удивлялись и не понимали, почему была такая строгость, ибо всѣмъ извѣстно было, что и безъ того никто дѣйствительно не ѣздилъ, и крестьяне, которымъ давно было приказано, никого не впускали.

Учинивъ сіи распоряженія, радовался я по крайней мѣрѣ, что мы будемъ имѣть цѣлой мѣсяцъ еще спокойствіе прежнее, и принялся-было съ спокойнымъ духомъ за прежнія свои упражненія. Но не успѣло трехъ дней пройтить, какъ получилъ я отъ поѣхавшаго къ Стрекалову г. Верещагина письмо, повергнувшее меня въ новое изумленіе. Онъ увѣдомлялъ меня, что князю угодно, чтобъ во время будущаго его у насъ пребыванія были бы у насъ наши театральныя представленія, и чтобъ я предварительно сдѣлалъ къ тому нужныя приуготовленія. Таковое неожидаемое совсѣмъ извѣстіе и изумило, и удивило меня. Не понималъ я, по какому случаю вздумалось князю сего отъ меня требовать, и почему онъ узналъ о нашемъ театрѣ, которымъ утѣшать его всего менѣе у меня на умѣ было; ибо послѣднимъ своимъ поступкомъ такъ онъ меня и смутилъ, и огорчилъ, что я помышлялъ уже театръ свой и расковеркать совсѣмъ, дабы князь и не узналъ объ немъ и я не могъ бы и за него нажить отъ него себѣ какихъ попрековъ. И потому долго не соглашался я самъ съ собою въ мысляхъ, исполнить ли сіе княжое требованіе или дѣло сіе подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ отклонить отъ себя. Наконецъ, совѣты друзей и знакомцевъ моихъ, утверждающихъ, что князь вѣрно хочетъ симъ позабавить молодую свою жену, и мысли, чтобъ неудовлетвореніемъ его въ семъ случаѣ желанія не навлечь на себя еще болѣе его гнѣва и неудовольствія, убѣдили меня приступить къ исполненію сего.

Итакъ, созвавъ дѣтей, просилъ я ихъ, чтобъ протвердили они вновь всѣ наши прежнія пьесы, равно какъ доучивали скорѣе вновь твердимую ими комедію «Рогоносецъ въ воображеніи». А и самъ положилъ прибавить къ театру своему нѣкоторыя новыя украшенія для умноженія разнообразности нашихъ декорацій, дабы онѣ монотоніею своею не могли скоро будущимъ гостямъ нашимъ прискучить, а въ каждой бы разъ была въ декораціяхъ какая-нибудь перемѣна. Совсѣмъ тѣмъ, чтобъ самому мнѣ брать въ представленіяхъ соучастіе, о томъ никакъ не хотѣлъ и мыслить.

Впрочемъ, достопамятно, что я въ самой тотъ же день имѣлъ пріятное удовольствіе видѣть прежде упоминаемую мною проповѣдь господина Іерузалема напечатанною. Г. Новиковъ помѣстилъ ее въ издаваемомъ тогда въ Москвѣ ежемѣсячномъ изданіи, и хотя по самому сему случаю я за переводъ свой и не получилъ никакой особенной награды, но доволенъ я былъ и тѣмъ, что она напечатана и что г. Новиковъ прислалъ ко мнѣ ту часть сего журнала.

Вскорѣ за симъ принуждены мы были угощать у себя проѣзжавшую чрезъ нашъ городъ нашу губернаторшу, г-жу Муромцову, которая у насъ ночевала и на другой день у меня обѣдала. А не успѣли мы ее съ рукъ своихъ сжить и наступить сентябрь мѣсяцъ, какъ принялись уже мы пристальнѣе за нашъ театръ и пошли у насъ всѣмъ пьесамъ репетиціи за репетиціями и представленія за представленіями. Сіи послѣднія предпринимали мы, сколько для лучшаго подтвержденія и поправленія нашихъ актеровъ при помощи случившагося у насъ около сего

времени быть опять господина Кошелева, столько и для пріѣзжавшихъ къ намъ въ теченіе первой половины сего мѣсяца кое-какихъ гостей.

Итакъ, перваго числа сего мѣсяца представили дѣти комедію «Приданое обманомъ»; второго — «Необитаемой островъ» и «Рогоносца»; въ третій, по случаю пріѣзжавшей къ намъ въ гости госпожи Бакуниной, опять «Рогоносца» и «Приданое обманомъ»; въ четвертой для ней же опять «Необитаемой островъ» и «Приданое обманомъ»; въ пятой опять «Рогоносца» и «Отгадай, не скажу»; въ шестой опять «Приданое обманомъ». И мы съ господиномъ Кошелевымъ замучили почти вправъ дѣтей нашихъ сими частыми и ежедневными представленіями; но за то и выправилъ онъ ихъ такъ, что они всѣ сіи пьесы представляли предъ прежнимъ несравненно уже лучше, и мнѣ очень жаль было, что онъ отъ насъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ, и что не могъ быть съ нами во время пребыванія у насъ княжова.

По отъѣздѣ его, далъ я дѣтямъ съ недѣлю времени отдохнуть, а самъ занимался сіи дни рисованьемъ; когда же начало приближаться то время, въ которое надлежало мнѣ опять ѣхать къ князю, то заставилъ я дѣтей еще подтвердить и представить на театрѣ нѣкоторыя пьесы, а потомъ предъ самымъ моимъ уже отъѣздомъ представили они 17-го числа еще «Необитаемой островъ» и комедію «Отгадай, не скажу», а 18-го числа «Рогоносца въ воображеніи» и «Батвинью», и настроивъ симъ образомъ дѣтей и учинивъ по волости и во дворцѣ всѣ нужныя къ пріѣзду князя приуготовленія и получивъ извѣстіе, что онъ изъ Сергіевска уже отправляется, поѣхали мы съ г. Верещагинымъ сперва къ г. Стрекалову, и узнавъ отъ него, что князь уже изъ Сергіевска выѣхалъ и находился въ тотъ день у Темешова въ гостяхъ, поѣхали уже къ сему, гдѣ нашли князя, угощаемаго наипреболѣпнѣйшимъ образомъ хозяиномъ. ~~Сей изгибался предъ нимъ ужемъ~~ и жабою и не зналъ, какъ его угостить, и повидимому, невѣдомо какъ кичился тѣмъ, что удостоенъ былъ посѣщеніемъ отъ такого гостя, и что умѣлъ его угощать и подчивать.

Князь принялъ меня нарочито благосклонно; но первое его слово было опять о зайцахъ, въ гоняньи за которыми препроводилъ онъ все сіе время; и какъ наутріе, позавтракавъ, поѣхали они опять со псами своими въ лѣса г. Темешова, то велѣлъ онъ намъ проводить княгиню свою въ село къ г. Стрекалову, куда къ ночи и самъ прибыть изволилъ.

Тутъ нашли мы всѣхъ сестеръ Верещагиныхъ, дожидавшихся пріѣзда княгинина, дабы успѣть предварительно съ нею обрекомендоваться и подбиться къ ней въ милость. Я подивился только ихъ оборотливости, но будучи въ послѣдующій день отпущенъ отъ князя, возвратился въ Богородицкъ для ожиданія его пріѣзда. Они же пустились опять въ рощи и лѣса для истребленія бѣдныхъ зайцевъ.

Симъ окончу я сіе письмо, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 17-го дня 1809 года).

Письмо 206-е.

Любезный пріятель! Наконецъ воспослѣдовало столь давно ожидаемое, но нельзя сказать, чтобъ вожделѣнное прибытіе его сіятельства, князя. Было сіе уже 23-го сентября, и мы встрѣчали его не какъ благодѣтеля и любимаго нами начальника, съ спокойнымъ и радостнымъ духомъ, но какъ нѣкакого змѣя, или страшнаго медвѣдя и съ духомъ весьма смущеннымъ и боялись, чтобъ онъ уже при самой встрѣчѣ не опрокинулся на насъ по своему бѣшеному нраву; ибо какъ отъ пріѣхавшаго къ намъ прежде всѣхъ брата его, князь Ивана Сергѣевича, а потомъ и княгини, со всею ея свитою, узнали мы, что князь, по безпредѣльной страсти своей къ звѣриной ловлѣ, не восхотѣлъ и сего дня потерять, но расположился отъ Стрекалова проѣхать со псами своими все полями и лѣсами, а особ-

ливо по перелѣскамъ, подлѣ волостного села Іевлева находящимся, то молили и просили мы Бога, чтобъ ему попалося тутъ на глаза нѣсколько зайцевъ, дабы онъ тѣмъ сколько-нибудь былъ утѣшенъ, ибо вѣдали, что въ противномъ случаѣ неудачею онъ всего легче могъ взбѣшонъ быть. И по счастію въ семъ случаѣ желаніе наше и совершилось. Зайцы попались и князь повеселился-таки довольно травлею, а сіе и было причиною, что пріѣхалъ онъ нарочито въ веселомъ духѣ.

Онъ расположился со всѣми съ нимъ пріѣхавшими гостьми и со всею своею свитою во дворцѣ нашемъ и во флигеляхъ, и весь оной наполнился множествомъ народа, а внутренность всего зàмка премногимъ множествомъ экипажей, повозокъ, лошадей и собакъ борзыхъ и гончихъ, и воздухъ возстепалъ отъ лая и воя сихъ небывалыхъ до сего гостей въ Богородицкѣ. Словомъ, съ пріѣздомъ его все у насъ оживотворилось и все начало дышать псовою охотою и едиными почти разговорами о лошадяхъ и псахъ смердящихъ. Не могу довольно изобразить, сколь отяготителенъ сдѣлался мнѣ уже съ самой первой минуты сей пріѣздъ его и сколь многими трудами, хлопотами и заботами обременилъ онъ и меня, и жену мою, и всѣхъ моихъ подкомандующихъ. Всѣхъ-то надобно было помѣстить, всѣхъ успокоить, всѣхъ снабдить всѣми нужными потребностями, и не только всѣхъ гостей и людей, но и самыхъ лошадей и собакъ его. Я безъ души долженъ былъ туда и сюда бѣгать, раздавать мои приказанія и дѣлать мои распоряженія; а и женѣ моей довольно было трудовъ, заботъ и попеченій о пристройкѣ и о успокоѣніи всѣхъ гостей, пріѣхавшихъ съ княземъ, которыхъ было-таки довольно; ибо пріѣхалъ съ нимъ не только помянутой братъ его, князь Иванъ Сергѣевичъ съ своею женою, но и Стрекаловъ съ своимъ семействомъ, всѣ госпожи Верещагины. А изъ мужчинъ, нѣкто изъ фаворитовъ княжихъ, г. Крымовъ, человѣкъ хотя умной, но весьма хитрой, лукавой и угрюмой. Жена моя тотчасъ по пріѣздѣ еще княгини явилась къ ней, и хотя принята была ею безъ дальней ласки и съ довольнымъ хладнокровіемъ, что ее не мало удивило и смутило; но, несмотря на то, должна она была, какъ хозяйка, пещись обо всемъ нужномъ для успокоенія ея и всѣхъ гостей ихъ, и за всякою бездѣлицею то и дѣло посылать къ себѣ въ домъ, и то то, то другое приносить приказывать; а сіе всего болѣе ее и отягощало. Съ другой стороны приступали дворецкіе и повара княжіе съ гордыми и даже повелительными и непомѣрными требованіями своими, то того, то другого, потребнаго имъ къ столу и на поварню. Ибо, хотя князь для виду и приказалъ все нужное покупать, но можно-ль было все и въ короткое время доставать въ такомъ маленькомъ городишкѣ покупками и обойтись безъ того, чтобъ большую часть всѣхъ потребностей не брать отъ насъ. Но мы о томъ уже и не говорили, а досадна была только намъ непомѣрность ихъ грубыхъ требованій и гордыхъ взысканіяхъ, для чего то и другое не скоро имъ доставляется. Словомъ, уже и въ первой вечеръ сей было намъ превеликое множество не только хлопотъ и заботъ, но и досадъ самыхъ. Но я уже переносилъ все то съ терпѣніемъ, а доволенъ былъ, что по пріѣздѣ своемъ обошелся князь со мною довольно сносно и благосклонно.

Не успѣли они переночевать, какъ и затѣялъ-было князь уже въ послѣдующее утро назначить свой формальной выѣздъ на охоту; но случившаяся дурная въ сей день погода его осадила и принудила остаться дома. Итакъ, вмѣсто зайцевъ, пошли мы съ нимъ ловить въ прудахъ карповъ и наловили ихъ множество. Послѣ того принималъ онъ у себя всѣхъ приходившихъ къ нему на поклонъ купцовъ городскихъ съ ихъ обыкновенными приносами, а потомъ и всѣхъ судей нашихъ. Онъ принялъ всѣхъ ихъ съ обыкновеннымъ своимъ надменнымъ духомъ и не хотѣлъ никому изъявить ни малѣйшаго уваженія, кромѣ нашего уѣзднаго судьи, г. Арсеньева; но и сему единственно

только потому оказывалъ болѣе своего снисхожденія, что сей былъ такой же страстной охотникъ, какъ и онъ, и что онъ могъ съ нимъ говорить о своихъ зайцахъ и собакахъ. Самое сіе и побудило сего лукавца тотчасъ прильнуть къ нему и подольщаясь къ князю своими раболѣпными почти прислужничествами, льстить ему безстыднѣйшимъ почти образомъ, чему мы всѣ только смѣялись.

Вскорѣ за симъ съѣхалось еще нѣсколько человѣкъ изъ живущихъ въ окрестностяхъ дворянъ, такихъ же псовыхъ охотниковъ; и князь былъ имъ радъ и угощалъ ихъ какъ бы какихъ именитыхъ людей, хотя иные изъ нихъ совсѣмъ того не стояли и мнѣ были незнакомы. И какъ князю всѣ тамошнія и удобныя къ звѣриной ловлѣ мѣста не были еще коротко извѣстны, то и начались у нихъ тотчасъ о томъ думанья и совѣщанья, куда и куда ѣхать, и съ которыхъ мѣстъ начинать, и какими кончить. Вмигъ нашлись тогда изъ пріѣхавшихъ къ нему прихлебателей такіе, которые брались его всюду и всюду водить и ему показывать мѣста лучшія, хотя имъ самимъ были они всего меньше извѣстны. Меня, удивляющагося только всему тому, не только не спрашивали, но и не приказывали ѣхать съ собою. Ибо какъ я спросилъ, прикажетъ-ли онъ мнѣ готовиться ѣхать съ ними, то сказалъ мнѣ князь: «Нечего дѣлать! Ты не охотникъ! а оставайся лучше дома здѣсь съ княгинею!» чему я нѣкоторымъ образомъ и радъ былъ. Ибо какъ, къ несчастію, наилучшія мѣста для звѣриной ловли были на большую часть отъ Богородицка удалены и лежали верстъ за 20 и за 30, то поутру надлежало бы каждой день съ ними, сломя голову, и быстрѣе нежели на почтовыхъ, туда скакать, тамъ во весь день съ ними по полямъ и лѣсамъ таскаться, а по окончаніи дня, и ночью въ темнотѣ опять безъ памяти скакать обратно въ Богородицкъ. А таковыя безпокойства были бы для меня слишкомъ скучны и отяготительны; почему, хотя мнѣ и хотѣлось быть при князѣ безотлучно, дабы не могло произойтить какихъ каверзъ, но какъ онъ самъ меня отъ ѣзды сей освободилъ, а всякой день приказывалъ оставаться дома, то было мнѣ сіе и не противно.

По окончаніи всѣхъ сихъ премудрыхъ и важныхъ конференцій и совѣтовъ, вспомнилось ему какъ-то и о нашемъ театрѣ, почему подозвавъ меня къ себѣ сказалъ: «Какъ же бы, Андрей Тимоѳеевичъ, показать-то бы намъ вашъ театрикъ?»—Что, ваше сіятельство! отвѣчалъ я ему: театръ нашъ будто какой правской и стôитъ ли того, чтобъ вашему сіятельству его смотрѣть! Онъ ничего не значитъ. Между тѣмъ, ежели вашему сіятельству угодно, то онъ у меня къ тому времени будетъ готовъ, какъ приказать изволите.— «Сегодни-жъ бы ввечеру! подхватилъ онъ. Княгинѣ моей хочется его въ особливости видѣть, да и мы всѣ посмотримъ». —Очень хорошо! сказалъ я, и пошелъ повѣщать дѣтямъ и прочимъ, чтобъ собирались.

Итакъ, въ этотъ вечеръ и было у насъ первое представленіе, для котораго назначили мы «Необитаемой островъ» и комедію «Приданое обманомъ». И князь, вошедъ въ оной, удивился, увидѣвъ весь театръ наполненной народомъ и услышавъ загремѣвшую при самомъ входѣ его музыку, заигравшую симфонію; ибо, чтобъ придать нашему театру болѣе блеска, то выписали мы сію заблаговременно отъ г. Сахарова.—«Утебя, братецъ, театрикъ какъ водится!» сказалъ князь, ко мнѣ обратившись. Но какъ подняли занавѣсъ и открылась наша прекрасная декорація, то удивился онъ еще больше.—«Браво! браво! воскликнулъ онъ, это хоть бы куда! изряднехонько, право! Смотри, пожалуй, какъ онъ смастерилъ! «А не менѣе поразились сею неожидаемостію и прочіе съ нимъ бывшіе и театра нашего еще невидавшіе. Игра дѣтей нашихъ, исправлявшихъ въ сей вечеръ дѣло свое очень удачно, всѣмъ имъ также полюбилась и всѣ смотрѣли на нее съ примѣтнымъ удовольствіемъ, а особливо князь Иванъ Сергѣевичъ, которой игрою моего малютки-сына не могъ налюбоваться довольно, и то и дѣло былъ въ ладоши. Когда же начали

играть комедію и появился на сценѣ нашъ Сезеневъ, то такъ всѣхъ всею игрою своею насмѣшилъ, что всѣ громко и до слезъ почти хохотали, и онъ до того даже ихъ удивилъ, что князь спросилъ меня: «Да гдѣ ты, братецъ, такого удалого старика подцѣпилъ? Онъ и на правскомъ бы театрѣ дѣла своего не испортилъ».—А какихъ бы лѣтъ почитали-бъ вы его? спросилъ я князя.— «По крайней мѣрѣ лѣтъ сорока или пятидесяти», сказалъ онъ.—А вмѣсто того, онъ только четырнадцати лѣтъ и одинъ изъ моихъ сродниковъ, живущій при мнѣ и учащійся.—«Нѣтъ, право! воскликнулъ князь, это удивительно и этому никакъ бы я не повѣрилъ. Пожалуй, покажи ты мнѣ его по окончаніи дѣйствія». То-же говорили и желали его видѣть и всѣ прочіе. И я принужденъ былъ ему его представить послѣ, и всѣ не могли довольно восхвалить его за его способность и умѣнье такъ хорошо притворяться и представлять во всей формѣ старика. Словомъ, представленіями нашими всѣ были очень довольны и изъявляли мнѣ свою благодарность, прося, чтобъ и въ послѣдующіе дни доставилъ я имъ такое же удовольствіе.

Сія меня порадовало и такъ ободрило, что я началъ-было ласкаться надеждою, что дѣло пообойдется и у насъ все будетъ хорошо. Но какъ жестоко я въ томъ обманулся и какъ мало могъ предвидѣть тогда, что воспослѣдовать имѣетъ послѣ!

Не успѣлъ послѣдующій день настать, какъ князь съ превеликою гурьбою и отправился на охоту, пригласивъ съ собою и нашего уѣзднаго судью, г. Арсеньева, чему сей до безконечности и радъ былъ. Мы, провожая князя, желали, чтобъ случай ему благопріятствовалъ и чтобъ удалось ему наловить поболѣе зайцевъ. И какъ мы въ томъ почти не сомнѣвались, то и ласкались надеждою, что онъ оттого еще болѣе повеселѣетъ и къ намъ сдѣлается добрѣе. Почему проводивъ его старались всѣ мы о томъ, чтобъ княгинѣ безъ него было не скучно. Всѣ наши городскія госпожи съѣхались дѣлить съ нею время, а я заставилъ въ залѣ играть музыку и употреблялъ все, что только можно было къ доставленію ей множайшаго удовольствія.

Наконецъ наступилъ вечеръ и съ онымъ возвратился князь съ охоты, и что-то не весьма веселымъ. Любопытствуя узнать и разспрашивая у людей, не произошло ли въ полѣ чего? и удачно-ли было поле? услышалъ я отъ нихъ, что зайцевъ хотя и натравили они нѣсколько, но что князь былъ что-то все не веселъ, всѣхъ бранилъ и ругалъ и все сердился, а за что, того они сами не вѣдаютъ. Сіе привело меня въ изумленіе и заставливало думать. Однако, какъ наступило уже время для театра, то доложилъ я князю, прикажетъ-ли онъ?—«Хорошо! отвѣчалъ онъ; но пускай идетъ княгиня, и ты позабавь ее, а я усталъ и возьму отдохновеніе». Итакъ, въ сей день ходили въ театръ только княгиня со всѣми гостьми своими, а князь остался въ своихъ комнатахъ съ нѣсколькими изъ своихъ прихлебателей, и занимался разговорами съ ними о своихъ собакахъ.

Въ сей вечеръ дали мы двѣ комедіи: «Рогоносца по воображенію» и «Отгадай, не скажу». И какъ дѣти и сіи представляли очень удачно, то княгиня и всѣ прочіе, бывшіе съ нею, также и князь Иванъ Сергѣевичъ были тѣмъ очень довольны и при окончаніи просили, чтобъ и въ послѣдующій день я имъ также что-нибудь велѣлъ представить.—«Очень хорошо! сказалъ я. Если вашему сіятельству только угодно, такъ театръ опять будетъ и дѣти постараются и завтра доставить вамъ удовольствіе».

Какъ у князя за непремѣнное правило положено было ѣздить всякой день въ поле, то отправились они и въ послѣдующій за симъ третій день на охоту, а мы между тѣмъ просили княгиню посѣтить насъ въ нашемъ домѣ; и какъ она оттого не отреклась, то и постарались угостить ее у себя всячески и доставить ей наивозможнѣйшее удовольствіе, чѣмъ она, будучи очень добраго характера, казалась быть и весьма довольною. Наконецъ, возвратился и князь съ охоты и былъ

въ сей день веселѣе; и какъ подъѣхали къ нему въ сей вечеръ, съ одной стороны другъ его г. Власовъ, а съ другой—бормотъ Темешовъ, то не только не отрекся иттить въ театръ, но пошелъ еще охотно, желая равно какъ пощеголять имъ предъ пріѣзжими гостьми своими.

Въ сей вечеръ дали мы опять двѣ комедіи: «Новопріѣзжіе» и «Три брата совмѣстника», и игрою дѣтей нашихъ были опять всѣ очень довольны и не могли довольно приписать похвалъ имъ. Самъ г. Власовъ смотрѣлъ на представленія ихъ съ удовольствіемъ и также не хотѣлъ вѣрить, чтобъ г. Сезеневу нашему было только 14-ть лѣтъ, а не больше, и я, по просьбѣ князя, принужденъ былъ и ему показывать его въ натурѣ.

Но сей разъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего, былъ уже и послѣдній, что мы театромъ нашимъ веселились. Княгинѣ хотя и хотѣлось-было очень, чтобъ мы представили ей и драму нашу «Несчастныя сироты»; и какъ сію сперва никакъ-было не хотѣлось мнѣ представлять, поелику въ сей пьесѣ надлежало бы мнѣ самому дѣйствовать на театрѣ, но какъ многіе ко мнѣ приступали о томъ съ просьбою, то рѣшился-было на то опуститься. Но, съ одной стороны, отъѣздъ любезнаго князя Ивана Сергѣевича, а съ другой—пріѣздъ помянутыхъ гостей, Власова и Темешова, все наше дѣло испортилъ, и перемѣня во всемъ сцену произвелъ то, что вмѣсто того, что все у насъ до сего времени шло хорошо и ладно, пошло у насъ все на опоко и начались такія глупости и вздоры, что намъ было уже не до театровъ, а напротивъ того всѣ мысли наши заниматься стали уже иными помышленіями, а сердца наполняться досадами и неудовольствіями.

Чтобъ объяснить вамъ, отчего произошла сія всего меньше мною ожидаемая перемѣна, надобно мнѣ, прервавъ на часокъ нить моего повѣствованія, возвратиться нѣсколько назадъ и разсказать нѣкоторыя побочности.

Мѣсто мое по всѣмъ выгодностямъ, сопряженнымъ съ онымъ, уже давнымъ-давно прельщало собою многихъ и были люди, которые скрытно въ томъ мнѣ не только завидовали, но и желали въ сердцахъ своихъ меня, буде бы только можно было, съ онаго столкнуть и вмѣсто меня самимъ воцариться, не помышляя и не заботясь о томъ нимало, имѣютъ ли они довольно всѣхъ нужныхъ къ тому способностей. Въ числѣ сихъ тайныхъ завистниковъ и моихъ по сему случаю недоброхотовъ были отчасти такіе, которые молодому князю были по разнымъ случаямъ знакомы, а отчасти и совсѣмъ незнакомые до того. И потому первые давнымъ-давно начинали князю наговаривать на меня всякую всячину и выдумывать на меня всякія клеветы и небылицы, и тѣмъ издалека и сокровеннымъ образомъ приводить меня къ нему въ ненависть. Но покуда продолжалось правленіе стараго князя, то ничего дальнаго имъ успѣть противъ меня было не можно, а произвели они только то, что и тогда молодой князь сдѣлался ко мнѣ не весьма хорошо расположеннымъ, что и доказалъ онъ въ первой свой пріѣздъ къ намъ съ отцемъ своимъ. Но какъ скоро вступилъ онъ въ правленіе волостьми и сдѣлался моимъ командиромъ, то возобновилась ихъ надежда къ сверженію меня изъ моего мѣста. Они возобновили вновь всѣ свои злоухищренія, клеветы и наговоры на меня, и тѣмъ подали поводъ ко всѣмъ тѣмъ непріятнымъ явленіямъ, которыя происходили въ прежній и первой пріѣздъ князя сего къ намъ, какъ уже полнаго нашего командира, и о которыхъ я уже упоминалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ. У князя по симъ наговорамъ и тогда уже на умѣ было отрѣшеніе меня отъ сего мѣста, и по самому тому, желая чѣмъ-нибудь ко мнѣ придраться и старался онъ помянутымъ образомъ, разъѣзжая по волости и встрѣчнаго и поперечнаго шильническимъ образомъ разспрашивать, выводить изъ ума и всячески добиваться, не произойдетъ ли на меня какой ему жалобы. Но какъ онъ всѣми своими ухищреніями не могъ ничего успѣть, и не нашедъ ничего, чѣмъ бы меня обви-

нить было можно, то сколько сіе, а того болѣе извѣстная ему любовь ко мнѣ старика-отца его и удержала его тогда отъ причиненія мнѣ какого-нибудь оскорбленія; а сверхъ того, нашедъ у меня все въ порядкѣ и увидя множество моихъ трудовъ и стараній обо всемъ, да и всѣ способности къ управленію волостьми, и совѣстно ему было что-нибудь злое предпріять противъ меня; а сіе и поприми-рило-было меня съ нимъ нѣсколько и поугомонило и завистниковъ и недоброхотовъ моихъ въ ихъ противъ меня злоухищреніяхъ.

Но какъ скоро слухъ о томъ распространился, что князь къ намъ опять сею осенью и наиглавнѣйше за тѣмъ пріѣдетъ, чтобъ поѣздить ему по волостямъ съ собаками, то воспламенилось въ нихъ опять желаніе испытать не можно ли имъ, пользуясь симъ случаемъ, какимъ-нибудь образомъ довесть князя до того, чтобъ онъ меня отрѣшилъ отъ мѣста и опредѣлилъ на оное кого-нибудь изъ нихъ другого. Но какъ надобны были къ тому какія-нибудь важныя причины и съ моей стороны вины, заслуживающія такую немилость, а таковыхъ они, къ прискорбію своему, не находили, то злобныя, коварныя и завистливыя ихъ сердца и внушили имъ самыя бездѣльническія и плутовскія средствы и такія злоухищренныя выдумки и клеветы, которыми надѣялись они достигнуть до желаемаго. А именно, они расположились воспользоваться въ семъ случаѣ пылкимъ и вздорнымъ княжимъ правомъ и извѣстными имъ его слабостями и пристрастіями. Они положили въ гнусномъ и мерзкомъ совѣтѣ своемъ привесть чѣмъ бы то ни было его на меня въ большую досаду и сердце; и какъ не сомнѣвались они, что онъ въ бѣшенствѣ своемъ непремѣнно оскорбитъ меня обидными словами, то за вѣрное полагали, что я не снесу такихъ оскорбленій и самъ рѣшусь проситься въ отставку, а сіе имъ было только и надобно; ибо не сумнѣвались они, что тогда князь меня въ тотъ же мигъ и отставитъ, поелику вѣдали, что онъ и безъ того уже по ихъ же собственнымъ наговорамъ и клеветамъ расположенъ былъ ко мнѣ не очень хорошо и самъ собирался меня при первомъ способномъ случаѣ отрѣшить и на мѣсто мое опредѣлить другого.

Предполагая сіе, стали они вымышлять, чѣмъ бы такимъ удобнѣе имъ было произвесть коварное намѣреніе свое въ дѣйство, и что-бъ такое найтить для разгоряченія и взбѣшенія князя. Чтобъ произошли на меня отъ крестьянъ жалобы и просьбы, того не могли они никакъ надѣяться, ибо знали, что всѣ крестьяне безпристрастнымъ, честнымъ и кроткимъ моимъ правленіемъ были весьма довольны; къ очерненію меня инымъ чѣмъ также они ничего не находили, ибо вѣдали, что я ничѣмъ не былъ замаранъ. Итакъ, другого не нашли, какъ взять прибѣжище къ безпредѣльной княжеской псовой охотѣ и воспользоваться извѣстнымъ его всегда бѣшенствомъ въ такихъ случаяхъ, когда не найдетъ онъ зайцевъ; также, буде можно, употребить на вспоможеніе къ тому прежде упомянутое дѣло по винной продажѣ и выставкамъ. И какихъ, и какихъ дьявольскихъ средствъ и выдумокъ они при томъ не придумали и не пригадали, и до какихъ дурачествъ глупымп своими затѣями не довели князя!

Теперь было бы слишкомъ пространно разсказывать въ подробности всѣ многочисленныя ихъ шильничества и гнусныя выдумки и уловки, какими, сначала пріѣзда княжова еще въ Сергіевское, старались они смутить и раздражить на меня князя; а коротко только скажу, что самой описанной, грубой его меня пріемъ былъ по ихъ ко мнѣ милости, и что изъ числа ихъ наиболѣе всѣхъ ухищрялъ такой человѣкъ, котораго я почиталъ себѣ всегда другомъ и отъ котораго я того всего меньше чаялъ, а именно бормотунъ мой старинной пріятель, Алексѣй Ноновичъ Темешовъ. Удивительнѣе всего, что и сему, такъ сказать, гаведу восхотѣлось, столкнувъ меня, быть на моемъ мѣстѣ!

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что между тѣмъ какъ мы помянутымъ обра-

зомъ въ первые дни пребыванія у насъ князя занимались театрами и угощеніями и князь разъѣзжалъ по ближнимъ къ Богородицку мѣстамъ за охотою, сей негодной человѣкъ ковалъ наизлѣйшіе противъ меня ковы, и устроялъ самую адскую къ поврежденію меня машину, и нарочно для того не поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ къ намъ, а остался на нѣсколько дней будто бы дома; но вмѣсто того, всѣ сіи дни употребилъ на разнюхиваніе по волости о такихъ мѣстахъ, гдѣ не было или по крайней мѣрѣ не примѣтны были зайцы. И какъ скоро все къ произведенію своего замысла устроилъ, то помянутымъ образомъ и прискакалъ къ намъ въ Богородицкъ и съ обыкновеннымъ своимъ смѣшнымъ бормотаньемъ убѣдилъ князя ѣхать наутріе съ собаками своими въ помянутое мѣсто, увѣряя его, что тамъ найдетъ безсомнѣнное множество зайцевъ.

Я, ничего не зная и не вѣдая о всѣхъ вышеупомянутыхъ происшествіяхъ, о которыхъ узналъ я уже послѣ, и не воображая себѣ нимало, что надъ главою моею всходила мрачная туча съ страшною бурею и грозою, спокойно проводилъ князя, отъѣзжавшаго почти съ свѣтомъ вдругъ на охоту, съ обыкновеннымъ пожеланіемъ, чтобъ ему поле было удачно; а самъ сталъ помышлять о томъ, чѣмъ бы занять въ сей день княгиню, и уговорилъ жену г. Арсеньева пригласить ее къ себѣ, которую она и удостоила своимъ посѣщеніемъ.

Какъ то мѣсто, куда они тогда поѣхали, отстояло отъ Богородицка болѣе, нежели за 20-ть верстъ, то было уже почью какъ они возвратились съ поля и прискакали къ намъ въ темнотѣ, въ Богородицкъ. И что-жъ воспослѣдовало и какая неожидаемая сцена! Князь не успѣлъ войтить въ комнаты, какъ и опрокинулся на меня, какъ лютѣйшій звѣрь и не только заоралъ во все горло, изливая на меня свой княжеской гнѣвъ, но и началъ даже оскорблять такими словами, которыя ни съ характеромъ его, ни съ моимъ и ни съ какимъ разумомъ не были сообразны. Я оцѣпенѣлъ даже отъ изумленія, увидѣвъ и услышавъ такую неожидаемость, и не зналъ чѣмъ бы такимъ я проступился и чѣмъ заслужилъ отъ сего молодого барыча такой гнѣвъ, какого не можно бы ожидать и отъ самого государя за важное и государственное какое преступленіе! Но удивленіе мое еще несказанно увеличилось, когда услышалъ я тому и причину и узналъ, въ чемъ состояла вся тяжкая вина моя, заслуживающая гнѣвъ толикой. Все дѣло въ томъ только состояло, что онъ ѣздилъ въ сей день несчастливо и его поле было неудачно, и онъ не нѣсколько десятковъ, а только два или три зайца затравилъ, и по несчастію лишился своей любимой собаки, убившейся какъ-то до смерти, что его наиболѣе и взбѣсило

— «Я тебѣ именно и накрѣпко приказывалъ (говорилъ или паче ревелъ онъ), чтобъ разослалъ ты вездѣ солдатъ и велѣлъ накрѣпко беречь зайцевъ и всѣмъ старостамъ накрѣпко подтвердить, чтобъ никого ѣздить не пускали, а ты этого не сдѣлалъ, приказанія моего не исполнилъ! и волость вся выѣзжена и зайцевъ нѣтъ ни одного, всѣ вытравлены! возможно ли!... какъ могъ ты отважиться сего не исполнить!....»

— Все это исполнено! (отвѣчалъ я съ хладнокровіемъ возможнымъ), и я не думаю, чтобъ кто ѣздилъ; а что зайцевъ нѣтъ или мало, за то я ручаться и отвѣтствовать не могу».

— «Ты говоришь: исполнилъ! (заревѣлъ опять князь), а я тебѣ сказываю, что нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ!.... Я разспрашивалъ самъ старосту той деревни, и самъ своими ушами отъ него слышалъ, что вчерась же какіе-то у нихъ охотники ѣздили и всѣ мѣста вытравили, и что къ нимъ ни присылки отъ тебя никакой не было, ни приказанія никакого они не слыхали, слышишь-ли?»

— Чудно для меня это и непостижимо! (сказалъ я, пожавъ плечами), я не знаю, гдѣ вы ѣздили и были; а что солдата тамъ не случилось, это легко статься можетъ; ибо солдатъ у меня не такъ много, чтобъ ихъ во всѣ деревни стало,

и можетъ быть посланной солдатъ былъ въ сіе время въ другой деревнѣ. А чтобъ присылки никуда не было и приказаній не слыхали, — это для меня непонятно, потому что я самъ лично, и всѣмъ до единаго старостамъ и начальникамъ, и не однажды, а нѣсколько разъ приказывалъ и подтверждалъ накрѣпко.

— «Ты говоришь: приказывалъ! (заревѣлъ еще пуще того князь), а я тебѣ говорю, что нѣтъ!.... нѣтъ!.... нѣтъ!.... и слышишь, самъ староста.... староста той самой деревни, мнѣ—мнѣ самому сказывалъ!—Но я ужо васъ! я!.... я!.... я!.... научу уже себя знать и исполнять мои повелѣнія!.... пошелъ, судырь, съ глазъ моихъ долой!....»

Кровь моя хотя вся, какъ въ котлѣ, въ сію минуту кипѣла, а особливо какъ я увидѣлъ, что всѣ прихлебатели его, отварачиваясь, улыбались и смѣялись и у всѣхъ радость и удовольствіе на глазахъ была написана, и всѣ, такъ сказать, моему незгодью мысленно и душевно радовались. Но никто меня такъ не удивилъ и досаденъ не былъ, какъ дѣлающій то же самое и помянутой Темешовъ вмѣстѣ съ судьею нашимъ Арсеньевымъ, отъ которыхъ я сего никакъ не ожидалъ. Но совсѣмъ тѣмъ я имѣлъ въ критическія минуты сіи столько терпѣнія и столько философическаго хладнокровія, что, вѣдая изъ опытности, что дальнѣйшими оправданіями подожжешь только болѣе пламень гнѣва, а ничего не сдѣлаешь, за лучшее призналъ обуздать стремительство ума и сердца, и не давъ языку болѣе воли говорить, замолчалъ и пошелъ дѣйствительно вонъ для обстоятельнѣйшаго развѣдыванія обо всемъ происходившемъ на полѣ.

Всѣ ненавистники мои вьявъ тогда надо мною восторжествовали и ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что достигъ до желаемаго, что не перенесу я никакъ такого оскорбленія и обиды, и что въ тотъ же еще вечеръ или на другой день подамъ бумагу и буду проситься въ отставку. Каждой изъ нихъ, будучи въ томъ увѣренъ, помышлялъ уже проситься на мое мѣсто; и не успѣлъ я выттить вонъ, какъ всѣ стали перешептываться, смѣяться, поджигать князя еще болѣе и къ нему подольщаться раболѣпнѣйшимъ образомъ, оправдывая его справедливой гнѣвъ и меня обвиняя, ласкаться несомнѣнною надеждою въ полученіи своихъ желаній.

Но, по несчастію ихъ, напали они не на такого человѣка, и въ мнѣніяхъ и заключеніяхъ своихъ обо мнѣ крайне ошиблись. Къ несчастію ихъ, находился я, какъ уже прежде упоминалъ, въ молодости моей нѣсколько лѣтъ въ командѣ еще гораздо вздорнѣйшаго и вспыльчивѣйшаго генерала и такія были не только видалъ, но такъ къ нимъ привыкъ, что не только научился ихъ съ хладнокровіемъ, но и способамъ преодолѣвать оныя. А сія практика и опытность помогла мнѣ и сей случай съ такимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ перенесть, что они, услышавъ, что меня все сіе очень мало трогало и я никакого дальнаго смущенія и безпокойства не изъявлялъ, пожимали только плечами отъ удивленія и изумленія, и не знали что обо мнѣ заключить и какимъ почесть меня человѣкомъ.

Но я, давъ имъ волю судить обо мнѣ какъ хотятъ, и смѣючись внутренно глупости и сумасбродству князя, пошелъ съ досадою на таковую неожидаемость въ канцелярію свою, чтобъ разспросить и распровѣдать о томъ подробнѣе отъ ѣздившихъ съ княземъ въ сей день на охоту. И теперь подивитесь Промыслу Господню и тому, какъ оной спасаетъ невинность, ежели ему то угодно, и чему тогдашній мой примѣръ служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ.

Не успѣлъ я приттить въ канцелярію какъ тотчасъ призвавъ къ себѣ ѣздившаго съ княземъ вожака, капрала, сталъ обо всемъ разспрашивать его обстоятельно. Но какъ удивился я, услышавъ его, хотя и подтверждающаго тоже, но съ досадою говорящаго: «вольно имъ ѣздить тамъ, гдѣ зайцевъ никогда не бывало. Я сколько ни отговаривалъ имъ и сколько

ни звалъ въ лучшія мѣста, но меня не послушали; а все господа уговорили его туда ѣхать».

— Да гдѣ-жъ это васъ Богъ носилъ? спросилъ я.

— «Да подлѣ Рогачей самыхъ», сказалъ капралъ.

— Да кто-жъ ему тамъ нагородилъ околесную, и что будто никакихъ приказаній не было отъ меня?

— «Богъ его знаетъ! Вѣдь онъ, судырь, не пропуститъ ни одного человѣка, на полѣ-ли, на дорогѣ-ль, и у всякаго вывѣдываетъ. Говорятъ, у какого-то мужика онъ спрашивалъ на полѣ, и этотъ мужикъ ему что-то насказалъ».

— Да онъ говоритъ, что будто самъ староста той деревни ему то сказывалъ. Но тому-то я дивлюсь и не понимаю, какъ старостѣ можно сказать ему сіе; не всѣмъ ли я именно самъ приказывалъ?

— «Да какъ, судырь, это можно! (подхватилъ при семъ словѣ одинъ изъ кучи мужиковъ, случившихся тогда въ канцеляріи). Господи помилуй! Да о своей ли мы головѣ, чтобъ намъ запереться! (и сказавъ сіе, перекрестился). Да и изъ мужиковъ самыхъ, Богъ знаетъ, кому это можно сказать; кажется отъ меня всѣмъ именно было приказано, а развѣ какой сукинъ сынъ, бездѣльникъ, и не изъ нашихъ рогачевскихъ, а нашимъ никакъ это нельзя!»

— А что, развѣ ты изъ Рогачей, мужичокъ? (спросилъ я).

— «Да какже, отвѣчалъ онъ, я и староста-то самъ!»

— Какъ! подхватилъ я, ты староста рогачевскій? Но о тебѣ-то князь и говоритъ, что ты ему сказывалъ, что и повелѣніевъ не было не пускать никого, и что вчера тамъ кто-то ѣздилъ и всѣхъ зайцевъ вытравилъ.

—«Какъ это можно! (удивясь и перекрестясь еще разъ, сказалъ мужикъ). Господи помилуй! Напраслина какая! Да я тамъ, судырь, и не былъ, и вотъ шлюсь на всю канцелярію, что я вотъ уже третій день здѣсь безотлучно въ канцеляріи».

— Что ты говоришь? (подхватилъ я, удивясь и обрадуясь такой неожидаемости). Не въ правду ли такъ? и ты тамъ не былъ?

— «Конечно, судырь, не былъ, и вотъ всѣ это скажутъ».

Тогда всѣ канцелярскіе подтвердили мнѣ его показаніе и вмѣстѣ со мною дивились сему происшествію и не понимали, какимъ образомъ очутился тамъ другой староста; и говорили: ужъ не самозванецъ ли какой то былъ и не игрушка ли кѣмъ тутъ сыграна? Я самъ не зналъ, что помыслить и не менѣе всѣхъ дивился сему случаю, и сталъ также подозрѣвать не интрига ли чья скрывается подъ сею исторіею, и не изволилъ ли кто подшутить изъ господъ охотниковъ надо мною?

Потомъ, сказавъ мужичку сему: «Постой же ты, мой другъ, здѣсь на часокъ», побѣжалъ прямо чрезъ дворъ къ князю, и заставъ его, распивающаго чай съ своими друзьями и уже утишившагося и съ веселымъ духомъ и съ шутками объ охотничихъ своихъ подвигахъ и дѣлахъ разговаривающаго, подступилъ къ нему и сказалъ:

— Дозвольте мнѣ, ваше сіятельство, спросить, подлѣ какой деревни изволили вы ѣздить? и какой староста доносилъ вамъ?

— «Подлѣ Рогачей! (сказалъ князь, и обратясь къ товарищамъ своимъ, спросилъ:) кажется такъ, господа?»

Всѣ въ одинъ голосъ закричали тогда, что точно такъ, что было то подлѣ самыхъ Рогачей, и что сказывалъ то именно рогачевской староста.

— Этому быть нельзя, государи мои! (отвѣчалъ я). Старосты рогачевскаго тамъ не было. Онъ во весь сегодняшній день былъ здѣсь, и уже третій день какъ находится въ канцеляріи для нѣкотораго дѣла.

— «Какъ! (закричалъ князь). Пошли мнѣ его сюда! я хочу его видѣть!»

Тотчасъ за старостою побѣжали и староста предсталъ.

— Нѣтъ, это не онъ! и на того не по-

ходитъ, (сказалъ князь, и тотчасъ съ суровостію опрокинулся на старосту): Ты староста рогачевскій?

— Я, ваше сіятельство, и уже третій день какъ здѣсь.

— «Да кто-же такой это мнѣ тамъ сказывалъ. Не другой-ли какой вашъ начальникъ? Кто у васъ тамъ еще есть—сотскій или десятникъ?»

— У насъ есть тамъ десятникъ; но и тому нельзя было сказывать, и тотъ съ утра сегодня здѣсь былъ.

— «Пошли мнѣ его сюда!»

Тотчасъ побѣжали, сыскали и привели и десятскаго, а вмѣстѣ съ нимъ вошелъ и другой мужикъ,

— Вотъ и десятской! сказалъ староста, указывая на одного изъ нихъ.

— «Нѣтъ, и это не тотъ! сказалъ князь. Тотъ мужикъ высокой, ражій, рыжій, и съ большою бородою. А это что за мужикъ?

— Нашъ же рогачевскій, сказалъ староста, и теперь только пріѣхалъ оттуда.

— «Ну, вотъ кстати! подхватилъ князь. Вотъ онъ намъ все скажетъ. Ну, слушай, мужикъ, сказывай намъ истину, и какъ передъ Богомъ: было ли вамъ отъ управителя приказаніе, чтобы никого не пускать со псовою охотою?»

— Какъ, судырь, не быть! закричали они во все горло всѣ, и не одинъ разъ; а сверхъ того и капралъ къ намъ на сихъ дняхъ пріѣзжалъ съ тѣмъ же подтвержденіемъ и поѣхалъ отъ насъ въ Валово.

— «Слушай, мужикъ, не лжешь-ли ты, не подученъ-ли? Я тебѣ сказываю, что я тебя на каторгу пошлю, если ты говоришь неправду!»

— Да дай Богъ мнѣ съ мѣста не сойтить, ежели это неправда, сказалъ мужикъ.

— «Да для чего-жъ вы не исполнили того, и съ собаками ѣздить пускали?»

— Да когда это, и кого? подхватилъ мужикъ.

— «Да вчера», сказалъ князь.

— И! что вы, ваше сіятельство! у насъ никто вчера не ѣздилъ; да статошное-ли дѣло, чтобъ мы кого впустили?

— «Да какже, мнѣ вашъ же какой-то давеча сказывалъ и назывался еще старостою».

— Не знаю уже того, ваше сіятельство! а старосты нашего дома не было; онъ былъ здѣсь, въ городѣ, и я къ нему пріѣхалъ только теперь.

— «Да есть-ли у васъ такой мужикъ, какъ я говорилъ, рыжій, большой?»

— У насъ такого и во всей деревнѣ нѣтъ! сказалъ мужикъ.

— «Какже это, братцы? сказалъ князь, обратясь къ гостямъ своимъ, это что-то мудрено и непонятно.»

— Я уже не знаю! подхватилъ я подъ сіе слово, и теперь оставляю о томъ судить уже вашему сіятельству. А что касается до меня, то я иного не заключаю, какъ что сказывавшему вамъ такую неправду надобно быть какому-нибудь сукину сыну, бездѣльнику, подосланному и наученному отъ такого-жъ какого-нибудь сукина сына и бездѣльника, чтобъ только васъ разсердить.

Говоря симъ образомъ отъ досады, я никакъ воображалъ, что говорилъ, не вѣдая, самую истину, и что самой тотъ, который и научалъ въ сей клеветѣ собственнаго своего мужика и велѣлъ назваться старостою, находился тутъ же и стоялъ отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ и слышавъ все сіе, и блѣднѣлъ и мертвѣлъ; а послѣдними моими словами такъ сраженъ былъ, что чуть-было не захлебнулся чаемъ и не уронилъ чашки. Былъ то, какъ я послѣ узналъ, помянутой г. Темешовъ.

Итакъ, вотъ какія бездѣльническія выдумки и средствы употребляемы были сими господами къ разгоряченію князя и оклеветанію меня. Но невинность сама собою оправдалась, а вкупѣ посрамила и господъ сихъ, злодѣйствовавшихъ мнѣ. Они грызли себѣ и губы и пальцы отъ досады, что не удалось имъ ничего сдѣлать и закусили языкъ такъ, что не куркули больше. Но я, по крайней мѣрѣ, восторжествовалъ тогда надъ ними, и былъ въ особливости доволенъ, что нечаянное стеченіе обстоятельствъ послужило мнѣ къ явному оправданію, а вкупѣ

и самому князю урокомъ для переду, чтобъ онъ не всему, возводимому на меня, вѣрилъ.

Симъ кончилась тогда сія первая мнѣ и глупая передряга. Я, выговоривъ помянутыя послѣднія слова, пошелъ домой и оставилъ ихъ, посрамленныхъ, судить о томъ, какъ имъ было угодно.

Но я усталъ уже пересказывая вамъ такой вздоръ и мнѣ пора письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 19 дня 1809 года).

Письмо 207-е.

Любезный пріятель! Князю какъ ни совѣстно было смотрѣть на меня, толь невинно и несправедливо имъ обиженнаго, и какъ ни старался онъ проступокъ свой загладить ласковѣйшимъ со мною обращеніемъ, а особливо ввечеру послѣдующаго дня, когда, ѣздивши въ тѣ мѣста, куда подзывалъ его наканунѣ того дня мой капралъ, возвратился съ поля въ превеликой радости и въ полномъ оттого удовольствіи, что наѣхалъ зайцевъ тьму и затравилъ ихъ болѣе пятидесяти; и какъ ни подтвердилъ ему сей случай, что зайцы отнюдь не были вытравлены, но поелику посрамленные злодѣи мои нимало тѣмъ не унялись, и онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ посягающими на меня, изъ единой зависти и недоброхотства, и не престававшими возмущать духъ его всякой день всякими на меня клеветами и злословіями, то ласковое обращеніе его со мною не долго продлилось. Ибо, какъ между ими не одинъ, а человѣкъ пять было такихъ, которымъ хотѣлось быть опредѣленными на мое мѣсто, и всѣ они, хотя другъ отъ друга таились, но въ главномъ пунктѣ были одинаковаго расположенія, и всѣ старанія ихъ устремлены были къ одной цѣли, а именно, чтобъ меня лишить моего мѣста, то и старались они, другъ предъ другомъ, напрерывъ всячески и кто какъ лучше зналъ, раздражать князя на меня всякими коварными и злоухищренными внушеніями, то, не давая ему почти покоя, скоро довели его, наконецъ, до того, что онъ самъ уже желалъ найтить что-нибудь похожее на дѣло, за чтобъ можно было ему отрѣшить меня отъ мѣста, а сіе и причиною было, что все вышеупомянутое произшествіе и мнѣ, и всѣмъ моимъ подкомандующимъ помогло очень мало, и что во всѣ остальные дни, которые онъ тогда у насъ прожилъ, были для насъ весьма непріятны и преисполнены несмѣтнымъ множествомъ досадъ и огорченій. Уже не помогала нимало и счастливая травля и гоньба зайцевъ; но онъ, будучи наполнемъ внушеніями льстецевъ и ежедневно вновь на меня раздражаемъ, возвращался всякой день къ намъ сердитымъ, неприступнымъ и ко всѣмъ къ намъ такимъ суровымъ, какъ бы лютому какому звѣрю быть надобно; а не удовольствуясь тѣмъ, старался еще безпрерывно все и все выискивать и за все сердился и бѣсился, и въ минуты таковыя доходилъ даже до самыхъ глупостей и дерзостей, нимало ни съ чиномъ, ни съ званіемъ его несообразнымъ, какъ напримѣръ:

Однажды, разсердясь за самое ничто и ничего незначущую бездѣлку, не только ругалъ всякими непристойными словами, но въ запальчивости задѣлъ даже палкою по головѣ бѣднаго моего старика Щедилова, мужа почтеннаго и степеннаго и перваго ко мнѣ изъ всѣхъ моихъ подкомандующихъ, управлявшаго всѣми волостными письменными дѣлами, и способнаго быть секретаремъ въ наилучшемъ приказѣ, и которая его поступка привела всѣхъ въ превеликое удивленіе и вперила во всѣхъ достойную къ сему командиру ненависть и отвращеніе.

Все сіе и дѣлало намъ каждой день пребыванія его у насъ годомъ, и мы съ такимъ вожделѣніемъ ожидали его отъѣзда, что не чаяли и дождаться.

Наконецъ, начало приближаться сіе время. Лѣса и поля всѣ были обрысканы и зайцы всѣ вытравлены и разогнаны, и князю не оставалось уже иного, какъ ѣхать прочь и заѣхать только за тѣмъ же въ Бобрики. Но какъ во всѣ сіи дни

всѣ искатели моего мѣста не могли еще всѣми домогательствами своими произвесть относительно до меня ничего важнаго, и, непостижимое для нихъ терпѣніе мое всѣ ихъ злодѣйскіе ковы преодолѣвало и обращало въ ничто; то, нехотя упустить князя, соединили они всѣ козни свои и предъ отъѣздомъ его приготовили для меня ударъ жесточайшій предъ всѣми прежними и такой, которой едва-было не возымѣлъ желаннаго ими дѣйствія, и привелъ самого меня не только въ смущеніе, но и въ положеніе самое критическое, а именно.

Какъ всѣми выдумками и клеветами своими не могли они до того произвесть ничего и достигнуть до желаемаго, а съ досадою видѣли всѣ ихъ мною разрушаемыя; то рѣшились они наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и оклеветать меня князю съ стороны, прежде-упоминаемыхъ мною, откупныхъ дѣлъ и питейныхъ выставокъ. Поводомъ къ тому послужило имъ одно особливое произшествіе. Однажды, во время ѣзды съ собаками, снесло какъ-то фаворита княжова, г. Крымова (которой изъ всѣхъ былъ для меня наиопаснѣйшій и о которомъ я даже догадывался, что князь едва-ли не за тѣмъ его съ собою и привезъ, чтобъ опредѣлить его на мое мѣсто), съ тогдашнимъ откупщикомъ, г. Игнатьевымъ, случившимся быть тогда также съ ними на охотѣ. Сперва они другъ надъ другомъ трунили, но какъ Игнатьевъ былъ самая шпилька и пренегодной человѣкъ, то изъ сихъ издѣвокъ вылилась наконецъ формальная между ними и такая ссора, что они чуть-было не передрались другъ съ другомъ. И какъ Крымовъ почиталъ себя чувствительно отъ Игнатьева обиженнымъ, то, будучи самъ по себѣ не лучше его и самымъ лукавымъ, хитрымъ и злобнымъ человѣкомъ, воскипѣлъ на него непримиримою злобою, и грозя ему за обиду отмстить, проговорился какъ-то при Темешовѣ, что онъ дастъ ему себя, знать, и что скоро полетятъ изъ волости всѣ его выставки, о которыхъ князь до того ни слова не упоминалъ. Темешовъ не успѣлъ сего услышать, какъ тотчасъ и прильнулъ къ сему, какъ смола, и сказалъ Крымову: «А что, братъ, хочется тебѣ этого? Ежели хочется, такъ мнѣ поклонъ—и я тотчасъ это смастерю и князя взбудоражу. Словомъ, поручи ты это мнѣ, и посмотри, что сдѣлаю!» Крымову, пылающему на Игнатьева злобою, то было и на руку. Итакъ, условились они сообща производить то дѣло, и по учиненному о томъ тайному совѣту, положили всячески увѣрять князя, что я отъ Игнатьева пользуюсь прибытками, и что похлебствую ему, въ противность повелѣнія его даю по деревнямъ, присылаемымъ отъ него выставкамъ квартиры и дозволяю производить въ нихъ ежедневную вездѣ вину продажу. Симъ думали они опять разлобить и взбѣсить на меня князя и побудить опять къ истребленію оныхъ выставокъ. Но какъ надобно было имъ сіе доказать самымъ дѣломъ, то, рыская съ княземъ по волости, и имѣли они случай и время разспрашивать вездѣ и вездѣ, и вышаривать нѣтъ ли гдѣ во дворахъ потаенной выставки. Но какъ, къ досадѣ ихъ, нигдѣ таковая не отыскивалась, то вздумалъ и рѣшился, наконецъ, Темешовъ употребить безстыднѣйшій обманъ и самое бездѣльничество.

Онъ примѣтилъ въ одномъ селѣ, на большой дорогѣ, пустую избушку, стоящую за нѣсколько саженъ отъ дороги, и въ которой жилъ, не задолго до того умершій, богадѣльникъ; и положивъ въ мерзкой душѣ своей употребить ее къ тому орудіемъ, заумышленно задержалъ князя такъ долго на охотѣ, чтобъ довелось имъ ѣхать домой уже ночью и въ такой темнотѣ, что ни зги почти было не видно. И какъ онъ зналъ, что ѣхать имъ надобно было чрезъ сіе село и мимо самой сей, на выгонѣ стоящей, лачужки, походившей по наружности очень много на кабакъ, то сѣлъ нарочно съ княземъ на его дрожки, и подъѣзжая къ селу сему, нарочно завелъ рѣчь о выставкахъ и о томъ, какъ мужики отъ нихъ пропиваются, говоря, что онъ нимало не

сомнѣвается въ томъ, чтобъ не было въ деревняхъ ихъ вездѣ потаенныхъ, и что я за ними очень худо смотрю. Сими и подобными тому коварными внушеніями и успѣлъ онъ князя поприготовить. Когда же они въ село пріѣхали и къ сей лачужкѣ стали подъѣзжать, то довелъ онъ опять рѣчь до выставокъ, и сталъ, будто догадываясь, говорить, что, конечно, и это выставка и предлагалъ князю, не полюбопытствовать-ли и не разспросить-ли? Князю, какъ охотнику до такихъ выѣдываній и словами сего клеветника уже разгоряченному, было то и на руку. Онъ тотчасъ велѣлъ на минуту остановиться и послалъ Темешова для сего узнаванія, а сей того только и желалъ. Итакъ, вмигъ соскочивъ съ дрожекъ, туда опрометью побѣжалъ и ну стучать въ окошко и кричать: «Хозяинъ! хозяинъ!»—Но какъ никто ему не отвѣчалъ, да и отвѣчать было некому, то и началъ онъ играть обдуманную имъ злодѣйскую комедію и отвѣчать самъ себѣ перемѣннымъ и такимъ голосомъ, которой походитъ на пьянаго, осиплаго и заспавшагося цѣловальника. И сей голосъ отвѣчалъ ему будто слѣдующимъ образомъ:

— Нѣтъ-ста здѣсь никого.

— Да ты-то кто? развѣ чортъ? (подхватилъ Темешовъ своимъ натуральнымъ голосомъ).

— Я-ста цѣловальникъ! (отвѣтствовалъ будто голосъ изъ лачуги и столь громко, чтобъ князь могъ слышать).

— Да развѣ это кабакъ?

— Кабакъ-ста.

— Да давно ли онъ здѣсь?

— Да всегда-ста мы здѣсь.

— И всякой день вино продаете?

— Да какъ же, неужели жить попустому?

— Да кто-жъ вамъ это дозволилъ?

— Кто-ста? Ну, управитель.

— Продай же мнѣ винца, братъ.

— Ну-ста къ чорту пошелъ, стану я вставать и дуть огонь для тебя—мнѣ спать хочется.

Симъ и подобнымъ сему образомъ спрашивалъ и самъ себѣ отвѣчалъ сей негодяй, и такъ искусно, что князь, слышавши все сіе, не возымѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія и сомнѣнія; но закипѣвъ на меня гнѣвомъ и злобою, кликнулъ его садиться и велѣлъ конюху ѣхать. А Темешовъ не успѣлъ сѣсть, какъ и началъ хохотать и далѣе князя поджигать: «Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ну вотъ, вотъ, князь, не правда ли моя? Не говорилъ ли я, что есть выставки. Вотъ какъ исполняетъ Болотовъ твои повелѣнія! Да что говорить! Ты только не знаешь, а блохъ-то за нимъ много, много!»

Симъ и подобнымъ сему бормотаньемъ сей скороговоръ такъ князя поджогъ и взбѣсилъ, что сей конюху кричалъ, чтобъ гналъ онъ лошадей, нимало не жалѣя. А сей дуракъ и подлинно погналъ ихъ такъ, что одна лошадь, выбившись изъ силъ, упала и тутъ же околѣла. Сіе еще пуще раздосадовало князя. Въ бѣшенствѣ своемъ онъ прибилъ тутъ конюха, велѣлъ ее отрѣзать и бросить на дорогѣ, и припрягши другую, отъ заднихъ повозокъ, скакать еще шибче и только и твердилъ: «Хоть всѣ переколѣй! Казенныя вѣдь! не великая диковинка!» А радующійся его спутникъ, что удалось ему его такъ взбѣсить, не преминулъ сдѣлать и тутъ своихъ замѣчаній, что я и за лошадьми-то не смотрю, и лошади-то всѣ измучены и изнурены, и прочее тому подобное...

Всѣ сіи обстоятельствы и произшествія узналъ я послѣ и услышалъ отъ самого того конюха, которой ѣздилъ тогда съ нимъ кучеромъ на дрожкахъ; а тогда не до того мнѣ было, чтобъ разспрашивать, ибо князь прискакалъ къ намъ, встрѣчающимъ его, таковымъ сердитымъ и съ такою яростію опрокинулся на меня и осыпалъ меня такими угрозами и оскорбительными словами, что я его никогда еще такимъ злобнымъ, бѣшенымъ и сердитымъ не видывалъ. Словомъ, онъ былъ какъ сумасшедшій, рвалъ и кидалъ все, скрежеталъ зубами и даже до того завирался, что въ бѣшенствѣ грозилъ меня и всѣхъ подкомандующихъ моихъ перевѣшать. Я сколько ни отмалчивался, давая утолиться сколько-нибудь его гнѣву, но

какъ и самое молчаніе мое его бѣсило и онъ приступалъ и требовалъ, чтобъ я давалъ отчетъ, для чего не исполнилъ въ точности его повелѣній, то принужденъ я былъ, наконецъ, говорить. И какъ я самъ въ точности не былъ увѣренъ въ несуществованіи выставокъ и въ мысляхъ самъ себѣ говорилъ: «Ахти, ужъ нѣтъ ли ихъ проклятыхъ дѣйствительно гдѣ потаенныхъ?» плутовства же помянутаго еще не вѣдалъ, то другого не оставалось мнѣ, какъ сослаться на прежде упоминаемыя мною впереди, даваемыя и почти еженедѣльно повторяемыя всѣмъ старостамъ и начальникамъ приказанія о недаваніи квартиръ выставкамъ, и говорилъ, что, по крайней мѣрѣ, отъ меня всѣмъ было запрещено. Но сіе еще пуще его раздражило. Онъ сочтя, что я говорю неправду, заревѣлъ, какъ звѣрь: «Хорошо! ты говоришь, что отъ тебя было приказано и запрещено! Но посмотрю я! сей же часъ посылай всѣхъ солдатъ и вели тащить сюда всѣхъ старостъ, чтобъ завтра же они всѣ здѣсь были!... и если... если я открою что-нибудь... то ты чурайся ужъ меня.

Сказавъ сіе, протурилъ онъ меня исполнять повелѣнное и я принужденъ былъ, несмотря на все позднее время и на всю темнѣйшую осеннюю ночь, отыскивать всѣхъ солдатъ, и отправляя въ деревни, подтверждать, не жалѣя лошадей, скакать и успѣвать до-свѣта еще всѣ деревни объѣздить и велѣть неотмѣнно собраться на другой день всѣмъ старостамъ. Боже мой! какая досада не изъявляема была тогда сими бѣднягами и какими проклинаніями не осыпали они за то князя!

Всѣ они и успѣли дѣйствительно на другой день возвратиться и привесть съ собою передъ вечеромъ всѣхъ старостъ. Но между тѣмъ какъ они собирались, препроводилъ я весь тотъ день равно какъ на каторгѣ; ибо признаться надобно, что дѣло сіе меня очень смущало и озабочивало. Я хотя съ своей стороны и дѣйствительно былъ не виноватъ и ничѣмъ не замаранъ: какъ съ такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Игнатьевъ, и никому имѣть никакого дѣла было не можно; но какъ съ одной стороны самъ я не за вѣрное зналъ, что никто не впускалъ цѣловальника въ избы для ночлега, и не было ли какихъ бездѣльниковъ, дѣлавшихъ то изъ корысти или за вино себѣ даровое; а съ другой стороны не сомнѣвался, что придирающійся ко мнѣ явно князь непремѣнно станетъ разспрашивать всѣхъ старостъ самъ, съ обыкновенною своею строгостію и угрозами, то страшился я, чтобъ какой-нибудь изъ нихъ не проговорился-бъ и не сказалъ, что отъ меня приказанія хотя и были, но не слишкомъ строгія и настоятельныя, а тогда почиталъ я себя погибшимъ и неминуемо долженствующимъ потерять съ безславіемъ свое мѣсто.

Все сіе меня смущало и приводило въ великое недоумѣніе, и какъ я не имѣлъ у себя никакого заступника, поелику тогда не было уже при князѣ и самого г. Стрекалова, на котораго, по дружбѣ его ко мнѣ, могъ бы я сколько-нибудь надѣяться, что онъ совѣтами своими поукротитъ князя; а изъ оставшихся при немъ господъ во всѣхъ находилъ себѣ недоброхотовъ и желателей моего несчастія, то и не оставалось мнѣ иного, какъ по обыкновенію моему возвергнуть всю печаль мою на Господа, и ожидать всего отъ произвола и распоряженія Промысла Господня, почему я и не вдавался прежде времени въ отчаяніе.

Сіе было и лучшее, что мнѣ можно было учинить; ибо хотя бы мнѣ и стараться употреблять все, что только можно было къ вспоможенію себѣ въ сихъ критическихъ обстоятельствахъ, но я никакъ бы не успѣлъ и всѣми своими стараніями ничего бы не сдѣлалъ, а скорѣе бы все дѣло могъ испортить, нежели помочь; ибо обстоятельствы тогдашнія были несравненно хуже, нежели я думалъ и воображалъ себѣ, и опасность для меня предстояла дѣйствительно великая, ибо съ одной стороны, какъ я послѣ провѣдалъ, окруженъ я былъ съ стороны князя лазутчиками и наблюдателями всѣхъ мо-

ихъ шаговъ и дѣяній и нѣкоторые изъ людей его не выходили почти изъ канцеляріи, дабы увидѣть, не стану ли я старость уговаривать и ихъ къ чему-нибудь преклонять; а съ другой—всѣ завистники мои не оставляли во весь сей, критической для меня, день ни на единую минуту князя въ покоѣ, но совокупными силами вливали въ него адъ, огонь и пламя на меня; а чрезъ все то и удалось имъ такъ хорошо настроить князя, что не только они уже за безсомнѣнное дѣло, но и самъ онъ почти за вѣрное полагалъ, что меня въ тотъ день смѣнитъ и лишитъ съ безчестіемъ мѣста. Что и дѣйствительно-бъ воспослѣдовало, еслибъ не сама судьба вступила уже въ посредство и произвела то, что всего меньше всѣми было ожидаемо, и не благоволила самое зло обратить мнѣ въ добро, какъ изъ послѣдующаго теперь окажется.

Какъ старосты всѣ собрались, то наступилъ наконецъ тотъ критической пунктъ времени, въ которой надлежало мнѣ къ нему иттить съ донесеніемъ о томъ. Я воздохнулъ и предавъ еще разъ все на произволъ судьбѣ и Промыслу Господню, пошелъ доносить ему о томъ. Онъ давно уже того и съ нетерпѣніемъ дожидался и не одинъ разъ присылалъ уже спрашивать, собрались ли всѣ и готовы-ль? И не успѣлъ о томъ услышать, какъ подхватя трость и ополчившись всею злостію и гнѣвомъ, унизился даже до того, что пошелъ чрезъ дворъ самъ въ канцелярію нашу. И не успѣлъ войтить въ сію темную и мрачную комнату, набитую мужиками, ибо старость, бурмистровъ и начальниковъ было человѣкъ до пятидесяти и болѣе, какъ опрокинулся на нихъ какъ лютой звѣрь съ превеликою яростію и сталъ допрашивать всѣхъ ихъ съ превеликимъ крикомъ и сердцемъ, такъ, какъ бы о какомъ важнѣйшемъ государственномъ преступленіи, угрожая ихъ и каторгою, и ссылкою, и отданіемъ всѣхъ дѣтей ихъ въ солдаты, буде не скажутъ правды, а именно: не приказано ли отъ меня имъ было давать квартиры виннымъ выставкамъ? Но какъ всѣ старосты единогласно ему отвѣтствовали, что не только отъ меня никогда такихъ приказаній не было, но имъ то-и-дѣло всѣмъ подтверждаемо было, чтобъ квартиръ не давать, какъ они никогда не даютъ и не давали, то сіе раздражило его еще пуще. Ему возмнилось, что всѣ они мною упрошены, чтобъ несказывать и что это моя интрига, и потому, чтобъ ихъ болѣе устрашить, закипѣвъ злобою, бросился онъ съ превеликою яростію на нѣкоторыхъ изъ нихъ съ палкою и сталъ дѣйствительно задѣвать ихъ и тузить по головамъ тростью и принуждать равно какъ неволею на меня сказывать.

— «Вы не бойтесь управителя! (кричалъ и вопилъ онъ имъ). Онъ ничего вамъ сдѣлать не можетъ. Я сей же часъ его смѣню! Скажите мнѣ только истину».

— Мы и сказываемъ ее вамъ, ваше сіятельство (отвѣчали они во многіе голоса), и что-жъ намъ сказать, когда чего не бывало; развѣ насильно лгать изволите приказать?

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили и отвѣчали ему всѣ старосты на всѣ его къ нимъ приставанія, продолжавшіяся болѣе четверти часа.

Я стоялъ въ сіе время, какъ вкопанной и не только удивлялся такому надъ мѣру строгому изслѣдованію, но трепеталъ духомъ, боясь, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ не струсилъ и отъ боязни дѣйствительно не взвелъ на меня какой-либо небылицы. Но пекущаяся обо мнѣ судьба подкрѣпила всѣхъ ихъ болѣе, нежели всѣ думали и ожидали. Они всѣ, не только всѣхъ его угрозъ и ударовъ палкою не устрашились нимало, но огорчившись тѣмъ, еще и громче и болѣе то слово твердить стали, что развѣ насильно хочетъ онъ ихъ заставить говорить неправду и сказывать то, чего не бывало. А сіе воспламенило его еще болѣе и довело до такого безумія, что сталъ имъ угрожать обритіемъ бородъ имъ. Симъ послѣднимъ надѣялся онъ, по внушеніямъ и совѣтамъ льстецовъ своихъ, всего болѣе устрашить мужиковъ; но они, услышавъ сіе, только всѣ разсмѣялись и не одинъ, а

многіе изъ нихъ вдругъ ему на то сказали:

— Въ этомъ воля ваша, и не только бороды, но хоть и головы намъ всѣ обрѣйте, а что не было, такъ не было, и сказать намъ нечего!

Взбѣсился и вспрыгался князь, сіе услышавъ. Онъ заревѣлъ на нихъ какъ тигръ и кричалъ, чтобъ скорѣе подавали фельдшера и съ бритвами, и прогнавъ за нимъ караульнаго капрала палкою, клялся небомъ и землею, что онъ дѣйствительно сіе исполнитъ.

Въ самое сіе время случилось бѣдняку, старшему моему канцеляристу Варсобину, отъ крайняго негодованія что-то пробормотать себѣ подъ носъ. И какъ, къ несчастію, стоялъ онъ неподалеку отъ князя и сей, оглянувшись, увидѣлъ его улыбающагося, какъ вдругъ опрокинулся на него какъ лютой звѣрь и завопѣлъ: «А ты что это тутъ бормочишь? Твои бездѣльничествы мнѣ всѣ давно уже извѣстны! вонъ отсюда! и прочь изъ моей команды! Не хочу я тебя болѣе имѣть у себя!» И велѣлъ вытолкать его вонъ.

Въ сію минуту вострепеталъ я духомъ, и сколь твердодушіе мое до сего ни было велико, но тогда поколебалось и оно, и я не утерпѣлъ, чтобъ не прервать своего молчанія, и ему, хотя съ возможнымъ хладнокровіемъ, сказалъ:

— «До сего я молчалъ, и ваше сіятельство изволили сами слышать и видѣть, а что я ихъ не упрашивалъ и не умолялъ, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ самихъ ихъ; но теперь принужденнымъ нахожусь сказать, что ежели симъ образомъ изволите насильно ихъ приневоливать сказывать то, чего не бывало, то не диковинка принудить ихъ взвесть на меня и самую церковную татьбу, и все, что вамъ будетъ угодно; но не знаю, похвально ли то для васъ будетъ?»

Пилюля сія, какова ни горька была, но онъ въ запальчивости своей проглотилъ ее, не почувствовавъ нимало ея горечи. И какъ въ самой тотъ моментъ вбѣжалъ безъ души и слуга его, брадобрѣй съ бритвою и ножницами въ рукахъ, то сказалъ только: «А вотъ посмотримъ, судырь, посмотримъ», и бросился волочь самъ и сажать на скамейку одного изъ старостъ, заставлять слугу своего стричь и брить ему бороду. По особливому счастію случилось, что жребій сей палъ и неслыханному поруганію сему подвергся одинъ изъ разумнѣйшихъ и неустрашимѣйшихъ старостъ: онъ не только не устрашился, но шолъ, смѣючись и, садяся на скамью, давалъ самъ бороду свою на обстриженіе и говорилъ только.

— «Воля ваша! не только бороду, но хоть голову извольте брить, намъ спорить въ томъ не можно! а чего не было, такъ не было, и лгать напрасно мы не хотимъ».

Сими словами онъ такъ всѣхъ сотоварищей своихъ подкрѣпилъ, что всѣ единогласно твердили то же, и какое ни началось чекрыженье и полосованіе бородъ, но — невѣроятное почти дѣло: ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ и косой мины, а всѣ садились смѣючись и почти съ хохотаньемъ, равно какъ бы ругаясь надъ самимъ княземъ.

Все сіе и сдѣлавшееся во время бритья сего молчаніе, соединенное съ явнымъ негодованіемъ, а паче всего нижеслѣдующія слова, проговоренныя въ толпѣ однимъ старикомъ, такъ что князь ихъ услышалъ: («отецъ нашъ, а вашъ батюшка, князь Сергѣй Васильевичъ этого-бы не сдѣлалъ; онъ насъ любилъ и не сталъ бы такъ позорить; дай Богъ ему здоровье!») такъ князя смутили и поразили, что онъ, каковъ ни золъ былъ, но не выдержалъ зрѣлища сего болѣе десяти минутъ; но увидѣвъ, что и симъ крайнимъ, насильственнымъ средствомъ и самымъ дурачествомъ своимъ не могъ ничего успѣть, пошолъ отъ насъ изъ канцеляріи, не сказавъ ни одного слова, и равно какъ обруганной; и возчувствовавъ всю дурноту содѣяннаго имъ, былъ во весь тотъ вечеръ такъ сердитъ, что не хотѣлъ говорить даже съ своими друзьями и наушниками ни единаго почти слова, а наутріе, въ самой скорости собравшись, и ускакалъ совсѣмъ вонъ изъ Богородицка.

Итакъ, самой сей и всего меньше всѣми

ожидаемой случай спасъ меня тогда отъ всей его лютости и разрушилъ вкупѣ всѣ бездѣльническіе происки и замыслы моихъ завистниковъ и недоброхотовъ. Я остался такъ, какъ былъ. И князь съ того часа сдѣлался тише и ко мнѣ нѣсколько благосклоннѣе, а они остались всѣ какъ оплеванные, и съ сего часа такъ прижали хвостъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ уже болѣе и помыслить о томъ, чтобъ проситься на мое мѣсто. Такъ хорошо, можетъ быть одумавшись, князь въ сердцахъ отбрилъ и самихъ ихъ въ тайнѣ и наединѣ за то, что они ввели его въ такую глупость пустыми своими наговариваніями и внушеніями.

Но какъ бы то ни было, но неожидаемой переворотъ сей и восторжествованіе надъ всѣми моими врагами было мнѣ крайне пріятно; но я восторжествовалъ еще болѣе, когда провожая князя до Бобрикъ, былъ тамъ свидѣтелемъ другой такой же, но для меня пріятнѣйшей сцены. Тамъ, какъ мною уже упомянуто, былъ управителемъ г. Верещагинъ, потаенной любимецъ и наперсникъ княжой, и не только изъ всѣхъ сокровеннѣйшихъ на меня клеветниковъ первѣйшій, но при описанныхъ выше сего въ Богородицкѣ произшествіяхъ также на меня посягавшій, и можетъ быть болѣе всѣхъ, при помощи своего и княжова друга г. Стрекалова, моего мѣста добивавшійся. Поелику князь сдѣлалъ такое безобразіе въ Богородицкѣ, то почиталъ за нужное такое же изслѣдованіе о выставкахъ сдѣлать, хотя для единой проформы, и въ Бобрикахъ. И какъ нашелъ онъ тамъ всѣхъ старостъ въ собраніи, то противъ всякаго ожиданія г. Верещагина, рѣшился онъ тотъ же часъ разспрашивать о томъ старостъ, хотя далеко не съ такою уже строгостію, запальчивостію и гнѣвомъ, но съ хладнокровіемъ. Но случись же такъ, что старосты, услышавъ о происходившемъ въ Богородицкѣ и убоясь, чтобъ князь и у нихъ не сталъ бородъ брить, ни съ другого слова сказали князю:

— «Что, ваше сіятельство! истинну сказать, въ Богородицкой волости, что не было, то не было, намъ всѣмъ это извѣстно, и что говорить! а у насъ....—«Что у васъ?» подхватилъ князь.—«Что, ваше сіятельство, грѣхъ утаить! у насъ былое это дѣло. Отъ Андрея Тимоѳеевича мы хотя и не одинъ разъ слышали приказаніе, чтобъ не давать выставкамъ квартиръ и не допускать ихъ до вседневной продажи вина; но эти проклятые цѣловальники покоя намъ не давали, и что говорить, иногда ласкою нашу братью на грѣхъ приводили, а иногда силою почти и наянствомъ своимъ на дворы съ бочками въѣзжали и продавали, и мы хотя не одинъ и много разъ докладывали о томъ вотъ Петру Алексѣевичу, чтобъ намъ не претерпѣть за то чего, но онъ намъ никакого на то отвѣта всякой разъ не давалъ, а говорилъ только, что это пустое и что это не наше, а его дѣло, и чтобъ мы отъ этого ничего не опасались».

Верещагинъ, услышавъ таковой всего меньше имъ ожидаемой на себя извѣтъ, обмеръ и такъ испужался, что не могъ князю ни одного слова въ отвѣтъ сказать, когда онъ, обратясь къ нему, его спросилъ: «Что это, братецъ! слышишьли?» и тотчасъ, схватя его за руку, повелъ въ комнаты и, затворившись съ нимъ въ особой, съ добрую четверть часа съ нимъ тамъ наединѣ пробылъ. Что они тамъ говорили, уже никто не узналъ, а только видѣли въ окно, что Верещагинъ становился предъ нимъ на колѣни и умолялъ о милости, а намъ только при выходѣ ихъ оттуда удалось услышать слѣдующія слова: «То-то, Петръ Алексѣевичъ! для другихъ умѣлъ ты копать яму, а теперь и самъ въ нее ввалился!» Но какъ я удивился, когда, вышедъ оттуда, нимало не сердился, не пошелъ уже болѣе и къ мужикамъ на дворъ, а велѣлъ ихъ всѣхъ распустить.—«Вотъ таково-то, сказалъ я самъ себѣ тогда, добрымъ людямъ лихо и напасть, а бездѣльникамъ вездѣ ничего». И хотя было мнѣ сіе очень чувствительно, но какъ князь со мною обращался уже гораздо лучше противъ прежняго, то сіе и поуспокоило меня нѣсколько, и я, желая сколько-ни-

будь отъ бывшей тревоги отдохнуть, съ удовольствіемъ остался тутъ, проводивъ князя, поѣхавшаго въ тотъ же день тутъ въ лѣса бобриковскіе за охотою.

Но удовольствіе мое еще несказанно увеличилось, когда я случайнымъ образомъ въ сей день отъ конюха своего узналъ въ подробности о помянутомъ послѣднемъ шильничествѣ Темешова, чего я до того времени никакъ не вѣдалъ. «Ахъ, ты, бормотъ, бормотъ!» обрадуясь тому чрезвычайно, говорилъ я самъ себѣ. «Ахъ ты скверной и негодной человѣкъ! Не сатана ли самая научила тебя эдакую пакость сдѣлать и такую тревогу произвесть? Вотъ для чего ты и сюда не поѣхалъ, какъ ни подзывалъ тебя князь? Но, молчи-жъ, дай мнѣ дождаться князя съ поля! Выведу же я тебя на чистую воду!»—и сталъ думать какъ бы мнѣ сіе сдѣлать лучше.

По моему счастію, поле въ сей день было для князя отмѣнно счастливо, и онъ возвратился какъ мѣдной грошъ, въ полной радости и удовольствіи. Были съ нимъ въ сей день Власовъ и нѣкто Москотиньевъ, и натравили они множество зайцевъ; и какъ князя ничто въ свѣтѣ такъ обрадовать и увеселить не могло, какъ таковая удача, то былъ онъ весь сей вечеръ веселымъ-веселёхонёкъ, что увидѣвъ и разсудилъ я употребить сей случай въ пользу. И между тѣмъ, какъ они въ полномъ удовольствіи упражнялись въ обыкновенныхъ своихъ о псахъ и зайцахъ рыцарскихъ разговорахъ, пригорюнившись нарочно, сѣлъ я въ уголокъ и принялъ на себя видъ печальнаго человѣка и чрезъ то подалъ поводъ замѣтившему сіе князю подойтить ко мнѣ и сказать: «Ну, а ты что такъ не веселъ? Не болѣнъ ли?»

— Нѣтъ, ваше сіятельство! (сказалъ я). Я здоровъ, а у меня изъ головы нейдетъ вчерашній напрасной гнѣвъ вашъ на меня. Дѣло-то обнаруживается, и выходитъ то, чего не только мы, но и вы не воображали себѣ.

— «А что такое?» (подхватилъ князь).

— А то, что Темешовъ не даромъ сюда съ вами не поѣхалъ, какъ вы ни изволили его уговаривать, а ускакалъ скорѣе домой. Не нужды его протурили, а боязнь, чтобъ вы о его бездѣльничествѣ не узнали!

— «О какомъ такомъ?»

— Онъ изволилъ позабавиться надъ вами и пошутить такъ, что врядъ-ли вы ему за то спасибо скажете. Бездѣльникъ небось и теперь смѣется и хохочетъ на вашъ счетъ.

— «Помилуй, скажи, что такое?» (подхватилъ смутившійся князь).

— Какъ бы вы думали? Открылось вотъ что: выставки-то въ Кузовкѣ, гдѣ вы ночью изволили ѣхать, вовсе не было и нѣтъ, и цѣловальника не раживалось. Я нарочно посылалъ узнавать объ ней, и ко мнѣ вотъ недавно пріѣхали съ точнымъ донесеніемъ, что избушка та была совсѣмъ пустая и что жилъ въ ней богадѣльникъ, дни за два до того умершій, и стояла тогда совсѣмъ порожняя и пустая.

— «Какъ это можно? Да съ кѣмъ же онъ тогда говорилъ? Я самъ своими ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ съ цѣловальникомъ.»

— Совсѣмъ тѣмъ, цѣловальника никакого и въ избушкѣ ни жадной души не было; а онъ изволилъ самъ съ собою разглагольствовать, и предлагая вопросы перемѣннымъ голосомъ, самъ же и отвѣчалъ себѣ, и тѣмъ-то позабавился надъ вами.

— «Какъ это можно, и не вправду-ли?»

— Дѣйствительно такъ. Извольте хоть сами спросить конюха, которой ѣхалъ позади васъ, на другихъ дрожкахъ, и будучи ближе васъ къ нему, это явственно видѣлъ и слышалъ, и смѣялся еще тому, что онъ такъ проказничаетъ.

— «Но эта проказа-та меня и за живое задѣваетъ! Ахъ, бормотъ, бормотъ! охъ проклятой человѣкъ! Ну, развѣдался-бъ я съ нимъ, еслибъ онъ здѣсь теперь былъ! Возможно ли, какихъ пакостей онъ натворилъ и до чего меня тѣмъ довелъ!»

— Да и вмѣсто старосты-то Рогачевскаго чуть-ли не онъ же ли вамъ своего

мужика представлялъ, и что ему вамъ сказывать настропалъ. Видѣли, что онъ съ какимъ-то мужикомъ долго наединѣ за кустомъ говорилъ.

— «Ну, это статься можетъ, я и самъ уже догадывался, что тутъ его были блохи! да и по всему вижу, что это его были довѣсти. Ахъ, бездѣльникъ, бездѣльникъ!.. а все твое мѣсто ихъ съ ума сводило. Хорошъ, братъ, и судья-то вашъ красноражій, и вотъ, что съ угрями-то на лицѣ, какъ бишь его?.. Да, Арсеньевъ».

— А что такое? (спросилъ я).

— «Послушалъ бы ты, что онъ мнѣ на тебя насказывалъ, и что о тебѣ говорилъ! И сему-то ослу хотѣлось быть на твоемъ мѣстѣ! Но увидятъ они его развѣ на томъ свѣтѣ или во снѣ!

Поразился я, сіе услышавъ, удивленіемъ превеликимъ, и только сказалъ на сіе: «Богъ съ нимъ, когда ему такъ хотѣлось!»

— «Но, какъ бы, Андрей Тимоѳеевичъ, помолчать обо всемъ томъ и не разглашать всего этого... пожалуйста! А обо мнѣ, мой другъ, будь увѣренъ, что впередъ меня эти бездѣльники не собьютъ уже съ пути, а я о тебѣ какъ прежде былъ, такъ и впредь останусь хорошаго мнѣнія. Позабудемъ прошедшее! Оно къ твоей же пользѣ послужило и меня въ прежнихъ о тебѣ хорошихъ мысляхъ утвердило».

— Хорошо, ваше сіятельство! помолчать, такъ помолчать!

—«А то вѣдь, пропади они совсѣмъ! всѣ эти негодяи станутъ смѣяться и трунить надо мною.»

— То-то и дѣло! (сказалъ я). Это я самъ знаю. Извольте, ваше сіятельство, быть съ сей стороны спокойнымъ!

— «Но будь же и ты, мой другъ, повеселѣе! сказалъ наконецъ, князь, и перестань на меня досадовать! Отъ этихъ негодницъ и самъ Христосъ не отдѣлается, и самого ангела они смутили-бъ. Ахъ, бездѣльники, бездѣльники!

Сказавъ сіе, пошелъ онъ отъ меня прочь къ своей веселой компаніи и скрылъ такъ хорошо свою досаду, что никто того не примѣтилъ, а и мнѣ не было дальнаго повода разглашать о томъ, а я доволенъ былъ, что все дѣло мое такой переворотъ и такое хорошее окончаніе получило.

Князь и дѣйствительно съ сего времени сдѣлался ко мнѣ добрѣе и обращаться сталъ со мною совсѣмъ инако, и наконецъ, предъ отъѣздомъ своимъ, такъ удобрился, что спросилъ меня: не имѣю ли я опять какой нужды въ Москвѣ и не надобно ли мнѣ въ ней побывать опять?—«Хотѣлось было, сказалъ я, будущею зимою съѣздить въ нее съ женою и дѣтьми и пожить сколько-нибудь, чтобъ поучить дочь свою танцовать».—«Ну, такъ съ Богомъ! поѣзжай себѣ; пожалуй, и живи сколько хочешь, мы тебѣ ради будемъ».

Симъ образомъ, ни думано-ни гадано, попримирились мы съ княземъ, и я, проводя его, съ спокойнѣйшимъ уже духомъ поѣхалъ назадъ въ Богородицкъ и во всю дорогу не могъ довольно нахохотаться и надивиться всему происходившему.

Вотъ какимъ образомъ кончилась и сія вторая мнѣ передряга, или прямѣе сказать, траги-комедія. Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 21-го дня 1809 года).

Письмо 208-е.

Любезный пріятель! Сіе письмо начну я замѣчаніемъ, что день отъѣзда княжова изъ Бобриковъ, примирившій меня, какъ я упоминалъ, съ симъ вспыльчивымъ горделивцемъ, былъ для меня въ особливости достопамятенъ тѣмъ, что случился онъ быть днемъ моего рожденія, ибо происходило сіе 7-го октября, и я тѣмъ равно какъ получилъ имянинной подарокъ и былъ доволенъ, что противъ всякаго чаянія случилось мнѣ сей день провесть въ веселомъ духѣ; я чувствовалъ тогда такое удовольствіе, какъ бы послѣ продолжительнаго, скучнаго, холоднаго и мрачнаго ненастья, при проглянувшемъ опять солнцѣ и возвратившемся теплѣ, и потому не съ унылымъ, а радостнымъ духомъ началъ я проживать 44-й годъ теченія моей жизни.

Ѣдучи изъ Бобрикъ въ Богородицкъ, имѣлъ я во время сего путешествія довольно времени и досуга къ обдуманію всѣхъ случившихся въ послѣдніе дни предъ тѣмъ со мною происшествій и къ обозрѣнію оныхъ философическимъ взоромъ. И могу сказать, что чѣмъ болѣе я оныя разсматривалъ, тѣмъ болѣе находилъ я въ нихъ опять явныхъ дѣйствій и очевидныхъ доказательствъ пекущагося о благѣ моемъ Промысла Господня, обратившаго все, приуготовляемое завистниками моими, чрезъ адскія ихъ злоухищренія, мнѣ толь великое и неизбѣжимое почти зло на собственныя ихъ главы, съ чувствительнымъ поруганіемъ и посрамленіемъ, мнѣ же, вмѣсто чаемаго ими вреда, въ существительную пользу. Ибо, вмѣсто ожидаемаго ими навѣрное лишенія меня моего мѣста, я чрезъ самой сей случай еще тверже въ ономъ утвердился. И не явно ли оной доказалъ, что если кому что ниспослано и даровано отъ щедроты и благости самого Господа, такъ никакая смертная тварь безъ святого его попущенія лишить его не можетъ, и что онъ умѣетъ уже находить и средствы къ недопущенію до того, чтобъ дары его могли кѣмъ быть отняты. При помышленіяхъ таковыхъ, весь духъ мой воспламенялся благоговѣніемъ ко Всемогущему, и я устами и сердцемъ благодарилъ Господа моего за покровительство столь явное и блистательное!

Но при семъ одномъ я не остался, а философствуя далѣе, помышлялъ о томъ, какъ бы мнѣ не одними только словами, а чѣмъ-нибудь существеннѣе возблагодарить за сію оказанную мнѣ милость моего небеснаго Отца, заступника и покровителя; и лучшаго не находилъ, какъ дѣяніемъ, сообразнымъ съ его святою волею и точнѣйшими его повелѣніями, состоящими въ томъ, чтобъ не мстить мнѣ самому нимало всѣмъ, извѣстнымъ уже тогда мнѣ недоброхотамъ и завистникамъ за зло и вредъ, ими мнѣ приготовляемой, а предоставить сіе на святѣйшій произволъ Господа. И съ своей стороны, не мѣшаясь въ сіе, какъ не въ свое, а Господу надлежащее дѣло, во исполненіе точной воли его, всѣхъ ихъ великодушно простить и приписывать все то не ненависти ихъ ко мнѣ и злобѣ, которыхъ имъ ко мнѣ имѣть было не за что, поелику я съ ними, какъ съ искренними друзьями, обходился и имъ никогда ничего злого не сдѣлалъ, а единственно, сродной человѣчеству, ихъ слабости и стремленію къ пріобрѣтенію себѣ кривыми путями пользы, также весьма натуральному,—а всходствіе того, сказавъ только: «э! Богъ съ ними», положилъ нимало не перемѣнять своего прежняго съ ними дружескаго обращенія, и чрезъ самое то заставить ихъ чувствовать тайное угрызеніе собственной ихъ совѣсти. И какъ сіе дѣйствительно и исполнилъ, то впослѣдствіи времени и имѣлъ удовольствіе видѣть всѣхъ ихъ ко мнѣ отмѣнно благопріятствующихъ, и дружескимъ своимъ со мною обращеніемъ равно какъ старающихся загладить свои безсовѣстные противъ меня при помянутыхъ происшествіяхъ поступки и злоухищренія.

Съ сими помышленіями возвратился я къ своимъ домашнимъ еще довольно рано. Сіи ожидали меня со страхомъ и трепетомъ и полагали уже почти за вѣрное, что пріѣду я къ нимъ не съ радостнымъ извѣстіемъ, но отрѣшеннымъ уже отъ своего мѣста. По веселой и радостной мой видъ при входѣ оживилъ и ободрилъ ихъ чрезвычайно. У насъ въ самое то время случилось быть въ гостяхъ нашему городничему съ его семействомъ. И сей, не участвовавшій нимало въ бездѣльническихъ на меня наговорахъ, а любившій меня и домъ нашъ искренно, нарочно для того къ домашнимъ моимъ пріѣхалъ, чтобъ навѣстить ихъ въ огорченіи и, принимапіемъ участія своего во всѣхъ нашихъ неудовольствіяхъ о происходившемъ, разсѣять сколько-нибудь ихъ мысли. А потому, не успѣли они меня увидѣть, какъ всѣ въ разные голоса стали меня спрашивать: «Что, батюшка? Что у васъ тамъ? Не было ли опять чего? и съ чѣмъ разстались вы съ княземъ?—«Съ тѣмъ—смѣючись сказалъ я,—что я теперь уже не

управитель Богородицкой, какъ хотѣлось добрымъ людямъ, и къ несчастію еще не одному, а цѣлой полдюжинѣ. И то-то, можетъ быть, и помогло, что никто изъ нихъ на мое мѣсто не попалъ, а я остался тотъ же, да тотъ же, да еще понадежнѣе на этомъ мѣстѣ. Словомъ, всѣ каверзы и дрязги, слава Богу, кончились, всѣ бездѣльничествы добрыхъ людей открылись и открылись сами собою. Всѣ они одурачили и посрамили только самихъ себя и ввели въ дурачествы и князя, а мнѣ тѣмъ ничего не сдѣлали. Князь самъ мнѣ все и все, что было и происходило, разсказалъ; но я смѣялся и смѣюсь только всему! Богъ съ ними! а доволенъ тѣмъ, что съ княземъ разстался я очень хорошо, и у насъ съ нимъ было ни лой, ни масло! и онъ не только увѣрилъ меня, что впередъ никакихъ наговоровъ на меня не будетъ слушать, но при отъѣздѣ самъ еще у меня спросилъ, не пріѣду ли опять зимою въ Москву, и нѣтъ ли мнѣ какой надобности? И какъ я сказалъ, что мы помышляли-было о томъ, чтобъ побывать въ Москвѣ съ женою и дѣтьми будущею зимою, то онъ съ превеликою охотою не только дозволилъ, но сказалъ, что можемъ мы жить тамъ сколько хотимъ, и что онъ пріѣзду моему еще радъ будетъ».

— «Ну, слава, слава Богу! воскликнули всѣ мои домашніе; а то же подтвердили и городничій съ женою, увѣряя, что они очень тому ради, и что искренно сожалѣли обо мнѣ, слышавъ все происходившее.—«Въ этомъ я не сумнѣваюсь нимало, сказалъ я, и покорно васъ за сіе благодарю». Но какъ городничиха начала-было изъ любопытства выпытывать отъ меня о именахъ искателей моего мѣста, то я тотчасъ ей на сіе сказалъ: «И, матушка! я уже и позабылъ ихъ... Богъ съ ними! и что о томъ говорить? Дѣло прошлое! И на что упоминать?—А напойте-ка меня (обратясь къ домашнимъ своимъ я сказалъ) чаемъ; а тамъ засядемъ-ка, Антонъ Никитичъ, опять за нашъ любезной ломберъ, и проведемъ сей вечеръ по прежнему съ удовольствіемъ, благо въ сегоднишній день я за 43 года до сего родился».

Симъ образомъ, шутя, отклонилъ я отъ себя соотвѣтствованіе на всѣ ея спросы и разспросы, вѣдая, что она услышанное не преминетъ всѣмъ разблаговѣстить, и заведя разговоръ о иной матеріи, и напившись чаю, усѣлся съ ними играть въ карты съ такимъ духомъ, какъ бы ничего со мною не было и не происходило. И мы дѣйствительно провели сей вечеръ отмѣнно весело и я не отпустилъ ихъ отъ себя безъ ужина.

По коммиссія на меня была иттить въ послѣдующій день къ судьѣ нашему, г. Арсеньеву, сказывать, что князь не велѣлъ мнѣ дозволять и допускать его ѣздить по волостнымъ дачамъ съ собаками, что мнѣ дѣйствительно князь при отъѣздѣ приказалъ. Для меня, по расположенію духа моего, было это такъ трудно, что я даже не собрался съ духомъ ему сіе въ тотъ день сказывать, а отложилъ то до другого дня. Но какъ необходимо надобно было сіе исполнить, то пошелъ, наконецъ, къ нему и не оказывая ни малѣйшаго вида какого-либо неудовольствія на него, а обращаясь по прежнему съ нимъ дружески, искуснымъ образомъ и съ изъявленіемъ сожалѣнія своего далъ ему знать, что князю не угодно, чтобъ онъ ѣздилъ безъ него въ нашихъ дачахъ съ собаками. Г. Арсеньевъ воспламенился даже весь въ лицѣ сіе услышавъ, однако принужденъ былъ молча проглотить сію пилюлю; а чтобъ онъ не возмечталъ, что сіе произошло отъ меня, то прося его, чтобъ онъ не подумалъ, что я къ тому чѣмъ-нибудь поспѣшествовалъ, клялся ему Христомъ и Богомъ, что у меня и на умѣ и въ мысляхъ того не было; и въ дальнѣйшее утѣшеніе его ему сказалъ, что не одному ему, но и Власову также запрещено и въ нашихъ и въ Бобриковскихъ дачахъ ѣздить. Сіе сколько-нибудь его поутѣшило, и какъ онъ увидѣлъ, что впрочемъ обходился я съ нимъ по прежнему дружески и какъ бы ничего объ немъ и о мытарствѣ его не вѣдалъ, хотя городничиха

наша и успѣла уже ему все слышанное отъ меня пересказать, и онъ о томъ, что князь мнѣ все и все пересказалъ, вѣдалъ; то, соотвѣтствуя пріятельскому моему съ нимъ обращенію, и самъ всячески по прежнему ко мнѣ и болѣе еще ласкался и не зналъ, какъ изъявить удовольствія своего о томъ, что я оставленъ опять въ своемъ мѣстѣ и всѣ бывшія дрязги кончились, и все получило такое хорошее окончаніе. А чтобъ отъ себя отвалить, то вздумалъ было ругать и бранить бормота Темешова, говоря, что все это было отъ него; но я, не давъ ему болѣе о томъ говорить, и ему также сказалъ: «Богъ съ нимъ! И что о томъ говорить, дѣло уже прошлое»!

Такимъ же точно образомъ поступилъ я и съ Верещагинымъ и его сестрами, о которыхъ хотя съ достовѣрностію узналъ, что отъ нихъ много всякой всячины насказано и внушено было о женѣ моей княгинѣ, и что дьявольскія злоухищренія ихъ до того простирались, что онѣ не устыдились собственно самими ими намъ о княгинѣ говоренныя слова пересказать ей, какъ бы говоренныя моею женою; но мы все то презрѣли и нимало прежняго нашего дружескаго обращенія не перемѣнили, равно какъ не подали и вида, что намъ дѣла ихъ были извѣстны. Но какъ узнали о томъ совсѣмъ не отъ насъ, а стороною, то совѣсть ихъ такъ угрызала, что и сами онѣ съ сего времени были къ намъ гораздо ласковѣе и дружелюбнѣе.

Теперь, возвращаясь къ нити прежняго моего повѣствованія, скажу, что не успѣлъ я сжить съ рукъ своего князя, и послѣ бывшихъ, столь досадныхъ себѣ, передрягъ опять сколько-нибудь оправиться и собраться съ духомъ,—какъ приступилъ къ прежнимъ своимъ литературнымъ упражненіямъ и употреблялъ къ тому все остающееся отъ прочихъ дѣлъ и отъ разъѣздовъ по волости время. И какъ оставалось въ Москвѣ уже мало запаснаго для «Магазина» моего матеріала, то спѣшилъ скорѣе заготовить его столько, чтобъ онаго на всѣ достальные мѣсяцы сего года стало, желая уже скорѣе отъ сего многотруднаго дѣла отвязаться и свалить съ себя сіе тяжкое бремя, ибо надобно знать, что какъ при помянутыхъ передрягахъ, князь меня то-и-дѣло попрекалъ многимъ моимъ писаніемъ, о которомъ ему, видно, было пересказано, то сіе такъ меня тогда огорчило, что я, при случаѣ писанія въ самое сіе смутное время къ Новикову письма, между прочимъ, съ досады написалъ ему, что я впредь и на будущій годъ журнала своего продолжать не располагаюсь, и чтобъ онъ зналъ о томъ предварительно и объявилъ бы то, какъ зналъ, публикѣ.

Итакъ, въ концѣ сего мѣсяца и отправилъ я къ нему послѣдній матеріалъ для текущаго года, и свалившъ сіе бремя съ плечъ своихъ долой, началъ заниматься переписываніемъ набѣло вновь сочиненной мною драмы «Награжденной добродѣтели».

По окончаніи сего дѣла, принялся я за переводъ Геценовыхъ славныхъ проповѣдей «О началѣ и концѣ міра», и для лучшаго привлеченія читателей придавать имъ видъ не проповѣдей, а разсужденій, въ каковомъ видѣ онѣ послѣ особою книжкою и напечатаны были.

Къ сему новому труду побудило меня наиболѣе то, что книжка моя, подъ заглавіемъ «Чувствованія христіанина» вышла уже около сего времени изъ печати безъ малѣйшей перемѣны во всѣхъ моихъ словахъ, и что г. Новиковъ, при пересылкѣ ко мнѣ выговоренныхъ по условію 15-ти экземпляровъ, писалъ, что принята она московскою публикою чрезвычайно хорошо и съ отмѣнною похвалою. Что-жъ касается до меня, то я не могъ довольно нарадоваться, увидѣвъ ее въ печати и ею налюбоваться. И поученіе оной доставило мнѣ столько удовольствія, что я уже и однимъ тѣмъ слишкомъ награжденъ былъ за трудъ, къ сочиненію оной употребленной.

Вскорѣ за симъ случилось намъ чрезвычайнымъ образомъ поразиться одною нечаянностію. Какъ мы давно не видались съ благопріятствующею къ намъ всегда госпожею Бакунинрою, то со-

брались мы однажды къ ней около сего времени съѣздить. Поелику жила она отъ насъ верстъ 15 или болѣе, то обыкновенно ѣзжали мы къ ней всегда послѣ обѣда и у ней ночевывали. А такимъ точно образомъ и въ сей разъ, поѣхавъ къ ней послѣ обѣда, пріѣхали уже передъ самымъ вечеромъ и удивились, нашедъ у ней цѣлую толпу гостей и въ такихъ нарядахъ какъ бы на какомъ сборномъ праздникѣ. Но удивленіе наше увеличилось еще несказанно, когда хозяйка, изъявляя удовольствіе свое о нашемъ пріѣздѣ, сказала намъ, что она въ этотъ день сговорила дочь свою въ замужество. Смутились мы, сіе услышавъ, и стали извиняться передъ нею, что мы никакъ не умышленно, но совсѣмъ того не зная, къ ней пріѣхали и, можетъ быть, при такомъ случаѣ совсѣмъ излишніе и имъ помѣшать можемъ. Но она стала клясться и божиться, что она намъ очень рада, что дѣло уже кончено и мы ни малѣйшаго помѣшательства имъ не сдѣлаемъ. Сіе побудило меня спросить ее: «Да умилосердитесь, матушка! Скажите, по крайней мѣрѣ намъ, за кого такого?»

— «Да за подкомандующаго вашего, сказала она: Петра Алексѣевича Верещагина». Сіе поразило насъ до такой степени удивленіемъ, что мы едва собрались съ духомъ ее съ сею радостію поздравить. Ибо надобно сказать, что мы не только о семъ сговорѣ, но ниже о сватовствѣ ихъ ничего до того не слыхали и совсѣмъ того не знали, и не могли не только надивиться, но и постигнуть того, какъ она рѣшилась дочь свою, дѣвушку достойную и предостойную и которая у ней, кромѣ сына, одна только и была, отдавать за такого мотарыгу и прощлеца, каковъ былъ г. Верещагинъ, и котораго не слишкомъ похвальное поведеніе было всѣмъ и всѣмъ довольно извѣстно.

Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были и его, появившагося къ намъ изъ другой комнаты, куда-было онъ при пріѣздѣ нашемъ уклонился, поздравлять съ его благополучіемъ и брать въ ихъ радости соучастіе. Совсѣмъ тѣмъ я не утерпѣлъ, чтобъ, его отведя потомъ къ сторонѣ, ему не сказать: «Помилуй, братецъ! что это за секретничанье и такое сокрываніе отъ насъ твоего сватовства? Неужели ты опасался, что мы разбивать бы стали? Смѣшно бы то истинно было, еслибъ ты сіе и подумалъ, зная, какъ я дружески съ тобою всегда обходился и обхожусь?»

Стыдно тогда молодцу было, а не менѣе и его нареченной тещѣ, и они не знали уже чѣмъ и какъ себя въ томъ извинить. Но какъ намъ сторона было дѣло, то мы охотно и приняли ихъ ничтожныя извиненія, и дѣйствительно взяли въ ихъ радости соучастіе, хотя впрочемъ я во весь вечеръ не могъ тому надивиться, какъ умѣлъ сей хитрецъ подбиться къ ней въ любовь и смастерить это дѣло; но послѣ узнали мы, что весьма много помогло къ тому то, что самой невѣстѣ какъ-то онъ понравился отмѣнно и она, будучи уже гораздо посидѣлою дѣвушкою, захотѣла сама за него выйтить, а матери ея хотя сначала того и не хотѣлось, но какъ она ее не очень долюбливала, а обожала только своего, учащагося въ нашемъ пенсіонѣ, сына, то она съ досадою, наконецъ, и дала на то свое уже соизволеніе. Но, ахъ! какъ мало она знала тогда, что не сынъ, а самая сія нелюбимая дочь, отдаваемая тогда ни съ чѣмъ и съ приданымъ очень малымъ, будетъ наконецъ всему стяжанію ея наслѣдницею и утѣшеніемъ ея старости.

Впрочемъ, самой сей нашъ нечаянной пріѣздъ произвелъ то, что нельзя уже было Верещагинымъ, чтобъ не пригласить насъ къ себѣ на свадьбу, чрезъ немногіе дни послѣ того быть долженствовавшую. Итакъ, они всѣмъ своимъ семействомъ не только насъ приглашать, но и убѣдительнѣйшимъ образомъ просить стали, чтобъ мы ихъ при семъ случаѣ не оставили, и намъ хотя и былъ резонъ сіе отъ себя отклонить, что и учинить бы легко могли за всѣ его противъ насъ коварные поступки и интриги, но я и при семъ

случаѣ не хотѣлъ имъ тѣмъ нимало мстить, но, презрѣвъ все, безъ дальнаго сопротивленія, а паче всего по убѣжденію его матери, старухи очень доброй и нами любимой, на то согласился.

Итакъ, 11-го ноября, то-есть предъ самыми почти заговинами, мы на сію свадьбу и поѣхали, а 12-го числа молодца сего на госпожѣ Бакуниной женили. И я принужденъ былъ играть при семъ случаѣ ролю посаженнаго отца и имѣть при томъ хлопотъ полонъ ротъ; а не меньше досталось на свою часть и женѣ моей. Мы провели у нихъ по сему случаю дни четыре въ Бобрикахъ, а потомъ ѣздили вмѣстѣ съ молодыми на отводной пиръ къ г-жѣ Бакуниной, и я радъ былъ, что имѣлъ случай и сему человѣку за зло отплатить добромъ: но за то и воспользовался я въ послѣдующее время всегдашнимъ его ко мнѣ и искреннимъ уже дружествомъ.

Въ послѣдующій за симъ Филипповъ постъ не произошло у насъ ничего особливаго и такого, о чемъ стоило бы упомянуть. Мы провели весь оной по прежнему въ мирѣ и тишинѣ, и хотя далеко не такъ весело, какъ въ прежніе годы, однако безъ скуки. Утренніе часы и все дневное время посвящали мы на обыкновенныя свои дѣла, приватнымъ и по должности, а вечернее наиболѣе на угощенія другъ друга; ибо вечеринки у насъ, хотя гораздо рѣже, но все продолжались по прежнему, и не проходило воскреснаго дня и праздника, въ которой не было бы у кого-нибудь изъ насъ общаго съѣзда и собранія. Сверхъ того, бывали нерѣдко у насъ и проѣзжіе друзья наши и знакомцы, да и сами мы ѣздили къ уѣзднымъ нашимъ знакомымъ, и объѣзжая всѣхъ своихъ друзей, живущихъ въ сторонѣ къ Крапивнѣ, кромѣ только Темешова, съ которымъ не имѣлъ я охоту продолжать свое знакомство и оставилъ его съ покоемъ, хотя онъ, видая кой-гдѣ меня, вертѣлся предо мною, какъ самой бѣсъ и всячески ласками своими вину свою загладить старался.

Къ прочимъ и маловажнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ, во-первыхъ, то, что я окончилъ свой переводъ Геценовыхъ проповѣдей и отослалъ ихъ къ г. Новикову для напечатанія, буде онъ на то рѣшится. Во-вторыхъ, что мы ненарочнымъ образомъ получили къ себѣ въ городъ хорошаго переплетчика, котораго у насъ до сего времени не доставало. Былъ то одинъ пьянюшка, старичокъ-нѣмецъ и знакомой нашему лекарю, по имени Иванъ Андреевичъ Банніеръ. Сему, впрочемъ очень доброму, неглупому и весьма услужливому человѣку случилось въ Москвѣ пьяному какъ-то отзнобить у себя пальцы на ногахъ, и какъ они у него гнили, то пріѣхалъ онъ къ лекарю нашему лечиться; а сей не только его вылечилъ, но уговорилъ остаться навсегда у себя жить для компаніи и довольствоваться столомъ его, а между тѣмъ завестись всѣми нужными для переплетанія книгъ инструментами и продолжать отправлять рукомесло свое, на что онъ, будучи крайне трудолюбивымъ человѣкомъ, охотно и согласился. Итакъ, отвели мы ему для житья и работы особыя комнаты въ одномъ флигелѣ, построенномъ на дворѣ гошпитальномъ, и были имъ очень довольны. Онъ переплеталъ не только книги, и весьма хорошо, но будучи затѣйливымъ человѣкомъ, дѣлалъ изъ политуры разныя коробочки, зеркальцы и прочія тому подобныя вещицы и на продажѣ ихъ получалъ себѣ изрядной доходецъ. Съ моей же стороны я всего болѣе доволенъ былъ тѣмъ, что получилъ въ немъ новаго еще человѣка, съ которымъ могъ я заниматься разговорами на любимомъ моемъ нѣмецкомъ языкѣ и чрезъ то подтверждать оной, и какъ онъ былъ любопытной и во многихъ вещахъ свѣдущій и любившій читать газеты и книги человѣкъ, то было мнѣ съ нимъ всегда нескучно.

Въ-третьихъ, случилось нашему городничему какъ-то поразмолвиться съ своею женою, женщиною, употреблявшею иногда втайнѣ излишнюю рюмку вина и при всѣхъ такихъ случаяхъ очень вздорною. И не знаю уже за что-то они такъ од-

нажды разсорились и она такъ взбѣсилась, что даже ушла отъ своего кроткаго и смирнаго мужа, и я, по просьбѣ его, принужденъ былъ ѣздить по городу ее отыскивать и потомъ мирить ихъ между собою, чт мнѣ наконецъ и удалось.

Между тѣмъ настала у насъ и шла своимъ чередомъ зима, и нечувствительно стали приближаться наши святки и новой годъ. И какъ къ сему времени располагались мы ѣхать въ Москву со всѣмъ уже семействомъ, кромѣ самыхъ маленькихъ дѣтей и пожить въ ней нѣсколько недѣль, то послали предварительно туда человѣка нанять себѣ квартиру и прiискать къ тому гдѣ-нибудь порядочной домикъ, которой и нашли намъ на Покровкѣ.

Къ ѣздѣ сей побуждало насъ наиболѣе то, что хотѣлось намъ старшую дочь нашу и сына поучить формально танцованью; а сверхъ того, какъ первая достигла уже до такого возраста, что вскорѣ могла уже быть и невѣстою, то нужно было позаготовить ей кое-что и для будущаго приданаго, а мнѣ нужно было повидаться и счесться по дѣламъ нашимъ съ г. Новиковымъ.

Итакъ, какъ скоро получили мы извѣстiе, что домъ для насъ нанятъ и готовъ, то отправивъ, и съ кормомъ для лошадей и со всѣми другими нужными для московскаго житья потребностями, цѣлой обозъ, вслѣдъ за ними и сами отправились, и за нѣсколько дней до наступленiя новаго года туда и прiѣхали.

Тутъ не успѣли мы обострожиться и въ на[illegible]ъ для насъ, довольно просторномъ и изрядномъ спокойномъ домѣ расположиться, какъ повстрѣчалось со мною одно произшествiе, достойное записано быть для памяти. Случилось такъ, что при самомъ еще первомъ нашемъ выѣздѣ со двора въ гости къ однимъ нашимъ друзьямъ, жившимъ тогда подъ Донскимъ, какъ вдругъ почувствовалъ я въ груди своей такой рѣзь и такой напалъ на меня кашель, какого я никогда еще не чувствовалъ, и который не только удивлялъ меня своею особливостiю, но и приводилъ ежеминутно почти отъ часу въ примѣтнѣйшее разслабленiе.

— «Господи! что это такое? говорилъ я: уже не нынѣшняя ли московская болѣзнь, и не она ли уже успѣла заразить меня собою?» Ибо надобно знать, что около самаго сего времени страдала вся Москва повальнымъ и особаго рода кашлемъ, и больныхъ было въ ней многiя тысячи и доходило до того, что господа медики не знали чтò и дѣлать, и совѣтывали уже всѣмъ дома свои накуривать уксусомъ и брать всѣ нужныя при такихъ повальныхъ болѣзняхъ предосторожности, и не зная еще какая бы такая была сiя новая и необыкновенная болѣзнь, сваливающая людей въ сутки съ ногъ долой, назвали ее «инфлюенцiею» и приписывали ее особливому расположенiю воздуха.

Съ превеликимъ трудомъ и насилiемъ для себя препроводилъ я сей день въ гостяхъ помянутыхъ, и какъ надобно было еще въ самой тотъ же вечеръ ѣхать съ ними въ театръ, то, будучи въономъ и прозябши, тѣмъ еще болѣе и до того себя разстроилъ, что я наконецъ такъ ослабѣлъ, что съ нуждою доѣхалъ домой и тотчасъ рынулся въ постелю. Тутъ, недолго думая, велѣлъ я скорѣе отыскивать свой собственной простудной декоктъ, которой я, еще будучи въ Кiясовкѣ и упражняясь въ ботаникѣ, началъ составлять изъ буквицы, шалфея и ромашки, полагая первой двѣ части, а послѣднихъ по одной, и котораго о чрезвычайной полезности изъ многократной опытности я такъ былъ удостовѣренъ, что никуда вдаль не ѣзжалъ, не бравъ его съ собою. И какъ по сему самому и въ сей разъ позапасся я имъ въ нарочитомъ количествѣ, то не успѣли мнѣ его въ чайничкѣ сварить, какъ ну я его скорѣе, подслащивая медомъ, пить и пить болѣе еще обыкновенной пропорцiи, 4-хъ чашекъ. И безцѣнной декоктъ сей помогъ мнѣ и при семъ случаѣ такъ хорошо, что вся болѣзнь моя въ теченiе ночи прошла, и я поутру всталъ опять здоровымъ-здоровехёнекъ.

Обрадуясь сему, велѣлъ я тотчасъ запрягать себѣ карету, чтобъ въ то же утро съѣздить къ Новикову. Но какимъ изумленіемъ я поразился, когда посыланной съ симъ приказаніемъ слуга, возвратясь, мнѣ сказалъ, что запрягать карету некому и ѣхать мнѣ не съ кѣмъ. «Да гдѣ же подѣвались и кучеръ, и лакей?» спросилъ я. —«Всѣ, судырь, больны отвѣчалъ онъ: и кучеръ, и форейторъ, и лакей вдругъ заболѣли и лежкою всѣ лежатъ, и одинъ только я на ногахъ».—«Ахъ, батюшки мои! воскликнулъ я, и вѣрно также грудью и кашлемъ?»—«Точно такъ (сказалъ онъ): и всѣ сами дивятся, что такъ дружно ихъ свалило. Да я вотъ и самъ насилу уже брожу».—«Ну, нечего-жъ дѣлать (сказалъ я), быть сидѣть дома и чѣмъ-нибудь уже заниматься; а ты, между тѣмъ, поди-ка и вели скорѣй наставить на огонь большой чайникъ съ водою, и сваривъ поболѣе моего декокта, перепой ихъ всѣхъ хорошенько, да и самъ напейся; да вели только имъ взять отдохновеніе и нескоро выходить послѣ того на дворъ, а ввечеру уже еще свари, и на ночь опять чтобъ всѣ они его напились».

Все сіе было и исполнено и декоктъ мой помогъ и всѣмъ имъ такъ хорошо, что они къ послѣдующему дню были всѣ опять уже по прежнему бодры и здоровы, и въ состояніи со мною со двора ѣхать. Итакъ, я, заврягши лошадей, и полетѣлъ къ Новикову, жившему тогда все еще въ прежнемъ мѣстѣ, подлѣ Воскресенскихъ воротъ, въ университетскомъ типографическомъ домѣ.

Сей не успѣлъ меня увидѣть, какъ обрадуясь чрезвычайно, бѣжалъ даже съ восторгомъ меня цѣловать и обнимать, и только что посадилъ меня, какъ и началъ мнѣ говорить: «Ахъ, братецъ, Андрей Тимоѳеевичъ, что ты надѣлалъ и какихъ чудесъ натворилъ?»

— А что такое? изумясь спросилъ я и удивился такой встрѣчѣ.

— «Да на что ты отказался отъ продолженія твоего прекраснаго журнала? Вся публика тѣмъ крайне недовольна! Ты не повѣришь, какъ она его полюбила, какъ тобою была довольна и какъ о томъ жалѣетъ, что ты отказался отъ продолженія онаго».

— Что, братецъ, обстоятельствы меня къ тому принудили! сказалъ я и потомъ разсказалъ ему отчасти о сумасбродствахъ князя и о его частыхъ меня попреканіяхъ и произведенной тѣмъ досадѣ.

— «Ахъ, братецъ! сказалъ Новиковъ, сіе услышавъ. Расхаркалъ бы и наплевалъ ты на все это, и на самого сего сумасброднаго твоего князя! Полезность самаго дѣла и всеобщее одобреніе публики несравненно того дороже. И ежели это только тому причиною, то плюнь, пожалуйста, на все это и презри, и подумай-ка, пожалуйста, не можно ли намъ возобновить и продолжить далѣе сіе дѣло, взявшее ходъ такой хорошій?»

— Но гдѣ-жъ? сказалъ я, и какъ это можно? и когда успѣвать, хотя бы, напримѣръ, и согласиться на это? Новой годъ у насъ уже не за горами, и когда успѣвать сочинять и печатать? Къ тому-жъ, у меня ничего готоваго къ тому нѣтъ, да и книгъ никакихъ я съ собою не взялъ.

— «Охъ, братецъ! подумай-ка, пожалуйста, нельзя ли какъ-нибудь и не успѣешь ли сперва хоть одинъ листъ на первой случай написать? Намахать тебѣ его недолго, а что касается до меня, то за мною дѣло не станетъ. Мы успѣемъ еще перевернуться къ тому времени. Одинъ листъ печатать недолго. Вмигъ мы его наберемъ и напечатаемъ, а успѣлъ бы только ты намъ его написать; а сверхъ того есть у меня нѣсколько пьесокъ, оставшихся и отъ нынѣшняго года, такъ помѣстимъ и ихъ тутъ же. А книги, какія надобны къ тому, бери себѣ у меня. Всѣ, какія есть у меня, къ твоимъ услугамъ! Пожалуйста, подумай!»

— Богъ знаетъ, батюшка! (сказалъ я, задумавшись), могу-ли я успѣть? Время-то уже слишкомъ коротко, и здѣсь до того ли заѣзжему человѣку, чтобъ заниматься писаніемъ?

— «Но, какъ-нибудь! пожалуйста, братецъ! (повторилъ онъ), а чтобъ труды и

хлопоты твои сколько-нибудь усладить, то вотъ прибавляю вамъ съ моей стороны еще 50 рублей къ цѣнѣ прежней и пусть будетъ уже ровно 500 рублей, которые вы получите».

— Хорошо! (сказалъ я, нѣсколько опять подумавъ), быть такъ! потрудиться, такъ потрудиться!.... Но съ публикою какже мы сдѣлаемся. Она уже знаетъ, что я болѣе не хотѣлъ издавать?

— «О, это не ваше, а мое уже дѣло! (подхватилъ Новиковъ). Съ публикою можете вы въ первомъ листѣ оговориться; а чтобы скорѣе о будущемъ продолженіе онаго узнали, такъ мы сегодня же успѣемъ еще напечатать о томъ особое объявленіе и приложить оное къ завтрашнимъ газетамъ, такъ дѣло и будетъ въ шляпѣ; а сверхъ того я иначе о распубликованіи о томъ постараюсь. Это уже мое дѣло, а вы поспѣшите только матерію для первыхъ листовъ сочинить какъ можно скорѣе».

— Хорошо! сказалъ я, и хотѣлъ-было подниматься, чтобъ ѣхать, но онъ удержалъ меня на креслахъ, воскликнувъ: «Да постой же, ради Бога! хоть чашку кофея у меня выпей, вотъ тотчасъ подадутъ его! и тотчасъ закричалъ! Малый! кофей скорѣй!»

Между тѣмъ, какъ я, осѣвшись, сталъ дожидаться его кофея, сказалъ мнѣ Новиковъ: «А на меня знаешь ли, братецъ, какое горе: нынѣшняя московская болѣзнь загуляла и къ намъ въ типографію, и возможно ли: сею ночью цѣлыхъ шестдесятъ человѣкъ вдругъ занемогло и лежатъ всѣ повалкою; не знаю что и дѣлать и боюсь, чтобъ не остановилось все дѣло!

— О! это бездѣлка!.... и ничего не значитъ (сказалъ я). Всѣхъ ихъ можно въ одинъ мигъ вылечить и хорошо, что вы мнѣ это сказали!

— «Ахъ, помилуй, братецъ, скажи ради Бога, чѣмъ? (подхватилъ г. Новиковъ), ты меня очень одолжишь тѣмъ!»

Тогда разсказалъ я ему то, что случилось и съ самимъ мною, и съ людьми моими, и какъ я и себя и ихъ вылечилъ своимъ декоктомъ.

Господинъ Новиковъ обрадовался невѣдомо какъ сіе услышавъ, и не успѣлъ начать у меня о сей травяной смѣси и о употребленіи оной разспрашивать, а я ему разсказывать,—какъ въ самую ту минуту растворяются двери и входитъ къ намъ штабъ-лекарь, за которымъ г. Новиковъ посылалъ по самому сему случаю нарочно.

— «Ахъ, вотъ кстати и Карлъ Ивановичъ! (воскликнулъ Новиковъ, его увидѣвъ). Что, братецъ! у меня вся типографія больна! и человѣкъ шестьдесятъ лёжкою лежатъ. Сдѣлай милость, посмотри ихъ».

— «Я былъ ужа тамъ, и видалъ всѣхъ ихъ. Эта нонишна болѣсть, но мы не знанть што дѣлать. Умъ наша не стала, завтра положили ужъ бить обща собранія всѣхъ медиковъ и консиліумъ о томъ, што лучше дѣлать и чѣмъ лечить».

— Да вотъ, Карла Ивановичъ (сказалъ на сіе Новиковъ): я сейчасъ услышалъ о вѣрномъ лекарствѣ отъ этой болѣзни. Вотъ Андрей Тимоѳеевичъ и самъ надъ собою и надъ людьми своими испыталъ, и въ одни сутки вылечилъ всѣхъ ихъ. И нельзя ли, братецъ, прописать вамъ самыя сіи травы для типографщиковъ моихъ?»

Штабъ-лекарь взглянулъ на меня гордо и равно какъ съ пренебреженіемъ и изволилъ улыбнуться; однако изъ уваженія къ г. Новикову сказалъ: «Пожалуй, пожалуй, когда вамъ то надобь.... А какъ эта травъ називайтъ?» спросилъ онъ меня также съ нѣсколькимъ пренебреженіемъ.

Тогда назвалъ я ихъ такъ, какъ они у нихъ въ аптекахъ по-латыни называются — herba Betonica, foliis Salviæ и flores Chamomilla, то-есть, буквица, шалфей и ромашка.

— «А препорцъ?» спросилъ онъ меня далѣе.

— Первой двѣ, а послѣднихъ по одной горсти, сказалъ я.

— «А употребленіе?» спросилъ онъ.

— Варить въ водѣ и, подсластивъ медомъ, пить горячее поболѣе на ночь.

— «О, это карошь! карошь! сказалъ онъ: травъ добра, можно прибавляйть немножко лаврова листъ».

— Пожалуй, сказалъ я, это не помѣшаетъ, но онѣ и безъ него хороши. И далъ ему волю писать рецептъ свой, а потомъ, подтвердивъ г. Новикову, чтобъ онъ въ особенности постарался, чтобъ всѣ больные напоены были симъ отваромъ на ночь погорячѣе и побольше, распрощался съ нимъ и поѣхалъ.

Но, куда-жъ? Прежде всего полетѣлъ я въ нѣмецкую книжную лавку къ г. Ридигеру и ну разсматривать у него каталогъ и искать въ немъ и замѣчать экономическія книги, какія мнѣ нужны были для почерпанія изъ нихъ для журнала моего матеріи. И какъ попался мнѣ на глаза Яблоновскаго «Натуральной лексиконъ» и одинъ маленькой и особой трактатецъ о шалфеѣ, то, купивъ ихъ, поскакалъ домой; и какъ случилось мнѣ ѣхать мимо одного часовщика и я давно нуждался хорошими карманными часами, то вздумалъ заѣхать къ нему и прибавленные мнѣ 50 рублей употребить на покупку оныхъ, и счастіе привело меня тогда къ часовщику очень честному, снабдившему меня за 45 рублей такими часами, которыхъ вѣрностію и крѣпостію былъ я послѣ весьма доволенъ.

Возвратясь на квартиру и отобѣдавъ, не поѣхалъ я уже въ тотъ день никуда, какъ меня ни подзывали мои домашнія, а безъ дальнаго отлагательства, выбравъ себѣ тепленькой уголокъ и усѣвшись въ кабинетѣ подлѣ печки, ну черкать и сочинять первой листъ для продолженія журнала, и поработавъ до поту лица, какъ въ тотъ день и вечеръ, такъ, вставши поранѣе, и въ слѣдующее утро, успѣлъ не только его, но и другой еще листъ намахать, и какъ ободняло гораздо, то и повезъ его къ Новикову.

Г. Новиковъ, увидѣвъ меня, вынимающаго манускриптъ мой изъ кармана, воскликнулъ даже отъ удивленія: «Какъ! (сказалъ онъ), неужели уже и готовъ?»

— Не только одинъ, отвѣчалъ я, но и цѣлыхъ два, и посмотрите, годятся ли?

— «Прекрасно! прекрасно! сказалъ онъ, прочитавши. Ну, братецъ, только тебѣ и издавать сего рода журналы! Не думалъ я никакъ, чтобъ у тебя такъ скоро поспѣли. Покорно и препокорно благодарю. А я тебѣ чудо разскажу: вѣдь твой декоктъ истинныя чудеса натворилъ; вѣдь типографщики мои всѣ опять здоровымъ-здоровёхоньки и работаютъ уже опять. А штабъ-лекарь оцѣпенѣлъ почти отъ удивленія о его превосходномъ дѣйствіи, и сію только минуту безъ памяти поскакалъ въ свой общій консиліумъ сказывать сіе чудо всему своему медицинскому факультету, и теперь всѣ они безсомнѣнно примутся больныхъ своихъ лечить декоктомъ твоимъ. Но жаль, что нѣмчура сей вѣрно поставитъ то на свой счетъ и расхвастается, что онъ это лекарство выдумалъ».

— Ну, пусть его! сказалъ я, а только бы люди-то вылечивались имъ. Онъ и подлинно произвелъ тогда въ Москвѣ превеликую пользу и не осталось во всей ей, ни въ аптекахъ, ни въ травяномъ ряду ни листочка буквицы, шалфея и ромашки. Всѣ ихъ до-чиста выкупили и предъ аптеками только и видны были кучи людей, требующихъ травъ сихъ для леченія.

Симъ образомъ успѣли мы съ г. Новиковымъ перевернуться и изданію журнала моего не сдѣлать перерывки и остановки. И какъ, по счастію, выдача перваго нумера газетъ случилась не въ самой первой день новаго года, то и было еще время первой листъ набрать и напечатать, и онъ поспѣлъ къ присовокупленію его къ газетамъ.

Но симъ окончу я и все повѣствованіе мое о 1781-мъ годѣ, сказавъ вкупѣ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 22-го дня 1809 года).

1782 годъ.

Письмо 209-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ 1782-й годъ начали мы препровождать находясь въ Москвѣ, въ которой

никогда еще мы такъ долго не живали, какъ въ сей разъ. Весь тогдашній рожественской мясоѣдъ провели мы въ оной и захватяли даже и всю почти первую недѣлю великаго поста. Итакъ, пробыли мы въ оной болѣе шести недѣль. Все сіе время провели мы довольно весело по нерѣдкимъ разъѣздамъ по всѣмъ нашимъ друзьямъ, знакомымъ и родственникамъ. Частыя свиданія съ бывшими опять въ оной моими племянницами Травиными, принимание и угащиваніе у себя и ихъ, и пріѣзжающихъ къ намъ другихъ гостей, нерѣдкія биванія въ театрѣ—доставляли намъ и удовольствій довольно; однако было множество и хлопотъ и суетъ для всѣхъ насъ. Надлежало отыскивать танцмейстера и нанимать его учить и дочь мою и сына танцованію, которой и ѣздилъ къ намъ почти всякой день и производилъ свое дѣло. Надлежало не одинъ разъ бывать въ рядахъ и покупать разныя покупки, а особливо женѣ моей, старавшейся уже о закупаніи многихъ вещей, нужныхъ для моей дочери. А мнѣ не только заниматься сочиненіемъ матеріи для начатаго продолженія моего журнала, но частехонько бывать у обоихъ князей Гагариныхъ, и къ молодому ѣздить, какъ къ своему командиру по должности, и трактовать съ нимъ о многихъ дѣлахъ по волости; а къ старому—для навѣщенія его въ скукѣ и просиживанія по прежнему съ нимъ вечеровъ цѣлыхъ. Однако, въ сей разъ я къ нему уже не такъ часто ѣздилъ, какъ въ послѣднюю мою передъ симъ бытность въ Москвѣ. Съ одной стороны и увеличивающаяся уже часъ-отъ-часу его слабость, лишающая его прежней охоты къ говоренью, а принуждающая лежать болѣе уже молча на канапé, а меня заставляющая придумывать все, что можно къ занятію его разговорами—дѣлала мнѣ сіи вечера уже скучнѣйшими; а съ другой—и самая отдаленность отъ его дома моей квартиры поудерживала меня отъ частой ѣзды къ нему, хотя онъ и въ сей разъ столько же всегда мнѣ радъ бывалъ, какъ и прежде, и обходился со мною по прежнему очень дружелюбно и ласково, и всякой разъ не упускалъ, чтобъ не поблагодарить меня за посѣщеніе его въ старости и въ скукѣ.

Что касается до молодого князя, моего огненнаго командира, то сей принималъ меня въ сію мою бытность въ Москвѣ несравненно уже благосклоннѣе и лучше, нежели въ прежнее, а особливо въ первой разъ, какъ я къ нему на новой годъ пріѣхалъ для поздравленія его. Онъ, равно какъ стараясь загладить прежнее свое дурное и оскорбительное для меня поведеніе, не только не могъ со мною довольно наговориться, но унялъ у себя даже обѣдать, а послѣ обѣда, зная мое любопытство, показывалъ мнѣ свои рѣдкія и дорогія книги съ разными эстампами, и доставилъ мнѣ чрезъ разсматриваніе оныхъ превеликое удовольствіе. А въ другой разъ, будучи однимъ изъ директоровъ или старшинъ благороднаго собранія, или какъ тогда называли клуба, такъ ко мнѣ удобрился, что, спросивъ, не хочу ли я побывать у нихъ въ клубѣ, снабдилъ меня визитернымъ билетомъ для впущенія въ оной, и чрезъ то доставилъ мнѣ случай въ первой еще разъ видѣть сей родъ увеселительныхъ публичныхъ собраній. Но мнѣ оное такъ не полюбилось, что было въ ономъ болѣе скучно, нежели весело, ибо безпрестанное только взадъ и впередъ хожденіе и смотрѣніе на множество столовъ съ людьми, занимающимися игрою въ карты, и неимѣніе никакого случая заняться разговорами, поелику всѣ были для меня люди незнакомые, весьма скоро сдѣлалось мнѣ не только скучно, но и отяготительно, почему и не пробылъ я въ ономъ болѣе одного часа, а уѣхался скорѣе домой заниматься своими книгами и сочиненіями.

Первыхъ накупилъ я себѣ опять множество родовъ разныхъ во всѣхъ бывшихъ тогда весьма немногихъ еще книжныхъ лавкахъ, и какъ разсматриваніе, такъ и читаніе оныхъ доставляло мнѣ тысячу минутъ пріятныхъ. Но послѣднія обращались иногда отчасти и въ тягость, ибо, какъ необходимо нужно было пещись о томъ, чтобъ набиранію и печатанію

листовъ моего «Магазина» не могла за мною произойтить остановка, а заготовленной матеріи я никакой съ собою не привезъ, а долженъ былъ все вновь сочинять, и нужныя на то матеріи въ книгахъ пріискивать, и всѣмъ тѣмъ наивозможнѣйшимъ образомъ спѣшить; то и работалъ я тогда, такъ сказать, равно какъ изъ-подъ палки, и сіе обращалось мнѣ иногда даже въ тягость, и тѣмъ паче, что за частыми пріѣздами къ намъ гостей и за собственными своими по гостямъ разъѣздами не имѣлъ я всегда къ тому довольно досуга и свободнаго времени, а принужденъ былъ заниматься тѣмъ уже въ утренніе часы и вставать для того досвѣта и не по городскому, а гораздо ранѣе. И мое счастіе еще было, что я не принужденъ былъ сочиненія мои переписывать набѣло, а отсылалъ ихъ въ типографію такъ, какъ выходили они изъ-подъ пера моего, и что въ типографіи самые почти ребятишки привыкли такъ къ моей рукѣ, что разбирали все, написанное мною, съ какимъ бы то поспѣшеніемъ ни было, хорошохонько. Но за то долженъ я былъ и пересматривать каждой первой и обыкновенно всегда не весьма еще исправно отпечатанной листъ и, прочитывая его, отправлять корректуру.

Коммиссію сію навалилъ на меня г. Новиковъ изъ вѣжливости и учтивства, какъ на сочинителя; но я не радъ былъ сей вѣжливости и охотнѣе хотѣлъ бы быть избавленнымъ отъ оной. Но какъ отговориться оттого было и дурно, и стыдно, то принужденъ былъ заниматься и симъ весьма скучнымъ для меня дѣломъ. Впрочемъ, достопамятно, что какъ мнѣ прежде упомянутой вновь купленной у Ридигера трактатъ о шалфеѣ по важности своей отмѣнно полюбился, то разсудилъ я всю сію небольшую книжку, переведя отъ слова до слова и разбивъ на нѣсколько отдѣленій, помѣстить въ свой «Магазинъ», и она мнѣ много собою въ моемъ дѣлѣ подспорила, поелику мнѣ не столько самое писаніе и переводы, сколько пріискиваніе и выборъ матеріи былъ отяготителенъ, а тутъ занимался я переводомъ одной уже ей нѣсколько дней сряду.

Кромѣ разныхъ книгъ, удалось мнѣ во время сего пребыванія въ Москвѣ накупить себѣ и множество ландкартъ, также прошпективическихъ и другихъ разныхъ родовъ эстамповъ, и не одинъ разъ бывало, что я, забравшись въ домъ къ виренбергцамъ и итальянцамъ, торгующимъ сими товарами, препровождалъ по нѣскольку часовъ въ разсматриваніи, отбираніи и покупаніи себѣ оныхъ; а иногда сами они, ходючи по улицамъ съ своими портефелями, къ намъ оныя занашивали, и чрезъ разсматриваніе своихъ картинъ сколько мнѣ, а того болѣе моему сыну, сдѣлавшемуся до нихъ охотникомъ, превеликое удовольствіе доставляли.

Что касается до собственныхъ моихъ разъѣздовъ, то, кромѣ многократнаго біванія у всѣхъ нашихъ родственниковъ и прежнихъ друзей и пріятелей, бывалъ я всего чаще у г. Новикова по поводу издаваемаго мною «Магазина», и онъ обращался со мною отъ часу дружелюбнѣе. Бывая у него, имѣлъ я случай познакомиться со многими учеными людьми и, между прочимъ, съ г. Ключаревымъ, нынѣшнимъ почтдиректоромъ московскимъ; также видѣть славнаго въ тогдашнее время стихотворца Кострова, которой удивилъ меня своею дурною и отвратительною фигурою и видомъ; и я чудился натурѣ, что она, обидѣвъ столь жестоко его съ сей стороны, одарила взамѣнъ того великими дарованіями, и даже сожалѣлъ о томъ, что мнѣ случилось узнать его лично, ибо не знаючи, воображалъ я его себѣ несравненно въ лучшемъ видѣ.

Видѣлся я также не одинъ разъ съ старикомъ, г. Владыкинымъ, продолжавшимъ со мною по прежнему свою переписку, благопріятство, и дружество. И однажды, пріѣхавъ къ нему съ моею женою и дочерью, удивились мы, нашедъ противъ всякаго ожиданія у него множество гостей, и попали нечаянно на сговоръ одной изъ дочерей его въ замужство.

Видался я не одинъ разъ и съ прежними моими знакомцами, господами Сал-

тыковыми, а особливо съ другомъ моимъ, Александромъ Михайловичемъ, продолжавшимъ ко мнѣ прежнюю свою нелицемѣрную дружбу по самую его кончину, воспослѣдовавшую вскорѣ послѣ сего времени. А тогда возилъ онъ меня однажды къ одному изъ знаменитыхъ своихъ родственниковъ, престарѣлому старику Михайлѣ Михайловичу Салтыкову, желавшему меня узнать лично и весьма обласкавшему, у котораго мы съ нимъ и обѣдали.

Далѣе имѣлъ я случай быть опять у куратора университетскаго, Михаила Васильевича Хераскова. Къ нему возилъ меня г. Новиковъ и доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть у него домовой театръ, и на ономъ представленіе въ первой разъ трагедіи «Идолопоклонники» и оперы «Клоріана». Театрикъ сдѣланъ былъ у него въ залѣ немногимъ чѣмъ больше и лучше нашего перваго богородицкаго, а гораздо хуже послѣдняго. Зрителей было довольно, но были они всѣ ему знакомые люди и въ числѣ ихъ старинной мой знакомецъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Онъ былъ уже тогда эксфаворитомъ и, какъ говорили, нѣсколько уже съ разстроеннымъ умомъ. И этотъ случай былъ только одинъ, въ которой я сего славнаго человѣка въ знатномъ его достоинствѣ видѣлъ. Будучи любопытенъ, узнаетъ ли онъ меня, бывшаго ему въ Кёнигсбергѣ такъ коротко знакомымъ, становился я не одинъ разъ въ самой близости онаго; но онъ никакъ меня не узналъ, хотя и не одинъ разъ смотрѣлъ на меня. Мнѣ же никакъ не хотѣлось ему о себѣ сказывать и подходить къ нему съ поклонами. Было сіе уже незадолго до его смерти.

Кромѣ сего, былъ я опять въ домѣ у г. Демидова, Никиты Акинѳіевича, но безъ него, а по особливому случаю. Разговаривая однажды, будучи у князя, съ любимцемъ его, г. Крымовымъ, узналъ я, что домъ Демидова ему очень знакомъ. И какъ мы разговорились съ нимъ о его натуральномъ кабинетѣ и рѣдкостяхъ, въ ономъ находящихся, то пришла мнѣ мысль спросить его, не можетъ ли онъ мнѣ доставить удовольствія видѣть и пересмотрѣть на досугѣ все, въ домѣ семъ находящееся и зрѣнія достойное, и показать все то моей женѣ и дѣтямъ. И какъ онъ съ охотою взялся мнѣ сію услугу оказать и случившееся тогда отсутствіе Демидова отъ дома почиталъ наиудобнѣйшимъ случаемъ, то и возилъ я и жену свою, и сына, и дочь, и племянницъ своихъ въ сей домъ. И какъ намъ все и все въ немъ было показано, то и доставилъ я имъ, а особливо сыну моему неописанное удовольствіе. Онъ не могъ какъ на картины славныхъ мастеровъ, такъ и на множество невиданныхъ имъ еще никогда натуральныхъ рѣдкостей, также китайскому кабинету довольно насмотрѣться и всему досыта надивиться. Въ особливости же любовались всѣ мы маленькими американскими птичками колибри, изъ которыхъ иныя не болѣе пчелы были величиною, а при всемъ томъ украшены преузорочными перьями.

Другое, хотя не столь любопытное, а болѣе печальное и поразительное зрѣлище видѣли они при случаѣ погребенія умершаго около самаго сего времени, московскаго начальника, славнаго нашего князя, Василія Михайловича Долгорукова. И какъ они пышной процессіи сего рода никогда еще не видовали и желали ее видѣть, то возилъ я ихъ для сего въ домъ къ г. Новикову, съ превеликою охотою давшему намъ въ домѣ своемъ, для смотрѣнія оной, нѣсколько оконъ, и они насмотрѣлись и сего зрѣлища.

Случилось сіе въ самомъ началѣ уже февраля мѣсяца и въ первые дни наставшей тогда масляницы, которую недѣлю провели мы всю въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по гостямъ и очень весело. Мы не пропускали ни одного спектакеля изъ бывшихъ по обыкновенію въ сію недѣлю. Были также на горахъ, на коихъ катанья дѣти мои также не видывали, а наконецъ возилъ я ихъ и въ маскарадъ пятничной, желая чтобъ они и объ ономъ получили понятіе.

Наконецъ, 6-го февраля мы заговѣлись,

и какъ увеселенія всѣ кончились, то съ наступленіемъ великаго поста принялись мы за дѣла, оставшіяся для исправленія. Итакъ, госпожи наши занялись своими покупками и разъѣздами по церквамъ и богомоліями, а я—за обыкновенной свой годовой счетъ и разсчетъ съ Новиковымъ, а потомъ, ѣздивши почти всякой день къ князю, своему командиру, занялся переговорами съ нимъ о дѣлахъ, до волости относящихся.

Наиглавнѣйшими предметами сихъ переговоровъ было, во-первыхъ, затѣваемое княземъ дѣланіе въ богородицкомъ дворцѣ изъ дикаго крѣпкаго камня большой парадной лѣстницы, для которой работы отысканы были и мастеровые, и сочиненъ архитекторомъ планъ оной. Вовторыхъ, затѣваемая нами продажа изъ богородицкихъ прудовъ маленькихъ карповъ, для завода всѣмъ, кто похочетъ ихъ покупать, и открытіе чрезъ то новаго источника доходовъ. А въ-третьихъ, и важнѣе всего, затѣваемая отдача всѣхъ нашихъ оброчныхъ земель съ публичнаго торга и знаменитое чрезъ то приращеніе доходовъ. И какъ князь о безпристрастіи моемъ въ семъ дѣлѣ былъ увѣренъ, то, говоря со мною о семъ предметѣ, такъ ко мнѣ раздобрился, что самъ мнѣ предложилъ, чтобъ я взялъ и себѣ въ оброкъ десятинъ съ двѣстѣ, гдѣ хочу и, не въ примѣръ другимъ, только по рублю за десятину, чѣмъ я очень былъ доволенъ, ибо чрезъ то могъ получать всякой годъ рублей ста два доходу.

Кончили съ молодымъ княземъ свои дѣла, и получивъ отъ него ордера и повелѣнія обо всемъ нужномъ и раскланявшись съ нимъ, поѣхалъ я проститься также и къ старику, отцу его. И это было уже въ послѣдній разъ, что я видѣлъ сего любезнаго и почтеннаго нашего вельможу. Онъ принялъ меня въ сей разъ отмѣнно ласково и распрощался со мною, какъ бы съ какимъ отъѣзжающимъ родственникомъ, равно какъ предчувствуя, что онъ меня болѣе въ жизнь свою не увидитъ.

Съ племянницами моими распрощались мы также почти со слезами на глазахъ. Старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, управлявшая всѣмъ ихъ домомъ, такъ полюбила бывшую съ нами среднюю дочь нашу, Настасью, что упросила насъ, чтобъ мы отпустили ее пожить къ ней въ Кашинъ, на что мы и согласились, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ, взамѣнъ того, меньшая ихъ сестра Анна Андреевна, поѣхала съ нами пожить у насъ въ Богородицкѣ. Итакъ, произошла у насъ въ семъ случаѣ мѣна, которою съ обѣихъ сторонъ были довольны.

Наконецъ, окончивши всѣ свои дѣла и оставивъ въ Москвѣ довольное-таки количество растраченныхъ на все денегъ, 12-го февраля, передъ вечеромъ, поѣхали мы изъ Москвы, и заѣхавъ на самое короткое время въ свое Дворянинново, повидались съ обоими тутошними нашими сосѣдями. И какъ у брата Михайла Матвѣевича нашли мы старшаго его сына мальчикомъ уже изряднымъ, то, желая дать ему лучшее воспитаніе, уговорили его, чтобъ онъ привезъ его къ намъ и оставилъ пожить у насъ и кое-чему поучиться. Послѣ чего, переночевавъ въ Федешовѣ, пріѣхали мы въ слѣдующее утро въ Тулу, гдѣ имѣлъ я удовольствіе получить письмо отъ хозяина нашего, Пастухова, изъ Петербурга, съ увѣдомленіемъ, что онъ, по препорученію моему, въ Петербургѣ отыскалъ стариннаго моего, еще кёнигсбергскаго друга и сотоварища, Сергѣя Ѳедоровича Малиновскаго, находившагося уже тогда при генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, и имѣющаго хорошій чинъ и отправляющаго при немъ какую-то важную должность.

Обрадовался я сему наиболѣе потому, что мнѣ хотѣлось чрезъ переписку возобновить старинное наше съ симъ любезнымъ для меня человѣкомъ знакомство и дружбу и испытать, не могу-ли я чрезъ его явить пашпортъ моего сына въ гвардію, дабы онъ съ того времени могъ считаться въ дѣйствительной службѣ, такъ какъ то дѣлывали тогда всѣ прочіе, у

кого малолѣтныя дѣти записаны были въ гвардію.

Наконецъ, 16-го февраля возвратились мы въ Богородицкъ, гдѣ мое первое дѣло состояло въ писаніи въ Петербургъ къ помянутому моему старинному другу, а потомъ велѣть повсюду распубликовать, чтобъ съѣзжались всѣ, кому надобны наши земли въ наемъ, для нанимапія ихъ съ имѣющагося быть всѣмъ имъ публичнаго торга; также, чтобъ присылали, кому надобно покупать у насъ въ будущую весну карповъ, о чемъ послалъ и къ г. Новикову, для напечатанія въ газетахъ объявленія.

Между тѣмъ озабочивались мы очень о своемъ сынѣ, или паче [о] продолженіи его ученія иностраннымъ языкамъ, ибо узнали, что, во время отсутствія нашего и пребыванія въ Москвѣ, съ пансіономъ нашимъ произошла великая перемѣна; что учитель нашъ, г. Дюблюе, взвѣтривъ (sic) и давъ переманить себя какому-то князю Волконскому въ домъ, пансіонъ свой сдалъ другому, старику-французу, по прозвищу, де-Брини, и что сей жилъ уже на его мѣстѣ; но ученики отъ сего множайшіе были отцами поразобраны. Непріятна была намъ такая перемѣна, и болѣе потому, что новой учитель былъ гораздо уже неспособнѣе прежняго, да и учить могъ одному только французскому языку. Совсѣмъ тѣмъ, какъ пособить было нечѣмъ, то принуждены мы были Павла своего отдать, для продолженія наукъ его, и сему учителю, и чего не могъ сей, то старался уже замѣнить я самъ, преподавая сыну своему и товарищу его, г. Сезеневу, все, что мнѣ изъ наукъ было извѣстно, и, по счастію, оба они ничего чрезъ перемѣну сію не потеряли.

Не успѣли мы сего дѣла кончить, какъ и начали уже съѣзжаться со всѣхъ сторонъ охотники нанимать у насъ землю. И какъ было сіе еще въ первой разъ, и дѣло еще необыкновенное, то имѣлъ я по сему случаю множество хлопотъ и суетъ. Собралось къ назначенному дню народа превеликое множество, и не только простого, но и самыхъ дворянъ нѣсколько десятковъ, знакомыхъ мнѣ и незнакомыхъ. Всѣ увивались вокругъ меня и всякой старался, нельзя ли какъ нанять подешевле. Но я предпріялъ наблюдать при сей торговлѣ наисовершеннѣйшее безпристрастіе и никому не передъ кѣмъ не давать ни малѣйшаго преимущества. И какой это былъ заторъ (за. торгъ?) и сколько шума и крика!

Торговлю сію производили мы во дворцѣ и назначили къ тому для дворянъ гостинную компату, а для прочаго народа залъ. А столъ и аукціониста съ его молоткомъ поставили въ самыхъ дверяхъ, соединяющихъ обѣ сіи компаты, дабы тѣмъ и другимъ все было видно и слышно. И сколько-жъ было тутъ шума, сколько крика и другъ у друга переторжки. Каждой надрывался и старался всячески получить себѣ землю и многіе вылѣзали, такъ сказать, изъ кожи, возвышая часъ-отъ-часу цѣны. Почему и неудивительно, что, вмѣсто прежней полтины за десятину, возвысилась цѣна за десятину рублей до двухъ и болѣе, смотря потому, много ли или мало на какое звѣно было охотниковъ, и что я при одной сей первой переторжкѣ увеличилъ уже доходъ двумя тысячами съ половиною рублей и прямо тѣмъ доказалъ свое безпристрастіе.

Какъ торговля сія продолжалась у насъ дни три сряду, то имѣлъ я случай познакомиться тутъ со многими изъ окрестныхъ дворянъ, которыхъ не преминулъ я приглашать всякой день къ себѣ и угощалъ ихъ по своей возможности. Знакомые же всѣ и жили у меня во все сіе время и мнѣ достался-таки изрядной толчокъ по сему случаю.

Едва только я сіе бремя свалилъ съ плечъ долой, какъ взвалилось на меня другое, несравненно еще тягчайшее, скучнѣйшее и досаднѣйшее. Начались у насъ опять дрязги, и даже самыя приказныя, ссоры по откупнымъ дѣламъ и винной продажѣ съ преждеупоминаемымъ повѣреннымъ г. Игнатьева, Деревенскимъ, по случаю бездѣльническихъ его ко всему привязокъ и дѣлаемыхъ волостнымъ крестьянамъ крайнихъ обидъ и

притѣсненій. Я принужденъ былъ опять вооружаться противъ бездѣльника сего всѣми своими знаніями и выдумывать всѣ способы къ преоборенію его. И не одинъ разъ доводимъ былъ до величайшей досады. Къ вящшему несчастію гидра сія была такого рода, что не успѣешь у ней одну главу отсѣчь, какъ выростала, вмѣсто ей, другая или еще больше, и я принужденъ былъ не только сей и послѣдующій за симъ мѣсяцъ, но и весь почти сей годъ терпѣть отъ бездѣльника сего досады, хлопоты и неудовольствія всякаго рода.

Между тѣмъ и въ концѣ еще февраля мѣсяца прислалъ ко мнѣ г. Новиковъ еще цѣлую партію своихъ книгъ для продажи, а изъ Петербурга получилъ я опять отъ Пастухова увѣдомленіе, что онъ у Малиновскаго былъ, письмо мое отдалъ, и что онъ очень обрадовался обо мнѣ услышавъ, что меня все еще по прежнему любитъ и хотѣлъ ко мнѣ писать по почтѣ,—что все и порадовало меня очень.

Мѣсяцъ мартъ ознаменовался у насъ многими произшествіями, достойными замѣчанія, и наиглавнѣйше тѣмъ, что, по случаю бывшей въ теченіе сего года у насъ ревизіи, которая по порядку была уже четвертая, принуждены мы были сочинять ревизскія сказки и имѣли по сему отношенію хлопотъ полонъ ротъ. Мнѣ надлежало не только пещись о сочиненіи сказокъ сихъ по волостямъ, мною управляемымъ, и занимать ими всѣ руки канцелярскихъ моихъ служителей, но сочинять самому такія же сказки по всѣмъ собственнымъ своимъ деревнишкамъ, разсѣяннымъ всюду и всюду. И отдаленность ихъ и самая отсутственность дѣлали мнѣ въ томъ множество хлопотъ и затрудненій.

Во-вторыхъ, заняло меня еще одно собственное дѣльце. Пропадалъ у меня уже нѣсколько лѣтъ одинъ изъ тушинскихъ моихъ мужиковъ. Будучи плотникомъ и ходивши для сей работы по сторонамъ, полюбилось ему въ дальнихъ степяхъ, на Битюкѣ, мѣсто, и онъ у насъ пропалъ. Но вначалѣ сего мѣсяца случайнымъ образомъ узналъ я, гдѣ онъ находится. И какъ надобно было посылать туда человѣка для отыскиванія и пойманія его (мой же повѣренной находился въ отлучкѣ), то принужденъ я былъ напять въ повѣренные (однако изъ богородицкихъ купцовъ) Силичева, человѣка умнаго, знающаго приказныя дѣла и проворнаго, и отправить его туды для отыскиванія онаго, которой и спроворилъ симъ дѣломъ такъ, что хоть и нескоро, по кончилось оно съ удовольствіемъ для меня. Человѣкъ сей былъ отысканъ, схваченъ, но какъ ему оттуда домой возвращаться не хотѣлось, то тамошніе упросили меня, чтобъ я имъ его продалъ, на что я и согласился и получилъ за него изрядную сумму денегъ.

Третье число сего мѣсяца достопамятно было тѣмъ, что въ оное вздумалъ и затѣялъ я сдѣлать для новокупленныхъ своихъ часовъ ту прекрасную и росписными стеклами убранную часохранительницу, которая въ рюинахъ своихъ существуетъ у насъ еще и понынѣ, и что въ самой тотъ же день взялъ я къ себѣ одного изъ дѣтей моихъ подкомандующихъ, умненькаго мальчика для обученія его рисованію, и чрезъ самое то подалъ бѣдняку сему случай произойтить послѣ въ люди. Звали его Григорьемъ, а по прозвищу Щедиловымъ. И какъ онъ былъ очень понятенъ, то и успѣлъ онъ въ рисованьи, а особливо по стеклу, такъ много, что сдѣлался наконецъ совершеннымъ въ семъ искусствѣ мастеромъ, и могъ дѣлать такія штучки, которыя стоили поднесенными быть самой императрицѣ.

Вскорѣ за симъ перепуганы мы были опять пожаромъ, случившимся отъ двора моего въ самой близости. Былъ онъ хотя ничего незначущій и сгорѣлъ только овинъ у сосѣда моего, но близостію своею настращалъ насъ, а особливо меньшую дочь мою, Ольгу, чрезвычайно, которая бѣдняжка, видя всеобщія суеты, отъ страха не знала, куда спрятаться. Достопамятно, что пожаръ сей былъ какъ бы предварительный многимъ другимъ и несравненно важнѣйшимъ, бывшимъ въ теченіе сего

года, которой, по сему отношенію и для всего государства нашего, особливаго замѣчанія достоинъ.

Не успѣли мы отъ сего страха оправиться, какъ удивленъ я былъ однимъ полученнымъ отъ князя ордеромъ, которымъ увѣдомляемъ я былъ, что въ команду нашу принятъ, подъ званіемъ помощника мнѣ, тотъ самой Полунинъ, глухой, которой угощалъ у себя, какъ прежде было упоминаемо, князя, заѣзжавшаго къ нему въ деревню. Меня сіе смутило-было сперва очень, и я не зналъ, что бы сіе значило, и признаться, что имѣть дѣло съ такимъ хитрецомъ, льстецомъ, наушникомъ и негоднымъ человѣкомъ, не весьма мнѣ было пріятно; но какъ послѣ я узналъ, что сіе сдѣлано было княземъ для одной только профорны и для облагодѣтельствованія его чрезъ доставленіе ему неслишкомъ большаго, опредѣленнаго ему жалованья, то скоро и успокоился опять духомъ.

Вскорѣ за симъ заѣзжалъ опять ко мнѣ и у меня ужиналъ г. Муромцовъ, бывшій у насъ губернаторомъ, но въ сіе время вышедшій уже въ отставку и ѣхавшій въ свое Баловнево—жить на свободѣ и заниматься своими затѣями. Мнѣ очень было жаль сего моего знакомца, ибо опредѣленной на мѣсто его г. Заборовской былъ мнѣ совсѣмъ уже незнакомымъ человѣкомъ.

Между сими происшествіями прошелъ нечувствительно и весь нашъ великій постъ, въ которой всѣ праздные часы, остающіеся отъ дѣлъ, употреблялъ я на сочиненіе матеріала для своего журнала, и какъ писать и сочинять его было мнѣ тутъ уже несравненно удобнѣе, нежели въ Москвѣ, то и успѣлъ наготовить его вдругъ на нѣсколько недѣль впередъ и снабдить имъ г. Новикова надолго.

По наступленіи страстной недѣли, начали мы говѣть, ибо въ первую недѣлю намъ сего сдѣлать не удалось, и по обыкновенію въ четвергъ исповѣдывались и причащались у новаго, къ намъ опредѣленнаго, протопопа Алексѣя, прославившагося у насъ своею взрачностію и церемоніалами въ церковной службѣ до которыхъ онъ былъ охотникъ и умѣлъ производить это дѣло.

Достопамятно, что наканунѣ сего дня случилось мнѣ видѣть достопримѣчательной сонъ о старикѣ-князѣ моемъ прежнемъ командирѣ и о сотоварищѣ моемъ, г. Верещагинѣ: перваго видѣлъ я весьма помолодѣвшимъ и сбирающимся куда-то ѣхать въ дальній путь, пахать землю, а другого—украшеннаго на пальцахъ драгоцѣнными перстнями. Снамъ хотя не велятъ вѣрить и слишкомъ уважать оные, да и я не весьма къ тому ретивъ, однако, сей сонъ былъ такъ живъ и такъ для меня поразителенъ, что я, проснувшись, долго не могъ его позабыть, и самъ себѣ не одинъ разъ говорилъ: «Ахъ, батюшки мои! ужъ не умеръ ли, или не умретъ ли скоро князь Сергѣй Васильевичъ! сонъ этотъ объ немъ очень дуренъ».—И чтожъ, подивитесь тому, вѣдь дѣйствительно, около сего времени онъ въ Москвѣ кончилъ свою жизнь и повезенъ въ любимое его село Мишино для погребенія. Я поразился, услышавъ о семъ чрезъ нѣсколько времени послѣ сего; вспомнилъ сей сонъ и не могъ ему довольно надивиться, а о князѣ сердечно пожалѣлъ и пожелалъ ему вѣчнаго блаженства. И хотя я отъ него, кромѣ опредѣленія меня къ сему мѣсту, никакой иной пользы и добра не видалъ; но, имѣя въ немъ у себя такого командира, съ которымъ бы хотѣлось хоть и вѣкъ жить, и будучи о любви его къ себѣ совершенно удостовѣренъ, не могъ долго изъ памяти своей истребить сей утраты и лишенія въ немъ себѣ вѣрнаго защитника и покровителя.

Впрочемъ, при напоминаніи сего сна объ немъ, вспомнилъ я и то, что мнѣ снилось тогда и о Верещагинѣ, и не могъ никакъ догадаться, что-бъ такое перстни, видѣнные на немъ, значили; и такъ сіе и осталось. Но какъ бы вы думали?—Вскорѣ послѣ того узналъ я, что и сей сонъ имѣлъ свое значеніе и также сбылся. Г. Верещагину съ самого того времени повезло счастіе и произошла съ

нимъ та перемѣна, о которой упомянется послѣ, въ свое время.

День Пасхи случился у насъ въ сей годъ 27-го марта и во время самой половоди и распутицы, недозволявшей никуда вдаль ѣздить, и потому всю Святую недѣлю провели мы въ городѣ и разъѣзжали только по своимъ городскимъ, какъ судьямъ, такъ и по моимъ канцеляристамъ, имѣвшимъ обыкновеніе всегда въ таковые праздники звать насъ всѣхъ къ себѣ и угощать добрыми обѣдами. Въ праздные же часы занимался я дѣланіемъ своей часохранительницы.

Съ наступленіемъ апрѣля вскрылась у насъ весна, и съ нею начались весеннія работы въ садахъ и въ другихъ мѣстахъ. Сіи начали уже вызывать меня почаще на свѣжій воздухъ и отрывать отъ работъ комнатныхъ. Кромѣ сего, какъ началась у насъ уже и продажа нашимъ карпіямъ пріѣзжающимъ со всѣхъ сторонъ разнымъ людямъ, то и ловлею ихъ надобно было заниматься. Сочиненіе и писаніе ревизскихъ сказокъ и моего «Магазина» продолжалось также. Въ садахъ у себя заводилъ я крапъ и спаржу, которая въ послѣдующее время меня такъ много занимала. А впрочемъ, въ теченіе всего сего мѣсяца не случилось ничего почти особливаго, кромѣ того, что 11-го числа былъ въ Богородицкѣ въ другой разъ пожаръ, и нарочито великой. Но какъ оной былъ въ новопостроившемся уже городѣ и въ нарочитомъ отъ насъ отдаленіи, то симъ были мы не такъ перепуганы, какъ прежнимъ; а въ концѣ сего мѣсяца заѣзжалъ къ намъ опять прежній нашъ губернаторъ, г. Муромцовъ. Но сей разъ былъ уже и послѣдній, что мы угощали у себя сего любезнаго человѣка.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ насъ наипрекраснѣйшій мѣсяцъ въ году, май, бывшій въ сей годъ для меня многими происшествіями весьма достопамятнымъ. И самое начало онаго ознаменовалось уже тремя особаго рода происшествіями, во-первыхъ, тѣмъ, что пріѣхалъ ко мнѣ нарочно изъ Орла для свиданія со мною личнаго знакомства тамошній дворянинъ, Алексѣй Александровичъ Воейковъ, самой тотъ, которой имѣлъ со мною столь многую переписку подъ именемъ «Уединенна», и былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ корреспондентовъ. Оба мы другъ друга заочно весьма любили и обоимъ намъ хотѣлось лично познакомиться. Я нашелъ въ немъ весьма умнаго человѣка, и мы подружились съ нимъ короче и больше. Онъ прогостилъ у меня дни три, и мы не могли съ нимъ довольно наговориться. Во-вторыхъ, достопамятно, что я около самаго сего времени нечаянно открылъ въ горѣ, пониже дворца, тѣ удивительные и рѣдкіе разноцвѣтные пески, которые впослѣдствіи времени сдѣлались такъ славны. Въ-третьихъ, около самаго сего времени, по случаю приближающейся славной лебедянской ярманки, восхотѣлось мнѣ отправить на оную большую часть бывшихъ у меня Новиковскихъ книгъ для продажи, наклавъ ими цѣлые сундуки, и чрезъ то нечаяннымъ образомъ спасъ ихъ отъ погибели. Наконецъ, 9-го числа сего мѣсяца насталъ у насъ Николинъ день, которой въ сей годъ праздновали мы дома и въ Епифанъ не ѣздили. Самое сіе случилось хотя ненарочно, а очень кстати, какъ изъ послѣдующаго усмотрится.

Симъ образомъ продолжали мы свою прежнюю жизнь и довольно веселую и пріятную, какъ вдругъ судьбѣ угодно было неожиданнымъ и наиважнѣйшимъ въ моей жизни происшествіемъ произвесть во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ по многимъ отношеніямъ великую перемѣну.

Но о семъ узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а сіе дозвольте мнѣ симъ кончить, и сказать, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 25-го дня 1809 года).

Письмо 210-е.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, оставилъ я васъ безсомнѣнно въ большомъ любопытствѣ и желаніи узнать какое бы то

было важное происшествіе въ моей жизни, о которомъ я упомянулъ вскользь при самомъ заключеніи письма моего. Ахъ, любезный другъ! оно было несчастное! Всемогущему, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, угодно было посѣтить насъ страшнымъ и ужаснымъ пожарнымъ бѣдствіемъ, превратившимъ менѣе, нежели въ два часа, въ прахъ и пепелъ цѣлыя двѣ слободы въ Богородицкѣ, и вмѣстѣ съ ними весь тотъ дворъ и домъ, въ которомъ я до того имѣлъ свое жительство, похитившимъ у меня знатную часть моего движимаго имущества, а того болѣе разстроившаго весьма много всѣ мои обстоятельствы.

Несчастіе сіе случилось поутру, на другой день послѣ праздника Николая Чудотворца, въ которой я, угащивая у себя въ домѣ всѣхъ нашихъ городскихъ, и будучи очень веселъ, нимало не воображалъ себѣ, что пользовался симъ спокойнымъ и просторнымъ домомъ тогда уже въ послѣдній разъ. Произошелъ оной отъ самой малости и отъ глупой и бездѣльной ссоришки двухъ бабъ между собою, жившихъ вмѣстѣ въ одной нашей казенной казармѣ и принадлежащихъ нашему городничему. Топилась у нихъ печь и надобно было одной изъ нихъ выгребать изъ ней жаръ и для сажанія хлѣбовъ выметать помѣломъ золу. Такъ случилось, что для сего выметанія золы схватила она, изъ поспѣшности, помело не свое, а принадлежащее другой бабѣ, съ нею тутъ же живущей и съ которою у ней не было ладу. Сія не успѣла сего увидѣть, какъ, возопивъ: «ахъ, к...а! на что ты берешь мое помело?» бросилась на нее и, вырвавъ изъ рукъ помело свое, выскочила съ нимъ вонъ изъ избы и бросила его на избяной потолокъ, нимало не посмотрѣвъ, не внѣдрилось ли въ него огня. Помелу сему случилось лечь подлѣ самой тростниковой кровли, которою сія связь была покрыта, и случившійся на ту пору сильной вѣтръ раздулъ огонь, внѣдрившійся въ помело сіе, а отъ сего и воспылала въ одинъ мигъ тростниковая кровля.

Мнѣ случилось въ самую сію минуту сидѣть въ своемъ маленькомъ кабинетцѣ и, по обыкновенію своему, заниматься писаніемъ матеріи для моего «Магазина», подъ окошкомъ, изъ котораго видъ простирался въ самую ту сторону, гдѣ находилась сія казарма. За тѣмъ же столикомъ сбоку случилось сидѣть малюткѣ моей, семилѣтней дочери Ольгѣ, учившейся тогда писать и занимающейся симъ дѣломъ. И какъ она въ сей день писала отмѣнно дурно и меня тѣмъ поразсердила, то тазая и браня ее за то, огорчилъ я ее тѣмъ до того, что у ней капали на бумагу слезы; а какъ сіе меня еще болѣе разсердило, то приподнялся я съ своего мѣста для отнятія у ней бумаги, и въ самую ту минуту увидѣлъ въ окно большой дымъ, отъ помянутаго воспаленія происшедшій.

— Ахъ, батюшки мои! опять пожаръ, и не далеко! закричалъ я и, въ тотъ же мигъ вскочивъ и оставивъ затрепетавшую отъ страха и крайне испужавшуюся и заплакавшую свою дѣвчонку и бросивъ все, побѣжалъ (sic) благимъ матомъ къ пожару, дабы употребить скорѣйшія мѣры и средства къ погашенію онаго. Но, прибѣжавъ туда, оцѣпенѣлъ отъ ужаса, увидѣвъ, что не только не было ни малѣйшей надежды къ погашенію пламени, но что и самой мой домъ подвергался неизбѣжной опасности. Казарма вся занялась уже огнемъ, и пламя страшное съ густѣйшимъ дымомъ и трескомъ пылало отъ тростниковой или камышевой кровли и, извергая изъ себя милліоны искръ и цѣлыя почти охапки горящаго тростника, разсѣвало ихъ по воздуху. Чрезвычайно сильной вѣтръ или паче самая буря, случившаяся на ту пору, поспѣшествовала сему пожару и несла помянутыя галки или горящую солому прямо въ сторону къ моему дому и на ближнія таковыя же камышемъ и соломою покрытыя зданія. Итакъ,—хотя мѣсто сіе было почти на полверсты отдалено отъ моего дома, но какъ былъ онъ совершенно подъ вѣтромъ, и между имъ и горящею казармою находился безпрерывной почти рядъ дворовъ и зданій съ

соломенными кровлями и отдѣляющихся другъ отъ друга небольшими только огородами, а и самой домъ и дворъ мой отдѣлялся отъ послѣдняго превеликаго двора, покрытаго соломою и принадлежащаго одному изъ господъ Полуниныхъ, однимъ только десятисаженнымъ проулкомъ проѣзжимъ, огонь же и искры несло прямою чертою на мой домъ,—то не сомнѣвался я, что въ немногія минуты достигнетъ онъ и до моего жилища.

При таковыхъ бѣдственныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, другого не оставалось мнѣ, какъ безъ памяти бѣжать скорѣй опять въ свой домъ и спѣшить изъ него выбираться и успѣвать спасать все, что было можно. Я нашелъ въ немъ всѣхъ уже перетревожившихся но недѣлающихъ еще ничего отъ изумленія, и при первомъ шагѣ въ него, закричалъ всѣмъ: «выбирайтесь, выбирайтесь скорѣе! нѣтъ ни малѣйшей надежды къ спасенію».

Словомъ, симъ вдругъ все, что имѣло только руки и ноги, пришло въ движеніе. Повсюду началось бѣганье, схватываніе и выпашиваніе всего вонъ, что первое попадалось кому въ руки. Я самъ второпяхъ, не зная за что хватиться, вбѣжавъ въ свой кабинетъ, другого не нашелъ, какъ скорѣе спасать бумаги и книги свои, которыми всѣ стѣны передняго кабинета моего были установлены. И какъ наиудобнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ казалось мнѣ къ тому выбрасываніе ихъ въ окно въ огороженной рѣшеткою цвѣтникъ, въ сторону, ко дворцу нашему. Окошко же было хотя большое, но съ двойными еще окончинами, то, схватя стоявшіе на немъ горшки съ цвѣтами, ну ихъ швырять всею силою въ стеклы и дѣлать проломъ для кидапія книгъ, которыя сбѣгающійся народъ подбиралъ и изъ цвѣтника таскалъ далѣе на большую и обширную площадь, между моимъ домомъ и дворцомъ находившуюся. Точно такимъ же образомъ поступали и прочіе мои домашніе и отчасти выкидывали, что было можно въ окны, отчасти вытаскивали и выносили дверьми изъ дома. Я самъ помогалъ имъ въ томъ послѣ и не могъ послѣ надивиться тому, откуда взялась во мнѣ тогда такая сила, что я могъ въ одно мгновеніе ока сорвать съ стѣны большія свои зеркала и прервать всѣ привязи, которыми онѣ къ стѣнѣ прикрѣплены и привязаны были. Но, увы! ко всему таковому упражненію и къ спасанію движимыхъ вещей не имѣли мы болѣе 18-ти минутъ времени, ибо въ сіе время стояли уже не только всѣ зданія между моимъ домомъ и помянутою казармою въ огнѣ и пламени, но запылалъ уже и сосѣдственной ко мнѣ Полунинскій дворъ, и осыпалъ весь мой дворъ милліонами искръ. Хоромы мои были покрыты хотя тесомъ, но кровля на нихъ тлѣлась уже отъ жара. Прочія же зданія и службы, окружавшія весь дворъ мой, на подобіе кольца, были всѣ покрыты также тростникомъ и занимались тогда уже пламенемъ. Къ вящшему несчастію и послѣдняя сторона съ площади сдѣлалась опасною. Загорѣлась уже и вся поповская слобода, оную съ сѣверной стороны окружавшая и примыкающаяся въ поворотъ къ моему двору.

Все сіе увидѣвъ и боясь, чтобъ самимъ намъ не быть захваченнымъ огнемъ и пламенемъ, рѣшился я предать все достальное въ жертву огню, а помышлять о спасеніи самого себя и семейства своего отъ очевидной опасности. И въ тотъ же мигъ бросился отыскивать тещу, жену и дѣтей своихъ, бѣгавшихъ также во все сіе время безъ ума и памяти и помогавшихъ выносить вбѣжавшему народу всѣ попадающіяся имъ на глаза и въ руки вещи. Съ превеликою нуждою и коекакъ могъ я отыскать кое-кого изъ нихъ и подхватя ихъ неволею, почти тащилъ уже въ заднія сѣни, ибо въ переднія отъ нестерпимаго зноя не можно было уже показаться. Тутъ выбѣжавъ съ ними на дворъ не зналъ я, куда мнѣ съ ними дѣваться. Въ вороты, бывшія на помянутую площадь, въ сторону къ дворцу бѣжать было уже не можно. Пылающая приворотная изба и пламя, отъ ней стелющееся почти по землѣ, преградили намъ сей

путь къ спасенію. Задній бокъ двора, отдѣляющій оной отъ моего сада, стоялъ уже также весь въ огнѣ и пламени и пресѣкъ намъ путь и въ садъ мой, за нимъ находившійся. «Ахъ, какая бѣда!» закричалъ я, «куда-жъ бы намъ самимъ-то убраться, и чтобъ не захватило и самихъ насъ пламя!» По счастію усмотрѣлъ я небольшой промежутокъ между строеніями лѣваго и незагорѣвшагося еще бока двора моего. И какъ другого не оставалось, какъ вести всѣхъ своихъ, кого я могъ найтить и окликать, въ сію прорѣху и обводить ихъ кругомъ и около въ свой садъ.

Приведши туда семьяниновъ моихъ, поблѣднѣвшихъ и помертвѣвшихъ отъ ужаса и опомнившись сколько-нибудь, стали мы осматриваться—всѣ ли мы тутъ, и вдругъ, къ неизобразимому смятенію нашему, увидѣли, что не доставало еще средней изъ дочерей моихъ, Ольги, также и меньшой самой съ ея кормилицею, и наконецъ самой племянницы моей, Анны Андреевны Травиной, гостившей тогда у насъ. «Ахъ, батюшки мои!» гдѣ же онѣ?» закричалъ я и прогналъ выбѣжавшихъ вмѣстѣ съ нами людей отыскивать оныхъ, прося ихъ, ради Бога, поспѣшить тѣмъ. И они успокоили меня скоро въ разсужденіи меньшой моей дочери и племянницы. О первой, возвратившись, сказали они мнѣ, что есть видаки, видѣвшіе кормилицу съ ребенкомъ, идущею по улицѣ на край нашего селенія, и что онѣ находятся въ полѣ и въ безопасности; а о второй увѣрили они меня также, что она находится въ замкѣ дворца нашего, куда видѣли ее кое-съ-чѣмъ ушедшею. «Ну, а Ольга-то гдѣ?» подхватилъ я; но на сіе не могъ мнѣ никто сказать ни одного слова.

— «Ахъ, батюшки мои! возопилъ я, смутившись до чрезвычайности, побѣгите ради самого Бога и поищите ее». И между тѣмъ, какъ они побѣжали, цѣпенѣлъ я отъ страха и боязни, чтобъ дѣвчонка сія у меня не сгорѣла. Мнѣ вспомнилось, какъ она испугалась тогда, какъ увидѣла пожаръ, сидючи подлѣ меня въ кабинетѣ, какъ заплакавъ и завопѣвъ, побѣжала отъ меня и какъ я, вѣдая довольно, что она всѣхъ дѣтей моихъ была трусливѣе, вспомнилъ, что при всѣхъ прежнихъ пожарахъ имѣла она обыкновеніе куда-нибудь въ трущобу забиваться и прятаться, —то вдругъ поразилось сердце мое такимъ смущеніемъ и страхомъ, что я былъ почти внѣ себя въ нетерпѣливѣйшемъ ожиданіи посланныхъ искать ее. Они и возвратились скоро, но не утѣшили меня, а увеличили еще несказанно опасеніе и сомнительство мое, сказавъ, что нигдѣ ее не нашли; что въ хоромы войтить уже не можно; что спрашивали объ ней у всѣхъ и что никто не видалъ ее нигдѣ. «Ахъ, батюшки мои! возопилъ я, ужъ не спряталась ли она гдѣ въ хоромахъ и не сгорѣла-бъ у меня эта бѣдняжка! Ахти, что дѣлать?» Люди, стараясь утѣшить меня сколько-нибудь, говорили тогда: «Не ушла ли и она также во дворецъ?» Но какъ было сіе еще недостовѣрно и никто ее бѣжавшею туда не видѣлъ, то сіе не могло меня никакъ успокоить; но любовь къ дѣтямъ и жалѣніе сего милаго и любимаго нами ребёнка, толико во мнѣ воздѣйствовала, что я, не долго думая, рѣшился самъ бѣжать въ замокъ для узнанія, тамъ ли подлинно она и для удостовѣренія себя въ безопасности оной, и какой опасности не подвергла-было самого меня сія родительская любовь къ дѣтямъ!

Воспріявъ сіе намѣреніе, убѣдилъ я просьбою всѣхъ, бывшихъ со мною, прочихъ родныхъ своихъ побыть тутъ въ саду и не сходить съ того мѣста, какъ безопаснѣйшаго предъ прочими; сталъ я осматриваться и искать удобнаго мѣста къ пробѣжанію сквозь пылающій рядъ строеній на площадь къ замку, и усмотрѣвъ за проулкомъ въ нарочитомъ отдаленіи отъ себя довольно просторной промежутокъ между двумя горящими дворами, отдѣленными другъ отъ друга огородомъ, саженъ на 15 шириною, возмечталъ я, что мнѣ тутъ пробѣжать будетъ можно, и не долго думая, пустился туда бѣжать. Но не успѣлъ я къ сему проме-

жутку подбѣжать, какъ невидимой и нестерпимой почти зной, несомой бурею по самой почти землѣ, далъ мнѣ скоро возчувствовать, что пробѣжать мнѣ тутъ не такъ было легко, какъ я думалъ. Однако, собравшись съ духомъ и прикрывъ сбоку голову свою отъ зноя, отважился я на сей подвигъ; и какъ ни жарко мнѣ было, но я все бѣжалъ-таки кое-какъ, и пробѣжалъ почти все сіе опасное мѣсто. Но тутъ вдругъ очутясь предо мною изгорода, составленная изъ кольевъ, или самой пакостной и совсѣмъ неудобной къ прехожденію частоколъ, котораго я второпяхъ и закрывшись отъ жара сначала и не примѣтилъ. Я оцѣпенѣлъ, оной предъ собою увидѣвъ, и возопилъ: «Ахъ, батюшки мои! что дѣлать и какъ быть?» Назадъ бѣжать не было уже способа отъ умножающагося ежеминутно жара и нестерпимаго зноя, а и перелѣзть ограду сію казалось не было возможности. Въ сей крайности вздумалъ-было я ее коверкать и ломать, но скоро увидѣлъ, что силъ моихъ къ тому далеко было недостаточно. Отъ сего пришелъ я еще въ вящее настроеніе, и видя себя подвергшагося въ очевидную опасность, только твердилъ: «ахъ, батюшки, что дѣлать?» Но какъ времени не можно было терять ни минуты, то другаго не оставалось мнѣ какъ пуститься на отвагу и отвѣдать какъ-нибудь перелѣзать оную. И я истинно уже не знаю, какъ помогъ мнѣ Богъ перелѣзть тогда чрезъ нее, нимало не повредя себя на торчащихъ сверху неровныхъ вышиною кольяхъ. Въ другое время ни за какія деньги не отважился бы я сего дѣлать.

Но какъ бы то ни было, но я перелѣзъ ее удачно и обрадовался до безконечности, выбѣжавъ невредимо изъ черты знойной на холодной воздухъ. Нѣсколько разъ перекрестился я тогда, благодаря Бога за вспоможеніе мнѣ прейтить сію страшную и опасную преграду и въ радости и не охнулъ уже о томъ, что домъ мой занялся и уже пылалъ въ развалъ огнемъ и пламенемъ, а махнувъ только рукою, пустился бѣжать къ замку, куда привлекалъ меня предметъ интереснѣйшій. Но, что-жъ? прибѣжавъ туда, нашелъ я превеликую кучу стаскаппаго и спасеннаго народомъ моего имущества, и подлѣ ей племянницу мою, стоящую на стражѣ для охраненія, чтобъ и послѣднихъ вещей не растаскали. Но Ольги моей не было и тутъ, и никто ее не видалъ и не зналъ, гдѣ она находилась. «Ахъ, Боже мой, возопилъ я съ стѣсненнымъ сердцемъ, ну, истинно, она погибла и сгорѣла! Ахти, ахти! какая бѣда!» Племянница моя вздумала-было, утѣшая меня, говорить: «И, дядюшка! этому быть нельзя. Она уже не маленькая и какъ ей не выбѣжать? Не съ кормилицею ли она на полѣ, вонъ по конецъ этой аллеи? Но я, перервавъ ея слова, сказалъ: «Ахъ, матушка ты моя! и тамъ, говорятъ, что ей нѣтъ и никто ее не видалъ. А она вѣрно, бѣдняжка, гдѣ-нибудь отъ страха спряталась, задохлась и сгорѣла!»

Совсѣмъ тѣмъ хотѣлось мнѣ самому побывать тамъ, гдѣ кормилица и разспросить ее, не видала ли она ее? Сказавъ сіе и не долго думая, пустился я безъ души и памяти по аллеѣ бѣжать опять къ пожарищу. Прибѣжавъ къ нему, увидѣлъ я дворъ Полунина уже сгорѣвшимъ или иначе догорающимъ, а свой весь еще пылающій. И какъ мнѣ надлежало пробѣгать помянутымъ проулкомъ, между обоими сими дворами бывшимъ, то боясь, чтобъ не подвергнуться опять опасности, остановился я и не зналъ что дѣлать? и пускаться ли въ проулокъ или нѣтъ? Но увидѣвъ въ самое то время двухъ человѣкъ, бѣгущихъ на встрѣчу ко мнѣ по сему проулку, спросилъ ихъ: «Что, братцы, можно ли пробѣжать тутъ?»—«Охъ, батюшка! сказали они, жарко и очень жарко и знойно! мы насилу пробѣжали».—«О, когда вамъ можно было, подхватилъ я, то для чего-жъ бы нельзя и мнѣ». И тотчасъ, ободрясь сими словами, отважился и на сей новой подвигъ. Но, ахъ! отвага сія чуть-было чуть не погубила меня совершенно! Отъ роду ц во все теченіе моей жизни не былъ я еще въ такой великой опасности какъ въ сей разъ. Бѣжать мнѣ

надлежало симъ зноемъ отъ горящихъ по обѣ стороны зданій саженъ около тридцати. И я какъ ни напрягалъ всѣ силы свои къ скорѣйшему пробѣжанію сего поприща, по чуть-было чуть не задохся совсѣмъ. Сперва было хотя очень жарко, но все-таки сколько-нибудь сносно, но какъ подбѣгая почти къ самому концу сего опаснаго мѣста, вбѣжалъ я въ самой величайшій, и такой точно зной, какой бываетъ въ истопленной и только что закрытой печи, то духъ мой такъ начало захватывать, что пришлось-было совсѣмъ ложиться на землю и погибать. Но по особливому счастію, изнеможенію и опасности сей подвергся уже при самомъ концѣ сего поприща, и еслибъ одну только сажень надлежало мнѣ еще бѣжать, то неминуемо бы я задохся и погибъ. Вотъ въ какую опасность подвергла-было меня любовь къ дѣтямъ! но благодареніе буди Всемогущему, что онъ и отъ сей опасности спасъ меня въ тогдашнія критическія минуты.

Не могу изобразить той радости, какую возчувствовалъ я, выбѣжавъ вонъ изъ знойной полосы на свѣжій и холодной воздухъ. Чувствованіе мое было тогда такое, какъ бы выбѣжалъ я изъ ада въ рай. Нѣсколько разъ перекрестился я опять, благодаря Всевышняго, и нѣсколько минутъ отдыхалъ и собирался съ духомъ. Сердце мое хотѣло даже выскочить отъ скораго бѣга и отъ испуга, поразившаго меня въ опаснѣйшую минуту.

Отдохнувъ, побѣжалъ я опять и достигъ до конца аллеи, за селеніемъ уже находящагося, но и кормилица, которую нашелъ я тутъ съ меньшою моею дочерью, огорчила меня еще больше, сказавъ, что и она не видала моей Ольги и не знаетъ, гдѣ она и что съ нею сдѣлалось. Сіе такъ меня смутило, что я нимало уже не сомнѣвался въ томъ, что она сгорѣла, и полагая уже то за вѣрное, заботился и помышлялъ уже о томъ, какъ бы мнѣ то сказать и чѣмъ бы удобнѣе утѣшить ея мать и бабку.

Но едва только я возвратился къ нимъ, какъ увидѣлъ идущаго къ намъ нашего лекаря. «Ахъ, вотъ кстати и онъ подошелъ!» сказалъ я, и тотчасъ побѣжавши на встрѣчу, продолжилъ: «Ахъ, другъ мой, Филатъ Антоновичъ! знаешь ли какая бѣда! Вѣдь у меня Ольга моя пропала и чуть ли не сгорѣла въ домѣ! потужи объ насъ».—«Какъ? воскликнулъ онъ, не давъ мнѣ далѣе говорить, Ольга Андреевна?.. она живымъ-живёхонька! и ей ничего не сдѣлалось. Я сію только минуту напоилъ ее чаемъ и оставилъ ее у себя на островку и поскакалъ сюда».

Никакой ангелъ не обрадовалъ бы насъ всѣхъ столько тогда явленіемъ своимъ, какъ сей другъ нашъ симъ своимъ увѣдомленіемъ. Отлегнуло тогда у насъ у всѣхъ на сердцѣ, и мы при всемъ тогдашнемъ огорченіи своемъ, всѣ непрерывъ другъ предъ другомъ твердили только: «Ну, слава, слава Богу, хоть она жива! Но, умилосердись, спрашивали мы у лекаря, какимъ образомъ очутилась она у васъ?»—«Я право не знаю, отвѣчалъ лекарь, кромѣ того, что привезъ ее ко мнѣ маленькой крестьянской мальчишка въ телѣгѣ». И вообразите же себѣ, что начудотворила дѣвчонка сія. Она, какъ мы послѣ узнали, испужавшись до крайности пожара и увидѣвъ, что всѣ начали хватать все, укладывать во что ни попало и выносить вонъ изъ дома,—ни съ другого слова, подхвативъ маленькой чайной ларчикъ и какую-то занавѣску, и была такова, изъ хоромъ вонъ и прямо черезъ дворъ въ садъ; тамъ увидѣла она одного крестьянскаго мальчишку съ запряженною телѣгою, привозившаго тогда что-то въ садъ, будучи на работѣ, и ни съ другого слова сказала ему: «маленькой мужичокъ! посади меня на телѣгу и отвези на островокъ». А сей тотчасъ и исполнилъ то и туда ее отвезъ, гдѣ она благополучно и попивала у лекаря чаёкъ, между тѣмъ какъ мы съ ума объ ней сходили и я два раза подвергалъ жизнь свою, при исканіи ея, опасности.

Теперь, возвращаясь къ порядку повѣствованія моего, скажу, что какъ мы ни обрадовались о найденіи своей дочери, но радость сія была минутная. Бѣдствіе

пожарное скоро повергло у всѣхъ у насъ сердца и души наши въ прискорбіе и огорченіе неизъяснимое. Потеряніе въ одинъ почти мигъ и менѣе нежели въ два часа совсѣмъ неожиданнымъ образомъ всего своего покойнаго дома со всѣми къ нему принадлежностьми, и знатной части движимаго своего имущества, а по случаю сгорѣнія всѣхъ нашихъ жизненныхъ и съѣстныхъ припасовъ, дойденіе до того, что намъ тогда и ѣсть было нечего, долженствовало натурально разтревожить всѣ наши мысли и чувствія и ввергнуть насъ въ печаль и горесть неудобоизобразимую. Умалчивая уже о моихъ домашнихъ, коимъ все сіе несравненно было еще чувствительнѣе, и самому мнѣ потребна была при семъ случаѣ вся моя философія для подкрѣпленія себя и приведенія всѣхъ разстроенныхъ мыслей своихъ сколько-нибудь въ порядокъ.

Мнѣ и помогла она дѣйствительно очень много: я не успѣлъ возбудить въ себѣ мысли, что не съ однимъ мною, а со многими милліонами и тысячами подобныхъ мнѣ людей и прежде бывали и впредь происходить будутъ такія же или еще злѣйшія несчастія, и что они переносили же ихъ и переносить будутъ,—какъ самъ себѣ сказалъ: «ахъ, для чего-жъ и мнѣ того-жъ не сдѣлать и сіе посѣщеніе Божеское не перенесть колико можно съ спокойнѣйшимъ духомъ и безъ роптанія на святой произволъ Промысла Господня? А сіе, также и мысль, что и сіе несчастіе произошло не инако, какъ съ его воли и попущенія, и онъ знаетъ, для чего сему такъ быть было надобно, и что ему всего легче весь претерпѣнный мною убытокъ и вознаградить, если то ему будетъ угодно, и ободрило и подкрѣпило меня очень много, и я равнодушнѣе уже сталъ утѣшать себя тою мыслію, что хорошо еще, что несчастіе сіе не случилось о глухую полночь, во время сна, а днемъ; и мы самолично не подвержены были еще опасности, да и не все у насъ сгорѣло, а успѣли кое-что и выносить и спасти отъ огня; также и то, что произошло бѣдствіе сіе не отъ меня и не отъ собственной моей какой-либо оплошности и небреженія, а совсѣмъ отъ посторонней причины и оттого, за что я не подвергался никакому отвѣту.

Но не таково легко было успокоить мысли огорченныхъ до крайности и слабѣйшихъ моихъ семьянинокъ. Я хотя и старался ихъ всячески утѣшать, но слова мои не могли производить дальнаго дѣйствія. Мысли о потеряніи чрезъ сей пожаръ весьма многихъ, надобныхъ намъ вещей, безпрерывно возобновляло вновь ихъ крайнее прискорбіе и смущало и разстраивало ихъ мысль, даже до того, что слезы текли изобильно изъ глазъ ихъ и онѣ едва успѣвали утирать оныя.

Какъ скоро все сколько-нибудь прогорѣло, что можно было безъ дальней опасности пройтить по улицѣ къ зáмку, то побрели мы съ унылыми сердцами къ кучѣ, стасканной изъ спасенныхъ вещей, чтобъ видѣть, по крайней мѣрѣ, что̀ у насъ еще осталось, и чего мы лишились. Тутъ возобновилось вновь общее у всѣхъ о многихъ вещахъ гореванье. Мы увидѣли, что огонь похитилъ у насъ гораздо болѣе, нежели мы думали, и спасено гораздо меньше, нежели мы мыслями своими ласкались. Множество вещей всякаго рода не только у насъ погорѣло, но, по скверной привычкѣ нашего народа, и растаскано, и раскрадено было сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ вспомогателями, а не тушильщиками, ибо о тушеніи и мысли имѣть не можно было. О многихъ вещахъ дѣйствительно знали мы, что оні были вынесены, но онѣ не являлись, и бездѣльникамъ восхотѣлось ими поживиться, и тѣмъ несчастію нашему поспѣшествовать злодѣяніями своими еще болѣе, и оное безсовѣстнѣйшимъ образомъ увеличить. Премногое множество погорѣло у насъ мебелей, платья, всякаго рода посуды, экипажей, хлѣба и всякихъ жизненныхъ припасовъ; а у меня множество картинъ, книгъ и бумагъ нужныхъ. Женѣ моей пуще всего жаль было сундуковъ, наполненныхъ платьемъ, бѣльемъ, и всякаго рода иными вещами, заготовленными въ теченіе уже многихъ

лѣтъ для приданаго моей старшей дочери: всѣ они были уже вытасканы изъ кладовой на дворъ и взгроможденны на запряженную телѣгу, но сгорѣли посреди почти двора самаго. Произошло сіе оттого, что второпяхъ устанавливали ихъ и взгромащивали на телѣгу кое-какъ, и какъ увязать возъ было нечѣмъ и некогда, то не успѣли лошадь тронуть съ мѣста, какъ верхніе сундуки сдвинулись лошади на хвостъ, и попавъ ей подъ ноги, принудили ее биться. А какъ въ самую ту минуту домъ весь такъ охватило огнемъ и пламенемъ, что не можно было людямъ долѣе быть при телѣгѣ, то и принуждены они были, спасая собственную жизнь свою, оставить и сундуки, и телѣгу, и упавшую лошадь подъ нею въ жертву огню и пламени; а потому все это тутъ такъ и сгорѣло. А мнѣ пуще всего жаль было своихъ книгъ и бумагъ. Превеликое множество было изъ нихъ раскрадено и растаскано народомъ, и чрезъ то разстроены многія изъ нихъ, потерявшія нѣкоторыя изъ частей своихъ и сдѣлавшись чрезъ то дефектами. Но я радъ былъ уже и тому, что не со всѣми произошло такое бѣдствіе и что не подверглись тому же всѣ чужія Новиковскія книги, которыхъ большая часть случилась тогда быть въ Лебедянской ярманкѣ.

Препроводивъ нѣсколько времени въ туженіи и гореваніи о потерянныхъ вещахъ, которыхъ по сдѣланной послѣ примѣрной оцѣнкѣ, потеряли мы тогда болѣе, нежели на двѣ тысячи рублей, стали мы думать, куда намъ съ кучею натасканныхъ вещей дѣваться и куда бы на первой случай уклонить свою голову. На пожарищѣ не осталось изъ всего двора ни малѣйшей хижины и сарайчика. Ближніе дворы и вся Поповская слобода также до-чиста сгорѣли, и буря несла галки даже до самаго нашего хлѣбнаго магазина. Въ службахъ замка не было никакой комнаты порожней и незанятой чѣмъ-нибудь нужнымъ и удобной къ помѣщенію насъ. Итакъ, былъ важной вопросъ, куда намъ пріютиться? Но я, не долго думая, рѣшился велѣть всѣ вещи носить въ самой дворецъ и расположился занять для жительства себѣ весь нижній этажъ онаго; а погреба, подъ онымъ устроенные такъ, что въ нихъ людямъ жить было можно, ассигновалъ для жительства людей моихъ. Для поклажи же прочихъ и крупнѣйшихъ спасенныхъ вещей употребить самой тотъ сарай, гдѣ находился театръ нашъ, и велѣть его выломать; ибо тогда не о театрѣ уже намъ помышлять надлежало, а о другихъ и важнѣйшихъ надобностяхъ, что и положило предѣлъ всѣмъ нашимъ театральнымъ утѣшеніямъ.

Между тѣмъ, какъ мы о семъ помышляли и дѣлали всѣ нужныя ко всему вышеписанному распоряженія, насталъ уже второй часъ пополудни и обѣденное время. Но какъ не было у насъ ни куска хлѣба и ничего совсѣмъ съѣстного, то пришло-было до того, что намъ либо голодать, или ѣсть одинъ солдатской хлѣбъ, орошаемой нашими слезами, еслибъ уѣздной нашъ судья, помянутой г. Арсеньевъ, жившій все еще тогда во флигелѣ нашего замка, о благовременномъ изготовленіи у себя для насъ изобильнаго обѣда не постарался и не прибѣжалъ насъ дружески звать итти за накрытой и готовой столъ, и не угостилъ насъ въ сей день не только обѣдомъ, но и ужиномъ. Сія услуга его была натурально для насъ тогда и пріятна, и очень кстати, и побудила меня еще тѣмъ болѣе позабыть всѣ его ко мнѣ тайныя оскорбленія и обиды, и продолжать ненарушимо прежнее наше съ нимъ дружество. Говорится въ пословицѣ: «дорога милостыня къ велику дню»; а сіе онъ и оказалъ намъ при семъ случаѣ не только помянутымъ угощеніемъ, но и снабденіемъ насъ всѣми необходимо нужными на первой случай намъ вещами.

Не успѣли мы во дворцѣ помянутымъ образомъ расположиться и сколько-нибудь разобраться и обстроиться, какъ отрепортовалъ я князю обо всемъ происшедшемъ и испрашивалъ отъ него разрѣшенія и повелѣнія, чтобъ мнѣ дозволено было вновь построиться на сгорѣвшемъ мѣстѣ, а до того времени пожить во двор-

цѣ. Отправивъ съ симъ донесеніемъ въ Москву нарочнаго, не сомнѣвался я нимало, что все то мнѣ какъ не виновнику сего пожара, отъ князя будетъ разрѣшено, дозволено, и на строеніе ассигнована будетъ потребная сумма. Но какой же странной и неожидаемой отвѣтъ получилъ я отъ своего сіятельнаго князя? Построиться вновь и до того времени жить во дворцѣ хотя онъ мнѣ и дозволялъ, но относительно до новаго строенія писалъ ко мнѣ, чтобъ я все оное и самой управительской домъ построилъ изъ березоваго сырого лѣса, приказавъ нарубить онаго потребное число изъ Бобриковскихъ престарѣлыхъ рощей. Боже мой! какъ я вздурился, получивъ такое предписаніе! «Ахъ, князь! возопилъ я съ крайнимъ на сіе негодованіемъ, не съ ума ли ты рехнулся! какъ можно мнѣ жить въ домѣ, построенномъ изъ сырого березоваго лѣса и притомъ еще изъ самаго престарѣлаго и негоднаго? У меня и у солдатъ, жившихъ въ казармѣ, построенной изъ сего лѣса, всѣ волосы даже вылѣзли, и нѣкоторые даже померли отъ болѣзней, и ты развѣ и меня уморить хочешь? покорно я благодарствую! и что ты ни изволь тамъ умничать, но я и не подумаю. Дѣло иное сгородить изъ него какъ-нибудь людскія избы и прочія службы и принадлежности къ дому, а самому для себя мнѣ домъ изъ него строить было бы смѣшно и глупо!» Итакъ, презрѣвъ сіе глупое и ни съ чѣмъ несообразное повелѣніе, сталъ я помышлять о снабденіи себя, хотя тѣснѣйшимъ передъ прежнимъ, но по крайней мѣрѣ сухимъ и для жительства удобнѣйшимъ домомъ.

Но о семъ, какъ и о томъ, что происходило послѣ, дозвольте мнѣ предоставить повѣствованіе письмамъ будущимъ, а теперешнее сею эпохою кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 27-го дня 1809 года).

Конецъ двадцатой части.

(Сочинена въ 1809-мъ году, въ 18 дней, а переписана въ октябрѣ 1811 года, въ Дворяниновѣ).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXI.

(Въ Дворяниновѣ сочинена въ декабрѣ 1809, а переписана въ маѣ 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

Продолженіе 1782 года.

Письмо 211-е.

Любезный пріятель! Пожаръ, претерпѣнной нами и знаменитой убыткомъ, имъ намъ причиненной, хотя и произвелъ во всѣхъ моихъ домашнихъ обстоятельствахъ великую растрату чрезъ похищеніе у меня многихъ нужныхъ вещей, но мы ради были, по крайней мѣрѣ, тому, что огонь не все еще у насъ похитилъ, но много всякой всячины испалено отъ него, а сверхъ того, что, лишившись спокойнаго дома, не принуждены были жить въ чорныхъ избахъ или въ какихъ сараяхъ, но имѣли на первой случай во дворцѣ для себя убѣжище и

могли въ немъ для жительства своего расположиться со всѣми людьми нашими. Для сихъ, какъ я уже упомянулъ, ассигновалъ я самыя нижнія погребныя комнаты, которыхъ вмѣстѣ съ кухнею и очагомъ, находилось тамъ нѣсколько, и я радъ былъ, что въ нихъ подѣланы были печи и все нужное для житья служителей. Сами же мы заняли для житья своего весь нижній этажъ небольшаго дома сего и хотя въ ономъ не такъ много было комнатъ, сколько намъ нужно было, да и связь между ими была неслишкомъ для житья удобна, но мы кое-какъ уже расположились въ оныхъ и были тѣмъ нарочито довольны. Для одного меня недоставало кабинета или особенной комнаты для обыкновенныхъ моихъ упражненій, но и тотъ я себѣ смастерилъ, отгородивъ часть одной просторной и отъ прочихъ отдѣленной комнаты, и былъ тѣмъ по нуждѣ довольнымъ.

Нѣсколько дней сряду занимались мы разбираніемъ всѣхъ своихъ спасенныхъ вещей и укладываніемъ и установленіемъ ихъ, гдѣ какія были приличнѣе. И тогда только прямо почувствовалъ я сожалѣніе о погибшихъ въ огнѣ и раскраденныхъ многихъ книгъ изъ моей библіотеки и картинъ и съ эстампами, изъ которыхъ далеко не всѣ могли спасены быть. Недоставало также и многихъ другихъ вещей, для меня очень надобныхъ. И признаюсь, что самое сіе наполняло первые дни моего тутъ новаго жительства многими непріятностьми. Но какъ бы то ни было, но обострожившись и разобравшись, начали мы по прежнему продолжать свою жизнь и не только заниматься своими дѣлами, но и принимать у себя гостей, пріѣзжавшихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ для посѣщенія.

Одно только насъ безпокоило то, что изъ нижнихъ погребныхъ покоевъ проходилъ къ намъ сквозь полъ и самые своды, которыми они отдѣлены были, сильной и угарной чадъ отъ печей, въ которыхъ челядинцы наши себѣ ѣсть варили, а равно тожъ и изъ кухни и приспѣшни. Дѣлалось сіе оттого, что помянутые ихъ своды не были еще оштукатурены, что и доказало, что голые они далеко не такъ плотны, чтобъ не могли сквозь себя ничего пропускать. Но какъ бы то ни было, но самое сіе побудило меня помышлять скорѣе о построеніи на прежнемъ мѣстѣ какихъ-нибудь избъ для житья людямъ моимъ. И какъ ни за плотниками, ни за простымъ лѣсомъ не было остановки, то чрезъ недѣлю и началось у меня тамъ строеніе, производимое съ возможнѣйшимъ поспѣшеніемъ.

Впрочемъ, не успѣли мы и двухъ недѣль еще прожить въ семъ новомъ своемъ обиталищѣ, какъ перетревожены мы были опять пожаромъ. «Господи! воскликнулъ я, оной увидѣвъ, долго ли быть у насъ этимъ пожарамъ, и когда они перервутся? Вотъ уже этотъ одиннадцатой пожаръ съ того времени, какъ я пріѣхалъ въ Богородицкъ!» Но какъ сей пожаръ былъ не у насъ въ слободѣ, а за прудомъ въ Новомъ городѣ, и хотя былъ онъ довольно значителенъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими домами сгорѣла и Покровская церковь, которая одна только еще и была въ городѣ, и собственно для насъ не было ни малѣйшей опасности,—то смотрѣлъ я на оной, происходившій у насъ изъ дома предъ глазами уже съ спокойнѣйшимъ духомъ и предоставилъ о тушеніи онаго пещись городничему.

Едва мы только отъ сей тревоги поуспокоились, какъ чуть-было мы опять и въ новомъ своемъ обиталищѣ не сгорѣли. Сама уже судьба возблагодѣтельствовала и очевидно спасла насъ отъ бѣдствія и опасности, которой мы, не зная нимало того, были подвержены. И какъ происшествіе сіе достойно особаго замѣчанія, то и упомяну я объ немъ въ подробности.

Причиною тому была труба, проведенная отъ кухни, подъ домомъ находящейся и въ которой намъ всякой день готовили кушанье. Какъ всѣ трубы отъ нижнихъ печей подѣланы были внутри самыхъ стѣнъ, то проведена была труба и отъ кухни изъ печи такимъ же образомъ сквозь внутренность стѣны, отдѣ-

ляющей залъ отъ побочной и той комнаты, гдѣ прежде находился у насъ театръ, и которая въ сіе время опредѣлена была у насъ на кладовую и загромащена вся разною рухлядью. Какъ комната сія внутри обита была бумажными обоями, то намъ и въ мысль не приходило подумать о томъ, нѣтъ ли отъ трубы сей какой опасности. Но чрезъ что-жъ узнали мы, что опасность сія была и превеликая? Въ одну ночь надобно-жъ было сдѣлаться превеликой бури или паче сильному сквалу и устремиться прямо въ одно окно сей комнаты съ толикою силою, что вихрь не только проломилъ оное, но ворвавшись внутрь комнаты, сорвалъ со стѣны и равно какъ нарочно съ одного только того мѣста, противъ котораго простиралась внутри стѣны кухонная труба, двѣ полосы бумажныхъ обоевъ, кои прибиты были только излегка мелкими обойными гвоздями. Мы ахнули ажно, вошедъ въ комнату сію поутру и увидѣвъ, что вся стѣна въ семъ обнаженномъ мѣстѣ почернѣла и закоптѣлась отъ дыма и жара, проходившаго изъ помянутой трубы сквозь маленькую скважину между известью и кирпичами въ сію комнату. Боже мой! какъ испужался и перетревожился я, сіе увидѣвъ; но изумленіе мое увеличилось еще больше, какъ я, приложивъ руку къ сему мѣсту на стѣнѣ почувствовалъ ею самой жаръ изъ трубы, какъ въ трубку дующій, ибо въ самое то время въ кухнѣ былъ огонь и топили печь самую. Но сего было еще не довольно. Но взглянувъ на оторванные обои, еще пуще испужался, увидѣвъ, что и бумага вся не только сзади закоптѣла, но такъ отъ жара псчаврѣла, что даже проламывалась, и я истинно уже не знаю, какъ она не загорѣлась, и какъ не произвела пожара, которой всего легче могъ бы воспослѣдовать, ибо подлѣ самаго сего мѣста лежало и стояло множество всякой рухляди, удобной къ загорѣнію. Но не успѣлъ я отъ изумленія моего оправиться, какъ, усмотря въ семъ произшествіи слѣды явнаго дѣйствія Промысла Господня, восхотѣвшаго насъ, посредствомъ помянутой бури, отъ видимой опасности предохранить,—изъ глубины сердца моего вздохнувъ, благодарилъ Господа за столь явную его ко мнѣ милость.

Вотъ обстоятельство, доказывающее, съ какою опасностію сопряжены трубы, проводимыя сквозь внутренности стѣнъ, и какъ важенъ совѣтъ нѣкоторыхъ архитекторовъ, чтобъ кирпичи, окружающіе сіи трубы, класть не на извести, а на глинѣ, и оною всю внутренность трубъ умазывать.

Но какъ бы то ни было, но сей случай такъ меня напугалъ, что я не только велѣлъ наиплотнѣйшимъ образомъ помянутую скважину замазать, но опасаясь, чтобъ сія проклятая труба не надѣлала еще гдѣнибудь бѣдъ, расположился совсѣмъ ее заглушить, а для выхода жара и дыма изъ печи и очага, придѣлать къ сему длинную желѣзную трубу и вывести ее въ окно наружу, и тотчасъ отправилъ для сего въ Тулу нарочнаго, что мнѣ тотчасъ и смастерили. А сіе меня съ сей стороны и обезпечило.

Совсѣмъ тѣмъ опасеніе—что и инымъ какимъ-нибудь непредвидимымъ случаемъ не сжечь мнѣ дворца—понудило меня помышлять и о скорѣйшемъ сгороженіи и для себя какихъ бы то ни было хоромишекъ, и поспѣшать симъ нужнымъ дѣломъ. И какъ по особливому счастію находилась у насъ въ гошпиталѣ небольшая деревянная связь, построенная еще господиномъ Опухтинымъ для житья подлѣкаря и стоявшая тогда праздно, потому что подлекаря у насъ не было,—то, не долго думая, рѣшился я ее перенесть на свое пожарище. И сгородилъ изъ ней для жительства своего новой домишка.

Къ сему я тотчасъ и приступилъ, но произвесть сіе не такъ скоро можно было въ дѣйство, какъ сказать на словахъ. Оказались при томъ многія затрудненія и неудобствы. Наиглавнѣйшая изъ нихъ состояла въ томъ, что связь сія была не только низка, но и вся очень не велика, и состояла только изъ четырехъ нарочито хотя просторныхъ комнатъ и однихъ сѣней. И какъ столь немного комнатъ, мнѣ со всѣмъ семействомъ своимъ по-

мѣститься никоимъ образомъ не было можно, а иного готоваго зданія никакого не находилось; то по неволѣ принужденъ былъ довольствоваться уже и сею и недостаткомъ комнатъ уже, поднимаясь какъ-нибудь на хитрости.

Сіе хотя и стоило мнѣ многихъ хлопотъ и трудовъ, но по крайней мѣрѣ и удалось съ лучшимъ успѣхомъ, нежели каково сначала ожидать было можно. Подумавъ о томъ хорошенько и самъ съ собою погадавъ, я тотчасъ смастерилъ прожектъ, какъ чему быть, и начертивъ всему планъ, не долго думая, и велѣлъ оные хоромцы, перемѣтивши, ломать и перевозить на подводахъ, велѣлъ лѣсъ становить на прежнемъ мѣстѣ, подвинувшись только немного впередъ отъ онаго.

Теперь разскажу я, что и что я придумалъ, и чѣмъ помогалъ себѣ въ тогдашней своей нуждѣ. Будучи доволенъ, что домикъ сей былъ хотя небольшой, но построенъ изъ сухаго краснаго лѣса, и что помянутыя четыре комнаты были нарочито просторны, расположился я ихъ переформировать слѣдующимъ образомъ: первую перегородилъ на двое, изъ одной три она составила: одна — лакейскую или прихожую, а другая—дѣвичью, третью—опредѣлилъ для своего кабинета или для собственнаго моего житья и мѣстопребыванія, назначаемой горницы. И смастерилъ себѣ кабинетъ несравненно просторнѣйшій, спокойнѣйшій, свѣтлѣйшій и теплѣйшій передъ прежнимъ. Положеніе свое получилъ онъ въ углу хоромъ, простирающихся на югъ. И какъ были въ немъ три окна, которыя велѣлъ я столярамъ передѣлать и изъ прежнихъ небольшихъ превратить въ большія и порядочныя, то было въ немъ очень свѣтло. А для тепла снабдилъ я его въ углу печкою съ конуркою для сидѣнія и нагрѣванія спины своей, а подлѣ ея смастерилъ себѣ маленькой каминчикъ и чрезъ все то сдѣлалъ весь его очень уютнымъ, веселымъ и столь спокойнымъ, что впослѣдствіи былъ онымъ несравненно довольнѣе своего прежняго маленькаго и темнаго кабинета. Другую и просторнѣйшую изъ всѣхъ комнату назначилъ я для троякаго употребленія, а именно: чтобъ она служила намъ совокупно и залою, и столовою, и гостиною, и подвергалась всегдашнимъ перемѣнамъ, а именно: въ обыкновенное время снабжала бы столовою и за нею небольшою на углу гостиною комнатою; а когда нужно имѣть просторнѣйшую комнату для большаго стола, то изъ обѣихъ изъ нихъ составлялся бы у насъ въ одинъ мигъ довольно просторной и такой залъ, въ которомъ по нуждѣ человѣкъ 20—30-ть накормить можно было. Сіе производили мы чрезъ выниманіе подвижной тонкой стѣны или перегородки, которою отдѣлялась наша гостиная отъ столовой, которую велѣлъ я столярамъ сдѣлать досчатую изъ трехъ штукъ, и обить съ обѣихъ сторонъ обоями и смастерить такъ, чтобъ можно было ее въ надобное время и со всѣми створчатыми ея дверьми выносить вонъ и чрезъ то изъ двухъ комнатъ въ одинъ мигъ составлять одну, и потомъ опять, въ одинъ же мигъ составлять двѣ разныхъ комнаты. И сіе удалось намъ такъ хорошо и непримѣтно сдѣлать, что ни кому и въ мысль не прихаживало, что стѣна сія была подвижная и выносная; и многіе сей выдумки моей довольно надивиться не могли. Изъ третьей же боковой и также разгороженной комнаты смастерилъ я себѣ небольшую спаленку и комнату для дѣтей, и маленькую комнатку для житья моей тещи, а четвертая назначена была для дѣвичьей. Но какъ не доставало только заднихъ сѣней и кладовой для всякой поклажи, то сію расположился уже я прирубить вновь изъ сырого лѣсу въ заворотъ къ одному концу хоромецъ; а чрезъ все то и получилъ по нуждѣ всѣ надобности.

Какъ все сіе скорѣе можно было выдумать и сказать, нежели въ дѣйство произвесть, то какъ я строеніемъ сихъ и прочихъ нужнѣйшихъ службъ ни спѣшилъ, но принуждены мы были употребить на то весь іюнь и іюль и почти и самой августъ мѣсяцъ, и не прежде мог-

ли жить въ сей домъ перейтить, какъ въ исходѣ уже сего послѣдняго мѣсяца; слѣдовательно, жили во дворцѣ безъ мала четыре мѣсяца.

Въ теченіе всего сего времени не случилось съ нами никакихъ особливыхъ происшествій, о которыхъ стоило бы упомянуть въ подробности. А вообще только скажу, что жить намъ тогда случилось еще въ первой разъ въ каменномъ большомъ и по нынѣшней архитекурѣ построенномъ домѣ, съ большими окошками, дверьми и прочимъ. Но, несмотря на все то, жили мы тутъ гораздо безпокойнѣе, нежели въ прежнемъ деревянномъ, и причиною тому была наиболѣе непривычка, также и то, что вездѣ несло и дуло, а сверхъ того, на ту пору въ самое сіе лѣто надобно было дѣлать въ дому семъ и парадную въ верхній этажъ лѣстницу изъ дикаго крѣпкаго камня, найденнаго въ нашей волости. И какъ работа сія по отмѣнной крѣпости онаго производилась очень медленно отысканными въ Москвѣ особыми мастерами, то и связывала, и безпокоила она насъ чрезвычайно. Наконецъ, мы ее сдѣлали и снабдили дорогими желѣзными перилами, и она стоила намъ многихъ денегъ, но и сіе и было одно только, что сдѣлалъ молодой князь во время своего владычествованія надъ волостью.

Что касается до моихъ упражненій внѣшнихъ и внутреннихъ, то первыя состояли наиболѣе въ смотрѣніи надъ производствомъ работъ при строеніи моего новаго дома и службъ, къ нему принадлежащихъ; во вторыхъ, въ назначеніи новыхъ мѣстъ для постройки домовъ нашимъ церковно-служителямъ. И симъ недозволилъ я уже строиться на прежнемъ мѣстѣ и занимать наилучшее и прекраснѣйшее мѣсто изъ всей тамошней усадьбы по прежнему своими анбарками; но все оное, какъ самое ближнее ко дворцу, оставилъ до времени празднымъ, предназначая уже и тогда оное въ мысляхъ своихъ для дворцоваго впредь сада, которое впослѣдствіи времени, какъ о томъ упомянется впредь въ своемъ мѣстѣ, и дѣйствительно весьма мнѣ пригодилось для произведенія нашего славнаго Богородицкаго сада.

Все сіе, равно какъ и прочія наружныя дѣла по волости какъ много ни отнимали у меня времени, но, по привычкѣ своей къ безпрерывной дѣятельности и трудолюбію, находилъ я еще множество его излишняго для своихъ литературныхъ и любопытныхъ занятій и упражненій разнаго рода. Все сіе употреблялъ я на продолженіе сочиненія своего «Экономическаго Магазина», котораго печатаніе и издаваніе шло по прежнему своимъ чередомъ и не имѣло по сему случаю ни малѣйшей остановки у меня. Только, къ крайнему сожалѣнію моему, похитилъ пожаръ присылаемые ко мнѣ экземпляры 9-й части онаго и надѣлалъ тѣмъ мнѣ великую пакость. Но какъ времени и за симъ оставалось у меня еще довольно, то затѣвалъ-было я въ сіе время переводить еще два нѣмецкихъ романа, а именно «Генріетту Риверса и барона Кронсгейма», но оба сіи перевода не состоялись, и какъ-то мнѣ не удалось ихъ кончить.

Далѣе памятно мнѣ, что въ самой сей періодъ времени пріѣзжалъ къ намъ братъ мой, Михайла Матвѣевичъ, и привезъ къ намъ старшаго своего сына Василія, для воспитанія и обученія наукамъ, и я получилъ чрезъ то себѣ еще новаго кабинетнаго товарища и не оставлялъ употреблять все, что могъ, для обученія сего малютки.

Кромѣ сего, занимался я временно и разными художественными упражненіями, изъ которыхъ въ особливости памятно мнѣ отдѣлываніе стеклянной моей часохранительницы, которой развалины цѣлы у меня еще и понынѣ и служатъ памятникомъ тогдашняго пожара. Прекрасную штучку сію я въ старыхъ хоромахъ только-было началъ украшать росписными стеклами, и какъ она, по счастію, была спасена отъ пожара; то хотѣлось мнѣ ее кончить, и я занимался тѣмъ во время жительства моего во дворцѣ.

Обыкновенная іюльская казанская яр-

манка была въ сей годъ многолюдная, и уже въ новомъ, построившемся за прудомъ, городѣ. И какъ происходила она у насъ прямо передъ глазами и стеченіе народа было превеликое, то зрѣлище сіе было для насъ столь пріятное, что мы не могли онымъ довольно налюбоваться. Но увеселеній никакихъ въ сей разъ по поводу ея не было, кромѣ того, что я угощалъ у себя многихъ пріѣзжавшихъ на нее своихъ знакомцевъ.

Наконецъ, насталъ и августъ мѣсяцъ и съ нимъ для меня новыя заботы и хлопоты. Получилъ я извѣстіе, что князь командиръ мой пріѣдетъ опять къ намъ на осень ѣздить по прежнему съ собаками. И мнѣ велѣно было заготовить и для него, и для людей, и лошадей, и псовъ его нужные припасы. Я хотя и не имѣлъ причины опасаться, чтобъ произошли опять какіе-нибудь вздоры, поелику князь расположенъ былъ ко мнѣ уже лучше,— однако все-таки озабочивался симъ его пріѣздомъ, и охотнѣе желалъ бы, чтобъ онъ къ намъ не пріѣзжалъ, и потому будущему пріѣзду его не весьма радовался. Но какъ перемѣнить того былъ я не въ состояніи, то спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, скорѣе отдѣлывать свой новой домъ, дабы успѣть до пріѣзда княжова въ оной перейтить и дворецъ опростать ему для жительства. Но онъ, не воображая себѣ, чтобъ я успѣлъ сіе сдѣлать, и не хотя потревожить меня изгнаніемъ изъ дворца, предписалъ мнѣ, чтобы я сказалъ господамъ нашимъ судьямъ, жившихъ до того по прежнему въ дворцовомъ флигилѣ, чтобъ они изволили выбираться вонъ изъ нихъ и отыскивать себѣ, гдѣ хотятъ, другія квартиры въ своемъ городѣ, а комнаты свои во флигилѣ опростали для квартированія самому ему собственно. Съ крайнимъ нехотѣніемъ пошелъ я имъ показывать сей ордеръ и увѣрять ихъ, что произошло сіе совсѣмъ не отъ меня, а отъ одного своенравія князя. Они хотя тому и повѣрили, зная, что мнѣ въ томъ никакой не было надобности, но неинако какъ съ крайнимъ неудовольствіемъ принуждены были, согласуясь съ повелѣніемъ симъ, прежнія свои спокойныя и хорошія квартиры покидать и перебираться въ городъ, гдѣ наняли они для себя уже кое-гдѣ пакосныя квартиришки. А вмѣстѣ съ ними перебрался на ту сторону и самъ нашъ городничій.

Признаться надобно, что таковое ихъ переселеніе было не только для нихъ, но и для меня весьма непріятно, ибо чрезъ сіе удаленіе ихъ изъ близкаго сосѣдства и разсѣяніе по всему городу разрушились всѣ бывшія у насъ до того частыя свиданія и веселые съѣзды и вечеринки, ибо къ тому далеко не было уже такой способности какъ прежде.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, а именно 28-го числа августа, перебрались и мы всѣ изъ дворца въ новопостроенной свой домъ, приведенной къ сему времени уже къ окончанію. Я очень радъ былъ, что успѣлъ его кончить до пріѣзда къ намъ князя, которой, по полученнымъ извѣстіямъ, находился въ сіе время уже въ своемъ Сергіевскомъ, и что могъ очистить для его и дворецъ и флигели.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ оставили мы пышныя и высокія каменныя палаты и входили въ свой смиренной деревянной домикъ. Какъ онъ ни тѣсенъ былъ, но мы находили въ немъ довольно уже для себя простора, и онъ намъ казался и веселъ, и хорошъ, и спокоенъ. Въ особливости же я не могъ довольно налюбоваться и навеселиться своимъ свѣтленькимъ кабинетомъ и съ особливымъ удовольствіемъ разстановлялъ въ немъ столы, комодъ, книги и все прочее. Къ сему времени поспѣлъ у меня вновь дѣланной и самой тотъ черною кожею сверху оклеенной столъ, на которомъ пишу я и понынѣ, и которой помѣстилъ я тогда подъ лучшимъ окошкомъ, изъ котораго видъ простирался на городъ и на дворецъ.

Не успѣли мы въ сей домъ перебраться, какъ на другой же день послѣ того и поѣхалъ уже я къ своему князю въ Сергіевское, и проѣздилъ почти всю ночь по степи, сбившись въ темнотѣ съ до-

роги. Князь принялъ меня въ сей разъ несравненно уже лучше, нежели въ прежній пріѣздъ свой; разговаривалъ со мною обо всемъ благосклонно, разспрашивалъ о волостяхъ, и казалось, что былъ всѣми моими дѣлами доволенъ. Онъ продержалъ меня у себя не болѣе однихъ сутокъ, въ которыя возилъ меня съ собою на огромный свой конскій заводъ, въ другой деревнѣ построенной, а потомъ и отпустилъ меня обратно въ Богородицкъ.

Ѣдучи отъ князя домой, занимался я во всю почти дорогу помышленіями объ одномъ дѣлѣ, относящемся до г. Верещагина, моего товарища, и о которомъ я въ сію бытность мою у князя и отъ самого его услышалъ, и которое произвело во мнѣ не только превеликое удивленіе, но и нѣкоторое негодованіе на самого князя. Было оно слѣдующее:

Я упоминалъ уже вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, что мы въ минувшую осень женили сего господина Верещагина на дочери знакомой и пріятельницы нашей госпожи Бакуниной, и что всѣ не могли тому довольно надивиться, что сія благородная дама дала себя сему хитрецу такъ очаровать, что согласилась отдать за него дочь свою. И какъ она за нею ничего почти не дала, да и приданое было ничего почти незначущее, дивились мы и самому Верещагину, что онъ, будучи и самъ очень небогатой человѣкъ, женился на такой невѣстѣ, но вскорѣ потомъ открылось, что бракъ сей учиненъ былъ съ его стороны по дальновидному разсчету. У госпожи Бакуниной былъ очень близкой родственникъ той же фамиліи въ Петербургѣ, служившій при иностранной коллегіи и имѣвшій уже важной чинъ, да и по способностямъ своимъ въ дѣлахъ довольно знаменитой. Итакъ, виды господина Верещагина простирались къ тому, чтобы чрезъ сей бракъ, сдѣлавшись ему роднею, къ сему знаменитому родственнику подбиться въ любовь и милость, и чрезъ его, буде можно, произойтить въ чины и люди. Къ сему побуждало его наиболѣе то, что какъ открылись за этимъ по волости дѣла не совсѣмъ похвальныя, перемѣнившія у князя прежнія объ немъ выгодныя мысли, то не могъ онъ при дальнѣйшемъ продолженіи службы своей въ семъ мѣстѣ льститься надеждою получить чины, или иныя какія-либо выгоды, ибо чтобъ быть нѣкогда на моемъ мѣстѣ — выложилъ онъ совсѣмъ уже изъ головы.

Въ семъ намѣреніи выпросилъ онъ у князя дозволеніе съѣздить съ женою своею въ Петербургъ для сведенія знакомства съ помянутымъ родственникомъ. И какъ князь въ томъ ему не отказалъ, то онъ и отправился въ Петербугъ. И, живучи тамъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по характеру своему отмѣнно способному ко всякимъ проискамъ, пронырствамъ и притворнымъ ласкательствамъ, и успѣлъ господина Бакунина такъ очаровать, что онъ сдѣлался ему и другомъ и благодѣтелемъ, и охотно взялся весь свой кредитъ употребить для доставленія ему всѣхъ желаемыхъ имъ пользъ и выгодъ. Наиглавнѣйшее желаніе г. Верещагина было то, чтобъ ему выдраться изъ тогдашняго его низкаго чинишка, ибо онъ былъ отставнымъ только подпоручикомъ артиллерійскимъ, и получить какой-нибудь лучшій, дабы, пользуясь тѣмъ, можно было ему, оставивъ волость, перейтить въ иной родъ гражданской службы и тамъ искать счастія своего далѣе. Но какъ въ доставленіи ему чина оказалось то затрудненіе, что онъ былъ въ отставкѣ и несъ службу почти приватную, то, по многомъ думаніи и совѣщаніи, разсудили они употребить къ тому то средство, чтобъ князь нашъ представилъ о награжденіи его чиномъ въ сенатъ, а въ сенатѣ брался уже г. Бакунинъ дѣло сіе сработать. А посему и приступилъ г. Верещагинъ съ просьбою о томъ къ князю, и сей былъ такъ безразсуденъ, что, позабывъ совсѣмъ обо мнѣ, какъ несравненно одобренія и рекомендаціи его достойнѣйшемъ, и далъ ему себя убѣдить просьбою учинить по его желанію. А сей не успѣлъ сего пред-

ставленія получить, какъ, при помощи Бакунина и своемъ пронырствѣ, и успѣлъ въ сенатѣ сдѣлать то, что сей и наградилъ его почетнымъ уже чиномъ коллежскаго ассессора; слѣдовательно, изъ подпоручиковъ пожаловалъ его прямо въ премiеръ-маiоры, такъ какъ бы онъ и Богъ знаетъ какую для отечества сдѣлалъ важную услугу.

Признаюсь, что какъ я ни мало сроденъ къ завидованію другимъ людямъ въ счастіи и страсть сія меня никогда не мучивала и не мучитъ,—но въ сей разъ чувствительно и больно было мнѣ услышать о немъ отъ самого князя, прикрывающаго уже стыдъ свой извиненіемъ себя предо мною, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ произвели его въ коллежскіе ассессоры, а не инако думалъ, что дадутъ ему только чинъ титулярнаго совѣтника, что онъ и о производствѣ его для того только представилъ, что Верещагинъ далъ ему обѣщаніе выйтить тотчасъ изъ нашей службы и перейтить куда-нибудь въ иное мѣсто, чего и самому ему хотѣлось. Но легко можно заключить, что для меня извиненіе таковое не весьма было утѣшительно, и я не могъ, чтобъ на князя, за забытіе меня и предпочтеніе мнѣ сего негодяя, внутренно не подосадовать.

И о семъ-то я, конечно, размышлялъ, ѣдучи назадъ въ Богородицкъ, и смѣялся тому, что сей новоиспеченной господинъ маіоръ продолжалъ по прежнему быть у меня, имѣвшаго только капитанской чинъ, подъ командою.

Чрезъ недѣлю, по возвращеніи моемъ, пріѣхалъ къ намъ и князь, въ сей разъ уже одинъ и безъ своей княгини, а только съ г. Стрекаловымъ и со свитою, далеко уже не столь многочисленною, какъ прежде; почему и не захотѣлъ стать во дворцѣ, а расположился во флигелѣ, въ самыхъ тѣхъ покойцахъ, гдѣ жилъ до того судья г. Арсеньевъ. И удивился нашедъ домъ мой совсѣмъ уже построеннымъ, равно какъ и парадное въ домѣ крыльцо уже отдѣланнымъ, чѣмъ онъ былъ такъ доволенъ, что изъявлялъ мнѣ за то отмѣнное свое благоволеніе.

Впрочемъ, какъ при немъ въ сей разъ не было уже столь многихъ прихлебателей, какъ въ прежній разъ, то во все время тогдашняго его пребыванія не произошло у насъ ничего важнаго и замѣчательнаго, а все было у насъ тихо, смирно, хорошо и ладно. Онъ, по обыкновенію своему, опять-таки всякой день ѣзжалъ на поле, гонялъ и травилъ зайцевъ, возвращался къ намъ уже въ темныя ночи, а я оставался дома и занимался своими дѣлами или угощеніями у себя г. Стрекалова, которой рѣдко ѣзжалъ съ нимъ на поле.

Одно только случилось произшествіе особое, да и то произвело мнѣ не досаду и огорченіе, а особенное удовольствіе и состояло въ слѣдующемъ. Какъ князь, ѣздивши на охоту, ѣхалъ однажды съ поля верхомъ съ товарищами въ одно село отдыхать, то случилось ему наѣхать на одного крестьянскаго мальчишку, ѣхавшаго также съ поля, домой въ телѣгѣ. И какъ примѣтилъ онъ, что мальчишка сей никакъ не узналъ, а счелъ его простымъ охотникомъ, то, по скаредной своей прежней привычкѣ, восхотѣлось ему симъ случаемъ воспользоваться, и въ своихъ съ нимъ разговорахъ выпытывать и разспрашивать у него все, что онъ обо мнѣ и о правленіи моемъ знаетъ. Но, по особливому для меня счастію, случилось быть сему мальчишкѣ очень умному, и хотя меня никогда невидавшему, но довольно обо мнѣ и всѣхъ моихъ дѣлахъ съ хорошей стороны отъ стариковъ наслышавшемуся. А потому какъ князь ни старался его выводить изъ ума, но тотъ превозносилъ меня по своему, одними только похвалами, и расхвалилъ ему меня такъ, что князь, по возвращеніи своемъ къ намъ, торжественно при всѣхъ за столомъ мнѣ сказалъ: «Ну, Андрей Тимоѳеевичъ, какъ мы севодни наѣхали мальчишку, такъ хотя-бъ и братъ родной тебѣ онъ былъ, такъ бы не насказалъ мнѣ столько о тебѣ добраго; и ему уже я болѣе всѣхъ повѣрю, потому что онъ ни тебя, ни меня не зналъ, а говорилъ отъ чистаго сердца, и что отъ роду помнитъ».

Легко можно заключить, что таковое его привѣтствіе было для меня не противно, а самое сіе подало поводъ и къ другому произшествію и къ побужденію меня къ такому дѣлу, къ которому приступилъ я почти нехотя, а именно:

Какъ скоро произшествіе сіе и хорошее расположеніе князя ко мнѣ сдѣлалось всѣмъ извѣстно, то какъ родные мои, такъ и всѣ мои друзья и пріятели стали мнѣ совѣтывать, чтобъ я воспользовался благопріятнымъ для себя случаемъ и попросилъ князя, чтобъ онъ и обо мнѣ такимъ же образомъ въ сенатъ представилъ, какъ о Верещагинѣ. Долго я на сіе никакъ не соглашался, ибо съ одной стороны за правило себѣ издавна поставилъ не добиваться самъ какихъ-нибудь себѣ чиновъ, а съ другой — не хотѣлось мнѣ и князя о семъ, какъ о милости какой, просить. Но наконецъ убѣдили меня къ тому наиболѣе тѣмъ, чтобъ я исполнилъ сіе, хоть стыда ради предъ Верещагинымъ. Итакъ, предъ самымъ уже отъѣздомъ князя и приступилъ къ нему съ сею просьбою. И князь не только мнѣ въ томъ не отказалъ, но, отзываясь, что онъ сіе считаетъ себѣ уже и долгомъ, обѣщалъ тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Москву, исполнить, что̀ дѣйствительно и учинилъ. Но, спасибо посланное, его обо мнѣ въ сенатъ представленіе осталось безъ малѣйшаго успѣха, и ему въ томъ, и слова не сказавъ, отказали, поелику у меня тамъ не было никакого г. Бакунина ходатаемъ.

Князь пробылъ у насъ въ сей разъ не долго и только до половины сентября мѣсяца, и 15-го числа поѣхалъ отъ насъ въ Бобрикъ. А на другой день проводилъ я его и оттуда, нимало не воображая себѣ, что сей пріѣздъ его былъ къ намъ въ волость уже послѣдній.

По отъѣздѣ его, всю послѣдующую за симъ осень и первые зимніе мѣсяцы, провели мы по прежнему въ разныхъ своихъ упражненіяхъ. И во все сіе время случилось только то, что вначалѣ октября мѣсяца лишились мы меньшой своей дочери Варвары, бывшей еще на рукахъ у кормилицы. Бѣдненькая съ самаго рожденія своего все что-то чахла и была нездорова, а во время пожара ее сильно простудили, и отчего наиболѣе начала она чахнуть, покуда наконецъ родимецъ кончилъ ея кратковременную жизнь и сей рабёнокъ былъ у меня уже послѣдній.

Вскорѣ послѣ сего произшествія отправились мы въ дальнія гости, въ Крапивенской уѣздъ, къ родственнику нашему Петру Алексѣевичу Кирѣеву. А на возвратномъ пути заѣзжали и къ прочимъ нашимъ крапивенскимъ знакомцамъ, гдѣ, будучи въ домѣ у друга моего г. Шушерина, встрѣтилъ я и свой 45 годъ отъ рожденія. Имянины же свои праздновалъ уже, по обыкновенію, возвратясь въ Богородицкъ, при которомъ случаѣ, для угощенія всѣхъ своихъ городскихъ знакомыхъ, въ первой разъ столовую и гостинную свою въ новомъ домѣ превращалъ въ залу.

По наступленіи зимы писалъ я опять въ Петербургъ къ старинному своему другу г. Малиновскому, но и въ сей разъ не могъ получить отъ него никакого отвѣта. Почему съ того времени и перересталъ къ нему писать, и тѣмъ паче, что стороною слышалъ, что ему было не до того, чтобъ помнить о своихъ прежнихъ друзьяхъ, а онъ занимался излишнею приверженностью своею къ бахусовымъ продуктамъ. Я искренно пожалѣлъ о семъ человѣкѣ, учившемся такъ хорошо въ Кёнигсбергѣ и штудировавшемъ вмѣстѣ со мною крузіянскую философію и бывшемъ уже на хорошемъ пути къ почестямъ, но — проклятой порокъ сей погубилъ сего человѣка.

Кромѣ сего, достопамятно, что я въ сіе зимнее время, кромѣ обыкновеннаго сочиненія своего «Экономическаго Магазина», занимался еще переводомъ нѣмецкаго романа подъ заглавніемъ «Герфортъ и Клара», которой мнѣ и слогомъ, и содержаніемъ своимъ полюбился. И трудился надъ нимъ съ толикимъ прилежаніемъ, что, несмотря на всю величину его, весь оной недѣль въ шесть кончилъ переводомъ. Мнѣ хотѣлось и его также

напечатать, но какъ-то не удалось. Господинъ Новиковъ какъ-то долго не собрался за напечатаніе его приняться, и я лишился даже своего и манускрипта.

А симъ и кончился нашъ 1782 годъ, сдѣлавшійся мнѣ пожарнымъ бѣдствіемъ въ особливости достопамятнымъ. И какъ мы, за разстройкою своею, всю зиму въ Москву сколь было располагали, то и остались праздникъ Рождества Христова въ Богородицкѣ. А что воспослѣдовало далѣе, о томъ перескажу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а сіе симъ окончивъ, скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Генваря 18-го дня 1810 года).

1783.

Письмо 212-е.

Любезный пріятель! Начинаю теперь разсказывать вамъ о произшествіяхъ, случившихся со мною въ теченіе 1783 года. Предварительно скажу, что и сей годъ былъ весьма достопамятный для меня происшествіемъ опять во многихъ обстоятельствахъ, относящихся до меня, и всего меньше мною ожиданною перемѣною. Она произошла при самомъ почти началѣ сего года. Но мы, ничего еще о томъ не зная, начали провождать оный въ прежнемъ своемъ спокойствіи душевномъ, живучи по прежнему въ мирѣ и тишинѣ. И какъ предъ наступленіемъ еще святокъ, отъѣзжавшій отъ насъ на праздникъ въ деревню свою, судья нашъ г. Арсеньевъ, наиубѣдительнѣйшимъ образомъ, просилъ насъ, чтобъ мы его хотя однажды посѣтили въ его деревни и, буде можно, пріѣхали бы къ нему къ новому году, то, желая и сами у него побывать, и поѣхали мы къ нему въ послѣдній день минувшаго года. Но что-жъ случилось-было тамъ съ нами? Обрадовавшійся до крайности пріѣзду нашему, нашъ хозяинъ не зналъ какъ бы насъ у себя лучше угостить, но со всѣмъ стараніемъ своимъ о томъ, чуть-было чуть не отправилъ насъ на тотъ свѣтъ и не погубилъ совершенно отъ излишняго своего къ намъ усердія. Ибо, какъ случилась тогда быть очень холодная морозная погода и хоромы его были не очень теплы, а особливо просторный его залъ, въ которомъ назначилъ онъ всѣмъ намъ, мущинамъ, спать (ибо, вмѣстѣ съ нами, ѣздилъ тогда къ нему и нашъ городничій и нѣкоторые другіе изъ нашихъ богородицкихъ знакомцевъ),—то догадало его, между тѣмъ, покуда мы въ столовой его ужинали, у себя залъ его нагрѣвать нѣсколькими котлами съ раздутыми угольями. Мы, не зная ничего того и отъужинавъ себѣ спокойнымъ образомъ, порадовались еще, когда привелъ онъ насъ въ залъ съ приготовленными для насъ постелями, что нашли въ немъ такое тепло, и легли себѣ спокойно спать. Но не успѣли заснуть, какъ такъ всѣ переугорѣли, что насъ безъ памяти почти вытащили на дворъ. По особенному счастію, какимъ-то образомъ удалось мнѣ проснуться прежде всѣхъ прочихъ, и какъ я почувствовалъ въ себѣ не только необыкновенную головную боль, но дурноту и тошноту страшную, то, вскочивъ, взбудоражилъ людей и всѣхъ прочихъ, со мною спавшихъ, угорѣвшихъ еще больше моего, и находившихся уже въ крайней опасности. «Батюшки мои, кричалъ я имъ, вставайте, вставайте скорѣе: мы всѣ переугорѣли на смерть и пойдемте скорѣе вонъ!» Но кто ни легъ — не въ состояніи почти были уже стоять на ногахъ: такъ мы всѣ одурѣли, и насъ вывели уже кое-какъ люди вонъ на морозъ; и еслибъ не помогла намъ сдѣлавшаяся рвота, то не знаю уже, чтобъ съ нами воспослѣдовало.

Хозяинъ нашъ невѣдомо какъ совѣстился, что былъ такъ неостороженъ. Но какъ и онъ столько, какъ и мы, угорѣлъ, то мы и не взыскивали уже на немъ того; но превративъ все сіе въ шутку, весь первой день сего года провели у него съ удовольствіемъ, а на другой день обѣдали у сосѣдки его г-жѣ Албычевой, сестры друга моего, Алексѣя Андреяновича, а послѣ заѣхали къ брату его, Николаю Сергѣевичу, и провели у него вечеръ прямо по святочному въ разныхъ играхъ и забавахъ.

По возвращеніи своемъ, на третій день, въ Богородицкъ, нашелъ я у себя, между прочими полученными письмами, уже и ордеръ отъ князя о произведеніи г. Верещагина. А вскорѣ послѣ сего прискакалъ ко мнѣ и самъ сей новоиспеченный г. коллежскій ассессоръ. Я, поздравляя его съ полученіемъ чина, смѣялся ему, говоря, что теперь Богъ знаетъ, кому изъ насъ у кого быть въ командѣ: мнѣ ли у него, или ему у меня. Но какъ ордеромъ предписано было состоять ему отъ меня по прежнему въ командѣ, то онъ принужденъ былъ проглотить сію пилюлю и признался мнѣ, что главное намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ перейтить отъ насъ въ гражданскую службу, а свое мѣсто опростать для своего меньшаго брата, Семена, что̀ ему, наконецъ, и удалось.

Итакъ, мы остались съ нимъ по прежнему друзьями, и онъ не огорчился ни мало тѣмъ, что былъ у меня, со всѣмъ своимъ ассессорскимъ чиномъ, подъ командою; но поступилъ еще далѣе и вздумалъ-было сдѣлаться сватомъ и просватывать старшую дочь мою Елизавету въ замужство. Но мы съ вѣжливостью, подъ предлогомъ, что она слишкомъ еще молода, сіе его предложеніе отклонили; къ тому-жъ, и предлагаемый имъ женихъ не былъ для ней хорошею партіею.

Въ день Богоявленія Господня сдѣлали мы у себя маленькой праздничекъ и у насъ обѣдалъ и весь день съ нами провелъ городничій со своимъ семействомъ и еще кое-кто изъ городскихъ нашихъ знакомыхъ; а чрезъ день, послѣ того, угощалъ онъ насъ у себя обѣдомъ. Тѣмъ мы тогдашніе наши святочные съѣзды и увеселенія кончили.

Симъ образомъ продолжали мы жить по прежнему въ мирѣ и тишинѣ и всего меньше помышляли о томъ, чтобъ намъ предстояла тогда новая, и всего меньше ожидаемая, тревога, случившаяся еще въ самое то-жъ 8-е число января, въ которое мы пировали у городничаго, а именно:

Не успѣли мы, возвратясь отъ городничаго, поужинать и лечь спать, какъ въ самую полночь вдругъ разбудили меня, говоря, что прискакалъ ко мнѣ какой-то курьеръ съ важнымъ и нужнымъ пакетомъ. «Господи! сказалъ я, удивившись, и надѣвъ тулупъ, что за диковинка и отъ кого-бъ таковъ?» Но удивленіе мое еще увеличилось, когда, вышедъ въ столовую, увидѣлъ подаваемый мнѣ пакетъ, подписанный на мое имя ордеромъ незнакомою рукою и запечатанный незнакомою мнѣ печатью. «Батюшки мои, отъ кого-бъ это таково было?» подумалъ я, и спѣшилъ спрашивать о томъ вручителя.—Отъ Николая Сергѣевича Давыдова, тульской экономіи директора. Сіе меня удивило еще болѣе. «Господи помилуй! сказалъ я самъ себѣ, да какую власть имѣетъ сей человѣкъ надо мною, что меня ордируетъ?» и разорвавъ обертку пакета, спѣшилъ читать ордеръ. Но вообразите какимъ удивленіемъ и даже изумленіемъ долженъ былъ я поразиться, когда увидѣлъ, что давалось мнѣ знать, что государынѣ угодно было, по причинѣ увольненія князя Гагарина въ чужіе краи, препоручить наши волости въ смотрѣніе и дирекцію ему, господину Давыдову, и что онъ, какъ уже дѣйствительный мой командиръ, увѣдомляя меня о томъ, и о скоромъ своемъ къ намъ пріѣздѣ, предписывалъ мнѣ, чтобъ я сдѣлалъ къ пріѣзду его всѣ нужныя пріуготовленія и велѣлъ для пребыванія его истопить дворцовый флигель.

Удивленіе, которымъ я, при читаніи сего неожидаемаго извѣстія, поразился было дѣйствительно неудобоизобразимое, и я, сказавъ присланному: «хорошо, мною все будетъ исполнено», и приказавъ его накормить и успокоить, спѣшилъ сообщить сію неожидаемость моимъ домашнимъ. Тѣ, также изумились, удивились и смутились, какъ и я, симъ происшествіемъ, и всѣ мы не знали, огорчаться ли намъ или радоваться сей новой и важной перемѣнѣ. Господинъ Давыдовъ былъ всѣмъ намъ уже отчасти знакомъ, поелику, за нѣсколько лѣтъ до того, пріѣзжалъ онъ къ намъ для осмотра флигелей, былъ нами

угощаемъ и показался намъ человѣкомъ очень хорошимъ. Но великая разница была въ томъ, чтобъ имѣть его у себя командиромъ, а не приватнымъ гостемъ. Сверхъ того, извѣстно было намъ то, что онъ былъ любимцемъ намѣстниковымъ, поелику съ женою его имѣлъ онъ до того короткую дружбу, по которой причинѣ находился и тогда у него все еще въ отличной милости и уваженіи; потомъ не извѣстно еще было, какъ онъ, будучи моимъ командиромъ, со мною обходиться будетъ. Что же касается до князя, то мы не знали, тужить ли намъ о томъ, что мы изъ его команды и начальства выбыли, ибо хотя я съ нимъ и только послѣдній годъ и поладилъ, но по пылкому и безпутному его характеру мало добра отъ него ожидать было можно, а напротивъ того, всегда долженъ я былъ отъ него опять какихъ-нибудь вздоровъ опасаться. Итакъ, мы съ сей стороны и не очень о томъ потуживали, что отъ него по-добру, по-здорову отдѣлались. Впрочемъ, предавались во всемъ Божьему о себѣ Промыслу и возлагали на Него все свое упованіе.

Совсѣмъ тѣмъ я, легши опять спать, не могъ долго заснуть и болѣе часа занимался о сей неожидаемой перемѣнѣ помышленіями. Болѣе всего было мнѣ непонятно, какимъ это образомъ сдѣлалось и отчего собственно произошло, ибо до того объ отъѣздѣ князя въ чужіе краи, и даже и о намѣреніи его къ тому не было ни малѣйшаго слуха и послушанія, а знали мы только, что въ минувшую осень ѣздилъ онъ по каммергерской своей должности въ Петербургъ и оттуда ѣздилъ, вмѣстѣ съ государыней, въ вновопріобрѣтенныя польскія провинціи, и что онъ находился у государыни въ особенномъ уваженіи. Словомъ, для меня было все сіе неразрѣшимою тогда загадкою и я не прежде обо всемъ узналъ, какъ уже по прошествіи многаго уже, послѣ того, времени, и тотъ же г. Верещагинъ, узнавъ о томъ какимъ-то образомъ, сообщилъ мнѣ о томъ странномъ случаѣ или анекдотѣ, которой къ сей важной съ нами перемѣнѣ подалъ тогда поводъ. Былъ онъ слѣдующій:

Князь, находясь помянутымъ образомъ, въ свитѣ императрицыной, во время путешествія ея въ Польшѣ, удостоиванъ былъ отъ ней той милости, что игралъ съ нею всегда въ вистъ, вмѣстѣ съ прочими, съ нею тогда бывшими. Какъ при сей игрѣ, какъ извѣстно, употребляются особыя марки, то у князя были онѣ золотыя и носимыя всегда при себѣ въ карманѣ исподняго платья. Но какимъ-то образомъ случилось однажды, что онъ отъ поспѣшности, въ тотъ же карманъ, всунулъ скляночку съ оделюсомъ, и какъ сей случилось быть не очень плотно заткнутой, а подлѣ самой ея и лежали помянутыя золотыя марки, то отъ духа сего нашатырнаго спирта и потусклѣло золото такъ, что марки сдѣлались совсѣмъ оттого запачканными и почти почернѣвшими. Князь, сѣвши съ императрицею и прочими играть въ карты, и не зная того, не вѣдая, выхватываетъ изъ кармана марки и поражается удивленіемъ, увидѣвъ марки свои въ такомъ гадкомъ видѣ, и тотчасъ начинаетъ ихъ тереть платкомъ своимъ, но какъ острота спирта успѣла въ золото въѣсться очень крѣпко, то никакъ ихъ вытереть и прежній имъ блескъ придать было невозможно. Сіе увеличило не только его удивленіе, не догадывающагося нимало, отчего то произошло, но обратило вниманіе къ себѣ и всѣхъ прочихъ игроковъ и самой даже императрицы и возбудило во всѣхъ любопытство узнать, чѣмъ бы такимъ онъ ихъ замаралъ, и его о томъ спрашивать. Но какъ ему не оставалось другого сказать, что онъ самъ не знаетъ того не вѣдаетъ, то всѣ, посмѣявшись только тому, такъ тогда сіе и оставили.

Но какъ бы вы думали? Самая сія ничего незначащая случайность произвела такія послѣдствія, какія и вообразить себѣ никому не можно было. Словомъ, она въ состояніи была лишить князя не только всего благоволенія императрицына, которымъ онъ до того времени пользовался, но и всей ея къ себѣ милости и

привесть его ей даже въ омерзѣніе. Произошло то собственно отъ проклятой придворной политики или паче дьявольской зависти тогдашняго императрицына фаворита, бывшаго съ нею и игравшаго также тогда съ ними въ карты. Сей, опасаясь, можетъ быть, чтобъ князь не перехватилъ у него фавора, восхотѣлъ бездѣльнически употребить сей случай къ удаленію его отъ императрицы и употребилъ къ тому самую дьявольскую клевету. Какъ ему коротко былъ извѣстенъ весь характеръ императрицынъ и, между прочимъ, то, что она всего болѣе боялась .... болѣзней и берегла себя отъ нихъ съ наивеличайшимъ стараніемъ, то вздумалось ему всклепать на князя, что онъ зараженъ сею прилипчивою болѣзнію, и что марки его не отъ чего иного потемнѣли, какъ оттого, что онъ лѣчится ртутными лѣкарствами, и произошло то отъ ядовитыхъ испареній изъ его тѣла. Онъ намекнулъ о томъ императрицѣ только шуткою, но сія тотчасъ тому, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, повѣря, вдругъ получила отъ князя такое отвращеніе, что съ той же минуты не восхотѣла его болѣе и близко подлѣ себя терпѣть, а не только-что, по прежнему удостоивать его своего стола и играть съ нимъ въ карты; но, и близко его къ себѣ не припуская, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, отправила его назадъ въ Петербургъ. И какъ, и по возвращеніи своемъ, не хотѣла она его никакъ терпѣть при дворѣ и о томъ ему стороною дано было знать, то самое сіе и побудило князя проситься объ увольненіи себя въ чужіе краи, чему государыня, съ своей стороны, обрадовалась, охотно ему то и дозволила. А дабы волости наши не могли остаться безъ всякаго призора, то и ввѣрила она надзоръ надъ ними не г. Давыдову, а собственно случившемуся тогда въ Петербургѣ нашему тульскому намѣстнику Михаилу Никитичу **Кречетникову**. Но поелику должность сія была для него нѣсколько низковата, то и велѣно было подъ его руководствомъ и повелѣніями принять ее въ свое смотрѣніе помянутому тульской экономіи директору Давыдову. Итакъ, сей былъ у меня не самымъ главнымъ, а, такъ сказать, полукомандиромъ; главнымъ же начальникомъ надо мною сдѣлался самъ нашъ намѣстникъ.

Всего сего тогда еще не вѣдая, удивлялся я тому, какъ могли такія важныя волости поручены быть такому небольшому, молодому и нимало незнаменитому, а при томъ такому человѣку, о которомъ доходили до насъ стороною слухи, что былъ онъ и не слишкомъ въ житьѣ своемъ воздерженъ, а мотоватъ. Но удивленіе мое скоро уничтожилось чрезъ узнаніе чрезъ нѣсколько дней послѣ того, что поручена ему надъ ними неполная власть, а ограниченная, и что самъ онъ долженъ былъ быть подъ опекою и надзоромъ намѣстниковымъ.

Но какъ бы то ни было, но перемѣна сія имѣла столь великое вліяніе на всѣ мои обстоятельства, что я могу сказать, что съ самаго сего времени начался новый и самый дѣятельнѣйшій и по многимъ отношеніямъ почти наиріятнѣйшій періодъ моей жизни, какъ то изъ послѣдующаго продолженія моего повѣствованія окажется.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что не успѣло настать послѣдующее за ночью утро, какъ, созвавъ всѣхъ моихъ подкомандующихъ, объяснилъ я имъ о сей произшедшей перемѣнѣ и приказалъ приготовлять всѣ нужныя для свѣдѣнія моему новому командиру вѣдомости обо всемъ и бумаги; также топить скорѣе комнаты во флигелѣ и дѣлать прочія къ пріѣзду его пріуготовленія.

Для всѣхъ ихъ было сіе также и поразительно, и удивительно, но они болѣе сей перемѣнѣ радовались, нежели горевали о томъ, что вышли изъ подъ команды нашего бѣшенаго князя.

Г. **Давыдовъ** и незамедлилъ своимъ къ намъ пріѣздомъ. И не успѣло двухъ дней пройтить, какъ и прилетѣлъ онъ 11 числа ранымъ-ранёхонько въ сопровожденіи одного только своего секретаря **Протопо-**

нова и расположился въ пріуготовленныхъ для его покояхъ во флигелѣ дворцовомъ.

Будучи въ самомъ дѣлѣ и смыслѣ наидобродушнѣйшимъ человѣкомъ и характера благороднаго, ласковаго, дружелюбнаго и веселаго, обошолся онъ со мною не такъ, какъ командиръ съ своимъ подчиненнымъ, а какъ стародавнишній уже знакомый и пріятель, и не только безъ малѣйшей надмѣнности и спѣси, но крайне благосклонно и дружелюбно. Симъ озадачилъ онъ меня такъ, что я съ самой первой минуты сдѣлался ему искренно приверженнымъ. А такимъ же благосклоннымъ обхожденіемъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ очаровалъ онъ и всѣхъ моихъ подкомандующихъ, а равно и всѣхъ нашихъ городскихъ судей, явившихся тотчасъ къ нему для изъявленія своего почтенія.

Какъ у меня всѣ нужныя для предварительнаго его свѣдѣнія бумаги были уже приготовлены, то онъ, будучи тѣмъ крайне доволенъ, началъ тотчасъ входить во всѣ наши волостныя дѣла и такимъ образомъ, что и я, съ моей стороны, былъ очень доволенъ и съ радостью готовъ былъ я исполнять не столько повелѣнія его, сколько просьбы о томъ, чтобъ я ему былъ болѣе во всемъ помощникомъ, нежели подкомандующимъ, увѣряя меня, что сіе будетъ весьма пріятно и общему нашему начальнику Михаилу Никитичу Кречетникову, чрезъ что самое и узналъ я, что все, относящееся до волости наиглавнѣйшее, будетъ зависѣть отъ воли нашего намѣстника.

Какъ пріѣздъ его воспослѣдовалъ незадолго до обѣда, то къ обѣденному столу пригласилъ я его къ себѣ и постарался угостить его у себя колико можно лучше. И тутъ обошолся онъ со всѣми домашними моими такъ ласково и хорошо, какъ бы былъ какой-нибудь нашъ родственникъ или давнишній пріятель, чѣмъ привязалъ къ себѣ и всѣхъ родныхъ моихъ. Къ намъ подъѣхалъ къ сему времени изъ Бобрикъ и новой нашъ г. ассесоръ. И г. Давыдовъ обошолся съ нимъ очень хорошо, хотя далеко не такъ, какъ со мною: тотчасъ усмотрѣлъ, что сей льстивый и хитрый человѣкъ не такъ былъ простодушенъ и искрененъ, какъ я, во всемъ своемъ поведеніи.

Предъ наступленіемъ уже вечера возвратился онъ на свою квартиру и ужиналъ со мною у себя на квартирѣ, гдѣ также постарался я, чтобъ ни въ чемъ нужномъ не было у него недостатка.

Къ послѣдующему дню собраны были у меня со всѣхъ деревень всѣ начальники и онъ объявлялъ имъ о начальствѣ своемъ и много обо всемъ говорилъ съ ними въ нашей канцеляріи. Я опять угощалъ его у себя обѣденнымъ столомъ, а ужиналъ опять у него, и все у насъ шло ладно и такъ хорошо, что лучшаго желать было и не можно.

На третій день ѣздили мы съ нимъ осматривать гошпиталь и другія мѣста въ селеніи нашемъ. И въ сей день угощалъ у себя всѣхъ насъ городничій нашъ г. Сухотинъ, а въ послѣдующій за тѣмъ день такой же трактаментъ задалъ намъ исправникъ нашъ г. Арсеньевъ. Ужинали всѣ у меня въ домѣ, при которомъ случаѣ новый мой командиръ, развеселенный, такъ удобрился, что вздумалъ было малютку-племянника моего причислить къ нашей канцеляріи и дать ему чинъ по штатской службѣ.

Въ наступившій за симъ день, который былъ уже 5 пребыванія его у насъ, вздумалъ онъ сдѣлать у себя въ квартирѣ пиръ для всѣхъ нашихъ городскихъ, и мы всѣ обѣдали и ужинали у него въ сей день. Къ сему времени подъѣхалъ къ намъ меньшой братъ г. Верещагина, также г. Хомяковъ, Иванъ Васильевичъ, всѣмъ намъ очень знакомой и весьма доброй человѣкъ. Какъ всѣ обходились между собою безъ всякихъ этикетовъ, а на дружеской ногѣ, и не все время занимались важными только разговорами, но и разными играми,—то было очень и не скучно намъ всѣмъ.

Въ шестой же день всею гурьбою разъѣзжали мы по всему городу, перебывали у всѣхъ нашихъ судей и людей лучшихъ,

а окончили оной у меня въ домѣ и разъѣхались уже послѣ ужина.

Словомъ, всѣ 7 дней тогдашняго перваго пребыванія его у насъ, были у насъ безпрерывные праздники и пиршества, ибо не только я, но и всѣ наши городскіе, видя его ко всѣмъ благопріятство, старались всячески угощать его у себя, чѣмъ и былъ онъ весьма доволенъ.

Наконецъ, кончивши всѣ свои дѣла, 18-го числа поѣхалъ отъ насъ онъ, и я съ нимъ вмѣстѣ, въ Бобрики. Тамъ такой же пиръ задалъ ему у себя г. Верещагинъ, старавшійся возможнѣйшимъ образомъ подлащаться къ нему, въ пользу брата своего, готовящагося быть на его мѣстѣ Бобриковскимъ управителемъ, и потому не только угощалъ его обѣденнымъ столомъ, но, зная, что онъ въ дружеской компаніи любитъ иногда и погулять, то разгуливали передъ нимъ и рюмки, и стаканы, изъ которыхъ и самъ хозяинъ скорѣе всѣхъ еще такъ нахлюстался, что я никогда еще его такимъ не видалъ. И, какъ говорится въ пословицѣ, что все то, что у трезваго на сердцѣ, то у пьянаго бываетъ на языкѣ, то имѣлъ я тогда случай узнать истинно-душевной характеръ сего коварнаго и хитраго человѣка и ужаснулся даже негодности его. Словомъ, онъ прямо доказалъ тѣмъ мнѣ, что такое онъ былъ и какого разбора человѣкъ, и увеличилъ во мнѣ желаніе, чтобъ онъ выбылъ отъ насъ поскорѣе въ другой родъ служенія. И хотя братъ его былъ ни то, ни сё, и ни рыба, ни мясо, но я охотнѣе хотѣлъ имѣть его у себя подкомандующимъ, нежели его старшаго братца.

Наконецъ, проводили мы отъ себя своего новаго командира, и я, возвратясь въ Богородицкъ, началъ тотчасъ помышлять объ ѣздѣ своей въ Москву. Ибо какъ г. Давыдовъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что онъ тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Тулу, отправится въ Москву для смѣны съ княземъ и принятія отъ него и денегъ и всего прочаго, и что и мнѣ необходимо также тамъ при семъ случаѣ быть надобно. То расположились мы ѣхать туда, вмѣстѣ съ женою и старшими дѣтьми, и болѣе для того, что хотѣлось намъ поучить ихъ еще потанцовать и пожить тамъ для сего нѣсколько времени.

Итакъ, не долго думая, начали мы въ сей путь собираться. И отправивъ тотчасъ нарочнаго въ Москву, для пріисканія и найма для себя квартиръ, на 5-й день послѣ того и сами изъ Богородицка, со старшею своею дочерью и сыномъ, въ Москву отправились, и пробыли, съ заѣздомъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ Тулѣ и въ нашемъ Дворяниновѣ, 5 дней въ семъ путешествіи и, наконецъ, 29-го числа января въ Москву и пріѣхали.

Тутъ нашли мы квартиру для себя уже нанятую и готовую, и самый обозъ свой съ кормомъ для лошадей и другими припасами. Пріѣхавши, въ этотъ разъ случилось намъ стоять въ домѣ г. Рыкачева, на Козьемъ болотѣ, въ приходѣ у Спиридонія. И квартиру имѣли довольно просторную и спокойную, но занятую тогда отчасти еще прежними постояльцами, но которые хотѣли, однако, скоро съѣхать. Паче всего былъ я доволенъ тѣмъ, что имѣлъ особенно для себя два просторныхъ и теплыхъ покоя въ антресоляхъ, гдѣ я могъ со всѣмъ своимъ буторомъ книжнымъ расположиться и заниматься, безъ всякаго помѣшательства отъ другихъ, своими обыкновенными литературными упражненіями.

Какъ пріѣхали мы въ Москву еще по утру, то успѣли мы въ сей день не только разобраться и обострожиться, но и повидаться съ пріѣзжавшими къ намъ и у насъ ужинавшими нашими кашинскими родными, которые, какъ-будто бы согласившись вмѣстѣ съ нами, около самаго сего времени съ гостившею у нихъ моею дочерью, Настасьею, въ Москву пріѣхали. И узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, тотчасъ къ намъ прискакали и обрадовали насъ до чрезвычайности, ибо мы никакъ того не ожидали и сотовариществу ихъ были такъ рады, что, имѣя у себя квартиру довольно просторную, уговорили ихъ пере-

ѣхать къ намъ стоять и жить вмѣстѣ съ нами, къ чему они охотно и согласились. И какъ скоро прежніе постояльцы съѣхали и намъ всѣ комнаты опростали, то тотчасъ къ намъ переѣхали. Итакъ, составилась изъ насъ изрядная кучка, и было намъ жить тогда не скучно.

Какъ и въ сей разъ пробыли мы въ Москвѣ цѣлой мѣсяцъ, и все сіе время провели отмѣнно весело и со многими для насъ пріятностями,—то неизлишнимъ почитаю разсказать обо всемъ происходившимъ тогда съ нами нѣсколько подробнѣе. Мое первое дѣло было, чтобъ явиться къ князю, моему прежнему командиру. Я нашолъ его живущаго уже въ домѣ покойнаго отца его. Онъ принялъ меня хотя довольно ласково, но все съ прежнею своею княжескою гордостью и не изъявлялъ дальняго сожалѣнія своего о томъ, что отторгнутъ былъ отъ волостей нашихъ, а казалось былъ тѣмъ еще нѣсколько доволенъ, но сердце его, безъ сумлѣнія, не то чувствовало. Совсѣмъ тѣмъ въ разсужденіе меня и не подумалъ хоть бы пожалѣть о томъ, что ему не удалось мнѣ услужить доставленіемъ мнѣ чина. Не успѣлъ я съ нимъ нѣсколько словъ переговорить, какъ и пріѣхалъ къ нему мой новой командиръ г. Давыдовъ, для предварительныхъ переговоровъ съ нимъ о сдачѣ волости, и я отправленъ былъ отъ обоихъ ихъ къ секретарю княжескому для приготовленія нѣкоторыхъ бумагъ, нужныхъ къ сдачѣ. А какъ г. Давыдовъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, то отъ секретаря и проѣхалъ я къ нему, или, лучше, въ домъ старика, отца его, у котораго онъ стоялъ. Тутъ познакомилъ онъ меня со всѣми своими родными и рекомендовалъ имъ меня съ хорошей стороны. А послѣ обѣда полетѣлъ я тотчасъ въ ряды, чтобъ повидаться со стариннымъ знакомцемъ своимъ г. Ридигеромъ и набрать у него всякихъ книгъ для читанія во время пребыванія моего въ Москвѣ, и выбора потомъ изъ нихъ для покупки отъ него тѣхъ, которыя мнѣ полюбятся. И, набравъ у него ихъ цѣлую кипу, заѣхалъ и къ другу своему г. Новикову. Сего нашелъ я уже женившимся и живущаго уже въ иномъ мѣстѣ, подлѣ Никольскихъ воротъ, въ особомъ и просторнѣйшемъ домѣ, гдѣ была у него и собственная уже типографія. Онъ удивился и обрадовался, меня увидѣвъ, ибо совсѣмъ не зналъ о моемъ пріѣздѣ, и просилъ, чтобъ опять видаться съ нимъ, какъ можно чаще, и буде можно мнѣ будетъ, чтобъ въ послѣдующій день пріѣхать къ нему обѣдать; что я ему и обѣщалъ. И поговоривъ съ нимъ, проѣхалъ уже домой и тамъ провелъ весь вечеръ въ перебираніи и разсматриваніи книгъ, взятыхъ у Ридигера.

Въ послѣдующій и послѣдній день мѣсяца января, былъ я опять у князя, но, за нѣкоторыми остановками, смѣны и въ сей день еще не воспослѣдовало. Итакъ, можно мнѣ было оттуда ѣхать обѣдать къ Новикову, къ которому въ сей разъ отвезъ я ему книгу свою «О благополучіи человѣческомъ», и оставилъ у него для разсмотрѣнія, можно ли ее ему напечатать. Онъ угостилъ меня обѣдомъ. И насъ обѣдало у него уже человѣкъ болѣе двадцати, а не по прежнему человѣкъ пять или шесть. И сію перемѣну замѣтилъ я и при всѣхъ послѣдующихъ у него бываніяхъ. Наибольшая часть изъ сихъ людей состояла изъ людей молодыхъ, ничего за столомъ неговорящихъ, и, по всему видимому, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ и употребляемыхъ Новиковымъ па дѣла и работы разныя. А ввечеру ужинали мы дома и опять съ пріѣзжавшими къ намъ нашими кашинскими родными.

Наконецъ, 1-го числа февраля, смѣнились оба мои командиры, и смѣна сія происходила при мнѣ въ домѣ у князя. Онъ сдалъ намъ всѣ важнѣйшія бумаги и письменныя повелѣнія, получаемыя имъ и покойнымъ отцомъ его отъ императрицы, относящіяся до волостей, также и всѣ оригинальные планы нашимъ строеніямъ. Такимъ же образомъ разочлись мы съ нимъ и въ казенныхъ деньгахъ, но которыхъ, по счастію, не осталось у него ничего почти тогда въ наличности, поелику всю бывшую у него сумму велѣно

было отдать ему въ особое назначенное мѣсто. Но какъ, кромѣ казенныхъ, находилось у [э]кономнаго князя и нѣсколько сотъ мірскихъ мужичьихъ денегъ, пересланныхъ къ нему давно для покупки за нихъ рекрутъ,—то ждалъ я не упомянетъ ли объ нихъ самъ князь, ибо я, вѣдая что ихъ въ наличности не было, совѣстился ему о томъ напомнить. Но какъ онъ объ нихъ совсѣмъ умалчивалъ, то, по окончаніи уже всей смѣны, принужденъ былъ я ему напомнить и объ нихъ. Совѣстно и стыдно было тогда чрезвычайно князю. И какъ запереться въ нихъ было не можно, то просилъ онъ меня, чтобъ я пріѣхалъ нему чрезъ день, и что тогда получу и оныя.

Не успѣли мы дѣло свое кончить, какъ Николай Сергѣевичъ, посадивъ меня съ собою въ карету, повезъ меня къ себѣ обѣдать, гдѣ всѣ поздравляли его съ формальнымъ вступленіемъ въ новую должность. И какъ г. Давыдовъ былъ отмѣнно честолюбивъ, то сіе было ему очень пріятно. Итакъ, съ сего дня сдѣлался я уже формальнымъ его подкомандующимъ, и тогда моя первая просьба была къ нему та, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ пожить въ Москвѣ до великаго поста, на что онъ съ превеликимъ удовольствіемъ далъ свое согласіе.

Отъ него проѣхалъ я въ сей день для свиданія къ родственницѣ своей Катеринѣ Петровнѣ Арсеньевой, а потомъ и къ старикамъ, родственникамъ и друзьямъ нашимъ, Офросимовымъ, которые всѣ мнѣ обрадовались и просили также о частѣйшемъ къ нимъ пріѣзжаніи. По возвращеніи же на квартеру, нашелъ я уже ее всю опростанную, ибо въ сей день съѣхали отъ насъ прежніе постояльцы, и намъ можно уже было въ послѣдующее утро перетащить къ себѣ и нашихъ кашинскихъ жить вмѣстѣ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозволяю мнѣ на сей эпохѣ остановиться и, кончивъ оное, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(21-го генваря 1810 года).

Письмо 213-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, наживъ себѣ новаго командира и перешедъ изъ прежней совсѣмъ въ другую команду, началъ уже всячески прикраиваться къ несовсѣмъ еще извѣстному мнѣ характеру новаго своего начальника и за первой долгъ почелъ на утріе же протурить жену свою съѣздить къ женѣ его на поклонъ, и чтобъ съ нею обрекомендоваться. Госпожа сія не была уже хотя въ то время любимицею нашего намѣстника, поелику онъ имѣлъ уже другую фаворитку, но, почитая себя ему все еще доброю пріятельницею и игравъ во время фавора своего великую роль, не могла и тогда еще отстать отъ прежней своей пышности и совсѣмъ изнѣженнаго и испорченнаго характера,—и потому приняла она жену мою хотя благопріятно, но далеко не съ такою откровенностью и чистосердечіемъ и дружелюбіемъ, съ какимъ обходился мужъ ея со мною и со всѣми моими родными. Совсѣмъ тѣмъ, пріѣздомъ жены моей къ ней была она довольна, и пригласила насъ обоихъ, чтобъ мы къ ней наутріе пріѣхали обѣдать. Отъ нихъ проѣхали мы къ старикамъ Офросимовымъ обѣдать, а послѣ обѣда отпустилъ я жену свою къ теткѣ, г-жѣ Арсеньевой, а самъ поѣхалъ для свиданія къ другу моему и усерднѣйшему изъ всѣхъ моихъ корреспондентовъ, старику Алексѣю Алексѣевичу Владыкину, и обрадовалъ любезнаго старика сего своимъ пріѣздомъ до чрезвычайности. И мы проговорили съ нимъ весь вечеръ со взаимнымъ удовольствіемъ.

Какъ въ послѣдующій за симъ день надлежало мнѣ быть у князя за мірскими деньгами, то ѣздилъ, и князь расплатился ими честно. Въ сію у него послѣднюю мою бытность имѣлъ я случай видѣть у него собственноручныя и въ шуточномъ тонѣ писанныя письма и записки императрицы къ покойному отцу его, которыя онъ удержалъ у себя для достопамятности. Послѣ чего мы съ нимъ и распро-

щались съ нарочитымъ съ обѣихъ сторонъ хладнокровіемъ. Ибо какъ онъ не хотѣлъ хоть бы изъ учтивости пригласить меня у себя отобѣдать и не оказывалъ ко мнѣ никакой особливой ласки, то не имѣлъ и я дальней причины оказывать къ нему излишнихъ уже уваженій и предъ нимъ слишкомъ унижаться. Итакъ, не долго думая, съ нимъ раскланялся и радъ былъ, что развязался съ нимъ по-добру, по-здорову, и съ сего времени я его никогда почти и не видалъ.

По возвращеніи отъ него, поѣхали мы съ женою къ своему новому командиру, и, противъ всякаго чаянія, нашли мы у него превеликое собраніе и сборной пиръ, ибо совсѣмъ того и не знали, что въ сей день спѣсивая боярыня его была имянинницею, по которой причинѣ и съѣхались къ нимъ всѣ его братья и сестры, и родные, и много постороннихъ его пріятелей. Такъ было у него торжество великое. И мы не только тутъ обѣдали, но пробыли до самой полуночи, и намъ было весело, поелику всѣ его родные обходились съ нами очень хорошо. Что же касается до самого хозяина, то онъ, при всей своей ко мнѣ ласкѣ, привелъ меня въ сей день въ нарочитое недоумѣніе однимъ своимъ совсѣмъ неожиданнымъ поступкомъ. Его первое почти слово было спросить у меня, былъ ли я у князя и получилъ ли отъ него мірскія деньги. И какъ я ему сказалъ, что былъ и получилъ, и съ нимъ во всемъ раздѣлался, то спросилъ онъ меня далѣе, не со мною ли сіи деньги? И какъ случилось ненарочнымъ образомъ, что я ихъ не успѣлъ оставить дома и онѣ, состоя въ ассигнаціяхъ, были со мною, то не успѣлъ онъ сего услышать, какъ сказалъ: «хорошо! такъ отдайте-жъ вы ихъ мнѣ, такъ какъ я, отправляясь на сихъ дняхъ назадъ въ Тулу, отвезу ихъ съ собою отдать въ казначейство, гдѣ всѣ наши доходы будутъ храниться». Остолбенѣлъ я, услышавъ сіе, всего менѣе ожидаемое требованіе, ибо въ мигъ представилось мнѣ, что требовалъ онъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ ихъ туда отвозить, а чтобъ истратить ихъ на собственныя нужды или, лучше сказать, промотать, поелику былъ онъ въ этомъ отношеніи самымъ невоздержаннымъ и крайне для самаго себя вреднымъ человѣкомъ. То съ минуту времени не зналъ я, что ему на то сказать, ибо сумма была хотя не весьма велика и состояла только въ 800 руб., но все-таки не составляла бездѣлки, и мнѣ жаль ихъ было, изъ опасенія, чтобъ она не ухнула и не довелось бы мнѣ послѣ самому ее заплатить. Но подумавъ, что деньги сіи были не казенныя, а мірскія, и не такъ важны, какъ первыя, а къ тому какъ г. Давыдовъ примѣтилъ, что я нѣсколько упнулся, — тотчасъ мнѣ сказалъ, что онъ, по пріѣздѣ своемъ въ Тулу, дастъ мнѣ въ полученіи ихъ ордеръ, но чтобъ доставилъ я ему тогда еще 200 руб. такихъ денегъ, дабы было ровно 1000. То по необходимости принужденъ былъ сему обѣщанію повѣрить и, на данное его слово положившись, отдать ему сіи деньги, чѣмъ онъ былъ весьма и доволенъ. И хотя они послѣ дѣйствительно ухнули, но я, по крайней мѣрѣ, обезпечилъ себя отсылапіемъ къ нему, по возвращеніи своемъ въ Богородицкъ, при рапортѣ еще 200 руб., съ испрошеніемъ о полученіи ихъ къ себѣ ордера, которой онъ и дѣйствительно, сдержавъ свое обѣщаніе, и прислалъ. Итакъ, я не имѣлъ уже причины въ разсужденіи сихъ денегъ имѣть какое-нибудь опасеніе. Совсѣмъ тѣмъ случай сей заставилъ меня впредь, въ разсужденіи денегъ, употреблять съ нимъ наивозможнѣйшую осторожность.

Вскорѣ послѣ сего праздника, онъ и дѣйствительно въ Тулу назадъ отправился, а я, оставшись послѣ его въ Москвѣ, прожилъ въ ней до самаго великаго поста, наставшаго тогда у насъ предъ началомъ мѣсяца марта.

Весь сей періодъ времени, продолжавшійся около мѣсяца, провели мы въ Москвѣ отмѣнно весело и онъ достопамятенъ былъ для насъ многими пріятностями. Не было почти ни одного дня, которой бы мы весь просидѣли дома и никуда не ѣздили, или ктобъ у насъ самихъ

не былъ; ибо такъ случилось, что не только всѣ наши прежніе знакомцы и пріятели были тогда въ Москвѣ, но и съ нѣсколькими домами свели мы вновь короткое знакомство. Къ симъ въ особливости можно причислить домъ г-жи Волынской, Натальи Николаевны. Съ сею почтенною дамою и со всѣми ея родными познакомили насъ наши кашинскіе родные, бывшіе ей коротко знакомыми, а по нимъ сдѣлались и мы знакомы, и такъ ею любимы, что она принимала насъ всегда какъ бы какихъ родныхъ и обходилась съ нами самымъ дружескимъ образомъ, которое дружество продолжается между нами и понынѣ. А особливо свели короткую дружбу обѣ ея дочери съ моею, ибо у нея было множество дѣтей.

Другой домъ, съ которымъ мы также въ сію свою бытность въ Москвѣ свели короткое знакомство, былъ Андрея Петровича Давыдова, роднаго брата тетки моей Катерины Петровны Арсеньевой. Съ симъ наиболѣе потому сдѣлались мы коротко знакомы, что какъ у него были дѣти ровестники съ моими и учились тогда у танцмейстера танцовать, то мы воспользовались самимъ симъ случаемъ, наняли тогда-жъ танцмейстера продолжать учить танцовать и своихъ дѣтей и потомъ очень часто къ нимъ для самаго сего ѣзжали и дѣтей нашихъ заставливали учить вмѣстѣ. И какъ у него были свои музыканты, да и въ домѣ госпожи Волынской были также скрипачи, то и, кромѣ ученія, множество вечеровъ проводили мы въ обоихъ сихъ домахъ въ домашнихъ танцахъ и въ разныхъ играхъ и невинныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно дѣтямъ дѣлалъ и самъ я сотоварищество и возобновилъ прежнюю свою кёнигсберскую охоту къ танцамъ.

Кромѣ сихъ двухъ домовъ, въ которыхъ мы всего чаще бывали и множество разъ обѣдывали и ужинывали, были и многіе другіе домы, гдѣ мы нерѣдко бывали, какъ, напримѣръ, кромѣ дома Офросимовой и г-жи Арсеньевой, ѣзжали мы и къ старинной нашей Кіясовской знакомкѣ генеральшѣ Блицовой, также къ г-жѣ Бакунинной, бывшей тогда въ Москвѣ, къ старику, моему другу и куму Василію Ѳеодоровичу Шушерину, къ Хитрову, г-ну Игнатьеву, Семену Ивановичу, къ Коробову, Новикову, къ Владыкину и другимъ нѣкоторымъ. А 16-го числа сдѣлали у себя пирушку и, пригласивъ къ себѣ многихъ изъ своихъ пріятелей, угощали ихъ обѣдомъ, баломъ и ужиномъ, и были и у насъ также танцы и разныя игры и увеселенія.

Кромѣ сихъ приватныхъ съѣздовъ и увеселеній, старался я и себѣ, и роднымъ своимъ, а особливо дѣтямъ, доставлять случаи пользоваться и публичными увеселеніями. И какъ въ сіе время бывали неоднократно и театры, то возилъ я ихъ и на оные, а особливо для смотрѣнія комическихъ двухъ оперъ «Земира и Азра» и «Розаны и Любита», которыя не только дѣтей моихъ приводили въ восхищеніе, но и мнѣ съ женою доставили превеликое удовольствіе. А на масляной, въ пятницу, отпускалъ и дѣтей своихъ съ племянницею моею и на большой обыкновенной маскарадъ.

Впрочемъ, желая женѣ и дѣтямъ своимъ дать понятіе о богослуженіяхъ иностранныхъ, возилъ я ихъ въ нѣмецкую лютеранскую кирку во время самаго отправленія божественной службы, и они имѣли случай видѣть, какъ она отправлялась и насытить слухъ свой пріятнымъ играніемъ на органахъ. А 18-го числа ѣздили мы въ Чудовъ монастырь и имѣли удовольствіе слышать проповѣдь, говоренную самимъ нашимъ славнымъ архіереемъ Платономъ; и я не могъ довольно налюбоваться его краснорѣчіемъ.

При всѣхъ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и самой почти разсѣянной жизни, не оставлялъ, однако, я и своихъ книгъ и пера, и не упускалъ ни одной праздной минуты, а особливо по утрамъ вставалъ задолго до свѣта, чтобъ ихъ посвящать чтенію и писанію. Симъ послѣднимъ занимался я наиболѣе для продолженія сочиненія матеріала для своего «Экономическаго Магазина», котораго изданіе продолжалось и въ сей годъ съ такимъ же

успѣхомъ, какъ и въ прежнемъ. Но какъ въ семъ матеріалѣ не было дальняго недостатка, поелику у меня много было еще въ Богородицкѣ онаго заготовлено, то не только занимался писаніемъ, сколько чтеніемъ Ридигеровыхъ книгъ, которыхъ успѣлъ прочесть я нѣсколько почти десятковъ, а потому и накупилъ у него и у самаго Новикова множество новыхъ, и какія больше полюбились, и повезъ съ собою цѣлый лубокъ съ оными.

Съ г-мъ Новиковымъ хотя я и видался, но далеко не такъ часто, какъ при прежнемъ своемъ пріѣздѣ, и болѣе за разъѣздами въ другія мѣста. Однако, мы съ нимъ и въ сей разъ одно новое дѣло предпріяли, а именно относящееся до книги моей «О благополучіи». И какъ я у него объ ней однажды спросилъ, то онъ, расхваливъ ее въ прахъ и, съ охотою желая ее напечатать, просилъ меня, чтобъ потрудился я самъ и съѣздилъ къ тогдашнему цензору, профессору Барсову, и отдалъ ее въ цензуру. Мнѣ сперва и не хотѣлось-было сего сдѣлать, поелику мнѣ г. Барсовъ совсѣмъ былъ незнакомъ. Однако, желая его узнать, согласился, наконецъ, съ книгою своею къ нему ѣхать и отыскивать его въ университетѣ. И сей ученой человѣкъ какъ удивилъ меня нетолько очень ласковымъ и вѣжливымъ пріемомъ, но, при предложеніи ему моей книги, сказавъ мнѣ, что ему за мною не остается ничего цензуровать, что сочиненія мои всѣмъ довольно извѣстны, и какъ онъ и мысли не имѣетъ, чтобъ въ сихъ книгахъ было что противное, то въ сію же минуту ихъ одобритъ. И подлинно: онъ тотчасъ, схватя перо, и написалъ на нихъ свое одобреніе и что они печатаны быть могутъ.

Я очень доволенъ таковымъ и всего меньше мною ожидаемымъ скорымъ одобреніемъ и благодарилъ г. Барсова за оказанную мнѣ такую честь. А не менѣе моего доволенъ былъ и г. Новиковъ, при возвращеніи ему оныхъ, и говоря, что онъ того и ожидалъ, увѣрилъ меня, что онъ тотчасъ и приступитъ къ печатанію такой полезной книги.

Наконецъ, разсчелся я съ нимъ и разстался на прежней дружеской ногѣ. А вскорѣ потомъ распрощались мы и со всѣми нашими московскими друзьями и пріятелями. И исправивъ въ городѣ какія надобны были покупки и распрощавшись съ своими кашинскими родными, сбиравшимися ѣхать также во-свояси, въ первой день великаго поста и отправились въ обратной путь въ Богородицкъ.

Какъ мнѣ для нѣкоторыхъ надобностей надлежало пріѣздомъ своимъ поспѣшить въ Тулу, то имѣя особую повозку, по выѣздѣ изъ Москвы, оставилъ я жену тащиться съ дѣтьми и обозомъ, а самъ, нанявъ почтовыхъ лошадей, пустился впередъ и, повидавшись въ Дворяниновѣ съ братомъ Михайломъ Матвѣевичемъ, а въ Федяковѣ—съ г. Кисленскимъ, 1 числа марта и пріѣхалъ въ Тулу поутру, гдѣ, приставъ у друга своего г. Албычева, въ тотъ же день былъ у своего командира, который, за разными дѣлами, продержалъ меня въ Тулѣ оба послѣдующіе дни. А какъ между тѣмъ подъѣхала и жена съ дѣтьми, то съ нею, побывавъ у него, отправился въ свое мѣсто и въ субботу на первой недѣлѣ возвратились въ Богородицкъ.

Мое первое дѣло, по возвращеніи своемъ, состояло въ попеченіи о своемъ сынѣ. Сему въ 7-й день сего мѣсяца исполнилось уже 12 лѣтъ. И какъ по отбытіи нашего прежняго учителя г. Дюблуе учился онъ отъ старика Дебриньи только по-французски, а мнѣ весьма хотѣлось, чтобы продолжалъ онъ учиться и по-нѣмецки, то вздумалъ я по нуждѣ воспользоваться для сего старикомъ нашимъ переплетчикомъ Иваномъ Андреевичемъ Банніеромъ, живущимъ также въ гошпиталѣ, какъ и помянутой французъ и учитель. И съѣздивъ къ обоимъ къ нимъ, договорился и условился съ обоими съ ними, чтобъ сыну моему, учась у Дебриньи по-французски, по нѣскольку часовъ въ сутки быть у Банніера, и чтобъ сей не только говорилъ съ нимъ въ сіе время по-нѣмецки, но и, по силѣ возможности своей, помо-

гали ему и въ прочемъ въ разсужденіи обученія сего языка.

Не успѣлъ я сего дѣла кончить и только что принялся-было за продолженіе сочиненія своего «Экономическаго Магазина», какъ и встревоженъ былъ опять полученнымъ ордеромъ отъ своего командира, въ которомъ, увѣдомляя меня, что въ скоромъ времени имѣетъ прибыть въ Тулу и общій нашъ съ нимъ главной начальникъ и командиръ, намѣстникъ,— предписывалъ мнѣ, чтобъ я, забравъ всѣ нужныя по волостнымъ дѣламъ бумаги, поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ къ нему, дабы обоимъ намъ успѣть можно было, до пріѣзда намѣстника, изготовить всѣ бумаги, нужныя къ поднесенію сего главному начальнику о состояніи волостей и всѣхъ касающихся до нихъ обстоятельствъ, что̀ и принудило меня того-жъ часа заняться сочиненіемъ всѣхъ нужныхъ списковъ, вѣдомостей и другихъ бумагъ и, препроводивъ въ томъ весь послѣдующій день 9-го числа марта и отправиться опять въ Тулу, гдѣ и занялись мы тотчасъ вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ всѣми нужными къ пріѣзду намѣстника бумагами.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ни ожидали, почти ежечасно, намѣстника, но пріѣздъ его не прежде воспослѣдовалъ какъ чрезъ цѣлую недѣлю послѣ моего пріѣзда и уже въ половинѣ марта мѣсяца. И я принужденъ былъ, въ ожиданіи его, прожить цѣлые 7 дней почти безъ всякаго дѣла, ибо все, что̀ нужно было, успѣлъ я дни въ два приготовить. Въ сіе время обходился со мною г. Давыдовъ по прежнему очень дружелюбно: и не только хотѣлъ чтобъ я у него всякой день обѣдалъ и ужиналъ, но возилъ меня съ собою ко всѣмъ своимъ лучшимъ друзьямъ и пріятелямъ и чрезъ то доставилъ мнѣ случай спознакомиться со всѣми почти тульскими судьями и чиновниками, а съ нѣкоторыми изъ нихъ основать и самую дружбу, чѣмъ я весьма былъ и доволенъ, и посему самому нимало не скучалъ тогдашнимъ долговременнымъ въ Тулѣ пребываніемъ.

Наконецъ 16-го числа марта пріѣхалъ въ Тулу и столь давно уже ожидаемый намѣстникъ, и мнѣ надлежало къ нему явиться. Я очень любопытенъ былъ видѣть, какъ онъ, сдѣлавшись тогда формальнымъ мнѣ начальникомъ и командиромъ, обойдется со мною и какъ меня приметъ. Послѣ обѣда было уже, какъ я къ нему пріѣхалъ; у него находились тогда почти всѣ тульскіе главные судьи и начальники. Но онъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною говорить съ отмѣнною благосклонностью и благоволеніемъ: и чтобъ меня съ самаго начала озадачить и сдѣлать къ себѣ приверженнымъ, сверхъ всякаго ожиданія моего, обратился ко всѣмъ тутъ бывшимъ, началъ превозносить меня такими похвалами и говорилъ столь много добраго обо мнѣ, что мнѣ было даже стыдно!

Сіе меня не только обрадовало чрезвычайно и ободрило, но произвело то, что сколько я и до того уже ни любилъ и ни почиталъ сего умнаго человѣка и прямо, можно сказать, всей похвалы достойнаго вельможу, но съ сей минуты полюбилъ его несравненно больше и сдѣлался къ нему душевно и сердечно приверженнымъ.

Какъ при семъ случаѣ, по причинѣ великаго собранія у него людей, ни о какихъ дѣлахъ говорить ему со мною было не можно, то сказалъ онъ мнѣ, чтобъ наутріе побывалъ я въ намѣстническомъ правленіи и явился бы къ нему тамъ. Сіе я постарался выполнить и, побывавъ поутру у г. Давыдова, проѣхалъ въ намѣстническое правленіе, гдѣ не успѣлъ меня намѣстникъ увидѣть, какъ подозвалъ къ себѣ, опять со мною кое-о-чемъ и такъ весьма благосклонно поговоривъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ нему на квартиру къ секретарю его г-ну Веницееву и, по доставленнымъ къ нему отъ г. Давыдова нашимъ бумагамъ, сдѣлать нѣкоторыя объясненія. Г. Веницеевъ обошелся со мною также довольно вѣжливо и благосклонно и разспрашивалъ меня кое-о-чемъ нужномъ по бумагамъ, до нашей волости относящимся.

Между тѣмъ возвратился на квартиру свою и намѣстникъ. И не успѣлъ пріѣхать, какъ прислалъ за обоими нами и, взявъ насъ въ свой кабинетъ, вступилъ уже въ подробные со мною о волостяхъ и о всѣхъ нашихъ строеніяхъ, доходахъ и прочихъ обстоятельствахъ разговоры. И мы проговорили тутъ съ нимъ болѣе получаса времени, въ которое разсматривалъ онъ всѣ доставленныя ему чрезъ меня бумаги и былъ ими очень доволенъ. А потомъ разговаривалъ со мною о многомъ, относящемся до существеннаго правленія волости, и прямо давалъ мнѣ знать, что онъ не столько на г. Давыдова, сколько на меня надѣется и во всемъ полагается. А все сіе и доказывало мнѣ ясно, что собственно начальникомъ моимъ былъ онъ, а г. Давыдовъ, значитъ, былъ, такъ сказать, только моимъ полукомандиромъ. Далѣе замѣтилъ я съ его словъ, что онъ за волости наши приняться намѣренъ былъ совсѣмъ уже не такъ, какъ оба прежніе мои командиры, но гораздо основательнѣе, благоразумнѣе и короче, однако такъ, что мнѣ и самому то было не противно: ибо съ умными и основательными людьми дѣло имѣть всегда охотнѣе можно, нежели съ какими-нибудь иными.

Въ сихъ разговорахъ провели мы съ нимъ все почти время, потомъ съѣхались къ нему главнѣйшіе начальники для обѣда, и тогда, откланявшись, полетѣлъ я обѣдать къ хозяину своему г. Албычеву, бывшему въ сей день имянинникомъ, и успѣлъ и у него еще попировать съ его друзьями и пріятелями.

Какъ въ сей разъ пребываніе намѣстника въ Тулѣ было самое кратковременное и онъ, въ послѣдующій за симъ день, передъ вечеромъ, собирался опять уже и прочь ѣхать—то поутру, сегодня, ѣздилъ я опять къ намѣстнику и онъ опять со мною кое-о-чемъ много говорилъ, а потомъ обоимъ намъ съ г. Давыдовымъ далъ обо всемъ свои повелѣнія и наставленія, какъ и куда, и какимъ образомъ доставлять мнѣ съ волостей доходы, что продолжать дѣлать въ разсужденіи нашихъ строеній, и о прочемъ и прочемъ, и разстался со мною со всѣми милостивыми изъявленіями своего ко мнѣ благоволенія.

И какъ тѣмъ всѣ мои дѣла кончились, то, проводивъ его въ путь, заѣхалъ я къ своему полукомандиру г. Давыдову, и въ тотъ же еще день распрощавшись съ нимъ, въ слѣдующій день, съ утра, пустился одинъ и въ тотъ еще день къ вечеру въ Богородицкъ и пріѣхалъ.

Послѣ сей перетурки все достальное время великаго поста провелъ я уже спокоемъ. Живучи въ своемъ мѣстѣ и занимаясь наиболѣе своими литературными и прочими любопытными упражненіями, и во все сіе время не произошло почти ничего достопамятнаго, кромѣ того, что въ концѣ марта, привезли къ намъ въ большую церковь иконостасъ и образъ, писанный въ Москвѣ нанятымъ еще княземъ живописцемъ.

Что касается до моихъ занятій, то они состояли наиболѣе въ продолженіи сочиненія матеріала для моего «Экономическаго Магазина», которымъ старался я, колико можно болѣе, запастись до наступленія весны, и потому посвящалъ сему дѣлу наибольшую часть своего времени и имѣлъ въ томъ успѣхъ, столь великій, что оставалось мнѣ много его и на другіе занятія, и особливо на рисованье, которымъ какъ-то я въ сіе преддверіе весны, занимался въ особливости, и не только разрисовывалъ многіе эстампы, но и нарисовалъ корпусными красками нѣсколько ландшафтовъ собственнаго своего изобрѣтенія, якобы изображающіе половодь и весну, украшающіе и понынѣ мои стѣны въ гостинной, развѣшанные въ сей періодъ времени. Также занимался я много сооруженіемъ и раскрашиваніемъ новымъ маперомъ складной кровати, представляющей днемъ видъ шкафа, къ чему тогдашняя тѣснота въ домѣ меня наиболѣе побудила. Наконецъ, возобновилась во мнѣ охота рисовать сухими красками, къ чему побудилъ меня наиболѣе купленный въ Москвѣ съ пастельными красками ящичекъ. И я, въ первой еще разъ, нарисовалъ самый тотъ образъ Спасителя,

которой и понынѣ украшаетъ собою передній уголъ моего кабинета, и предъ которымъ возсылалъ я всякій день мои моленія ко Всевидящему, и которой нарисовалъ я въ великій четвергъ, въ самой тотъ день, когда мы исповѣдывались и пріобщались Святыхъ Тайнъ, что̀ случилось въ 13-й день мѣсяца апрѣля.

Бывшая въ сей годъ, въ началѣ сего мѣсяца, половодь, хотя, по обыкновенію своему, и озабочивала меня своею величиною, и я не однажды принужденъ былъ объѣзжать и осматривать всѣ пруды наши, однако, несмотря на всю величину свою, прошла, къ удовольствію моему, благополучно.

Наконецъ, настала у насъ Святая недѣля, бывшая въ сей годъ нарочито поздно и начавшаяся съ 16-го апрѣля. И мы провели ее нарочито весело и наиболѣе въ свиданіяхъ съ нашимъ городничимъ и съ овдовѣвшею казначейшею нашею Марьею Юрьевною Петровою, которой, по ея осиротѣлости, дозволилъ командиръ мой жить въ комнатахъ одного дворцоваго флигеля и изъ милости опредѣлилъ ей небольшое жалованье и содержаніе отъ волости, и которая была къ намъ въ особливости привержена дружелюбіемъ и сдѣлалась особенною пріятельницею моей тещи, продолжающей любить ее еще и понынѣ.

Впрочемъ, особливаго примѣчанія достойно, что въ самой первой день сей недѣли случилось мнѣ преподать сыну моему и другимъ дѣтямъ первѣйшее понятіе о всей связи закона христіанскаго и положить тѣмъ основаніе тому благочестію и той искренней приверженности къ закону, которою сынъ мой и понынѣ, предъ многими сверстниками своими, отличается.

Какъ съ окончаніемъ Святой недѣли началась уже весна и съ нею всѣ внѣшнія или надворныя дѣла, то отвлекли меня отъ моихъ горничныхъ упражненій и заставили всякой день по нѣскольку часовъ препроводить въ ѣздѣ и въ ходьбѣ въ разныя мѣста и въ смотрѣніи за работами и въ распоряженіи оными. При семъ достопамятно, что воспослѣдовавшая въ началѣ мая перемѣна имѣла великое вліяніе и на сіи мои надворныя дѣла и упражненія. Во время правленія волости молодаго князя Гагарина они очень-было поуменьшились и почти совсѣмъ заснули. Наиболѣе оттого, что я, не надѣясь отъ князя получить за всѣ мои труды не только благодарности, но и похвалы, лишился охоты надрывать себя надъ оными и особливо надъ какими-нибудь новыми затѣями, а охотнѣе хотѣлъ всѣ праздные и отъ должностныхъ дѣлъ остающіеся часы посвящать собственнымъ своимъ дѣламъ и упражненіямъ. Но теперь, какъ все перемѣнилось, и я получилъ такихъ командировъ, которые всѣ мои труды могли оцѣнить какъ должно и отдавать имъ надлежащую справедливость,—то проснулась и во мнѣ опять прежняя охота къ разнымъ затѣямъ и множеству такихъ надворныхъ дѣлъ, за которыя могъ я ласкаться надеждою получить похвалу и благодарность. И я по прежнему сталъ ихъ производить, не чувствуя никакого оттого себѣ отягощенія.

Итакъ, по сдѣланіи всего, что нужно было въ садахъ и другихъ мѣстахъ, прилѣпился я мыслями въ особливости къ тому, нарочитаго пространства, лѣсочку, которой находился у насъ подлѣ каменнаго большаго волостнаго хлѣбнаго магазина, самаго того, которой нашолъ я въ первые годы пребыванія моего въ Богородицкѣ въ совершенномъ пренебреженіи. Оной съ нужныхъ сторонъ огородилъ, заказалъ и сберегалъ съ возможнѣйшимъ попеченіемъ. Какъ лѣсъ, содержавшій въ себѣ десятинъ до двадцати и болѣе, къ сему времени нарочито уже возросъ, сгустился и составлялъ уже лѣсокъ довольно высокой, лежалъ же въ виду и не очень далеко отъ дворца, на прекраснѣйшемъ и такомъ мѣстѣ, что изъ него видѣнъ былъ и весь нашъ городъ и все наше село со всѣми его знаменитѣйшими зданіями и весь длинной и обширной прудъ, отдѣляющій городъ отъ села нашего, и всю сію рощу кругомъ

обливающій,—то, почитая оной наиудобнѣйшимъ къ превращенію въ англійскій паркъ, или къ составленію изъ него увеселительнаго и такого лѣса, въ которомъ можно было ѣздить для гулянья и сіе съ удовольствіемъ въономъ предпринимать, началъ обработывать въ мысляхъ, какъ бы сіе наилучше сдѣлать. И снявъ съ него планъ, прожектировалъ, какъ и гдѣ чему быть. И не успѣлъ настать май мѣсяцъ и оной одѣться, какъ и принялся за него съ особою прилежностью. Я прорубилъ въ немъ, въ добавокъ прежнимъ, множество новыхъ, прямыхъ и косыхъ, аллей, располагая оныя такъ, чтобъ онѣ всегда открывали въ концѣ своемъ какой-нибудь знаменитой предѣлъ, и въ концѣ одной видѣнъ бы былъ только одинъ дворецъ, въ другой — одна только пышная наша башня съ колокольней, третьей—наша церковь съ прекраснымъ ея большимъ зеленымъ куполомъ, а иная бы открывала въ концѣ своемъ гору, прудъ или виды въ самую даль. И всѣ сіи аллеи сдѣлалъ такъ широкими и уровнялъ въ нихъ землю такимъ образомъ, чтобъ съ удобностью можно было ѣздить по нимъ въ линейкахъ и даже въ каретахъ самыхъ. А симъ неудовольствуя, прорубилъ и во внутренности густыхъ куреней множество извивающихся и способныхъ для гулянья дорожекъ, выводя всѣ оныя либо на какія-нибудь, посреди лѣса, красивыя площади, либо на сдѣланныя внутри куреней разнообразныя полянки, снабженныя для отдыханія дерновыми сидѣлками и прочими, тому подобными, украшеніями. И во всемъ томъ съ толикимъ усердіемъ и прилежностью трудился, что сей паркъ мой поспѣлъ къ Троицыну дню уже къ гулянью, и я могъ уже всѣхъ нашихъ городскихъ пріятелей пригласить въ оной для завиванія вѣнковъ или перваго вешняго гулянья, и не только удивилъ всѣхъ ихъ скорымъ превращеніемъ клочка сего въ прекрасное гульбище, но и доставилъ всѣмъ имъ превеликое удовольствіе.

Но какъ много новое дѣло сіе меня ни занимало, но я находилъ много времени и для заниманія себя рисованіемъ и разными любопытными горничными упражненіями, къ которымъ поощряла меня, наиболѣе, примѣченная въ сынѣ моемъ отмѣнная ко всѣмъ такимъ упражненіямъ склонность и охота. Итакъ, не проходило почти дня, въ которой бы у насъ съ нимъ не замараны и не испачканы были руки красками, и въ которой бы не занимались мы съ нимъ какими-нибудь любопытными дѣлами.

Но, кромѣ сего, имѣлъ я, около сего времени, особливое горничное дѣло. Какъ намѣстникъ изъявилъ мнѣ, между прочимъ, желаніе имѣть у себя подручной, но такой планъ всѣмъ нашимъ волостямъ, изъ котораго могъ бы онъ положеніе оныхъ и всѣхъ ея жительствъ, лѣсовъ, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель видѣть, а мнѣ хотѣлось ему въ томъ услужить,—то и принялся я и за сіе, хотя со многими трудами сопряженное, но весьма нужное дѣло. И употреблялъ къ тому многіе дни и часы, остающіеся отъ другихъ дѣлъ праздными. А восхотѣвъ ему еще болѣе услужить, вознамѣрился и со всей нашей усадьбы и всего мѣстоположенія, окружающаго дворецъ, снять точной, спеціальнѣйшій и аккуратнѣйшій планъ, и болѣе въ томъ мнѣніи, что не вздумается [ли] ему приказать что-нибудь въ мѣстахъ, ему угодныхъ, сдѣлать.

Итакъ, всѣми сими дѣлами наполнены были всѣ мои дни въ теченіе весны сего года. Однако не одни оныя меня занимали, но было и еще одно важное и великое дѣло, къ которому долженъ я былъ устремлять также мои мысли и затѣи, но о которомъ предоставляю я упомянуть вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а сіе, какъ достигшее до своихъ предѣловъ, симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Января 23-го дня 1810 года. Дворянинново).

Письмо 214-е.

Любезный пріятель! Большое и важное дѣло, о которомъ упомянулъ я вамъ вскользь при концѣ моего послѣдняго письма и которымъ я, между прочимъ, въ теченіе весны и первой лѣтній мѣсяцъ сего года занимался, относилось до нашей большой соборной церкви. Какъ оная хотя давно уже строеніемъ была окончена, и какъ снаружи, такъ и внутри оштукатурена, и оба боковые предѣла въ ней были уже освящены, но большая и главная церковь не имѣла еще своего иконостаса, и оной, съ образами только по послѣднему зимнему пути, былъ къ намъ привезенъ,—то главнѣйшее желаніе моего новаго командира было, чтобъ и сію среднюю и главную церковь привесть къ окончанію и освятить. И поелику самому ему, по пребыванію его въ Тулѣ, заниматься всѣми мелочами, къ тому принадлежащими, было неудобно, то, вѣдая мою къ тому совершенную способность, поручилъ онъ все попеченіе мое о томъ мнѣ, прося, какъ можно всѣми дѣлами, до сего предмета относящимися, поспѣшить, такъ, чтобъ могла она поспѣть къ храмовому празднику и къ ярманкѣ нашей къ освященію, которую коммиссію я на себя охотно и принялъ.

Какъ дѣлъ по сему предмету было еще много, поелику иконостасъ съ образами, написанными въ Москвѣ, къ намъ хотя привезенъ, но былъ только сдѣланъ вчернѣ, а раскрашивать и золотить надлежало его еще тутъ нанятыми художниками, то приступилъ я къ сему еще съ самаго открытія весны. И какъ отъ командира моего передано было въ полный мой произволъ—раскрасить и раззолотить его какъ мнѣ заблагоразсудится, то и принужденъ я былъ ежедневно посѣщать мастеровыхъ и надзирать за сими работами.

Теперь скажу, что, получивъ такое полномочіе, не хотѣлось мнѣ своей руки испортить, но соотвѣтственно сдѣлать мнѣ довѣренное колико можно лучшимъ образомъ. И потому, не удовольствуясь приказаніемъ раззолотить его, колико можно съ лучшимъ вкусомъ, разною позолотою и покрыть всю плоскость или тѣло по серебру лазоревымъ лакомъ,—восхотѣлъ я придать ему нѣкакія и другія новыя и совсѣмъ необыкновенныя украшенія собственнаго моего изобрѣтенія и придать ему тѣмъ еще болѣе красоты и великолѣпія. И какихъ-какихъ новыхъ затѣевъ и выдумокъ ни употребилъ я при семъ случаѣ! И усердіе мое было такъ велико, что, за неимѣніемъ у себя живописца и другихъ такихъ мастеровыхъ, которые могли-бъ все то сдѣлать, что я придумывалъ и хотѣлъ, не жалѣлъ и собственныхъ своихъ трудовъ, и надъ сдѣланіемъ многихъ вещей трудился самъ своими руками, и съ такимъ при томъ прилежаніемъ, что не зналъ даже усталости, хотя дѣлъ сихъ было и довольно много. И какъ симъ оставилъ я по себѣ въ сей церкви навсегда памятникъ, то и разскажу объ немъ въ нѣкоторой подробности.

Первѣйшимъ дѣломъ моимъ было то, что мнѣ восхотѣлось царскимъ дверямъ придать болѣе красы чрезъ закрытіе всѣхъ промежутковъ между рѣдкою сквозною позолочёною рѣзьбою оныхъ посеребреными, наподобіе зеркалъ, стеклами. Надъ симъ трудился я самолично и мнѣ тѣмъ удалось придать имъ несравненно болѣе красы и великолѣпія.

Во-вторыхъ, находя сдѣланную въ иконостасной аркѣ надъ ними звѣзду изъ сіянія очень просту и не по моему вкусу, вздумалось мнѣ ее уничтожить, и вмѣсто ея всю сію большую арку занять образомъ благословлявшаго входящихъ въ царскія двери Господа Саваоѳа, окруженнымъ сіяніемъ, сдѣланнымъ изъ превеликаго множества такихъ же обрѣзныхъ посеребрёныхъ, на подобіе зеркала, стеколъ. Мысль сія мнѣ такъ полюбилась, что, за неимѣніемъ живописца, рѣшился самъ нарисовать сей образъ, колико можно въ натуральнѣйшемъ видѣ, и мнѣ удалось и сію необыкновенную штуку сдѣлать такъ хорошо, что она отъ всѣхъ пріобрѣла похвалу и одобреніе.

Въ-третьихъ, находя въ иконостасѣ въ углахъ на уступахъ его пустоты, вздумалъ я занять оныя обрѣзными фигурными щитами, съ изображенными на нихъ церковными трофеями, какъ-то: сосудами, дискосами, кадилами, евангеліемъ и тому подобнымъ, сдѣлавъ всѣ ихъ золотыми, а грунтъ прикрывъ усыпанною по клею шмельдью. И мнѣ удалось и сіи небольшія штучки сдѣлать со вкусомъ и также хорошо.

Въ-четвертыхъ, вмѣсто обыкновенныхъ линяющихъ лентъ, на которыхъ прицѣпливаются предъ мѣстными образами паникадилы, вздумалось мнѣ употребить простыя пеньковыя, но вызолоченныя снаружи червоннымъ золотомъ веревки, и придать имъ чрезъ то видъ толстыхъ шнуровъ, свитыхъ изъ золота. И сіе составляло особую и новую выдумку, полюбившуюся многимъ и придавшую много великолѣпія.

Таковую-жъ самую простую, но удачную выдумку употребилъ я, въ-пятыхъ, при украшеніи сѣни въ алтарѣ надъ престоломъ. Сѣнь сія сдѣлана у насъ была на большихъ четырехъ золотыхъ столбахъ и вверху, ниже карниза, украшена тафтяными подобранными занавѣсами съ золотою бахрамою; но какъ не доставало у насъ большихъ золотыхъ кистей, то по скорости вздумалось мнѣ ихъ сдѣлать фальшивыя и смастерить изъ деревянныхъ, округленныхъ и вызолоченныхъ стаканчиковъ, съ привѣскою къ нимъ кругомъ многихъ нитокъ съ нанизанными вызолоченными стеклянными пронизками и повѣсить ихъ на такихъ же вызолоченныхъ шнурахъ. И мнѣ удалось сдѣлать ихъ такъ похожими на золотыя, что всѣ ими обманывались, и, узнавъ выдумку, не могли довольно ее расхвалить.

Шестая моя выдумка состояла въ придѣланіи къ сей сѣни спереди двумя ангелами придерживаемаго фигурнаго щита съ крупною надписью, изъ слѣдующихъ словъ состоящею: «Ядый мою плоть и піяй мою кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ». Сія выдумка также многимъ отмѣнно нравилась и тѣмъ паче, что надпись сія по крупности словъ видна была въ арку изо всей церкви.

Въ-седьмыхъ, помѣстилъ я и сзади иконостаса, надъ царскими дверьми, вмѣсто простаго образа, изображеніе Нерукотвореннаго образа, держащагося летущими (sic) ангелами, нарисованное также самимъ мною.

Въ-осьмыхъ, оба боковые придѣла велѣлъ я отъ большой церкви отгородить стеклянными перегородками, несмотря на всю величину аркъ, и такимъ образомъ раззолотить и покрыть перила и карнизы по серебру лазоревымъ лакомъ, чѣмъ придалъ всей церкви отмѣнное великолѣпіе.

Въ-девятыхъ, велѣлъ придѣлать къ лѣвой стѣнѣ, между церковью и трапезою въ соотвѣтствіе находящагося на правой стѣнѣ иконостасика съ образомъ Казанскія Богородицы, по собственному своему рисунку и прекрасно сдѣланную и раззолочёную и росписанную катедру съ балдахиномъ надъ оною, а внутри, на стѣнѣ, изобразилъ во весь ростъ Димитрія Ростовскаго, такъ какъ-бы сказывающаго проповѣдь. Сіе составляло также особое и почти необыкновенное украшеніе.

Въ - десятыхъ, наконецъ, вздумалось мнѣ особеннымъ и необыкновеннымъ образомъ украсить и внутренность большаго купола постановленіемъ на широкомъ карнизѣ, противъ каждаго изъ многихъ оконъ, по большой золотой вазѣ. Вазы сіи сдѣлалъ я самъ, обрѣзныя изъ толстой политуры со многими прорѣзными на сквозь мѣстами, и снаружи, расписавъ и раззолотивъ ихъ по приличію, прикрылъ сзади всѣ прорѣзныя мѣста слюдою, покрытою разноцвѣтными лаками, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прорѣзи сіи могли служить нѣкоторымъ родомъ дневной и ночной иллюминаціи; ибо какъ церковной карнизъ былъ такъ широкъ, что по оному, позади сихъ вазъ, ходить человѣку было можно, то въ большіе праздники, во время всенощной, зажигали мы позади вазъ сихъ свѣчи и

огни и онѣ придавали и днемъ, и ночью отмѣнное всей церкви великолѣпіе.

Вотъ сколь многія и разнообразныя затѣи употребилъ я для украшенія внутренности сей церкви. Но какъ все сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно, то легко можно заключить, что все сіе и многихъ трудовъ и хлопотъ мнѣ стоило. Но какъ оные услаждаемы были сколько своею удачностью, столько и всеобщимъ одобреніемъ, и похвалою, и паче всего чувствуемымъ при отдѣлкѣ каждой штуки собственнымъ превеликимъ удовольствіемъ, то были они мнѣ очень сносны и почти нечувствительны. Однако, я едва-едва могъ успѣть все сіе кончить къ 16-му числу мѣсяца іюля, въ которой день наконецъ она освящена.

Впрочемъ, относительно къ сему періоду времени достопамятно для меня было то, что 29-го мая чуть бы опять не претерпѣлъ я пожарнаго бѣдствія. Какому-то бездѣльнику (не знаю, не вѣдаю, по какому побужденію, а думаю—болѣе побуждаемому желаніемъ накрасть опять какихъ-нибудь вещей) вздумалось-было дворъ мой зажечь и всунуть въ одномъ мѣстѣ заднихъ мелкихъ строеній, въ соломенную кровлю головню съ огнемъ. Но какимъ-то случаемъ и безсомнѣнно дѣйствіемъ невидимаго Промысла Господня, пекущагося о сохраненіи меня въ семъ разѣ отъ бѣдствія, солома отъ головни сей хотя совсѣмъ почти истлѣла, но не загорѣлась, и головня потухла. Мы ахнули ажно, какъ на утріе принесли къ намъ сію головню тепловатую и не могли довольно возблагодарить Господа за избавленіе насъ столь очевиднымъ образомъ отъ столь близкой опасности.

Наконецъ, съ наступленіемъ мѣсяца іюля и за недѣлю до освященія церкви, пріѣхалъ къ намъ командиръ мой г. Давыдовъ и какъ намѣренъ онъ былъ въ сей разъ пожить у насъ-таки довольно, то пріѣхалъ уже со всѣмъ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ его жены, ея сестры и своего сына, и привезя съ собою для сотоварищества и нѣсколькихъ своихъ тульскихъ пріятелей, и расположился въ большомъ корпусѣ нашего замка, или во дворцѣ самомъ.

Съ сего времени начались у насъ опять ежедневные почти праздники и гулянья, а для меня самое хлопотливое время; ибо, съ одной стороны, надобно было спѣшить отдѣлкою многихъ неоконченныхъ вещей въ церкви и дѣлать всѣ нужныя къ освященію оной приготовленія, а съ другой — угощать у себя сихъ новопріѣзжихъ гостей, когда обѣдами, когда ужинами; съ третьей—возить ихъ въ разныя мѣста для гулянья и показывать имъ все мною сдѣланное, а съ четвертой—снабжать квартиру и кухню его всѣми нужными потребностями и удовлетворять всѣ непомѣрныя требованія его поваровъ и лакеевъ, что производило намъ и чувствительныя иногда неудовольствія. Но всѣ сіи хлопоты услаждаемы были, по крайней мѣрѣ, благосклонностью и пріятнымъ со мною обхожденіемъ моего командира, который все сдѣланное мною въ лѣсу и въ церкви не только одобрялъ, но, превознося похвалами, благодарилъ меня за трудъ мой, а мнѣ болѣе того было ничего и ненадобно.

Во время сихъ нашихъ, въ разныя мѣста, то для ловленія рыбы, то такъ для гулянья, разъѣздовъ, случилось-было со мною въ мигъ большое несчастіе, произшедшее отъ самой рѣзвости. Однажды ѣздили мы цѣлою компаніею мущинъ ловить на островахъ нашихъ рыбу, и какъ надлежало намъ въ одномъ мѣстѣ, подлѣ небольшаго протока и лощины, полчаса почти времени, дожидаться, покуда неводъ запускали и тащили, то пришла охота господамъ тульскимъ вѣтрогонамъ, пріѣхавшимъ съ г. Давыдовымъ, охота, между прочимъ балагурничаньемъ, перепрыгивать чрезъ помянутую лощину и оказывать, другъ передъ другомъ, удальство свое. Сперва я долго только смотрѣлъ на сію ихъ рѣзвость и забаву. Но какъ ни одному изъ нихъ перепрыгнуть сію низкую лощину не удавалось, и они все либо падали, либо спотыкались, то приди и мнѣ охота пощеголять своимъ

удальствомъ и искусствомъ. «И, Господи, сказалъ я, уже этакой бездѣлки не можете вы переспгнуть (перескочить)», и, разбѣжавшись ни-вѣсть, сигъ! самъ черезъ нее. Я и перескочилъ ее довольно хорошо, но ногѣ моей случилось на томъ берегу попасть на неровное мѣсто, отчего и вывихнулась она въ самой щиколкѣ. Я въ одинъ мигъ почувствовалъ оттого превеликую боль и не могъ даже и ступить на ногу. Всѣ взгоревались и встужились о томъ и не знали, что дѣлать. Но, по счастію, случилось сіе противъ самаго почти лѣкарскаго домика. Мы тотчасъ велѣли его кликнуть и онъ прибѣжалъ и, тазая меня за мою шалость, ногу мою опять вправилъ и снабдилъ меня примочкою, что мнѣ и помогло. Однако, дни съ три, съ четыре принужденъ я былъ оттого прихрамывать.

Наконецъ, наступила и наша ярманка, на которую, равно какъ и для освященія церкви, съѣхалось множество дворянства, а простаго народа было превеликое со всѣхъ сторонъ стеченіе. Чтобъ продлить хотя однимъ днемъ сію единосуточную почти ярманку, то опредѣлили-было святить церковь на другой день самаго праздника и по окончаніи самой ярманки. На сей праздникъ и ярманка сдѣлалась достопамятна мнѣ нечаянною для меня и для всѣхъ насъ тревогою, произведенною также какими-то бездѣльниками изъ съѣхавшагося на ярманку чорнаго народа. Молодцамъ симъ, какъ думать надобно было, восхотѣлось полакомиться нашими карпіями, которыми превеликимъ множествомъ былъ нашъ большой прудъ наполненъ. Они вздумали подъ прудомъ симъ подхимистить и сдѣлать такъ, чтобъ онъ будто бы самъ собою прорвался и вода бы вся изъ него ушла, карпы обнажились бы всѣ въ стремѣнахъ и ловить было можно. Итакъ, во время самой ярманки забрались они подъ спускъ и ночнымъ временемъ подрубили внизу одну стѣнку; и какъ оттого два ряда вешняковъ принуждены были вывалиться, то и заорала вода страшнымъ образомъ съ пруда. Мы, ничего того не зная, спали себѣ спокойно, и ни кому не ума было посмотрѣть за прудомъ. Но не успѣло ободнять, какъ, усмотрѣвъ сіе, безъ памяти прибѣжали ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что прудъ большой прорвало. Не могу изобразить, какъ сіе меня тогда перетревожило и испугало. «Господи! вскричалъ я, какимъ бы это образомъ и отчего такая бѣда случилась? Кажется теперь не половодь, да и дождь былъ не великъ; отчего-жъ ему прорваться?» и безъ памяти побѣжалъ на плотину. Тутъ увидѣвъ страшный ревъ стекающей въ пронесенные и плавающіе въ бучилѣ вешняки воды, только ахалъ отъ удивленія, не постигая, какъ это могло случиться: подъ водою и непримѣтно было того, чтобъ они подрублены, а сіе усмотрѣли мы уже послѣ. Но какъ аханье и туженье не помогали, а надлежало помышлять о скорѣйшемъ захватываніи воды, то, не долго думая, послалъ я солдатъ и велѣлъ гнать съ ярманки всей волости нашей мужиковъ, какихъ они найти только могутъ, и съ лошадьми ихъ и телѣгами, а другихъ послать за лопатками и другими инструментами. А между тѣмъ, тотчасъ и выдумалъ спасительное средство, могущее еще прудъ сей удержать отъ совершеннаго прорыва. По особливому счастію, случилось мнѣ, года за два до сего, для недопущенія съ полою водою сбѣгать съ пруда карповъ, сдѣлать одну предосторожность, которая, при семъ случаѣ, пригодилась мнѣ очень кстати, а именно: я велѣлъ передъ самымъ спускомъ въ прудѣ сдѣлать превеликую въ водѣ насыпь и обвелъ полуциркулемъ все то мѣсто настоящею почти подводною плотиною; на сей велѣлъ я побить сваи и сдѣлать кругомъ надолбы, установить сплошь подлѣ ихъ стоймя фашинами, сдѣланными изъ одного мелкаго лѣса, и все сіе для того, чтобъ вода сквозь фашины могла стекать, а рыбкѣ бы ни одной не можно было проходить. Итакъ, не долго думая, велѣлъ я сбѣжавшемуся народу возить скорѣе солому и, связывая въ пуки, кидать въ прудъ позади фашинъ оныхъ и на нее сыпать привози-

мую изъ берега землю; и чрезъ то составлять на скорую руку новый рядъ плотинъ предъ всѣмъ спускомъ. А симъ средствомъ и удалось мнѣ тогда спасти свой прудъ. Новая скороспѣшная плотина сія поспѣла у меня чрезъ нѣсколько часовъ, и въ состояніи была удержать всю воду, но какъ я принужденъ былъ быть при томъ безотходно самъ, и при томъ подъ сильнымъ, случившимся тогда, дождемъ, то впрямь—не только измучился, но и измокъ, и сей праздникъ былъ мнѣ долго памятенъ. Но, по крайней мѣрѣ, я доволенъ былъ тѣмъ, что успѣлъ очень удачно сіе дѣло сдѣлать и тѣмъ командиру моему доказать вновь свою расторопность. Что касается до него, то онъ въ сіе время занимался угощеніемъ у себя съѣзжающихся часъ-отъ-часу болѣе къ себѣ гостей и дѣланіемъ къ большому торжеству всѣхъ нужныхъ пріуготовленій. А тѣмъ же занимались и мои домашніе.

Въ послѣдующій за симъ день угощалъ насъ всѣхъ у себя нашъ городничій, а послѣ обѣда ѣздили мы всѣ гурьбою гулять, сперва на островъ, а потомъ въ лѣсъ, новодѣланной паркъ, и день сей провели весело. И какъ между тѣмъ все поспѣло къ освященію церкви и пріѣхалъ изъ Коломны для сего протопопъ, то 10-го числа іюля и происходило у насъ торжественное и, прямо можно сказать, пышное освященіе нашей большой церкви. Множество дворянства обоего пола присутствовало при ономъ, а народу было превеликое стеченіе. И какъ нами употреблено было все, что только служило къ сдѣланію сего обряда торжественнѣйшимъ, то и происходило все съ отмѣннымъ великолѣпіемъ и божественная служба была тѣмъ пріятнѣе, что мы имѣли уже около сего времени стараніемъ новаго моего командира цѣлой хоръ пѣвчихъ, набранной изъ конюховскихъ дѣтей и другихъ канцелярскихъ служителей и обученныхъ уже пѣть нанятымъ учителемъ.

Для приданія сему торжеству болѣе блеска, угощалъ мой командиръ у себя всѣхъ присутствующихъ при освященіи дворянъ обѣденнымъ столомъ. И былъ у него превеликой пиръ. А поелику достали мы на сей случай и музыку, то послѣ обѣда былъ и балъ, и танцы. Но и сего было еще недовольно. Но какъ около самаго сего времени пріѣзжалъ къ намъ въ Богородицкъ нѣмецъ фигляръ, показывающій разныя хитрости, какъ напримѣръ, говорящую голову и другія подобныя тому штуки, то восхотѣлъ командиръ мой угостить всѣхъ своихъ гостей и симъ зрѣлищемъ въ приготовленномъ на короткую руку во флигелѣ маленькомъ театрѣ. Словомъ, весь сей день проведенъ былъ очень весело; а въ послѣдующій день былъ балъ, танцы и ужинъ у меня въ домѣ, и разборная моя стѣна долженствовала опять выходить вонъ для сдѣланія множайшаго простора.

А въ наступившій за симъ день звалъ моего командира и всѣхъ насъ къ себѣ на обѣдъ одинъ изъ сосѣдственныхъ дворянъ господинъ Марковъ, и мы всѣ гурьбою ѣздили къ нему и были тамъ угощаемы. Причемъ случилось женѣ моей въ-прахъ перестращаться отъ нечаянной и такой неожидаемой пушечной пальбы, производимой во время обѣда, и которой она всегда боялась. Дома же у насъ въ сіе время чуть-было опять не сдѣлался пожаръ, но, по счастію, погашенъ въ самомъ его началѣ. На другой день послѣ сего происходила у моего командира безпрерывная почти карточная игра между бывшими въ числѣ гостей игроками, которые всѣ насилу-насилу разъѣхались отъ насъ въ слѣдующее за симъ утро. Мы же всѣ пировали въ сей день у судьи нашего г. Арсеньева, а наутріе поѣхали въ Бобрики, для таковаго же пированія у Верещагиныхъ, а оттуда проѣхали къ г. Власову, и у него не только ночевали, но и въ послѣдующій день угощаемы были пышнымъ обѣденнымъ столомъ. И, возвращаясь оттуда, заѣхали еще къ г. Бакунину, и въ Богородицкъ возвратились не прежде какъ ввечеру уже 16-го числа.

Но симъ все еще тогдашнее хлопотливое для меня время не кончилось. Но

командиру моему вздумалось еще съ женою своею съѣздить въ дальніе гости за Ефремовъ, къ общему нашему знакомцу генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, куда взялъ онъ меня съ собою. Итакъ, ѣздили мы съ нимъ и туда. Но тамъ не столько были угощаемы, сколько измучены были въ-прахъ ѣздою и ходьбою по полямъ, въ угодность хозяину, хотѣвшему показать командиру моему всѣ угодья своей тамошней деревни и надоѣвшему даже намъ безпрерывнымъ почти разсказываніемъ о своихъ мужикахъ, о ихъ семействахъ, пашнѣ, лѣсочкѣ и тому подобныхъ, ни малѣйшаго уваженія и слышанія недостойныхъ, вещахъ. Сію дурную привычку имѣлъ сей, впрочемъ, благоразумной человѣкъ, которой не могъ я довольно надивиться, и не понималъ, какъ онъ при всемъ своемъ благоразуміи не усматривалъ, что никто сими пустыми его разсказами не интересовался, но паче слушалъ ихъ съ крайнимъ для себя отягощеніемъ. Словомъ, онъ такъ ими насъ отяготилъ, что мы не опомнились почти отъ радости, вырвавшись на другой день, послѣ обѣда, отъ него и не рады были всему его, умѣренному весьма, насъ угощенію.

Въ Богородицкъ возвратились мы не прежде какъ уже 21-го числа къ готовому у меня обѣду. Но и тѣмъ еще не все кончилось. Но мы пировали еще на другой день опять у г. Арсеньева, а наутріе опять у городничаго и насилу-насилу сей день былъ уже окончательнымъ всѣмъ нашимъ праздниствамъ и пированьямъ, и мы проводили г. Давыдова, поѣхавшаго назадъ въ Тулу и пробывшаго у насъ въ сей разъ три недѣли.

Изъ всего вышеписаннаго можете вы усмотрѣть какую особую склонность имѣлъ мой командиръ къ пиршествамъ и разсѣянной жизни и заключить, что все сіе время было для меня очень хлопотливо и суетливо и что мы рады-рады были, освободившись наконецъ отъ сего ига. Къ вящшему умноженію моихъ хлопотъ, долженъ я былъ и въ самое сіе время ущипками и урывками трудиться надъ моими планами и чертежами, ибо командиру моему весьма хотѣлось, чтобъ я поспѣшилъ окончаніемъ оныхъ. Но все сіе ничего бы не значило, еслибъ не случилось въ теченіе сего достопамятнаго періода времени одного произшествія, не только меня весьма озаботившаго, но и повергшаго въ крайнее недоумѣніе, а именно:

Командиръ мой, каковъ ни добродушенъ и ни хорошъ былъ всѣмъ своимъ характеромъ, но имѣлъ тотъ въ себѣ недостатокъ, что былъ очень невоздерженъ и мотоватъ, и отъ самаго того нажилъ на себя превеликіе долги, которые его весьма тяготили. Чтобъ избавиться отъ сего ига, то возмечталъ было онъ, при случаѣ полученія въ свою власть нашихъ волостей, ими воспользоваться и содрать со всѣхъ нашихъ мужиковъ хотя легенькую, но для себя полезную кожурину. Но какъ приступить къ тому безъ согласія и содѣйствія моего никакъ было не можно, то, не отваживаясь самъ сдѣлать мнѣ о томъ предложенія, восхотѣлъ онъ стороною напередъ узнать, какихъ я о томъ буду мыслей, и для того препоручилъ извѣдать сіе одному изъ пріѣзжихъ съ нимъ тульскихъ гостей, человѣку бойкому и проворному. Сей и подъѣхалъ-было ко мнѣ съ своими разсказами и предложеніями, нельзя-ль было помочь Николаю Сергѣевичу въ его темныхъ обстоятельствахъ собраніемъ, хотя по гривеннику съ души, съ нашихъ волостныхъ мужичковъ, говоря, что для нихъ, какъ весьма зажиточныхъ и во всякомъ изобиліи живущихъ крестьянъ, составило бы сіе сущую бездѣлку, а Николаю Сергѣевичу могло-бъ то послужить въ великую пользу, и онъ очень будетъ тѣмъ доволенъ и за то благодаренъ. Немногія сіи слова, сказанныя мнѣ имъ будто бы отъ себя шуточнымъ образомъ, поразили меня такъ, что у меня ажно кожу подрало при услышаніи оныхъ. Я легко могъ догадаться, что его заставили сіе мнѣ предложить стороною, и сіе привело меня въ такое недоумѣніе, что я съ минуту времени и не зналъ, что ему на сіе и отвѣтствовать. Наконецъ, собравшись съ мыслями, безъ

дальнихъ обиняковъ и на-прямо ему сказалъ: «все это такъ, братецъ, все хорошо и было бы, конечно, для Николая Сергѣевича не худо, но совсѣмъ тѣмъ я не уповаю, чтобъ могло сіе когда-нибудь совершиться».—«А почему бы такъ?» подхватилъ онъ.—«А вотъ почему, любезный другъ, отвѣчалъ я, сіе могло бы быть только въ такомъ случаѣ, если-бъ мужички наши сами собою сіе вздумали и, смолвившись между собою, такой денежной сборъ самопроизвольно собрали и торжественнымъ образомъ поднесли Николаю Сергѣевичу отъ себя въ подарокъ. Но сего-то самаго отъ нихъ никакъ и никогда ожидать не можно. Не таковы наши мужички щедроподатливы и умны, чтобъ могли они и сами собою догадаться такую услугу оказать своему командиру Вамъ они не таково и давно извѣстны, какъ мнѣ, а я, зная ихъ изъ собственной опытности, скажу, что они превеликіе охотники до свиней и свиней у себя держатъ, свиней кормятъ, свиней ѣдятъ и.... сами свиньи!»—При семъ словѣ предлагатель мой захохоталъ, и я продолжалъ: «Вамъ это смѣшно кажется, но это истинная правда, и каковы они тщивы характеромъ своимъ, можетъ вамъ доказать собственно примѣръ мой. Меня всѣ они дѣйствительно любятъ; поговорите хоть съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, всѣ назовутъ вамъ меня своимъ отцемъ и такимъ командиромъ, какова не желаютъ они лучше. Но при всей любви и приверженности своей ко мнѣ, какъ бы вы думали, далеко простиралась ихъ тщивость и податливость ко мнѣ, и не смѣшно ли вамъ покажется, когда скажу, что, будучи управителемъ надъ 20-ю тысячами душами зажиточныхъ мужиковъ, а къ Святой недѣлѣ покупаю самыя яйцы на чистыя денежки, когда свои не случатся. Этому можетъ быть никто не повѣритъ, но это самая истина. Или вотъ скажу вамъ другой и разительнѣйшій примѣръ. Въ прошломъ году случилось мнѣ сгорѣть и лишиться дома и всего почти въ немъ бывшаго и потерять имущества болѣе нежели на 2,000 рублей. Всѣмъ имъ извѣстна была тогдашняя моя нужда, и что у меня ни крова, ни съѣстныхъ припасовъ и на семью ни куска хлѣба не осталось; казалось можно-бъ имъ при такомъ бѣдственномъ и несчастномъ случаѣ чѣмъ-нибудь услужить своему любимому командиру. Но они и не подумали о томъ, и одинъ только наибогатѣйшій изъ нихъ и такой, котораго капиталъ тысячъ до двадцати простирается, расщедрился и принесъ ко мнѣ, но что же, одинъ только испеченый хлѣбъ».—«Невправду ли!» воскликнулъ мой соблазнятель.—«Ей-ей, отвѣтилъ я, это всѣмъ извѣстно, и мнѣ какъ ни горько тогда было, но я принужденъ былъ захохотать и дурно было, чтобъ при такомъ случаѣ не принять у него того, а охотнѣе хотѣлъ бы я въ него имъ въ лицо швырнуть. Вотъ каковы, судырь, здѣшніе мужики! и можно ли ожидать чего отъ такихъ окаіомовъ».

Удивился и задумался, услышавъ сіе, но наконецъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ: «Все-таки можно было бы къ тому ихъ какъ-нибудь настроить».—«Какъ настроить, говорите вы, подхватилъ я того момента и захохоталъ. А какимъ бы это образомъ и кто бы взялся это сдѣлать? О подкомандующихъ моихъ могу я васъ увѣрить, что никто изъ всѣхъ ихъ не отважится къ тому приступить, а я всего меньше. Я о таковомъ предпріятіи и помыслить страшуся, а того меньше, чтобъ насильно наложить на нихъ такой поборъ. Сохрани насъ отъ того Господи! отъ сего и Богъ знаетъ, что̀ бы произошло! Мужички здѣшніе, живучи уже столь многіе годы подъ управленіемъ, основанномъ на ногѣ прямо честной и безкорыстной, и непривыкнувшіе ни къ малѣйшимъ какимъ-либо притязаніямъ, сочли-бъ сіе невѣдомо чѣмъ и воплями своими возмутили-бъ и самое небо и землю. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ мой, я опять повторю, что мужички здѣшніе совсѣмъ не таковы, чтобъ можно было предпріять съ ними что-нибудь тому подобное и каковы ни глупы, но то у нихъ твердо затвержено, что они собственные крестьяне императрицы и что никто не посмѣетъ дѣлать

имъ какія-нибудь притязанія. И изволька что-нибудь тому подобное затѣять и предпріять, я увѣряю васъ, что они въ мигъ очутятся съ жалобою, не только у Михаила Никитича, но и въ самомъ-даже Петербургѣ; на это они очень умны».— «О! такъ пропади-жъ они, окаянные, сказалъ мой предлагатель», и, обративъ все въ шутку, замолчалъ.

Симъ образомъ отбоярилъ я сего молодца и онъ у насъ, нѣсколько похлебавъ, и пошелъ отъ меня пересказывать все то, безъ сомнѣнія, препоручателю своему, и что̀ они говорили, того уже я не знаю, а вѣдаю только то, что, обжогшись въ сей разъ на молокѣ, стали потомъ дуть и на воду, и я уже никогда не слышалъ болѣе такихъ замашекъ. Со всѣмъ тѣмъ случай сей привелъ меня въ превеликое недоумѣніе и принудилъ усугубить всѣ мои съ сей стороны предосторожности.

Симъ окончу я сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Января 25-го дня 1810 года. Дворяниново).

Письмо 215-е.

Любезный пріятель! Проводивъ отъ себя своего командира и сбывъ съ плечь своихъ сіе тягостное бремя, принялся я за прежнія мои комнатныя упражненія, которыя служили мнѣ вмѣсто отдохновенія, и какъ планы и чертежи мои были еще не отдѣланы, то спѣшилъ я оные окончить. Нужны они были командиру моему для того, что какъ онъ поджидалъ скораго возвращенія изъ Петербурга нашего главнаго начальника и намѣренъ былъ къ нему въ Москву ѣхать, то хотѣлось ему отвезти ихъ къ нему съ собою. А мнѣ наводили они тѣмъ болѣе труда, что мнѣ не хотѣлось руки своя испорять, а украсить ихъ колико можно лучшими картушами, что̀ и удалось мнѣ очень хорошо сдѣлать, и могу сказать, что планы сіи были прекрасные.

Между тѣмъ засѣлъ я опять за сочиненіе матеріала для моего «Экономическаго Магазина», для запасенія г. Новикова на всѣ достальные мѣсяцы сего года потребнымъ матеріаломъ, и въ короткое время успѣлъ опять наготовить онаго множество. Занимала меня также около сего времени и моя библіотека. И какъ оная часъ-отъ-часу увеличивалась какъ чрезъ покупку новыхъ книгъ, такъ и присылкою отъ Новикова для продажи, то восхотѣлось мнѣ всю ее привести въ порядокъ и ранжировать на сдѣланныхъ шкапахъ и полкахъ въ тѣхъ комнатахъ, на нашей башнѣ подъ колокольнею, гдѣ находилась прежде канцелярія наша. И тутъ установилъ я и убралъ ими цѣлыя двѣ комнаты и хаживалъ въ нихъ нерѣдко для литеральныхъ прогулокъ и увеселеній.

Впрочемъ, не гуляли у меня и краски, а особливо сухія или пастельныя и какъ около сего времени выдумалъ я способъ рисовать ими по вытертой пемзою кожѣ, то нарисовалъ я и сынъ мой ими многія изъ тѣхъ картинъ, которыя и понынѣ ещѐ украшаютъ мои стѣны и, между прочимъ, еще образъ Спасителя и Богородицы срисовалъ съ мѣстныхъ и придѣльныхъ образовъ, писанныхъ Некрасовымъ.

Въ сихъ упражненіяхъ препроводилъ я все достальное время іюля и весь успенскій [постъ]. А не успѣли мы разговѣться, какъ и получилъ я повелѣніе отъ г. Давыдова, чтобъ мнѣ пріѣхать къ нему въ Тулу и привезти съ собою всѣ планы и бумаги, нужныя къ представленію намѣстнику, съ увѣдомленіемъ, что онъ собирается ѣхать въ Москву. Итакъ, принужденъ я былъ ѣхать къ нему, но въ сей разъ пробылъ я въ Тулѣ одни только почти сутки, ибо нужно было отдать только ему планы и прочія бумаги и переговорить съ нимъ кое-о-чемъ относящемся до волостей. Почему, съѣздивъ съ нимъ въ Щеглово и проводивъ его 21-го числа въ Москву, не медлилъ и самъ я въ Тулѣ, но поскакалъ опять въ Богородицкъ.

Тутъ нашелъ пріѣхавшаго къ намъ безъ меня новаго учителя, природою нѣмца, по прозванію г. Эйзенберга, выписаннаго изъ Москвы чрезъ нашего лѣ-

каря, для возобновленія нашего пансіона, на мѣсто старика Дебриньи. И будучи очень доволенъ, нашедъ въ немъ степеннаго и много-знающаго и очень хорошаго человѣка, договорился тотчасъ съ нимъ о продолженіи ученія моего сына обоимъ языкамъ. И дабы былъ въ томъ лучшій успѣхъ, то, отдавъ его даже совсѣмъ жить къ нему, отвелъ для жительства ему средній домъ лѣкарскій въ госпиталѣ, ибо лѣкарь жилъ тогда во флигелѣ. А какъ къ учителю сему отдалъ и г. Толбузинъ обоихъ своихъ сыновей, то и основался у насъ опять небольшой пансіонъ, и сынъ мой отъ учителя сего несравненно больше научился всему, нежели отъ прежняго учителя.

Въ самое то же время получилъ я и отъ г. Новикова письмо съ убѣдительною просьбою, чтобъ мнѣ заготовлять матеріалъ для «Экономическаго Магазина», и для будущаго пятаго года его издаванія, поелику всѣ получающіе оной ни мало имъ не скучали, а всѣ усердно желали дальнѣйшаго продолженія сего общеполезнаго изданія. Признаюсь, что увѣдомленіе о семъ и самая сія просьба была для меня непротивна. И какъ, по привычкѣ, не наводило сочиненіе сіе и мнѣ дальняго отягощенія и я за труды мои довольно награжденъ былъ, то и не имѣлъ я причины отъ того отказаться.

Вмѣстѣ съ симъ письмомъ прислалъ онъ ко мнѣ и выговоренные экземпляры, напечатаннаго уже перевода моего «Геценовыхъ разсужденій о началѣ и концѣ міра», и доставилъ мнѣ тѣмъ превеликое удовольствіе, увѣдомляя вкупѣ, что книга моя «О благополучіи», подъ именемъ «Путеводителя къ истинному человѣческому счастію» (которое названіе имъ самимъ сей полезной книгѣ придать разсудилось) уже печатается, что порадовало меня еще того болѣе.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, по убѣжденію моихъ домашнихъ, принужденъ я былъ согласиться съѣздить съ ними опять въ дальніе гости, за Ефремовъ, для свиданія съ теткою Матреною Васильевною Арцыбышевою. Итакъ, въ семъ путешествіи провели мы всѣ достальные дни мѣсяца августа. Тетка была намъ очень рада и мы прогостили у ней цѣлые три дня, въ которое время имѣлъ я случай короче познакомиться съ господиномъ Ушаковымъ, Христофоромъ Александровичемъ. А возвращаясь оттуда, заѣзжали къ родственницѣ нашей госпожѣ Елагиной, такъ и къ господину Писемскому, и у сего послѣдняго ночевали, а домой возвратились уже въ послѣдній день сего мѣсяца.

Не успѣли мы пріѣхать, какъ вдругъ и въ самой первой день сентября, противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, обрадованъ я былъ письмомъ, присланнымъ ко мнѣ изъ Москвы отъ командира моего г. Давыдова, которымъ увѣдомлялъ онъ меня, что государынѣ императрицѣ угодно было самолично пожаловать меня въ коллежскіе ассессоры. Господи! какъ удивился и обрадовался я, читая письмо сіе. Я не вспомнилъ почти отъ радости и болѣе потому, что я никакъ сего чина не добивался и никого о томъ не просилъ, а намѣстнику нашему восхотѣлось самому сдѣлать мнѣ сіе благодѣяніе и выпросить сей мнѣ чинъ отъ государыни, что ему и стоило только нѣсколькихъ словъ. И онъ, будучи у императрицы въ Царскомъ Селѣ, только ей о томъ и, какъ безъ сомнѣнія думать надобно, съ похвалою обо мнѣ доложилъ, какъ государыня и слова не сказала, а съ удовольствіемъ на то согласилась, приказала гр. Безбородкѣ сообщить о томъ имянное свое повелѣніе генералъ-прокурору, который въ тотъ день, а именно 20-го числа августа, и увѣдомилъ о томъ чрезъ письмо князя Вяземскаго, бывшаго тогда генераломъ-прокуроромъ, управляющимъ всѣмъ сенатомъ. И г. Давыдовъ одолжилъ меня тогда и присланіемъ ко мнѣ копіи и съ самого достопамятнаго письма сего, которое и понынѣ у меня хранится.

Письмо сіе получилъ я, какъ теперь помню, поутру, находясь въ своемъ кабинетѣ и занимаясь своими литературными упражненіями, которыя, какъ легко можно заключить, выпали у меня въ тотъ

же мигъ изъ рукъ, и я, вскоча, не успѣлъ собраться отъ удивленія съ мыслями (и вздохнувъ, возблагодарилъ сперва Господа за сію ниспосланную Его ко мнѣ особую милость и нѣсколько разъ сказалъ спасибо и благодѣтелю своему г. Кречетникову), какъ, не говоря ни слова, побѣжалъ къ своимъ роднымъ домашнимъ для сообщенія имъ сей радости. И дабы имъ сдѣлать чувствительнѣйше сюрпризъ, то понесъ къ нимъ помянутую копію съ письма графа Безбородки и съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ имъ: «посмотрите-ка какую получилъ я бумажку». Сіи, занимаясь тогда своими женскими рукодѣліями и считая, что бумажка сія ничего дальняго въ себѣ не содержитъ и была въ чемъ-нибудь непріятномъ, то долго и не хотѣли-было у меня брать изъ рукъ и говорили, что имъ читать ее не досужно, а прочелъ бы я имъ самъ. Но какъ я сказалъ, что имъ неотмѣнно самимъ ее прочесть надобно, то взяла наконецъ у меня изъ рукъ матушка теща. И не успѣвъ до половины еще тихомѣлькомъ прочесть, какъ воскликнула: «И! батюшка, да что это, да какъ это и какимъ это образомъ сотворилось?»—«Вы уже говорите, сказалъ я, и дивитесь тому, а я уже дивился, дивился, да усталъ». Слова сіи возбудили въ женѣ моей и въ дѣтяхъ любопытство, и имъ захотѣлось знать, что это такое, и всѣ стали спрашивать. Тогда теща моя, обратясь къ женѣ моей, сказала: «Чего, сударыня, вѣдь Андрея Тимоѳеевича государыня сама пожаловала чиномъ и тебѣ полно слыть уже капитаншею, а ты теперь госпожа ассессорша и штабъ-офицерская жена». «Какъ это! какъ неужели вправду», закричала она, а съ нею всѣ въ разные голоса, и ну креститься, благодарить Бога и поздравлять меня съ полученіемъ царской милости. И какъ слухъ о семъ въ нѣсколько минутъ по всему городу разлетѣлся, то не успѣли мы почти очнуться, какъ со всѣхъ сторонъ слетѣлись къ намъ не только всѣ мои канцелярскіе подкомандующіе, но и всѣ наши друзья и пріятели городскіе, и всѣ наперерывъ, другъ предъ другомъ, начали меня поздравлять и изъявлять искреннее свое о томъ удовольствіе, только твердили: «Ну, слава, слава Богу; ай Михаила Никитичъ! ну, спасибо ему, ей-ей спасибо. Это не по-княжески и ну вотъ и ты у насъ теперь коллежскій ассессоръ, а что всего лучше, ты чинъ этотъ получилъ не по проискамъ какимъ и не по зауголью, а прямо за свои достоинства, и, что всего дороже, еще лично отъ самой государыни и особымъ имяннымъ указомъ. Это славно! и теперь не кичись, пожалуй, предъ тобою г. Верещагинъ и прочіе съ своимъ чиномъ».

Всѣ такіе отзывы, натурально, были мнѣ весьма пріятны, и я не инако какъ съ удовольствіемъ слушалъ. И какъ сіе было въ утреннее время, то подали тотчасъ завтракъ и съ нимъ вмѣстѣ бутылку шампанскаго. И тутъ начались опять поздравленія безконечныя. Послѣ чего, пригласивъ всѣхъ ихъ къ себѣ наутріе обѣдать и проводивъ отъ себя, побѣжалъ въ церковь и послалъ за попомъ того-жъ часа служить благодарной молебенъ.

Такимъ образомъ, ни думано-ни гадано, получилъ я штабъ-офицерскій чинъ, и въ тотъ же еще день началъ подписывать бумаги симъ новымъ званіемъ. И признаюсь, что при первомъ наименованіи себя симъ чиномъ, чувствовалъ я особенное удовольствіе. А что мнѣ всего пріятнѣе было, то всѣ подкомандующіе мои были тому очень рады, да и изъ прочихъ ни одинъ человѣкъ мнѣ въ томъ не завидовалъ, а все твердили только, что получилъ я сей чинъ по достоинству.

Въ слѣдующій за симъ день, дѣйствительно всѣмъ нашимъ городскимъ задалъ такой пиръ, какъ въ какой большой праздникъ, и роспили и мы не одну бутылку вина. И всѣ отъ сего времени начали мнѣ еще болѣе оказывать уваженія, да и самъ я ровно какъ на вершокъ отъ сего повыросъ больше. Въ самомъ сердцѣ своемъ чувствовалъ наиживѣйшую благодарность ко Всевышнему и прославлялъ пекущійся о благѣ моемъ Его святой Промыселъ.

Не успѣлъ я отъ сего обрадованія нѣ-

сколько поуспокоиться и дней десять провести опять въ своихъ прежнихъ занятіяхъ, какъ вдругъ прискакалъ ко мнѣ нарочной курьеръ съ повелѣніемъ отъ самаго намѣстника, чтобъ я, для нѣкоторой надобности, какъ можно скорѣе, явился къ нему, заѣхавшему на самое короткое время въ Тулу. Я, обрадовавшись сему случаю, въ тотъ же почти день, схватя лошадей, поскакалъ въ Тулу. Туда пріѣхавъ и остановясь у друга моего г. Албычева, успѣлъ еще въ тотъ же день явиться къ намѣстнику. Я нашолъ его стоявшаго тогда въ Путятинскомъ домѣ и окруженнаго большою толпою тульскихъ господъ, и первымъ долгомъ почелъ принести ему за милость его свою благодарность, которую отклонилъ онъ отъ себя, сказавъ при всѣхъ мнѣ, что онъ ничего не сдѣлалъ, какъ оказалъ достойное достойному. Потомъ изъявилъ мнѣ свое благоволеніе о сочиненныхъ мною планахъ и, поговоривъ со мною о волостяхъ, приказалъ сочинить мнѣ еще нѣкоторыя вѣдомости и, подумавъ о томъ какимъ образомъ поудобнѣе можно было умножить съ волостей доходъ безъ дальняго отягощенія крестьянъ, со всѣми тѣми бумагами пріѣхать къ нему въ Калугу, поелику въ Тулѣ тѣмъ заняться ему нѣтъ времени, ибо онъ спѣшитъ ѣхать въ Калугу.

Онъ, и дѣйствительно, на другой день, съ утра туда и отправился. А какъ и мнѣ въ Тулѣ никакихъ другихъ надобностей не было, то и я въ тотъ же день назадъ въ Богородицкъ поѣхалъ, гдѣ и занялся тотчасъ выполненіемъ повелѣнія своего главнаго начальника.

Цѣлую недѣлю занимался я симъ дѣломъ и не успѣлъ ихъ кончить, какъ и пустился со всѣми бумагами сперва въ Тулу, а потомъ изъ ней и въ Калугу. Какъ въ Тулѣ нужно мнѣ было повидаться съ г. Давыдовымъ и взять и отъ него нѣкоторыя бумаги и записки, то, явившись къ нему, услышалъ, что присланъ уже изъ сената указъ о пожалованіи меня чиномъ. И въ этотъ день мы съ Николаемъ Сергѣевичемъ обѣдали у тогдашняго губернатора г. Заборовскаго, Ивана Александровича, со множествомъ другихъ изъ тульскихъ господъ, которые всѣ также меня поздравляли съ государскою милостію и оказывали мнѣ уже болѣе уваженія, а особливо видя и намѣстниково ко мнѣ особое благоволеніе. Въ послѣдующій день думалъ-было я, что меня въ намѣстническомъ правленіи приведутъ къ присягѣ, но какъ никого изъ присутствующихъ не случилось, то, отложивъ сіе до моего возвращенія изъ Калуги, не сталъ я долѣе медлить и поѣхалъ въ сей намѣстнической городъ, гдѣ имѣлъ тогда намѣстникъ нашъ обыкновенное свое пребываніе. И на другой день, а именно 23-го сентября, туда и пріѣхалъ.

Въ семъ губернскомъ городѣ хотя и случалось мнѣ до того бывать, но въ сей разъ нашелъ его совсѣмъ уже, по примѣру Тулы, перемѣнившимся, и такъ много, что почти и узнать было его не можно. Премногое множество было уже въ немъ воздвигнуто вновь большихъ зданій и повсюду подѣланы были площади и прямыя улицы, и я всему тому не могъ довольно надивиться.

Я, остановившись на особенной и нанятой для себя квартиркѣ, неподалеку отъ дома намѣстническаго, и на другой день поутру явился къ намѣстнику. Онъ принялъ меня очень благосклонно, и такъ какъ бы какого пріѣзжаго въ губернскій городъ гостя. Но какъ въ тотъ день случилось ему отлучиться и онъ ѣздилъ въ уѣздъ въ гости къ Толстому, то, сказавъ мнѣ, чтобъ я его обождалъ, примолвилъ: «погостите, судырь, у насъ и поживите въ Калугѣ, а мы постараемся, чтобъ вамъ было не скучно». Таковая его ко мнѣ ласка была мнѣ весьма пріятна, и я всѣ четыре дня, которые пробылъ я въ сей первой мой пріѣздъ въ Калугѣ, провелъ я не только безъ скуки, но со многими удовольствіями. У намѣстника бывалъ я, обыкновенно, по утрамъ, въ которое время разговаривалъ онъ со мною о волостныхъ нашихъ дѣлахъ, и потомъ, обыкновенно, онъ оставлялъ меня у

себя обѣдать, а по вечерамъ, когда бывалъ онъ дома, то долженъ былъ и я быть у него на концертахъ, а ежели ѣзжалъ куда въ гости, то бралъ и меня съ собою. И какъ всегда бывало у него множество тамошнихъ господъ, то сіе и доставило мнѣ случай спознакомиться со многими изъ тамошнихъ чиновниковъ, а особливо пріобрѣлъ особенное къ себѣ благопріятство отъ бывшаго тогда тамъ вице-губернатора г. Арсеньева, Михаила Михаиловича, у котораго намъ съ намѣстникомъ случилось быть на праздникѣ и вечеринкѣ. Такимъ же образомъ спознакомился я короче и съ обоими намѣстническими секретарями: гг. Веницеевымъ и Михайловымъ, а съ симъ послѣднимъ, по добротѣ его характера и охотѣ къ наукамъ, даже сдружился. Словомъ, я не видалъ какъ прошли сіи четыре дня, хотя, въ теченіе оныхъ, не позабыты были и дѣла, и я не мало занимался и оными и не одинъ часъ принужденъ былъ, вставая до свѣта, по утрамъ заниматься съ бывшимъ со мною канцеляристомъ, или иначе секретаремъ моимъ, дѣловымъ письмомъ.

Дѣла сіи относились, во-первыхъ, до переоброчки обѣихъ нашихъ волостей, для пріумноженія съ нихъ доходовъ и сдѣланія въ нихъ новыхъ и лучшихъ распоряженій. Намѣстникъ, какъ я уже упомянулъ, еще въ бытность свою въ Тулѣ, приказывалъ мнѣ сдѣлать тому прожектъ, и самый сей прожектъ привозилъ я тогда къ нему, и онъ апробовалъ его во всемъ пространствѣ и былъ имъ очень доволенъ. Во-вторыхъ,—до переселенія половины изъ присоединенныхъ къ намъ, вмѣсто выбылыхъ въ мѣщанство, монастырскихъ деревень на другія мѣста, по близости Богородицка, чѣмъ я также, при разсматриваніи сихъ плановъ, преподалъ мысли, которыя и апробованы были намѣстникомъ. Въ-третьихъ, былъ у насъ съ нимъ разговоръ о садѣ. «Какъ бы, Андрей Тимоѳеевичъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, разсматривая составленный планъ мой всей усадьбы, я нельзя ли какъ бы нибудь сдѣлать намъ вотъ тутъ, подлѣ дворца, садикъ? Ты охотникъ до садовъ, итакъ, не можно ли смастерить какой-нибудь англійскій садикъ?» — «Очень хорошо, ваше превосходительство, сказалъ я, съ удовольствіемъ готовъ желаніе ваше въ семъ отношеніи выполнить, и сколько моего умѣнья есть употребить все оное къ тому. Но къ сему нужны будутъ рабочіе люди».—«О! что касается до сего, подхватилъ онъ, то берите сколько хотите къ тому нужныхъ людей и подводъ изъ крестьянъ по наряду; особенно употребляйте къ тому въ чемъ-нибудь провинившихся; а, сверхъ того, подумайте, нельзя ли намъ изъ какихъ-нибудь обнищавшихъ и одинокихъ крестьянъ набрать десятка два и составить изъ нихъ нѣкоторый родъ дворовыхъ людей, на казенномъ содержаніи, которыхъ бы вамъ можно было употреблять ежедневно на таковыя работы».—«И это очень хорошо, сказалъ я, но нужно бы мнѣ еще имѣть и какого-нибудь садовничишка, который бы, по крайней мѣрѣ, производилъ то въ дѣйство, что я назначать буду».—«И симъ, подхватилъ намѣстникъ, постараюсь я васъ снабдить».

На всѣ сіи и другія по волостямъ совѣщанія и разговоры назначено было мнѣ отъ него особое утро, въ которое во все занимались мы съ нимъ оными. Наконецъ, 28-го числа сентября подписалъ онъ всѣ заготовленные къ тому мнѣ ордера и другія бумаги и отпустилъ отъ себя, осыпавъ вновь меня изъявленіями своего ко мнѣ благоволенія.

Возвратившись въ Тулу, приведенъ я, наконецъ, былъ въ послѣдній день сентября на новый сей чинъ въ намѣстническомъ правленіи къ присягѣ, и какъ другихъ надобностей мнѣ тутъ не было, то въ тотъ же день и отправился домой, куда 1-го октября и пріѣхалъ.

Тутъ, вмѣсто отдохновенія, надобно мнѣ было тотчасъ опять заниматься хлопотами. Наступило время переоброчки всѣхъ

нашихъ излишнихъ отдаточныхъ земель, и народъ со всѣхъ сторонъ уже къ тому съѣзжался. И какъ съѣхалось къ сему времени множество и дворянства, то и приступилъ я тотчасъ къ сему хлопотливому дѣлу и занимался имъ и угощеніемъ у себя знакомѣйшихъ изъ дворянъ во всѣ первые дни октября мѣсяца, и мнѣ удалось и въ сей разъ умножить доходъ довольнымъ количествомъ.

Не успѣлъ я сихъ хлопотъ кончить, какъ наступилъ день моего рожденія, в мнѣ совершилось 45-ть лѣтъ отъ рожденія, который, по обыкновенію моему, праздновалъ я духовно. Но въ день имянинъ своихъ сдѣлалъ опять у себя для всѣхъ нашихъ городскихъ праздникъ и пиръ, и мы день сей провели очень весело въ разныхъ увеселеніяхъ и самыхъ танцахъ.

Послѣ сего приступилъ я къ помянутымъ переселеніямъ монастырскихъ крестьянъ и занимался тѣмъ во все достальное время тогдашней осени и хлопотъ имѣлъ полонъ ротъ по сему отношенію. Какъ надлежало изо всѣхъ сихъ деревень переселить для уравненія здѣсь одну только половину крестьянъ и никому изъ нихъ не хотѣлось оставлять самопроизвольно своего прежняго плаца, то надобно было кидать между ими жеребій, потомъ выбирать удобныя мѣста для поселенія новыхъ деревень, и всѣ мѣста для нихъ и самыхъ дворовъ и усадебъ мнѣ назначать и размѣрять самолично, и потомъ ихъ переселять и за самымъ ихъ строеніемъ имѣть присмотръ,—то трудовъ и заботъ было для меня въ сіе время довольно. Я выбралъ для новыхъ поселеній сихъ два мѣста подлѣ самаго нашего селенія и по рѣчкамъ, на которыхъ онѣ сидѣли: одно назвалъ Вязовкою, а другое—Упертомъ. Для другихъ же двухъ назначилъ мѣста нѣсколько подалѣе и одну, для увѣковѣчиванія своей фамиліи, назвалъ Болотовкою, а другую—Притономъ. Расположеніе же дворовъ сдѣлалъ, по вновь выдуманному порядку, такъ что деревеньки сіи были совсѣмъ отмѣнны отъ прочихъ волостныхъ деревень.

Между тѣмъ производились у насъ и многія другія дѣла, а особливо переправка и дѣланіе вновь нѣсколькихъ небольшихъ прудовъ въ селеніи нашемъ. Мнѣ восхотѣлось воспользоваться нѣкоторыми вершинами, тутъ бывшими, и произвести на нихъ пруды, хотя небольшіе, но удобные для размноженія и содержанія рыбы.

Всѣми сими работами занимался я вплоть до наступленія зимы, которая въ сей годъ стала у насъ около 8-го ноября. При чемъ достопамятно, что я около самаго времени открылъ въ самой близости отъ дворца минеральной источникъ воды, оказавшійся, по дѣланнымъ опытамъ, наполненною множествомъ марціальныхъ или желѣзистыхъ частей. И я, разрывши сей колодезь и обдѣлавъ его, мечталъ, что можетъ отъ сего произойтить какое-нибудь важное слѣдствіе. Однако, впослѣдствіи, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, а особливо,—по нехотѣнію лѣкаря нашего употребить съ лѣченіемъ водою сею надлежащихъ опытовъ, изъ опасенія, чтобъ не присланы были доктора, могущіе отбить у него хлѣбъ,—остались всѣ труды мои, по сему отношенію, тщетными.

Между тѣмъ не позабылъ никакъ намѣстникъ о садовникѣ, но, доставъ одного гдѣ-то, ко мнѣ доставилъ. Былъ онъ русскій и хотя не слишкомъ знающій, но, по крайней мѣрѣ, былъ я впослѣдствіи времени очень доволенъ имъ по его особенной расторопности и проворству, съ которымъ производилъ онъ все мною назначаемое.

По наступленіи зимы и по окончаніи всѣхъ надворныхъ работъ, принялся я опять за свои литературныя упражненія, а особливо за сочиненіе матеріала для своего «Экономическаго Магазина» и занимался онымъ во всѣ праздныя минуты ноября и декабря мѣсяца съ толикою прилежностью, что наготовилъ онаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, не оставляли мы и прежнихъ своихъ зимнихъ увеселеній, но, по прежнему, продолжали частые свои съѣзды и дѣланіе другъ у друга пріятныхъ дружескихъ вечеринокъ.

Но сія осень была и послѣдняя, въ которую мы наслаждались симъ пріятнымъ общежительствомъ, ибо какъ оканчивалось въ сіе время уже второе трехлѣтіе и предстояли новые выборы судьямъ, то опасались мы, чтобъ не потерять намъ и послѣднихъ своихъ сотоварищей въ сихъ забавахъ, что̀ и воспослѣдовало дѣйствительно.

Впрочемъ, отнималъ у меня въ сію осень много времени и доставлялъ мнѣ много хлопотъ бывшій въ сію зиму рекрутскій наборъ. Я принужденъ былъ опять выбирать и назначать изъ крестьянъ рекрутъ и для меня всегда составляло сіе превеликую коммиссію. Ибо какъ я при такихъ случаяхъ всего болѣе удаленъ былъ отъ того, чтобъ при сихъ наборахъ чѣмъ-нибудь отъ крестьянъ интересоваться, то и имѣлъ только при томъ превеликое безпокойство и принужденъ провождать многіе часы сряду въ превеликой духотѣ въ комнатахъ, набитыхъ множествомъ крестьянъ, страдавшихъ душевно съ семействами тѣхъ, коимъ по очереди доставалось иттить въ рекруты.

Наконецъ, въ исходѣ декабря, наступило и то время, въ которое назначенъ опять всему дворянству съѣздъ для выбора судей новыхъ, и мы услышали, что пріѣхалъ для сего въ Тулу и самъ намѣстникъ. Какъ мнѣ до него была опять надобность и надлежало не только отвезть всѣ собранныя деньги, но отдать и отчетъ во всемъ томъ, что̀ мною исполнено (къ тому-жъ, писалъ ко мнѣ и командиръ мой г. Давыдовъ, чтобъ я пріѣхалъ въ Тулу), то и отправился я туда къ тому времени, какъ надлежало начаться выборамъ, и расположился въ сей разъ, для лучшей свободы въ своихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, квартировать у знакомца своего Пастухова.

Мое первое дѣло было, по пріѣздѣ въ Тулу, явиться у своего командира г. Давыдова и донести ему обо всемъ мною, съ отбытія его отъ насъ, сдѣланномъ, а потомъ явиться и къ самому намѣстнику. Сей принялъ меня по прежнему очень благосклонно и былъ доволенъ всѣмъ, что̀ мною ни было сдѣлано, и говорилъ мнѣ, чтобъ я пожилъ во все время въ Тулѣ, не только взялъ во всѣхъ будущихъ увеселеніяхъ, но и въ самыхъ выборахъ соучастіе, и спросилъ меня, въ которомъ уѣздѣ имѣю я настоящее свое жительство. И узнавши, что въ Алексинскомъ, ибо наше селеніе, по вновь сдѣланному между уѣздами раздѣленію, вошло уже въ предѣлы Алексинскаго уѣзда, сказалъ, чтобы по моему уѣзду я баллотировалъ вмѣстѣ съ прочими. А сіе и принудило меня почти противъ хотѣнія сіе дѣйствительно исполнить.

Выборъ сей производимъ былъ все еще въ прежней красной палатѣ, ибо вновь строющіеся для присутственныхъ мѣстъ огромные изъ камня корпусы не были еще совсѣмъ готовы; уѣздныя же баллотированія производимы были, для лучшей удобности, въ разныхъ домахъ. Итакъ, я впервые еще тогда имѣлъ соучастіе въ выборахъ, при которыхъ имѣлъ случай спознакомиться не только со всѣми нашими алексинскими дворянами, но и со многими другими и, между прочимъ, лично узнать и усерднаго своего и давнишняго корреспондента Василія Алексѣевича Левшина и свести съ нимъ дружбу, которая у насъ съ нимъ и понынѣ еще продолжается.

Что касается до моей квартиры, то она была для меня не только спокойна, но и весела тѣмъ, что какъ хозяинъ мой былъ тогда у оружейниковъ головою, то по вечерамъ бывали у него превеликія сходбища лучшихъ людей изъ оружейниковъ, съ которыми, какъ съ любопытными людьми, не было никогда мнѣ скучно провождать свое время.

Какъ все сіе было уже при самомъ концѣ 1783 года, а письмо мое достигло до своихъ почти предѣловъ, то окончу и я симъ сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 26-го дня 1810 года).

1784 годъ.

Письмо 216-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ прошедшій годъ кончилъ, а новый 1784 годъ началъ я провождать, находясь въ Тулѣ одинъ, безъ жены и дѣтей, которыхъ оставилъ въ Богородицкѣ. Мое первое дѣло было въ первый день сего года, чтобъ ѣхать на поклонъ и поздравленіе съ новымъ годомъ къ намѣстнику, гдѣ нашолъ я страшное множество дворянъ и судей, съѣхавшихся къ нему за тѣмъ же. Потомъ ѣздили мы всѣ въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ божественную службу отправлялъ тогда, пріѣзжавшій къ тому случаю, самъ старичокъ, нашъ коломенскій архіерей Ѳеодосій. Обѣдать же удалился я къ другу моему и прежнему хозяину Алексѣю Андреяновичу Албычеву, обрадовавшемуся тогда, что онъ освободился наконецъ отъ гражданской службы и собиравшемуся ѣхать въ свою деревню, для доживанія послѣднихъ дней своихъ въ мирѣ, тишинѣ и покоѣ. Тутъ по всегдашней его ко мнѣ пріязни обѣдъ былъ для меня пріятнѣйшій, нежели въ какихъ вельможескихъ чертогахъ. Тутъ не было никакой принужденности и этикетовъ. Не многіе изъ нашихъ общихъ друзей и знакомцевъ собесѣдовали съ нами, и дружескіе разговоры и шутки услаждали намъ яствы. Послѣ обѣда съѣздилъ я на свою квартиру для небольшаго отдохновенія. По наступленіи вечера, поѣхалъ въ маскарадъ, гдѣ нашолъ превеликое множество съѣхавшагося дворянства обоего пола; гдѣ находясь, пожалѣлъ я, что не взялъ съ собою также въ Тулу и своей жены и дочери. Для сей послѣдней могъ бы сей случай быть небезполезенъ въ томъ отношеніи, что пришла она уже въ совершенный почти возрастъ и могла быть уже невѣстою. И какъ она была собою очень недурна и разцвѣтала тогда какъ роза, то мнѣ не стыдно-бъ было показаться съ нею въ публикѣ. Итакъ, могла-бъ она легко, по красотѣ своей, сдѣлаться примѣтною и обратить на себя взоры всего молодаго нашего тульскаго дворянства и подать поводъ къ сватовствамъ. Но съ другой стороны, вѣдавъ характеръ нашего намѣстника и особенную его ко всѣмъ красавицамъ приверженность, радъ былъ, что ее тутъ не было, а то легко бы могло что-нибудь подать поводъ къ злословіямъ и послужить ей ко вреду. Но какъ бы то ни было, но я былъ безъ нихъ и одинъ, и какъ въ лѣсу, между множествомъ по большей части мнѣ незнакомаго дворянства, почему, не находя дальнаго въ тѣснотѣ сей удовольствія, я радъ былъ, что маскарадъ продолжался недолго и всѣ стали разъѣзжаться рано.

Такимъ же образомъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ то туда, то сюда, на вечеринкахъ то у намѣстника, то у командира моего г. Давыдова, то у другихъ разныхъ особъ, провелъ я и всѣ послѣдующихъ три остальныхъ дня нашихъ святокъ, которыя, несмотря на безпрерывные разъѣзды и быванія у многихъ въ гостяхъ, были мнѣ далеко нетаково пріятны, какъ бы бывали въ прежніе годы въ Богородицкѣ во время дружескаго нашего со всѣми судьями сожительства. Я болѣе отъ ѣзды сей со всегдашней принужденности уставалъ, нежели почувствовалъ удовольствіе, почему, желая отдохнуть, не поѣхалъ даже въ театръ, тогда бывшій.

Наконецъ кончились наши святки и наступило 5-е число января и какъ въ сей день на силу попалъ у досужнаго намѣстника заняться нашими волостными дѣлами и объ нихъ со мною въ кабинетѣ своемъ поговорить, то и провели мы съ нимъ въ томъ болѣе часа времени. Я ему доносилъ какъ о всѣхъ распоряженіяхъ мною сдѣланныхъ, такъ и о прочемъ, что исполнено мною, по его приказанію, и онъ совершенно былъ всѣмъ доволенъ и, приказавъ мнѣ еще кое-что вновь, отпустилъ меня отъ себя, очаровавъ меня вновь своимъ ко мнѣ благоволеніемъ. И какъ мнѣ послѣ сего не оставалось ничего болѣе въ Тулѣ дѣлать и я сего только дожидался, то, возвратясь отъ него на свою квартиру и пообѣдавъ, пустился еще въ

тотъ же день въ любезный свой Богородицкъ.

Я пріѣхалъ туда на Крещеніе еще досвѣта и нашолъ всѣхъ своихъ домашнихъ въ добромъ здравьи и успѣлъ еще съ ними побывать у обѣдни и на водоосвященіи, производимомъ у насъ на прудѣ съ нарочитымъ великолѣпіемъ, и потомъ обѣдать и попиршествовать вмѣстѣ съ ними у нашего городничаго. И какъ тутъ, равно какъ и въ церкви, имѣлъ я случай видѣть всѣхъ нашихъ новыхъ судей, то, не ходя далѣе и замѣчу я здѣсь, кто-и-кто они были въ сей третій числомъ выборъ, и какая перемѣна произошла оттого въ нашемъ бывшемъ до того пріятномъ Богородицкомъ общежительствѣ.

Мы лишились въ сей разъ своего уѣзднаго судьи г-на Арсеньева, жившаго всѣхъ прочихъ лучше и потому въ общежительствѣ нашемъ занимавшаго первое мѣсто. Уѣзднымъ судьею выбранъ былъ бывшій до того исправникомъ г. Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, человѣкъ хотя добрый и пріятный въ компаніи, но очень небогатый и не живавшій до того никогда въ городѣ, или когда и живавшій, но одинъ; каковую жизнь продолжалъ онъ, сдѣлавшись и уѣзднымъ судьею. Засѣдателями его остались прежніе: одинъ изъ нихъ былъ г. Карповъ, Иванъ Петровичъ, человѣкъ небогатый, особеннаго поведенія и непринадлежавшій никогда къ нашему обществу, а другой другъ мой, Сергѣй Ильичъ Шушеринъ. Относительно до сего, какъ всегдашняго нашего собесѣдника и компаніона, мы-было обрадовались, что онъ остался. Но, увидѣвъ послѣ, что и онъ не соотвѣтствовалъ уже нашему желанію, не сталъ болѣе жить въ городѣ съ своею женою, а расположился жить болѣе дома и въ городъ пріѣзжать только для присутствія и жить, по примѣру холостыхъ, уединенно на квартирѣ въ городѣ,—итакъ лишились мы и сего дома. Исправникомъ выбранъ былъ г. Дьяковъ, Михаилъ Григорьевичъ, женившійся недавно на младшей сестрѣ г. Албычева, Татьянѣ Андреевнѣ; но сей живалъ еще меньше прежняго въ городѣ, и мы его почти въ глаза не видали. Въ засѣдатели же къ нему выбранъ былъ одинъ, совсѣмъ новый, молодой и недавно также женившійся на знакомой намъ дѣвушкѣ, племянницѣ родной Николая Сергѣевича Арсеньева, и мы рады были, что хотя сей съ молодой своею женою расположился жить у насъ въ городѣ. Другой же былъ нѣкто Ивашкинъ, человѣкъ бѣдный, негоднаго и такого характера, котораго никогда не удостоивали своего общества. Къ вящщему несчастію перемѣнили у насъ опять казначея и опредѣлили прежняго Писарева, человѣка больше мотоватаго и гуляку, и также холостаго и недѣлавшаго намъ всегдашней компаніи. Что же касается до обоихъ приставовъ, виннаго и солянаго, то были они прежніе, два брата Викулины, дѣлавшіе намъ, по крайней мѣрѣ, хорошими своими характерами компанію; и какъ одинъ изъ нихъ женился, то мы были и тому рады.

Итакъ, все наше общежительство, потерявъ уже много и при второмъ выборѣ, сдѣлалось при семъ еще того тонѣе и состояло уже только изъ моего дома, дома нашего городничаго, дома обоихъ приставовъ, дома г. Чулкова, дома госпожи Алабьевой и старушки Марьи Юрьевны, бывшей казначейши; прочіе же — всѣ были холостые.

Со всѣмъ тѣмъ, всѣ первые дни послѣ Крещенія, когда новые судьи вступали въ должность, а старые собирались къ отъѣзду, препроводили мы довольно весело и въ ежедневныхъ почти свиданіяхъ и угощеніяхъ. Къ сему мнѣ вспомоществовало и то, что съ одной стороны пріѣзжали ко мнѣ въ сіе время многіе гости, а особливо г. Сахаровъ съ своимъ семействомъ и г. Ушаковъ, Христофоръ Александровичъ, а съ другой стороны то, что жилъ тогда, по близости нашего города, сдѣлавшійся тогдашнимъ виннымъ откупщикомъ, тульскій помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Хомяковъ, любезный, добрый и такой человѣкъ, который любилъ компанію и частыя у себя всѣхъ насъ угощенія, и котораго пріязнію мы всегда бывали до-

вольны и всегда, когда ни случалось ему въ тутошней деревнѣ живать, не рѣдко къ намъ ѣзжалъ, и у себя угощали съ удовольствіемъ.

Наконецъ, распрощались мы и проводили отъѣзжающаго отъ насъ со всѣмъ домомъ своимъ нашего прежняго судью г-на Арсеньева. И не успѣли въ помянутыхъ ежедневныхъ свиданіяхъ препровесть недѣли полторы времени, и отъ нихъ еще не отдохнули, какъ 16-го числа, ни-думано ни-гадано, пріѣхалъ къ намъ опять мой командиръ г. Давыдовъ и пріѣздомъ своимъ подалъ намъ опять поводъ къ маленькимъ нашимъ пиршествамъ, дѣлаемымъ для угощенія его въ домахъ нашихъ.

Въ сей разъ пріѣзжалъ онъ къ намъ на самое короткое время и по директорской своей должности, для открытія въ нашемъ городѣ вновь дозволеннаго трактира, почему и пробылъ у насъ сутокъ двое, въ которые мы съ городничимъ и угощали его у себя попеременно, съ приглашеніемъ къ себѣ и всѣхъ прочихъ судей и всѣхъ его натурально уважающихъ людей. Потому и сіи дни проведены были довольно весело, а особливо по бывшимъ во время сихъ съѣздовъ играмъ въ карты.

Впрочемъ, какъ и мы около сего времени помышляли о томъ, чтобы намъ опять въ Москву для разныхъ покупокъ и другихъ надобностей съѣздить, и я только что собирался писать по сему моему командиру и просить на то позволенія,—то пріѣздъ его въ сей разъ случился для насъ и очень кстати. И я, при отъѣздѣ его отъ насъ, и получилъ на то его дозволеніе, съ тѣмъ, чтобы, ежели хотимъ, то прожить въ Москвѣ хотя и самую масляницу, что намъ было и пріятно.

Итакъ, проводивъ его отъ себя, начали мы понемногу въсіе путешествіе сбираться. И дней черезъ пять послѣ того, оставивъ матушку, тещу мою, съ малолѣтними дѣтьми моими дома, а старшихъ обоихъ двухъ взявъ съ собою, 24-го января въ сей путь и отправились.

По пріѣздѣ въ Тулу, не засталъ я командира моего, съ которымъ надобно мнѣ было видѣться въ городѣ. Принужденъ я былъ жену съ дѣтьми отпустить впередъ въ Федешево, а самому остаться съ своимъ обозомъ въ Тулѣ, чтобъ дождаться онаго. И повидавшись съ нимъ и переговоривъ о чемъ было надобно, поѣхалъ уже на другой день вслѣдъ за ними, и нашелъ ихъ, дожидающихся меня въ Федешевѣ у родныхъ нашихъ Кислинскихъ.

Тутъ застали мы и тетку Матрену Васильевну, гостившую у своей замужней дочери. И какъ сей восхотѣлось, чтобъ мы взяли съ собою въ Москву и меньшую ея дочь Александру Андреевну, а у насъ случилось въ повозкѣ порожное мѣсто,—то и сдѣлали мы ей сіе удовольствіе и взяли сію дѣвушку съ собою, хотѣвшую также видѣть Москву и взять въ тамошнихъ увеселеніяхъ соучастіе.

Отправившись оттуда и пріѣхавши на заводъ, для тогдашнихъ глубокихъ снѣговъ и дурноты проѣзда, мы въ Дворениново свое не заѣзжали. А выкормивши тамъ на заводѣ лошадей и отправивъ племянника своего къ отцу для свиданія, продолжали свой путь безъ остановки и 29-го числа въ Москву и пріѣхали.

Поелику у насъ не было въ сей разъ пріискано и нанято заблаговременно квартиры, то случилось намъ на первый случай пристать въ одномъ отысканномъ въ скорости домѣ, при самомъ въѣздѣ въ Москву, на Серпуховской улицѣ, и вплоть почти подлѣ дома знакомца и пріятеля нашего Стратона Ивановича Сахарова. Но какъ квартирою своею были мы не весьма довольны, то употребили весь послѣдующій день на пріисканіе лучшей. Но всѣ наши старанія о томъ были тщетны: домовъ хотя много нашли, но всѣ были не по насъ — либо слишкомъ велики, либо слишкомъ холодны и безпокойны. Потому, а болѣе, по убѣжденію сосѣдей своихъ Сахаровыхъ, рѣшились уже остаться на прежней, и были тѣмъ послѣ очень довольны, а особливо потому, что сей случай увеличилъ наше знакомство и дру-

жбу съ домомъ г. Сахарова, котораго все семейство обходилось съ нами, какъ съ родными: то-и-дѣло насъ угощали то обѣдами, то ужинами, да и прочимъ. Видаясь съ нами ежедневно, имѣли мы случай со многими пріѣхавшими къ нимъ гостями познакомиться и были всегда въ хорошемъ обществѣ.

Пребываніе наше въ сей разъ въ Москвѣ было не долговременное, ибо какъ пріѣхали мы въ нее уже въ началѣ Пестрой недѣли, то и удалось намъ прожить въ ней только двѣ недѣли, которое время провели мы въ безпрерывныхъ почти разъѣздахъ по гостямъ и отмѣнно весело. Такъ случилось, что мы нашли тутъ опять нашихъ кашинскихъ родныхъ, пріѣхавшихъ также въ Москву незадолго до насъ, для препровожденія въ ней масляницы. И племянница моя Надежда Андреевна не успѣла узнать о нашемъ пріѣздѣ, какъ въ тотъ мигъ и прилетѣла къ намъ для свиданія съ сестрою своею Любовью Андреевною. И съ того времени мы почти всякой день были съ ними неразлучны.

Мы возобновили тотчасъ по-прежнему свиданія со всѣми нашими прежними друзьями и знакомцами. Но и кромѣ того имѣли отмѣнно частыя свиданія съ кіясовскими нашими прежними друзьями и знакомцами, случившимися тогда быть въ Москвѣ, а особливо съ г. Кологривовымъ, Николаемъ Ивановичемъ, жившимъ тогда неподалеку отъ насъ, что́ и подавало намъ случай къ частымъ свиданіямъ и къ пріятному препровожденію съ ними времени. Не позабытъ былъ также и домъ г. Давыдова, Андрея Петровича: и хотя имѣлъ свой домъ и неблизко отъ насъ, но не одинъ разъ бывали мы у него и не одинъ вечеръ провели по-прежнему въ танцахъ. Въ сихъ какъ-то случалось намъ отмѣнно часто заниматься, ибо куда ни пріѣзжали по вечерамъ, какъ находили, ровно какъ нарочно для насъ собранія, ужины и танцы, такъ что́ даже и у самой старушки нашей тетки г-жи Арсеньевой нашли мы, пріѣхавъ къ ней, гремящую музыку и танцы, по случаю дѣланія ею для пріятелей своихъ вечеринки и ужина. При которомъ случаѣ познакомились мы еще съ домомъ князя Алексѣя Ивановича Гагарина, отмѣнно меня приглашавшаго, и съ которымъ мы тогда условились ѣхать вмѣстѣ смотрѣть невиданнаго еще до того Москвою зрѣлища, а именно — пусканіе воздушнаго шара, которые начали тогда только гремѣть въ свѣтѣ.

Опытъ сей дѣланъ былъ въ Москвѣ еще въ первый разъ какимъ-то французомъ и былъ хотя не совсѣмъ удаченъ, но доставилъ намъ симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ превеликое удовольствіе. Мѣсто избрано было къ тому въ полѣ за Сущовомъ, и стеченіе народа, хотѣвшаго сіе видѣть, было несмѣтное. Одного дворянства съѣхалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Всѣ мы были впущены въ просторный кругъ, обведенный толстымъ канатомъ, а посреди онаго воздвигнута была нѣкотораго рода высокая осьмиугольная башня изъ большихъ рогожныхъ щитовъ, внутри которой наполняли шаръ горячимъ воздухомъ. Нѣсколько сотъ каретъ стояло вокругъ сего большаго круга съ безчисленнымъ множествомъ чорнаго народа, дожидавшаго вмѣстѣ съ ними нѣсколько часовъ появленія изъ башни надувшагося огромнаго шара, который сдѣланъ былъ полосатый изъ тафты двоякаго цвѣта. И пріятно было смотрѣть, какъ онъ сталъ вылѣзать изъ оной и подниматься на воздухъ, но, по несчастію пускальщика и по неосторожности его, какимъ-то образомъ онъ при самомъ уже отрѣзываніи его внизу загорѣлся, почему и вышелъ онъ хотя надменный, но съ исходящимъ изъ него прегустымъ темнымъ дымомъ. И поднявшись сажень на 50 къ верху, понесенъ былъ вѣтромъ въ сторону и упалъ тотчасъ позади каретъ и народа на землю, а чрезъ сіе и не имѣли мы удовольствія видѣть въ самой высотѣ воздуха. Совсѣмъ тѣмъ, зрѣлище сіе было прекрасное и впечатлѣлось въ умѣ моемъ такъ сильно, что могъ я все оное

потомъ и въ точнѣйшемъ видѣ изобразить на картинѣ, которая и понынѣ еще украшаетъ стѣны моей гостиной и служитъ памятникомъ тогдашняго нашего въ Москвѣ пребыванія.

Происходило сіе 9-го числа февраля, случившагося уже тогда въ пятницу тогдашней масляницы. И сей день въ особливости достопамятенъ былъ намъ тѣмъ, что поутру ѣздили мы смотрѣть сіе зрѣлище, а ввечеру въ большой здѣшній маскарадъ. Обѣдали же всѣ у новаго своего знакомца г. Титова, Петра Алексѣевича.

Съ симъ домомъ познакомили насъ Кологривовы—и по особливому поводу. Какъ у жены сего богача, Татьяны Алексѣевны, былъ еще не женатый и очень богатый достаткомъ своимъ братъ, котораго сестрѣ охотно женить хотѣлось, а онъ, не выбравъ себѣ невѣсты, пропустилъ наилучшіе годы своей жизни и даже состарился,—то хотѣлось сей госпожѣ, бывшей знакомою Кологривовыхъ и видѣвшей у нихъ мою дочь, испытать, не прельститъ ли она его своею красотою. По которой причинѣ и просила она госпожу Кологривову познакомить ее съ нами короче. А сія, любя насъ и желая дочери всего благополучія въ свѣтѣ и вошла-было въ посредничество при семъ затѣваемомъ сватовствѣ, и дабы дать случай состарѣвшемуся жениху ее видѣть, то для самаго того и званы были мы въ сей день къ г. Титову обѣдать. Я, зная отчасти о семъ ихъ замыслѣ, хотя внутренно тому смѣялся, ибо и въ мысляхъ не имѣлъ жертвовать дочерью своею единому богатству,—однако, по убѣжденіямъ жены и прочихъ родныхъ моихъ, не отрекся отъ сего приглашенія. Но, по счастію, изъ дѣла сего ничего не вышло. Господину жениху показалась моя дочь слишкомъ молода или паче не богата, поелику онъ, при всемъ своемъ богатствѣ, былъ превеликой скряга и скупецъ, а ей самой казался слишкомъ уже старъ и дуренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Итакъ, сіе дѣло и не начало даже клеиться. Но не смотря на сіе, домъ г. Титова остался намъ съ сего времени навсегда знакомымъ и дружнымъ.

Симъ образомъ провели мы всю тогдашнюю масляницу очень весело и ѣздили не только всюду-и-всюду по гостямъ, но были однажды и въ театрѣ и два раза въ маскарадѣ, въ которые ѣздили мы, собравшись цѣлою компаніею, и пробывали на нихъ даже за полночь. А въ субботу давалъ сосѣдъ нашъ г. Сахаровъ у себя балъ, и мы весь вечеръ протанцовали и пропировали у него.

Словомъ, ни въ который пріѣздъ мы такъ много не веселились, какъ въ сію нашу въ Москвѣ бытность, и никогда такъ много разъѣздами и увеселеніями не занимались, какъ въ сей разъ. Однако же не позабываемы были и прочія наши дѣла и нужды. Жена моя не одно утро провела въ рядахъ для исправленія своихъ женскихъ покупокъ и оставила въ нихъ не одну, а много сотенъ рублей. А я, пользуясь симъ свободнымъ временемъ, ѣзжалъ по своимъ дѣламъ также въ городъ и не одинъ разъ видѣлся съ Ридигеромъ и г. Новиковымъ. У перваго набралъ я опять множество книгъ для пересматриванія, а потомъ и купилъ опять нѣсколько и, между прочими, славныя тогда и дорогія сочиненія г. Гиршфельда «О садахъ»; а второй обрадовалъ меня извѣщеніемъ, что книга моя «О благополучіи» была уже совсѣмъ напечатана и только не подшита, и что онъ вслѣдъ за мною отправитъ всѣ слѣдующіе мнѣ экземпляры оной. Дружба и ласки сего человѣка ко мнѣ продолжались по-прежнему. Но какъ онъ ни старался уговаривать меня, чтобъ я когда-нибудь пріѣхалъ къ нему на вечерокъ, но я, вѣдая, что по вечерамъ бываютъ у него собранія сокровенныя по ихъ сектѣ, и опасаясь, чтобъ не могли они меня какимъ-нибудь образомъ и противъ хотѣнія моего втянуть въ свое общество, всегда извинялся недосугами и за правило себѣ поставилъ ѣздить къ нему всегда по-утрамъ, когда у него никого не было.

Кромѣ сего, удалось мнѣ побывать и въ межевой канцеляріи, для распровѣдыванія о томъ, въ какомъ положеніи находилось наше межевое дѣло по Шадской деревнѣ? И узналъ, что планы тамъ со всѣхъ мѣстъ сняты и что происходили многіе споры и страшная такая путаница, что землемѣръ Тарховъ былъ не радъ жизни, что принужденъ былъ посылать другого межевщика Сатина, и что сей также, со многими хлопотами дѣло сіе кончилъ и планы представилъ въ межевую канцелярію. Но оная еще въ разсматриваніе ихъ не входила и едва ли не отошлетъ въ тамбовскую межевую контору, находившуюся тогда въ городѣ Козловѣ, и предоставитъ дѣло сіе сужденію оной. Все сіе хотя меня не радовало, но и не печалило, а принуждало вновь вооружиться терпѣніемъ и смотрѣть, что будетъ.

Наконецъ, кончилась наша бѣшеная и сумасбродная масляница и наступилъ великій постъ. И тогда не стали мы уже ни минуты долѣе медлить, а исправивъ достальныя покупки и распрощавшись со всѣми нашими друзьями и кашинскими родными, обѣщавшими къ намъ въ сіе лѣто пріѣхать, простились съ Москвою во вторникъ на первой недѣлѣ поста, бывшій тогда 13-го февраля.

О семъ обратномъ путешествіи замѣчу я только то, что дорога была очень дурна и отъ множества ухабовъ крайне безпокойна. Въ деревню свою опять мы, для снѣговъ, не заѣзжали, а обѣдали на заводѣ, куда къ намъ выѣзжалъ братъ Михайло Матвеевичъ и везъ съ собою къ намъ опять своего сына. Въ Федешовѣ же у нашихъ родныхъ Кислинскихъ принуждены мы были даже дневать и взять отдохновеніе: такъ растрясла и расколотила насъ дорога! Тутъ, пользуясь симъ досугомъ и желая удовлетворить любопытство хозяина, нарисовалъ я впервые ему, сухими красками, изображеніе пусканія въ Москвѣ шара, которая картинка цѣла у него и понынѣ еще въ Федешовѣ. А отправившись изъ Федешова и повидавшись въ Тулѣ съ г. Давыдовымъ, пріѣхали мы благополучно назадъ въ свой Богородицкъ, въ понедѣльникъ второй недѣли, и нашли тутъ всѣхъ своихъ въ добромъ здоровьѣ, а городскихъ нашихъ друзей, обрадовавшихся нашему пріѣзду и тотчасъ насъ посѣтившихъ.

Такимъ образомъ, кончивъ благополучно свое путешествіе, принялся я опять за всѣ прежнія свои упражненія, а особливо за сочиненіе своего «Магазина», и занимался симъ во все теченіе великаго поста съ такою прилежностью, что успѣлъ опять наготовить матеріала на нѣсколько мѣсяцевъ и тѣмъ себя на всю весну обезпечить. Между тѣмъ не позабыты были также и краски, а особливо сухія: не одну, а нѣсколько картинъ нарисовалъ я ими. На сей разъ и прежде всего — самое то изображеніе спусканія шара, которое и понынѣ еще украшаетъ мои стѣны; также образа Спаса и Богородицы, стоящіе нынѣ въ залѣ.

Кромѣ сего, имѣлъ я неизъяснимое удовольствіе видѣть книгу свою «О благополучіи», наконецъ напечатанную. Г. Новиковъ не преминулъ тотчасъ прислать ко мнѣ выговоренные экземпляры, и я не могъ книгою сею довольно налюбоваться и благодарилъ Господа, что Онъ удостоилъ, наконецъ, сей мой трудъ быть напечатаннымъ, слѣдовательно быть чрезъ то увѣковѣченнымъ. И достопамятно: что не успѣлъ я оной получить, какъ явился случай въ Коломнѣ, и мнѣ восхотѣлось однимъ экземпляромъ подарить давнишняго своего знакомца отца Іеронима, бывшаго тогда уже іеромонахомъ. И подарокъ сей былъ ему крайне полезенъ и книга сія надъ первымъ надъ нимъ оказала свое дѣйствіе и помогла ему себя исправить и преодолѣть страсть, его губившую. Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я впослѣдствіи времени его о томъ увѣдомленіе и тѣ благодаренія, имъ мнѣ за то приносимыя. Не съ меньшимъ удовольствіемъ читалъ я и то крайне лестное для меня одобреніе моей книги, которое напечатано было въ газетахъ при объявленіи о прода-

жѣ оной; словомъ, для меня эпоха сія была очень достопамятная и важная.

Впрочемъ, занимался я въ сіе время, а особливо предъ наступленіемъ весны, чтеніемъ новокупленныхъ книгъ, а особливо садовыхъ г. Гиршфельда, которыя такъ меня собою очаровали, что я, начавши оныя читать, не выпустилъ ихъ почти изъ рукъ, покуда не прочелъ всѣхъ оныхъ. И особливаго замѣчанія достойно, что самыя сіи книги и преобразили совсѣмъ мои виды относительно до садовъ. И какъ до сего времени приверженъ я былъ къ системѣ Ленотровой и любилъ сады регулярные, такъ, напротивъ того, въ сіе время ихъ совсѣмъ разлюбилъ и получилъ вкусъ въ садахъ новыхъ, названныхъ садами иррегулярными, натуральными, ибо англійскими сады сего рода грѣшно было называть. И г. Гиршфельдъ умѣлъ такъ меня ими прельстить, что я съ того времени дышалъ почти желаніемъ видѣть садъ, по симъ правиламъ расположенный. А какъ желаніе нашего намѣстника, чтобъ завести садикъ подлѣ дворца богородицкаго, было къ тому очень кстати и предлагало мнѣ наиудобнѣйшій къ практикованію себя въ семъ совсѣмъ новомъ искусствѣ случай,—то и рѣшился я садъ сей основать и расположить не инако, какъ въ семъ новомъ вкусѣ. А потому и сталъ съ превеличайшею уже нетерпѣливостію дожидаться наступленія весны, чтобъ тотчасъ симъ дѣломъ заняться. Но и до того еще времени образовалъ многія части онаго въ своемъ воображеніи и располагалъ въ мысляхъ, гдѣ бы что̀ наиудобнѣе было сдѣлать.

Итакъ, не успѣла весна вскрыться, а мы отпраздновать свою Святую недѣлю, случившуюся въ семъ году въ началѣ апрѣля,—какъ и приступилъ я къ сему важнѣйшему и много-дѣльнѣйшему труду во все мое пребываніе въ Богородицкѣ. Мое первое дѣло было обѣгать всѣ обнажившіеся отъ снѣга высокіе и безпорядочнѣйшіе берега и горы, прикосновенные съ нашей стороны къ большому предъ дворцомъ находящемуся пруду. И на всякомъ мѣстѣ останавливался смотрѣть и соображаться съ мыслями о томъ, къ чему бы которое мѣсто было способнѣе и гдѣ бы произвесть мнѣ водяныя, гдѣ лѣсныя, гдѣ луговыя украшенія, гдѣ обдѣлать, сообразно съ новымъ видомъ, бугры и горы, гдѣ произвесть каменныя осыпи, гдѣ проложить широкія, удобныя для ѣзды, и гдѣ узкія, назначаемыя для одного только хода, дороги и дорожки, гдѣ смастерить разныхъ родовъ мосточки, и потомъ гдѣ-бъ со временемъ произвести и разныя садовыя зданія и отдыхалинцы, и прочее тому подобное. Все сіе, бѣгая и ходя нѣсколько дней сряду по всѣмъ симъ неровнымъ мѣстамъ, не только я придумывалъ, но въ мысляхъ своихъ изображалъ ихъ уже въ томъ видѣ, какой должны они получить по отдѣлкѣ и разросшись. И не успѣвала какая отмѣнная мысль родиться въ моемъ воображеніи, какъ спѣшилъ уже я изображать ее на бумагѣ не планами и не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтами и тѣми разнообразными садовыми сценами, какія должны были впредь имѣть и въ самой натурѣ свое существованіе.

Сообразившись симъ образомъ съ мыслями, подѣлавъ въ воображеніи своемъ цѣлыя сотни разныхъ затѣевъ и набивъ всю голову свою множествомъ разнообразныхъ сценъ и будущихъ видовъ,—приступилъ я къ производству ихъ въ самое дѣйствіе. И какъ скоро земля сколько-нибудь обсохла и можно было уже работать, то, учинивъ нарядъ съ волости множества работныхъ людей безъ лошадей и съ лошадьми и назначивъ саженью мѣста, гдѣ чему быть,—велѣлъ я кому сравнивать и раскапывать мѣста, бугры и горы, кому рыть углубленія для водоемовъ, кому обнажать и обрывать горы съ ново-открытыми и прекрасными марморными песками, кому дѣлать набережныя, кому срывать косогорье и проводить дороги, кому возить деревья изъ лѣсу, кому возить каменья для обдѣлки иныхъ мѣстъ, кому садить и поливать оныя. И между тѣмъ, какъ все сіе и прочее, тому подобное, по указанію и наставленію моему, производимо было садов-

виками и солдатами, служившими приставами надъ работниками,—самъ я наиболѣе занимался важнѣйшими и такими дѣлами, которыя никто, кромѣ меня, не могъ производить въ дѣйство.

Къ симъ относился, во-первыхъ, наиглавнѣйшій нашъ славный водоводъ, который вздумалъ и отважился я сдѣлать, ибо такъ хотѣлось мнѣ неотмѣнно произвести въ саду семъ и разныя водяныя украшенія, которыя, какъ извѣстно, наиболѣе ихъ собою украшать могутъ, горы же и бугры, назначаемые подъ сей садъ, были совсѣмъ сухія и не было ни капли воды,—то другого не оставалось какъ провести воду въ него изъ какого-нибудь другого мѣста, и въ такомъ возвышеніи, чтобъ можно было произвести въ немъ не только разнообразные большіе и маленькіе водоемы, но и водостоки съ шумкомъ, ими производимымъ. Итакъ, принужденъ я былъ вездѣ способную къ тому живую и всегда текущую воду отъискивать. Но такъ случилось, что таковую не могъ я нигдѣ вблизости отъискать. А хотя и нашолъ источникъ, вытекающій изъ горы и, по величинѣ своей, довольно къ тому достаточный, но находящійся безъ мала за двѣ версты отъ сада вверхъ по пруду и отдѣленный отъ сада не только буграми и горами, но и двумя превеликими вершинами. Которое обстоятельство дѣлало почти проведеніе сей воды въ садъ совсѣмъ почти невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, соединенное съ превеликими затрудненіями. Но какъ сего мнѣ непремѣнно захотѣлось, то, подумавъ и погадавъ хорошенько, какъ бы сіе дѣло сдѣлать, не устрашился я никакихъ трудовъ и предвидимыхъ препятствій, а рѣшился на то отважиться, учинить, по крайней мѣрѣ, тѣмъ опытъ.

Но какъ прежде приступленія къ сему отважному и необыкновенному дѣлу надлежало напередъ узнать, довольно ли помянутая найденная вытекающая въ полу-горѣ вода возвышенна, и не слишкомъ ли низко придется въ случаѣ проведенія ея въ него водоводомъ (а сіе не инако можно было узнать, какъ чрезъ точнѣйшее проватерпашенье возвышенія того мѣста отъ поверхности пруда и соразмѣрное проватерпашенье и въ саду отъ той же поверхности пруда), — то не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ явилось новое затрудненіе, озаботившее меня до чрезвычайности. Оказалось, что вода хотя и могла войтить въ садъ, но далеко не въ такомъ возвышеніи, въ какомъ мнѣ хотѣлось, а гораздо ниже, и въ такомъ положеніи, что не стоило почти предпринимать для приведенія оной изъ такой отдаленности столь многихъ трудовъ, сколько нужно было ихъ употребить при дѣланіи водовода. Сверхъ того, случившаяся въ одномъ мѣстѣ крутизна берега и горы никакъ не была способна къ проведенію чрезъ ее воды. Словомъ, затрудненіе сіе было столь велико, что я едва-было не принужденъ былъ разстаться съ своимъ наилучшимъ изъ всѣхъ замысловъ и прожектовъ, и находился въ превеликомъ о томъ недоумѣніи.

Наконецъ, родилась во мнѣ мысль и желаніе испытать, не возможно ли источникъ сей воды какимъ-нибудь образомъ повысить и поднять такъ, чтобъ онъ вытекалъ изъ горы аршина четыре выше прежняго. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ въ тотъ же мигъ поскакалъ туда на дрожкахъ, сталъ новое сіе предпріятіе обдумывать прилежнѣе и вымышлять къ тому наиудобнѣйшія средства. Нѣсколько часовъ не соглашался я самъ съ собою, поелику дѣло сіе было совсѣмъ необыкновенное. Наконецъ, остановился при одной мысли и средствѣ, и рѣшился испытать оное. Но первые опыты мои были совсѣмъ неудачны, и неудача сія опять чуть-было меня не остановила. Но наконецъ получилъ внезапно еще новую мысль, положилъ произвести и ее въ дѣйство, и, не взирая на все, сколь много трудовъ и работы къ тому ни требовалось, тотчасъ и приступилъ къ тому. И, къ неописанному удовольствію, достигъ наконецъ до желаемаго и открылъ тотъ новый способъ возвышенія ключевой воды чрезъ засыпаніе оной пескомъ, который описанъ былъ потомъ мною въ моемъ

«Магазинѣ», и при помощи котораго дѣйствительно удалось мнѣ поднять помянутую воду болѣе четырехъ аршинъ въ высоту, и произвести искусствомъ водяной ключъ, подобный во всемъ натуральному.

Преоборовъ сіе наиважнѣйшее затрудненіе, сталъ я помышлять о сдѣланіи замышляемаго водовода, который хотѣлось мнѣ сдѣлать наипростѣйшимъ и такимъ образомъ, чтобъ онъ казнѣ не стоилъ ни полушки. Но не успѣлъ я его начать и повести воду по ватерпасу маленькимъ и узенькимъ ручейкомъ, проводимымъ въ полу-горѣ по косогору, какъ повстрѣчалось со мною новое затрудненіе, чуть-было опять не остановившее все дѣло. Оказалась въ косогорахъ сихъ земля столь рыхлая, что вода въ ручейкѣ никакъ не могла держаться, но почти вся тотчасъ уходила въ нѣдры оной, и сдѣлался опять вопросъ, какъ быть и чѣмъ пособить сему новому затрудненію. По особливому счастію, была мною около самаго сего времени и въ самой близости отъ сего мѣста открыта особаго рода синяя и такая глина, которую можно было чекмарями разбивать въ самые тонкіе, но при всемъ томъ очень плотные и къ пропущенію сквозь себя воды никакъ неспособные пласты, на подобіе листовъ свинцовыхъ. Итакъ, не долго думая, положилъ я плотностію и особливою вязкостью сей глины воспользоваться. И, приказавъ набить изъ ней поболѣе пластовъ, дно и бока моего водоводнаго ручейка ею выстлалъ и сплотивши ихъ хорошенько между собою, усыпалъ сверху пескомъ. А сіе и удержало воду и помогло мнѣ водоводъ свой довести до желаемаго совершенства.

Но скоро повстрѣчавшіяся съ нимъ помянутыя двѣ большія и глубокія вершины заставили меня опять думать о томъ, какъ бы мнѣ водоводъ свой перевести чрезъ оныя. Сперва думалъ я учинить то при помощи жолубовъ. Но какъ показалось мнѣ сіе слишкомъ затруднительнымъ, поелику надлежало дѣлать къ тому многіе жолуба и высокія подъ нихъ огражденія, то, при размышленіи о семъ предметѣ, родилась во мнѣ опять новая и удачная мысль. А именно: чтобы, не дѣлая сихъ жолубовъ и огражденій, продолжать итить съ ватерпасомъ и вести свой водоводъ вдоль вершинъ вверхъ и продолжать итить по обочинѣ оныхъ до тѣхъ поръ, покуда водоводъ самъ собою перейдетъ чрезъ дно вершины и гдѣ нужно было только перепустить ее чрезъ ровъ однимъ только небольшимъ жолубкомъ, а потомъ, такимъ же образомъ, итить и по другому берегу вершины назадъ и такъ продолжать далѣе. А сіе совсѣмъ новое и необыкновенное средство, къ неописанному моему удовольствію, и удалось мнѣ совершенно по желанію и помогло мнѣ наконецъ довесть воду до самаго дна и въ такомъ возвышеніи въ полугорѣ, что я могъ воспользоваться ею и надѣлать множество въ немъ водяныхъ украшеній, а особливо прекрасныхъ водостоковъ. Но признаться надобно, что все сіе стоило многихъ трудовъ и работъ, ибо во многихъ мѣстахъ, для удобнѣйшаго проведенія моего водовода, принуждены мы были много раскапывать слишкомъ крутыхъ косогоровъ и дѣлать въ полугорѣ широкіе уступы, но которые послѣ послужили мнѣ къ сдѣланію новыхъ для сада сего и отмѣнныхъ украшеній, и спокойныхъ дорогъ для ѣзды и гулянья.

Другое и также весьма важное дѣло, требовавшее, такимъ же образомъ, собственнаго моего распоряженія, относилось до помянутой крутой и высокой горы съ мраморными открытыми песками. Гора сія, или паче крутой, утесистый и высокій берегъ пруда находился въ самой близости дворца, на верху горы стоявшаго. И не успѣли работные люди обнажить весь твердой песчаной материкъ оной и срыть съ него всю землю и прочую дрянь, какъ я ахнулъ даже отъ удивленія, увидѣвъ, что скрывалася тутъ

подъ землею совершенная и такая рѣдкость, какой едва ли гдѣ въ иномъ мѣстѣ на свѣтѣ отыскать было можно. Грунтъ или паче пикъ сей горы, составленный изъ одной огромной штуки, былъ хотя весь чисто песчаный, но песокъ соединенъ былъ натурою такъ плотно и крѣпко, что никакъ не сыпался, а можно было его пилить пилою и рубить топоромъ, на подобіе самаго мягкаго камня. А сверхъ того оказался не вездѣ одинакова цвѣта. Но натура произвела въ семъ мѣстѣ съ нимъ сущую игру и испестрила его столь разноцвѣтными и разнообразными жилами, полосками, крапинками и пятнами, что недоставало понятія человѣческаго къ постиженію, какъ все это могло сдѣлаться. Въ однихъ и множайшихъ мѣстахъ были жилочки, какъ кровь, или какъ карминъ, красныя по бѣлому грунту; въ другомъ были онѣ розовыя, индѣ пурпуровыя, индѣ зеленоватыя, въ другихъ мѣстахъ разныхъ желтыхъ и кофейныхъ колеровъ и расположены между собою столь удивительно, что не можно было довольно тѣмъ никогда надивиться и красотою ихъ налюбоваться.

Не успѣлъ я все сіе увидѣть, какъ вспламенилось во мнѣ желаніе произвесть изъ сей горы новое и необыкновенное также дѣло: и не только просѣчь во внутрь ея нѣкоторый родъ свѣтлыхъ и просторныхъ, и удобныхъ для ходьбы пещеръ, произведя сіе въ наилучшемъ и прекраснѣйшемъ слоѣ оныхъ, но и всю наружность сей горы и ограду обдѣлать такъ, чтобъ она представляла собою нѣкоторый родъ пышной и величественной развалины нѣкакова подземельнаго зданія, со входами въ нее по крыльцамъ, съ ступенями и остатками изломавшихся колоннъ, части карниза и съ нѣсколькими дверьми и окнами. И все сіе произвелъ я почти собственнымъ своимъ трудомъ, или, по крайней мѣрѣ, ежеминутнымъ указаніемъ каменьщикамъ, какъ все дѣлать и изъ песку выпиливать и вырубать. Словомъ, мнѣ и тутъ удалось произвесть почти сущее чудо или, по меньшей мѣрѣ, такую рѣдкость, которую впослѣдствіи времени всѣ бывавшіе въ саду имъ не могли довольно надивиться и какой ни въ какомъ иномъ саду не находилось. Сами иностранные путешественники признавались, что они нигдѣ подобнаго сему не видывали.

Между тѣмъ какъ все сіе мною производимо было, продолжалась у насъ садка деревъ и обработка прочихъ мѣстъ. И какъ въ обыкновенное для садки весеннее время далеко не успѣли мы всѣхъ нужныхъ лѣсочковъ и деревъ насадить, то, желая скорѣе дать саду моему образованіе и видъ, отважился я на третье и столь же достопамятное предпріятіе, а именно: чтобъ садить деревья, совсѣмъ уже развернувшіяся и одѣвшіяся совершенно своимъ листомъ. И, къ неописанному удовольствію моему, получилъ я въ томъ успѣхъ вожделѣнный и превзошедшій все мое чаяніе и ожиданіе. Всѣ посаженныя симъ образомъ деревья, будучи прилежно поливаемы, не только не засохли, но продолжали себѣ по прежнему рости. Чрезъ то имѣлъ я удовольствіе въ теченіе одной весны видѣть садъ сей въ такомъ уже состояніи и наполненной толь многими рощицами и лѣсочками и украшенной столь многими разныхъ родовъ украшеніями, что и лучшимъ аглицкимъ садовникамъ не можно было никакъ произвесть все сіе въ столь короткое время, и, что всего лучше, безъ всякаго казнѣ ущерба, или съ издержками, ничего совсѣмъ незначущими.

Но сего довольно будетъ на сей разъ. Письмо сіе достигло уже до своихъ предѣловъ, итакъ, дозвольте мнѣ оное на семъ мѣстѣ пресѣчь и, предоставивъ прочее письму будущему, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Февраля 1-го дня 1810 г. Дворениново).

Письмо 217-е.

Любезный пріятель! Въ помянутыхъ садовыхъ работахъ препроводилъ я всю весну и занимался ими съ толикою прилежностію, что во все сіе время ничего почти другова не дѣлалъ, да и дѣлать

было некогда, ибо какъ при оныхъ работахъ, производимыхъ множествомъ людей, и въ мѣстахъ разныхъ и другъ отъ друга отдаленныхъ, необходимо требовалось ежеминутное почти мое указываніе и распоряженіе, и я принужденъ былъ всюду-и-всюду ѣздить и ходить, а иногда даже для поспѣшенія бѣгать, то и занимали онѣ меня всякой день съ утра до вечера, такъ что, по пословицѣ говоря, одна заря меня выгоняла изъ дому, а другая вгоняла, да и въ самомъ дѣлѣ я прихаживалъ или пріѣзжалъ домой только что обѣдать.

Но какъ труды, хлопоты и заботы мои были тогда ни многочисленны, но не могу сказать, чтобъ были онѣ мнѣ отяготительны; причиною тому было то, что я всѣ оные труды поднималъ не поневолѣ и не по принужденію какому, а самопроизвольно и болѣе для удовлетворенія собственно своей охоты и склонности, а потому они не только облегчались, но и услаждались ежечаснымъ удовольствіемъ, чувствуемымъ при отдѣлкѣ всякой частички или при выдумываніи чего-нибудь еще новаго, и производства того въ дѣйство.

Итакъ, за сими внѣшними работами, комнатными и обыкновенными моими упражненіями заниматься не было мнѣ почти совсѣмъ времени. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ и онѣ совсѣмъ были позабыты: во всѣ праздничные и воскресные дни, да и въ самые рабочіе въ тѣ часы, когда работники отдыхали, или въ которые мнѣ сколько-нибудь отъ нихъ отлучиться было можно, то хватался я тотчасъ либо за перо и бумаги, либо за кисти и краски, и что-нибудь, ущипками и урывками, либо писалъ, либо рисовалъ. А сверхъ того было у насъ съ сыномъ въ сіе время и новое совсѣмъ еще упражненіе, а именно: какъ при разрываніи и обдѣланіи помянутыхъ песчаныхъ горъ получались многія глыбы, обрѣзки и куски песковъ разноцвѣтныхъ, то затѣяли мы ихъ не бросать, а употреблять въ пользу и, опиливая и обтирая оные, дѣлать изъ нихъ отчасти цѣльныя, отчасти изъ разныхъ песковъ составныя штучки и фигурки, какъ-то: пирамидки, піедесталки, столбики и прочее, и тому подобное; а изъ остальныхъ штукъ и обрѣзковъ—плоскія и тонкія четвероугольныя разной величины плиточки или досчечки и набирать изъ нихъ цѣлыя коллекціи песковъ разноцвѣтныхъ и укладывать оныя въ нарочно дѣлаемые для того плоскіе ящички, которые впослѣдствіи времени сдѣлались такъ достопамятны, что могли служить украшеніями натуральныхъ кабинетовъ и могли разсылаемы быть въ подарки, и наконецъ, даже до того дошло, что наша академія посылала ихъ въ подарокъ въ кунсткамеры въ иныя государствы, чего они по справедливости и стоили, ибо я со временемъ коллекціи сіи довелъ до такого совершенства, что не стыдно было съ ними никуда показаться, и нѣкоторыя изъ нихъ хранилися, и понынѣ у меня служатъ тому доказательствомъ и памятниками.

Въ дѣланіи сихъ коллекцій и помянутыхъ разнаго рода штучекъ, упражнялся не столько я, сколько любопытный сынъ мой. И мнѣ обыкновенно нужно только было учинить начало и дѣло затѣять и выдумать, и тогда его уже дѣло было трудиться и отчасти дальнѣйшее и лутчее придумывать. Къ тому былъ онъ въ сіе время уже довольно способнымъ.

Всѣми сими дѣлами и работами наиболѣе я для того поспѣшалъ, что въ сіе лѣто дожидались мы пріѣзда къ намъ самого намѣстника, который въ сіе лѣто вознамѣрился всѣ города Тульской губерніи объѣздить и осмотрѣть. Итакъ, мнѣ хотѣлось сколько-нибудь поболѣе въ саду къ пріѣзду его сдѣлать, и тѣмъ ему доказать, сколь старателенъ я къ выполненію его желаній. И какъ пріѣзда его ожидали мы въ концѣ іюня, то и сей весь мѣсяцъ занимался я тѣми же въ саду работами. И чѣмъ ближе приближалось время его къ намъ пріѣзда, тѣмъ болѣе усугублялъ я свои старанія, и успѣлъ къ сему времени не только помянутой свой водоводъ привесть къ окончанію, но смастерить еще и другой изъ

ближней вершины, перехвативъ въ ней воду въ сосѣднемъ небольшомъ источникѣ и довесть сію воду почти къ самому дворцу, и въ такомъ возвышеніи, что можно мнѣ было предъ самымъ опымъ и на верху самой сей горы сдѣлать водоемы и украситъ ими ближайшія мѣста къ дому. Кромѣ сего, достопамятно, что предъ самомъ почти пріѣздомъ намѣстника въ Тулу, получилъ я первую мысль о дѣланіи въ садахъ тѣхъ новаго рода обманныхъ украшеній, которыя впослѣдствіе времени сдѣлались столь знаменитыми и привлекли на себя вниманіе и даже пріятное удивленіе многихъ знаменитыхъ особъ, и каковыми, сдѣланными у себя послѣ въ деревни, и понынѣ я еще утѣшаюсь.

Ожидаемый пріѣздъ намѣстника въ Тулу и не замедлился. Онъ пріѣхалъ туда около половины іюня и тотчасъ меня къ себѣ вытребовалъ. Итакъ, ѣздилъ я къ нему и возилъ нѣкоторые планы и бумаги съ донесеніями по волостнымъ дѣламъ, и онъ опять принялъ меня очень хорошо, и былъ исполненіемъ его приказаніевъ очень доволенъ, а особливо пріятно было ему, что и саду учинено было уже успѣшное начало. Хотя я ему объ немъ и вскользь только сказывалъ, а о лучшихъ съ умысла умолчалъ, дабы тѣмъ болѣе его удивить по пріѣздѣ. Въ сей разъ онъ продержалъ меня въ Тулѣ не долго, но, переговоривъ обо всемъ со мною и давъ нѣкоторыя новыя приказанія, отпустилъ меня, сказавъ, что въ концѣ сего мѣсяца, дней чрезъ десять пріѣдетъ онъ и самъ къ намъ, и чтобъ я его къ тому времени къ себѣ дожидался.

Все сіе побудило меня еще и болѣе въ сіе достальное время до его пріѣзда потрудиться, и какъ мнѣ въ особливости хотѣлось удивить его своею новою выдумкою, о которой я ему еще ничего не сказывалъ, то тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Богородицкъ, и принялся я за произведеніе въ дѣйство своей выдумки, которая состояла въ слѣдующемъ:

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ поднималъ я ключъ, и откуда повелъ я свой главной водоводъ, находилась въ высокомъ берегѣ пруда одна крутая и почти въ утесъ осыпь, простиравшаяся въ длину сажень на двадцать. Изъ сей осыпи вздумалось мнѣ сдѣлать особенную штуку и такое обманное украшеніе, какого нигдѣ еще до того дѣлано не было, а именно: мнѣ хотѣлось нарисовать на ней въ проспективическомъ видѣ нѣкоторой родъ развалины или часть стариннаго какого-нибудь монастыря и назади съ башенками и вблизи воротами, и кой-гдѣ въ каменныхъ стѣнахъ окошками. И какъ осыпь сія находилась версты за полторы отъ дворца и была вся очень видна за прудомъ съ большой тульской дороги, то избралъ я для нарисованія оной одинъ пунктъ на самой сей большой дорогѣ, и изъ онаго и изобразилъ картину сію въ проспективическомъ видѣ и въ такой величинѣ, чтобъ она могла здѣсь всякаго проѣзжающаго большою дорогою и въѣхавшаго на сей пунктъ обманывать, и заставить почитать сіе дѣйствительно стариннымъ какимъ-нибудь разрушающимся зданіемъ. Но какимъ образомъ картину сію изъ за пруда и разстояніемъ сажень на сто или болѣе нарисовать—къ тому потребна была особая выдумка. Однако, я скоро догадался какъ это сдѣлать: я велѣлъ навозить туда бѣлыхъ драницъ и узкаго кровельнаго теса и, уложивъ ими, по примѣру позднему, вмѣсто карандаша всѣ черты, долженствующія означать вороты, стѣну, видимыя за нею верхи зданій и башенки, поѣхалъ самъ за прудъ и, ставъ на избранномъ, на дорогѣ, пунктѣ, смотрѣлъ на изображенный драницами рисунокъ, и гдѣ надобно было ихъ поправить и положить, либо прямѣе, либо косѣе, либо въ которую-нибудь сторону отнесть оттуда, крича въ сдѣланную на скорости изъ политуры трубу, приказывалъ находящимся тутъ за прудомъ людямъ, какъ надобно исправлять и перекладывать, и уровнявши все по желанію, поѣхалъ опять самъ туда и велѣлъ по симъ драницамъ землю срывать и оную—гдѣ бѣлыми песками—гдѣ желтыми, гдѣ известью усы-

пать; а назначенныя кровли для означенія, будто онѣ черепичныя, укладывать сплошь кирпичнымъ щебнемъ; вороты же и окошки усыпать угольями. Словомъ, я смастерилъ сіе новое дѣло такъ удачно и хорошо, что, окончивши оное и поѣхавъ за прудъ на дорогу на фигуру свою взглянуть, вспрыгался почти самъ отъ радости и удовольствія, увидѣвъ, что она такъ натурально походила на настоящее зданіе, какъ нельзя было лучше, и обмановала зрѣніе наисовершеннѣйшимъ образомъ.

На все сіе употреблено было не болѣе трехъ дней работы нѣсколькимъ людямъ, а кошту ни малѣйшаго она ни стоила. Мы не успѣли ее кончить, какъ и получили извѣстіе, что намѣстникъ наутріе изъ Тулы отправится. Итакъ, намѣреніе мое было сею нововыдуманною штукою сдѣлать ему первой сюрпризъ и ею его такъсказать встрѣтить, то, желая видѣть, какое она произведетъ дѣйствіе, и выѣхалъ я къ нему за нѣсколько верстъ на встрѣчу.

Намѣстникъ не успѣлъ меня увидѣть, стоящаго въ лѣсу на дорогѣ и его дождидающагося, какъ велѣлъ тотчасъ остановиться каретѣ и, принявъ отъ меня подаваемой репортъ, съ особливою благосклонностію пригласилъ къ себѣ сѣсть въ карету, въ которой, по счастію, случилось одно порожнее мѣсто, ибо онъ ѣхалъ только самъ третей съ губернскимъ землемѣромъ и еще однимъ чиновникомъ. Легко можно заключить, что я съ удовольствіемъ принялъ сіе предложеніе и, вступивъ тотчасъ съ намѣстникомъ въ разговоры, съ крайнею нетерпѣливостію дожидался покуда мы подъѣдемъ къ тому пункту, на дорогѣ котораго все мое обманное зданіе въ наилучшемъ своемъ видѣ представлялось зрѣнію, и боялся невѣдомо какъ, чтобъ карета не проскакала мимо и не допустила намѣстника взглянуть на предметъ сей. Но, по счастію, велѣлъ онъ, какъ нарочно, каретѣ тише ѣхать, дабы тѣмъ удобнѣе можно было ему полюбоваться на всѣ окрестности, за прудомъ находящіяся; но совсѣмъ тѣмъ упустилъ бы онъ мою фигуру изъ примѣчанія, если бы, по особливому счастію, не вздумалось взглянуть на сіе мѣсто бывшему съ нимъ губернскому землемѣру. Сей не успѣлъ фальшивое зданіе мое увидѣть, какъ, въ полной мѣрѣ обманувшись и сочтя его дѣйствительнымъ стариннымъ зданіемъ, перекрестился и воскликнулъ: «какъ же это я сего стариннаго зданія не видалъ, кажется не одинъ разъ и бывалъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и все замѣчалъ и описывалъ; а это какъ-то мнѣ на глаза не попалось!» Сіе въ тотъ же моментъ побудило взглянуть на него и намѣстника. Сей также, поразившись неожидаемостью сего зрѣлища и хотя его поболѣе разсмотрѣть, закричалъ, чтобъ карета остановилась, и также сказалъ: «не только, судырь, вы, но и мнѣ не случилось его никогда запримѣтить»; и обратясь ко мнѣ, спросилъ: «что это за зданіе, Андрей Тимоѳеевичъ, и какъ же это мы его не видали». Г-нъ Давыдовъ подтверждалъ тоже и также только дивился. Тогда я, смѣючись, отвѣчалъ: «вашему превосходительству да и ни какъ не можно было этого и видѣть, потому что это зданіе дни за три до сего совсѣмъ еще не существовало и въ одну почти ночь воздвигнуто какими-то духами для доставленія вашему превосходительству пріятной минуты при воззрѣніи на оную, при вашемъ сюда прибытіи».—«И, шутишь! воскликнулъ намѣстникъ, сіе услышавъ, нѣтъ, право, Андрей Тимоѳеевичъ, скажите, что это за зданіе?»—«Признаться надобно, ваше превосходительство, сказалъ я на сіе, что оно обманное и тамъ ни мало не существующее, и стоившее только двухъ дней работы, и сдѣлано только для прибытія вашего».—«Помилуй, воскликнулъ удивившійся еще болѣе намѣстникъ: это что-то мудреное и невиданное, да какъ это и какимъ это образомъ, и изъ чего ты это сдѣлалъ?»—«Совсѣмъ изъ ничего, ваше превосходительство, сказалъ я: все это зданіе не стоитъ ни полушки, и все состояло только въ томъ, что я велѣлъ на крутомъ этомъ берегѣ пруда усыпать кое-чѣмъ землю, гдѣ известью, гдѣ пескомъ, гдѣ угольемъ, гдѣ дѣлалъ кирпичнымъ щебнемъ».—«Не

въ правду ли», воскликнулъ опять намѣстникъ: «и тамъ подлинно ничего построеннаго нѣтъ!»—«Точно такъ, ваше превосходительство».—«Но какъ это такъ хорошо обманываетъ зрѣніе, и какая прекрасная выдумка! Нарочно пойду туда смотрѣть, какъ это такъ хорошо смастерено и сдѣлано!»—«О, ваше превосходительство, тамъ не найдете вы ничего зрѣнія достойнаго, а сущій только вздоръ, ни на что не похожій. Въ лучшемъ видѣ оно съ сего мѣста только представляется зрѣнію».—«Ну, Андрей Тимоѳеевичъ», сказалъ на сіе намѣстникъ: «этотъ для меня сюрпризъ отмѣнно мнѣ пріятенъ, и я васъ очень благодарю за сіе доставленное мнѣ удовольствіе. Эта штука достойна подражанія, и какъ это тебѣ вздумалось?»—«Какъ-нибудь, ваше превосходительство, сказалъ я, и желаніе вамъ угодить было моимъ наставникомъ».

Легко можно заключить, что удовольствіе мое въ тѣ минуты было чрезвычайное. Мы проговорили о семъ во все достальное наше путешествіе, и я долженъ былъ разсказывать намѣстнику, какимъ и какимъ образомъ я сіе дѣлалъ, и всѣ не могли довольно расхвалить сію мою новую выдумку. Но я ласкался надеждою, что удивлю ихъ все еще больше своимъ садомъ и прочими вещами.

Какъ сей пріѣздъ намѣстника къ намъ былъ еще первой, по полученіи волостей нашихъ въ свое начальство, то расположился онъ квартировать въ сей разъ не у знакомыхъ, а уже у насъ въ самомъ дворцѣ, гдѣ все для принятія его было и приготовлено. Тутъ не успѣлъ онъ въ него войтить, какъ взглянувъ изъ него на построившійся уже совсѣмъ городъ, поразился опять пріятнымъ удивленіемъ, увидѣвъ, что всѣ главныя улицы стекались къ нему, какъ къ средоточію, и принужденъ былъ опять воскликнуть: «ахъ какъ это хорошо вздумано»! И, обратясь опять ко мнѣ, сказалъ: «Мнѣ, сударь, сказывалъ Матвѣй Васильевичъ, что и это была ваша мысль и весь планъ города дѣланъ вами, и мы васъ за сіе благодаримъ». На сіе не оставалось мнѣ инымъ отвѣтствовать, какъ низкимъ поклономъ.

Отдохнувши нѣсколько минутъ и поговоривъ съ собравшимися къ намъ нашими городскими чиновниками и, напившись горячаго, сказалъ мнѣ: «Какъ бы, Андрей Тимоѳеевичъ, походить бы намъ съ вами; кажется еще довольно рано и не скоро наступитъ вечеръ, и мы успѣемъ еще кой-гдѣ побывать».—«Очень хорошо, ваше превосходительство», сказалъ я. — «Ну поведите-жъ, меня, сударь, куда прикажете».—«Вамъ не угодно ли въ садъ?» Намѣстникъ улыбнулся при семъ словѣ, думая безсомнѣнно, что въ немъ ничего еще зрѣнія достойнаго нѣтъ, и сказалъ: «Ну, хоть въ садъ, то-есть въ будущій! Но, по крайней мѣрѣ, посмотримъ, какое начинаете вы дѣлать ему расположеніе. Я вижу, сударь, что у васъ, вотъ предъ домомъ, уже поразровнено и сдѣланъ порядочный сходъ и площадка», и сказавъ сіе, взялъ шляпу и трость и пошелъ. Тутъ, сводя его съ большаго дерновнаго, придѣланнаго къ дому, крыльцу, повелъ я его не внизъ, а вправо по ребру горы, и нарочно по такимъ мѣстамъ, гдѣ ничего еще почти сдѣлано не было, дабы худшее показать ему напередъ, а лучшее — послѣ. И въ нѣкоторое предвареніе ему сказалъ: «Извините меня, ваше превосходительство, что не успѣлъ я еще сд"-лать. Время было слишкомъ коротко, и много здѣсь было работы на всемъ этомъ мѣстѣ, и (показывая ему весь обширной лѣсъ, вправо отъ дороги находящійся) за годъ до сего занято было кой-какимъ скареднымъ мелкимъ строеніемъ, сидѣла тутъ цѣлая слобода церковная, и какъ она за годъ до сего вся до основанія сгорѣла, то не осталось тутъ ни одного деревца и ни одного прутика. Было одно только пожарище и ямы, печные остатки и другія неровности, и всѣ ихъ надобно было разравнивать и зарывать и тѣмъ занимать не мало время».

Между сими словами дошли мы до первыхъ моихъ древесныхъ насажденій на горѣ, по большой подлѣ зданія дорогѣ, проложенной между ими и усыпанной

пескомъ. И намѣстникъ не успѣлъ увидѣть сіи лѣсочки или древесную часть кулиги, какъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Какъ же, судырь, вы говорили, что не осталось на всемъ этомъ мѣстѣ ни одного деревца и кусточка отъ пожара, ну, а это что-жъ за лѣсочки?» — «Конечно не осталось, ваше превосходительство, и не было на всей горѣ этой ни одного прутика, и ни какой воды и ни одного камешка; а все, что ваше превосходительство изволите видѣть, сдѣлано нынѣшнею весною и лѣтомъ».—«Какъ это, остановившись и удивившись, онъ спросилъ; неужели всѣ эти лѣсочки и деревья насажены и такъ хорошо принялись, что я истинно подумалъ, что они давно уже тутъ растутъ?».—«Точно такъ, ваше превосходительство, сколько могъ успѣть, то посадилъ я ихъ весною, но какъ время собственно весною садить очень коротко и мѣста были еще не разровнены и не приготовлены, то, желая доставить вашему превосходительству сколько-нибудь болѣе удовольствія, садилъ я ихъ по большей части уже въ самое лѣто и какъ онѣ уже озеленѣли совершенно». — «Я благодарю за сіе, сказалъ усмѣхнувшись намѣстникъ, только жаль, что труды сіи пропадутъ и они засохнутъ всѣ до единаго». — «А я осмѣливаюсь, подхватилъ я, въ противномъ ваше превосходительство увѣрить, и того, чтобы было такъ, я никакъ не ожидаю; небольшой мною сдѣланной опытъ въ прошломъ году доказалъ, что садить ихъ симъ образомъ съ малымъ листомъ можно и что они не только не засыхаютъ, но продолжаютъ по-прежнему рости, а потому и отважился я и всѣ сіи произвести насажденія и они у меня удались по желанію. Извольте сами, ваше превосходительство, видѣть, что ни одно изъ нихъ не засохло, а всѣ подросли какъ были въ лѣсу, хотя уже тому нѣсколько недѣль прошло, какъ они посажены. Сіе еще болѣе его удивило. «Ну, судырь, сказалъ онъ, и это я вижу еще впервые и опытъ вашъ достоинъ похвалы и замѣчанія; но, помилуй, неужели и вотъ эти высокія уже и прекрасныя березовыя рощицы, которыя я тамъ вижу, посажены также недавно?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, въ началѣ сего еще мѣсяца». — «Ну, этому бы я уже никакъ не повѣрилъ. Право, прекрасно! И какое множество успѣли вы уже насадить! какіе прекрасные лѣсочки, какія рощицы, какіе кусточки и съ какимъ хорошимъ вкусомъ все вы расположили повсюду. Признаюсь, судырь, что, идучи сюда, я никакъ этого не ожидалъ, а думалъ найти пустыя только мѣста и дерева, едва развертывающіяся, а, напротивъ, вижу оныя готовыя уже и такими, подъ которыми уже съ удовольствіемъ гулять можно. Это для меня также сюрпризъ, и очень пріятный, и я вамъ весьма благодаренъ за сіе».

Въ самое сіе время подошли мы къ одному ручейку съ сдѣланнымъ чрезъ него прекраснымъ мосточкомъ, а недалеку отъ него къ одному водостоку, производящему собою пріятный шумочекъ. Сіе вразъ намѣстника остановило и побудило, обратясь къ послѣдовавшимъ за нимъ многимъ, только что пріѣхавшимъ къ намъ чиновникамъ, сказать: «Посмотрите, государи мои, не только цѣлые лѣсочки у него тутъ въ одинъ моментъ выросли, но какіе подѣлалъ вездѣ мосточки, какіе ручейки и шумочки стекающихъ водъ и какіе прудочки, и все это въ такое короткое время». При сихъ словахъ подхватилъ я и ему сказалъ: «Вотъ и вода сама, которой ваше превосходительство изволили видѣть, не было здѣсь ни единой капли».—«Да откуда вы ее взяли?» спросилъ съ поспѣшностью меня паки удивившійся намѣстникъ. — «Откуда, помогая нуждѣ своей, уже привелъ ваше превосходительство, сказалъ я, а мнѣ хотѣлось оживить садъ сими шумочками и поукрасить водами и такъ принужденъ былъ придумывать къ тому способъ». — «Это очень хорошо, сказалъ намѣстникъ, но, помилуй, неужели и этотъ ручей не натуральный, а сдѣланный?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, и текущій издалека». — «А откуда же?»

— «Да вотъ изъ самаго того мѣста, гдѣ ваше превосходительство изволили любоваться обманнымъ зданіемъ».— «Неужели вправду оттуда?»—«Точно такъ, ибо нигдѣ, кромѣ того мѣста, не могъ я отыскать нужный для воды источникъ».—«Но какъ же это вы оттуда ее провели?» — «Маленькимъ ничего не значущимъ и ничего не стоющимъ водоводцомъ, и мнѣ, по счастію, удалось его поднять».— «Но чрезъ вершины же какъ вы ее перевели? Я замѣтилъ тутъ двѣ превеликія вершины».— «Перевелъ какъ-нибудь и чрезъ нихъ, ваше превосходительство, и также самымъ простымъ и безубыточнымъ способомъ и мнѣ стало то одной только небольшой выдумки». — «Но всѣ эти выдумки у васъ очень хороши», сказалъ намѣстникъ. — «Нужда чего не дѣлаетъ, ваше превосходительство, но мнѣ не столько сей водоводъ наводилъ затрудненія, какъ самый ключь, изъ котораго я его повелъ. Случился онъ въ горѣ очень низко, но мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ былъ выше и вода могла бы проведена быть къ сему мѣсту, а не ниже, чтобъ мнѣ можно было воспользоваться для сдѣланія сего въ полугорѣ водоема и сихъ водостоковъ, и такъ, помогая своей нуждѣ, принужденъ я былъ подниматься на хитрости и придумать средство какъ бы его поднятъ аршина на четыре выше». — «Что-жъ и удалось, вамъ это?» — «Удалось, ваше превосходительство». — «Ну, судырь, любопытенъ бы я былъ видѣть какъ вы сіе сдѣлали, но жаль, что уже поздненько мнѣ туда итти, а завтра нарочно туда пойду». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, а между тѣмъ не изволите [ли] сюда внизъ, а потомъ на гору и посмотрѣть достальное чтò сдѣлано». — «Хорошо, хорошо, судырь, сказалъ намѣстникъ, ведите меня куда хотите, съ превеликимъ любопытствомъ хочу все видѣть».

Въ самое сіе время увидѣлъ я, что нѣкоторые изъ господъ тульскихъ, пріѣхавшіе съ намѣстникомъ, между тѣмъ какъ мы съ намѣстникомъ разговаривали, взбѣжали на самый верхъ, находящійся недалеко отъ сего мѣста, [на] большую дерновую улитку, и взобравшись на самый верхъ, кричали намѣстнику: «извольте посмотрѣть, ваше превосходительство, какая у него сдѣлана здѣсь прекрасная штука». Сіе побудило намѣстника взглянуть въ сію сторону и спросить у меня: «это что такое?» —«Бездѣлка, сказалъ я, и игрушка самая: некуда мнѣ было дѣвать выкапываемую изъ сего водоема землю, такъ я велѣлъ сыпать ее въ кучу, которую и обдѣлалъ подъ образъ улитки, какъ изволите видѣть».—«И это хорошо, сказалъ намѣстникъ, и изволь смотрѣть, у него изо всего дѣлается дѣло». — «Но это не все, ваше превосходительство, съ улиткой сей можно еще и сюрпризъ сдѣлать. Не угодно ли, ваше превосходительство, посмѣяться? Можно сдѣлать, что она въ одинъ мигъ обольется кругомъ водою и господамъ оттуда чрезъ нее и перейтить будетъ невозможно».— «Неужто это можно?» — «Я, пожалуй, покажу». — «Я очень, очень любопытенъ это видѣть».

Тогда мигнулъ я моему садовнику, дожидавшемуся о томъ уже моего приказанія, и онъ вдругъ отворилъ маленькій шлюзъ, сдѣланный у небольшаго въ полугорѣ водоема, и тогда вся вода изъ него бросилась въ оный, съ превеликимъ шумомъ, и обливъ въ одинъ мигъ всю улитку, наполнила сдѣланное нарочно для сего и дерномъ устланное кругомъ улитки, хотя не очень глубокое, но столь широкое углубленіе, что черезъ оное перескочить было не можно. Не могу изобразить, какъ неожиданность сія увеселила намѣстника и перетревожила всѣхъ бывшихъ на улиткѣ. Сіи, увидѣвъ ревущую съ горы воду и притомъ ихъ обливающую кругомъ, возмечтали себѣ невѣдомо чтò и ну-ка скорѣе отъ улитки бѣжать, чтобъ успѣть уйтить отъ воды; но какъ ни спѣшили, а вода облегла уже вокругъ и составила широкій водяной ровъ вокругъ оной, то никакъ симъ бѣднякамъ ни перейтить, ни перескочить было не можно. А намѣстникъ, увидѣвъ то, до слезъ почти смѣялся и кричалъ:

«Ну, ну, господа, пожалуйте сюда къ намъ! и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: ну, Андрей Тимоѳеевичъ, спасибо за выдумку, и это право хорошо. Однако надобно-жъ имъ какъ-нибудь и помочь». — «Это мы тотчасъ и сдѣлаемъ», сказалалъ я. Я мигнулъ опять и тотчасъ проявилась широкая доска, переложили ее черезъ сію воду, и господа могли всѣ по оной перейтить.

Тогда всѣ начали хохотать и, удивляясь сей штукѣ, превозносили ее и меня похвалами за выдумку. А я повелъ потомъ намѣстника внизъ, черезъ разные мосточки, за большой и главный водоемъ, сдѣланный внизу, и по набережной плотины, сдѣланной между имъ и большимъ прудомъ и усаженной со вкусомъ лѣсочкомъ, проводя его мало-по-малу къ горѣ съ марморными песками. Во время шествія сего, намѣстникъ на всякомъ почти шагу любовался всѣмъ расположеніемъ сего водовода, сдѣланными на немъ островками и насаженною на одномъ изъ нихъ прекрасною березовою рощицею и на всякомъ почти шагу изъявлялъ вновь свое ко мнѣ благоволеніе. Но какъ скоро проведя его сквозь густоту одного перелѣска, вывелъ къ горѣ съ марморными песками, о которой я нарочно ничего еще ему не сказывалъ, то поразился онъ такимъ пріятнымъ удивленіемъ, что не могъ даже долго выговорить ни единаго слова, и наконецъ воскликнулъ: «Это что-то опять новое и отмѣнно прекрасное! Помилуй, Андрей Тимоѳеевичъ, ты надѣлалъ мнѣ столько сюрпризовъ, что я и не знаю, какъ изобразить мнѣ то удовольствіе, которое оттого чувствую. Скажи ты мнѣ, пожалуй, что это за штука?» — «Не что иное, сказалъ я, какъ удивительная игра натуры, которую нечаянно случилось мнѣ открыть въ сей горѣ, и которою восхотѣлось мнѣ воспользоваться для доставленія вашему превосходительству нѣсколько пріятныхъ минутъ, при узрѣніи сей рѣдкости натуральной; но мнѣ жаль, что время было слишкомъ коротко, и что я не успѣлъ здѣсь всего того произвести въ дѣйство, что у меня затѣяно, а только почти сію работу началъ».

И въ самомъ дѣлѣ, великолѣпная рюина сія была далеко еще тогда неотдѣлана, и я успѣлъ только сдѣлать одинъ проходъ въ пещерку и часть сей развалины; но и самая малость отдѣланная въ состояніи была удивить всѣхъ и увеселить до безконечности намѣстника. А особливо, когда я ввелъ его въ самую пещеру, прорубленную въ наилучшемъ слоѣ сей горы песчаной, онъ разлюбовался впрахъ и красотѣ песковъ, и удивительнымъ сплетеніямъ разноцвѣтныхъ жилъ, оную испещряющихъ, и признавался, что онъ впервые еще отъ роду видитъ подобное сему зрѣлище, и не только благодарилъ меня за мои труды, но расхваливалъ впрахъ и намѣреніе мое, о которомъ разсказалъ я ему на короткихъ словахъ. «Ну, твердилъ только онъ, нечего говорить, пословица справедливая, что на охотника бѣжитъ и звѣрь; такъ-то и здѣсь, и сама натура помогаетъ вамъ, судырь, производить здѣсь дѣла необыкновенныя и рѣдкія и, можно сказать, что эта штука и теперь уже такова, что на нее засмотрѣться надобно, а ежели вы все такъ отдѣлаете, какъ говорите, то мы можемъ съ вами тѣмъ похвалиться, что у насъ садъ такой, какова нигдѣ и ни у кого нѣтъ, и что есть въ немъ такая штука, которая бы вѣрно не обезобразила собою и самый садъ императрицынъ въ ея Царскомъ Селѣ. Итакъ, пожалуй, Андрей Тимоѳеевичъ, постарайтесь отдѣлать ее какъ можно лучше, и не жалѣйте ни трудовъ и на то кошта самаго, ежели бы къ тому какой потребуется». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, но кошта никакого дальнѣйшаго къ тому будетъ не надобно — мы и безъ него, можетъ быть, сдѣлаемъ».

Съ цѣлый часъ мы тутъ почти простояли и проговорили. И намѣстникъ только и твердилъ, что садъ мой выходитъ не шуточный, но такой, о которомъ стоитъ дѣйствительно подумать и не пожалѣть даже и самыхъ коштовъ для дальнѣйшихъ его украшеній. И обратясь ко мнѣ,

между прочимъ, сказалъ: «Не худо бы, кажется мнѣ, и украсить его нѣсколькими бесѣдочками и садовыми зданіями. Какъ вы думаете, Андрей Тимоѳеевичъ?» — «О, ваше превосходительство, отвѣчалъ я на сіе,—сіе давно и у меня было на умѣ, но я не смѣлъ, безъ повелѣнія вашего превосходительства, употребить къ тому ни рубля, а хотѣлъ въ томъ доложиться».— «О, пожалуй, пожалуй! Я съ превеликою охотою даю на то мое дозволеніе. Подумайте о томъ, и скажите только, что̀ бы надобно было?»—«У меня и есть уже, сказалъ я, кое-какія о томъ мысли и даже самыя начертанія, и если угодно вашему превосходительству, то я и буду имѣть честь и представить оныя на разсмотрѣніе». «Очень, очень хорошо, судырь, и мы тотчасъ рѣшимъ все дѣло».

Симъ и кончился тогда въ саду нашъ съ нимъ разговоръ. И какъ между тѣмъ настали уже сумерки, то пошли мы ко дворцу по спокойнымъ всходамъ, изъ-подъ горы къ нему сдѣланнымъ.

Тамъ нашли мы уже приготовленный вечерній столъ. И намѣстникъ, унявъ меня и нѣкоторыхъ, бывшихъ съ нами, у себя ужинать, между тѣмъ, какъ носили кушанье, мнѣ сказалъ: «Что, судырь, вы меня песками своими такъ прельстили, и они кажутся мнѣ такою рѣдкостью, что я вознамѣреваюсь даже послать ихъ на показъ самой государынѣ. Какъ бы, Андрей Тимоѳеевичъ, выломать кусокъ изъ наилучшаго слоя и, обдѣлавъ кирпичикомъ, велѣть столяру сдѣлать маленькій ящичекъ, въ который бы его уложить можно было поплотнѣе, дабы онъ не могъ растрестись во время отвоза». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, все это очень скоро и завтра же поспѣть можетъ. У меня глыбы, къ тому способныя, готовыя есть, а спилить и обдѣлать кирпичикомъ очень малаго труда стоитъ. Песокъ сей какъ повидимому ни твердъ, но обтирается очень хорошо, и мы даже дѣлаемъ изъ него разныя фигурки. Не угодно ли, вашему превосходительству, ихъ видѣть? Я тотчасъ пошлю и велю принести».—«Очень хорошо, судырь, пожалуйте, пошлите». Я тотчасъ послалъ и черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ и принесли нѣсколько пьедесталиковъ и пирамидку, изъ разныхъ песковъ составленную, и намѣстникъ прежде не сѣлъ ужинать, покуда не налюбовался до-сыта ими и не расхвалилъ меня и за сію выдумку.

Наконецъ, приказавъ принесть мнѣ къ нему наутріе всѣ мои прожекты, отпустилъ онъ меня, повторивъ опять благодареніе мнѣ за все мною сдѣланное, и увѣряя, что я ему въ сей день столько доставилъ удовольствія, сколько онъ давно не имѣлъ и много меньше ожидалъ увидѣть здѣсь то, что̀ онъ видѣлъ.

Симъ образомъ кончился сей первый день его у насъ пребыванія, и я могу сказать, что и для меня преисполненъ онъ былъ удовольствіями превеликими. Всеобщее трудамъ и затѣямъ одобреніе и похвалы наградили меня съ избыткомъ за всѣ труды, хлопоты и безпокойства, при дѣланіи сада мною употребленныя. А всего пріятнѣе было мнѣ слышать то, что они, говоря между собою, не одинъ разъ твердили, что садъ мой расположенъ въ самомъ лучшемъ видѣ, что я дѣла сего мастеръ и не только не уступаю ни въ чемъ наилучшимъ великимъ садовникамъ, но успѣлъ въ самое короткое время то сдѣлать, чего бы лучшій изъ нихъ произвести и въ два года не могъ, умалчивая уже о томъ, что, при употребленіи ихъ, стоило-бъ все сіе многихъ тысячь, а у меня не стоило все казнѣ ни копѣйки.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо, какъ достигнувшее до своей величины, кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 3 дня 1810 года).

Письмо 218-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать вамъ исторію втораго дня пребыванія у насъ намѣстника, прежде всего скажу вамъ, что съ наступленіемъ дня, мое первое стараніе было о

пріуготовленіи песочнаго кирпичика, для отсылки къ государынѣ на показъ песковъ нашихъ. Я велѣлъ принесть къ себѣ изъ бывшихъ въ заготовленіи песчаныхъ глыбъ наилучшую и прекраснѣйшую, испещренную наилучшими розовыми и кровавыми жилками и принялся самъ выпиливать и отбирать изъ нея четвероугольный камень, на подобіе параллелопипеда или кирпичика, и въ немногія минуты кончилъ сіе дѣло. И какъ не сомнѣвался я, что намѣстникъ будетъ ею доволенъ, то, пославъ за старшимъ столяромъ, велѣлъ какъ можно скорѣе смастерить, по мѣрѣ сей штуки, ящичекъ, или, паче, ларчикъ, съ открывающеюся крышкою; а пославъ за нѣмцемъ - переплетчикомъ, велѣлъ ему оный оклеить скорѣе внутри бѣлою, а снаружи наилучшею цвѣтною бумагою. Все сіе произведено было такъ скоро, что поспѣло къ самому тому времени, какъ надлежало мнѣ идти къ намѣстнику, который, по счастію, проспалъ въ сіе утро долго, да и не скоро вышелъ къ намъ, а занимался долго съ своимъ секретаремъ, въ кабинетѣ поспѣшными дѣлами.

Не успѣлъ онъ къ намъ ко всѣмъ, собравшимся опять къ нему, выттить, какъ, поговоривъ минуты съ три съ нашимъ городничимъ и судьями, обратился тотчасъ ко мнѣ и сказалъ: «какъ бы, судырь, намъ камешекъ - то изъ песку велѣть выпилить?» — «Онъ у меня уже готовъ, ваше превосходительство, но не знаю, будетъ ли угоденъ?» и тотчасъ выбѣжалъ въ залъ и, взявъ у держащаго его на дощечкѣ, поднесъ къ нему. «Прекрасный, прекрасный! воскликнулъ намѣстникъ, какъ нельзя быть лучше», и сталъ его со всѣхъ сторонъ разсматривать и, имъ любуясь, говорилъ: «какія это прекрасныя жилки, какое удивительное сплетеніе между ими, сколько разныхъ колеровъ, перемѣшанныхъ даже съ блестками, истинно заглядѣться надобно, и я не сомнѣваюсь, что государыня съ удовольствіемъ на него посмотритъ!» Потомъ сказалъ онъ мнѣ: «какъ же бы велѣть, судырь, сдѣлать по точной мѣрѣ его и ящичекъ?» — «Готовъ и сей», подхватилъ я, и, вышедши опять въ залъ, принесъ къ нему его. — «Вотъ право хорошо, воскликнулъ онъ опять, да когда же ты успѣлъ все это сдѣлать и поклеить еще его?» — «Сегодняшнимъ утромъ, ваше превосходительство, столяръ есть, такъ долго-ль дѣлать?» — «Ну, спасибо; ей, ей спасибо, что вы такъ поспроворили симъ дѣломъ». Послѣ чего я уложили мы сей камешекъ прямо въ ларчикъ и, покрывъ плотно бумажной ватой, закрыли и на крючки заперли.

Все сіе продлилось нѣсколько минутъ времени. И не успѣли мы дѣло сіе кончить, какъ онъ опять мнѣ сказалъ: «Вы хотѣли мнѣ, судырь, показать еще ваши прожекты и рисунки украшеніямъ садовымъ». — «И они у меня принесены и здѣсь, ваше превосходительство», и тотчасъ вышедши въ залъ и взявъ ихъ отъ слуги, принесъ къ нему. «Пожалуйте-ка, судырь, пожалуйте, покажите». Я тотчасъ и прежде всего развернулъ ему планъ всему мѣстоположенію вокругъ дома, на которомъ все сдѣланное уже обозначено было красками и тушью, а замышляемое впередъ карандашными чертами. И между тѣмъ какъ онъ его разсматривалъ, сталъ ему я показывать опять всѣ тѣ мѣста, которыя онъ уже видѣлъ, и сказывать о прочихъ, кои еще были не сдѣланы, или замышлялъ я только еще впередъ сдѣлать. Онъ слушалъ всѣ мои слова съ величайшимъ вниманіемъ, и казалось, что было ему все очень угодно. Со всѣмъ тѣмъ, примѣтивъ, что ему все то не такъ было понятно, какъ мнѣ, сказалъ я: «Жаль, что планы сего рода садамъ далеко не такъ могутъ быть для глазъ занимательны и хороши, какъ садовъ регулярныхъ». — «То-то и дѣло, подхватилъ намѣстникъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, всѣ черты прямыя и регулярныя, а тутъ нигдѣ ихъ нѣтъ, да и быть не должно». — «Это правда, ваше превосходительство, да и расположить ихъ по планамъ сего рода совсѣмъ неудобно и почти невозможно: тутъ не доходитъ дѣло ни до шнура, ни до саженя; а опытность доказала мнѣ, что употребить надобно къ

ниыъ совсѣмъ иную методу».—«А какую-такую?» спросилъ намѣстникъ.—«Тутъ совѣтоваться надобно съ самимъ натуральнымъ положеніемъ мѣста и не то дѣлать, что бы хотѣлось, а то, что самое мѣстоположеніе надоумитъ и къ чему удобнѣе и способнѣе быть мѣсту, да и назначать всѣ сцены, сообразуясь не съ планомъ, а съ проспективическими и ландшафтными рисунками, сдѣланными предварительно съ воображеніемъ ихъ въ такомъ видѣ, какой должны они получить по своей отдѣлкѣ и по возрастѣ всѣхъ насажденій».—«Какъ это?» спросилъ меня, недовольно сіе понимающій, намѣстникъ. «А вотъ, ваше превосходительство, не угодно ли взглянуть на рисунки сего рода». И развернувъ нѣкоторые изъ нихъ, сталъ ему показывать скицы, сдѣланные нѣкоторымъ сценамъ. «Вотъ теперь и мнѣ это уже понятно, сказалъ намѣстникъ, да какъ же по симъ рисункамъ назначили вы мѣста?»—«При помощи нѣсколькихъ драницъ, соломенныхъ веревокъ, воображенія и перьевъ, обкладывалъ и обводилъ я всѣ тѣ мѣста, которыя должны засажены быть лѣсомъ; а затѣмъ, смотрѣлъ и воображалъ себѣ уже выросши на томъ мѣстѣ лѣсъ, и судилъ — хорошо [ли] будетъ и въ нуждѣ, гдѣ что прибавить или перемѣнить и такъ далѣе».—«Ну, это совсѣмъ новый родъ искусства, сказалъ намѣстникъ, и это вамъ, судырь, только можно дѣлать, а садовники учинить сего не въ состояніи. Но скажите-жъ мнѣ, гдѣ бы вы думали можно было намъ построить какія-нибудь бесѣдочки и зданія?»—«А вотъ, ваше превосходительство, гдѣ-и-гдѣ». И сталъ ему на планѣ показывать мѣста, мною къ тому предназначаемыя: вотъ тутъ прилично бы то сдѣлать, а здѣсь то-и-то построить». —«Но какія же намъ сдѣлать? Нѣтъ ли у васъ имъ рисунковъ?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, но сіе зависѣть будетъ отъ повелѣнія вашего, а есть у меня новенькая, о садахъ сего рода, книга, со множествомъ рисунковъ всякаго рода садовыхъ зданій, и не будетъ ли угодно вашему превосходительству изъ нихъ которыя-нибудь выбрать?»—«Пожалуйте, мнѣ ихъ покажите».—«Они у меня здѣсь», сказалъ я, и тотчасъ принесъ ихъ изъ зала, всѣ пять частей Гиршфельдовыхъ книгъ. Намѣстникъ развернулъ ихъ и, увидавъ всё эстампы, сказалъ: «О, да ихъ тутъ множество и выбирать, въ самомъ дѣлѣ, есть изъ чего; однако, на сіе надобно время и болѣе досуга. Этимъ займусь я послѣ обѣда; а теперь не походить ли намъ опять, судырь, куда-нибудь? Итакъ, оставьте вы у меня ихъ здѣсь до-ужоткова, а теперь надобно, судырь, походить. Я не былъ еще никогда въ вашей церкви, и мнѣ хотѣлось бы ее видѣть. Прикажите ее отпереть».—«Извольте, ваше превосходительство», сказалъ я, и тотчасъ послалъ сказать о томъ нашему протопопу.

Между тѣмъ, покуда побѣжалъ туда посланный и намѣстнику приготовляли его платье и трость, расхаживалъ онъ по всѣмъ комнатамъ и, осматривая оныя, мнѣ сказалъ: «Домъ хоть небольшой, но прекрасно построенный; но жаль, что обитъ скучными такими, просто ничего незначущими, обойцами; надобно бы ихъ прибрать получше сколько-нибудь, и лучше всѣ стѣны и потолки росписать». —«Это зависитъ отъ васъ, ваше превосходительство, сказалъ я, конечно бы лучше было; но жаль, что у насъ нѣтъ способнаго къ тому художника».—«О, судырь, подхватилъ намѣстникъ, что касается до мастера, то я къ вамъ пришлю очень хорошаго. У меня есть въ Калугѣ человѣкъ, весьма къ тому способный и знающій, и вы, пожалуйте, съ нимъ вдвоемъ постарайтесь о томъ; говорится въ пословицѣ: умъ хорошъ, а два лучше того; вы же на все такой искусникъ, такъ я надѣюсь, что будетъ и сіе сдѣлано не худо». На сіе отвѣтствовалъ я ему поклономъ и сказалъ только, что сколько силы и знанія моего достанетъ, такъ я съ охотою моею и въ томъ отношеніи угодное ему сдѣлать постараюсь.

Въ самое сіе время возвратился мой посланный и сказалъ, что церковь отперта и готова. «Ну, пойдемте туда, су-

дырь, сказалъ намѣстникъ, сіе услышавъ, я не сумнѣваюсь, что и тамъ найду для себя какой-нибудь сюрпризъ, я уже кое-что и слышалъ объ ней». — «Извольте, ваше превосходительство», сказалъ я, и пошелъ вслѣдъ за онымъ вмѣстѣ съ прочими.

Церемоніально нашъ протопопъ встрѣтилъ его при дверяхъ, и намѣстникъ не успѣлъ въ нее войти и помолиться, какъ окинувъ всю взоромъ, началъ съ величайшимъ вниманіемъ разсматривать всѣ ея украшенія: необыкновенное украшеніе царскихъ дверей, образъ Господа Саваоѳа съ его лучами, катедра и полупрозрачныя вазы, поставленныя противъ оконъ на карнизѣ, поразили собою тотчасъ любопытное его зрѣніе, и долго онъ и съ особливымъ удовольствіемъ всѣ сіи вещи разсматривалъ. И потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «теперь вижу, что мнѣ не солгали, а сказывали сущую правду о сихъ необыкновенныхъ, но прекрасныхъ украшеніяхъ; безсомнѣнно и это все ваши выдумки и похвальныя затѣи». При сихъ словахъ подхватилъ нашъ городничій: «не только выдуманы, но и работаны самимъ имъ, ваше превосходительство».—«Не правда!» подхватилъ удивленный намѣстникъ.—«Точно», сказалъ оный. — «Ну, судырь, могу сказать, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, могу сказать, что и это все дѣлаетъ честь вашему уму и вкусу; все, что ни вижу, такъ хорошо, такъ все кстати, а особливо нравятся мнѣ эти вазы; но скажите, пожалуйте, изъ чего и какъ онѣ сдѣланы?»—«Изъ толстой политуры и снаружи раззолочены и расписаны, а сзади прикрѣплена въ прорѣзахъ ихъ раскрашенная слюда, чтобъ служили онѣ и днемъ, и ночью (когда въ праздники зажигаемъ мы позади ихъ свѣчи) нѣкотораго рода иллюминаціею».—«Вижу! вижу! подхватилъ намѣстникъ, и это-то мнѣ всего пріятнѣе; и возможно-ль,—такія хорошія затѣи и при томъ очень малого стоющія. Нечего говорить, вы на все великій искусникъ!»

Послѣ сего повели мы его въ олтарь. Тутъ поразило зрѣніе его наивеликолѣпнѣйшая и со вкусомъ убранная сѣнь. Онъ превознесъ и ее похвалами. А какъ сказалъ я ему, изъ чего составлены висящія большія золотыя кисти, то опять не могъ онъ довольно надивиться и вновь изъявилъ мнѣ свое благоволеніе. Наша церковная утварь, богатые сосуды, крестъ, а особливо евангеліе—заставили его также съ любопытствомъ оные разсматривать и спросить, что̀ все это сто̀ило. Но какъ сказалъ ему, что мы того не знаемъ, поелику все это было подаяно отъ людей неизвѣстныхъ, то удивленіе его увеличилось еще больше.

Симъ образомъ доставили мы ему нашею церковью множество минутъ пріятныхъ. По выходѣ изъ оной, предложилъ я, не угодно-ль ему посмотрѣть нашихъ карповъ въ ближшой сажелкѣ, подлѣ церкви находящейся. «Очень хорошо, сказалъ онъ, ведите меня куда хотите». Тутъ приготовлены были уже и люди и запущенъ неводъ. Я не успѣлъ его ввести въ ограду около оной, какъ вскликнулъ онъ: «Изволь смотрѣть, у него и тутъ сдѣлано сущее гульбище, и какой прекрасный прудокъ, какой мостикъ, какія дорожки подъ березками!» Но какъ вытащили множество карповъ, то онъ вскричалъ почти отъ удовольствія и признавался, что онъ никогда еще ихъ въ такомъ множествѣ не видывалъ, и тотчасъ приказалъ нѣсколько изъ нихъ отнести на кухню и приготовить къ столу своему. А между тѣмъ, осматривая окрестности около оной и самой церкви, сказалъ: «жаль, что сіе мѣсто очень пусто, надобно тутъ что-нибудь еще построить. Мнѣ, судырь, кажется, что не худо-бъ было, если на одномъ концѣ сего прудочка построить намъ корпусъ для богоугоднаго, а на другомъ—такой же для волостнаго училища; ибо мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы набрали человѣкъ тридцать крестьянскихъ ребятишекъ и заставили ихъ учиться грамотѣ, а потомъ можно инымъ изъ нихъ быть пѣвчими, а иныхъ можно-бъ поучить и музыкѣ».—«Весьма бы недурно это было, сказалъ я, и это зависитъ отъ вашего по-

велѣнія. Каменьщики и кирпичники у насъ свои; есть своего и кирпича довольно готоваго, а можно бы и подготовить, сколько надобно».— «Право, судырь, это мы сдѣлаемъ», и обратясь къ бывшему съ нами архитектору г. Сокольникову, сказалъ: «Подумайте-ка, Кузьма Семеновичъ, и сдѣлайте мнѣ прожектецъ, въ видѣ небольшихъ каменныхъ корпусовъ, однако такихъ, чтобы они соотвѣтствовали сколько-нибудь церкви и не обезобразили собою это мѣсто».— «Очень хорошо», сказалъ г. Сокольниковъ. И потомъ осматривали пристальнѣе назначаемое подъ нихъ намѣстникомъ мѣсто.

Послѣ сего спросилъ меня намѣстникъ: «куда же намъ теперь иттить? не покажите ли вы мнѣ и свой садикъ, я слышалъ, что и у васъ есть свой собственный?»—«Если не устали ваше превосходительство, и если угодно, то вотъ онъ здѣсь вблизи». И повелъ его туда. Поведя въ оный, повелъ я его по всѣмъ дорожкамъ и сперва по регулярной его части, а потомъ и по англійской. Шествуя, мигнулъ я садовнику, чтобъ въ то время, когда выведу я его на аллейку, въ концѣ которой, подлѣ стѣны сарая, сдѣланъ былъ у меня особаго рода прекрасный фонтанчикъ, съ полубесѣдкою передъ нимъ, то пустилъ бы онъ воду. Какъ садикъ мой былъ тѣмъ временемъ прибранъ и, по случаю бывшаго тогда наилучшаго времени въ году, великолѣпствовалъ онъ множествомъ повсюду разбросанныхъ цвѣтовъ, то гулялъ намѣстникъ по оному съ отмѣннымъ удовольствіемъ и твердилъ только: «хоть маленькій, но прекрасный садикъ». А особливо полюбилась ему регулярная его часть, насажденная въ новомъ вкусѣ, со множествомъ подѣланныхъ въ ней кривыхъ дорожекъ, площадокъ и сидѣлокъ. «Вотъ мѣстечко, отмѣнно для меня пріятное, говорилъ онъ, какая пріятная тѣнь, какія у него тутъ дорожки, площадки и сидѣлки! Право, и съ какимъ все расположено вкусомъ, право, хорошо и прекрасно!» Но какой пріятный сюрпризъ былъ для него, когда, по выходѣ изъ лѣсочка и по вступленіи на аллейку, противъ фонтана, услышалъ онъ вдругъ шумъ и плескъ бьющаго фонтана. «Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ, у него еще и фонтанъ есть».—«Нѣтъ ваше превосходительство, сказалъ я, это игрушка, почти дѣтская и ничтожная, которую назвали фонтаномъ».—«Какъ это? подхватилъ онъ, это хоть куда, пойдемъ-ка, судырь, и посмотримъ его поближе».

Подойдя къ нему и увидѣвъ все вблизи, сказалъ онъ: «хоть онъ маленькій и самой простенькій, но прекрасный фонтанчикъ, и какая прекрасная выдумка, что вода бьетъ изъ гуся. Онъ такъ походитъ на натуральный, что легко можно обмануться, и гдѣ это такого вамъ смастерили?»—«Въ Тулѣ, сказалъ я, и онъ только одинъ мнѣ чего-нибудь и стоитъ, ваше превосходительство, а все прочее для фонтана не стоитъ мнѣ почти ничего, и если онъ заслуживаетъ какого вниманія, такъ только по одному этому и по своей дешевизнѣ».

Между тѣмъ, какъ я сіе говорилъ, намѣстникъ, усмотря тутъ спокойную подлѣ него лавочку, тотчасъ пошелъ на нее садиться, говоря: «Здѣсь, судырь, можно и отдохнуть и въ тѣни прохладиться, а между тѣмъ желалъ я бы знать, откуда вы и какъ провели сюда воду? Надобно ей быть довольно высокой. Фонтанчикъ вашъ бьетъ аршинъ около трехъ вышиною, и какимъ образомъ онъ, какъ говорите, вамъ очень мало стоитъ?»—«Конечно такъ, ваше превосходительство, потому что воду я ни откуда не проводилъ, но онъ у меня наливной».—«Какъ наливной? спросилъ удивившійся намѣстникъ, да гдѣ-жъ у васъ вода-то скрыта?» —«Вотъ здѣсь, позади васъ, въ сараѣ, и поставлена тамъ на перекладахъ сороковая бочка съ водою».—«Смотри, пожалуй! сказалъ намѣстникъ, но какимъ же образомъ провели вы воду изъ ней въ этова гуся?»—«Также бездѣлицею, сказалъ я,—кишкою, сшитою изъ кожи и скрытою вотъ здѣсь, въ побочинѣ этой полубесѣдочки». И сказавъ сіе, сталъ отворять маленькія дверцы, съ боку туда придѣланныя. «Я очень любопытенъ

это видѣть, сказалъ вскочившій съ мѣста своего намѣстникъ и, всунувъ голову свою въ отверстіе, сталъ разсматривать, говоря: «это очень куріозно, вотъ и краникъ маленькій, которымъ, конечно, вы запираете и отворяете» и, протянувъ руку, повернулъ его. «Вотъ и въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, пустивъ опять остановившуюся воду, и какъ легко и удобно его отворять и запирать. Но внизу-то какъ же вы сдѣлали?» — «Тамъ, сказалъ я, положенъ подъ землею деревянный, покрытый жолубокъ и въ немъ простирается кишка эта до самой почти этой свинцовой трубки, на которой надѣтъ этотъ гусь и изъ которой бьетъ сія вода; трубка же надѣвается на другую деревянную, утвержденную въ дерево, при концѣ кишки самой».—«Ну, судырь, подхватилъ намѣстникъ, и эта ваша штучка достойна перениманія, и выдумка прекрасная. Теперь вижу и я, что онъ и весь стоитъ очень малого, и это-то всего лучше. Но скажите мнѣ, долго ли можетъ онъ пробить?» — «Часа полтора, ваше превосходительство, сказалъ я, и столько, что имъ довольно можно повеселиться, и нѣсколько разъ пускать въ день, и между тѣмъ ежели хочешь, можно и опять бочку наливать».— «Ну, право, хорошо», сказалъ наконецъ намѣстникъ и, посидѣвъ немного, пошелъ далѣе и вонъ уже изъ сада.

Какъ иттить ему надлежало опять мимо моего крыльца, то, не доходя къ оному, просилъ я его къ себѣ на перепутьи и на водку. «Извольте, судырь, съ превеликимъ удовольствіемъ», сказалъ онъ и вошелъ въ маленькій мой домишко. Тутъ нашли мы столикъ, приготовленный уже съ водками и закусками разными, и всю маленькую мою гостинную, наполненную господами, ибо какъ случилось въ самое сіе время быть у меня моимъ кашинскимъ роднымъ, пріѣхавшимъ къ намъ незадолго до того времени, то они, вмѣстѣ съ моими хозяйкою и дѣтьми, занимали собою бо̀льшую половину онаго. Намѣстникъ, будучи отмѣнно вѣжливый человѣкъ, а особливо къ дамамъ, раскланявшись съ ними, просилъ ихъ всѣхъ садиться и сѣлъ потомъ самъ въ углу передъ ними. И не успѣлъ выпить подносимую водку, какъ, осматривая тѣсныя мои комнаты, сказалъ: «А, Боже мой! какъ вы живете тѣсно, имѣя у себя такое семейство». Ибо онъ счелъ племянниковъ моихъ дѣтьми моими. «Что дѣлать, ваше превосходительство, нужда чего не дѣлаетъ? Бѣдственный пожаръ принудилъ меня къ тому. Потерявъ весь домъ и потерпѣвъ великій убытокъ, радъ я былъ и сей хижинѣ».—«Но, помилуй, сказалъ на сіе намѣстникъ, какъ это князь Сергѣй Васильевичъ не дозволилъ вамъ построить домо̀къ получше и попросторнѣе этого; поскупился, видно, старикъ?»—«Нѣтъ, ваше превосходительство, онъ бы вѣрно этого не сдѣлалъ, но, къ несчастію, пожаръ случился послѣ его кончины, а сынъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ и того было хуже сдѣлалъ, приказалъ-было мнѣ срубить себѣ домъ изъ сырыхъ березъ, въ которомъ и жить бы никакъ было не можно, и я радъ уже былъ, что нашелъ сію небольшую связь готовую у насъ въ гошпиталѣ и могъ ее сюда переставить».— «Смѣшно это, сказалъ намѣстникъ, но отъ этого вѣтра лучшаго и ожидать было не можно. Но теперь нельзя ли этому какъ-нибудь пособить и, напримѣръ, покойца два-три сюда пристроить?»—«Какъ бы не можно, если бы ваше превосходительство, по милости своей, это приказать изволили».—«Съ превеликимъ удовольствіемъ, подхватилъ намѣстникъ, пристройте, судырь, себѣ сколько вамъ будетъ надобно и не жалѣйте и кошта, хотя бы то и нѣсколькихъ сотъ сто̀ило — какая важность! По трудамъ вашимъ и раченію грѣхъ намъ будетъ, если мы заставимъ васъ долѣе жить въ такой тѣснотѣ и безпокойствѣ».

Легко можно заключить, что дозволеніе сіе было для меня весьма не противно. Я и все мое семейство приносили ему за то благодарности, и мы осыпали его благословеніями при выходѣ отъ насъ изъ дома.

Отъ меня пошолъ онъ прямо во дворецъ и занялся опять съ секретаремъ своимъ письменными въ кабинетѣ дѣлами. Сіе продлилось до самаго обѣда, и мы послѣ узнали, что онъ въ самое сіе время писалъ донесенія свои къ государынѣ о нашихъ волостяхъ и обо всемъ, имъ тутъ найденномъ. Господинъ Михайловъ, бывшій въ сіе время его секретаремъ и со мною еще въ Калугѣ подружившійся, шепнулъ мнѣ о томъ, сказавъ, что въ донесеніяхъ сихъ позабытъ былъ и я, и что говорено и обо мнѣ весьма съ хорошей стороны. А сіе меня не только еще болѣе ободрило, но и увеличило мою приверженность, почтеніе и самую любовь къ намѣстнику.

По выходѣ его къ столу, просилъ сказать онъ мнѣ, чтобъ велѣлъ я приготовить какія-нибудь дрожки или тележку, говоря, что ему хочется, послѣ обѣда, съѣздить посмотрѣть нашъ гошпиталь, магазинъ и прочее. Но я доложилъ ему, что не спокойнѣе ли будетъ въ каретѣ, въ которой во всѣ сіи мѣста проѣхать можно. «Очень хорошо, сказалъ онъ, но не худо, еслибъ были при томъ и дрожки».

Какъ все сіе было приготовлено, то послѣ обѣда, сѣли мы съ нимъ и прочими, съ нимъ бывшими, въ карету, а иные на дрожки, и поѣхали сперва на островокъ въ гошпиталь. Тамъ, водя его по больницѣ и введя въ нашу аптеку, не преминулъ я ему показать лягушки, изгнанной изъ волостной женщины и коекакія другія вещицы, достойныя вниманія. И онъ смотрѣлъ на все съ любопытствомъ, говорилъ съ нашимъ лѣкаремъ по-нѣмецки и хвалилъ его за все раченіе. Изъ гошпиталя провелъ я его въ маленькій англійскій садикъ и въ рощу, между гошпиталемъ и церковью, на кладбищѣ находящуюся. И какъ были и тутъ кое-какія мои новыя насажденія, то съ удовольствіемъ гулялъ онъ и тутъ, говоря, что вездѣ-и-вездѣ находитъ и примѣчаетъ онъ слѣды моего хорошаго вкуса и раченія.

Посмотрѣвши все на островкѣ, поѣхали мы прямо къ нашему магазину. Огромность сего зданія и наблюдаемый съ хлѣбомъ, въ немъ находящимся, порядокъ, отмѣнно ему полюбились. По осмотрѣніи всего тутъ находившагося, предложилъ я ему, не угодно ли ему будетъ взглянуть и на увеселительный лѣсокъ, подлѣ сего магазина находящійся, и проѣхаться по оному? «Очень хорошо, сказалъ онъ, но какъ же? Развѣ на дрожкахъ...» — «Какъ угодно, можно и въ каретѣ, можно и на дрожкахъ». Однако онъ избралъ сіи послѣднія.

Не успѣли мы въ прекрасный лѣсокъ сей въѣхать, а я — повести его по главной аллеѣ, пересѣкаемой многими другими поперечными, прямыми и косыми, какъ намѣстникъ мой растерялъ почти глаза, любуясь то тѣмъ, то другимъ мѣстомъ. И начались опять отъ него мнѣ похвалы и одобреніе моего вкуса. Съ превеликимъ удовольствіемъ изъѣздилъ онъ почти весь сей лѣсокъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже сходилъ и, гуляя по узенькимъ кривымъ дорожкамъ, присаживался отдыхать на дерновыхъ сидѣлкахъ, которыя были кое-гдѣ подѣланы, и любовался красотою положенія мѣста. Наконецъ, выведя его на отдаленнѣйшій край, предложилъ я, не угодно ли ему взглянуть на мой поднятый ключь и мой водоводъ, отъ него проведенный? «Ахъ, судырь, сказалъ онъ; у меня только на умѣ было у васъ спросить, не можно ли отсюда къ нему проѣхать?» — «Очень можно, сказалъ я, и онъ очень здѣсь близокъ».—«Такъ повезите-жъ меня туда, я очень любопытенъ его видѣть».

Итакъ, поѣхали мы туда. И я, показывая ему оный, принужденъ былъ ему разсказывать въ подробности, какъ я производилъ сіе дѣло, и въ доказательство, что бьющій изъ него здѣсь ключь былъ не натуральный, какимъ онъ его сперва почелъ, а поднятый и произведенный искусствомъ, — опускалъ въ него трость; и какъ она вся свободно уходила, то не могъ онъ довольно надивиться и расхваливалъ меня за мою выдумку, называя ее очень полезною. Не менѣе уди-

вилъ его и мой маленькій водоводъ, который ему такъ полюбился, что онъ расположился для прогулки иттить вдоль всего его до самаго сада, а особливо желая видѣть, какъ перевелъ я его черезъ здѣсь бывшія вершины.

Тутъ не успѣли мы поравняться противъ фальшиваго моего зданія, поверхъ котораго проведенъ былъ оный, какъ, остановя его, сказалъ я ему: «вотъ, ваше превосходительство, и то фальшивое зданіе, которое вы вчерась съ той стороны изволили видѣть. Не сущій ли вздоръ составляетъ оно здѣсь?» — «То подлинно, что сущій вздоръ, сказалъ онъ, смотря на сіе сверху и удивлялясь, — и повѣрить бы не можно, что вся эта бириберда вдали представляла такой прекрасный видъ. Вотъ, судырь, обратясь къ идущему съ нами губернскому землемѣру, онъ продолжалъ: вашъ вчерашній развалившійся монастырь; но признайтесь, что потребно было къ тому особое искусство, чтобъ штуку сію сдѣлать».—«Да, ваше превосходительство, отвѣчалъ землемѣръ, мнѣ не случалось еще нигдѣ видѣть сему подобнаго».—«То-то, судырь, подхватилъ намѣстникъ, не одни вы звѣзды съ небесъ хватаете, а есть и другіе люди, у которыхъ и вы коечто перенимать должны».

Но сколь ни удивлялся онъ сему, но удивленіе его увеличилось еще болѣе, когда дошли мы до первой вершины, и онъ увидѣлъ, какъ я переводилъ воду чрезъ оную. «Ахъ, Боже мой! воскликнулъ онъ, можно-бъ было воображать сіе! Какое однако простое и ничего не стоющее и прекрасное средство! Ну, Андрей Тимоѳеевичъ, за эту выдумку стòитъ тебѣ сказать особое спасибо; ты ею многихъ на разумъ наставишь. Но, помилуй, взглянувъ опять и на другую сторону за оврагъ, продолжалъ онъ: какъ же это, кажется тамъ водоводъ вашъ со всѣмъ вверхъ и въ гору пошелъ?» —«Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, какъ ему вверхъ иттить, а напротивъ того, я на всякихъ десяти саженяхъ дѣлалъ по вершку униженія, дабы вода могла имѣть свое теченіе, а это обманываетъ насъ только зрѣніе».—«Удивительно мнѣ это, подхватилъ намѣстникъ, я истинно готовъ бы хоть объ закладъ биться, что тамъ вода вверхъ течетъ, а теперь вижу самъ, что этому быть не можно. Ты истинно вездѣ чудеса строишь».

Симъ образомъ идучи, мало-по-малу дошли мы до второй и притомъ ведущей уже къ саду вершины. Но какъ тутъ водоводъ шолъ по раскопанной дорогѣ, усыпанной пескомъ, и имѣлъ видъ натуральнаго ручья, то начались у насъ опять удивленія и толки о томъ, какъ обманываетъ онъ собою зрѣніе и какъ кажется, что онъ вверхъ идетъ. Намѣстникъ то-и-дѣло твердилъ: «истинно, что божиться готовъ, что ручей сей вверхъ течетъ». Когда дошли мы до сада, то началъ я ему показывать тѣ мѣста, кои почиталъ я наиприличнѣйшими для садовыхъ зданій. «Вотъ здѣсь на этомъ бугрѣ, говорилъ я, всего бы приличнѣе построить небольшую прозрачную ротонду на колонахъ; она оживила бы весь садъ и была наилучшимъ ему украшеніемъ. Есть въ давишной книгѣ и прекрасный рисунокъ оной. А бугоръ этотъ можно бы одѣть каменьями и придать ему видъ искусный, какъ каменный. Вонъ тамъ можно сдѣлать вечернюю, а тамъ полуденную сидѣлку, и такъ далѣе».

Намѣстникъ слушалъ все со вниманіемъ, но не говорилъ ни слова. Наконецъ, увидя большую яму, подлѣ помянутаго бугорка находящуюся, спросилъ: «а это что за яма, конечно погребная при бывшемъ тутъ жильѣ?»—«Точно такъ, сказалъ я, тутъ былъ дворъ поповскій и его былъ тутъ погребъ».—«Но его, Андрей Тимоѳеевичъ, надо бы засыпать».—«А я такъ совсѣмъ противное тому думаю, отвѣчалъ я, а мнѣ не удастся ли тутъ сдѣлать что-либо такое, что могло-бъ также быть пріятнымъ сюрпризомъ для вашего превосходительства».—«Ну, судырь, сказалъ мнѣ на сіе намѣстникъ, такъ я не хочу мѣшаться въ ваши замыслы и намѣренія, а дѣлайте что заблагоразсудите, а скажу только, что ежеле-бъ что потребовало и небольшихъ коштовъ, такъ, по-

жалуйте, не относясь ко мнѣ, ихъ употребляйте. Я увѣренъ, что вы не потеряете ни полушки попустому и сохраните нужную экономію».—«О, конечно, ваше превосходительство, въ этомъ можете вы на меня, какъ на самихъ себя, положиться, и я вѣрно самъ не подумаю при томъ наживаться, а скорѣе и охотнѣе своего собственнаго лишуся, нежели подумаю о неправдивомъ какомъ пріобрѣтеніи».—«Въ этомъ я, судырь, подхватилъ намѣстникъ, не сомнѣваюсь ни мало, и всѣ ваши дѣянія мнѣ то доказываютъ ясно».

Отошедъ отъ сего мѣста, пошолъ онъ опять по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ходилъ наканунѣ, и вновь всѣмъ-и-всѣмъ любовался. И тогда указалъ я ему еще одно мѣсто на горѣ, удобное для сдѣланія тамъ небольшаго павильона, говоря, что и сему также пріисканъ въ книгѣ у меня рисуночекъ, и что хорошо бы, если со временемъ воздвигнуть такой садовый храмикъ. Намѣстникъ и при семъ случаѣ промолчалъ. А пришедъ опять къ марморнымъ пескамъ, любовался вновь оными и разспрашивалъ уже обстоятельнѣе, чтд-и-что думаю я тутъ еще сдѣлать, и я принужденъ былъ разсказывать ему всѣ мои намѣренія, и казалось, что всѣми ими былъ доволенъ.

Отсюда ведя его далѣе по набережной, завелъ я рѣчь о ново-открытомъ мною источникѣ съ минеральною водою и сказалъ ему, что мнѣ недавно случилось найтить въ самой близи отъ сихъ мѣстъ колодезь съ водою, которая по всѣмъ примѣтамъ кажется мнѣ быть минеральною и содержащею въ себѣ множество марціальныхъ и селенитныхъ частицъ.

Какъ намѣстникъ былъ во всѣхъ такихъ случаяхъ весьма любопытный человѣкъ и жадно ловилъ всё, замѣчанія достойное,—то ухватился онъ и за сей предметъ и хотѣлъ источникъ сей видѣть. Итакъ, принужденъ я былъ довесть его и до онаго, и показавъ, разсказать ему, почему именно я догадываюсь, что онъ минеральный, и какіе я съ водою сею дѣлалъ опыты. Сіе возбудило еще болѣе его любопытство, и онъ хотѣлъ ихъ видѣть лично. Почему я тотчасъ и послалъ за кувшиномъ и за порошкомъ, натолченнымъ изъ чернильныхъ орѣшковъ, и приказалъ принесть оные прямо во дворецъ (куда мы отъ сего мѣста пошли) и велѣлъ вмѣстѣ принести и сей воды, почерпнутой изъ самаго бьющаго изъ земли ключа.

Какъ по возвращеніи во дворецъ было еще довольно рано, то покуда ходили за водою и готовили чай, занялся намѣстникъ разсматриваніемъ моихъ садовыхъ Гиршфельдовыхъ книгъ. И какъ всѣ онѣ наполнены были множествомъ эстамповъ и разныхъ изображеній, то, перебирая ихъ, онъ всѣ листы разсматривалъ съ превеликимъ любопытствомъ и мнѣ сказалъ: «Ну, судырь, гдѣ та ротунда и павильонъ, которые вами тутъ замѣчены?» Я тотчасъ ихъ ему пріискалъ, и какъ они ему въ полной мѣрѣ полюбились, то, призвавъ архитектора г. Сокольникова, ему сказалъ: «Какъ бы, Кузьма Семеновичъ, сихъ зданій сдѣлать поболѣе и такіе планы, по которымъ можно-бъ было здѣсь ихъ Андрею Тимоѳеевичу построить?»—«Очень хорошо, ваше превосходительство, сказалъ г. Сокольниковъ, это уже можно очень скоро сдѣлать, и они къ утру могутъ быть готовы».—«О, такъ возьмите-жъ, судырь, эту книгу и потрудитесь; а вы, Андрей Тимоѳеевичъ, сдѣлали-бъ мнѣ превеликое удовольствіе, если-бъ пріѣхали ко мнѣ въ мою подмосковную деревню, гдѣ я около 1-го числа августа находиться буду. Я-бъ, судырь, вамъ показалъ и садъ, сельское жилище, и мы бы съ вами походили тамъ, и также подумали кое-о-чемъ».—«Съ превеликимъ удовольствіемъ, сказалъ я на сіе, я готовъ исполнить повелѣніе вашего превосходительства».—«Но привезите съ собою, пожалуйте, и всѣ тѣ книги, сказалъ намѣстникъ, мнѣ хочется ихъ на досугѣ подолѣе поразсмотрѣть».—«Очень хорошо», сказалъ я. И увидѣвъ, что принесли минеральную воду и порошокъ въ бутылкѣ, продолжалъ: «вотъ и вода; не угодно-ли вашему превосходительству ви-

дѣть?» И какъ онъ изъявилъ свою къ тому охоту, то велѣлъ я подать два стакана, и одинъ изъ нихъ налить простою, а другой—сею водою; и потомъ взялъ порошку изъ чернильныхъ орѣшковъ, всыпалъ его нѣсколько въ стаканъ съ простою водою и сказалъ: «вотъ изволите видѣть, ваше превосходительство: въ простой водѣ не дѣлается оттого никакой перемѣны, а въ сей произойдетъ совсѣмъ не то: и какъ повсыпать въ нее, она въ тотъ же мигъ сдѣлается алою». Намѣстника сіе такъ удивило, что онъ смотрѣлъ на сіе съ превеликимъ любопытствомъ и говорилъ, что не оставитъ онъ и о семъ предметѣ подумать и велитъ ее испытать господамъ химикамъ.

Поданный въ сіе время чай и угощеніе онымъ всѣхъ, тамъ бывшихъ, прервало наконецъ нашъ любопытный разговоръ. Послѣ чая пошелъ намѣстникъ ходить опять по всѣмъ комнатамъ и разговаривалъ со мною о томъ, какъ бы ихъ росписать лучше. И какъ я замѣтилъ, что ему очень не нравилось тогда расположеніе иныхъ комнатъ и что не было сообщенія изъ нихъ съ заломъ,—то сказалъ я: «это легко можно и сдѣлать: стóитъ только проломать вотъ въ этомъ мѣстѣ и сдѣлать дверь, такъ и будетъ сообщеніе всѣхъ комнатъ между собою». — «И въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ намѣстникъ, вы меня на разумъ наставили и, пожалуйте, это сдѣлайте».

Симъ и кончился у насъ съ нимъ тогда разговоръ, ибо и достальное время занимался онъ разговорами съ городничимъ. А по-утру, на другой день, отправилъ прямо отъ себя курьера въ Петербургъ, вручилъ ему и ларчикъ съ песчанникомъ, и осыпавъ меня своими благодареніями, въ полномъ удовольствіи поѣхалъ отъ насъ въ Епифань и другіе города губерніи нашей.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо окончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 5-го дня 1810 года. Дворининово).

Письмо 219-е.

Любезный пріятель! Съ коликимъ удовольствіемъ поѣхалъ отъ насъ намѣстникъ, съ толикимъ же, или еще множайшимъ, остался и я, проводивъ отъ себя сего достопочтеннаго и любезнаго вельможу. Все его пріятельское и благосклонное обращеніе со мною въ сей разъ такъ меня очаровало, что я, сдѣлавшись еще приверженнѣйшимъ къ нему, одушевился новою и большею еще охотою къ дальнѣйшему продолженію моихъ садовыхъ работъ. И какъ и до того не чувствовалъ даже усталости при всѣхъ многочисленныхъ трудахъ, мною употребленныхъ, такъ и съ сего времени сдѣлались они мнѣ не только еще сноснѣйшими, но даже еще пріятнѣйшими. И сей случай доказалъ мнѣ, что ни что не могло меня такъ много возбуждать къ трудамъ и дѣятельности, какъ похвала и одобреніе оныхъ.

Какъ намѣстникъ при отъѣздѣ своемъ оставилъ мнѣ уже сдѣланные господиномъ Сокольниковымъ и имъ апробованные планы ротундѣ и павильону, а вскорѣ хотѣлъ прислать ко мнѣ планъ и тѣмъ двумъ каменнымъ корпусамъ, которые подлѣ церкви хотѣлъ онъ построить для богадѣльни и училища, а въ разсужденіи сада даже просилъ меня продолжать далѣе мои труды и работы и относительно до употребленія рабочихъ людей и самыхъ даже денежныхъ коштовъ, развязалъ мнѣ совершенно руки, предоставляя все собственному произволу и благоусмотрѣнію, — то, всходствіе того, не успѣлъ я его отъ себя проводить, какъ и принялся я опять и съ вящшею еще прилежностію за садовыя работы, и пользуясь продолжающимся тогда наиспособнѣйшимъ къ тому временемъ въ году, употреблялъ почти все свое время на оныя.

Мое первое дѣло относилось тогда до той погребной ямы, о которой загадалъ я намѣстнику загадку и въ разсужденіи которой, по счастію, и не сталъ онъ тогда

меня о намѣреніи моемъ въ подробности разспрашивать, а сказалъ только, что онъ не хочетъ о томъ напередъ и знать, дабы тѣмъ сюрпризъ былъ для него пріятнѣе, а предоставилъ все моему произволу. Намѣреніе же мое состояло въ томъ, чтобы смастерить на семъ мѣстѣ подземельный порядочный гротъ и расположить и устроить его такъ, чтобъ снаружи былъ онъ совсѣмъ непримѣтенъ. А какъ и замышляемую мною давно уже ротунду мнѣ можно было на находящемся подлѣ самой сей ямы бугрѣ, по желанію моему, воздвигнуть,—то я велѣлъ тотчасъ плотникамъ срубить изъ бревенъ довольно просторный четвероугольный срубъ, а рабочимъ людямъ, по мѣрѣ сего сруба, яму сію раскапывать еще больше, дабы весь оный срубъ въ нее и такъ глубоко опустить можно было, чтобъ осталось еще довольно мѣста для срубленія надъ ней дубоваго осьмиугольника, на подобіе свода купола, и оный сверху покрыть землею и, устлавъ оную дерномъ, скрыть чрезъ то весь оный подъ землею и дать мѣсту сему скорѣе видъ только маленькаго холмика, съ поставленіемъ на ономъ на пьедесталѣ марморной статуи, какихъ находилось у насъ довольно купленныхъ еще покойнымъ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ въ Петербургѣ на кораблях и въ Богородицкѣ еще до пріѣзда моего доставленныхъ (нѣкоторыя изъ нихъ я употребить велѣлъ для украшенія сада). Одну-то изъ сихъ замышлялъ я употребить къ сему, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пьедесталъ подъ нею сдѣлать пустой и стеклянный и чтобъ онъ служилъ лампадою надъ гротомъ и впускалъ сквозь себя сверху свѣтъ въ него.

Въ дѣлѣ семъ съ такимъ прилежаніемъ я трудился, что гротъ сей въ теченіе одной недѣли оконченъ уже былъ у меня вчернѣ, и осталось уже помышлять о внутреннемъ украшеніи онаго и о сдѣланіи въ него двухъ входовъ. Изъ сихъ разсудилъ я сдѣлать одинъ со стороны отъ города и отъ находящагося подлѣ самого его небольшаго въ полугорѣ водоема, а другой — съ боку. И дабы лучше гротъ могъ сдѣлаться непримѣтнымъ, то вздумалось мнѣ сдѣлать ихъ, родомъ просто и изъ дикихъ каменьевъ составленныхъ подземельныхъ пещеръ, изъ которыхъ одну въ четыре шага, покороче, а другую подлиннѣе, и придать имъ видъ колико можно натуральный.

Всходствіе чего прорывъ въ материкѣ съ двухъ сторонъ входы, велѣлъ я навозить множество всякаго рода дикихъ и разноцвѣтныхъ разной величины каменьевъ, и уклавъ ими бока сихъ входовъ, подѣлалъ надъ ними потолки дубовые, велѣлъ насыпать каменьевъ, и прикрылъ сіе снаружи опять все такъ, чтобъ дѣрева совсѣмъ было не видно и они казались бы натурою произведенными каменными сводами.

Между тѣмъ какъ все сіе дѣлали, употребилъ я выкопанную изъ сей ямы и рвовъ землю въ другое дѣло. Я велѣлъ ею возвысить помянутый бугоръ, назначаемый подъ ротунду, и для лучшаго вида весь оный съ трехъ сторонъ обнести многими разной величины дикими каменьями, и смастерить такъ, что будущая ротунда могла бы казаться стоящей на мысѣ крутой каменной горы и чрезъ то имѣть болѣе пышности и великолѣпія.

Не успѣлъ я сего кончить и дать пройтить нашей годовой Казанской ярманки, которая въ сей годъ не ознаменовалась ничѣмъ особливымъ, кромѣ обыкновеннаго стеченія великаго множества простаго народа, и того, что случилось мнѣ при семъ случаѣ впервые узнать и спознакомиться съ Львомъ Савичемъ Крюковымъ, сдѣлавшимся потомъ нашимъ родственникомъ,—какъ принялся я за произведеніе въ дѣйство другой и также достопамятной затѣи.

Я упоминалъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ, что, кромѣ большаго и длиннаго моего водовода, удалось найтить и еще одну воду въ ближней вершинѣ, и не только ближе, но и столь высокую, что мнѣ можно было провести ее другимъ водоводомъ къ самому почти дворцу, и тутъ, на самой на горѣ, произвести изъ нея нѣсколько водоемовъ. И какъ одно-

му изъ нихъ случилось сдѣланнымъ быть подлѣ самаго того мѣста, гдѣ назначилъ я быть каменной круглой бесѣдкѣ, или павильону, существующему и понынѣ,—то вздумалось мнѣ сдѣлать отъ самаго мѣста по крутизнѣ горы особый родъ каменнаго каскада, который бы оканчивался внизу подлѣ самаго входа въ песчанныя пещеры, которыя восхотѣлось мнѣ украсить каменными воротами, дабы при выходѣ изъ пещеры въ садъ вдругъ могло поразиться зрѣніе неожиданно симъ каскадомъ, а слухъ — величественнымъ шумомъ, производимымъ стеченіемъ водъ въ одно время со многихъ и съ разныхъ сторонъ высокихъ водостоковъ.

Затѣя сія была особая, и мнѣ удалось произвести ее отмѣнно удачно. Она хотя и стоила мнѣ многихъ трудовъ, поелику надобно было навозить туда премногое множество дикихъ каменьевъ и изо всѣхъ изъ нихъ произвести родъ натуральной каменной горы съ разными ущеліями и неровностями, изъ которыхъ могла-бъ вдругъ и съ превеликимъ шумомъ стремиться и съ разныхъ сторонъ сбѣгать внизъ спущенная въ шлюзикъ изъ верхняго водоема вода. Но какъ бы то ни было, но выдумка сія удалась и вышла штука, зрѣнія и удивленія достойная и превосходящая даже красотою своею самое мое ожиданіе.

Между тѣмъ какъ мы дѣланіемъ сего большаго каскада занимались, забыты были совсѣмъ кабинетныя мои упражненія. При всѣхъ моихъ недосугахъ и безпрерывныхъ надворныхъ занятіяхъ, улучалъ кое-когда цѣлые часы къ занятію себя и письменными упражненіями, а особливо сочиненіемъ матеріала для моего «Экономическаго Магазина», котораго въ изданіи не хотѣлось мнѣ никакъ сдѣлать наималѣйшей остановки. Итакъ, не одно утро и праздное полуденное время, когда работные люди отдыхали, препроводилъ я въ писаніи. Но, кромѣ того, затѣяно было у меня съ сыномъ еще одно дѣльце. Мнѣ не хотѣлось къ намѣстнику, по его приглашенію, пріѣхать въ гости съ пустыми руками. И какъ около самаго сего времени искусство составлять ландшафтныя картины изъ однихъ травокъ и листиковъ цвѣточныхъ довели мы съ сыномъ до нарочитаго совершенства, то и вздумалось мнѣ (къ тому времени какъ мнѣ ѣхать къ намѣстнику) смастерить съ нимъ нарочитой величины прекрасную травяную мозаическую ландшафтную картину, за хорошимъ стекломъ и за богатыми раззолоченными рамками, и сдѣлать ею намѣстнику сюрпризъ и подарокъ, мнѣ хотя очень мало стоющій, но ему пріятный. Итакъ, оба мы съ сыномъ совокупно симъ трудомъ и занимались и успѣли и сіе дѣльце сдѣлать.

Наконецъ, сталъ приближаться и августъ мѣсяцъ. И какъ первое число онаго назначено было къ тому, чтобъ мнѣ находиться уже въ сіе время у него въ его подмосковной деревнѣ,—то и расположился я отправиться туда нѣсколько поранѣ, за недѣлю до сего срочнаго времени, дабы, пользуясь симъ случаемъ, заѣхать мнѣ и въ свое Дворяниново и пробыть въ ономъ хотя нѣсколько сутокъ. А какъ и сыну моему хотѣлось вмѣстѣ со мною побывать въ нашей деревнѣ и потомъ съѣздить къ отцу своему крёстному, господину Полонскому, и у него все то время погостить, покуда я проѣзжу къ намѣстнику,—то расположился я и его взять съ собою для сотоварищества.

Итакъ, собравшись въ сей путь, поѣхали мы съ нимъ 25-го августа изъ Богородицка. При проѣздѣ, въ Тулѣ подрядили мы съ г. Давыдовымъ тамошнихъ столярей сработать намъ ту прекрасную ротунду, которая такъ много потомъ украшала собою нашъ садъ Богородицкій. И сдѣлавъ мимоѣздомъ и сіе дѣло, пустились далѣе.

Въ деревню свою пріѣхали мы съ нимъ 27-го августа, и такъ рано, что успѣли съ нимъ еще въ тотъ же день обѣгать и обходить всѣ наши сады и всю усадьбу. Всѣ ихъ нашли мы въ жалкомъ и запустѣломъ почти состояніи. Ибо какъ по стеченію обстоятельствъ не удавалось мнѣ во всѣ послѣдніе передъ симъ годы въ

деревнѣ своей въ лѣтнее время побывать, а того меньше проводить въ ней нѣсколько дней, то отсутствіе сіе произвело великія уже во всемъ перемѣны. А особливо — по обстоятельству, что прикащикъ мой былъ самый простой человѣкъ и не столько имѣлъ попеченіе о домѣ и о прочемъ, сколько о своемъ карманѣ; а старикъ-садовникъ мой, дядя Серёга, такъ уже одряхлѣлъ, что почти ничего дѣлать былъ не въ состояніи, а младшій его ученикъ Иванъ былъ также не слишкомъ ретивъ и болѣе плутовать, нежели обо всемъ рачителенъ,—то натурально долженствовали произойтить оттого во всемъ великія и для меня крайне непріятныя упущенія. Словомъ: я нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что не хотѣлось почти ни на что и взглянуть, и если-бъ не утѣшало обоихъ насъ прекрасное положеніе мѣстъ, которыми натура одарила нашу усадьбу, то было-бъ намъ очень скучно.

Со всѣмъ тѣмъ, имѣли мы съ сыномъ множество минутъ пріятныхъ. Поспѣшествовало къ тому много то, что какъ тогда вкусъ мой, относительно до садовъ, совсѣмъ перемѣнился, и я, разлюбивъ сады старинные регулярные, полюбилъ уже иррегулярные, натуральные и прекрасные (а симъ вкусомъ напитался уже и сынъ мой, дѣлающійся уже во всѣхъ моихъ упражненіяхъ и затѣяхъ нарочитымъ уже мнѣ товарищемъ и помощникомъ),—то у обоихъ у насъ и произошли тогда первѣйшія мысли о превращеніи и нашихъ садовъ, а особливо нагорнаго и нижняго, изъ регулярныхъ въ натуральные. А посему и пошли у насъ съ нимъ тотчасъ разные замыслы и затѣи о томъ, какъ бы сіе сдѣлать и гдѣ бы что̀ и какъ перемѣнить или что̀ вновь со временемъ сдѣлать.

Желаніе наше къ сему было такъ велико, что мы готовы-бъ были и тогда уже приступить къ сему преобразованію оныхъ, если-бъ не препятствовало къ сему съ одной стороны сколько краткость времени, столько съ другой и бывшая тогда самая рабочая и такая пора, что нельзя было никого оторвать съ поля для работъ садовыхъ и производства нашихъ затѣевъ въ дѣйство,—и потому принужденъ я былъ довольствоваться однимъ только тѣмъ, что успѣлъ объѣздить и осмотрѣть всѣ мои дачи и угодья, повидаться съ братомъ Михаиломъ Матвеевичемъ и сдѣлать кои-какія распоряженія въ домѣ. Совсѣмъ тѣмъ, не преминули мы съ сыномъ воспользоваться хотя тѣми немногими людьми, которые съ нами пріѣхали, и бывшими въ домѣ, и при помощи ихъ расчистить въ вершинѣ свою течку, и начали кое-что и другое дѣлать, сообразно съ нашими новыми затѣями. И можно сказать, что дни сіи были достопамятною для садовъ моихъ эпохою въ будущемъ времени, въ которомъ начались съ ними превеликія работы, относящіяся до ихъ преобразованія.

Препроводивъ въ сихъ замыслахъ и упражненіяхъ въ сей разъ не болѣе двухъ или трехъ дней, поѣхали мы съ нимъ наконецъ къ другу моему, господину Полонскому, въ его Зыбинку. Сего нашелъ я уже совсѣмъ въ иномъ положеніи, нежели въ какомъ любезный человѣкъ сей былъ прежде. Онъ былъ уже тогда вдовцемъ, ибо жена его, съ которою онъ, за нѣсколько до того времени поссорившись, разошолся, умерла. Онъ же, живучи въ уединеніи, не только отяготѣлъ, но и одряхлѣлъ примѣтнымъ образомъ. Но сіе бы еще не составляло дальней важности, но перемѣнило все положеніе его, наиболѣе то, что онъ связался тѣсною дружбою съ однимъ изъ господъ Шишкиныхъ, Александромъ Левонтьевичемъ, человѣкомъ хотя не глупымъ, но самаго дурнѣйшаго характера, умѣвшимъ къ нему такъ подольститься, что онъ, женивъ его на одной бѣдной сосѣдкѣ, подарилъ ему даже одну изъ деревень своихъ, въ близости тутъ находящуюся. Но сей, вмѣсто благодарности за то, пріучилъ его къ тому, къ чему онъ до того ни мало былъ не сроденъ, а именно къ частому гулянью или, прямѣе сказать, спилъ его почти съ кругу. Словомъ, я ахнулъ ажно, нашедъ его въ такомъ положеніи, что тогдашная

его жизнь ни на что уже не походила, и сожалѣлъ уже о томъ, что завезъ съ собою къ нему своего сына. Но какъ съ собою мнѣ его къ намѣстнику взять никакъ было не можно, то принужденъ уже былъ его на нѣсколько дней у него покинуть, что̀ и г. Полонскому, повидимому, было не противно, ибо, по прежней своей ко мнѣ дружбѣ, все еще былъ онъ ко мнѣ ласковъ и дружелюбенъ.

Итакъ, отобѣдавъ у него и оставивъ своего Павла въ Зыбинкѣ, пустился я въ тотъ же еще день далѣе. Переночевавъ въ Серпуховѣ, пробирался кое-какъ проселочными дорогами и пріѣхалъ наконецъ къ намѣстнику столь рано, что мы успѣли еще съ нимъ обходить многія мѣста его усадьбы.

Я нашолъ у намѣстника тутъ прекрасный каменный домъ, во всемъ почти подобный нашему богородицкому, и распрекраснѣйшую усадьбу. Онъ жилъ тутъ какъ бы какой англійскій лордъ, и все у него прибрано было тутъ по-боярски. Позади дома находился регулярный садъ, со множествомъ бесѣдокъ и разныхъ домиковъ, а предъ домомъ обширное мѣсто съ нѣсколькими прудами, а за нимъ увидѣлъ рѣку Пахру, протекающую прекрасною излучиною, а за оною и по сторонамъ прекрасный лѣсъ и рощи. Словомъ: положеніе мѣста было пышное и такое, что я не инако оное, ровно какъ и все то, что̀ имъ сдѣлано было, хвалить былъ долженъ.

Намѣстникъ пріѣздомъ моимъ былъ очень доволенъ, а поднесенною ему картиною еще того болѣе. Онъ не могъ ею довольно налюбоваться и показывалъ всѣмъ ее за диковинку, а особливо фавориткѣ своей, госпожѣ Вельяминовой, которая гостила у него тогда тутъ же съ своимъ мужемъ. И при семъ-то случаѣ насмотрѣлся я довольно сей госпожѣ, игравшей тогда важную ролю, и не могъ довольно начудиться ея мужу, нечувствующему ни малѣйшаго оттого стыда, что носилъ почти только званіе мужа, и жертвующему женою своею въ угодность сему вельможѣ. Но не столько удивителенъ былъ мнѣ онъ, сколько отецъ сей госпожи. Онъ былъ г. Бунинъ и служилъ тогда городничимъ въ городѣ Бѣлевѣ, гдѣ намѣстникъ и познакомился съ симъ семействомъ. Говорили, что будто бы и самъ отецъ и мать сей госпожи, бывшей тогда дѣвушкою, поспѣшествовали сами такому знакомству дочери своей съ намѣстникомъ, и единственно для того, чтобъ пользоваться его милостью. И дабы можно было ему ее имѣть всегда у себя въ близости, то и выдана она была за молодого человѣка, изъ фамиліи Вельяминовыхъ, котораго намѣстникъ по самому сему случаю произвелъ въ люди, и который, находясь при немъ въ должности совѣтника правленія, игралъ также тогда важную роль. Но какъ бы то ни было, но для меня, какъ посторонняго человѣка, не было въ томъ никакой нужды, и я доволенъ былъ тѣмъ, что и госпожа сія обходилась со мною довольно ласково и совсѣмъ не такъ гордо, какъ съ другими.

Для жительства мнѣ отведена была одна бесѣдка въ саду его, чѣмъ я былъ и доволенъ. Намѣстникъ принялъ меня какъ гостя и тотчасъ повелъ меня показывать все имъ сдѣланное въ своей усадьбѣ. Я хотя и хвалилъ все, но находилъ вездѣ болѣе употребленнаго кошта къ работѣ, нежели вкуса. Но умалчивалъ о томъ, а преподавалъ ему только мысли о разныхъ другихъ вещахъ, которыя, по мнѣнію моему, было бы не дурно еще сдѣлать. Всѣми сими, какъ въ тотъ, такъ и въ послѣдующій день такъ я его прельстилъ, что онъ смѣясь сказалъ мнѣ наконецъ: «Нѣтъ, нѣтъ, Андрей Тимоѳеевичъ, впредь ты ко мнѣ, пожалуй, сюда не ѣзди, а то ты меня заведешь въ безконечныя хлопоты и убытки своими заманчивыми предложеніями».

На другой день съѣхалось къ намѣстнику множество другихъ гостей и весь оный провели мы весело, и такъ, какъ бываетъ въ Англіи. По-утру собрались мы всѣ пить къ нему чай; совокупно и для завтрака, поставленъ былъ въ залѣ большой круглый столъ; и за нимъ, сидючи кругомъ, пили мы чай. Потомъ, до

самаго обѣда, имѣли мы, всѣ бывшіе тогда у него въ гостяхъ, свободу ходить и гулять, гдѣ кто хотѣлъ, и дѣлать, что кому угодно. И какъ черезъ колоколъ надо было всѣмъ знать, что обѣденный столъ былъ готовъ, то спѣшили всѣ къ оному и были угощены сытнымъ и выпивнымъ обѣдомъ. А послѣ обѣда, все достальное время провели мы въ безпрерывныхъ общихъ гуляньяхъ по прудамъ и по рощамъ, переѣзжали черезъ рѣку и тамъ въ поставленномъ шатрѣ пили чай. Потомъ ѣздили съ нимъ на бумажную его фабрику, гуляли по его англійскому, ничего незначущему, саду, и такъ далѣе. Словомъ, весь сей день провели мы въ удовольствіи.

Утро же въ слѣдующій за симъ день занимался намѣстникъ наиболѣе со мною разговорами о разныхъ матеріяхъ, показывалъ часъ-отъ-часу болѣе своего ко мнѣ благоволенія и не прежде меня отъ себя отпустилъ какъ предъ вечеромъ, всѣмъ его пріемомъ и угощеніемъ крайне довольнаго. Но какъ я ни поздно отъ него поѣхалъ, но успѣлъ въ тотъ же еще день доѣхать ночевать въ Лопасну; а наутріе заѣхать къ г. Полонскому и, взявъ отъ него сына, возвратился къ вечеру въ свое Двоениново.

Путешествіе сіе колико было мнѣ пріятно, толико, напротивъ того, сыну моему все сіе время было крайне скучно. Онъ не радъ былъ, что попался тогда къ г. Полонскому, сидящему только за своимъ столикомъ и раздергивающему шелковые лоскутки, или перебирающему по зернушку пшеницу на сѣмена и не занимавшемуся съ нимъ ни какимъ почти разговоромъ. А сіе натурально и нагоняло сыну моему скуку, и онъ прожилъ сіи дни, равно какъ въ неволѣ, и радъ былъ, что ему удалось сходить для прогулки на берегъ рѣки Оки. Которая его прогулка была тѣмъ достопамятна, что онъ нашелъ тамъ въ пескѣ множество раковинъ и улитокъ, и преподала мнѣ мысль велѣть ихъ набрать какъ можно болѣе и употребить ихъ потомъ на украшеніе нашего грота. Впрочемъ, достопамятно, что сей разъ былъ уже послѣдній, что я видѣлъ г. Полонскаго, ибо послѣ того до самой его кончины, воспослѣдовавшей чрезъ нѣсколько времени послѣ сего свиданія, не удалось мнѣ уже никогда видѣть сего моего друга, котораго любовь ко мнѣ такъ мнѣ памятна, что я и понынѣ видалъ нерѣдко издали то мѣсто, гдѣ почіетъ прахъ его, смотря на оное съ чувствительными движеніями душевными, и всякій разъ желаю ненарушимаго костямъ его покоя.

Не успѣли мы возвратиться въ Двоениново, какъ, дорожа всякою минутою, принялись мы тамъ опять за работу. А именно: намъ вздумалось вершину нашу въ одномъ мѣстѣ перегородить срубомъ и текущую по ней воду такъ возвысить, чтобъ ее можно было провести такимъ же водоводомъ, какъ и въ Богородицкѣ, въ мой нижній нагорный садъ и произвести въ немъ ею какія-нибудь водяныя украшенія. Итакъ, тотчасъ отысканы были дубовыя пластины и я заставилъ рубить изъ нихъ косорубъ и преградилъ имъ противъ самыхъ хоромъ вершину и ожидалъ отъ сего не вѣдомо какой пользы. Но впослѣдствіи времени оказались всѣ сіи труды тщетными. Вода не дала себя никакъ остановить и по желанію возвысить, и я принужденъ былъ предпріятіе сіе оставить до другого времени. Такимъ же образомъ затѣвалъ было я въ сей разъ и на Удеревѣ сдѣлать для себя двѣ сажелки и нарочно для того ходилъ туда и назначивалъ къ тому мѣста. Но и сіе осталось безъ всякаго послѣдствія и успѣха.

Между тѣмъ, видѣлся я и съ другими моими сосѣдями, г. Басаргинымъ и его женою и принужденъ былъ имѣть съ ними превеликій крикъ и споръ, по поводу хранимаго у меня ихъ векселя. Они приступили опять ко мнѣ и требовали его выдачи, а я никакъ на то не соглашался и, желая спасти наслѣдіе своей крестницы, не взиралъ на всю ихъ досаду и гнѣвъ, а смѣялся только глупому ихъ требованію и желанію до конца разорить бѣдную сироту сію.

Наконецъ, проводивъ еще одинъ день въ дѣланіи помянутой преграды и уступа и, оставивъ недодѣланными, поѣхали мы въ Богородицкъ. И заѣхавъ въ Федешово и тамъ отобѣдавъ, благополучно 7-го числа августа возвратился къ моимъ домашнимъ въ Богородицкъ.

Симъ образомъ, окончивъ и сіе свое путешествіе, принялся я опять за всѣ прежнія мои дѣла и упражненія. И посидѣвъ опять за перомъ и наготовивъ на все достальное время сего года потребное количество матеріала для моего «Экономическаго Магазина», принялся я опять за садъ, а особливо за отдѣлку грота. Сей вздумалось мнѣ убрать совсѣмъ отмѣннымъ и такимъ образомъ, какимъ еще никто до того времени не убиралъ гротовъ. Я велѣлъ сперва отгородить досками всѣ его углы во внутренности и дать ему чрезъ то внутри фигуру осьми-угольную и сообразную съ его потолкомъ, срубленнымъ, на подобіе осьми-угольнаго свода. Въ помянутыхъ отгородкахъ велѣлъ подѣлать круглыя углубленія, ниши, въ которыхъ бы сидѣть было можно, а въ сводѣ срубить маленькій лантернъ съ четырьмя окончинами и поставить на немъ, какъ на піедесталѣ, марморную статую. Въ сей лантернъ входилъ свѣтъ въ мой гротъ. Но какъ сего было не довольно, то получалъ онъ нѣсколько свѣта и въ оба свои входа, которые сдѣланы были въ него съ двухъ сторонъ, какъ я прежде упоминалъ, пещерами. При самомъ входѣ его, подѣлалъ я порядочныя стеклянныя двери, а соотвѣтственно имъ, въ противостоящихъ стѣнахъ, сдѣлалъ двѣ другія, точно такой же величины и формы, фальшивыя двери, и вмѣсто стеколъ вставилъ въ нихъ зеркалы, купленныя мною нарочно для сего въ проѣздъ мой въ Тулѣ. Самая сія выдумка и составила наилучшее украшеніе моего, лещедью порядочно вымощеннаго, грота, ибо всякій, входящій въ гротъ, обманывался и не инако думалъ, что съ противоположной стороны есть въ него другой входъ и также идутъ въ него другіе люди, и сей обманъ зрѣнія былъ столь совершененъ, что многіе, обманувшись и увидѣвъ тамъ людей и сами себя не узнавъ, снимали изъ вѣжливости шляпы и кланялись, и чрезъ то подавали поводъ къ смѣху и хохотанью.

Но сего было далеко еще не довольно. Чтобъ придать гроту моему видъ совершенно каменнаго грота, велѣлъ я всю внутренность его, какъ стѣны, такъ и сводъ, порядочно оштукатурить и штукатуркою сею прикрыть все дерево такъ, чтобъ онаго совсѣмъ было не примѣтно; а повыше стѣнъ, подъ куполомъ, обвесть большимъ карнизомъ; а для приданія еще множайшей красы, какъ стѣны, такъ и ниши, а въ особливости карнизъ во многихъ мѣстахъ — украсить вставленными въ штукъ многими рядами и узорами большихъ и малыхъ раковинъ и улитокъ. Вставливались оныя такъ, чтобъ приходились онѣ, гдѣ спинками своими, гдѣ углубленіями своими наружу; а чтобъ придать имъ болѣе красы и блеска,—то постарались мы ихъ иныя вызолотить, а иныя высеребрить, и по серебру разцвѣтить подъ видъ перламутры разными на лакѣ красками. Нельзя довольно изобразить — какой прекрасный видъ и какое украшеніе они собою сдѣлали, а особливо въ карнизѣ и въ нишахъ, въ коихъ изображены были изъ нихъ цѣлые фестоны, повѣшенные на шнурахъ, составленныхъ изъ крупныхъ бѣлыхъ, на подобіе бусовъ, пронизокъ. Всѣ же промежутки на стѣнахъ и сводѣ между сими обводками усыпаны были по сырому штуку, гдѣ разными цвѣтными нашими песками, гдѣ истертою слюдою, а гдѣ мелкимъ бутылочнымъ стекломъ, что все такой придавало блескъ и такую пестроту и расположено было съ такимъ вкусомъ, что гротъ мой составился сущею великолѣпною и такою игрушкою, что, вошедъ въ него, засмотрѣться было можно. А чтобъ придать ему еще болѣе куріозности, то вверху, въ лантернѣ, противъ окончинъ, утвердилъ я вкось и въ такомъ положеніи зеркалы, что въ нихъ видѣнъ былъ весь нашъ городъ и всѣ положенія мѣстъ, вверху пруда находящіяся. Зеркальныя

же двери, кромѣ вышеупомянутаго обмана, производили и то дѣйствіе, что стоящему посреди грота человѣку казалось, что онъ окруженъ не одними, а нѣсколькими комнатами, также великолѣпно украшенными. Словомъ, весь гротъ сдѣлался чрезъ все сіе такимъ, что не стыдно-бъ ввесть въ него было хотя бы самого Государя.

Конечно, можно всякому заключить, что все сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать можно было. И я, не обинуясь, скажу, что стоилъ онъ мнѣ хотя небольшихъ коштовъ, но хлопотъ и трудовъ весьма многихъ, и тѣмъ паче, что всѣми внутренними его работами и украшеніями не могли заниматься простые работники, а потребны были къ тому искуснѣйшія руки. А потому употреблялъ я къ тому не только моего досужаго садовника, штукатура и маляра и нашего переплетчика, но и самъ, вмѣстѣ съ сыномъ моимъ, надъ тѣмъ, особливо надъ разцвѣчиваніемъ многихъ тысячъ раковинъ и улитокъ, лично трудился. И всѣ мы тѣмъ не только половину августа, но и большую половину сентября мѣсяца занимались и едва-едва его ко 20-му числу сентября окончили. Но сказать надобно мнѣ и то, что всѣ сіи многіе труды мнѣ были не только ни мало не скучны и чувствительны, но весьма еще пріятны, и ежедневно доставляли мнѣ множество минутъ пріятныхъ. Ибо всякая отдѣльная штука или вновь выдуманное и затѣянное украшеніе веселило и радовало меня чрезвычайно, а такое же удовольствіе имѣлъ при томъ и сынъ мой, равно какъ всѣ, въ работѣ участіе имѣвшіе.

Со всѣмъ тѣмъ, все сіе было еще не одно, въ чемъ мы, особливо я, въ самое сіе время упражнялись. Но надобно сказать, что между тѣмъ какъ мы занимались внутреннимъ украшеніемъ грота, производимы были другими работными людьми и разныя другія въ саду работы: одни изъ нихъ отдѣлывали, по указанію моему, песчаную удивительную пещеру и наружность горы, обдѣлываемую развалиною; другіе —строили каменный павильонъ; иные отдѣлывали самый большой нижній водоемъ, котораго дно, по причинѣ рыхлости земли принуждены мы были устлать и убивать сплошь такими же пластами изъ синей глины, о какихъ я упоминалъ прежде и которые одни въ состояніи были удержать въ немъ воду; а иные, наконецъ, воздвигали привезенную къ намъ и сдѣланную уже ротунду и раскрашивали оную разными красками. Сверхъ всего того, назначивалъ я и далѣе вверху прочія мѣста въ саду, которыя осенью засаживать лѣсомъ надлежало, и такъ далѣе. Словомъ, все сіе время было для меня преисполнено безчисленными хлопотами и трудами.

Впрочемъ, не успѣлъ я отдѣлать своего грота, какъ случилась мнѣ еще на нѣсколько дней отлучка. Пріятель мой и знакомецъ, г. **Сахаровъ**, живущій въ Ефремовскомъ уѣздѣ и верстъ за сорокъ отъ насъ, вздумалъ, не помню по какому-то случаю, сдѣлать у себя большой пиръ. Итакъ, принуждены мы были къ нему ѣздить, и въ отлучкѣ сей провели 22-е, 23-е и 24-е сентября мѣсяца. И какъ у г. Сахарова былъ въ сіе время превеликій съѣздъ и множество знаменитаго дворянства и 23-го числа порядочный балъ, то не только провели мы сіе время у него въ танцахъ и въ гуляньяхъ по его прекрасному саду весьма весело и были угощеніемъ его крайне довольны, но я имѣлъ случай познакомиться со многими знаменитыми и до того мнѣ незнакомыми людьми.

Возвратясь отъ г. Сахарова, послѣдніе дни сентября употребилъ я на назначеніе въ саду *лавиринта*. Какъ я съ-малолѣтства превеликую охоту имѣлъ къ игрушкамъ сего рода и всѣ дѣланные мною до того опыты были какъ-то неудачны, то восхотѣлось мнѣ употребить и въ семъ саду одно пустое мѣсто подъ *лавиринтъ* и занять его онымъ. Наиболѣе же побудило меня къ тому то, что около самаго сего времени случилось мнѣ выдумать *лавиринтъ* отмѣнно замысловатаго рода. И какъ, по нетерпѣливости моей

во всѣхъ такихъ случаяхъ, возгорѣлось во мнѣ желаніе видѣть оной въ самой практикѣ, а мѣсто случилось къ тому удобное, въ работникахъ и матеріалахъ къ тому не было недостатка,— то и принялся я за назначеніе онаго. Намѣреніе мое было произвесть всѣ стѣны его изъ насаженнаго сплошь кустарника. И потому не успѣлъ его назначить, какъ и велѣлъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ быть дорогамъ, прорывать широкія борозды, а изъ земли, вынимаемой изъ нихъ, дѣлать по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ быть стѣнамъ, гряды, назначаемыя подъ посадку кустарника. Но какъ къ достиженію онаго до совершенства требовалось много времени, то, желая скорѣе онымъ пользоваться, предпріялъ я по всѣмъ симъ грядкамъ набить сплошнѣе и столь частые колья, чтобъ сквозь ихъ съ одной дорожки на другую никакъ пролѣзть было не можно, и переплетя ихъ сверху, всѣ сплить въ одну препорцію. Въ срединѣ же, какъ въ центрѣ онаго, сдѣлать нарочитой курганъ и на немъ поставить на піедесталѣ статую. Чрезъ что, чрезъ короткое время и привелъ оный до желаемаго совершенства и не одинъ разъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что никто не могъ войти въ него, не ошибаясь множество разъ на распутіяхъ. Однако, время и опытность доказали мнѣ, что старинныя садовыя игрушки сего рода всего скорѣе могутъ прискучить, и потому и повеселился я симъ лавринтомъ не долѣе какъ года два или три, а тамъ его и запустилъ весь въ лѣсочикъ.

Достопамятно также, что около самого сего времени случилось мнѣ впервые выдумать славныя свои пронизочныя картины и щиты, могущія не только при огнѣ, но и въ самые солнечные дни составлять наипрекраснѣйшую иллюминацію. Поводъ къ изобрѣтенію оныхъ подалъ мнѣ піедесталъ, сдѣланный подъ статую, поставленную на верху моего грота, или паче—лантернъ онаго. И какъ онъ со всѣхъ четырехъ сторонъ имѣлъ отверстія, со вставленными въ нихъ цѣлыми листами стеколъ, то, для предохраненія оныхъ отъ разбитія, вздумалъ я придѣлать ко всѣмъ четыремъ отверстіямъ по отворяющемуся на петляхъ желѣзному листу. А чтобъ не отнять чрезъ то совсѣмъ свѣта отъ моего грота, то и велѣлъ я пробить въ оныхъ по рисункамъ множество круглыхъ дыръ и въ оныя вставить разноцвѣтные пронизки, что и послужило ко всему гроту моему украшеніемъ.

Симъ кончился тогда нашъ сентябрь мѣсяцъ, а мнѣ же почти и мой 46-й годъ жизни. Но что происходило въ октябрѣ и въ послѣдніе мѣсяцы сего года, о томъ перескажу вамъ въ моемъ послѣдующемъ письмѣ, а сіе симъ теперь окончу, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 11-го дня 1810 года).

Письмо 220-е.

Любезный пріятель! Мѣсяцъ октябрь ознаменовался пріѣздомъ къ намъ опять командира моего г. Давыдова. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ началѣ сего мѣсяца по поводу наступленія времени по обыкновенной переоброчкѣ нашихъ отдаточныхъ въ наемъ излишнихъ земель и пробылъ у насъ цѣлую недѣлю. Все сіе время было для меня опять весьма безпокойное и суетливое, ибо какъ для торговли и найма земли съѣхалось множество дворянства, а сверхъ того и съ г. Давыдовымъ пріѣхало нѣсколько человѣкъ изъ его знакомыхъ и пріятелей,— то и надобно было всѣхъ ихъ какъ мнѣ у себя, такъ и во дворцѣ, а съ ними и другихъ нашихъ городскихъ угощать. И потому происходили у насъ опять безпрерывныя почти празднества и угощенія, до каковыхъ г. Давыдовъ былъ отмѣнный охотникъ и любилъ весьма какъ у другихъ попировать, такъ и у себя угощать и подчивать. Всходствіе чего и были то-и-дѣло обѣды и ужины, то у него во дворцѣ, то у меня, то у городничаго, то у засѣдателя нашего г. Чулкова, то въ сосѣдствѣ, въ деревнѣ у г. Хомякова. А сверхъ того ѣзди-

онъ однажды и на поле для псовой охоты и утѣшался ею цѣлые сутки.

Но какъ время сіе ни было для меня суетливо и безпокойно, но я доволенъ былъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что было у насъ все смирно и хорошо и не было ничего досаднаго и огорчительнаго. Сверхъ того, услаждены были всѣ труды и хлопоты тѣ неописаннымъ удовольствіемъ, какое имѣлъ г. Давыдовъ при усмотрѣніи всего мною сдѣланнаго въ садахъ въ теченіе сего лѣта. И какъ ему случилось тогда еще впервые лично все увидѣть, а особливо мою песчаную гору и мой гротъ, то онъ только ахалъ на всякомъ почти шагѣ отъ удивленія и не понималъ, какъ могъ я успѣть все сіе сдѣлать въ столь короткое время, и притомъ съ чрезвычайно малымъ коштомъ! И какъ онъ былъ отмѣнно самолюбивъ и все относилъ болѣе къ себѣ, хотя въ самомъ дѣлѣ всего меньше имѣлъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ соучастія, то смѣшно было для меня видѣть, какъ онъ важивалъ всѣхъ пріѣзжающихъ дворянъ для показыванія въ садахъ всего, что мы будто бы съ нимъ успѣли надѣлать, и какъ всѣмъ тѣмъ кичился! Я охотно давалъ ему волю предаваться таковымъ самохвальствамъ, ибо вѣдалъ, что всѣ знали, что ни мало не онъ, а одинъ я былъ тому производителемъ, и довольствовался тѣмъ, что всѣ, видѣвшіе мои работы, превозносили до небесъ ихъ похвалами. Но ничто такъ много всѣхъ не удивляло, какъ мой гротъ, бывшій совсѣмъ уже тогда въ отдѣлкѣ. И при сихъ-то случаяхъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ насмотрѣлся я тому, какъ многіе зеркальными дверями при входѣ въ гротъ обманывались и какъ все украшеніе онаго поражало ихъ такимъ удивленіемъ, что онаго изобразить было не можно. Отъ самого сего и загремѣла повсюду о садѣ нашемъ, а особливо о гротѣ моемъ слава, побуждавшая многихъ нарочно пріѣзжать для смотрѣнія онаго.

Впрочемъ, достопамятно, что во время сего пребыванія у насъ г. Давыдова, перетревожены мы были въ одинъ день случившимся въ слободѣ нашей нарочито большимъ пожаромъ, обратившимъ въ короткое время два дома изъ моихъ канцелярскихъ служителей въ пепелъ. Но, по счастію, былъ сей пожаръ не близко подлѣ моего дома и случился въ погоду самую тихую, и потому не было отъ него никакой дальней опасности.

Наконецъ, кончились наши торги, и г. Давыдовъ долженъ былъ отъ насъ уѣхать. Сіе воспослѣдовало не прежде какъ уже 10-го числа октября. Онъ поѣхалъ отъ насъ въ превеликомъ удовольствіи и при отъѣздѣ почти съ просьбою препоручилъ мнѣ сдѣлать еще нѣкоторые планы и рисунки, для представленія самой императрицѣ. Кромѣ сего, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ я въ началѣ ноября мѣсяца пріѣхалъ къ нему въ Тулу и оттуда вмѣстѣ съ нимъ съѣздилъ въ Калугу на имянины къ нашему намѣстнику, увѣряя, что сіе будетъ ему отмѣнно пріятно.

Оба сіи приказанія озаботили меня вновь. И я, сколько по приказанію его, а болѣе по убѣдительной просьбѣ, принужденъ былъ, тотчасъ, по отъѣздѣ его, приняться за сочиненіе помянутыхъ плановъ и рисунковъ и трудиться надъ ними во весь октябрь мѣсяцъ.

Но какъ много ни занимали они меня собою, но я не упустилъ однако и наступившаго тогда удобнаго времени къ осенней садкѣ деревъ. И насадивъ ихъ опять въ саду нѣсколько десятковъ тысячъ, успѣлъ образовать ими всю верхнюю и плоскую часть сада.

Между тѣмъ насталъ день и моихъ имянинъ. Сей не преминулъ я, по обыкновенію, праздновать и для всѣхъ нашихъ городскихъ сдѣлать у себя большой пиръ и угостить ихъ обѣдомъ и ужиномъ. И день сей провели мы отмѣнно весело. Мнѣ начался уже тогда 47-й годъ отъ роду, слѣдовательно доходилъ уже почти пятый десятокъ моей жизни. Да и кромѣ сего какъ то было сіе время для насъ гостисто: то-и-дѣло пріѣзжали къ намъ то тѣ, то другіе гости и отрывали меня отъ моихъ надворныхъ и комнатныхъ работъ.

Кромѣ послѣднихъ и кромѣ дѣланія помянутыхъ плановъ и рисунковъ, присовокупилась еще новая работа. Предлежащая мнѣ опять ѣзда къ намѣстнику возбудила во мнѣ опять желаніе къ смастерепію опять чего-нибудь, чѣмъ мнѣ намѣстника можно было подарить въ его имянины и привезти къ сему дню съ собою. При помышленіи о томъ, лучшаго я не находилъ, какъ сдѣлать для него пронизочную иллюминацію, съ изображеніемъ на ней его вензеля. Которую штуку и удалось намъ съ сыномъ смастерить очень хорошо: она походила почти во всемъ на тѣ пронизочныя вставки въ окнахъ, каковыя и теперь еще у меня хранятся, и которыя всѣхъ, видающихъ ихъ, приводятъ красотою своею въ пріятное удивленіе. Итакъ, при семъ случаѣ впервые вздумали мы дѣлать сего рода прекрасныя дневныя и вечернія иллюминаціи изъ толстой политуры, которая оказалась несравненно къ тому способнѣе листовъ желѣзныхъ. Дѣло сіе, по новости своей, сопряжено было хотя со многими для насъ трудами, но за то и удовольствіе наше было притомъ неизъяснимое, когда мы, ее отдѣлавъ, отмѣнную красоту ея увидѣли. Впрочемъ, какъ она была нарочитой величины и назначена быть ночною, то по окончаніи оной и вставили мы ее въ сдѣланный нарочно для того ящикъ, въ которомъ бы можно было скрыть всѣ зажженныя позади ей свѣчи, и, для отвоза оной въ Калугу, употребили особую подъ нее подводу.

Наконецъ, насталъ нашъ и ноябрь мѣсяцъ, и я очень радъ былъ, что успѣлъ къ сему времени какъ сію вновь затѣянную работу кончить, такъ окончить и мои планы и рисунки. На сихъ послѣднихъ изобразилъ я наилучшіе тогдашніе виды въ саду нашемъ, срисованные съ самой натуры. На одномъ изъ нихъ изобразилъ я нашу ротунду со всѣми ея окрестностями, а на другой—всю нашу развалину въ горѣ песчаной, а на третьей—видъ нашего дворца и окрестностей онаго. И сіи рисунки были первые, которые срисованы были мною съ натуры; и мнѣ удалось сдѣлать ихъ, равно какъ и планы, довольно хорошо, къ чему поспѣшествовало много и то, что я, воображая себѣ, что ихъ увидитъ сама императрица, не жалѣлъ при томъ трудовъ и употреблялъ самъ охотно все свое, на лучшее отработываніе оныхъ, искусство.

Итакъ, не успѣлъ я всего сего кончить, какъ собравшись вмѣстѣ съ женою и старшею моею дочерью, имѣвшимъ нужду побывать въ Тулѣ, 4-го числа ноября въ сей путь и отправился. Г. Давыдовъ пріѣзда моего уже дожидался и, увидѣвъ сдѣланную мою иллюминацію, такъ былъ ею доволенъ, что не могъ довольно меня за то расхвалить и возблагодарить, не сомнѣваясь ни мало, что она и намѣстнику нашему понравится. Послѣ чего мы съ нимъ тотчасъ въ Калугу и отправились, а жена моя, исправивъ свои нужды, поѣхала назадъ въ Богородицкъ.

Какъ сія вторичная моя ѣзда въ Калугу была для меня въ особливости достопамятна тѣмъ, что преисполнена была многими для меня удовольствіями, то опишу я вамъ ее подробнѣе.

Мы отправились съ нимъ въ сей путь 5-го числа ноября, послѣ обѣда, и расположились ѣхать не прямою дорогою, а чрезъ Алексинъ, поелику г. Давыдову хотѣлось заѣхать къ пріятелю своему г. Мансурову, бывшему тогда тульскимъ предводителемъ, у котораго мы въ деревнѣ и ночевали. И этотъ былъ первый еще разъ, что я былъ у господъ Мансуровыхъ и пользовался ихъ угощеніемъ.

Въ послѣдующій день, продолжая свой путь, пріѣхали мы къ обѣду въ Алексинъ. Тутъ съѣхались мы съ генераломъ съ Дмитріемъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, и были вмѣстѣ у родственника нашего Петра Алексѣевича Кирѣева, бывшаго въ сіе время тутъ городничимъ, угощавшаго насъ всѣхъ тогда обѣдомъ. И какъ г. Давыдовъ былъ гость бесѣдный, то за угощеніемъ симъ и позамѣшкались мы въ Алексинѣ такъ долго, что выѣхали уже передъ вечеромъ и не успѣли на паромѣ переправиться чрезъ Оку, какъ и обмеркли. Погода случилась тогда мрач-

ная и самая дурная осенняя. И поелику ночь была самая темная, то въ темнотѣ сей и сшиблись мы совсѣмъ съ дороги и заѣхали, сами не знаемъ куда, и радирады были, что попали нечаянно на знакомый г. Давыдова домъ Петра Кононовича Пронячищева, у котораго и принуждены были остаться ночевать. И въ дальнѣйшій путь не прежде уже поѣхали, какъ 7-го числа по-утру. И какъ надобно было поспѣшить, чтобъ не опоздать,—то, ѣдучи дурною дорогою по горамъ и по лѣсамъ, имѣли мы много труда и безпокойствъ. Однако, накормивъ въ Бобровѣ лошадей, успѣли еще до вечера пріѣхать въ Калугу и остановиться въ общественномъ домѣ для квартированія.

Тамъ наше первое дѣло было переодѣться и спѣшить къ намѣстнику, праздновавшему въ самый сей день навечеріе своихъ имянинъ и дававшему у себя всѣмъ городскимъ въ сей вечеръ маскарадъ. Намѣстникъ принялъ насъ, какъ гостей, очень ласково, и былъ пріѣзду нашему доволенъ. Я представилъ ему свою иллюминацію, которую въ тотъ же часъ для испытанія въ комнатахъ его и зажгли. И она имѣла счастіе ему такъ полюбиться, что онъ не могъ на нее довольно насмотрѣться. И расхвалилъ сіе новое мое изобрѣтеніе, благодарилъ меня за мое къ нему усердіе и приказалъ тотчасъ отнести ее въ залъ и поставить на хорахъ, дабы всѣ съѣзжающіеся въ самое то время на маскарадъ, могли ею утѣшаться. Итакъ, иллюминація моя подверглась тотчасъ зрѣнію всей публики и пріобрѣла себѣ всеобщую похвалу.

Наутріе, какъ въ самый день намѣстниковыхъ имянинъ, собрались мы всѣ вмѣстѣ и со всѣми тамошними городскими чиновниками, по обыкновенному, для поздравленій его со днемъ его имянинъ. И собраніе было превеликое. Кромѣ насъ съ г. Давыдовымъ, пріѣхало къ сему дню нѣсколько и другихъ нашихъ тульскихъ чиновниковъ, и мы всѣ отличаемы были отъ прочихъ какъ пріѣзжіе гости. Что касается до меня, то день и случай сей былъ для меня въ особливости достопамятенъ тѣмъ, что намѣстнику угодно было предъ всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ наименитѣйшихъ изъ своихъ чиновниковъ рекомендовать и осыпать меня толь многими похвалами, что сіе обратило всѣхъ глаза и вниманіе на меня и самого меня даже въ стыдъ вогнало. А сіе и подало поводъ къ тому, что всѣ начали ко мнѣ изъявлять свои ласки и вступать со мною въ пріятные разговоры. А таковое отмѣнное оттого уваженіе наполняло сердце мое наичувствительнѣйшимъ удовольствіемъ.

Обѣдомъ въ сей день угощалъ всѣхъ городскихъ не намѣстникъ у себя, а зять его г. Дурасовъ, мужъ родной сестры намѣстника. Мы всѣ приглашены были также на сей большой пиръ и обѣдали вмѣстѣ съ намѣстникомъ у онаго. А ввечеру былъ балъ и ужинъ у племянника его Ивана Дмитріевича Шепелева, гдѣ также было превеликое собраніе. И какъ мы и къ нему были также приглашены и въ семъ пиршествѣ имѣли соучастіе, то имѣлъ я тогда случай видѣть все калужское дворянство обоего пола и насмотрѣться танцевъ, а особливо славной танцовщицѣ княгинѣ Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славною по фавору къ ней покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Но меня не столько увеселяли танцы, какъ опять многократное со мною разговариваніе намѣстника и опять повторяемыя имъ всѣмъ-и-всѣмъ мнѣ похвалы. Что̀ и причиною было, что день сей препровожденъ былъ мною съ отмѣннымъ удовольствіемъ и былъ почти одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни.

Какъ послѣдующій день назначенъ былъ для отдохновенія, то, по дозволенію намѣстника, употребилъ я тотъ день на свиданіе съ пріятелемъ своимъ г. Кошелевымъ, братомъ нашей городничихи, и самымъ тѣмъ, который такъ много помогалъ намъ при театральныхъ нашихъ забавахъ. Сей ласковый и любезный человѣкъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ, обрадовавшись до безконечности, звалъ меня наиубѣдительнѣйшимъ образомъ пріѣхать къ нему въ сей день обѣдать.

Итакъ, я обѣдалъ въ сей день у него, гдѣ имѣлъ случай спознакомиться съ любопытнѣйшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ сановниковъ: г. Карповымъ, Богданомъ Михайловичемъ, бывшимъ тогда тутъ губернскимъ землемѣромъ. Какъ онъ былъ роднымъ братомъ свойственника и пріятеля моего Петра Михайловича Карпова, то обласкался онъ и, сдружившись въ одинъ мигъ со мною, просилъ: меня удостоить и его своимъ посѣщеніемъ, что я съ удовольствіемъ исполнилъ, и при любопытныхъ разговорахъ съ нимъ имѣлъ случай слышать одно странное происшествіе, съ нимъ случившееся, а именно:

Какъ былъ онъ человѣкъ очень любопытный и превеликій мастеръ рисовать, то, сидючи мы съ нимъ наединѣ въ его квартирѣ, разговаривали о многихъ и разныхъ, какъ любопытныхъ, такъ и важныхъ матеріяхъ. И тогда какимъ-то образомъ зашла у насъ рѣчь о магіи и о томъ, что многіе объ ней толкуютъ. А сіе подало ему поводъ мнѣ сказать: «о, государь мой, что она дѣйствительно на свѣтѣ есть, въ томъ могу я васъ увѣрить собственнымъ своимъ опытомъ или паче примѣромъ, видѣннымъ мною самолично». И какъ я очень любопытенъ былъ о семъ подробнѣе слышать, то продолжалъ онъ мнѣ слѣдующимъ образомъ:

«За нѣсколько лѣтъ до сего случилось мнѣ съ нѣсколькими другими, нашею братьею, ѣздить съ собаками въ отъѣзжее поле. Насъ собралось тогда человѣкъ десятокъ вмѣстѣ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и мы какъ ѣздили, такъ и почовывали всегда вмѣстѣ. Квартировали мы въ одномъ дворянскомъ большомъ домѣ, принадлежащемъ дворянину, знакомому одному изъ нашихъ товарищей. Какъ самъ хозяинъ въ домѣ тогда не жилъ, а былъ въ отлучкѣ, то занимали мы для ночеванія своего только три комнаты, на одномъ концѣ сего дома находящіяся. Какъ тутъ, по обыкновенію охотниковъ, препровождали мы, пріѣхавши съ поля, длинные осенніе вечера въ шуткахъ, играхъ, разговорахъ и разныхъ подобныхъ тому упражненіяхъ, то однажды и зашолъ у насъ также, какъ и теперь, разговоръ о магіи, волшебствѣ, показаніи умершихъ и прочемъ, тому подобномъ. И какъ всѣ почти утвердительно стояли въ томъ, что все это враки и что никакихъ волшебствъ на свѣтѣ нѣтъ, то одинъ изъ нашихъ товарищей, человѣкъ не старый и не слишкомъ молодой, но мнѣ до того незнакомый, слушавшій молча все о томъ ихъ разговоръ и разглагольствіе, усмѣхнувшись наконецъ, сказалъ имъ: «пожалуйте, государи мои, не спорьте о томъ, чего вы коротко не знаете, и не опровергайте того, что вамъ неизвѣстно». За сіе вступились тотчасъ изъ компаніи нашей нѣкоторые и начали еще жарче и такъ спорить, что незнакомецъ сей, разгорячившись, сказалъ: «ну, государи мои, ежели вы мнѣ не вѣрите, то хотите ли я вамъ сейчасъ докажу, что вы въ мысляхъ своихъ ошибаетесь и что на свѣтѣ дѣйствительно есть нѣчто тому подобное, о чемъ мы говоримъ? Не угодно ли кому изъ васъ отважиться сѣсть въ самой далекой комнатѣ сего дома, на краю онаго, и посидѣть тамъ нѣсколько минутъ одному, а мы между тѣмъ останемся всѣ здѣсь и я буду читать одну только маленькую бумажку, а между тѣмъ пускай кто-нибудь изъ насъ здѣсь молвитъ тихохонько одно какое-нибудь слово, и я ручаюсь въ томъ, что тотъ, кто тамъ будетъ сидѣть, не смотря на всѣ затворенныя двери и дальность мѣста, слово сіе очень явственно услышитъ».

«Сіе предложеніе удивило и смутило насъ всѣхъ. Нѣкоторые изъ насъ охотно хотѣли сіе видѣть, а другіе, а особливо наиболѣе спорившій воскликнулъ: «какъ это можно! не вѣрю я сему и изволь я первый соглашаюсь сѣсть тамъ и сіе испытать собою».—«Хорошо, государь мой, отвѣчалъ тотъ незнакомецъ, только сказываю вамъ напередъ, что хотя и не сдѣлается вамъ ни какова вреда, но будетъ вамъ тяжеловато, и вы напередъ это знайте».—«Хорошо, хорошо, закричалъ онъ, я ничего не боюсь и теперь же готовъ туда иттить». И тогда повелъ онъ насъ туда и, посадивъ его посреди самой даль-

ней комнаты на стулъ, очертилъ на полу, вокругъ его, кругъ углемъ и сказалъ «ну, извольте посидѣть тутъ». И затворивъ всѣ двери, пошолъ со всѣми нами въ прежнюю нашу комнату. И усѣвшись съ нами кругъ стола, вынулъ изъ бумажника своего исписанный какими-то крючками и закорючками небольшой клочокъ бумаги и намъ сказалъ: «ну, государи мои, извольте согласиться между собою о словѣ, какое сказать, и когда я, читая сію бумажку, дамъ вамъ знакъ, то тогда извольте оное тихохонько вымолвить». Всѣ тогда начали мы совѣщаться, чтò бы такое сказать. И какъ мы тогда поджидали къ себѣ еще одного товарища, котораго звали Никитою Ивановичемъ, то положили вымолвить сіе имя. И какъ онъ во время совсѣмъ для насъ непонятнаго читанія своей бумажки далъ намъ знакъ, то и выговорили мы сіе имя очень тихо и такъ, что за два шага отъ насъ не можно было оное никакъ слышать. И что же? Не успѣли мы оное вымолвить, какъ въ самый почти тотъ моментъ услышали мы въ той дальней комнатѣ небольшой стукъ. Онъ, вскочивъ, сказалъ намъ: «Ну, государи мои, побѣжимте же теперь помогать нашему товарищу, ему тамъ не хорошо». И тотчасъ вмѣстѣ съ нами побѣжалъ туда. И какъ бы вы думали, что мы тамъ увидѣли? Мы нашли сидѣвшаго тамъ лежащимъ уже на полу съ опрокинутымъ стуломъ, безгласнымъ и почти бездыханнымъ, и пѣна изо рта клубилась у онаго. Всѣ мы ахнули и испужались-было. Но незнакомецъ увѣрилъ, что это ничего, и онъ тотчасъ придетъ въ себя и опамятуется, чтò и воспослѣдовало дѣйствительно. И какъ мы всѣ на-прерывъ, другъ предъ другомъ, стали его спрашивать, чтò съ нимъ было, то сказалъ онъ: «Чево, братецъ, я все сидѣлъ спокойно и ничего не видалъ и не слышалъ, но вдругъ — ровно какъ бы вихрь какой устремился на меня и, грозно сказавъ: «Никита Ивановичъ», съ такимъ стремительствомъ ринулся мимо меня, что я стремглавъ полетѣлъ и съ стуломъ и самъ себя не вспомнилъ, и теперь полно, полно мнѣ спорить и не вѣрить».—«То-то, государь мой, подхватилъ нашъ незнакомецъ, и впередъ о томъ не спорьте, чего не знаете совершенно».

«Всѣхъ удивило и поразило сіе происшествіе, и, признаюсь, болѣе всѣхъ меня. Я очень любопытенъ былъ видѣть и пристальнѣе разсмотрѣть помянутую читанную имъ бумажку, и потому, по возвращеніи въ нашу комнату, просилъ я его показать мнѣ ее. Онъ охотно на то согласился, и я нашолъ такія на ней изображенія и крючки, и закорючки, какихъ я никогда еще до того не видывалъ, и потому ему сказалъ: «Куда-бъ вы меня одолжили, еслибъ дозволили мнѣ ее списать для себя». Онъ, услышавъ сіе, захохоталъ и мнѣ сказалъ: «да на что вамъ это, вы не можете ее ни прочесть и ничего по ней сдѣлать!» — «Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ я, а мнѣ хотѣлось бы изъ одного любопытства имѣть съ нея копію».— «О, пожалуй, пожалуй, сказалъ онъ, ежели вы списать ее можете». — «О, это мое уже дѣло», подхватилъ я. И умѣя рисовать, тотчасъ и срисовалъ наиточнѣйшую перомъ копію, чѣмъ тогда все наше происшествіе и кончилось.

«Но теперь послушайте, продолжалъ г. Карповъ, что послѣдовало и случилось далѣе. Бумажка сія осталась дѣйствительно у меня, хотя безъ всякаго употребленія, но для любопытства спряталъ ее въ мою шкатулку. Потомъ случилось чрезъ годъ послѣ того мнѣ проѣзжать чрезъ Звенигородъ и зайтить въ тамошній главный монастырь св. Саввы для слушанія обѣдни. Тутъ, послѣ обѣдни, зазвалъ меня настоятель сего монастыря къ себѣ въ келью на водку. И какъ онъ былъ у меня любопытный человѣкъ, то вступили мы съ нимъ о разныхъ матеріяхъ въ разговоры, и какимъ-то образомъ дошла у насъ съ нимъ рѣчь о магіи. Тогда разсказалъ я ему случившееся со мною помянутое происшествіе. Старецъ слушалъ всю мою повѣсть съ особливымъ вниманіемъ и, по окончаніи оной, мнѣ сказалъ: «Ну, да-бъ я любопытенъ былъ видѣть сію бумаж-

ку». Тутъ вспомнилъ я, что была она со мною, и потому тотчасъ ему сказалъ: «ежели вамъ угодно, то это можно, и она со мною; только жаль, что она въ шкатулкѣ на квартерѣ».—«О, нельзя ли, подхватилъ онъ, сдѣлать милость и послать за нею». — «Очень хорошо», сказалъ я, и тотчасъ послалъ слугу и велѣлъ принесть къ себѣ шкатулку и, доставъ ее, ему ее вручилъ. Настоятель разсматривалъ ее съ особеннымъ любопытствомъ и удивленіемъ и наконецъ мнѣ сказалъ: «теперь хочу я васъ просить, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе и у меня, у старца, въ келіи чѣмъ Богъ послалъ, отобѣдали, а послѣ обѣда хотѣлось бы мнѣ васъ сводить въ одно мѣсто и можетъ быть подамъ вамъ поводъ къ новому удивленію». — «Очень хорошо», отвѣчалъ я, и съ удовольствіемъ остался у него обѣдать, а послѣ обѣда и повелъ онъ меня, мой судырь, на тамошнюю главную и высокую колокольню, взявъ съ собою и мою бумажку, и взведя на самый верхъ оной, гдѣ висѣли колокола, указалъ мнѣ одинъ превеликій и сказалъ: «извольте-ка посмотрѣть на сіи фигуры и крючки и закорючки, вылитые на краю сего колокола; мнѣ кажется они очень похожи на изображенныхъ на вашей бумажкѣ». Съ превеликимъ любопытствомъ началъ я оныя литеры разсматривать, и дѣйствительно я удивился чрезвычайно, нашедъ ихъ очень сходными съ тѣми. И тогда настоятель сказалъ: «вотъ, судырь, какъ стараются всѣ знающіе это дѣло увѣковѣчить таковыя изображенія; безъ всякаго сомнѣнія, мастеръ, который въ древнія времена лилъ сей островъ (sic), зналъ сію науку, и дабы не могла она истребиться, то вылилъ ихъ (т.-е. знаки) на семъ колоколѣ въ пользу потомковъ; однако, ни настоятель, ни я не могли далѣе ничего о семъ узнать, и теперь подивитесь и вы сему, государь мой».

«Симъ кончился тогда у насъ сей разговоръ о семъ предметѣ. Послѣ же нашолъ я и въ географическомъ нашемъ лексиконѣ подтвержденіе симъ его словамъ и упоминаніе, что тутъ на колокольнѣ есть такія письмены, которыя никто и никакъ не могъ еще по сіе время прочитать и узнать, что̀ значила сія подпись».

Вечеръ же сего дня провели мы вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ и многими другими и ужинали у г. Болтина, Петра Александровича, бывшаго также сродни намѣстнику и въ честь ему сдѣлавшаго у себя въ сей день вечеринку.

Въ наступившій послѣ сего день далъ у себя пиръ тамошній губернаторъ Петръ Степановичъ Протасовъ, куда и мы также всѣ приглашены были. Итакъ, проводивши утро опять у намѣстника, поѣхали мы всѣ къ губернатору обѣдать, гдѣ также было превеликое собраніе и всѣ наилучшіе люди. Послѣ обѣда заѣзжали мы опять къ намѣстнику, И какъ оный въ самый сей день ввечеру собирался отправиться въ Петербургъ, то имѣли мы съ нимъ о многомъ, относящемся до нашихъ волостей, разговоръ. По наступленіи-жъ вечера ѣздили съ нимъ вмѣстѣ въ тамошній театръ, на который день представляли «Евгенію» и оперу «Бочаръ». И я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на обѣ сіи піесы, представляемыя довольно хорошо, и имѣлъ при семъ случаѣ видѣть тамошній театръ, который былъ ни чѣмъ не лучше, а еще и похуже нашего Тульскаго. Изъ него же проѣхали на ужинъ и вечеринку къ вице-губернатору г. Арсеньеву, гдѣ были также танцы, а потому и сей день былъ для насъ довольно веселъ. Но симъ и окончились всѣ тогдашнія калужскія пиршества.

Какъ намѣстникъ дѣйствительно въ туже ночь отправился въ Петербургъ, то, распрощавшись съ нимъ, не стали и мы долѣе въ Калугѣ медлить. Но позавтракавъ, на другой день отправился назадъ въ Тулу и другою уже дорогою. На семъ пути съѣхались мы съ другими нашими тульскими, ѣхавшими также обратно, съ которыми вмѣстѣ въ селѣ Макаровѣ мы ужинали. И у господъ нашихъ спутниковъ была тутъ изрядная попойка. Однако мы тутъ не ночевали, а доѣхали

уже ночью до Лихвина, а въ слѣдующій день поспѣли къ обѣду и въ Тулу, гдѣ я и ночевалъ въ домѣ у нашего г-на Давыдова, а наутріе, къ вечеру, возвратился къ своимъ въ Богородицкъ.

Тутъ нашолъ я всѣхъ своихъ родныхъ въ превеликихъ хлопотахъ и суматохѣ, ибо въ отсутствіе мое произошло у нихъ печальное происшествіе: за день до моего пріѣзда скончался жившій у насъ мой племянникъ Василій Михайловичъ, старшій сынъ брата Михаила Матвѣевича. Промыслу Господню не угодно было, чтобъ онъ былъ въ числѣ живущихъ на землѣ и играющихъ разныя роли людей, и смерть похитила его у насъ въ самыхъ еще отроческихъ лѣтахъ. Онъ былъ мальчикъ нарочитаго уже возраста, и мы, по тихому и кроткому его характеру, любили его чистосердечно, и я всячески старался о его воспитаніи и обученіи кой-какимъ наукамъ и льстился надеждою, что изъ него выйдетъ человѣкъ, ибо онъ былъ довольно понятенъ и переимчивъ. Но какъ съ самого рожденія своего былъ онъ очень слабаго сложенія и нездоровъ, то, худѣя часъ-отъ-часу, ровно какъ отъ чахотки, погасъ наконецъ какъ свѣчка, и мы сердечно объ немъ сожалѣли и пролили не одну каплю слезъ при его погребеніи.

Я нашолъ его уже въ церкви. И какъ къ сему времени прискакалъ къ намъ и отецъ его, — то на другой день и предали мы его землѣ и погребли при гошпитальной церкви на островѣ, гдѣ и почіетъ прахъ его и понынѣ, вмѣстѣ съ малюткою моею дочерью Ворварою.

Отправивши сію печальную процессію чуть-было я самъ не занемогъ отъ простуды, но обязанъ былъ много и въ сей разъ своему простудному декохту. Впрочемъ, какъ была у насъ въ сіе время уже глубочайшая осень и всѣ надворныя работы уже кончились, то засѣлъ я опять въ кабинетъ для занятія себя письмомъ и разными другими упражненіями. Изданію моего «Экономическаго Магазина» оканчивался тогда уже пятый годъ и печаталась 20-я часть. И какъ г. Новиковъ не только не отказывался отъ дальнѣйшаго продолженія издаванія онаго, но о томъ меня еще упрашивалъ, то, имѣя и самъ къ тому охоту, наиглавнѣйше старался я тогда о запасеніи въ сіе глубокое осеннее и первое зимнее время колико можно болѣе матеріала для изданія въ предбудущій годъ. И какъ дѣло сіе чѣмъ далѣе продолжалось, тѣмъ по привычкѣ становилось мнѣ и легче, то и успѣлъ въ оба послѣдніе мѣсяцы сего года написать такое множество матеріи, что оной могло достаточно быть почти на цѣлые полгода.

Въ сихъ сочиненіяхъ препроводилъ я все достальное время скучнаго ноября и первую половину декабря мѣсяца. Но между тѣмъ не рѣдко занимался и рисованьемъ и разными выдумками, до сего искусства относящимися. Большая часть тѣхъ разныхъ и особыхъ работъ и картинокъ, которыя и понынѣ еще украшаютъ собою мои стѣны, а особливо рисованныя по золоту и серебру, или переведенныя на стеклы, были изобрѣтеніями и произведеніями сего времени, и мы оба, съ сыномъ, занимались симъ пріятнымъ упражненіемъ по нѣсколько иногда дней и часовъ сряду. Впрочемъ, сынъ мой продолжалъ по-прежнему учиться у своего учителя съ успѣхомъ. И дабы ему не было нужды ѣздить всякій день два раза домой, то, вмѣстѣ съ господами Толбузиными, и жилъ онъ у учителя на островкѣ и былъ на полномъ пансіонѣ, а къ намъ пріѣзжалъ только по воскресеньямъ и въ другіе праздничные дни.

Между тѣмъ не упускалъ я ничего, что надлежало производить мнѣ по дѣламъ, относящимся до волостнаго правленія. И по желанію намѣстника, объѣздивъ всѣ деревни, набралъ я и мальчиковъ крестьянскихъ для составленія изъ нихъ волостнаго училища. И какъ ко мнѣ присланъ былъ и учитель для обученія ихъ грамотѣ по нововводимой тогда методѣ, — то училище сіе мы положили помѣстить до того времени, покуда построются оба новые подлѣ церкви корпуса, въ нижнихъ покояхъ одного

дворцоваго флигеля. При установленіи сего новаго и необыкновеннаго заведенія, собственное намѣреніе нашего намѣстника состояло въ томъ, чтобъ мальчиковъ сихъ, выучивъ грамотѣ, обучать потомъ музыкѣ и сдѣлать изъ нихъ людей, годныхъ къ служенію въ разныхъ должностяхъ при волости, а если они впослѣдствіи времени отдадутся г. Бобринскому, то и при немъ въ домѣ. Что впослѣдствіи времени отчасти и совершилось, и всѣ они, кромѣ очень немногихъ, сдѣлались счастливыми, такъ что иные изъ нихъ имѣютъ нынѣ большіе у себя капиталы, и за все свое счастіе обязаны мнѣ и тогдашнему моему ихъ выбору и назначенію, хотя они всѣ, равно какъ отцы ихъ, сначала крайне были тѣмъ недовольны и пролито объ нихъ множество слезъ. Итакъ, занимался я много и симъ дѣломъ и частымъ посѣщеніемъ вновь основаннаго училища, и тѣмъ паче, что присланнымъ для обученія ихъ учителемъ былъ я не весьма доволенъ. Былъ онъ малой еще совсѣмъ молодой, происходившій изъ рода церковниковъ и характера совсѣмъ распутнаго и негоднаго, такъ что надлежало за поведеніемъ его имѣть бдительное око и удерживать его отъ многихъ шалостей, которымъ онъ до того былъ преданъ, что наконецъ не было почти силъ и возможности къ удерживанію его отъ оныхъ.

Впрочемъ, не оставляли мы и осеннихъ своихъ увеселеній. И хотя такихъ домовъ было не много, съ которыми могли-бъ мы чередоваться съѣздами, визитами и вечеринками, однако мы довольствовались и тѣми, которые были, и нерѣдко съѣзжались вмѣстѣ, провождали вечера въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ. Временемъ же, по прежнему обыкновенію, ѣзжали кое-куда по-гостямъ къ пріятелямъ нашимъ, живущимъ въ деревняхъ, и угощали у себя пріѣзжающихъ къ намъ, либо нарочно, либо при проѣздѣ чрезъ Богородицкъ и заѣзжающихъ къ намъ, и иногда дня по два и болѣе у насъ гостившихъ. И таковые заѣзды бывали къ намъ довольно часто. А нерѣдко общество и бесѣды наши увеличивали и пріѣзжающіе къ лѣкарю нашему со всѣхъ сторонъ лѣчиться, живавшіе иногда цѣлыми фамиліями по нѣскольку времени у насъ въ селѣ или въ городѣ и сводившіе съ нами дружбу и знакомство.

Симъ образомъ провели мы почти не чувствительно всю нашу скучную осень. Началось зимнее время. Около половины же декабря получилъ я отъ командира моего г. Давыдова опять зазывную грамоту о пріѣздѣ къ нему въ Тулу; ибо какъ онъ, по намѣренію своему, собирался тогда отправляться въ Петербургъ, то нужно было ему со мною повидаться и запастись нѣкоторыми по волостнымъ дѣламъ бумагами. Итакъ, я 18-го числа декабря къ нему въ Тулу и поѣхалъ, гдѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованъ былъ опять оказаннымъ мнѣ отъ намѣстника новымъ благодѣяніемъ.

Онъ, находясь въ сіе время въ Петербургѣ, не позабылъ тамъ и обо мнѣ и испросилъ у императрицы нарочитую прибавку къ прежнему моему жалованью и прислалъ о томъ къ намъ свое повелѣніе. Сія бумага, которою повелѣно мнѣ было получать уже вмѣсто прежнихъ 600 по 750 рублей жалованья, получена была на другой день пріѣзда моего въ Тулу, и натурально произвела мнѣ превеликое удовольствіе, ибо, по тогдашнему времени, прибавочные 150 рублей столько были велики, какъ бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ 500 рублей. И я чувствовалъ къ намѣстнику за то великую благодарность. Проводивъ 20-го числа командира моего въ путь, возвратился въ тотъ же день я опять къ своимъ въ Богородицкъ.

Легко можно заключить, что неожидаемымъ происшествіемъ симъ не мало обрадованы были и всѣ мои домашніе, а сіе и причиною было, что мы какъ праздникъ Рождества Христова, такъ и всѣ послѣдніе дни сего года, а первые нашихъ святокъ, провели въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ нашими городскими друзьями и знакомцами отмѣнно весело.

Симъ образомъ кончился тогдашній

1784 годъ, сдѣлавшійся мнѣ множествомъ пріятныхъ происшествій довольно достопамятнымъ. Весь оный, по особливой ко мнѣ благости Господней, препроводилъ я со всѣмъ моимъ семействомъ благополучно и ничего почти злого не воспослѣдовало. Всемогущая десница Господня защитила насъ отъ всѣхъ несчастій, а напротивъ того осыпала многими милостями и благодѣяніями.

Что касается до состоянія, въ какомъ находилось при концѣ сего года все мое семейство, то замѣчательно, что теща моя, которую продолжалъ я и тогда столько же любить и почитать какъ родную свою мать, была въ обыкновенномъ своемъ слабомъ здоровьи, но которое, какъ казалось, было предъ прежнимъ довольно лучше. Что приписывалъ я употребленію оною драгоцѣннаго шалфейнаго бальзама, который случилось мнѣ въ теченіе весны сего года изъ цвѣточныхъ распуколокъ сего крайне врачебнаго и полезнаго произрастенія сдѣлать, котораго нарочно для сего еще въ предслѣдовавшій годъ насажено было у меня поболѣе. И какъ въ сію весну было на немъ превеликое множество цвѣтовъ, то, обрывая нерасцвѣтшія еще распуколки цвѣточныя, настаивалъ я ихъ въ простомъ хлѣбномъ винѣ и получилъ чрезъ то тинктуру или настойку, о которой иностранные писатели утверждали, что въ состояніи она даже продлить самую жизнь человѣка. Но что, по крайней мѣрѣ, мы тогда заприметили, что ежедневное принимание сей тинктуры по небольшому количеству въ водкѣ, подкрѣпили очень много ея силы и здоровье.

Что касается до меня, то я хотя въ сей годъ и очень много трудился, но не зналъ почти усталости и, благодаря Бога, во все теченіе онаго былъ здоровъ. И хотя нѣсколько разъ и простуживался, но вылѣчивался опять столько же скоро своимъ неоцѣненнымъ простуднымъ декоктомъ. Наконецъ, перестала болѣть у меня и моя вывихнутая нога, все до того времени меня безпокоившая. Словомъ, я во весь сей годъ находился въ вожделѣнномъ здоровьѣ.

Напротивъ того, жена моя во весь сей годъ подвержена была многимъ, хотя неважнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, а особливо простудѣ, которая, подъ исходъ года, была ей въ особливости тягостна, такъ что она оттого очень похудѣла. Причиною тому была наиболѣе истерическая болѣзнь, невоздержаніе въ пищахъ (sic) и неосторожность при выѣздахъ, а паче всего—суетливый и заботливый ея нравъ и душевное безпокойство, всегдашнему ипохондрическому ея сложенію ей свойственное. Однако, и она никогда не была больна слеглою болѣзнью.

Что касается до дѣтей моихъ, то большая дочь моя Елизавета достигла уже около сего времени до совершеннаго возраста и расцвѣла какъ роза, въ полномъ своемъ блескѣ и красотѣ. Она была здорова, весела и такъ хороша, что всѣ (и мы, и посторонніе) не могли ею довольно налюбоваться. Какъ время уже было помышлять о ея замужествѣ, но воли Господней еще на то не было, и жениховъ, сообразныхъ съ желаніями нашими, еще не отыскивалось.

Сынъ мой Павелъ часъ-отъ-часу росъ и развертывался болѣе. Онъ прибавился гораздо уже ростомъ и становился часъ-отъ-часу умнѣе. Онъ упражнялся безпрестанно въ наукахъ и въ работахъ разныхъ и началъ уже въ исходѣ сего года помогать мнѣ въ переводахъ для моего «Экономическаго Магазина». Въ рисованіяхъ и въ другихъ любопытныхъ работахъ былъ онъ уже мнѣ добрымъ помощникомъ и мало-по-малу начиналъ уже и самъ выдумывать кое-что. Нравъ и весь характеръ его выливался также наипрекраснѣйшимъ. Словомъ, я имѣлъ тысячу причинъ имъ веселиться и благодарить Бога за сей ниспосланный мнѣ великій даръ, ибо надежда моя объ немъ часъ-отъ-часу увеличивалась болѣе.

Вторая дочь моя, Настасья, поднялась также около сего времени на ноги и сдѣлалась уже почти полуневѣстою.

По тихому и прекрасному ея нраву, а также по способности ко всему, была она всѣми нами любима. Въ сей годъ была она нѣсколько больна, но помогли ей слабительныя. И какъ она оправилась, и она у насъ и писала и училась, у меня, а болѣе у брата, съ которымъ была у нея особливая дружба, рисовать. Что-жъ касается до Елизаветы, то сія рисовала уже нарочито хорошо и всякими красками.

Третья дочь моя, Ольга, была еще почти ребёнкомъ, но не худымъ, подавала также о себѣ хорошую надежду. Она продолжала еще учиться писать и росла очень суха; наконецъ, оказалось, что причиною тому были глисты.

Наконецъ, меньшая моя дочь, Катерина, также росла и была въ сей годъ игрушкою и утѣхою всему нашему дому и всѣмъ пріѣзжающимъ къ намъ, и всѣми была очень любима. Словомъ, была милымъ и любезнымъ ребёнкомъ, и мы ласкались надеждою, что и она будетъ имѣть хорошія свойства

Что касается до моихъ трудовъ, то объ нихъ упоминалъ я уже выше, теперь только замѣчу, что никогда еще такъ много не трудился и такъ много дѣятеленъ не былъ, какъ въ теченіе сего года, который вкупѣ достопамятенъ былъ и многими моими выдумками, относящимися какъ до садовъ, такъ и до рисованья. Множество существующихъ еще и понынѣ моихъ картинъ служатъ памятниками сего года.

Симъ и окончу я теперь исторію сего года и, сказавъ, что дальнѣйшее описаніе жизни моей найдете вы въ послѣдующихъ письмахъ, остаюсь вашъ, и прочее.

(Февраля 15-го дня 1810 года).

Конецъ двадцать первой части.

(Начата генваря 17-го, окончена февраля 15-го 1810 года, слѣдовательно сочинена меньше, нежели въ мѣсяцъ).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА
ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXI.

1771—1784.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности о третичной моей ѣздѣ въ шадскую деревню и о бывшемъ тамъ первомъ межеваньѣ.

1773 — 1774.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

Исторія моего пребыванія въ Кіясовкѣ.

1774—1775.

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Кіясовкѣ, а потомъ первоначальнаго въ Богородицкѣ.

1775—1777.

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1777—1780.

Занятія мои въ деревнѣ. — Лѣченіе

стр.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

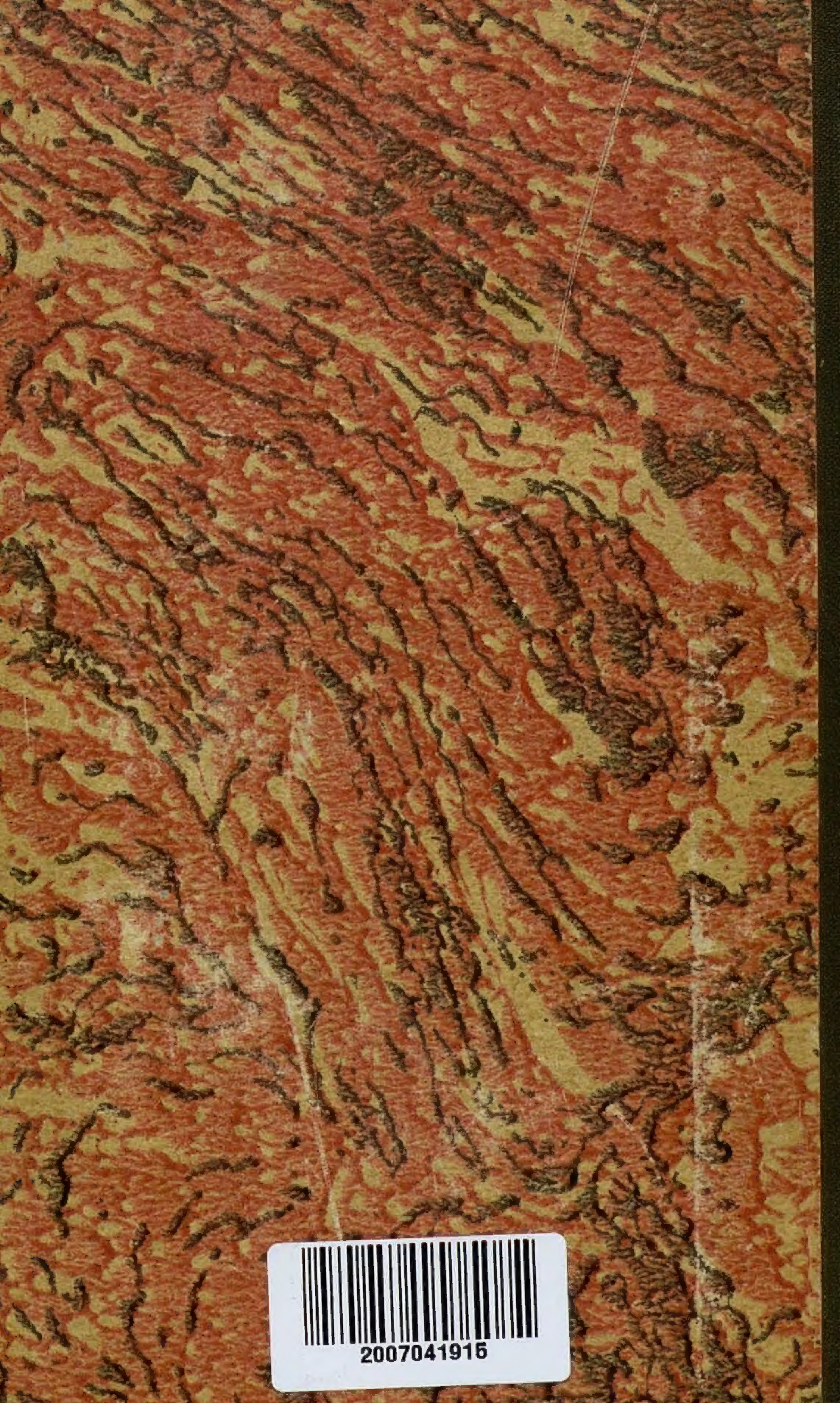
1780 — 1782.

стр.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

1782—1784.


2007041915